

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

СЕНТЯВРЬ

1872.

(ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ).

ЧАСТЬ CLXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1872.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Объ арабскомъ путешественникѣ X вѣка,
Абу-Долефѣ, и странствованіи его по
Средней Азіи

В. В. Григорьева.

О предполагаемомъ средствѣ грузинскаго
языка съ индо-европейскими и туран-
скими языками.

Ал. А. Цагарели.

Удѣльный князь Федоръ Юрьевичъ Фомин-
скій.

Н. А. Астрова.

Просьба жителей западной Малороссіи о при-
нятіи въ русское подданство 1773 года

М. О. Кояловича.

Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ сред-
неазіатскимъ

В. П. Васильева.

Бритическіи и библіографическіи замѣтки:

Новыя изданія по вопросу о началѣ Семилѣтней войны. А. Г. Брикнера.

Очеркъ устройства австрійскихъ гимназій Л. П. Малиновскаго.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(См. на 3-й стр. обѣртки)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая д. № 49—2).

1872.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШЯ ПОВЕЛЕНІЯ.

1. (10-го іюня 1872 года). *Объ учреждении стипендіи при Симбирской гимназії.*

Нѣкоторые почетные жители г. Симбирска, сочувствуяще дѣлу народного образованія, въ особенности сочутвенно относясь къ Симбирской гимназіи, составили подпиську для сбора суммы на составленіе при Симбирской гимпазії стипендіи имени директора училища Симбирской губерніи, дѣйствительного статского совѣтника Вишневскаго. По подпискѣ этой собрана сумма въ 410 руб., каковая вручена Вишневскому вмѣстѣ съ подписькой, а симъ послѣднимъ внесена въ Государственный Банкъ на храненіе, впредь до особыго распоряженія.

Велѣствіе донесенія объ этомъ начальства Казанского учебнаго округа и по всеподданійшему докладу министра народного просвѣщенія, Его Императорское Велічество Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на учрежденіе при Симбирской гимназіи, на проценты съ собраннаго по подпискѣ нѣкоторыми почетными жителями г. Симбирска капитала въ 410 руб., стипендіи, съ найменованіемъ окой: «стипендія дѣйствительного статского совѣтника Вишневскаго», такъ и на предоставлениe министерству народного просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

2. (10-го іюня 1872 года). *Объ учреждениі стипендіи въ Орловской гимназії.*

Орловская горо́дская дума вошла въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ чрезъ начальника Орловской губерніи объ учрежденіи, на счетъ процентовъ съ собранной по подпискѣ иѣкоторыхъ гражданъ суммы 1000 руб., стипендія при Орловской гимназії, съ наименованиемъ этой стипендіи, въ честь бывшаго директора Орловскаго общественнаго банка, купца Митина, «Митинскою».

Вследствіе отношенія объ этомъ, министра внутреннихъ дѣлъ и по всеподданнѣйшему докладу министра народного просвѣщенія, Его Императорское Величество Всемилостивѣйше, соизволилъ, какъ на учрежденіе въ Орловской гимназії стипендіи, съ наименованіемъ оной, въ честь бывшаго директора Орловскаго общественнаго банка, купца Митина, «Митинскою», такъ и на представление министерству народного просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

3. (10-го іюня 1872 года). *Объ учреждениі стипендіи въ Новгородской Николаевской женской гимназії.*

По случаю Всемилостивѣйшаго пожалованія начальнику Новгородской губерніи Лерхе чина тайного советника, многіе члены Новгородскаго общества выразили желаніе озnamеновать Монаршу Его Императорскаго Величества милость къ Лерхѣ учрежденіемъ стипендіи имени тайного советника Эдуарда Васильевича Лерхе въ Новгородской Николаевской женской гимназіи, на проценты съ собранной для сего суммы 385 руб., внесенной уже въ Новгородскій городской общественный банкъ на вѣчное время, и съ предоставлениемъ самому Лерхѣ права выбора стипендіатки его имени.

На учрежденіе означенной стипендіи и на предоставление министерству народного просвѣщенія права утвердить положеніе объ этой стипендіи Государь Императоръ, по всеподданнѣй-

нему министра народного просвещения докладу, Высочайше соизволилъ.

4. (10-го июня 1872 года). Объ учреждении стипендіи при Императорскихъ Казанскихъ гимназіи и университете.

Вольское городское общество въ день открытия въ "Вольскѣ", 9-го марта сего года, на основаніи Высочайше утвержденнаго 16-го июня 1870 года городового положенія городской думы, предположило учредить въ Императорскихъ Казанскихъ: гимназіи и университетѣ стипендію имени Саратовскаго губернатора, дѣйствительного статского советника Галкина-Брасскаго, на счетъ процентовъ съ капитала въ 4.000 рѣб., собраннаго по подпискѣ, который долженъ быть внесенъ въ Вольской городской общественный банкъ. Избраніе стипендіата жертвователя предоставляетъ пожизненно дѣйствительному статскому советнику Галкину-Брасскому, а затѣмъ право это должно принадлежать Вольской городской управѣ, по указанію совѣта городскихъ училищъ, на способнѣйшихъ учениковъ.

Всѣдѣствіе отношенія о семъ министра внутреннихъ дѣлъ и по всеподданнѣйшему министромъ народного просвещенія докладу, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ какъ на учрежденіе при Императорскихъ Казанскихъ: гимназіи и университетѣ стипендіи на счетъ процентовъ съ поминутаро капитала, съ наименованіемъ оной стипендіей Саратовскаго губернатора и почетнаго гражданина г. Вольска Михаила Николаевича Галкина-Брасскаго, такъ и на предоставление министерству народного просвещенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

5. (10-го июня 1872 года). Объ учреждении стипендіи въ Херсонской гимназіи и въ Императорскомъ Новороссийскомъ университете.

Херсонское губернское земское собраніе, желая выразить бывшему Херсонскому губернатору, генералъ-майору Старынкевичу, благодарность за сочувствіе и содѣйствіе, которыя онъ оказывалъ

земству по всѣмъ дѣламъ его, постановило, въ воспоминаніе о трехлѣтнемъ управлѣніи его губерніей, учредить, на счетъ Херсонскаго земства, постоянную стипендию его имени въ Херсонской гимназіи и затѣмъ въ Императорскомъ Новороссійскомъ университѣтѣ для одного учащагося изъ дѣтей недостаточныхъ жителей Херсонской губерніи. Выборъ воспитанника земство просить предоставить генералъ-майору Старынкевичу, а въ случаѣ отказа его отъ указанія на какое-либо лицо, равно по смерти Старынкевича, губернской земской управѣ — изъ среды лучшихъ учениковъ сельскихъ школъ Херсонской губерніи.

Всѣдѣствіе вышеизложеннаго ходатайства Херсонскаго губернскаго земскаго собранія, сообщеннаго министру народнаго просвѣщенія, Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на учрежденіе въ Херсонской гимназіи и затѣмъ въ Императорскомъ Новороссійскомъ университѣтѣ стипендиі на счетъ суммъ Херсонскаго земства, съ наименованіемъ оной: «стипендиі генералъ-майора Сократа Ивановича Старынкевича», такъ и на предоставление министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендиі.

6. (10-го іюня 1872 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Нижегородской Маріинской женской гимназіи.*

Московскій 1-й гильдіи купецъ Алексѣй Николаевичъ Дьячковъ, желая ознаменовать дѣломъ благотворительности день посвященія Нижнаго Новгорода, 25-го августа 1871 года, Его Императорскими Величествами и Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Насѣльникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, пожертвовалъ два пятипроцентные билста государственного банка, по пятисотъ руб. каждый, для учрежденія изъ процентовъ съ этого капитала стипендіи его имени въ Нижегородской Маріинской женской гимназіи. Выборъ стипендиатки изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи жертво-

вателъ предоставляетъ попечительному совѣту этого заведенія, съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ стипендіального капитала удерживаема была положенная за обученіе стипендіатки въ гимназіи плата, а остальные деньги вносимы были въ сберегательную кассу, для выдачи оныхъ стипендіаткѣ при выходѣ ея изъ гимназіи.

По всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, основанному на представлениі начальства Казанскаго учебнаго округа, Государь Императоръ, Высочайше соизволилъ на припятіе жертвованаго Московскими 1-й гильдіи купцомъ Дьячковымъ капитала для учрежденія изъ процентовъ съ онаго стипендіи имени Дьячкова въ Нижегородской Маринской женской гимназіи, а также на предоставление министерству народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи, на изъясненіяхъ жертвователемъ основаніяхъ. Съ тѣмъ вѣстѣ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть благодарить купца Дьячкова за это пожертвованіе.

7. (27-го июня 1872 года). Объ учрежденіи учительской семинарии въ г. Поневежѣ, Ковенской губерніи.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи учительской семинаріи въ городѣ Поневежѣ, Ковенской губерніи, мнѣнiemъ положилъ: представленіе сіе утвердить, и вслѣдствіе того:

1) Открыть, съ начала 18^{72/73} учебнаго года, въ городѣ Поневежѣ (Ковенской губерніи) учительскую семинарію, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія примѣнить къ сему учебному заведенію Высочайше утвержденные 17-го марта 1870 года положеніе и штатъ Молодечно-Минской учительской семинаріи, на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ предоставлено ему, министру, Высочайше утвержденнымъ 18-го января 1872 года мнѣніемъ

государственного совета, по отношению къ учительской семинарии въ городе Полоцкѣ.

2) Потребный на содержаніе Поневѣжской учительской семинарии расходъ, въ количествѣ *дев'ятнадцати тысяч семисотъ десяти* руб. вносить, начиная съ 1873 года, въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ сметъ министерства народного просвѣщенія, съ присоединеніемъ къ суммамъ, ассигнуемыхъ на содержаніе учительскихъ семинарій.

3) Поневѣжское двухклассное уѣздное училище упразднить, а тамошнее приходское училище обратить въ начальное при семинарии училище.

4) Изъ ассигнуемыхъ по сметамъ министерства народного просвѣщенія кредитовъ исключить, начиная съ 1873 года, слѣдующія суммы: а) 40 руб. изъ статьи на вывозъ воспитанниковъ изъ православныхъ семинарій внутреннихъ губерній на должности народныхъ учителей въ сѣверозападныхъ губерніяхъ; б) 2.395 руб. изъ статьи на содержаніе Поневѣжского уѣзданого училища; в) 356 руб. изъ статьи на содержаніе Поневѣжского приходскаго училища; г) 1.365 руб. изъ статьи на устройство и содержаніе народныхъ училищъ и приготовленіе учителей для нихъ, и д) 2.550 руб. изъ статьи на устройство школъ для взрослыхъ и на снабженіе училищъ книгами и другими, пособіями; а всего исключить изъ сметъ *шесть тысяч семьсотъ шесть* руб., въ пополненіе имѣющихся быть вносимыми, какъ выше значится, въ подлежащія подраздѣленія сметъ 12.710 руб. на содержаніе Поневѣжской учительской семинарии; при чемъ недостающіе *шесть тысяч четыре* руб. принять новымъ расходомъ на счетъ государственного казначейства.

и 5) Для покрытия въ текущемъ году потребныхъ на содержаніе Поневѣжской учительской семинарии расходовъ, по разчету съ 1-го июля сего года, употребить соотвѣтствующую переносимъ кредитамъ часть изъ вышеуказанныхъ статей сметы министерства народного просвѣщенія на 1872 годъ, а недостающую сумму, въ половинномъ размѣрѣ, именно 3.002 руб. ассигновать

въ отпуску изъ государственного казначейства дополнительнымъ кредитомъ къ ст. 3 § 12 удовлетворить сметы, на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ сметъ.

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить и повелѣть исполнить изложенное мнѣніе государственного совета.

8. (10-го іюля 1872 года). Объ учрежденіи стипендіи въ одной изъ гимназій вѣдомства министерства народного просвѣщенія.

Калузинское уѣздное земское собраніе, въ знакъ полной признательности предсѣдателю земскаго собранія и управы доктору Неронову за постоянную и полезную деятельность съ самого открытия земскихъ учрежденій, постановило учредить стипендию, съ наименованіемъ онай «стипендія полковника Петра Владимировича Неронова», на образование которой и назначено въ запаснаго капитала 4.000 руб. Въбъорь гимназіи, въ которой долженъ воспитываться стипендиантъ, равно и на содержаніе его предоставляемся Неронову, а до смерти его земскому собранію.

Вследствіе отподченія объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ и по всеподданійшему докладу управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія, послѣдовало Высочайше Его Императорскаго Величества соизволеніе, какъ на учрежденіе стипендиі на счетъ процентовъ съ капитала въ 4.000 руб., отчисленныхъ Калузинскимъ земствомъ, въ одной изъ гимназій вѣдомства министерства народного просвѣщенія, съ наименованіемъ онай «стипендія полковника Петра Владимировича Неронова», такъ и на предоставление министерству народного просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендиі.

9. (10-го іюля 1862 года). Объ учрежденіи стипендіи при университете св. Владимира.

Начальство Кіевскаго учебнаго округа донесло управляющему министерствомъ народного просвѣщенія, что общее собраніе Кіев-

скаго городского общества взаимного кредита, призывая пользу, принесенную интересамъ г. Киева учреждениемъ этого общества, и принимая во внимание, что оно самымъ учреждениемъ своимъ и усугбившимъ ходомъ дѣлъ обязано инициативѣ бывшаго управляемаго симъ обществомъ, действительного статского советника Бунге, который безвозмездно посвящалъ ему труды свои, и подъ руководствомъ котораго общество получило первоначальное устройство и достигло процветанія, отчислило изъ своихъ прибылей 6.180 рублей и опредѣлило ходатайствовать объ учрежденіи въ университѣтѣ св. Владимира стипендиї имени Бунге, съ предложеніемъ ему назначать стипендіатовъ.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему управляемаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе жертвующаго Киевскимъ городскимъ обществомъ взаимного кредита капитала въ шесть тысячъ сто восемьдесятъ рублей серебромъ, такъ и на учрежденіе изъ процентовъ снаго при университетѣ св. Владимира одной стипендиї, съ наименованіемъ оной «стипендию Николая Христіановича Бунге», съ тѣмъ 1) чтобы замѣщение оной дѣжалось съ разрѣшенія совѣта университета по переданному оному Бунге праву, и 2) чтобы стипендіаты подчинялись общимъ правиламъ, установленнымъ для частныхъ стипендіатовъ вынужденаго университета.

10. (10-го іюля 1872 года). О присвоеніи Дому Воспитанія наименованія «гимназія Императорскаго человѣколюбиваго общества».

Высочайше утвержденнымъ 7-го іюня сего года мнѣніемъ государственного совѣта повелѣно подвѣдомственный Императорскому человѣколюбивому обществу домъ воспитанія подчинить въ учебно-воспитательномъ отношеніи дѣйствію Высочайше утвержденного 30-го іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій, распространить на домъ воспитанія всѣ правила означенаго устава по сему предмету.

Въ виду такого подчиненія дома воспитанія общему гимнази-
ческому уставу, министръ народнаго просвѣщенія призналъ съ
своей стороны справедливымъ присвоить названному заведенію
наименованіе «гимназія Императорскаго человѣколюбиваго обще-
ства».

Вслѣдствіе сего и по предварительномъ сношеніи съ главнымъ
попечителемъ Императорскаго человѣколюбиваго общества, высо-
коопреосвященнымъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петер-
бургскимъ, управляющей министерствомъ народнаго просвѣщенія
всеподданѣйшѣ докладывалъ объ этомъ Государю Импера-
тору и Его Императорскому Величеству благоугодно
было Высочайше соизволить на присвоеніе дому воспитанія
наименованія «гимназія Императорскаго человѣколюбиваго обще-
ства».

**11. (10-го июля 1872 года). О принятии отъ графини Муси-
ной-Пушкиной дополнительного взноса на содержание Нѣжин-
ского Лицей.**

Сестры покойнаго графа Григорія Александровича Кушелева-
Безбородко: графиня Любовь Александровна Мусина-Пушкина и
Варвара Александровна Кочубей, рожденныя графини Кушелевы-
Безбородко, въ качествѣ наследницъ послѣ покойнаго брата, предположили увеличить, назначенный въ 1805 году, прадѣдомъ
ихъ графомъ Илью Андреевичемъ Безбородко въ 15.000 руб.
асс. (4.285 руб. 71 коп. сер.) взносъ на содержаніе Нѣжинскаго
Лицей до 6.000 р. сер. въ годъ.

За отказомъ Варвары Александровны Кочубей отъ права на-
слѣдства, сестра ея графиня Мусина-Пушкина утверждена С.-Пе-
тербургскою судебною палатою единственою наследницей послѣ
покойнаго графа Кушелево-Безбородко и вслѣдствіе того всту-
пила во владѣніе всѣми имѣніями покойнаго брата и въ томъ
числѣ и находящимися въ Черниговской и Полтавской губер-
ніяхъ), которыми покойный прадѣдъ ихъ графъ Илья Андреевичъ

Безбородко обезпечилъ исправность ежегоднаго на содержаніе Нѣжинскаго лицея взноса 15.000 руб. асс.

Для приведенія вышеозначенаго предположенія въ исполненіе гофмейстеръ двора Его Величества графъ Мусинъ-Пушкинъ, по порученію жены своей, обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ испрошеніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія на принятие отъ имени жены его графини Любови Александровны Мусиной-Пушкиной дополнительнаго, къ 15.000 руб. асс. или 4.285 руб. 71 коп. сер. ежегоднаго взноса на содержаніе Нѣжинскаго лицея 1.714 руб. 29 коп., начиная съ 1-го июля 1871 года, съ обезщеченіемъ исправнаго, ежегоднаго взноса 6.000 руб. сертами же имѣніями, которыми обезпеченъ и первоначальный взносъ 15.000 руб. ассигнаціями.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему объ этомъ докладу управляемаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайши соизволилъ на принятие отъ графини Любови Александровны Мусиной-Пушкиной дополнительнаго въ пользу лицея взноса до одной тысячи семисотъ четырнадцати руб. двадцати девяти коп. сер. въ годъ, начиная, съ 1-го июля 1871 года; при чмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было цовелѣть благодарить графиню Любовь Александровну Мусину-Пушкину и Варвару Александровну Кочубей за означенное пожертвованіе, сдѣланное имъ по взаимному соглашенію.

11.

12. (10-го июля 1872 года). О наименованіи учреждѣнію супругомъ дѣйствительнаго статскаго советника Рихтера женскаго училища въ городѣ Самарѣ «Рихтеровскому».

Самарская городская дума вслѣдствіе засвидѣтельствованія городской управы и тамошняго уѣзднаго училищнаго совѣта о продолжительной, соединенной съ значительными пожертвованіями и вообще полезной дѣятельности супруги дѣйствительнаго статскаго советника Рихтеръ, по званію попечительницы 1-го, 3-го

и 4-го местныхъ женскихъ приходскихъ училищъ, обратилась съ ходатайствомъ о наименовании учрежденного г-жею Рихтеръ 4-го киевского училища по имени учредительницы.

Государь Императоръ, по всеподданнейшему о семъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвещенія Высочайше соизволилъ, на присвоеніе упомянутому выше училищу наименования «Рихтеровскаго».

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

1. (8-го июля 1872 года). Уставъ Кіевського общества естествознавцій.

(Утвержденъ г. управляющимъ министерствомъ, товарищемъ министра народнаго просвещенія.)

I. Цѣль и права общества.

§ 1. При Императорскомъ университете св. Владимира со-
стоить общество естествознавцій, имѣющее цѣль:

а) Изслѣдовать органическую и неорганическую природу въ
связи съ взаимными и нее вышанными условіями, преимущественно въ долинѣ Россіи, занимаемой губерніями Кіевскаго, учеб-
наго округа.

б) Способствовать развитию естественныхъ наукъ вообще, какъ чистыхъ, такъ и прикладныхъ.

в) Распространять естественно-историческія знанія въ Россіи.

§ 2. Для достижения предложенной цѣли общество имѣть
право:

а) Снаряжать экспедиціи и экскурсіи для научныхъ изслѣдований и сбиранія естественно-историческихъ предметовъ, не ограничива-
ясь при этомъ предѣлами Кіевскаго учебнаго округа. (см. § 30).

б) Учреждать собрания для научныхъ сообщеній.

в) Печатать свои труды въ видѣ отдельныхъ и періодическихъ изданій.

г) Открывать публичные лекции по программамъ, утверждаемымъ собраниемъ, съ разрешенія подлежащаго начальства въ установленномъ Высочайшимъ повелѣніемъ 25-го юня 1863 г. порядкѣ.

д) Выдавать пособія специалистамъ на предпринятія ими изслѣдованія, находящіяся въ прямой связи съ цѣлями общества и на изданіе ихъ сочиненій, имѣющихъ тотъ же характеръ.

е) Предлагать задачи и за удовлетворительное решеніе ихъ выдавать преміи.

ж) Составлять при обществѣ комитеты, съ цѣлью содѣйствовать развитію извѣстныхъ отдельныхъ отраслей естествознанія (пчеловодство, шелководство и т. п.).

з) Отправлять бесплатно по почтѣ пакеты и тюки (послѣдніе не болѣе пуда въ сомъ) за печатью общества (см. уставъ универс. § 126).

§ 3. Общество имѣеть печать съ надписью «Печать Киевскаго Общества Естествоиспытателей».

§ 4. Общество выдаетъ членамъ дипломы, за подписью предсѣдателя и секретаря, съ приложеніемъ печати общества.

§ 5. Обществу предоставляется составлять лишь частныя правила, касающіяся примѣненія устава, объ измѣненіи же какъ цѣлаго устава, такъ и отдельныхъ его частей, а равно о дополненіи устава, общество ходатайствуетъ у министра народного просвѣщенія въ установленномъ порядкѣ, чрезъ посредство совѣта университета, но не иначе, какъ по постановленію, утвержденному абсолютнымъ большинствомъ голосовъ въ созванномъ для сего экстренномъ собраніи общества.

§ 6. Всѣ ходатайства общества обь его нуждахъ представляются чрезъ совѣтъ университета на разсмотрѣніе министра народного просвѣщенія въ установленномъ порядке.

II. Составъ общества, права и обязанности членовъ.

§ 7. Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-сотрудниковъ. Число членовъ не ограничено.

Примѣчаніе. Учредителями общества считаются лица, принимавшія участіе въ обсужденіи первоначального устава общества, утвержденного г. министромъ народнаго просвѣщенія 15-го февраля 1869 года.

§ 8. Въ почетные члены избираются: а) знаменитые русскіе и иностранные ученые, б) лица, содѣйствовавшія развитію естественныхъ наукъ въ Россіи, или оказавшія важныя услуги обществу.

§ 9. Въ дѣйствительные члены общества избираются русскіе и иностранные ученые, вообще лица, занимающіяся какою-либо отраслью естественныхъ наукъ.

§ 10. Въ члены-сотрудники избираются лица, могущія содѣйствовать цѣлямъ общества доставленіемъ свѣдѣній, полезныхъ для общества, собирааніемъ коллекцій или инымъ какимъ-либо способомъ.

§ 11. Кандидаты въ почетные, дѣйствительные члены и члены-сотрудники предлагаются письменно, въ очередныхъ собранияхъ, однимъ или нѣсколькими почетными или дѣйствительными членами и избираются закрытою баллотировкою въ слѣдующемъ собраніи.

Примѣчаніе. Каждый изъ учредителей общества есть дѣйствительный его членъ, если на припѣтіе этого званія изъявить свое согласіе.

§ 12. Каждый дѣйствительный членъ вносить въ кассу общества при вступлении пять руб. (три руб. годичной платы и два рубля за дипломъ), а затѣмъ по три рубля ежегодно. Единовременный взносъ тридцати рублей освобождаетъ члена отъ ежегодной платы и отъ платы за дипломъ.

Примѣчаніе. Почетные и заграничные члены не вносятъ ни членской платы, ни платы за дипломы. Члены-сотрудники членской платы не вносятъ и дипломовъ не получаютъ.

§ 13. Дѣйствительный членъ общества, не внесший платы (§ 12) въ теченіе двухъ лѣтъ, считается добровольно сложившимъ съ себя званіе члена.

Срокъ уплаты считается съ первого января того года, въ который членъ избранъ.

§ 14. Почетные, действительные члены и члены-сотрудники участвуют во всѣхъ собранияхъ общества; но въ рѣшеніяхъ общества правомъ голоса пользуются только почетные и действительные члены.

§ 15. Действительные члены имѣютъ право пользоваться естественно-историческими коллекціями кабинетовъ университета и находящимися при нихъ библиотеками, на основаніи правилъ, утвержденныхъ совѣтомъ университета. Почетные и действительные члены periodическихъ изданій получаютъ бесплатно, члены-сотрудники — съ уступкою 50%.

§ 16. Всѣ члены имѣютъ право приводить въ засѣданія общества постороннихъ лицъ, заявивъ о томъ секретарю общества.

III. Совѣтъ общества.

§ 17. Совѣтъ общества состоить изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя общества, товарища предсѣдателя, секретаря, казначея общества и непремѣнного члена совѣта.

§ 18. Предсѣдатель, его товарищъ, секретарь, казначай и непремѣнный членъ совѣта избираются на одинъ годъ изъ почетныхъ или действительныхъ членовъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выбытия кого-либо изъ нихъ раньше годичного срока, новое лицо избирается порядкомъ, означеннымъ въ § 18, лишь на время до первого январскаго собранія.

§ 19. Предсѣдатель, его товарищъ, секретарь, казначай и непремѣнный членъ совѣта избираются въ первомъ годичномъ, очередномъ собраніи общества (см. § 24), закрытыми записками и баллотированіемъ. При этомъ соблюдаются слѣдующій порядокъ: всѣ присутствующіе въ засѣданіи почетные и действительные члены предлагаютъ, закрытыми записками, по одному кандидату, сначала на должность предсѣдателя, который и избирается тотчасъ же баллотированіемъ, затѣмъ, такимъ же порядкомъ, поочередно, производятся выборы остальныхъ членовъ совѣта. При этомъ баллотированію подвергаются на каждую должность не болѣе

трехъ кандидатовъ, получившихъ по запискамъ наибольшее число голосовъ. Для выбора требуется абсолютное большинство. Если баллотированіе въ означенномъ выше собраніи почему-нибудь не состоится, то выборы начинаются въ слѣдующемъ собраній вновь съ предложения кандидатовъ закрытыми записками.

§ 20. Совѣту принадлежитъ завѣдываніе и управление дѣлами общества. На его обязанности лежитъ:

- а) разсмотрѣніе представляемыхъ комитетами и членами на утвержденіе собраній общества предложеній и проектовъ;
- б) веденіе отъ имени общества виѣшнихъ сношеній;
- в) составленіе ежегодной сметы, которая представляется да утвержденіе общества въ первомъ очердномъ годичномъ его собраніи (см. § 24);
- г) разрѣшеніе сметныхъ расходовъ, уже утвержденныхъ обществомъ, и единовременныхъ сверхсметныхъ, не превышающихъ пятидесяти рублей, при чемъ о каждомъ подобномъ расходѣ до-кладывается обществу въ ближайшемъ очередномъ собраніи;
- д) распоряженіе о денежныхъ выдачахъ, разрѣщенныхъ собраніемъ, и вообще наблюденіе за правильнымъ и цѣлесообраз-нымъ расходованіемъ суммъ общества;
- е) выдача штѣровыхъ книгъ казначею, скрѣпленныхъ под-писью секретаря общества (веденіе входящихъ и исходящихъ книгъ и списка голосовъ общества);
- ж) завѣдываніе изданий общества и его пріобрѣтеніями;
- з) назначеніе собраній общества;
- и) разсмотрѣніе составленного секретаремъ годичнаго отчета о дѣятельности общества.

Примѣчаніе. Годичный отчетъ читается въ первомъ оче-редномъ годичномъ собраніи общества (см. § 24), и затѣмъ, препровождается къ ректору университета, для пріобрѣнія его къ отчету по университету.

§ 21. Совѣтъ имѣть засѣданія отдельныя отъ собраній общества. Они созываются предсѣдателемъ общества (онъ же и предсѣдатель совѣта) по собственному его усмотрѣнію или по части СЛХІІ, отд. 1.

предложению двухъ членовъ совѣта; въ случаѣ отсутствія или болѣзни предсѣдателя мѣсто его застуپаетъ товарищъ предсѣдателя. Рѣшенія совѣта имѣютъ законную силу, если въ засѣданіи его присутствовало не менѣе трехъ членовъ.

IV. О собраніяхъ общества.

§ 22. Общество имѣть не менѣе шести очередныхъ годичныхъ собраній. Дни очередныхъ собраній назначаются совѣтомъ предъ началомъ каждого года. Въ случаѣхъ, не терпящихъ отлагательства, назначаются совѣтомъ, или по требованію не менѣе 10-ти членовъ общества, предсѣдателемъ, экстренные собранія. Въ каникулярное время (съ 1-го июня по 15-е августа) общество не имѣть собраній.

§ 23. Въ собраніяхъ, въ случаѣ отсутствія или болѣзни предсѣдателя, мѣсто его застуپаетъ товарищъ предсѣдателя, въ случаѣ же отсутствія или болѣзни предсѣдателя и его товарища, предсѣдательствуетъ одинъ изъ присутствующихъ почетныхъ или дѣйствительныхъ членовъ, избранный закрытыми записками въ томъ же засѣданіи.

§ 24. Въ первомъ, годичномъ, очередномъ собраніи, которое должно быть назначаемо въ январѣ мѣсяцѣ каждого года, а) читается отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ; б) докладывается отчетъ ревизіонной комиссіи (см. § 32); в) утверждается годичная смета, и г) избираются члены совѣта.

§ 25. Всѣ вопросы решаются въ собраніяхъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, при открытомъ голосованіи, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Всій вопросъ решается закрытою баллотировкою, если того потребуютъ не менѣе $\frac{1}{3}$ присутствующихъ въ собраніи членовъ. Всѣ денежныя выдачи решаются непремѣнно закрытою баллотировкою, за исключеніемъ расходовъ на періодическія изданія, не превышающихъ сметы.

§ 26. Число присутствующихъ членовъ, необходимое для того, чтобы решения собранія считались законными, опредѣляется въ

частныхъ правилахъ ежегодно, въ первомъ январскомъ очередномъ собраніи, смотря по числу проживающихъ въ г. Киевѣ членовъ общества.

§ 27. Собрания общества имѣютъ мѣсто въ зданіи университета.

V. Средства общества.

§ 28. На покрытие расходовъ общество имѣть слѣдующимъ средства:

а) Ежемѣсячное пособіе отъ правительства.

б) Единовременные и годичные членскіе взносы.

в) Вырученныя отъ продажи изданій общества деньги и доставляемыя его другими научными предпріятіями.

г) Денежныя пожертвованія.

§ 29. Пособіе отъ правительства получается изъ государственного назначества, по распоряженію совѣта общества, ежегодно, заразъ полную суммой, и расходуется подъ контролемъ общества, которое представляеть ежегодно отчетъ ректору университета, для пріобщенія его къ отчету по университету (см. § 20 примѣчаніе).

§ 30. Всѣ единовременные членскіе взносы, всѣ денежныя пожертвованія, если таковыя не предназначены жертвователями для определенной цѣли, а также всѣ остатки отъ годичныхъ расходовъ, отчисляются въ запасный суммы, предназначаемыя на покрытие издержекъ при большихъ предпріятіяхъ, какъ-то: снаряженіе отдѣленныхъ экспедицій, даже за предѣлы нашего отечества (если только онѣ будутъ имѣть высокій научный интересъ), печатаніе дорогихъ изданій и проч.

§ 31. Коллекціи и библіотека общества составляютъ собственность университета, но до приведенія ихъ въ порядокъ находятся въ завѣдываніи общества и передаются затѣмъ, по постановленію собранія общества, въ распоряженіе университета.

§ 32. Для повѣрки суммъ приходо-расходныхъ книгъ общества и дѣйствій совѣта назначается въ концѣ каждого года ревизіонная комиссія, изъ трехъ дѣйствительныхъ членовъ, по вы-

бору. Отчетъ ревизионной комиссіи читается въ январскомъ очердномъ собраніи (§ 24).

Приложение. Въ составъ ревизионной комиссіи члены совета избираемы быть не могутъ.

2. (19-го августа 1872 года). *Правила о стипендії, учреждаемой членами Тамбовского общества взаимного кредита на проценты съ собранного или капитала въ 3.500 рублей именем тайного советника Николая Мартыновича Гартина..*

(Утверждены г. управлѣющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) Стипендія эта учреждается при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ для студентовъ всѣхъ факультетовъ безъ различія, на проценты съ капитала, въ 3.500 руб. сер., собраннаго членами Тамбовского общества взаимного кредита.

2) Стипендія эта именуется «стипендіей тайного советника Николая Мартыновича Гартина».

3) Она выдается одному изъ бѣдныхъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ Тамбовской гимназіи, отличному по успѣхамъ и поведенію.

4) Если окажется нѣсколько претендентовъ на эту стипендію, то она предоставляется имѣющему высшій балль, а при равенствѣ балловъ, студенту старшему по курсу..

5) Студентъ, получившій эту стипендію и не перешедшій на высшій курсъ, лишается ея.

6) Стипендія эта предоставляется студенту съ разрешенія совета Московского университета.

3. (21-го августа 1872 года). *Циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ относительно приведенія въ исполненіе въ теченіе 1872/73 учебнаго года Высочайше утвержденнаго 30-ю июля 1871 года устава гимназій и прогимназій.*

По мѣрѣ поступленія въ министерство доставлявшися въ теченіе 1871/72 учебнаго года вашимъ превосходительствомъ, а

равно и другими окружными управленими, свѣдѣній о приведеніи въ исполненіе Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 года устава гимназій и прогимназій, я знакомился съ этими свѣдѣніями во всей подробности и не могъ не вынести изъ нихъ того отраднаго впечатлѣнія, что, говоря вообще, всѣ окружныя управления, начальники гимназій и прогимназій и члены педагогическихъ ихъ совѣтовъ, каждый по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія и въ кругу своихъ обязанностей, старались сколь можно болѣе содѣйствовать осуществленію тѣхъ видовъ, которые положены въ основу новаго гимназическаго устава и которые подробно разъяснены какъ въ объяснительной къ нему запискѣ, напечатанной въ *Журнале Министерства Народного Просвещенія* за іюнь 1871 года, такъ и въ различныхъ моихъ предложеніяхъ, особенно же въ циркулярномъ предложеніи отъ 26-го іюня 1871 года. Вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность теперь, при наступленіи втораго года существованія новаго гимназическаго устава, выразить за эти заботы и старанія о возможно лучшемъ его осуществленіи искреннюю мою признательность какъ лично вашему превосходительству, такъ и всѣмъ лицамъ окружнаго управлѣнія и всѣмъ директорамъ, инспекторамъ и другимъ членамъ педагогическихъ совѣтовъ гимназій и прогимназій; а вмѣсть съ тѣмъ позволяю себѣ надѣяться, что всѣ они, освоившись нынѣ болѣе, чѣмъ въ началѣ прошлаго учебнаго года, съ основными нацѣлами новаго устава и вполнѣ проникшись благотворнымъ духомъ этого законодательнаго акта, должныствующаго поставить систему нашего общественнаго воспитанія и обученія въ уровень съ требованиями времени и съ высокимъ призваніемъ Россіи въ ряду европейскихъ государствъ, примутся вновь за выполненіе своихъ обязанностей съ усугубленною ревностію, съ полною энѣргіей и бодростью духа и съ полнымъ воодушевленіемъ къ священному дѣлу воспитанія и обученія юношества, въ точности руководясь тѣми указаніями, которыя изложены въ упомянутыхъ выше объяснительной запискѣ къ уставу и моемъ циркулярномъ предложеніи относительно его выполненія.

Если выполнение нового устава въ истекшемъ учебномъ году, говоря вообще, было удовлетворительно, то въ частности по отдельнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ мною были неоднократно замѣчаемы различныя, болѣе или менѣе важныя уклоненія если не отъ буквы, то отъ духа самого устава и моихъ указаній относительно его выполнения, — уклоненія, которые легко объясняются новизною дѣла и краткостію срока между обнародованіемъ нового законодательного акта и наступленіемъ нового учебного года, и которые не всѣ могли быть тотчасъ же устранимы безъ замѣшательства для учебного дѣла. Въ настоящее время я считаю долгомъ обратить вниманіе вашего превосходительства на эти уклоненія, съ тѣмъ чтобы съ наступленіемъ втораго года дѣйствій нового устава они уже не были болѣе допускаемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ ввѣренного вамъ округа.

Такъ, I. Хотя институтъ классныхъ наставниковъ, которому нельзя не придавать особенно важнаго значенія, не былъ вовсе введенъ въ прошломъ учебномъ году только въ одной гимназіи, тѣмъ не менѣе въ 13-ти гимназіяхъ (изъ 63) и въ одной прогимназіи (изъ 15-ти) онъ былъ введенъ не вполнѣ, а во многихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ введеніе его не было вполнѣ сообразовано съ основными положеніями, относящимися къ этому институту. Самое существенное изъ этихъ положеній выражено ясно и опредѣлительно въ § 61 устава, а именно, что классные наставники назначаются изъ числа преподавателей, имѣющихъ въ классѣ *наибольшее* число уроковъ. Между тѣмъ весьма нерѣдко выборъ начальниковъ заведеній падалъ не на тѣхъ, кто имѣть въ классѣ *наибольшее* число уроковъ, и это отступленіе естественно должно было повлечь за собою многія другія и можетъ мало-по-малу вовсе исказить характеръ этого института.

Въ выдахъ устраненія на будущее время тѣхъ недоразумѣній, которыхъ подали поводъ къ оступленіямъ отъ точнаго смысла вышеуказаннаго § 61 устава, имѣю честь разъяснить вашему превосходительству, что, *вопреки* тому, хотя должность класснаго наставника не только въ высшей степени почтена по свѣй сущности,

но и почетна въ томъ смыслѣ, что свидѣтельствуетъ предъ всѣми родителями и родственниками о довѣріи учебнаго начальства къ лицу, назначенному въ эту должностъ, и хотя желательно, чтобы выборъ въ классные наставники по возможности падалъ на преподавателей болѣе заслуженныхъ и болѣе опытныхъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія,—это однако не составляетъ условія совершенно необходимаго, и въ странахъ, где институтъ классныхъ наставниковъ вполнѣ разvился и приносить наиболѣе благотворные плоды, въ эту должностъ весьма нерѣдко назначаются совершенно молодые преподаватели, только начинающіе свое поприще и даже не выдержавшіе пробнаго времени и не утвержденные въ должности. Нѣть причины не допускать того же и у насъ, но конечно, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы директоръ и инспекторъ сколь можно внимательнѣе слѣдили за дѣятельностью таинъ классныхъ наставниковъ какъ въ этомъ ихъ качествѣ, такъ и въ качествѣ преподавателей. Поставляя молодыхъ преподавателей въ ближайшія отношенія къ ученикамъ и къ дѣлу ихъ умственнаго и нравственнаго преуспѣянія, должностъ класснаго наставника, при постоянномъ и неослабномъ контролѣ и руководствѣ со стороны директора или инспектора, можетъ послужить для этихъ самихъ преподавателей отличной школою практической педагогики и можетъ содѣйствовать развитію въ нихъ тѣхъ качествъ, которыя равно необходимы и для преподавателя, и для класснаго наставника. Восторгъ,—и это также существенно важно,—качества, необходимыя для класснаго наставника, столь же необходимы и для преподавателя, такъ что кто по своимъ качествамъ не можетъ быть класснымъ наставникомъ, тотъ въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть и сколько-нибудь хорошимъ преподавателемъ, хотя бы и былъ вполнѣ свѣдущъ въ своемъ предметѣ. Поэтому едва-ли много можетъ быть случаевъ основательного устраненія, по этому поводу, отъ должности класснаго наставника преподавателей, имѣющихъ въ своемъ классѣ наибольшее число уроковъ. Точное примѣненіе къ дѣлу этихъ двудѣйствій несомнѣнно послужитъ къ устраниенію большей части

случаеъ отступлениі отъ § 61 устава, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчитьъ учебнымъ начальствамъ полное введеніе системы классныхъ наставниковъ тамъ, где она еще не вполнѣ введена, а класснымъ наставникамъ — исполненіе ихъ важныхъ обязанностей, ибо исполненіе обязанностей класснаго наставника во всѣхъ отношеніяхъ несравненно легче и удобнѣе для преподавателей, имѣющіхъ въ классѣ наиболыше число уроковъ, такъ какъ они и безъ того чаще бывають въ учебномъ заведеніи и въ классѣ, и имѣющіе дѣла съ учениками по предмету своего преподаванія, лучше могутъ наблюдать за развитіемъ ихъ характера и наклонностей и болѣе могутъ содѣйствовать ихъ умственному и нравственному преуспѣянію.

Такимъ образомъ, при точномъ выполненіи § 61 и вышеизложенныхъ указаній, не понадобится въ наступившемъ учебномъ году ни ограничиваться назначеніемъ лишь въ нѣкоторые классы классныхъ наставниковъ, съ оставленіемъ въ другихъ надзирателей, ни принимать директору или инспектору или обеимъ вмѣстѣ должностіи класснаго наставника въ двухъ или нѣсколькихъ классахъ, ни еще менѣе назначать классными наставниками преподавателей, которые въ томъ классѣ вовсе не имѣютъ уроковъ, какъ то отчасти было въ прошломъ году въ вышеупомянутыхъ 13-ти гимназіяхъ и одной прогимназіи. Особенно послѣднее, тѣсть, назначеніе класснаго наставникомъ преподавателя, который въ томъ классѣ вовсе не имѣть уроковъ, вовсе не должно быть допускаемо. Напротивъ, если преподаватель состоять уже класснымъ наставникомъ въ одномъ классѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть наиболыше изъ наличныхъ преподавателей число уроковъ въ другомъ отдѣленіи того же класса или въ другомъ классѣ, то онъ можетъ быть назначенъ класснымъ наставникомъ и въ этомъ другомъ отдѣленіи или въ этомъ другомъ классѣ, и въ такомъ случаѣ пользуется соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ какъ классный наставникъ двухъ классовъ. Впрочемъ, назначеніе одного и того же лица класснымъ наставникомъ болѣе чѣмъ въ

двухъ классахъ не должно быть допускаемо, безъ различія, основные ли это классы или параллельные.

Такъ какъ въ гимназіяхъ съ обоими древними языками обязательно изучение лишь одного изъ новыхъ иностранныхъ языковъ, и склоновательно, преподаватели этихъ языковъ имѣютъ дѣло каждый съ обученіемъ не цѣлаго класса, а какой-либо его части, то въ большинствѣ случаевъ назначеніе нѣкоторыхъ классныхъ наставниковъ не можетъ не представлять существенныхъ неудобствъ.

Недочетъ въ классныхъ наставникахъ за прошлый учебный годъ оказался преимущественно въ тѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ которыхъ много параллельныхъ классовъ. При этомъ мѣстами возникало мнѣніе, что обязанности классного наставника въ параллельныхъ классахъ должны быть выполнены безъ возмездія или что положенное въ штатахъ вознагражденіе за обязанности классного наставника въ основномъ классѣ должно быть распредѣлено между наставниками основного и параллельного классовъ. Оба эти мнѣнія равно неосновательны, и вознагражденіе класснымъ наставникамъ въ параллельныхъ классахъ должно быть назначаемо на томъ же основаніи и изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и вознагражденіе за уроки въ этихъ классахъ; то есть, изъ средствъ, имѣющихся на содержаніе параллельныхъ классовъ и въ соразмѣрности съ оними.

Какъ введеніе, такъ и подлежащее развитіе института классныхъ наставниковъ было мѣстами затруднено преувеличенними требованиями отъ этихъ должностныхъ лицъ со стороны нѣкоторыхъ учебныхъ начальствъ. Въ этомъ отношеніи считаю долгомъ разъяснить, что отъ классныхъ наставниковъ изъ числа преподавателей нельзя требовать ни безотлучного пребыванія въ заведеніи во все классное время, ни поочереднаго дежурства по цѣлому заведенію въ классное ли время, или въ то время, на второе въ наказаніе задерживаются ученики, не приготовивши своихъ уроковъ; ни срочнаго посыщенія учениковъ на ихъ квартирахъ или даже въ домахъ ихъ родителей и родственниковъ, ни

срочнаго представлениі обширныхъ письменныхъ отчетовъ о наблюденіяхъ классныхъ наставниковъ относительно каждого ученика въ отдѣльности, и что вообще слѣдуетъ требовать отъ нихъ какъ можно менѣе всякаго рода формальностей, а какъ можно болѣе дѣйствительнаго наблюденія за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ классѣ и содѣйствія умственному и нравственному преуспѣянію учениковъ. Отъ преданнаго своему дѣлу класснаго наставника нельзѧ не ожидать, что онъ будетъ проводить въ учебномъ заведеніи столько времени, сколько необходимо, чтобы слѣдить за исправностію учениковъ относительно приготовленія ими уроковъ, чтобы оказывать надлежащее и немедленное содѣйствіе каждому учителю въ справедливыхъ его требованіяхъ относительно учениковъ, чтобы разъяснить послѣднимъ ихъ обязанности, чтобы слѣдить за задаваемыми на каждый день уроками и письменными работами, и сообщая о томъ преподавателямъ своего класса, содѣйствовать соглашенію преподаванія различныхъ предметовъ и соглашенію преподавателей между собою относительно соразмѣрности ихъ требованій съ силами учениковъ, чтобы видѣться и бесѣдовать съ родителями и родственниками учениковъ, и вообще, будетъ посвящать этому важному дѣлу столько времени, сколько необходимо для выполненія всѣхъ обязанностей его должностіи. Затѣмъ, что касается до отчетовъ, то они могутъ быть по преимуществу сообщаемы на словахъ, изъ записной книжки, въ которую, безъ сомнѣнія, каждый заботливый классный наставникъ будетъ вписывать ежедневно всѣ свои замѣчанія относительно какъ отдѣльныхъ учениковъ, такъ и всего класса, не оставляя никогда безъ вниманія того, что можетъ быть полезно для цѣлаго класса и для отдѣльныхъ его учениковъ. Классный наставникъ долженъ всегда имѣть на готовѣ самыя точныя свѣдѣнія, необходимыя для характеристики каждого ученика своего класса, свѣдѣнія, которые могутъ понадобиться какъ директору, инспектору и другимъ преподавателямъ класса, такъ и вообще всему педагогическому соѣдѣству для оцѣнки ученика и соображеній, какъ поступить съ нимъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, и изъ кото-

рыхъ на многое окажется полезнымъ обращать вниманіе родителей и родственниковъ; но будуть ли эти свѣдѣнія вкратцѣ зали-саны въ записной книжкѣ класснаго наставника или пространно и по извѣстной формѣ изложены въ формальномъ донесеніи ди-ректору, отъ этого сущность дѣла нисколько не измѣнится, а между тѣмъ послѣднаго рода требованія могли бы быть только въ тягость класснаго наставникамъ, а нерѣдко и въ ущербъ для учебно-воспитательного дѣла.

Этихъ указаній достаточно для устраненія наиболѣе значи-тельныхъ изъ недоразумѣній, замѣченныхъ мною по дѣлу о вве-деніи должности классныхъ наставниковъ въ нашихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. На первыхъ порахъ болѣе всего желательно, чтобы этотъ институтъ оказался живою, истинно - благотворною силою въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, разивавшись соотвѣт-ственно индивидуальности личнаго состава каждого педагогиче-скаго совѣта въ отдѣльности, почему я и не считаю должнымъ стѣснять такое его развитіе общею инструкціей отъ министер-ства и прошу ваше превосходительство всѣ частныя инструкціи, какія могутъ быть выработаны вновь педагогическими совѣтами, по прежнему доводить до моего свѣдѣнія, а равно сообщать о тѣхъ измѣненіяхъ, какія, согласно съ вышеизложенными моими указаніями, будутъ сдѣланы въ прежнихъ инструкціяхъ.

II. Относительно устройства учебной части гимназій и про-гимназій въ наступившемъ учебномъ году считаю необходимымъ обратить вниманіе ваше на нижеслѣдующіе пункты:

1) § 74-мъ (п. 8) устава 1871 года предоставлено обсужденію и окончательному решенію педагогическаго совѣта, между прочимъ, распределеніе преподаванія учебныхъ предметовъ по днямъ и часамъ, на основаніи установленныхъ таблицъ числа недѣльныхъ уроковъ. Въ представлениі моемъ въ государствен-ный совѣтъ, какъ то изложено и въ напечатанной во всеобщемъ свѣдѣніе объяснительной моей запискѣ, по поводу этого пункта сказано: «Предоставить это дѣло частному соглашенію началь-ника гимназіи или прогимназіи съ отдѣльными учителями, какъ

то нерѣдко бываетъ теперь, крайне неудобно, ибо въ такихъ случаяхъ начальству нерѣдко приходится сообразоваться главныи-шимъ образомъ съ личными удобствами преподавателей и имъ приносить въ жертву пользу учениковъ и самого учебного дѣла; при обсужденіи же сообща въ педагогическомъ совѣтѣ распределенія уроковъ по дніямъ недѣли и часамъ дня, подобный явленій мѣнѣе будуть возможны, и педагогическіе совѣты, какъ можно надѣяться, не будутъ допускать скопленія въ одинъ и тотъ же день, безъ крайней въ темъ надобности, двухъ или даже трехъ уроковъ сряду по одному и тому же предмету». Къ сожалѣнію, въ первомъ учебномъ году послѣ сего моего заявленія предъ государственнымъ совѣтомъ, въ иѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ распределеніе уроковъ было произведено прежнимъ способомъ частнаго соглашенія начальника заведенія съ отдѣльными и притомъ не со всѣми преподавателями, и были случаи назначенія, напримѣръ, изъ пяти или шести уроковъ латинскаго или греческаго языка по два урока на день, такъ что три дня въ недѣлю тотъ или другой изъ этихъ предметовъ вовсе не преподавался въ классѣ. Подобный уклоненія отъ устава и отъ моихъ указаній относительно его выполненія не должны быть вовсе терпимы. Установленіе порядка учений впередъ на каждый наступающій учебный гдѣ должно быть общимъ дѣломъ всего педагогическаго совѣта; и при этомъ педагогическіе совѣты должны руководствоваться слѣдующими соображеніями: а) назначеніе двухъ уроковъ въ день въ одномъ и томъ же классѣ и по одному и тому же предмету не допускается вовсе; если по тому предмету назначено не болѣе шести уроковъ въ недѣлю въ данномъ классѣ; б) по дніямъ недѣли предметы въ каждомъ классѣ по возможности распредѣляются такъ, чтобы въ каждыи день болѣе лѣткіе предметы слѣдовали за болѣе трудными или же перемежались съ ними, и в) болѣе трудные предметы должны быть назначаемы по возможності на первые уроки. Если въ какихъ-либо гимназіяхъ составлено уже распределеніе уроковъ несоответственно съ этими положеніями, то прошу ваше прѣвосходительство потребовать ис-

правлениі этихъ недостатковъ, по крайней мѣрѣ, на слѣдующее полугодіе, если бы перемѣны въ первомъ полугодіи оказались но-чemu-либо неудобными и затруднительными.

2) По тѣмъ предметамъ, по коимъ состоится по два и болѣе преподавателей, распределеніе между сими преподавателями уро-ковъ и самихъ классовъ должно быть предметомъ самаго непри-нужденного обсужденія, исключительно въ интересахъ самого учебнаго дѣла, предварительно въ комиссії изъ сихъ препода-вателей подъ предсѣдательствомъ начальника заведенія, а потомъ, въ случаѣ надобности, и въ самомъ педагогическомъ совѣтѣ, ибо именно въ этомъ дѣлѣ необходимо то болѣе тѣрное и всесто-ропнисе, чуждое всякаго рода личныхъ притязаній, обсужденіе къ коему по § 68 вообще призываются педагогическіе совѣты по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ учебной и воспитательной ча-сти. При этомъ надлежитъ руководствоваться важеслѣдующими соображеніями:

а) Хотя въ штатахъ и обозначено число штатныхъ препода-вателей по каждому предмету, но въ виду вынѣшнихъ, конечно, только временныхъ затрудненій относительно приспособленія хоро-шихъ преподавателей, особенно по нѣкоторымъ предметамъ, въ виду также установленного нынѣ привлеченія къ преподаванію директоровъ и инспекторовъ и допущенного соединенія препода-ванія двухъ и нѣсколькихъ предметовъ въ лицѣ одного препода-вателя, и наконецъ, въ виду той весьма значительной пользы, которой слѣдуетъ ожидать отъ сосредоточенія дѣятельности пре-подавателя преимущественно и даже исключительно въ какомъ-либо одномъ учебномъ заведеніи, вышеупомянутое обозначеніе числа штатныхъ преподавателей по каждому предмету не должно быть понимаемо непремѣнно въ томъ смыслѣ, что безъ мень-шаго числа преподавателей нельзя и обойтись. Напротивъ, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, тѣмъ сосредоточеннѣе было бы преподаваніе каждого предмета, и чѣмъ большее число уро-ковъ каждый преподаватель имѣлъ бы въ одной и той же гим-назіи или прогимназіи, тѣмъ было бы лучше. Но при этомъ

необходимо соблюдать известные условия и границы. Начинаяющимъ преподавателямъ, особенно же такимъ, которымъ, по свѣдѣніямъ ихъ въ предметѣ ихъ преподаванія, необходимо болѣе продолжительное приготовленіе къ каждому уроку, благоразумнѣе назначать меныше число уроковъ, примѣрно отъ 12 до 18 уроковъ въ недѣлю; болѣе опытнымъ и болѣе свѣдѣющимъ преподавателямъ можетъ быть предоставлено и большее число уроковъ, но и въ этомъ случаѣ едва-ли благоразумно переступать за 24 урока въ недѣлю: по крайней мѣрѣ, подобныя превышенія этого числа уроковъ могутъ быть допускаемы только въ случаяхъ необходимости.

б) Говоря вообще, ученіе можетъ идти гораздо успѣшнѣе, если одинъ и тотъ же преподаватель ведеть своихъ учениковъ по своему предмету чрезъ нѣсколько классовъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ; поэтому замѣченное мною въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ перемежающееся, такъ - сказать, обученіе учениковъ сначала однимъ учителемъ, потомъ другимъ, затѣмъ опять прежнимъ и т. д., черезъ каждый учебный годъ, не должно быть допускаемо. Но и предоставленіе одному и тому же учителю вести по его предмету учениковъ съ низшаго класса до высшаго можетъ быть также вредно не только въ томъ случаѣ, когда самъ преподаватель по своимъ познаніямъ и усвоеннымъ пріемамъ преподаванія болѣе пригоденъ для однихъ классовъ, нежели для другихъ, но и въ тѣхъ, когда между наличными преподавателями замѣчается большое различіе въ научномъ направленіи, въ преподавательскомъ искусствѣ, въ мѣрѣ требовательности отъ учениковъ и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ полезнѣе, чтобы ученики, оставаясь въ продолженіи двухъ или трехъ лѣтъ подъ руководствомъ одного преподавателя, были затѣмъ поручаемы также на нѣсколько лѣтъ другимъ; но при большей или менышей одинаковости учителей во всѣхъ этихъ отношеніяхъ можетъ быть допускаемо, чтобы одинъ и тотъ же преподаватель руководствовалъ учениковъ въ изученіи своего предмета съ начала и до конца, ибо вообще пріурочивание какого-либо учителя къ извест-

нымъ классамъ, если оно не вызывается необходимостью, можетъ быть вредно и для самого преподавателя, а чрезъ то и для учениковъ.

Вообще, въ дѣлѣ распределенія какъ числа уроковъ, такъ и самихъ классовъ, между наличными преподавателями, должны быть обстоятельно взвѣшиваемы всѣ индивидуальные особенности какъ преподавателей, такъ даже и личнаго состава учениковъ извѣстнаго класса, почему решеніе этого вопроса и должно подлежать самому тщательному коллегіальному обсужденію, въ духѣ взаимнаго дружелюбія и исключительно въ видахъ общей пользы, а не должно быть дѣломъ одного лишь личнаго усмотрѣнія, и это тѣмъ болѣе, что при равенствѣ голосовъ, голосъ начальника заведенія, какъ предсѣдателя, даетъ перевѣсъ (§ 73), и что сверхъ сего, на разрѣшеніе попечителя учебнаго округа представляются всѣ случаи разногласія начальника заведенія съ большинствомъ членовъ совѣта (§ 5).

в) Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ замѣчено было мною, что преподаваніе одного и того же предмета въ одномъ и томъ же классѣ было раздѣлено въ пропломъ учебномъ году между двумя лицами, какъ, напримѣръ, преподаваніе граматики греческаго или латинскаго языковъ, или геометріи, поручалось однимъ лицамъ, а чтеніе авторовъ или преподаваніе алгебры—другимъ. Подобное раздѣленіе преподаванія, особенно же древнихъ языковъ, не должно быть впередъ допускаемо, за исключеніемъ развѣ того случая, если директоръ или инспекторъ, въ видахъ болѣе близкаго контроля за преподаваніемъ и успѣхами учениковъ, пожелаетъ отдѣлить для себя по нѣскольку уроковъ въ нѣсколькихъ классахъ; но и такие случаи должны быть вызываемы какими-либо особыми обстоятельствами, которые и должны быть *по возможности* объяснены въ годичномъ отчетѣ по учебному заведенію.

4) При соединеніи преподаванія двухъ или болѣе предметовъ въ рукахъ одного преподавателя, *прежде всего*, независимо отъ формального права преподавать предметы того факультета и отдѣленія, по которому преподаватель имѣеть степень или зва-

ніе или выдержать испытание на званіе учителя, хотя бы какъ по предметамъ вспомогательнымъ, учебнымъ начальствамъ надлежить тщательно удостовѣряться, что ввѣряемые преподавателямъ вновь предметы, коихъ они прежде не преподавали, могутъ быть дѣйствительно преподаваемы ими безъ малѣйшаго ущерба для предмета и для учениковъ, а потому впредь до такого удостовѣренія уроки по новому предмету должны быть поручаемы лишь временно, подъ условіемъ успѣшнаго преподаванія онаго, а затѣмъ, надлежить имѣть въ виду, что особенной пользы можно ожидать лишь въ томъ случаѣ, когда подобныя соединенія относятся къ одному и тому же классу, ибо лишь тогда преподаваніе одного предмета можетъ содѣйствовать преподаванію другого.

5) Указанія, данные мною въ циркулярномъ предложеніи отъ 26-го іюня 1871 г. относительно привлечения учениковъ къ необязательному для нихъ обученію черченію и рисованію, должны сохранить свою силу и въ наступившемъ учебномъ году, съ тѣмъ дополненіемъ, чтобы изъявившіе желаніе обучаться рисованію, отнюдь не покидали этихъ занятій произвольно и безъ особы уважительныхъ причинъ, по меньшей мѣрѣ въ продолженіи одного учебнаго года.

Что же касается до дозволенія обучаться обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ, то оно должно быть даваемо съ болѣе строгимъ соблюденіемъ правила, установленного въ примѣчаніи 3-мъ къ таблицѣ уроковъ, то-есть, должно быть отнимаемо у тѣхъ учениковъ, которые не оказываютъ успѣха въ обязательныхъ для всѣхъ предметахъ, и всякий разъ по совѣщанію о томъ начальника заведенія съ педагогическимъ совѣтомъ, ибо за прошлый учебный годъ замѣчено мною, что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, въ коихъ наибольшее число учениковъ изучало оба новые иностранные языки, оказались меньшіе успѣхи въ обязательныхъ для всѣхъ предметахъ.

III. Въ циркулярномъ предложеніи моемъ отъ 26-го іюня 1871 г. было указано, что при назначеніи высшихъ окладовъ, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, должно быть оказываемо предпочтѣ-

не класснымъ наставникамъ предъ другими преподавателями, чтб и было въ точности соблюдено въ 19 случаяхъ изъ 29, въ 7-ми не было соблюдено, а въ трехъ случаяхъ объ этомъ обстоятельствѣ вовсе не было упомянуто. Прося и впредь постоянно обращать на это вниманіе и при всякомъ удостоеніи кого-либо изъ преподавателей высшаго оклада сообщать мнѣ о томъ къ свѣдѣнію, съ упоминаніемъ, сколько лѣтъ состоять преподаватель въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія вообще, и въ учебномъ заведеніи въ особенности, какой предметъ преподаетъ и состоять ли класснымъ наставникомъ, я считаю не излишнимъ замѣтить: 1) что надлежитъ предоставлять высшій окладъ только членамъ преподавателямъ, отъ коихъ и въ ближайшемъ, по крайней мѣрѣ, времени можно ожидать существенной пользы для учебнаго заведенія; 2) что нельзя не обращать при этомъ вниманія на сравнительную важность предметовъ преподаванія и на назначенное соответственно сему число уроковъ на каждый изъ нихъ, и 3) что относительно назначенія преподавателей новыхъ иностраннѣыхъ языковъ на высшіе оклады необходимо всякий разъ обращать внимание, получили ли эти преподаватели свое образование въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, ибо иначе и то уже составляетъ немаловажную для нихъ льготу, что они, не имѣя высшаго университетскаго образования, уравнены во всѣхъ другихъ правахъ своихъ съ преподавателями, отъ которыхъ требуется университетское образование или соответственное оному испытаніе на званіе учителя.

III. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

16-го юля 1872 года. (№ 16). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, художественный статский советникъ Чебышевъ — въ званіи заслуженнаго профессора, съ 13-го юля 1872 года; исправляющій

ЧАСТЬ СХІІІ, отд. 1,

должность ординарного профессора Императорского Харьковского университета, докторъ политической экономіи Сокольский — ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, съ 10-го мая 1872 года; докторъ чистой математики Ильинецкий — экстраординарнымъ профессоромъ Императорского Харьковского университета по каѳедрѣ механики, съ 3-го мая 1872 года, доцентъ Императорского Харьковского университета, докторъ полицейского права Гаттембергъ — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ полицейского права, съ 10-го мая 1872 года; доцентъ Императорского Казанского университета, докторъ всеобщей исторіи Осокина — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи, съ 22-го мая 1872 года.

Назначаются: инспекторъ Кишиневской гимназіи, статскій соѣтникъ Титаренко — директоромъ учительской семинаріи въ избетчекѣ Байрамчѣ; наставникъ Гатчинской учительской семинаріи, коллежскій секретарь Слупскій — директоромъ учительской семинаріи въ городѣ Тотьмѣ; преподаватель С.-Петербургской третьей гимназіи Соколовъ — директоромъ учительской семинаріи въ городѣ Иркутскѣ, — всѣ трое съ 1-го июля 1872 года; окончившіе въ 1872 году курсъ наукъ студенты Императорского историко-филологического института: учителями: Васілій Колесниковъ — въ С.-Петербургскую пятую гимназію, Иванъ Румовъ — въ Сумскую прогимназію, оба по греческому языку, Николай Вознесенскій — въ Кронштадтскую гимназію по древнимъ языкамъ и Александръ Орловъ — въ С.-Петербургскую третью прогимназію по русскому языку, всѣ съ 1-го июля 1872 года, и съ обязательствомъ прописать по вѣдомству министерства народного просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорского С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій соѣтникъ Чебышевъ, съ 13-го июля 1872 года,

Опредѣляется вновь на службу: бывшій профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ ботаники Ценковскій—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета по каѳедрѣ ботаники, съ 17-го мая 1872 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: воспитателю гимназіи Императорскаго историко-филологического института, коллежскому асессору Шмиду—по 1-е сентября 1872 года.

Уезжаются въ отпускъ: внутри Россіи: директоръ училища Черниговской губерніи, статскій советникъ Кустовъ—въ Киевъ и Москву, на четырнадцать дней; директоръ Новгородъ-Северской гимназіи, надворный советникъ Порскаловъ и дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титуларный советникъ Пановъ, на двадцать восемь дней; изъ нихъ: первый—въ Москву и Киевъ, и послѣдній, по болѣзни, въ С.-Петербургскую губернію; помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ Крейтеръ—въ Выборгъ и Гельсингфорсъ, на мѣсяцъ, по болѣзни; директоръ лицея князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи, статскій советникъ Чалый—въ С.-Петербургъ, Москву, Киевъ и Новгородъ-Северскъ, и директоръ Бѣлоцерковскаго реальнаго училища, статскій советникъ Шидловскій—въ Киевъ и разныя мѣста Киевской губерніи,—оба на полтора мѣсяца; *за границу:* доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Гиршманъ, на семьнадцать дней; регистраторъ Императорской публичной библиотеки, надворный советникъ Миллеръ, на двадцать девять дней; лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета Слюсарскій, на мѣсяцъ; механикъ Императорскаго Варшавскаго университета Беронъ и учитель Варшавскихъ педагогическихъ курсовъ Клеменсъ, на лѣтнее вакационное время 1872 года; чиновники особыхъ поручений VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камер-юнкера, надворный советникъ князь Долгоруковъ; Томашевскій благочинный, настоятель прихода Погуринъ Ульницкій, настоятели приходовъ: Снатича, Томашевска-

го уѣзда, *Хросневичъ*, Клятвы, того же уѣзда, *Сайхевичъ*, Вербковицы, Грубешовскаго уѣзда, *Рогальскій*, и того же уѣзда приходскій священникъ въ селѣ Матчѣ *Гиссовскій*, на два мѣсяца; благочинный Холмскаго благочинія, соборный протоіерей *Власевичъ*, на три мѣсяца.

Уводьняется отъ службы, согласно прошению: исправляющей должность профессора института сельского хозяйства и лѣсостроства въ Новой Александрии, коллежскій ассессоръ *Рудинскій*, съ 8-го июля 1872 года.

Объявляется признательность министерства народного просвещенія: землевладѣльцу Оренбургской губерніи *Эннатскому* и С.-Петербургскімъ купцамъ: *Павлову*, *Иванову*, *Михаилеву*, *Цимбьеву*, *Круглову*, *Соболеву*, *Гаврилову* и *Бурикову*—за усердіе ихъ къ дѣлу народного образования, землевладѣльцу Бессарабской области, Сорокскому 2-й гильдіи купцу *Флэнсору*—за пощертованіе его въ пользу Байрамской учительской семинаріи.

5-го августа 1872 года (№ 17). Утверждается: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ *Люперсомскій*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи, съ 16-го июля 1872 года.

Перемыщается: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, надворный советникъ *Сергеевичъ*—ординарнымъ профессоромъ въ Императорскій С.-Петербургскій университетъ на каѳедру исторіи русскаго права, съ 1-го августа 1872 года.

Назначаются: директоръ училищъ С.-Петербургской губерніи, статскій советникъ *Михайлова*—директоромъ учительского института въ С.-Петербургѣ, съ 25-го июля 1872 года; директоръ училищъ Тульской губерніи, статскій советникъ *Малинина*—директоромъ учительского института въ Москве, съ 31-го июля 1872 г.; инспекторъ Тамбовской гимназіи, коллежскій советникъ *Амунинъ*—директоромъ Карабеевской учительской семинаріи, съ 29-го июля 1872 года; инспекторъ Самарской гимназіи, статскій советникъ *Бауера*—директоромъ училищъ Пензенской губерніи; инспекторъ

Рязанской программы, надворный советник *Коистинский* — исправляющимъ должность директора училищъ Тульской губерніи.

*Переходитъ на службу по званию министерства народного просвещенія: проекторъ Императорской медико-хирургической академіи, докторъ медицины *Брмолаевъ*, съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорского Казанскаго университета по кафедрѣ физиологической анатоміи, съ 22-го мая 1872 года.*

*Продолжается срокъ отпуска: директору народныхъ училищъ Гродненской губерніи, статскому советнику *Дмитреву* и учителю С.-Петербургской третьей программы *Баберу* — на двадцать восемь дней, по болѣзни, первому — на Гродненскую губернію и Варшаву, а послѣднему — за границу.*

*Увольняются отъ службы: профессоръ ординарной академіи Императорской академіи наукъ, коллежскій советникъ *Балашовъ*, на семнадцать дней; ассистентъ при клинике Императорского Варшавскаго университета *Сапакасевичъ*; лаборантъ сего университета *Бомбінъ*; аконоучитель римско-католического исповѣданія Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, священикъ *Булляковичъ* — на лѣтнее вакационное время 1872 года, — всѣ трое по болѣзни; хранитель минералогическаго кабинета Императорской академіи наукъ, надворный советникъ *Лебело* — на двадцать девять дней, сверхъ вакационнаго времени, по болѣзни; директоръ Минской гимназии, статский советникъ *Богумиловъ* — на два мѣсяца, по болѣзни; канцелярскій чиновникъ канцелярии попечителя С.-Петербургскаго уезднаго округа, туберескій секретарь *Маклаковъ* — на четыре мѣсяца, по болѣзни.*

*Увольняются отъ службы, согласно прошенію: директоръ С.-Петербургской первой гимназіи, действительный статский советникъ *Бардесовъ*, и исправляющій должность ординарного профессора Императорского Варшавскаго университета, деканъ физико-математического факультета сего университета, статский советникъ *Писаревскій* — оба съ 1-го августа 1872 года, цѣрвихъ.*

Цицластовъ — отъ дозволеніемъ посыпъ въ отставкѣ мундиръ и подсакѣтникъ, постъдней должности присвоеній.

Послѣдовавшіе изъ симѣющихъ умноженіе: ердинарный академикъ Императорской академіи наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, действительный статскій советникъ *Лизогубъ*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определенія особаго отдѣла ученаго комитета сего министерства, утвержденными г.-м. товарищемъ министра народного просвѣщенія, постановлено:

1) что сочиненіе подъ заглавіемъ: «1819 годъ. Составилъ Новгородскій Членіе для народа», можетъ быть одобрено для приобрѣтенія въ библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

2) № 60-й изданія общества распространенія полезныхъ книгъ «Книжка для школьн., подъ заглавіемъ: Благочестивыя мысли и наставления для руководства христіанскому науки и спасенію. Москва, 1872 г.» (цѣна 10 коп.) — допустить въ библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ, не смотря на указаніе особыхъ отдѣлонъ недостатковъ, въ предположеніи, что благородуміе и опытность учителей устранить отъ учащихся то неблагопріятное впечатлѣніе, которое могутъ произвести на умы учащихся искоготрия неудачными мыслями, помѣщеннымъ въ первомъ отдѣлѣ, и потому поставить на видъ издателю въ необходимости, при съдѣдующихъ изданіяхъ сей книжки, болѣе тщательнаго пересмотра и исправленія сего отдѣла.

3) Книгу подъ заглавіемъ: «Эзимоновъ греческаго языка для гимназій. На основаніи сравнительного языкоизмія, составить Иванъ Примакъ, инспекторъ Новгородской гимназіи. С.-Пб. 1872 г.» — одобрить въ употребленію въ видѣ учебнаго руководства, съ тѣмъ, чтобы авторъ, при слѣдующемъ изданіи сей книжки, принялъ во вниманіе замѣчанія, сдѣланныя на нее комитетомъ.

- 4) Книгу подъ заглавиемъ: «*Иллюстрированный курсъ ботаники, отъ примѣненій изъ южно-русской въ Царствѣ флаги.*» Составить по Августу Любену преподаватель Александровской учительской школы Н. Лихачевъ. Тифлисъ, 1871 г. — рекомендовать, согласно тѣмъ мнѣніямъ попечительскаго совѣта Кавказскаго учебнаго округа, какъ учебникъ для учебныхъ заведеній этого округа.
- 5) Книгу подъ заглавиемъ: «*Сборникъ статей для постепеннаго перевода на французскій языкъ, съ приложеніемъ словаря.*» Составить Ф. Даффесъ. С.-Пб., 1872 г. — допустить къ пріобрѣтенію въ библиотеки гимназій.
- 6) Книгу подъ заглавиемъ: «*Земной шаръ. Пособіе при изученіи естественной истории;* А. Семеновъ. С.-Пб., 1871 г. — рекомендовать для гимназическихъ библиотекъ.
- 7) Книгу подъ заглавиемъ: «*Латинская христоматія.* Двѣ части. Съ примѣчаніями и словаремъ (при 1-й части). Составиль П. Носовъ. Издание 2-е, пересмотренное и исправленное. С.-Пб., 1871 и 1872 г. — одобрить какъ учебное пособіе для среднихъ классовъ гимназій только первую ея часть.
- 8) Книгу подъ заглавиемъ: «*Історія еврейскаго народа отъ заключенія Библіи до исхода Гаяновъ.*» Составиль Б. А. Сегаль. 2-я часть. Варшава, 1872 г. — одобрить, какъ и первую часть ея, къ употребленію въ видѣ руководства въ еврейскихъ училищахъ и въ общихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, где обучаются Евреи закону своей вѣры.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗВѢЩЕНІЯ.

По донесенію г. попечителя Киевскаго учебнаго округа, 19-го августа, во второмъ часу по полудни, Его Императорскаго Величества, вмѣстѣ съ Иль Импераціорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александ-

дровичевъ, созвавшиъ съездъ изъ Своемъ посѣщеніемъ Кременчугскую женскую прогимназію.

Покойный владѣлецъ дома въ г. Варшавѣ Карлъ Вознакъ, онъ же Возняковскій, духовнымъ завѣщаніемъ отъ 8/16 января 1872 года, отказалъ 150 руб. въ пользу института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ Варшавѣ.

Всѣдѣствіе представленія о семъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, г. управляющій министерствомъ народного просвѣщенія, предложеніемъ отъ 26-го августа 1872 года, утвердила, съ ограниченіемъ правъ третьихъ лицъ, значущуюся въ завѣщаніи Вознака запись на сумму 150 руб. въ пользу Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ.

Всѣдѣствіе представленія г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа г. управляющій министерствомъ предложеніемъ отъ 26-го августа 1872 года, утверждая сдѣланное сенаторомъ Витте распоряженіе о раздѣленіи третьаго класса IV Варшавской мужской гимназіи на параллельныя отдѣленія,—разрѣшилъ употреблять на это каждогодно по 1.896 руб. 25 коп. изъ суммы, ассигнируемой на содержаніе параллельныхъ классовъ гимназій Варшавскаго учебнаго округа.

Всѣдѣствіе представленія г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа, г. управляющій министерствомъ народного просвѣщенія, предложеніемъ отъ 26-го августа 1872 года, разрѣшилъ раздѣлить нынѣ же второй классъ 1-й Варшавской мужской гимназіи на два параллельныя отдѣленія, съ производствомъ вознагражденія учителямъ параллельнаго отдѣленія, въ указанномъ въ представлении размѣрѣ, изъ специальныхъ средствъ первыхъ Варшавскихъ гимназий.

Отставной полковник Емельянъ Ивановичъ Юргенъчъ, до-
 машнимъ духовнымъ завѣщаніемъ, составленнымъ 13-го іюля
 1872 года, отказалъ, между прочимъ, три выкупныхъ 5½% сви-
 дѣтельства на сумму 900 руб., въ пользу Варшавскаго универ-
 ситета для воспитанія бѣдныхъ студентовъ русскаго происхож-
 денія.

Вслѣдствіе представленія о семъ г. попечителя Варшавскаго
 учебнаго округа, г. управляющій министерствомъ народнаго про-
 свѣщенія, предложеніемъ отъ 4-го сентября 1872 года, утвердилъ,
 съ огражденіемъ правъ третьихъ лицъ, значущуюся въ завѣща-
 ніи запись на сумму 900 руб. въ пользу Варшавскаго универ-
 ситета для воспитанія бѣдныхъ студентовъ русскаго происхож-
 денія.

На основаніи отзыва графа А. С. Уварова, рекомендуется
 для библиотекъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, состав-
 ленное учителемъ главнаго пѣменецкаго училища при евангели-
 ческо-лютеранской церкви св. Петра, въ С.-Петербургѣ, Иверсе-
 номъ, по поводу празднованія въ текущемъ году двухсотлѣтнаго
 юбилея со дня рождения императора Петра Великаго, сочиненіе
 его, подъ заглавіемъ «Медали на дѣянія императора Петра
 Великаго».

ОБЪ АРАБСКОМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ Х ВЪКА, АБУ-ДОЛЕФЪ, И СТРАНСТВОВАНИИ ЕГО ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ.

(Посвящается И. И. Срезневскому, какъ автору изслѣдованія о странствованіи по Индіи Арабскаго Номадика.)

Къ числу географическихъ знаменитостей въ арабской литературѣ принадлежитъ между прочимъ Абу-Долефъ Мисаръ ибнъ-Мугальгиль аль-Янбули. По обширности пространствъ Азіи имъ описанныхъ могутъ соперничать съ нимъ, изъ средневѣковыхъ странствователей, только Китаецъ Сюань-Цзанъ, да Венеціанецъ Марко Поло, да Арабъ же Ибнъ-Батута. Путешествовалъ онъ, полагаютъ, въ половинѣ X вѣка, кроме мусульманскихъ земель, по тюркскимъ странамъ Средней Азіи, по Восточному Туркестану, по Тибету, быть въ Китаѣ, и извѣдывъ почти всю Индію.

Всѣ эти посвѣщенные имъ страны, за исключеніемъ мусульманскихъ, описалъ онъ въ особомъ *рисалѣ*, „сказаніе“. „Сказаніе“ это, какъ и некоторые другія записки древнѣйшихъ арабскихъ странствователей, дошло до насъ лишь черезъ посредство позднѣйшихъ географическихъ писателей той же націи. Находимъ его цитированнымъ цѣлкомъ у Якута, писателя конца XII вѣка, въ его объемистомъ географическомъ словарѣ *Маджамъ-эль-Бульданъ*, и первую половину *рисалѣ* — въ сочиненіи Зекерія Казвіни, писателя XIII вѣка, подъ заглавиемъ *Аджсаибъ-эль-Махлукатъ*¹).

Изъ европейскихъ ученыхъ обратили до сихъ поръ особое вниманіе на „сказаніе“ Абу-Долефа только Ф. Вюстенфельдъ и Курдъ

¹) Въ Вюстенфельдовомъ изданіи Якутова *Маджамъ-эль-Бульданъ* (Leipzig, 1866—1869) „сказаніе“ находится на стран. 444—548-й II-го тома. Сочиненіе Казвіни *Аджсаибъ-эль-Махлукатъ* издано тѣмъ же Ф. Вюстенфельдомъ (Göttingen, 1849), но „сказаніе“ не вошло въ это изданіе.

фонъ-Шлѣперъ. Первый перевѣль на нѣмецкій языкъ отдѣль „сказанія“ о тюркскихъ народахъ¹⁾). Послѣдній издалъ этотъ отдѣль, по Готской рукописи помянутаго Казвиніева сочиненія, и кромѣ того, вторую часть „сказанія“, заключающую въ себѣ путешествіе по Индіи, изъ Петербургской рукописи Якута — въ текстѣ, съ латинскимъ переводомъ и кое-какими примѣчаніями. Издание это было со стороны 23-лѣтнаго ориенталиста не болѣе какъ *specimen eruditiois*, который и представилъ онъ, въ качествѣ диссертациіи на степень доктора философіи, Берлинскому университету²⁾). Другіе ориенталисты, по разнымъ случаюмъ цитирующие Абу-Долефа въ своихъ изданіяхъ, бывшіи Гильдемейстеръ³⁾, Хомпсъ⁴⁾, читали его, по-видимому, бѣло, не вникая въ обстоятельства, изложенные въ „сказаніи“. Въ противномъ случаѣ тотчасъ же замѣтили бы они, что „сказаніемъ“ етихъ нельзя пользоваться какъ источникомъ, прежде чѣмъ не будетъ оно разобрано критически, и не будетъ такимъ же путемъ опредѣлена по возможності относительная достовѣрность заключающихся въ немъ извѣстій⁵⁾.

Отдѣльные статьи, изъ юникъ слагается „сказаніе“ Абу-Долефа, — по крайней мѣрѣ первая его половина, — приводятся обоями писате-

¹⁾ Переводъ этого напечатанъ въ *Zeitschrift für vergleichende Erdkunde* за 1842 годъ. Bd. II, ss. 205—218.

²⁾ Педъ затмавшемъ: Abu 'Ubayd Misarls bén 'Mubâjhal de sitimere malatice commentarius (Berolini, 1845). Первую часть «сказанія», заключающую въ себѣ „путешествіе по Средней Азіи, какъ Востонесельдъ, такъ и Курдъ“ фонъ-Шлѣперъ, взялъ изъ Готской рукописи *Аджасиб-эль-Махлукатъ*, указанной въ каталогѣ, составленномъ Мѣхлеромъ (*Catalogus librorum tam manuscriptorum quam impressorum, qui in Bibliotheca Gothana asservantur. Gotha, 1825*) подъ № 231-в. Рукопись же эта (подробно описанная Мѣхлеромъ въ первомъ приложеніи къ первому выпуску указанного каталога) представляетъ, по мнѣнію Востонесельда, первоначальную редакцію Казвиніева труда, изъ второй части которой возникло впослѣдствіи особое сочиненіе его *Асарб-эль-Бладъ*, куда «сказаніе» вошло уже въ обработанномъ видѣ, то-есть, въ видѣ отдѣльныхъ статей, расположенныхъ въ алфавитномъ порядке по системѣ климатовъ. По этой причинѣ и не помѣстилъ Востонесельдъ Абу-Долеева сказанія въ своемъ изданіи *Аджасиб-эль-Махлукатъ*.

³⁾ Въ *Ibn-Fozlan's Berichte*, s. VIII и XXIII.

⁴⁾ Въ изданіяхъ своимъ: *Scriptorum Arabum de rebus Indicis loci et opuscula inedita* (Bonnae, 1838), p. 77.

⁵⁾ Въ Извѣстіяхъ Ибнъ-Даста о Хазарахъ, Булгарахъ и т. д. (С.-Пб. 1869), стр. 48.

⁶⁾ Только Рено, въ своемъ *Introduction g  n  rale   la G  ographie des Orientaux*, p. LXXXI, замѣтилъ, что, сколько можетъ онъ судить по извѣстнымъ ему отрывкамъ Абу-Долефа, рассказы послѣдняго «не заслуживаютъ большаго довѣрія».

мии, его передающими; и Якутомъ, и Казиниемъ, въ одному и тому же видѣ, въ едной и той же послѣдовательности. Незначительные варианты встречаются у нихъ лишь по отношению къ языку, да изрѣдка короткая фраза, опущенная, по невнимательности переписчиковъ, у одного, пополняется другимъ, и наоборотъ. Такое однобразие Абу-Долефова текста въ двухъ разныхъ его источникахъ заставляетъ думать, что „сказание“ дошло до насъ, черезъ посредство Якута и Казинія, цѣлкомъ, въ подлинномъ его видѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышло изъ руки автора. Нѣть никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы заключать, чтобы или Якутъ, или Казини, или кто другой до нихъ, сокращали, передѣльвали, исказали, намѣренно или безъ намѣренія, основной текстъ „сказания“. Краткость этого послѣднаго нисколько не указываетъ на то, чтобы оно когда-либо было пространное: столь же немногословно слагали свои „сказания“ и другіе того времени мусульманскіе путешественники, до此刻 доказавшіе.

Между тѣмъ „сказание“, въ самомъ видѣ, въ какомъ имѣеть его, отличается образцовое путаницей изложения. Помимо другихъ обстоятельствъ, о коихъ будетъ рѣчь ниже, одна уже путаница эта заставляетъ полагать, что Абу-Долефъ не посыпалъ лично и половины странъ, которыми, по словамъ его, проѣзжалъ онъ, а описываетъ ихъ по слуху, съ чужой словъ. Въ виду означенной путаницы приходится думать, что собственный его маршрутъ служилъ ему не болѣе какъ нитью, на которую нанизывалъ онъ, вмѣстѣ съ личными своими замѣтками, и разглаголы слышанные отъ другихъ странствователей, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, умѣстно вставлять онъ послѣдніе или нѣть, и нисколько не затрудняясь чужие разказы эти выдавать за собственные наблюденія и приключенія. Поступая такимъ образомъ, авторъ „сказания“, по всей вѣроятности, и не подозревалъ даже, что совершааетъ подлогъ. Тѣмъ менѣе еще могло приходить ему въ голову, что такимъ безразборчивымъ сложениемъ чужихъ извѣстій съ лично имъ приобрѣтенными, и чужихъ маршрутовъ съ тѣмъ, которому самъ онъ слѣдоваль, не только не оказывается онъ услуги дѣлу знанія, а задаетъ еще отдаленному потомству египетскую работу разложенія на составныя части того, что таѣмъ легко было ему склонять.

Въ предположеніи, что таковъ именно быть процессъ, которымъ воинило „сказание“ Абу-Долефа, предстояло бы — чтобы материалъ, заключающійся въ „сказаніи“, могъ быть обращенъ на пользу истори-

ческой географії — поступить съ этимъ „сказаниемъ“ такимъ же образомъ, какъ поступали уже со сказаниями Слоанъ-Дзана и Марка Поло, то есть, разобрать, какими изъ упоминаемыхъ имъ странъ могъ Абу-Долефъ, сообразно съ цѣлю своего путешествія, пройти дѣйствительно, и о какихъ разказывается съ чужихъ словъ. Пока операциія такого рода не была произведена надъ книгами знаменитаго китайскаго буддиста и не менѣе знаменитаго Венеціанскаго купца, ихъ маршруты тоже представлялись безъыясненными или даже невозможными, и приводили разумныхъ читателей въ отчаяніе. Но къ Абу-Долефову „сказанию“ оказывается неприменимъ и такой способъ разслѣдованія: мы не знаемъ, куда именноѣхалъ онъ изъ Мавераннагра, и куда именно прибылъ въ концѣ своего путешествія по Средней Азіи. Такимъ образомъ, вглядываясь ближе въ „сказание“ Абу-Долефа, можно прийти и къ другому заключенію — что Абу-Долефъ вовсе не совершилъ того путешествія, которое приписывается ему въ „сказаніи“, что „сказание“ есть не иное что какъ сборникъ географическихъ и этнографическихъ сѣдѣній, какія можно было приобрѣсть въ мусульманскомъ мірѣ около половины X вѣка по Р. Х., объ Индіи и странахъ на сѣверъ и на востокъ отъ Мавераннагра, изъ разказовъ на-гометанъ дѣйствительно забирающихся туда по торговымъ видамъ, или разказовъ уроженцевъ означенныхъ странъ, по какимъ-либо случайному попадавшихъ въ мусульманскіе края; что сборникъ этотъ составленъ какимъ-либо грамотнымъ Арабомъ, который нашелъ удобнымъ изложить собранныя имъ сѣдѣнія въ формѣ путешествія, и путешествіе это — чтобы дать большую извѣстность и большийѣсъ своему труду — приписалъ Абу-Долефу, разумѣется, по кончинѣ его, какъ лицу славившемуся въ мусульманскомъ мірѣ многочисленностью своихъ странствованій. Словомъ сказать — что уже въ X вѣкѣ осуществлена была вѣнь-либо та же самая мысль, тотъ же самый планъ, по которому, черезъ восемь вѣковъ, именно въ 1820-хъ годахъ настоящаго столѣтія, совокупилъ извѣстія Арабовъ о прикаизаскихъ и другихъ странахъ, изложивъ ихъ въ видѣ путешествія по тѣмъ странамъ вымышленного имъ лица — известный основательностью труда своихъ ориенталистъ Д'Оксонъ¹⁾.

Которое изъ двухъ изложенныхъ предположеній ближе къ истинѣ,

¹⁾ Des peuples du Caucase et des pays au nord de la Mer Noire et de la Mer Caspienne, dans le X-e siÃÂcle, ou voyage d'Abou - el - Cassim. Par C. D'Oxson. Paris, 1828.

путь решаютъ сами читатели, на основаніи слѣдующихъ къ тому данихъ.

„Сказание“ свое, послѣ предисловія въ общемусульманскомъ вкусѣ, Абу-Долефъ начинаетъ съ того, что во время нахожденія его на службѣ у саманидскаго государя Насра сына Ахмедова, внука Имама-лова (властвоваль въ 914—943 годахъ по Р. Х.), прибыло къ послѣднему отъ государя китайскаго (хемикъ-эс-Синъ) Калатина (или Калина) сына Шахирова (или Шахбарова) посольство съ порученіемъ выеватать дочь Насра за сына этого Калатина; когда же Насръ не изъявилъ на то согласія, затруднился выдать мусульманку за язычника, послы предложили устроить родственную связь между двумя государствами женитбою одного изъ сыновей Насра на дочери того же Калатина. На это Насръ далъ согласіе, и вслѣдствіе того, отправилъ къ Калатину своихъ пословъ, къ которымъ онъ, Абу-Долефъ, и присоединился, пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ посѣтить страны тюркскія и китайскія. За этимъ введеніемъ говорится, что по прослѣдованіи мусульманскими городами въ Хорасанѣ и Мавераннагрѣ, первымъ народомъ (хабыль), въ землю которого прибылъ онъ съ посольствомъ, оказался народъ, обитающій въ странѣ Харжъ. Пройхавши этой страною цѣлый мѣсяцъ, выбрались въ страну народа Тахтакъ, и ѿхали ею 20 дней. Затѣмъ прибыли въ страну народа Наджа, гдѣ провели мѣсяцъ. Оттуда вступили въ землю народа Беджеснакъ, сосѣднюю со странами Саклабовъ, а проѣхавши ею 12 дней прибыли въ землю народа Джискиль, которую и слѣдовали въ теченіи 40 дней. Изъ этой послѣдней вступили въ страну народа Бараджъ, и ѿхали ею мѣсяцъ, пока не прибыли въ землю народа Тюббетъ. Этю землею ѿхали 40 дней, послѣ чего вступили въ страну народа Кимакъ, и ѿхали ею 35 дней, пока не достигли страны народа Гузъ, гдѣ пробили мѣсяцъ. Изъ земли Гузовъ вступили во владѣнія народа Тамазакъ, которыми слѣдовали 20 дней. Отсюда направились въ страну народа Хиртизъ, и пробывъ въ ней мѣсяцъ, перѣѣхали въ страну народа Харлухъ, которую слѣдовали въ теченіи 25 дней, пока не достигли до земли народа Хамлахъ, а черезъ 10 дней пути по послѣдней прибыли въ страну народа Хатаянъ, и ѿхали ею 20 дней. Оттуда прїѣхали въ страну Бамъ, и слѣдовали ею 40 дней, пока не достигли до мѣста, именуемаго Кулагѣбъ. Землями отъ Кулагѣба зависящими ѿхали мѣсяцъ, послѣ чего достигли до Макамъ-эль-Бабъ („воротъ, при которыхъ останавливаются“), песчаной страны, гдѣ находился приставъ государя китайскаго, отъ которого зависѣло

разрешение на виусъ въ китайскій владѣнія для жаждущихъ вступить туда. Этю страною ѿхали 3 дни, имѣя угощеніе на счетъ государя (китайскаго) и получая свѣжій подъемный скотъ черезъ каждый фарсахъ¹⁾ пути. Добравшись, такимъ образомъ, до *Вадиль-Макамъ* („рѣки, при которой останавливаются“), „попросили мы—продолжаетъ разказъ уже собственными словами Абу-Долефа—и получили разрешение выѣхать въ дальнѣйшій путь ранѣе пословъ; но разрешеніе это даю было намъ не прежде, какъ провели мы туръ, среди краснѣйшей и прѣтѣйшей мѣстности, какая только есть въ Божьемъ мірѣ, три дни, угощаемые все это время на государевъ счетъ. Затѣмъ переправились мы черезъ рѣку, и ѿхали цѣлый день, пока не увидѣли издали городъ *Сендабиль*, столицу Китайскаго государства. Но чевали мы въ разстояніи одного мерхеле (перегона) отъ нея, а вставши ѿхали съ раннаго утра и достигли до нея лишь къ закату солнца“. Описавъ Сендабиль, Абу-Долефъ сказываетъ: „и отправились мы къ государю: оказался онъ мастеромъ своего, царскаго, дѣла, человѣкомъ высокаго разума. И стали послы вести переговоры съ нимъ на счетъ порученнаго имъ сватовства дочери его за Нуха, сына Насрова. Соизволилъ онъ на это, и обласкалъ меня и пословъ. Оставались мы (въ Сендабиль) на государевомъ содержаніи, пока устроено было все къ свадѣбѣ невѣсты, и приготовлено все, что пошло за нею въ приданое. Когда все это было кончено, передалъ онъ дочь на руки двумъ стамъ ёнухамъ и тремъ стамъ дѣвицамъ, изъ самыx почетныхъ при дворѣ. И повезли ее въ Хорасанъ къ Нуку сыну Насрову, и вступить она съ нею въ бракъ. Что же до меня касается, то оставался я въ Сендабиль, городѣ китайскомъ, довольно долго, являемъ время отъ времени къ государю. И бесѣдовала онъ со мною о разныхъ предметахъ, и разспрашивалъ о томъ, что дѣлается въ странахъ исламскихъ. Затѣмъ, попросилъ я у него разрешенія на отѣзду, и отпустилъ онъ меня, одаривъ и снабдивъ всѣмъ, что только было нужно“. Изъ Сендабиля проѣхалъ Абу-Долефъ въ *Кэлэ* уже „на берегу моря, первый со стороны Китая индѣйскій городъ, въ разстояніи 300 фарсаховъ отъ китайскихъ предѣловъ, городъ дающе котораго не плаваютъ корабли, ибо гибнуть въ морѣ“. Изъ *Кэлэ* направился нашъ путешественникъ въ „Перцовую-Землю“, какъ называли арабы *Малабарскій-Берегъ*, и странствовать затѣмъ все по Индіи,

¹⁾ Фарсахъ, кревиллъ карасамъ — путевая единица, равняющаяся приблизительно географической милѣ (7-и верстамъ).

иша не возвращался въ мусульманскіи страны черезъ Семістанъ, въ то время, когда властвовалъ тамъ Абу-Джафаръ Мухаммѣдъ сына Ахмедова, внукъ Лейсова.

Обозрѣть, такимъ образомъ, маршрутъ первой половины правления Абу-Долефа (по Средней Азіи), посмотримъ прежде всего, насколько ли обстоятельства, подавшія поводъ къ его путешествію.

Если подъ „государемъ китайскимъ“, посольство котораго прѣзвало сватать дочь Насрову, разумѣть кого-либо изъ лицъ, занимавшихъ въ Китаѣ императорскій престолъ; то „сказаніе“ Абу-Долефа представляется лживымъ съ первыхъ же строкъ. Несомнѣнно, что никакой императоръ никогда бы не упивался до того, чтобы просить руки иностранной принцессы для своего сына, и тѣмъ болѣе, называятъ свою дочь въ жены иноземному послѣднику престола. Правда, перводѣла властвованія Насра сына Ахмедова (914—943) были смутныи временемъ для Китаѣ. Извѣстно, что по паденію, въ 907 году, знаменитой Тханской династіи, императорское достоинство присвоилъ себѣ тамъ низложившій послѣднаго изъ Тхановъ, генераломандонавший его войсками Чжу-вани; но династія имъ основанная властвовала всего 17 лѣтъ; въ 923 году императорское достоинство перешло къ владѣльцу циньскому, Ли-цунь-сю¹; но его родъ занималъ императорскій престолъ еще менѣе времени—только 13 лѣтъ. Въ 936 году, престоломъ этимъ овладѣлъ нѣкто Ши-цзинь-хань, племянникъ и преемникъ котораго взять быть въ пленъ Киданами, выѣхѣть съ чѣмъ прекратилось, въ 947 году, и существованіе третьей, послѣ Тхановъ, императорской династіи. Независимо отъ государей трехъ династій этихъ, титулъ императорскій носили съ 918 года повелители Киданей, которыхъ, кромѣ Монголіи, принадлежали и 16 китайскихъ округовъ въ иныхъ областахъ Чжи-ли и Сань-си¹). Но киданьскіе императоры были слишкомъ могущественны и горди своимъ величиемъ, чтобы искать родственной связи съ государемъ Мавераннахра; и какъ ни слабы относительно были лица трехъ помянутыхъ императорскихъ династій въ Китаѣ, быть однако никакихъ поводовъ предполагать, чтобъ и они, безъ особой въ томъ нужды, рѣшились отступить отъ вѣковыхъ обычаевъ „Срединной Имперіи“. Кромѣ трехъ династій, о которыхъ упомянуто, съ паденіемъ Тхановъ возникло въ разныхъ частяхъ Китаѣ нѣсколько владѣній, государи которыхъ, хотя

¹⁾ Васильевъ, Исторія и древности восточной части Средней Азіи (С.-Пб. 1859), стр. 18.

императорского титула вообще не принимали, властовали однако совершенно независимо¹). Вотъ относительно этикъ владѣльцевъ нельзя поручиться, чтобы кому-нибудь изъ нихъ, сидѣвшему гдѣ-либо на западѣ Китая, не пришло желанія усилить себя родственномъ сызью хотя и съ отдаленнымъ, но славнымъ государемъ Западныхъ Краевъ (*Си-Юй*), чьи звались въ Китай страны на западъ отъ Памирской Высн. Допустить это тѣмъ возможнѣе, что „государемъ китайскимъ“ (малекъ-эс-Синъ) называли Арабы одинаково, какъ императора китайскаго, такъ и подручныхъ ему владѣльцевъ — вассаловъ, и даже правителей областей. Примѣръ первого употребленія видимъ мы въ сказаніи Табари и повторяющихъ его позднѣйшихъ арабскихъ историковъ, о томъ что полководецъ Халифа Валида, Кутейба ибнъ-Муслімъ, иринудилъ въ 96 году гиджры (714 — 715 по Р. Х.) „государа китайскаго“ заплатить Халифу дань и признать себя его вассаломъ²), тогда какъ Кутейба да же Кашгара изъ предѣловъ Ферганы не проникалъ, и могъ подвергнуть помянутому униженію лишь вассального Китаю владѣльца Кашгарской Области. Примѣръ втораго случая даетъ намъ купецъ Судейманъ, титулюющій *мамик'ами* правителей главныхъ городовъ въ Китайской Имперіи, каковыхъ, по словамъ его, находилось тамъ двѣ сотни³). Имѣеть, потому, полное право считать и Калатина Абу-Долефа не болѣе какъ за одного изъ удѣльныхъ въ Китай или вассальныхъ Китаю, выѣ предѣловъ его, владѣтелей. По отношенію къ сватовству со стороны Калатина „сказаніе“ не утрачиваетъ такимъ образомъ достовѣрности, если только не окажется, что помѣщаетъ Калатина Абу-Долефа въ такую часть Китая, которая едва ли могла бы имѣть сношенія съ западомъ Азіи. Гдѣ же именно находились владѣнія Калатина? По маршруту Абу-Долефа этого нельзѧ опредѣлить съ точностю. Френъ, а за нимъ и Гильдемейстеръ съ Курдъ фонъ-Шлѣцеромъ, полагаютъ, что Калатинъ властноваѣтъ гдѣ-нибудь на Загангскомъ полуостровѣ⁴). Но

¹⁾ Гакинев Бучурина: Статистическое описание Китайской Имперіи (С.-Пб. 1842), I, 192; Кларгоth: Tableaux historiques de l'Asie. Atlas, cartes 17 et 18-e.

²⁾ Разказъ Табари см. у Вейса, въ его Geschichte der Chalifen (Майнц, 1846), I, 503; Ibn-el-Athir chronicor, ed. Tornberg, vol. V (Lugd. Batav. 1871), p. 2—3.

³⁾ Relation des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine dans le IX-e siécle de l'ère chrétienne (Paris, 1845), I, 32; II, 34.

Въ такомъ же смыслѣ увидимъ употребленія ниже слово *мамикъ* и въ „Китабъ-Эль-Фигристъ“.

⁴⁾ Abu Dolefi commentarius, p. 30, annot. 3.

если такъ, то предстает ли хотя малѣйшая вѣроятность, чтобы Калатинъ зналъ о существованіи Насра, и тѣмъ болѣе, выдумать родиться съ нимъ? Допустить это въ Х вѣкѣ столь же невозможно, какъ и то, чтобы въ наше время какому-нибудь Цицинъ или Чика-санту хану хакаскому пришла фантазія присматриваться къ дочери султана Ашантіевъ въ Африкѣ. Сватовство отъ Калатина могло иметь мѣсто въ такомъ лишь случаѣ, если властовала онъ въ западныхъ частяхъ Китая, находившихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Мавераннахромъ. Ниже укажемъ мы наши основанія полагать, что только въ означенныхъ предѣлахъ и могла находиться столица Калатинова, городъ Сендабиль. Стало быть, и по отношенію къ жѣстопребыванію Калатина „сказаніе“ выдерживаетъ критику. Что же касается до самаго имени Калатина (или Калына) и отца его Шахира (или Шахбара), то хотя въ нихъ вѣтъ и тѣни китайщины, соблазняться этимъ не слѣдуетъ: Арабы способны были переиначить китайскія имена до степени неузнаваемости еще превосходнѣе той, до какой, въ свою очередь, уродовали иногда и Китайцы трудно-произносимыя для нихъ имена арабскія, персидскія и тюркскія.

Итакъ, по отношенію къ поводу для путешествія Абу-Долефа, не представляется, повидимому, особыхъ причинъ считать его придуманнымъ или несообразнымъ съ обстоятельствами времени и мѣста. Не то находимъ при разсмотрѣніи его маршрута. Изъ китайскихъ источниковъ знаемъ мы, какія владѣнія лежали въ X и IX вѣкѣ между Мавераннахромъ и Китаемъ¹⁾). Нѣкоторыми изъ этихъ владѣній долженъ быть проѣзжать Абу-Долефъ неминуемо, если путь его изъ Бухары или Самарканда въ Китай или на Загандскій полуостровъ лежалъ не черезъ Индію. Между тѣмъ, въ „сказаніи“ его не находимъ ничего похожаго на имена этихъ владѣній. Единственное исключеніе составляютъ Харка, чѣмъ можно принимать за Яркянъ, имѣя въ виду, что послѣднюю Марко Поло тоже называетъ *Karkan*, а Гоецъ—*Hier-schla*²⁾). По именамъ трехъ первыхъ народовъ, странъ или городовъ, проѣханныхъ Абу-Долефомъ по выступленіи изъ предѣловъ Мавераннахра и Хорасана (*Харха*, *Тахтахъ*, *Наджа*), нельзя вывести заключенія даже о направлѣніи, по какому онъ выѣхалъ, то-есть, поѣхалъ ли онъ на Таразъ и черезъ Джунгарію, поѣхалъ ли черезъ

¹⁾ Извѣстно это, между прочими, изъ путешествія буддиста Синь-цинъ (Hsing-kin). См. *Journal Asiaticus* за 1847 годъ, т. X, р. 112.

²⁾ *Марко Поло*, въ изд. Потѣ (Paris, 1865), р. 141; *Гоецъ*, у Юля въ его *Cathay and the way thither* (London, 1866), р. 562—564.

Фергану на Верхній-Барсаджаръ¹⁾ или на Кашгарь, поѣхать ли на коне, третьимъ путемъ, черезъ Токарестанъ, Ваханъ и Памиръ, путемъ, которымъ сѣдовали Сюань-Цзанъ, и Марко Поло, и Гоэль²⁾. Пусть діакритическая точка въ трехъ обозначеніяхъ имена на переврали переписчиками; будемъ читать эти имена съ какими угодно точками

¹⁾ Барсаджаръ: такъ читаю я вмѣсто Бирсамъ у Ибнъ-Хордадбега и Ко-дамы, по Барбье-де-Менару и Шпренгеру; и вмѣсто Берсаджансъ у Эдриси, по Жоберу.

²⁾ Только этими тремя путями въ историческое время изъ долинъ Аксу и Сыра въ долину Тарима и далѣе оттуда, въ Китай ли, въ Тибетъ ли и Индію. Первый путь — на Таразъ и черезъ Джуңгарию на Харашеръ или на Верхній-Барсаджаръ—описанъ у Ибнъ-Хордадбега (въ *Journal Asiatique* за 1865 годъ, т. V, р. 255—256) и у Эдриси (въ французскомъ, Жоберовомъ, переводѣ его географіи, т. II, 214—218). Этюю дорогою ѣхали въ передний путь свой Сюань-Цзанъ въ 630 году (*Mémoires sur les contrées occidentales*, trad. par St. Julien, Paris, 1857, I, 11—15), и поездство Шахруково въ 1420 (официальный отчетъ объ этомъ послѣствїи, включенный въ сочиненіе свое авторомъ *Мадрас-ес-Садейнъ*, см. въ *Notices et extraits des manuscrits*, т. XVI, 1-я partie, р. 308—386). Второй путь—черезъ Фергану на Верхній-Барсаджаръ—описанъ тоже у Ибнъ-Хордадбега (I. с. р. 268—268) и у Эдриси (I. с. I, 489); вѣты же этого пути—изъ Фергана на Кашгарь—полагаю чѣмъ у другихъ приведена въ извѣстность, въ началѣ текущаго столѣтія, Иzzet-ул-Лахомъ (см. въ *Magasin Asiatique* Капрота, т. II, № III, р. 38—46). Описание третьаго пути—черезъ Токарестанъ и Памиръ — которымъ ѣхали Сюань-Цзанъ (въ обратный путь), Марко Поло и Гоэль, русскіе читатели могутъ найти въ первомъ выпускѣ нашего «Восточнаго Туркестана» (С.-Пб. 1869), стран. 234—251, 487—199, 501, 503 и 505—507. Кроме трехъ обозначеній путей, быть, по Масуди, и четвертый—тоже, повидному, черезъ Памиръ, но не изъ Токарестана, и затѣмъ Ваханомъ—пролегавшій (будто бы) долиною въ 40 или 50 миль длины, которая прорѣзывала горы, гдѣ добывался нашатырь; по этому пути, выючнымъ животнымъ недоступному, разстояніе отъ Хорасана до Китая считалось (будто бы) всего въ 40 дней (*Les prairies d'or* par Macoudi, Paris, 1861, I, 347—348). Нашатырь, по Истахри, добывался въ горахъ Эль-Боттакъ, въ сѣверу отъ Сатаниена, въ югу отъ Осерушы, въ южнѣ вытекала р. Зергешанъ (*Viae Regum*, ed. J. de Goeje, Lugd. Batav. 1870, р. 313—318). Принимая это въ соображеніе, можно помагать, что путь, о которомъ говорить Масуди,—тотъ самый, что, по Эдриси, шелъ изъ Ваширда на Расть, «городъ между двумъ горъ, тѣсниною между которыми проникали (въ мусульманскіхъ земляхъ) грабительскія шайки Турковъ, пока барменидъ Фадль сынъ Яхънъ не загородилъ этой тѣснинѣ стѣною съ воротами, и для охраненія ихъ не поставилъ тутъ гарнизона» (I. с. I, 484—485). По Ибнъ-Хамдуну (въ *Notices et extraits des manuscrits*, т. XIX, 1-я partie, р. 135—136), тѣснинѣ эта находилась между горами Эль-Боттакъ (нынѣ Кашгаръ-Даванъ) и горами, которыхъ отдѣлили страну Хуттесъ отъ земель Туровъ и Тибетцевъ (звлечь, Памиръ). Быть можетъ, тѣснинѣ эта — та самая впадина на Памирѣ, о существованіи которой заговорили въ послѣдніе времена.

(*Хасарка, Хазза, Таджстаджъ, Баха, Таха* и т. д.), и все-таки не найдется никакого имени, напоминающего известный из другихъ источниковъ современный Абу-Долефу имена народовъ или насто-стей на пути черезъ Джунгарію или Восточный Туркестанъ до Кытая или Загангскаго полуострова. Но вотъ, послѣ трехъ первыхъ за-гадочныхъ именъ, топографический или этнографический, говорить Абу-Долефъ о прибытии своемъ въ земли народа, или второго изоб-ражается одинако во всѣхъ известияхъ руминскихъ, народа наимъ знаменитаго (*Баджанакъ* мусульманскихъ писателей *несомнѣнно*, та-де-стинны съ *Печеньгами* русскихъ и *Пацанаками* византійскихъ ль-тонаисцевъ), и въ ирибавѣть, упоминаетъ, что земли этого народа скажна съ землею другаго, тоже наимъ известнаго (*Сакалыбъ* мусуль-манскихъ писателей не означаетъ ничего иного, кроме *Славянъ*). И что же оказывается? Оказывается, что на пути изъ Мавераннахра на востокъ никоимъ образомъ немогъ Абу-Долефъ пройти чрезъ земли этого народа, такъ какъ изъ непрекращаемыхъ свидѣтельствъ писателей русскихъ, византійскихъ и даже одного арабскаго, совре-менника Абу-Долефу, известно, что Печеньги, уже въ концѣ IX-го вѣка (около 890-хъ годовъ) вытѣснены были изъ обиталищъ своихъ между Ураломъ и Волгой, далѣе на западъ, въ степи придонской и приднѣпровской, и вытѣснены были именно Узами; то-есть, *Гуз'ами* мусульманскихъ писателей, которые Гузы, по тѣмъ же писателямъ, и занимали уже къ началу X-го вѣка все пространство степей отъ Волги до Аспиджаба (около нынѣшняго Чимкента)¹). Что именно

¹) По Константину Багрянородному Печеньги жили первоначально въ странѣ между Яикомъ и Волгой, значитъ тамъ, где теперь Внутренняя Киргизская Орда и Новоузенскій уѣздъ Самарской губерніи. Тутъ—говорить онъ—живутъ теперь Узы, которые вытѣснили Печеньговъ при помощи Хазаръ. Это вытѣсненіе Печеньговъ Узами въ страны на западъ отъ Волги произошло, по тому же писателю, лѣтъ за 50—55 передъ тѣмъ, какъ писалъ онъ сочиненіе свое «Объ управлѣніи Имперіемъ», выходить — въ 890-хъ годахъ (De administrando imperio, cap. 37). По франкскимъ лѣтописцамъ (см. Шльцеровъ Nestor, III, 40), въ 896 году Печеньги выгнали уже Угровъ изъ Молдавіи. Въ нашихъ лѣтопи-сахъ о первомъ приходѣ Печеньговъ на Русь упоминается подъ 915 годомъ (*Хараминъ*, И. Г. Р. I, 87 по изд. Эйнериха). По Масуди, Печеньги, въ союзѣ съ тремя другими родственными имъ тюркскими народами, вели, въ 920-хъ годахъ гайдары (послѣ 932 по Р. Х.) войну съ императоромъ византій-скимъ, Романомъ, и проникнувъ до Константиноополя, около 40 дней стояли подъ этой столицей (Les prairies d'or, II, 58—64). По тому же писателю, Гузы (то-есть, Узы Византійцевъ), около 800 года гайдары (912—913 по Р. Х.), имѣли уже за-

этакъ, а не какихъ-либо другихъ Печенѣговъ гдѣ-либо въ глубинѣ Средней Азии, имѣлъ въ виду Абу-Долефъ, утверждая что проѣзжать чрезъ ихъ землю, видно изъ того, что землю эту заставляетъ онъ сосѣдить съ Славянами, какъ и было то дѣйствительно въ X-мъ вѣкѣ¹⁾. Явно, такимъ образомъ, что Абу-Долефъ не могъ проѣзжать чрезъ землю Печенѣговъ, слѣдя изъ Бухары или Самарканда по пути въ Китай или на Загандскій полуостровъ. Припомнимъ къ тому, что бывалъ онъ не одинъ, а съ послами Насропыми, которые, конечно, не стали бы, для его удовольствія, сворачивать съ своего пути — куда? — въ Придонскіи степи! Выходить, по всѣмъ вышеприведеннымъ спрашкамъ и соображеніямъ, что разказъ Абу-Долефа о Печенѣгахъ — если принять предположеніе о вставочномъ характерѣ нѣкоторыхъ статей въ его мариругѣ — разказъ вставочный.

Далѣе, такими же вставочными въ мариругѣ Абу-Долефа должны быть признаки и разказы его о посѣщеніи имъ земель *Гузозъ*, *Джемикей*, *Кимаковъ*, *Хиргизовъ* и *Хаталка*, такъ какъ земли этихъ народцевъ находились далеко отъ всякихъ путей сообщенія, по которымъ послы Насропы могли слѣдовать къ Сендалию, находясь городъ

моки своимъ около сближеніемъ Дона съ Волгою, какъ видно это изъ его сказаний о рѣчномъ походѣ Русѣ изъ Чернаго и Азовскаго морей въ Каспійское (*ibidem*, II, 19). По Истахри, Гузы, въ его время (первая четверть X-го вѣка), занимали пространство степей по восточному и сѣверному берегу Каспія, огибая мусульманскія страны отъ Джорджіана до Фараба и Аспиджаба, имѣя сосѣдами (на западѣ) Хазаровъ, (на сѣверо-западѣ) Булгаровъ, (на сѣверо-востокѣ) Кимаковъ, (на востокѣ) Харлуковъ. О Печенѣгахъ не упоминаетъ онъ какъ о тюркскомъ народѣ, который отдѣлился отъ прочихъ единоплеменниковъ, оставилъ премиумъ кочевья свои, и поселился въ земляхъ между Хазаріею и Румоньемъ (Византійской Имперіею) (*Viae Regnorum*, р. 9—10). Если географъ XI-го уже вѣка, Аль-Бекри, все еще сѣверную границею печенѣгскихъ кочевий считаетъ землю Кипчаковъ, а южную — землю Хазаровъ, то, въ то же время, западную ихъ границею является у него уже земля Славянъ (см., въ *Journal Asiatique* за 1849 годъ, т. XIII, р. 461 et 467), а это показываетъ лишь то, что у него смышами старыхъ извѣстій о Печенѣгахъ, относящіеся ко времени пребываній ихъ между Яикомъ и Волгою, съ извѣстіями новѣйшими о поселеніи ихъ уже на пространствѣ «отъ Хазаріи до Рума», какъ говорить Истахри.

¹⁾ Во времена Константина Багрянородного (944 — 959 гг.) Печенѣги, по показанию этого императора, жили на-половину къ востоку отъ Днѣпра до предѣловъ земли Узовъ и Хазаровъ, а на-половину — къ западу отъ Днѣпра,сосѣдствуя съ Булгарами, Уграми, Русью и подвластными послѣдней славянскими родами (*De administrando imperio*, стр. 37, въ Боннскомъ изданіи сочиненій Багрянородного *consilio Niebuhrii*, т. III, стр. 166).

этотъ въ Китай или въ Индіи¹). Пройтиать землями означенные народы было для нихъ столь же неестественно, какъ для направляющихся изъ Вильны прямо въ Тифлісъ — проѣзжать губерніи Эстляндскую, Ярославскую, Симбирскую и Оренбургскую. Выходитъ, что стоило Абу-Долефу припѣсть случайно къ маршруту своему одни тюркскій народъ, Печенѣговъ, какъ и счѣль онъ это тотчасъ же достаточными поводомъ пораказать и о всѣхъ другихъ тюркскихъ народахъ, о какихъ только слыхивалъ или читывалъ, присыпывая себѣ, въ сообществѣ съ послами Насровыми, посѣщеніе всѣхъ этихъ народовъ — лишь для единообразія въ разказѣ. Но пусть бы Абу-Долефъ разѣжалъ одинъ, безъ пословъ, совершенно свободно, дѣлая какие угодно ему zigzagi и завороты съ цѣлю побывать у всевозможныхъ тюркскихъ народовъ, все бы не могъ онъ, какъ читаемъ въ его „сказаніи“, перѣхать напосредственно изъ Тибета въ земли Кымаковъ, или изъ земли Гузовъ въ страну Тагазгазовъ, такъ какъ означенные земли непосредственно другъ къ другу не прилегали, а отдѣлялись одна отъ другой обширными пространствами, занятymi народами между которыми промежуточными. Такого рода промахи у Абу-Долефа сдѣльствуютъ уже не только о томъ, что онъ не проѣзжалъ черезъ означенія сейчасъ страны, но и не зналъ даже, гдѣ именно и въ какомъ положеніи другъ къ другу лежали они.

Вышеозначенные статьи „сказанія“ (о Печенѣгахъ, Гуахахъ, Дин-киляхъ, Кымакахъ, Хирхизахъ и Хаталнахахъ) являются вставочными въ маршрутъ Абу-Долефа, какою бы изъ трехъ известныхъ дорогъ ни ѿхажъ онъ на востокѣ изъ Мавераннара и Токарестана. Ясно,

¹) По Истахри, земля Хармухоэс находилась къ востоку отъ земли Гузовъ (о положеніи ея см. прим. къ стр. 12), къ западу отъ земли Тагазгазовъ, къ югу отъ земли Кымаковъ; земля Кымаковъ — къ востоку отъ земли Гузовъ, къ сѣверу отъ земли Харлуковъ, къ западу отъ земли Хирхизовъ; земля Хирхизовъ — къ сѣверу отъ земли Тагазгазовъ и изъ востоку отъ земли Кымаковъ вплоть до синана; земля Тагазгазовъ — къ востоку отъ земли Харлуковъ, къ сѣверу отъ Тибета, къ западу отъ Китая, и къ югу отъ земли Хирхизовъ (*Vie Regnorum*, p. 9—10). О Дин-киляхъ и Хаталнахахъ Истахри не упоминаетъ. Джихили Абу-Долефа, по всемъ соображеніямъ — тотъ же самый народъ который у Эдриси называется Халахъ или Хильмъ, а онъ помѣщаетъ этотъ народъ повидимому къ сѣверу отъ Харлуковъ, къ западу отъ Кымаковъ (*Géographie d'Edrisi*, trad. par Jaubert, II, 214, 217, 218). Хаталы — Бидани и затѣмъ обитатели сѣверного Китая вообще. Такимъ образомъ, все поименованные пять народовъ различались въ странахъ къ сѣверу отъ Тяншанскаго Хребта и притомъ сѣвернѣ Харлуковъ и Тагазгазовъ, стало быть вовсе не на пути въ Западный Китай, и тѣмъ болѣе въ Заганскую Индию.

что если бы мы знали, какой именно изъ трехъ дорогъ этикъ ссы-
довали они; то оказались бы одинаково вставочными и многія другія
статьи „сказаний“. Указать ту дорогу, которая избрана была посоль-
ствомъ, не было бы никакъе затруднительнѣй при изложеніи
китайскихъ и арабскихъ съѣдѣній о путахъ сообщенія по Восточ-
ному Туркестану, если бы известно было, гдѣ находился конечный
пунктъ странствованія пословъ Насропыкъ, городъ Сендабиль. Но
этого-то мы и не знаемъ, а не зная этого, не можемъ опредѣлить и
лици путь туда изъ владѣнія Насропыкъ. Если согласно съ Фре-
нену, полагать, что Сендабиль и владѣнія Калатина находились гдѣ-
либо на Загангскомъ полуостровѣ, то весь дѣйствительный маршрутъ
Абу-Долефа ограничивался бы, повидимому, Харкаю, Тахтахонъ и
Наджесю, странами, которые, по обстоятельствамъ, сообщаемымъ о
нихъ въ „сказаніи“, можно принять за горные владѣнія на Па-
мирѣ и восточнѣе его скатахъ; затѣмъ землею Европейской и зем-
лею народа Любека, которая обѣ, по описанію ихъ въ „сказаніи“,
можно допускать изъ простираемости Тибета въ его настоющіихъ пред-
лахъ; затѣмъ—владѣнія по имени Баш и Кумайбы, гдѣ уже нальми-
росли, стало быть индійскими; а за ними должна была лежать уже
и самій Сендабиль, который, принимая въ соображеніе, что отъ мер-
сакаго берега, гдѣ находилось Калъ, отстоить онъ, по „сказанию“, на
300 фаршловъ, то есть, по крайней мѣрѣ на 2.000 верстъ, прихо-
дится отыскивать лишь въ южнѣйшей Юньнаньской Области на юго-
западной окраинѣ Китая. Въ предположеніи, что таюй могъ быть
дѣйствительный маршрутъ Абу-Долефа, надо допустить, что онъ не
проѣзжалъ чрезъ земли ни одного тюркскаго народа, что обо всѣхъ
странахъ тюркскихъ, которые описываются у него, знать онъ лишь изъ
чужихъ разказовъ, можетъ быть изъ первыхъ, а пожалуй, изъ вторыхъ,
даже изъ третьихъ рукъ, и что вставочными, потому, слѣдуетъ счи-
тать въ маршрутѣ его; кроме поминутныхъ выше, еще и статьи о
Харухахъ, Тахтагахъ и Хатлахахъ.

Мы не допускаемъ этого. Не допускаемъ потому, что хотя въ
Юньнани, по китайскимъ извѣстіямъ, и существовало, подъ именемъ
Нама-чао, сильное государство, не разъ, со временемъ Тханской дина-
стіи, вступавшее во враждебныя столкновенія съ сосѣдними ему Ки-
таемъ и Тибетомъ¹⁾, и потому весьма приличное для помѣщенія
въ немъ Калатина со столицею его Сендабилемъ,—Юньнань, какъ и

¹⁾ *Deguignes: Hist. génér. des Huns*, I, 173—175.

Загнитский полуостровъ, считаемъ такими странами, которые могли находиться въ сношении съ Мавераннаргомъ въ X вѣкѣ столь же мало какъ и въ настоящее время; тамъ, очевидательно, по всей вѣроятности, не имели въ существованіи, не только саманіда Насра сына Ахмедова, не даже и того края, где онъ властновалъ; тамъ, поэтому, не могло возникнуть и самой мысли о какихъ-либо родственныхъ связяхъ съ саманідами, не говоря уже о томъ, что если бы подобная неестественность и могла возникнуть вѣсто, то не нашлось бы средствъ въ ея осуществленію. Пройти изъ Мавераннарга въ Юньнань возможно было во всѣ времена — лишь по картѣ; въ действительности же, на памяти истории, между странами этими не существовало никакихъ проѣзжихъ путей, и не производилось никакихъ сообщеній.

На этомъ, полагаемъ весьма уважительномъ, основаніи, Сендабиль, гдѣ властновалъ Балагитъ и вуда прѣтжало сватать дочь его послы отъ Насра, не можетъ быть помѣщаемъ въ Юньнани.

Такъ гдѣ же находились, въ городахъ этой, и владѣли Калатина?

По нашему мнѣнію, то и другое, всего вѣроятнѣе, могло находиться на крайней сѣверо-западной оконечности Китая, въ нынѣшихъ Гань-чжуеускомъ уѣздѣ и Су-чжуеускомъ округѣ области Гань-су. Къ такому мнѣнію болѣе всего приводить настѣнѣ подробности, встречающиеся въ „сказаніи“ о *Махамъ-эль-Бабѣ* и *Вадилъ-Махамѣ*, чрезъ которыхъ проѣзжалъ Абу-Долефъ непосредственно передъ прибытіемъ въ Сендабиль. То, что находимъ у него объ этихъ мѣстностяхъ, и слѣдованіи ими послыства Насрова, весьма-пожалѣ на разказѣ позднѣйшихъ путешественниковъ о вступлениѣ ихъ изъ Восточнаго Туркестана въ китайскіе предѣлы черезъ *Дзя-юй-цуань* и *Су-чжуеу*. Путешественники эти — послы къ императорскому китайскому двору изъ тѣхъ же краевъ, откуда отправились и послы Насрова, изъ Мавераннарга и Хорасана, послы знаменитаго Шахруха сына Тamerланова,ѣздившіе въ 1420—1422 годахъ, и затѣмъ римско-католическій миссионеръ, португальскій монахъ Бенедиктъ Гоэль, посѣтившій Су-чжуеу въ 1603 году. Приводить здѣсь въ подтвержденіе словъ нашихъ виновныхъ изъ этихъ путешественниковъ, было бы слишкомъ длинно: кого интересуетъ предметъ могутъ прочесть ихъ въ источникахъ¹⁾.

¹⁾ Отчетъ о путешествіи Шахрухова послыства — въ *Notices et extraits des manuscrits*, t. XIV, 1-re partie, p. 308 — 336; Гоэльово путешествіе — въ книжѣ *Triguntius: De christiana expeditione apud Sinas* (Aug. Vind. 1615), lib. V, cap. 10.

Су-чжеу — достаточно большой китайский городъ, чтобы показаться верхомъ великолѣпія для путника, знакомаго лишь съ мусульманскими городами и только что избравшагося изъ безводныхъ песковъ Гобійской пустыни. Въ описании Сендабиля и должно имъ, по всейѣроятности, видѣть описание Су-чжеу, разумѣется, съ прикрасами, какими не одинъ Абу-Долефъ дополнить дѣйствительность. Отождествленіе Сендабиля съ Су-чжеу увеличиваетъ и самуюѣроятность, какъ дѣйствительности путешествия Абу-Долефова, такъ и дѣйствительности посланства отъ Калатина къ Насру о сватовствѣ, ибо между Су-чжеу и Бухаро или Самаркандомъ существовали въ X вѣкѣ дѣятельныя торговые сношенія¹⁾, и Су-чжеу къ тому же, при сущтакъ одолѣвавшихъ Китай въ продолженіи государствованія Насрова, находился въ рукахъ кого-либо изъ уйгурскихъ владѣльцевъ²⁾, которому могло казаться и выгоднымъ, и почетнымъ вступить въ родственныхъ связи съ сильнымъ государемъ, каковъ былъ Насръ, господствовавший, кроме Мавераниагра, надъ Хорасаномъ, Седмистаномъ и т. д. Приязь, что подъ Сендабилемъ слѣдуетъ разумѣть Су-чжеу, гдѣ властеводѣль Турии-Уйгуры, не имѣяъ надобности объяснять искаженіемъ и не-китайское имя Калатина Шахирона³⁾. Но въ такомъ случаѣ надо будетъ признать, что всѣ статьи „сказаний“ о странахъ тибетскихъ и за-тибетскихъ по предположительному марш-

¹⁾ О сухопутныхъ торговыхъ сношеніяхъ мусульманскихъ странъ съ Китаемъ въ X вѣкѣ см. у *Масуди* (*Les prairies d'or*, I, 349).

²⁾ Впервые оклады Уйгуры Гань-чжеу, Су-чжеу и другими китайскими городами и крѣпостями далѣе на западъ, около 850-хъ годовъ, какъ указываетъ это изъ «Исторіи Тханской Династіи» (см. *Л. Бичуринъ*: «Собрание свѣдѣній, о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи», С.-Пб. 1851, I, 424). Китайский послы Чжанъ-Чао-ѣ, проѣзжившій этими местами въ 938 году, упоминаетъ о господствѣ Уйголовъ въ Гань-чжеу (*Abel-Rémusat: Histoire de la ville de Khotan*, р. 76). И владѣли тутъ Уйгуры вплоть до 1028 года, когда привезли надъ собою власть тангутскихъ государей (*Л. Бичуринъ*: «Исторія Тибета и Хукунора», С.-Пб. 1833, т. II, стр. 21—22).

³⁾ Калынъ, слово тюркское, значить «толстый», «дебелый» — имя весьма почтенное въ племени, которое измѣряло геройство числомъ складокъ на брюхѣ (см. калмыцкую сказку о Джамгарѣ, въ переводѣ *Бобровникова* — въ *Вестникѣ И. Р. Геор. Общ.* за 1854 г., ч. XII, стр. 112). Въ древнихъ «бывшихъ» нашихъ также, какъ известно, поется про царя татарского по имени Калынъ (см. напримѣръ, въ сборнике *Кирхи Деликова*, изданнымъ *Калайдонычевъ*, Москва, 1818, стр. 242). Шахаръ — тоже, должно полагать, имя тюркское: у дѣсь, въ до-Петровское время, существовала, а быть можетъ, и теперь существуетъ, рода Шахиреонъхъ, конечно, татарского происхожденія.

рту Абу-Долефа на Юньнань — вставочный, а проѣзжалъ онъ дѣйствительно только черезъ Харку, Тахтагъ, Наджсу, свороты заѣхъ къ землямъ Харлухою, и до китайскихъ предѣловъ добралися законецъ черезъ сосѣднія съ ними владѣнія Тахазаозъ, то-есть, перезаливъ черезъ Памиръ, направился къ Китаю дорогомъ, пролегавшемъ и доселѣ пролегающею около южныхъ скатовъ Тяньшана, чрезъ Кучу, Харашаръ и Турфанъ.

Такими предположеніями и объясненіями устраиваются, повидимому, всѣ вышеизложенные поводы сомнѣваться въ дѣйствительности путешествія Абу-Долефова по Средней Азіи. Но ближайшее разсмотрѣніе „сказанія“ возбуждаетъ цѣлый рядъ новыхъ недоумѣній, которыхъ и должны быть разрѣшены для опредѣленія степени его достовѣрности.

Прежде всего о времени, когда совершиено было Абу-Долефомъ его путешествіе.

Изъ „сказанія“ не видно, въ какомъ году правленія Насра, сына Ахмедова, отправились въ Сендабиль послы его, а съ ними и Абу-Долефъ. Курдъ фонъ-Шлецеръ толкуетъ, что такъ какъ Насръ скончался въ 331 году гиджры, а извѣстіе о кончинѣ его получено было Абу-Долефомъ еще до выѣзда его изъ Сендабиля въ Индію, путь же до Сендабиля продолжался около 15-ти мѣсяцевъ, то выступить изъ Бухары долженъ быть Абу-Долефъ или въ томъ же 331-мъ, или въ предшествующемъ 330-мъ году гиджры, то-есть, въ 941-мъ по Р. Х.¹⁾. Но изъ „сказанія“ не видно, чтобъ Абу-Долефомъ получено было въ Сендабиля извѣстіе о кончинѣ Насра. Курдъ фонъ-Шлецеръ приписываетъ Абу-Долефу вставку въ разказъ его, сдѣланную неизвѣстными имъ лицами, въ которыми адресовано Абу-Долефомъ его „сказаніе“ въ видѣ письма, — лицами, изъ книги которыхъ, даже по заглавию, неизвѣстной, и извлечено было „сказаніе“, какъ Якутомъ, такъ и Каззиниемъ. Лица эти, доведя повѣствованіе Абу-Долефа до отправленія въ Хорасанъ дочери Калиновой, заключаютъ его словомъ *хамъ*, „сказалъ“, означая тѣмъ, что тутъ рѣчь Абу-Долефа прекращается, и затѣмъ вставляютъ уже отъ себя разказъ о послѣдніхъ дняхъ и кончинѣ Насра, начиная его словами: *Балаана анна Насранъ*, то-есть: „дошло до свѣдѣнія нашего“ и такъ далѣе. Покончивъ же вставочный разказъ этой замѣчаніемъ, что сами они сомнѣваются въ его достовѣрности, лица, о коихъ идетъ рѣчь, продолжаютъ

¹⁾ Abu Dolefi commentarius, p. 3.

ють затѣмъ повѣствованіе Абу-Долефа, на что и указываютъ фразы: *уа марджсау ила келами ресуми Насринъ — хала;* то-есть, „возвращающемся теперь къ рѣчи послы Насрова (Абу-Долефа). Сказывается онъ“. Затѣмъ слѣдуетъ уже собственный разакъ Абу-Долефа, начинаящейся словами: *уа акамту бе Сендабилъ,* „оставался я въ Сендабилъ“ и т. д. Съ возвращеніемъ означенной вставки¹⁾ неизвѣстнымъ авторамъ ея по принадлежности, оказывается, что время отправленія Абу-Долефа въ путь его до Сендабили остается неизвѣстнымъ. Но если мы не знаемъ, когда началось путешествіе Абу-Долефа, то знаемъ, повидимому, когда оно кончилось. Мы сказали уже, что изъ Индіи въ мусульманскія страны возвратился онъ черезъ Седжестанъ, когда властовавъ тамъ, по словамъ его, Абу-Джафаръ Мухаммедь, сынъ Ахмедовъ, внукъ Лейсовъ, мать которого, Банубэ по имени, была родною сестрою Якуба, сына Лейсова²⁾). Казалось бы, что послѣ такого точнаго указанія, нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить, если не въ какомъ именно году, то, по крайней мѣрѣ, въ какихъ годахъ пріѣхалъ Абу-Долефъ въ Седжестанъ. Къ сожалѣнію, для насъ это не только не легко, а совершенно невозможно, такъ какъ въ доступныхъ для насъ источникахъ по истории соффаридовъ, властовавшихъ въ Седжестанѣ, не упоминается ни про Абу-Джафара Мухаммѣда, сына Ахмедова, ни про мать его Банубѣ. Мало того, изъ этихъ источниковъ можно заключать, что лише по имени Абу-Джафаръ Мухаммѣдъ, сынъ Ахмеда, внукъ Лейса, даже не существовало; неизвѣстно также, чтобы у Лейса былъ сынъ по имени Ахмедъ. Извѣстно, напротивъ, что соффаридъ Лейсъ, сынъ Аїлѣ, внукъ Лейсовъ, разбитый войсками халифа Муктедира въ 910 году, отвезенъ былъ въ Багдадъ, а братъ его, Муаддиль и Мухаммѣдъ, пораженные около того же времени войсками саманидовъ, кончили жизнь тоже въ шѣну, первый въ Бухарѣ, второй — въ Багдадѣ, вслѣдъ за чѣмъ Седжестанъ поступилъ во владѣніе саманида Ахмеда сына Исманнѣва. Въ 912—913 году послѣдовало восстаніе въ Седжестанѣ, и госу-

¹⁾ Въ изданіи К. ф. Шлѣцера она выпущена, какъ не относящаяся къ путешествію. Можно замѣтить также, что поводомъ къ вставкѣ послужили предшествующія ей слова Абу-Долефа о томъ, что когда дочь Калмынова доѣхала до жениха своего Нука сына Насрова, онъ женился на ней. Нухъ, по смерти Насра, наследовалъ отцовскій престолъ: гдѣ же людѣмъ, имѣвшимъ въ виду вставить смышанный ими любопытный разакъ о смерти Насра, удобнѣе было сдѣлать это, какъ не при упоминовеніи тутъ «сказанія» о Нуѣ.

²⁾ У Якуба, въ изд. Вюстенбельда, II, 458.

дремъ этой страны провозглашень быть соффарида Амру, сынъ Якубъ, внукъ Мухаммеда, правнукъ Лейсовъ. Но этотъ, сколько известно, послѣдній изъ соффаридовъ быть тоже взять въ пленъ войсками Ахмеда сына Исмаилова, и отвезенъ въ Бухару¹). Такимъ образомъ всякое господство соффаридовъ въ Седжестанѣ прекратилось еще до вступления на престолъ Насра сына Ахмедова, при которомъ пойхалъ Абу-Долефъ въ Сендабиль. Какимъ же образомъ согласить съ приведенными сейчасъ известиями Ибнъ-эль-Эсира, Ибнъ-Хальдуна и Мирхонда показаніе Абу-Долефа о принадлежности Седжестана, по всейѣ вероятности уже послѣ смерти Насра сына Ахмедова, никакому неизвѣстному соффариду Абу-Джафару Мухаммеду? Показаніе это сильно отзыается не только анахронизмомъ, но и полнымъ невѣдѣніемъ исторіи Седжестана, которая никакъ не могли бы имѣть изѣста, если бы Абу-Долефъ дѣйствительно проѣзжалъ чрезъ Седжестанъ. Выходить, что, пожалуй, и въ Седжестанѣ онъ не былъ, а это, въ совокупности съ необозначеніемъ времени отправленія Абу-Долефова изъ Мавераннагра и другими обстоятельствами, о которыхъ сейчасъ же будетъ рѣчь, приводить уже ко второму изъ высказанныхъ нами предположеній — что въ основѣ „сказаній“, приписываемаго Абу-Долефу, не лежитъ никакого дѣйствительного путешествія, а есть оно только компиляція изъ вычитаннаго и услышаннаго отъ другихъ.

Въ этомъ послѣднемъ предположеніи утверждаютъ насъ слѣдующія соображенія:

Во первыхъ — то, что хотя отправленіе пословъ Насромъ къ Калину въ Сендабиль (если только Сендабиль тождественъ съ Су-чжеу) и вслѣдствіе того бракъ сына и наследника его Нура съ дочерью Балиновой и не представляются сами по себѣ невозможными, странно, однако же, что ни о томъ, ни о другомъ не встрѣчается никакого упоминанія ни у кого изъ извѣстныхъ мусульманскихъ писателей о саманидахъ.

Во вторыхъ, путь Абу-Долефа до Сендабilia, какъ мы видѣли, таъ

¹) *Histoire des Samanides par Mirkond, texte persan, accompagné de notes critiques, historiques et géographiques par M Deffrémery* (Paris, 1854), p. 129 et 235; *Vel: Geschichte der Chalifen*, II, 625—627. Можно замѣтить еще, что властительное лицо по имени Мухаммедъ сынъ Ахмедовъ, и даже съ прозвищемъ Абу-Джафаръ, существовало въ дѣйствительности, по показанію Ибнъ-Хальдуна, только позже соффаридовъ, именно звался такъ внукъ Хасана сына Ахмада, извѣстного подъ названіемъ Насиръ-эль-Утрушъ, властившаго въ Табаристанѣ въ 301—304 годахъ гиджры (913—916 по Р. Х.). См. у *Вейля*, I, с. II, 618.

темень, что даже основательный и не любивший поверхностных гипотезъ, Френѣ считалъ возможнымъ отыскивать городъ этотъ на Загангскомъ полуостровѣ. Подобная темнота не могла бы имѣть мѣста, если бы Абу-Долефъ действительно доѣзжалъ до Сендабиля, где бы ни находился послѣдній. Сендабиль Абу-Долефоръ витаетъ въ такой же неопределенноти, какъ и стѣна, описываемая Селламомъ-толмачемъ, за которую живутъ Гогь-и-Магогъ. И подобно тому, какъ никто кромѣ этого Селлама не видалъ описанной имъ весьма подробно стѣны, никто, кроме Абу-Долефа, не посѣщалъ и Сендабиля. У писателей арабскихъ, предшествовавшихъ хронологически Абу-Долефу, имени этого города не упоминается, не знаетъ о немъ даже всезнающій Масуди; а у позднѣйшихъ если и упоминается, то не иначе какъ со словъ его же „сказанія“. Якобы, въ словарѣ своемъ, подъ рубрикою *Сендабиль*, просто отсылаетъ читателя къ сказанію Абу-Долефа, помѣщенному въ томъ словарѣ подъ рубрикою *Синъ* (Китай), значитъ никакихъ другихъ источниковъ о Сендабилѣ многоначитанный географъ этотъ не имѣлъ, а ужъ если онъ не имѣлъ, то кому же было и имѣть ихъ? Не находимъ затѣмъ Сендабиля ни у Эдриси, ни у Ибнъ-аль-Уарди, ни у Димешки, ни у Абульфеды, ни въ географическомъ словарѣ извѣстномъ подъ заглавиемъ *Мерасидъ-эль-Иттилагъ*. Только у Казвини, въ его *Асаръ-эль-Беладъ*, встрѣчаемъ описание этого города, но за то съ значительнымъ числомъ подробностей, которыхъ нѣть въ „сказаніи“ Абу-Долефа¹). Этого одного обстоятельства, казалось бы, достаточно, чтобы поставить существованіе Сендабиля въ всякаго сомнѣнія: быть же тамъ, значитъ, кто-нибудь кромѣ Абу-Долефа, и тоже оставилъ описание этого города, который и воспользовался Казвини для пополненія извѣстій о немъ, сообщаеымъ „сказаніемъ“. Но что же видимъ мы, вглядываясь въ тѣ подробности о Сендабилѣ у Казвини, которыхъ нѣть въ „сказаніи“?—видимъ, что Казвини, вообразивъ себѣ будто Сендабиль, о которомъ говорить Абу-Долефъ, есть столица всего Китая, отнесъ къ нему какъ тѣ подробности, которые другіе арабскіе путешественники сообщаютъ о дѣйствительной столицѣ Китайской имперіи подъ Тханскою династіею, городѣ Си-ань-фу, у путешественниковъ этихъ имеющуюся *Хумдан'омъ*, такъ и вообще все, что разказывается ими о

¹) *Zakaria el-Cazwini's Kosmographie herausgegeben von F. Wustenfeld* (Göttingen, 1848), II, 30—31. Есть статья о Сендабилѣ и у *Бакуви* (см. въ *Notices et extraits des manuscrits*, t. II, p. 401), но Бакуви только переписалъ и сократилъ статью Казвинія.

Китай. Такимъ образомъ, въ прямой противоположности съ тѣмъ, что говорится о Сендабилѣ у Абу-Долефа, читаемъ у Казини, что городъ этотъ дѣлится рѣкою на двѣ части, изъ коихъ въ одной помѣщается государь, а въ другой простонародіе. Это извѣстіе взято изъ разказовъ Ибнъ-Вагтаба Абу-Зайду Сирафи¹⁾). Такъ извѣстіе о цѣли, одинъ конецъ которой въ приемной у государя, а другой въ дворца, и которую нужно привезти въ движение, чтобы обратиться къ царю лично съ просьбою, взято изъ разказовъ купца Сулеймана²⁾); оттуда же заимствовано поразительное для мусульманъ извѣстіе, что о каждомъ родившемся и умершемъ сообщается въ палату государеву³⁾, и т. д.⁴⁾. Замѣчательно также, что у Казини нѣть статьи о Хумданѣ, и что Сендабиль помѣщаетъ онъ въ первомъ климатѣ, значить, по его соображеніямъ городъ этотъ находился въ южномъ Китаѣ. Изъ всего изложенаго оказывается, что существованіе статьи о Сендабилѣ въ *Асаръ-эль-Беладъ* Казини ни сколько не доказываетъ дѣйствительнаго существованія города съ этимъ именемъ, и что „сказаніе“ остается, и послѣ этой статьи, такимъ же, какъ было и до нея единственнымъ источникомъ свѣдѣній о Сендабилѣ, а это невольно заставляетъ думать, что Абу-Долефъ видѣлъ Сендабиль столько же, сколько видѣлъ баснословный *Иремъ Затъ-эль-Эймадъ* тотъ изъ асхабовъ Магомета, который утверждалъ это въ глаза халифу Муавії⁵⁾). Какъ изложено уже выше, я полагаю, что основаниемъ разказовъ о Сендабилѣ могли послужить извѣстія о Су-чжуе; что же касается до самаго имени Сендабиля, то не родилось ли оно какимъ-нибудь образомъ изъ слиянія имёнъ двухъ дѣйствительно существовавшихъ въ Индіи городовъ: *Сандабур'а* и *Кандабил'я*, или изъ имени сичуанскаго, близкаго къ Тибету, города *Да-иззинь-лу*, или наконецъ, изъ *Да-ли*, какъ звалась столица Нань-чжао⁶⁾скаго государства?

¹⁾ Relation des voyages faits par les Arabes etc. II, 85—86.

²⁾ Тамъ же, II, 42.

³⁾ Тамъ же, II, 47.

⁴⁾ К. е. Шлѣцеръ говоритъ, что подробности сообщаемы, Казиниемъ о Сендабилѣ, заимствованы имъ, кроме Абу-Долефа, еще изъ *Ибнъ-аль-Факіна* (*Abu-Dolef commentarius*, р. аллот. 49), что заставляетъ думать будто Ибнъ-аль-Факігъ тоже сообщаетъ что-либо о Сендабилѣ. Казини дѣйствительно, въ статьѣ о Сендабилѣ, приводитъ слова Ибнъ-аль-Факіга, но не объ этомъ городѣ, а о Китаѣ вообще, что совершенно измѣняетъ дѣло.

⁵⁾ См. объ этомъ у *Ибнъ-Халдуна*, въ Notices et extraits des manuscrits, t. XVIII, p. 17.

Втретыхъ, пусть Сендабиль и существовалаъ бы себѣ гдѣ ни будь, пусть даже Абу-Долефъ былъ бы въ немъ, остается непонятнымъ, почему тотъ же Абу-Долефъ, описывавшій всѣ страны на пути къ Сендабилю, не даетъ ни малѣйшихъ подробностей о встрѣченномъ имъ на пути отъ Сендабиля до Калэ, тогда какъ, по его же словамъ, Кале находилось отъ Китая въ разстояніи 300 фарсаховъ, то-есть, болѣе 2.000 верстъ. Чѣмъ значить этотъ перескокъ изъ Сендабиля прямо въ Кале черезъ такое огромное разстояніе? Значитъ то, что если бы Абу-Долефъ и былъ въ Сендабиля, то ужъ оттуда до Кале никоимъ образомъ не проѣзжалъ. Переходъ изъ Сендабиля въ Кале явно фиктивенъ; а если такъ, то какимъ же путемъ, спрашивается, попасть онъ въ Кале и Индію вообще? Простившись съ Кайномъ, „хараджту ила-сѣ-сахили уриду бѣ Калэ“, говорить Абу-Долефъ, то-есть, „вышелъ я къ берегу, направляясь къ Калэ“. Этой фразы нельзя понять такимъ образомъ, чтобы Абу-Долефъ изъ Сенда била выѣхалъ къ морю (китайскому), и моремъ уже достичь до берега (индійскаго), по которому и прибыть въ Кале. Да и не мыслимо, чтобы путешествовавъ до Сендабиля сухопутьемъ, не сказать затѣмъ Абу-Долефъ ни слова о морскомъ своемъ далѣе оттуда путешествіи, если бы дѣйствительно плыть моремъ. Переискокъ, на который указываетъ, свидѣтельствуетъ, что если авторъ „сказанія“ и былъ въ Индіи, то попасть туда не изъ Сендабиля; а если такъ, то весьма сомнительно, чтобы онъ путешествовалъ по тюркскимъ странамъ Средней Азіи.

Вчетвртыхъ, компилятивный характеръ „сказанія“ выказывается въ немъ отсутствиемъ всякихъ личныхъ приключеній разказчика, и однообразіемъ плана въ изложеніи подробностей объ описываемыхъ странахъ и народахъ; о каждой почти сказывается: чѣмъ питаются ея жители, во что одѣваются, какая у нихъ наружность, какие нравы и обычай, какъ управляются, какія имѣются замѣчательныя зданія, и въ чёмъ заключаются естественные произведения и достопримѣчательности. Такъ путешествія не пишутся, такъ составляются лишь систематические сборники.

Но чтобы допустить окончательно, что „сказаніе“, приписываемое Абу-Долефу, есть сборникъ, плодъ чтенія и разспросовъ, а не результатъ дѣйствительнаго путешествія по странамъ, о коихъ въ немъ разказывается, надо спросить себя предварительно: въ духѣ ли времени былъ бы такой подлогъ, могла ли бы мусульманскому грамотѣю X-го вѣка прійті мысль сдѣлать подобный сборникъ и принять на

себя знаніе путешественника или произвести въ авторы путешествій другое лицо, ему прислать книгу, которой оно не составляло? Мнѣ кажется, что лучшимъ отвѣтомъ на эти вопросы можетъ служить существованіе извѣстнаго *римса*¹⁾, „*сказанія*“, Селлама-тальмача о путешествіяхъ его въ страну ирака въ стѣнѣ, построенной будто бы Александромъ Великимъ противу вторженія Яджуджей и Маджуджей (Гора и Магога). За сто лѣтъ до того, когда, предполагается,ѣздилъ Абу-Долефъ въ Сендабиль, получаетъ Селламъ офиціальное порученіе отъ халифа Уасикъ-Биллаха узнать, цѣла ли означеннай стѣна (Халифъ видѣлъ во снѣ, что она развалилась, и былъ перепуганъ этимъ, какъ предиаменованіемъ конца миру), єдетъ туда съ 50-ю спутниками, возвращается, докладываетъ, что видѣлъ стѣну и ворота въ ней, и подробно описываетъ какъ ворота эти, такъ и путь свой до нихъ. Можно ли было придумать ложь нахальнѣе, а между тѣмъ она попала за чистѣшую правду, и послѣдующіе географы повторили басни Селлама „ничто же сумнящеся“*. Если возможно было съ такою смѣлостью лгать самому халифу, имѣя нѣсколько десятковъ свидѣтелей, которые могли обнаружить обманъ, значитъ, лганье такого рода и за обманъ не считалось. Въ новѣйшее время извѣстный зна-
токъ мусульманской древности д-ръ Шпренгеръ не задумался обозначить „*сказаніе*“ Селлама прямо „безстыдной мистификаціей“¹⁾. Относительно же того, что неизвѣстными писателями фабриковались сочиненія, которыхъ потомъ, по разнымъ побужденіямъ, были приписаны ими лицамъ славнымъ ученостю или чѣмъ другимъ, на это не мало примѣровъ имѣется въ арабской литературѣ.

На которомъ бы изъ двухъ предположеній нашихъ ни остановились читатели, умалился бы Абу-Долефъ въ глазахъ ихъ какъ путешественникъ, или и совсѣмъ испарился въ качествѣ автора „*сказанія*“, остается на лицо, во всякомъ случаѣ, самое „*сказаніе*“, то есть, свѣдѣнія, заключающіяся въ немъ о разныхъ странахъ Индіи и Средней Азіи, свѣдѣнія новыя (то-есть, такія какихъ у предшествовавшихъ географовъ и путешественниковъ не находимъ) и весьма любопытныя. Что же касается до достовѣрности материала заключающагося въ „*сказаніи*“, пусть судить о ней сами читатели на основаніи слѣдующихъ нашихъ изъ него выписокъ. Предварительно замѣтимъ однако же, что для правильнаго пониманія дѣла не должно, при чтеніи „*сказанія*“, упускать изъ виду двухъ обстоятельствъ: 1) того, что

¹⁾ Die Post-and Reiserouten des Orients (Leipzig, 1864). Vo rede, S. XV.

авторъ его раздѣляетъ общий всѣмъ Арабамъ взглядъ на этнографію Средней Азіи, по которому всѣ разнообразныя племена ея—угорскія, тунгусскія, монгольскія, тюркскія, тибетскія и другія—представлялись имъ одинаково Турками; и 2) что характеристика населения той или другой страны, встрѣчаемая въ „сказаніи“, относится часто вовсе не къ тому тюркскому народу, которому приписывается, а къ туземцамъ, тѣмъ народомъ покореннымъ. Не излишне также принять къ соображенію, что авторъ „сказанія“, должно быть чистокровный Аравитянинъ-степнякъ, не хотѣть знать никакихъ территоріальныхъ дѣлений, и съ ючевой точки зрѣнія, признаетъ одно этнографическое дѣление—на *кабашъ*, „*колъна*“, вслѣдствіе чего „*колъно*“ приходится понимать у него иногда въ смыслѣ „народъ“, иногда же въ смыслѣ „страна“, „владѣніе“.

За этимъ предисловіемъ, приступаемъ къ передачѣ въ русскомъ переводаѣ самыи извѣстій „сказанія“ о Средней Азіи, сопровождая ихъ, гдѣ сочтемъ нужнымъ, тѣми или другими объясненіями¹⁾.

„Первое колъно, къ которому прибыли мы, оставивъ за собою мусульманскіе города Хорасана и Мавераннагра“,—начинаетъ развязъ свой авторъ „сказанія“,—,оказалось живущимъ въ странѣ по имени *Харка* (или *Харкатъ*). Были мы этой страною цѣлый мѣсяцъ, питаясь шкеницею и ячменемъ. Затѣмъ выѣхали мы на городъ по имени *Тахтахъ*. Проѣздомъ черезъ эту страну питались мы ячменемъ, просомъ, мясомъ разнаго рода и полевыми овощами. Были єю 20 дней, покойно и безопасно. Жители признаютъ надъ собою власть государя китайскаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, платить дань Харкѣ, по той причинѣ, что Харкинцы вошли уже въ лоно ислама, а Тахтахи близки къ тому. Тѣ и другіе соединяются нерѣдко чтобы воевать, для распространенія вѣры, съ язычниками дальнѣе живущими“.

Двоеданство Тахтахцевъ—явление весьма естественное и безпрестанно возникавшее въ Восточномъ Туркестанѣ вслѣдствіе относительной слабости владѣній, на которыхъ дробилась страна, и притязаній сильныхъ соседнихъ народовъ на господство надъ этими владѣніями. Но едва-ли вѣроятно, чтобы владѣніе, какъ Тахтахъ, столь отдаленное отъ Китая, и при своей близости къ мусульманскимъ предѣламъ, сохраняло еще вассальные отношенія къ Китаю, когда послѣдній,

¹⁾ За основной текстъ для перевода взяли мы „сказаніе“ въ томъ видѣ, въ какомъ находится оно у Якута по изданію Бюстенфельда, но принимали въ соображеніе и варианты Казвиніева списка по изданію К. фонъ-Шлѣцера.

и Х вѣкѣ, не имѣть уже болѣе никакого политического значенія для странъ къ западу отъ него. Впрочемъ, если *Тахтакъ*, „сказаніе“ соотвѣтствуетъ владѣнію Восточного Туркестана, извѣстному вообще подъ именемъ Хотана, то нѣть ничего невѣроятнаго и въ подчиненности его Китаю, если не дѣйствительной, то хотя nominalной; такъ какъ, по китайскимъ извѣстіямъ, дань изъ Хотана присыпалась въ Китай и въ теченіе X столѣтія¹⁾). Важно затѣмъ, если только нѣть иль немъ преувеличеніемъ, извѣстіе, что Харкинцы, кто бы они ни были, исповѣдывали уже исламъ, а Тахтакы, будь то Хотанцы или другой народъ въ западной части восточного Туркестана, считались уже близкими къ обращенію въ вѣру „носкѣднаго пророка“: это — древнейшее извѣщющееся извѣстіе о распространеніи ислама въ край къ востоку отъ Памира²⁾). Судя по ницѣ, которой заставляетъ „сказаніе“ пытаться прѣѣжающихъ черезъ Харку и Тахтакъ, должно полагать, впрочемъ, что подъ этими именами идетъ въ „сказаніи“ рѣчь не о Яркани, какъ полагалъ Курдъ фонъ-Шлѣцеръ, и не о Хотанѣ, а скорѣе о горныхъ владѣніяхъ на Памирѣ и по восточному его скату. Скорѣе всего Харкъ „сказанія“ соотвѣтствуетъ Харканъ Эдрисія, городъ, помѣщаемый послѣднимъ на пути отъ Вашгерда до Раста, гдѣто, повидимому, на Памирѣ³⁾.

Южнѣе уже, или по крайней мѣрѣ, изменнѣе, судя по естественнымъ ея произведеніямъ, должно помѣщать третью страну, о которой говорится въ „сказаніи“, что Абу-Долефъ съ компаніей прибылъ туда изъ Тахтака — земли колѣва по имени Наджса, или Баджса. Сообщается о ней слѣдующее: „Пройдомъ черезъ эту страну пита-

¹⁾ *Abel-Rémusat: Histoire de la ville de Khotan*, p. 73—86.

²⁾ Якубы разказываютъ, правда, будто еще въ халикатство Омара сына Абдъ-аль-Азиза явились Тибетцы къ намѣстнику хорасанскому съ прошбою дать имъ хаставника въ исламской вѣрѣ (*Kitabo'l-Boidan*, edid. *Ungewoll*, *Lugd.* *Batav.* 1861, p. 83). Читаемъ также у Якута, будто еще халифъ Гишамъ смыть Абдъ-аль-Малика посыпалъ въ «царю Турукъ» приглашеніе принять исламъ (*Geographisches Wörterbuch*, herausgegeben von *E. Wallenfeld*, I, 839). Но то и другое были только предложенія, при чѣмъ о послѣднемъ мы знаемъ, что оно не сопровождалось успѣхомъ.

³⁾ *Géographie*, trad. par *Jambert*, I, 482—483. Относительно Тахтаковъ, не понимаемъ, съ чѣго К. фонъ-Шлѣцеру могло пріѣти въ голову, будто это народъ извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ *Tatars*, вслѣдствіе чего и приводить онъ, въ примѣчаніи, давнюю выписку о Татарахъ изъ *Кавказія*. Нѣтъ ли малѣйшаго основанія для предположенія о тождественности Тахтаковъ съ Татарами.

лись мы ячменемъ, горохомъ и чечевицею. Ёхали цѣлый мѣсяцъ, въ покой и безопасности. Жители ея—язычники; платить дань Тахтаку, но имѣть своего владѣльца, передъ которымъ кланяются до земли. Въ великомъ уваженіи имѣется у нихъ врупный рогатый скотъ, который, впрочемъ, въ землѣ ихъ не разводится¹⁾). Обильна она смоквами, виноградомъ и чернымъ миспеломъ. Есть въ ней также родъ несгараємого дерева, изъ которого и вырѣзываютъ тамъ идоловъ²⁾).

Относительно имени этого владѣнія, замѣтимъ, что его можно читать также и Яджа. Подъ этимъ же именемъ, за тысячу лѣтъ до Абу-Долефа, существовало на Памирѣ или восточныхъ его скатахъ, небольшое владѣніе, описание资料 которого находится въ „Исторіи Старшей Ханьской Династіи“. Очень можетъ быть, что Ячма Китайцевъ тождественна съ Яджемъ Абу-Долефа, тѣмъ болѣе что и въ первой, по словамъ памятного китайского источника, рогатаго скота не водилось³⁾). Относительно обидѣ въ странахъ Восточнаго Туркестана, несгараємого дерева“, то-есть, асбеста, будеть ниже другое извѣстіе. Касательно проѣзда страною въ теченіе цѣлаго мѣсяца, замѣтимъ, что, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и при показаніи времени проѣзда другими странами, показанія эти должно понимать не въ такомъ смыслѣ, будто столько-то или столько-то времени ѿхали все безостановочно, а въ смыслѣ продолжительности пребыванія въ странѣ со всѣми разысками и остановками, которые могли быть весьма продолжительны, вслѣдствіе чего время, показываемое употребленіемъ на проѣздъ тою или другою страною, никакимъ образомъ не можетъ служить мѣриломъ не только протяженія ея въ какомъ-либо направлениі, но даже и длины той линіи пути черезъ нея, какою следовали путешественники. Между тѣмъ стоило какому-либо путешественнику записать въ дорожникѣ свое

¹⁾ За этимъ слѣдуетъ фраза: *уа ла ямикунка тазиманс ала*, которую оставилъ мы безъ перевода, по неясности для насъ въ ней значенія глагола *малака*. Е. фонъ-Шлѣцеръ перевѣлъ эту фразу: *Eos (boves) non includunt*, читимъ *заштутъ eos adestimunt*; но въ правильности такого перевода самъ не уѣрѣнъ; предложеніе же его вѣдьсто ямикунка читать *юмикунка*, никакимъ образомъ не можетъ быть допущено, по неупотребительности глагола *малака* въ смыслѣ *забала*. Вѣстенфельдъ не затруднился перевести: *Sie halten die Stiere in Ehren, machen sie aber, als Ehrfurcht vor ihnen, nicht zu Ihren Fuersten (!!!)*.

²⁾ Къ этому у Каизаннѣ прибавлено: «путешественники изъ христіанъ пріобрѣтаютъ это дерево, полагая, что оно то самое, на которомъ распять быль Иисусъ (да почтѣтъ на немъ миръ)».

³⁾ «Описаніе Чингизгаріи и Восточнаго Туркистана», пер. съ китайскаго монаха Гакима (Бичурин). С.-Пб. 1829, стр. 18.

хали такою-то землею столько-то "дней", напримѣр двадцать, и вслѣдующіе географы показывали уже, въ сочиненіяхъ своихъ, что эта земля „простирается на 20 дней пути“. Оттого и случается напримѣрь, что разстояніе одного пункта отъ другаго два арабскіе географа показываетъ въ 6 дней, тогда какъ третій — въ три мѣсяца пути¹⁾.

Изъ земли колѣна Наджа прибыть Абу-Долефъ съ спутниками прямо въ землю колѣна Беджнакъ, о которомъ сообщается, что „бороды у нихъ длинныя, усы большие; собою поджары; другъ съ другомъ живутъ въ раздорѣ; питаются только просомъ²⁾. Пробыли мы въ землѣ ихъ 12 дней, и сказывали они намъ, что страна ихъ обширина, простирается на сѣверъ къ странѣ Сакалибовъ, а подати никому не платить“. Выше объяснено уже, что Беджнаки „сказанія“ суть Печениги нашихъ лѣтописей, которые дѣйствительно, въ X-мъ вѣкѣ соображеніемъ къ сѣверу имѣли Славянъ, предковъ нашихъ.

„Затѣмъ“, продолжаетъ „сказаніе“, „прибыли мы къ колѣну, проживающемуся Даскиль. Питаются Даскильцы только ячменемъ, горохомъ и бараниною. Верблюдовъ не рѣжутъ (въ пищу), говядины не ѣдать, да и вѣтъ въ странѣ ихъ рогатаго скота. Одежду носятъ исключительно щерстяную и мѣховую. Христіанъ между ними мало. Лицомъ красивы. Женятся иногда на собственныхъ сестрахъ и дочеряхъ, и вступаютъ въ браки въ другихъ воспрещенныхъ (исламомъ) степеняхъ родства. Не огнепоклонники они, а относительно браковъ слѣдуютъ огнепоклонническому ученію. (Изъ свѣтиль небесныхъ) появляются Канопу, Сатурну, Близнецамъ, Большой и Малой Медведицѣ, Козерогу, а Сиріуса величаютъ прозваніемъ владыки надъ владыками³⁾. Въ землѣ ихъ покой и никакого зла не творится, но вся окрестъ ихъ живущіе тюркскія колѣна грабятъ ихъ и стараются себѣ подчинить. Есть у нихъ трава *калкана* по имени, прыткая на вкусъ, варять ее вмѣстѣ съ мясомъ. Естьrudники откуда безоарь

¹⁾ Таково разстояніе отъ Верхнаго-Барсаджара до столицы ханата Тагазгавовъ, съ одной стороны — у Кодамы и Мухадеси, съ другой — у Ибнѣ-Хордадбека (*Sprenger: Post- und Reiserouten des Orients*, ss. 26—27). Эдрианъ показываетъ то же разстояніе въ два мѣсяца пути (въ Жоберовомъ переводе, I, 491).

²⁾ Вюстенфельдъ ухватился перевести фразу эту такимъ образомъ: *und weisen die jemenitischen Dichter die obersten Hegeren* (!!!).

³⁾ За этиль слѣдуетъ фраза, слишкомъ наглядно рисующая первобытность чеченскихъ правовъ: *уа яфтаришму-л-уахиду-л-мар' ата ала зари-т-тармы* (у Казими: *уа яфтаришна-л-ниш'* а ала зари-т-тармы), почему и оставленъ ее безъ перевода.

добываются¹⁾). Изъ растений даммъ и полеваго дади²⁾ приготовлять родь пива, сильно опьяняющаго. Жилища строятъ изъ дерева и костей³⁾). Своего государя не имѣютъ. Выхали землю ихъ 40 дней покойно, удобно и безопасно".

Ни о какомъ народѣ по имени *Джикиль* писатели арабскіе до Абу-Долефа не упоминаются, а писатели позднѣйшіе сообщаютъ объ этомъ народѣ лишь то, что читаемъ у Абу-Долефа. Исключениемъ составляетъ одинъ Якутъ, въ словарѣ котораго подъ рубрикою *Джикиль*⁴⁾ значится только, что это „страна въ Туркестанѣ по близости къ Турап'у (Таразу?)“. Принимая въ соображеніе это опредѣленіе жилищъ Джикилей и то, что въ арабскихъ рукописяхъ собственныя имена являются нерѣдко въ крайней степени исказженія, естьѣвроятность, что народъ этотъ — тотъ же самый, о которомъ Эдриси и другіе географы говорятъ подъ именемъ *Халагъ*⁵⁾. Извѣстіе, что между Джикилами „мало христіанъ“ можно понимать и такъ, что въ землѣ ихъ живетъ небольшое число христіанъ-иностранцевъ, и такъ, что изъ самихъ Джикилей есть небольшое число исповѣдующихъ христіанскую вѣру. Въ послѣднемъ случаѣ, это было бы древнѣйшее мусульманское извѣстіе о внѣдреніи христіанства въ степяхъ Джунгаріи⁶⁾. Любопытны также извѣстія и объ ихъ звѣздонаклонничествѣ.

Изъ земли Джикилей выѣхалъ Абу-Долефъ въ землю „волѣна, именуемаго *Баражъ*“, о которомъ сказывается: „народъ безбородый. Государь ихъ — государь высокостепенный. Сказываютъ, что онъ Алешъ по происхожденію, изъ потомства Яхы сына Зейдова, и что есть у него коранъ поволоченный, со стихами на переплетѣ, въ ко-

¹⁾ Какія это растенія, мы не знаемъ. Послѣднее Вѣстенфельдъ, а за нимъ и К. фонъ-Шлѣцеръ принимаютъ за «дикій ячмень», но на какомъ основаніи, искаженно.

²⁾ Слѣдуетъ ораза: *уа талту-ль-хабакъ уа ніл бакарунъ чунакъ* (у Казими: *уа талту-ль-ханакъ уа ніл бакарунъ такунъ чунакъ*), которой я не понимаю. К. фонъ-Шлѣцеръ передаетъ ее такъ: *et serpentes maligai, qui incipiente frigore hanc regionem venient, чтѣ вовсе не походить на дѣло.*

³⁾ Не украшеніе ли домовъ спаружи рогами животныхъ подало поводъ къ такому показанию?

⁴⁾ Geographisches Wörterbuch, herausgegeben von F. Wastenfeld, II, 95.

⁵⁾ Geographie d'Edrisi, trad. par Jambert, II, 218.

⁶⁾ Сирійскія обь этомъ извѣстія имѣютъ мы изъ начала IX-го вѣка, а византійскія — даже изъ конца VI-го или начала VII-го столѣтія. См. H.ule: Cathay and the way thither (London, 1866), preliminary essay, p. XCVII—XCVIII.

торыхъ оплакивается Зейдъ. Король этотъ служить предметомъ поклоненія. Зейдъ, по ихъ понятіямъ, былъ государемъ Арабовъ, Али же, сынъ Абу-Талебовъ, считается у нихъ богомъ Арабовъ. И никого, не происходящаго изъ этой семьи Алидовъ, не возводятъ они на царство. На небо когда станутъ смотрѣть, рты разѣваются и глаза пучатъ: „оттуда-де низшелъ богъ Арабовъ, и туда онъ вознесется“. Государи ихъ, происходящіе изъ Зейдова рода, отличаются чудною особенностью: борода у нихъ растетъ, носы прямые, глаза большие. Войско держать и конное, и гусеппое. Промыселъ ихъ въ томъ, что оружіе выдѣлываются, и выдѣлываются отлично. Питаются ячменемъ и бараниной. Нѣть въ странѣ ни рогатаго скота, ни воловъ. Одежду носятъ исключительно войлокную. Щахали землю свою мѣсяцъ, въ постоянномъ страхѣ и опасеніи, и уплатили въ пошлину десятую часть всего, чтѣ съ нами имѣлось“.

Барадамы — тоже народъ, о которомъ не говорить никто изъ арабскихъ писателей прежде Абу-Долефа, а послѣдующіе только повторяютъ его слова¹⁾). Что касается до Алидовъ, у нихъ властовавшихъ, то обстоятельство это не такъ дико, какъ съ первого взгляда кажется. Почему какому-либо семейству Алидовъ не проникнуть было въ страны между Китаемъ и Хорасаномъ, подобно тому, какъ проникали въ Китай послѣдніе Сассаниды, какъ пробирались въ Грузію и Арmenію, и утвердились тамъ въ качествѣ феодаловъ, Орбелианы и Мамикониане, считающіеся выходцами изъ Китая?²⁾. Судя по некоторымъ особенностямъ страны Баграджей, походить она скорѣе на тибетскую, нежели на восточно-туркестансскую или джунгарскую. Зато, почти никакого тибетскаго характера не видимъ мы въ слѣдующей статьѣ „сказанія“ — о „холѣнѣ, зовущемся Тюббетъ“, къ которому приѣхалъ Абу-Долефъ прямо отъ Баграджей.

Объ этомъ холѣнѣ Тюббетѣ сказывается: „Щахали землю ихъ 40 дней, удобно и безопасно, питаясь пшеницею, ячменемъ, бобами, мясомъ, рыбой, овощами, плодами, виноградомъ. Одежду тамъ носятъ всякую. Городъ имѣютъ большой, построены изъ тростника; въ немъ храмъ изъ бычачьихъ шкуръ, прокитанныхъ жиромъ (?), а въ храмѣ — приношенія: рога мускусныхъ газелей³⁾. Населеніе города соста-

¹⁾ У Балуви Эль-Бараджъ превратился, благодаря переписчикамъ, въ Эль-Фэрахъ (*Notices et extraits des manuscrits*, II, 509). У Ахмеда Туси, или у автора его Хаммера, «народъ безбородый», превратился въ «имѣть большія дороги» (?). См. Хаммера: *Sur les origines russes*, p. 33, 98.

²⁾ Saint-Martin: *Mémoires sur l'Arménie*, II, 15, 23 — 28.

³⁾ Такъ по Якуту. По Казвини «идолы изъ роговъ мускусныхъ газелей».

вляютъ Мусульмане, Евреи, Христіане, Отченоклонники и Индійцы. День платить Алиду баграджескому. Своихъ правителей имѣютъ избирательныхъ. Острогъ есть, куда сажаютъ за преступленія¹⁾. Молясь, обращаются къ киблѣ (то-есть, въ ту же сторону, куда и мы обращаемся²⁾.

Тюббетъ мусульманскихъ географовъ — страна весьма загадочная, и во всякомъ случаѣ, менѣе всего похожая на то, что знаемъ мы подъ именемъ Тибета. По Абу-Долефу, *Тюббетъ* — имя народа; по Эдриси — имя народа; по Масуди — имя страны, но какой страны? какого-то Эльдорадо, какой-то Атлантиды. „Тибетская страна“ читаемъ у Масуди — обладаетъ удивительными свойствами относительно климата, водъ и почвы, относительно ли равнинъ ея и горъ. Люди тамъ постоянно веселы, радостны, смеются, не зная ни горя, ни грусти, ни заботъ. Не перечтешь ни разнообразныхъ плодовъ и цветовъ этой страны, ни богатствъ луговъ ея и рѣкъ. Климатъ тамошний даетъ силу крови, какъ въ людяхъ, такъ и въ животныхъ. Оттого почти не встрѣтишь тамъ угрюмыхъ даже между стариками и старухами; бодро и весело глядѣть тамъ, какъ старость и зрѣлый возрастъ, такъ юность и отрочество. Природная крѣпость и веселость характера, общая всѣмъ жителямъ, побуждаетъ ихъ предаваться шуткамъ, музыѣ, пляскѣ, такъ что даже и въ случай смерти близкихъ не испытываютъ они такого горя, какъ другие люди въ подобныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ Тюббетцы очень сострадательны другъ къ другу, и сироту усыновить каждый изъ нихъ. Добронравны тамъ и самые животные³⁾). Это ли, спрашивается, нашъ холодный, бесплодный, пустынный, голодный, угрюмый, тоску наводящій Тибетъ? Не ясно ли, что предложенная характеристика можетъ относиться только до равнинъ Яркани и Хотана, до ихъ здороваго климата, до ихъ населения, искони, славившагося веселостію и гуливиствію?

Изъ Тюббета отправился Абу-Долефъ непосредственно въ землю „коѣна по имени Кимакъ, гдѣ жилища дѣлаются изъ кожъ, а народъ питается горохомъ, бобами и масомъ барановъ и козловъ, овецъ же и козъ не рѣжетъ (для пищи.) Растетъ тамъ виноградъ, половина ягоды блѣдая, половина черная. Камень есть, такъ сказать

¹⁾ Такъ по Якуту. У Казими, выѣсто мѣхбасъ, по одискѣ, меджлисъ, чтѣ и заставило К. фонъ-Шлѣдера перевести совершенно ошибочно: *Jus dicant de publicis secretisque criminibus.*

²⁾ *Les prairies d'or*, II, 350 — 351.

„магнитъ дождевой“, посредствомъ котораго вызываютъ дождь, когда иль вадумается. Золото добываютъ почти на поверхности почвы, находя его въ видѣ мелкихъ кусочковъ. Алмазы есть, вскрываемые водными потоками. Трава есть, сладкая на вкусъ, въ сонѣ приводить и въ оцѣпеніе. Тростникъ ростетъ годный для письма¹). Государи у нихъ нѣть, нѣть и храма никакого. Кто прожилъ болѣе восьми-десати лѣтъ, тому поклоняются, если только не хворь онъ или какого изъна за инымъ нѣть. Бхали этой землею 35 дней“.

Абу-Долефъ и современные ему географы называли Кимаками, по всей вѣроятности, тотъ же самый народъ, который у китайскихъ писателей известенъ подъ именемъ Ку-мо-хи²). Позже, когда Ку-мо-хи покорены были союзниками имъ Киданями, арабскіе географы имя побѣжденныхъ перенесли, должно полагать, на побѣдителей, то есть, стали и Киданей звать Кимаками. По крайней мѣрѣ, въ Кимакахъ Эдриси нѣть ничего похожаго на Кимаковъ Абу-Долефа³). Такимъ же образомъ соседніе Монголамъ тюркскіе народы продолжали звать Монголовъ Татарами долгое время послѣ того какъ Татаре покорены уже были Монголами. Подъ „жилищами изъ кожъ“ должно понимать „кибитки“ въ которыхъ кони замѣнились кожами. Камень, называемый Абу-Долефомъ „дождевой магнитъ“, есть знаменитый камень ладъ или джэдэ, посредствомъ котораго степные кудесники, по вѣрованію всей Средней Азіи, могли производить не только дождь, но и бурю. Золото въ верхнемъ слоѣ почвы встречается весь-ка нерѣдко на нашихъ оренбургскихъ и сибирскихъ пріискахъ. „Алмазы, вскрываемые водными потоками“ значить алмазы, вымываемые дождями изъ горныхъ породъ. Подъ „травою сладкаго вкуса, наводящую сонъ и оцѣпеніе“ разумѣлось, быть можетъ, растеніе, которое известно въ Камчаткѣ подъ именемъ „сладкой травы“ (*Sphondylium foliolis pinnatifidis Linn.*): вино, которое изъ нея гнали, быстро опьяняло и приводило въ безчувствіе⁴). Особаго вида тростникъ, *calamus scriptorius*, служить повсюду на мусульманскомъ востокѣ для того же употребленія, какъ у насъ перья гусинныя и желѣзныя.

¹) Вѣстенфельдъ перевѣлъ: Sie schreiben eine eigene Schrift, и можетъ - быть, угадать смыслъ вѣрнѣ, чѣмъ я и К. фонъ-Шлѣцеръ.

²) О Ку-мо-хи см. въ «Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи», I, 470—476.

³) О Кимакахъ у Эдриси см. въ его *Géographie, trad. par. Jaubert*, II, 221—224.

⁴) С. Крашенинниковъ: «Описаніе земли Камчатки», второе изд. С.-Пб. 1786, I, 196—200.

Отъ Кинаковъ выѣхалъ Абу-Долефъ „въ страну колѣна Гузъ, у которыхъ городъ имѣется построенный изъ камня, лѣсу и тростника; имѣется и храмъ, а идоловъ нѣтъ въ немъ. Государь у нихъ высокостененный, которому и платить они подать. Торгъ ведутъ съ Индію и Китаємъ. Питаются только пшеницею, овощей не разводятъ, а изъ мясъ їдатъ баранину и коалитину. Одежду носятъ бумажную и мѣховую; шерстяной не употребляютъ. Есть у нихъ камень благої прѣта—помогаетъ отъ рѣзи въ желудкѣ, и камень зеленаго прѣта—проводитъ имъ по сабельному клинку, такъ ничего не пересѣчть. Щахи землю ихъ мѣсяцъ, спокойно и безопасно“. Гдѣ находились жилища Гузовъ, о томъ была уже рѣчь выше. Изъ всѣхъ тюркскихъ народовъ, это былъ наиболѣе извѣстный Мусульманамъ, по сосѣдству съ ними на большомъ протяженіи. Городовъ у Гузовъ было не одинъ, а нѣсколько.

Изъ земли Гузовъ „сказаніе“ ведеть Абу-Долефа и сопутниковъ его въ землю *Таизазазъ*, о которыхъ сообщается, что „їдатъ они мясо, и вареное, и въ сыромъ видѣ. Одежду носятъ изъ бумажныхъ тканей и войлока. Храмовъ для богомоленія не имѣютъ. Дорожать очень лошадьми и старательно ухаживаютъ за ними. Камень есть у нихъ, останавливающій кровотеченіе, если повѣсить его на шею истекающему кровью. Когда радуга показывается на чебѣ, начинаютъ праздничать. Молятся, обращаются къ западу. Государь у нихъ высокостененный. На самой вершинѣ кремля шатерь у него стоять золотой: девятьсотъ человѣкъ помѣститься могутъ, изъ за пяти фарсаковъ видѣнъ издали. Знамена у нихъ черные. Землей ихъ щахи 20 дней, въ страхѣ великому“. Въ текстѣ Абу-Долефа по Якуту нѣтъ сказанія о золотомъ шатрѣ: я думаю, что у Казани оно вставное, взятое изъ книги Ибнъ-Хордадбega, гдѣ о шатрѣ этомъ говорится слово въ слово то же самое¹). Объемомъ шатра, впрочемъ, соблазняться не слѣдуетъ: мы сами, разѣзжая по киргизскимъ степямъ, сиживали въ „кибиткахъ“ сultanovъ и богачей, которыхъ могли вмѣстить до 300 и болѣе человѣкъ²). Подъ „одеждой изъ войлока“ разумѣлись, вѣроятно, бурки. Объ употребленіи войлока на одежду въ Шаньшани упоминаетъ и китайскій путешественникъ Фа-Сянъ³.

Что касается до имени народа *Таизазазъ* и того, какой народъ

¹) *Journal Asiatique* за 1865 годъ, т. V. p. 267.

²) Описание шатра золотоордынского хана Узбека, см. у *Ибн-Батуты* (*Voyages*, trad. par *Desfrémary de Saingninati*, Paris 1854, II, 383—384).

³) *Foe-koue-ki*, trad. par *Abel Rémusat* (Paris, 1836), p. 7.

обозначали этимъ именемъ арабскіе писатели, это—одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, предстоявшихъ къ разрѣшенію европейскимъ изслѣдователямъ. Имя, читаемое издателями Абу - Долефа какъ *Тагазазъ*, является въ рукописяхъ съ диакритическими точками, разставленными такъ, что его читали также *Тагаразъ*, *Тагараръ*, *Багазазъ*, *Багаризъ*. Хаммаръ предлагалъ читать *Түгүрүзъ*¹⁾, Клапротъ — *Ииурүзъ*²⁾. Френѣ видѣлъ въ вариантахъ этого имени искаженіе слова *Түнүзъ*³⁾. Большинство новыхъ издателей арабскихъ текстовъ остановилось на томъ, чтобы читать *Тагазазъ*; но почему такъ? Если вмѣсто *Хазлуджъ* стали теперь читать *Харлухъ*, это на томъ основаніи, что о народѣ тюркскомъ по имени *Харлухъ* или *Кармукъ* говорить позднѣйшіе персидскіе и тюркскіе писатели, которымъ было ближе знать, какъ онъ дѣйствительно звался. По той же причинѣ, вмѣсто *Хирхиръ* стали читать *Хирхизъ*. О народѣ же *Тагазазъ* никакіе персидскіе и тюркскіе писатели, почерпавшіе свѣдѣнія свои изъ другихъ источниковъ чѣмъ старые арабскіе географы, не упоминаютъ. Почему же чтеніе *Тагазазъ* предпочтительнѣе чтенія *Багараръ*, *Түгүрүръ* и т. д.? По Дегину⁴⁾ и Рено⁵⁾, Тагазазами называли Арабы Турокъ, которые у Китайцевъ звались *Ша-то*. Сходства въ звукахъ нѣть тутъ никакого. Но другимъ, подъ Тагазазами Арабовъ слѣдуетъ разумѣть *Хой-ху* Китайцевъ или *Уйчуръ* позднѣйшихъ мусульманскихъ писателей. Опять никакого сходства въ звукахъ между *Тагазазъ* и *Хой-ху*, или *Тагазазъ* и *Уйчуръ*. Клапротово предложеніе читать *Ииурүзъ* опирается, по крайней мѣрѣ, на какую-нибудь историческую гипотезу (ту, что *Хой-ху* и *Гузъ* суть отдыны одного и того же народа, а какъ *Хой-ху* = *Уйчуръ*, что Арабы могли произносить *Ииуръ*, то общее имя цѣлаго народа и будетъ *Уйчуръ-Гузъ*), хотя, по нашему мнѣнію, гипотеза эта совершенно несостоятельна. Одно обстоятельство, на которомъ можетъ основываться чтеніе *Тагазазъ*—то, что Византіецъ Феофилактъ Симокатта упоминаетъ о какой-то странѣ въ Средней Азіи по имени *Тауастъ*⁶⁾. Но надо доказать еще, что *Тауастъ* Феофилактова тождественъ съ тѣмъ, что

¹⁾ Sur les origines russes, p. 69.

²⁾ Tableaux historiques de l'Asie, p. 229.

³⁾ Ibn Fozlan's Berichte, s. 30.

⁴⁾ Hist. g  n  r. des Huns, III, 37.

⁵⁾ Relation des voyages dans l'Inde etc. I, discours pr  liminaire, p. CLV.

⁶⁾ Throphylacti Simocattae Historiarum libri, ex recens. Imm. Bekker: (Bonnae, 1834); p. 283 et 286—287.

Арабы зовутъ *Тагазазъ*, а этого никто не доказалъ. Изъвѣстія мусульманскихъ писателей о странѣ народа Тагазазъ такъ сбивчивы и претворѣчивы, что мы не беремъ на себя вѣдь окончательного разѣясненія вопроса, какую именно страну или народъ обозначали Арабы этимъ именемъ, а замѣтимъ лишь, что *Тагазазъ* Арабовъ можно, естественнѣе всего, считать искаженіемъ тюркскаго *Тогузъ-Уйуръ*, какъ звался, по преданию, сохранившему Рашидъ-эд-Дина, одинъ изъ двухъ главныхъ отдыловъ уйгурскаго народа¹⁾). Принавъ же это объясненіе, слѣдуетъ читать уже не *Тагазазъ*, а *Тогузуръ*.

Изъ земли Тагазазовъ или Тогузуровъ выѣхалъ Абу-Долефъ въ страну „когда на по-имени *Хирхизъ*“, и сказываетъ объ этомъ народѣ, что „питается онъ просомъ, рисомъ, говядиною, бараниною, козлятиною и всякимъ мясомъ, кроме верблюжьяго. Есть у нихъ храмъ для богомоленія, и тростникъ, которымъ пишутъ. Народъ разсудительный и осмотрительный. Зажегши свѣтильникъ не гасятъ его, пока не погаснетъ самъ собою. Въ молитвахъ употребляютъ особую, мѣрную рѣчь. Есть мускусъ у нихъ, но мало. Въ годъ имѣютъ три правдника. Знамена ихъ зеленаго цвѣта. Молятся обращаются къ югу. Поклоняются планетамъ Сатурну и Венерѣ, а Марса считаютъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Дикихъ звѣрей въ странѣ ихъ множество. Есть камень, свѣщающійся ночью, употребляютъ его вместо очниковъ, но вѣдь страны не имѣтъ онъ сказанного свойства. Государь у нихъ есть имѣющій большую власть: въ присутствіи его не садится никто, кому нѣть сорока лѣтъ отъ роду. Бѣхали этому землею мѣсяцъ, спокойно и безопасно“. — Какъ ни страны кажутся иными извѣстія „сказанія“ о религіозныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ того или другаго тюркскаго народа, о разныхъ въ земляхъ ихъ камняхъ и растеніяхъ съ чудными свойствами, и т. д., но мы такъ еще мало знаемъ о народахъ Средней Азіи въ прежнія времена и о странахъ ихъ въ настоящемъ, что не имѣмъ права отвергать достовѣрности такихъ извѣстій. Огнепоклонничество и звѣздопоклонничество могли процветать нѣкогда въ степяхъ Джунгаріи и Монголіи столько же, сколько теперь процветаетъ тамъ буддизмъ. *Хирхизъ* арабскихъ географовъ несомнѣнно тождественны съ *Ха-за-сы* Китайцевъ²⁾; но totъ ли самый это народъ, что нынѣшніе *Кергизы* на Тяньшанѣ и Памирѣ, подлежитъ еще разслѣдованию.

¹⁾ См. «Джамі-ут-Теварихъ» Рашидъ-эд-Дина, въ, изд. И. Березина (Труды Вост. Отд. Имп. Арх. Общ. т. V, стр. 125).

²⁾ О *Ха-за-сы* см. въ «Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи», I, 422—452.

„Затѣмъ—продолжаетъ „сказаніе“—прибыли мы въ землю колѣна именуемаго Харлухъ. Питаются горохомъ и чечевицей. Пьютъ напитокъ, приготовленный изъ ячменя. Маса не ѳдѣть иначе какъ съ солью. Одежды носятъ шерстяныя. Храмъ у нихъ есть, на стѣнахъ которого изображены прежніе ихъ государи. Дома строятъ изъ дерева несгараенаго, которое у нихъ въ обилии. Другъ друга постоянно обижаютъ и притѣсняютъ, другъ другу завидуютъ. Прелюбодѣяніе между ними—дѣло позолотительное. Игры они страшны: играютъ на женъ, сыновей, дочерей, матерей. Пока играющіе остаются на игорномъ сборищѣ, проигравшему предоставляется выкупать проигранное; но если онъ, не сдѣлавъ этого, уйдетъ, то выигравшій считается владѣльцемъ проигранного и продаетъ его купцамъ какъ полную свою собственность. Женщины ихъ славятся красотой и безнравственностью, а мужчины не знаютъ, что такое ревность. Когда приходить караваны въ эту страну, то жены, дочери, сестры знатныхъ и другихъ людей отправляются имъ на встречу; и если женщина понравится гостю, то ведеть его въ жилище свое, помѣщаетъ тамъ, угождаетъ ему, а мужа своего, дѣтей, братьевъ заставляетъ хлопотать по его дѣламъ. Пока гость въ домѣ, мужъ не подходитъ къ женѣ, развѣ по какой надобности, которая ему поручена. Затѣмъ жена и гость ѳдѣть, пьють и другимъ занимаются на глазахъ у мужа, а тотъ и не думаетъ ревновать или мѣшать. Праздникъ у нихъ бываетъ такой, когда всѣ въ парчу наряжаются, а кто недостаточно зажиточенъ для этого, тотъ хотя кусочекъ парчи нашивается на платье. Есть у нихъ рудникъ серебряный; серебро добываются посредствомъ ртути. Есть дерево высокорослое, замѣняющее имъ мирабаланъ: помазать сокомъ его воспаленную опухоль—мигомъ ее разбивается. Камень есть у нихъ огромный, пользующійся великимъуваженіемъ: передъ камнемъ этимъ судъ творять и во славу его жертвы закаляются. Камень этотъ зеленаго цвѣта. Землю Харлуховъ ёхали мы безопасно 25 дней“.

Весьма любопытныя извѣстія Абу-Долефа о нравахъ Харлуховъ показывали бы въ нихъ народъ осѣдлый, если бы относились собственно къ нимъ; но тутъ ясно, что идетъ рѣчь не о Харлухахъ, а о населеніи, имъ подвластномъ, именно—о городскомъ населеніи сѣверной окраины Восточнаго Туркестана, отличавшейся, и по китайскимъ извѣстіямъ, распущенностью нравовъ¹⁾). Сами Харлухи, судя по тому, что узнаемъ

¹⁾ Въ «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ» читаемъ о Кучѣ, что «жители ея вообще дурной нравственности»; а въ «Исторіи Тханскої Династіи» — что «отъ

о нихъ отъ Масуди¹⁾ и Эдриси²⁾, представляются тождественными съ Западными *Tuuo* Китайцевъ, то-есть, съ Западными Турками. О рудникахъ серебряныхъ упоминаетъ, въ путешествіи своемъ по Восточному Туркестану, и Сюань-Цзанъ; онъ помѣщаетъ эти рудники во владѣніи О-цзи-ни (нынѣшиемъ Харашарскомъ Округѣ)³⁾, чтѣ, если принимать ихъ за тѣ же самыя, о которыхъ говорить Абу-Долефъ, заставляло бы думать, что власть Харлуховъ простирадалась и на нынѣшнюю Харатарскую область. Но рудники, о которыхъ идетъ рѣчь у Сюань-Цзана и Абу-Долефа, могли находиться въ разныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, весьма возможно, что Абу-Долефъ (или другой Арабъ, писавший подъ его именемъ) перепутывалъ подъ-часть слышанное имъ о тюркскихъ земляхъ и народахъ, и приписывалъ одному народу то, что относилось къ другому, помѣщая въ одной землѣ то, что принадлежало другой, почему слѣдуетъ быть крайне воздержаннымъ на выводы изъ данныхъ „сказаній“.

Изъ земли Харлуховъ ведеть Абу-Долефъ читателей своихъ въ землю „колѣна именуемаго *Хатлахъ*“, сказывая, что „питаются они только шпеницею и сырьимъ мясомъ разныхъ животныхъ“, и что „не встрѣчаль онъ между тюркскими колѣнами, имъ видѣнными, такого, которое бы превосходило ихъ въ храбрости, ибо грабятъ они всѣхъ со-сѣдей своихъ. Въ бракъ вступаютъ они даже съ сестрами, но женщина можетъ быть замужемъ только разъ въ жизни; по смерти мужа, она навсегда остается вдовою. Народъ разсудительный и разумный въ дѣлахъ. Прелюбодѣяніе наказывается сожженіемъ обоихъ виновныхъ. Развода не знаютъ. Въ окунь за невѣсту идетъ все имущество жениха⁴⁾, да, сверхъ того, цѣлый годъ долженъ онъ находиться въ услуженіи у тестя. За убийство полагается выдача головою, за пораненіе—пеня, но если пораненный, получивъ пеню, умреть, за кровь его уже незыскивается. Государь ихъ отвращается отъ зла. Онъ не вступаетъ въ бракъ; если бы женился, былъ бы подвергнутъ смерти. Бхали этою землею 10 дней“.

Цулини на востокѣ жители вообще преданы сладострастію» (см. Собр. свѣд. о вар. Средней Азии, III, 161 и 218).

¹⁾ *Les prairies d'or*, I, 288.

²⁾ *Géographie*, trad. par *Jaubert*, II, 214, 215 et passim.

³⁾ *Histoire de la vie de Hiouen-Thsang*, trad. par *Stan. Julien* (Paris, 1853) p. 46—47,

⁴⁾ Мѣсто темное въ подннникѣ. Въ «*Асарѣ-эль-Биладѣ*» Казани перифразируется это мѣсто таинственнымъ образомъ: *да идзя тазаваджга раджумун имраатанъ ля*

Хатлахи, о законахъ которыхъ такъ распространяется „сказание“, тоже принадлежать къ числу народовъ, не упоминающихся ни у кого изъ географовъ ранѣе Абу-Долефа, а позднѣйшими цитируемыхъ по его же „сказанию“. Какой изъ тюркскихъ, монгольскихъ, тунгусскихъ или тибетскихъ народовъ именуеть Абу-Долефъ **Хатлахи**, и такъ-ли еще должно читать самое имя это, разъяснить это предоставляется проницательности будущихъ изслѣдователей.

„Затѣмъ“,—читаемъ въ „сказании“,—„прибыли мы въ страну колына именуемаго **Хатаянъ**. Питаются ячменемъ и горохомъ, мясо Ѳдать не иначе какъ вареное. Брачатся настоящими бракомъ, и законы имѣютъ разумные, на которые и опирается управление. Государи у нихъ нѣтъ, а каждый десятокъ имѣеть资料а старшину, человѣка разумнаго и толковаго, у которого и разбираются по своимъ дѣламъ. Прѣзывающихъ землю ихъ не притѣсняютъ и не обираютъ. Храмъ есть у нихъ, куда приходятъ на поклоненіе въ новолуніе и полнолуніе. Ничего крашенаго не носятъ. Мускусъ есть, пахнущій весьма сильно, пока остается въ странѣ, но теряющій это качество съ вывозомъ изъ нея. Много овощей разныхъ, и все полезны въ томъ или другомъ случаѣ. Змѣи есть (взглядомъ) убивающія того, кто посмотрѣть на нихъ, только водятся они въ горахъ, изъ которыхъ не выходить никогда. Камень есть у нихъ, унимашій воспаленія, но вѣкъ страны ихъ дѣйствія онъ не имѣеть. Есть и безоаръ, отличного качества, съ блескомъ и зелеными прожилками¹). Бхали землю ихъ 20 дней“.

Подъ **Хатаянамъ** „сказания“ не приходится разумѣть другаго народа кромѣ Киданей. Но сообщаемое о нихъ въ „сказании“ должно относиться къ тому періоду политической жизни Киданей, когда, по китайскимъ извѣстіямъ, не соединились они еще подъ властю Амбагана, то есть, до X-го столѣтія. Изъ мусульманскихъ писателей, Абу-Долефъ первый упоминаетъ о **Хатаянахъ**. Эдриси, писавшій уже въ половинѣ XI-го вѣка, не зналъ еще объ нихъ. Казвини повторяетъ извѣстія о нихъ Абу-Долефа уже XIII вѣкѣ, когда имя Киданей давно утратилось²).

мала лана, фамиру за хидматуъали саматамъ (Cosmographia, ed. Wustenfeld, II, 393), что значитъ: «когда женится мужчина на женщинѣ, не имѣющей состоянія, то, выѣсто приданаго, должна она находиться въ услуженіи у свекра двѣлый годъ».

¹) У Вюстенфельда вышло, выѣсто этой фразы, что bei ihnen findet sich eine menge schbner Blumen in grnen Wasen.

²) Тамъ же, II, 392. Змѣи, на которыхъ не можетъ взглянуть никакое животное безъ того, чтобы не лишиться чувствъ, водились, по Казвини (Cosmographie, I, 178), въ «рѣкѣ Харлуховъ», а не въ земѣ Хатайцевъ.

Отъ Хаталнъ прѣѣзжаетъ Абу-Долефъ въ страну *Баш*, гдѣ „много пальмъ, и овощей, и винограду; городъ обширный, и селенія имѣются. Править страною государь по прозванию тоже *Баш*. Въ городѣ населеніе состоять изъ мусульманъ, жидовъ, христіанъ, огнепоклонниковъ. Праздники имѣютъ. Есть тамъ камень зеленый, помогаеть въ глазныхъ болѣзняхъ, и камень красный, врачующій болѣзни, салезии. Есть также превосходное индиго, красаще въ яркій красный цветъ и не осѣдающее на дно, когда растворено въ водѣ. Вхали этой землею 40 дней, то покойно, то въ страхѣ“. О странѣ *Баш* можно замѣтить то же, что замѣчено о землѣ Хатлаховъ и Баграджей—что „сказание“ есть единственный источникъ, о ней упоминающій.

Изъ Баги Абу-Долефъ съ товарищами прѣѣзжаетъ въ „мѣстность по имени *Кулайбъ*“, о которой сказывается, что тамъ „живутъ кочевники Арабы, оставшіеся въ странѣ послѣ похода въ Китай, совершиеннаго Тоббами. У нихъ свои лѣтнія и зимнія кочевки въ мѣстахъ водныхъ и песчаныхъ¹⁾). Говорить они на древнемъ арабскомъ языке, и кроме этого языка, другаго не знаютъ, а писать химьярскомъ письмомъ и нашего письма (нынѣшнаго) не знаютъ. Поклоняются идоламъ. Государь у нихъ изъ одной семьи ихъ же породы; изъ этой семьи только и выбираютъ себѣ государей. Имѣютъ законы, бѣрегутся блуда и любодѣйства. Дѣлаютъ изъ финиковъ пять превосходнаго вкуса. Государь ихъ посыпаетъ дары въ китайскому. Вхали землею ихъ мѣсяцъ, въ страхѣ и опасеніи“.

Извѣстно, что у Аравитянъ существовало преданіе, будто когда-то, въ глубокой древности, государи носившіе титулъ *тобба*, предпринимали изъ Аравіи долговременные походы въ отдаленные страны. Въ періодъ первыхъ завоеваній Арабовъ послѣ проповѣди ислама, когда узнали они о существованіи *Тибета* (писалось и произносилось *Тоббетъ*), сходство имени этой страны съ титуломъ *тобба* подало поводъ къ легендѣ, что такъ называется она вслѣдствіе ихъ туда походовъ, а въ дополненіе, явились и разказы о Химьяритахъ, которые остались въ Тибетѣ, размножились и живутъ тамъ. Сказкѣ этой вѣриль и Масуди, только имя *Тибета* производить онъ отъ глагола арабскаго *табата*, „осѣсть, упрочиться“, объясняя, что имя это произошло отъ того, что „осѣли“, „упрочились“ въ ней Химьяриты²⁾. А вотъ оказывается, что Абу-Долефъ самъ, своими глазами, видѣлъ

¹⁾ Вюстеноельдъ перевѣзъ: Sie haben Sommer- und Winter-Wohnungen, und viele Palmen im Sande und verschiedenes Wasser.

²⁾ Les prairies d'or, I, 851.

этихъ Химырятовъ, но помѣщаетъ ихъ въ какомъ-то, тоже никому, кроме его, неизвѣстномъ краю, по имени *Кулайбъ*, гдѣ ужъ и финики растутъ, зачить далеко южнѣе Тибета! Не смотря на эти финики, Казими, отнесший Сенабиль къ первому климату, помѣстилъ Кулайбъ — въ шестомъ! Но если тотъ и другой существовали, то, по Абу-Долефу, должны были они находиться недалеко другъ отъ друга: вотъ какъ мало вниманія обращали арабскіе компиляторы на матеріаль, которыми пользовались!

Какимъ образомъ изъ Кулайба добрался Абу-Долефъ, черезъ *Макамъ-эль-Бабъ* и *Вади-ль-Макамъ*, къ цѣли среднеазіатскаго путешествія своего, въ городъ *Сенабиль*, столицу Калына царя, мы уже знаемъ. Остается привести описание Сенабиля по „сказанию“. Вотъ оно: „Городъ это великий, цѣлый день надо чтобы проѣхать имъ. Шестидесять улицъ въ немъ широкихъ, и всѣ приводятъ къ одному мѣсту, ко дворцу государеву. Подъѣхавъ къ однимъ изъ воротъ въ городской стѣнѣ, нашли мы, что какъ въ высоту, такъ и въ ширину, стѣна эта имѣеть по 90 локтей. Поверхъ стѣны идеть водопроводъ, изъ котораго, у каждыхъ изъ 60-ти воротъ города, спускается вода, трубою, внизъ до земли, и частію проходить подъ стѣною наружу, гдѣ наполняетъ пригородные сады, частію же, по произведеніемъ канавъ, бѣжитъ, въ каждой улицѣ, ко дворцу, а оттуда обратно за городъ, вслѣдствіе чего въ каждой улицѣ двѣ канавы: одна течеть чистая вода, а по другой та же вода уносить изъ города соръ и нечистоты¹). Храмъ имѣется огромный: сказываютъ, что больше мечети въ Бейтъ-аль-Мукаадль (Лерусалимѣ); а внутри его живопись и картины, идолы и громадный кумиръ Будды. Полицейский порядокъ большой, и законы, на все точные. Жители скота не убиваются и вообще не єдятъ мяса. Кто убьетъ животину, самъ подвергается смерти. Городъ этотъ служить столицей, какъ Индѣйцамъ, такъ и Туркамъ“.

Послѣдняя фраза эта достойно завершаетъ разнаго рода несообразности, обильно встрѣчаемыя въ „сказании“: ухитился авторъ отыскать истинность, которая могла служить „столицей“ Индѣйцамъ и Туркамъ, и въ то же время быть китайскимъ городомъ!

Но между вадорными извѣстіями, которыхъ могли попасть въ „сказание“, мы, къ крайнему нашему удивленію, не встрѣтили въ немъ одного, которое, говоря о тюркскихъ народахъ, принадло на страницы

¹) Рѣчь Абу-Долефа о водопроводѣ въ Сенабиль (собственно «рѣкѣ, текущей поверхъ городской стѣны») довольно запутана: я перевѣзъ какъ понялъ.

своихъ компиляцій большинство арабскихъ географовъ — извѣстія о Туркахъ Эджешахъ и Теркешахъ, изъ комъ первыхъ изобрѣлъ Селдамъ-толмачъ, а послѣдніе придуманы, повидимому, въ рифму первымъ. Одного отсутствія этихъ Эдвешей и Теркешей въ „сказаніи“ достаточно уже для настъ, чтобы вѣрить, что другіе тюркскіе народы, единственno авторомъ этого сказанія описываемые, какъ *Taxtati*, *Baраджи* и *Хатлахи*, существовали дѣйствительно, хотя, быть можетъ, подъ другими именами и съ нѣсколькою иною физіономіею, чѣмъ тѣ, которыхъ даетъ оно имъ. Нѣть также причинъ полагать, чтобы какъ *Бами*, такъ и *Кулагібъ*, были странами баснословными въ родѣ земли *Тамаджъ*, описание которой помѣщено у Кавини въ четвертомъ климатѣ¹⁾). Относительно ихъ можно думать, что въ автору „сказанія“ прилагается скорѣе всего наша пословица: „слышалъ звонъ, да не знаетъ гдѣ онъ“. Сказывали ему обо всемъ этомъ разные достовѣрные люди, да не взялъ онъ въ толкъ ихъ разказовъ, несобразилъ, и напуталъ.

Такъ или иначе, полагаемъ, что послѣ настоящей нашей работы надъ „сказаніемъ“ Абу-Долефа, ознакомившіеся съ нимъ не будуть уже смотрѣть на этотъ памятникъ географической литературы Арабовъ такъ довѣрчиво, какъ до сихъ поръ это дѣлали.

Но мы разсмотрѣли только первую половину „сказанія“, относящуюся до Средней Азіи. Разборъ второй половины — странствованій Абу-Долефа по Индіи, въ задачу нашу не входитъ. По Индіи, онъ, быть можетъ, дѣйствительно странствовалъ, хотя и въ этихъ странствованіяхъ видимъ такие же зигзаги, какъ и въ путешествіяхъ по Средней Азіи, ему приписываемому. Такъ, напримѣръ, изъ какого-то приморского города Индіи, по имени *Джаджемъ*, махаетъ отъ прямо въ *Кашмиръ*, а оттуда въ *Кабульскую землю*¹⁾, столицею которой называетъ никакъ другимъ не упоминаемый городъ *Табанъ*; изъ Кабульской же земли выѣзжаетъ вдругъ къ берегу моря и попадаетъ въ страну *Мандурабинъ*, о которой также ни слова не находимъ ни у кого изъ Арабовъ, писавшихъ объ Индіи. Но по Индіи разѣзжалъ Абу-Долефъ не съ посольствомъ отъ Насра, потому могъ кружить, какъ было ему угодно, и не могутъ быть выставлены свидѣтельствомъ противу дѣйствительности странствованій его по этой странѣ даже самые странные перескоки его изъ одного ея края въ другой. Большую тѣнь сомнѣнія на дѣйствительность путешествія Абу-Долефа по Индіи

¹⁾ Cosmographie, ed. Wustenfeld, II, 275.

находитъ разказы его о странахъ ея, не упоминаемыхъ ни у Масуди, ни у Ибнъ-Хаукала, ни у Бируни, ни у кого изъ мусульманскихъ писателей, дѣйствительно посѣщавшихъ страны къ востоку отъ Инда. Страны также известія будто, во время пребыванія его въ Индіи, владѣвавшіе въ Мансурѣ Яхъя сынъ Мухаммеда эль-Амри (или Умеви), а въ Мультанѣ — сынъ Омара, внукъ Алия сына Абу-Талебова. Послѣднее недопустимо хронологически, и кромѣ того, совсѣмъ иное читаемъ у Масуди, который посѣтилъ долину Инда не-задолго до Абу-Долефа, именно въ 915 году по Р. Х. Въ Мансурѣ, по Масуди, владѣвавшіе въ его время корейшитъ Абу-ль-Мондиръ Омаръ сынъ Абдъ-ул-Лаховъ, потомокъ известнаго врага Магометова, Габбара сына эль-Асвадова, а въ Мультанѣ — тоже корейшитъ Абуль-Лугабъ-эль-Мунабигъ, сынъ Асадовъ, потомокъ Осамы (сына Лувайева, сына Галебова, который, еще до рожденія Магомета, переселился на берега Омана¹). Трудно допустить, чтобы въ короткій промежутокъ, отдѣляющій время посѣщенія Индіи Масудіемъ отъ времени, когда странствовалъ тамъ Абу-Долефъ, смѣнились, какъ въ Мансурѣ, такъ и въ Мультанѣ, обѣ владѣвавшіе тамъ династіи, тѣмъ болѣе что Ибнъ-Хаукаль, путешествовавшій по той же странѣ одновременно съ Абу-Долефомъ или даже позже его, подтверждаетъ Масудіевы известія, что въ Мансурѣ владѣвали корейшиты изъ потомства Габбара сына эль-Асвадова, а въ Мансурѣ — корейшиты изъ потомства Осамы сына Лувайева²).

Такимъ образомъ можетъ представляться компиляцію работы перва неискуснаго и невѣжественнаго, приписаною лишь Абу-Долефу, и вторая часть „сказанія“ — объ Индіи. Но, вотъ, имѣмъ мы писателя арабскаго, весьма почтеннаго, автора знаменитаго сочиненія *Китабъ-эль-Фиристъ*, который лично зналъ Абу-Долефа, собственными ушами слышалъ разказы его, не только объ Индіи, но даже о Китаѣ, и приводить эти разказы. Объ авторѣ *Китабъ-эль-Фиристъ*, Ибнъ Аби-Якубъ эн-Недимъ, известно, что сочиненіе это написалъ онъ въ Багдадѣ около 377 года гиджры (987 по Р. Х.), стало-быть онъ могъ дѣйствительно бесѣдовать съ Абу-Долефомъ не только въ старости, но и въ зрѣломъ возрастѣ послѣдняго. Это, однако, ничего еще не доказываетъ: если Абу-Долефъ не отличался добросовѣстностью,

¹) *Les prairies d'or*, I, 376 — 377. Ср. *Mémoire sur l'Inde antérieurement au milieu du XI-e Siècle de l'ére chrétienne*, par M. Reinach (Paris, 1849), p. 218.

²) *Gildemeister: De rebus Indicis*, p. 28 et 30.

любить прихвастнуть или прилыгнуть, оно и ан-Недиму могъ исказить, что быть тамъ - то и тамъ - то, гдѣ вовсе не бывалъ, и видѣть то-то и то-то, чего никогда не видывалъ: *A beau mentir qui vient de loin.* Но если окажется, что въ *Китабъ-эль-Фириси*¹ сообщаетъ оно дѣйствія свѣдѣнія безъ примѣси несообразностей, подобныхъ тѣмъ, на которыхъ указано выше, то мы будемъ въ правѣ заключить, что „сказаніе“—подложно, что оно не его рука и головы работа.

Къ сожалѣнію, въ статьѣ о Китаѣ, въ которой авторъ *Фириси* цитируетъ Абу-Долефа, довольно трудно разобрать, чтѣ разказано синь послѣднимъ, и чтѣ другими лицами. Приведя разкazy о Китаѣ, слышанные имъ изъ устъ христіанскаго монаха изъ Неджрана, который возвратился изъ Китая въ 377 году гиджры, авторъ *Фириси* продолжаетъ въ новомъ параграфѣ²):

„Сказывалъ Абу-Долефъ Иебуны: городъ самого главнаго тамъ государя (*малика*) зовется *Хамданъ*, а городъ, гдѣ наиболѣе торговцевъ и товаровъ — *Ханкува*³). Длина его 40 фарсаховъ. Не такъ это: монахъ говорилъ, что многімъ менѣе этого (*кала-р-рамбу за-луна дуна иза бекесиринъ*). Другіе сказывали (*уа кала майрану*), что въ Китаѣ триста городовъ, все многолюдныхъ, и надъ каждыми 50-ю городами правитель (*малика*), поставляемый отъ *Баубур'а*⁴), а въ числѣ городовъ тѣхъ *Варсанува*, *Бансанува* и городъ по имени *Ар-майлъ*⁵). Отъ послѣдняго до Бансувы два мѣсяца пути; Бансува же прилегаетъ къ краямъ тибетскимъ, тюркскимъ и тагазгаскимъ, во-

¹) *Kitab al-Fihrist*, herausgegeben von G. Frugel (Leipzig, 1871), I, 350—351.

²) О томъ, что столицу Китая при Тханахъ, городъ Си-ань-фу называли, какъ мусульмане, такъ и христіане, *Хамдан'омъ* или *Хумдан'омъ*, упомянуто уже выше. То, что Флюгель читаетъ *Ханкува*, читали прежде и Ханкува, и *Ханфуса*: о городѣ этомъ упоминается, какъ въ разкazyхъ купца Судеймана и Абу-Зейда Сираси (см. *Relation des voyages dans l'Inde etc.* II, 34, 73, 74, 77, 103), такъ и Ибнъ-Хордадбега (*Journal Asiatique* за 1865 годъ, т. V, р. 292) и у Масуди (*Les prairies d'or*, I, 303, 313). Барбье-де-Менаръ полагаетъ, что это Гуанъ-чжу-фу.

³) *Баубуръ*, иначе *Фаифуръ*—титулъ императора китайскаго у мусульманскіхъ писателей. Что касается до числа большихъ городовъ въ Китаѣ, то мы видѣли уже, что, по другамъ извѣстіямъ, число ихъ опредѣлялось въ двѣ сотни, съ малюкомъ въ каждомъ (*Relation etc.* II, 33—34).

⁴) Въ правильности чтенія имѣнь этихъ городовъ нельзя быть увѣрену. Ибнъ-Хордадбегъ (I. с. р. 293) также упоминаетъ о трехъ главнѣйшихъ городахъ въ Китаѣ, и кроме того, о крайнемъ береговомъ тамъ городе, по имени *Дамандъ*, явно тождественному съ *Ар-майлъ* объясняемаго текста. Общее число главнѣйшихъ городовъ Китая показывается у того же географа, равнымъ образомъ, въ три сотни.

торые въ ладу между собою¹⁾). Отъ Тибета до Хорасана и до побережья китайского, если все это объѣхать кругомъ, будетъ 3.000 фарсаховъ. Въ китайскихъ же предѣлахъ находится и Сила, страна изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ славныхъ и самыхъ богатыхъ золотомъ²⁾). Въ Китай же степи, горы и пустыни до самой „песчаной рѣки“³⁾, и до горъ, изъ-за которыхъ солнце восходить. Слышать я отъ многихъ Андалуацевъ (*уа кама ми джамагамузъ минъ оли Андалуса*), что между ихъ землею и Китаю тоже все пустыни. Сказывали (*уа кама*): зовется Китай „Великой-Землею“, Андалусъ же на югъ отъ него. Поэтому близки они къ восходу солнца и странамъ китайскимъ⁴⁾). Кто изъ нашихъ ли, изъ ихныхъ ли, пойдеть по Китаю, записываютъ происхожденіе его, звание, сколько ему ють, сколько у него съ собою имущества, рабовъ, прислуги—пока не прибудеть онъ къ цѣли путешествія своего, въ мѣсто безопасное. Поступаютъ такъ изъ опасенія не случилось бы съ юющимъ въ продолженіи пребыванія его въ Китаѣ какого-либо случая, чтобъ зазорно было бы для государя китайскаго⁵⁾). Покойника, когда умреть кто изъ нихъ, оставляютъ въ дому его, въ корытѣ изъ дерева, цѣлый годъ. Только по истеченіи года зарываютъ его въ могилу, въ которой не дѣлаются *маджда*⁶⁾. Затѣмъ отъ семьи и наследниковъ покойника требуется, чтобы они оплакивали его три года, три мѣсяца, три дни и три часа. Если кого изъ нихъ увидѣть, что не печалеть онъ, бить палкою по головѣ, приговаривая: „ты это его убийца“. Погребаютъ

¹⁾ Такъ выходитъ по значенію причастія *муаддизума*; но едвѣ ли выстоитъ это глагола не слѣдуетъ тутъ быть другому, съ противоположнымъ значеніемъ, такъ какъ Тибетцы постоянно враждовали, и съ Тагазагазами (Хой-ху Китайцевъ), и съ Китайцами. О постоянной враждѣ Китая съ Тибетомъ упоминается и у Абу-Зейда Сираек (Relation etc. II, 109).

²⁾ Сила упоминается у Масуди, какъ страна къ востоку отъ Китая, и тоже восхваляется (Les prairies d'or, I, 348). Полагаютъ, что это Японія. Ибнъ-Хардадбѣгъ сообщаетъ многія подробности обѣ этой Силы, и помѣщаетъ ее наступившій китайскаго города Каштуса (I. c. p. 294 и 522).

³⁾ «Песчаная рѣка» — это буквальный переводъ съ китайскаго *ша-ю*, какъ звались у Китайцевъ непрерывныя полосы смычущихъ пясковъ въ пустыняхъ, скатывающихся Китай съ юго-запада.

⁴⁾ Это географическое возрѣніе исключило источниковъ совершиенную неизвѣстность Арабамъ южнѣйшихъ частей Европы и Азіи.

⁵⁾ О паспортахъ или подорожныхъ въ Китай упоминается въ гораздо болѣе позднѣхъ извѣстіяхъ Оудеймана (см. Relation etc. II, 42—43).

⁶⁾ Отверстіе въ могилѣ даваемое мусульманами для того чтобы покойникъ могъ сообщаться透过 него съ ангеломъ, исповѣдующимъ человека по смерти;

покойника не иначе какъ изъ мѣсяцѣ, дній и часу, соответственныхъ тѣмъ, когда онъ родился¹). Случится кому изъ нашихъ жениться на ихней женщинѣ, и вадумаетъ онъ потому оставить страну, говорить ему: „ходи изъ земли нашей и бери съмъ свое“ (дѣтей). Если же попробуетъ онъ провести съ собою тайкомъ и жену, да откроется это, подвергается онъ пенѣ, какую заблагорассудить наложить на него, и заключенію, а нерѣдко и тѣлесному наказанію. Никакимъ правителемъ или начальникомъ не назначить государь человѣка, не имѣющаго еще сорока лѣтъ отъ рода²). Правосудіе въ Китаѣ такое, какого ни въ какихъ другихъ странахъ міра не увидишь. И никто не попадеть въ Китай и не выберется оттуда, не побывавъ предварительно въ сотни или болѣе мѣстъ, смотря по разстоянію³. А въ день, когда выносить покойника изъ дома для погребенія, дорога до могилы устилается парчами и шелковыми тканями, сообразно съ достаткомъ и званіемъ покойника. На возвратномъ пути все это разбирается сопровождавшими погребальное шествіе. Китай получаетъ помощь отъ Тагазазовъ сосѣднихъ съ нимъ⁴). А между Китаємъ и Тибетомъ течеть рѣка, глубина неизѣданной, до которой никто не доставалъ, течеть въ глухи, мѣстами страхъ наводящими. Отъ западнаго берега ея до восточнаго будеть около 500 локтей. На ней мостъ изъ веревокъ построенный мудрецами и художниками китайскими, ширинкою въ два локта. Никакое животное, вычное или другое, не переправляется черезъ него иначе какъ привязанное на крѣпко и посредствомъ таги: безъ этого не удержалась бы на немъ никакая скотина, да и рѣдкій изъ людей. Животныхъ, какъ и людей, ломѣщаютъ въ родѣ корзины вмѣстѣ съ туземцами, привычными уже къ такой переправѣ⁵). Въ числѣ обычаевъ китайскихъ — особое воз-

¹) Тѣ же подробности о погребеніяхъ и траурѣ встрѣчаешь отчастіи и въ разнаго Сулеймана (Relation etc. II, 36—37).

²) То же читаемъ и у Сулеймана (Relation etc. II, 38—39).

³) Тутъ, должно полагать, не понали мы того, что хотѣлъ сказать авторъ, во тѣкотѣ выраженій: *имаа жеэн сукифа албетъ*.

⁴) Это заключеніе, выведенное изъ помощи, оказанной по Масуди и Абу-Зейну, хаканомъ Тагазазовъ императору китайскому при восстаніи противъ послѣднаго министра Яньшуа (Les prairies d'or, I, 305; Relation etc. I, 65).

⁵) Извѣстно, что висячихъ мостовъ въ родѣ того, о какомъ здесь говорится — мало въ разныхъ частяхъ Гималаевъ и другихъ среднеазійскихъ хребтовъ. О какомъ же именно мостѣ и чрезъ какую именно рѣку на разграници Китая съ Тибетомъ идеть тутъ рѣчь, мы не знаемъ. Черезъ рѣку Лу-ху, въ Сы-чуаньской области, недалеко отъ границы съ Тибетомъ, построена была въ 1701 году

величение тамошнихъ государей, и вслѣдствіе того, поклоненіе имъ болѣе чѣмъ обыкновеннымъ смертнымъ. Что же касается до религіи, исповѣдуемой государемъ и знатью, то вѣруютъ они въ двойство началь и переселеніе душъ".

Что въ приведенной статьѣ принадлежитъ Абу-Долефу? Едва ли не однѣ двѣ первыя строки — о Хамданѣ и Ханкувѣ. Остальное все взято изъ разказовъ какихъ-то испанскихъ Арабовъ и другихъ, не цитированныхъ, источниковъ. Чтобы сообщить, что столица Китая зовется Хамданомъ, и что тамъ, кромѣ того, есть торговый портъ Ханкува, для этого, даже и арабу X вѣка, не зачѣмъ былоѣздить далѣе береговъ Персидскаго залива, гдѣ въ Сирафѣ могъ онъ узнать и гораздо болѣе того. Но и въ двухъ строкахъ этихъ не обошлось безъ страшнаго вранья — городъ Ханкува растянутъ на 280 верстъ, чтѣ замѣчено и самимъ авторомъ *Фигриста*.

Знакомство Ибнъ Аби-Якуба съ Абу-Долефомъ нисколько, такимъ образомъ, не разъясняетъ вопроса ни о дѣйствительности странствованій послѣд资料 по Средней Азіи, ни о принадлежности или непринадлежности ему „сказанія“. Остается, до отысканія какихъ-либо новыхъ о предметѣ свѣдѣній, довольствоваться выводомъ, что по отношенію къ достовѣрности данныхъ заключающихся въ „сказаніи“, никакимъ образомъ не можетъ быть поставлено оно па ряду съ извѣстіями Истахри, Масуди, Бируни и другихъ Арабовъ несомнѣнно посѣщавшихъ тѣ страны, о которыхъ говорятъ они въ своихъ сочиненіяхъ.

В. Григорьевъ.

мость изъ девяти жѣлезныхъ цѣпей, перекинутыхъ съ утесовъ одного берега на другой, длиною въ 311, шириной въ 9 футовъ; на цѣпахъ положены были (шоперегъ) доски (см. «Описаніе Тибета», пер. съ китайскаго о. Іакима Бичурика, Спб. 1828, стр. 10). Такіе мосты, конечно, существовали и въ прежнее время.

О ПРЕДПОЛАГАЕМОМЪ СРОДСТВѢ ГРУЗИНСКАГО ЯЗЫКА СЪ ИНДО- ЕВРОПЕЙСКИМИ И ТУРАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ.

(Читано въ засѣданіи С.-Петербургскаго Филологическаго общества
27-го апрѣля 1872 года).

Es irrt der Mensch so lang' er strebt.

Гёте, «Фаустъ».

Въ Дагестанской области, Казикумухскомъ округѣ, есть маленькая деревня Ачи; число ея жителей обоего пола не превышаетъ 500 душъ, ихъ языкъ не доступенъ даже жителямъ сосѣдней деревни. Арчинцы гордятся своею изолированностью, утверждая, что ихъ языкъ никогда не переступалъ границъ ихъ деревни. У нихъ существуетъ странная легенда о происхожденіи языка: они говорятъ, что, когда Богъ сотворилъ народы и языки, то оказалось, что число сотворенныхъ народовъ было гораздо больше, чѣмъ число языковъ, такъ что нѣсколькимъ народамъ вмѣстѣ пришлось принять одинъ языкъ, отъ труднѣйшаго же языка, доставшагося въ удѣль малочисленѣйшему на свѣтѣ народу—Арчинцевъ, всѣ отказались¹⁾). Очевидно, что этой называнной легендой Арчинцы хотѣли, такъ-сказать, инстинктивно выразить изолированность своего языка и трудность его изученія иностранцами. Эту же, не въ затѣйливой формѣ высказанную, но такъ много говорящую легенду могъ бы примѣнить къ своему языку почти каждый изъ кавказскихъ народовъ, не исключая и Грузинъ.

Ту же трудность и изолированность имѣютъ въ виду грузинскіе и армянскіе писатели, которые повѣствуютъ, будто бы грузинскій царь Фарнавазъ, жившій около двухъ съ половиною стол. до Р. Х., изъ пяти или шести языковъ составилъ грузинскій языкъ²⁾.

¹⁾ A. Schieffner, Artschi-Sprache въ Bull. de l'Académie Imper. des Sciences de St-Pétersbourg. Dec. 1863.

²⁾ А именно изъ хазарскаго, армянского, ассирийскаго, еврейскаго и греческаго; см. Историческое изображеніе Грузіи въ политическомъ, церковномъ и

Къ двумъ характеристическимъ чертамъ кавказскихъ языковъ—*трудности ихъ изученія и изолированности*, рассказы древнихъ писателей прибавляютъ еще одну черту: они единогласно свидѣтельствуютъ о ихъ *множественности*.

Плиній говоритъ, что въ Колхїдѣ было болѣе трехъ сотъ племенъ, говорившихъ на разныхъ диалектахъ, и что Римляне для сношений съ туземцами должны были употреблять сто тридцать переводчиковъ¹⁾. Это, вѣроятно, преувеличено, но нѣть повода сомнѣваться въ перечинѣ Страбона, который говоритъ о семидесяти племенахъ, жившихъ вмѣстѣ въ этой странѣ, по справедливости называемой на Востокѣ „горою языковъ“: тамъ сходятся, говоритъ Страбонъ о Дескуріадѣ, семьдесятъ, а другіе, которые не заботятся объ истинѣ, говорить, что даже триста племенъ²⁾.

То же самое подтверждаетъ и разказъ о царѣ Митридатѣ, который желая поддержать сношения съ кавказскими народами, дошелъ бы до того, что говорилъ на двадцати двухъ языкахъ³⁾.

Внести въ этотъ хаосъ языковъ свѣтъ науки и систему, разгадать ихъ загадочный строй и механизмъ, уяснить силы и законы, управляющіе этими идиомами, подыѣтить сходство и различие ихъ отъ другихъ языковъ, указать подобающее мѣсто имъ въ лѣстнице человѣческой рѣчи,— эти задачи выпали на долю новѣйшаго времени, XIX вѣка. Трудолюбивые и проницательные европейскіе лингвисты, вооруженные мощными орудіями науки языкоznанія, отчасти рѣшили, отчасти рѣшаютъ эти важные вопросы науки. Конечно, при этомъ, труды туземныхъ, грузинскихъ, грамматиковъ оказали имъ существенную услугу, послуживъ основаніемъ ихъ научныхъ изысканій о грузинскомъ языкѣ, особенно классическая грамматика католикоса Антонія I, составленная имъ въ половинѣ прошлаго столѣтія.

учебномъ отлошенихъ, сочиненіе приницываемое митрополиту Евгенію. С.-Пб. 1802 г., стр. 65.

¹⁾ ...Coraxi urbe Colchorum Dioscuriade, juxta fluvium Anthemunta, nunc deserta, quondam adeo clara, ut Timosthenes in eam CCC nationes, dissimilis linguis, descendere prodiderit. Et postea a nostris CXXX interpretibus negotia ibi gesta Plin. Sec. Hist. N. IV, 5, 5.

²⁾ Συνέρχεσθαι γοῦν εἰς αὐτὴν ἐβδομήκοντα, οἱ δὲ καὶ τριακόσια ἑπτηνή φασίν, οἵσι σύδεν τῶν δύτεων μὲλει. Strabo XI, p. 498.

³⁾ Val. Max. VIII, 7. De Cyro et Mithridate... cuius utriusque industriae laudem duo reges partiti sunt, Cyrus omnium militum suorum nomina, Mithridates duarum est viginti gentium, quae sub regno ejus erant, linguas discendo. Ille ut sine monitorie exercitum salutaret, hic ut eos, quibus imperabat, sine interprete alloqui posset.

До начала XVII столѣтія ничего (граматического) не было писано о грузинскомъ языке на европейскихъ языкахъ. Первыми свѣдѣніями обѣ этомъ языкѣ Европа обязана католическимъ миссионерамъ, такъ много сдѣлавшимъ для науки языкознанія. Два монаха изъ конгрегаціи de propaganda fide, Паулини и Маджи, составили, первый—краткій грузино-итальянскій словарь, напечатанный въ 1626 году¹⁾), а второй—грузинскую грамматику на латинскомъ языке, которая имѣла два изданія, въ 1638 и 1670 годахъ²⁾). И словарь, и грамматика напечатаны въ Римѣ въ типографіи пропаганды и посвящены папѣ Урбану VIII. Конечно, теперь они имѣютъ лишь историческое значение.

Первый, сколько-нибудь достовѣрный и подробныи свѣдѣнія о кавказскихъ языкахъ сообщилъ Европѣ Клапротъ въ своемъ прибавленіи къ путешествію по Кавказу и въ Грузію³⁾). Онъ не ограничился однимъ грузинскимъ языкомъ и родственными ему лазскимъ и мингрельскимъ языками, но собралъ образчики, слова, нѣкоторыя грамматическія формы и цѣллы фразы изъ всѣхъ почти кавказскихъ языковъ. Его работы первый разъ обнаружили, что хотя грузинский, лазскій, мингрельскій и сванетскій языки принадлежать къ кавказскимъ, но составляютъ юго-западную группу, существенно отличную отъ сѣверо-восточной, или черкесско-абхазско-дагестанской группы языковъ. Клапротъ составилъ также краткій французско-грузинскій

¹⁾) *Vocabulario Georgiano-Italiano, auctore Paulini. Romae. 1626.* Паулини въ предисловіи своего словаря ссылается на авторитетъ нѣкоего Ирбаха, природного Грузина, по Клапроту и С.-Мартену, извѣстнаго въ 16 столѣтіи во всей передней Азии своими познаніями и дипломатическою дѣятельностью, и который будто бы помогалъ Паулини при составленіи имъ грузино-итальянскаго словаря; если это такъ, то Паулини плохо воспользовался его услугами, такъ какъ при составленіи своего труда онъ какъ будто больше руководствовался роднымъ, итальянскимъ, или латинскимъ произношениемъ, чѣмъ грузинскимъ Ирбаха; оттого онъ постоянно смѣшиаетъ звуки sh, съ t, b, ph съ r, kh съ k, gh съ g, съ (ts), z, dz съ s и въ. Этотъ словарь содержитъ въ себѣ 3.084 сл.

²⁾) Эта грамматика носить общирное заглавіе: «*Syntagmaton linguarum orientalium quae in Georgiae regionibus audiuntur, liber primus complectens georgianae, sed ibericae vulgaris linguae institutiones grammaticas auctore D. Francisco-Maria Maggio, clero regulari, panormitano. Romae 1670.*» Нѣкоторые отдѣлы грамматики довольно хорошо разработаны, напримѣръ, глава о грузинскомъ словопроизведеніи.—Въ азиатскомъ музѣѣ Академіи Наукъ имѣется и вышеупомянутый словарь экземпляръ грамматики 2-го изданія.

³⁾) *Anhang zur Reise in Kaukasus u. nach Georgien von Julius v. Klaproth. Halle u. Berlin 1812—14.* Его же: *Asia Polyglotta. Paris 1823 u. Archiv für asiatische Literatur, Geschichte und Sprachkunde. St-Petersbourg 1810.*

и грузино-французскій словари и умеръ, не кончивъ своей граматики грузинскаго языка. Всѣдѣствіе того она была поручена Парижскимъ Азиатскимъ обществомъ молодому въ то время ученому г. Броссе, который издалъ ее въ исправленномъ и дополненномъ видѣ въ 1837 году ¹⁾.

Еще до Клаптровой граматики, а именно въ 1834 году ²⁾, г. Броссе издалъ свою собственную (литографированную граматику) грузинскаго языка; но она вышла въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ (100), а потому мало распространена. Авторъ обнаруживается въ этой граматикѣ, вмѣстѣ съ обычновеннымъ остроумiemъ Француза, необыкновенную эрудицію и глубокія фактическія познанія въ предметѣ своего изслѣдованія. Изученіе мингрельскаго, лазскаго и сванетскаго языковъ, съ материальной, фактической стороны, закончилось въ западной Европѣ трудами д-ра Г. Розена, который, по порученію Берлинской академіи наукъ, въ 40-хъ годахъ, составилъ на мѣстѣ краткія граматики лазскаго, мингрельскаго и сванетскаго языковъ ³⁾.

На основаніи этихъ - то подготовительныхъ, эмпирическихъ, трудовъ европейскіе лингвисты стали строить теоретическія зданія, и прежде всего, старались пріурочить грузинскій языкъ къ какой-нибудь большой семье языковъ, словомъ, указать ему, какъ представителю языковъ кавказскихъ, мѣсто въ общей классификаціи языковъ. Это совпадаетъ съ замѣчательною эпохой основанія въ наукѣ языкоznанія двухъ научныхъ методовъ изслѣдованія: историческою и сравнительною, сдѣлавшихъ его настоящую наукой, самостоятельной и вполнѣ независимою отъ филологіи, рассматривавшей языкъ какъ средство, а не какъ цѣль изученія и изслѣдованія.

Но прежде чѣмъ гениальный основатель сравнительной методы въ наукѣ языкоznанія, Бопшъ, самъ попытался примѣнить это мощное, ободруюшое орудіе и къ грузинскому языку, чтобы открыть въ немъ предполагаемый индо-европейскій характеръ, г. Броссе, въ своихъ объикъ граматикахъ, стала уже проводить ту же мысль, и въ первой изъ нихъ высказалъ ее прямо въ пяти положеніяхъ ⁴⁾, такъ что проницательный и осторожный Е. Бюрнуфъ, въ критикѣ на эту граматику,

¹⁾ Éléments de la langue géorgienne par M. Brosset jeune. Paris 1837:

²⁾ L'art libéral, ou grammaire géorgienne, par Brosset jeune. Paris 1834.

³⁾ Ueber die Sprache der Lazen von Dr. G. Rosen 1844; его же: Abhandlung über das Mingrelische, Suanische und Abchasische, 1846; эти же сочиненія, до появленія ихъ отдельными книгами, помѣщались въ изданіяхъ Берлинской академіи наукъ.

⁴⁾ L'art libéral, ou grammaire géorgienne, par Brosset jeune, p. 290.

назвать поспѣшнымъ и рановременнымъ такое заключеніе г. Броссе¹⁾. Въ пользу же туранскаго характера грузинскихъ и вообще кавказскихъ языковъ склонился и Клапротъ²⁾. Онъ быть въ этомъ отношеніи предшественникомъ М. Мюллера, который относить эти языки къ туранской семье³⁾. Итакъ, вотъ два противоположныхъ направленія въ наукѣ относительно генетической связи кавказскихъ языковъ съ другими языками⁴⁾; такие авторитеты, какъ Бонть и Мюллеръ, стоящие во главѣ этихъ направленій, не только даютъ имъ право на наше вниманіе, но и обязываютъ каждого осторожно относиться къ ихъ предположеніямъ. Мы постараемся указать на главнѣйшіе факты, говорящіе за и противъ того и другаго мнѣнія, и дать на первыхъ порахъ хотя бы отрицательный отвѣтъ на обѣ теоріи.

Классификація или сортировка эмпирическимъ путемъ добытыхъ фактovъ по существенно-отличительнымъ признакамъ есть второй

¹⁾ *Journal des savants*, f閅vrier. 1835.

²⁾ *Klaproth*, *Asia Polyglotta* p. III.

³⁾ *M. Muller*, *The languages of the seat of war in the east etc.* 2. edit. London, Leipzig 1855, p. 124.

⁴⁾ Въ лингвистической наукѣ есть еще третье мнѣніе о грузинскомъ языке, и вообще о кавказскихъ языкахъ,—мнѣніе, по моему, болѣе близкое къ истинѣ, считающее эти языки «изолированною или особнякомъ стоящею группой языковъ» (*vereinzelt stehende Sprachgruppe*), напримѣръ, подобно языку Басковъ въ Европѣ; оно поддерживается съ 40-хъ годовъ даже первостепенными лингвистами; такъ, въ этомъ смыслѣ высказываются: Шлейхеръ (*Die Sprachen Europas*. Bonn, 1850, p. 99 — 103; *Die Unterscheidung von Nomen und Verbum in der lautlichen Form*, p. 6°; *se*), Поттъ (*Die Ungleichheit menschlicher Rassen etc* 1856, p. XXV — VI), Денциусъ (*Standard alphabet etc.* Leipzig 1863), Фр. Мюллеръ (*Orient und Occident* B. II, 535, Göttingen, 1864). Этому послѣдователю и обязанъ многими поучительными для меня мыслями, которыя и старался развить въ предлагаемой статьѣ, опирающейся на осторожныхъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ имъ по занимающему насъ вопросу. См. Бенфей, *Geschichte der Sprachwissenschaft und Orientalischen Philologie in Deutschland* 1869 p. 772, и Шницель, *Eranische Alterthumskunde*, Leipzig. B. I, p. 412, 1871.

Конечно, вполнять научно-доказанный отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ дастъ самое же дѣло, именно, когда языки южной или иберийской группы (грузинский, мигрельскій, лазскій, сванетскій) будутъ разработаны по примѣру некоторыхъ изъ сѣверо-восточныхъ языковъ Кавказа, изслѣдованія о коихъ, благодаря трудамъ академика А. Шиенера и барона П. К. Услара, удовлетворяя всѣмъ требованиямъ современной лингвистической науки, начинаютъ новую эпоху въ языкоznаніи Кавказа; не смотря на это, и въ настоящее время языки иберийской группы на столько извѣстны, что съ приблизительной точностью можно опредѣлить характеръ ихъ грамматического строя и указать имъ соответствующее место въ хѣстнице человѣческой речи.

фазисе развитія естественнаго въ жизни науки, если можно таъль выразиться; но она должна основываться на возможно-большемъ числѣ фактовъ, тщательно изслѣдованныхъ, само собою распадающихся на тѣ или другія категоріи; въ противномъ случаѣ неизбѣжно придется рано или поздно снова перестраивать и переставлять нашу стройно-регулярную систему, напередъ набросанную нами, въ которую мы укладывали, по личному усмотрѣнію, факты, известные намъ не по существенно-характеристическимъ признакамъ, а по преходящимъ, времененнымъ. Этту участъ, общую почти всѣмъ наукамъ, испытала, да отчасти и теперь испытывается, надъ собою и наука языкоznанія.

Боппъ, въ двухъ своихъ академическихъ чтеніяхъ 1842 и 1845 годовъ¹⁾, развивалъ мысль о сродствѣ кавказскихъ языковъ съ индоевропейскими. Къ этому сравнительному труду подали Боппу поводъ граматическія изслѣдованія Д. Г. Розена объ языке Лазовъ, Мингрельцевъ, Свановъ и Абхазцевъ, хотя самъ Розенъ, въ своихъ сочиненіяхъ ничего не говоритъ объ индоевропейскомъ характерѣ упомянутыхъ языковъ, и напротивъ того, общий тонъ его изслѣдований легко позволяетъ заключить противное.

Боппъ, въ упомянутой брошюре, по истинѣ съ удивительнымъ остроумiemъ старается доказать, что названные имъ въ тѣскомъ смыслѣ кавказскими языками юго-западные идиомы, составляющіе иберийскую группу, а именно: грузинский, мингрельский, лазскій и сванетскій, имѣютъ тѣсную связь съ санскритскимъ языкомъ. И дѣйствительно, доказательства, приводимыя Боппомъ, и тѣ случаи, на которые онъ указываетъ въ подтвержденіе своего взгляда, располагаютъ въ пользу этого предположенія каждого, кто самъ не имѣлъ случая поближе познакомиться съ упомянутыми языками. Разумѣется, Боппъ не утверждаетъ, чтобы кавказскіе языки имѣли съ санскритскимъ такого рода связи, какъ напримѣръ, новые индійскіе идиомы, то-есть, что они были отирскими и дальнѣйшимъ развитіемъ народнаго языка, сохранившагося въ древнихъ гимнахъ Ведъ и лежащаго въ основаніи санскрита, какъ языка письма. Такое мнѣніе наплю би немногого вѣры у каждого, кто имѣеть хотя только слабое понятіе о строеніи этихъ языковъ. Боппъ думаетъ, что кавказскіе языки имѣютъ индоевропейскій характеръ (или скорѣе, близко родственный съ этимъ семействомъ). Если же это дѣйствительно такъ, то мы должны при-

¹⁾ Въ послѣдствіи они вышли особою брошюрою подъ заглавиемъ: *Die Kaukasischen Glieder des indo-europäischen Sprachstamms*, von Fr. Bopp. Berlin. 1847.

знатъся, что Болѣтъ въ высшей степени грушишь противъ научной методы сравненія, сближая кавказскіе языки исключительно съ санскритскимъ, чтобы обнаружить въ нихъ индо-европейскую природу; ибо, если кавказскіе языки, въ самомъ дѣлѣ, суть члены великой индоевропейской цѣпи языковъ, то мы не имѣемъ права сличать отдельныя формы въ одномъ только индоевропейскомъ языкѣ, не обращая вниманія на другіе члены той же семьи, и притомъ, еще менѣе имѣемъ права ограничиваться въ этомъ случаѣ при сравненіи только такими языками, согласные звуки котораго, съ одной стороны, своеобразно развились, а съ другой — подверглись немаловажнымъ измѣненіямъ.

По моему, въ подобныхъ вопросахъ не должно упускать изъ виду и пространственное отношеніе между сравниваемыми языками; ибо, хотя ни въ какомъ случаѣ нѣть необходимости, чтобы другъ возлѣ друга лежащія области языка eo ipso были родственны другъ другу (такъ напримѣръ, мы видимъ, что языкъ Баскъ въ Ширенеяхъ и Мадьяръ въ Австрии пресловуто уживаются среди совершенно чуждыхъ имъ индоевропейскихъ языковъ), — тѣмъ не менѣе, есть много вѣроятности въ томъ, что если генетическая связь близъ лежащихъ областей языковъ въ общемъ существуетъ, то они оказываются и по грамматическому строю ближе, чѣмъ далеко другъ отъ друга отстоящія вѣтви одной и той же отрасли языка.

Если примѣнить это правило къ нашему специальному случаю, именно къ грузинскому языку, и если индоевропейскій характеръ его будетъ доказанъ или даже только предположенъ, то слѣдуетъ причислить его во всякомъ случаѣ, съ большей вѣроятностю, къ иранскимъ языкамъ, а не къ какой-нибудь другой группѣ языковъ индоевропейскихъ. Если же нельзя признать это съ полной решительностью, то все-таки слѣдовало бы рассматривать грузинский языкъ и весь классъ кавказскихъ языковъ за переходную группу отъ иранскихъ языковъ къ иллірійскимъ, или вѣрнѣе, къ пелазгическимъ языкамъ.

Къ такому заключенію приводить настѣ и нѣсколько болѣе точное разсмотрѣніе грузинской звуковой системы. Если будемъ рассматривать систему грузинскихъ звуковъ и сравнивать ее съ звуковою системою какого-нибудь изъ иранскихъ языковъ, хотя бы осетинского языка, то увидимъ, что въ грузинскомъ языкѣ имѣются только иранские и ни въ какомъ случаѣ не индійские звуки. Языки со многими шипящими: *z, j, ch, tch, c, dz, dj, ts*¹⁾ и съ нѣсколькими отличными другъ отъ

¹⁾) За нѣмѣніемъ грузинского шрифта въ типографіи, а равно и латинскаго шрифта съ принятими для транскрипціи надбукивенными и подбукивенными знач-

друга пѣмыми гортанными: *q*, *k*, *g*, *kh*, *gh*, *x*, *xx*, *h*, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть индійскимъ, но только иранскимъ. Такъ, звуки *x*, *j*, *ts* и *dx*, совершенно чужды индійскому, тогда какъ въ армянскомъ языкѣ они снова встречаются; равно и изъ гортанныхъ индійский имѣть только *k* и *kh*, которые соответствуютъ грузинскимъ *k*, *kh*; между тѣмъ грузинское *q* индійскій совершенно не знаеть. Древне-бактрійскій же и армянскій языки имѣютъ соответствующій этому звукъ *kh*! Для грузинскихъ звуковъ *ts* и *dj* не имѣютъ эквивалента ни индійской, ни иранскіе языки, за исключеніемъ армянского.

Такимъ образомъ, послѣ всего этого мы приходимъ къ заключенію, что грузинскій языкъ, представитель кавказскихъ языковъ,— если о его родствѣ съ индо-европейскими языками вообще можетъ быть рѣчь,— долженъ быть иранскимъ. Если же это дѣйствительно такъ, то естественно, что всѣ примѣры, которые приводятся въ доказательство индо-европейской природы кавказскихъ языковъ, должны быть исследованы и объяснены по иранскимъ звуковымъ законамъ.

Рассмотримъ теперь нѣсколько примѣровъ, приведенныхъ Бопномъ.

На стр. 8-й вышеупомянутаго сочиненія Бопъ разбираетъ окончаніе грузинского родительного пад. *za*, напримѣръ, *i-mi-sa* „того“, *a-mi-sa* „этого“, *wi-si-sa* (?) „чего“, и видѣть въ немъ окончаніе санскритскаго родит. *наадж* *за*, *вали*—*ssa*. Послѣ того, что мы замѣтили выше, на подобное сравненіе мы не имѣемъ права, но должны обратиться къ иранскимъ языкамъ и посмотретьъ, какъ тамъ звучитъ этотъ знакъ *za*; оказывается, что тамъ онъ является не въ видѣ *za*, а въ видѣ *ha*, *he* въ которыхъ въ силу общаго фонетического закона остро пишущая зубная *z* перешла въ *h*—гортанное дыханіе¹⁾.

ками, я принужденъ довольствоваться одною латинскою навсегда удачною, сложеною, транскрипціей грузинскихъ звуковъ.

¹⁾ Слѣдовательно, сравненіе, сдѣланное Бопномъ на стр. 23, между грузинскимъ словомъ *za* «весь, все» и древне-индійскимъ *вагу* не вѣрно, ибо иранскіе языки, равно какъ и греческий, въ этомъ случаѣ имѣютъ *h* вмѣсто *z* (*Fr. Miller въ Orient und Occident*, В. 11. 1864. р. 353); древн.-бактр. *hauvgva*, ново. персид. *hag*, греч. *блос*; то же самое должно замѣтить относительно сравненія, сдѣланного на стр. 29, между грузинскимъ словомъ *eze* «этотъ» и древне-индійскимъ *azan* и *ësha*, ибо известно, что древн.-инд. *azan* въ древн.-бактр. звучитъ *han* (*ibid.*). Также не основательно сравненіе груз. числительного *chwidi*, седьмь, такъ какъ это слово ни въ одномъ изъ иранскихъ языковъ не имѣть^s. Равно слишкомъ сильно сравненіе суевинка числительного *ia* въ лазскомъ *ia*, *iaach* съ санскр. *ia*, нов.-персид. *im*.

Не обращая въ этихъ случаяхъ никакого вниманія на иранскую вѣтвь индо-европейскихъ языковъ, Бенцъ совершенно неподобательно (на стр. 36) приговаряетъ законъ, чуждый иранскому и свойственный иранскимъ языкамъ (по крайней мѣрѣ ново-персидскому); именно—онъ предполагаетъ, что будто грузинскій *sam̄i* „три“ соотвѣтствуетъ древне-индійскому *tri*, *trayas* посредствомъ смягченія *t* въ *s* (чрезъ *ih*), какъ въ ново-персидскомъ *sāh* древне-бактрійскому *thri*.

И изъ этихъ немногихъ примѣровъ, — число ихъ можно было бы вырачать безъ труда увеличить, если бы время позволяло, — легко убѣдиться въ шаткости метода сравненія въ вышеупомянутомъ труда Бенца. Къ этому присоединяются у Бенца и всѣгда рода произволъ и сильность, которая часто не останавливается предъ странными гипотезами; напримѣръ, на стр. 37-й Бенцъ считаетъ санскритское *wartko* „четыре“, составленнымъ будто бы посредствомъ перестановки (*Umstellung*) *txowox* и отожествляетъ съ древне-индійскимъ *tchatwara*.

Особенную важность Бенцъ придаетъ сходству грузинскихъ языковъ съ индо-европейскими (стр. 24 и 32). Но известно, что въ этомъ отношеніи почти всѣ языки земного шара обнаруживаютъ удивительное вѣнчаное сходство между собою, но оно никакъ не можетъ служить еще доказательствомъ ихъ сродства.

Если будемъ дальше развивать наше предположеніе объ иранскомъ характерѣ грузинского языка, или вообще кавказскихъ языковъ, то должны будемъ признаться, что такая операция становится невозможной: съ одной стороны, сами собою падаютъ, скирающіеся на сравненіи съ санскритскимъ доказательства въ пользу индо-европейского характера грузинского языка, тѣль какъ звуки этого языка не согласуются съ звуковою системой иранскихъ языковъ; а съ другой стороны, эти языки не представляютъ того типа въ ново-персидскомъ, арманскомъ, осетинскомъ, афганскомъ, ибо невозможно же предположить, чтобы кавказскіе языки, въ случаѣ, если ихъ отнесутъ къ иранскимъ языкамъ, пришли бы другой путь въ своею развитіи, чѣмъ непосредственно волѣй нихъ живущіе родственные идиомы: это предположеніе, которое, если бы и нашло себѣ защитника, легко могло бы быть опровергнуто простымъ указаниемъ на осетинскій языкъ, который, будучи даже отдаленъ отъ ближайшихъ своихъ родственниковъ и находясь среди чуждыхъ ему языковъ, развивался безъ литературы, и несмотря на это, сохранилъ слѣды своего иранскаго происхожденія.

иъ таинъ ясныхъ чертахъ, что достаточно имѣть небольшой списокъ осетинскихъ словъ, чтобы доказать почти съ математическою точностью близкое родство его съ персидскимъ и армянскимъ языками. Если же мы попытаемся сравнить грузинскій языкъ съ ново-персидскимъ, то не найдемъ въ немъ никакихъ сходныхъ чертъ съ послѣднимъ. Нѣть сходства между этими языками ни въ образованіи падежей, ни въ образованіи временъ, ни въ мѣстоименіяхъ зна-
кахъ и указателяхъ чиселъ. Единственное явленіе, въ которомъ можно было бы заподозрить сходство, это образование аориста и прошедшаго совершенного посредствомъ зубнаго среднаго *d* (*Vorr.* 46, 47); но это явленіе общее многимъ языкамъ, не имѣющимъ между собою ничего генетически общаго; такъ, напримѣръ, принципъ зубнаго образованія свойственъ и урало-алтайскимъ языкамъ, дравидскимъ¹⁾, которыхъ, конечно, никто не будетъ рассматривать за родственные съ иранскими языками.

Итакъ, мы должны признаться, что не смотря на приведенные Бопшъ доказательства, грузинскій или вообще кавказскіе языки не имѣютъ родственной связи съ индо-европейскими языками.

Въ этой попыткѣ Бопшъ, съ увлечениемъ, свойственнымъ почти всѣмъ реформаторамъ, въ области ли науки, или общественной жизни, переступилъ границы имѣть же основанной сравнительной методы, сбли-
жая безъ дальнѣйшихъ околичностей отдѣльные явленія въ вышеупомя-
нутыхъ языкахъ, на чѣмъ изслѣдователь не имѣть права, прежде чѣмъ изъ разсмотрѣнія типичныхъ признаковъ (*habitus*) сравниваемыхъ язы-
ковъ онт не прийтъ къ убѣждѣнію, что въ общемъ они могутъ быть
родственны другъ другу. До примѣненія этого обоядоостраго оружия
следуетъ рѣшить много предварительныхъ вопросовъ относительно
сравниваемыхъ языковъ. Но и ошибки великихъ людей поучительны.
Примѣръ Бопша сдѣлалъ многихъ лингвистовъ осторожными.

Съ какою же группой языковъ грузинскій языкъ имѣть связь?

Изъ предшествующаго видно, что мы признаемъ индо-европейскую природу его, по меньшей мѣрѣ, еще не доказанную; на этомъ же основа-
ніи, а также на основаніи простого разсмотрѣнія звуковой системы,
совершенно не возможно допустить мысль о родствѣ грузинскаго языка
съ семитскими. Естественно послѣ этого подозрѣвать въ немъ сродство
съ той великою группой языковъ, очень удачно называемою урало-алтай-

¹⁾ *Caldwell, Comparative gram. of Dravidian languages* 3406 § 87d.

скою, которая тянется чрезъ всю среднюю Азию, и перекрещиваясь почти на Кавказскомъ перешейкѣ съ индо-европейскими языками, переходитъ въ Европу. Къ этому предположенію склоняется Максъ-Мюллеръ въ своей классификаціи языковъ.

И дѣйствительно, съ первого же взгляда видно немало сходныхъ чертъ между урало-алтайскими и кавказскими языками. Такъ, напримѣръ, кавказские языки образуютъ множественное число и падежи посредствомъ особыхъ суффиксовъ, которые слѣдуютъ другъ за другомъ, смотря по ихъ важности въ грамматическомъ отношеніи; во множественномъ числѣ къ темъ приставляется знакъ множественного числа, и затѣмъ слѣдуютъ падежные окончанія¹⁾; грузинскій языкъ имѣть также мало предлоговъ, какъ и урало-алтайскіе, и т. п.²⁾.

Итакъ, если нельзя считать кавказскіе языки частями одного члена длинной урало-алтайской цѣнны языковъ (что встрѣтило бы значительные затрудненія), то можетъ быть, ихъ слѣдуетъ рассматривать какъ самостоятельный членъ ихъ. Тогда намъ слѣдовало бы только бросить пытливый взоръ на грузинскій языкъ, чтобы найти въ немъ тѣ признаки, которые характеризуютъ языки урало-алтайского происхожденія.

Если мы разсмотримъ формы грузинскаго языка, какъ *mrgwali* „круглый“, *brzeni* „мудрый“, *zrtsoła* „боязнь“, *drtola* „ сотрясеніе“, *grgwinwa* „громъ“, *għna* „грызеніе“, *drtwinwa* „страхъ“, *brzola* „борьба“, *qmertli* „Богъ“, *inta* „гора“, *tħuġmeti* „15“, *sħa* „9“, или

¹⁾ Въ турецкомъ языкѣ, напримѣръ, *ı* знакъ родительного пад., *a* знакъ дательного, *u*—знакъ винительного пад., *lar* знакъ множ. числа. Итакъ, напримѣръ, слово *qasħ* «брюзь» склоняется такимъ образомъ: род. п. *qasħ-up*, дательн. *qasħ-a*, винительн. *qasħ-u*; множ. ч. именительн. *qasħ-lar*, род. *qasħ-lar-up*, дат. *qasħ-lar-a*, вин. *qasħ-lar-u* (*Chrestomathie ottomanne*, par *Fr. Dieterici*, Berlin 1854, p. IX). Въ грузинскомъ яз. знакъ род. падежа *is*,—дат. *za*, знакъ творительн. п. *iħha*, *tha*; знакъ мн. числа *ebi*, *pi*,—итакъ, слово *tsargħi* «брюзь» склоняется такимъ образомъ: род. п.: *tsarbi-is*, дат. *tsarb-za*, твор. *tsarb-iħha*; множ. ч. им. п. *tsarb-ebi*, род. п. *tsarb-ebi-is*, дат. п. *tsarb-eb-za*, твор. п. *tsarb-eb-iħha*.

²⁾ Что же касается до отдельныхъ служебныхъ элементовъ и формъ, то нельзя въ этомъ отношеніи требовать отъ турецкихъ языковъ того нагажднаго сходства, которое возможно только въ области индо-европейскихъ и семитическихъ языковъ, такъ какъ между отдельными отраслями великой группы урало-алтайскихъ языковъ, по мнѣнию компетентныхъ судей, нельзя предполагать близкаго родства, какое предполагается между языками индо-европейскихъ и семитическихъ семействъ; урало-алтайскіе языки также трудно соединить въ одну близко-родственную семью, какъ и народы, ими говорящіе, въ одно государство, въ европейскомъ смыслѣ слова.

мингрельский: *brdnk*, „я питаюсь“, *brdnit*, „мы питаемся“, *tchiktebk*, „сын“, *djgdjgentia*, „муравей“, то наше предположение о родствѣ грузинского языка съ урало-алтайскими значительно лишается вѣроятности, ибо ни одинъ изъ урало-алтайскихъ языковъ не терпитъ, особенно въ началь словъ, такого стечения согласныхъ, и еще меныше форму, состоящую изъ пяти или шести согласныхъ беъ полной гласной¹⁾.

Равнымъ образомъ нельзя отыскать въ грузинскомъ языке даже слѣдовъ тѣхъ звуковыхъ законовъ, которые весьма справедливо можно было бы назвать душою урало-алтайскихъ языковъ, а именно *цармонией мас-жисъ* (Vocalharmonie); вообще, звуковая система кавказскихъ языковъ является, въ сравненіи съ урало-алтайской, слишкомъ сложною.

Главнейшее же затрудненіе отнести грузинскій языкъ къ урало-алтайской группѣ слѣдующее: известно, что отличительная черта и основаніе урало-алтайскихъ языковъ есть то, что образованіе формъ и есть всевозможныя видоизмѣненія совершаются посредствомъ суффиксовъ, то-есть, такихъ служебныхъ опредѣлительныхъ элементовъ, которые прибавляются къ словамъ въ концѣ для образованія разныхъ граматическихъ формъ. Упомянутая группа языковъ, какъ известно, примѣняетъ этотъ законъ съ удивительною послѣдовательностью, доходящею часто до крайнаго однообразія. Въ каждомъ урало-алтайскомъ словѣ корень долженъ предшествовать, и въ глаголѣ, напримѣръ, присоединяются сначала формообразовательные элементы, а за ними слѣдуютъ означенія лица и числа; въ именахъ предшествуетъ тема, и за нею слѣдуютъ означенія числа и падежныхъ окончаній; словомъ, словообразованіе происходитъ нарощеніемъ къ концу корня разныx служебныхъ элементовъ.

Хотя въ грузинскомъ языкѣ, какъ и вообще кавказскихъ, большая часть словъ образуется такимъ же образомъ, однако мы встрѣчаемъ немало и такихъ формъ, которыхъ обнаруживаются въ своемъ образованіи совершенно другой принципъ, именно *прѣфиксное образованіе*, въ противоположность урало-алтайскому *суффиксному*. Такъ, въ грузинскомъ существительный глаголъ *ag* спрягается въ наст. вр. такимъ образомъ, что въ 1-хъ и 2-хъ лицахъ присоединяются въ началѣ

¹⁾ Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ грузинскомъ языке стеченіе согласныхъ имѣетъ мѣсто особенно часто тамъ, где въ другихъ членахъ иберійской группы являются гласными; такъ, напримѣръ, въ лазскомъ, отличающемся полногласиемъ, груз. *ghmerthi* «Богъ» звучитъ *ghomorthi* груз., *thma* «волось» въ лазскомъ *thma* и т. д. См. Сравнительн. обзоръ мореол. ибер. группы кавк. языковъ *Д. Цона-реан.* С.-Пб. 1872 г. стр. 14.

значи *и* (произшедшее отъ *и*—*me*, что значить „*и*“) и *ch*, одного происхождения съ *ch*а „*ты*“, напримѣръ, *w-ar'*, *я есмь*“, *x-ag*, *ты еси*“, *w-ar-th*, *мы есмы*“, *x-ar-th*, *вы есте*“.

Префиксное образование имѣть мѣсто не въ одномъ только спрѣжениі: оно, на раду съ суффикснымъ образованіемъ, получило право гражданства и въ словообразованіи грузинскаго языка. Такъ, посредствомъ префикса *me* образуются *potina agemlis* и корадочныя числительныя, напримѣръ, *me-ore*, „второй“, *me-same*, „третій“, *me-bestne*, „огородникъ“ отъ *bestani*, „огородъ“, *me-theuwze*, „рыбаль“ отъ *thewzi*—„риба“, *me-tchure*, „гончарь“ отъ *téh urí*, „кувшинъ“, *me-riqe*, „хлѣбопечъ“ отъ *rugi*, „хлѣбъ“ и т. д. Посредствомъ префикса *za* образуются пошіпа *vasis et loci*, то-есть, орудія и мѣста, напримѣръ, *za-khathme*, „куратникъ“ отъ *khathami*, „курица“, *sa-ghwine*, „сосудъ для книга“ отъ *ghwino*, „книго“, *za-signe*, „налой отъ *signi*, „книга, за-thathrethi татарія отъ *thathari*, „татаринъ“; посредствомъ префикса *si* коммерческия имена дѣлаются *абстрактными*, и прилагательныя существительныя, напримѣръ, *si-lamaze*, „красота“ отъ *lamazi*, „красивый“, *si-mzime*, „тажесть“ отъ *mzine*, „тажелый“ и т. п. ¹⁾.

Вышеупомянутые случаи, обнаруживающіе принципъ словообразованія, свойственный съ-матическімъ и африканскимъ языкамъ, но чуждый индо-европейской группѣ, съ некоторыми кажущимися исключеніями, какъ напримѣръ, *augmentum* и образованіе отрицательныхъ посредствомъ *a* (*an*), и равно чуждый урало-алтайскимъ языкамъ,— достаточно доказывать, что мы не въ правѣ признать грузинскій языкъ родственнымъ отъ прыскомъ урало-алтайской вѣтви.

Въ заключеніе нашего очерка не забудемъ и одну весьма характеристическую особенность кавказскихъ языковъ, еще болѣе подтверждающую наше мнѣніе, а именно способъ обозначенія граматическихъ родовъ.

Граматический родъ имѣется только въ сѣверо-восточной группѣ кавказскихъ языковъ, а именно въ абхазскомъ, черкесскомъ и дагестанскіхъ языкахъ; они одною этой граматической особенностью такъ рѣзко отличаются отъ всѣхъ до сихъ поръ известныхъ языковъ, что въ силу уже одной этой особенности являются совершенно изолированными отъ нихъ; они не обозначаютъ въ словахъ рода или аналогического съ ними понятія и не представляются

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. Сравнительный обзоръ морфологии иберійской группы кавказскихъ языковъ, Ад. Цакарели, стр. 15, 45, 49, 50.

имѣющими родъ (какъ напримѣръ, „царица“, == „царствующая женщина“ или „жена царя“; латинск. *luna* (луна), представляемое, или воображаемое какъ нечто величественное, гегиша (царство), какъ нечто безродное), но выражаютъ родъ по аналогіи съ тѣмъ, къ чему они относятся; напримѣръ, аварское *w̄eti* значитъ „любовь, имѣющая предметомъ мужчину“, *jotsu* „любовь, имѣющая предметомъ женщину“, *b̄ots*, „любовь, имѣющая предметомъ другое какое-нибудь существо или вещь“; вообще же любовь въ состояніи, такъ-сказать, бездѣйствія и безъ отношенія значить: *reisn* (есть знать множествен-наго члѣна), следовательно, „любовь, которая можетъ имѣть предметомъ, все“, „любовь вообще, къ абстрактнымъ значеніямъ слова“. Точно *matchi* значитъ „приходъ мужчинъ“, *jatchi* „приходъ женщинъ“, *datchi* „приходъ другихъ предметовъ“, и *tatchi* „приходъ множества толпы, всего и всѣхъ“¹).

Итакъ, по нашему мнѣнію, грузинскій языкъ (равно какъ и другие кавказскіе языки) не имѣть генетической связи съ индо-европейскими языками, но не можетъ быть причисленъ и къ урало-алтайскимъ. Онъ, подобно баскскому въ Европѣ, по всей сплошности, есть остатокъ некогда весьма многочисленной группы языковъ, распространенной на Кавказскомъ перешейкѣ еще до прихода семитическихъ, арійскихъ и урало-алтайскихъ племенъ на Кавказъ и на югъ отъ него.

Только что высказанное заключеніе невольно наводить настъ на слѣдующее размыщеніе: народы Кавказа, какъ известно, принадлежать по своимъ этнографико-физическимъ признакамъ къ кавказской расѣ; некоторые изъ нихъ, напримѣръ, Черкесы, Грузины считаются даже лучшими образчиками этой расы; между тѣмъ ихъ языки не имѣть ничего общаго съ языками, на которыхъ говорятъ народы упомянутой расы; изъ этого факта вытекаетъ то положеніе, что этнографическая и лингвистическая классификація нѣсогда совпадаютъ между собою; другими словами, что народы, говорящіе на совершенно различныхъ языкахъ, могутъ принадлежать по типу и по физическимъ особенностямъ одной и той же расѣ, какъ напримѣръ, Семиты и Арійцы, принадлежащіе къ одной кавказской расѣ²).

¹⁾ Versuch über das Avarische von A. Schieffner въ *Mémoires de l'Académie Imp. des sciences de S.-Pétersb.*; VII-e serie, Tome V, № 8, p. 12. 1862.

²⁾ «Or, dès qu'on admet que le Semite et l'Indo-Européen parlent des langues d'origine différente, sans que pour cela ils se rapportent à des races physiologiquement (?) diverses, n'est-ce pas autorisé à conclure qu'une même race a pu se parta-

Для объяснения же такого загадочного явления возможно одно предположение, не лишенное впрочемъ фроятности, именно, что когда упомянутая раса уже выдѣлилась и сформировалась вполнѣ, со всѣми физическими особенностями своего типа, тогда у нея не было еще языка установившагося и вылившагося въ извѣстный грамматический типъ, въ законченных формах; а оттого и расовые привычки, по распаденіи расы на отдѣльные вѣтви, не въ состояніи были сохраниться за членами ея съ той типичностью въ языкѣ, съ какою они остались въ физической ихъ природѣ.

Ал. Цагарели.

ger à l'origine en plusieurs familles, qui ont formé leur langage à part et sans avoir de rapports les unes avec les autres; en d'autres termes, que des peuples peuvent être frères tout en parlant des idiomes absolument différents? De l'origine du langage, par Ernest Renan, Paris 1858, chap. X, p. 205

УДЪЛЬНЫЙ КНЯЗЬ ФЕДОРЪ ЮРЬЕВИЧЪ ФОМИНСКІЙ.

Еще въ 1848 году, въ бытность мою въ селѣ Новомъ въ Полевѣ, Ярославской губерніи Даниловскаго уѣзда, на церковномъ кладбищѣ, которое здѣсь, какъ и при большей части сельскихъ церквей, устроено кругомъ церкви и обнесено оградой, я замѣтилъ каменную могильную плиту съ надписью, которой не могъ разобрать, и объ археологическомъ значеніи которой въ то время не могъ еще и догадываться. Приходилъ мнѣ, правда, въ голову вопросъ: откуда могла взяться эта плита при бѣдной приходской церкви, на кладбищѣ, гдѣ очень рѣдкія изъ могилокъ имѣютъ надъ собою и деревянные-то кресты? Плита между тѣмъ, очевидно, носила всѣ признаки глубокой древности: вырѣзанные на ней буквы едва были замѣтны подъ подернувшимъ ихъ слоемъ моху и пльсени, а однакожъ не видно было, чтобы плита занимала здѣсь постоянное мѣсто; она лежала поверхъ земли и не плотно къ ней прилегала, тогда какъ, находясь постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, она естественно должна бы была вдавиться въ землю своею тяжестю и сдѣлать въ ней углубленіе; верхнюю частью (головой) она обращена была не на западъ, какъ обыкновенно кладутъ покойниковъ и ставятъ надгробные надъ ними камни, а на сѣверо-востокъ; вообще, по всему было замѣтно, что плита, не разъ съ мѣста передвигалась, или вѣрѣше — салась то тамъ, то сямъ.

Не такъ давно привелось мнѣ снова быть въ Полевѣ. На кладбищѣ, какъ и въ первый разъ, я снова увидѣлъ знакомую мнѣ плиту и замѣтилъ, что она остается цѣлою, только очутилась уже далѣе отъ церкви и ближе къ оградѣ. На этотъ разъ, вооружившись терпѣніемъ, я очистилъ осторожно пльсень и мохъ, покрывавшіе плиту, и въ нѣсколько пріемовъ, буква за буквой, прочелъ, на сколько могъ, надпись, въ продолженіе слишкомъ пятисотъ лѣтъ не обратившую

на себя ничьего вниманія, но сохранившую для нась забытое имя одного изъ князей, не безъзвѣстныхъ однакожь въ нашей исторіи.

Вотъ эта надпись:

„Лѣта „S (ІІ) И S-го (6856) лѣта Декабря въ а (1) день на память Святаго Пророка Наума преставися рабъ Бжани въ великомъ Новгороде уделной князь Феодоръ Юрьевичъ Фоминской тело ево погребено въ Сѣ..... комъ въ мѣстѣ .. рѣве каменій во Святомъ Георгии Поминъ на изгнаніе дшю ево лїца майя въ IS (16) день Святаго мѣн. ирона“¹⁾.

Надпись сдѣлана вязью, которую мѣстами очень трудно разобрать. Нѣкоторыя буквы и слова совсѣмъ сбиты или стерлись отъ времени.

Плита имѣть обыкновенную форму надгробныхъ камней; въ головахъ она шире, а въ ногахъ уже; надпись, со всѣхъ четырехъ сторонъ, по краямъ плиты окаймлена довольно искусно вырѣзанными орнаментами, имѣющими видъ перевитыхъ шнурковъ. Подъ срединою верхнаго орнамента находится полуокругъ, упирающійся въ него обѣзомъ, а нижнею круглою оконечностию раздѣляющій первыя слова надписи: „Лѣта „S — (ІІ) И S-го“. Въ верхній части полуокруга, подъ орнаментомъ, виднѣется слабое подобіе Всевидящаго Ока, окруженное облаками.

Когда, какъ и почему, очутился здѣсь надгробный камень князя Феодора Юрьевича Фоминского, погребеннаго, какъ видно изъ надписи, въ какомъ-то Спасо.... монастырѣ, въ церкви каменной во Святомъ Георгии, между тѣмъ какъ теперешняя церковь въ селѣ Новомъ выстроена во имя Рождества Пресвятой Богородицы?

За отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, я прибѣргнуль къ догадкамъ.

Сперва я предумѣлъ: не было ли *именно* здѣсь тотъ монастырь, въ которомъ, перенесенное изъ Новгорода, тѣло князя Феодора Юрьевича было погребено, и этотъ надгробный камень не есть ли единственный памятникъ и единственный, сохранившійся отъ разрушительного дѣянія времени, указатель давнѣ-минувшаго существованія этого монастыря? Послѣ кончины князя Феодора Юрьевича въ 1343

¹⁾ Конечно, надо разумѣть Феодора Тирона. По память этого святаго празднуется 17-го февраля; а 16-го мая преп. Феодора Освѧщенаго. Это сокращеніе имѣнъ святыхъ для того времени, мы полагаемъ, извинительно. Употребленное въ надписи слово *изгнаніе*, кажется, имѣло тогда иной смыслъ, чѣмъ какой-ку придается въ настоящемъ времени.

году, долго еще свирѣствовали киїжескія усобицы, еще сто-тридцать два года тяготѣло надъ Русью татарское иго, и въ это-то тяжкое время усобицъ и татарщины, думалъ я, могъ быть разрушена и монастырь, могла быть уничтожена и каменная церковь св. Георгія, заключавшая въ себѣ гробъ князя Феодора, такъ что не осталось и слѣдовъ ни церкви, ни гроба, а уцѣлѣла какимъ-то чудомъ одна надгробная плита, которая однажды не можетъ сказать намъ, гдѣ та могила, для койки она была назначена, и гдѣ теперь находятся кости, которыхъ первоначально покоялись подъ нею. Во всякомъ случаѣ — думалось мнѣ, — если въ настоящее время надгробная плита князя Феодора находится не на томъ именно мѣстѣ, гдѣ покоятся прахъ его, то все же близъ нею, то-есть, что село Новое занимаетъ именно то мѣсто, гдѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ находился неизвѣстный теперь намъ монастырь. Въ подкрайненіе этого предположенія припомнилась мнѣ легенда, которую слышалъ я отъ кого-то въ Полевѣ, когда былъ тамъ еще въ 1848 году. Мнѣ рассказывали тогда, будто теперешнюю церковь первоначально предполагалось выстроить не на томъ мѣстѣ, гдѣ она находится нынѣ, а въ полуверстѣ отсюда, на мѣстѣ болѣе возвышенномъ. Нѣсколько разъ принимались на томъ мѣстѣ залѣдывать фундаментъ, но все, чтѣ днемъ сдѣлаютъ работники, въ продолженіе ночи перемѣсилось будто невидимою силой подъ гору, на мѣсто тепкое и измѣнное, такъ что строители, наперекоръ своему желанію, не по-минуясь этому чудесному указанію, вынуждены были соорудить церковь на томъ именно болотистомъ мѣстѣ, гдѣ она теперь и находится. Это сказаніе, относившееся, конечно, къ теперешней церкви, которая, очевидно, не очень давней постройки, не обязано ли своимъ происхожденіемъ тому, что во время построенія здѣсь храма хранилось еще въ память старожиловъ темное преданіе о существовавшей когда-то здѣсь иноческой обители, въ которой ежедневно возносилось славословіе Богу, и совершилась безкровная жертва?

Такъ я сперва думалъ; но не имѣя въ рукахъ никакихъ положительныхъ данныхъ и не отыскавъ ни на мѣстѣ, занимаемомъ теперѣ церковью и селомъ Новымъ, ни около села, никакихъ рѣчи-тельно признаковъ и ни малѣйшихъ слѣдовъ, которые хотя сколько-нибудь подтверждали бы достовѣрность первого моего предположенія (кругомъ Полева только и есть что поля да луга), я остановился на слѣдующей новой догадкѣ.

Преставившись въ Новгородъ, князь Федоръ Юрьевичъ всего естественнѣе могъ быть и погребенъ тамъ же, въ одномъ изъ Нов-

городскихъ монастырей. Но для того, чтобы и въ сего отчима совершился поминъ по душѣ его, и чтобы память о немъ для мѣстнаго духовенства сохранилась свято на сколько возможно долгія времени, плита съ надписью, указывающею день кончины князя Феодора и день его ангела, могла быть положена или вдѣлана въ стѣнѣ церкви, бывшей въ его отчинномъ владѣніи. Въ мѣстной церкви эта *памятная* плита, конечно, и находилась (какъ и теперь находится въ нѣкоторыхъ церквяхъ плиты или доски съ надписями на память объ умершихъ, погребенныхъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не при этихъ церквяхъ) до того времени, пока не совсѣмъ еще угасла память о похономъ¹⁾). Но когда воспоминаніе о стародавнемъ дѣдичѣ совершенно изгладилось, то при постройкѣ новой церкви или перестройкѣ старой (что въ продолженіе 500 лѣтъ могло не разъ случиться), нѣвѣжественные хиторы, не позаботившіеся, а быть можетъ, и не умѣвшіе прочесть надписи, не признали за нужное дать этой плите мѣсто въ церкви, и считая въ собственномъ смыслѣ надгробнымъ камнемъ, оставили ее просто на кладбищѣ.

Что же касается того, что князь Феодоръ Юрьевичъ Фоминскій действительно имѣлъ здѣсь свое владѣніе, *отчину*, — это мы можемъ принять за фактъ, не подлежащій сомнѣнію, какъ увидимъ ниже.

Князь Феодоръ Фоминскій съ отечествомъ *Юрьевича* не встрѣчается ни въ родословіи этихъ князей и ни въ одномъ изъ автографныхъ сказаний. Значить, гробовая надпись открываетъ намъ новое, совершенно неизвѣстное до сихъ поръ лицо, принадлежавшее однакожъ къ роду князей Фоминскихъ. Исторія упоминаетъ только объ одномъ Федорѣ Фоминскомъ Большомъ, прозванномъ Краснымъ, умалчивая о его отчествѣ, а Родословная книга назначаетъ ему отцемъ Константина Юрьевича, сына великаго князя Юрия Святославича Смоленскаго.

¹⁾ Такого рода плиты или доски, помимося, мы видѣли въ одной изъ церквей Троицко-Сергіевской лавры. Они имѣютъ фигуру небольшаго квадрата и вдѣланы въ стѣнѣ. Но въ какой именно церкви, и чьи имена начертаны на этихъ доскахъ, къ сожалѣнію, не помнимъ. Въ царствѣ Польскомъ, близъ Пултуска, въ фольваркѣ, принадлежащемъ, кажется, гр. Потоцкому, есть очень красивый маленький костѣль (здесь особенно бросается въ глаза разная фигура св. Онуфрія), въ которомъ вдѣлана въ стѣнѣ серебряная вызолоченная доeka съ надписью, что тутъ погребены *супружескіи* фельдмаршала Дубича, умершаго въ этомъ фольваркѣ 1830 г., тогда какъ тѣло его, было отправлено для погребенія въ С.-Петербургъ.

Подъ годомъ 6848 (1340) въ Софийскомъ Временингѣ о Федорѣ Фоминскомъ упоминается, въ первый разъ, вотъ по какому случаю: Тогда какъ вся съвериы княжества признавали надъ собою верховную власть татарского хана Узбека, княжество Смоленское, таготвѣшее болѣе къ Литвѣ, чѣмъ къ кореннѣй Руси, считало себя вовсе неподвластнымъ хану и не изъявляло ни малѣйшаго желанія покориться ему. Всѣдѣствіе того „Великій князь Иванъ Даниловичъ (Балита) послалъ съ Товлубиемъ по повелѣнію цареву, (то есть, Узбекову) князя Константина Васильевича Суздальскаго, князя Константина Ростовскаго, князя Ивана Ярославича Юрьевскаго, князя Ивана Дротскаго, князя Феодора Фоминскаго“, для взятія Смоленска, который, несмотря на продолжительную осаду, однако же взять не былъ. То же повторяется и въ другихъ хѣтописахъ, только въ Новгородской и Тверской сказано просто: Феодора Фоминскаго, а слово князя опущено.

Въ Родословной книгѣ¹⁾ о происхожденіи князей Фоминскихъ сказано:

„Великаго князя Юрия Святославича Смоленскаго у сына его князя Константина Юрьевича Фоминскаго и Березуйскаго было 3 сына, всѣ Федоры.

„Большому князю Федору прозвище Красный,

„Среднему прозвище Сѣйшой,

„Меньшому князю Федору прозвище Меньшой.

„А князь Федоръ Святославичъ²⁾ былъ на вотчинѣ на Вазыѣ, да на Дорогобужѣ.

„И какъ князь великий Семонъ Ивановичъ Гордой женился у князя Федора Святославича, и князь великий перевезъ его къ себѣ, а далъ ему вотчину Волокъ совсѣмъ, и великую княгиню на свадѣбѣ испортили: ляжетъ съ великимъ княземъ, и она ему покажется мертвѣцъ, и князь великий великую княгиню отоспалъ къ отцу ея на Волокъ,

¹⁾ См. Родосл. кн. II, стр. 207 и слѣд.

²⁾ Князь Федоръ Святославичъ (тесть Симеона Гордаго), по мнѣнію Каравацца, былъ сынъ Святослава Глѣбовича, пѣвеннаго въ Можайскѣ (ум. 1310 г.) Георгіемъ Даниловичемъ Московскимъ, и владѣльца Ваземскою и Дорогобужскою вотчинами не на правахъ собственника, а только въ качествѣ наѣстника: «Великій князь (Симеонъ Гордый) въ своемъ духовномъ завѣщаніи отказалъ Можайскъ супругѣ своей; следѣственно, вопреки Родословной книгѣ, Федоръ Святославичъ господствовалъ тамъ временно, какъ наѣстникъ, а не какъ собственникъ». См. Ист. Г. Р., IV, пр. 364.

а величъ ее дати за мужъ, и князь Федоръ Святославичъ далъ дочь свою за князя Федора за Краснаю, за Бозмакою Фоминскою¹.

Но Юрий Святославичъ, указанный здѣсь какъ родоначальникъ князей Фоминскихъ и княжившій въ Смоленскѣ въ началѣ XV столѣтія (въ 1404 году онъ былъ изгнанъ изъ своего владѣнія Витовтомъ, внукомъ Гедимина), конечно, никакъ не могъ быть дѣдомъ Федора Фоминского Краснаго, участвовавшаго въ 1340 году въ походѣ на Смоленскъ и потомъ женившагося на бывшей супругѣ Симеона Гордаго между 1345 и 1359 годами¹), то-есть, жившаго раньше его болѣе чѣмъ за полстолѣтіе.

Въ Родословной книжѣ очевидно допущена ошибка, или по выражению Карагзина, явная нелѣпость. Но имѣя въ виду, что родословіе князей Фоминскихъ на самомъ первомъ шагу ошибочно, замѣтимъ здѣсь, что мы въ правѣ заподозрить точность указаний Родословной книги и въ дальнѣйшемъ развѣтвленіи этого рода.

„У князя Федора“ (Краснаго),—говорится далѣе въ Родословной книги, — „съ тою княгинею (Евпраксіею) 4 сына: Михайло Крюкъ, Иванъ Собака, Борисъ Вепрь, Иванъ Уда²).

„Отъ Федора Слѣпова (другаго брата) произошелъ родъ Карповъ-Далматовыхъ.

„Отъ меньшаго Федора Фоминскаго дѣти: 1 сынъ князь Василей Козловскій, 2 сынъ (князь) Федоръ Рожеескій, 3 сынъ Иванъ Толбузинъ“.

О князѣ Федорѣ Фоминскомъ Красномъ находится еще одно и послѣднее, относящееся къ нему, сказаніе въ Новгородской летописи подъ 1387 г. Въ этомъ году „весною преставился князь Феодоръ Фо-

¹⁾ Первая жена Симеона Гордаго, Анастасія Литовская, скончалась 11-го марта 1345 г. въ черницахъ и въ схимѣ, и положена въ Крестовской церкви Преображенія. Затѣмъ онъ женился на Евпраксіи, дочери князя Феодора Святославича, но долго ли жилъ съ нею въ супружествѣ, не известно; судя по причинѣ, побудившей его развестись съ нею, надо полагать, очень недолго. Не знаетъ также подождительно и того, какъ скоро послѣ развода выдана была Евпраксія за Феодора Фоминскаго; но если великій князь *велѣлъ* дати ее за мужа, то надо думать, его велѣніе было немедленно исполнено. Послѣ развода съ Евпраксіей, Симеонъ женатъ бытъ еще въ третій разъ на Тверской княжнѣ Маріи Александровнѣ. Ист. Г. Р., IV, прим. 364.

²⁾ Прозвища дальнишіхъ потомковъ, внуковъ и правнуковъ Феодора Краснаго, еще стравыѣ: «А у Михайла Крюка дѣти: Борисъ да Иванъ. А у Ивана Собаки дѣти: Семенъ Травы да Василей. А у Семена Травы дѣти: Осока да Сирiba, да Сампакъ. А у Осоки сынъ Пырей». Родосл. кн. II, стр. 208.

мискій (прозванный Краснымъ) къ скимѣ, названный въ монашествѣ Симеономъ и погребеный въ монастырѣ си Спаса¹).

Младшій сынъ Федора Краснаго Иванъ Федоровичъ (а не Андреевичъ, какъ ошибочно называютъ онъ въ грамотѣ, приведенной Карамзинымъ²). Удазначится къ числѣ подписавшихъ духовное завѣщаніе великаго князя Дмитрія Ioannovicha Donского и упоминается подъ 1385, 1389, 1392 и 1493 годами³). А внукъ Краснаго Василій Венгеръ въ 1446 году является сторожникомъ Дмитрія Шемяки въ борбѣ его съ великимъ княземъ Василіемъ Василіевичемъ Темнымъ, а именно: когда Василій, плененный Шемякою, находился подъ стражею въ Угличѣ, и князья Раполовскіе хотѣли освободить его, но такъ какъ „про нихъ (Раполовскихъ) учинилась вѣсть князю Дмитрію, и не смѣша пойти подъ Угличъ, и пошдоша за Волгу къ Вѣлуозеру“, то „Дмитрій (Шемяка) послалъ за ними съ Углича рать съ Василіемъ съ Венгеромъ да Федора Михайловича съ полки, а сойтися имъ на усть Шемыны у Всѣхъ Святыхъ, и Федоръ не успѣлъ Василью, а Раполовскіе воротившися на Василья побила его на усть Мологѣ“⁴).

Наконецъ, подъ 1494 г. въ договорной грамотѣ великаго князя Литовскаго Александра съ тестемъ его Ioannomъ III упоминается еще одинъ Оминский, и затѣмъ, эта фамилія уже болѣе не встрѣчается въ нашихъ историческихъ памятникахъ. Въ этой грамотѣ между прочимъ сказано: „Ни князей миѣ (Александру) Ваземскихъ къ себѣ не пріимати, также и Федора Блудова, и Александрова Борисова сына Хлопенъскаго и князя Романова Фоминскаю, и ихъ браты и братаничевъ“⁵.

Вотъ и вся упоминанія, какія находимъ въ древнихъ историческихъ актахъ и сказаніяхъ о лицахъ, носившихъ фамилію Оминскихъ. Дальнѣйшія отрасли этого рода извѣстны уже подъ другими фамиліями: Собакиныхъ, Травиныхъ, Карновыхъ-Далматовыхъ, князей Козловскихъ, Ржевскихъ, Толбузиныхъ и проч.

Изъ всего рода князей Оминскихъ болѣе другихъ замѣтны въ XIV вѣкѣ лицомъ явился, какъ мы видѣли, одинъ Федоръ Красный, участіемъ въ походѣ на Смоленскъ въ 1340 году и женитьбою на

¹) Ист. Г. Р., V, прим. 137.

²) Тамъ же, прим. 146.

³) Тамъ же, прим. 106, 116, 146 и 149.

⁴) Ист. Г. Р., V, прим. 340.

⁵) Тамъ же, VI, прим. 396.

Бицраксіі, бывшій супругъ Симеона Гордаго. Имена же младшихъ братьевъ его, Федоровъ Слѣпова и Менышова, кромѣ Родословной книги, никогда не встречаются.

Не есть ли этотъ Федоръ Красный одно лицо съ княземъ Федоромъ Юрьевичемъ Фоминскимъ, имя воего передается надписью на надгробной или памятной плите, описанной выше?

Сопоставляя свѣдѣнія, известныя изъ предидущаго о Федорѣ Красномъ, съ указаніями, находящимися въ надгробной надписи, мы должны прийтіи къ отвѣту отрицательному. Если Федоръ Красный былъ сыномъ Константина (чтѣ отрицать нѣтъ достаточнаго основанія) и женился между 1345 и 1350 годами, если у него было четверо дѣтей отъ этого брака, и если, наконецъ, онъ скончался въ 1387 году въ монашествѣ съ именемъ Симеона, то очевидно, онъ—совсѣмъ иное лицо, чѣмъ Федоръ Юрьевичъ Фоминский, скончавшійся въ 1348 году съ тѣмъ же именемъ Федора, стало быть, не въ монашествѣ.

Съ Федоромъ Слѣпымъ или Федоромъ Менышемъ Константиновичами еще менѣе могъ имѣть тожества Федоръ Юрьевичъ уже по тому одному, что они были мѣньшими братьями, то-есть, еще моложе Федора Краснаго, и оба имѣли дѣтей, которые могли быть у нихъ не ранѣе, какъ уже по смерти Федора Юрьевича.

Кто же былъ этотъ Федоръ Юрьевичъ, и почему его имени нѣтъ въ родословіи князей Фоминскихъ?

Выше было замѣчено, что въ этомъ родословіи на первомъ же шагу (въ показаніи родоначальникомъ Фоминскихъ великаго князя Юрия Святославича Смоленскаго) оказывается ошибка, и что, судя по этому, естественно ожидать ошибокъ и въ дальнѣйшемъ развиленіи этого рода.

Такая именно ошибка, мы убѣждены, и допущена относительно князя Федора Ржевского, показанного въ родословіи сыномъ князя Федора Фоминского Менышова, и стало быть, племянникомъ Федора Краснаго Большаго. Судя по этому указанію родословія, князь Федоръ Ржевский долженъ былъ жить (если бы дѣйствительно былъ сыномъ Федора Менышова Фоминского) приблизительно между 1350 и 1400 годами, но никакъ не ранѣе. А между тѣмъ въ исторіи XIV вѣка извѣстенъ только одинъ князь Федоръ Ржевский, упоминаемый гораздо ранѣе, а именно подъ 1314 и 1316 годами. Въ 1314 году этотъ князь, по порученію Георгія Даниловича Московскаго, является въ Новгородѣ и играетъ здѣсь весьма важную роль, а именно, „Новгородцы.... винили великаго князя Михаила Ярославича (Тверскаго)

что онъ, пресмыкаясь въ Ордѣ, у ногъ хановъ, забываетъ отчество. Георгій Московскій не замедлилъ воспользоваться симъ расположениемъ: *родственникъ* *своего* князя Федора Ржевскаго приѣхалъ въ Новгородъ, взялъ подъ стражу намѣстниковъ Михайловыхъ и такъ обольстилъ легкомысленныхъ гражданъ, что они, призвавъ Георгія своимъ начальникомъ, объявили даже войну великому князю¹⁾). Около двухъ лѣтъ этотъ князь Федоръ Ржевскій заправилъ отъ имени Георгія дѣлами Новгорода и быть руководителемъ Новгородцевъ въ ихъ борьбѣ съ Михаиломъ Тверскимъ. Но наконецъ, Михаилъ одержалъ верхъ, и, *послѣ побѣды надъ Новгородцами 10 февраля (1316 года)* велѣлъ объявить, чтобы они выдали ему князей Афанасія (брата Георгіева) и Федора Ржевскаго, если хотятъ мира. Новгородцы не соглашались... Тогда Михаилъ требовалъ по крайней мѣрѣ одного Федора Ржевскаго; многие и этого не хотѣли, но наконецъ уступили необходимости²⁾).

О дальнѣйшей судьбѣ этого князя исторія умалчиваетъ; однако же, судя по тому, что согласно договору, заключенному затѣмъ съ Новгородцами, Михаилъ обязанъ былъ возвратить имъ „племянниковъ безъ окупа“ и „освободить аманатовъ“, должно думать, что и князь Федоръ Ржевскій былъ освобожденъ.

Объ этомъ князѣ Карамзинъ замѣтилъ, что *родъ* *своего* *незапомѣтнѣйшаго*³⁾). Но допуская, что въ *указанныхъ степеняхъ родства* составителю Родословныхъ книгъ не трудно было иногда и ошибиться, мы не считаемъ однакожъ себя въ правѣ безусловно отрицать относительную достовѣрность родословія князей Фоминскихъ въ обозначеніи именъ лицъ, принадлежавшихъ къ этому роду, и никакъ не сомнѣваемся въ дѣйствительной принадлежности князя Федора Ржевскаго къ роду Фоминскихъ, только смыть думать, и кажется, не безъ достаточнаго основанія, что онъ поставленъ въ родословіи *не на свое имя*. Если бы онъ былъ племянникомъ Федора Краснаго, то долженъ былъ бы жить, какъ уже сказано выше, между 1350 и 1400 годами, а не раньше. А потому, имѣя въ виду *Новгородскую службу* князя Федора Ржевскаго Георгію Московскому (въ 1314 и 1316 годахъ, мы вполнѣ убѣждены, что степени родства его съ тремя

¹⁾ Ист. Г. Р., IV, стр. 108.

²⁾ Тамъ же, стр. 109.

³⁾ Ист. Г. Р., IV. прик. 218. Воспользовавшись только началомъ родословія Фоминскихъ, Карамзинъ, вероятно, не счелъ нужнымъ прослѣдить его до конца.

братьями Федорами Фоминскими подвергались въ родословіи значительной перетасовкѣ, а именно: тогда какъ они доводился вѣмъ иль дядею, составитель родословія сдѣлалъ его сыномъ одного изъ нихъ (Федора Меньшова) и *племянниками* двухъ другихъ (Федоровъ Краснаго и Сѣйнова).

Этотъ князь Федоръ (упоминаемый въ исторіи безъ отчества) Ржевскій-Фоминскій и есть — мы убѣждены — тотъ „удѣльный князь Феодоръ Юрьевичъ Фоминскій“, имя коего сохранила намъ надгробная плита.

Онъ былъ, безъ сомнѣнія, родной братъ Константина *Юрьевича*, отца трехъ Федоровъ Фоминскихъ. Но кто былъ *Юрій*, отецъ Константина и Федора Юрьевичей, а вѣсть и родоначальникъ князей Фоминскихъ, — рѣшить трудно. Точно также мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для опредѣленія, въ какомъ родствѣ Федоръ Юрьевичъ Ржевскій-Фоминскій (а слѣдовательно, и братъ его Константина Юрьевича) причитался Георгію Даниловичу Московскому.

Надобно думать, что отслуживъ свою службу честолюбивому князю Московскому, Георгію, для которого онъ былъ правой рукой, князь Федоръ Юрьевичъ, послѣ выдачи его Новгородцами великому князю Михаилу Тверскому (1616 г.), за свою непокорность ему, лишенъ былъ этимъ посльднимъ Ржевскаго княжества (составлявшаго конечно удѣль княжества Тверскаго), а потому и не пользовался болѣе титуломъ *Ржевскаго*. Но такъ какъ его влияніе на Новгородцевъ, обнаружившееся въ такой степени въ 1314—1316 годахъ, и ихъ расположение къ нему, вѣроятно, не прекратились, а быть можетъ, еще и увеличились вслѣдствіе энергической борбы его съ Михаиломъ и даже несчастнаго исхода этой борбы, то удалившись отъ дѣлъ общественныхъ (къ чему могъ быть вынужденъ также и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшою трагическою смертью его бывшаго поведителя и родственника Георгія, въ которомъ онъ находилъ свою силу и опору), — князь Федоръ Юрьевичъ, вѣроатно, жилъ до конца дней своихъ частнымъ человѣкомъ въ Новгородѣ, удержавъ за собою только титулъ князя *Фоминскаго*, съ которымъ и скончался въ 1348 году, и который одинъ (безъ Ржевскаго) и сохранился на его надгробномъ камнѣ. Тѣло его, какъ можно догадываться изъ начальныхъ буквъ Си.....каго монастыря (находящихся въ надписи), погребено въ томъ же монастырѣ святаго Спаса¹⁾), въ которомъ спустя 39 лѣтъ

¹⁾ Быть можетъ, это и *Спасопреображенскій Хутинскій монастырь*; но была ли есть ли въ ней каменная церковь Св. Георгія, — не знаемъ. Или — не *Юрьевъ*.

загребенъ быть и его племянникъ князь Федоръ Константиновичъ Фоминскій Большой Красный, съ иноческимъ именемъ Симеона.

Гдѣ находилось княжество Фоминское,—на это положительныхъ указаний нетъ. Витовтъ, въ началѣ XV столѣтія овладѣвшій Юго-Западною Русью, присоединилъ къ своему княжеству всѣ русскія земли отъ Кієва даже до Фоминскаго¹⁾). Судя по тому, что большая часть княжества Смоленскаго (если не все) забрала была тогда внукомъ Гедимины, и что его тогдашнія владѣнія граничили съ предѣлами княжества Московскаго (но до самой Москвы еще не доходили), надо полагать, что княжество Фоминское составляло первоначально участокъ или удѣль Смоленскаго либо Московскаго княжества, и лежало гдѣ-нибудь около взаимныхъ (для насъ теперь положительно неизвѣстныхъ) предѣловъ того и другаго. Въ духовной великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго упоминается Фоминское, какъ одна изъ Звенигородскихъ волостей. По этой духовной оно отказано было сыну его Юрію Дмитріевичу²⁾). Безъ сомнѣнія, эта волость была не что иное, какъ прежде бывшее, но быть можетъ уже значительно утратившее прежній земельный объемъ, княжество Фоминское. Что же касается до самаго места, гдѣ лежало это княжество, то наимъ кажется, село Нара-Фоминское, находящее при р. Нарѣ въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи и нынѣстное теперь свою фабричною промышленностью, могло быть нѣкогда именно средоточиемъ, а теперь есть не что иное, какъ остатокъ древнаго княжества Фоминскаго³⁾). Если это предположеніе наше не лишеноѣ вероятности, то нельзя не порадоваться, что центръ давнаго кня-

скій ли? Но именовался ли онъ вѣдѣ и Спасскимъ,—опять не знаемъ. Добиться истины всего ближе вѣдѣніемъ археологии.

¹⁾ Ист. Р. Г., V, прим. 165. «И приступиша къ нему (Витовту) вси князи пограничные съ ветчами своими; отъ Кіева даже и до Фоминскаго приложиша къ великому князю Витовту».

²⁾ Тамъ же, прим. 116.

³⁾ На картѣ «Московской провинціи» (принадлежащей князю М. А. Оболенскому, директору Гл. Моск. Архива мин. ин. дѣлъ, это мѣсто значится подъ именемъ Фомина. Бывшіе Фоминки показаны деревни Собакина, а въ вѣкоторыхъ деревствахъ отъ нихъ (западнѣе)—Крюкова, получившія свои названія, быть можетъ, отъ прозвищъ первыхъ двухъ сыновей Федора Краснаго, Михаила Крюка и Ивана Собаки. Означенная «Географическая карта Московской провинціи» сочинена съ генеральными уездными межевыми планами попеченіемъ межевой коллегіи члена коллежскаго совѣтника Зенбулатова инженеръ-маюромъ и надъ чертежною директоромъ Горихвостовымъ 1774 года».

жества представляетъ собою въ настоншее время одинъ изъ образцовыхъ центровъ отлично организованного труда и промышленности¹).

Подобно другимъ княжествамъ, городамъ и монастырямъ, княжество Фоминское имѣло въ Москвѣ въ старину свое подворье, которое и называлось Фоминскимъ дворомъ. Въ немъ, конечно, жили сперва члены этой фамилии, состоявшіе на службѣ великихъ князей Московскихъ (какъ, напримѣръ, Федоръ Красный при Иоаннѣ Калите, сынъ его Иванъ Федоровичъ Уда и др.); но въ послѣдствії, такъ же какъ княжество, и этотъ дворъ поступилъ въ собственность Московскихъ князей. Въ духовномъ завѣщаніи великаго князя Василія Дмитревича (1425 г.) читаемъ: „А приказываю своего сына князя Василья.... на Москвѣ дворъ Фоминской Ивановича (вероятно, самъ Иванъ Федорова Уды) у Боровицкихъ воротъ....“²). А въ духовной великой княгини Софіи (1453 г.), супруги этого князя, сказано: „Да что мы дадъ синь мой князь великій (Василій Васильевичъ) мѣсто дворовое Фоминское Ивановича, и язвъ на томъ на Фоминскомъ мѣсто поставила житничій дворъ, да тогожъ Фоминского мѣста промѣнила есмь была Ивану Старкову на его куплю на Степановъскій дворъ Дмитріевича и его дѣтей, Григоріевъ и Федоровъ, на подольѣ, и тотъ есмь была Степановъскій дворъ взяла себѣ, а Ивану есмь была противу того дала того Фоминского мѣста, гдѣ себѣ Иванъ коромы поставилъ: и то свое мѣсто подольнѣе, свою куплю, вѣдаеть Иванъ, а въ то ся мѣсто въ Фоминское не вступаетъ, знаєтъ свои коромы, и язвъ то все Фоминское мѣсто и съ житничными своимъ дворомъ дала внуку же своему князю Юрью“³).

Выше было сказано, что близъ теперешнаго села Нового въ Полевѣ, была отчина князя Федора Юрьевича Фоминского, въ приходской церкви которой первоначально и находилась описанная нами

¹) Здѣсь находятся нынѣ фабрики бумагопрядильная и ткацкая, принадлежащія «Товариществу Воскресенской мануфактуры».

²) Ист. Г. Р., V, стр. 134, пр. 226, 227. Собр. Госуд. Грам., I, стр. 82,

³) Ист. Г. Р., V, прим. 361, стр. 240. Этотъ дворъ и это мѣсто, по переходѣ черезъ разныя частные руки, въ настоншее время принадлежитъ княгинѣ А. М. Хильковой, рожденной княгинѣ Оболенской (дочери князя М. А. Оболенского). Дѣламъ переулокъ, идущій отъ угла этого дома къ р. Москвѣ, получивъ свое название отъ лебедей, плававшихъ въ бывшемъ здѣсь прудѣ, теперь застроенному доками и покрытымъ мостовою.

памятная плита. Достовѣрность этого факта подтверждается живымъ, свидѣтельнымъ, такъ-сказать, свидѣтельствомъ, въ продолженіи вѣковъ та же свято сохранившимся, какъ и самая плита, не смотря ни на какіе, совершившіеся, конечно, въ эти вѣка перевороты, пожары, опустошенія, которыхъ могли только видоизмѣнить его въ материальномъ отношеніи, но не истребить, не уничтожить. На возвышенности, отстоящей отъ села на полверсты, не болѣе, и на которой, по сообщенной выше легенды, первоначально предполагалось построить церковь, находится по настоящее время деревня, которая носить название *Фоминская*¹⁾. Здѣшние старожилы на вопросъ, давно ли ихъ деревня тутъ существуетъ, и почему она названа *Фоминскимъ*, — отвѣчали: „А Богъ знаетъ; и сами старики (то-есть, старики въ отношеніи этихъ старожиловъ) не запомнятъ“.

Утверждать, что название этой деревни *Фоминскимъ* не имѣть историческаго значенія, и что мѣстонахожденіе памятной плиты съ именемъ князя Фоминского вблизи этой деревни есть не болѣе, какъ чисто случайное совпаденіе *можественныхъ* названий, было бы, намъ кажется, по меньшей мѣрѣ слишкомъ смѣло. Какъ очутилась здѣсь, въ Ярославскомъ княжествѣ, отчина князя Фоминского, когда само княжество Фоминское находилось, какъ выше сказано, въ теперешнемъ Верейскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, а потомъ вошло въ составъ Московскаго княжества? Отвѣтъ на это можно спать-таки только догадками.

Родословная книга производить родъ Фоминскихъ отъ Смоленскихъ князей. Не отрицаю этого и Карамзинъ²⁾. Но если такъ, то не быть ли этотъ родъ отраслью рода князей Смоленскихъ *Ярославскихъ*? Въ такомъ случаѣ мѣстонахожденіе отчины князя Фоминского въ теперешней Ярославской губерніи объяснилось бы очень легко и естественно.

Другое предположеніе: Георгій Московскій, быть можетъ, наслѣдовавшій послѣ отца родовое имѣніе (въ теперешней Ярославской губерніи) въ той мѣстности, гдѣ теперь городъ *Даниловъ* (не Данійловъ ли же и основанный, подобно городу *Данилову* въ Галиціи, построенному Даніиломъ Галицкимъ?), за особенные услуги, оказанныя ему княземъ Федоромъ Юрьевичемъ, могъ подарить ему въ собствен-

¹⁾ Въ бытность мою въ Полтавѣ, въ сентябрѣ 1865 г., большая часть Фоминского въ одну ночь сгорѣла отъ вспыхнувшего огнина.

²⁾ „Что Фоминские выѣхали изъ Смоленска, тому вѣро; но не сынъ Юрий Святославича быхъ ихъ родоначальникомъ“. Ист. Г. Р., IV, прим. 317.

ность одну изъ вотчинъ, составлявшихъ это имѣніе, и эта вотчина могла получить свое название отъ имени нового ея владѣльца, точно также, какъ Фоминскимъ называлось и родовое княжество членовъ этой фамилии, исчезнувшее въ великому княжеству Московскому.

Если въ основѣ честолюбивыхъ стремлений Московскихъ князей, рядъ воинъ начался съ Георгія Даниловича, нельзя, не смотря на жестокія мѣры, къ которымъ нерѣдко прибегали эти князья, не видѣть признаковъ, едва-ли сознаваемой тогда ими самими, но тѣмъ не менѣе ясно проглядывавшей сквозь ихъ хозяйственныя раз-четы и для насъ теперь ставшой фактъмъ, мудрой политики, ко-торая постепенно вела Россію къ территоріальному и граждан-скому объединенію, и не только спасла ее отъ внутреннаго раз-дробленія и вѣнчаныхъ враговъ, но и образовала изъ нея великую державу; если современная Россія должна быть признательна именно Московскому князьямъ, собирающимъ земли Русской, за то, что они положили главныя основы ея единству и величию, тому, что она теперь: то, конечно, не малая доля этой привилегіиности должна относиться и къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые, будучи ревностными исполнителями предначертаній этихъ князей, были въ то же время усердными слугами отечества и отважными бор-цами за его благо, честь и славу. Къ числу такихъ дѣятелей, без-спорно, принадлежать и въ раду ихъ занимать непосредственнѣе мѣсто князь Федоръ Юрьевичъ Фоминскій. Служа, повидимому, личнымъ интересамъ честолюбиваго Георгія, хотѣвшаго подчинить Новгородъ Москвѣ, онъ на самомъ дѣлѣ былъ борцемъ за созидающееся тогда государство Московское, служилъ высокой идеѣ единодержавія, кото-рая постоянно одушевляла, потомъ государственную дѣятельность преемниковъ Георгія, и которую блестательно осуществлялъ наконецъ Иоаннъ III. Занесемъ же съ почтенiemъ на страницы нашей исторіи до сихъ поръ покрытое общимъ забвениемъ имя этого исторического дѣятеля, удѣльную князя Федора Юрьевича Фоминскаго, сохраненное намъ вполнѣ, благодаря только бѣдному сельскому кладбищу и бѣд-ной деревушки...

Если, какъ мы полагаемъ, Нара-Фоминское дѣйствительно есть остатокъ древняго княжества Фоминскаго, то желательно было бы, знать, не сохранилось ли тамъ, въ самомъ селѣ или его окрестностяхъ какихъ-нибудь слѣдовъ, напоминающихъ старину? Впрочемъ, не чему удивляться, если никакихъ слѣдовъ и не окажется. Быть можетъ, они и были, да новое время, къ сожалѣнію, еще не пріученное цѣнить и

хранить дорогую, старину сочло возможнымъ уничтожить ихъ или употребить на буть для новыхъ построекъ¹⁾.

Въ заключеніе, не можемъ удержаться отъ вопроса: уцѣлѣла ли до сихъ поръ и знакомая намъ плита въ селѣ Новомъ, и все ли еще она лежитъ тамъ, близъ ограды, отдѣляющей кладбище отъ проѣзжей дороги, или чьи-нибудь досужія руки уже разбили ее и сдѣлали изъ нея какое-нибудь практическое употребленіе? Если она еще цѣла, то настоятель церкви села Нового въ Полевѣ оказалъ бы услугу наукѣ отечественной старины и выразилъ бы вполнѣ уваженіе къ одной изъ рѣдчайшихъ нашихъ древностей, въ продолженіи слишкомъ пытливости члѣна чудесно, можно сказать, сохранившейся отъ уничтоженія и имѣющей, какъ оказывается, немаловажное историческое значеніе, если бы распорядился дать ей мѣсто хотя въ трапезѣ церкви, прислонить ее къ стѣнѣ, чтобы она не была больше полираема ничными ногами.

Н. Астрровъ.

Москва.

¹⁾ Мы слышали, что еще не такъ давно въ селѣ Вяземѣ (по Смоленской дорогѣ, верстахъ въ 40 отъ Москвы), принадлежащемъ князю Гоминцу, около колокольни, валялась старинная гробовая плита съ надписью, которую, за неразборчивостію, люди даже и грамотные считали не русскою. Вероятно, надпись эта сдѣлана также вязью, и быть можетъ, указывала на достойное лучшей памяти имя какого-нибудь отечественнаго здѣствителя. Мы положительно знаемъ, что одинъ изъ Московскихъ ученыхъ (уже покойный) часто навѣщалъ это село, но какъ видно, плита осталась имъ не замѣченной. Цѣла ли она и теперь, и чье имя на ней начертано, мы, къ сожалѣнію, не имѣли случая узнать.

ПРОСЬБА ЖИТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ МАЛОРОССІЇ О ПРИНЯТИІ ВЪ РУССКОЕ ПОДДАНСТВО 1773 ГОДА.

Какъ ни много сдѣлала наша русская историческая наука для разъясненія исторіи раздѣловъ Польши, но впереди еще остается обширное поле для новыхъ открытій и изслѣдованій. Нижеслѣдующій документъ, недавно найденный нами въ архивѣ св. синода, служить тому однимъ изъ нагляднѣйшихъ доказательствъ. Давно уже стало известно, что народъ Западной Россіи, бывшій подъ властію Польши, не защищалъ этого государства, когда его дѣлили сосѣди. Затѣмъ стало известно, что этотъ народъ желалъ присоединенія къ Россіи и радовался, когда оно послѣдовало. Но неизвѣстно было, чтобы онъ выходилъ при этомъ изъ пассивной роли, чтобы самъ приготовлять раздѣлы Польши; между тѣмъ наши архивы обладаютъ богатѣйшими свидѣтельствами, что народъ Западной Россіи дѣйствительно самъ приготовлялъ раздѣлы Польши и даже за много лѣтъ впередъ предупреждалъ эти события своими заявленіями. Нижеслѣдующій памятникъ показываетъ, что какъ только по первому раздѣлу Польши была присоединена къ Россіи Бѣлоруссія, жители Западной Малороссії сейчасъ же составили прошеніе о присоединеніи и ихъ къ Россіи, то есть, они просили объ этомъ за двадцать лѣтъ до того времени, когда ихъ присоединили по второму раздѣлу. Въ настоящее время это кажется необычайною новостію, но въ тѣ времена это было весьма естественнымъ дѣломъ. Еще до вступленія на престолъ Екатерины II Малороссія, какъ и Бѣлоруссія, тѣснѣ и тѣснѣ связывали себя съ Россіей по своимъ духовнымъ дѣламъ, особенно съ конца пятидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія, когда во главѣ бѣлорусского народа сталъ Георгій Конисскій, а дѣйствія Малороссовъ западно-днѣпровскихъ стали направлять Переяславскій епископъ Герасимъ Линцевскій. Уже въ эти времена православные священники Западной Россіи при рукоположеніи приносили присягу на вѣрность не только св. синоду,

ю и русской государыни. Екатерина II еще более ободрила русскихъ жителей Польского государства, и они еще более привыкали считать ее своюю государыней. Въ 1768 году и Бѣлоруссія, и Малороссія приобрѣтаютъ подтверждение своимъ религіозныхъ правъ по настоянию Екатерины. Въ 1771 году, по просьбѣ депутатовъ отъ Малороссіи, русскіе войска укрошаютъ въ этой странѣ фанатизмъ униатовъ. Путешествія въ Петербургъ православныхъ духовныхъ властей изъ Польши были самымъ обычнымъ дѣломъ. Такимъ же обычнымъ дѣломъ была и та депутація, которой дано было нижеслѣдующе полномочіе¹⁾. Рѣзкую особенность и новость въ немъ составляетъ лишь та откровенность, съ какой жители Украины заявляютъ свою готовность поддаться подъ россійское самодержаціе. Условность этой просьбы настолько должна удивлять. Просьба эта составлена и подписана прежде всего православными духовенствомъ, которое, какъ известно, всегда стѣсняется вымѣшиваться въ дѣла мірскія. Эта мысль подтверждается тѣмъ, что въ самомъ прошеніи въ св. синодъ, составленномъ духовными на основаніи этого полномочія, какъ можно думать въ Кіевѣ²⁾, ничего не говорится о принятіи Западной Малороссіи въ русское подданство. Духовные лица, очевидно, признавали несообразнымъ обращаться съ такимъ заявлениемъ въ святѣйшій синодъ. Но народъ думалъ и действовалъ смѣлѣ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что когда въ 1786 году православный епископъ въ Польшѣ Викторъ Садковскій присягну на вѣрность польскому королю, и когда Поляки потребовали, чтобы подобную присягу принесло все православное духовенство въ Польшѣ и чтобы въ церквяхъ православныхъ появилась имя короля, а не русской государыни, то это вызвало страшное негодованіе и въ духовенствѣ, и въ народѣ. Замѣчательно, какъ еще въ концѣ XVIII столѣтія, когда разсѣяна была даже Запорожская Сечь, въ народѣ Западной Малороссіи живо было преданіе о политическихъ дѣйствіяхъ Хмѣльницкаго. Малороссы и въ концѣ XVIII столѣтія думали, что они присоединяются къ Россіи такъ же, какъ присоединился Хмѣльницкій. Это въ высшей степени важный и поучительный для Поляковъ взглядъ народа на раздѣлы Польши.

М. Косяловичъ.

¹⁾ Депутація эта действительно пріѣзжала въ Петербургъ въ началѣ 1774 г. и подавала свое прошеніе; прошеніе это напечатано нами въ юльской книжкѣ Христ. Часы 1872 года.

²⁾ Прошеніе это переписано въ Кіевѣ.

Отворстій старчої листа (засвидѣтельствованная коція. Арх. св. синода, дѣло 1774 года, № 827, л. 97).

Всѣму свѣту извѣстно есть, что предки наши, живѣствуя подъ владѣніемъ польской державы, навѣдь за двѣsti претерпѣвали отъ господъ Поляковъ, отъ найасѣйшей Рѣчи Посполитой, духовенства римскаго и всѣхъ вообще исповѣданія римскаго властей нестерпимы въ насиливаніи ихъ къ уніи гоненія и бѣды, яко то о семъ доказывается ясно на унію насиливанія письмо, писанное изъ канцеляріи найасѣйшей Рѣчи Посполитой отъ канцлера великаго княжества Литовскаго Леона Сапеги до униатскаго архіепископа Польскаго Іосафата съ тѣмъ, чтобы онъ престалъ нудить на унію и за то грабительствовать и тирански мучить народы¹⁾. Тоже (подтверждается) польской лѣтолісъ, въ которомъ и не хотіа изъясняются Поляки, что Хмѣльницкій, гетманъ казацкій, зачаль съ Поляками въ 1648 году войну по причинѣ русскому народу отъ Поляковъ причиняемыхъ жесточайшихъ уг҃есненій. И хотя предки наши, изъ терпѣнія вышедъ, воиномъ доходили того, чтобы вѣчно свободно, при сворахъ другихъ вольностахъ, вольное имѣть отправленіе вѣры, и блаженной памяти король Польскій Янъ Казимиръ и съ найасѣйшою Рѣчи Посполитою на основаніи древнихъ королей польскихъ (правилегій) заключиль въ пользу неунитовъ трактать и выдалъ войску зaborожскому привилегію²⁾, однако, понеже усмотрѣли предки наши тщетную по трактатѣ и выдачи (выдачѣ) привилегіи надежду, (то), согласно съ своимъ предводителемъ гетманомъ Хмѣльницкимъ, поддались россійскому самодержавію³⁾. Итакъ, тогда только пользовались покровомъ религіи и прочими своими вольностями. Но когда, по несчастію нашему, опять достались подъ владѣніе Полякамъ, то въ то же самое время таѣ принесли наше немилостиво въ руки, что, не смотря на древнія польскихъ королей привилегіи и съ Россіею при отдачѣ Україны трактать⁴⁾, безъ изъятія принудили всѣхъ, и не хотящихъ, къ уніи духовныхъ, (а) кои не желали на унію приставать, имѣніе разграбляли, отъ нарочей (приходовъ) отсуживали, шляхту (шляхтичъ?) русской религіи ни у какого суда присутствовать

¹⁾ Разумѣется здѣсь извѣстное письмо Сапеги къ Іосафату Кунцевичу, напечатанное Балтышъ-Каменскимъ.

²⁾ Разумѣется Зборовскій трактать.

³⁾ Рѣшеніе это принято на Переяславской радѣ 1653 г.

⁴⁾ Разумѣется, вѣроатно, Аандрусовскій договоръ.

не должныъ, посполиству (народу) причиняли налогами необыкновен-
ныхъ роботизнь (работы) и оплатовъ, тиранскими боями утѣсненіи, якія
общи мы, нынѣшнаго вѣка жильцы, не имѣя ни откуда помощи,
принуждены (были) до благополучнаго царствованія нынѣшнаго его
величества короля Польскаго Станислава Августа съ горестю пре-
териѣвать обще. Нынѣшній же его величество король Польскій Станиславъ
Августъ и найсвѣтѣшша Рѣч Посполитая, на основаніи
древнихъ королей польскихъ (привилегій?), заключилъ съ Россійскою
имперіею вѣчно трактатъ ¹⁾), что вольно Грекамъ неунитамъ имѣть
отправлениѣ своей вѣры и прочее, что изъяснено въ ономъ обстоя-
тельно, и мы, въ силу онаго трактата и прежніхъ нашихъ (приви-
легій) королей польскихъ, начали было рефероваться въ необходимости
нашихъ по духовенству нуждахъ, за дозвolenіемъ святѣшшаго
церкви римской синода, къ преосвященнымъ Переяславскимъ ²⁾; но и та наша реферація не на долго простиралась ³⁾,
ибо униатскія духовныя власти, не уважая ни на чтѣ, не точю ти-
ранствуютъ надъ нами и нѣкоторыхъ уже и жизни лишили, но еще
такихъ средствъ употребляютъ, дабы всѣхъ насъ въ конецъ истре-
бить, подводя сіе нового трактата изъ правъ кардинальныхъ авторъ
сепаратныхъ первого и второго артикуль третій, въ которомъ напи-
сано тако: „переходить отъ церкви римской къ какой-либо иной вѣрѣ
въ государствѣ польскомъ, великому княжествѣ литовскому и при-
соединенныхъ провинціяхъ за криминальное преступленіе объявлено,
почему чтобы впредь оное учинить отважился, тотъ долженъ быть
выгнанъ изъ областей республики“ и прочее, и уже о семъ намъ
можно видѣть отъ римскаго нунціуша, въ Варшавѣ присутствующаго,
письма и Львовскаго епископа Леона Шептицкаго печатнаго листа.
(гдѣ) трактуется, чтобы и намъ означеному праву подлежать, и уже
будто бы въ замученіи на нашу обиду, въ противность древнихъ на-
шихъ привилегій, нового трактата, согласился господинъ полномоч-
ный россійскій министръ, его сіательство господинъ генераль маюръ
графъ Штакельбергъ ⁴⁾). И хотя мы сему вѣрить сумнительны, но

¹⁾ Разумѣется трактатъ 1768 года.

²⁾ Сношенія эти западной Малороссіи съ Переяславскими архіереемъ нача-
лись гораздо раньше. Начало ихъ восходить къ первымъ годамъ XVIII столѣ-
тия. Особенно часты они стали съ 1761 года.

³⁾ Затруднить эти сношенія Поляки начали съ 1765 года.

⁴⁾ При дѣлѣ находятся упоминаемыя здѣсь письма. Въ письмѣ пашскаго мун-
дія Гарампія къ намѣстнику Львовскаго епископа Пржеволичу говорится о пе-

понеже уніатской бискупъ Хелмскій Максимилианъ Рицко, съ польскими казаками, юда по Українѣ, насильно отираетъ отъ православныхъ священниковъ церкви, а уніатскихъ на то място помѣщаетъ, народъ угрозами, а индѣ и боемъ, владѣльцовъ къ своему умноженію имѣя способниковъ, отвращаетъ отъ православія и приводить насильно къ унії, и хотя, съ милосердія единовѣрной нашей всемилостивѣйшей монархии, всероссійской государыни императрицы, дѣлаетъ намъ россійская команда иѣкоторое защищеніе; но, по неукротимости гонящихъ на насъ духовныхъ уніатскихъ и мірскихъ римскихъ властей, не можетъ ихъ вредящихъ намъ предпримчивостей унять. Для чего всѣ мы единогласно, видя крайнее своей вѣры паденіе и своихъ вольностей лишеніе, въ воеводствахъ Кіевскомъ, Браславскомъ, Подольскомъ и Волынѣ короны польской жительствующіе, какъ духовенство, (такъ шляхта и послольство, грекороссійскаго исповѣданія единовѣрцы), уголосовали выбрать повѣренныхъ отъ всѣхъ съ между себѣ отъ саненства троихъ протопоповъ: Бѣлоцерковскаго Василия Зражевскаго, Богуславскаго Стефана Левандовскаго, Краснянскаго Ивана Богдановича, съ тѣмъ, чтобы означенные особы вхали въ Россію и, какъ духовные, чрезъ духовную нашу единовѣрную власть,—чрезъ святѣшій всероссійскій правительствующій синодъ и гдѣ нужда требовать имѣть, просили конечнаго свободнаго содержанія своей древней религіи и пользованія своими вольностями на основаніи прежнихъ отъ, блаженной памяти, королей польскихъ въ пользу намъ жалованныхъ привилегій, а помянутой актовъ сепаратныхъ первого и второго артикуль третій ограничить, яко до насъ не касающійся, ибо хотя съ насташе иѣкоторые и уніатами по сю пору находились, но то наше содержаніе, паче же сказать, уніатовъ именованіе не отъ нашей воли, а съ принужденія римскихъ властей увелось; буде же польской глав-

реговорахъ при заключеніи трактата 1773 года, между прочимъ, съдующее: «По многомъ съ обѣихъ сторонъ сопротивленіи сіе дѣло (вопросъ о вѣрѣ) осталось на нижеслѣдующемъ, въ которомъ сопротивленіи иного поможетъ иначе (руssкаго) послѣ благороднѣи господа землики (†), комъ возможны будучи равностію и защищеніемъ религіи всѣми силаами о дѣлѣ нашемъ помогающія, и таъ сильно настоѧли, что россійскій полномочный послъ уже писалъ не точію къ главному арміи предводителю Румянцову, дабы старался о уволяніи содержащихъ подъ карауломъ священниковъ (уніатовъ, известныхъ особенностями фанатизмомъ), но и у императорскаго своего двора выпросить для себя то препинущество, дабы властенъ былъ онъ самъ повелѣть всѣ недавно православными отобранными церкви отдать уніатамъ».

ної судъ¹⁾ не позволить на наше желаніе учинить удовольствіе (удовлетвореніе), то онимъ отцамъ протопопамъ дозвolenіе симъ вѣрующимъ листомъ даемъ — поддатъ самодержавію россійскому подъ стъчное защищеніе и подданство, однако при нашихъ древнихъ вольностяхъ на основаніи томъ, что и съ Хмѣльницкимъ гетманомъ трактать, при поддачѣ Россіи, заключень, для сего и сей вѣрующій листъ собственноручно подписали, а что означенные повѣренные наши сдѣлаютъ, ни въ чемъ прекословить не будемъ. 1773 года, декабря 2-го дня.

Подписаны: 35 священниковъ, почти все протопоны и члены духовныхъ малороссійскихъ правленій, и 11 свѣтскихъ лицъ, въ томъ числѣ два полковника князя Любомірскаго — Лисянскій и Крыжановскій.

¹⁾ Разумѣется, вѣроятно, симѣшанная комиссія для разбора дѣлъ между православными и уніатами, установленная трактатомъ 1768 года, но не собиравшаяся и до 1773 года.

ОБЪ ОТНОШЕНИЯХЪ КИТАЙСКАГО ЯЗЫКА КЪ СРЕДНЕАЗІАТСКИМЪ.

(Посвящается моему юнодому другу И. П. Михаеву).

Насчитываютъ огромное семейство языковъ приставочныхъ; но трудно говорить по однимъ грамматикамъ и лексиконамъ о тѣхъ, которые не изучены основательно. Настоящая статья, надѣюсь, покажетъ какого глубокаго вдумыванія, не только изученія, требуетъ выводъ о сродствѣ одного языка съ другимъ. Вотъ почему я и отказываюсь судить опрометчиво о финскихъ или какихъ-нибудь дравидскихъ народчикахъ. Довольно, если я буду говорить о языкахъ маньчжурскомъ, въ связи отчасти съ монгольскимъ и татарскимъ... И то представится населеніе, раскинутое сплошною массой отъ Восточнаго океана до Средиземнаго моря, заходящее въ Сибирь и въ Европу съ одной стороны, и проникшее въ Китай съ другой. Собственно говоря, я не усомнился назвать приставочными и китайскій съ тибетскимъ, который, какъ видно, сроденъ съ бирманскимъ; въ обоихъ языкахъ есть также приставки, съ той разницей, что въ тибетскомъ ихъ немнога, какъ и во взятыхъ мнози языкахъ, а въ китайскомъ едва-ли можно перечесть всѣ варианты. Но тибетскій и китайскій, какъ языки односложные, отличаются внутреннею жизнью, а монголо-татарскіе отличаются минералогическою мертвенностю.

Подъ именемъ внутренней жизни я разумѣю, помимо разнообразія корня въ нарѣчіяхъ, еще разнообразіе его въ составѣ при оттѣнкахъ значенія; такъ напримѣръ, *чи*—быть, *ши* (шань, цань)—пища, *сы*—кормить, или: *сы*—умереть, *ша*—умертвить, *ши*—трупъ, *сань*—погубить, также *лэ*—радоваться, *ё*—музыка; или *цзянь*—видѣть, *сянь*—являться—принадлежать одному корню; въ китайскомъ языке достаточно одного измѣненія ударенія (шань—верхъ, шань—всходить; сань—похороны, сань—погубить; чу—место, чжу—жить, чу—помѣщать), чтобы сообщить оттѣнокъ значенію. Тибетскій языкъ также, при односложности,

подходить, въ этомъ случаѣ, къ китайскому: *тօвъ* — находи, *тавъ* — память, *пэвъ* — прибыть, *пэвъ* — опустился, чукъ, чжукъ, *вшукъ*, и т. д. вотъ что я называю внутренней жизнью.

Если на моносиллабические языки смотрѣть, хоть не какъ на остатки древнѣйшаго человѣческаго слова, а какъ на памятники, по которымъ можно возвыситься до суждѣнія объ этомъ словѣ, следовательно, какъ на краеугольный камень филологии, то мы находимъ, что осмыслиннаго изученія моносиллабическихъ языковъ никто еще и не начинагъ. Никто не станетъ отрицать, что китайскій языкъ, въ средѣ этихъ моносиллабическихъ языковъ, представляетъ материалы самые древніе; между тѣмъ филология его обходитъ и исключаетъ изъ своей среды; а что сдѣлали до сихъ поръ специалисты синологи? Догадались ли они разобрать древнія книги и указать въ нихъ варианты различныхъ нарѣчій, давшихъ различные оттѣнки древней письменности? Разработали ли они существующія по нынѣ китайскія нарѣчія? Обратили ли внимание на скрывающіеся въ одномъ и томъ же словѣ различные корни? Подмѣтили ли даже, какъ мы сейчасъ указали, на скрывающіеся въ двухъ словахъ одинъ и тотъ же корень (*ю* и *юань* — собака, излѣчъ и юань — видѣть)! Кто подумалъ о сравненіи корней китайскаго языка съ санскритскимъ? А между тѣмъ, можетъ-быть, какъ я предполагаю (на сколько мнѣ известенъ санскритскій), эти корни общіе; по той же методѣ, по которой я въ этой статьѣ разбираю отношеніе китайскаго языка къ среднеазіатскимъ, можно отыскать объясненіе флексій, суффиксовъ, префиксовъ и даже синтаксическихъ уклоненій, по крайней мѣрѣ, въ арійскихъ языкахъ.

Слѣдовательно, для филологии, чтобы представить языки въ ихъ общей связи, сказать рѣшительно послѣднее слово, быть ли языки одинъ или нетъ, хоть въ той части свѣта, въ которой мы живемъ, еще много предстоитъ работы. Чтобы возбудить эту работу, указать на ея важность и выискать возможность сличенія тамъ, где мы и не ожидали, мы и прибѣгаляемъ въ настоящей статьѣ къ этому опыту.

Я понимаю, что не удовлетворить вполнѣ мой трудъ филологовъ, нынѣ покажутся, можетъ быть, странными мои филологическіе взгляды: потому я и спѣшу оговориться, что выражаютъ здѣсь не какіе-нибудь общіе выводы для языка, или что то же самое, для всѣхъ языковъ. Нетъ, я выражаютъ здѣсь только тѣ понятія, которые составились сами собой, своеобразно, при большемъ или меньшемъ знакомствѣ съ двумя моносиллабическими, тремя приставочными и нѣсколькими флексив-

ными языками въ общей связи этихъ трехъ группъ. Жалѣю, что время не позволило мнѣ ознакомиться съ трудами другихъ ученыхъ, но еще болѣе сожалѣю о томъ, что за вдумываніе, которое внесъ и въ двѣ первыя группы языковъ—моносиллабическую и приставочную, принялъ очень поздно и не могъ посвятить себя всецѣло его разработкѣ. Да, я напередъ долженъ оговориться, что въ настоящихъ замѣчаніяхъ не должно видѣть всесторонне прослѣженного труда, на который употреблено было много времени на изысканія; для этого въ настоящее время нѣтъ и не было никакой возможности; да если бы я и имѣлъ время, то конечно, и настоящихъ замѣчаній не имѣть бы возможности изложить, такъ какъ разработка китайскихъ корней требуетъ цѣлой жизни. Китайскій языкъ и его литература требуютъ такого разнообразнаго труда, что одному человѣку нельзя во всемъ равно успѣть, а между тѣмъ, чѣмъ больше изучашь, тѣмъ болѣе выступаютъ все новые и новые вопросы, которые имѣютъ притягательную силу, и которыхъ хотѣлось бы коснуться. Отъ этого-то я не могъ посвятить себя филологии всецѣло; потому что мнѣ надо было быть и историкомъ; я не историкъ, потому что мнѣ нужно быть и географомъ; я не географъ, потому что надо знать литературу; я не историкъ литературы, потому что нельзя не коснуться религій; я не богословъ, потому что долженъ быть и антиквариемъ....

Извѣстно, что я коснулся въ моей ученой дѣятельности всѣхъ этихъ предметовъ, и потому отъ меня нельзя требовать окончательной обработки ни одной части. Но я не думалъ себя винить; всякий занимается тѣмъ, къ чему способенъ, и я гораздо болѣе считаю для себя и для настоящаго времени почетнымъ — внести въ науку одну или двѣ свѣжія идеи, которыя расшевелили бы ее, чѣмъ дарить тажеловѣсныемъ специальными трудомъ, который, въ свое время, при развитіи науки, окажется все-таки ученой игрушкой.

Языки маньчжурскій, монгольскій и татарскій поражаютъ нась не столько взаимнымъ сходствомъ словъ, сколько своимъ грамматическимъ единствомъ; если приставки и различны по корню, то въ каждой языкѣ каждая приставка почти всегда равносильна соответствующей приставкѣ другого, и притомъ количество и употребленіе ихъ во всѣхъ трехъ языкахъ почти одинаковы.

Но еще болѣе поражаетъ нась сходство синтаксическое; для того чтобы перевести съ одного языка на другой, переводъ чисто под-

стречный будеть самымъ лучшимъ и вѣрнымъ. Конечно, въ турецко-татарскомъ, какъ болѣе подвергшемся влиянию западныхъ флексивныхъ языковъ, найдутся уклоненія, но они едва-ли значительны.

Однако же, если мы знаемъ, что арабскій языкъ, при всемъ своемъ вторженіи въ языки народовъ, исповѣдующихъ магометанство, не могъ измѣнить иль этимологического склада, что, несмотря на общеизвѣстное давленіе китайского языка на японскій, послѣдній, забывъ почти совсѣмъ свои слова, удержалъ собственные этимологію и синтаксисъ, то должны заключить въ рѣкогі, что или когда-то и гдѣ-то на языки взятые нами было черезъ-чуръ самое сильное давленіе какого-нибудь посторонняго, или все они суть развѣтвленія одного и того же языка.

Я долженъ напередъ сказать нѣсколько словъ о томъ, почему въ этой статьѣ обращаю болѣе вниманія на подиѣченные мною отношенія къ китайскому языку маньчжурскаго; а не другихъ. Дѣйствительно, въ свое время монгольский и татарскій языки были первыми изъ восточныхъ, которые я началъ изучать; монгольскій языкъ былъ постоянно употребляемъ иной въ продолженіи десяти лѣтъ въ Пекинѣ, потому что у меня не переводились знакомые изъ Монголовъ, а однакожъ, я не могу говорить и теперь о монгольскомъ того, чѣмъ скажу о маньчжурскомъ; а можетъ-быть, говоря объ отношеніяхъ монгольскаго языка къ китайскому, нашлось бы сказать еще болѣе; то же самое, можетъ-быть, придется бы повторить и о татарскомъ, и о тибетскомъ, который я изучалъ всего болѣе. Однакожъ скажутъ, что и до меня въ Россіи и въ Европѣ было много лучшихъ знатоковъ маньчжурскаго; почему же никто изъ нихъ до сихъ поръ не говорилъ того, чѣмъ я буду говорить. Но вѣдь еще чуть ли и нынѣ, всѣмъ иаждону не запрещается учеными филологами касаться китайскаго языка, имѣя исключительного, не имѣющаго никакой связи съ другими языками, живущаго какою-то особенной, не подходящей подъ общіе законы человѣческой рѣчи, жизнью. Что же мудрецаго, что полагаясь на рѣшительный тонъ ученика, и я, подобно мѣщанину Мольера, не зналъ, что онъ говорить прямой, никогда не подумалъ бы о сравненіи маньчжурскаго или какого бы то ни было среднеазаїатскаго языка съ китайскимъ, если бы мнѣ не пришлось преподавать долгое время китайскіе языки совместно съ маньчжурскимъ. Разбирая при преподаваніи маньчжурскія слова, я, естественно, гдѣ была очевидность, указывалъ на сходство маньчжурскаго языка съ китайскимъ; затѣмъ болѣе и болѣе расширялъ эту очевидность и отъ нея переносился къ болѣе отдаленнымъ формамъ. То, чѣмъ я буду говорить здесь, это

уже остатокъ отъ воспоминаний, очень твердо прѣзвающійся въ моей памяти. Я не приѣзжалъ ни къ какимъ даже спрашивать; но, если мои предположенія покажутся при всемъ этомъ вѣроятными, то изысканія будущихъ ученыхъ могутъ собрать на этомъ же поприщѣ только еще болѣе новыхъ факторъ изъ той же категоріи.

Энъдуринъээ тохжина хуанды эчсээн и хөшиг шамнахань шалын амжил юйдамж альмаа ийрэв бэ зуруунь боой битиха дамсэ до эчсэхэ би — о милостяхъ и наградахъ, полученныхъ въ продолженіи трехъ лѣтъ отъ августейшаго и милосердаго императора, записано въ государственныхъ актахъ.

Кто въ этихъ словахъ маньчжурскаго языка, который некоторые дерекіе пытались сравнивать по благозвучности съ греческими, можетъ подозревать какое-нибудь родство съ тою или иной китайской? И однакожъ, какъ мы увидимъ, эта довольно длинная фраза принадлежитъ воцѣло китайскому языку. Но если бы мы вдумали объяснять каждое изъ приведенныхъ адѣсь словъ отдельно, то настѣ, конечно, могли бы заподозрить въ пристрастіи, въ натяжкѣ; поэтому мы и не займемся частностями, а постараемся эти частности включить въ формы, приведенные въ систему, такъ что приведенный сейчасъ слова маньчжурскаго языка всѣ можно отыскать ниже въ курсивѣ.

Въ маньчжурскомъ языке есть много словъ односложныхъ, сходныхъ или буквально, или съ нѣсколькими, очень понятными измѣненіями, съ китайскими: *моо* (к. *му*) дерево, *дээмж* (дань) зала дворцовая, *боо* (кит. *у*, *ву*, тат. *ау*, мнг. *герз* отъ кит. *гіа*, *ца*) домъ, *цээ* (цы) сынъ, *босо* (бу, мн. *бусъ*) холстъ; *дао* (м! *дагуу*—о наростианіи будеть говорено ниже) отъ кит. *дь* младший братъ, *ябан-така* садъ; *су-ми* к. *су* и *шу* распутывать, обыкнинуть, *хабамъ* отъ *хуанъ* чиновникъ, *эр* (кит. *эр*, мнг. *хэмъ*, турец. *камъ*), ито, *чизамби* приходить (кит. *цинь*), *суй* (к. *цзуй*) вина, *юйдамби* продолжаться (к. *ю* долго, давно), *гаймби* братъ (кит. *хюй*, *цюй*; отсюда тат. *кумъ*, мнг. *таръ*, маньчж. *я-и*—рука), *саймъ*, кит. *шанъ* или *санъ* хороший. При этомъ замѣтимъ только одно, что буква *цз* въ маньчж. поставлена переходить въ *с*, только слова *цээ* (чжуй), *чизамби* (чжимби) не подходятъ подъ это правило. Они, должно быть, читались сначала вмѣсто *цз* чрезъ *чж*, или можно допустить, что въ одни времена маньчжурскій языкъ допускалъ принятіе *цз*, а въ другое требовалъ его извѣснія.

Есть много и двусложныхъ, которыхъ и въ кит. состоять изъ двухъ іероглифовъ: *хуанъ да* государь, *дамсэ* (даньцзы) ревстръ,

хомашъ, хэшанъ бонъ, хюошуунъ кит. сюошунь—(хюошунь) дѣтская почтительность, чиминуулъ кит. цзиньгуанъ почитать, домыси отъ тинь чэянь спешить; хоолъ (м. хооли), цзы-ли законъ, кэши (монг. кэшикъ, откуда и известный монгольский аймакъ кэшиктэнъ) милость, к. хуйши; дусу к.—путевъ виноградъ.

Замѣчательно, что маньчжурское слово чжсанъинъ (мг. цзанги) офицеръ происходит отъ китайскихъ словъ: чжсанъ инъ—держацій печать, то-есть, сановникъ или чиновникъ, у которого по должностіи всегда есть печать; дикари Маньчжуры у себя, конечно, незнали никакихъ чиновъ, но Китайцы давали тѣмъ изъ нихъ, съ которыми вступали въ сношенія, различные титулы, и всегда при этомъ всучивали печать; название чжсанъ инъ при первыхъ порахъ династіи маньчжурской давалось первостепеннымъ чиновникамъ. Сверхъ того, въ самомъ маньчжурскомъ языкѣ нѣть объясненія этому слову. Однакожъ мы видимъ, что послѣ Китайцы переписывали маньчжурскій чинъ чжсанъ-инъ совсѣмъ другими юрографіями, чѣмъ тѣми, которыми писутся слова: держать печать, то-есть, Китайцы не узнали въ маньчжурскомъ языкѣ своего собственнаго слова. Изъ этого ясно, какіе склонные филологи Китайцы, и имъ ли было толковать о среднеазіатской филологии; следовательно, нельзя отвергать указываемаго нами средство на томъ только основаніи, что Китайцамъ всего ближе было бы замѣнить средство своего языка сть другими. Если въ прошломъ столѣтіи учёные Китайцы сдѣлали изъ Багдада Богдо, изъ Алималика Армуру, изъ Иранъ Яланъ, то мы должны сказать спасибо, что Китайцы, не умѣющіе разработать и своего языка, не берутся за чужіе.

Но слова, мало измѣненные, не представляютъ ничего особеннаго, и вторженіе ихъ изъ одного языка въ другой всеобщее; болѣе интересно наблюдать, какъ эти слова перерабатываются въ примѣненіи къ требованиямъ замѣстовавшаго ихъ языка и кажутся его родными.

1) Мы находимъ въ маньчжурскомъ языкѣ китайскія слова, съ наклоненіемъ впереди гласныхъ: *ахунъ* отъ *хюнъ* или *сюнъ* старшій братъ, *алмъ* отъ *линъ* гора (тиб. ла, монг. агула чит. ула), *али-мби* братъ, кит. *минъ* (тиб. лэнъ, тат. ал-макъ) получать, *амъ* (кит. наинъ, монг. онъ) годъ, *или-мби* отъ *ли* стоять, *очжэнь* отъ *чжсу* государь *жжэлеби* отъ *ци*, часи замѣтить, *умэ* (чит. умо) отъ *мо* не (запрещительное повелительное какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкѣ), *бу* (монг. ябо) ходи (въ кит. бу шагъ); *личинъ* кит. *чжэнь* черный.

2) Передъ этими гласными являются въ свою очередь наростианія изъ согласныхъ *и*, *х*, *б* и проч.

Гъжинъ к. жэнь любовь, тунинъ к. жанъ мыслъ, жучинъ к. цзинъ колодезь, гесе к. ся — подобный, бодо к. ду размытъ, чанъ кит. цзинъ кончить, мухэ — хэ вода, рѣка, хэченъ — кит. чэнъ городъ (и. хотонъ, хотинъ) миханъ — кит. ханъ Китаецъ.

3) Иногда и послѣ гласныхъ съ наречениемъ или безъ наречения впереди согласныхъ вставляются еще й или согл. р. .4: *айсийнъ-чанъ золото (изъ маньчж. постоянно переходить въ с), айна-хо чанынъ, тайбу-фу нарушить обѣщаніе, элхэ — кит. хэ спокойный, алха — кит. хуа цвѣтокъ, албанъ-банъ подать, дань (кит. очередь, назначенная на саламъ для приношения дани), ареунъ — кит. суже ростомъ, уксунъ происходящій отъ царскаго рода, кит. цзуйнъ, акдунъ-ду-думъ вѣроность, охто лѣкарство отъ кит. ду (въ монг. алжа жеребецъ, тиб. рта, въ тат. алча деньги — кит. цзинъ; отъ этого же чанъ между тѣмъ другимъ путемъ образовались маньчж. цзиха, превратившееся въ монгольскомъ въ чжююсь, — русское чюхъ — мѣдная монета. Нѣть сомнѣнія, что монг. ордо, тат. юртъ царское мѣстопребываніе, столица происходить отъ кит. ду столица).*

Мы опасаемся здѣсь говорить кратко о такихъ словахъ, въ которыхъ корень китайскій представляется въ болѣе измѣненномъ видѣ; потому что, не пускаясь въ подробное объясненіе фонетики, мы показались бы преувеличющими дѣло; такъ, напримѣръ, мы не беремся здѣсь объяснять, какимъ образомъ монгольско-маньчжурское арха хиростъ могло произойти отъ да. Но мы должны замѣтить, что китайскій языкъ самъ по себѣ представляетъ такое странное родство буквъ, о которомъ не возможно сначала и подумать. Извѣстно, что одинъ іероглифъ берется тамъ часто для чтенія другаго, иногда съ тѣмъ же совершенно буквами, но иногда (и это во множествѣ случаевъ) съ буквами родственными; такимъ образомъ мы видимъ тамъ переходъ съ въ и, и въ ч, ч въ чж, чж въ д, д въ ж; съ другой стороны, съявляется въ родствѣ съ х, т, н, и, цз. Это показываетъ, что въ извѣстностяхъ, въ которыхъ состоялся сложный іероглифъ, онъ читался такъ, какъ та часть его, которая бралась для означенія чтенія; другими словами, что въ Китаѣ, съ древнаго времени существовало множество нарѣчій, что подтверждается и древними памятниками, и настоящимъ состояніемъ разговорнаго языка китайскаго.

Но для примѣра мы позволимъ себѣ указать здѣсь только на возможность производить и такое маньчжурское слово, какъ иланъ три, котораго напрасно ищемъ въ другихъ извѣстныхъ нацъ языкахъ, отъ китайскаго санъ — три. Въ китайской язикѣ оказывается, что буквы

и и изъ во многихъ юероглифахъ по звуку тѣ же, чтѣ и а, таъ что, напримѣръ, юероглиф изъна употребляется и для чтенія азъ. Но это бы еще ничего; оказывается, что слова съ изъ и а однозначущи, изъна и азъ — оба значить видѣть, изъна и азъ — себѣть, изъю и азой толпа, изъ и азъ всѣ¹¹ (изъ изъ вѣнчо маинъ). множественное число се, изъ азъ татарское азъ, азъ, монг. азъ, азъ, тибетское наимъ). Въ Шицзинѣ слово рогъ читается ау, нынѣ тотъ же самый юероглиф читается изъ. Китайскій юероглиф (произной) сонъ три читается также цзъ и цзы (три), а отсюда уже недалеко по приведеннымъ примѣрамъ дойти до азъ. Возьмемъ еще изъ примѣръ маинчжурское слово именъ — день; кажется, какое тутъ средство съ китайскимъ азъ, — но вотъ предъ нами слово чаманъ третьего ды; это уже легко сравнивать съ однозначущими китайскими чанъломъ (и легко переплю въ ч); и действительно, въ тибетскомъ, родственномъ китайскому, ази, значущее и солнце, читается иши. Сличая отношенія китайскихъ корней съ измѣненіями ихъ въ двухъ, лежащихъ на противоположныхъ окраинахъ, языкахъ — тибетскомъ и маинчжурскомъ, мы находимъ, что китайскій звукъ эрзъ — средство съ иши, а оттуда и съ ази. Всѣ слова, произносящіяся нынѣ эрзъ, въ самыхъ китайскихъ лексиконахъ обозначены какъ читающіеся иши; нынѣ же стояніе ты сохранило въ разговорѣ древнее чтеніе иши, но въ то же время, юероглифъ, показывающій его чтеніе, читается нынѣ эрзъ, есть другое древнее слово, читаемое нынѣ эрзъ, значащее также ти; нынѣ два по китайски говорится эрзъ (отсюда варіантъ яшъ), но классическое его чтеніе иши, и въ тибетскомъ языке два — иши¹²).

¹¹) Я давно уже пришелъ къ тому убѣжденію, что городъ Эриши въ Туркестанѣ, по имени которого названъ знаменитый завоеватель западнаго края Ли Гуанъ ли Эршийскій, долженъ читаться Ними, и что, следовательно, самое имя победителя читается нами неправильно. Напрасно отыскивали бы мы городъ Эрши, но название Нишбуръ, то-есть, Нисша или Нисапура, является на картахъ, только гораздо западнѣе того мѣста, въ которомъ мы его полагаемъ. Если такого города и не существовало восточнѣе, то это только служить доказательствомъ, какъ плохи еще наши историческія свѣдѣнія о вліянії Китая на западъ въ эпоху I-го столѣтія до Р. Х. Это вліяніе, наскѣкъ и заимствованіе оттуда, были гораздо сильнѣе, чѣмъ мы предполагаемъ. Китайцы не любили западныхъ странъ; потому что ихъ самокубіе оскорблялось мыслью сознать превосходство другихъ, подтверждая это сообщеніемъ о заимствованіи; притомъ еще династія, которая сочиняетъ исторію своей предшественницами, неохотно говорить о гибели славы. Поэтому, чтѣ мудренаго, что до насъ дошло очень мало точныхъ свѣдѣній о первыхъ сношеніяхъ Китая съ западомъ. Въ новѣйшее время китайскіе ученые предполагаютъ, что завоеванія Чингисъ-хана не заходили далѣ

Мы дустились: однакожъ въ эти объясненія, чтобы здѣсь же доказать, что маньчжурское *же* (го, га, го), которое приставляется къ глаголамъ для обозначенія подлежащаго, или опредѣляемаго, прибавляется и къ существительнымъ для превращенія ихъ въ прилагательныя (какъ выше: *эндуринъ, южинъ*) — одно и то же, что китайское *же*, которое также означаетъ и подлежащее (тиб. *ми*, монг. *аму*), и прилагательное.

Но если китайское *же* въ значеніи дня перешло въ *же*, а въ значеніи солнца въ *шунь*, и если это видоизмененіе корня въ различныхъ значеніяхъ, въ различныхъ формахъ замѣтается не рѣдко (арга и фада-ми чародѣйствовать), то должно думать, что такое вторженіе въ языкъ происходило неодновременно, и тутъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Одно значеніе сдѣлалось уже обродненнымъ, когда корень вносится новыми приспѣльцами.

Уже вышеприведенные нѣсколько словъ показываютъ, что кромѣ

Каргискихъ степей; мы уже говорили, что они *Ирамъ* превратили въ *Иланъ* (ланъ, лянъ), а *Баидадъ* въ *Бодо*, и находить его въ Цзянгаріи. Маньчжурской династіи, тѣжело сознаться, что она не такъ далеко зашла, какъ юаньская. Но только недавно я обратилъ внимание на знаменитый китайскій лексиконъ Эрль-Я. Лексиконъ этотъ считается самымъ древнимъ, чуть ли не свыше 1.000 летъ до нашей эры. Синологи, заглядывавши въ эту книгу, вѣрно сознаютъ, что ихъ поражало множество неизвѣстныхъ и неукоротимыхъ словъ. Съ первого разу даже трудно добиться, о чёмъ говорить эта книга, и когда она составлена. Но хоть и найдутся еще Европейцы, защищающіе эту китайскую древность, однакожъ, сами ученые Китайцы сознаются, что редакція нашего лексикона поздня, потому что въ нее вошли фразы, заимствованные у позднѣйшихъ писателей. Мы находимъ въ ней такихъ слова, которыхъ доказывають, что эта редакція не могла быть ранѣе открытия Китаемъ западнаго края, прежде знакомства съ индійскимъ образованіемъ. Такъ говорится о *Ванъ му* — матери боговъ, жившей на западѣ, упоминается о мысацѣ *Шумика*, носящемъ явно характеръ иностранныхъ словъ. Но положить, что книга составлена была ранѣе, а въ нее вошли позднѣйшія вставки. Однакожъ что значить по китайски Эрль-я? Китайцы даютъ этому названію толкованіе: близкаго въ истинѣ. — Что за чушь въ названіи лексикона! — очевидно, что это натяжки, не имѣющая смысла. Но если читать вмѣсто Эрль-я-я, то это слово напоминаетъ санскритское *ниля* — название извѣстной философской школы, отличавшейся анализомъ. Рассматривая составъ лексикона, находишь, что онъ синонимический, начинается съ опредѣленія — какими словами выражается слово: начально. Невольно приходить на мысль, что китайскій лексиконъ Эрль-я есть, можетъ-быть, только простой переводъ какого-нибудь древнаго санскритскаго лексикона, — оттого авторъ и долженъ былъ прибегать и къ выдумкѣ новыхъ словъ, и къ приданію существовавшемъ не принадлежащаго въ смыслѣ.

варостаніи спороди китайского корня, происходяще и измѣненіе его въ окончаніи (чиу-ачинь, цзы-цзюй, цзинь-ци и т. д.)—битхэ книга (монг. бичихъ, тат. битхакъ) происходит отъ китайского бы-книстъ, которую ишутъ. Между прочими измѣненіями въ окончаніяхъ мы будемъ говорить здѣсь, какъ о болѣе характеристичной, о приставкѣ къ китайскому корню (изогда въ измѣненіемъ за то окончанія) буквице *r*, предшествуемой и послѣдующейгласными, въ свою очередь предшествуемыми и послѣдующими согласными. Мы беремъ прежде всего слово *шерсинь*, такъ какъ известно, что Китайцы познакомились съ нимъ во II вѣкѣ до Р. Хр. въ Туркестанѣ, и только чрезъ Китайцевъ узнали его Маньчжуры. По китайски *шерсинь* *тао*, по маньчж. *торо*. На этомъ основаніи мы легко убѣждаемся, что и дао нуть слично въ маньчж. *доро* (монг. *туру*), и государство въ *гурунъ*, и видъ въ *муренъ*, хай вредъ въ *жоро* (монг. *хооръ*), и раздѣленіе въ *горо* *даламъ*; идемъ далѣе: — *бу* въ *фучжури* и *хутури* счастье, богатство, *шэна* духъ въ *эндури*. Это отбрасываніе и отъ китайскаго корня наводитъ насъ на мысль, что маньчжурское—эринъ время единъ не происходить отъ кит. *ши*. По этому производству и оно же мѣсто, прежде всего означавшее мѣсто, занимаемое созвѣздіемъ, проходитъ или отъ кит. слова *су*—созвѣздіе или *шу* мѣсто, мѣсто, въ которое вставляется ножка двери. Отсюда происходятъ монгольскія слова *урунъ* и *дорона-изукъ* востокъ и западъ. (Такимъ образомъ, есть остатки отъ кит. слова *дунъ* востокъ, а у сокращеніе изъ *ши* западъ. Слова *Иранъ* и *Туранъ* не отсюда ли должны быть объяснямы?) *Судури* история (монг. *судуръ*) единъ ли еще происходить отъ санскритскаго *сумра*, а не прямо отъ китайскаго *ши*.

Для насъ всего интереснѣе, конечно, будетъ производство *моринъ*, откуда нашъ моринъ, отъ китайскаго слова *ла* западъ. При этомъ мы замѣчаемъ, что тақія окончанія болѣе свойственны маньчжурскому, а не монгольскому языку, то-есть, что уже чрезъ маньчжурский языкъ вошли въ монгольский, а не прямъ заимствованы послѣднимъ изъ китайскаго. Что это немудрено объяснить, стоять только припомнить, что Чингисханову владычеству предшествовало владычество маньчжурскаго Агуды.

Другое не менѣе интересное для насъ слово будетъ маньчжурское *батуру*, превратившееся въ монгольское въ *базадуръ* (о томъ, какъ явился складъ *и*, будетъ говорено ниже), а у насъ являющееся въ обоихъ видахъ (батиръ и богатиръ). И здѣсь тоже должно замѣ-

тить, что по окончанию *буру*, свойственному маньчжурскому языку, *бийадура*, заимствовано из послѣдняго, и потому заимствователями разнесено по всему свѣту вмѣстѣ съ побѣдами. Чѣм же значить кит. *воень ба*—(замѣтиль, что и въ тиб. *богатырь ба дба*)? Ва значитъ держать крѣпло (монг. *барык*, маньчж. *бахамби*), прикрывать, преграждать (плотина), кабанъ и проч.; вообще всѣ слова въ кит. относящіяся къ звуку *ба* означаютъ силу, насилие, твердость. Отсюда же можно объяснить и турецкое *бай* (монг. *балин*) богатый; хотя иной на китайскомъ языке богатый выражается словомъ *бу*, но фонетическая группа этого звука прилагается и къ словамъ, читающимся *ба*; сверхъ того, очень немудрено, что и слово отецъ *фу* (тиб. *ла*) читалось хоть въ иѣздорикъ нарѣчіемъ *ла* и *ба*. Но наимѣнѣніе, что и не надобно пускаться такъ далеко въ филологическихъ выисканіяхъ о словѣ *ба*: оно на востокѣ сдѣлалось знаменитымъ историческимъ названіемъ героя, воспоминаемаго и донынѣ въ китайскомъ народѣ. Это былъ Сянъ цзи, уничтожившій окончательно династию Цинь (основанную—Цинь или хуанъ дж), распоражавшійся вѣсіль Китаевъ, но послѣ погибшій отъ китайского Лю бана, осензателя Ханьскаго дома. По китайскимъ понятіямъ название *Ба* съ этого времени дается тому царю, который приобрѣлъ власть не добродѣтелью, но силой оружія.

Европейцы переводятъ это *ба* словомъ деспотъ, но ему болѣе соответствуетъ первоначальное значение слова: герой, императоръ. Такимъ образомъ, звукъ *ба* могъ войти въ маньчжурский языкъ не только въ глашномъ, отвлеченному его значеніи, но и съ воспоминаніемъ о храбромъ императорѣ. Что же касается до того, что слово *батуру* иныхъ не имѣть важнаго значенія, таѣмъ мы увидимъ ниже, что и другія китайскія титлы: *Цзайсанъ, тай цзы*, означающія въ Китаѣ первыхъ чиновъ имперіи, тоже иныхъ въ средней Азіи придаются незначительнымъ личностямъ.

Мы не знаемъ особенностей киданьскаго языка, почтаемаго посредствующимъ между монгольскимъ и маньчжурскимъ; можетъ быть, и въ немъ уже было окончаніе *р* съ гласными впереди и послѣ. Что касается до происхожденія этого самаго окончанія, то оно объясняется простонароднымъ китайскимъ языкомъ, въ которомъ ко многимъ словамъ прибавляется суффиксъ *эръ* (еще цзы и тоу)—и теперь еще говорить *маоръ*, мао-ръ и проч. Маньчжурскій языкъ не терпитъ двухъ согласныхъ да и гласныхъ вмѣстѣ; потому оно или

передѣлываеть гласную китайского корня, или передъ слѣдующей гласной вставляеть еще согласную¹⁾.

Происхожденіе окончанія на *р* въ маньчж. языѣ однакожъ объясняеть его относительную древность; если, какъ мы уже замѣтили выше, читающійся нынѣ въ китайскихъ словахъ *эрэ* есть звукъ новѣй, появившійся, можетъ-быть, только послѣ Р. Хр. то понятно, что и маньчжурскій языкъ заимствовалъ его не рагѣ этого времени.

Такимъ образомъ мы видимъ, что односложный китайскій корень превращается въ маньчжурскомъ языѣ, не прибѣгая еще къ грамматическимъ вставкамъ и приставкамъ, въ двухъ и трехъ-слововыхъ слова. Спрашивается — отчего происходитъ такое превращеніе? На первый взглядъ отвѣтъ, кажется, готовъ: того требуетъ духъ заимствующаго языка; такъ, въ новѣйшее время, когда Маньчжуры переводили на свой языкъ китайскія книги и встречали въ нихъ слова, не существовавшія въ своемъ, то давали китайскому произношенію только маньчжурскую форму, то-есть, или измѣнили нѣсколько букву, или передѣлывали начало или конецъ, или то и другое вмѣстѣ. Объ этомъ процессѣ можно сказать, что онъ производился по духу маньчжурскаго языка. Но если мы зададимся убѣжденіемъ, что все маньчжурскія слова происходить отъ китайскихъ корней, то что же мы должны будемъ называть духомъ маньчжурскаго языка? Вѣдь тогда мы, всего естественнѣе, должны сказать, что китайскій языкъ имѣть или имѣть способность къ превращеніямъ, сообразно съ мѣстностію, съ природой, влѣающею на организмъ человѣка. На своей родинѣ онъ сдерживается изъ скатой, моносиллабической формѣю своею особенностью письменностью; забывши ее, или освободившись отъ нея, на чужбинѣ, онъ, какъ и другіе языки, получаетъ способность разростаться, — но не теряетъ ли при этомъ своего богатства, своей гибкости? Это мы увидимъ.

Спрашивается, сколько китайскихъ корней въ маньчжурскомъ языѣ? Съ показанными признаками, конечно, нельзя сказать, чтобы весь языкъ заключалъ въ себѣ китайскіе корни. Мы упомянули уже, что не позволяемъ себѣ никакой натяжки, которая, при первомъ разъясненіи предмета, заставитъ скорѣе заподозрить дѣйствительность разъясненія; сверхъ того, мы только ниже будемъ говорить объ об-

¹⁾ По образцу хутури—частіе составлено и мадари—море. Мы иѣже основные думать, что нынѣшнее китайское название моря *хай* не есть древнее, потому что звуковая часть его *харогиль* читается мѣд; кроме того, название даваніе Шамо переводить: *насажденное море*.

разованіи изъ китайскихъ корней маньчжурскихъ глаголовъ. Но напрѣкъ кажется, что можно было бы принять за правило, что количество корней одного языка въ другомъ опредѣляется количествомъ граматическихъ знаковъ, правиль, внесенныхъ въ этотъ языкъ, и потому познакомимся съ маньчжурской этимологіей.

Мы выше уже сказали, что китайский языкъ надобно считать приставочнымъ; въ немъ есть слова, отдельно стоящі, но показывающіе падежъ, число, время, залогъ, подлежащее, нарѣчіе и проч. Но вотъ въ чемъ разница: въ китайскомъ языкѣ всѣ эти приставки сохранили, большую частію, свое первоначальное значеніе. Эти слова не мертвны частицы (хотя и Китайцы ихъ называютъ пустыми буквами, замѣствуя такое название отъ знакомства съ санскритскимъ) а именно тѣ оживляющія рѣчи слова, на которыхъ основаны связи и смыслъ рѣчи; это глаголы болѣе живые, болѣе необходимые для понятія, чѣмъ другіе глаголы, встрѣчающіеся только для самихъ себя, а не для рѣчи вообще; это болѣе, чѣмъ приправа,—это кухня языка. Чтѣ бы ни говорили, а нельзя представить себѣ первоначального языка прямо съ суффиксами и префиксами, съ флексіями, безъ ихъ первоначального значенія. Эти глаголы китайскіе называются, по большей части, различные виды движенія, дѣйствія, и понятно, что для связи словъ, чтобы ихъ сдвинуть, надобно было употреблять именно такихъ словъ. Мы находимъ, что китайский языкъ даже наши знаки препинанія выражаетъ словами—глаголами. Флексіи не то ли же, что приставки, только болѣе слившіяся съ языкомъ, такъ что трудно добраться до ихъ первоначальной формы? А приставки имѣютъ ли значение? Приставки, по крайней мѣрѣ, въ разбираемыхъ нами языкахъ, и притомъ въ падежахъ, а не во временахъ, обыкновенно называются послѣрѣчіями, соответствующими нашимъ предлогамъ. Но и предлогъ, равно какъ и союзъ, суть ничто иное, какъ первоначальная норма глагола; ими показывается передвиженіе словъ и предложенийъ или фразъ. Если смотрѣть съ этой точки на языкъ, то его богатство, или лучше сказать, сила (потому что богатство принадлежитъ корнямъ) зависить отъ количества тѣхъ вспомогательныхъ глагольныхъ корней, которые онъ сохранилъ въ свою языкъ. Оттого китайский языкъ, считаемый бѣднымъ, надобно считать однинъ изъ богатѣйшихъ; потому что онъ располагаетъ болѣшимъ количествомъ вспомогательныхъ глаголовъ, и такъ какъ еще это глаголы, а не приставки или флексіи, потому и не мѣрѣ обортъ рѣчи, такъ какъ глаголь можетъ стоять то впереди, то сзади;

затѣмъ тѣ же глаголы даютъ ему возможность до безконечности измѣнять оттенки мысли.

Разбираемыя нами языки бѣдны и приставками, и оборотами рѣчи, или периодами, такъ что ихъ едва-ли можно назвать языками, принадлежащими первобытнымъ племенамъ.

Теперь спрашивается: приставки маньчжурского языка представляютъ ли средство съ китайскими глаголами? Мы возьмемъ прежде приставку винительного падежа, такъ какъ и у насъ винительный падежъ часто сходенъ съ родительнымъ. Онъ въ маньчжурскомъ языкѣ отличается отъ другихъ средне-азиатскихъ (въ монг. *и=ги*), въ тат. *ни* можно производить прямо отъ родительного падежа; въ тибетскомъ даже вовсе неѣть приставки винительного падежа; въ китайскомъ разговорномъ, отчасти и въ книжномъ, языкѣ, употребляются, когда понадобится, для винительного падежа глаголы: *цзянъ* намѣреваться, и *ба* братъ. Послѣдній-то, мы полагаемъ, и перешелъ въ маньчжурскомъ языкѣ въ приставку *бо* (читается *бо*). Конечно, мы не осмѣились бы сдѣлать это предположеніе, если бы только одна эта приставка представляла небольшое сходство съ китайскимъ.

Приставки дательного падежа: въ тиб. *ду*, въ монг. *дурь*, *дорь*, *да*, *дэ*, въ маньчж. *дэ*, конечно, родственны между собой; въ китайскомъ они обыкновенно выражаются глаголомъ *юй* или *изи*, *яз* (тат. *ю*), которые значать давать. Но въ этомъ же смыслѣ можетъ быть употребленъ и глаголъ *дуй*—противоположный, соответствовать, еще ближе глаголъ *дэ* получить (въ тиб. *дэръ* давать).

Родительный маньчж. *и* (монгол. *инъ*, тат. *инъ*) представляетъ прямое сходство съ тибетскимъ *и*, ставимымъ послѣ существительныхъ, оканчивающихся на гласную; но въ послѣднемъ послѣ согласныхъ употребляется уже не *и*, а *ъи*, *ъи* читай (чжай). Очевидно, что *и* и *чжай* принадлежать къ одному корню; въ среднеазиатскихъ языкахъ то и дѣло въ различныхъ нарѣчіяхъ произносить то *и*, то *чжай* (*иль*, *чжиль*, *иръ*, *чжиръ* и т. д.). Но тиб. *чжай* прямо сходно съ китайскимъ глаголомъ *чжай* идти, постоянно употребляемымъ для означенія родительного падежа. Сверхъ того въ китайскомъ языкѣ есть юероглифъ *и*, означающій также—идти, только онъ не употребляется для родительного падежа.

Но мы для того и не начали съ родительного падежа, чтобы показать маленькую особенность маньчж. родительного *и*. Онъ же, какъ говорить грамматика, въ извѣстныхъ случаяхъ употребляется и для

означенія творительного падежа; разумѣется, съ натяжкою можно объяснить и переходъ родительнаго въ творительный, но только эта приставка та ли же самая? Въ тибетскомъ, говоря вообще, творит. падежъ выражается также немного похоже на *и*, прибавляя только краткую *й* (пишется однакожъ с: *ий* — *ись*). Но вотъ что представляеть намъ китайскій языкъ: творительный падежъ выражается въ немъ многими глаголами, между прочимъ глаголомъ *и* орудовать, чрезъ. Не слились ли въ одной маньчжурской приставкѣ два различные корня или глагола? Замѣчательно, что другое слово, тоже употребляемое китайскимъ языкомъ для означенія творительного падежа, почти утратившее значеніе: *эрэ* вошло въ монгольскій языкъ тоже для творительного падежа; но, какъ мы сказали выше, *эрэ* читалось *и*, и по всему видно, что оно родственно *и*, вошедшему въ маньчжурскій языкъ. Изъ этого надобно заключить, что монгольский языкъ сравнительно моложе маньчжурскаго.

Мы не рѣшились бы еще выводить, что въ родительномъ и творительномъ падежахъ маньчжурскаго языка два китайскіе корня, если бы къ этому не уполномочивало насъ еще болѣе интересное явленіе. Это предложная приставка *ци* (монг. эцэ, читай: *са*, *эсъ*) — изъ, отъ. Кажется, послѣ приведенныхъ примѣровъ, все даетъ намъ право видѣть въ немъ кит. *цы* — изъ, отъ, выходить. Но если понятно, что это *ци* служить для означенія сравнительной степени (ты отъ добръ, то-есть, добрѣ тебѣ — въ кит. однакожъ не употребляется), то какимъ образомъ объяснить употребленіе *ци* для означенія числительныхъ порядочныхъ (и-ла-ци третій) и потому для означенія условнаго времени въ глаголахъ (или—ци, если встанетъ)? Но вотъ что мы находимъ въ китайскомъ языкѣ: *цим* значитъ, какъ мы сказали, изъ, отъ, а для означенія числительныхъ употребляется *ци*, что значитъ порядокъ, а іероглифъ *ци* означаетъ условіе. Итакъ, въ одной маньчжурской граматической приставкѣ уже заключаются три китайскіе корня! И это-то именно объясненіе китайскими корнями, кажется, еще болѣе доказываетъ, что маньчжурскія приставки не родились въ своемъ языкѣ.

Знаки множественнаго числа, какъ известно, рѣдко употребляются, когда впереди или послѣ стоять слова, указывающія множество (человѣкъ — всѣ, различные — человѣкъ); въ маньчжурскомъ только некоторые слова имѣютъ приставки или окончанія собственно множественнаго числа — *са*, *са*, *та*, *тэ* и проч. Но здѣсь гласны соотвѣтствуютъ требованиямъ, сложившимся въ языкѣ, а *и* надобно прини-

мать да переходъ ишь с. (изъ монг. би я, монг. мы—бидэ). Такимъ образомъ, выходить, что корень окончаний множественного числа будетъ са, а мы уже выше сказали, чтоverbъ китайское изъ въ маньчжурскомъ переходитъ въ с., въ китайскомъ же чанъ—въ сомъ одновѣдь словъ, употребляемыхъ для означенія множественнаго числа; это слово уже однажды было нами изложено въ маньчжурскихъ словаряхъ, всегда какъ другіе—тому, времѧ (послѣднее образовалось по образцу морю или морю), происшедшія въ разное время; если не отъ одного и того же чана, то отъ китайского э—каждый, отътъ, какъ и въ китайскомъ, отдалъ.

Прилагательный во всѣхъ трехъ языкахъ не имѣетъ особенныхъ окончаний и не принимаютъ особой приставки, когда сказываться предъ существительными; одни же принимаются таинъ же надеждныя приставки, какъ и существительные. Какъ въ маньчжурскомъ, такъ и въ монгольскомъ языкахъ есть только уменьшительныя (а не увеличительныя, которыхъ выражаются перифразами) прилагательныя, склоняющіяся какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкахъ на склады: ханъ, ханъ, ханъ; въ этой присказкѣ чанъ не признаютъ китайское ханъ мало — азъ-ханъ (монг.: дукемъ), малъ отъ китайскаго изъ нѣсколько.

Личные мѣстонимія въ китайскомъ языке должны были первоначально значить: первое лицо я—и (другая форма, змѣть фонетическая группа, также служитъ для означенія членія яй, отъ нихъ произошло во, иго, среднєе съ добавленіемъ чанъ) гоморицій (тиб. нгагъ—языкъ, нгагъ—и прилагательность). Второе лицо чанъ или эрзъ значитъ: близкій (тиб. чанъ), для третьего лица имѣются и—особый, иной, иностранный и же—тузкой. Въ маньчжурскомъ языке для третьего лица и удержалось безъ перенѣмы, и если за первую форму принимать не и, а же, то мы находимъ, что свойство фонетической группы и точно такое. Отъ этого и вышло; но объяснявшему выше способу, указательное эрзъ сей, а отъ сна относитъ, море—тотъ, общія какъ монгол., такъ и маньчж. языкомъ, съ тѣмъ различiemъ, что море въ монгольскомъ употребляется и для обозначенія третьего лица. Нѣть сомнѣнія, что татарское у, уль онъ (указат. бу) также среднєе съ и, потому что въ родительномъ падежѣ имѣють синъ (маньчж. икъ). Второе лицо си,—синъ (монг. чи), я думаю, также есть измѣненіе китайскаго цинъ (ци: въ с.) близкій, которое также надобно производить во второй (димъ) или третьей формадіи отъ эрзъ ты (какъ срѣднѣе въ маньчж.—въ значеніи два). Но первое лицо би, бинъ, хотя и можно

было бы съ натяжкой пригнать къ *то* или *иу*, но такъ какъ корень его во всѣхъ трехъ языкахъ несомнѣнно былъ *мэнъ* по присутствію его въ всевозможныхъ падежахъ, то думаю, что здѣсь скорѣе скрывается китайское слово *мэнъ* — имя, повелѣніе, сообщеніе. Замѣчательно, что здѣсь — близкій въ китайскомъ языке употреблено и для числительного два и для втораго лица (*tu duo?*), а выше сказано было, что по тибетски два *кай* (близкій — иѣ); татарское *учъ* — три (равно какъ и монгольское *туръ* — въ гурбаны) тоже не отъ *у ли?* Еще замѣчательно, что я, вѣдь въ китайскомъ (*у*), тамъ и въ тибетскомъ (*ига*) равно употребляется для обозначенія числа пять; татарское *бишъ* тоже не отъ *би ли?* — хотя въ немъ и можно видѣть сокращеніе санскритскаго *маноччас*, но я не думаю, чтобы *манъчи* существовало отъ *маноччас*; большая часть маньчжурскихъ числительныхъ имѣеть средство съ тибетскимъ: *дунь-надань*, *чнагъ-чнагуки*, *гу* (кит. *цию*) *уюнъ*, *чу-чуанъ*. Замѣтимъ встati, что среднеазиатское *тумъзъ* — десять тысячъ должно представлять средство съ китайскимъ *санъ* (*манъ?*).

Извѣстно, до какой многосложности достигаютъ языки флективные; и конечно, всего обыкновѣе такимъ словами языки санскритский (гандарод'апатанакалуша). Но если признаномъ словъ сложныхъ не ставить непремѣнно измѣненіе окончанія словъ, приставленіе кпереди, то въ этомъ случаѣ китайскій языкъ поспорить съ санскритскимъ; по свойству этого языка управляющій глаголъ часто отдѣленъ отъ прямаго, управляемаго имъ слова двумя, четырьмя, даже восемью словами (можно найти и болѣе), дополнющими послѣднее, и такъ какъ они являются въ этомъ случаѣ безъ всякихъ этимологическихъ аналогій, то ихъ слѣдуетъ принимать за сложное слово. Многосложность существуетъ въ китайскомъ языке и въ другихъ видахъ: *ло чуанъ* (огонь — лодка), *чнагъ ли линъ* — тысяча-миллийный глазъ суть таіи же сложные слова, какъ и *наши*: пароходъ, телескопъ; только, такъ какъ іероглифическое письмо требуетъ отдельной постановки каждого отдельного слова, то подобныя слова и не кажутся намъ составными. Въ средне-азиатскихъ языкахъ, напротивъ, всего менѣе замѣтна наклонность къ такой сложности; только при большомъ напряженіи мы подмѣчаемъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ маньчжурскихъ словахъ, что они составлены изъ двухъ или изъ трехъ словъ: *нѣннѣри* — весна, *чнагуэри* — хвѣто, *тувари* — зима образовались изъ здѣсь время съ стоящими впереди *нѣнъ* (к. *цзинъ*) прежде, *чнагуэ* два, *дуинъ* четыре (первое, второе, четвертое время года); въ существѣ же *тай*, *фумильи* красный, *ламуло* зеленый и проч. видно слитіе ки-

тайскихъ словъ: *гуанъ* (желтый), *хунъ* (хунь, превратившееся въ фуль) красный, *ланъ* (зеленый), — съ я же краска, цветъ. *Ламбагару*, весьма состоять изъ *ламъ* краска, *бахара* можно, *аку* не (нельзя удержаться). Въ этомъ отсутствіи наклонности къ составленію словъ сложныхъ нельзя не видѣть отличительной характеристики средне-азиатскихъ языковъ въ отношеніи къ флексивнымъ и моносилабическими; они представляются какими-то недорослями, которые стремились къ развитію, но не дошли до него вполнѣ. Маньчжурскій языкъ кажется мнѣ не иначе какъ чалимъ виродкомъ китайского.

Однакожъ, если въ приставкахъ тоже видѣть особы слова, то развѣ склоненія и спряженія должны представляться намъ чѣмъ другимъ какъ не сложными словами, съ тою только разницей, что это слова этимологический, а не лексический? Маньчжурскій языкъ представляетъ собой ясное свидѣтельство постепенности перехода отъ приставки къ окончанию и флексіи; разсмотрѣнныя нами приставки надежней могутъ стоять отдѣльно отъ самого слова, къ которому они относятся или сливаются съ нимъ. Главная же многосложность въ немъ состоить изъ требованія языка придать къ китайскимъ корнямъ спереди или сзади, вмѣстѣ или порознь, слоговъ, состоящихъ изъ одной или вѣсколькоихъ слововъ (буквъ) или изъ сліянія приставокъ; хотя бы, положимъ, они и не происходили отъ китайскихъ корней, но такъ какъ они суть этимологические элементы, то ихъ нельзя отличать отъ приставокъ. Многочисленные китайские корни, изъ которыхъ состоятся приставки глаголы, рѣдко остаются одни въ маньчжурскомъ языкѣ только съ глагольными окончаніями, свойственными послѣднему (*да* = мби, *ци* = мби, *тэ* = мби и проч.). Они требуютъ вставленія между этими окончаніями и корнемъ слоговъ, составившихся изъ согласныхъ — *д*, *и*, *с*, *т* и проч. Между этими слогами всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе слогъ *ло* (*ло*, *ло*). Онъ общий для всѣхъ трехъ разбираемыхъ нами языковъ: башкіамакъ, эчжэлэмби, эчжэлху; этотъ слогъ вмѣстѣ со знакомъ родительного падежа какъ бы свидѣтельствуетъ о томъ, что было время, когда всѣ три языка еще состояли одинъ, и потому, сохранивъ въ себѣ только одну норму этимологическихъ и синтаксическихъ законовъ языка, подверглись отдѣльно влиянию китайскаго. Что долженъ значить этотъ слогъ *ло* (*ло*, *ло*)? Приведенные три слова значать главенствовать, властновать. Они происходить въ татарскомъ отъ существительного *башъ* голова (*и* шоу), а въ монгольскомъ и маньчжурскомъ отъ *эчжээн* (*и* чжу) государь; значить: для образования изъ нихъ глагола, тутъ должны

участвовать приблизительно глаголь — сдѣлаться. Въ китайскомъ не представляется съ перваго взгляда слова, подходящаго къ да или лэ дѣлать, дѣлаться, которое по китайски вѣй; но въ тибетскомъ есть слово лай (пишется лась, а читается ближе къ лэй) дѣло, да въ китайскомъ является лэй, ляо—окончить, совершить. Сверхъ того, между тѣмъ какъ въ тибетскомъ дѣло лэй, глаголь дѣлать пишется вѣдъ (д на концѣ произносится какъ й), и этотъ переходъ изъ л въ губы мы находимъ также въ названіи руки — лаъ и пяъ. Для меня трудныѣ опредѣлить происхожденіе маньчжурскаго глагола арамби дѣлать (к. вѣй), хотя оно имѣтъ еще значеніе писать (к. вэнъ), но полагаю, что въ другихъ случаяхъ при образованіи производныхъ глаголовъ вставкой слоговъ съ р и н послѣдніе представляются только видоизмененіями л; что же касается до слоговъ д и с, то думаю, что корнемъ этихъ вставокъ можетъ почитаться общеупотребительный китайскій вспомогательный глаголъ да (быть), въ самомъ китайскомъ языке употребляющейся въ многоразличномъ смыслѣ.

Эти вставки для образованія глагола потому встрѣчаются и особо для образованія различныхъ залоговъ, изъ которыхъ одни, какъ повѣлительный, страдательный, взаимный, общи всѣмъ тремъ языкамъ (хотя вставки и различны), другіе же, показывающіе движение съ мѣста и движение къ мѣсту, свойственны только маньчжурскому. Трудно опредѣлить, откуда произошла вставка на, изъ, но, означающая движеніе съ мѣста; конечно, можно бы ясно видѣть, что здѣсь скрывается глаголь энэмби идти, но этотъ глаголь надобно производить отъ кит. же входить, и тогда тѣль немъ слогъ же есть уже граматическая вставка, и я боюсь властъ въ натяжку, производя эту вставку отъ того же глагола и, который, мы видѣли, присутствуетъ въ родительномъ падежѣ и переходитъ въ ии. Что же касается до изи—вставки въ глаголахъ, показывающихъ движеніе къ мѣсту, то нѣть никакого сомнѣнія, что здѣсь мы видимъ глаголь цзи = мби приходить, который мы сравнили съ китайскимъ цзинъ. Точно также вставка для общаго залога ду = иду можетъ быть объяснена кит. словомъ ду всѣ; страдательная бу—китайскимъ бэй бить и быть. Наконецъ, есть еще учащательная форма, образуемая вставкой ча отъ кит. чань часто: оми=ча=мби попивать, тэ=чэ=мби посиживать.

Причиняющая форму въ маньчжурскомъ языке сходна съ страдательной, и можно бы, съ натяжкой, объяснить ея происхожденіе изъ страдательной, тѣмъ болѣе, что та и другая требуютъ различныхъ надежей въ именіи, но такъ какъ въ монгольскомъ и татарскомъ язы-

кахъ эти формы выражаются несходными вставками, то я предлагаю для объяснения, доведительной формы *бу* маньчжурский глаголь *бумби*—давать, кит. *бу* распространять на слова *бу-ши* подади.

Такимъ образомъ, три средне-азиатские языка, по справедливости могутъ называться не только приставочными, но и вставочными. Приставки не чужды и языки флексивные, вставки этимологическихъ частейъ составляются въ трехъ языкахъ замѣну словъ сложныхъ.

Но обратимся далѣе къ глаголамъ. Окончаніе неокончательного наклоненія и настоящаго времени изъявительного въ маньчжурскомъ языкѣ на *ми*. въ самомъ себѣ предполагаетъ двѣ разнородныя приставки уже слившіяся: *мэ* приставка дѣепричастія настоящаго времени и *би*. Откуда взялось это *мэ* и что оно значить,—вотъ чего я никакъ не могу объяснить языкъ китайского языка. Соответствующее *мэ* въ монг. *чису* находится въ китайскомъ *чжао*, *чжао*, означающемъ также дѣепричастіе (*цзянь*—что, *үзэчжу*—видя). Думал, что едва ли это *мэ* не то же *м* въ татарскихъ языкахъ, въ которыхъ неокончательное наклоненіе оканчивается на *макъ*, *мэнъ*, *мокъ*; думал, что татарское *к* послужило монгольскому окончанію неопределенного наклоненія на *ку*, *ху*, а въ маньчжурскій вошло только *м*. Что же касается до *би*, то по моему мнѣнію, никакъ нельзя соблазняться сходствомъ его съ общими всѣмъ тремъ языкамъ, мѣстоименіемъ первого лица *би*, *бимъ* (кит. *во*, *иго*, *у*, *юй*, тиб. *ига*), потому, что оно приставляется ко всѣмъ тремъ діаметъ настоящаго времени въ обоихъ числахъ. Это тотъ же китайскій глаголь *бэй* быть и бить; въ монгольскомъ онъ еще ближе къ китайскому; это: *буй* и въ настоящемъ времени переходить въ *муй*, *мой*.

Затѣмъ въ маньчжурскомъ языкѣ прошедшее время выражается приставкой, состоящей изъ согласной *к* или *х* съ *съ* гласными, въ монгольскомъ на *зул*, произносимое *лэ*; въ китайскомъ для обозначенія прошедшаго времени употребляются, между прочимъ, глаголы *ю* проходить и *кон* кончить; едва ли можно сомнѣваться, что первый относится къ маньчжурскому, а второй—къ монгольскому.

Труднѣе объяснить окончаніе будущаго изъявительного и иѣсть съ тѣмъ причастія на *р* съ гласными; конечно, можно бы и здѣсьпустить въ ходъ то же *эр*, которое мы видѣли выше, тѣмъ болѣе, что глаголь съ окончаніемъ на *ра*, *ре*, *ро* легко можетъ быть принять и за существительное. Но мнѣ припоминается, что и въ будущемъ татарскаго также участвуетъ буква *р*. Будемъ надѣяться, что другое, при

большемъ вниманіи и напряженіи, объяснять двѣ, теперь необыкновенныя нами приставки *мэ* и *ра*.

Объ условномъ *ци* уже было говорено выше; думаю, что желательное *ки* также представляетъ только видоизмѣненіе этого корня. Приставку дѣепричастія прошедшаго *фи* я объясняю китайскимъ глаголомъ *бѣ* окончить. Отрицаніе въ глаголахъ выражается чрезъ нарѣчіе *аку* нѣть, иногда опускающее, а иногда измѣняющее гласную *а*. Корнемъ этого отрицанія несомнѣнно надобно принять китайское *у* и въ своемъ языкѣ перемѣнившееся въ *бу* (монг. буу) и даже въ *мо* (маньчж. умз,—инт. битэгэй изъ *бу*; о развитіи слова *иа* будетъ говорено ниже). Ближайшимъ превращеніемъ этого слова мы полагаемъ турецкое *юкъ* (укъ, изъ котораго выше монг. угэй); изъ него и, или же своимъ собственнымъ путемъ, образовалось маньчжурское *аку* (по образцу *акдунъ* отъ дуны) это уже вопросъ второстепенный. Корнемъ китайского отрицанія *у* служить другое *у* погибнуть, убѣжать откуда въ маньчж. *укамби*, въ монг. угэлэмби (отсюда угэлэдь—блѣть—блглецъ — известное название народа).

Вотъ въ главныхъ чертахъ почти вся этимологія не только маньчжурскаго, но и татарскаго и монгольскаго языковъ, потому что въ эти языки имѣютъ очень простую, пожалуй, назовемъ, бѣдную грамматику. Да, грамматику, потому что если вы скажете, что къ грамматикѣ, кромеъ этимологіи, принадлежитъ синтаксисъ, то я отвѣчу, что въ этомъ обозрѣніи уже пройденъ и синтаксисъ. Какое главное отличие этимологіи отъ синтаксиса? Первая разбираетъ видоизмѣненія словъ, вторая—отношенія словъ и предложенийъ. Въ трехъ языкахъ въ этимологіи разбираются приставки, называемыя послѣрѣчиемъ или предлогами, въ синтаксисѣ должны разбираться союзы, посредствомъ которыхъ образуются различные виды предложенийъ и періодовъ. Но, по крайней мѣрѣ, въ маньчжурскомъ языкѣ и въ періоды образуются только посредствомъ тѣхъ же существительныхъ или глагольныхъ приставокъ. Какъ скоро въ предложenіи глаголь ставится на концѣ, то какой бы формы ни быть періодъ, онъ все-таки на концѣ первой половины пользуется этимологическими приставками (*и*—описательный, *дэ*—винословный, *бэ*—уступительный, *мэ*—соединительный, *ци*—условный и т. п.). Другихъ союзовъ, можно сказать, нѣть, потому что періодъ условный, напримѣръ, начинающійся союзомъ *айка*—если, все же оканчивается въ первой половинѣ періода приставкой *ци*. Что синтаксисъ китайский долженъ отличаться отъ синтаксиса среднеазіатскихъ языковъ, это выходитъ само собою; тамъ приставки не утратили своего

глагольного значения, потому ставятся впереди и сзади, а это дает свободу речи; тамъ количество приставокъ почти безконечно, а здѣсь — онъ въ самомъ ограниченномъ числѣ.

Можно ли послѣ всего сказанного утверждать еще, что сродство маньчжурского языка съ китайскимъ случайное, что все это суть наши натяжки? Но вѣдь такимъ образомъ выходитъ (не говоря о частностяхъ), что китайский языкъ вмѣстѣ совсѣмъ въ другія формы, представляется языкомъ многосложнымъ, могъ преобразиться въ языкъ, который считается переходнымъ отъ моносиллабическихъ къ флексивнымъ? Мы готовы оставить и всѣ эти выводы въ сторонѣ; мы хотѣли только доказать, что и китайский языкъ что-нибудь да значитъ въ общей филологической науки. А между тѣмъ всѣ ученые филологи старались его обойти, исключить изъ среды науки. Не было ли это скорѣе шарлатанствомъ, которое хотѣло скрыть свое невѣжество, голословными указаніемъ, что китайский языкъ не принадлежитъ-де къ области другихъ языковъ, и что о немъ не стоитъ говорить, другими словами: хоть мы его и не знаемъ, но можемъ спокойно разсуждать объ общихъ законахъ языка. По моему же мнѣнію, можно разрабатывать частные явленія извѣстнаго языка, его связь съ другими, тоже извѣстными, но толковать объ общихъ законахъ филологическихъ не возможно, не изучивъ свойства языка первообразнаго, не вознесись къ понятіямъ о томъ, какъ долженъ быть и могъ говорить человѣкъ на первыхъ порахъ развитія человѣческой речи, а китайский языкъ представляетъ богатые памятники следовъ этой речи. Только съ введеніемъ китайского языка въ кругъ общей филологии и можно надѣяться решить вопросъ—родственны ли такъ-называемые туранскіе языки арійскимъ, или, другими словами, есть ли тѣсная связь между санскритскимъ и китайскимъ. А я увѣренъ, что стоитъ только нѣсколько недѣль труда, чтобы доказать ихъ сродство. Я думаю, что необходимо обратить вниманіе и на другой вопросъ: прежде съ презрѣніемъ относились къ корнесловью, обращались больше къ грамматикѣ и синтаксису; и же указывалъ, что грамматические и синтаксические правила нельзѧ объяснять помимо корней.

Мнѣ кажется, гораздо страннѣе было бы не встрѣтить никакого средства у среднеазіатскихъ языковъ съ китайскимъ, чѣмъ встрѣтить даже полное родство. Мы знаемъ, что Римляне въ нѣсколько вѣковъ своего владычества успѣли пустить корни своего языка въ Испаніи, Англіи, Франціи, что Арабы навязали свой языкъ всѣмъ магометанамъ. Какимъ же образомъ связь Китая съ Среднею Азіей,

известная уже исторически въ продолженіи слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ, могла оставаться безгѣдной? Китайцы то управляли Среднею Азией, то были управляемы ея обитателями; Китайцы то были уводимы въ пленъ, то переселялись добровольно. И вдругъ хотѣть, чтобы здѣсь не было ничего общаго, даже между языками!

Исторію столкновенія Китая съ Среднею Азией нельзя начинать только съ образования въ концѣ III вѣка до Р. Хр. могущественной Хунинской династіи. Какъ только началась исторія Китая, такъ начались и эти столкновенія. Если мы не можемъ определить ни точныхъ границъ, ни существенного различія между Жунами и Ди, облагавшими съ запада и сѣвера вновь образованшееся государство, которое собственно (а не народъ) и надоѣно называть Китайскимъ, то мы не можемъ, точно также, сказать, въ чёмъ состояло различие собственно китайскихъ подданныхъ отъ этихъ Жуновъ и Ди. Не были ли сами эти Жуны и Ди ихъ же повелителями таѣтъ и названы въ отличіе отъ своихъ? Вѣдь ядро Китайского государства было самое небольшое; оно образовалось около юго-восточнаго изгиба Хаунъ-хэ, и начало вдоль этой рѣки прорабощать туземцевъ; развѣ можно заключить изъ этого, что честолюбивый и сильный владѣтель этого ядра былъ непремѣнно человѣкомъ другаго кленени? Здесь являются два предположенія, общія для всей дрѣвней человѣческой жизни: или вторженіе чужаго элемента, который стать осиливать туземный, или образованіе изъ туземнаго чего-то небывалаго, деспотического. Первое предположеніе приведетъ насъ только къ тому выводу, что была еще болѣе дрѣвняя, чѣмъ предполагаемъ, жизнь народовъ: Они уже развились, получили прочную самостоятельность, каждый народъ говорить своимъ языкомъ, и вотъ одинъ изъ этихъ народовъ направляется на востокъ и завоевываетъ тамошнихъ обитателей ... Другое предположеніе—болѣе человѣческое: и древнѣшіе люди должны были жить по общимъ человѣческимъ началамъ и законамъ, отличающимъ другъ отъ друга только по требованію мѣстности. У нихъ долженъ быть быть одинъ главный образъ жизни, потому что хотя природа и разнобразна, но человѣку въ отношеніи къ ней надоѣно было прибѣгнуть къ одной общей мѣрѣ—къ борьбѣ, къ изысканію средствъ для побѣды. Точно также и въ отношеніи языковъ: повсюду человѣкъ долженъ быть создать однаковые звуки, назвать сильное сильнымъ, мягкое мягкимъ. Въ этой первопачальной жизни человѣчества и учрежденія, и языки на всемъ земномъ шарѣ должны представляться родственными, по съ известными отличіями: "сосѣди" народовъ востока

сами "сосѣди запада," имена Ної и Сима равно известны, какъ на берегахъ Нила и Тигра, такъ и на берегахъ Хуань-хэ и Цзяна.

И вотъ на берегахъ Нила и Тигра, равно какъ у водъ Хуань-хэ и Цзяна является новая общественная форма—государство. Люди соединяются съ другими, чтобы порабощать или отражать порабощеніе. Начинается движение народовъ, тогда какъ доселѣ быть на земль только человѣкъ. Если отъ Западнаго до Восточнаго океана не было доселѣ родства, то я охотно допускаю, что зародыши китайской націи пришли съ запада, по моему мнѣнію, всегда и во всемъ преобладающаго надъ востокомъ. Но не лучше ли допустить, что прежде борьбы было единство? Предположимъ, напримѣръ, что корни китайского языка тѣ же, что арійскіе. Надобно ли изъ этого заключить что китайская нація прошла вѣкогда побѣдноносно отъ запада на востокъ, заставила аборигеновъ послѣднаго принять свой языкъ, или она пришла вѣсты съ пращурами, которыхъ мы называемъ Турками, Монголами и Маньчжурами? Я думаю, что лучше всего допустить не насилие, а родство.

Итакъ, въ первоначальной исторіи отдаленному востоку, не получившему видѣть во борьбу народовъ съ народами, а борьбу нового строя, который мы называемъ "государствомъ," со старымъ порядкомъ человѣческихъ обществъ? Но въ такомъ случаѣ, опираясь на указанія нашихъ отношеній языка китайскаго къ средне-азіатскимъ, мы должны допустить, что и все относящееся къ этому строю заимствовано отъ того ядра, которое его усвоивало и развивало, что вся политическая терминология, даже въ самыи противорѣбѣстіи, должна была заимствоваться изъ одного языка. Не видимъ ли мы, что только послѣ того, какъ Китайское государство соединилось въ первый разъ, явился и противорѣбѣстующее государство Хуандівъ? Но оно не могло отичинаться никакими своеобразіемъ и должно было соображаться съ своимъ антагонистомъ. Новый строй долженъ быть, неминуемо, осилить, и отсюда началось вліяніе Китая, далеко занесенное на западъ за долго до владычества Татаръ.

Посмотримъ, что намъ скажетъ на это исторія.

Мы здѣсь коснемъ только того, что всѣго ближе относится къ нашей статьѣ, и даже въ подтвержденіе еї, хотя съ своей стороны, и писали ее именно для удостовѣренія въ нашемъ объясненіи нѣсколькихъ собственныхъ имёнъ, встрѣчаемыхъ въ древней средне-азіатской исторіи. Начнемъ, однакожъ, припоминаніемъ о томъ, что уже

было имъ высказано въ другомъ мѣстѣ¹⁾). Первымъ намекомъ на присутствіе китайскихъ словъ въ собственныхъ именахъ лицъ и народовъ Средней Азіи послужили слова Мэнъ Хунь'а, что, по некоторымъ, название Чингисхана было изуродованное китайское Тинь-ци — пожалованный небомъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда могло взяться слово Чингисъ? На языкахъ среднеазіатскихъ оно ничего не значить (даже известное думись происходит отъ китайского тинь-цы — болото, озеро). Оно и не собственное имя, которое было Тэмучжинъ; но когда оно явилось? Только на хурилтѣ, то-есть, сеймѣ, на которомъ этотъ Тэмучинъ былъ провозглашенъ императоромъ — хаганомъ. Но кто внушилъ даже самую мысль о такомъ провозглашении? Безъ сомнѣнія, перебѣжавшие Кидане октаившиеся; потому что только у Китайцевъ есть обычай, съ восшествіемъ на престоль, съ принятиемъ императорскаго титула, давать будущей эрѣ своихъ годовъ правленія характеристическое название. Эта эра и нынѣ у Монголовъ (какъ и въ Европѣ) всегда принимается за имя самого императора. Такое имя: Тинь-минъ (небомъ повелѣнныи) принялъ и первый маньчжурскій императоръ, а Тинь-дэ (небесныи доблести) известный предводитель тайпинговъ Хунь-сюцюань. Какимъ же образомъ однако Монголы такъ могли исказить китайское слово? Но на это отвѣтъ ясный: монгольский языкъ не имѣть словъ на тинь и не способенъ къ ихъ произношенію; не способни къ этому и другіе среднеазіатскіе языки; мы видимъ, что въ самый китайскій языкъ еще не позже четвертаго вѣка нашей эры вошло санскритское слово дінка (созверцаніе) въ искаженной формѣ чань, не по тому, чтобы китайскій языкъ не былъ способенъ къ передачѣ этихъ звуковъ, но потому, вѣроятно, что приходивши съ запада проповѣдники буддизма или сами принадлежали къ среднеазіатцамъ, или употребляли изъ нихъ переводчиковъ. Итакъ, тинь легко могло исказиться въ чань, а отсюда въ чинь; что же касается до окончанія чинь или исъ (потому что : можно отнести къ предвидущему и), то мы уже упомянули выше, что приставка ци (эцэ) въ монгольскомъ произносится какъ эсъ.

Это искаженіе слова Тинь-ци въ Чингисъ переносить настъ къ болѣе отдаленному и не менѣе знаменитому названію Хунскихъ государей Чань-юй-ами, какъ они назывы въ известной исторіи Тунь-чинь-гань-му на маньчжурскомъ языкѣ, а не Шань-юй, какъ читаются

¹⁾ См. мое сочиненіе: «Исторія и древности восточной части Средней Азіи» въ Трудахъ Восточного отдѣленія Археологического Общества.

европейцы на основании предлагаемыхъ китайскими лексиконами чтений. Иероглифъ, которымъ передается слово чань или шань имѣеть главное чтеніе дань и тань, и потому нельзя сказать наѣврное—кто правъ; но какъ бы мы ни читали его, напрасно стали бы отыскивать въ извѣстныхъ намъ среднѣазиатскихъ языкахъ значеніе этого слова, хоть бы сколько-нибудь подходящее. Но это значеніе ясно и положительно опредѣлено тѣми же китайскими исторіями. Оно должно значить то же, что и китайскія: тань-цизы—сынъ неба, титулъ, даваемый китайскимъ императоромъ; при этомъ у китайскихъ писателей прибавлено, что собственно сынъ неба на хунскомъ языке называется чань (тэнъ) или (ци)-ли хуту (монг. слова тэнгри инъ кубу), то-есть, китайская история вакъ бы въ ротъ кладеть, что Чань-юй есть только искаженіе китайского слова тань-цизы. Мы уже указали выше, при объясненіи слова чжань-инъ, что Китайцы вовсе не такие филологи, чтобы узнавать свой слова въ искаженіи не другихъ языковъ, особенно, когда они написали другими иероглифами. Для нихъ достаточно одной перенѣмы или ошибки въ звукахъ, чтобы не узять настоящаго происхожденія своего слова. Для того же, чтобы объяснить искаженіе тань въ чань не стонть труда послѣ сказанного выше; это искаженіе еще легче, чѣмъ въ словѣ Чилагись. Еще ближе къ шеню шань—произношеніе дао или шань; если можно недоумѣвать надъ чтеніемъ шань, то напомнимъ, что самое слово тань — небо, въ китайской цивилизации Индіи (тань чжу) читается Шэнъ (ду).

Слѣдовательно, остается только объяснить, какимъ образомъ слово чань—сынъ перешло въ юй?

Нѣкоторые предполагаютъ, что иероглифъ юй самъ по себѣ могъ исказиться изъ цзы, такъ какъ начертаніе ихъ очень сходно. Но и безъ этой догадки, приводящей къ вопросу: почему же слово чань пишется не какъ тань, филологическія стечія даютъ возможность объяснить такой переходъ. Мы видѣли выше, что китайское цзы въ маньчжурскомъ перешло въ цзюй, и что это слово вошло, должно быть, въ древнее время, потому что нынѣ всѣ китайскіе звуки съ цзюй переходятъ въ маньчжурскомъ въ с. Можетъ-быть, цзюй въ древнее время вошло и не въ одинъ маньчжурскій языкъ, или кто знаетъ, какъ далеко на западъ простиралось маньчжурское племя. Движеніе Тугухунцевъ (кухунь) на западъ могло быть и не первое. Что касается до измѣненія цзюй въ юй, то это всякому, мало-мальски знающему среднѣазиатскіе языки, не покажется страннымъ: юй и чанузъ—сотня, или и чанъ—годъ и т. д., въ татарскомъ языке сынъ значить уголь, во есть ли

иуль наростокъ въ родѣ монгольскаго юлъ въ словѣ Боголь, какъ увидимъ ниже? Китайскій же іероглифъ юй могъ читаться въ древности у, какъ и читаются его по нынѣ Японцы.

Но при этомъ невольно навертывается уже сейчасъ приведенное слово тэнгри — небо. Что это слово, употреблявшееся нѣкогда въ турецкомъ, а нынѣ сохранившееся главнымъ образомъ въ монгольскомъ, даже и съ эпитетомъ сине, вышло изъ китайскаго языка — изъ тянь, въ этомъ нѣть никакого сомнѣнія¹⁾). Только одни Китайцы всегда разумѣли подъ небомъ божественную силу («небо, иогубило меня!», сказано въ Шу-цзинѣ). Но является вопросъ: какимъ же образомъ, если въ Чань-юй и Чингисъ туземцы не могли выговорить тянь, оно близко къ выговору въ тэнгри (но и здѣсь съ твердымъ ли, какъ въ Чингисѣ)?

Мы видѣли, видне, что тэнгри читалось чань-юй, и потому думаемъ, что это восстановленіе его, да все же не въ формѣ тянь, а въ формѣ тань, случилось или въ другое время; или вошло первоначально не рѣчь тюркъ, въ которомъ тань превратилось въ чань и чинъ.

Если послѣднее тѣрентио, то можетъ быть, и здѣсь мы имеемъ предъ собою маньчжурскій языкъ, который имѣть много словъ, начинавшихся съ тань со свойственнымъ ему окончаніемъ ри.

Нынѣ этого слова нѣть въ маньчжурскомъ языке. Оно замѣнено словомъ абка, которое напоминаетъ тибетское намха. Тибетцы, подъ именемъ Тангутовъ, долгое время были сосѣдами Киданей. Жили въ Ордосѣ, знакомы съ буддизмомъ восточного племени, они могли ввести у нихъ и перенять названіе неба (абка звучить и въ имени первого киданьскаго государя Абад-цзи, изъ которого передѣлали Амбагаян; скорѣе это Абкай-цзюй — сынъ неба), какъ ввели у нихъ слово Тайнъ. Тайнъ не есть уйгурское слово, если разумѣть подъ ними говорившихъ турецкихъ языкомъ; это чисто тибетское слово той — переводъ санскритскаго шравака (исваженное въ монгольскомъ въ хуварактъ) — слушатели, то-есть, ученики и послѣдователи Будды.

Впрочемъ, можно допустить, что въ окончаніи ри въ словѣ тэнгри скрывается или кит. ди — земля, которое всегда ставится съ тянъ, когда должно означать творческую силу, или же чжи — духъ земли, которому поклоняются.

¹⁾ Въ монгольскомъ дахъ означенія неба, кроме тэнгри, имѣется еще слово актаргой. Тутъ мылья не увидѣть видозамѣненія кума тэнгри, то-есть, кумъ тэнгри — синее небо;

Название чань-юй смыкается въ исторіи, ~~хакасомъ~~, сократившимся послѣ въ хань. Если бы даже и вздумалось кому выдавать за достовѣрное, что хаганъ занесено жировствовавшими Казарами изъ еврейского языка, то и тогда оно не могло бы быть принято среднеазиатскими народами иначе, какъ по сходству звуковъ со словомъ, которое было известно всякому Азіату въ смыслѣ императора. Какое же это слово, какъ не китайское Хуань или Хуань-ди. — Богдоханъ — императоръ, известное, по крайней мѣре, со временъ Чинъ-ши-Хуань-ди².

Я уже замѣтилъ выше, что, часто имѣть дѣло съ монгольскимъ языкомъ, я вовсе не обращалъ вниманія на его корни; они такъ и казались монгольскими. Теперь, когда миѣ понадобилось въ монгольскомъ языкѣ отыскать подтвержденіе своего производства, то перебирая только въ своей памяти (а вѣдь слѣдовало бы деревить весь лексиконъ) известныя слова, я открылъ въ нихъ, и то лишь для дѣла, случаю, множестве китайскихъ корней. И, если я подогадаю характеристикою маньчжурского языка прибавку, въ съгласными, то на эту разъ, характеристикой (можетъ-быть, найдутся, и другие признаки) монгольского языка считаю способность его развивать китайские корни приставочными склонами, состоящими въ согласной, въ (к., я.) сть соответствующей гласной, которая въ разговорѣ подговариваетъ ее гласную. Если мы видѣли *ди* младшій братъ, въ маньчжурскомъ языкѣ, какъ *дэ*, то въ монгольскомъ языкѣ отъ пишется уже *дэнуу* (читай *дүү*). Такимъ образомъ изъ батуру вышло багатуръ, багадуръ (монг. слова: наануръ осень, хабууръ весна, эдууръ день и др., представляются составными съ маньчжурскимъ зернъ, склонительное это окончаніе на *r* есть уже болѣе позднѣе, чѣмъ маньчжурское на *-ру*. Замѣтимъ кстати, что монг. *цзунь*, (*чжудъ*) *хэно*—происходить тоже отъ маньчж. *чжуэръ*—съ отбррошениемъ сорѣмъ, зернъ). Такимъ образомъ отъ китайскихъ корней образовались: *цвэдүүръ* (*цзунь*): лѣвый (кит. *ци*), *сагу* сиди кит. *ци*, *цигу*, скрывать длит. *ни*, бо-гоху связывать кит. *бао* (отсюда—богатъ—рабъ, связанный), *си* пуху (чит. *шигиху*) судить кит. *си*, тогодѣ телепоръ длит. *лу*, тогоганъ, котель, кит. *тѣ-го*, тохомъ выокъ кит. *то* и т. д. Я думалъ, вслѣдъ разительнѣе по этимъ примѣрамъ будетъ происхожденіе монг. *цага-цагай* отъ кит. *си-цио* сорока. Новое монг. слово *цагаца* *законъ* есть превращеніе изъ цы—тетради, содержащей уложеніе. Извѣстное русско-монгольское *малагай*, перевѣбленное (*Verschieben*) изъ маньчжурского *махала* имѣеть своимъ корнемъ китайское *мао* паша.

Но самимъ болѣшимъ подтверждениемъ происхожденія слова да-

гансъ изъ кит. хуань свѣтъ, можетъ служить совершенно по той же формѣ образованіе монг. гагенъ—свѣтлый изъ кит. гуань свѣтъ. Здѣсь присутствіе твердой буквы з потребовало въ монгольскомъ только соответственнаго изгнѣнія гласной а въ э.

Сколько еще труда предстоитъ для будущей разработки среднеазіатской филологии! Такъ, напримѣръ, обыкновенно слышимыя монгольскія слова — чисунъ кровь, часунъ снѣгъ, чилу камень, чино волкъ кажется, нисколько не вижутся съ китайскими сэ, сюэ, ши, а между тѣмъ въ хоринскомъ нарѣчіи монгольского языка эти слова произносятся: шихунъ, шахунъ, шилунъ, что указываетъ на китайскіе корни.

Извѣстны мои выводы о происхожденіи названій Монголовъ и Маньчжурьевъ изъ китайскихъ словъ менъ-гу (получить старое) и мань-чжоу (полная область). Мне удалось также указать, что название Монголь привато для своей династіи Чингісханомъ не въ 1206 году, когда онъ былъ провозглашенъ главой сейма — хаганомъ, а только въ 1211 г. Среднеазіатскіе народы не имѣютъ общаго названія для всего клемени, и потому это общее название является какъ государственный терминъ только тогда, когда у нихъ является сильный императоръ. Если взять это титул, такъ и название годовъ правленія, заимствовано отъ Китайцевъ, то можно ли еще сомнѣваться, что не отъ нихъ же заимствовано мысль дать какое-нибудь общее название всѣмъ, соединеннымъ въ одно государственное тѣло, народамъ. Это название и выражается въ названіи династіи. Название Монголь было сначала собственно не название народа, а именно династіи; въ армії Чингісхана, щедшей на западъ, конечно были и Татары, и Маньчжуры, и Китайцы, и Туркестанцы, но всѣмъ имѣть общее имя было Монголь, то-есть, первоначально монгу (какъ и теперь въ маньчжурскомъ), какъ нынѣ Дайцзинъ.

Я указалъ также, что старое название Маньчжурровъ Чжурчжэными (такъ не стыдно и послѣ того писать Ніучи, Ніочжи, Нічжанъ!) было навѣтно Китайцами, отирывшими въ своихъ книгахъ, что въ древности въ маньчжурскихъ странахъ гдѣ-то жилъ народъ Су-шэнъ, употреблявшій каменные наконечники на стрѣлахъ (а это употребленіе едва-ли не продолжается еще и нынѣ). Болѣе древнее название Маньчжурровъ было: Мо-хэ и Фу-юй. Въ первомъ словѣ, несмотря на производство китайскаго императора отъ Мейхэ — эмѣя, я скорѣе склоняюсь видѣть муз. хэ вода, река, такъ какъ Мо-хэскіе роды носили различныя названія по рекамъ, по которымъ они жили,

а въ лѣсной Маньчжурии и можно было жить только по рѣкамъ. Китайцы, смысла отъ каждого изъ нихъ окончаніе Мухъ, и прозвали ихъ общимъ именемъ Мохасенъ — рѣчныхъ. Слово Фу-юй должно быть искаженіе нынѣшняго боя — тѣло, а самъ (кит. вѣй), въ смыслѣ человѣка, какъ называютъ себя и нацѣи Тунгусы. Название боя сохранилось въ известномъ Бомръ-норѣ, которое въ древности называлось Фуйскимъ, и около него то образовалось Фуйское царство; послѣ, довольно далеко подавшееся на югъ.

Къ мохасинъ родились припаджали и Шивейци, которые, живи на западъ и сѣверо-западъ отъ Маньчжуровъ, далеко простирались, въ видно изъ моей исторіи, въ глубь нынѣшней Монголіи и Сибири. Не отъ нихъ ли происходить и название послѣдней? Но едва ли въ настоящее время это не также преждевременно доминировать, какъ и сходство названія нашей Тулы съ уѣвой Тола, владѣющей въ Орконѣ, на которой стояла Каракорумъ. Однакожъ, чтѣ бы ни говорили, а слово Сибирь звучитъ по китайски. Нынѣ для Туркестана и Цинхаріи у Китайцевъ введенено одно общее официальное название — Синь-цзянъ — новая граница, новая линія. Что мудренаго, еслибъ оно сдѣлалось известнымъ и у Монголовъ, Маньчжуровъ и Туркестанцевъ. Эти же иѣста еще до начала нашей эры известны были у Китайцевъ подъ именемъ Си-юй, вѣть уже и есть начало для первого слова Сибири; но юй (тиб. юль) однородно съ турецкимъ иръ земля, и для того, чтобы избѣжать двухъ гласныхъ и вѣсты, между ними вставили въ, превратившееся въ б и оттуда въ бирь. Но въ китайскомъ есть еще другое слово — би захолустье, окраина; и Сибирь легко могла значить западное захолустье; для Китайцевъ Юаньской династіи такова и была наша Сибирь.

Но обратимся къ Шиэй-амъ. Ихъ название понынѣ сохранилось въ названіи народа Сыбэ маньчжурского племени, находившагося до основанія нынѣшней маньчжурской династіи подъ властью Монголовъ; часть ихъ послѣ переведена была даже въ новую линію и уѣхала недавно къ намъ подъ Кульдами. Эти Шивай, какъ говорить исторія, были потомки болѣе древнихъ Синь-байцевъ, удалившимися отъ прѣѣсеній Хунновъ въ горы. Откуда же произошла разница ихъ именія? Но звукъ сѧнь однороденъ въ китайскомъ съ си, еїи же и бы не представляютъ никакого затрудненія. И опять, даже самое название Ши-юй не дано имъ было Китайцами, какъ общее по восполнению о Синьбайцахъ, подобно тому, какъ они вспомнили еще позже о Су-шэнляхъ, и подобно тому, какъ слово Чжурчжэнъ пере-

девалось другими иероглифами (Су-цинь), стали писать, конечно и Цинай, отъ Синьби. Слово диво, либо и нынѣ въ монгольской языке звучитъ деревосоль, если такъ, то первоначально извание Шиба давалось людимъ крѣпостей для Маньчжуріи это не рѣдкость; есть маньчжурскія слова: сибъ — ватычка, сибжидъ — ватыкар. Но если присматривать въ китайскомъ то, являются слова *ши камень*, *ши окружность*. Не значитъ ли монгольское *шира* каменная ограда? О Синьбійцахъ говорится, что они удалились въ горы отъ Хунновъ и тамъ укрылись; изъ нашей Сибири должны были быть также крѣпости; въ исторіи дома Тобе, принесшаго оттуда, можно говорится ѿбъ этомъ.

Подымаемся въ еще болѣе отдаленное прошлое Фу-юй и Морхспади мы застаемъ въ Маньчжуріи народъ *Ву-ти и И-лоу*, обозначаемыхъ еще общимъ именемъ Дунь-ху; раньше ихъ, кроме полуисторическихъ Сушаний, мы уже никого не знаемъ. Слово *Ву-ти* легко, узнать въ нынѣшнемъ маньчжурскомъ Вэ-дэй — лѣсистая местность, и по описанію ясно видно, что народъ жилъ въ лѣсахъ. Еще позднѣе, только другими иероглифами, писали царство Воды, участвовавшее въ дровосѣченіи, а, отчасти, и въ населеніи Японіи. Только Японцы слово Воды читаютъ Кудари, и странная, вещь, недалеко отъ Китая есть и теперь поселеніе и крѣпость Кудара; вотъ какъ даютъ записецъ и какъ долго сохранились маньчжурскія извания. Но вѣдь, и самая Седенга есть маньчжурское слово: садна, роса. (Былъ, не татарское ли Янги-су — новая рѣка, что показываетъ, что Турки пришли сюда послѣ; название кѣмъ значить, на корейскомъ языкѣ — золото, а Корейцы пришли съ сѣвера).

Для насъ болѣе интересно, извание *И-лоу*. Объ этомъ народѣ говорить, что онъ жилъ въ ямахъ и, содержалъ скінѣй. И донынѣ въ маньчжурскомъ языке сохранились слова: *ишу* пещера и *илю* большой боровъ; склонительно, для объясненія слова И-лоу, быть, затрудненія. Но мы думаемъ, что объясненіе И-лоу черезъ йлу скінѣй, будто замѣнительно. Извѣстно, что маньчжурскіе лѣса, богатые дубомъ, весьма удобны для разведения скінѣй; и теперь ихъ съ береговъ Амура волочатъ въ Пекинъ. Скінѣи всего хуже могутъ быть разводимы въ степяхъ; едва-ли они были въ большомъ количествѣ и въ осѣдломъ, Туркестанѣ до принятия ислама. А какое первое общее извание Маньчжуріи встрѣчаемъ мы у Китайцевъ: Дунь-ху, то-есть, восточные ху! Не отсюда ли, съ одной стороны, произошло извание Тунгусовъ, и съ другой, въ турецкихъ языкахъ извание скінѣи сковоръ дунгувъ?..

Но что значитъ китайское: дунъ ху? восточное ху. Что же значить это ху? Есть ли оно чисто китайское слово, даваемое инородцамъ, если пришло было послѣ, и даже исключительно западнымъ, или само появилось въ замкѣ съ именемъ народа, близко подходящимъ къ ху? ¹⁾.

Въ послѣднемъ смыслѣ указываетъ ламъ на Уйголовъ, въ имени которыхъ можно было бы видѣть родственное ху, тибетское хоръ. Но едино и послѣднее, появилось еще не позже названія Уйголовъ; и почему хоръ не обнаружено вполнѣ происхожденіемъ ху, такъ какъ китайскія слова несъмъ легко могутъ явиться въ другихъ языкахъ съ окончаніями на р., с., с. и т. п. Но въ происхожденіи ху есть имѣни Хунногъя и сомнѣваться: уже у Сыма-Цзина фразы ху'скія, слова ху'скія, обычай относятся исключительно къ Хуннамъ. Слѣдовательно, исторіи говорятъ намъ ясно, что и восточные ху не были заимствованы отъ Хунногъя, можетъ-быть, и не языку. Уклоненіе Сыньбайцевъ, Ухумей не обнаружаетъ еще различія въ племена. Оттого-то, съ паденіемъ Хунногъя, на ихъ земли появляются Шивайскіе, то-есть, Маньчжурскіе народы.

Замѣтимъ, что Китайцы, называвъ Маньчжуровъ Дунъ-ху, никогда

1) Нельзя не обратить вниманія на странную аналогію. Греки называли всѣхъ инородцевъ варварами, Китайцы же—ху; если слово варваръ происходит отъ греческаго φαρράρει, говорю вадорно, то и по китайски выходитъ то же—(ху-шо); Русскіе всѣхъ говорящихъ не по руски называютъ Нѣмцами, а Индѣйцы—уттара-гуру, чтѣ, по тибетскому переводу, значить неслышимый звукъ, непонятный или непрѣятный голосъ. Если изъ латинскаго *barba* вышло бы, что подъ именемъ варваровъ разумѣли бородатыхъ, а такими бородатыми, какъ нарочно, представляются Персы изъ древнихъ памятникахъ, то и въ китайскомъ хузначить также борода. Но слово Парсы едва-ли не значило тигровъ, въ монгольскомъ барсь; Персы, известные подъ именемъ Тачниковъ, въ тибетскомъ называются Дақъ-санкъ, чтѣ значить также тигръ и барсь. Затѣмъ и въ китайскомъ языке хузначить также тигръ. Что за странное совпаденіе! И повторю, именно это значило бы, что Китайцы, сами безбородые, называли бородатыми тѣхъ сосѣдей, которые дѣйствительно отличались втімъ качествомъ. Нынѣ мы этого не видимъ. Но кто знаетъ, не распространялось ли вѣкогда гораздо далѣе на востокъ бородатое племя, и не обезобразила ли его китайская пріятель, какъ она обезобразила и сосѣдніе языки?

По исторіи мы знаемъ одно, что еще около VI столѣтія нашей эры, на западъ отъ Хотана жили все народы съ вдернутыми носами и впалыми глазами. Не простирилось ли въ прежнее время это краинское племя далѣе на востокъ. Не переселила ли его китайская раса, ошибочно называемая (пора бы это изъвѣсить) монгольскою, какъ она осилила и языки?

не упоминаютъ ни о западныхъ, ни о сѣверныхъ ху, а всѣхъ про-
чихъ называютъ просто ху.

Но вотъ что замѣчательно. Пробѣгая названія маньчжурскихъ народовъ, мы могли, думаю, безъ большой паталки объяснить эти названія съ помощью или маньчжурского, или китайскаго языка. Что маньчжурскій языкъ существовалъ около нашей эры, мы могли указать на томъ основаніи, что съ того времени до нынѣ сохранились еще хотя иѣвторыя слова. Но что мы можемъ сказать о другихъ народахъ? Какимъ языкомъ мы объяснимъ, напримѣръ, название Жужаней? Ни въ одномъ, взятомъ нами, средне-азиатскомъ языкѣ (кромѣ китайскаго), неѣть буквы ж, а тутъ ихъ даже двѣ. На бѣду оказывается, что европейскіе синологи сдѣлали важный промахъ, прочитавъ название этого народа Юэ-чжи, тогда какъ (если вѣрить тѣмъ же Китайцамъ, которые велиятъ читать Шамью, а не Чанью) это имя надобно читать Жоучжи, и такимъ образомъ, вогибаютъ всѣ выводы, которые quasi-ученые, обработывающіе исторію народовъ, о языкахъ которыхъ они вовсе не имѣютъ понятія, сдѣлали изъ этого названія¹⁾.

Какъ бы то ни было, постараемся припомнить иѣвторыя со-
ображенія, кои приходили намъ на умъ при чтеніи китайскихъ ис-

¹⁾ Надобно замѣтить, что іероглифъ юу, сходный по начертанію съ юе, не употребляется нынѣ въ этой формѣ; есть еще также сходные іероглифы, читаемые юо — шапка, чжоу — лодка (Чжоучжи—Чжучжи? у западныхъ жителей Чжучъ и Мачжучъ?). Но дѣло не въ томъ, какъ назывался народъ, а какое отношеніе могъ онъ вѣсть къ Китаю, для чего такъ усердно онъ его отыскивается, старается занять на своихъ границы, чтобы бороться противъ Хунновъ; если это были кочевники, занимавшіе незначительное пространство степей, на которыхъ мы видимъ едва известный аймакъ Ччжинъ Тургутовъ (такъ называемыхъ по р. Эчжинъ, которая напоминаетъ имя Юсчики и послѣ, можетъ-быть, перемѣсено на Эчжиль—Волга), то какую большую пользу могъ бы онъ принести, если бы и воротился на старыя иѣсти. Такой ничтожный, побѣженный уже разъ народъ не могъ представлять большаго интереса. Но если мы предположимъ, что до Китая могла дойти слава Грековъ (а какъ бы написали Китайцы это слово? не Юе-чжи ли?), прославившихся побѣдами и высокимъ образованіемъ, проникавшихъ тоже въ Туркестанъ, то мы поймемъ этоискательство Китайцевъ. Какъ имъ стараются китайскіе писатели, оскорблennые мыслью, что гдѣ-нибудь было болѣе высокое чѣмъ въ Китаѣ образованіе, скрыть вліяніе запада, оно было несомнѣнно велико. При тогдашнемъ китайскомъ дворѣ только и говорили что о вновь открытыхъ странахъ, сейчасъ оттуда ввели особый небывалый кульпъ поклоненія кумирамъ, заимствовали, имѣть съ произведеніями, различныя игры, внесли многочисленныя легенды, даже узнали о гесперидскихъ садахъ. Сынъ императора У-ди одѣвался по инородчески. Ужели все это была привадеж-
ностию кочеваго народа?

хочинровъ о народахъ Средней Азіи. Слово Сюнь-ну или Хунь-ну, положимъ, изуродовано по китайски, но оно должно было выработать изъ имена самого народа, — потому что, по всей вѣроятности образовалось изъ болѣе древнихъ Синь (Хинь, Хи) юнь-ей. Но почему до сихъ поръ не обратили вниманія, что въ монгольскомъ языке по-нинѣ человѣкъ называется Хунь, положимъ, хоть и скращенное изъ кумунъ (комони, кумаке, кумохи). Мы не хотимъ этимъ сказать, что Хунны говорили монгольскимъ языкомъ, потому что название человѣка могло остаться въ чужомъ языкѣ по великому значенію народа въ свое время, и что всякий могъ считать себѣ за честь называться Хуннемъ, какъ никогда на западѣ Римляниномъ. Если къ этому названію Хунь прибавить вышеупомянутое Чэнъ-ли (тэнгри) куту, и принять куту за ошибочное кубу, что по монгольски значитъ синь, то мы имѣемъ больше возможности заключать въ пользу монгольского языка, чѣмъ сколько даетъ странное чтеніе о. Іоакима названія хунского хана Мочу или Meté черезъ Модонъ (что хотя по монгольски и значитъ дерево, но самое слово Модонъ есть видоизмененное китайское му-тоу — дерево). Въ названіяхъ другихъ государей, да и не однихъ Чань-юевъ, но и князей, хагановъ и прочихъ, мы не можемъ никакъ положительно сказать монгольскія ли то, или турецкія, или маньчжурская слова. Знаменитое Жоди, въ которомъ Калпротъ хотѣлъ видѣть татарское якши, есть, несомнѣнно, китайское слово сю-ди — сыновия почтительность и братская любовь, какъ сама же китайская исторія говоритъ объ этомъ. Съ натяжкою, пожалуй, Лао-шань Чань-юйя можно произвести въ Тибетца Ловзана, или Ша-болю Кагана въ Сапора, но вѣдь съ натяжкою точно также изъ Тумана можно сдѣлать Тимона и изъ Мэтэ—Дмитря, изъ Лаошана — Александра. Вообще же собственныя имена, если бы мы и открыли ихъ значеніе, не могутъ еще обозначать языка тѣхъ людей, которые назывались этими именами. Европейцы заимствовали свои имена отъ Грековъ и Римлянъ; Монголы нынѣ почти всѣ также носятъ тибетскія имена.

Отъ хунского языка намъ остался единственный памятникъ въ фразѣ: сю чжи тилей гянъ, Цугу туюуданъ, что должно значить: войско выйдетъ, Цугу будетъ схваченъ. Когда въ 328 году Шилэ хотѣлъ начать войну съ Ши-ѣ, званіе которого на хунскомъ языкѣ было Пугу (оно сохранилось и позже, встрѣчается и у Уйголовъ: Пугу—Хуай Энь), то Футучэнъ, покровительствуемый Шилэ, прослы-шаль въ звукахъ колокольчиковъ, высѣвшихъ на кумирѣ, эту фразу.

Какъ ни звучить эта фраза по турецки двумя словами окончанием на *анъ* (сроднимъ съ тибетскимъ) и *данъ*, однако она никакъ не поддается и глубокимъ знатокамъ турецкаго языка, къ которымъ я обращался. Пусть поищутъ ея объясненія въ языкахъ финскихъ или венгерскомъ: это было бы драгоценное подтверждение историческихъ догадокъ о движениі народовъ съ востока на западъ. Но пока мы позволимъ себѣ и въ этой фразѣ видѣть ломаный китайскій языкъ: сю чжи войско, не есть ли кит. *му* — нѣсколько, много всадниковъ, конница (*и* слышится въ нынѣшнемъ монгольскомъ наименіи войска: циркъ), ти лэй — не есть ли кит. *чудай* — выйти; въ скорѣ тугу схватить слышится китайскій глаголъ: *ху* — брать въ пленъ; относительно *му* я колеблюсь какими китайскими корнями объяснять это слово; всего ближе тутъ можетъ быть *да* — получить, которое, какъ мы видѣли, въ монгольскомъ и тибетскомъ превращено въ *ду* и *дуръ*, но есть также китайскій глаголъ *тунъ* — держать въ рукахъ браады; что касается до *цзянъ* и *данъ*, то это тоже не китайски ли слова: *цзянъ* намѣреваться, употребляемое въ смыслѣ когда (то-есть, когда выйдетъ войско), а *данъ* — должно (непремѣнно, ноймасть Пугу). Только одно затрудненіе: по китайски фраза должна быть сформирована такъ: *шу* *ди* *цзянъ* *чу* *лай*, пугу *данъ* *да* *ху*, но можетъ-быть, или хунскій языкъ допускалъ такихъ неправильности, или Футучэнъ по-жертвовалъ правильнымъ сочетаніемъ для риѳмы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ это было звукъ колокольчиковъ, то и нечего было требовать отчетливой фразы; Футучэнъ могъ еще поставить себѣ въ заслугу, что онъ умѣлъ разбирать маленькия неправильности. Если такъ, то что мы должны сказать о хунскомъ языкѣ, какъ не то, что онъ искаженный китайскій, то-есть: что во времена Хунновъ инышие средне-азіатскіе языки были еще ближе къ китайскому, чѣмъ нынѣшний маньчжурскій. Кто-нибудь догадается и возразить, что вѣдь мы имѣемъ передъ собою образчикъ языка Хунновъ, существовавшихъ за столько вѣковъ до Р. Х., только отъ IV вѣка нашей эры, когда, какъ известно, Хуны утратили свою самостоятельность, и жили на границахъ Китая, какъ его вассалы, могли дѣйствительно перенять китайскій языкъ, изуродовать, разумѣется, его по своему и забыть свой родной. Но вѣдь это, впервыхъ, ничего не доказываетъ противъ главной нашей мысли, что средне-азіатскіе языки представляютъ искаженіе китайскаго. Могутъ, на основаніи этого примѣра, доказать только, что инышие средне-азіатскіе языки сложились очень поздно, немногимъ развѣ раньше того времени, когда стали образовываться

иъ лацілскаго языка романскіе. Въторыхъ, кто наимъ доказать, что хунскій языкъ долженъ быть когда-нибудь представлять особенный идіомъ, а не нарѣчіе китайскаго языка? Откуда же взялся подобный? Вѣдь мы уже говорили, что если мы знаемъ, что Жуны и Ди были главными врагами Китайскаго царства, что Сянь-юні вторгались въ него, то это еще не доказываетъ, чтобы они не принадлежали къ китайскому племени. Можно предположить, что народы, населявшие имѣнійшій сѣверный Китай, не хотѣли только покориться тѣмъ политическимъ притязаніямъ, которыхъ изъявила одна часть его, силоченная подъ династіей Чжоу, задавшейся задачею поработить себѣ всѣхъ сосѣдей. Эта династія Чжоу скорѣе всего могла быть сама привною, утратившою языкъ.

Мы уже сказали, что, не зная значенія собственныхъ историческихъ именъ, никакъ нельзя допустить опредѣленія, къ какому языку они принадлежать. Только Вейская история сохранила намъ переводъ нѣсколькихъ словъ: и нельзя не упомянуть изъ нихъ, съ первого взгляда, изуродованныхъ китайскихъ или маньчжурскихъ словъ: Фугудуй постомній, мы показали выше, по маньчжурски будеть акдунь отъ китайскаго дунъ; Чудо—должно значить—точно,—правда по китайски ши ё! (ш—въ ч), по маньчж. яла; Шоулобучжень — милостиній отъ кит. шоулѣ давать, бужань к. буши поданіе, монг. буань—добroe дѣло. Дау лофуба дау дай законодатель, дороженъ да...? Таханъ преемникъ, мж—дахамби слѣдоватъ, гашэнгай—побѣдоносный кит. шенъ—побѣждать.

Слѣдовательно, присутствіе китайскаго языка въ Средней Азіи продолжалось и въ IV, и въ V столѣтіяхъ. Но мы видимъ его уже болѣе растянутымъ, чѣмъ приведенные хунскія фразы. Мы намѣчаємъ изъ немъ слова маньчжурского характера, какъ это и доказывается распространениемъ племени Ши вѣй, и имѣемъ право предположить, что монгольскій языкъ могъ въ то время существовать только далѣе на западѣ.

Если бы мы захотѣли сказать, о какомънибудь названіи древнезаятскихъ народовъ, что оно монгольское, такъ это несомнѣнно о названіи Усунъ. Усунъ (слово родственное съ турецкимъ су, кит. шуй, тиб. чу) значитъ по монгольски вода. Что мудренаго, что монгольскій языкъ пришелъ съ запада! Монголы временъ Чингисхана сохранили еще воспоминаніе, что они жили нѣкогда на западѣ; мы находимъ упоминаніе объ этомъ и въ китайской исторіи. Предки Татарей были Ша-то'сы, жившіе въ Цзюнгаріи¹; захваченные Тибетцами, они были

переселены въ Инь-чжоу, на границы Ордоса, въ съсѣдство иъ Кинданами, и послѣ распространились на съверо-востокъ! Надобно припомнить еще, что Монголы, какъ и Тукиесцы, производили себѣ отъ волка. Монгольское слово чино волкъ существовало, наскѣль названіе поколѣній, уже до V вѣка. Мы можемъ это съѣмѣстъ доказывать изъ исторіи дома Тоба-вэй; потому что въ ней прямо указано, что это поколѣніе послѣ перенименовано въ китайскую фамилию *Ланъ* (а іероглифъ Ланъ значитъ волкъ). Что же касается того, что название фамилии, *Ланъ*, къ которой принадлежали тувинские ханы, произошло отъ чино, то стоитъ только припомнить сказанное нами выше, что въ хоринскомъ нарѣчіи ч переходитъ въ ш, и это ш, какъ мы видѣли выше, еще древнѣе ч. Что Тукиесцы или Турки, основатели одного изъ величайшихъ царствъ, сами сначала могли не говорить тѣмъ языкомъ, который мы называемъ турецкимъ,—это также возможно, какъ вѣрно то, что Татары-Монголы говорили не тѣмъ языкомъ, который мы называемъ татарскимъ. Но все это еще не доказываетъ, что если некоторые Монголы, не имѣвшіе ничего общаго со Средне-азіатцами, и пришли съ запада, то не исчезли между туземцами, какъ гораздо позднѣе Армяне, увѣденные въ пѣнь и составившіе кашиктэнскій аймакъ; это не опровергаетъ также того мнѣнія, что уже и въ тѣ отдаленные времена на такой дальний край, какъ Алтай,— первоначальная родина Турокъ, Тукиесцевъ, должно было отразиться віяніе Китая. Слово *Тукъю* должно было значить племя; на этомъ основаніи о. Ioакинъ и назвалъ ихъ монгольскимъ названіемъ племя—*Дума*. Только странно, какимъ образомъ о. Ioакинъ, ратовавшій за монгольский языкъ, котораго онъ не зналъ, не замѣтилъ, что у него было подъ руками болѣе знакомое ему слово: китайское *Лоу-куй*—шлемъ! Если Монголы позднѣе вставили между двумя складами букву л, то вѣдь также легко можетъ быть вставлена и р (а название Текъ, встрѣчаемое у всѣхъ трехъ народовъ, не имѣть и р). И не надобно съ такимъ трудомъ отыскивать этихъ Турокъ въ монгольскомъ языке; мы имѣсть ихъ въ Торгоутъахъ или Калмыкахъ, принадлежавшихъ Цзюнгаріи, и именно въ ея алтайской части, тъ есть монгольское окончаніе множ. числа (кит. ду), а потому замѣчательно, что самое имя было не *Торю*, а *Торю*, при чмъ окончаніе оу какъ разъ намекаетъ на кит. окончаніе юе въ *Тукъю*.

Итакъ, Монголы, помнившіе свое происхожденіе отъ Турокъ (присходившихъ отъ Хунновъ), легко могли во времена Чингисхана по-

ставить деревомъ слова: Монгъ-гу, что по китайски значить: помнить; носить дреанть, получить дерево.

Къ какимъ ухищрениямъ не прибегали при объясненіи слова Уйгуръ? Рашидъ-еддинъ и Абулгази стараются объяснить это слово изъ турецкаго языка, хотя изъ нихъ словъ выходить, что оно должно обозначать: скакъ, скакъ; только, знаміе турецкій языки затрудняются принять въ этомъ значеніи правильное образованіе по турецки слово Уйгуръ. Видѣть даже название Уйгуревъ въ Фасаневомъ И-у, на южности Хами, кота въ то время не могло быть и помину о какомъ-нибудь союзѣ. Но такимъ образомъ можно легко отыскать Уйгуровъ и въ названіи горы И-у-лой, отдѣлившіхъ Южную Маньчжурію или Ляодунъ отъ Монголіи. Въ познѣшее время попытались объяснить название Уйгуръ чрезъ монг.-туб. лѣсъ и тиб. корь лѣсными хорами. Но почему же такоже слѣдѣть выѣсто лѣсъ не взять было (если бы знали, такъ и взяли бы) тиб. суй средника?

Но вѣдь первое китайское название Уйгуровъ было Хуй-хэ. Перемѣните только подъ тѣмъ же членіемъ іероглифи, и вы получите хой собираться и хэ — соединяться. И вѣдь мы знаемъ, что Уйгуры составляли союзъ даже, можетъ-быть, не однородныхъ племенъ. Общимъ членомъ изъ собрания является городъ Хоринъ—сборный (монг. хураху собираться, а кит. ворень хой). Если всмотрѣться пристально въ характеръ средне-азіатской исторіи, то въ ней нельзя не видѣть всецѣло во всѣ времена продолженія борьбы старого общественнаго строя противъ новыхъ порядковъ, введенныхъ Китайскимъ государствомъ. Обыкновенно Чингисханъ представляется намъ какимъ-то деспотомъ, которому не могло быть ни въ чёмъ противорѣчія; взгляните пристальнѣе, и вы увидите, что онъ не таъ полновластенъ: онъ не самъ провозглашаетъ себя хаганомъ, а провозглашаютъ его князья, съ которыми онъ заключаетъ условія.

Въ Китай больше знать Мухури, чѣмъ Чингисхана; провозгласить наследника до Хубилая не смѣть никто изъ монгольскихъ велителей. Но не то ли же самое мы видимъ у Кунновъ? Мы видимъ, что у нихъ было 24 старшини, князя; Чжуки и Лули являются скопье вассалами, чѣмъ подданными Чанъя.

Я думаю, что союзъ хой хэ такъ названъ быть потому, что въ него вошли народы (лѣсной страны — въ Монголіи, на берегахъ Орхона!) не одного языка, не только монгольского или турецкаго, но даже и тибетскаго. Уже въ Усуньскомъ названіи царя Кунь-мо выѣсто пресловутаго K鰂ig не лучше ли видѣть тиб. конна

государь; татарское окончание настоящаго времени на кит. обще съ тибетскимъ. Не даромъ же один Уйтроверъ таинствъ въ Туркестань, другіе къ Монголамъ, а третыи, нахонецъ, даже къ Тибетцамъ. Въ прятоворахъ исторіи всегда есть свои дома правды.

Чтобы покончить съ монгольскимъ языкомъ, мы еще упомянемъ о нѣкоторыхъ словахъ, сдѣлавшихъ извѣстными въ болѣе позднее время и относящихъ къ управлению. Таково, напримѣръ, чжаса (ча), чтѣ должно значить уложение, учрежденіе; нынѣ это слово заимствовано въ монгольскомъ, какъ сказали выше, новымъ словомъ чагада, не сохранилось въ чжасакъ—названіе предводителя хунтуровъ или улусовъ. Корень этого слова въ монгольскомъ языке есть глаголъ чжасаху (преобразившійся въ маньчжурскому въ дасамби) и значитъ управлять. Не скрывается ли здѣсь китайскій корень часа: упражнять, тѣмъ болѣе, что чжасаху еще значитъ лечить болѣнь, чтѣ свойственно китайскому чжи? Слово изару (маньчж. чжуркань—судь) откуда изару-зикъ указъ, должно производить отъ кит. я. (въ словѣ янунь) судь, подобно тому, какъ монгольское изърмикъ дикий отъ кит. я. О вставлении р мы уже говорили при словѣ түхэс; что насасется до окончания турецк. и монг. ложь, то въ немъ и для другихъ словъ нельзѧ признать искаженія кит. я. въ сортъ, разрядъ. (Здѣсь даже: ложное уложеніе). Равнымъ образомъ монг. ложь надобно принять за кит. яо-й: я переходитъ въ я, какъ въ словѣ ногоракъ, маньчж. нонъ-инъ зеленый—кит. лой.'

Мы уже говорили выше, что слово чжанъчжинъ, встрѣчаемое и въ нашихъ книгахъ, китайское, и значитъ держащій печать. Еще болѣе, особенно по знакомству съ кульджинскимъ краемъ, у насъ сдѣлялось извѣстнымъ слово: дзантъ цзюнь (чжанъ-чжунъ); это тоже чисто китайское слово и собственно значитъ: главнокомандующій, предводитель войскъ, но еще можетъ быть приравнено въ Кульдзѣ и Маньчжуріи къ нашему званію начальника, а въ другихъ мѣстахъ, какъ званіе командира чисто маньчжурского гарнизона къ нашему званію коменданта, или корпуснаго генерала. Но въ отношеніи средневѣковья, когда въ Китаѣ было туземное правительство, оно не скучилось на чинѣ; и нынѣ мы видимъ между Монголами чиновниковъ четырехъ степеней, однакожъ они готовы преклонить колѣни предъ трибуналомъ писаремъ; очень могло статься также, что когда Средне-азиатцы освѣбодились отъ китайскаго владѣчества, то бывши сами охранители, для будущности, его віянія, возводя себѣ сами въ китайские чины; съ этими чинами они желали, можетъ-быть, явиться и въ глазахъ пол-

корнейшихъ частей Рюсскихъ. У напіть Буратъ мы встречаемъ званія: Тайши, Цайсанъ, Шуленговъ и проч. Все это званія китайскія, даваемыі самыми высшими особами. Тайши значитъ великий учитель; съ самыхъ древнихъ временъ это название дается, и то только старѣдка, первому государственному министру. Цайсанъ (у Калмыковъ — зайсанъ) ближе всего значить великий визирь, Шоу линъ, глава старѣшшии — можетъ прилагаться даже къ владѣтельнымъ иностраннымъ особамъ, не внесеннымъ въ списокъ чиновниковъ, следовательно, не получившимъ китайского чина, хотя бы и книжескаго званія. Знаменитое название предшественника, созерена, а послѣ врага Чингисхана — Ванъ-ханъ — значило: ванъ, то-есть царь, (князь) и Канъ. Мы совершенно уѣдены, что известное слово: ху (ху)-ргонъ происходит отъ китайского Хуй-зять, точно также какъ въ синонимическомъ съ нимъ Фу-ма и Табунанъ (ма и маъ одно и то же); скрывается значение мужчины (маъ), мужа жены (фу, сифу, табу). Извѣстно, что всѣ потомки книжескихъ родовъ въ Монголіи, даже прпiedніе въ крайнее положеніе, исправляюще служительскія должности, называются Тайчжими; это слово не что другое, какъ китайское тайцзы—сынъ императора, обывавший наслѣдникомъ престола.

Извѣстное слово тарханъ не есть ли искаженіе китайскихъ словъ: тѣ энъ — желѣзная грамата, которая давалась императорами въ обязательство, что получившему будуть прощены девять винъ; потомъ эти граматы давались, конечно, и ради другиx вольностей, напримѣръ, для освобожденія отъ повинностей. Гораздо ранѣе нашей Тмутиаркани, вѣроятно, принадлежавшей какому-нибудь Тэму Тархану уже, по дорогѣ къ Астрахани (то-есть, городу Хаджи Тархана), упоминается въ исторіи городъ Абу-Тарханъ восточнѣе послѣдней. Такимъ образомъ, это движение слова Тарханъ съ востока на западъ не подвержено сомнѣнію; оно вѣдѣтъ съ тѣмъ опровергаетъ и предположенія о еврейскомъ происхожденіи слова каганъ. Слово Тамга не есть ли память о Танской династіи (съ 620 года), которая раздавала всѣмъ всалымъ владѣтелямъ Азіи печати, чтобы знать, когда они явятся, или пріишлютъ отъ себя кого-либо, съ кѣмъ слѣдуетъ иметь дѣло; замѣтить еще что въ китайскомъ языке есть глаголъ тама—прижигать. Не пускаемся здѣсь въ болѣе подробные толкованія обычаевъ на основаніи исторіи; это заведено бы настолько очень далеко; въ настоящей статьѣ намъ нужно было только указать на присутствіе китайскихъ корней во всѣхъ этихъ соціально-политическихъ терминахъ.

Такъ какъ пріилось говорить о двухъ языкахъ, то постаралось сказ-

зять, то, что знаю, или душица, душаю, и т. о., турецкомъ (тоже, на-
мнѣй..).

Турецкій языкъ представляеть съ китайскими языками, такія тѣ-
сина, отношенія, какихъ мы не видимъ въ монгольскомъ, ни даже
въ маньчжурскомъ, спошедія, принадлежанія къ самой глубокой древ-
ности. Для пригара можетъ служить хоть съѣдущее обстоятель-
ство; въ насташнее время, гдѣсь, по китайски, му (срдно, съ тиб.
мигъ), но въ фунзаньскомъ нарѣчию произносится бахъ, что это не слу-
чайность, то и дерево му — въ фунзаньскомъ также произносится бахъ.
Отъ этого-то бахъ можно производить турецкое ба-какъ глаголь, а
тълько дерево слово бакъ! Какъ бы то ни было, турецкія слова:
бекъ — князь, тукъ — знамя, диванъ и чаша, южъ — быть и проч.,
своими окончаніями на согласную указываютъ, что было когда-то время,
когда эти окончанія существовали и въ китайскомъ языке; превраще-
ніе имъ въ шиъ — дѣло, производство башъ, головъ отъ шоу якши
отъ я (тиб. якъ) и тому подобные случаи свидѣтельствуютъ о давней
разлукѣ двухъ народовъ, жившихъ когда-то смѣжно. Открываю на
удалу одну изъ страницъ недавно вышедшаго турецкаго словаря
Г. Будагова, и на ней въ турецкихъ словахъ находимъ по порядку
цѣлый рядъ китайскихъ корней: *тао* хитрость, кит. *tao* сѣть и хи-
трость; *яуй* пухъ, волосъ кит. *циу*; *шомъ*, ширъ кит. *дуй* толпа; *муйбу*
притворный, кит. отступать, скрывать шаги. Г. Хвольсонъ открыть
въ китайскихъ, даматникахъ слово Бакши, учитель. Если произво-
дить его отъ слова баимакъ — смотрѣть, то мы указали, что корень
этого глагола существуетъ и въ Китаѣ; следовательно, турецкій
языкъ, синтаксически связанный съ монгольскимъ и маньчжурскимъ,
долженъ быть двигаться съ востока на западъ. Едва ли слово
Бакши такъ рано, какъ доказываетъ намъ знаменитый ученый, могло
дойти до Крыма. Но Бакши встрѣчается безъ измѣненія и въ мон-
гольскомъ языке, а въ маньчжурскомъ есть слово факши — фокусникъ,
мастеръ Монгольский (да и турецкій также) не имѣть ф; они
естественно должны были замѣнить его на б. Корень *ба-какъ* скры-
вается въ китайскомъ *фа*, что значитъ и законъ, и хитрость, и ча-
родейство; знаменитымъ буддійскимъ личностямъ часто дается титул
фа-ши (учитель закона). Такъ какъ я твердо увѣренъ, что название
Шаманъ происходитъ отъ Шраманъ, произносимаго по китайски ша-
манъ, то что удивительного, что и название фа-ши, въ формѣ факши,
въ Маньчжуріи приняло значеніе фокусника? Но если настаивать на
древности слова бакши, на появление его прежде распространенія

и Китай буддизма; то и тогда ежъ можно объяснить соединениемъ двухъ китайскихъ словъ, съ давнаго времени значащихъ учитель и руководитель, *боо* и *мао*.

Скажемъ не съ увѣренностю, но въ видѣ предположенія то, что мы думаемъ на счетъ турецкаго языка (этотъ предметъ требуетъ глубокихъ изысканій). Турецкий языкъ составляетъ западную отрасль одного общаго среднеазиатскаго языка; если нельзя не упомянуть въ немъ корней китайскаго, то точно также замѣчается въ немъ и влияние или прямѣйъ тибетскаго. Но родина этой отрасли должна быть ближе къ востоку, чѣмъ наивѣшній китайскій Туркестанъ. Тамъ мы находимъ еще въ историческихъ временахъ всѣ признаки неарийскаго племени и по наѣзу и по облику. Если мы теперь видимъ преобладаніе китайско-монгольского типа въ китайско-турецкаго нарѣчія, то знать такое преобладаніе возможно. Нѣть необходимости видѣть въ такъ называемыхъ турецкихъ народахъ аборигеновъ Туркестана, Цзюнгаріи и даже Киргизскихъ степей. О постепенномъ и сильномъ распространеніи Китайцевъ въ Туркестанѣ мы находимъ ясное свидѣтельство въ исторіи; но подъ именемъ Китайцевъ нельзѧ разумѣть непремѣнно говорившихъ чисто китайскимъ нарѣчіемъ. Въ Монголіи существовали Китайцы еще задолго до Хунновъ, а въ Маньчжуріи они появились всего ранѣ.

Спрашивается, какія слова въ китайской исторіи напоминаютъ намъ турецкія? Намъ извѣстенъ домъ Тоба, царствовавшій въ сѣверномъ Китаѣ въ V и VI столѣтіяхъ, владѣвшій въ то же время всей Средней Азіей. Вотъ этотъ то домъ мы и считаемъ разсадникомъ турецкихъ народовъ. Никто еще не занялся хорошошенько разработкой очень подробно изложенной на китайскомъ языкѣ исторіи этого дома; онъ-то и сосредоточилъ всѣ прежде него кочевавшія подъ стѣнами Китая варварскія племена соотечественниковъ Шивэ, Мужуновъ, и съ того времени въ китайской Туркестанѣ постоянно подвигаются новые обитатели. Географическія названія перемѣняются арійскій типъ на турецкій. Слово *тоба* должно значить по китайскимъ источникамъ: земля—можно видѣть, следовательно, въ немъ составъ двухъ словъ: кит. *ту* и маньчж. *би* — то и другое значить земля. Правда, такое сліяніе вовсе не удивительно; намъ рассказывали, что и теперь въ сѣверо-западной части Китая обитаетъ народъ *Долоты*, которыхъ языкъ состоять изъ смѣшанія трехъ соѣдніхъ языковъ; такъ, на ихъ нарѣчіи лошадь называется *рда-мори-ма*, то-есть, *рда*—тибетское, *мори*—монгольское, *ма* — китайское название лошади. Но дѣло въ томъ, что

земли по турецки называется *шомракъ*. Я познакомился въ Нежинѣ съ однинъ магометаниномъ, дѣдъ котораго былъ переселенъ изъ Туркестана, по его завоеваніи; онъ зналъ еще языки своихъ предковъ, но уже произносилъ по китайски, то-есть, такъ, какъ Китаецъ выговариваетъ иностранные слова. Я съ изумлениемъ узналъ отъ него, что земля по туркестански называется Тоба. Турецкое название шапки: буюнъ, онъ произносилъ мужунъ, и мнѣ сейчасъ вспомнилось, что известные Саньбайцы Мужуны, овладѣвшіе было сѣвернаго Китая, выражались у нихъ домомъ Тоба, прозваны были такъ потому, что носили особый родъ шапки, называемый по китайски бу-ю. Но, съ другой стороны мы имѣемъ столько свидѣтельствъ, что Мужуны и Тоба принадлежали болѣе къ маньчжурскому племени! Можна сомнѣваться въ томъ даже, что въ это историческое время всѣ сказанные языки выдѣлялись такъ рѣзко, какъ они представляются намъ нынѣ.

В. Васильевъ.

КРИТИЧЕСКИЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЯ ЗАМѢТКИ.

НОВЫЙ ИЗДАНИЯ ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ СЕМИЛѢТНей ВОЙНЫ.

I.

Leopold Ranke. Der Ursprung des siebenjährigen Krieges. (Л. Ранке. Начало Семилѣтней войны). Leipzig. 1871.

Въ послѣднее время именіе изъ нѣмецкихъ историковъ приобрѣли въкоторое значение въ политической жизни. Драйзенъ, Дальманъ, Германнусъ и пр. играли довольно важную роль въ исторіи Франкфуртскаго парламента 1848 года. Другие, какъ напримѣръ, Гейссера, Трейчке, Ренель (Röpell), довольно часто были членами законодательныхъ собраний, участвовали въ публицистикѣ, были представителями политическихъ партій. Однаждѣ знаменитѣйший изъ нѣмецкихъ историковъ, Ранке, оставилъ почти совершенно чуждыя участію въ политической дѣлѣ. Хотя онъ и состоялъ въ 1848 г. членомъ Франкфуртскаго парламента, но съ тѣхъ поръ исключительно былъ занятъ учеными трудами.

Ранке, какъ мы уже не разъ говорили, отличается отъ многихъ другихъ историковъ объективностью. Его, по видимому, мало интересуютъ политические вопросы, занимавшіе или занимавшіе историковъ Гейдельбергской школы — Шлюсера, Германнуса, Гейссара, Трейчке. Въ глубокой тишинѣ своего кабинета онъ изучаетъ прошедшее; оттуда онъ по возможности беспристрастно наблюдаетъ за событиями настоящаго, явившимися спокойнымъ зрителемъ, всмѣхомъ, чуждымъ удовлетворенія национального чувства, и разными образомъ внимательно слѣдитъ за развитіемъ всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ.

Только одно изъ прежнихъ сочиненій этого историка можетъ счи-
таться вѣсколько односторонне-патріотическимъ, а именно его „Neue

Bücher preussischer Geschichte (въ трехъ томахъ). Всѣ другія, напротивъ того, написаны въ духѣ безусловнаго космополитизма.

Тѣмъ болѣе достойно вниманія то обстоятельство, что важныя события 1870 и 1871 годовъ заставили его посвятить себя изученію одного изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ изъ исторіи Пруссіи, а именно, изслѣдованію причинъ Семилѣтней войны. При общемъ волненіи въ Германіи по случаю разрыва между Франціей и Пруссіей, при живомъ участіи, которое принимали въ этихъ событияхъ профессора и студенты германскихъ университетовъ, Ранке, не разстававшись нырочемъ со своими учеными занятиями, далъ имъ направлѣніе, соотвѣтствовавшее духу современной политики. Въ предисловіи къ своему послѣднему труду онъ говорить въ этомъ отношеніи слѣдующее: „Послѣ открытия военныхъ дѣйствій въ 1870 году настало время, въ продолженіи котораго невозможно было обратить вниманіе на что-либо, не состоявшее въ связи съ этой войною. Въ виду рѣшавшейся чрезъ объявленную Франціей Пруссіи войну судьбы Германіи и Европы, взоръ историка обратился къ тѣмъ событиямъ отдаленнаго времени, которыхъ подготовили такое столкновеніе, а именно, къ войнѣ 1756 года. Очевидно, послѣдняя не началась бы безъ союза Франціи съ Австріей... Я не могу не сознаться въ томъ, что въ то время, когда молодое поколѣніе готовилось къ участію въ войнѣ, во время нового разрыва, я возвращался къ занимавшему меня уже когда-то предмету, потому что послѣдній состоялъ въ соотношеніи съ начавшемся громадною борьбою. Этимъ я могъ заняться. Соответствіе событий дѣлало менѣе чувствительными различія эпохъ“.

Дѣйствительно, изучая новѣйшее сочиненіе Ранке, нельзя не замѣтить аналогіи между войнами 1870 и 1756 г. И при Фридрихѣ II, и въ настоящее время война рѣшила вопросъ о значеніи Пруссіи въ Европѣ. Хотя въ 1756 году, при недостаточно развитомъ политическомъ состояніи Германіи, нельзя было думать объ общемъ устройствѣ германскихъ дѣлъ путемъ прусской гегемоніи, тѣмъ не менѣе возвышение Пруссіи до степени первоклассной державы уже предѣщало коренную перемѣну въ устройствѣ Германіи. Уже тогда можно было предвидѣть, что центръ тяжести германского политического организма перейдетъ отъ Австріи въ Пруссію. Чрезъ приобрѣтеніе Силезіи Пруссія уже получила нѣкоторый перевѣсъ надъ Австріей; война 1756 года была попыткою со стороны враждебныхъ Пруссіи державъ лишить послѣднюю значенія, приобрѣтенного ею въ ряду германскихъ и европейскихъ державъ. Сто-десять лѣтъ спустя, со-

бития 1866 года были первыми значительными шагами въ политическому разрешению германского вопроса. Въ них же 1870 года была попытка Франціи воспрепятствовать этому окончательному устрою Германии. Обѣ попытки оказались неудачными. Важность условиѳ для дальнѣйшаго политического развиѳния Германии было то обѣщаніе, что, несмотря на всѣ затрудненія и опасности, въ Семилѣтней войнѣ Пруссія устремлена въ борьбу съ большинствомъ Европы. Подобно тому въ постѣдней войнѣ успѣхи германскаго оружія были условиѳмъ образования Германской имперіи. Для Франціи въ поизднее время битва при Садовѣ казалась также ударомъ, какимъ была потеря Силезіи для Австріи въ половинѣ XVIII столѣтія. Торжество Пруссіи и тогда, и теперь было для Европы событиемъ чрезвычайной важности.

Въ продолженіе тѣсколькихъ десятилѣтій Ранке собираетъ матеріалы для исторіи событий 1756 года. Неоднократно посѣщая онъ Англію, въ архивахъ и библиотекахъ которой изучалъ исторію сближенія Англіи съ Пруссіей. Уже въ 1848 г., находясь въ Парижѣ, онъ, благодаря покровительству, оказанному ему министромъ историкомъ Гизо и директоромъ государственного архива Минье изучалъ редакціи герцога Нижерунта, бывшаго въ 1756 году французскимъ посланикомъ въ Берлинѣ. Равнымъ образомъ, съ давнихъ поръ ему были известны изъ Берлинскаго архива, между прочимъ, дѣловыя бумаги кабинетныхъ министровъ Фридриха Великаго, Подевильса (Podewils) и Финкенштейна. За то лишь въ самое послѣднее время Ранке имѣлъ возможность познакомиться съ содержаніемъ весьма важныхъ документовъ, относящихся къ вопросу о разрывѣ 1756 года и находящихся въ Вѣнскіхъ архивахъ. Австрійскіе архиваріусы, а между ними главнымъ образомъ Ариетъ и Вольфъ, въ послѣднее время намечали богатыя коллекціи документовъ, весьма ценныхъ при изученіи исторіи царствованія Маріи Тересіи, Іосифа II и пр. Такъ, напримѣръ, Ранке при изученіи своего предмета съ большими успѣхомъ могъ пользоваться данными, заключавшимися въ сочиненіи Арнета: „*Maria Theresia nach dem Erbfolgekriege*“. Изъ бумагъ, найденныхъ самимъ Ранке въ Вѣнскомъ государственномъ архивѣ, где онъ работалъ осенью 1870 года¹⁾, особенно богатыми содержаніемъ оказались до-

¹⁾ Рассказываютъ, что Ранке встрѣтился въ Вѣнѣ съ вышшимъ президентомъ французской республики, съ которымъ съ давнихъ поръ былъ знакомъ, какъ съ ученымъ историкомъ. Тверь тогда путешествовалъ по Европѣ въ надеждѣ достижения мира для Франціи на болѣе выгодныхъ условияхъ. Оба

чесенія австрійского посланника въ С.-Петербургѣ, Эстергази, Изъ якогъ докосей видно, какъ въ Петербургскому кабинету царилась и разинвалась мысль объ участіи въ войнѣ Австріи противъ Пруссіи.

Історія начала Семилітней войны, говорить Ранке, есть вмѣсть съ тѣмъ и исторія большаго европейскаго кризиса. Изображеніе послѣдняго представляетъ затрудненія именно потому, что нельзѧ разказать иначе, какъ поочередно, всѣ тѣ события, которые совершились не поочередно, а одновременно. Въ своемъ сочиненіи Ранке раздѣляетъ весь матеріалъ на слѣдующія труды. Отъ сначала говорить о Силезскихъ войнахъ, а затѣмъ объ отношеніяхъ между Англіей и Франціей, между Австріей и Англіей, и между Австріей и Франціей. Даже слѣдуетъ разказать объ образѣ мыслей Фридриха II, о заключеніи союза между Прусскимъ королемъ и Англіей, о пребываніи герцога Нивернса въ Берлинѣ, о сближеніи между Австріей и Франціей, объ отношеніяхъ Россіи къ этици державамъ, о заключеніи Версальскаго договора и о томъ, какъ этотъ договоръ подѣльствовалъ на образъ дѣйствій Англіи и Пруссіи, Нарвонецъ, говоритъ уже о разрывѣ и открытии военныхъ дѣйствій.

Къ важайшимъ изъ этихъ вопросовъ должно отнести образъ дѣйствій Версальскаго кабинета, находившагося въ началѣ царствованія Фридриха II въ союзѣ съ Пруссией, и затѣмъ, въ 1756 годѣ, промѣнявшаго этотъ союзъ на тѣсную дружбу съ Австріей. Такая перемѣна сильно подействовала на всѣ европейскія дѣла...

Ранке указываетъ на дѣйствія борьбы между Англіей и Франціей, имѣвшую въ XVIII рѣкѣ общепріорическое значеніе уже потому, что решеніемъ вопроса о преобладаніи той или другой державы обсуждалось преобладаніе германскаго или романскаго племени въ Северной Америкѣ, въ Вестіндіи и Ост-Індіи. Борьба эта была тѣмъ серьезнѣе, что Франція хотя и приближалась уже къ страдальному бризису и страдала отъ всевозможныхъ недостатковъ старого порядка, все еще располагала весьма значительными средствами въ внешней политикѣ и имѣла большое значеніе чрезъ свою обширную колоніальную систему. Произведенія французскихъ колоній, напримѣръ, сахаръ и индиго, являлись на всѣхъ рынкахъ; рынки лодки Фран-

историка однажды обѣдали вмѣстѣ. Бесѣда наконецъ коснулась и политики. «Противъ кого вы сражаетесь?» спросилъ французскій дипломатъ-историкъ французскаго ученаго, указывая на удаление Наполеона, какъ главного виновника войны. «Противъ Людовика XIV», спокойно возвратилъ историка-дипломата, Ранке.

дунъ находились въ прѣтущемъ состояніи. Сиошенія Франціи съ ея волонтерами были особенно оживленны; торговля съ Гвинеей находилась въ рукахъ Французовъ; при устьѣ рѣки Сенегала находилась важная французская крѣпость Сен-Луи (St.-Louis); французская Ливанская компания занималась самыми выгодными коммерческими дѣлами; французские шкиперы успѣшио соперничали съ англійскими въ Сиріи; французская мануфактурная издаѣла на рынкахъ Константино-поля и Смирны дѣнились выше англійскихъ. Къ тому же Франція со-хранила еще важное политическое значеніе въ Европѣ, поддерживая, напримѣръ, сильную партію въ Швеціи, имѣла большое вліяніе на дѣла въ Польшѣ, состояла въ связи со многими государствами въ Гер-маніи, представлявшей часто самыя благопріятныя условія для рас-пространенія вѣса и усиленія Франціи въ обще-европейскихъ дѣлахъ. Со временемъ присоединенія Лотарингіи и Эльзаса къ Франціи, эта по-слѣдняя держава привыкла смотрѣть на Германію какъ на страну, заключавшую въ себѣ матеріалъ для ея территоріального увеличенія.

При такомъ положеніи и значеніи Франціи вопросъ о томъ, будеть ли она союзницей Австріи или Пруссіи, могъ считаться роковымъ для всей Европы, въ особенности же для Германіи. Съ давнихъ порь существовалъ антагонизмъ между Габсбургской династіей и Франціей. Борьба между ними продолжалась исколько вѣковъ; и верхняя Ита-лия, и западная Германія, и Нидерланды, и даже Испанія были теа-тромъ постоянно возобновлявшихся войнъ между Франціей и Австріей. Знаменитѣйшіе министры и полководцы обѣихъ державъ употребляли лучшую долю своихъ способностей, силъ и средствъ для этой борьбы. Сама Марія-Терезія испытала значеніе этой вражды въ то время, когда въ началѣ ея царствованія возникъ вопросъ объ австрійскомъ наслѣд-ствѣ и повелъ къ войнѣ, въ продолженіе которой Марія-Терезія лиші-лась Силезіи. Тогда именно Франція содѣствовала къ унижению Австріи.

Если принять въ соображеніе всѣ эти происшествія до 1756 года, нельзя не удивляться важной перемѣнѣ, случившейся предъ началомъ Семилѣтней войны. Ранне посвящающій исторіи сближенія Австріи съ Франціей три главы своего сочиненія (8-ю, 10-ю и 11-ю) и подробно разказываетъ объ образѣ дѣйствій австрійскихъ и французскихъ мини-стровъ и дипломатовъ. Въ Австріи появилась мысль о возможности приобрѣсти вновь Силезію съ помощью Франціи. Для этой цѣли австрійскій посланникъ во Франціи, графъ Штарембергъ, открылъ переговоры съ аббатомъ Берни, бывшимъ тогда чѣмъ-то въ родѣ

министра иностранныхъ дѣлъ во Франціи, и съ маркизомъ Помпадуръ, вдѣлание которой при французскомъ дворѣ заставило и графа Кауница обратиться также къ этой женщинѣ съ письмами, въ которыхъ предлагались дружба и союзъ Австрии. Подробности обѣ этихъ бесѣдахъ и перепискахъ, въ которыхъ обнаруживается необыкновенное дипломатическое искусство дѣйствующихъ лицъ, весьма привлекательно разказаны въ сочиненіи Ранке, при чёмъ указывается на то, что австрійскій кабинетъ, сближаясь съ Францией, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на интересы Германіи.

Что дасается до переговоровъ между Австріей и Францией, то Ранке, благодаря тщательности своихъ изслѣдований, былъ въ состояніи, однорогрнуть общеизвестное и подтвержденное во множествѣ цитатъ преданіе, будто жажда мести и желаніе возвратить себѣ Силезію заставили Марію-Терезію забыть достоинство своего происхожденія и чистоту своего характера до того, что она написала письмо къ маркизу Помпадуръ, въ которомъ называла ее „своимъ любезною кузиной“, и что очарованная этимъ письмомъ маркиза склонила Людовика XV къ войнѣ противъ Фридриха Великаго. Дѣло въ томъ, что Марія-Терезія никогда не писала такого письма, а ограничилась отправленіемъ къ маркизу Помпадуръ кое-какихъ неособенно цѣнныхъ подарковъ. Рассказъ о письмѣ императрицы, какъ Ранке старается доказать въ четвертомъ приложеніи къ своему сочиненію, въ разборѣ стечения достовѣрности книги Дюкли (*Duclos*) „*Histoire des causes de la guerre de 1756*“,—ни болѣе ни менѣе, да и легенда. Несомнѣнно, что министръ Маріи-Терезіи въ одномъ весьма лестномъ для маркизы письмѣ 1756 года называлъ ее между прочимъ „любезнейшую женщиною во всемъ мірѣ“, и что дѣйствительно, при англійскомъ и французскомъ дворахъ ходили тогда слухи о письмѣ Маріи-Терезіи къ маркизу Помпадуръ, въ которомъ послѣдня была названа „ma cousine“; но впервыхъ, такого письма не существуетъ въ архивахъ, и во вторыхъ же, Марія-Терезія въ частномъ письмѣ къ курфирстинѣ Саксонской Маріи-Антоніи, въ которомъ она безъ сомнѣнія была совершенно откровенна, говорить, что слухъ насчетъ этого письма лишень всякаго основанія¹⁾). Впрочемъ вопросъ, о томъ, писала ли

¹⁾ Подлинникъ письма Маріи-Терезіи къ Маріи-Антоніи находится въ Дрезденскомъ архивѣ. Это письмо опубликовано впрочемъ уже въ 1857 году завѣдывающими Дрезденскій архивомъ г. Веберомъ. Такоже и Фиштумъ, въ своемъ сочиненіи «*Gesetzmässige des sachsenischen Cabinets*», I. 338 (1866), указываетъ на это письмо.

сама Мария-Терезия такое письмо, или не писала, не можетъ счи-
таться особенно важнымъ. Нельзя отрицать того, что маркиза Пом-
падуръ въ переговорахъ между Австріей и Франціей о составленіи
коалиціи играла весьма важную роль противъ Фридриха Великаго, и
что австрійскіе дипломаты при французскомъ кабинетѣ достигли своей
цѣли не иначе какъ при помощи личнаго содѣйствія и влиянія маркизы,
чрезъ которую графъ Штарембергъ дѣйствовалъ на короля, и посред-
ничество которой имѣло быть послѣдствіемъ названо столько же по-
лезнымъ, сколько необходимымъ.

Рѣшеніе французскаго кабинета, противорѣчившее ко всѣмъ прет-
даніямъ и прежнимъ интересамъ Франціи, вступить въ тѣсную дружбу
съ Австріей имѣло большое влияніе на характеръ событій, слѣду-
ющихъ за этимъ десятилѣтіемъ. Такъ, напримѣръ, союзъ Австріи съ
Франціей значительно измѣнилъ образъ дѣйствій послѣдней въ от-
ношеніи къ Польшѣ и Турціи. Союзъ Франціи съ Австріей не доз-
волялъ Франціи препятствовать раздѣламъ Польши, использовавшейся
до того покровительствомъ Франціи. Со времени Франциска I, поддер-
жаніе Турціи противъ Австріи считалось однимъ изъ важнѣйшихъ
правилъ вѣнѣцій политики Франціи. Теперь же нужно было отка-
заться отъ такого союза съ Оттоманской Портой. Такимъ образомъ,
во всѣхъ почти европейскихъ дѣлахъ совершилась перемѣна чрезъ
союзъ Австріи съ Франціею. Прежня условия сохраненія политиче-
скаго равновѣсія въ Европѣ уступили мѣсто совершенно новымъ.

Любопытно то обстоятельство, что въ то самое время, когда при
дворѣ Людовика XV лишь весьма немногія лица, а именно маркиза Пом-
падуръ и аббатъ Берни были сторонниками Австрійского союза, да
терпь Парижская выходила изъ себя отъ радости при торжественномъ
объявленіи Версальскаго договора, болѣе опытные и осторожные го-
сударственные люди, какъ напримѣръ, маркизъ д'Аркансонъ и дру-
гіе представители старой дипломатической школы желали сохраненія
тѣсной связи съ Пруссіей и не ожидали особыхъ выгодъ отъ мо-
вой коалиціи съ Австріей.

Вступая въ союзъ съ Австріей, Франція въ отношеніи къ одному
изъ важнѣйшихъ вопросовъ вѣнѣцій политики, а именно въ отноше-
ніи къ австрійскимъ (прежде испанскимъ) Нидерландамъ, впала въ
довольно странное противорѣчіе. Нидерланды въ продолженіи вѣковъ
были яблокомъ раздора между Франціей и Габсбургцами. Теперь же
Франція, состоя въ тѣсной дружбѣ съ Австріей, по настоящему, не
имѣла возможности домогаться присоединенія этой области къ Фран-

ци. Между тѣмъ именно въ это время Франція въ довольно рѣшительномъ тонѣ требовала отъ Австріи уступки Нидерландовъ въ томъ случаѣ, если Силезія будетъ ей возвращена при помощи французскаго оружія. Въ отношеніи къ этому предложению Ранке открылъ въ Вѣнѣскомъ архивѣ весьма важные документы. Изъ этихъ бумагъ видно, что Австрія никоимъ образомъ не хотѣла согласиться на такую капитальную уступку. За то Вѣнскій кабинетомъ было сдѣлано другое предложеніе, по которому Нидерланды, въ случаѣ приобрѣтенія вновь Австріей Силезіи, должны были образовать самостоятельное государство, подъ управлениемъ принца изъ Бурбоновъ на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на которыхъ эти провинціи принадлежали прежде Австріи. Все это однако обусловливалось самими энергичными соображеніями Франціи къ отнятію Силезіи у Фридриха. Франція, въ свою очередь, не считала для себя выгоднымъ содѣйствовать въ образованію у самой границы французской самостоятельного государства, которое въ послѣдствіи легко могло въ союзѣ съ Голландіей, Англіей или Австріей дѣйствовать въ ущербъ интересамъ Франціи.

Именно въ это время возобновилась вражда между Франціей и Англіей. Уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ шелъ споръ между этими державами относительно американскихъ владѣній. Французы старались распространить свои владѣнія въ Америкѣ. Англичане препятствовали такому расширению французской территории. Вопросъ о томъ, кому — Англичанамъ или Французамъ суждено приобрѣсти главное значеніе въ Америкѣ, долженъ былъ рѣшиться отчасти при помощи союза Англіи съ Фридрихомъ Великимъ. Преобладаніе Франціи въ Европѣ обусловливалось и ея торжество въ Америкѣ. Удары, нанесенные Пруссаками Французамъ въ Семилѣтней войнѣ, отзывались и за океаномъ.

Франція мечтала, о важныхъ предприятияхъ, хотѣла завладѣть Корсики и вытѣснить Англичанъ изъ Средиземного моря. Французскому полководцу маршалу Ришельѣ удалось занять крѣпость Св. Филиппа и портъ Магонъ на островѣ Миноркѣ; Французы уже надѣвались на отнятіе у Англичанъ Гибралтарской крѣпости. Наконецъ былъ составленъ планъ высадить 60.000 войска подъ командою маршала Велли (Belleisle) въ самой Англіи.

Эти предположенія вскорѣ сдѣлялись известными въ Англіи, которая невольно должна была при такихъ обстоятельствахъ надѣяться на союзъ съ Пруссіею. Послѣдній вполнѣ соответствовалъ историческимъ преданіямъ обоихъ государствъ. Не разъ до того тѣсная дружба

между Англией и Пруссиею оказалась пролеиною для ихъ интересовъ. Такъ, напримѣръ, коалиція между Фридрихомъ - Вильгельмомъ, величайшимъ курфюрстомъ и Вильгельмомъ III предохранила Европу отъ чрезмѣрного перевѣса Франціи. Съ тѣхъ поръ къ существовавшемъ уже поводамъ сближенія Англіи съ Пруссіею присоединился еще одинъ. Между Ганноверскою областью и Англіей существовала династическая связь. Поэтому Англія столько же какъ и Пруссія должна была желать препятствовать вторженію Французовъ въ предѣлы Германіи.

Дѣйствительно, въ послѣднее время до 1756 года существовали довольно близкія отношенія между Англіей и противниками Пруссіи, то-есть, Австріей и Россіей. Въ сочиненіи Ранке подробно излагаются условия постепенного ослабленія этихъ отношеній. Австрія болѣе и болѣе должна была убѣдиться въ томъ, что Англія не поможетъ ей приобрѣсти Силезію. Этой цѣли гораздо легче можно было достигнуть путемъ заключенія союза съ Франціей. Въ то самое время, когда Марія-Терезія и Кауница старались сблизиться съ французскимъ кабинетомъ, отношенія между Фридрихомъ Великимъ и Франціей становились все болѣе и болѣе равнодушными, и наконецъ, враждебными. Во Франціи считали короля Пруссіаго какъ-бы неравноправнымъ съ другими представителями первоклассныхъ державъ. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ Франція иногда давала чувствовать Фридриху, что его считаютъ не болѣе какъ второстепеннымъ государемъ. Такой образъ дѣйствій не могъ не оскорблять короля, имѣвшаго весьма высокое понятіе о своемъ собственномъ достоинствѣ, и не могъ не заставлять его искать союза съ Англіей.

Въ Англіи между тѣмъ общественное мнѣніе не благопріятствовало союзу съ Австріей. Марію-Терезію тамъ называли неблагодарной союзницей. Англія истратила большія суммы денегъ для того, чтобы обеспечить въ первое время ея царствованія цѣльность ея государства. Теперь же Марія-Терезія была готова сблизиться съ не-примиримымъ врагомъ Англіи, съ Франціею. Англійская публика громко осуждала образъ дѣйствій государыни, къ тому же еще столь решительно защищавшей интересы ненавистнаго для Англичанъ католицизма. Въ противоположность къ такому нерасположенію Англичанъ къ Маріи-Терезіи развивалось въ нихъ уваженіе къ Фридриху. Отчасти чрезъ короля Пруссіаго въ Англіи узнали о враждебныхъ намѣреніяхъ Франціи. Фридрихъ сообщилъ Англичанамъ свои соображенія о томъ, какимъ образомъ Англія лучше всего могла

бы препятствовать высадкѣ французскихъ войскъ. Онъ же сдѣлалъ предложеніе соединиться съ Оттоманской Портой противъ Австріи и Россіи. Всѣ совѣты и сообщенія Фридрика были приняты въ Англіи съ особеннымъ сочувствіемъ. Главный министръ въ Англіи Ньюкастль (Newcastle) замѣтилъ однажды, что мысли Пруссаго короля будуть служить ему руководствомъ, и что онъ, несмотря на прежнее сочувствіе къ Австріи, сдѣлался настоящимъ Пруссакомъ. Отныне, такъ говорили въ Англіи, Россія останется точкой опоры для поддержанія авторитета Англіи на континентѣ. Чѣмъ рѣшительнѣе въ это время измѣнились отношенія между Англіей и Россіей, чѣмъ равнодушнѣе Англія могла смотрѣть на усиленіе значенія Пруссіи въ Германіи, тѣмъ легче Сентъ-Джемскій кабінетъ могъ соединиться съ Пруссіей.

Дѣйствительно, послѣдняя держава могла считаться надеждою Германіи. Нельзя отрицать, что Пруссія, соединяясь съ Англіей противъ попытки Французовъ вторгнуться въ предѣлы Германіи, дѣйствовала сообразно съ духомъ обще-германскихъ интересовъ. Именно въ этомъ отношеніи расходились цѣли австрійской и прусской политики. Австрія всегда была готова жертвовать германскими интересами въ пользу габсбургскихъ; Пруссія, напротивъ, уже по своему географическому положенію, защищая себя, защищала Германію. Въ этомъ обстоятельствѣ, замѣчаетъ Ранке (на стр. 120), заключается начало прусско-германской политической идеи, пріобрѣвшей столь великую силу въ послѣдствіи. Австрія была космополитическою державою, Пруссія сохранила нѣмецкій характеръ. Австрія уже трезъ свои отношенія къ Нидерландамъ и къ Италии довольно часто была вынуждена не обращать вниманія на германскіе интересы, и отказывалась отъ союза съ Англіей, ничего не имѣла противъ появленія Французовъ въ Ганноверѣ; Пруссія, напротивъ, никогда не могла желать вторженія Французовъ или Русскихъ въ германскіе предѣлы. Австрія, забывая свои обязанности въ отношеніи къ Германской имперіи, старалась обеспечить величие своей династіи. Пруссія, будущій центръ Германской имперіи, уже въ 1756 году особенное обращала вниманіе на національные интересы. На этотъ счетъ довольно любопытно сдѣлвшее обстоятельство. Въ проектѣ договора между Англіей и Пруссіей было употреблено выражение „Германская имперія“. Фридрихъ замѣнилъ это выраженіе словомъ „Германія“, считая послѣднее при тогдашнихъ обстоятельствахъ болѣе точнымъ, опредѣленнымъ. Ранке при этомъ случаѣ замѣчаетъ (на стр. 89): „Вопросъ объ отно-

шениі между Германіей и Германской имперіей въ продолженіи вѣковъ, быль бы достойнымъ предметомъ особенного изслѣдованія. Послѣднее понятіе обыкновенно бывало гораздо болѣе широкимъ; начонецъ настало время, когда оно сдѣлалось ужѣ, чѣмъ понятіе о Германіи. Никогда еще оба понятія не совпадали".

Что касается до отношеній Россіи къ прочимъ европейскимъ державамъ въ то время, когда началась Семилѣтняя война, Ранке также нашелъ возможность, на основаніи архивныхъ материаловъ, значительно дополнить свѣдѣнія по этому предмету. Въ Вѣнѣ Ранке нашелъ значительную часть переписки между Марию-Терезіей и австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, графомъ Эстергази. Изъ этихъ документовъ видно, въ какой мѣрѣ Россія тогда была расположена воевать противъ Пруссіи, и какъ Эстергази, пользуясь особынными вниманіемъ императрицы Елизаветы, старался отвлечь Россію отъ союза съ Англіей и сблизить Петербургскій кабинетъ съ Вѣнскими. Въ донесеніяхъ Эстергази встречаются совершенно новые показанія о томъ, какъ императрица Елизавета относилась къ вопросу о войнѣ съ Пруссіей, и какимъ образомъ она бесѣдовала объ этомъ предметѣ съ посланникомъ Маріи-Терезіи. То, что въ этихъ дешевахъ относится къ засѣданіямъ государственной конференціи, въ которой самыми обстоятельными образомъ обсуждались вопросы вѣнцейской политики Россіи, впрочемъ, гораздо подробнѣе сдѣлалось известнымъ чрезъ любопытныя данные, помѣщенные въ третьемъ томѣ Воронцовского архива, вышедшаго нѣсколькими недѣлями послѣ позвле-нія сочиненія Ранке. Мы ниже укажемъ на значеніе этихъ русскихъ документовъ для рѣшенія того вопроса, которымъ занимался Ранке въ своей послѣдней книжкѣ. Если бы знаменитому чѣмецкому историку были доступны эти материалы, онъ бы былъ бы въ состояніи еще гораздо яснѣе доказать, что война Семилѣтняя скорѣе была результатомъ составленной противъ Пруссіи наступательной коалиціи, чѣмъ слѣдствіемъ страсти Пруссаго короля къ завоеваніямъ.

Этому послѣднему вопросу посвящается послѣдняя глава сочиненія Ранке, въ которой уже говорится о началѣ военныхъ операций, о занятіи Фридрихомъ Великимъ Саксоніи и о необходимости для Пруссіи, ради спасенія своего существованія, дѣйствовать такъ, а не иначе. Въ связи съ этимъ изложеніемъ состоить первое приложеніе въ сочиненію Ранке „о прусскихъ манифестахъ“, въ которыхъ Фридрихъ старался объяснить, что онъ, руководствуясь тѣми данными о настроеніи европейскихъ кабинетовъ, которыя дошли до него, былъ

внуждены принять мѣры для обезпечения цѣлости Пруссіи. Вопросъ о томъ, справедливо ли такое положеніе Фридриха, оказывается важнѣйшимъ и при разборѣ бумагъ Воронцовскаго архива, въ которому мы переходимъ.

II.

Архивъ князя Воронцова. Книга третья. Москва, 1871 года. Бумаги графа Михаила Лариновита Воронцова.

Вся Европа въ такой кризѣ, какой можетъ быть свѣтско-законныхъ стечий не бывало.

Всеподданѣйшій докладъ императрицы Елизаветы въ 1756 году. — Архивъ князя Воронцова, III, 429.

Не далѣе какъ въ продолженіе послѣдніго десятилѣтія были изданы историческія сочиненія, доказывавшія, на основаніи довольно тяжеловѣсныхъ архивныхъ документовъ, что Фридрихъ Великій вполнѣ заслуживаетъ название „нападателя“, данное ему императрицей Елизаветой¹⁾). Съ другой стороны, недавно появилось и нѣсколько сочиненій, въ которыхъ, также при помощи архивныхъ материаловъ, доказывалось, что король Пруссій не желалъ войны, не думалъ о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, а только защищался противъ готовившагося нападенія на него со стороны тѣхъ же державъ, которая затѣмъ старались обвинять его какъ вѣчнаго нарушителя мира и покоя въ Европѣ.

Нельзя отрицать, что такое разногласіе въ исторической литературѣ по этому вопросу объясняется въ значительной степени направлѣніемъ политическихъ событій въ Германіи въ послѣднее время. Сторонники партикуляризма и союзники Австріи въ Германіи въ 1866 и 1870 годахъ въ возвышеніи Пруссіи при Фридрихѣ Великомъ видѣли несчастіе для Германіи. Въ ихъ глазахъ Фридрихъ Великій казался виновникомъ многихъ бѣдствій для нѣкоторыхъ германскихъ государствъ. Занятіе Силезіи въ первое время царствованія этого государя и занятіе Саксоніи въ началѣ Семилѣтней войны считаются представителями этой партии страшнымъ преступленіемъ. Отрицая выгоды соединенія Германіи въ одно политическое цѣлое, они отрицаютъ величие Фридриха. Прусскіе же историки и вообще тѣ ученыe, ко-

¹⁾ См. Архивъ князя Воронцова, III, 549: «Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ 12-го ноября 1756 г.

торые считаютъ развитие Германіи путемъ прусской гегемоніи благоприятнымъ и нормальнымъ явленіемъ, политическимъ прогрессомъ, средствомъ для обеспеченія культурныхъ началь значительной доли Европы, напротивъ, изслѣдуя исторію царствованія Фридриха Великаго, видать въ событіяхъ послѣднаго времени оправданіе образа дѣйствій этого короля.

Въ особенности два сочиненія новѣйшаго времени заключаютъ въ себѣ жалчныя обвиненія противъ Фридриха. Ганноверскій историкъ Онно Клоппъ напечаталъ въ 1860 году книгу подъ заглавиемъ „Friedrich II und die deutsche Nation“ (въ Шаффгаузенѣ; второе изданіе этого труда вышло въ 1864 году), въ которой старался доказать, что прусскій король не только не можетъ считаться представителемъ политического прогресса въ Германіи, но даже былъ причиной упадка Германіи чрезъ развитіе при этомъ королевъ дуализма въ этой странѣ между Австріей и Пруссіей. Тенденціозность такого взгляда до того бросалась въ глаза, что нѣмецкіе критики почти всѣ прямо объявили это сочиненіе скорѣе памфлѣтомъ, чѣмъ результатомъ науки.

Еще болѣе серіозныя обвиненія противъ Фридриха, именно въ отношеніи къ его образу дѣйствій въ 1755 и 1756 годахъ, встречаются въ великолѣнно изданномъ сочиненіи „Gehicinisse des sachsenischen Cabinets. Ende 1745—bis Ende 1755. Archivalische Vorstudien fü r die Geschichte des siebenjährigen Krieges“ (Stuttgart, Cotta, 1866, въ двухъ томахъ). Авторъ этого сочиненія, графъ Фицтумъ-фонъ-Экштетъ, при составленіи своего труда пользовался архивными дѣлами, найденными имъ въ государственномъ саксонскомъ архивѣ и въ семейномъ архивѣ графовъ Фицтумъ-фонъ-Экштетъ. Одинъ изъ его предковъ былъ во время начала Семилѣтней войны посланникомъ саксонскаго курфирста въ Парижъ. Авторъ указываетъ на значеніе дѣятельности этого дипломата; весьма тщательно имъ дѣлѣе собраны всѣ данные для того, чтобы доказать, что Фридрихъ II безъ всякаго основанія открылъ въ 1756 году военные дѣйствія, и что всѣ старанія историковъ на основаніи документовъ изъ англійскихъ, французскихъ, голландскихъ, шведскихъ и нѣмецкихъ архивовъ оправдать Фридриха наступательнымъ движеніемъ прочихъ державъ должны быть признаны тщетными. Фицтумъ-фонъ-Экштетъ утверждаетъ, что Фридрихъ II, ожидая нападенія на него со стороны Австріи и Россіи, ошибался, что никто не думалъ о наступательномъ движеніи противъ Пруссіи, и что всѣ распространенные Фридрихомъ слухи о враждеб-

ныхъ намѣреніяхъ Франціи, Саксоніи, Маріи-Терезіи и Елизаветы были ни болѣе, ни менѣе какъ выдумкой, имѣвшю цѣлью прикрыть страсть короля къ завоеваніямъ и особенно его желаніе присоединить курфирштво Саксонское къ Пруссіи¹). Такъ какъ Прусское королевство было обременено чрезмѣрными налогами и не могло содержать большаго войска, говорить Фицтумъ-фонъ-Экштетъ далѣе, то Фридрихъ уже ради приведенія въ равновѣсіе своего бюджета долженъ быть желать расширенія предѣловъ Пруссіи. Къ тому же, незадолго до разрыва генераль Винтерфельдъ, осмотрѣвши Саксонію въ стратегическомъ отношеніи, донесъ будто бы королю, что завоеваніе Саксоніи не представляетъ особыхъ затрудненій, что походъ будетъ непродолжительнымъ, и успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію. Желаніе пріобрѣсти Моравію и Лужицу заставило будто бы Фридриха вообразить, что его соѣди готовили нападеніе на Пруссію и думали о раздѣлѣ этого государства²). Къ тому жъ авторъ упраекаетъ Фридриха въ томъ, что послѣдній, по личной ненависти къ австрійскому дому и къ Августу Саксонскому, началъ войну, и наконецъ въ томъ, что онъ будто бы соскучился во время одиннадцатилѣтняго мира и потому во что бы то ни стало желалъ войны³). Онъ увѣряетъ, что не противъ Пруссіи коалиція вызвала открытие военныхъ дѣйствій со стороны Фридриха, а напротивъ, нарушеніе мира Фридрихомъ имѣло слѣдствіемъ образованіе такой коалиціи⁴).

Мы увидимъ въ послѣдствіи, на сколько основательны такія положенія, а теперь укажемъ только на два замѣчанія самого же Фицтума-фонъ-Экштета. На стр. 331-й I-го тома своего сочиненія онъ допускаетъ, что въ ту минуту, когда началась война, въ Саксоніи еще не имѣли ни малѣшихъ свѣдѣній о намѣреніяхъ и предположеніяхъ министра Маріи-Терезіи, кніза Кауница. Этого замѣчанія достаточно, чтобы лишить значенія весьма большую долю аргументаціи автора, построенной именно па показаціяхъ саксонскихъ министровъ, дипломатовъ и генераловъ. Отрицаніе сими послѣдними, не посвященными въ тайны кабинетовъ первоклассныхъ державъ,

¹⁾ Geheimnisse, I. 49.

²⁾ I. 58. «Die wahre Veranlassung des Kriegs von 1756 ist keine andere als Landerger und der persönliche Hass Friedrichs II gegen das Haus Sachsen»; см. также стр. 47, 49, 51, 55, 56, 65: II. 125.

³⁾ II. 346.

⁴⁾ I. 336. «Die preussische Schilderhebung hat diejenige Coalition geschaffen, welcher Friedrich zuvorkommen wollte».

коалиции противъ Фридриха по этому самому не можетъ считаться хотя сколько-нибудь достаточнымъ доказательствомъ несуществования ея. Далѣе въ другомъ мѣстѣ, а именно на страницѣ 332-й I-го тома, авторъ замѣчаетъ: „При обсужденіи вопроса: имѣть ли Фридрихъ II право начать войну 1756 года, или нѣтъ, разумѣется, нельзя обращать вниманія на намѣренія той или другой державы, а только на совершившіеся факты. Если бы каждый государь имѣть право начинать войну для предупрежденія враждебныхъ намѣреній другихъ державъ, то никогда нельзя было бы надѣяться на сохраненіе мира“¹⁾). Этимъ самымъ, впервыхъ, авторъ допускаетъ существование враждебныхъ намѣреній противъ Фридриха; вовторыхъ же, авторъ забываетъ, что опредѣлившія вполнѣ намѣренія такого рода могутъ считаться также фактами, и притомъ весьма важными, на которые слѣдуетъ обращать вниманіе; втретъи, самъ ходъ событій показалъ, что Фридрихъ спасъ цѣлостность Пруссіи главнымъ образомъ быстротою своихъ решений и движений именно потому, что онъ принималъ въ разчетъ не только „совершившіеся факты“, но также и намѣренія Австріи и Россіи приступить къ раздѣлу Пруссіи.

Посмотримъ теперь на доводы ученыхъ, пришедшихъ изъ совершенно противоположному результату.

Въ 1836 году явился второй томъ сочиненія Раумера „Beiträge zur Geschichts-Aus dem britischen Museum und Reichsarchiv“, имѣющій еще особое заглавіе „Friedrich II und seine Zeit 1740—1769“. Въ немъ Раумеръ, на основаніи писемъ, особенно англійскихъ дипломатовъ и министровъ, старается доказывать, что въ 1756 г. Фридрихъ II не желалъ войны, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ готовились уже къ походу. Шлоссеръ, занимавшійся изученіемъ этого вопроса въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, пришелъ къ такимъ же результатамъ, равно какъ и Штуръ (Stuhr) въ своемъ сочиненіи „Forschungen und Erläuterungen über Hauptpunkte der Geschichte des siebenjährigen Krieges“ (Hamburg 1842). Исследованія Штенцеля въ его „Geschichte des preussischen Staats“, Германна въ „Geschichte des russischen Staats“ и другихъ заключаютъ въ себѣ развитіе тѣхъ же мыслей.

Но два замѣчательнѣйшия сочиненія, въ которыхъ доказывается миролюбіе Фридриха и наступательное дѣйствіе противъ него прочихъ континентальныхъ державъ явились въ самое послѣднее время. Это

¹⁾ Geheimnisse I. 332.

именно сочинение Шефера „Geschichte des siebenjährigen Krieges“, первый томъ которого былъ изданъ въ 1867 году, и сочинение Ранке о причинахъ Семилѣтней войны, на содержание которого мы указали въ предыдущей статьѣ. Шеферъ весьма добросовѣстно разработалъ всѣ данные, заключающіяся въ исторической литературѣ по этому вопросу, а кромѣ того, еще имѣлъ случай воспользоваться нѣкоторыми, до того неизвѣстными архивными бумагами. Такъ, напримѣрь, онъ читалъ даниши прусскаго посланника въ Гагѣ фонъ-Гелленъ, который сообщалъ королю Фридриху II выписки изъ донесений голландскаго резидента въ Петербургѣ, де-Сверга (Swaert). О материалахъ, которыми располагалъ Ранке, мы говорили выше. Его заключеніе по всему этому спорному дѣлу можетъ считаться результатомъ всестороннаго и достаточно беспристрастнаго изслѣдованія. Ранке утверждаетъ, что въ пятидесятыхъ годахъ Фридрихъ II не желалъ войны, какъ то и видно изъ одной записки короля, которая не была напечатана, и въ которой онъ подробно излагаетъ свой образъ мыслей въ отношеніи къ политическому положенію Европы¹). Входя въ положеніе Фридриха въ 1756 году, Ранке замѣчаетъ: „По предложению Россіи, Швеція должна была получить Померанію; Польша—королевство Прусское, Данія, въ случаѣ присоединенія къ коалиціи, Бременъ и Верденъ. Какова перспектива для короля Фридриха! Съ одной стороны, лишенній Силезіи, Помераніи и Пруссіи, съ другой рейнскихъ—вестфальскихъ владѣній, онъ превратился бы въ слабаго курфюрста Бранденбургскаго. И какова была бы тогда судьба Германіи! Франція, владѣя бельгійскими Нидерландами, имѣла бы сильный перевѣсъ надъ Голландіей и курфюрстами на Рейнѣ; обѣ сѣверныя короны (Данія и Швеція) были бы снабжены обширными территоріями въ Европѣ. Германія зависѣла бы тогда вполнѣ отъ прочихъ державъ. Нельзя отрицать, что существование сильной Пруссіи было тѣсно связано съ идеемъ о самостоятельномъ германскомъ политическомъ организмѣ“²). Еще 11-го июля 1756 года англійскій посланникъ въ Берлинѣ, Мичель (Mitchell), писалъ о Фридрихѣ, что онъ желалъ сокращенія мира³). Также и министръ иностранныхъ дѣлъ въ Англіи, Годдернесь, писалъ 13-го июля, что обвиненіе Петербургскаго кабинета, будто Фридрихъ желалъ напасть на Россію, лишено всякаго основа-

¹⁾ Ranke, Der Ursprung des siebenjârigen Krieges, стр. 70 и 77.

²⁾ Ranke, стр. 182.

³⁾ Raumer, Beiträge, 364.

ні. И въ следующемъ юбенцѣ Фридрихъ надѣялся еще на получение удовлетворительного отзыва изъ Вѣны на категорический запросъ, сдѣланный имъ чрезъ посланника Клингрефа, и въ такомъ случаѣ намѣревался возстановить правильныя дипломатическія сношения съ Петербургскимъ кабинетомъ¹⁾). Напротивъ того, Кауницъ въ это самое время говорилъ английскому посланнику въ Вѣнѣ, Кейту, что Англия могла бы лучше всего сохранить дружбу съ Австріей, сдѣлавъ нападеніе на Фридриха²⁾), а саксонскій дипломатъ Флеммингъ замѣтилъ, что въ случаѣ удачнаго исполненія намѣренія князя Кауница унизить Пруссіаго короля, слѣдовало бы воздвигнуть памятникъ австрійскому министру³⁾). Чрезъ измѣну саксонскаго канцелярскаго чиновника Меккензія и австрійскаго легаціеннаго секретаря Вейнгардтена Фридрихъ подробно узналь себѣ угрожавшей ему опасности. Равыши образомъ и тайныхъ связей его съ Петербургомъ открыли ему глаза на этотъ счетъ, и онъ рѣшился быстротою своихъ дѣйствій уничтожить враждебные умысли своихъ непріятелей. Справедливо, какъ мы увидимъ ниже, при разборѣ русскихъ документовъ Воронцовскаго архива, Ранке замѣчаетъ, что Фридрихъ въ ту минуту, когда открылъ военныя дѣйствія, находился въ еще большей опасности со стороны континентальныхъ державъ, чѣмъ онъ предполагалъ⁴⁾). Онъ зналъ, что долженъ будеть казаться нарушителемъ мира, и что этимъ самымъ онъ предоставитъ Австріи право разчитывать на помощь другихъ державъ, но онъ полагалъ, что начинакъ войну, онъ, лишь оборонялся, и что такой „тріумвиратъ въ Европѣ“, какъ онъ называлъ коалицію между Австріей, Россіей и Франціей, имѣть цѣлью исполненіе самыхъ опасныхъ проектовъ⁵⁾). „Едва-ли“, говорить Ранке, упоминая о занятіи Саксоніи, „когда-нибудь было совершено нашестье, столь сознательно и опредѣленно основанное на желаніи укрѣпить миръ, то-есть, быстрыми ударомъ, нанесеннымъ на непріятеля, принудить послѣднаго отказаться отъ своихъ намѣреній“. Фридрихъ во что бы то ни стало хотѣлъ удержать за собою то мѣсто, которое онъ занималъ въ Европѣ, счастіи свою самостоятельность и защищаться противъ сильнѣйшихъ непріятелей⁶⁾). „Настоящее же-

¹⁾) Raumer, 365.

²⁾) Raumer, 364.

³⁾) Ranke, 208.

⁴⁾) Ranke, 237.

⁵⁾) Ranke, 227.

⁶⁾) Ranke, 230.

ланіе", продолжает Ранке, "сохранить миръ и одновременное съ этимъ началіе войны кажется увязкимъ противорѣчіемъ; тѣмъ не менѣе одно обусловливается другимъ"¹⁾). Весьма достойны вниманія слѣдующія общія замѣчанія, которыми Ранке оканчиваетъ свое²⁾ сочиненіе: "Французы старой школы, знаяшіе кое-что объ исторіи Германіи, видѣли въ Фридрихѣ новаго Густава - Адольфа, который однажды въ то же время былъ Нѣмцемъ; кромѣ этого разлачія, имѣвшаго дѣйствительно историческое значеніе именно потому, что теперь протестанты въ Германіи не нуждались въ иностраннѣмъ защитникѣ, еще существовало другое, заключавшееся въ томъ, что Густавъ-Адольфъ состоялъ въ союзѣ съ Франціей противъ Австріи, между тѣмъ какъ Фридрихъ долженъ былъ бороться и съ Франціей и Австріей. Еще третья держава должна была присоединиться къ послѣднимъ. Итакъ началась война, единствовавшая рѣшить вопросъ о существованіи или несуществованіи Пруссіи. Война эта не имѣла слѣдствіемъ какихъ либо территоріальныхъ измѣненій; однако, именно въ томъ, что такія измѣненія не состоялись, и что Прусское государство, уничтоженіе котораго было цѣлью коалиціи континентальнихъ державъ, сохранилось въ полномъ своемъ составѣ, заключался великий успѣхъ. Оборона доказала этому государству высокое значеніе въ европейскомъ политическомъ мирѣ. Обороняясь, король Фридрихъ сдѣлался великимъ героемъ столѣтія. Послѣдующія подобные вострияли животворный импульсъ, истекавшій изъ чувства побѣжденной опасности и спасенной самостоятельности. Безмѣрное несчастіе, постигшее Прусское государство въ слѣдующее затѣмъ время, и дѣйствительно превратившее его въ развалины, стало началомъ эпохи, въ которую оно возводилось, и чрезъ безпрерывно-послѣдовательное развитіе своихъ живыхъ силъ, пришло наконецъ къ такимъ результатамъ, какихъ еще не видывалъ свѣтъ".

Таковъ патріотический взглядъ Ранке на события 1756 года, основываемый имъ на историческихъ материалахъ, относящихся къ времени разрыва между Фридрихомъ и континентальными державами. Съ своей стороны мы полагаемъ, и постараемся доказать, что такой взглядъ подтверждается изданными въ новѣйшее время русскими дѣловыми бумагами.

О томъ, какъ Россія относилась къ Семилѣтней войнѣ, въ исто-

¹⁾) *Ranke*, 231.

²⁾) *Ranke*, 233—234.

рической литературѣ существовало пока не особенно много данныхъ. Раумеръ въ своякъ „Beiträge zur neuen Geschichte“ сообщилъ донесенія англійскаго посланника Уилдамса изъ Петербурга; Германъ въ своей „Geschichte des russischen Staats“ цитировалъ кое-что изъ саксонскихъ архивовъ. Ранке, въ своемъ сочиненіи о началѣ Семилѣтней войны, пользовался донесеніями австрійскаго посланника графа Эстергази, хранящимися въ Вѣнскомъ архивѣ. Каждый изъ вышеупомянутыхъ историковъ указалъ только на отношенія Россіи къ одной изъ европейскихъ державъ. Нынѣ изданые материалы, заимствованные изъ Воронцовскаго архива, даютъ доступъ къ разработкѣ отношеній Россіи ко всѣмъ державамъ.

Въ III-мъ томѣ архива князя Воронцова, издаваемаго г. Барте-невымъ, помѣщены, впервыхъ, „Письма Ф. Д. Бехтѣева къ графу М. Л. Воронцову въ 1756 и 1757 гг.“ (стр. 147—307); во вторыхъ, множество материаловъ подъ заглавіемъ „Изъ бумагъ Елизаветинской конференціи, 1756 годъ“. И та, и другая группа архивныхъ документовъ имѣть большое значеніе при изученіи вопроса о началѣ Семилѣтней войны.

Бумаги изъ Елизаветинской конференціи напечатаны съ современныхъ списковъ, кромѣ нѣкоторыхъ, остающихся въ подлинникѣ. Конференція, имѣвшая особенное значеніе преимущественно во второй половинѣ царствованія императрицы Елизаветы, соединила въ себѣ всѣ важнѣшія государственные дѣла. Она была учреждена 12-го декабря 1741 года, въ отмѣну дѣйствовавшаго до того времени кабинета¹⁾. Весьма любопытны слѣдующій отрывъ саксонскаго дипломата графа Линара о засѣданіяхъ этой конференціи: „Эти собранія большаго совѣта, къ которымъ приглашаются тѣ министры и сенаторы, присутствіе которыхъ считается нужнымъ, созываются лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ и по дѣламъ особенной важности, преимущественно тогда, когда министерство считаетъ необходимымъ устранить себя отъ упрековъ, хотя въ этихъ собраніяхъ дѣла не особенно легко раздаются и часто не согласно со взглядами министровъ. Это случается потому, что лица, изъ которыхъ состоитъ этотъ совѣтъ, посыпаютъ засѣданія, не имѣя точного понятія о томъ, что составляетъ предметъ преній; секретарь собранія читаетъ большее число записокъ не очень годныхъ для того, чтобы разыскать запутанные вопросы людямъ, вообще не следившимъ. По окончаніи чтенія,

¹⁾ Полное собраніе законовъ, № 8480.

Междѣ тѣль, каждый поочередно подать мнѣніе. Никто не желаетъ показывать видъ, будто онъ не вникнулъ въ самую суть дѣла; каждый образуетъ свое сужденіе по своему, секретарь же записываетъ эти мнѣнія по своему усмотрѣнію, такъ что обѣкновенно устный мнѣнія, составленный о нихъ протоколъ и "самый предметъ обсужденія не имѣть ничего общаго между собою. Императрица, слушая въ смежной комнатѣ все это, смеется и забавляется надъ этимъ. Канцлеръ, который послѣ всѣхъ другихъ подаетъ свое мнѣніе и одинъ хорошо знакомъ съ предметомъ, разумѣется, обѣкновенно рѣшаетъ дѣло, и его мнѣніе принимается другими" ¹⁾).

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ императрицѣ Екатеринѣ въ 1762 году, называетъ конференцію „монстромъ ни на что не похожимъ“. „Не было въ ней“ говорить онъ, „ничего учрежденного, слѣдовательно, все безотвѣтное и, схвати у государя законъ, чтобы по раскрипкамъ за подписаніемъ конференціи вездѣ исполняли, отлучили государя отъ всѣхъ дѣлъ, слѣдовательно и отъ свѣдѣнія всего ихъ производства. Предъ государемъ просвѣщенными не дерзко слово, но истинно: фаворить остался дутей, оживотворяюще или умерщвляюще государство. Онъ вѣтромъ и непостоянствомъ нагруженный, не трудясь тутъ, производилъ однѣ свои прихоти, работу же и попеченіе отдалъ въ руки дерзновенному Волкову. Сей, подъ видомъ управления канцелярскаго порядка, котораго тутъ не было, исполнялъ существительную роль первого министра, былъ правителемъ самихъ министровъ, избиралъ и сочинялъ дѣла по самому хотѣнію, заставлялъ министровъ онъ подписьвать, употребляя въ тому или имя государево, или подъ маской его волю и желанія фаворитовъ. Прихоть была единственнымъ правиломъ, по которому дѣла къ производству были избираемы“, и пр. ²⁾).

О вліяніи И. И. Шувалова на дѣла, конечно, достаточно имѣется данныхъ; такъ, напримѣръ, какъ мы увидимъ, онъ особенно былъ проводникомъ идеи о сближеніи съ Франціей. О значеніи Волкова, пожалованного въ конференц-секретари лѣтомъ 1758 года ³⁾), можно заключить изъ вышеупомянутаго замѣчанія гравера Линара.

Бумаги конференціи, помѣщенные въ III томѣ Архива князя Воронцова, заключаютъ въ себѣ, такъ-сказать, протоколы вѣко-

¹⁾ Неструевъ, *Geschichte des russischen Staates*. V. 117.

²⁾ См. *Русский Архивъ* 1871 года, ст. 1417 и 1418.

³⁾ См. Архивы князя Воронцова. III, 432, Докладъ императрицѣ, въ которомъ много говорится о неусыпныхъ трудахъ и о ревности Волкова.

торыхъ засѣданій, въ которыхъ читались дипломатическія записки и доклады различныхъ лицъ и вѣдомствъ о положеніи дѣль въ вѣтнай политикѣ и о мѣрахъ, которыя должно принять въ отношеніи къ этимъ вопросамъ. Важнѣйшія засѣданія, какъ видно изъ этихъ бумагъ, происходили 14-го марта, 30-го марта, 4-го и 6-го апрѣля. Затѣмъ, относительно слѣдующихъ мѣсяцевъ до августа, къ сожалѣнію, не встрѣчается никакихъ данныхъ о засѣданіяхъ конференціи. Слѣдующие важные материалы относятся къ переговорамъ съ Англіей, косательно возобновленія договора о субсидіяхъ весной и касательно медіаціи между Пруссіей и Австріей осенью 1756 года, къ переговорамъ съ Вѣнскимъ кабинетомъ о заключеніи наступательного союзного договора противъ Пруссіи, и къ переговорамъ съ Франціей о сближеніи съ этойю державой и о присоединенії Россіи къ австрійско-французскому договору отъ 1-го мая 1756 года, къ мѣрамъ принятіемъ для открытия военныхъ дѣйствій, и наконецъ, къ польскимъ, саксонскимъ и турецкимъ дѣламъ.

Письма Ф. Д. Бехтѣева къ графу М. Л. Воронцову почти исключительно относятся къ переговорамъ между Россіей и Франціей, происходившимъ до того тайно, что прочія державы почти вовсе о нихъ не знали.

Феодоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ былъ домашнимъ человѣкомъ у графа Михаила Ларіоновича, который нѣкогда защитилъ его отъ его сосѣда-помѣщика Смоленской губерніи. Гдѣ получилъ Бехтѣевъ образованіе, намъ неизвѣстно. Онъ училъ русской грамотѣ книгу Юло Дашкову и великаго князя Павла Петровича въ его малолѣтствѣ¹⁾). Онъ въ Парижѣ игралъ ту роль, которую въ Петербургѣ игралъ кавалеръ Дугласъ, то-есть, былъ не вполнѣ официальнымъ дипломатическимъ агентомъ. Для этой цѣли онъ выѣхалъ изъ Петербурга 28-го мая, находился въ юнѣ мѣсяцѣ въ Пруссіи, гдѣ впрочемъ довольно безуспешно старался собирать свѣдѣнія о приготовленіяхъ Фридриха Великаго къ войнѣ, затѣмъ провелъ нѣсколько дней въ Гагѣ и въ началѣ юля мѣсяца находился уже въ Парижѣ. Тутъ онъ показывалъ въ отношеніи къ прочимъ дипломатамъ видъ человѣка, путешествовавшаго по собственнымъ частнымъ дѣламъ, однако тотчасъ же вступилъ въ сношенія съ важнѣйшими лицами французскаго двора, съ министромъ Рулье, съ принцемъ Конти, даже съ маркизомъ Помпадуръ, имѣль, нечто въ родѣ браткой аудіенціи у короля Людовика XV.

¹⁾ Замѣтка Н. Бартенева, см. Архивъ ин. Воронцова, III, 148.

вика XV и старался разузнать по возможности намѣрѣнія различныхъ кабинетовъ чрезъ бесѣды съ саксонскимъ дипломатомъ Фиштумомъ, съ прусскимъ посланникомъ барономъ Кніпгаузеномъ и съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Штарембергомъ.

Въ какомъ мѣрѣ Бехтѣеву удалось сохранить въ тайне свою дипломатическую миссію, можно видѣть изъ того обстоятельства, что о немъ почти вовсе не говорится въ исторической литературѣ, относящейся къ этимъ событиямъ, между тѣмъ какъ о пребываніи и дѣятельности Дугласа въ Петербургѣ встречаются гораздо болѣе подробныя данныя. Такъ, напримѣръ, въ сочиненіи Флассана „Histoire de la diplomatie fran aise“ ни слова не говорится о Бехтѣевѣ; вовсе не упоминается о немъ и въ сочиненіи „La cour de Russie il y a cent ans, 1725 — 1783“, изданномъ въ Берлинѣ въ 1860 году и заключающемся въ себѣ по болѣйшей части одни лишь переводы тѣхъ дѣпешъ, которыхъ сообщены были уже гораздо раньше Раумеромъ въ его „Beitr age zur neuern Geschichte“). Германіи только два слова говорить о путешествіи русского дипломатического агента, котораго онъ называетъ „Beklejew“¹⁾; Шеферъ замѣчаетъ только, что Фридрихъ II зналъ объ отправленіи Бехтѣева въ Парижъ, и что будто бы великий князь Петръ Феодоровичъ писалъ къ Фридриху Великому лѣтомъ 1756 года, что Бехтѣевъ на дорогѣ во Францію осмотрѣлъ берега Шлезвигіи съ цѣлью — узнать, въ какой мѣрѣ при десантѣ русского войска можно разчитывать на успѣхъ²⁾.

Вскорѣ послѣ прибытія Бехтѣева въ Парижъ принцъ Конти въ разговорѣ съ нимъ замѣтилъ, что вѣроятно шпионы уже наблюдаютъ за дѣйствіями его³⁾. Въ Европѣ вообще кое-что знали о готовности Россіи вступить въ сношенія съ Франціей. Саксонскій министръ графъ Брюль писалъ 30-го іюня (11-го июля) къ Фиштуму: „Кромѣ первыхъ инсінuaцій и интригъ кавалера Дугласа, я изъ конфиденціального источника знаю, что ищутся еще другіе пути для сближенія Россіи съ Франціей. Между прочимъ французскому посланнику въ Нидерландахъ маркизу де-Боннаку поручена таковая неготіація. Даже говоритьъ, что графъ Салтыковъ, русский резидентъ въ Гамбургѣ, вскорѣ отправится во Францію, впрочемъ пока лишь въ качествѣ туриста, и что Французскій король назначилъ уже энатную особу для отправленія ея въ Россію. Страйтесь воспользоваться этими ука-

¹⁾ Gesch. d. russ. Staats. V. 134.

²⁾ Gesch. des Siebenj ahrigen Krieges I, 187 и 188.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 159.

КРИТИЧЕСКАЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА.

занятиями для того, чтобы известить насъ о настоящихъ взглядахъ и намѣрѣніяхъ французскаго двора¹). О Бехтѣевѣ, именно въ то время прибывшемъ въ Парижъ,—ни слова. Русскіе путешественники уже довольно часто посѣщали тогда французскую столицу. Такимъ казался и Бехтѣевъ. Однако Фицтумъ, встрѣтясь съ нимъ, началъ распрашиватъ о причинѣ его поѣздки. „Хотя онъ“, пишетъ Бехтѣевъ, „мнѣ давать знать, что онъ догадывался, что я не для смотрѣнія свѣта сюда пріѣхалъ, однако не получиль отъ меня другого изыясненія, кромѣ того, что я, бывъ въ Голландіи, по близости пользовался симъ случаемъ, чтобы на малое время здѣсь побывать, чтобъ буду и всѣмъ отвѣтствовать до получения отъ вашего сіятельства повелѣнія, не взирая на то, что здѣшній дворъ радъ бы обо мнѣ разгласить. Г. Рулье самъ мнѣ сказалъ, что, какъ я бы ни старался, не могу здѣсь утаиться, и что трудно чужестранныхъ министровъ о противномъ тому увѣрить. На что я ему отвѣтствовалъ, что по меньшей мѣрѣ я съ моей стороны повода къ разглашенію о себѣ подать не хочу. Да и могу увѣрить ваше сіятельство, что до подписанія декларации ни здѣсь, ни въ тѣхъ земляхъ, чрезъ которыхъ я пройхалъ, никто обо мнѣ не свѣдалъ: свидѣтельствомъ тому то, что по сѣхъ поръ обо мнѣ въ газетахъ не пишутъ, чтобъ къ немалому моему утѣшенню служить“²).

Не смотря на свое первоначальное инкогнито, Бехтѣевъ, согласно требованіямъ этикета, былъ въ Парижѣ съ визитомъ у знатѣйшихъ французскихъ сановниковъ и у посланниковъ, не исключая и цунція. „Всѣ и нунціусъ“, пишетъ Бехтѣевъ 13-го сентября, „мнѣ контракту визиту отдали, кромѣ королевскаго польскаго посланника графа Фицтума³). Французскій министръ Рулье выразилъ желаніе, чтобы Бехтѣевъ объявилъ себя повѣреннымъ въ дѣлахъ⁴). Бехтѣевъ не могъ этого исполнить, но постоянно находился тамъ, где находились дворъ и министры, то въ Парижѣ, то въ Компьенѣ, то въ Фонтенебло, и жиль на широкую ногу, стараясь поддерживать такимъ образомъ достоинство Петербургскаго кабинета. Довольно часто онъ пишетъ о большихъ расходахъ своего пребыванія во Франціи, проситъ прибавки жалованья, денегъ на экипажъ и ссылается на расходы другихъ русскихъ дипломатовъ, напримѣръ, на образъ жизни Обрѣзкова. Пріѣхавъ въ Парижъ,

¹) Geheimnisse des sächs. Kabinet I. 354.

²) Архивъ князя Воронцова, III, 168 и 169.

³) Тамъ же, III, 197.

⁴) Тамъ же, III, 162.

онъ 600 рублей слишкомъ истратилъ на одно платье; затѣмъ онъ содержалъ четырехъ ливрѣйныхъ лакеевъ, платилъ за карету 360 ливровъ, за квартиру 200 рублей въ мѣсяцъ, и притомъ, считалъ необходимымъ отыскать себѣ другую квартиру, потому что „одно слово обержа кажется не пристойно“; такимъ образомъ, онъ тратилъ въ мѣсяцъ около 1.500 ливровъ. Кроме дома въ Парижѣ, Бехтѣевъ, наравнѣ съ другими „министрами“, нанялъ себѣ домъ въ Фонтенебло и платилъ за него за шесть недѣль 500 ливровъ. Жить „въ отель-гарни“ онъ считалъ „за неприлично“. Нанявшись квартирѣ, онъ истратилъ на „домовые уборы“ болѣе 1.000 рублей. Онъ жаловался Воронцову, что боится приплатиться изъ своего кармана, если ему не будетъ прибавлено жалованья, но считалъ безусловно необходимымъ „учредить себя такъ, чтобы конечно стыда не нанести“¹⁾).

Бехтѣевъ былъ очевидно весьма ловкимъ человѣкомъ, хорошимъ наблюдателемъ, осторожнымъ дипломатомъ. Его замѣчанія о церемоніалѣ при французскомъ дворѣ, о многихъ лицахъ, занимавшихъ важнѣйшія мѣста во Франціи, о Людовикѣ XV, о характерѣ Французовъ и пр. доказываютъ въ немъ проницательный умъ и знаніе людей. О Французыахъ вообще онъ пишетъ: „Какъ ни кажется вѣтрень французской народѣ, со всѣмъ тѣмъ, сколь скоро касается до сохраненія или приобрѣтенія какого преимущества, то нѣть народа постояннѣе и твердѣе въ томъ, какъ французской. Всякія персональныя учтивости оказывать готовъ, а по характеру не болѣе, какъ введенной обычай велитъ“. И въ другомъ мѣстѣ: „Здѣшній народъ удивленія достоинъ: какое бы важное происшествіе и дѣло не было, малая самая новизна въ состояніи его оттого отвести“. О странныхъ понятіяхъ Французовъ въ отношеніи къ Россіи онъ пишетъ: „Французы, особенно знатные, думаютъ, что Французу у насъ надобно умереть съ голоду и холodu. Трудно у нихъ изъ головы вынять сіе затвердѣлое мнѣніе при роскошахъ, въ которомъ дворянство здѣсь погружено, и при маломъ понятіи, кое оно генерально имѣть о другихъ земляхъ“²⁾.

О министрѣ Рулье Бехтѣевъ пишетъ: „Г. Рулье человѣкъ уже не молодой, около 60 лѣтъ. Между другими качествами отдаются ему честь, что онъ праводушный и пречестной человѣкъ, которой слово

¹⁾ Тамъ же, III, 178, 172, 184, 193, 236. Воронцовъ предложилъ императрицѣ въ началѣ 1757 года определить Бехтѣеву жалованью «противъ Дукласа 500 руб. на мѣсяцъ».

²⁾ 195, 196, 239.

свое сято хранить, не знает притворныхъ происковъ и кроме своихъ дѣлъ въ другія не мѣшается; чѣмъ болѣе и его знать, тѣмъ болѣе примѣтилъ, что онъ любить поступать съ откровенностью и безъ коварства". Немногимъ позже: „Г. Рулье, человѣкъ недалекій, старый, къ тому же безпамятный, часто отъ многодѣлія ослабѣваетъ въ дѣлахъ политическихъ, не очень знающъ, будучи всегда употребленъ въ приказѣхъ внутренняго правленія, поступаетъ иногда съ иностраннными министрами какъ съ человѣтчиками, весьма къ подозрѣнію склоненъ, кроме своей должности ни въ какія дѣла не мѣшается. Хотя внутренно негодуетъ на аббата Берниса, что оному важнѣйша иностраннныя дѣла поручаются, однако явно тому противиться не смѣеть, опасаясь маркизы" (Помпадуръ)¹).

Дѣйствительно, аббать Берніи не только при министрѣ Рулье значилъ въ дипломатическихъ дѣлахъ болѣе послѣднаго, но даже еще во время пребыванія Бехтѣева въ Парижѣ занять мѣсто Рулье. Онъ постоянно находился въ близкихъ сношеніяхъ съ маркизомъ Помпадуръ. О сей послѣдней Бехтѣевъ пишетъ: „Маркиза Помпадуръ отъ часу болѣе въ силѣ; она и достойна того; можно сказать, что преразумная". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бехтѣевъ замѣчалъ: „Маркиза отъ всѣхъ несказанно ненавидима. Всѣмъ бѣдствіямъ и нещастіямъ поставляютъ ее причиной". Любопытно и слѣдующее извѣстіе: „Къ ней всегда чужестранные министры ходить на поклонъ, равно какъ ко всей фамиліи королевской"²).

О партіяхъ при дворѣ Бехтѣевъ пишетъ, что многие велиможи весьма недовольны сближеніемъ Франціи съ Австріей, но что они силы при дворѣ не имѣютъ. Главными противниками Фридриха Великаго при французскомъ дворѣ Бехтѣевъ называетъ аббата Берніи, который, „хотя не въ совѣтѣ, но по кредиту у маркизы Помпадуръ немалую силу въ дѣлахъ имѣть", и маршала Беллиля (Belleisle). Во всѣхъ нихъ Рулье мало значилъ, такъ что Бехтѣевъ пишетъ: „Г-нъ Рулье досадуетъ, что мимо его дѣла идутъ, и ему только приказываютъ. Правду сказать, съ ними нельзѧ ничего дѣлать. Лучшее въ немъ то, что не смѣть и честный человѣкъ.... Аббать Бернисъ, человѣкъ острый, воображеніе имѣть весьма живое; довольно ученъ и склоненъ въ дѣлахъ, сладкорѣчивъ, любить свѣтское житѣе и веселье; онъ былъ знакомъ маркизѣ, когда она была мадамъ Тироля; онъ въ ве-

¹) 187, 277.

²) 237, 245, 274.

205, 274, 279, 293.

чтобы при какомъ-нибудь слушаніи говорить о себѣ заставилъ. Вся сила состоять въ маркизѣ Помпадуръ, по чрезмѣрной милости и довѣренности къ ней королевской. То безспорно, что она имѣеть весьма проницательный и прехитрый разумъ. Она всѣ мѣры приняла и неусыпно старается о сохраненіи своего кредита; для того въ министерствѣ посадила такіхъ людей, которые не только бѣ ей преданы, но и знаніемъ и умомъ не неравны были".

Дипломатическая дѣятельность Бехтѣева была затруднена особенно двумя обстоятельствами. Впервыхъ, иѣкоторымъ неудобствомъ для Бехтѣева было стараніе австрійской дипломатіи по возможности не допускать самостоятельныхъ прямыхъ сношеній между французскимъ и Петербургскимъ кабинетами. Роль посредника между Франціей и Россіей нравилась Австріи. Бехтѣевъ страдалъ отъ такой опеки графа Штаремберга. Въ августѣ 1756 г. онъ пишетъ: „Я очень примѣтилъ, что Вѣнскій дворъ весьма хотѣлъ, чтобы моя комиссія чрезъ нихъ шла, и нынѣ колечно старается, чтобы до прибытія пословъ по меньшей мѣрѣ начать негоціацію между нашимъ и здѣшнимъ дворомъ". 16-го сентября: „Вѣнскій дворъ хотѣлъ, чтобы Франція ему одолженіе имѣла въ приведеніи насть съ нею въ доброе согласіе и теперь конечно того наблюдаетъ и впредь наблюдать будетъ, чтобы мы съ здѣшнимъ дворомъ сами собою безъ его посредства ничего не дѣлали". 23-го сентября: „Я еще повторяю, что Вѣнскій дворъ старается, дабы мы безъ него съ здѣшнимъ ничего не дѣлали, особенно въ нынѣшихъ обстоятельствахъ". 8-го ноября: „Графъ Старембергъ... сильно того наблюдаетъ, чтобы всѣ наши дѣла чрезъ него шли, и для того ни мало, что до негоціаціи ни касается, мнѣ не сообщасть, дая о томъ знать здѣшнему двору, что нашъ всю о томъ довѣренность къ Вѣнскому имѣеть и чрезъ него все производить хочетъ; для того мнѣ мало о дѣлахъ говорить... Нашему послу трудно будетъ привыкать къ здѣшнимъ порядкамъ. Графъ Старембергъ его опасается, потому что одинъ нашихъ дѣлъ ужъ дѣлать не станетъ; для того скажиши, чтобы до прибытія ихъ окончить". Бехтѣевъ находить, что Петербургскій кабинетъ самъ виноватъ, подчиняясь такому влянію Австріи. Онъ замѣчаетъ 8-го февраля 1757 года: „Все сіе происходитъ, что мы нѣвѣдомо для чего своего ministra не держали. Всегда, милостивый государь, худо чрезъ третьаго говорить, изволите теперь видѣть, что мы до того приведены, что иѣкоторымъ образомъ намъ въ Вѣнскомъ дворѣ для Турковъ нужда, нарочно спѣшили всѣ дѣла наши до прибытія пословъ окончать; боятся Вѣнцы, чтобы мы здѣсь ничего особ-

ливаго не заключили. Изволите увидѣть, что во всемъ намъ здѣсь препятствовать будуть и не станутъ печалиться, если между нами *холодность* будетъ". Сильно жалуется Бехтѣевъ на неоткровенность Штаремберга, который только и заботится о томъ, „чтобы все чрезъ каналъ его двора шло, и мы бы токмо то вѣдали, что имъ надобно"¹⁾.

Очевидно, многія дѣлашли помимо Бехтѣева; онъ не имѣть ни достаточныхъ инструкцій, ни полныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ. Не только Вѣнскія дипломатія старалась ограничивать его значеніе, но и Петербургскій кабинетъ, въ отношеніи къ Бехтѣеву, не дѣйствовалъ открыто. Можетъ казаться даже страннымъ, что Воронцовъ считалъ нужнымъ содержать въ Парижѣ дипломатическаго агента, не имѣющаго ни вѣса, ни значенія, именно потому, что онъ не былъ снабженъ необходимыми для успешной дѣятельности данными. Поэтому-то онъ въ своихъ донесеніяхъ иногда жалуется на „воздержаніе" Рулье и Штаремберга въ обращеніи съ нимъ. О тайныхъ негоціаціяхъ между Вѣнскимъ и французскимъ дворами, о которыхъ зналъ Воронцовъ, какъ видно изъ приписки его къ одному изъ писемъ Бехтѣева²⁾, не знали ни Дугласъ въ Петербургѣ, ни Бехтѣевъ въ Парижѣ. Послѣдній пишетъ въ октябрѣ 1756 года: „О важныхъ дѣлахъ нельзя мнѣ требовать, чтобы могли они вдругъ совершиенную откро- венность ко мнѣ имѣть. И такъ хотя иногда стороною что и услышу, опасаюсь прямо у нихъ навѣдываться, дабы чрезвычайныи любопыт- ствомъ не подать повода къ подозрѣнію. А между тѣмъ, не будучи подлинно увѣренъ, по публичнымъ слухамъ ни о чёмъ доносить не отваживаюсь.... Я", жалуется Бехтѣевъ въ мартѣ 1757 года, „не снаб- денъ точными и ясными повелѣніями, и во всемъ поступаю какъ хо- дящій человѣкъ во тѣмъ ощупкою. Новѣнно мнѣ, милостивый госу- дарь, споспѣшествовать, во вѣ чёмъ, того я не знаю; а здѣсь мнѣ не сказываютъ, но только мнѣ всегда внушаемо было, что здѣшнія дѣла хорошо идутъ", и проч.³⁾.

Такимъ образомъ, положеніе Бехтѣева въ Парижѣ было довольно странное. О его дипломатической миссіи знали, по крайней мѣрѣ, Рулье, Конти, король, маркиза Помпадуръ, Берни и прочія лица фран- цузскаго двора, а также и графъ Штарембергъ. Съ другими дипло- матами онъ видѣлся довольно часто, обѣдалъ то у папскаго нунція, то у испанскаго посланника, былъ хорошо принятъ даже у „Помпа-

¹⁾ 184, 198, 203, 219, 233, 241.

²⁾ 211.

³⁾ 290.

дурши", постоянно занимался дѣлами, старался вникать въ саму суть положенія политическихъ вопросовъ, довольно подробно излагалъ свои соображенія о томъ, какъ слѣдовало бы Россіи дѣйствовать, а между тѣмъ, многое отъ него скрывали не только иностранные, но даже и русскіе министры. Его пребываніе въ Парижѣ оказывается чѣтъ не лишнимъ, особенно послѣ того, когда въ концѣ 1756 года туда приѣхать русскій посланникъ, кназъ Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Это обстоятельство умаляетъ нѣсколько значеніе этихъ донесеній Бехтѣева, какъ источника для исторіи переговоровъ между Россіей и Франціей въ 1756 году. Даѣте нужно сожалѣть о томъ, что изданы только письма Бехтѣева къ Воронцову, а вовсе неизвѣстны письма Воронцова къ Бехтѣеву. Тѣмъ не менѣе эти донесенія могутъ считаться важнымъ приобрѣтеніемъ для исторической литературы.

Изучая русскіе матеріалы для исторіи Семилѣтней войны, изданіе въ Архивѣ кназа Воронцова, мы разсмотримъ значеніе ихъ по слѣдующимъ вопросамъ. Прежде всего, мы посмотримъ, каковы были отношенія Россіи къ Англіи и какимъ образомъ они измѣнились вслѣдствіе заключеннаго между Пруссіей и Англіей договора, въ январѣ 1756 года; затѣмъ мы намѣрены изложить исторію сближенія Россіи съ Австріею, съ цѣлью нападенія на Пруссію; далѣе мы укажемъ на исторію дипломатическихъ союзій между Россіей и Франціей; наконецъ, на основаніи всѣхъ данныхъ, относящихся къ неготіації между Россіей съ одной и прочими державами съ другой стороны, мы постараемся подтвердить мнѣніе нѣмецкихъ историковъ, что не Фридрихъ, а Австрія и Россія были виновницами нарушенія мира.

Для того, чтобы оцѣнить значеніе бумагъ Воронцовскаго архива въ отношеніи къ переговорамъ между Англіей и Россіей въ 1756 году, необходимо указать предварительно на существовавшія въ послѣднее время до этого года сношенія между этими обѣими державами. Созданіеніе Ганновера съ Англіей заставляло послѣднюю державу постоянно заботиться о союзахъ съ континентальными державами для обеспеченія своихъ германскихъ владѣній. Поэтому въ сороковыхъ годахъ былъ заключенъ между Англіей и Россіей договоръ, въ силу котораго Англія платила ежегодно 100.000 фунт. стерл., а Россія обязалась содержать въ Лифляндіи и въ Литвѣ 30.000 человѣкъ войска на случай помощи Англичанамъ. Въ продолженіе всего этого времени Англія тратила довольно значительныя суммы денегъ на то, чтобы задобрить Бестужева, который въ 1756 году могъ считаться глав-

нымъ сторонникомъ союза съ Англіей. Такъ какъ договоръ въ извѣстное время могъ считаться направленнымъ противъ Пруссіи и имѣть цѣлью положить конецъ завоеваніямъ Фридриха, то и Австрія была имъ весьма довольна, и князь Кауницъ въ маѣ 1754 года настаивалъ на возобновленіи его. Для Австріи было весьма выгоднымъ превратить Ганноверъ въ средоточіе враждебныхъ махинацій противъ Фридриха Великаго.

До 1755 года англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ былъ Ген Дикенсъ, человѣкъ уже пожилой, который считалъ для себя невозможнымъ участвовать въ придворныхъ празднествахъ такъ часто, какъ желали этого при дворѣ. Поэтому онъ былъ смѣненъ, и на мѣсто его былъ назначенъ Генбури Уилламсъ, до того находившійся при дворѣ польскаго короля Августа III и не даромъ считавшійся однимъ изъ способѣйшихъ противниковъ Фридриха Великаго. Въ Дрезденѣ онъ мечталъ о раздѣлѣ Пруссіи; въ Петербургѣ онъ былъ очень доволенъ встрѣтить при дворѣ нѣкоторыхъ лицъ, также настроенныхъ противъ Фридриха¹).

И англійское правительство въ 1755 году не было расположено въ пользу Пруссіи. Въ инструкціи Уилламсу министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Годдернесь поручилъ новому посланнику внушить С.-Петербургскому кабинету, что интересъ Россіи требуетъ остановить честолюбивые замыслы короля Прусскаго, и что если Россія не рѣшится противодѣйствовать опаснымъ намѣреніямъ послѣдняго и останется въ бездѣйствіи, то будетъ считаться лишь азіатскою державою, не имѣющею никакого вѣса и значенія въ Европѣ²). Въ особенности же Россія должна была дѣйствовать противъ Франціи. Англія желала располагать во всякомъ случаѣ русскимъ войскомъ въ размѣрѣ 55.000 человѣкъ. Англія изъявила готовность платить 500.000 фунт. стерл. ежегодно.

Сначала Уилламсъ въ Петербургѣ дѣйствовалъ удачно. Въ своихъ донесеніяхъ онъ писалъ, что и Бестужевъ, и даже Воронцовъ съ Олсуфьевымъ и Волковымъ стоятъ за союзъ съ Англіей, и только просили, чтобы англійское правительство не жалѣло денегъ на единовременные подарки и ежегодная пенсія этимъ лицамъ. Бестужевъ, составивъ проектъ возобновленія преж资料ного договора согласно съ желаніями англійского правительства, получилъ, кроме обыкновенныхъ дипломати-

¹) Объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи см. Германъ, V, 94; Раумеръ, III, 276, 281, 282, 285, 300; Шефферъ, I, 101, 141.

²) Раумеръ, 286.

ческихъ подарковъ, еще сумму 10.000 фунт. стерл. Воронцовъ также былъ щедро награжденъ и Уилліамсъ ходатайствовалъ о выдаче ему, кромѣ определенной ему платы (*above his ordinary fees*), еще перстня, цѣною около 3.000 рублей¹⁾.

Междѣ тѣмъ однако въ продолженіе слѣдующихъ мѣсяцевъ произошло полнѣшее измѣненіе отношеній между главными европейскими державами. Англія, находившаяся въ союзѣ съ Австріей, никакъ не желала поддерживать предположенія послѣдней державы захватить вновь Силезій. Поэтому Австрія именно для достижениа послѣдней цѣли думала о сближеніи съ Франціей. Англія, послѣ объявленія войны Франціи, надѣялась на обеспеченіе своихъ германскихъ владѣній чрезъ союзъ съ Фридрихомъ Великимъ. Фридрихъ же, зналъ, что Англія имѣть сильное влияніе на Петербургскій кабинетъ и даже располагасть значительнымъ отрядомъ русскихъ войскъ, уже по этому самому, для обеспеченія своихъ восточныхъ границъ, желалъ сближенія съ Англіей.

Такимъ образомъ, въ то время, когда императрица Елизавета откладывала ратификацію договора съ Англіей, происходило довольно тайно и неожиданно для прочихъ державъ заключеніе англо-прусского договора 16-го января 1756 года.

Фридрихъ Великий утверждалъ въ началѣ 1758 года, что онъ заключилъ этотъ договоръ съ Англіею въ томъ предположеніи, что влияніе Англіи въ Петербургѣ окажется сильнѣе влиянія Австріи²⁾. Однако именно въ послѣднее время происходило сближеніе между Россіей и Австріей, и развивались соображенія о необходимости „сократить“ Фридриха. Русское правительство, при заключеніи союза съ Англіей преимущественно имѣвшее въ виду враждебныя дѣйствія противъ Пруссіи, было въ крайнемъ недоумѣніи, когда Англія, соединившись такимъ образомъ съ Фридрихомъ, тѣмъ не менѣе требовала ратификаціи англо-русского договора о вспомогательныхъ войскахъ и субсидіяхъ³⁾.

О томъ, какъ подѣйствовалъ англо-прусский договоръ на Петербургскій кабинетъ, можно судить по реєскрипту, отправленному къ русскому посланнику въ Лондонѣ, князю Голицыну, 8-го февраля 1756 года и напечатанному въ Архивѣ князя Воронцова⁴⁾. Содержаніе

¹⁾ См. депеши Уилліамса у Раумера, 292—294.

²⁾ Раумеръ, 454.

³⁾ Договоръ сообщенъ цѣлкомъ у Шефера, I, 582.

⁴⁾ Архивъ, 333—339.

этого документа донынѣ было известно только чрезъ чѣкоторыя замѣчанія въ письмѣ лорда Гольдернесса къ Уилліамсу, въ излеченіи, напечатанномъ въ сочиненіи Раумера¹⁾.

Въ рескриптѣ князю Голицыну прежде всего говорится о томъ, что негодіація между Россіей и Англіей не имѣть „другого виду, какъ только обуздать короля прусскаго и дивераю ему сдѣлать, ежелиъ онъ кого-либо изъ общихъ нашихъ союзниковъ атаковать похуился“. Затѣмъ упоминается о заключеніи между Англіей и Пруссіей договора, „чтобъ вступленію чужестранныхъ войскъ въ Германію супротивляться“, и замѣчается, что пожалуй вслѣдствіе этого договора можно было бы ожидать сохраненія мира Фридрихомъ. Однако тутъ же указывается на беспокойный правъ послѣдняго и на то обстоятельство, что „король Прусскій при первомъ своемъ впаденіи въ Шлезію, въ то самое время и день, австрійскому министру маркизу Боттѣ въ кабинетѣ своемъ наисильнѣйшія подавалъ о дружбѣ ко двору его увѣренія, когда указы къ арміи своей отправлялъ атаковать области тогдашней королевы Венгеро-Богемской“. Голицынъ долженъ дать знать англійскому министру, что императрица „не можетъ сообразить заключеніе сего трактата съ обнадеживаніями толико намъ о дружбѣ его величества повторенными, а наименьше съ должною между союзниками откровенностю“ Необъясненіе со стороны Англіи о намѣреніи вступить въ такія сношенія съ Пруссіей будетъ сочтено Россіей за нарушеніе „наружной благопристойности“ и „простаго обыкновенія“. Россія не понимаетъ, „какія бы нужныя причины англійскій дворъ имѣть къ заключенію трактата... Ежели англійскій дворъ думаетъ, что онъ чрезъ то безопаснымъ сдѣлаетъ Вѣнскій дворъ со стороны короля Прусскаго, ...то мы думаемъ, что въ томъ великая ошибка есть... Уступленіе королю Прусскому чреазъ англійскую же мѣдіацію Шлезіи и англійская на ону ему гарантія не сдѣлала сего государя признателнымъ... Изъ заключеннаго нынѣ въ Лондонѣ съ королемъ Прусскимъ союза, мы не усматриваемъ иного для Англіи дѣйствія какъ только, что огорчается тѣмъ Вѣнскій дворъ и много ослабѣваетъ существо заключеній съ нами конвенціи. А напротиву того ясно доказать можно, что буде ость отъ онаго какая польза, то вся королю Прусскому“. О послѣднемъ сказано далѣе: „Онъ поведеніемъ своимъ въ послѣднюю воину самъ научилъ союзниковъ при первомъ оной воспаленіи совокупными силами на него напасть... и справедливо опасался, что за-

¹⁾ 316.

ключенная съ нами конвенція... и расположение аустрійскихъ войскъ по большей части въ близости къ его границамъ составляютъ такую тучу, которая на него вдругъ со всѣхъ сторонъ грянетъ, сколь скоро бы только сигналъ къ войнѣ данъ былъ. Къ отвращенію сего смертного ему удара, могла ли когда-либо политика быть лучше дѣйствительной, какъ заключеніе трактата, которымъ обѣщается супротивляться вступленію чужестранныхъ войскъ въ Германію, чѣмъ однакоже только наши помощные наипаче разумѣться имѣли бъ. ...Сей трактатъ, доставляя безопасность королю Прусскоему, не связываетъ однакоже ему руку учинить новое въ Богемію внаденіе". Въ заключеніе довольно рѣзко говорится объ Англіи: „Политика англійскаго двора въ томъ цѣ понятна, что, сдѣлавъ много, не доканчиваетъ малаго... Такого рода политика его въ доставленіи королю Прусскоему Шлезіи, таковъ скоропостижно заключенный въ Ахенѣ миръ безъ согласія аустрійскаго дома, а на его изживеніи, таковъ наонецъ и нынѣ заключенный съ королемъ Пруссіи трактатъ... Мы не сумѣваемся, что англійской дворъ самъ признаетъ скоропостижность своего поступка" и проч.

Князь Голицынъ прочиталъ Гольдернесу этотъ реєрнштъ. Англійскій министръ удивился нѣсколько такому раздраженію Россіи именно потому, что донесенія Уилліамса совершенно противорѣчили смыслу русскаго документа¹⁾). Англійскій посланикъ писалъ, что Бестужевъ говоря съ нимъ о новомъ договорѣ между Англіей и Пруссіей, „дѣлалъ ему комплиментъ" насчетъ послѣднаго и только прибавилъ, что Елизавета, по всей вѣроятности, найдетъ „неудобнымъ", что объ этомъ договорѣ было сообщено прежде аустрійскому посланнику въ Лондонѣ, а затѣмъ только русскому, и что дѣйствительно сближеніе Пруссіи съ Англіей не можетъ быть пріятно императрицѣ. Впрочемъ Бестужевъ, давъ почувствовать Уилліамсу, что онъ еще не получалъ обѣщанныхъ денегъ отъ Англіи, изъявилъ готовность, въ случаѣ получения ихъ, дѣйствовать въ пользу Англіи и согласно съ этимъ сообщилъ Уилліамсу депешу князя Голицына, только-что полученную изъ Лондона и дешифрованную для императрицы. Что касается до Воронцова, то онъ не безъ ироніи и двусмыслично замѣтилъ Уилліамсу, что „Россія въ случаѣ нарушенія мира Фридрихомъ намѣренна исправно исполнить свои обязанности"²⁾.

¹⁾ Раумеръ, 116.

²⁾ Раумеръ, 308.

Бестужевъ, побуждаемый личными интересами, ласкалъ Уилламса. Послѣдній не зналъ о положеніи дѣла, о раздраженіи императрицы, о готовящейся коалиціи противъ Фридриха, объ успѣшной дѣятельности графа Эстергази въ это самое время. Поэтому пользуясьъ, почти исключительно депешами Уилламса, Раумеръ сильно ошибается, утверждая, что Россія не обращала большаго вниманія на заключеніе договора между Англіей и Пруссіей. Уилламсъ писалъ также, что и Австрія довольно равнодушно смотрѣтъ на новый трактатъ, что Эстергази продолжаетъ обращаться съ нимъ весьма ласково и старается сообщать ему по возможности болѣе новостей¹⁾). Наконецъ, Уилламсъ разчитывалъ еще на близкую, но его мнѣнію, кончину императрицы Елизаветы тѣмъ охотнѣе, что ~~она~~ хорошо знала о расположении въ пользу Англіи великой княгини Екатерины²⁾.

Напротивъ того, изъ бумагъ Воронцовскаго архива видно, что ни Петербургскій, ни Вѣнскій кабинетъ не были равнодушны, къ сближенію между Англіей и Пруссіей. Въ какой мѣрѣ этотъ договоръ возбуждалъ австрійское правительство противъ обѣихъ державъ, видно изъ неизвѣстнаго доселѣ рескрипта Маріи-Терезіи къ графу Эстергази, сообщеннаго Бестужеву и Воронцову 19-го февраля и напечатанного въ III-мъ томѣ Архива князя Воронцова (стр. 339—354). Мы укажемъ только на некоторые важныя мысли въ этомъ любопытномъ документѣ, неизвѣстномъ, какъ кажется, и профессору Ранке, между тѣмъ какъ онъ рельефнѣе другихъ, сообщенныхъ этимъ историкомъ рескриптовъ Эстергази и найденныхъ имъ въ Вѣнскомъ архивѣ, рисуетъ образъ мыслей Вѣнскаго кабинета³⁾.

Марія-Терезія желаетъ „чтобъ общесоглашено было, какъ бы дальновидныемъ замысламъ короля Пруссіаго предѣлы положить“⁴⁾. она считаетъ „Россійскій дворъ для равнаго статскаго интереса въ разсужденіи короля Пруссіаго и Порты за натурального союзника Австріи“⁵⁾. За то она порицааетъ рѣзко образъ дѣйствій Англіи, которая „единственно на свой собственный статскій интересъ, а отнюдь

¹⁾ Раумеръ, 314.

²⁾ Тамъ же, 315.

³⁾ У Ранке говорится на стр. 118 и 119-о двухъ документахъ, отъ 28-го января и 11-го февраля Вѣнцахъ ветрѣчаются некоторые мысли, заключающіеся также въ русскомъ переводе рескрипта, однако Ранке воспроизводить содержаніе приведенныхъ имъ документовъ такъ кратко, что нельзя решить окончательно вопросъ о тождественности ихъ. Во всякомъ случаѣ, въ сочиненіи Ранке не встрѣчается многихъ важныхъ мыслей этого напечатанного на русскомъ языке рескрипта.

не на интересъ своихъ союзниковъ смотрѣла и ихъ только простыми орудіями употреблять хотѣла, дабы сакрификуя ихъ собственныя, Англійскій послѣдствоватъ". Интересъ Англіи, продолжаетъ Марія-Терезія, требуетъ вражды противъ Франціи, союза съ Пруссіей и Швейцаріей и потому, напримѣръ, Англія гарантировала Пруссіи Силезію. Австрія, напротивъ, признаетъ Пруссію опаснѣйшимъ сосѣдомъ и тайнымъ непріятелемъ. Даѣе Марія-Терезія находитьъ страннѣмъ, что Англія заключила договоръ съ Пруссіей безъ согласія и безъ вѣдома союзниковъ и даже не сообщила кощи съ трактата; она находитьъ, что такъ не должно обращаться съ древною, вѣрною и полезною союзницей. Ей „наибольше чувствительно англійское малодушеніе, показанное Ея Величеству Россійской императрицѣ, близкайшей союзницѣ“ Марія-Терезіи. Очевидно Англія, которая не можетъ сомнѣваться въ непріятельскихъ умыслахъ короля Пруссійского противъ Россіи и Австріи, желаетъ прежнюю дружбу съ Россіей промѣнять на дружбу Пруссіи. О Фридрихѣ Великомъ Марія-Терезія говоритъ, что онъ „еще больше распространить свою область и сдѣлается на сухомъ пути ужасомъ Европы“. Протестанты, надѣясь на Фридриха, притѣсняютъ католиковъ, пренебрегаютъ верховною главой имперіи и поступаютъ такъ, будто хотятъ новой войны за вѣру и желаютъ сдѣлать короля Пруссійского антицесаремъ. Англія же старается привлечь къ себѣ сильнѣйшіе протестантскіе дома, какъ то Пруссію, Брауншвейгъ и Гессенъ, и положить основаніе протестантскому соединенію. При такихъ обстоятельствахъ Марія-Терезія находить, что „французскій дворъ особенно всакую атенцію заслуживаетъ“, и что обо всемъ „въ тѣснѣйшей откровенности“ нужно донести императрицѣ Елизаветѣ, съ англійскимъ же посломъ Уиліамомъ графъ Эстергази долженъ поступать со всякою осторожностью и не вступать съ нимъ ни въ малѣйшую откровенность.

Междудѣмъ въ Петербургѣ узнали подробности англо-пруссійского договора. Изъ всеподданѣйшаго доклада императрицѣ (Арх. кн. Воронцова III. 355) видно, что Уиліамъ былъ у Бестужева и бесѣдовалъ съ нимъ и съ Воронцовымъ объ этомъ предметѣ (22-го февраля). Бестужевъ, сдѣлавъ уже прежде императрицѣ предложеніе учредить особыную комиссию для обсужденія вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ поступать Россіи при столь натянутомъ положеніи дѣль, утверждалъ, что Россія, не смотря на англо-пруссійский договоръ, можетъ сохранить въ далѣе въ полной силѣ свой собственный договоръ о субсидіяхъ съ Англіей (см. тамъ же 358). При этомъ однако Бестужевъ бытъ того

мнѣнія, что Россія не должна упускать изъ виду, что „король Пруссій на пунктѣ стоять похитить славу, принадлежащую однѣй Ея Императорскому Величеству, и сдѣлаться арбитромъ Европы“, и что потому нужно все приготовить къ походу. „Король Пруссій“, продолжаетъ Бестужевъ, „натурально подозрѣвал, что всѣ чинимыи здѣсь движенія намѣреніе усмиреніе его въ виду имѣютъ, поки-нетъ думать о распространеніи своей силы и власти, но паче въ страхѣ и недѣйствіи останется. А Англія, увидя потому, что дружба сего государя ей совсѣмъ безполезна, будетъ о нынѣшнемъ своемъ съ нимъ трактатѣ раскаиваться и потому стараться сю прошибку наградить ближайшимъ съ здѣшнимъ дворомъ соединенiemъ“. Бестужевъ обращаетъ вниманіе императрицы на неудобство часто собирать конференцію по поводу этихъ вопросовъ; онъ замѣчаетъ, что резо-люція конференціи весьма часто прекословятъ одна другой, „потому что никакой прямой конексіи въ оныя вести нельзѧ“; поэтому учреж-деніе комиссіи или „тайного военнаго совѣта“ ему кажется гораздо цѣлесообразнѣе. Бестужевъ считалъ Россію до того влиятельною дер-жавою въ Европѣ, что одно учрежденіе такого совѣта, по его мнѣ-нію, должно было „остановить на довольноное время разолюціи всѣхъ въ Европѣ державъ, ибо каждый за нужно и необходимо для себя почесть обождать сперва, какіи будутъ сего новаго военнаго совѣта упражненія и къ чему прямо опредѣленіе его клониться имѣть, а язъ того то произойдетъ, что стараясь каждый ближе здѣшнія склон-ности распознать, натурально принужденъ будетъ свои тѣмъ больше обнажить, а всегда здѣшнему двору оставить во власти уѣшненіе между ими дѣлать“ Такимъ образомъ Бестужевъ надѣлся прину-дить всѣ державы, удиви и останови каждую въ своихъ устремле-ніяхъ, обратить глаза и атенцію предпочтительно всѣмъ другимъ на здѣшній дворъ, и чрезъ то сдѣлать ихъ неотмѣнными искателями здѣшней дружбы, избирать тогда что лучше“.

Бестужевъ составилъ проектъ инструкціи тайному военному совѣту. Тутъ опять таки указывается на необходимость „приводить ко-роля Пруссіаго въ прежнее его для нашей имперіи не толь вреди-тельное состояніе“, на заключеніе съ Англіей договора о субсидіяхъ именно для этой цѣли. Англія, говорится далѣе въ этомъ проектѣ, почитается прямое равновѣсие въ Европѣ въ равновѣсіи протестант-ской религіи съ римскою и желаетъ, чтобы римская императорская корона могла быть „не въ однихъ католицкихъ, но по перемѣнамъ и въ протестантскихъ домахъ“; этимъ самымъ Австрія будетъ при-

нуждена думать о союзѣ съ Франціей, а затѣмъ не боясь болѣе французскихъ интригъ противъ Австріи при Оттоманской Портѣ, Вѣнскій кабинетъ не будетъ столько заботиться о союзѣ съ Россіей, такъ что Россія этимъ самыи лишится отчасти своей „инфлюенції“ въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ нужно препятствовать, чтобы Фридрихъ сдѣлался мѣдіаторомъ между Франціей и Англіей и „арбитромъ“ всей Европы, и слѣдовательно, получиль бы новые способы пріобрѣсти себѣ приращеніе. Между тѣмъ для Россіи было бы тѣмъ безславнѣе выпустить изъ рукъ свою, „инфлюенцію“, что Петру Великому такъ много стоило пріобрѣтеніе оной. Чрезъ сохраненіе знатности и инфлюенціи Россіи можно надѣяться на приведеніе Прусскаго короля въ прежніе предѣлы.

И императрица, и Бестужевъ, и Воронцовъ, и коллегія иностранніхъ дѣлъ были согласны въ той мысли, что слѣдуетъ заботиться о „сокращеніи“ силъ короля Прусскаго. За то такого согласія не было въ отношеніи въ англо-руssкому договору, какъ видно изъ „мѣнія коллегіи иностранніхъ дѣлъ“ и „примѣчаній къ нему граfa Бестужева“ (Арх. кн. Воронцова III. 368—375). Коллегія находила, что образъ дѣйствій Англіи вся здѣшняя система опровергнута, что англо-прусскимъ трактатомъ уничтожается англо-руssкая конвенція о субсидіяхъ, и что Россія, при такихъ обстоятельствахъ, не можетъ принимать далѣе субсидій отъ Англіи. При этомъ коллегія однако считала возможнымъ сохраненіе дружбы между Англіей и Россіей и желала, чтобы никакой явной холодности между обѣими державами не было. За то Россія должна совѣтовать англійскому двору, чтобы онъ не давилъ королю Прусскому столь выгодную для него честь мѣдіаторства, и чтобы Англичане свои интересы не ввѣрили въ его руки и на его рѣшеніе.

Совсѣмъ другого мнѣнія былъ Бестужевъ, хотя и онъ допускалъ, что англо-прусский договоръ „разрушаетъ прямой видъ здѣшней конвенціи, то-есть, чтобы атаковать короля Прусскаго общими силами“. По его мнѣнію, Россія не должна, была отказываться отъ договора съ Англіей уже потому, что этимъ самыи Россія „окажеть предъ всѣмъ свѣтомъ только напрасно, какое было противъ короля Прусскаго устремленіе, и доставитъ ему сатисфакція, такъ сказать ручаться, что онъ политикою своею въ ничто обратилъ здѣшнее намѣреніе. Увидить онъ, чего ему для переду отъ здѣшней стороны ожидать надлежитъ и что прежде нежели успѣютъ его силы сократить, надобно ему стараться о сокращеніи здѣшнихъ“. „Правда“,

продолжаетъ канцлеръ, „ежелибъ намѣреніе принято было теперь тотчасъ короля Пруссаго атаковать, то здѣшняя конвенція почти сама уничтожалась бы, и не прилично было бъ отъ Англіи получать деньги для атакованія ея пріятеля. Но понеже сіе намѣреніе, хотя бъ и принято было, такъ скоро въ дѣйствіе произведено быть не можетъ, ибо надобно о томъ согласиться съ Вѣнскимъ дворомъ, а сіе соглашеніе нѣкотораго времени требуетъ, хотя и сумнѣнія нѣть, что Вѣнскій дворъ съ радостію на то поступитъ, да и дѣйствительно чинимы къ войнѣ приготовленія для лучшаго онъхъ успѣха надлежало бы такъ скрывать отъ короля Пруссаго, чтобы онъ не примѣтилъ, что атаковать его соглашено: то видится подобная конвенція, какова здѣшняя съ Англіею наилучшимъ pretextомъ служить сдѣлать сіи приготовленія королю Пруссому не-примѣтными. А англійскій дворъ, употребя самъ противу здѣшняго политику, что здѣшнею конвенцію пользовался привлекши себѣ короля Пруссаго, надобно и противу его употребить ону, и дружбой англійской съ королемъ Пруссикимъ къ тому пользоваться, чтобы атаковать сего послѣдняго тогда, когда бъ онъ того наименьше ожидалъ, слѣдовательно съ большею обѣ успѣхъ надежностій“.

Итакъ, Бестужевъ полагалъ, что отказаться отъ конвенціи съ Англіей „еще всегда время будетъ, а теперь нѣть никакой нужной причины на то поступать такъ скоропостижно и рановременно“. За то, по его мнѣнію, слѣдовало доказывать Англіи, „воль обманчива дружба короля Пруссаго, и тѣмъ, буде можно, мало по малу отводить Англію отъ оной и направлять на путь прежней системы“.

О томъ, какъ въ это время сама императрица относилась къ вопросу о конвенціи съ Англіей, мы узнаемъ подробно изъ весьма любопытнаго донесенія графа Эстергази, сообщеннаго въ сочиненіи Ранке. Однажды, по случаю свадьбы одной изъ статсъ-дамъ, она встрѣтилась съ австрійскимъ посланникомъ и заговорила съ нимъ обѣ англо-прусскомъ трактатѣ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ. Она спросила графа Эстергази: какъ думаютъ обѣ этомъ предметѣ въ Вѣнѣ. Эстергази увѣръялъ, что Вѣнскій дворъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Петербургскаго, что обѣ державы имѣютъ одинаковый интересъ, и что онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до этого сообщилъ Бестужеву подробнную записку обѣ особенно дружескомъ и союзническомъ расположениіи Австріи къ Россіи. Императрица высказала крайнее удивленіе, что ей ничего не было сказано о сообщеніи такой записки графа Эстергази, и при этомъ случаѣ вообще сильно жаловалась на небрежность, упра-

ство и властолюбие Бестужева, который никакъ не терпать ни малѣшаго вліянія другихъ лицъ на дѣла и состоять въ близкихъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ и его супругою и котораго личность становится ей, императрицѣ, все болѣе и болѣе непріятною. Далѣе Елизавета жаловалась на упрямство, съ которымъ наследникъ престола противодѣйствуетъ ея соображеніямъ, и кончила тѣмъ, что она имѣть полное довѣріе къ графу Эстергazi¹⁾.

Такое нерасположеніе императрицы къ Бестужеву могло повлиять и на рѣшеніе вопроса объ англо-русской конвенціи. Ранке сообщаетъ весьма любопытный фактъ, что противники Бестужева вели ли перевести замѣтки английскихъ газетъ объ этой конвенціи, подвергли эти газетныя статьи строгому анализу и стали возбуждать императрицу противъ Англіи. Они, между прочимъ, утверждали, что Россія нуждается въ войскахъ, обѣщанныхъ Англіи, для сохраненія порядка внутри имперіи, что англійскія субсидіи далеко недостаточны для покрытия расходовъ при содержаніи войскъ въ болѣе отдаленныхъ странахъ, и что Бестужевъ при заключеніи такой конвенціи не имѣлъ въ виду пользу государства. Вслѣдствіе всего этого Елизавета изъявила готовность ратифицировать англо-русскую конвенцію не иначе, какъ по присовокупленіи особенного условія, а именно такого ограниченія, что русскія войска, предоставленные Англіи, могутъ быть употреблены не иначе какъ противъ Пруссіи, въ случаѣ нападенія, сдѣланнаго послѣднею державой или на Англію, или на союзника Англіи, то-есть, на Австрію²⁾.

^{14/25}-го марта происходило засѣданіе конференціи, въ которомъ участвовали императрица, великий князь, Бестужевъ, Воронцовъ, братья Шуваловы и другие сановники, и въ которомъ, какъ видно изъ бумагъ князя Воронцова, читались вышеупомянутые документы, и обсуждался вопросъ объ англо-русской конвенціи. Объ этомъ засѣданіи весьма мало узналъ англійский посланникъ Уилліамсъ, предъ которымъ систематически скрывали настоящія намѣренія Россіи; за то Ранке разказываетъ ходъ преній въ этомъ засѣданіи по депешѣ графа Эстергази, который легко могъ узнать о подробностяхъ этого дѣла при томъ особенномъ довѣріи, какимъ онъ, какъ мы видѣли, пользовался со стороны даже самой императрицы. Изъ архива князя Воронцова мы знаемъ лишь о томъ, какія бумаги были послушаны въ

¹⁾ Ранке, стр. 133 и 134.

²⁾ Ранке 131. Шеффер 144. Раумер 344.

этомъ засѣданіи; о бесѣдѣ, сопровождавшей чтеніе, разказываетъ Ранке, по донесенію Эстергази, найденному имъ въ Вѣнскомъ архивѣ, слѣдующее:

„Бестужевъ открылъ засѣданіе чтеніемъ записки, въ которой по разнымъ соображеніямъ предлагалъ принять субсидіи отъ Англіи. Императрица возразила, что она тѣмъ самымъ обезчестила бы себя въ глазахъ Европы. Она стала горячо говорить противъ виновника конвенціи, Бестужева, который, очевидно руководимый своими личными выгодами, старается сосредоточивать всѣ дѣла исключительно въ своихъ рукахъ. Она настойчиво указывала на распоряженія Петра Великаго, въ силу которыхъ для обсужденія иностраннныхъ дѣлъ всегда должна была существовать особенная коллегія. Въ этомъ тонѣ заговорили потомъ и некоторые другие члены конференціи; Бестужевъ, въ смущеніи, со слезами увѣралъ, что не можетъ ни на шагъ отступиться отъ своего мнѣнія въ отношеніи къ Англіи, что онъ не можетъ согласиться на что-либо, несогласное съ его честью. Можетъ-быть, въ первый разъ при этомъ случаѣ обнаружилось влияніе супруги великаго князя, въ послѣдствіи Екатерины II. Англійскій посолъ состоялъ съ нею въ перепискѣ политического содержанія и не могъ нахвалиться тою ревностью, съ которой она поддерживала мнѣніе о сохраненіи въ силѣ англійской конвенціи, несмотря на англо-пруссій трактатъ о нейтралитетѣ. При подачѣ мнѣній шесть голосовъ, голоса великаго князя и Бестужева были за сохраненіе въ силѣ англійской конвенціи; четыре члена, между ними Воронцовъ, были противъ конвенціи. Касательно субсидій однако было определено, что принятіе ихъ должно обусловливаться благоприятнымъ отвѣтомъ Англіи на прибавленную къ ратификаціи ограничивающую силу конвенціи декларацио“¹).

Вскорѣ послѣ этого однако оказалось, что Англія и знать не хотѣла о какомъ-либо ограниченіи такого рода, включающемъ въ себѣ при настоящемъ положеніи дѣла одно лишь оскорблѣніе для Фридриха Великаго. Такимъ образомъ, возобновленіе конвенціи оказалось дѣломъ несбыточнымъ, несмотря на оптимизмъ Уилліамса и на старанія Бестужева, имѣвшаго все еще, какъ видно, между прочимъ, изъ вышеупомянутой баллотировкѣ, сильное влияніе. Очевидно, Бестужевъ сообщилъ кое-что Уилліамсу о происходившемъ въ конференціи и въ то же самое время объявилъ ему, что пока не можетъ

¹) Реляція Эстергази отъ 19-го марта у Ранке, стр. 137.

съ нимъ имѣть свиданія, но что не теряетъ надежды на благопріятный исходъ дѣла¹⁾.

Весьма любопытно видѣть, что въ то самое время, когда въ Петербургѣ, весною 1756 года, было опредѣлено сдѣлать со стороны Австріи и Россіи нападеніе на союзника Англіи, Фридриха Великаго, англійскій посланникъ Уилліамсъ не терялъ надежды сохранить прежнія дружескія отношенія между Англіей и Россіей и все еще хлопоталъ о конвенції.

Такой взглядъ Уилліамса былъ важенъ въ томъ отношеніи, что и Фридрихъ Великій, въ это время часто получавшій извѣстія изъ Англіи, надѣлся на миръ со стороны Россіи. Часто въ это время онъ обращался къ англійскому посланнику Мичеллю съ вопросомъ, можно ли надѣяться на союзъ между Англіей и Россіей, и каждый разъ получалъ утвердительный отвѣтъ²⁾). Фридрихъ хорошо понималъ, что мирнымъ расположениемъ Россіи обусловливалось тогда спокойствіе Германіи³⁾). Для этой цѣли онъ старался настраивать Оттоманскую Порту противъ Россіи, надѣясь этимъ отвлечь вниманіе Петербургскаго кабинета отъ германскихъ дѣлъ; для этой цѣли и онъ, и англійское правительство старались подкупомъ дѣйствовать на влиятельнѣйшихъ сановниковъ въ Петербургѣ.

Въ то самое время, когда Фридрихъ писалъ къ Мичеллю, что надѣется на сохраненіе мира чрезъ возобновленіе англо-русскоаго трактата, Елизавета оставалась при своемъ мнѣніи, „что по силѣ конвенціи съ Англіей, думано здѣсь получить удобный случай къ атакованію короли Пруссаго общими силами и потому съ менѣшею трудностію привести его въ желаемое сокращеніе силъ“⁴⁾). А между тѣмъ Уилліамсъ надѣялся на Бестужева, который долженъ быть дѣйствовать въ пользу мира. „Бестужевъ боленъ“, писалъ англійскій посланникъ 12-го іюня, — „но онъ стоитъ за дѣло Англіи. Военные приготовленія не поведутъ ни къ чему“⁵⁾.

Продажность Бестужева и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ доходила до крайнихъ предѣловъ. Уже въ 1745 году одинъ дипломатъ

¹⁾ См. Раумеръ, 815. О немедленіи Англіи согласиться на ограниченіе въ конвенціи см. тамъ же письмо Гольдернеса къ Уилліамсу.

²⁾ См. Раумеръ, 335.

³⁾ Раумеръ, 341.

⁴⁾ Архивъ кніазя Воронцова, III. 377. Объявление императрицы персонамъ, собравшимъ въ совѣтѣ.

⁵⁾ Раумеръ, 343.

пишетъ о Бестужевѣ, что онъ береть денегъ отъ противоположныхъ партий, обѣщаю одной дѣйствовать угрозами противъ другой, и обѣщаю послѣдней не приводить въ дѣйствие этихъ угрозъ¹⁾). Въ началѣ юла Уилліамсъ писалъ: „Бестужевъ жалуется, что не можетъ жить вполнѣ независимо жалованьемъ, получаемымъ отъ императрицы въ размѣрѣ 7.000 рублей; онъ желаетъ, чтобы король Англійскій назначилъ ему 2.500 ф. ст. ежегодно, и въ такомъ случаѣ онъ готовъ впредь служить Англіи безусловно“²⁾). Въ Англіи на это требование согласились тотчасъ же, въ надеждѣ на сильное вліяніе Бестужева. Равнымъ образомъ и великая княгиня изъявила желаніе получить отъ Англіи 20.000 червонцевъ, утверждая, что она должна тратить большія деньги для того, чтобы подкупить прислуго императрицы³⁾). Уилліамсъ также писалъ, что посланный Воронцова сказалъ ему: „Все прошлое слѣдуетъ забыть; дѣла могутъ поправиться. Вы еще никогда не обращались къ вице-канцлеру надлежащимъ образомъ. Постройка его городского дома начата англійскими деньгами; пять - шесть лѣтъ онъ не строился далѣе; нужно и достроить этотъ домъ англійскими деньгами“ Я отвѣтилъ: вице-канцлеръ поинѣ вѣль себя такъ, что онъ долженъ теперь сперва доказать свою преданность, а затѣмъ только я могу съ нимъ вступить въ сдѣлку. „Если вы“, возразилъ мнѣ поѣренный вице-канцлера, „не хотите дать денегъ, то другое дадутъ; вотъ и Дугласъ уже иѣкоторымъ лицамъ роздалъ много денегъ“⁴⁾. 17-го августа Уилліамсъ писалъ: „Въ настоящее время вліяніе Бестужева имѣть перевѣсь. Если онъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ обѣщаетъ, то все пойдетъ хорошо“ И Фридрихъ II, съ своей стороны, вѣль предложилъ Бестужеву 100.000 талеровъ. Уилліамсъ пишетъ 28-го сентября: „Я старался подѣйствовать на Бестужева въ пользу Пруссіи. Первые два - три раза я находилъ его недоступнымъ; чѣмъ яснѣе я, однако, выражался въ отношеніи къ размѣру суммы денегъ, тѣмъ болѣе онъ уступалъ. Наконецъ, онъ мнѣ подалъ руку и сказалъ: „Отнынѣ я буду другомъ короля, но пока не вижу, какимъ образомъ я могъ бы быть полезнымъ ему. Еслибы я зналъ это двумя мѣсяцами раньше, то многое можно было бы сдѣлать“. Къ этому, однако, Бестужевъ прибавилъ, что онъ нуждается

¹⁾ Германнъ, V. 90.

²⁾ Раумеръ, 347.

³⁾ Тамъ же, 348.

⁴⁾ Тамъ же, 349.

еще въ деньгахъ для другихъ лицъ и просилъ для этой цѣли еще 10.000 червонцевъ¹⁾.

Но было уже поздно дѣйствовать въ пользу Англіи и Пруссіи. Сближеніе съ Австріей и съ Франціей повело уже къ опредѣленнымъ результатамъ. Старанія Уилліамса и Бестужева оказались тщетными. „Англійский посланникъ“, замѣчаетъ Екатерина въ своихъ запискахъ, „былъ или казался обманутымъ канцлеромъ. Бестужевъ не могъ дѣлать того, чего хотѣлъ. Его противники вытѣснили его и интриговали, или же они были предметомъ интриги для того, чтобы привлечь ихъ къ французско-австрійской партіи, къ которой они были очень склонны“²⁾.

Изъ Архива князя Воронцова мы узнаемъ о послѣднихъ попыткахъ Уилліамса сохранить связь между Англіей и Россіей еще слѣдующее. 12-го августа онъ имѣлъ официальную бесѣду съ вице-канцлеромъ и старался уговорить его къ принятію Россіей субсидій въ размѣрѣ 100.000 ф. ст., представляя при этомъ, что Россія тѣмъ самымъ ни къ чему обязана не будетъ. Но послѣ того въ конференціи 17-го августа было рѣшено отказать въ принятіи этихъ денегъ въ настоящее время, потому что такое „домогательство Англіи заставляетъ подозревать, нѣтъ ли въ томъ соглашенія съ королемъ Прусскімъ на мѣренія, дабы чрезъ то буде не вынудить здѣшнюю помощь противу Франціи, то однакоже, парадируя отправленіемъ помянутой суммы, не токмо ону, то-есть, Францію, но и Вѣнскій дворъ тревожить и приводить въ недовѣрку о истинности здѣшнихъ намѣреній, слѣдовательно, затруднить и воспрепятствовать производимую съ французскимъ дворомъ негоціацію“. За то было рѣшено отвѣтить Уилліамсу, что Россія не совсѣмъ отказывается отъ принятія субсидій, но не можетъ принять ихъ до полученія изъясненій о намѣреніяхъ Англіи³⁾.

Междудѣмъ началась война, и Уилліамъ долженъ былъ оставить Петербургъ. Въ послѣднее время своего пребыванія тамъ онъ еще чрезъ самого Бестужева, котораго саксонскій кабінетъ считалъ тогда главой австрійско-саксонской партіи въ Петербургѣ, узналъ иѣкото-

¹⁾ Raumer, 378, 398 — 400.

²⁾ Memoiren der Kaiserin Katharina. Hannover 1859 (deutsche Ubersetzung), 236.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, III. 438, 433 и 434. Лордъ Вальдегревъ замѣтилъ: «Хотя въ Руссіи не исполнили своихъ обѣщаній, они поступили благородно, чѣмъ обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ, такъ какъ они, не желая за- слушать себѣ нашихъ денегъ, отказали въ полученіи иныхъ». См. Mahon, Gesch. v. England 1713—1763. IV, 92.

рыя важные подробности объ образѣ дѣйствій Россіи лѣтомъ 1756 года и о томъ, какъ русскій дворъ въ юнѣ этого года непремѣнно хотѣлъ открыть военныхъ дѣйствій, и что только вслѣдствіе инѣнія графа Эстергази и Воронцова, желавшихъ отсрочки войны, этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе¹⁾). Равнымъ образомъ, отъ великаго князя и великой княгини Уилліамса въ послѣднее время своего пребыванія въ Петербургѣ получиль письма, въ которыхъ была выражена искренняя привязанность къ Англіи и сожалѣніе о неуспѣшной дѣятельности англійскаго посланника²⁾.

Изъ бумагъ Архива князя Воронцова видно далѣе, что Уилліамсъ въ послѣднее время все еще хлопоталъ о возобновленіи истекавшаго торговаго договора съ Англіей, но Петербургскій кабинетъ рѣшиль по возможности не давать на этотъ счетъ опредѣленного отвѣта, „пока бы точно увѣдомлено было, какую англійскій дворъ партію пріимѣтъ“³⁾).

Наконецъ, была сдѣлана еще послѣдняя попытка сохранить дружбу Англіи съ Россіей. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ Архива князя Воронцова, Англія чрезъ Уилліамса, послѣ открытия военныхъ дѣйствій въ Германіи, сдѣлала Россіи предложеніе взять на себя мідіацію между воюющими державами для возстановленія мира. Конференція въ докладной запискѣ предложила отвѣтить Уилліамсу, что „императрица не ожидала такого поступка отъ англійскаго посланника, и что дальнѣйшее о мідіації упоминаніе болѣе выслушивано не будетъ“⁴⁾). Въ запискѣ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ это предложеніе называется „хитрою ухваткою къ воспричинствованію между союзниками недолѣрія“⁵⁾.

Такимъ образомъ, переговоры между Англіей и Россіей кончились охлажденіемъ дружбы между обѣими державами. Возстановленіе мира было возможно не tanto скоро. Сближеніе между Австріей, Франціей и Россіей, съ цѣлью по возможности уничтожить Фридриха Великаго, на долгое время вовлекло Европу въ кровопролитную войну.

Россія и Австрія уже съ давнихъ порь были союзниками противъ-Пруссіи. Какъ только Австрія потеряла Силезію, Вѣнскій и Петербургскій кабинеты стали думать объ отнятіи этой провинціи у Фрид-

¹⁾ Раумеръ, 406.

²⁾ Раумеръ, 451.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, III. 477.

⁴⁾ Тамъ же, 540.

⁵⁾ Тамъ же, 546.

риха. Въ 1746 году между обѣими державами былъ заключенъ договоръ, на основаніи котораго обѣ императрицы обѣщали помочь другъ другу въ случаѣ нападенія, сдѣланнаго на одну изъ нихъ кѣмъ бы то ни было. Въ какой мѣрѣ ожидали такого нарушенія мира со стороны Пруссии, и какимъ образомъ противники Фридриха хотѣли воспользоваться такимъ случаемъ для „сокращенія силъ Прусскаго короля“, видно изъ четвертаго секретнаго параграфа этого договора, гдѣ прямо сказано, что „въ случаѣ войны Маріи-Терезіи или Елизаветы или Польской республики съ Пруссіей, Вѣнскій и Петербургскій дворъ имѣстѣ объявлять войну королю Прусскому для завоеванія въ пользу Маріи-Терезіи Силезіи и графства Глацскаго“. Саксонія не формально, но на фактѣ считалась союзницей обоихъ императорскихъ дворовъ¹⁾.

Весьма рельефно изображено значеніе этого договора въ мнѣніи коллегіи иностраннѣхъ дѣлъ, читанномъ въ вѣсѣданіи конференціи 14-го марта. Въ этомъ документѣ говорится слѣдующее: „Съ того времени, какъ удалось королю Прусскому завоеваніемъ Силезіи и послѣдовавшими потомъ счастливыми войскъ его предпріятіями въ Богеміи и Саксонії умножить силы свои и въ дѣлахъ инфлюенцію, не токмо сдѣлался здѣшнему двору и Вѣнскому весьма опаснымъ, но и при каждомъ по интересамъ здѣшнимъ предпріятіемъ заставляетъ имѣть на него оглядку и непрестанную осторожность. По сей причинѣ главный видъ здѣшней системы и союза съ Вѣнскимъ дворомъ онъ въ томъ только обращался, чтобы всякий случай, въ которомъ бы удобно было сократить толь опасныхъ короля Прусскаго силы и привести его въ прежніе умѣренности предѣлы, изъ рукъ не упустить, но общимъ союзникамъ нашихъ содѣствованіемъ и по равному въ томъ Вѣнскаго двора интересу оними пользоваться. Въ семъ-то намѣреніи какъ при заключеніи въ 1746-мъ году съ Вѣнскимъ дворомъ союзномъ трактатѣ постановлено секретное обязательство, чтобы въ случаѣ нарушенія мира отъ короля Прусскаго дѣйствовать противъ него соединенными силами и стараться отобрать отъ него Силезію, такъ и всѣ въ высочайшемъ Ва-шего Императорскаго Величества присутствіи бывшихъ совѣтахъ про-исходившія разсужденія всегда основаны были на признанной отъ всѣхъ необходимой надобности сократить силы короля Прусскаго²⁾.“

¹⁾ Herrmann, Gesch. d. russ. Staats, V. 130.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, III. 368.

Какъ видно, Россія не менѣе Австріи желала дѣйствовать наступательно противъ Фридриха. Въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія существовала мысль о лишеніи Пруссіи значенія первоклассной державы. Наконецъ, Австрія и Россія приняли намѣреніе привести ее въ исполненіе.

Не только въ отношеніи къ Пруссіи Россія и Австрія имѣли одинаковые интересы, но также и въ отношеніи къ Оттоманской Портѣ. Бестужевъ говоритъ въ своемъ донесеніи объ англо-пруссскомъ договорѣ, что „Вѣнскій дворъ по причинѣ Туровъ отъ здѣшней дружбы никогда отстать не можетъ“; изъ-за Туровъ, часто подстрекаемыхъ противъ Австріи Франціей, Петербургскій кабинетъ опасался сближенія между послѣдними державами, ожидалъ, что Вѣнскій дворъ, не имѣя болѣе повода бояться Туровъ, не останется въ столь тѣсной дружбѣ съ Россіей¹⁾.

Изъ донесеній графа Эстергази, которыми пользовался Ранке въ своемъ сочиненіи о причинахъ Семилѣтней войны, видно, какимъ образомъ вліяніе австрійской дипломатіи дѣйствовало на Петербургскій дворъ, еще болѣе раздражая императрицу Елизавету противъ Фридриха²⁾. Изъ бумагъ же Воронцовскаго архива явствуетъ, что Петербургскій кабинетъ и самъ по себѣ питалъ враждебныя намѣренія противъ Фридриха.

Въ грамотѣ о томъ, что императрица „всевысочайше повелѣваетъ собраннымъ въ совѣтѣ персонамъ объявить“, встрѣчается вопросъ: „Начинающаяся между Франціей и Англіей война не подастъ ли удобнаго случая приняться за исполненіе сего толико и давно желаемаго намѣренія (сокращенія силъ короля Пруссіаго)? И для того не надобно ли Вѣнскому двору предложить, что буде онъ интересу своему за сходно находить и никакой опасности съ другой стороны, а именно отъ Франціи, не предвидѣть, то не хочетъ ли начать войну противъ короля Пруссіаго и отыскивать потерянную Шлезію. Такоже для большаго ободренія Вѣнскаго двора къ сему предпріятію... не надобно ли послу графу Эстергази предложить, колику съ здѣшней стороны въ успѣху сего предпріятія содѣйствовано будетъ, дабы тѣмъ скорѣе соглашеніе о томъ въ совершенство привести, ибо ежели чтѣ предпринимать, то надобно безъ упущенія времени“³⁾.

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 359 и 363.

²⁾ Ранке, 128, 129. О дѣятельности Эстергази пишеть въ своихъ запискахъ Екатерина, 224.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 378.

Объ успѣхѣ переговоровъ Русскаго двора съ графомъ Эстергази мы узнаемъ изъ разкзания послѣдняго, помѣщенаго у Ранке. 5-го апрѣля 1756 года былъ при дворѣ большой цримъ иностранныхъ дипломатовъ. Тутъ были и Уилліамъ и Эстергази. Послѣдній имѣлъ при этомъ случаѣ въ присутствіи Бестужева и Воронцова весьма важную бесѣду съ императрицей. Онъ сообщилъ ей о ходѣ переговоровъ между Австріей и Франціей и замѣтилъ, что послѣдняя держава, вѣроятно, откажется отъ союза съ Пруссіей и допустить завоеваніе Силезіи Австріей; къ этому онъ прибавилъ, что въ случаѣ удачнаго окончанія переговоровъ съ Франціей, и не иначе какъ именно въ этомъ случаѣ, Марія-Терезія рѣшила отнять у Фридриха Силезію; Австрія намѣрена употребить для достижениія этой цѣли всѣ свои силы и надѣется на то же самое со стороны Россіи. Императрица, весьма внимательно слѣдя за сообщеніемъ австрійскаго посланника, поручила Бестужеву отвѣтать графу Эстергази. Отвѣтъ былъ таковъ, что Австрія во всякомъ случаѣ, даже въ случаѣ неуспѣшной негоціаціи съ Франціей, можетъ разчитывать на Россію, что уже три года все приготовлено для такой цѣли, что соглашеніе съ Англіей имѣло ту же цѣль, и что нынѣшнее заключеніе союза между Англіей и непріятелемъ нисколько не измѣняетъ намѣреній императрицы. Россія, сказалъ Бестужевъ далѣе, намѣревалась предложить Маріи-Терезіи наступательный союзъ. Россія готова помочь Маріи-Терезіи не только въ надеждѣ на получаемыя изъ того выгоды, но даже и подвергая себя опасности понести ущербъ. Въ этомъ смыслѣ съ жаромъ говорилъ и Воронцовъ, повторяя тѣ самые аргументы, которые были высказаны Австріей. Все это совѣщеніе происходило не въ формальной аудіенціи, а какъ бы случайно¹⁾. Англійскій посланникъ Уилліамъ, находившійся въ той же залѣ, ничего не подозрѣвалъ о происходившемъ почти на его глазахъ окончательномъ соглашеніи между Елизаветой и представителемъ Маріи-Терезіи. Для того, чтобы не дать нималѣйшаго подозрѣнія Уилліамсу, императрица тотчасъ же послѣ окончанія бесѣды съ графомъ Эстергази подошла къ англійскому посланнику съ совершенно равнодушнымъ выраженіемъ лица и начала разговаривать съ нимъ весьма любезно. Вскорѣ послѣ того было составлено Бестужевымъ, Воронцовымъ и графомъ Эстергази официальное письменное опредѣлѣніе по этому вопросу²⁾.

¹⁾ Ранке, 139 и 140.

²⁾ Ранке, 139, 140. Въ это время Уилліамъ писалъ: «Ich fürchte die österreichischen Minister richten ihre Gedanken mehr auf Wiedergewinn von Schlesien

Объ этомъ соглашениі мы подробиѣе знаемъ изъ двухъ документовъ Архива князя Воронцова, а именно изъ грамоты „для всесысочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія“ и изъ „Перевода съ данной послу графу Эстергазію въ вышепомянутой конференціи записки“¹⁾.

Достойно вниманія то обстоятельство, что главныя лица въ Петербургскомъ кабинетѣ сочли удобнымъ только отчасти сообщить государственной конференціи содержаніе этихъ документовъ, а именно, какъ сказано въ припискѣ къ этимъ бумагамъ, лишь „то, что только до самаго дѣла принадлежитъ, а все то скрыто будетъ, чтѣ показать можетъ, что посолъ графъ Эстергази уполномоченъ уже негодировать и здѣсь наступательный противъ короля Пруссаго союзъ, дабы въ конференціяхъ не больше извѣстно было, какъ что будто первыя къ тому предложенія отсюда учинены, и дабы тѣмъ данное отъ Ея Императорскаго Величества обнадеживаніе о храненіи въ не-проницаемой тайности Эстергазиевої негодіації дѣйствительно исполнить“. Почему и послу вновь повторительное увѣреніе дано, что его негодіація въ крайнемъ сокрѣтѣ содержана будеть“.

Въ конференціи съ графомъ Эстергази ему была дана записка, замѣняющая формальный договоръ о нападеніи на Пруссію. Въ этой запискѣ императрица изъявляетъ готовность „весьма охотно содѣствовать ко усмирению Пруссаго короля“; далѣе сказано, что „обстоятельства таковы, что ни малѣйшаго отлагательства не терпѣть, когда прямое намѣреніе есть достигнуть толь давно жажданное сокращеніе силъ короля Пруссаго. Объ договаривающіяся державы и каждая съ своей стороны учинять сильное на короля Пруссаго нападеніе и каждая къ тому употребить не менѣе какъ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ регулярнаго войска“. Война будетъ продолжаться, пока не исполнится обязательство, принятое четвертымъ тайнымъ сепаратнымъ артикуломъ заключеннаго въ 1746 году трактата, „сирѣчь пока дѣйствительно Ея Величество Римская императрица-королева потерян-

als auf die Sicherheit ihrer Verbundeten und den Frieden von Europa. Deshalb sind sie über jeden Plan aufgebracht, der zur Ruhe füht. Rauter III. 320.

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, III., 384—390. У Ранке сказано, что аудіенція происходила 5-го апрѣля. Нужно помагать, что тутъ означень новый стиль или 25-го марта старого стиля. На другой день, сказано у Ранке далѣе, происходила конференція между Эстергази, Бестужевымъ и Воронцовымъ, значитъ, 26-го марта. Изъ документовъ Воронцовскаго архива однако видно, что эта конференція про-исходила 9-го апрѣля.

ные королю Прусскому во время послѣдней войны Шлезию и Глацъ паки пріобрѣтеть, и пока напротиву того Ея Императорское Величество Всероссийская завоюетъ всю королевскую Пруссію. Но понеже Ея Императорское Величество Всероссийская съ землю за собою удержать не хощеть и не намѣрена, а напротиву того обивутся возвратить оную и присоединить республику Польской, то предыдущій артикулъ и до того распространиться имѣть, что оружіе не прежде покидать, какъ когда королевская Пруссія Польшъ дѣйствительно присоединена будетъ, а Ея Императорское Величество Всероссийская во взаимство того получить княжество Курляндское и Семигальское, и такое съ польской стороны границъ окруженіе, которымъ бы продолжалася объ нихъ донынѣ несогласія пресѣчены быть могли. Когда война дѣйствительно начнется, то обѣ содоговаривающіяся стороны будутъ приглашать Швецію и Саксонію приступить къ сему наступательному союзу, и для того представать первой завоеваніе и присвоеніе Помераніи, а второй городъ Магдебургъ съ принадлежащими къ нему дистриктами". Эти мнѣнія должны были служить основаніемъ заключаемому наступательному союзу. Въ заключеніе были сообщены графу Эстергази подробныя данныя о количествѣ и мѣстопребываніи войскъ, находившихся въ распоряженіи Россіи для нападенія на Пруссію. Между этими войсками главную цифру (73,182 человѣка) составляла „контингентъ изъ 28 полковъ пѣхоты около Риги, въ Курляндіи и по Двінѣ“, а затѣмъ еще было сказано, что „флотъ такъ вооруженъ будетъ, что не только галеры прикрывать и Прусскіе берега обезпокоивать, но и крѣпости бомбардировать и блокировать можетъ“.

Эстергази былъ очень доволенъ этой запиской и замѣтилъ, что хотя въ ней и нѣтъ прямаго плана военныхъ операций, но расположение войскъ такъ умно сдѣлано, что многие планы могутъ быть приведены въ исполненіе. Кроме того, графу Эстергази было объявлено, что „Россія склонна приступить въ негодицуемому союзному трактату съ Франціей, „когда приглашеніе учтено будетъ“, и что для этой цѣли ко всѣмъ русскимъ при другихъ дворахъ находящимся министрамъ будутъ отправлены циркулярныя предписанія, чтобы они съ французскими министрами ласковѣ обращались. Графъ Эстергази замѣтилъ, что будущая война съ Пруссіей не будетъ опасною для Россіи, потому что Фридрихъ долженъ будетъ оставить большую часть своихъ войскъ въ Силезіи, „наибольшая часть жителей которой, буде ие всѣ генерально, съ радостю приходу австрійскихъ войскъ ожи-

даетъ, дабы наконецъ несноснаго имъ прусскаго правленія и налогъ избавиться¹⁾.

О намѣреніяхъ русскаго двора въ это время мы знаемъ еще изъ другого документа, а именно изъ „всеподданнѣйшаго доклада, на кото-ромъ императрица 30-го марта написала: „Быть по сему“, и въ ко-торомъ излагается программа Петербургскаго кабинета въ слѣдую-щихъ пунктахъ: 1) самымъ дѣломъ приняться за сокращеніе силъ ко-роля Пруссаго; 2) въ случаѣ, что Вѣнскій дворъ отъ участія въ та-кой войнѣ уклонился бы, опасаясь, чтобы Франція ему диверзіи не сдѣлала, нужно 3) приласкать Францію, чтобы она спокойно смотрѣла на сокращеніе короля Пруссаго и Вѣнскому двору не препятство-вало, 4) Польшу приуготовлять, чтобы она проходу здѣшнихъ войскъ для атакованія Пруссіи не препятствовала; 5) стараться Турокъ и Шведовъ содержать въ тишинѣ; все это имѣть цѣлью, „ослабя Прусс-скаго короля, сдѣлать его для здѣшней стороны нестраннымъ и не-заботнымъ; усилить Вѣнскій дворъ возвращеніемъ Силезіи; сдѣлать союзъ съ Австріей противъ Турокъ болѣе важнымъ и дѣйствитель-нымъ; одолжить Польшу доставленіемъ ей королевской Пруссіи и во-взаимство получить отъ нея Курляндію и окружение съ польской сто-роны, которымъ бы не только нынѣшняя безпрестанная обѣ нихъ хло-поты и беспокойства пресѣклись, но можетъ быть и способъ достался бы комерцію Балтійскаго моря съ Чернымъ соединить и чрезъ то почти всю Левантскую коммерцію въ здѣшнихъ рукахъ имѣть“ Затѣмъ, докладъ предлагаетъ привести войско въ надлежащее со-стояніе для того, „чтобы не токмо въ случаѣ сопѣщенія Вѣнскаго двора на войну противъ короля Пруссаго, тотчасъ его атаковать можно было, но чтобы здѣшняя готовность Вѣнскому двору на сie предпріятіе и ободреніемъ служила; и для того расписаніе о томъ и опредѣленіе не только сдѣлать, но по наступленіи весны и въ дѣй-ство произвести“²⁾.

Какъ видно, Россія спѣшила приведеніемъ въ исполненіе своего плана. Въ конференціяхъ 4-го и 6-го апрѣля были сдѣланы распо-раженія о приготовленіи войска и флота къ походу³⁾. Въ Австріи, напротивъ того, не считали возможнымъ такъ скоро приступитьъ къ этому дѣлу, какъ видно изъ письма князя Кауница къ графу Эстергази,

¹⁾ Этотъ документъ уже въ извлечениіи помѣщенъ у Шефера 159 изъ „Neue Acten-stücke. 1841.“

²⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 379—381.

³⁾ См. подробности въ Архивѣ князя Воронцова, III, 397—415.

которое читалось въ конференціи въ Петербургѣ 4-го іюня, и содержаніе котораго намъ подробнѣе известно изъ сочиненія Шефера, заимствовавшаго и этотъ документъ изъ изданія 1841 года: „Neue Aesthetische Stucke über die Veranlassung des Siebenjährigen Krieges“. Въ этой инструкціи Кауница изъявляетъ готовность Австріи привести въ исполненіе „великую идею“, но говоритьъ, что все должно будетъ зависѣть отъ образа мыслей французскаго кабинета. Впрочемъ, даже при удачномъ исходѣ переговоровъ съ Франціей, послѣдніе могутъ продолжаться еще нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что начало военныхъ дѣйствій будетъ возможно не ранѣе какъ весною 1757 года. Между тѣмъ, по мнѣнію Кауница, стѣдовало бы стараться всевозможными способами „скрывать игру“, препятствовать всякому подозрѣнію со стороны Англіи и Пруссіи и сохранять намѣреніе союзниковъ въ совершенной тайнѣ; при уваженіи Англіи и Пруссіи въ Россіи, это легко будетъ возможно¹⁾.

Графъ Эстергази обратилъ вниманіе своего двора на недостаточность приготовленій Россіи къ войнѣ, и особенно на то обстоятельство, что Россія не имѣла особенно замѣчательныхъ полководцевъ²⁾. Тѣмъ болѣе повода имѣлъ Вѣнскій кабинетъ сдерживать стремленіе Петербургскаго кабинета къ начатію войны. Въ Петербургѣ однако этимъ были недовольны, и Елизавета въ той самой конференціи, въ которой читалась копія инструкціи князя Кауница къ графу Эстергази, рѣшила: „Вѣнскій дворъ чрезъ посла графа Эстергазія пристойнымъ образомъ побуждать, чтобы онъ скорѣе и дѣйствительно вступилъ въ предложенные съ ихъ и здѣшней стороны виды о соглашеніи атакованіи короля Пруссіаго; ибо легко случиться можетъ, что Франція съ Англіей примиреніе свое сдѣлаетъ, и такимъ образомъ весь случай, да можетъ - быть и навсегда, отнимется желанное сокращеніе силъ короля Пруссіаго достичнуть. Также Вѣнскому двору дать знать, что хотя Ея Императорское Величество изъ усердія къ общему дѣлу и въ угодность желаніямъ императрицы-королевы повелѣла на время остановить здѣшнія великия военные движенія, однакоже напротивъ того, не смотря на учиненное о войскахъ новое расположение, они въ такомъ состояніи находятся и находиться будутъ, что въ весьма маломъ времени нѣчто дѣйствительное и важное сперва стоящими дѣйствительно въ близости къ границамъ войсками пред-

¹⁾ Schäfer, I. 160.

²⁾ Ranke, 178.

нріято, а потомъ тотчасъ онии другими подкѣплены и усилены бѣть могутъ, ежели Вѣнской дворъ съ своей стороны что-либо предпріять готовъ и въ возможности будеть¹⁾.

Вскорѣ затѣмъ Фридрихъ, пользуясь несогласіемъ своихъ противниковъ, сдѣлалъ нападеніе на Саксонію²⁾. Для него именно въ этоѣ несогласіи между Россіей и Австріей относительно срока осуществленія „великихъ ідей“ заключалось спасеніе.

Когда послѣ битвы при Ловозичѣ австрійскій посланикъ въ Петербургѣ жаловался на медленность движений Русскихъ, Бестужевъ въ негодованіи сказалъ английскому посланнику Уилліамсу: „Вмѣсто того, чтобы жаловаться на русскихъ министровъ, австрійскимъ министрамъ слѣдовало бы подумать о томъ, что я могу заставить ихъ сознаться, что они сами виноваты, что уже два мѣсяца тому назадъ 40.000 человѣкъ Русскихъ не было отправлено въ Саксонію“. Уилліамъ просилъ Бестужева объяснить подробнѣе положеніе дѣлъ, и послѣдній сообщилъ ему слѣдующее: Въ юнѣ мѣсяцѣ саксонскій посланикъ при русскомъ дворѣ объявилъ, что Пруссій король намѣревается напасть на Саксонію, и что поэтому Саксонія просить 12.000 человѣкъ вспомогательныхъ войскъ. Тогда въ Россіи тотчасъ же рѣшили отправить немедленно не 12.000, а 40.000 человѣкъ, но графъ Эстергази, послѣ того какъ надлежащее распоряженіе было уже подписано императрицей Елизаветой, остановилъ отправленіе русского войска въ Саксонію, и вице-канцлеръ Воронцовъ поддерживалъ въ этомъ отношеніи австрійскаго посланника столь энергично, что планъ отправленія войска остался исполненнымъ³⁾.

Что дѣйствительно Австрія желала отсрочить нападеніе на Фридриха, видно изъ „секретнѣйшаго“ рескрипта императрицы Елизаветы въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 26-го августа, въ которомъ было рѣшено объявить графу Эстергази между прочимъ слѣдующее: „Что Ея Императорское Величество весьма входить изволить въ тѣ уваженія, для которыхъ Ея Величество императрица-королева не могла равнѣе учинить такихъ великихъ военныхъ приготовленій, способомъ бы которыхъ лучше короля Пруссій предупредить можно было, неожели бы теперь предупрежденія съ его стороны опасаться надлежало... Умѣренность съ такимъ государемъ, который самъ ея ни въ чёмъ

¹⁾ Архивъ князя Воронцова. III, 426. Въ Пруссіи думали, что Россія не была готова къ походу; см. Раумера, 372.

²⁾ Schäfer, I. 181.

³⁾ Раумера, II. 406.

не имѣть, видится, была чрезмѣрна... Еслибъ же Ея Императорское Величество... не была удержана желаніемъ поступать во всемъ какъ можно согласно и единодушно съ Ея Величествомъ императрицею-королевою, то плоды того конечно уже награждали бы чаемыя нынѣ есть сказанной умѣренности выгоды; ибо король Пруссій конечно не поступилъ бы на такія нестерпимыя угрозы, какія Клингрефомъ (прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ) письменно сдѣланы, наименѣше же было бы дѣйствительное теперь его нападеніе опасаемое, а по меньшей мѣрѣ бы теперь адѣльная многочисленная армія въ собраніи въ готовности по первому его движенью такъ-сказать, по ля-тамъ за нихъ слѣдоватъ; Саксонія не была бы въ такой заботѣ, какъ нынѣ, и по меньшей мѣрѣ знала бъ она чего держаться, и знали бы оба императорскіе двора, чего отъ нихъ ожидать надобно. Но какъ простое сожалѣніе о прошедшемъ ничего не поправляетъ, то... теперь уже дѣло въ томъ состоять, чтобы сюю опасность не отвратить, а уменьшить, и слѣдстіемъ ея не только не вредніи, но наче, сколько можно, полезными сдѣлать" и пр.¹⁾.

Итакъ, изъ всего сказанного по отношенію къ образу дѣйствій Австріи и Россіи видно, что, съ одной стороны, эти державы находились едѣвать нападеніе на Пруссію съ цѣлью лишить Фридриха Великаго значенія первокласснаго государя, и что, съ другой стороны, Пруссій король тоже и не имѣлъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ нападеніи, но зналъ достаточно, чтобы оцѣнить опасность отъ положенія Пруссіи; отсюда kommtno, какъ было необходимо ему принять энергичнѣя и быстрыя мѣры для предупрежденія Россіи и Австріи. Наконецъ, изъ сообщенныхъ нами данныхъ видно еще, что Россія болѣетъ Австріи желала наступательнаго движенья противъ Фридриха, житъ въ виду достигнуть такимъ способомъ присоединенія Курляндіи и еще нѣкоторыхъ частей Польши въ Россіи. Австрія же медила, откладывая нападеніе на Фридриха до весны 1757 года. Это отсутствие совершеннаго соудасія между императорскими дворами главнымъ образомъ содѣйствовало спасенію Фридриха Великаго.

Сближеніе между Россіей и Франціей произошло немногимъ позже сближенія между Россіей и Австріей, а именно во второй половинѣ 1756 года.

Франція была въ союзѣ съ Фридрихомъ Великимъ въ первое время

¹⁾ Архивъ князя Воровцова, III. 441—442.

царствованія этого государя. Тѣмъ бояжъ извѣстіе о заключеніи между Англіей и Пруссіей договора озадачило французское правительство. Франція, постоянно враждавшая съ Англіей, должна была искать себѣ другихъ союзниковъ на континентѣ. Авторъ, сочиненія „Die Geheimnisse des sachsenischen Cabinets“ довольно справедливо называетъ заключенный 1-го мая 1756 года между Австріей и Франціей договоръ прямымъ слѣдствіемъ Лондонского трактата между Пруссіей и Англіей¹⁾.

Любопытно однако, что о переговорахъ между Австріей и Пруссіей въ Петербургѣ сначала знали весьма немного, и что русское правительство сперва было нѣсколько недовольно такимъ сближеніемъ между Вѣнскимъ и Версальскимъ кабинетами. 3-го марта 1756 года императрица Елизавета поручила коллегіи иностраннѣй дѣлъ составить мнѣніе о томъ, что Россія слѣдуетъ дѣлать въ случаѣ сближенія между Австріей и Франціей, такъ какъ „по публичнымъ вѣдомостямъ разглашается, якобы Вѣнскій дворъ съ Франціей нѣкоторыя потаенные соглашенія чинитъ“²⁾. Бестужевъ не желалъ сближенія между Россіей и Франціей. Въ мнѣніи, поданномъ императрицѣ 4-го марта, онъ выразилъ свое убѣждѣніе, что Вѣнскій дворъ, несмотря на „огорченіе его противъ Англіи, отъ всякой отчаянной резолюціи себя воздержитъ и не дастъ себѣ Франції изъ обмана, которая, можетъ-быть, только раздѣленія между здѣшними союзниками ищетъ“. По мнѣнію Бестужева, Россія отнюдь не могла желать союза между Франціей и Австріей, ибо тогда „наиначе опасаться надлежитъ, что Вѣнскій дворъ, не опасаясь болѣе французскихъ при Оттоманской Шортѣ подущей, паче же предлагаясь на содѣствованіе, въ союзѣ съ нами меныше рачить будеть, таинъ что изъ всего того легко произойти можетъ, что здѣшняя имперія безъ друзей и безъ союзниковъ и буде не въ опасности, то однакоже въ меньшемъ почтеніи и отъ всякой въ европейскіхъ дѣлахъ иніциаціи исключенно найдется“. Напротивъ торо, коллегія иностраннѣй дѣлъ гораздо хладнокровнѣе смотрѣла на возможность союза между Австріей и Франціей и замѣтила, въ своемъ докладѣ императрицѣ, что пока нужно ожидать подтвержденія слуховъ о соглашеніи Вѣнскаго двора съ Франціей, но что такое соглашеніе можетъ считаться невѣроятнымъ. „Междуда тѣмъ“, продолжаетъ докладъ коллегіи, „рас-

¹⁾) *Geheimnisse I*, 291.

²⁾) Архивъ кніза Воронцова, III, 356,

суждается, что если бы и действительно возмогъ Вѣнскій дворъ подружиться съ Франціей и склонить ее къ способствованію въ отображеніи у короля Пруссаго Силезіи, о семъ однакоже съ здѣшней стороны тревожиться не надлежитъ. Ибо всегда интересу здѣшнему сходно будетъ, чтобы Силезія по прежнему возвратилась къ Австрійскому дому, какимъ бы способомъ ему въ томъ предупредить ни удалось, лишь бы только король Пруссії тѣмъ обезсиленъ былъ¹⁾.

Междѣ тѣмъ во второй половинѣ марта мѣсяца императрица Елизавета прямо отъ графа Эстергази узнала о переговорахъ между кабинетами Вѣнскими и Парижскими²⁾). Вслѣдствіе того было сообщено официально австрійскому посланнику, что если Вѣнскій дворъ изъявить желаніе, чтобы императрица приступила къ негоцируемому съ Франціей трактату, то „Ея Императорское Величество къ сему приступленію склонна быть изволить“. Затѣмъ были отправлены циркулярные указы ко всѣмъ русскимъ дипломатамъ, находившимся за границею, „дабы они съ французскими ласковѣе прежняго обходились“³⁾.

Въ это время приѣхалъ въ Петербургъ французскій дипломатическій агентъ, кавалеръ Дугласъ. Уже во время прежняго своего пребыванія въ Петербургѣ Дугласъ не пользовался расположениемъ Бестужева. Теперь же послѣдній изъ одного периллюстрованного французскаго письма узналъ, что Дугласу было поручено имѣть дѣло не столько съ Бестужевымъ, сколько съ Воронцовымъ. Въ противовѣтвіе Бестужеву, не желавшему сближенія Россіи съ Франціей, графъ Эстергази вмѣстѣ съ Дугласомъ старался дѣйствовать на Воронцова, Олсуфьеву и Шуваловыхъ и расположить ихъ къ союзу съ Версальскими дворомъ.

Объ этихъ двухъ партіяхъ при Петербургскомъ дворѣ говорится не разъ въ письмахъ Уилламса. Бестужевъ въ бесѣдѣ съ послѣднимъ замѣтилъ, что къ несчастію, такъ какъ И. И. Шуваловъ умѣеть говорить по французски, любить Французовъ и французскія моды, онъ то съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія въ Петербургъ французскаго посольства. Равнымъ образомъ и великая княгиня Екатерина жаловалась Уилламсу насильное вліяніе Шувалова, желавшаго сближенія съ Франціей⁴⁾). Въ своихъ запискахъ она замѣчаетъ: „Шуваловы, въ особенности Иванъ Ивановичъ, любили Францію и все французское до безумія; они въ

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 359, 363, 372.

²⁾ Ranke, 189.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 385.

⁴⁾ Ranke, Beiträge, II, 346 и 347.

этомъ были поддерживаемы вице-канцлеромъ Воронцовымъ, для кото-
рого Людовикъ XV за это только что велѣлъ отстроить дворецъ въ
Петербургѣ. Этотъ домъ былъ украшенъ старою мебелью, которая когда-
то принадлежала маркизѣ Помпадурѣ, продавшей эту мебель королю.
Вице-канцлеръ еще по другому соображенію былъ сторонникомъ Фран-
ціи: онъ желалъ ослабить влияніе своего соперника графа Бестужева
и предоставить мѣсто послѣднаго Петру Шувалову. Онъ мечталъ о
томъ, чтобы забрать въ свои руки табачную монополію и продавать
затѣмъ табакъ во Францію¹⁾.

Дугласъ долженъ былъ воспользоваться этимъ соперничествомъ
между Воронцовомъ и Бестужевомъ. Въ письмѣ неизвѣстнаго лица
къ Дугласу отъ 11-го мая 1756 года, найденномъ въ архивѣ князя
Воронцова, прямо сказано, что Дугласъ въ Петербургѣ долженъ бу-
детъ бороться противъ Бестужева и Уилліамса, но что онъ можетъ
разчитывать на расположение императрицы и Воронцова²⁾.

Документы, напечатанные въ III-мъ томѣ Воронцовскаго архива,
и относящіеся къ пребыванію Дугласа въ Петербургѣ, заключаютъ
въ себѣ данныхъ почти исключительно о первыхъ шагахъ негоціаціи
между Дугласомъ и русскимъ правительствомъ. 12-го апрѣля Дугласъ
пріѣхалъ къ вице-канцлеру и сообщилъ ему о склонности Француз-
скаго короля къ возобновленію дружбы и корреспонденціи между
обими дворами. Такъ какъ Дугласъ не имѣлъ официального характера
французскаго дипломатическаго агента, то вице-канцлеръ замѣтилъ
ему, что онъ недостаточно аккредитованъ, и что поэтому онъ, вице-
канцлеръ, не можетъ сказать ему ничего положительнаго. Да же
Дугласъ въ бесѣдѣ съ Воронзовымъ, распространился о худой вѣрѣ

¹⁾ Memoiren der Kaiserin Katharina, 236. О старѣніи Дугласа подкупать изъ-
которыхъ лицъ при русскомъ дворѣ говорится въ письмѣ Уилліамса, напечатанномъ у Раумера. II, 349.

²⁾ Можно считать вѣроятнымъ, что авторомъ этого письма, напечатанного
въ III томѣ Архива князя Воронцова, стр. 578—581, былъ или министръ ино-
странныхъ дѣлъ Руаль, или принцъ Ненти. Въ немъ между прочимъ сказано:
«Cet empressement de m-r de Worontzow ne permet pas de croire que la mauvaise
volonté du chev. Williams secondé de m-r de Bestouchoff puisse vous faire... En ne
vous donnant que comme voyageur, on ne peut vous rien dire; d'autant plus que
m-r de Worontzow rendra compte à l'impératrice du sujet de votre mission, vous
serez sous la protection immédiate de cette princesse. M-r de Bestouchoff et m-r
Williams vont regarderont de mauvais œil, mais la politesse, que vous recevezez de
m-r de Worontzow et la distinction qu'il vous marquera, vous procureront de la part
de courtisans des agréments, qui vous dédommageront de la façon de penser de
m-r Bestouchoff et du ministre d'Angleterre».

короля Прусского, и что Франция никакой повъренности къ нему болѣе не имѣть, и вѣсма преогорочены трактатомъ между королами Англійскимъ и Прусскимъ, и что со времѣнемъ не оставятъ дать возчувствовать это Прусскому королю¹. Къ этому Дугласъ прибавилъ, что между Франціей и Австріей есть „доброе согласіе“, и что между этими дворами „производится иѣкоторыя соглашенія“. 28-го апрѣля Дугласъ опять пріѣхалъ къ Воронцову и сообщилъ ему, что иѣкоторыя письма къ нему, объ отправлениіи которыхъ изъ Франціи онъ узналъ, имъ не были получены, и что „онъ думаетъ, что ония письма въ земляхъ короля Прусского перехвачены“. 6-го мая Дугласъ сообщилъ Воронцову шифрованное письмо къ нему министра иностраннѣыхъ дѣлъ во Франціи Рулье, въ которомъ послѣдній писалъ о слухѣ „яко бы шевалье Вильямъ старался склонить россійскій дворъ, чтобы войсками не токмо учинить десантъ во Франціи, но и Сѣвернымъ моремъ изъ Скотландіи (скрывая тѣмъ ихъ путь отъ Французовъ) провѣстъ ихъ въ Америку, гдѣ ласкаетъ ихъ будто новымъ поселеніемъ“. Далѣе Рулье писалъ, что Дугласъ только адресованъ къ Воронцову, и „хромъ оной особы, не долженъ оказывать, что онъ по указу королевскому дѣйствуетъ“¹).

Дѣйствительно, Дугласъ старался соблюдать иѣкоторое инкогнито. Когда австрійскій посланникъ спросилъ его однажды, съ какою цѣлью онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Дугласъ отвѣтилъ, что онъ рѣшился предпринять эту поѣздку по совѣту врачей, чтобы воспользоваться для исправленія своего здоровыхъ холодныхъ климатомъ²). Каковы были первыя соглашенія Воронцова съ Дугласомъ, намъ не известно. Мы знаемъ только, что вице-канцлеръ 7-го мая сообщилъ французскому агенту отвѣтъ на предложенія, сдѣланныя послѣднимъ, и что Дугласъ этимъ отвѣтомъ былъ очень доволенъ³).

Впрочемъ, дѣятельность Дугласа не могла быть особенно успѣшна, потому что онъ не пользовался особынніемъ расположениемъ тѣхъ лицъ, которыхъ управляли дипломатіей во Франціи. Бехтѣвъ пишетъ на этотъ счетъ 6-го октября 1756 г. слѣдующее: „Удивительно, что г. Дугласъ сухія письма отъ министра получаетъ; онъ не пріено отъ него избрать, какъ я отчасти уже доносилъ; тѣ, которые ему доброхотствуютъ и къ посыпѣ къ намъ представили, суть старой системы, и по ихъ высокому чину и достоинству, также здѣшней по-

¹). Архивъ князя Воронцова, III, 415—420.

²) *Bauher, Beiträge*, II, 297.

³) Архивъ князя Воронцова, III, 431.

литикѣ, никогда великаго участія и сиды, въ дѣлахъ не имѣютъ. Наирасно г. Дугласъ себя ласкаеть лучшимъ признаніемъ отъ г. Берниса, понеже онъ съ г. Рулье сильно дружень и оба слѣдуютъ одной системѣ, то-есть, новой, которой авторъ аббатъ Бернисъ¹⁾). Можно полагать, что къ доброжелателямъ Дугласа принадлежалъ принцъ Конти, который чрезъ него между прочимъ послалъ въ подарокъ супругѣ вице-канцлера три вѣера и вообще состоять съ Дугласомъ въ перепискѣ²⁾). Конти же, самъ желавшій отправиться въ Россію, какъ видно изъ его письма къ Дугласу отъ 12-го августа, не имѣлъ особеннаго вниманія при французскомъ дворѣ. Въ началѣ 1757 года Бехтѣвъ писалъ, что въ Парижѣ „на Дугласа жестоко негодуютъ“. Его считали подкупленнымъ русскимъ, дворомъ³⁾ и не одобряли его чрезмѣрныхъ издержекъ въ Петербургѣ⁴⁾). Впрочемъ не ранѣе какъ лѣтомъ 1757 года въ Петербургѣ пріѣхалъ настоящій французскій посланникъ Лопиталь, и тѣмъ самымъ кончилась дипломатическая дѣятельность Дугласа.

Мы видѣли, что въ Россіи съ большими вниманіемъ слѣдили за переговорами между Австріей и Франціей, которые довели къ заключенію союзного договора 1-го мая 1756 года. Хотя этотъ союзъ носилъ официальное название „оборонительного“, оно въ сущности было наступательнымъ. Такъ называетъ его историкъ французской дипломатіи⁵⁾; такъ даже Онно Клоппъ смотрѣтъ на этотъ договоръ послѣ

¹⁾ Тамъ же, III, 208.

²⁾ Рукою графа Воронцова къ письму Конти прибавлены некоторые замѣчанія. Такъ, напримѣръ, по поводу вѣровъ сказано: «Дугласъ дѣйствительно оныхъ три спахала мнѣ представили, токмо оныхъ не принятъ и лице любопытства не оказано имъ посмотрѣть, въ чемъ Дугласъ оказалъ цемалое сожалѣніе». Архивъ князя Воронцова, III, 573.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 208, 240,—242. Приписка графа Воронцова къ письму Бехтѣва.

⁴⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 250. На стр. 274. Бехтѣвъ пишетъ: «Г. Дугласъ держался милостію ваше; потерявъ ону, не знаю чтѣ онъ будетъ здѣсь, по возвращеніи своемъ. Еслибы я въ его мѣстѣ былъ, то бѣ въачески старался таинъ остаться».

⁵⁾ См. *Fllassan, Hist. de la dipl. fran鏽aise*, IV стр. 48. Письмо Штаремберга къ маркизу Помпадуръ «que, d'ailleurs, l'objet de l'alliance était en partie l'affaiblissement du roi de Prusse... que le roi de Prusse serait puni, à frais communs de ses traités clandestins». Бернисъ желалъ сохранить этотъ договоръ въ тайне, «persuadé que le roi de Prusse ne doutant point que l'offensif ne suivit bientôt le défensif, se prévaudrait de sa situation pour attaquer et prévenir l'impératrice». Впрочемъ, Флассанъ считаетъ ошибкою со стороны Франціи наступательные дѣйствія противъ Фридриха.

того, какъ онъ имѣлъ случай въ Вѣнскомъ архивѣ просмотрѣть депеши австрійскаго посланника въ Парижѣ, графа Штаремберга¹). Россія, желавшая во что бы то ни стало „сокращенія силъ Пруссакаго короли“, могла быть весьма довольна этимъ договоромъ и тотчасъ же извѣстила готовность вступить въ переговоры съ Франціей. Поэтому уже въ началѣ юны въ Петербургѣ были приваты мѣры для отправленія Бехтѣева въ Парижъ. Онъ долженъ былъ заставить въ Парижѣ, что „отправленъ графомъ Воронцовымъ по высочайшему соизволенію императрицы и къ министру Рулье прямо адресованъ, дабы чрезъ него король извѣстить былъ о сентименталь и склонностахъ здѣшняго двора въ восстановленію дружбы и корреспонденції“. Особенно осторожно Бехтѣевъ долженъ былъ говорить въ Парижѣ объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи; онъ могъ лишь сказать, что заключенный между Пруссіей и Англіей трактатъ „не малое удивленіе причинилъ и что о томъ некоторые изъясненія съ агіянскимъ дворомъ чинятся“²). Затѣмъ ему было поручено „подкрѣплять негоціацію графа Старемберга и Франціи за короля Пруссакаго огорчать и подвигать и въ тому склонять, чтобы, она съ своей стороны, прусскимъ при Портѣ интригами противилась, и тѣмъ первый и существительный опытъ показала, колъ истинно она желаетъ въ тѣсномъ и непоколебимомъ съ обоми императорскими дворами согласіемъ пребывать“. Бехтѣевъ долженъ былъ доказывать французскому министерству необходимость нападенія на Фридриха и прибавить, что Его Величество король Французскій сущубой интересъ имѣть учинить въ томъ общее дѣло съ обоми императорскими дворами, дабы отмстить сираведливо вѣроломство короля Пруссакаго и оказуемое имъ къ представляемымъ французскаго двора презрѣніе и дабы утвердить заключенный съ Вѣнскимъ дворомъ союзъ и положить основаніе къ дальнѣйшему и ближайшему съ обоми императорскими дворами соединенію“. Бехтѣевъ долженъ былъ обратить вниманіе французскаго министерства на готовность Фридриха „потерять совсѣмъ дружбу Французскаго короля и на мѣсто ея пріобрѣти турецкую, въ честь Англіи ему, конечно, вспомогать не оставитъ... Самая честь и достоинство французскаго двора требуютъ, дабы королю Прусскому показать, что потеряніе французской дружбы не толь для него идиличентно, какъ онъ то презрительно считать является“ и пр.³).

¹) 2-е изданіе его книги о Фридрихѣ II, стр. 240.

²) Архивъ кнзя Воронцова, III, 422 и 423.

³) Архивъ кнзя Воронцова, III, 444 и 450.

Бехтѣевъ прѣѣхалъ въ Парижъ въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца и тотчасъ же вступилъ въ переговоры съ статсъ-секретаремъ Рулье о декларации, въ которой была выражена готовность французскаго правительства возобновить правильный дипломатическій сношенія съ Петербургскимъ кабинетомъ. Русское правительство жалала, чтобы французскій и русскій посланники были назначены въ одинъ день¹⁾. Время объявленія пословъ, въ бесѣдѣ Бехтѣева съ Рулье, предварительно было постановлено 4-го сентября, а приблизитѣе ихъ къ своимъ изѣстамъ въ январѣ 1757 года. Французскій посломъ быть назначена маркизъ Ломиталь; немногимъ позже Рулье объяснилъ, что французскій посланникъ можетъ прѣѣхать въ Петербургъ не раньше марта 1757 года, что послу не возможно въ кість мѣсяцевъ собраться и прѣѣхать, что юродъ желаетъ это дѣло окончить съ достоинствомъ и честію и не хочетъ, чтобы при первомъ случаѣ послъ его, прискаравъ по почтѣ, явился „comme un poisson“. Бехтѣева просили отсрочить прѣѣздъ пословъ хотя бы до половины февраля²⁾.

Принцъ Конти, желавшій оказать Бехтѣеву особенное покровительство, старался уговорить русскаго уполномоченнаго дѣйствовать не чрезъ Рулье, а чрезъ него, Конти. Напротивъ того, Бехтѣевъ, адресованный къ Рулье, не желалъ пользоваться протекціей принца и въ этомъ отношеніи поступалъ благородно, потому что Конти не ладилъ съ маркизомъ Помпадур, которая могла считаться средоточіемъ французскаго правительства. Присутствуя „au grand lever du roi“, Бехтѣевъ былъ представленъ королю Людовику XV, который впрочемъ довольствовался вопросомъ о здоровьѣ императрицы Елизаветы³⁾.

Довольно ловко Бехтѣевъ старался разумнѣе настроеній уловить въ Парижѣ. Онъ пишетъ между прочимъ отъ 26-го іюля: „Трактать съ Вѣнскими дворомъ сдѣль за весьма великое почтавеніе и скому ради. Графа Старенберга весьма ласково принимаютъ... Королевъ Пруссіи весьма недоволены. Г. Рулье не обижаясь говорить, что онъ икъ обманулы, такъ какъ нась Англія“. Напрошливъ того, другія выскочившіе представленные лица при французскомъ дворѣ не были разговаривать въ пользу Австріи. „Принцъ Конти“, пишетъ Бехтѣевъ, „дозволилъ засно отовсалъ, что трактать съ Вѣнскими дворомъ ему не нравится, и что онъ только пріятенъ г. Рулье, который думаетъ, что заложенъ

¹⁾ Тамъ же, 426.

²⁾ Тамъ же, 156.

³⁾ Тамъ же, 163.

дѣло сдѣлать". 11-го августа Бехтѣевъ пишетъ: "Не всему кажется, сумѣнія вѣть, что здѣшній дворъ Пруссіи королемъ весьма огорченъ.... Напротивъ того, принцъ Бонти, а можетъ-быть, съ нимъ и другіе, болѣе, кажется, склонны къ содержанію союза съ королемъ Пруссіи; однако обѣ стороны, хотя въ разныхъ намѣреніяхъ, стараются насть къ себѣ привлечь". 24-го сентябрь: "Не взирая на общее неудовольствіе противъ Пруссіаго короля, есть еще между знатными кои въ пользу сего государя отзываются, напиче потому, что зачинающейся на суконъ пути войнѣ не ради; они сильн при дворѣ не имѣютъ, а все министерство и ком у дѣлъ ему противны. Главными между ими аббать Бернисъ и маршаль Велизъ".

Бехтѣева интересовали подробности французско-австрійскаго договора, а болѣе всего вопросъ о Нидерландахъ. Отъ 3-го августа онъ пишетъ: "Когда я у графа Старенберга спросилъ, что у насть слышно было, чтобы си Франціи уступить хотѣли часть Нидерландовъ, то онъ мнѣ на то сиими словами отвѣтствовалъ: что здѣшній дворъ надобно понемногу издали приманивать, не оказывая великаго желанія, потому онъ самъ склонится; что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ они Нидерландовъ отъ Франціи защищать были бы не въ состоянії, а Оильзскія земли ить нужнѣе; что, видя соединеніе Англіи съ Пруссіи королемъ, пришли они намѣреніе включить трактатъ съ здѣшнімъ дворомъ и желають, чтобы Россія въ оному приступила, и тѣмъ си три державы соединить".

Россія однаво не такъ скоро рѣшилась присоединиться къ союзу между Франціей и Австріей. Франція на этотъ счетъ сильно беспокоилась. 19-го августа Бехтѣевъ пишетъ: "Невѣдѣніе о нашихъ намѣреніяхъ насательно изѣстной съ Англичанами конвенціи и въ разсужденіи Пруссіи преbezпѣчило ихъ беспомощность. Рулье и Старенбергъ у меня при вскомъ свиданіи и прилежно о томъ 'навѣдываются'". 18-го сентябрь: "Г. Рулье мнѣ сказалъ, что все зависить теперь отъ революціи, какову Ея Императорское Величество въ разсужденіи нынѣшніхъ обстоятельствъ пріять изволить, и которой они въ итогѣ итогъ ожидаютъ". 21-го ноября: "Здѣсь рады бы были, еслибы и король Пруссіи первый чрезъ Польшу въ Курляндію вступить; могутъ уѣхать, что вѣдѣс отъ часу больше оторучены поступкомъ сего государя; они имъ нынѣ заповѣть сердцѣ, и если смѣю сказать, то французскій дворъ больше нежели мы опасается, чтобъ онъ насть не уласкалъ" ¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, 182, 181, 205 и пр.

Самъ Бектѣевъ былъ въ пользу войны и не разъ писалъ, что „теперь наиболѣйшій случай сократить короля Пруссскаго“. Онъ желалъ, чтобы Россія воспользовалась обстоятельствами для расширенія своихъ предѣловъ, но въ то же время писалъ, что во Франціи сильно опасались, что „Россія ищетъ распространенія своихъ областей“. Онъ постоянно требовалъ, чтобы Россія дѣйствовала вполнѣ самостоятельно и независимо отъ Австріи и Франціи. „По моему слабому разсужденію“, писалъ онъ 23-го декабря 1756 года, „надобно смирить короля Пруссскаго; но досадно то, что мы дѣлали свои все подъ опекой отправляемъ“. Рассужденія Бектѣева о политическомъ состояніи Европы иногда бываютъ весьма подробны. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи его письмо отъ 26-го мая 1757 года, въ которомъ говорится между прочимъ слѣдующее: „Вѣнскій дворъ думаетъ, что много здѣшній уловилъ... Въ самомъ дѣлѣ Франція велику пользу въ нынѣшихъ обстоятельствахъ находить. Ея мѣдль всегда была обезсилить Аустрійскій домъ съ здѣшней стороны и приобрѣтать мало по малу Нидерланды; она, можетъ-быть, то получаетъ, а за то даетъ ему Силезію, собственное его имѣніе. Итакъ, Франція всегда съ выигрышемъ остается. Притомъ сама неокотно уже видѣть силы короля Пруссскаго, который, будучи протестантской вѣры, занимаетъ собою въ Германіи властвовать и предить ея раздѣлить, а со временемъ ей столько же или еще больше опаснѣеть быть можетъ, какъ и Аустрійскій домъ, котораго она по меньшей мѣрѣ Турками воздерживать могла. Но всѣмъ обстоятельствамъ видно, что министерству надѣсь внушаютъ, якобы Франція никакой пользы нѣть въ обязательствахъ съ Россіей, а только быть въ доброй дружбѣ¹⁾. Министерство, по слабости своей, однакоже, боится и угощаніи маркизъ, которая весьма склонна къ Вѣнскому двору, оное мнѣніе надѣсь принимаетъ. Сему двору то не токмо не противно, но конечно соглашается въ тѣснѣйшій (sic) въ томъ утвердить не для нынѣшняго, не для будущаго времени. Сего ради старался графъ Старенбергъ всю негодіадо окончать до прибытия пословъ, безъ содѣстія и вѣсть другихъ дворовъ, хотя о ихъ интересахъ тутъ же грактовано; иначе не оставлено имъ, какъ единое приступленіе и принятие. Свою политику Россія могла просить Вѣнскому двору и попречить ему не надобно было. Общее дѣло требовало, какими бы то ни было обра-

¹⁾ Очевидно тутъ Бектѣевъ жалуется на Австрію, а именно на графа Штремберга.

земль, Францію серіозно ввести въ игру противъ короля Прусскаго, для приведенія сего государя въ настоящія границы, въ чемъ главной видѣ Россіи состоится. Теперь она уже введена, чтобы при всѣхъ обстоятельствахъ и опытахъ о содержаніи тѣснаго союза и натуральной дружбы съ Вѣнскимъ дворомъ, надлежитъ необходимо дѣйствовать самой у здѣшняго двора. Чрезъ то не токмо Вѣнскій дворъ принужденъ будетъ больше искать въ Россіи ".... Всѣ нынѣ воюющія державы противъ короля Прусскаго, по побѣжденіи онаго, обнадежены въ выигрышѣ, а именно: Австрія беретъ Силезію, Франція спорить не будетъ, получить за то Нидерланды, что они себѣ формально трактатомъ обѣщали. Швеція беретъ назадъ отъ непріятеля также землю, которая ей принадлежала, и на которую она еще претензію имѣть, и не токмо оное ей сами обѣщали, но и формально трактатомъ въ томъ обязались. И такъ сіи три пункта между союзниками предварительно рѣшены, и при генеральномъ примиреніи некому въ томъ спорить. Только будетъ затрудненіе одной Россіи въ одержаніи того, что она отъ нынѣшней войны себѣ обѣщаетъ, а именно, сверхъ обезсиленія короля Прусскаго, съ ея стороны приобрѣтеніе себѣ Курляндіи. Правда постановлено о томъ съ Вѣнскимъ дворомъ, но другіе союзники, кои какъ главныя державы при замиреніи будутъ, о томъ не знаютъ. Правильно могутъ тогда говорить, что они чужимъ добромъ распоряжать права не имѣютъ и не должны, но паче имѣя съ Польшей обязательства, всячески Россію оттого отвращать станутъ. Можетъ Россія предъявлять, что она Польшѣ уступить за то Пруссію. На то не трудно отвѣтствовать, что Россія на Пруссію и на завоеваніе областей короля Прусскаго права не имѣть, потому что она, яко ауксиліарная держава, и по обязательствамъ съ Австрійскимъ и Саксонскимъ домомъ, войну производила. Всѣ тогда, наскучивъ войною, получая то, что всякий желалъ, а Вѣнскій дворъ первый, выдадутъ Россію и не похотятъ для нея одной замиреніе остановить; напротивъ того, ежели бы Россія поупрямилась удержать Пруссію, то оставятъ ее одну, а по политическому резону надобно думать, что Швеція, которой не должно совсѣмъ довѣрять, явно противъ того деклароваться можетъ, да и для принужденія къ тому Россіи она въ состояніи противъ ее поднять Польковъ и Турковъ, вступая имъ только, что Россія безъ всякаго права хочетъ завладѣть у республики Курландинѣ, собственную ея землю. По слабому моему разсужденію кажется, что Россіи, для надежнѣйшаго достижения своего вида при нынѣшней войнѣ, необ-

ходимо надобно, а именно: *Первое*, чтобы Россія при добрыхъ успѣхахъ оружія сама объявила войну королю Прусскому, къ чemu суть законные причины. *Второе*, снестись съ Франціей и съ Швеціей и формально постановить, что ежели Россія завоюетъ Пруссію, то по замиреніи обязуется ее отдать Польшѣ, съ тѣмъ, чтобы Россіи на-граждены были употребленные на войну издержки и убытки, очемъ оставляется Россіи трактовать и соглашаться съ республикой. Такимъ образомъ, Россія пріобрѣтеть право на завоеванія. При генеральномъ замиреніи, артикуль объ ней уже рѣшенъ будеть, и можно ей послѣ съ пристойностью и явно предлагать республикѣ о уступлении Курляндіи за Пруссію. Можно такую конвенцію сдѣлать сперва съ Вѣнскимъ дворомъ, а потомъ пригласить Францію и Швецію¹⁾.

И 1-го августа Бехтѣевъ равнымъ образомъ писалъ: „Крайне я опасаюсь, чтобы при примиреніи насъ не обманули, и чтобы съ нами пословица не сбылась: passato il pericolo, gabato il santo. Всѣ обѣщанія для насъ ничѣмъ не утверждены, а права мы не имѣемъ“²).

Такія соображенія показываютъ въ Бехтѣевѣ самостоятельный умъ и политическая способности. Онъ имѣлъ основаніе не слишкомъ довѣрять Франціи и Австріи. Довольно часто въ послѣдствіи интересы Австріи и Россіи оказывались противорѣчащими другъ другу, а съ другой стороны, Франція еще въ продолженіе 1756 и 1757 годовъ нѣсколько разъ возбуждала негодованіе русскаго кабинета своимъ образомъ дѣйствій въ отношеніи къ Польшѣ и къ Турціи. Такъ, напримѣръ, когда для открытия военныхъ дѣйствій противъ Пруссіи было необходимо „приготовлять Польшу, чтобы она проходу здѣшнихъ войскъ не только не препятствовала, на паче охотно на то смотрѣла“³⁾, оказалось, что французскіе дипломаты старались возбуждать Поляковъ противъ Россіи⁴⁾. Равнымъ образомъ и Верженны, французскій посланникъ въ Константинополь, старался вредить Россіи въ глазахъ Порты и Поляковъ⁵⁾.

Не смотря однако на такого рода затрудненія, сближеніе между Россіей и Франціей состоялось. Въ Петербургъ приѣхалъ француз-

¹⁾ См. Архивъ князя Воронцова 279—281, 299. «Passato il pericolo, gabato il santo»—то-есть, по иднованіи опасности святой, которому былъ обѣданъ даръ, остался обманутымъ.

²⁾ Тамъ же, 379, 383, 446.

³⁾ Тамъ же, 495, 498, 531, 532. Rauher, Beiträge. II, 404.

⁴⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 480.

скій посланикъ Лопиталь; въ Парижѣ явился русскій посланикъ Голицынъ; Россія формально приступила къ договору, заключенному между Австріей и Франціей¹). Что же касалось до расширенія прерѣдловъ Россіи и соглашенія между державами по этому предмету, то надежды и желанія Бехтѣева остались не исполненными. Австрія желаала приобрѣсти Силезію, Россія — Курляндію, Франція — Нидерланды. Ни одна изъ этихъ пѣлей не была однако достигнута.

Послѣ всего сказанаго нельзя утверждать, что виновникомъ Семилѣтней войны былъ главнымъ образомъ Фридрихъ II. Еще 7-го июня онъ писалъ: «Le meilleur de tous les partis sera celui de la paix»²). Но онъ долженъ былъ думать о охраненіи своего государства и потому долженъ быть содержать войско въ готовности къ походу. Весьма любопытны въ этомъ отношеніи замѣтки Бехтѣева, существовавшаго чрезъ Пруссію и старавшагося разузнавать о положеніи дѣлъ въ этой странѣ. Онъ пишетъ изъ Гаги 25-го июня: „Въ Пруссіи находится, сколько я слышать могу, войска около 35,000.. Всѣмъ офицерамъ и юнкеръ-офицерамъ, которые были командированы для вербованія, рѣжно явиться къ своимъ мѣстамъ. Прочихъ приготовленій не видно, да и прымѣтить нельзя, понеже у Его Величества прусскаго все въ готовности”³). Такоже говорится въ письмѣ изъ Гаги отъ 27-го июня: „Пріготовленій чрезвычайныхъ въ Пруссіи не видится; но лучше бояться и запасаться. Сколько ни есть крестьянъ и мѣданныхъ солдатъ, и обучены военной экспедиціи, хотя къ несносной тягости и крайнему разоренію земли. Всѣ старинные крѣйцгерскіе замки наполнены хлѣбомъ съ собственными королевскими волостями” и пр.⁴)

Изъ сообщеній Вейнгарта и Менцеля Фридрихъ зналъ о гово-вящемся на него нападеніи. Изъ другихъ источниковъ также онъ получалъ извѣстія объ угрожавшей ему опасности. 30-го июня Минчаль писалъ въ Англию: „Король хочетъ сообщить императорице Марии-Терезии доказательства, что она заключила съ Россіей импера-пателльный союзъ противъ него, и что приведеніе въ исполненіе этого плана отложено до будущаго года, потому что Россія еще не готова къ походу”⁵). Поэтому онъ рѣшился чрезъ своего посланника Клин-

¹) См. проектъ этого акта въ Архивѣ князя Воронцова, III, 584 и съвѣ.

²) Raumer, Beiträge, II, 341.

³) Архивъ князя Воронцова, III, 150.

⁴) Тамъ же, 152.

⁵) Raumer, Beiträge II, 372.

грефа требовать категорически объяснения относительно образа действий Австрии.

Откуда Фридрихъ получалъ извѣстія о положеніи дѣль у своихъ противникоў? 19-го июня онъ между прочимъ получилъ письмо изъ Петербурга отъ одного высокопоставленного лица, въ которомъ было сказано, что открытие военныхъ дѣйствій отложено до будущаго года, и что войска, уже находившіяся въ дорогѣ, получили приказаніе простоять свое движеніе. Въ другомъ письмѣ, полученному королемъ въ началѣ июля, было сказано о состоявшемся въ первой половинѣ года соглашеніи между Бѣнскимъ и Петербургскимъ кабинетами атаковать Пруссію, при чемъ Россія обязалась поставить 120.000 человѣкъ, а Австрия 80.000 человѣкъ войска. Къ этому было прибавлено, что по недостатку въ рекрутахъ, матросахъ и запасахъ хлѣба война начнется не раньше весны будущаго года. Наконецъ, еще было сообщено королю о поѣздкѣ Бехтѣева, которому было поручено осмотрѣть берега Помераніи и указать на мѣста, удобныя для десантовъ русскихъ войскъ. Эти письма Фридрихъ получалъ чрезъ посредство англійскаго посланника Мичелля¹⁾.

Послѣ того, какъ Фридрихъ открылъ военный дѣйствія, Бехтѣевъ нашелъ возможнымъ оправдывать поступокъ короля. „Поступокъ нынѣшній короля Пруссаго,” пишетъ Бехтѣевъ 16-го сентября, „поставляютъ за нечаянній и приписываютъ отъ страха, въ который Его Величество привелъ Версальскій трактатъ и возстановленіе доброго согласія между Россіей и Франціей. Онъ изъ того заключилъ, что сильнѣйшая въ Европѣ три державы, соединясь и принять общія мѣры, конечно его атакуютъ. И понеже трудно бы было ему вдругъ отъ всѣхъ обороняться; то не давая имъ времени согласиться, принять отъ намѣренія начать самъ войну, которая по его чашкѣ была бы неминуема, то крайне опасно, еслибы онъ ее отложилъ; а атаковать всю силой императрицу-королеву, думаетъ въ силы разорить, пока она можетъ получить помошь отъ Россіи и отъ Франціи: потому обратиться противъ той изъ сихъ державъ, которая прежде на него вооружится, и надѣваться по одной со всѣми тряжды управиться”²⁾. Такимъ образомъ, и по мнѣнию Бехтѣева выходитъ, что нападакъ, Фридрихъ защищался. Принципомъ его образа дѣйствій была оборона.

¹⁾ См. Schäfer I. 188: „Wir können nicht zweifeln, dass der Briefsteller kein anderer war als der Grossfürst Peter“.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 197.

Когда Фридрихъ впервые занялъ Силезію, Россія сочувствовала ему. Остерманъ отъ имени малолѣтнаго царя Іоанна увѣрилъ его въ дружбѣ Россіи. Многихъ даже приглашали его не довольствоваться завоеваніемъ Силезіи, а идти прямо противъ Вѣны. Съ тѣхъ порь обстоятельства значительно измѣнились. Въ концѣ 1750 года прусскій посыпаникъ оставилъ Петербургъ, а русскій выѣхалъ изъ Берлина. Отношенія между обѣими державами становились болѣе и болѣе враждебными. Фридриха въ Петербургѣ называли интригантомъ, беспокойнымъ нарушителемъ европейскаго мира, уверждали, что „никто не можетъ сомнѣваться въ непрѣтельскихъ умыслахъ“ короля Пруссіаго противъ Россіи, и что онъ легко можетъ „сдѣлаться на сухомъ пути ужасомъ Европы“. По мнѣнію Петербургскаго кабинета, только путемъ „сокращенія силъ Пруссіаго короля“ и „приведенія его въ прежнее состояніе“ можно было лишить его значенія „арбитра“ Европы и возможностей „покинуть славу Россіи“. Этимъ самимъ Россія надѣялась обратить „атенію предпочтительство всѣмъ другимъ“ на себя, имѣть „инфлюенцію и знатность“ въ европейскихъ дѣлахъ и „не допустить короля Пруссіаго до приобрѣтенія новой знатности“. За то Россія мечтала о присоединеніи къ своимъ предѣламъ Курляндіи, обѣ „окруженіи своихъ границъ съ вольской сторонѣ“, о соединеніи „коммерціи Валгайскаго съ Чернымъ моремъ“, о томъ, чтобы „всю Ливонскую коммерцію въ здѣшнихъ рукахъ имѣть“¹⁾.

Чѣмъ болѣе въ Петербургѣ надѣялись на большия выгоды чрезъ нападеніе на Фридриха, тѣмъ болѣе энергичный и быстрый образъ действій Пруссіаго короля осенью 1756 года вызвалъ негодованіе русскаго правительства. Уже запросъ Клингрефа называется въ революції конференціи Елизаветы „непрестойнѣмъ поступкомъ“²⁾. Сильно порицали короля за „употребленія въ памеріадѣ письменно совѣтъ необыкновеннымъ между независимыми государствами угрозы“. Когда же Фридрихъ произвелъ нападеніе на Саксонію, то конференція замѣтила: „Вѣдь того сжесточилъ Сантъ Богъ, какъ Фараону, сердце короля Царскаго, дабы колъ дерзость и высокомѣре его велики, толь наказаніе его праведнѣ было“. Въ Россіи осуждали Фридриха за то, что онъ „миролюбительныи нации склонности приписывать недостатку у насть въ матросахъ и рекрутахъ, и прилаганъ озлобленіе ко озлобленію, отнять у короля Польскаго наследнныя его земли“³⁾. Что же касается до „миролюбительныхъ склонностей“

¹⁾ Тамъ же, 347, 348, 358, 376, 378, 380.

²⁾ Тамъ же, 446, 538, 549.

Австрии и Россіи, то иль противорѣчить цѣлый рядъ фасадаженій въ отношеніи ихъ войску, которое уже весною 1756 года старались приготовить къ походу. Уже иль апрѣль обѣ державы опредѣли количество войскъ, назначенныхъ для атакованія Фридриха. Около Риги должны были находиться для этой цѣли 78.000 человѣкъ солдатъ. Сюда же относится „секретѣйшее“ распоряженіе въ правительствующій сенатѣ (въ началѣ апрѣля), въ которомъ было сказано, что слѣдуетъ принять всевозможныя мѣры для умноженія числа прусскихъ дезертеровъ, „дабы тѣмъ не токмо прусскую армию въ ослабленіе приводить, но и чтобы получая прусскихъ дезертеровъ, наполнять ими внутренніе полки, иль которыхъ паки другое на граніцахъ стоящіе наполняться могли бъ“¹⁾.

Вирочемъ не только быстрота движений Фридриха спасла Пруссію, но особенно то обстоятельство, что въ враждебномъ ему лагерѣ не было единства политической и военной мысли. Воневыкъ, Австрои и Россія не были согласны въ отношеніи къ сроку открытия военныхъ дѣйствій противъ Пруссіи; вторыхъ же, въ Петербургѣ существовали двѣ партіи, противоположныя другъ другу именно въ отношеніи Фридриха.

Уже 19-го февраля 1756 Уилламсъ писалъ изъ Петербурга, что императрица Елизавета, вѣроятно, не проживетъ и шести мѣсяцей, а Екатерина затѣмъ буде дѣйствовать въ пользу договора между Англіей и Россіей²⁾. Да и при жизни Елизаветы великая Княгиня уже старалась дѣйствовать въ пользу Англіи и по возможности препятствовать сближенію между Россіей и Франціей³⁾. Бестужевъ получалъ внушительныя суммы денежнѣ отъ Англіи, но и отъ Пруссіи. Въ связи съ Бестужевымъ и великимъ княземъ находился посланникъ Цольской республики Станиславъ Понятовскій, а также фельдмаршалъ графъ Апраксинъ. Образъ дѣйствій послѣднаго во время войны показывалъ, что онъ принималъ въ соображеніе желанія будущаго правительства, и потому былъ готовъ противодѣйствовать распоряженіямъ императрицы Елизаветы. О Понятовскомъ же знали, что онъ, равно какъ и многие другие Поляки, были противъ сближенія между Франціей и Россіей. Переговоры Шуваловыхъ, стоявшихъ за Францію, съ Екатериной, дѣйствовавшими же помѣту Англіи, не

¹⁾ См. въ Архивѣ кн. Воронцова рапортахъ о войскахъ 397—415.

²⁾ Raumer, Beiträge, II, 313.

³⁾ Тамъ же, II, 318, 347.

могли имѣть результата. Такимъ образомъ, при русскомъ дворѣ остался въ силѣ дуализмъ, иѣсколько парализовавшій дѣйствія Россіи во внѣшней политикѣ. Чрезъ то Россія теряла, а Фридрихъ выигрывалъ. Предположенія приступить къ раздѣлу Пруссіи оказались несбыточными. Оборона же Фридриха Великаго противъ главныхъ континентальныхъ державъ была на столько успѣшна, что обеспечила дальнѣйшее существованіе Пруссіаго королевства, какъ первокласснаго государства.

А. Бриннеръ.

ОЧЕРКЪ УСТРОЙСТВА АВСТРИЙСКИХЪ ГИМНАЗІЙ.

Нынѣ дѣйствующій уставъ австрійскихъ гимназій обнародованъ въ 1849 году¹). Не смотря на то, что въ теченіе двадцати лѣтъ педагогическая практика измѣнила многое въ этомъ уставѣ, онъ все-таки до сихъ порь служить руководствомъ для гимназического начальства, и его параграфы рѣшаютъ въ послѣдней инстанціи всѣ со-мѣннія, рождающіяся на педагогическихъ конференціяхъ. Должно вспомнѣть, замѣтить, что основаніе устава не однобразно применяется въ практикѣ во всѣхъ частяхъ Австрійской имперіи. Всійкий край са-мигаетъ своимъ собственнымъ педагогическимъ преданіемъ, которое и сохра-нилось до сихъ порь, несмотря на централизаціонныя стремленія кра-вительства. Тамъ, какъ наблюденія свои я дѣлалъ въ западной Гали-ціи, то въ настоящей статьѣ буду имѣть въ виду именно гимназіи этого края.

Общія положенія.

Цѣль гимназій. По австрійскому уставу 1849 г., цѣль гимназій двоякая: впервыхъ, доставить воспитанникамъ общее образование, при помощи изученія древнихъ классическихъ языковъ и ихъ лите-ратуръ, и во вторыхъ, такимъ образомъ, приготовить ихъ къ универ-ситетскимъ занятіямъ.

Гимназія должна доставить ученикамъ извѣстную сумму свѣдѣ-ній изъ всѣхъ областей знаній; но это не можетъ составлять исключительной и конечной цѣли гимназического преподаванія. Положи-тельное знаніе можетъ служить основаніемъ общаго образованія лишь въ томъ случаѣ, когда дѣлаетъ ученика способнымъ заниматься са-мостоятельно въ университетѣ какою-нибудь наукой. Поэтому ме-

¹) Планъ устройства австрійскихъ гимназій изложенъ въ книжѣ «Entwurf der Organisation der Gymnasien und Realschulen in Oesterreich von Ministerium des Cultus und Unterrichts». Wien. 1849.

тодѣ преподаванія въ гимназіи долженъ рѣшительно отличаться отъ метода университетскихъ лекцій. Университетская лекція состоить изъ чтеній профессора; гимназический урокъ долженъ состоять изъ соединенной и взаимно пополняющейся работы учителя и ученика. Учитель долженъ стараться, чтобы ученикъ выучилъ урокъ сейчасъ же въ классѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы классныя занятія исключали домашнюю работу ученика; напротивъ, хороший педагогъ сумѣеть пріучить учениковъ работать въ классѣ такъ, чтобы они были способны и привыкнуть къ домашнему труду, безъ помощи учителя. Преимущественно въ самыхъ низшихъ классахъ главная задача дѣятельности учителя состоять въ томъ, чтобы ученики были въ состояніи усвоить себѣ суть предмета въ классѣ. Въ высшихъ классахъ домашний трудъ приобрѣаетъ большѣ значенія, но все-таки въ продолженіи всего гимназического курса главная задача гимназическихъ уроковъ состоять въ подготовкѣ учениковъ къ самостоятельному домашнему труду.

193

Гимназіи имѣть право требовать засѣданій родителей и опекуновъ только относительно пріемлѣнія и поведенія учениковъ; но учитель не долженъ ни подъ какимъ предлогомъ требовать отъ домашнаго надзора помощной занятіи ученика. Учителя, которые, для достиженія полнаго успѣха, обучають учениковъ вѣтъ классныхъ уроковъ, или чѣмъ представляютъ это дѣло домашнимъ рабочитерамъ, доказываютъ тѣмъ, что вовсе не понимаютъ цѣли своего назначенія.

Ни одно учебное заведеніе, устройство котораго не соответствуетъ уставу, не имеетъ права на название гимназіи. Всякое частное лицо имѣть право основать гимназію съ дозвolenіемъ министерства съ тѣмъ, чтобы она, слѣдовала общему плану государственныхъ гимназій.

Полная гимназія состоить изъ восьми классовъ съ одногодичнымъ курсомъ въ каждомъ. Гимназія распадается на низшую и высшую. Низшая гимназія, хотя и служить приготовительнымъ заведеніемъ въ высшей, но образуетъ законченное цѣлое. Въ ней преобладаетъ практическое направление, и предметы преподаются болѣе популярнымъ образомъ. Высшая гимназія служить специальнymъ приготовительнымъ заведеніемъ для университета; предметы въ ней преподаются научнымъ образомъ. Не смотря на то, обѣ гимназіи составляютъ нераздѣльное цѣлое; обѣ состоять подъ руководствомъ одного лица, и одинъ и тотъ же учитель можетъ преподавать въ обѣихъ гимназіяхъ. Низшая гимназія можетъ существовать безъ высшей, но не обратно.

Гимназии бывають казенные и частные. Первые имѣютъ право

давать аттестаты, признаваемые всеми государственными властями. Воспитанники частных гимназий, если желают получить такие аттестаты, должны для выдачи их измени обращаться въ казенные гимназии.

Гимназии, содержащіяся на казенный счетъ, носятъ название государственныхъ. Сверхъ того, могутъ быть гимназии епископской, духовныя, городскія и проч., соответственно тому, кто икъ содержитъ.

Планъ обучения.

По уставу 1849 года, преподаваніе въ гимназіи можетъ вестись на языкахъ данной провинціи. Въ настоящее время въ Галиціи, за исключеніемъ нѣсколькихъ гимназій восточной ея части, языкокъ преподаванія служить польский языкъ. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ употребляются два языка.

Предметы обучения: 1. законъ Божій; 2. языки: а) латинскій, б) греческий, с) родной языкъ, д) языки, которые на раду съ роднымъ языкокъ употребляются въ провинціи, е) немецкий языкъ, f) другіе живые языки (французскій, англійскій); 3. географія и исторія; 4. математика; 5. естественные науки; 6. физика; 7. философская пропедевтика; 8. чистописаніе; 9. рисование; 10. пѣніе; 11. гимнастика.

Всѣ предметы, за исключениемъ французского и англійского языковъ, чистописанія, рисования, пѣнія и гимнастики, обязательны для всѣхъ действительныхъ учениковъ гимназіи. Эти послѣдніе предметы необязательны только для учениковъ, но преподаваніе ихъ обязательно для гимназіи. Объ избрании ученикомъ необязательного языка решаетъ не онъ, а родители его или опекуны. Они должны объявить директору, отдавая воспитанника въ гимназію, какіе необязательные предметы избираются, и тогда избранные предметы становятся для ученика обязательными.

О преподаваніи латинскаго языка.

Классическая филология занимаетъ преобладающее мѣсто между предметами, преподаваемыми въ австрійскихъ гимназіахъ. Высокое значение филологии, преимущественно же латинскаго языка, въ системѣ высшаго образования мотивируется слѣдующимъ образомъ:

1) Знаніе латинскаго языка необходимо во многихъ званіяхъ, основывающихся на научномъ образованіи, потому что оно облег-

часть, усвоение специальныхъ наукъ (медицины, богословія, правовѣдія и пр.).

2) Латинскій языкъ, по строгой правильности грамматического строя и по рѣзкому различію отъ склада языковъ новыхъ, служащий отличнымъ средствомъ развивать чистое въ духѣ языка, чтобъ очень важно для общаго образования.

3) Чтеніе лучшихъ латинскихъ писателей знакомить молодаго человѣка съ тѣмъ народомъ, простыя отношенія жизни котораго доступны и понятны его уму.

Сообразно съ этими тремя задачами, методъ обученія латыни въ низшей гимназіи направленъ къ приобрѣтенію грамматического знанія языка; въ высшей же — къ усвоенію стилистическихъ оборотовъ и къ приобрѣтенію изъ древнихъ авторовъ общеобразовательныхъ началъ.

Въ низшей гимназіи ученики должны приобрѣсти основательное знаніе грамматики и быть въ состояніи переводить легкаго латинскаго автора. Для каждого класса въ частности существуетъ слѣдующая программа:

Г классъ (8 часовъ въ недѣлю).

Ученіе о правильныхъ формахъ, а именно: склоненія, правила о родахъ существительныхъ, прилагательныхъ, важнѣйшія мѣстоименія, количественные и порядочные числительные, четыре правильныхъ спряженія, некоторые болѣе важные предлоги и союзы. При обученіи формъ обращается вниманіе на точное произношеніе и соблюденіе ударенія.

Обученіе грамматикѣ и чтеніе не отдѣлены другъ отъ друга. Въ ученическихъ воспитанниками формы сейчасъ же находять примѣненіе въ переводахъ съ отечественнаго языка на латинскій и обратно. При этомъ употребляется соответственная книга для чтенія. Приобрѣтенный посредствомъ перевода запасъ латинскихъ словъ служить материаломъ для письменныхъ переводовъ съ отечественного языка на латинскій языкъ. Для того, чтобы ученики были въ состояніи, даже въ самоть началь обученія, составлять краткія предложения изъ предлагаемаго имъ материала, они, рядомъ съ склоненіями, ознакомляются съ управлениемъ тѣхъориныхъ важнѣйшихъ предлоговъ и заучиваютъ нѣсколько самыхъ употребительныхъ формъ глагола. При спряженіи глагола имъ объясняется употребленіе infinit. и соединяетъ съ нѣкоторыми союзами причины, цѣли, слѣдствія и условия.

Всякую недѣлю полчаса посыпается классному сочиненію, которое учитель исправляетъ дома.

Домашнія занятія учениковъ состоятъ изъ заучиванія наизусть парадитъ и словъ, заданныхъ во время перевода. Во второмъ семестрѣ учебнаго года два раза въ мѣсяцъ ученики пишутъ домашнее сочиненіе, состоящее изъ перевода "на латинскій языкъ" отъ 8 до 12 предложенийъ.

Для перевода во второй классъ требуется въ концѣ года не только знаніе формъ, но также и навыкъ въ ихъ употребленіи при образованіи предложенийъ.

II классъ.

По положенію 1849 г., назначено для латинскаго языка 6 часовъ въ недѣлю, но теперь число уроковъ увеличено до 8.

Пополненіе знаній правильныхъ измѣненій склоненіемъ не пройденныхъ главъ о числительныхъ, местоименіяхъ и наречіяхъ; неправильности въ склоненіяхъ и спряженіяхъ — исключены изъ правильн. о родахъ существительнаго; подробное изложеніе и упражненіе въ знаніи главныхъ конструкцій латинскаго языка, какъ-то: употребление *conjunction*, *accusat.* и *partic.* самъ *infinit.*, *ablat.* *absol.*, *consecutio temporum* (изъ главныхъ чертакъ) и пр. Переводъ и устная упражненія, соединенные съ практическимъ обученіемъ грамматикъ, какъ въ I классѣ. Во второмъ семестрѣ назначается переводъ легкихъ разказовъ съ латинскаго языка.

Однъ разъ въ недѣлю классное сочиненіе.

Домашнія занятія учениковъ: заучивание наизусть пройденного въ классѣ, какъ и въ I классѣ. Два раза въ мѣсяцъ домашнее сочиненіе. Во 2-мъ семестрѣ приготовленіе къ переводу изъ христоматіи.

Для перевода въ высшій классъ требуется знаніе всего пройденнаго въ этомъ классѣ.

III классъ (5 часовъ въ недѣлю).

Грамматика: два часа въ недѣлю. Изъ синтаксиса обѣ употребленіи надежей по предписанному учебнику.

Черезъ три недѣли классное сочиненіе для написанія въ часъ.

Чтение три часа. Корнелій Непотъ сначала читается старатно, по мѣрѣ же успѣховъ учениковъ болѣе быстро; такъ что большая часть автора читается въ продолженіи одного года.

Домашнія занятія учениковъ: въ первомъ семестрѣ еженедѣльно, во второмъ же черезъ каждыя двѣ недѣли домашнее сочиненіе; повтореніе пройденныхъ грамматическихъ правилъ и составленіе со-

отечественныхъ примѣровъ; приготовление къ переводу Корнеля Непота.

Для перевода въ IV классъ требуется письменное классное сочинение съ примѣненіемъ пройденныхъ граматическихъ правилъ, безъ пособія граматики и словаря, и переводъ пройденныхъ мѣстъ изъ Корнеля Непота.

IV классъ (6 часовъ въ недѣлю).

Граматика. 3 или 2 часа. Объ употреблениіи временъ и наклоненій.

Чтение (3 — 4 часа) Юлія Цезаря: *De bello Gallico*. Обыкновенно читается большая часть сочиненія. Въ концѣ впорядо семестра 2 часа въ недѣлю посвящаются на изложение оснований метрики и просодіи и на упражненіе въ чтеніи латинскихъ стиховъ, напримѣръ, Овидія.

Домашнія занятія учениковъ тѣ же, чѣмъ и въ III классѣ.

Въ высшей гимназіи цѣль обучения латинскому языку — познакомить учениковъ съ важнейшими произведеніями римской литературы и съ государственной жизнью Римлянъ; дающе — возбудить въ нихъ чутье къ складу римской рѣчи, и посредствомъ этого, чутье къ языческой рѣчи вообще.

V классъ (6 часовъ въ недѣлю).

Чтение, 5 часовъ. Тита Ливія, книга первая: обыкновенно читаются важнейшія мѣста изъ борьбы патриціевъ съ плебеями и войны Римлянъ съ Ганнибаломъ. Овидія Метаморфозы. Одинъ разъ въ недѣлю граматическая и стилистическая упражненія, цѣль которыхъ — укрѣпить въ воспитанникахъ знаніе граматики и возбудить въ нихъ чутье къ особенностямъ латинской рѣчи, относительно употребленія отдельныхъ словъ и строя предложенийъ. Для достижениія этой цѣли ученики переводятъ отечественныхъ авторовъ на латинский языкъ, начиная съ самыхъ легкихъ и переходя постепенно къ болѣе труднымъ. Во время перевода учитель дѣлаетъ общіе выводы объ особенностяхъ латинской рѣчи.

Домашнія занятія учениковъ: приготовленіе къ чтенію; черезъ двѣ недѣли *rebusum*; черезъ мѣсяцъ сочиненіе.

При переводныхъ испитаніяхъ въ высшей гимназіи обращается преимущественно вниманіе на правильность перевода на латинскій въ грамматическомъ отношеніи и на пониманіе стилистическихъ свойствъ латинскаго языка.

VII классъ (6 часовъ въ неделю).

Чтение, 5 часовъ. Читаются Саллюстий и Цицеронъ; изъ поэтическихъ произведений читаются избранныя мѣста изъ Георгикъ, некоторые эклоги Вергилия, въ концѣ года начинаютъ читать Энеиду.

Грамматика и стилистика одинъ часъ, какъ въ V классѣ.

VIII классъ (5 часовъ въ неделю).

Чтение, 4 часа. Читаются болѣе замѣчательныя рѣчи Цицерона. Изъ поэзіи продолжаютъ читать Энеиду, 3—4 книги въ годъ.

Граматическая и стилистическая упражненія одинъ урокъ, какъ въ V классѣ. Домашнія занятія, какъ въ V и VI классахъ.

VIII классъ (5 часовъ въ неделю).

Чтение, 4 часа. Для чтенія избираются Тацитъ *Agricola* или *Germany*, или же отрывки изъ обоихъ сочиненій. Оды Гораций, отрывки изъ эподовъ, писемъ и сатиръ.

Граматическая и стилистическая упражненія—1 часть. Вместо обыкновенныхъ сочиненій назначается иногда разработка темы, заимствованной изъ читаемаго автора.

О преподаваніи грамматики и о соединенныхъ съ нимъ упражненіяхъ можно сказать слѣдующее:

Въ I классѣ при изученіи склоненій и спряженій ученикъ не долженъ довольствоваться выучиваніемъ наизусть формъ имени и глагола; онъ долженъ быть въ состояніи не только сказать по латини слово, произнесенное учителемъ на отечественномъ языке въ данной формѣ, но сейчасъ же соединять съ данною латинской формою понятіе, мыслимое на родномъ языке, и обратно. Ученики должны сейчасъ же при первомъ склоненіи составлять предложения, въ переводахъ съ роднаго языка на латинскій и обратно. Для этого, какъ уже сказано, ученики рядомъ съ склоненіями изучаютъ вѣкоторыя формы глагола, и прежде всего, формы *Indicat.*, *Imperat.*, *Infinit.*, *praesens. act. et pass.* 4-хъ спряженій и глагола *sum*. Для того, чтобы воспитанники могли упражняться въ согласованіи падежей надобно съ склоненіями существительныхъ соединить склоненія и формы прилагательныхъ и при упражненіяхъ, постоянно подбирать предложения, состоящія изъ существительныхъ и прилагательныхъ.

Чтобы имѣть больше материала для упражненій въ переводахъ, ученики, при изученіи склоненій, заучиваютъ болѣе важные предлоги и

ихъ управление, а соучастіемъ орнізаторівъ съединяются важнійші правила латинскаго складованія; вмѣстѣ съ спряженіями говорится объ употребленіи временъ и наложеній, послѣ важнѣйшихъ словъ причины, слѣдствія, цѣли, условія; при изученіи глаголовъ указываются конструкціи *accus.*, *sunt infinit.* и проч.

Общія данные о построеніи предложенийъ, необходимыя для перевода на латинский языкъ, изучаются учениками не на урокахъ латыни, а при обученіи отечественному языку. Поэтому смытается дѣлосообразность, чтобы одинъ и толькъ же учитель, особенно въ I классѣ, преподавалъ оба языка. На урокахъ латыни обращается внимание только на особенности этого языка, рѣзко отличающіяся отъ стroma языка родного.

При обученіи учитель долженъ поставить себѣ главнымъ правиломъ, котораго никогда не можетъ упускать изъ виду, чтобы учить учениковъ на самомъ же урокѣ, не предоставляя этого дѣла ихъ домашнему труду. Урокъ долженъ состоять изъ постояннаго обучения посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ. Учитель на урокѣ ясно и выразительно читаетъ парадигму, и вслѣдъ затѣмъ, заставляетъ учениковъ повторять латинскія формы, задавая ихъ на родномъ языкѣ. Пере спросивъ всѣхъ учениковъ и убѣдившись, что они усвоили себѣ и парадигму, и отдѣльныя ея формы, онъ читаетъ въ книжѣ для чтенія подходящій отрывокъ, обращая вниманіе на просодію и правильное произношеніе и объясняетъ значеніе и происхожденіе незнакомыхъ словъ, которыхъ ученики записываютъ.

На дому ученики вычиваютъ вокабулы и парадигму. На слѣдующемъ урокѣ учитель спрашиваетъ у нихъ вокабулы, повторяетъ парадигму и заставляетъ переводить предложения съ латинскаго на отечественный языкъ. Прежде всего ученикъ дѣлаетъ грамматическую или, такъ называемую, логическую конструкцію предложения; затѣмъ слѣдуетъ переводъ на родной языкъ; и послѣ этого ученики повторяютъ предложение по латыни съ разными перемѣнами; въ множественномъ числѣ вмѣсто единственного, перемѣняютъ *activum* на *passivum*, измѣняютъ времена и проч. Учитель не долженъ заниматься никогда исключительно съ однимъ ученикомъ, но по одному вопросу назначаетъ каждому изъ нихъ, произнося вопросъ прежде, чѣмъ фамилию ученика. Такимъ образомъ, онъ заставляетъ весь классъ принимать участіе въ урокѣ съ постояннымъ и напраженнымъ вниманіемъ. Если ученики требуютъ надлежащей навыкѣ, то вопросы учителя и отклики учениковъ будутъ слѣдоватъ такъ быстро, что при

самомъ большомъ числомъ учениковъ (60 человекъ) можно спроектировать извѣдь лишь къть даже въесьюль разъ въ продолженіи одного часа. Учитель никогда не долженъ вѣдти впередъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдится, что всѣми безъ исключенія учениками усвоены фундаментальнѣя заучиваемыя оздаѣръ курса. Во время обученія учитель не долженъ напоминать, чѣмъ-называемыхъ, балловъ; то-сост., вовиться со спискомъ учениковъ. Ему лигко будетъ въ продолженіи двухъ недѣль узнать всѣхъ учениковъ, ихъ способности, вниманіе, прилежаніе и степень знанія! Оцѣвившиъ всѣхъ учениковъ, надобно обращать вниманіе не только на бѣглость (*Gewandtheit*) въ употребленіи формъ, но также на запасъ извѣстныхъ имъ словъ; ибо цѣль преподаванія въ гимназіи не ознакомить учениковъ съ формами и грамматическими правилами латинскаго языка, а обучить ихъ грамматически самому языку. Лексикальная же сторона языка также важна, какъ и формы, и конструкція. Не менѣе важную задачу обученія составляетъ прученіе воспитанниковъ въ самомъ началѣ въ строгому соблюденію количества слоговъ и ударенія. Это облегчаетъ въ IV классѣ систематическое изложеніе началь латинской просодіи.

Учебный годъ въ Австріи состоить изъ двухъ семестровъ. Первый начинается 1-го сентября и продолжается по 1-е февраля слѣдующаго года; второй оканчивается 1-го июля. Въ первомъ семестрѣ первого класса проходятъ изъ вышеизначенаго материала до мѣстоположеній; во второмъ изъстоиненіе и глаголы.

Письменныя (классныя) упражненія въ 1-мъ классѣ начинаются только съ 1-го декабря. Всякую недѣлю учитель посвящаетъ половину урока классному сочиненію. По отрывку, который былъ переведенъ и разработанъ, учитель составляетъ предложенія и задаетъ ихъ на родномъ языке, ученики пишутъ это по латыни въ тетради на лѣвой страницѣ, правую же оставляютъ для *corrictum*. Предложенія подбираются такія, въ которыхъ всѣ слова были бы извѣстны ученикамъ. Учитель исправляетъ сочиненія на дому, подчеркивая ошибки. На слѣдующемъ урокѣ овѣ разбираются ошибки, которыми ученики исправляются на поляхъ. Наконецъ, одинъ изъ учениковъ пишетъ на доскѣ все сочиненіе (*corrictum*), которое должно служить образцомъ, и которое затѣмъ ученики пишутъ на правой страницѣ тетради. Во второмъ семестрѣ назначаются иногда домашнія сочиненія, состоящія изъ предложенийъ, переведенныхъ учениками въ классѣ.

Методъ преподаванія во второмъ классѣ не отличается въ сущности отъ выше указанныхъ приемовъ. Въ этомъ классѣ пополняются

съединяясь изъ флексіи, проходятся такъ-называемыи неправильныи формы склоненій и сраженій. Самое же важное мѣсто занимаютъ здѣсь неправильныи формы глагола (present., perfect., sup., infinit.), въ особенности же 2-го и 3-го сраженій.

Во второмъ классѣ обращаютъ большое вниманіе на начала латинскаго синтаксиса. Здѣсь ученики упражняются въ употреблении временъ (consec. temp.), измѣняютъ предложения изъявительныи на вопросительныи, на зависимыи; конструкціи дѣйствительныи измѣняютъ на страдательныи; упражняются въ образованіи условныхъ предложеній и пр. Чѣмъ болѣе разнообразія въ этихъ упражненіяхъ, тѣмъ болѣе польза ученикамъ.

Во второмъ семестрѣ втораго класса требуется отъ учениковъ до машнее приготовленіе къ переводу.

Съ третьаго класса граматика отдѣляется отъ чтенія и преподается на отдѣльныхъ урокахъ. Въ первыхъ двухъ классахъ ученики уже познакомились достаточно съ формами и съ самыми главными конструкціями латинскаго языка и приобрѣли значительный запасъ словъ. Поэтому, въ третьемъ классѣ чтеніе должно имѣть свою самостоятельную цѣль, а не служить только пополненіемъ грамматическихъ уроковъ. До сихъ поръ переводились предложения, составленныи для объясненія данного грамматического правила. Въ 3-мъ классѣ читается Корнелій Непотъ или христоматія изъ легкихъ историческихъ сочиненій. Само собою разумѣется, что и читаетъ автора, и грамматику преподаетъ одинъ и тотъ же учитель.

Методъ преподаванія граматики въ III и IV классѣ слѣдующій. Основаніемъ уроковъ служитъ краткій учебникъ граматики, въ которомъ послѣ всякаго правила слѣдуетъ нѣсколько примѣровъ. Учитель читаетъ правило, объясняетъ его значеніе посредствомъ примѣровъ, находящихся въ граматикѣ. Эти примѣры переводятся учениками, выучившими къ уроку значеніе словъ. Затѣмъ ученики сами составляютъ предложенийъ, въ которыхъ примѣняется изложенное правило. Искрививъ такимъ образомъ весь материалъ, заключающійся въ данномъ правилѣ, и убѣдившись, что всѣ ученики поняли его, учитель переходитъ къ слѣдующему правилу. Къ слѣдующему уроку ученики выучиваютъ не только изложенное правило, но и всѣ слова, входящія въ его составъ. Кроме того, они къ каждому правилу подбираютъ нѣсколько примѣровъ, которые, если учитель потребуетъ, должны быть приведены ими безъ всякаго затрудненія. Матеріалъ для упражненій взимается изъ читаемаго автора, и такимъ образомъ, все обуче-

не принимаетъ болѣе оживленный характеръ и представляютъ болѣе интереса.

Вообще обученіе граматикѣ въ III-мъ и IV-мъ классахъ имѣть цѣлью систематическое и полное изложеніе правилъ синтаксиса, съ которыми ученики встрѣчались уже въ I-мъ и II-мъ классахъ при переводахъ. Но и адѣсь однакожъ упражненія должны слѣдовать за изложениемъ правилъ.

Съ граматическими уроками соединяются письменные упражненія. Всякую недѣлю назначается сочиненіе домашнее; а чрезъ каждыи двѣ недѣли одинъ урокъ посвящается классному сочиненію. Задачи исправляетъ учитель тѣмъ же способомъ, что и въ I и II классахъ. Темою для письменныхъ упражненій служатъ тѣ граматическія правила, которыхъ проходятся въ классѣ. Изъ разбираемаго въ классѣ материала учитель самъ составляетъ соответственные предложения, которыи дѣлутъ ученикамъ на родномъ языке.

На испытаніи, для перевода въ высшій классъ, ученикъ долженъ написать сочиненіе, въ которомъ примѣнялись бы изложенный въ классѣ граматическія правила, и переводить читанныя въ классѣ мѣста изъ назначенного автора. Кроме того онъ долженъ быть въ состояніи понимать даже не читанныя имъ мѣста, впрочемъ, съ помощью учителя относительно значенія труднѣйшихъ словъ.

Цѣль граматическихъ и стилистическихъ упражненій въ высшей гимназіи — упрочить и расширить граматическое знаніе латинскаго языка, приобрѣтенное въ низшихъ классахъ, и возбудить въ ученикахъ чувство различія латинскаго слога въ сравненіи съ слогомъ роднаго и вообще съ слогомъ современныхъ языковъ. Для достижениія этой цѣли самыи важныи средствомъ считаются письменные упражненія. Въ иныхъ гимназіяхъ систематически повторяется грамматика по болѣе обширному учебнику, преимущественно же синтаксисъ. Однакожъ это дѣлается только тогда, когда классъ состоить изъ менѣе способныхъ учениковъ, или когда по какой-нибудь другой причинѣ чувствуется недостатокъ въ граматической подготовкѣ учениковъ.

Письменные упражненія бывають двоякія. Черезъ двѣ недѣли назначается домашнее упражненіе, такъ-называемое *rebusum*, и одинъ разъ въ мѣсяцъ одинъ урокъ посвящается на классное сочиненіе. Сначала материалъ для сочиненій избирается изъ легкихъ отрывковъ и потомъ переходять постепенно, по мѣрѣ успѣховъ, къ болѣе труднымъ. Съ

седьмого класса для домашнихъ сочиненийъ назначаются переводы изъ произведений отечественныхъ писателей. Исправленія на дому сочиненіемъ разбираются учителемъ на урокѣ. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе учениковъ на различіе латинскаго языка въ сравненіи съ роднымъ языкомъ относительно отдѣльныхъ выраженій и состава цѣлыхъ предложенийъ и оборотовъ рѣчи. Для исправленія ошибокъ учитель самъ переводить сочиненіе на латинскій языкъ и переводъ чинить на доскѣ или же диктуя ученику, разбирая и объясняя всѣ особенности слога, и обращая при этомъ вниманіе на ошибки, найденные въ тетрадяхъ учениковъ. Этого рода разборъ служитъ самимъ важнѣмъ средствомъ для стилистическихъ упражненій въ высшей гимназіи. При чтеніи латинскихъ авторовъ обращается вниманіе на следующіе приемы: 1) Чтобы съ самого начала привлечь воспитанниковъ къ самостоятельному труду, требуется отъ нихъ приготовленіе урока на дому. 2) Приготовленіемъ такимъ образомъ ученикамъ объясняются свойства слога и содержаніе читаемаго автора. 3) Переводится данное мѣсто съ соблюденіемъ въ переводѣ правильности и изящности рѣчи.

Если ученики занимались авторомъ продолжительное время (например, цѣлый годъ), то они должны быть въ состояніи переводить его безъ приготовленія. Въ такомъ случаѣ, чтобы пробудить ихъ къ домашнему приготовленію, учитель заставляетъ ихъ переводить мѣсто, назначенное къ уроку, на родной языкъ, прямо безъ чтенія вслухъ по латыни, и только послѣ перевода читается текстъ.

Послѣ того, какъ ученики перевели назначенный урокъ, учитель объясняетъ данный отрывокъ. Объясненіе это не состоить исключительно въ акроаматическомъ изложеніи; учитель старается, посредствомъ подходящихъ вопросовъ, заставлять учениковъ самихъ разбирать трудный мѣсто. При объясненіи учитель обращаетъ вниманіе на всѣ данные, которые могутъ способствовать къ основательному пониманію автора; но онъ долженъ избѣгать всего, что тормозитъ ходъ урока. Во всякомъ случаѣ, объясненіе автора въ классѣ требуетъ со стороны учителя приготовленія къ каждому уроку, къ чему, кромѣ подходящихъ изданій авторовъ, отличнымъ пособіемъ служить *Reallexicon Любека* и *Realencyklopdie Паули*.

Граматическая сторона объясненія преобладаетъ въ низшихъ классахъ. Ученики должны основательно понять связь между словами и предложениями, а не довольствоваться поверхностнымъ пониманіемъ смысла данного отрывка. Но такъ какъ граматическимъ правила не составляютъ здѣсь главной цѣли урока, а только служить необходи-

мимъ объясненiemъ для пониманія автора, то учителъ избѣгаетъ всякихъ лишнихъ граматическихъ толкований. Читаемый авторъ не долженъ никогда служить материаломъ для всякаго рода граматическихъ упражнений; обращается внимание только на то правило, которое служитъ объясненiemъ данного мѣста..

Въ высшихъ классахъ обращается болѣе вниманія на стилистическая особенности латинскаго и родного языковъ, которые ученики должны строго соблюдать при переводѣ. Такъ-называемое реальное объясненіе тоже необходимо. Учитель долженъ познакомить учениковъ съ кругомъ понятій автора, не разъясняя имъ вниманія лишними разъяснами. Авторъ долженъ быть цѣлью, а не средствомъ преподаваемаго урока. Объяснивъ данное мѣсто, учитель долженъ убѣдиться, посредствомъ многочисленныхъ вопросовъ, что ученики поняли основательно разбираемый периодъ. Затѣмъ слѣдуетъ перевести, какъ результатъ объясненія. Переводъ долженъ быть вѣрный и изящный. Вѣрность перевода состоять въ томъ, чтобы латинскихъ словъ и оборотовъ рѣчи не переводить буквально на родной языкъ, нарушая его грамматическую правильность. Несоблюдение правилъ родного языка считается такимъ же недостаткомъ, какъ ошибки противъ слога и грамматики латинскаго языка. Но, съ другой стороны, надобно избѣгать всякаго отступленія отъ мысли латинскаго автора. Вѣрный переводъ будетъ изященъ, если отъ, выйти съ соблюдениемъ законовъ родного языка, воспроизведетъ характеръ переводимаго латинскаго автора.

Само собою разумѣется, что переводъ, приготовленный учениками къ уроку, не можетъ удовлетворить этимъ требованиямъ. Поэтому учитель, послѣ объясненія разбираемаго отрывка, переводить его самъ, не читая латинскаго текста. Этотъ переводъ долженъ быть результатомъ предыдущаго анализа и основываться на немъ. Потому-то учитель долженъ самъ дѣлать въ классѣ переводъ, а не читать "готовый". Такъ-называемые Eselsbrücke приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; потому что, доставляя ученикамъ готовый переводъ, освобождаютъ ихъ отъ собственной умственной работы, посредствомъ которой они должны преодолѣть трудности читаемаго автора.

Къ слѣдующему уроку, преимущественно же въ высшихъ классахъ, ученики переводятъ разработанный отрывокъ, не читая вслухъ латинскаго текста, съ соблюдениемъ стилистическихъ особенностей родного языка.

Письменный переводъ назначается очень рѣдко. Иногда переводъ

съ древнихъ языковъ назначается учителемъ одного изъ живыхъ языковъ вмѣсто обыкновенного сочиненія.

О преподаваніи греческаго языка.

Греческій языкъ начинается съ III класса. Въ низшей гимназіи ученики должны пріобрѣсти знаніе морфологіи аттическаго діалекта и ознакомиться съ самыми важными данными изъ синтаксиса.

III классъ (5 часовъ въ недѣлю).

Правильная морфологія за исключеніемъ глаголовъ на *и*. Ученикъ обѣ удареніяхъ, которые наблюдаются въ чтеніи и на письмѣ.

IV классъ (4 часа въ недѣлю).

Неправильныя склоненія и сиряженія; главныя части науки обѣ употреблениія иаклоненій, въ сравненіи съ латинскимъ языкомъ. Обращается вниманіе преимущественно на тѣ особенности греческаго синтаксиса, который рѣконо отличается отъ соответственныхъ оборотовъ латинскаго языка.

Въ обоихъ классахъ, рядомъ съ обученіемъ грамматикѣ, употребляется соответственная книга для перевода съ греческаго на родной и съ родного на греческий языкъ. Переводится она по методу, указанному въ I и II классахъ для латыни, съ тѣмъ различиемъ, что здѣсь ученики болѣе развиты, и потому учителъ можетъ предоставить болѣе простору ихъ самостоятельному труду. Такъ, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы диктовать имъ слова для перевода въ классъ, онъ требуетъ отъ нихъ домашнаго приготовленія.

Съ 2-го семестра III класса назначаются письменные упражненія: черезъ 2 недѣли классная задача; черезъ мѣсяцъ домашнее сочиненіе.

Въ высшей гимназіи главная цѣль обученія греческому языку — ознакомленіе учениковъ съ самыми важными произведеніями греческой литературы посредствомъ основательнаго чтенія.

V классъ (4 часа въ недѣлю).

Чтеніе 3—4 книгъ Иліады. Объ особенностяхъ гомерического діалекта. Приготовленіе и выучиваніе вocabуль. Иногда назначаются избранные отрывки къ изустному выучиванію¹⁾). Черезъ каждыя, двѣ

¹⁾ Въ некоторыхъ гимназіяхъ большая часть года въ этомъ классѣ посвящается на чтеніе Ксенофонта Анаказиса; только въ концѣ 2-го семестра послѣ Пасхи читается Гомеръ.

недѣли одинъ урокъ посвящаєтъ не повтореніе граматики юттіческаго диалекта. Каждый мѣсяцъ письменное сочиненіе.

VI классъ (4 часа въ недѣлю).

Чтение: Въ 1-мъ семестрѣ Иліада; около 6 книгъ; во 2-мъ семестрѣ — Геродотъ. Граматика и письменные задачи, какъ въ V классѣ.

VII классъ (5 часовъ въ недѣлю).

Въ 1-мъ семестрѣ чтеніе трагедій Софокла; во 2-мъ рѣчи Демосфена. Граматика и письменный упражненій, какъ въ V классѣ.

VIII классъ.

Въ 1-мъ семестрѣ читается Платонъ: Апологія Сократа въ видѣ введенія; затѣмъ одинъ изъ сократическихъ диалоговъ, напримѣръ, Протагорастъ, Горгіасъ, Федонъ. Въ 2-мъ семестрѣ одинъ изъ трагедій Софокла.

Грамматика и письменные сочиненія, какъ въ V классѣ; методъ преподаванія греческаго языка почти тотъ же, что и латинскаго. Въ высшей гимназіи грамматика преподается такъ же, какъ латинская грамматика въ I и II классахъ съ тѣмъ различиемъ, что вдѣсь применяется сравнительный методъ, дѣлаются ссылки постоянно на аналогичныя явленія латинского языка.

При обученіи греческимъ формамъ, съ самого начала обращается внимание на соблюдение на произношении и на письмѣ ударений и количества слоговъ.

Въ высшей гимназіи почти все уроки греческаго языка посвящаются чтенію античнаго. При чтеніи Гомера, учитель сначала подготавливается впередъ весьма медленно, заставляя учениковъ выучивать напевусть вокабулы и даже цѣльные отрывки. При помощи такого тщательного анализа ученики въ скоромъ времени приобрѣтаютъ запасъ словъ и знакомятся съ особенностями Гомеровскаго языка до того, что бываютъ въ состояніи самостоятельно продолжать чтеніе.

Во время чтенія Гомера, учитель знакомить учениковъ съ бытомъ греческаго народа въ героический періодъ, не теряя, впрочемъ, для этого много времени.

О преподаваніи польского языка.

По уставу 1849 года, каждый славянскій языкъ, если на немъ говорять ученики, долженъ преподаваться по методу, предписанному

для польского языка, какъ роднаго, конечно, съ измѣненіями, зависящими отъ природы славянскихъ языковъ. То, что сказано въ уставѣ о преподаваніи славянскіхъ языковъ, преимущественно же о преподаваніи граматики, въ настоящее время не имѣть почти никакого значенія, такъ какъ именно въ послѣднія 20 лѣтъ славянская филология и лингвистика сдѣлали громадные успѣхи, которые должны были повлѣять на методъ преподаванія въ гимназіяхъ.

Въ настоящее время польская грамматика преодолается по учебнику Малецкаго. Планъ преподаванія слѣдующій: Ученики приносятъ въ гимназію изъ нормальнаго училища знаніе простаго предложения, умѣютъ склонять и спрягать и знакомы вообще съ грамматическою номенклатурой.

Въ І-мъ классѣ проходитъ систематически ученіе о простомъ предложении, общія свойства изъ фонологии—сложенія именъ существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ.

Во II-мъ классѣ, спряженія, степени прилагательныхъ, мѣстопись, обзоръ различія формъ предложения, сложное предложение.

Въ III-мъ классѣ изучаются частицы речи, упражненіе словъ, ученіе о падежахъ; основанія правописанія и пунктуации.

Въ IV-мъ классѣ—ученіе о сложности предложения; о составѣ синтаксиса; главныя данные изъ этикологии.

Въ V-мъ классѣ въ первомъ семестрѣ, рядомъ съ чтеніемъ древнихъ памятниковъ, преодолается краткій обзоръ формъ древнепольскаго нарѣчія въ сравненіи съ древнеславянскимъ и другими славянскими нарѣчіями, на сколько они знакомы учителю.

Нѣкоторые учителя въ І-мъ и II-мъ классахъ упражняютъ учениковъ въ правописаніи, посредствомъ диктовки. Но такъ какъ ученики приобрѣтаютъ навыкъ въ правописаніи уже въ нормальныхъ школахъ, то эти упражненія излишни. Впрочемъ, на ошибки въ правописаніи обращается вниманіе при письменныхъ задачахъ.

Ученики, приходя въ гимназію изъ нормальныхъ училищъ, читаютъ почти всѣ исправно и съ пониманіемъ. Не смотря на то, въ первыхъ двухъ классахъ изъшей гимназіи однъ урокъ въ недѣлю посыпается чтенію. Ученики разказываютъ прочитанное или посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ, или же акроаматически. Такъ какъ въ галицко-польскомъ разговорномъ языкѣ развилось много провинціализмовъ, и сверхъ того, значительная часть воспитанниковъ состоять изъ дѣтей крестьянъ, то нѣкоторые учителя заставляютъ учениковъ выучивать наизусть прозаические отрывки, чтобы пріучить говорить

общеупотребительнымъ польскимъ языкомъ. Этотъ методъ, кажется, достигаетъ цѣли только въ томъ случаѣ, если ученики разобрали и поняли назначенный отрывокъ.

Наиболѣе употребительный предметъ занятій учениковъ по родному языку составляетъ такъ-называемая декламація, то-есть, выучивание наизусть поэтическихъ отрывковъ, хотя образовательное значеніе этого рода упражненій слишкомъ преувеличено.

Въ высшей гимназіи начинается история словесности. Въ V-мъ классѣ: географическое и этнографическое обозрѣніе славянскихъ народовъ, при которомъ упоминается о самыхъ важныхъ произведеніяхъ славянскихъ литературы. Рядомъ съ древнепольскою граматикою въ 1-мъ семестрѣ разбираются памятники польского нарѣчія XIV и XV вѣковъ. Во второмъ семестрѣ читаются отрывки изъ прозаическихъ писателей XIV вѣка; о первыхъ книгахъ, напечатанныхъ въ Польши, и о переводахъ Священнаго Писанія. Изъ другихъ славянскихъ памятниковъ читается обыкновенно Слово о полку Игоревѣ и отрывки изъ Кракедворской и Зеленогорской рукописей.

Въ VI-мъ классѣ читаются самыя замѣчательныя поэтическія произведенія XVI столѣтія.

Въ VII-мъ классѣ — литература XVII, XVIII и начала XIX столѣтія.

Въ VIII-мъ классѣ новѣйшая литература, начиная съ Бродзинскаго и Мицкевича.

При преподаваніи литературы, главное вниманіе обращается на чтеніе учениками отрывковъ изъ замѣчательныхъ произведеній. Въ біографіяхъ писателей упоминаются только тѣ обстоятельства жизни, которыхъ имѣли вліяніе на происхожденіе и характеръ произведеній, и безъ которыхъ нельзѧ понять автора. Въ высшихъ классахъ (въ VII и VIII), кромѣ чтенія авторовъ въ отрывкахъ, избирается для чтенія одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній, напримѣръ, трагедія, содержаніе которой доступно пониманію учениковъ, и читается старатно анализуется и объясняется совершенно такъ, какъ древніе классики.

Письменные сочиненія въ низшей гимназіи назначаются черезъ каждыя двѣ недѣли. Въ первомъ классѣ сочиненіе состоить въ вѣрномъ воспроизведеніи краткаго разсказа или описанія, сдѣланного учителемъ. Учитель разказываетъ басню своими словами, или же читаетъ что-нибудь въ этомъ родѣ; ученики несколько разъ повторяютъ разсказъ и потомъ пишутъ его или сейчасъ же въ классѣ,

или (очень рѣдко) къ слѣдующему уроку. Классные сочиненія приносятъ болѣе пользы, потому что требуютъ отъ ученика полной самостоятельности въ работѣ. Написанное учениками сочиненіе учитель исправляетъ на дому. Ошибки противъ слога онъ исправляетъ самъ; ошибки противъ граматики и правописанія только подчеркивается, а ученики исправляютъ подчеркнутыя ошибки къ слѣдующему уроку. Исправленныя сочиненія разбираются въ классѣ. Въ низшихъ классахъ не требуется самостоятельности слога; напротивъ того, чѣмъ сочиненіе ближе держится образца, тѣмъ оно лучше, потому что только посредствомъ подражанія хорошимъ образцамъ ученики могутъ пріучиться правильно писать и ясно излагать свои мысли. Въ III и IV классахъ предоставляется ученикамъ болѣе свободы относительно слога. Что касается избранія темъ для сочиненій, то въ первомъ классѣ, кромѣ басенъ и краткихъ разказовъ, обильный материалъ для описательныхъ сочиненій доставляютъ естественная исторія и географія. Въ слѣдующихъ классахъ запасъ матеріала для сочиненій распространяется все болѣе и болѣе; въ воспроизведеніи представляется ученикамъ болѣе свободы, и наконецъ, въ IV классѣ дается просторъ собственной ихъ изобрѣтательности. Но и здѣсь для сочиненій назначаются описанія и разказы, и только очень рѣдко избираются темы умозрительного содержанія.

Передѣлка стиховъ на прозу можетъ служить темой для сочиненія только въ томъ случаѣ, когда учитель самъ разказываетъ избранный отрывокъ прозою. Въ IV классѣ ученики упражняются въ составленіи самыхъ общеупотребительныхъ дѣловыхъ бумагъ, прошений и т. п. по предписанной формѣ. Въ высшей гимназіи письменныя сочиненія получаютъ особенное значеніе. Значеніе это обусловливается тѣмъ, что посредствомъ письменныхъ упражненій, ученики пріучаются къ ясному и самостоятельному мышленію.

Изъ областей знанія, съ которыми ученики встрѣчаются въ высшей гимназіи, преимущественно исторія, чтеніе римскихъ и греческихъ авторовъ и литература доставляютъ обильный матеріалъ для письменныхъ упражненій. Въ сочиненіяхъ историческихъ ученики могутъ воспроизводить мысли и чувства историческихъ дѣятелей при важныхъ событияхъ; напримѣръ, въ темахъ: „рѣчь Эпамимонда передъ битвой при Левкѣрѣ“, „рѣчь папы Льва I къ Аттилѣ“, и проч. Или же ученики подвергаютъ данный исторический фактъ разсмотрѣнію съ извѣстной точки зренія, напримѣръ, въ темахъ: „О вліяніи географического положенія Грекіи на развитіе египетскаго народа“,

или „О происхождении и развитии трибунала въ Римѣ“, „Состояние Европы въ XV столѣтіи“ и проч.

Чтение греческихъ и римскихъ классиковъ служить тоже материаломъ для письменныхъ упражнений. Содержание прочитаннаго можетъ быть темою сочиненія: напримѣръ, „Гостепріимство и кровомщеніе въ героическомъ періодѣ Греціи, по Гомеру“. Отдельныя мѣста классиковъ могутъ быть разработаны учениками самостоительно; такъ, напримѣръ, подражаніе рѣчи Сосикла у Геродота (V, 92); подражанія рѣчамъ изъ Ливія и проч. Въ высшихъ классахъ назначаются болѣе самостоятельныя разсужденія, какъ напримѣръ, „Сравненіе описанія щита Ахилла у Гомера и щита Энея у Вергилия“ и проч.

Отечественная литература, преимущественно какъ материалъ для воспроизведенія быта народа въ данную эпоху, служить предметомъ для сочиненій. Вотъ нѣкоторыя темы: „О нравахъ Поляковъ въ XVI столѣтіи по сочиненію «Satygu» Кохановскаго“, „Бытъ народа въ Червонной Руси въ XVI вѣкѣ по сочиненію Кленовича «Roxolania» и пр. Кромѣ того, назначается темою для сочиненій—представить содержаніе читаннаго произведенія или определить характеръ личности, изображенной въ художественномъ произведеніи, напримѣръ; „Характеристика пана графа въ поэмѣ Панъ Тадеушъ Мицкевича“ и проч.

Въ VIII классѣ, кроме обыкновенныхъ сочиненій, ученики пишутъ на нѣмецкомъ и родномъ языкахъ такъ-называемыя „свободныя изложенія“ (Freie Vorträge), для которыхъ сами избираютъ темы, и только представляютъ ихъ учителю для одобренія. Политические и религіозные вопросы исключаются рѣшительно. Учитель и нѣсколько учениковъ, избранныхъ авторомъ, въ референты, читаютъ статью; затѣмъ авторъ произносить ее наизусть въ классѣ pro cathedra; слѣдуютъ возраженія референтовъ и другихъ товарищѣ подъ руководствомъ учителя. Наконецъ, учитель дѣлаетъ свои замѣчанія о статьѣ и о возраженіяхъ референтовъ.

О преподаваніи нѣмецкаго языка.

Нѣмецкій языкъ, какъ чужой, подобно древнимъ языкамъ, требуетъ систематического изложения грамматики съ самого начала обученія. Но цѣль преподаванія живаго языка вообще совершенно другая, нежели древнихъ, а потому и методъ преподаванія долженъ быть другой. Задача обученія въ гимназіи живымъ языкамъ состоять въ томъ, чтобы воспитанникъ могъ не только понимать ихъ, но даже писать на нихъ и говорить; потому изложение грамматическихъ пра-

виль нѣмецкаго языка соединено съ практическими упражненіями еще тѣснѣе, чѣмъ при обученіи древнимъ языкамъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, всякое правило должно быть объяснено примѣромъ, выведенено изъ примѣра, и посредствомъ примѣра укрѣплено въ памяти учениковъ. Для этой цѣли имѣется учебникъ граматики, къ которому примѣнена книга для чтенія. Въ ней всякий урокъ соответствуетъ данному правилу въ граматикѣ. Уроки состоятъ изъ нѣмецкихъ и польскихъ предложенийъ. Въ первой части, предназначеннай для первого класса, предъ каждымъ отрывкомъ показано значеніе словъ, встрѣчающихся въ первый разъ. Въ слѣдующихъ частяхъ, въ которыхъ заключаются разказы и описанія, приложены только словари, для того чтобы воспитанники пріучивались заниматься болѣе самостоятельно. Для граматики не назначается отдѣльныхъ уроковъ. Даже въ III и IV классахъ, где повторяются и пополняются свѣдѣнія изъ граматики, принимаются въ основаніе читаемые отрывки изъ христоматіи, и изъ встрѣчаемыхъ примѣровъ выводятся и прилагаются граматическія правила.

Методъ упражненій при употреблении книги для чтенія слѣдующій. Съ самаго начала преподаванія, на одномъ изъ первыхъ уроковъ, учитель ознакомляетъ учениковъ посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ съ разборомъ предложенийъ. Сначала спрашивается самъ учитель; но всакъ скоро черезъ нѣсколько уроковъ ученики приобрѣтутъ надлежащую сморовку, то они сами спрашиваютъ другъ друга. Разборъ начинается съ сказуемаго. Сказуемымъ спрашивается о подлежащемъ, потомъ о винительномъ падежѣ и другихъ частяхъ предложения. Отвѣтъ долженъ состоять всегда не изъ одного слова, а изъ цѣлаго предложения. Если въ разбираемомъ предложении можно перемѣнить размѣщеніе словъ, тогда ученики произносятъ данное предложение въ разныхъ словоразмѣщеніяхъ; но во всякомъ случаѣ они должны знать, когда и почему можно перемѣнить размѣщеніе словъ; въ противномъ случаѣ это полезное упражненіе становится механическою игрой словами безъ всякой пользы. Если периодъ заключается въ себѣ нѣсколько предложенийъ, состоящихъ въ связи между собою, тогда главнымъ предложеніемъ спрашивается о подчиненномъ и т. д.

Такого рода разборъ предложенийъ представляетъ слѣдующія выгоды: 1) Ученики упражняются постоянно въ разговорномъ языкѣ, такъ какъ они говорятъ болѣе чѣмъ учитель. 2) Весь классъ удерживается въ постоянномъ и напряженномъ вниманіи, потому что всякий ученикъ можетъ быть каждую минуту вызванъ къ отвѣту.

3) Ученики привыкаютъ слѣдовать за ходомъ мыслей даже въ очень обширныхъ предложенияхъ. 4) Они усваиваютъ себѣ не только отдельные слова языка, но и цѣлые предложения и обороты рѣчи.

Домашняя подготовка ученика состоитъ только въ выученіи наизусть значенія словъ, находящихся въ назначеннѣ отрывкѣ. Въ началѣ урока учитель спрашиваетъ у учениковъ значеніе словъ. Въ I и II классахъ болѣе трудныя предложения переводятся на родной языкъ, но мало по малу все менѣе и менѣе, и наконецъ, въ III и IV переводъ этотъ превращается, и учитель только объясняетъ значеніе тѣхъ словъ и оборотовъ, которыхъ ученики не понимаютъ.

Приготовленіе учениковъ къ переводу съ родного языка на нѣмецкій ограничивается тоже заучиваніемъ значенія болѣе трудныхъ словъ. Въ первый разъ переводятъ устно на урокѣ подъ руководствомъ учителя, но не читая вслухъ текста на родномъ языке. Только при помощи этой мѣры заставляется ученикъ прочесть дома весь назначенный отрывокъ и усвоить значеніе немногихъ ему словъ. Если ученику трудно перевести предложеніе, то онъ разбираетъ его по вышеуказаннымъ методу, посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ, и затѣмъ нѣсколько разъ повторяетъ предложеніе по нѣмецкіи. Переведенные и разобранные на урокѣ предложения ученики записываютъ дома въ тетради; къ слѣдующему уроку читаютъ записанное и исправляютъ ошибки. Слова, въ которыхъ ученики дѣлаютъ наиболѣе ошибокъ, разбираются на отдельные звуки. То же дѣлается при исправленіи письменныхъ задачъ. Затѣмъ, исправленный отрывокъ читается учениками нѣсколько разъ по нѣмецкіи наизусть, при чёмъ они смотрятъ въ книгу, но не произносятъ текста на родномъ языкѣ.

Разработанный такимъ образомъ отрывокъ, какъ нѣмецкій, такъ и въ переводѣ съ родного языка на нѣмецкій, ученики прочитываютъ еще разъ дома. На слѣдующемъ урокѣ учитель читаетъ содержащіяся въ данномъ отрывкѣ предложения въ ихъ же видѣ или въ измѣненномъ, и ученики обязаны отвѣтить по нѣмецки безъ записи наизусть, не заглядывая въ книгу или въ тетрадь. Только тогда отрывокъ считается окончательно усвоеннымъ.

Во второмъ семестрѣ I класса, когда ученики пріобрѣли достаточный навыкъ въ разборѣ отдельныхъ предложений, назначаются иногда для разнообразія краткіе нѣмецкіе разказы изъ второй части учебника. Со второго класса требуется отъ учениковъ, чтобы статьи повѣстовательного содержанія они повторяли сами, безъ вопросовъ учителя. Статьи описательного содержанія представляютъ болѣе за-

трудненій, и потому онъ разказываются при помощи вопросовъ учителя. Такъ-называемая декламація, то-есть, заучивание наизусть поэтическихъ отрывковъ не назначается никогда и считается только потерю времени безъ всякой пользы.

Хорошимъ упражненiemъ какъ во всякомъ живомъ, такъ и въ нѣмецкомъ языкѣ считается устный переводъ (*extemporalia*) безъ приготовленія предложеній и оборотовъ легкихъ по языку и интересныхъ и часто употребительныхъ по содержанію. Учитель говоритъ ученикамъ о какомъ-нибудь предметѣ на родномъ языкѣ, отдѣльными предложеніями; затѣмъ ученики пересказываютъ то же самое прямо по нѣмецки, при этомъ иногда повторяютъ все переведенное. Рассказъ долженъ быть такого рода, чтобы ученики были въ состояніи запомнить его и записать дома по нѣмецки. Записанный рассказъ исправляется на слѣдующемъ урокѣ и затѣмъ заучивается учениками наизусть. *Extemporalia* начинаются только съ III класса.

Письменныя, какъ домашнія, такъ и классныя сочиненія въ I и II классахъ ограничиваются переводомъ съ родного языка на нѣмецкій отдѣльныхъ предложеній и цѣлыхъ разказовъ, переведенныхъ и разобраныхъ въ классѣ. Хорошимъ материаломъ для письменныхъ упражненій во II классѣ служатъ: передѣлка дѣйствительныхъ предложеній на страдательныя, перемѣна прямой рѣчи на косвенную и т. п.

Въ III и IV классахъ, по мѣрѣ распространенія знаній учениковъ, увеличивается и запасъ материала для сочиненій; но не смотря на то, самымъ лучшимъ материаломъ для письменныхъ задачъ служатъ *extemporalia*, потому что тутъ ужъ учитель можетъ быть увѣренъ, что ученикъ самъ составляетъ сочиненіе, не прибегая къ помощи домашнаго учителя.

Въ высшей гимназіи методъ преподаванія нѣмецкаго языка почти тотъ же, что и роднаго, а потому мы не будемъ рассматривать ближе этого предмета.

Географія и исторія.

Въ низшій гимназіи проходится общій обзоръ поверхности земнаго шара и его естественныхъ и политическихъ дѣленій. Обзоръ важнѣйшихъ лицъ и фактовъ всеобщей исторіи, преимущественно же исторіи Австріи, съ знаніемъ хронологіи событий.

I классъ (3 часа въ недѣлю). Описаніе поверхности земнаго шара и его природныхъ особенностей; море и суши, горы, системы рѣкъ, плоскія возвышенности и долины и т. д. Политическое и этнографи-

ческое раздѣлениe. Иногда даются биографические очерки въ видѣ приготовленія къ преподаванію исторіи.

II классъ (3 часа въ недѣлю). Древняя исторія до 476 г. послѣ Р. Хр., за исключеніемъ исторіи еврейскаго народа. При исторіи каждого народа проходится географія страны.

III классъ (3 часа въ недѣлю). Новая исторія съ 476 года послѣ Р. Хр., до конца Тридцатилѣтней войны—вмѣстѣ съ географіей. Въ первомъ семестрѣ средняя исторія; во второмъ семестрѣ исторія Австріи; подробнѣе проходится исторія страны въ связи съ главными происшествіями всеобщей исторіи.

IV классъ (3 часа въ недѣлю). Въ первомъ семестрѣ продолженіе исторіи Австріи. Во второмъ семестрѣ статистика Австріи—повтореніе и дополненіе географіи другихъ государствъ.

Въ высшей гимназіи полагается изученіе важнейшихъ происшествій всеобщей исторіи въ прагматичной связи; основательное знаніе исторического развитія Грековъ, Римлянъ и народовъ, населяющихъ Австрію; наконецъ, статистика Австріи.

Математика.

Ариѳметика, алгебра съ биномомъ Ньютона, геометрія (планиметрія, стереометрія, тригонометрія, аналитическая геометрія, коническая съченія). Преподаваніе математики оканчивается въ VII классѣ.

Естественная исторія и физика.

Систематический обзоръ трехъ царствъ природы. Научное изложеніе физическихъ законовъ природы.

Философская пропедевтика.

Въ VII и VIII классахъ преподается эмпирическая психологія и логика съ введеніемъ въ философию (2 часа въ недѣлю).

Вакаціи.

Учебный годъ въ австрійскихъ гимназіяхъ распадается на два семестра. Первый семестръ начинается 1-го сентября и продолжается по 25-е января слѣдующаго года. Затѣмъ слѣдуетъ одна недѣля вакаціи; второй семестръ начинается 1-го февраля и оканчивается 1-го июля. Іюль и августъ мѣсяцы занимаютъ лѣтнія вакаціи. Кромѣ того, на Рождество Христово ученики свободны отъ уроковъ 4 дня и на Пасху 9 дней.

Ученики гимназіи.

До поступлія въ гимназію ученики посѣщають четыре года, такъ называемую, нормальную или главную школу. Тамъ выучиваются читать и писать на родномъ языке и по нѣмецки и читать по латыни. Знаютъ склоненія и спряженія родного языка, умѣютъ писать цѣльную диетовку безъ ошибокъ. Изъ ариѳметики знаютъ четыре дѣйствія съ цѣльными числами, именованными и отвлечеными, дробными и смѣшанными.

При вступлениі въ гимназію ученики подвергаются повѣрочному испытанию изъ вышеназванныхъ предметовъ.

Кромѣ дѣйствительныхъ воспитанниковъ, при гимназіи состоять приватные ученики. Они не посѣщають уроковъ, а только держать экзаменъ въ концѣ каждого семестра, получаютъ семестральныя свидѣтельства и переводятся изъ класса въ классъ. Приватнымъ ученикамъ предоставляется право держать экзаменъ *maturitatis*, если они прошли всѣ классы гимназіи.

Дисциплинарныя средства въ гимназіи.

Всякій учитель имѣть право дѣлать выговоръ ученику. Выговоръ можетъ быть усиленъ тѣмъ, что его дѣлаетъ ординарій класса или же директоръ.

Всякій учитель можетъ оставить ученика низшей гимназіи въ классѣ послѣ уроковъ на одинъ или два часа. Оставленные ученики собираются въ одинъ залъ и занимаются подъ присмотромъ дежурнаго учителя.

За дурное поведеніе назначается заключеніе въ карцеръ, которое однако не должно превышать 8 часовъ въ одинъ день, а вообще 16 часовъ. Часы карцера не должны совпадать съ уроками и не должны назначаться ночью.

Наказывать карцеромъ можетъ только ординарій. Учитель, противъ котораго ученикъ провинился, обязанъ посыпти его въ карцеръ по крайней мѣрѣ одинъ разъ.

Тѣлесное наказаніе, по уставу 1849 года, допускается тамъ, где оно принято по обычаямъ. Теперь оно выводится изъ употребленія. Во всякомъ случаѣ тѣлесно наказывать имѣеть право только ординарій въ первыхъ 3-хъ классахъ низшей гимназіи, но самъ, а не черезъ педеля. Въ 4-мъ классѣ рѣшаеть обѣ этомъ конференція. Ученики высшей гимназіи совершенно свободны отъ наказанія этого рода.

Наказанія полагаются только за дурное поведеніе. Наказаніе должно соответствовать возрасту воспитанника. Самымъ строгимъ наказаніемъ считается исключеніе изъ гимназіи. Исключить ученика изъ гимназіи имѣеть право только конференція. Объ исключеніи ученика директоръ гимназіи доносить немедленно мѣстному училищному совѣту (Landesschulrat). Ученикъ можетъ быть исключенъ за дурное поведеніе въ такомъ случаѣ, если онъ въ продолженіи двухъ семестровъ получалъ свидѣтельства 3-го (нишаго) разрада. Право исключать учениковъ съ недопущеніемъ во всѣ гимназіи края, и даже всего государства, предоставляемое мѣстному училищному совѣту.

О всякомъ наказаніи ординарій обязанъ уведомить родителей или опекуновъ ученика.

Оцѣнка успѣховъ учениковъ, классифікація, локация, семестральный свидѣтельства.

Для оцѣнки успѣховъ учениковъ служатъ слѣдующіе баллы: 7 весьма неудовлетворительный, 6 неудовлетворительный, 5 удовлетворительный, 4 хороший, 3 похвальный, 2 отличный, 1 превосходный. Въ концѣ каждого семестра производится такъ-называемая классифікація и локация учениковъ, и выдаются имъ семестральный свидѣтельства.

Классифікація состоить въ томъ, что всѣ ученики раздѣляются на три разряда или класса. Къ 1-му разряду принадлежать ученики, у которыхъ изъ всѣхъ предметовъ успѣхъ удовлетворительный (начиная съ балла 5). Если же ученикъ имѣеть баллы изъ всѣхъ предметовъ не ниже 3-хъ (1, 2, 3), тогда онъ получаетъ название „eminenс“, „vorgzug“ (отличный). Только studentes и первоклассные ученики имѣютъ право на перенодъ въ высшій классъ. Ученики, у которыхъ оказался успѣхъ неудовлетворительный (балль 6), хотя бы изъ одного предмета, относятся къ II разряду. Наконецъ, если ученикъ имѣеть балль вовсе неудовлетворительный, хотя бы только изъ одного предмета, и сверхъ того, еще одинъ неудовлетворительный, или же три неудовлетворительныхъ, то онъ причисляется къ III разряду. Ученики III-го разряда, если въ продолженіи 2-хъ или 3-хъ семестровъ не подаютъ надежды на исправленіе, должны оставить гимназію.

Съ классифікацію соединяется локация учениковъ, то-есть, порядокъ учениковъ, по мѣрѣ ихъ успѣховъ.

Въ семестральномъ свидѣтельствѣ помѣщаются, кроме успѣховъ

часть схемъ, отд. 3.

изъ отдельныхъ предметовъ, классъ и локация ученика, отметка о его поведеніи и прилежаніи, обь опущенныхъ ученикомъ урокахъ и о достоинствѣ письменныхъ работъ.

Ученики, которые выслушали полный курсъ въ гимназіи, если желаютъ поступить въ университетъ, подвергаются экзамену maturitatis. Однакожъ, не всѣ ученики могутъ быть допущены къ испытанию maturitatis, а только тѣ, которые въ послѣднемъ семестрѣ оказали успѣхи по крайней мѣрѣ II разряда. Въ сомнительныхъ случаяхъ о допущеніи къ экзамену рѣшаетъ конференція учителей, преподающихъ въ VIII классѣ. Приватные ученики, если достигли 18-лѣтняго возраста, имѣютъ право держать выпускной экзаменъ наряду съ действительными учениками.

Экзаменъ состоитъ изъ письменного и изустного испытания. Письменное испытаніе состоится изъ сочиненій а) на родномъ и б) на мѣстномъ языкахъ, изъ перевода в) съ латинскаго, г) съ греческаго и д) на латинскій и е) изъ математической задачи. Для всякаго сочиненія учитель назначаетъ нѣсколько темъ, которыми директоръ представляетъ мѣстному училищному совѣту. Совѣтъ избираетъ по одной изъ нихъ и утверждаетъ ее. Для сочиненія на родномъ языке, назначается тема, посредствомъ которой экзаменующіе имѣли бы случай доказать общее образованіе и знаніе литературы.

Сочиненія пишутся учениками въ засѣданіи конференціи подъ строгимъ присмотромъ учителей.

Изустное испытаніе производится въ началѣ слѣдующаго училищнаго года подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ учебнаго соѣзда края и въ присутствіи директора и всѣхъ экзаменующихъ учителей. Ученики экзаменуются изъ языковъ и литературы отечественной, латинской и греческой, изъ исторіи и географіи, математики и физики, въ предѣлахъ гимназического курса. Главное вниманіе обращается на общее развитіе ученика.

Учителя.

Дѣйствительнымъ учителемъ гимназии (*ordentlicher Lehrer*) можетъ быть только тотъ, кто выдержалъ учительскій экзаменъ (*Staatsprüfung*) въ комиссіи, учрежденной для этой цѣли при каждомъ университѣтѣ.

Отъ учителей искусствъ (рисованіе, пѣніе, гимнастика и пр.) не требуется экзамена. Они носятъ название постороннихъ учителей (*Nebealehrer*).

Кандидатъ на учительское званіе, хотя бы и выдержалъ экзаменъ,

не можетъ быть дѣйствительнымъ учителемъ, если не преподавалъ въ одной изъ гимназій въ продолженіи одного года въ видѣ испытанія (Pruefungspr.). Въ случаѣ надобности, директоръ, съ разрѣшенія учебного совѣта, принимаетъ вольнонаемныхъ преподавателей, даже изъ среды студентовъ университета.

Директоръ назначаетъ постороннихъ учителей и удаляетъ ихъ отъ должности, предупреждая ихъ объ этомъ за полгода до отставки.

Ординарій (Klassenlehrer, классный наставникъ).

Ординарій служить центральнымъ органомъ, около которого сосредоточивается вся педагогическая дѣятельность класса. Его назначаетъ директоръ изъ среды учителей, преподающихъ въ классѣ. Одинъ учитель можетъ быть ординаріусомъ только въ одномъ классѣ.

Обязанности ординарія суть слѣдующія:

Въ отношеніи къ другимъ учителямъ, преподающимъ въ томъ же классѣ, ординарій служитъ посредникомъ и соединяетъ всѣ ихъ усилия къ одной педагогической цѣли. Онъ старается ввести соответственное равновѣсіе между преподаваемыми предметами; условливается о томъ, въ которые дни недѣли будутъ назначаться письменные задачи по разнымъ предметамъ, дабы сочиненія не скапливались на одинъ день. Учителя сообщаютъ ординарію всякую недѣлю о поведеніи и успѣхахъ учениковъ. Для рѣшенія этихъ дѣлъ ординарій совѣщается съ учителями своего класса на краткой конференціи, въ низшей гимназіи всякую недѣлю, въ высшей черезъ двѣ недѣли. Такъ какъ на мѣсячной конференціи ординарій дѣлаетъ докладъ о состояніи класса, то всякий учитель сообщаетъ ему съ своей стороны о пройденныхъ имъ частяхъ предмета и объ успѣхахъ учениковъ. Учителя обращаются къ ординарію въ случаѣ важнѣйшихъ проступковъ учениковъ, посредствомъ записанія въ классной журналѣ.

Въ отношеніи къ ученикамъ своего класса ординарій является опекуномъ; онъ обязанъ знать денежное ихъ положеніе, на случай, если дѣло пойдетъ объ увольненіи ихъ отъ платы за ученіе или же о назначеніи стипендіи. Онъ назначаетъ наказанія и дѣлаетъ выговоры ученикамъ, повѣряетъ оправданія ихъ о причинѣ отсутствія на урокахъ. Въ концѣ каждого семестра онъ пересматриваетъ письменные задачи учениковъ по всѣмъ предметамъ. Ординарій имѣть право уволить ученика отъ уроковъ даже на нѣсколько дней. Наконецъ, онъ приготовляетъ и выдаетъ ученикамъ семестральныя свидѣтельства.

Ординарій по отношению къ родителямъ и опекунамъ учениковъ служить вѣстѣ съ директоромъ представителемъ гимназического начальства. Онъ имѣтъ право приглашать для совѣщаній отца или опекуна въ гимназію, если это окажется необходимымъ вслѣдствіе нехорошаго поведенія или же неуспѣховъ ученика. Общество до того привыкло изъ сношеній этого рода, что многіе всякою недѣлю спрашиваются у ординарія объ успѣхахъ своихъ воспитанниковъ. Кроме того, ординарій нѣсколько разъ въ годъ (обыкновенно послѣ екзаменаций конференціи и передъ Пасхой) уведомляетъ письменно родителей объ успѣхахъ тѣхъ учениковъ, которые не даютъ надежды на исправленіе.

Въ отношеніи къ директору и конференціи учителей ординарій является представителемъ своего класса. Онъ докладываетъ конференціи о всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ его классу. На мѣсячной конференціи онъ представляетъ письменный отчетъ о состояніи класса.

Управление гимназіей ввѣreno директору и конференціи учителей.

Л. Малышевскій.

Лейпцигъ, июнь 1872 года.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ УПРАВЛЕНИЯ НАЧАЛЬНЫМИ НАРОДНЫМИ УЧИЛИЩАМИ.

On demande si l'intervention de l'état en matière d'instruction est utile? Oui, si l'instruction est utile. On demande, si cette intervention est nécessaire? Oui, si l'instruction est nécessaire..... L'état, en cette matière, conforme sa pratique à la théorie la plus libérale; car il donne toute la liberté, et fait par lui-même ce que la liberté ne peut pas faire... L'état est surtout nécessaire là où la liberté est impuissante; la liberté est impuissante de deux façons: lorsqu'elle n'enseigne pas, ou lorsqu'elle enseigne mal, et l'enseignement primaire est celui où elle fait le moins.

Jules Simon.

Въховий опытъ привелъ нынѣ всѣ' европейскія страны къ положительному убѣжденію, что дѣло образованія народа не можетъ и не должно быть отдано случайностямъ частныхъ начинаній, что мѣстное самоуправлениe, весьма полезное въ дѣлахъ хозяйственныхъ, бессильно въ дѣлѣ народнаго образования, что мѣстныя общества во многомъ могутъ содѣйствовать этому великому дѣлу, но не въ состояніи имъ руководить, и еще менѣе, быстро его подвигать. Потому какъ прежде, такъ въ особенности въ послѣдніе три-четыре года, многія европейскія правительства взяли на себя инициативу, поставили себя во главѣ народнаго образованія, ассигновали на него добровольно громадные суммы и ввели обязательное обученіе. Наибольшаго заслуживаетъ вниманій тотъ фактъ, что самое дѣйствительное вліяніе на народное образование предоставили себѣ правительства въ странахъ

часть CLXIII, отд. 1.

1

сь намного либеральнюю конституціей, и не произвольно, а съ общаго одобренія народныхъ представительствъ этихъ странъ.

Замѣчательнымъ, и должно сознаться, печальнымъ въ этомъ отношеніи контрастомъ остается одна Россія, гдѣ съ 1864 года правительство какъ-бы устранилось отъ руководства начальнымъ народнымъ образованіемъ, отдавъ его на произволъ частной дѣятельности. Когда сообразишь историческій ходъ народного развитія, то невольно поражаешь, что въ странахъ, гдѣ народное просвѣщеніе, по историческимъ причинамъ, военижало и развивалось помимо и вовсе независимо отъ правительства, что въ этихъ именно странахъ правительства взялись теперь за начальное образованіе, а въ Россіи, гдѣ все просвѣщеніе было наложено и должно поддерживаться почти исключительно однимъ правительствомъ, гдѣ академіи, университеты, гимназіи и другія высшія и среднія учебныя заведенія учреждены и содержатся однимъ правительствомъ и на его счетъ, за весьма ничтожными исключеніями, что только въ одной Россіи правительство какъ-бы удалило себя отъ руководства народною школою, этой колыбелью исторической будущности. Отдадимъ полную справедливость благороднымъ усилиямъ частныхъ дѣятелей и стремленіямъ нѣкоторыхъ земствъ развивать народное образованіе посильными пожертвованіями, но позволимъ себѣ надѣяться, что правительство не можетъ сложить съ себя тѣ нравственные и политическія обязанности, которые принаслѣжать ему какъ по праву, такъ и по сознанію дѣйствительныхъ общественныхъ потребностей,—именно, энергически усиливать и направлять народное образованіе, не предоставляя его на волю случайностей, часто обманчивой удачи индивидуальныхъ попытокъ, на расчетъ временныхъ мѣстныхъ пожертвованій, и еще менѣе, какихъ-либо дилетантскихъ педагогическихъ личностей. Русское правительство слишкомъ сильно само по себѣ и всему предыдущему исторію, чтобы выпустить изъ своихъ рукъ образованіе народа, или другими словами, будущность Россіи.

Между тѣмъ, изученіе существующихъ законодательствъ убѣдить насъ до очевидности, что нигдѣ влияніе правительства на начальное образованіе не ограничено столько, какъ въ Россіи. Для этого мы зайдемъ изложеніемъ этого предмета въ разныхъ европейскихъ государствахъ. Начнемъ съ конституціонной Бельгіи.

Вслѣдствіе конституціи 7-го февраля 1831 года, вызванной революціей, обнародованъ былъ вскорѣ законъ о народномъ образованіи въ Бельгіи. По самому своему происхожденію, законъ этотъ предо-

ставлять самое широкое самоуправление въ учебномъ дѣлѣ общинамъ. Но не смотря на это, уже тогда предоставлено было правительству наблюденіе за начальными училищами и за дѣйствіями общинъ и провинцій въ этомъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право побуждать къ дѣятельности мѣстные училищные совѣты; замѣнять ихъ въ случаѣ бездѣятія, и искоренять возможныя злоупотребленія; только книги, одобренныя министромъ, могли употребляться въ начальныхъ училищахъ; въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ по изданію закона, всѣ преподаватели въ этикѣ школахъ утверждались правительствомъ, отъ которого зависѣло также, во всякое время, временно удалять или и вовсе устранять неблагонадежныхъ учителей. Въ кантонахъ и провинціяхъ правительство же назначало инспекторовъ народныхъ училищъ, и никакая школа не могла получить денежной помощи не только изъ казны, но и отъ общинъ или провинціи, если она не подчинена этой инспекціи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ оказалось, что это участіе, предоставленное правительству въ начальныхъ училищахъ, недостаточно, и что отъ этого терпѣть народное образованіе; потому общественное мнѣніе, бывшее въ началѣ за мѣстное самоуправление, совершенно измѣнилось съ 1840 года и стало требовать энергического вмѣшательства правительства. Послѣдствіемъ этого было изданіе закона 23-го сентября 1842 года, существенные черты коего слѣдующія:

1) Въ кантонахъ учреждены инспекторы народныхъ училищъ, назначаемые правительствомъ, обязаны посѣщать каждую школу своего кантона, по крайней мѣрѣ, два раза въ годъ.

2) Эти кантональные инспекторы подчиняются губерскому (провинциальному) инспектору, также назначаемому правительствомъ, и обязанному посѣщать каждую школу по крайней мѣрѣ разъ въ годъ.

3) Содержаніе инспекторовъ производится не отъ казны, а изъ земскихъ сборовъ.

4) Правительство учредило образцовые начальные училища, переименованные въ высшія начальные училища.

Законъ этотъ дѣйствуетъ доселе, и опытъ вполнѣ подтвердилъ необходимость самого близкаго участія правительства въ дѣлѣ начального образования, потому въ особенности, что мѣстная выборная власть мало о немъ заботится. Трехгодичные отчеты министровъ внутреннихъ дѣлъ, которые въ Бельгіи завѣдываются и народнымъ просвѣщеніемъ, переполнены фактами, подтверждающими эту истину. Такъ, напримѣръ, во второмъ трехлѣтнемъ отчетѣ (*Rapport*

triennial), известный Роже писалъ: „Разных коммунальных управлений мало заботятся о начальномъ образованіи; они рѣдко посыпаютъ школы, и это невниманіе или недостатокъ доброй воли понудили правительство самому взяться за это дѣло во многихъ мѣстностяхъ. Нѣкоторые коммунальные управлениа получили строгий выговоръ отъ правительства за то, что отняли жалованье у преподавателей изъ однихъ видовъ экономіи“. Въ третьемъ трехлѣтнемъ отчетѣ министръ Щерко выражается такъ: „Не смотря на предписанія вардаграфа 7-го закона, нѣкоторые коммунальные управлениа оставляютъ училища безъ наблюденія. Это бездѣйствіе даетъ основаніе думать, что они сомнѣваются въ пользѣ участія своего въ этомъ дѣлѣ, или же, что они недостаточно цѣнятъ блага образования. Нѣкоторые изъ этихъ управлений показали не только равнодушіе, но и враждебность къ школѣ и учителю. Поведеніе ихъ заслужило порицаніе правительства, которое пришло нужно мѣры для прекращенія этихъ злоупотребленій“. Въ пятомъ отчетѣ Роже повторяетъ то же, что онъ свидѣтельствовалъ прежде, и прибавляетъ: „Если бы народное образованіе попало вновь подъ исключительную опеку коммунальныхъ управлений, то оно пришло бы вскорѣ въ совершенный упадокъ“. Въ седьмомъ отчетѣ министра Вандеперебома читаемъ: „Въ особенности инспекція, порученная специальнымъ чиновникамъ, руководить и поощрять преподавателей и содѣйствовать успѣхамъ учениковъ“. О бездѣйствіи же коммунальныхъ управлений находимъ новца подтвержденія въ отчетахъ 1868 и 1871 годовъ.

Никто лучше известнаго Виктора Кузена не опредѣлилъ важность правительственной инспекціи для начальной школы: „Ежели вы дѣйствительно желаете просвѣщенія народа“, говоритъ онъ, „то знайте, что вся его будущность въ управлениі, которое вы дадите начальнымъ училищамъ. Если управлениѣ это слабо, народное образованіе лишено будущности; по временамъ, конечно, оно будетъ пробуждаться, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, но вскорѣ опять замреть. Если же, напротивъ того, вы дадите ему управлениѣ сильное и дѣятельное, то оно отразится на всемъ организмѣ и сообщить ему уваженіе и жизнь“.

Вотъ какъ выражался въ 1865 году объ инспекціи органъ бельгийскихъ преподавателей *Le Progrès*: „Инспектора начальныхъ училищъ для насъ, бѣдныхъ тружениковъ мысли, болѣе чѣмъ официальные руководители, всегда готовые облегчить нашъ путь, подать собою примѣръ, дать наставленіе; они—люди, къ памъ расположенные,

иами друзъя, наше опора. Нѣть положенія, болѣе подверженного разочарованію и упадку силъ, какъ наше; нѣть существованія, болѣе переполненнаго разными мелочными несправедливостями и бѣдностію и болѣе склоннаго къ погрѣшностямъ, какъ наше, ибо все вмѣняется въ преступленіе тому, кто долженъ служить всѣмъ образцомъ. Кто утѣшасть насть, винуашь намъ надежду, разгоняетъ тучи, нависшия надъ нашими головами, ходатайствуетъ за насть въ общинѣ, въ провинції, въ министерствѣ, кто помогаетъ намъ, покровительствуетъ нашимъ сиротамъ, платить иногда за наши похорони, кто вездѣ, во всѣхъ слухахъ, является нашими защитниками? Это наши инспекторы".

Съ 1843 года инспекторы снабжены самою подробною инструкціей, на основаніи которой каждый изъ инспекторовъ осматриваетъ до 90 школъ въ годъ.

Однимъ словомъ, начальное народное образование не отдано въ Бельгіи на произволъ мѣстныхъ выборныхъ управлений, часто бездѣйствующихъ, а всецѣло сосредоточено въ рукахъ правительства.

Точно также устроено управление начальными училищами въ Голландіи: тамъ главный инспекторъ имѣть высшее надъ ними заѣдываніе, подъ начальствомъ министра. Бельгійскій министръ Де-шансъ такъ охарактеризовалъ устройство этой части: „Какъ въ Голландіи, такъ и въ Бельгіи, инспекція—вотъ, можно сказать, все законодательство о начальныхъ училищахъ".

Въ Англіи революція, создавшая парламентское правительство, отстранила королевскую власть отъ главнѣйшихъ отправлений общественной жизни и создала такъ-называемое самоуправление. Это самоуправление распространилось и на народное образование, а каковы были его плоды, видно изъ слѣдующихъ фактовъ:

Народное просвѣщеніе попало въ руки всевозможныхъ религіозныхъ сектъ и не подвигалось впередъ. Первое парламентское изслѣдованіе по этой части, бывшее въ 1803 году, показало, что изъ 1.712-ти человѣкъ только одинъ посѣщалъ школу. Новое изслѣдованіе, произведенное въ 1818 году, не открыло также никакихъ успѣховъ, несмотря на то, что послѣ 1815 года благосостояніе страны быстро возрасло, и это отразилось на всемъ, кромѣ народного образования, и именно потому, что отъ него отстранено было правительство. Исследованіе 1833 года исчислило, что только десять процентовъ дѣтей посѣщають школы. Лорды Брумъ и Россель, сэръ Пакингтонъ и другіе ревнители народного образования напрасно ратовали

за усиление вліянія правительства на эту часть. Наконецъ, несобходимость взяла верхъ, и правительство принялось за это дѣло. Первымъ къ тому шагомъ было учрежденіе 10-го апрѣля 1859 года тайного соѣтства народного просвѣщенія и введеніе правительственної инспекціи и правительственныхъ субсидій; на основаніи этого закона, только тѣ школы получаютъ пособіе отъ парламента, которыя подчиняются этой инспекціі. Это вмѣшательство правительства не только не уменьшило ревности частныхъ лицъ къ школамъ, какъ некоторые предсказывали, но напротивъ того, почти повсемѣстно оживило частную благотворительность, а парламентская комиссія всегда находила, что школы, подчиненные правительству, находятся въ несравненно лучшемъ состояніи, нежели частные школы, отъ правительства не зависящія, и не разъ предлагали, въ видахъ развитія образования, увеличить число инспекторовъ. Очевидно однаво, что это робкое вмѣшательство правительства было мѣрою палативною; образованіе народа подвигалось медленно, и парламентъ назначилъ въ 1858 году новую комиссію; занятія ея продолжались четыре года, и она напечатала шесть томовъ изслѣдованій, послужившихъ основаніемъ для тѣхъ существенныхъ измѣненій въ устройствѣ этого управления, которыхъ были сдѣланы два года тому назадъ. Ближайшая цѣль нового законоположенія состоять въ значительномъ усиленіи власти и вліянія правительства на народное образованіе посредствомъ широкаго распространенія правительственныхъ субсидій: что корона потеряла нѣкогда чрезъ революцію, то она какъ-бы выкупаетъ теперь деньгами, и это не въ абсолютистскихъ видахъ, а для пользы страны и при всеобщемъ сочувствіи всѣхъ классовъ общества. Въ рѣчи, произнесенной 17-го февраля 1870 года въ палатѣ общинъ, министръ просвѣщенія Форстеръ, объяснивъ способы и условія раздачи правительственныхъ пособій школамъ, обусловливаемыхъ распространеніемъ инспекціи, прямо сказалъ парламенту: „Я желаю быть откровеннымъ съ палатой и потому заявлю впередъ, что эта мѣра несомнѣнно обниметъ собою большую часть королевства, и именно, почти всѣ города и значительную часть провинцій“. Этимъ закономъ введено обязательное обученіе дѣтей отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ. Мѣстное управление поручено училищнымъ совѣтамъ, состоящимъ изъ выборныхъ лицъ, числомъ отъ 5-ти до 15-ти, но подъ такимъ условіемъ, что если эти совѣты будутъ дѣйствовать неправильно, или же не будутъ исполнять своей обязанности, то министръ просвѣщенія имѣть право ихъ уничтожить и составить со-

вѣть изъ лица по его назначению. „Я скажу имъ“, выразился Форстеръ въ парламентѣ, — „дѣло должно быть сдѣлано, а если вы не хотите, то правительство сдѣлаетъ его за васъ, и распустить васъ, ибо оно не хочетъ терпѣть далѣе, чтобы дѣти оставались безъ образованія“. А какъ много предстоитъ сдѣлать въ этомъ отношеніи английскому правительству, можно судить по слѣдующимъ числовымъ данимъ: дѣтей, подлежащихъ ученику, считается теперь въ Англіи 2.150.000, а въ дѣйствительности учатся только 1.384.203; полагая на одного учителя по 85-ти учениковъ, будеть недоставать 25.500 учителей и учительницъ. Такимъ образомъ, то, чего не въ состояніи было достигнуть училищное самоуправление, теперь взялось сдѣлать правительство, при положеніи, какъ очевидно, весьма неудовлетворительномъ учебнаго дѣла.

Въ Ирландіи правительство приняло близкое участіе въ народномъ образованіи еще въ концѣ прошлаго вѣка.

Въ Шотландіи также правительство давно уже имѣть непосредственное на него вліяніе чрезъ свою инспекцію; а какія были его послѣдствія, осознательно представилъ палатѣ знаменитый лордъ Маколей, сравнивая Англію съ Шотландіей. „Есть ли хотя одинъ членъ этой палаты“, говорилъ онъ, „какъ бы она ни была предубѣждена противъ вмѣшательства правительства въ народное образование, который могъ бы утверждать, что шотландскій народъ былъ бы въ настоящее время счастливѣе и образованіе, если, въ продолженіе послѣднихъ пяти поколѣній, предоставленный самъ себѣ, онъ долженъ бы быть самъ заботиться о своемъ образованії? Вотъ двѣ націи, близко связанныя одна съ другою, населяющія одинъ и тотъ же островъ, одной крови, одного языка, управляемыя однимъ и тѣмъ же государемъ, одиними и тѣми же законами, по большей части одной и той же вѣры, имѣющія однихъ и тѣхъ же союзниковъ и враговъ. Полтораста лѣть тому назадъ одна изъ этихъ націй, по богатству и просвѣщенію, занимала самое видное мѣсто въ Европѣ, а другая—послѣднее. Чѣмъ же вышло? Нація, наиболѣе богатая, наиболѣе образованная покидаетъ образованіе народа на произволъ частной инициативы; въ націи же бѣдной и полулиной просвѣщеніе распространяется правительствомъ; и результатомъ выходитъ, что первые сдѣлались послѣдними, а послѣдние первыми. Нечего скрывать, Шотландцы обогнали Англичанъ. Свободная конкуренція, испробованная при наилучшихъ условіяхъ, произвѣла послѣдствія, за которыхъ мы должны краснѣть, и которыхъ унижаютъ насъ въ глазахъ каждого благоразумнаго иностранца. Напротивъ того, про-

свѣщеніе, сосредоточенное въ рукахъ правительства, при всѣхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, произвело такие благіе результаты, что никогда и нигдѣ нельзя было бы достигнуть лучшихъ. Такой опытъ бытъ бы рѣшительнымъ въ хирургіи или въ химії; но мнѣ кажется, онъ долженъ быть признанъ такимъ и въ политикѣ. Вотъ причины, убѣждающія меня въ обязанности, лежащей на государствѣ, просвѣщать народъ. Проникнутый этой истиной, я не поколеблюсь провозгласить ее здѣсь и повсюду, какъ бы ни кричали мои противники". Рѣчь эта произвела самое сильное вліяніе на палату общинъ, несмотря на то, что довольно значительное меньшинство ея было противъ выѣшательства правительства въ народное образованіе. Такимъ образомъ двѣ противоположныи системы испробованы были на опытѣ въ Англіи и Шотландіи.

Въ послѣдствіи Маколей писалъ: „Правительство не должно уступать частнымъ лицамъ образованія народа, точно также какъ оно не должно отдавать въ ихъ руки защиту государства отъ враговъ. Опытъ сдѣланъ былъ въ Англіи, это несомнѣнно. Почему этотъ опытъ не удался? Не потому ли, что онъ сдѣланъ былъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ? Конечно, нѣтъ: онъ былъ сдѣланъ въ странѣ самой богатой, самой свободной, самой благотворительной изъ всѣхъ европейскихъ странъ. Но, можетъ-быть, онъ сдѣланъ былъ въ небольшихъ размѣрахъ? И это не такъ: онъ стоить миллионовъ. Не слишкомъ ли малое время онъ продолжался? Ничуть не бывало: онъ длился нѣсколькоѣкій. Итакъ, неудача была полная. Вся наша система виждется на ложномъ основаніи, потому что мы примѣнили систему свободной конкуренціи къ дѣлу, къ коему она не приложима".

Изъ всѣхъ великихъ державъ только въ Сѣверо-Американскіхъ штатахъ завѣдываніе народными школами остается предоставленнымъ исключительному мѣстному самоуправленію, но и тамъ начинаютъ отступать отъ этого принципа: именно, въ штатахъ Нью-Йоркѣ и Пенсильваніи школы управляются правительствомъ, которое назначаетъ и сминаетъ преподавателей и другихъ служащихъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей, сокращая ихъ содержаніе за проступки, и т. п.

Въ Венгрии 5-го декабря 1868 года изданъ былъ училищный законъ, коимъ введено обязательное обученіе для всѣхъ дѣтей отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ. На основаніи этого закона, дѣлами всякаго уѣзднаго училищного округа управляетъ назначенный министромъ народнаго просвѣщенія инспекторъ, который и предсѣдательствуетъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ; въ случаѣ накопленія дѣлъ, ему на-

значается помощникъ (ст. 124). Всѣ дѣла, превышающія предоставленную этимъ советамъ власть, вносятся на разрѣшеніе министра; равно какъ и всѣ жалобы на совѣты; ему же представляются совѣтами годовые отчеты; министръ утверждаетъ также представления совѣтовъ объ увольненіи неблагонадежныхъ учителей (ст. 130, 132 и 138).

Въ Германіи народныя школы находились до послѣдняго времени въ завѣдываніи духовенства. Но неудобства такого устраниенія правительства отъ прямыхъ ихъ обязанностей чувствовались издавна, и преимущественно правительства маленькихъ государствъ взяли школы въ свое завѣдываніе черезъ инспекторовъ народныхъ училищъ: въ Нассау такой порядокъ управления учредился еще съ 1817 года; въ Ангальтѣ онъ введенъ въ 1850, а въ Гогѣ въ 1863 годахъ. Наконецъ, въ нынѣшнемъ году эта система управления введена во всей Пруссіи, при энергическомъ содѣйствіи лѣвой стороны парламента, и получила полное одобрение либеральной партии во всей Германіи.

Въ Россіи начальныя народныя училища въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, подчинены, на основаніи положенія 14-го юля 1864 года, вѣдѣнію уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, а высшее попеченіе о начальныхъ училищахъ отнесено къ обязанности губернскихъ училищныхъ совѣтовъ.

Уѣздные училищные совѣты состоять изъ членовъ: по одному отъ министерства народного просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, духовного вѣдомства православнаго исповѣданія, и отъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержать у себя начальныя народныя училища, двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и члена отъ городскаго общества въ такихъ городахъ, гдѣ есть начальныя народныя училища, содержащія на счетъ городскихъ суммъ. Губернскіе же совѣты составляются: епархиальный архіерей, какъ первенствующій членъ, начальникъ губерніи, директоръ училищъ и два члена отъ губернскаго земскаго собранія.

При такой организаціи училищныхъ совѣтовъ, дѣйствительнаго управления начальными народными училищами почти не существуетъ, равно какъ и надлежащаго надзора за ходомъ и направленіемъ преподаванія въ нихъ. Губернскіе училищные совѣты, долженствующіе имѣть высшее попеченіе о начальныхъ народныхъ училищахъ губерніи и составляющіе высшее, притомъ независимое отъ министерства народного просвѣщенія административное учрежденіе въ отношеніи начальныхъ училищъ, большую частью не собираются: предсѣдательству-

ищѣ въ нихъ преосвященные и слѣдующіе по нимъ члены — губернаторы, при многосложности прямыхъ своихъ обязанностей, не могутъ удѣлить достаточно времени на занятия въ училищныхъ совѣтахъ. Кромѣ того, совѣты эти не имѣютъ надъ собою никакого контроля, который побуждалъ бы ихъ къ дѣятельности. Жалобы на нихъ могутъ приноситься только сенату, и затѣмъ они не подчинены никакой другой власти. Между тѣмъ, за все время существованія этихъ совѣтовъ, въ сенатъ не было принесено на нихъ ни одной жалобы, хотя нѣтъ сомнѣнія, что одна ихъ бездѣятельность могла бы подать неоднократные поводы къ жалобамъ; такъ, напримѣръ, посыпавшись чрезъ совѣты министерствомъ просвѣщенія для школъ деньги и книги весьма часто не доходили по своему назначению, большая часть суммъ обращена была въ доходъ казны за невостребованіемъ ихъ во время, а книги оставались не разосланными по училищамъ. При тѣкомъ положеніи дѣлъ, нѣтъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ данныхъ не только о состояніи, но даже о числѣ училищъ и учащихся въ губерніяхъ.

Съ своей стороны, министерство народного просвѣщенія лишено всякой возможности побудить эти совѣты къ полезной дѣятельности, ибо они ему не подчинены; все отношеніе ихъ къ министерству состоитъ въ томъ, что постановленія ихъ (а ихъ-то почти и не бываетъ) сообщаются чрезъ директора училищъ попечителю учебнаго округа, но какъ положительно сказано въ законѣ, только для сведения. Такимъ образомъ, попечители учебныхъ округовъ должны были, по избѣжанію необходимости, стать въ совершенно пассивное положеніе относительно училищныхъ совѣтовъ.

Такое положеніе дѣла въ губернскихъ совѣтахъ, по естественной съ ними связи уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, имѣетъ непосредственно подчиненныхъ, отражается, конечно, и на нихъ. Они также нерѣдко съ равнодушиемъ относятся къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ; есть уѣздные училищные совѣты, которые еще ни разу не собирались со времени учрежденія своего, и даже не выбирали предсѣдателей; значительно также число уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, которыхъ члены ни разу не осматривали училищъ, да и тамъ, гдѣ это дѣлается, не вездѣ эти осмотры могутъ привносить дѣйствительную пользу, потому что производятся нерѣдко лицами, хотя и благонамѣренными, но не имѣющими правильнаго понятія объ учебномъ дѣлѣ, и потому беспомощными дать ему должное направление.

И въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ участіе министерства народ-

наго просвещения почти столь же, или даже и более ничтожно, нежели въ губернскихъ; оно выражается единственномъ назначениемъ въ нихъ, въ качествѣ членовъ, смотрителей уѣздныхъ училищъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ 46-ти уѣздныхъ городахъ нѣть уѣздныхъ училищъ, следовательно, отъ 46-ти уѣздныхъ училищъ состояла совершенно не имѣлось представителей учебнаю отдѣлости, и такимъ образомъ правительство устранило въ этихъ мѣстностяхъ отъ всякаго участія въ дѣлѣ народного образования,—фактъ небывалый ни въ одной европейской странѣ!

Безграницное самоуправление училищнымъ дѣломъ, какъ мы уже видѣли, нигдѣ не приносило пользы народному образованію, и теперь всѣ правительства, сознавъ эту истину, приняли въ этомъ дѣлѣ рѣшительную инициативу. Нѣчто подобное нашему нынѣшнему устройству управления начальными школами существовало во Франціи во время Людовика-Филиппа, и вотъ что говорилъ о немъ, въ своемъ трехлѣтнемъ отчетѣ, известный Вильменъ: „Мѣстные училищные совѣты, я долженъ въ томъ сознаться, далеко не вездѣ исполняютъ съ ревностію свое призваніе. Въ 41 департаментѣ эти совѣты никогда не собираются. Всѣдѣствіе такого добровольного отреченія отъ школъ, занятіе училищами перешло исключительно въ руки высшихъ училищныхъ совѣтовъ, но и между ними есть такие, которые собираются нерегулярно. Вотъ еще причина, почему необходимо усилить и разнить надзоръ за школами со стороны инспекторовъ народныхъ училищъ и связать этотъ надзоръ съ дѣятельностью мѣстныхъ властей“¹⁾). Читая эти строки, можно подумать, что они относятся къ намъ,—такъ справедливо, что одни и тѣ же причины производятъ одни и тѣ же послѣдствія.

¹⁾ Въ известномъ сочиненіи «L'Ecole» (5-те ed. Paris 1866, p. 245), Жюль Симонъ говоритъ: «Сама Англія, не смотря на свои громадныя средства, всѣка никако опустялась въ начальномъ народномъ образованіи. Государственные люди ея въ томъ сознались. Довольно сказать, для того чтобы проектъ закона о назначеніи на этотъ предметъ 25 милліоновъ могъ пройти, народная гордость должна была быть сильно взволнована. Что касается до насть, довольно великъ, въ какомъ положеніи имперія застала вмѣшее и среднее образованіе; мы же собственными глазами и собственнымъ близкими и тяжелымъ опытомъ испытали, въ какомъ умасовѣ положеніи было начальное образованіе, предоставленное самому себѣ. Даже теперь не краснорѣчиво ли за то говорить эти 884.000 дѣтей чисто дикихъ, эти департаменты, въ которыхъ насчитывается 68 безграмотныхъ на 100 20-лѣтнихъ юношей, и эта средняя цифра семи безграмотныхъ на Парижъ и 27-ми на всю Францію».

И действительно, только съ 1869 года, со времени учреждения у нась должности инспекторовъ народныхъ училищъ, начинается пѣ-которое ими руководство, и училищные советы пробуждаются къ дѣя-тельности. Инспекторы эти успѣли уже принести пользу, впервыхъ, приведенiemъ хотя отчасти въ извѣстность числа училищъ, чѣго во многихъ мѣстностяхъ не знали, и вовторыхъ, осмотромъ иѣвторыхъ изъ училищъ, чѣо прежде дѣлалось весьма рѣдко по неимѣнію для сего имъ способныхъ лицъ, ни времени для нихъ, ни разѣздныхъ денегъ. Инспекторы народныхъ училищъ, по званію членовъ губернскихъ учи-лищныхъ совѣтовъ, обязаны ежегодно осматривать народныи училища въ губерніи, представлять отчеты о ихъ состояніи министерству на-родного просвѣщенія, направлять и руководить учебной частью въ училищахъ. Какъ специалисты - педагоги, они могутъ, безъ сомнѣнія, принести больше пользы, чѣмъ лица, не посвященные въ учебное дѣло. Притомъ же инспекторы должны дѣйствовать по одной общей ин-струкції, а потому развитіе народнаго образованія необходимо будетъ слѣдоватъ одной общей системѣ, основанной на соглашеніи здравыхъ педагогическихъ начальствъ съ дѣйствительными потребностями въ об-разованіи и мѣстными материальными средствами, чтѣ составлять несомнѣнную выгоду сравнительно съ нынѣшнимъ ходомъ народнаго образованія, не имѣющимъ твердой педагогической опоры и подвер-женнымъ безпрерывнымъ колебаніямъ. Но такъ какъ на цѣлую губернію полагается всѣго только одинъ инспекторъ, то естественно, что онъ не въ состояніи совладать вполнѣ съ этимъ дѣломъ, какою-бы энергіей и любовью къ нему онъ ни былъ одушевленъ.

Итакъ, дѣло образованія народа предоставлено у нась случайно-стямъ: имъ никто не руководитъ. Конечно, могутъ быть и случай-ности счастливые, когда является изъ мѣстныхъ жителей лицо зна-ющее и принимающее близко къ сердцу образованіе народа; но такого рода случайности чрезвычайно рѣдки, и все-таки на нихъ нельзѧ осно-вать системы народнаго просвѣщенія: полагаться на нихъ значило бы полагаться на русское лево. Правительство не исполнило бы са-мой священной своей обязанности, если бы выпустило изъ своихъ рукъ дѣло народнаго образованія, которымъ оно руководило въ тек-ченіе вѣковъ; да и кому и какая была бы отъ того польза, когда нѣть другихъ рукъ, которыхъ могли бы за него взяться?

И въ настоящее время, мы имѣемъ несомнѣнное практическое до-доказательство той истины, что правительственное наблюденіе и ру-ководство въ дѣлѣ начального народнаго образованія, правильно и

прочно организованными, служить върхомъ руничествомъ за успѣхъ этого дѣла. Этотъ примѣръ представляетъ Виленскій учебный округъ, гдѣ, для завѣдыванія начальными училищами, учреждены особы дирекціи, съ совѣтами при нихъ, состоящими подъ предсѣдательствомъ директоровъ. Въ шести губерніяхъ этого округа: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской находится 2.347 начальныхъ училищъ съ 68.000 учащихся, въ числѣ коихъ православнаго исповѣданія болѣе двухъ третей. Главными причинами относительно лучшаго состоянія училищъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ служатъ болѣе обеспеченное состояніе училищъ, правильный и постоянный контроль надъ ними и замѣщеніе учительскихъ мѣстъ лицами, способными вести дѣло обученія. Расходы по содержанию всѣхъ училищъ въ Виленскомъ округѣ составляютъ 355.000 руб., въ томъ числѣ 203.000 руб. изъ государственного казначейства. Для руководства дѣломъ народнаго образования, въ Виленскомъ округѣ существуютъ шесть дирекцій народныхъ училищъ, по одной въ каждой губерніи. Сверхъ того, въ помощь директорамъ даны инспекторы народныхъ училищъ; такихъ инспекторовъ въ настоящее время 24. Такимъ образомъ, весь составъ руководящихъ дѣломъ народнаго образования состоитъ изъ 30 лицъ, специально знакомыхъ съ этимъ дѣломъ и посвящающихъ исключительно ему всю свою дѣятельность. При общемъ числѣ училищъ, на каждое лицо, инспектирующее училище, приходится около 70-ти училищъ, что доставляетъ полную возможность обозрѣвать училища ежегодно и со всемъ подробностю. Каждая дирекція народныхъ училищъ имѣеть при себѣ училищный совѣтъ, состоящий, подъ предсѣдательствомъ директора, изъ инспекторовъ народныхъ училищъ и членовъ отъ духовнаго вѣдомства православнаго духовенства и другихъ вѣдомствъ, содержащихъ училища. При такой организаціи управления, учебная часть, особенно въ училищахъ, обеспеченныхъ въ материальномъ отношеніи, находится большею частію въ удовлетворительномъ состояніи. Такое усиленное развитіе народнаго образования въ Виленскомъ округѣ, начавшееся еще недавно и успѣвшее, уже принести столь очевидные плоды, безъ сомнѣнія, вызвано было политическою необходимостью—доставить массѣ населенія средства противодѣйствовать давленію польского вліянія, враждебнаго русскимъ интересамъ. Но факты эти показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю важность постоянного и правильного контроля за учебною частью со стороны специалистовъ этого дѣла, а потому примѣненіе, по возможности, и при участіи земства, той же системы управления и къ народнымъ

училищамъ внутреннихъ губерній Имперіи принесло бы въ споромъ времени несомнѣнную пользу дѣлу развитія у настѣ народного образования.

На основаніи этого собственнаго нашего опыта и примѣра другихъ государствъ, министръ народного просвѣщенія внесъ въ государственный совѣтъ представление объ устройствѣ училищныхъ совѣтовъ слѣдующимъ образомъ:

1) Губернскіе училищные совѣты подчинить мѣстному попечителю учебнаго округа.

2) Губернскій совѣтъ поставить подъ предсѣдательство директора народныхъ училищъ и составить его изъ двухъ членовъ отъ министерства народного просвѣщенія, по назначению попечителя учебнаго округа, одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначению губернатора, одного отъ духовно-православнаго вѣдомства, по выбору на епархиальныхъ съѣздахъ, и какъ нынѣ, двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія.

3) Въ помощь директорамъ учредить въ каждой губерніи отъ 3-хъ до 6-ти инспекторовъ народныхъ училищъ.

4) Предсѣдателями уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ назначить инспекторовъ народныхъ училищъ, а самые эти совѣты образовать: изъ одного члена по назначению попечителя учебнаго округа, одного отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначению губернатора, одного отъ православнаго духовнаго вѣдомства, по избранию на округовыхъ училищныхъ съѣздахъ, и какъ нынѣ, двухъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и одного отъ городскаго общества, если оно жертвуетъ на школы.

5) Если въ числѣ членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта будетъ лицо, педагогически опытное и съ пользою занимающееся начальными училищами, то отъ министра народного просвѣщенія зависить назначить его предсѣдателемъ совѣта.

При сравненіи этого состава училищныхъ совѣтовъ съ нынѣшнимъ, оказывается, что изъ училищныхъ совѣтовъ будутъ исключены лица, которыхъ не въ состояніи приносить пользу начальному народному образованію, и напротивъ того, включены будутъ въ нихъ представители всѣхъ тѣхъ вѣдомствъ, которыхъ содержать у себя школы; вѣдомство же сохранитъ за собою предоставленное ему закономъ число лицъ какъ въ губернскомъ, такъ въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ. Но самое существенное различие предполагаемаго отъ существующаго заключается въ предсѣдательствѣ въ этихъ совѣтахъ. Всѣмъ

знакомымъ съ практическимъ ходомъ дѣлъ въ нашихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ известно, какое важное значение имѣть въ нихъ предсѣдатель; онъ не только руководить суждениями, но и направлять дѣла; должность же предсѣдателей въ этихъ совѣтахъ полагается возложить на представителей министерства народнаго просвѣщенія, которое, такимъ образомъ, чрезъ нихъ будетъ поставлено въ ближайшее отношеніе къ дѣлу начального народнаго образованія, чтѣ при надлежитъ ему по праву, и отъ чего можно ожидать благотворныхъ результатовъ, такъ какъ оно располагаетъ специалистами-педагогами, которые въ состояніи будутъ часто посещать школы и руководить ими. Впрочемъ, отъ предсѣдательства въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ не устраются и частные лица, заявившія себѣ полезною дѣятельностью на этомъ поприщѣ.

КНИЖНЫЕ СКЛАДЫ ВЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНОГО ОКРУГА.

Едва-ли можно оспаривать, что охота къ чтенію въ нашемъ народѣ развита въ сильной степени; что едва грамотные крестьяне бросаются нерѣдко на первую попавшуюся книгу и съ любовью перечитываютъ ее, лишь бы только она была доступна ихъ пониманію,— что къ этому чтенію весьма охотно прислушиваются и неграмотные: все это подтверждается повсюдными фактами.

Однако, не смотря на все это, если бы можно было провѣрить, какое число изъ нашихъ крестьянъ, учившихся грамотѣ, забыли и забываютъ ее въ послѣдствіи, и какое нѣть, какое число изъ нихъ теряетъ возможность пользоваться въ жизни результатами приобрѣтеної въ дѣтствѣ грамотности и какое сохраняетъ эту возможность то мы, вѣроятно, убѣдились бы въ перевѣсѣ числа первыхъ надъ послѣдними. При настоящемъ положеніи дѣлъ, это иначе и быть не можетъ.

Представьте себѣ чальчика, учащагося въ приходскомъ или народномъ училищѣ: учится онъ прилежно, выучился читать и писать довольно бѣгло; любознательность въ немъ возбуждена, охота къ чтенію есть. Вотъ онъ кончилъ курсъ въ училищѣ и возвращается въ родную семью — въ деревню или мѣстечко. Въ свободные часы онъ съ охотою стать бы посредствомъ самообученія продолжать тамъ свое самоусовершенствованіе, съ любовью взялся бы за книжку; но где ее взять? У насъ часто въ десяткахъ, если не въ сотняхъ селеній, не сыщете сколько-нибудь сносной, порядочной книги, чтеніе которой доставило бы удовольствие и пользу мальчику; а нерѣдко въ цѣлой волости вы не встрѣтите и никакой книжонки. До города же далеко; да если отецъ разъ-два въ годъ и соберется туда, то едва-ли онъ, неграмотный, станетъ искаль въ немъ для сына книжку; а главное: найдеть ли онъ ее?

Грустно, но нельзя не сознаться, что книжная торговля у насъ доселъ находится еще въ юладенческомъ состояніи. Еще и тѣперь не только въ деревняхъ и селахъ, но и въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ вы не найдете лавки, въ которой могли бы купить самую обыкновенную и самую необходимую книгу. Нельзя быть увѣреннымъ даже въ томъ, чтобы всѣ наши губернскіе города имѣли сколько-нибудь сносные книжные магазины и лавки. Жалобы на этотъ вопросъ недостатокъ раздаются у насъ повсюду. Если же въ иномъ городѣ и окажется подобная находка, то она обрадуетъ отнюдь не крестьянинъ. Наша торговля книгами, особенно въ провинціальныхъ городахъ, ме-нѣе всего расчитывается на мѣщанъ и крестьянъ-покупателей; для нихъ въ подобныхъ магазинахъ большую частію нѣтъ пиши для чте-нія. Книжные торговцы въ этомъ случаѣ оправдываются отсутствиемъ запроса на свой товаръ со стороны сельского населенія, а послѣднее жалуется на торговцевъ за отсутствіе удобопонятныхъ и полезныхъ для него книгъ въ ихъ магазинахъ. Съ своей стороны мы склоняемся въ пользу жалобы крестьянъ, и думаемъ, что при большей предприм-чивости и меньшемъ презрѣніи къ нуждамъ народнымъ, наши книж-ные магазины могли бы выйтіи изъ этого *circulus vitiosus* съ доста-точнымъ барышемъ для себя и съ громадною пользою для народа. Вѣдь сбываются же и съ выгодою для себя нации книгоноши свой книжный хламъ, и сбываются его именно въ той средѣ, на которую жалуются наши провинціальные содержатели книжныхъ лавокъ.

Обращаясь снова къ судѣ грамотнаго мальчика, мы спрашиваемъ: какую пользу, при подобныхъ условіяхъ, можетъ принести ему гра-мотность, которую дала ему школа, если только онъ ие попадъ въ писаря, въ сидѣльцы или прикащики и т. п.? Вѣлико ли при этихъ условіяхъ будетъ нравственное вліяніе школы на мальчика? Не забу-демъ, что народная школа даетъ только, такъ сказать, задатки нравственности ребенку, она только указываетъ путь, по которому онъ долженъ идти въ жизни, а не проводитъ его чрезъ все жизненное поприще. Притомъ же въ школѣ дѣти находятся въ такомъ возрас-тѣ (*minimum 8, maximum 14 лѣтъ*), когда многія знанія и нрав-ственныя правила не могутъ быть постигнуты ими во всей широтѣ ихъ значенія, когда мальчикъ усвояетъ ихъ, такъ сказать, инстинк-тивно, а не сознательно, укрѣпляетъ ихъ болѣе въ своей памяти, чѣмъ въ разумѣ и сердцѣ. Школа кладетъ въ него сѣмена; но да-дуть ли эти сѣмена отростки, или заглохнуть, — это уже зависить отъ его будущей жизни, отъ условій, въ какія будеть поставленъ

онъ въ послѣдствіи. Чѣмъ же, по выходѣ изъ школы, онъ можетъ поддерживать въ себѣ растительность этого доброго сѣмени? Чѣмъ укрѣпить добрая начала, данныхы ему школой, особенно среди той темной, непривѣтливой среды, какую представляетъ ему его деревня? Однимъ изъ такихъ средствъ безспорно представляется хорошая (нравственно-религіозная или историческая) книга, которая, пріохочивая его къ чтенію и усиливая въ немъ любознательность, продолжала бы будить въ немъ благие инстинкты и сознательно воспитывать въ немъ нравственные начала. Но здѣсь опять безотвѣтный вопросъ: гдѣ въ деревнѣ грамотному мальчику или дѣвочкѣ взять подобную книгу? Не здѣсь ли отчасти кроется и причина того, что изъ нашихъ грамотныхъ крестьянскихъ дѣтей нѣрѣдко выходятъ въ послѣдствіи вѣзунчики и сутаги, или люди, способные на еще болѣшія преступленія?

Междѣ тѣмъ, будь возможность имѣть полезныя книги въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ есть грамотные, и тогда дѣти, по выходѣ изъ школы, сдѣлавшись взрослыми, не только не забывали бы школьныхъ сѣдѣній, но и доучивались бы дома, лучше сохранили бы свою нравственность въ послѣдствіи и распространяли бы свѣтъ знанія въ семье, заинтересовывая къ грамотѣ младшихъ и поучая старшихъ. Все, что мы только что сказали относительно дѣтей крестьянъ, почти въ той же степени можетъ быть отнесено и къ дѣтамъ мѣщанъ во многихъ, очень многихъ, нашихъ провинціальныхъ городахъ.

Правда, по нѣкоторымъ губерніямъ у насъ существуетъ подвижная книжная торговля, которой занимаются книгоноши: они распространяютъ свой товаръ, преимущественно по селамъ и деревнямъ; но, по большей части, этотъ товаръ представляетъ бракъ самаго низкаго сорта; при отсутствіи всякой книжной торговли въ селеніяхъ, книгоноша бѣзошибочно разчитывается, что его товаръ, какъ бы онъ несостоятеленъ ни былъ, успѣшно сойдетъ съ рукъ, потому что грамотные крестьяне любятъ читать, а книгу для чтенія имъ негдѣ взять,—не у кого купить кромѣ его—книгоноши. И вотъ, все отребье нашей литературы, всѣ произведения самой дикой и самой болѣзnenной фантазіи, все это по дешевымъ цѣнамъ расплодается въ изданіе и поученіе нашихъ крестьянъ. Охотно покупаютъ они также картинки и любятъ украшать ими свои хаты: у смѣтливаго коробейника въ изобиліи найдутся и эти предметы, но только знаменитой въ своемъ родѣ, сузdalской работы. Кто имѣлъ сношенія съ этими торговцами, тотъ, мы думаемъ, не упрекнетъ насъ въ особенномъ преувеличеніи качества предметовъ ихъ торга. Распространеніе подоб-

ныхъ книгъ и картинъ среди народа, едва-ли лучше полного отсутствія ихъ. Въ умственномъ отношеніи, всѣ эти „Франциллы Венеціаны“, „Милорды Англійскіе“, „Послѣднія Клятвы“ и другія произведения лубочной литературы положительно сбиваются съ толку здравый, но невооруженный знаетъ и критикой, смыслъ народа, который серіозно относится къ печатному слову и вѣрить каждой печатной книжѣ. О нравственномъ же вредѣ подобныхъ книгъ, возбуждающихъ низкие инстинкты и до болѣзnenности развивающихъ фантазію молодежи, едва-ли нужно и распространяться. Подобные книги — несомнѣнное зло, съ которымъ необходимо бороться, а единственно успѣшная борьба противъ него состоить въ распространеніи среди народа книгъ полезныхъ и притомъ непремѣнно дешевыхъ.

Вотъ общія причины, по которымъ считается въ высшей степени полезнымъ основаніе по мелкимъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ всей Россіи „книжныхъ магазиновъ или складовъ“. Эти же причины руководили и Виленскимъ учебнымъ округомъ, когда онъ, лѣтъ девять тому назадъ, рѣшился положить начало подобнымъ складамъ въ губерніяхъ сѣверо-западной Россіи.

Но были и другія серіозныя соображенія, побудившія начальство Виленского округа не медлить устройствомъ упомянутыхъ складовъ. Это соображенія политического свойства.

Одинъ изъ очевидцевъ того, что дѣжалось въ сѣверо-западномъ краѣ лѣтъ десять тому назадъ, вотъ что писалъ въ 1864 году: „Еще очень недавно, года два тому назадъ, говорить онъ, въ западно-русскомъ краѣ, не только въ деревняхъ, но и въ городахъ, даже губернскихъ, нельзя было пріобрѣсти ни русскихъ книгъ, ни православныхъ иконъ; нѣгдѣ было достать и православныхъ крестиковъ для новорожденныхъ младенцевъ; въ цѣломъ краѣ не было ни одной русской книжной лавки, ни одной лавки иконной: всякую русскую книгу, даже азбуку и православную икону нужно было выписывать изъ Петербурга, Москвы, Киева и другихъ городовъ. За то польская книжная торговля процвѣтала: польскія книги печатались и въ самомъ краѣ и ввозились въ него во множествѣ. Число польскихъ книжныхъ лавокъ, особенно въ большихъ городахъ, напримѣръ, въ Вильнѣ и Минскѣ, съ каждымъ годомъ возрастало. Въ мѣстечкахъ и селахъ, почти при каждомъ костелѣ, а также на всѣхъ ярмаркахъ, продавались польские буквари и книги пропагандистскаго содержанія, польскіе молитвенники, латинскіе образки и проч.... Волею-неволею, замѣчаетъ очевидецъ, православный крестьянинъ, за отсутствіемъ своихъ, покупалъ

и польскія книжки и латинскіе образки. Распространеніе польскихъ книжъ въ край усилилось еще болѣе, когда помѣщики и ксендзы устроили, конечно безъ разрѣшенія начальства, въ фольваркахъ, при водостныхъ правленіяхъ и при костелахъ элементарныя школы, гдѣ обучали дѣтей православныхъ крестьянъ польской грамотѣ и латинскому католицизму... Польскія книжки раздавались крестьянамъ даромъ помѣщиками, ихъ женами и дочерями; ницѣ разносили ихъ по отдаленнымъ деревнямъ". Мы не остановились бы таѣ долга на этой характеристицѣ края, сообщенной въ Виленскомъ Вѣстнике частнымъ лицемъ, если бы она вполнѣ не подтверждалась официальными данными.

„До крестьянской реформы въ губерніяхъ, входящихъ въ составъ Виленского учебного округа", — говорить эти документы (за тотъ же 1864 годъ), — „всѣми преимуществами общественного образования пользовались дворяне и чиновники польского происхожденія. Въ средѣ здѣшняго чиновничества русскій элементъ тогда былъ ничтоженъ. Гимназіи, прогимназіи и уѣздныя училища, со введеніемъ въ ихъ учебный курсъ польского языка, какъ отдельного предмета, быстро стали принимать польскій характеръ, чemu въ особенности способствовали начальники учебныхъ заведеній и преподавателя польского происхожденія. Учителями приходскихъ училищъ были Поляки и учили дѣтей польскому языку, вопреки программѣ. Польскія книжныя лавки, находящіяся въ значительномъ числѣ въ Вильнѣ и въ другихъ губернскихъ городахъ, и Евреи букинисты обильно снабжали городское и сельское населеніе польскими изданіями мѣстной, Варшавской и заграничной печати, и самаго вреднаго и злобнаго для Россіи содержанія. Польские буквари и молитвенники во многихъ салахъ и деревняхъ раздавались агентами польского дѣла даромъ. Наконецъ стали распространяться и листки тайной печати... Съ русской же стороны въ отпоръ этой повсемѣстной и дерзкой пропагандѣ, для просвѣщенія сельскаго населенія, въ большинствѣ своемъ по происхожденію русскаго, не было предпринято никакихъ мѣръ: не было ни русскихъ книгъ, ни русскихъ народныхъ училищъ. Иконы, которыми православные крестьяне внутреннихъ губерній привыкли украшать свои жилища, и крестики для ношения на груди были для здѣшняго православнаго населенія предметами почти незнаемыми. Большая часть православныхъ крестьянъ не знали православныхъ молитвъ".

Таковы причины, понудившія начальство Виленского учебного округа, одновременно съ открытиемъ народныхъ училищъ въ сѣверо-запад-

ныхъ губерніяхъ, приступить къ заведенію русскихъ библіотекъ и книжныхъ складовъ для простаго народа въ краѣ.

Книжными складами называются устроенные нынѣ, при многихъ народныхъ и при всѣхъ приходскихъ училищахъ Виленского округа лавки, въ которыхъ продаются книги, необходимыя для народа, преимущественно нравственно-религіозного и исторического содержанія, а также православные образки, крестики, портреты русскихъ государей и замѣчательныхъ людей и т. п. Всѣ эти предметы нынѣ выбираются, покупаются и разсылаются въ склады училищными дирекціями. Складами завѣдуютъ по большей части наставники народныхъ училищъ: они ведутъ продажу и дважды въ годъ отдаютъ отчетъ въ своей операциіи директорамъ училищъ, представляя имъ при этомъ и выручку за проданные предметы.

Во главѣ этихъ помѣстныхъ складовъ стоять центральные, основанные въ губернскихъ городахъ при каждой дирекціи народныхъ училищъ. Въ этихъ послѣднихъ складахъ сосредоточиваются всѣ книги и другіе, необходимые для народнаго образованія предметы, приобрѣтаемые дирекціей путемъ купли, безмездной присылки изъ учебнаго округа и изъ другихъ учрежденій, и наконецъ, посредствомъ частныхъ пожертвованій. Эти-то склады служать источникомъ для ежегоднаго снабженія народныхъ училищъ и ихъ библіотекъ учебниками и учебными пособіями, книгами для чтенія, картинами, крестиками, образками и т. п.; какъ руководства и учебныя пособія для учащихся и учащихъ и какъ подарки для учениковъ народныхъ училищъ, всѣ эти предметы высылаются изъ центральныхъ складовъ въ училища *безмездно*. Но сверхъ этой безмездной разсылки, изъ тѣхъ же центральныхъ складовъ время отъ времени, по мѣрѣ запроса, поступаютъ въ помѣстные склады и по частнымъ требованіямъ книги, образки, крестики и т. п., *какъ предметы продажи за деньги*; прибавимъ при этомъ, что изъ каждого центральнаго склада всегда можно купить книгу также и на мѣстѣ. Продажа на мѣстѣ, почти по всѣмъ центральнымъ складамъ составляетъ главный способъ сбыта книгъ за деньги: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ такимъ способомъ распродается книгъ и другихъ вышеупомянутыхъ предметовъ болѣе, чѣмъ во всѣхъ помѣстныхъ складахъ дирекціи, взятыхъ выше. Согласно съ нашою задачей, мы должны будемъ обратить вниманіе на сбытъ книгъ въ центральныхъ складахъ, совершаемый только *путемъ продажи на мѣстѣ* или путемъ высылки ихъ для той же цѣли въ помѣстные склады, оставленіи въ сторонѣ

безмездную разсылку ихъ въ училища для пополненія библіотекъ и для подарковъ дѣтямъ. Наша задача—книжные склады, какъ мѣста продажи известныхъ предметовъ, и—книги вмѣстѣ съ образками и картинами, какъ предметы торговли, а не даровой раздачи.

Къ сожалѣнію, мы должны напередъ сознаться, что источники, изъ которыхъ мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о ходѣ этой операции, будучи достовѣрны въ частностяхъ, не представляютъ полной возможности для общихъ выводовъ по всѣмъ дирекціямъ округа. Виной тому частію отсутствіе у насъ отчетовъ нѣкоторыхъ дирекцій, а частію не вполнѣ однообразная система этихъ отчетовъ; вслѣдствіе чего не всегда представляется возможнымъ прійтти къ такому общему результату, который бы обнималъ всѣ книжные склады и былъ бы несомнѣнно вѣренъ какъ по отношенію ко всѣмъ шести, вмѣстѣ взятымъ, народнымъ дирекціямъ сѣверо-западнаго края, такъ и относительно каждой изъ нихъ отдельно. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ отчетахъ количество книгъ, разсылаемыхъ въ училища безмездно, показано вмѣстѣ съ количествомъ проданныхъ или высланныхъ для продажи. Точно такое же соединеніе существуетъ въ отчетахъ и относительно книгъ, хранящихся въ центральныхъ складахъ. Даѣте, только въ отчетѣ одного (Виленскаго) директора народныхъ училищъ показаны за два года какъ сумма, на которую продано книгъ въ каждомъ мѣстномъ складѣ, такъ и количество проданныхъ въ нихъ экземпляровъ. Въ отчетахъ же другихъ директоровъ обыкновенно показывается одна выручка отъ продажи. Даже не всѣми дирекціями и не за всѣ годы показано, на какую именно сумму продано книгъ въ каждомъ складѣ. Наконецъ, весьма интересно было бы знать, сколько именно продано книгъ, и сколько затѣмъ—крестиковъ, образковъ и картинъ? Между тѣмъ почти во всѣхъ отчетахъ количество и тѣль и другихъ показывается подъ одною общую рубрикой „экземпляровъ и предметовъ“, такъ что на этотъ разъ нѣть никакой возможности отдѣлить число приобрѣтенныхъ и проданныхъ книгъ отъ числа такихъ же крестиковъ и образовъ; а такое разделеніе было бы весьма желательно въ интересахъ самого дѣла. Такъ какъ болѣе обстоятельный свѣдѣнія о книжныхъ складахъ вмѣстѣ съ однообразіемъ самой отчетности по этому предмету мы нашли только въ отчетахъ дирекцій Виленской, Минской, Гродненской и Ковенской, и такъ какъ болѣе правильная организація этихъ складовъ и болѣе подробная отчетность по нимъ въ дирекціяхъ Витебской и Могилевской относятся только къ послѣднимъ годамъ,—то въ виду этого

обстоятельства, мы принуждены будемъ, при болѣе подробномъ разсмотрѣніи вопроса о складахъ въ народныхъ училищахъ Виленскаго округа и о движеніи въ нихъ книжной торговли, ограничиться четырьмя первыми директивами.

Мысль объ основаніи складовъ родилась въ Виленскомъ округѣ, очевидно, еще въ 1862 году. Но первые шаги къ ея исполненію были сдѣланы тогданимъ попечителемъ округа, княземъ А. П. Ширинскимъ-Шихматовымъ, въ самомъ началѣ 1863 года. Въ первомъ № циркуляра „по управлѣнію народными училищами“, вышедшемъ 12-го января 1863 года, князь Ширинский-Шихматовъ дѣлаетъ такой починъ этому дѣлу:

„Народные училища, говорить онъ, снабжены отъ округа всѣми необходимыми пособіями для первоначального обученія дѣтей русской и славянской грамотѣ, закону Божію и счисленію, но въ книгахъ для чтенія замѣчается ощущительный недостатокъ. Ко мнѣ постоянно поступаютъ прошенія отъ законоучителей и наставниковъ о снабженіи училищъ (для продажи) книгами, написанными простымъ, понятнымъ здѣшнимъ крестьянамъ, русскимъ языкомъ. Безъ сомнѣнія, эта потребность въ книгахъ съ дальнѣйшимъ успѣхами училищъ усилится еще болѣе. Между тѣмъ пріобрѣтеніе русскихъ книгъ покушкою для крестьянина почти невозможно, такъ какъ русская книжная торговля въ здѣшнемъ краѣ не пріобрѣла еще надлежащаго развитія“. Дѣйствительно, потребность въ русскихъ книгахъ тогда уже возникла среди крестьянъ, и при этомъ можно было съ увѣренностью ожидать, что эта потребность, по мѣрѣ возрастанія числа народныхъ училищъ, будетъ усиливаться болѣе и болѣе, и требованія на книги будутъ расти съ каждымъ годомъ. Неудовлетвореніе этихъ законныхъ нуждъ народа было бы съ одной стороны непростительнымъ равнодушиемъ со стороны учебнаго начальства, а съ другой — грозило бы опасностью толкнуть русскій народъ въ ту бездину, изъ которой извлечь его былъ призванъ здѣшній учебный округъ: народъ, при пробудившейся въ немъ охотѣ къ грамотности, могъ, за отсутствіемъ русскихъ книгъ, обратиться къ польскимъ, къ пріобрѣтенію которыхъ тогда не представлялось затрудненій.

Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, попечитель округа въ томъ же циркулярѣ, „согласно мнѣнію многихъ священниковъ и наставниковъ, призналъ весьма полезнымъ учредить при всѣхъ народныхъ училищахъ книжные склады, составленные изъ книгъ, доступныхъ народу по изложенію и дешевизнѣ“. По его мнѣнію, выраженному въ этомъ

циркулярѣ, на вѣрный сбыть въ народѣ могли разчитывать слѣдую-
щія книги: 1) Евангеліе на языкахъ славянскомъ и русскомъ и от-
дельно на русскомъ; 2) Молитвенники въ разную величину и цѣну;
3) Земная жизнь Иисуса Христа Спасителя; 4) Житія святыхъ изъ
четыни-минеи и изданныя въ 12-ти книжкахъ; 5) Библейская исторія
въ краткихъ сказаніяхъ съ картинками; 6) Рассказы изъ русской исто-
ріи; 7) книги по сельскому хозяйству, изложенные понятно и съ зна-
ніемъ дѣла, и 8) популярные сочиненія по естественной исторіи. При
этихъ же складахъ онъ предполагать учредить и дешевую продажу
иконъ для крестьянъ.

Но прежде чѣмъ привести въ исполненіе свои предположенія
о складахъ, князь Ширинскій-Шихматовъ пригласилъ законоучителей
и наставниковъ народныхъ училищъ представить ему въ возможной
скорости ихъ соображенія о томъ, „можно ли надѣяться на успѣхъ
предложенной имъ мѣры, и находить ли они нужнымъ, каждый при
своемъ училищѣ, учредить подобные склады, сколько потребуется на
первый разъ экземпляровъ и какихъ именно сочиненій и иконъ для
каждой мѣстности?“ Въ заключеніе того же циркуляра попечитель,
какъ-бы напередъ увѣренный въ утвердительномъ отвѣтѣ на свой
главный вопросъ, сдѣлалъ священникамъ и наставникамъ народныхъ
училищъ слѣдующее предложеніе: „Въ виду невозможности, за не-
имѣніемъ денежныхъ средствъ, скоро дать правильную организацію
складамъ, не найдутъ ли они возможнымъ на первый разъ до окон-
чательного устройства этого дѣла получать изъ округа въ счетъ жа-
лованья такія книги, сбыть которыхъ въ народѣ, по ихъ мнѣнію, мо-
жетъ быть вѣренъ и скорѣ?“

Послѣднее предложеніе, хотя и вызванное предварительными за-
явленіями въ этомъ смыслѣ нѣкоторыхъ наставниковъ, не получило
практическаго примѣненія. Правда, нѣкоторые изъ наставниковъ и
теперь откликнулись на это предложеніе; но такое согласіе ихъ, въ
глазахъ попечителя округа, имѣло главнымъ образомъ тотъ смыслъ,
что еще болѣе убѣждало его въ своевременности и цѣлесообразности
той мѣры, которая была имъ проектирована, а именно устройства
книжныхъ складовъ отъ казны. Вышеупомянутое заявленіе наставни-
ковъ, такъ сказать, напередъ застраховывало успѣхъ книжной торговли
въ глазахъ попечителя. А это только и нужно было ему.... Какъ бы
то ни было, только начальство учебного округа, въ томъ же 1863
году, основало нѣсколько книжныхъ складовъ на счетъ казны. Во
2-мъ № циркуляра, вышедшемъ 4-го юля 1863 года, кодь дѣла объ

этихъ складахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Сославшись на свое прежнее предположеніе о пользѣ учрежденія при народныхъ училищахъ складовъ книгъ, иконъ и крестиковъ, для продажи ихъ крестьянамъ, и упомянувъ о своемъ предложеніи высыпать изъ округа наставникамъ въ счетъ ихъ жалованья книги и иконы, необходимыя для этихъ складовъ, попечитель продолжаетъ: „Нынѣ, разсмотрѣвъ доставленные мнѣ по этому предмету отзывы наставниковъ и находя возможнымъ снабжать склады книгами не въ счетъ наставническаго жалованья, я сдѣлалъ распоряженіе о разсыпкѣ книгъ для складовъ, учреждаемыхъ на первый разъ въ видѣ опыта при десяти училищахъ. Опись симъ книгамъ, говорится даѣтъ въ циркулярѣ, и счетъ вырученныхъ за продажу ихъ деньгамъ слѣдуетъ вести особо; по распоряженію за продажу ихъ деньги, за вычетомъ пересыпочныхъ, должны быть представлены въ округъ въ полномъ количествѣ, чтобы употребить ихъ на покупку новыхъ книгъ. Если же продажа пойдетъ успѣшно, и число книгъ въ складѣ окажется недостаточнымъ для удовлетворенія поступающаго на нихъ запроса, въ такомъ случаѣ прошу покорно гг. наставниковъ немедленно сообщить въ округъ, какія именно книги требуются и сколько экземпляровъ ихъ нужно выслать“. Таковы были два документа, изъ которыхъ можно ясно видѣть, при какихъ условіяхъ, какъ, когда и почему начата осуществлялась мысль объ учрежденіи книжныхъ складовъ въ училищахъ Виленского учебнаго округа?

Первые книжные склады, которые должны были послужить пробнымъ камнемъ въ дѣлѣ развитія этой операции и опредѣлить ея дальнѣйшее „быть или не быть“, были учреждены при слѣдующихъ десяти народныхъ училищахъ губерній Виленской, Гродненской и Минской:

	Число экземпляровъ книгъ.	Число томовъ.	Число образцовъ и крестиковъ.	Всего на сумму. Рубли. Копѣйки.
1) Антонопольскомъ	48	67	34	13 19 ^{1/2}
2) Озинскомъ	49	68	34	13 43 ^{1/2}
3) Щорсовскомъ	50	69	38	14 56 ^{1/2}
4) Мирскомъ .	50	59	34	14 5 ^{1/2}
5) Негнѣвичскомъ	49	68	34	13 41
6) Словенскомъ .	49	68	34	13 41
7) Осицкогородскомъ	47	66	34	12 56
8) Рѣчицкому	48	60	34	13 —
9) Езерищескому	47	59	34	11 11
10) Быховскомъ	. 48	59	34	12 2
Итого	485	634	344	130 76

Книги, высланные въ эти склады, были слѣдующія: Евангеліе на славянскомъ и русскомъ языкахъ въ переплетѣ (цѣна за экземпляръ 46 коп.), Евангеліе на русскомъ языке въ переплетѣ (26 коп.), Молитвословъ на русскомъ языке въ переплетѣ (15 коп.), часословъ въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ (16 коп.), псалтырь въ переплетѣ малаго формата (61 коп.), Рассказы для дѣтей о земной жизни Спасителя въ пяти книгахъ (36 коп.), Избранныя житія святыхъ въ 12-ти книгахъ (1 руб. 81 коп.), которая могли продаваться и отдельно, Краткое объясненіе символа вѣры, молитвы Господней и заповѣдей Божіихъ (15 коп.), Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ Виленского учебнаго округа въ переплетѣ (23 коп.), Молитвы и церковное чтеніе (3 коп.), Житіе преподобнаго Ниѳонта и Евфросиніи Полоцкой (2 коп.), Азбука и уроки изъ исторіи ветхаго и новаго завѣтія съ картинами и прописями (25 коп.), Азбука Главинскаго часть 1-я (7 коп.), и его же подвижныя буквы, наклеенные на картонѣ (8 коп.).

Эти то книги, по предположенію начальства учебнаго округа, должны были на первый разъ удовлетворить пробудившейся въ народѣ жаждѣ къ грамотности и посредствомъ чтенія возбудить въ немъ охоту къ дальнѣйшему самообразованію въ духѣ православной вѣры и христіанской нравственности.

Книжныя операциіи первого года, какъ видно, оправдали ожиданія учебнаго округа. Между тѣмъ въ январѣ 1864 года, вслѣдствіе ходатайства того же попечителя, согласно высочайшему повелѣнію, открыли свою дѣятельность двѣ первыя новоучрежденныя дирекціи народныхъ училищъ Виленского учебнаго округа,— Виленская, обнимавшая губерніи Виленскую и Гродненскую, и Минская, въ кругъ которой входили народныя училища Минской губерніи.

Такимъ образомъ дальнѣйшее устройство книжныхъ складовъ въ этихъ губерніяхъ сдѣлалось предметомъ ближайшей заботливости новоучрежденныхъ дирекцій.

Открытіемъ первыхъ народныхъ дирекцій и предоставленіемъ имъ ближайшаго попеченія о складахъ закончился, можно, сказать, первый периодъ дѣятельности Виленского учебнаго округа по устройству складовъ. Продолжать ее, при посредствѣ новосозданныхъ органовъ, суждено было преемникамъ князя Ширинскаго-Шихматова, И. П. Корнилову, и затѣмъ П. Н. Батюшкову.

На первой порѣ народныя дирекціи чувствовали недостатокъ въ денежныхъ средствахъ для расширенія операций по книжнымъ складамъ. Поэтому тогданий главный начальникъ края, графъ Муравьевъ,

основываясь на представлении нового попечителя округа, съ готовностью послѣшилъ на помощь этому благому дѣлу. Въ томъ же 1864 году изъ контрибуціонныхъ сборовъ было отпущено имъ на этотъ предметъ въ вѣдѣніе Виленской дирекціи 4.600 руб. Эта сумма должна была составлять оборотный капиталъ для расширенія операций книжныхъ складовъ. Такимъ образомъ дирекція получила возможность пополнить нѣсколько прежде существовавшихъ складовъ и устроить новые, снабдивъ ихъ въ достаточномъ количествѣ нужными предметами. Дѣйствительно, „для доставленія возможности жителямъ Виленской и Гродненской губерній на мѣстѣ и по дешевой цѣнѣ покупать полезныя книги, крестики и иконы и для упрощенія ихъ высылки“; Виленская дирекція успѣла къ концу 1864 года открыть въ двухъ губерніяхъ 52 книжныхъ склада (включая слюда и тѣ, которые были основаны въ 1863 году учебнымъ округомъ), а именно: въ Виленской 17 и въ Гродненской 35. Пятьдесятъ изъ этихъ складовъ были учреждены въ селеніяхъ и мѣстечкахъ и только два въ уѣздныхъ городахъ—Диснѣ и Пружанахъ. Но такъ какъ „съ распространениемъ русской грамотности и съ развитиемъ православнаго начала, потребность въ предметахъ русской книжной торговли съ большою и большою очевидностю и настоятельностью обнаруживалась, по свидѣтельству дирекціи, и въ другихъ городахъ, то въ 1865 году послѣдняя сочла нужнымъ учредить еще 14 складовъ. Изъ нихъ 12 были открыты въ городахъ Вилейкѣ, Ошмянѣ, Лидѣ, Трокахъ, Свенцанахъ, Соколкѣ, Вѣлостокѣ, Бѣльскѣ, Кобринѣ, Брестѣ, Слонимѣ и Волковыскѣ, два остальные въ мѣстечкахъ Щучинѣ и Сморгоняхъ. Въ каждый изъ этихъ складовъ, со времени ихъ основанія по январь 1866 г., слѣдовательно въ теченіе годичнаго слишкомъ существования ихъ, было выслано дирекціей отъ 328 до 382 экземпляровъ книгъ, брошюръ, иконъ и портретовъ на сумму отъ 64 руб. 90 коп. до 65 руб. 45 коп. (только въ Дисненскій складъ на 130 руб. 9 коп.). Всего же 23.997 экземпляровъ на сумму 4.358 руб. 36 коп. Такимъ образомъ въ двухъ губерніяхъ Виленской дирекціи въ 1865 году было 66 складовъ (24 въ Виленской губерніи и 42 въ Гродненской губерніи).

Изъ отчетовъ, доставленныхъ въ дирекцію къ началу 1866 года, видно, что въ 58 складахъ за весь періодъ ихъ существования было продано до 6.000 экземпляровъ на сумму 1.076 руб. 20 коп., изъ 8 же складовъ свѣдѣній тогда доставлено не было. Слѣдовательно, въ каждомъ складѣ среднимъ числомъ было продано до 103 экземпляровъ на сумму 18 руб. 55 коп. Сверхъ этого, изъ центрального склада

выслано за деньги въ училища, частнымъ лицамъ и продано на мѣстѣ 2.070 экземпляровъ на сумму 612 руб. 72 коп. Итакъ, до 1866 года, изъ складовъ Виленской дирекціи было продано всего приблизительно до 8.070 экземпляровъ на сумму 1.688 руб. 92 коп. Въ концѣ 1866 года состоялось высочайшее повелѣніе о раздѣленіи Виленской дирекціи на двѣ: на Виленскую, кругъ дѣятельности которой долженъ быть ограничиваться народными училищами Виленской губерніи, и на Гродненскую, учрежденную для училищъ Гродненской губерніи. Съ этого времени въ Виленской дирекціи остается двадцать пять книжныхъ складовъ, со включеніемъ сюда и центральнаго. Числовыя данные, какія мы имѣли возможность найти относительно этихъ складовъ въ отчетахъ Виленской дирекціи за четыре дальнѣйшіе отчетные годы (съ 1866 по 1869 годъ включительно), группируются нами въ слѣдующей таблицѣ:

По Виленской дирекціи.	На сколько продано:							
	Въ 1866 г.		Въ 1867 г.		Въ 1868 г.		Въ 1869 г.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Названія складовъ:								
1 Въ центральномъ складѣ при дирекціи.	. 258	5	650	10	441	24 ³ / ₄	399	4
2 Въ Трокскомъ	. 49	12	нѣть свѣд.		14	16	—	20
3 Высокодворскому .	. 8	34	нѣть свѣд.		12	54	6	50
4 > Свенцянскомъ	. нѣть свѣд.		23	65 ¹ / ₂	5	87	5	99
5 > Дисенскомъ	. 39	31	13	30	3	17	нѣть свѣд.	
6 Оспногородскомъ	. 22	71	4	1	11	31	8	18
7 > Богословскомъ .	. нѣть свѣд.		10	—	7	—	10	—
8 Поставскомъ	. 41	66	55	50 ¹ / ₂	22	22	15	15
9 > Чересскомъ	. 34	76	47	37	15	—	11	10
10 Друйскомъ	. 29	58	7	32	нѣть свѣд.		не было прод.	
11 > Виленскомъ .	. 25	91	25	65	нѣть свѣд.		1	21
12 Куренецкомъ	. 46	56 ¹ / ₂	1	90	19	31	24	25
13 > Домгиновскомъ .	. 43	68 ¹ / ₂	29	33	14	54	20	26 ¹ / ₂

По Виленской дирекції.	На сколько продано:							
	Въ 1866 г.		Въ 1867 г.		Въ 1868 г.		Въ 1869 г.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
НАЗВАНІЯ СКЛАДОВЪ:								
14 Въ Городокскомъ .	24	21	20	—	7	26	6	63
15 Ильинскомъ .	28	21 ¹ / ₄	10	—	7	—	10	—
16 Ошмянскомъ .	61	5	46	3	15	55	15	5
17 > Словенскомъ .	18	25 ¹ / ₂	9	4	10	10	11	15
18 > Воложинскомъ .	38	86 ¹ / ₂	9	68	7	43	14	29 ¹ / ₂
19 > Ольшанскомъ .	15	65	14	—	14	71	14	56 ¹ / ₂
20 > Скоргоньскомъ .	83	—	13	28	19	7 ¹ / ₂	7	51
21 > Лидскомъ .	45	66	30	7	16	64	7	75
22 Шучинскомъ .	33	97 ³ / ₄	29	17	28	47	10	63
23 > Орловскомъ .	6	—	6	35	11	1	13	15
24 > Гродненскомъ .	46	45	18	18	14	51	13	24
25 Бялыницкомъ .	23	27	9	76	14	—	10	11
Итого .	972	29	1.083	70	732	69 ¹ / ₄	635	95 ¹ / ₂

Въ одно время съ книжными складами Виленской дирекціи учреждены были таковые же и въ Минской, частію на средства учебнаго округа, а частію на сумму въ 1.000 руб., отпущенную для этой цѣли графомъ Муравьевымъ.

По 1-е января 1865 года обь этихъ складахъ намъ извѣстно только, что въ Минской дирекціи ихъ числилось открытыми 34, и въ нихъ продано было книгъ и другихъ предметовъ на 1.218 р. 25¹/₂ коп. Далѣе отчетъ директора за 1865 годъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ году изъ центральнаго склада продано книги на 810 р. 31¹/₂ коп., а изъ остальныхъ на 662 руб. 27¹/₂ коп.; слѣдовательно, всего на 1.472 руб. 59 коп. Движеніе продажи за слѣдующіе четыре года въ 34 складахъ этой дирекціи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

№ Минской дирекціи.	На сколько продано книги:							
	Въ 1866 г.		Въ 1867 г.		Въ 1868 г.		Въ 1869 г.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Названія складовъ:								
Въ центральномъ складѣ при								
1 дирекціи.	718	34	666	94	442	1	362	31
2 Въ Пинскѣ.	53	14 ¹ / ₂	52	7 ¹ / ₂	8	52	13	68
3 > Борисовѣ.	33	97	62	1 ³ / ₄	32	27	24	83 ¹ / ₂
4 Игуменѣ.	39	79	35	97 ¹ / ₂	13	75	9	59
5 Новогрудкѣ	45	20	44	72	21	69	16	54
6 Слуцкѣ	74	96	114	92	84	59	56	50 ¹ / ₄
7 Бобруйскѣ	21	42	83	12 ¹ / ₂	54	69	60	86 ¹ / ₂
8 Мозырѣ	23	71	22	25	нѣть свѣд.	не было прод.		
9 > Рачицѣ	14	23	26	21	13	80	18	69
10 > Несвижѣ.	нѣть свѣд.		37	9	19	—	8	1
11 Докшицѣ.	33	28	32	—	нѣть свѣд.	не было прод.		
12 Зембинѣ.	20	54	24	46	7	41	не было прод.	
13 Уадѣ.	31	74	45	46	12	79	не было прод.	
14 Вереницѣ.	33	96	40	50	9	71	5	4
15 Дукорѣ.	13	97	17	60	1	68	1	11
16 Романовѣ.	56	31	75	—	28	—	33	29
17 > Сторобинѣ.	17	92	30	15	9	74	не было прод.	
18 > Паричахъ.	10	58	11	42	6	36	7	30 ¹ / ₄
19 Свислоки.	19	69	8	13 ³ / ₄	7	74 ¹ / ₄	16	63
20 Глускѣ.	47	68	40	60	7	69	не было прод.	
21 Дорогахъ.	22	59	31	—	7	50	3	36
22 Лахвѣ.	7	6	7	16	12	21	не было прод.	
23 Копаткевичахъ.	22	—	23	—	нѣть свѣд.	не было прод.		
24 > Скородномъ.	5	56	7	—	нѣть свѣд.	не было прод.		

По Минской дирекціи.	На сколько продано книгъ:								
	Въ 1866 г.		Въ 1867 г.		Въ 1868 г.		Въ 1869 г.		
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
НАЗВАНІЯ СКЛАДОВЪ:									
25 Въ Барбаровѣ .	20	88	12	36	25	—	25	—	
26 Лоевѣ .	77	8	55	18	57	17	19	16	
27 > Брагинѣ .	24	26	10	60	нетъ сѣд.	не было прод.			
28 Столинѣ .	9	—	56	23	4	22	не было прод.		
29 Любешовѣ .	29	23	18	60 ^{1/2}	4	65	не было прод.		
30 Мирѣ .	20	5	23	83	10	60	19	17	
31 Щорсахѣ .	46	42	38	—	5	—	2	33	
32 > Циринѣ .	32	79	10	3	9	64	16	69	
33 > Островѣ .	89	52	28	98	нетъ сѣд.	не было прод.			
34 > Велиничахѣ .	нетъ сѣд.		33	11	10	18	2	7	
Итого .		1.682	3 ^{1/4}	1.825	72 ^{1/2}	932	63	717	17 ^{1/2}
Сверхъ этого въ 1868 году за продажу книгъ въ тѣхъ училищахъ, гдѣ нетъ складовъ, выручено .	—	—	—	—	190	24	—	—	
Въ 1869 г. еще выручено отъ продажи въ Бѣгомѣ (3 р. 97 к.), Холопеничахѣ (20 р. 27 к.), Вызинѣ (1 р. 40 к.), въ прочихъ народныхъ (184 р.) и приходскихъ училищахъ (57 р. 75 ^{1/4} к.) .	—	—	—	—	—	—	267	39 ^{1/4}	
Всего .		1.682	3 ^{1/4}	1.825	72 ^{1/2}	1.122	87	984	56 ^{3/4}

Гродненская дирекція народныхъ училищъ высочайше учреждена въ 10 день октября 1866 года и открыла свои дѣйствія 10-го декабря того же года. Въ ея вѣдѣніе, какъ упомянуто было выше, по-

ступили всѣ приходскія, народныя и другія начальныя училища Гродненской губерніи, находившіяся до тѣхъ поръ въ вѣдѣніи Виленской дирекціи народныхъ училищъ.

О результатахъ дѣятельности складовъ за этотъ годъ отчетъ Гродненской дирекціи упоминаетъ только, что въ первую половину ноября отчетнаго года въ 42-хъ складахъ было продано на 350 р. 6³/₄ коп., и затѣмъ въ нихъ оставалось запаса на 3.899 руб. 65 коп., наконецъ перечислены склады, въ которыхъ было maximum и minimum (36 р. шах., 2 р. мин.) продажи.

Что касается центральнаго склада, то для образованія его было отдано изъ Виленской дирекціи 4.930 экземпляровъ на сумму 620 руб. 12 коп., наличными деньгами 150 руб., и для усиленія средствъ склада разрѣшено попечителемъ округа употребить въ продажу 1.000 западно-руссаго мѣсяцеслова на 1867 годъ.

О ходѣ продажи изъ складовъ Гродненской дирекціи за неполный 1866 и за три слѣдующіе года мы знаемъ слѣдующее:

По Гродненской дирекціи.	Продано книги:							
	За первые восемь мѣсяцей 1866 г.		Въ 1867 г.		Въ 1868 г.		Въ 1869 г.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
НАЗВАНІЯ СКЛАДОВЪ:								
1 Въ центральномъ складѣ при дирекціи.	.		347	92	467	88 ¹ / ₂	352	62 ¹ / ₂
2 Въ Скидѣвѣ	.	нѣтъ	18	37	15	93 ¹ / ₂	6	68 ¹ / ₂
3 > Лашѣ	.	свѣдѣній.	8.	51	не было прод.	не было прод.		
4 Крынкѣ	.	15 65	24	26	8 23 ¹ / ₂		3	7 ¹ / ₂
5 > Озерахъ	.	13 5 ¹ / ₂	17	74 ¹ / ₂	9 20		4	12
6 Гольникѣ	.	22 81	14	98	13 10		10	7
7 Слонимѣ	.	8 79	30	22	35 29		4	45
8 Бытанѣ	.	4 23	13	34	не было прод.	не было прод.		
9 Молчади	.	нѣтъ свѣд.	18	26	12 81		7	42
10 > Ягелевичахъ	.	2 —	14	30	не было прод.	не было прод.		
11 Волковыскѣ.	.	13 7	33	41	29	—	29	—

№ Гродненской деревни.	На сколько продано книгъ:							
	За первое полугодие 1893 г.		Въ 1897 г.		Въ 1898 г.		Въ 1899 г.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Названия складовъ:								
12 Въ Олаватынахъ .	9	29	7	51 $\frac{1}{2}$	18	30	7	71
13 Свиблочъ .	16	12	15	96	22	27 $\frac{1}{2}$	4	68 $\frac{1}{2}$
14 Сошицахъ .	3	40	27	72	9	63	7	90
15 Рудникахъ .	2	3 $\frac{1}{2}$	12	2 $\frac{1}{2}$	11	70 $\frac{1}{2}$	6	17
16 > Кобринъ .	23	42	31	97	24	85	не было прод.	
17 Анополѣ .	3	58 $\frac{1}{2}$	5	33	19	18	18	35
18 > Озятахъ .	9	3	4	7	3	52	8	96
19 > Хокскѣ .	10	17	36	17	не было прод.		8	3
20 > Яновъ .	2	58	9	79	8	52	8	77
21 Березахъ .	нѣтъ	свѣд.	4	17	6	88 $\frac{1}{2}$	не было прод.	
22 > Милиць-Покровскѣ .	18	70	12	—	6	42	34	85
23 Сѣхновичахъ .	24	13	45	96 $\frac{1}{2}$	35	89	4	41
24 > Дрогичинъ .	6	—	8	59 $\frac{1}{4}$	30	21	25	81 $\frac{1}{2}$
25 > Брестѣ .	10	76	70	84 $\frac{1}{2}$	24	—	32	45 $\frac{1}{2}$
26 > Дмитровичахъ .	нѣтъ		44	51	10	37 $\frac{1}{2}$	35	25 $\frac{1}{2}$
27 > Каменець-Литовскѣ .	свѣдѣній.		18	18	15	45	35	86
28 > Чаромицахъ .	35	90	не было прод.		не было прод.			
29 > Ореховѣ .	2	4	34	21 $\frac{1}{2}$	12	40 $\frac{1}{2}$	4	—
30 > Высоко-Литовскѣ .			16	45 $\frac{1}{2}$	4	70	16	45
31 > Бодцахъ .	нѣтъ		20	84	3	5	не было прод.	
32 > Оргѣ .	свѣдѣній.		43	43	16	2	20	—
33 Новой-Болѣ .			39	89	13	—	4	—
34 > Вѣлестокѣ .	42	72	28	34 $\frac{1}{2}$	36	16	не было прод.	
35 > Соколкѣ .	24	37 $\frac{1}{2}$	16	76	5	20	4	12

№ Гродненской дирекціи.	На сколько продано книги?							
	За первые месяцы лѣта- щаго 1866 г.		Въ 1867 г.		Въ 1868 г.		Въ 1869 г.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Названія складовъ:								
36 Въ Озерицахъ .							не было прод.	не было прод.
37 „ Лысковъ .			нѣть				14 30 $\frac{1}{2}$	7 —
38 „ Пескахъ .			складской.				3 66	3 50
39 „ Пружаахъ .	36	44			нѣть		13 49 $\frac{1}{2}$	
40 „ Супоніяхъ .					складской.		33 52 $\frac{1}{2}$	
41 „ Хоревъ .			нѣть					не было
42 „ Гутовъ .			складской.					проданія.
43 „ Балагъ .	16	64					66 19	
Итого	839	54	1,129	94	1,078	22$\frac{1}{2}$	715	68

Основаніе книжныхъ складовъ въ Ковенской дирекціи положено въ концѣ 1865 года. Съ этой цѣлію 15-го октября упомянутаго года было прислано въ дирекцію изъ управления округа 966 руб. съ во-
зможностями; дирекція, съ своей стороны сдѣлавъ строгій выборъ книгъ, входила въ сношеніе съ комитетомъ грамотности при вольно-эконом-
ическомъ обществѣ въ С.-Петербургѣ, о высылкѣ книгъ, и въ де-
кабрѣ того же года учредила девять книжныхъ складовъ, а именно:
6 при приходскихъ, училищахъ въ уѣздныхъ городахъ губерніи и
3 при народныхъ: въ Ковнѣ, Ново-Александровскѣ и Таурогенѣ. Въ
каждый складъ было выписано на 139 рублей. „Многіе изъ посред-
никовъ, говорится въ отчетѣ дирекціи за 1866 годъ, лично заставили
горячее сочувствіе къ учрежденію книжныхъ складовъ и обѣщали
посильное содѣйствіе къ успѣшному распространенію русскихъ книгъ
въ народѣ. По любви, замѣченной въ крестьянахъ и ихъ дѣтяхъ, въ
употребленію русского языка, можно думать, продолжаетъ тотъ же от-
четъ, что продажа книгъ въ Ковенской губерніи пойдетъ небезуспѣш-
нѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ православными“.

Впрочемъ, прежде изложенія дѣятельности книжныхъ складовъ
Ковенской дирекціи, необходимо пояснить, что, вслѣдствіе осо-

быть условій, въ какія народныя училища Ковенской губерніи поставлены относительно своего обеспечения, и самые склады принадли въ ней иной характеръ и иное назначение, чымъ въ другихъ дирекціахъ округа. Между тѣмъ какъ народныя училища другихъ западныхъ губерній, существуя вполнѣ или отчасти на счетъ правительства, получаютъ на этомъ основаніи и учебные пособія отъ своихъ дирекцій безмездно,—народныя училища Ковенской губерніи устроены и содержатся на суммы, ассигнованныя не правительствомъ, а самими крестьянами, почему и предполагалось, что дѣти, обучающіеся въ этихъ училищахъ, будутъ приобрѣтать учебники и пособія для себя на собственныя средства. Вслѣдствіе чего главною цѣлью основанія складовъ въ Ковенской дирекціи было поставлено не распространеніе общеполезныхъ книгъ и другихъ предметовъ складовъ среди грамотнаго населения, какъ въ другихъ губерніяхъ округа, а облегченіе для учениковъ народныхъ училищъ приобрѣтенія учебниковъ путемъ покупки въ самихъ училищахъ, или въ ближайшихъ къ нимъ пунктахъ. Эта цѣль по преимуществу имѣлась въ виду (какъ можно видѣть изъ отчетовъ дирекцій) и при самой выборѣ книгъ для складовъ. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ открытия училищъ, между дирекціями и родителями учениковъ возникло недоразумѣніе, которое и послужило препятствиемъ къ быстрой распродажѣ книгъ изъ складовъ. Вотъ что говорится объ этомъ недоразумѣніи въ отчетѣ директора за 1866 годъ: „Продажа книгъ въ учрежденіяхъ въ губерніи 9-ти книжныхъ складахъ идетъ очень медленно, и эта медленность объясняется тѣмъ, что, при составленіи приговоровъ объ учрежденіи народныхъ училищъ, крестьянамъ было объявлено о бесплатномъ снабженіи училищъ книгами. Дирекція, не располагая никакими денежными средствами, не могла удовлетворить потребности училищъ въ книгахъ; она заботилась только о приобрѣтеніи книгъ для книжныхъ складовъ и предоставила наставникамъ покупать ихъ для училищъ на счетъ учащихся, или волостныхъ правленій. Родители на убѣжденіи наставниковъ, относительно покупки книгъ—продолжаетъ отчетъ—безмолвствовали и не заботились, чтобы дѣти ихъ имѣли нужные учебники; волостные правленія также съ равнодушіемъ относились къ этому,—что и послужило причиной отсутствія книгъ во многихъ училищахъ, такъ какъ прежнія, выданныя наставниками при открытии училищъ въ неизначительномъ количествѣ, отъ употребленія пропали въ ветхость и растеряны“.

Въроятно задержка въ продажѣ книгъ, промышленная изъ за упомянутаго недоразумѣнія, и послужила причиной, что въ отчетѣ дирекціи за 1866 годъ нѣть данныхъ о количествѣ проданныхъ въ складахъ книгъ; въроятно также, что незначительная выручка этого года присоединена въ слѣдующемъ отчетѣ къ суммѣ выручки 1867 года. Въ концѣ 1867 года, по предложенію попечителя округа и согласно постановлѣнію училищнаго совѣта дирекціи, было учреждено восемь новыхъ складовъ въ разныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ. Книгъ тогда было выписано во все эти склады на 782 руб. 10 коп. Онѣ состояли, по словамъ отчета, большей частію изъ учебниковъ для народныхъ училищъ и книжекъ для дѣтскаго чтенія. Гдѣ были открыты новые склады, и какъ шла продажа во всѣхъ книжныхъ складахъ Ковенской дирекціи, видно изъ слѣдующей таблицы:

Но Ковенской дирекціи.	На сколько продано:						
	Въ 1867 г.		Въ 1868 г.		Въ 1869 г.		
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Названія складовъ:							
1 Въ Ковенскомъ	.	30	58	84	23	14	75
2 . Вилькомирскомъ	.	54	37	86	32	5	24/4
3 Иовоалександровскомъ.	.	62	17	39	18	29	99
4 . Поветинскаго	.	122	52	133	50	67	13
5 . Тальцовскомъ	.	121	43	63	21	24	82
6 Шавельскомъ.	.	128	30	26	55	57	72
7 . Россіянскомъ	.	145	32	32	76	107	44
8 . Таурогенскомъ	.	109	62	нѣтъ скл.		55	22
9 . Видзенскомъ	.	45	77	31	—	11	78
10 . Кейданскомъ	.			40	38 ³ / ₄	36	63
11 . Рокишскомъ	.			32	28	15	9
12 . Кретингенскомъ .	.			33	10	24	20
13 . Рогачевскомъ	.	не было		46	—	44	—
14 Ушольскомъ .	.	открыты.		нѣтъ скл.		3	97
15 Бирскомъ.	.			44	11	35	60
16 . Вакциновскомъ	.			16	64	9	18
17 . Йогавицкельскомъ	.			нѣтъ скл.		20	24 ¹ / ₄
Итого .	.	820	8	659	26 ³ / ₄	562	69

По Виленской дирекціи:

	РУБ.	КОП.
Итакъ отъ открытія складовъ въ 1863 года до		
1866 года продано на .	1.688	92
За 1866 годъ	972	29
„ 1867	1.083	70
„ 1868	732	69 ¹ / ₄
„ 1869	685	95 ¹ / ₂
Итого .	5.113	55³/₄

По Минской дирекціи:

	РУБ.	КОП.
За 1864 годъ продано на .	1.218	25 ¹ / ₂
„ 1865	1.472	59
„ 1866	1.682	3 ¹ / ₄
„ 1867	1.825	72 ¹ / ₂
„ 1868	1.122	87
„ 1869	984	56 ³ / ₄
Итого .	8.305	6

По Гродненской дирекціи:

	РУБ.	КОП.
Продано за 1866 годъ на .	689	60 ³ / ₄
„ „ 1867	1.129	94
„ „ 1868	1.078	22 ¹ / ₂
„ „ 1869	715	68
Итого .	3.613	45¹/₄

По Ковенской дирекціи:

	РУБ.	КОП.
Продано за 1867 годъ на .	820	8
„ 1868	659	26 ³ / ₄
„ 1869	562	59
Итого .	2.042	98³/₄

Всего же въ 119-ти складахъ четырехъ дирекцій, за все времена существованія ихъ, продано на 19.074 руб. 76 коп. Такимъ образомъ на долю каждого склада среднимъ числомъ выпадаетъ по 160 руб. выручки, а если исключить сумму продажи въ трехъ центральныхъ

складахъ (Віленскому, Минскому и Гродненскому), то на каждый изъ 116 помѣстныхъ складовъ по 105 руб. съ копѣйками.

Важнѣе, но въ то же время и труднѣе, по имѣющимся у насъ данными, опредѣлить, сколько и какихъ книгъ и другихъ матеріаловъ (образцовъ, крестиковъ, портретовъ и т. п.) продано въ складахъ за весь рассматриваемый нами періодъ времени; открытася только возможность приблизительно указать, сколько ежегодно высыпалось для продажи книгъ и другихъ предметовъ изъ центральныхъ складовъ трехъ первыхъ дирекцій (Віленской, Минской и Гродненской) въ помѣстные, и сколько экземпляровъ продавалось ежегодно въ самыхъ центральныхъ складахъ этихъ дирекцій на мѣстѣ и по частнымъ иногороднимъ требованіямъ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ сгруппированы всѣ, найденные нами, данные по этому вопросу, при чемъ замѣтимъ, что въ этихъ таблицахъ показано число экземпляровъ, по преимущество только проданныхъ въ центральныхъ складахъ и высланныхъ изъ нихъ въ помѣстные склады также для продажи, а не для даровой раздачи ученикамъ. На основаніи этихъ же и предыдущихъ таблицъ мы попытаемся приблизительно определить и число дѣйствительно проданныхъ до 1870 года экземпляровъ во всѣхъ складахъ трехъ вышеозначенныхъ дирекцій.

A. По Віленской дирекціи:

	Число экземп- ляровъ.	На залогъ сумку. Руб.	Число экземп- ляровъ.	На залогъ сумку. Руб.
Въ 1864 году изъ центрального склада выслано въ помѣстные для продажи.	22.591	3.934	82	—
Въ томъ же году продано изъ центрального склада	—	—	—	1.341
Въ 1865 году оттуда же выслано въ помѣстные склады	6.824	1.420	49 $\frac{1}{2}$	—
Въ томъ же году туда же продано на мѣстѣ	—	—	—	2.070
Въ 1866 году выслано изъ центрального въ помѣстные склады.	20.928	3.498	—	—
Продано на мѣстѣ	—	—	—	858
				258
				5 $\frac{1}{2}$

	Число экзем- пляръ.	На вакую сумму. Руб. Ед.	Число экзем- пляръ.	На вакую сумму. Руб. Ед.
Въ 1867 году выслано изъ центрального въ помѣстные склады	2.421	447 77	—	—
Продано на мѣстѣ	—	—	1.369	650 10
Въ 1868 году выслано	5.068	733 90	—	—
Продано на мѣстѣ	—	—	1.863	877 80
Въ 1869 году выслано	1.295	317 30	—	—
Продано на мѣстѣ	—	—	1.456	399 41
Итого	58.527	10.351 78½	8.957	2.524 34½

Б. По Минской дирекціи.

	Число экзем- пляръ.	На вакую сумму. Руб. Ед.	Число экзем- пляръ.	На вакую сумму. Руб. Ед.
Въ 1865 г. выслано изъ центрального въ помѣстные склады.	1.218	25½	—	—
Въ томъ же году изъ центрального склада продано на мѣстѣ.	—	—	—	—
Въ 1865 г. выслано	18.085	1.997 93	—	—
Въ томъ же году продано на мѣстѣ.	—	—	8.321	810 31½
Въ 1866 г. выслано	12.464	862 54	—	—
Продано на мѣстѣ.	—	—	6.750	718 34
Въ 1867 г. выслано	6.597	659 7	—	—
Продано на мѣстѣ	—	—	5.113	666 94
Въ 1868 г. выслано	11.268 ¹⁾	1.460 (приблѣженно) —	—	—
Продано на мѣстѣ	—	—	5.912	800 (приблѣженно) —
Въ 1869 г. выслано	6.851	784 26	—	—
Продано на мѣстѣ	—	—	6.688	362 31
Итого	55.265	6.982 5½	32.782	8.857 56½

¹⁾ Сюда не включены еще 11.920 серебряныхъ и латунныхъ крестиковъ, разосланныхъ дирекцію по складамъ для продажи.

B. По Гродненской дирекции.

	Число экземп- ляровъ.	На каждую сунку.	Число экземп- ляровъ.	На каждую сунку.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Въ 1867 г. выслано изъ центрального въ помѣстные склады,	14.989	896	11	—	—
Въ томъ же году изъ центрального склада продано на мѣстѣ.	—	—	—	1.826	347
Въ 1868 г. выслано	3.954	709	20	—	—
Продано на мѣстѣ.	—	—	—	3.594	302
Въ 1869 г. выслано	9.179	605	62	—	—
Продано на мѣстѣ.	—	—	—	1.677	352
Итого	28.122	2.210	93	7.097	1.002
					92 ^{1/2}

Слѣдовательно, изъ централь-
ныхъ складовъ трехъ дирекцій
разослано во всѣ помѣстные
склады для продажи . . . 141.914 экз. на 19.544 руб. 77 коп.

Въ центральныхъ складахъ за
тотъ же періодъ времени продано 48.836 , , 6.884 , , 83^{1/2} ,

Всего же продано на мѣстѣ
и разослано . . . 190.750 экз. на 26.425 руб. 60^{1/2} коп.

Стоимость каждого экземпляра, такимъ образомъ, обойдется круг-
лымъ числомъ по 14 коп. Чтобы решить вопросъ, сколько экземпля-
ровъ въ трехъ означенныхъ дирекціяхъ было продано до 1870 года,
мы беремъ вышеприведенную выручку по этимъ дирекціямъ 17.032 руб.
70 коп. (19.074 руб. 76 коп.—2.042 руб. 69 коп. принадлежать Ко-
венской дирекціи) и дѣлимъ ее на 14. Частное число въ 121.600, слиш-
комъ и будь составлять количество книгъ и другихъ предметовъ,
проданныхъ во всѣхъ складахъ этихъ дирекцій за шесть лѣтъ ихъ
существованія. Эту цифру слѣдуетъ однако принять за мѣдіану того
числа орудій истинно русскаго и православнаго просвѣщенія, кото-
рыя западно-русскій народъ трехъ губерній добровольно приобрѣлъ на
свои трудовые копѣйки изъ складовъ въ краткій періодъ ихъ суще-
ствованія!

Устройствомъ складовъ достигнуты и достигаются слѣдующіе ре-
зультаты: 1) Крестьянину доставлена возможность купить на мѣстѣ,

по доступной для него ценѣ, книги, а также и другие предметы, не-
обходимые для удовлетворенія его религіозныхъ потребностей. Де-
ствительно, частныя показанія повсюду свидѣтельствуютъ, что кре-
стяне съ окотою раскупали и раскупаютъ крестики и образки, и съ
радостью украшаютъ ими себѣ и свои хаты, — а отчеты директоровъ
(напримѣрь, Минской дирекціи) о количествѣ проданныхъ земельни-
ковъ этого рода подтверждаютъ несомнѣнность этихъ показаній. Въ
этомъ съ одной стороны нельзѧ видѣть доказательства того груст-
наго факта, что западно-русскіе православные крестьяне до послѣд-
няго времени были лишены необходимыхъ знаменій православія, за-
то съ другой — утѣшительно то, что вышеупомянутая религіозная по-
требность не замохла, но продолжала живо сознаваться ими, не смо-
тра на всю трудность удовлетворенія ея до учрежденія складовъ. 2).
Усилены средства распространенія въ народѣ русскихъ книгъ, — что
служить однимъ изъ самыхъ действительныхъ способовъ изъятій
изъ народного употребленія польскихъ книгъ. 3). Ихъ склады книж-
и могутъ проникать въ самыя малолюдныя деревни и села, где они от-
частіи въ состояніи служить замѣтной школы, ничего не стоящію пре-
вительству. 4) При недостаткѣ русской книжной торговли въ краѣ, среди
здешнаго сельского населенія еще не успѣли значительно распро-
страниться разныя фантастическія новѣти, сказки и другія демо-
ны, но въ сущности пустыя и вредныя для правильнаго народного
развитія книги, когда учебное вѣдомство занялось вѣдѣсь устройствомъ
нижнихъ складовъ. Этими оно себѣвреженно доставило народу воз-
можность выбора книгъ дѣльныхъ и для него нужныхъ, согласно
по своему духу и содержанію съ тѣмъ направленіемъ, какое дано на-
роднымъ училищамъ, — и такимъ образомъ во времена предупредило
зѣдѣсь пропаганду первыхъ книжновъ, которой тѣмъ усердно зани-
маются наши книгоноши-воробѣйники, разнося ихъ по селамъ и де-
ревнямъ внутренній губерній. Наконецъ, 5) продажа книгъ можетъ
служить прочнымъ изѣриломъ грамотности народа въ той или другой
мѣстности и его истиннаго вкуса въ выборѣ книгъ для чтенія. Ока-
зѣйно указывается, какъ велика въ извѣстной мѣрности потребность
въ чтенію и въ то же время какія книги самъ народъ считаетъ
для себя нужными и полезными. Даровою раздачею книгъ едва-ли
можно было бы достигнуть этихъ двухъ послѣднихъ цѣлей. Можно
расдать въ одной волости тысячи книгъ, и ни одинъ крестьянинъ
вѣроятно не откажется отъ подарка; но судить по этому факту о Гра-
мотности и любви къ чтенію въ этой волости было бы большою ошиб-

кой. Иное дѣло, когда сама волость на свой трудовыи помѣщики рас-
вѣдѣть тысячу апостола: тутъ сдавали можетъ быть сомніе въ
грамотности крестьянъ и въ потребности ихъ къ чтенію. Въ данномъ
случаѣ самъ актъ покупки можетъ краснорѣчно свидѣтельствовать,
что книга для купившаго составляетъ истинную потребность, а не
бесцѣльную вещь, — не предметъ роскоши. Равнымъ образомъ, если
вы, даже будучи уверены въ грамотности и охотѣ крестьянъ къ чте-
нію, раздадите имъ сотни книгъ, то сдавали ли напрѣмѣнно дости-
гаете цѣли, которая имѣлась въ виду при вашемъ подаркѣ, потому
что, не зная потребности и вкуса крестьянъ, вы можете слѣдить иль
такими книгами, которыми вѣсомъ не интересуютъ ихъ, и потому
могутъ остататься не прочитанными. Когда же крестьяне хотятъ
приобрѣсти книгу покупкою, то они не большей части дѣлаетъ это
или подъ условіемъ предварительного знакомства съ ней, или послѣ
расспроса съ ея содержаніемъ и достоинствами у самого продавца, или у
своихъ знакомыхъ. При даровой же раздачѣ все это, по мнѣніи мѣръ,
весьма затруднительно. Съ этой стороны мы, не обижаясь, отнемъ
предложеніе системъ продажи книгъ, разумѣется, по возможности
дешевыхъ, предъ системою даровой раздачи ихъ народу. Когда Вы-
значеній учебный окружъ рѣшился учредить по народнымъ и приход-
скимъ училищамъ книжные склады, то одни изъ первыхъ, явив-
шихся на очередь, задорогъ были: что высыпать въ эти склады? Въ
оценѣ прошлыхъ времъ ни начальство округа, ни въ послѣдствіи
дирекціи народныхъ училищъ не могли найти для себя отвѣта на
этотъ вопросъ. Конечно, учебное вѣdomство, во крайней мѣрѣ, не-
средственно имѣло возможность и прежде деѣствій степени освѣ-
домляться о духовныхъ потребностяхъ западно-русскаго народа; но
востокъ эта задача, во всей широтѣ ея необходимаго пониманія, была
для него тогда нова, только что вытекающая изъ разсужденія самой жиз-
нѣ. Она явилась быстро, въ силу пачальныхъ событий, разиграв-
шихся въ краѣ и усочинившихъ для правительства ту мысль, что
образованіе народа, въ связи съ распространениемъ среди его
русской грамотности и русскихъ мѣръ, есть главное средство къ
устроенію на будущее время подобныхъ событий. Въ виду такихъ
обстоятельствъ, мѣры, необходимыя къ распространенію образованія,
нужно было принимать быстро и рѣшительно. Вследствіе этого учеб-
ное начальство поставлено было въ необходимость въ одно и то же
время ознакомиться съ духовными нуждами народа, и удовлетворять
ихъ. Естественно, что первое знакомство его должно было состоять

могло быть не много. съвѣтъ той темнѣй среды, въ душу ксенофобъ ему приходилось близко и серьезно заглянуть теперь съдали не въ первый разъ. Въ этомъ отношеніи западно-русскій народъ представлялъ поле, почти вовсе не испытанное и не засѣянное; поле уже поросшее терниами, враждебной намъ пропаганды. Его требовалось быстро усочинить и засѣять. Между тѣмъ изъ опыта учебное начальство могло только знать,---чего не слѣдуетъ сѣять. Оно ясно понимало, что его дѣло, между прочимъ, противодействовать полиской грамоткости, пропагандѣ подольскихъ книгъ, подольскихъ идея; но какими именно способами замѣнить эти пшеволы, и что именно сажать на этой почвѣ,---подобные вопросы оно могло решить на первый разъ, особенно до отложенію въ подробностяхъ, главныхъ образомъ, только *a priori*.

Такимъ же образомъ въ частности оно должно было дослѣдить и по отношенію къ вопросу,---какіе предметы продажи необходимы для удовлетворенія духовникъ нуждъ нареда, и какіе изъ нихъ самъ народъ приманяетъ таковыми?

Ошибочное рѣшеніе этихъ вопросовъ, особенно послѣдн资料го, могло привести результатомъ полное фiasco всей новоустроенной операции. Къ счастію, Вѣленій учебный округъ скрѣ и довѣрочно, удалось навыкать, или точнѣе говоря, угадать въ этомъ отношеніи народные потребности.

Разумѣется, важнейший вопросъ о выборѣ книгъ для продажи не могъ на первый разъ не возбуждать въ учебномъ начальстве колебаний и сомнѣй: одна практика некогда окончательно выяснила и вполнѣ удовлетворительно рѣшила ихъ. Поэтому первая новоучрежденная дирекція народныхъ училищъ, въ 1-мъ же numerѣ своего циркуляра, изъ отдѣльной о складахъ требуетъ, чтобы всѣдѣущіе этими складами наставники, присыпая дважды въ годъ (къ 1-му іюлю и 1-му апра), виручеными отъ продажи складчаго матеріала, данными, въ то же время присоединили вѣдомость о томъ, сколько чого и на такую сумму продано и сколько осталось, на что сильнѣе и слабѣе запросъ, и чѣмъ вовсе не требуется. Отвѣти наставники на эти вопросы должны были послужить дирекціи руководительной книгу при дальнѣйшемъ выборѣ книгъ и другихъ предметовъ склада. До получения же этихъ отвѣтовъ колебание и сомнѣніе дирекцій было неизбѣжно. „Не могутъ помощническихъ данныхъ, говорится въ 1-мъ годовомъ отчетѣ той же дирекціи, какія книги и предметы болѣе всего требуются народомъ, училищный совѣтъ постановилъ на первый разъ выслать книжки, на запросъ которыхъ сего могутъ болѣе или менѣе разчитывать.“

Однако же выборъ, продолжаетъ отчетъ, оказался довольно удивительнымъ: изъ вѣдомостей замѣджающихъ складами наставниковъ видно, что покупались всякия книги, хотя и не въ одинаковой степени. Самый сильный запросъ былъ и есть преимущественно на книги русскія или напечатанныя, по крайней мѣрѣ, русской азбукой, а особенно на краткій молитвословъ, библейскую: исторію съ картинками Базарова, азбуку Глазинскаго, книгу для чтенія (изд. Выс. уч. округа), сказаніе о томъ, „что есть Россія“—Льгова, жизнеописанія славныхъ людей русской исторіи и западно-русский иѣсацесловъ. Ильяславинскихъ книжъ запросъ смыть былъ только на часословы и особенно на псалтиры; весьма мало покупались акафисты и житія святыхъ. Книги въ прочномъ переплетѣ, замѣчаетъ въ заключеніе директоръ, хотя бы онъ и не дешево стоили, покупались охотнѣ, чѣмъ не переплетенные".

Годомъ позднѣе, въ отчетѣ той же дирекціи, сообщающей вообще по рассматриваемому нами вопросу болѣе подробныя и отчетливыя свѣдѣнія, чѣмъ другія дирекціи, говорится, что во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ устроены склады, покупались книги, иконы и т. п. большей частью одного и того же рода и содержанія; только въ мѣстностяхъ съ католическими населеніемъ запросъ на книги славянской печати (довольно слабый даже и среди православныхъ, за исключеніемъ молитвослововъ, часослововъ, псалтирей и чвангелій) и вообще на книги, заключающія въ себѣ ученіе православной вѣры, былъ весьма незначителенъ, хотя всѣдѣствіе религиозного движения приспособленіемъ къ православію сравнительно съ прочими годамиъ болѣшій; но православныи иконы и крестики покупались вездѣ. При этомъ замѣчено также, что дешевыя книги, особенно учебники, азбуки, молитвословы, книга для чтенія, священная исторія Базарова, арменетика Пермскаго а. также дешевыя яромы покупаются болѣе, чѣмъ дорогіе, бумажные иконы Яковлева; по 3 коп., казалось, почти вездѣ вѣсѣ распроданы". Таковы были первыи свѣдѣнія о вкусѣ народа къ книгамъ, выведенныи изъ указаній опыта и практики. Конечно, дирекція не преминула воспользоваться этими и подобными указаніями при дальнѣйшей высылкѣ книгъ въ склады, — и такимъ образомъ затрудненія съ этой стороны мало чтоshalо исчезли.

Успѣхъ или неуспѣхъ рассматриваемой нами операции въ посѣдующее время стала зависѣть уже отъ другихъ, то частныхъ, то общихъ причинъ:

- 1) отъ большаго или меньшаго развитія русской граматности, любит-

къ чтенію и снабженію домовъ иконами и крестиками въ массѣ населенія въ извѣстной мѣстности;

2) отъ болѣе или менѣе живаго участія, равное принимали въ дѣлѣ продажи наставники и другія лица, завѣдующіе складами, и эта умѣнія ихъ повести это дѣло;

3) отъ вѣроисповѣданія и національности жителей той мѣстности, въ коей устроены склады. Такъ, продажа книгъ и другихъ предметовъ по Минской дирекціи—самая успѣшная, и успѣхъ ея, конечно, въ значительной долѣ зависитъ отъ того, что тамъ огромное большинство населения русское и православное, между тѣмъ какъ Евреи, напримѣръ, вообще самые плохіе покупатели книгъ изъ складовъ;

4) отъ густоты и защищенности населенія въ извѣстности районѣ и отъ качестве урожая въ немъ. Такъ, по свидѣтельству Виленскаго директора народныхъ училищъ, уменьшение продажи за 1868-й годъ произошло, между прочимъ, отъ неурожая, бывшаго въ этомъ году въ Виленской губерніи. Учащіеся и училишіе, по недостаточности средствъ своихъ родителей, воздерживались отъ покупки книгъ и прочаго матеріала, находящагося въ складахъ;

5) отъ болѣе или менѣе правильной организаціи продажи. Такъ, въ дирекціяхъ Виленской, Минской и Гродненской склады организованы цѣлесообразнѣе, чѣмъ въ Могилевской и Витебской; отъ чего, между прочимъ, и продажа въ первыхъ шла успѣшнѣе, чѣмъ въ другихъ.

Говоря же вообще, рассматриваемая нами операциѣ съ первыхъ годовъ пошла въ Виленскомъ окружѣ очень успѣшно, какъ можно видѣть и изъ вышеупомянутыхъ таблицъ. Указанные неудобства и препятствія мало по малу устранились частію дирекціями народныхъ училищъ, частію самой жизнью, и уже можно было надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ, при возрастающей ежегодно грамотности въ народѣ, торговля въ складахъ будетъ давать еще болѣе благопріятные результаты. Къ несчастію, встрѣтилось обстоятельство, которое грозить сильнымъ подрывомъ, если не полнымъ паденiemъ этой общеполезной операциї. Обстоятельство это заключается въ слѣдующемъ. Операция книжныхъ складовъ была основана на торговлы началахъ. Дирекціи имѣли свои оборотные капиталы, которыми могли пользоваться въ теченіе цѣлого года, покупая на нихъ все, необходимое для складовъ, по мѣрѣ надобности и вообще во всякое время удовлетворять безъ замедленія запросу и требованію со стороны покупателей изъ книжныхъ складовъ. Это обстоятельство было чрезвычайно

важно для успешного хода и расширения операций складовъ. Положимъ, напримѣръ, дирекція въ началѣ года разослала по складамъ известную книгу въ десяткахъ экземпляровъ; между тѣмъ крестьяне, или горожане, познакомившись съ нею, предъявили въ складъ запросъ на сотни экземпляровъ этой книги. Наставникъ, заѣдущий складомъ, присыпал въ дирекцію вырученные деньги, въ то же время сообщаєтъ ей, на какую книгу и вообще на какой предметъ явился усиленный запросъ въ его складъ. Дирекція, имѣя въ своемъ распоряженіи свободныя на этотъ предметъ деньги, тотчасъ закупаетъ требуемый материалъ и посыпаетъ его въ упомянутый складъ, прежде чѣмъ покупатели успѣли убѣдиться, что требуемой книги уже нѣть въ продажѣ, прежде чѣмъ охота въ ея приобрѣтеніе складъ въ нихъ.

Такъ дѣло продолжалось до 1868 года. Съ этого же времени назначенная операція потеряла свой торговыи характеръ; ея оборотный капиталъ, дотолѣ причинающійся къ специальными средствами народныхъ дирекцій, пересталъ быть такимъ ихъ достояніемъ, которымъ онъ могъ бы непрерывно, въ теченіе цѣлаго года, распоряжаться для закупки книгъ и другихъ матеріаловъ, составляющихъ предметъ продажи въ складахъ. Суммы, отпускаемые на склады, нынѣ подчинены правиламъ мониторія, вслѣдствіе чего всякая выручка отъ продажи книгъ немедленно поступаетъ не въ распоряженіе дирекціи, а въ казначейство. Отсюда проходитъ то, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, где продажа идетъ быстро, склады остаются безъ книгъ до слѣдующаго сѣчтаго періода, будучи не въ состояніи удовлетворить требованиямъ покупателей; въ такимъ же послѣдствіи нерѣдко приводитъ никакіе склады несвоевременное получение изъ казначейства дирекціями ассигнованныхъ на этотъ предметъ суммъ, а также и уменьшеніе оныхъ въ послѣдніе годы. Прямымъ результатомъ всего этого является задержка въ распространеніи русской грамотности въ западно-русскомъ народѣ.

Вышеизведенныя таблицы, дѣйствительно, довольно наглядно показываютъ, что общее уменьшеніе продажи въ складахъ началось съ 1868 года, то есть, со времени подчиненія назначеннѣй на склады суммъ общимъ правиламъ единства кассы. Директоры народныхъ училищъ также свидѣтельствуютъ, что въ этомъ именно обстоятельствѣ кроется главная причина паденія торговли въ складахъ за послѣдніе годы. „Продажа книгъ по Виленской дирекціи въ 1868 году шла мало-успѣшнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ, и выручка была незначительна; но склады одного отчета, оттого, что, вслѣдствіе липецкаго ди-

рекціі, по распоряженію высшей власти, права имѣть постоянный оборотный для сего дѣла капиталъ и по причинѣ отпуска по счѣтѣ государственного казначейства 1868 года ничтожной на этотъ предметъ суммы; дирекція въ иныхъ случаяхъ не могла удовлетворить поступавшихъ въ нее требованій на книги не только отъ частныхъ лицъ, но и отъ завѣдующихъ книжными складами наставниковъ". Директоръ народныхъ училищъ Гродненской губерніи также пишетъ, что упадокъ книжной операциіи въ 1869 году, сравнительно съ 1868 годомъ, произошелъ оттого, что дирекція, лишенная въ настоещее время прежнаго оборотнаго капитала, по присыпѣ на этотъ предметъ денегъ, получила выписанныя книги для центрального продажнаго склада въ отчетномъ году едва только осенью". Такимъ образомъ поздняя получка дирекцію денегъ была причиной того, что она не могла заблаговременно выписать требуемыя складами книги и принуждена была разсыпать ихъ вмѣсто начала въ концѣ отчетнаго года. Подобныя неустройства въ складахъ не только оставляютъ неудовлетворенными запросы крестьянъ-покупателей на одинъ годъ, но вообще отнимаютъ у нихъ охоту и на будущее время обращаться въ склады за покупкою полезныхъ для нихъ книгъ и другихъ предметовъ складовъ. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, книжная торговля въ складахъ, не смотря на очевидный успѣхъ ея въ первые годы, теперь не только не можетъ обѣщать развитія, но и грозить окончательнымъ паденiemъ, если вышеупомянутыя, неблагопріятныя для ея хода, условія не измѣнятся, и если на этотъ предметъ и на будущее время будутъ ассоциироваться ничтожныя суммы, несоразмѣрныя въ этомъ отношеніи съ истинными потребностями народныхъ дирекцій западнаго края. Между тѣмъ, говоря словами одного официального документа, „распространить русскую дѣльную книгу, православную икону, крестикъ и т. п. въ здѣшнемъ (западномъ) краѣ, а особенно въ губерніяхъ наибольшѣ окатоличенныхъ и ополченныхъ, есть дѣло государственной важности". Съ этимъ мнѣніемъ, конечно, трудно не согласиться.

Если не единственное, то главное средство въ устраненію столь важнаго неудобства въ развитіи операций книжныхъ складовъ заключается въ единовременномъ представлении въ распоряженіе дирекцій известной суммы (примѣрно отъ 1.000 до 1.500 руб. на каждую дирекцію) съ тѣмъ, чтобы эта сумма составляла оборотный капиталъ книжныхъ складовъ, чтобы деньги за проданныя книги поступали изъ складовъ не въ казначейства, но въ специальный средства дирекцій,

которыхъ, безъ всякаго замедленія, по требованіямъ помѣстныхъ складовъ, могли бы снабжать оные всѣмъ нужнымъ матеріаломъ. При та-
ковъмъ дорадѣ успѣшная дѣятельность складовъ не подлежала бы
сомнѣнію, а казна не потеряла бы никакаго убытка; потому что
отъ книжной операции оборотный капиталъ дирекцій, при надбавкѣ
самаго ничтожнаго процента на продаваемую книгу противъ цѣны ее,
непремѣнно сталъ бы увеличиваться, оставаясь въ сущности при-
должностью той же казны.

А. Новоселовъ.

Владимиръ, 1872 года.

ЛѢТОПИСЬ ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ СЪ 15^о АВГУСТА 1871 ПО 15^о АВГУСТА 1872 ГОДА.

Училище, начинаящее свою дѣятельность, не можетъ оставаться чуждымъ тѣмъ вопросамъ, которые заботятъ въ настоящее время по-всюду высшія специальная школы, имѣющія вѣковую исторію. Зако-нодательные проекты, появляющіяся въ печати сочиненія, отзывы иностранныхъ профессоровъ согласно указываютъ на одно и то же явленіе: на неудовлетворительность существующихъ университетскихъ порядковъ и на ослабленіе научного интереса между студентами-юристами. Въ Англіи, во Франціи, въ самой Германіи предлагаются различные мѣры, чтобы возбудить этотъ интересъ и поставить науку на надлежащую высоту. Слѣдить за этими мѣрами, поучаться опы-томъ давно существующихъ училищъ—въ высшей степени полезно каж-дому, кто призванъ дѣйствовать въ области народнаго просвѣщенія и обязанъ дать себѣ отчетъ въ цѣляхъ такой дѣятельности.

Наше училище, не смотря на своеобразное название, данное ему еще до послѣднаго преобразованія, есть юридический университетъ. Извѣстно, что первоначально государственные и муниципальные власти давали привилегіи корпорацій (*universitates*) студентамъ или профес-сорамъ тѣхъ училищъ, которыя утруждались для специального изу-чения права. Такъ, въ Болоньї существовала *universitas juristarum*, въ Парижѣ *universit  s doctorum juris* (въ Англіи до настоящаго вре-мени сохранились *doctors' commons*); въ послѣствіи корпораціи про-фессоровъ и студентовъ стали называться по имени той науки, во имя которой соединялись учащіе и учащіеся; во Франціи юриди-ческія школы получили название *les universit  s des lois*, въ Германіи они перенименованы въ факультеты, въ Венгріи приняли имя юриди-ческихъ академій, въ Америкѣ и въ послѣднее время въ Англіи воз-становлено было для нихъ название университетовъ.

Но конечно, не въ названіи, а въ существѣ задачи заключается духовное родство нашего училища съ учрежденіями, когда-либо и гдѣ-либо дѣйствовавшими съ цѣлью распространенія юридическихъ знаній. Время и мѣсто оказываютъ, безспорно, влияние на обстановку жизни юридического училища, но въ своемъ существѣ всѣ подобныя учрежденія могутъ и должны примыкать къ обще-европейской школѣ. Ихъ болѣзни и средства излѣчения болѣе или менѣе одинаковы; было бы неблагоразумно повторять уже сдѣланные и сознанные ошибки и не воспользоваться опытомъ болѣе опытныхъ и испытанныхъ.

Уклоненіе отъ истиннаго характера юридической школы безспорно заключается въ томъ, что научный интерес ея вытѣсняется чисто-практическими задачами, которые получаются въ ней преобладаніе. Одни видятъ причину этого въ государственномъ характерѣ университетовъ, другіе въ отсутствіи свободы обученія и ученія, и наконецъ, треты въ существованіи экзаменовъ и дипломовъ.

Государственный характеръ юридическихъ школъ составляетъ въ настоящее время всеобщее явленіе. Исключение составляетъ лишь Америка и два университета въ Бельгіи; мысль о свободномъ германскомъ университѣтѣ въ Фульдѣ не осуществилась, а мысль о необходимости такихъ университетовъ для Франціи, высказанное комиссией 1870 года подъ предсѣдательствомъ Гизо, встрѣтило сильныя возраженія; наконецъ, некоторые итальянскіе университеты (въ Камеріно, Феррарѣ, Перузѣ и Урбино) не суть вполнѣ частные. Такимъ образомъ, за исключеніемъ Америки, только въ Лувенѣ и Брюсселѣ существуютъ университеты, содержимые не на счетъ государства; но они вызваны не научными, а политическими цѣлями: первый „католический“ поддерживается духовенствомъ, второй (*université libérale*) основанъ сравнительно недавно бельгійской либеральной партіей. Притомъ студенты обоихъ названныхъ университетовъ держать экзаменъ вмѣстѣ съ студентами государственныхъ университетовъ въ смѣшанной комиссіи профессоровъ, а потому примыкаютъ къ общему университетскому типу.

Трудность учрежденія частныхъ университетовъ заключается прежде всего въ значительности денежныхъ средствъ, необходимыхъ для этого, хотя, сравнительно съ другими, юридические университеты обходятся дешевле. Трудно предположить, чтобы въ Россіи могли появиться частные университеты. Ярославскій юридический лицей основанъ на пожертвованіе, едва-ли не безпримѣрное не только у насъ, но и въ другихъ странахъ, кроме Америки; а между тѣмъ

оно составляетъ въ бюджетѣ лицей только одну третью всіхъ расходовъ.

Но государственный характеръ университетовъ, до сихъ поръ единственно возможный, ни сколько не противорѣчить имъ научному значенію. Высшее образованіе и само по себѣ, и какъ необходимое условіе народнаго просвѣщенія на всѣхъ его ступеняхъ, входитъ въ область государственныхъ задачъ. Не даромъ нѣмецкіе государи XIII и XIV вѣковъ видѣли въ университетахъ основу народнаго развитія; не даромъ великий преобразователь Россіи съ Академіи Наукъ началъ просвѣщеніе своего народа; не даромъ наконецъ Германія на Страсбургскій университетъ смотритъ какъ на оплотъ нѣмецкой духовной силы въ воссоединенномъ Эльзасѣ. Высшее образованіе составляетъ, бесспорно, драгоценный капиталъ народный, распространяющійся въ массахъ поднятіемъ уровня ихъ свѣдѣній и нравственности. Цѣнность этого медленно накапливающагося капитала нельзя опредѣлить мѣромъ и вѣсотой, но его производительность сказывается на каждомъ шагу; его оскудѣніе отражается на всѣхъ проявленіяхъ народной жизни и на всѣхъ ступеняхъ народнаго просвѣщенія. Государственная сила и достоинство проявляются въ умственной зрѣлости и въ научномъ уровнѣ, котораго достигаетъ народъ. Поэтому на государствѣ лежитъ прежде всего забота о поддержаніи учрежденій съ строго научнымъ характеромъ, въ виду своей высшей задачи.

Накопленіемъ духовной силы чрезъ посредство высшихъ школъ не ограничиваются однако цѣли государства. Всѣдствіе историческихъ причинъ, преимущественно въ XVIII вѣкѣ, когда все развитіе исходило отъ государства, оказалась потребность въ огромной массѣ специально приготовленныхъ чиновниковъ. На юридическій университетъ стали смотрѣть какъ на школу для такихъ дѣятелей и придали ему виѣшній практическій характеръ; преподаваніе было направлено главнымъ образомъ на тѣ предметы, которые будущій священникъ, учитель, медикъ или юристъ могъ приложить непосредственно при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. На юридическіе университеты возложено было приготовленіе чиновниковъ на судебнныя и административныя должности, знакомыхъ со всѣми подробностями дѣлопроизводства, съ буквою законовъ и съ техническою стороною вопросовъ, подлежащихъ суду и управлению. При разнообразіи отраслей государственной службы, требования отъ университетскихъ слушателей были также разнообразны. Уничтожилась дѣльность и единство юридической науки; каждый бралъ только извѣстную часть ея,

присоединяя къ ней свѣдѣнія, не имающія ничего общаго съ правомъ. Съ другой стороны, университеты потеряли свой строго-научный характеръ. Къ нимъ можно было примиѳить слова, которыми Деллингеръ, на Мюнхенскомъ юбилѣй 1-го августа текущаго года, характеризовалъ первые итальянскіе университеты: „на профессоровъ смотрѣли не какъ на жрецовъ науки, задачею жизни которыхъ было распространеніе культуры, изслѣдованіе и расширение человѣческихъ знаній; въ нихъ видѣли людей практическихъ, полезныхъ другимъ, но прежде всего самимъ себѣ, образующихъ медиковъ и дѣльцовъ, обучающихъ искусству давать лѣкарства и выигрывать процессы“.

Кромѣ указанія университетамъ исключительно практической цѣли, рядомъ съ ними учреждались особы школы, не стоявшія даже во вѣнчаной связи съ общими разсадниками высшаго образования, подчиненные тому или другому министерству и готовившія будущихъ судей и администраторовъ. Такое выдѣленіе особы школъ имѣло мѣсто и у настѣ, такъ какъ рядомъ съ юридическими факультетами возникли въ началѣ нынѣшняго столѣтія практическія училища, стоящія въ вѣдомства министерства народного просвѣщенія. Однимъ словомъ, подготовленіе практиковъ почти вездѣ стало на первомъ шагѣ и выѣснило научныи задачи высшей школы.

Нѣть сомнѣнія, что служебная дѣятельность требуетъ извѣстнаго рода свѣдѣній. Но не подлежитъ также сомнѣнію, что эти свѣдѣнія приобрѣтаются легко и скоро, если усвоены тѣ юридическія понятія, которыя даютъ орудіе для уясненія разнообразныхъ фактovъ жизни. Съ другой стороны, въ практикѣ каждого юриста можетъ встрѣтиться надобность въ такихъ знаніяхъ, которая не имающія ничего общаго съ правомъ; таковы, напримѣръ, свѣдѣнія сельскохозяйственныхъ, медицинскія, техническія, относящіяся къ религіознымъ сектамъ, къ народнымъ предразсудкамъ и проч. Пріобрѣтеніе основательнаго знакомства съ этой громадной энциклопедіей есть дѣло всей жизни, а не юридической школы.

Вводить предметы, ни по своему содержанію, ни по методу не сконные съ юриспруденціей, значитъ лишать школу ея единства и полноты, потому что все, стоящее въ области права, можетъ быть введено только въ ущербъ и на счетъ юридическихъ свѣдѣній. Безполезныхъ знаній не существуетъ, но специальное образованіе требуетъ сосредоточенія на одной отрасли: иначе не возможно ожидать его успѣха; четырехлѣтній курсъ, назначаемый для овладѣнія всѣми юридическими науками, едва достаточенъ для этой цѣли.

Въ виду вредныхъ послѣдствій смыкшія разнородныхъ наукъ въ одной школѣ, полагали возможнымъ достигнуть практическаго характера юридическихъ училищъ, сохранивъ за ними значеніе специальныхъ школъ, но ограничивая преподаваніе въ нихъ отечественными законами. Конечно, национальное право составляетъ весьма важный предметъ для юриста. Но не буква закона, не знаніе статей законодательного кодекса должны быть цѣлью изученія, а способность понять смыслъ и значеніе отдѣльныхъ дробныхъ положеній кодекса. Какъ бы ни было совершенно законодательство, оно никогда не представляетъ собою послѣдняго слова юридической жизни народа, въ немъ никогда не сосредоточивается весь матеріалъ права. Если юристъ ограничится изученіемъ действующихъ законовъ, то онъ не въ состояніи будетъ отнести къ нимъ свободно, освѣтить ихъ свѣтомъ научныхъ началь, внести свою долю въ дѣло ихъ усовершенствованія,

Вообще, тѣмъ болѣе школа станетъ преслѣдоватъ практическіе задачи, тѣмъ бѣднѣе будетъ ея вліяніе на практику. Время сколастики въ правѣ прошло безвозвратно. Опасеніе, чтобы наука оторвалась отъ действительной жизни и замкнулась въ отвлеченнѣй теоріи, не имѣть никакихъ основаній. Научно-образованный юристъ всегда окажется наилучше приготовленнымъ для практической дѣятельности; онъ дѣлается действительно проводникомъ юридическихъ воззрѣй и въ каждомъ положеніи закона и жизни будетъ способенъ понять юридическую ихъ сторону. Государство, придавая своей школѣ строго-научный характеръ, тѣмъ самымъ готовить образованныхъ практиковъ; напротивъ, понижая научный уровень юридического образования, оно подрѣбываетъ въ корыѣ возможность будущаго роста и науки и практики. Не въ государственномъ характерѣ школы, и въ поворотѣ ея на узко-практическій путь, въ недовѣріи въ науки, въ утилитарномъ взглѣдѣ на нее и въ неправильномъ пониманіи ея силы заключается поэтому причина тѣхъ сѣтованій, которыхъ высказываются относительно нынѣшніхъ юридическихъ школъ. Университету трудно удержаться на высотѣ науки, когда отъ него ожидаютъ и требуютъ только наложенія действующихъ законовъ, безъ ихъ критики и научнаго анализа, когда онъ низводится на степень изящей практической школы.

Страна, въ которой наука успѣла пустить глубокіе корни и находить себѣ опору въ вѣковыхъ преданіяхъ и во всемъ строѣ народной жизни, имѣть достаточно силъ, чтобы противостоять при-

ниженю школы практическими задачами. Но тамъ, гдѣ наука не успѣла еще окрѣпнуть, гдѣ интересъ къ ней существуетъ только въ зародышѣ, гдѣ легкомысленно требуютъ отъ всякаго знанія только материальной выгоды, — въ такой странѣ практическое направление школы неизбѣжно убить слабый, едва пробивающійся ростокъ духовной силы, погасить едвабрежущій свѣтъ мысли. Среди молодого, не уставившаго общества особенно важно поддержать строго-научный характеръ высшихъ училищъ, укрѣпить и охранить ихъ отъ напора случайныхъ требованій и задачъ, положить имъ въ основу твердый камень непреложнаго знанія.

Ярославское юридическое училище имѣть всѣ основанія надѣяться, что за нимъ будетъ сохранено вполнѣ значеніе высшей школы, привлеченной служить разсадникомъ юридического образованія. Въ истекшемъ году г. министромъ народного просвѣщенія учреждена новая каѳедра всеобщей исторіи права, на которую назначенъ профессоромъ Н. Н. Ворошиловъ; разрѣшено также ввести преподаваніе исторіи философіи права, для чего приглашены кандидатъ И. Е. Астафьевъ. Обѣ названныя науки не полагались во временномъ уставѣ; онѣ не имѣютъ непосредственнаго приложенія къ практикѣ, но въ системѣ юридического образованія имѣть принадлежитъ гораздо большее значеніе, чѣмъ популярныи очеркъ медицины и технологіи. Введеніе двухъ новыхъ наукъ въ кругъ лицейскаго преподаванія служить залогомъ того, что возникающее училище поддержится на высотѣ своего призванія, и что научный ея уровень не будетъ понижаться.

На сколько позволялъ личный составъ лицей, этотъ уровень поддерживался и въ истекшемъ году. Съ прибытиемъ изъ-за границы профессора П. Л. Карасевича, занявшаго каѳедру энциклопедіи права, профессоръ Капустинъ, преподававшій этотъ предметъ въ прошломъ году, принялъ на себя временно чтеніе всеобщей исторіи права; вновь назначенный профессоръ римскаго права Н. Л. Дювернуа читалъ исторію этого права, а преподаватель И. Ф. Ковалевъ излагалъ лицейское право. Такимъ образомъ, на первыхъ двухъ курсахъ юридическаго университета въ истекшемъ году преподавались, кроме богословія, слѣдующія науки: энциклопедія права (П. Л. Карасевичъ), институціи римскаго права (М. Н. Капустинъ), исторія римскаго права (Н. Л. Дювернуа), исторія русскаго права (М. Ф. Владимірскій-Будановъ), всеобщая исторія права (М. Н. Капустинъ), государственное право (Н. К. Нелидовъ), статистика (Н. Н. Ворошиловъ) и

полицейское право) И. Ф. Ковалевъ). Слѣдовательно, студенты успѣли выслушать курсъ науки, который служить основными и вводить ихъ къ изученію доктрины права.

Для занятія юридическихъ каѳедръ, которыхъ необходимы для полноты преподаванія, лицей имѣть въ виду шесть молодыхъ людей, выдержавшихъ экзаменъ на степень магистра, отправленныхъ съ высочайшаго соизволенія за границу и имѣющихъ возвратиться не позже начала будущаго учебнаго года, а именно: А. А. Борзенко, М. В. Духовскаго, И. Ф. Ковалева, Н. М. Миловидова и В. М. Соболевскаго; сверхъ того стипендіатами при лицѣй состоять А. Т. Кайдаловъ и И. В. Свиридовъ.

Кандидатъ Борзенко еще прежде настоящей своей командировкы провелъ болѣе года въ Вѣнѣ, гдѣ изучалъ гражданское право у Іеринга; затѣмъ въ теченіе двухъ семестровъ онъ слушалъ въ Гейдельбергѣ лекціи Виндштейда и Рено и къ осени послѣ экскурсій въ Парижъ и Лондонъ, перебѣгаетъ въ Берлинъ. Такимъ образомъ, готовясь къ занятію каѳедры гражданского права, г. Борзенко успѣеть воспользоваться совѣтами всѣхъ замѣчательныхъ представителей этой науки за границею. Кандидатъ Духовской долженъ возвратиться въ октябрѣ этого года; онъ успѣть прослушать лекціи уголовного права въ Гейдельбергѣ, въ Цюрихѣ и въ Лейпцигѣ. А. С. Посниковъ, изучающій политическую экономію, еще прежде ознакомился съ лекціями Ропера въ Лейпцигѣ и послѣдѣлъ другіе немецкіе университеты; въ настоящую полутора-годовую свою командировку онъ провелъ одинъ семестръ въ Вѣнѣ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ Лоренцъ-Штейна, затѣмъ лѣтній семестръ слушалъ лекціи и занимался статистикою въ Тюбингенѣ, въ настоящее время находится въ Англіи. Кандидатъ Миловидовъ лѣтомъ этого года слушалъ въ Мюнхенѣ у Планка лекціи судопроизводства, изученіе котораго составляетъ предметъ его специальныхъ занятій. Наконецъ, кандидаты Ковалевъ и Соболевскій провели лѣтній семестръ въ Вѣнѣ, занимались первый полицейскимъ правомъ, а второй финансовымъ. Говоря о занятіяхъ молодыхъ людей, готовящихся къ чтенію лекцій въ Демидовскомъ училищѣ, нельзя не вспомнить о томъ участіи, которое выказали къ нимъ профессора германскихъ университетовъ, въ особенности бывшій до послѣднаго времени въ Вѣнѣ (нынѣ въ Геттингенѣ) Рудольфъ, Іерингъ и Лоренцъ-Штейнъ; первый изъ нихъ не ограничивался совѣтами и руководствомъ въ занятіяхъ римскимъ правомъ, но указывалъ начинаяющимъ тѣ университеты, ко-

торые наиболее подходили къ ихъ специальности и снабжали ихъ письмами къ профессорамъ этихъ университетовъ. Обязательное со-
чувствіе Іеринга и Штейна облегчило кандидатамъ нашего лицея ихъ занятія и дало имъ возможность воспользоваться безъ потери вре-
мени всѣмъ, чтѣ представлютъ иностранные университеты для ихъ цѣли.

Посредствомъ приготовленія молодыхъ людей за границею юри-
дическое училище можетъ считать себя обеспеченнымъ относительно
полноты преподаванія, и слѣдовательно, найти возможный выдер-
жать приданый ему съ первого раза научный характеръ.

Но существуетъ еще вопросъ, тѣсно связанный съ университет-
ской жизнью и имѣтъ съ тѣмъ нассающійся государственного хара-
ктера школы и общаго законодательства страны. Мы разумѣемъ значеніе
университетскихъ дипломовъ или ученыхъ степеней для службы.

Вопросъ этотъ разрѣшается неодинаково въ различныхъ государ-
ствахъ, хотя до сихъ поръ не выработано окончательного мнѣнія по
этому предмету; такъ, въ настоящее время во Франціи происходить
работы комиссіи обѣ ученыхъ юридическихъ степеняхъ; изъ отрывоч-
ныхъ газетныхъ извѣстій нельзѧ составить себѣ опредѣленного поня-
тия о трудахъ этой комиссіи, работающей подъ предсѣдательствомъ
министра юстиції; несомнѣннымъ кажется одно,—что инышия си-
стемы выдачи дипломовъ будуть измѣнены въ пользу болѣе серіозныхъ
научныхъ требованій.

Относительно выдачи ученыхъ степеней университетами существуетъ
несколько системъ, отъ выбора которыхъ зависитъ во многомъ
и самое положеніе школы. Такъ, во Франціи опредѣляется закономъ
рядъ экзаменовъ, которые каждый студентъ обязанъ выдержать для
полученія извѣстной степени; въ Германіи существуетъ только одинъ
экзаменъ служебный и одинъ научный; наконецъ, въ Австріи рядомъ
съ испытаніемъ на ученую степень принять послѣдовательный рядъ
служебныхъ экзаменовъ.

Французская система признается въ самой Франціи весьма не-
удовлетворительной (ср. *D'bois, Réforme et la liberté de l'enseigne-
ment de droit. Paris, 1871*). Главный недостатокъ ея состоять въ
томъ, что предметы испытанія ограничиваются почти исключительно
французскимъ правомъ, а потому все университетское ученіе направ-
лено къ практическимъ цѣлямъ. Собственно говоря, это ученіе огра-
ничивается тремя годами: послѣ первыхъ двухъ лѣтъ приобрѣтается
степень бакалавра, послѣ третьего—лиценціата правъ. Для этой по-

слідній ступені требуется знаніє інституцій римського права, Наполеонова кодекса, французького уголовного, торгового і адміністративного права і громадського процесу. Четвертий годинний учення назначається тільки для желаючих приобрести ступень доктора, для отримання якої требуется знаніє римського права, французького громадського і залізничного, по вибору, або історії французького права, або міжнародного права (ср. *De Fontaine, Notice sur le doctorat en droit. Paris. 1857*). По новому проекту, що обов'язковий предметом присоединяється конституційне право; вибір двох предметів надається із політичної економії, фінансового права, французького обычного, каноніческого і торгового.

В Германії університети дають тільки докторську ступень, що відповідає тільки присвоєнію диплома, який дає право службових і пріобретеніх відповідно до диплома прав на використання відповідних служб. Службові екзамени проводяться в особых комісіях, учреждених при міністерствах; по розличній відомості вимагаються також і предмети іспитань, і для того, щоби підвергнутися такому іспитанню, достаточно представити доказательство слухання лекцій в університеті. Впрочем в Пруссії, по закону 1864 року, отримано умови обов'язкового посещення лекцій і службовий екзамен для поступаючих по судебному відомству стала обов'язковою слідуючіми предметами: філософію права, історію інституцій римського права, пандекты, історію німецького права, церковне і лічене право, прусське громадське і німецьке державне право, міжнародне, уголовне, громадський і уголовний процессы і основні поняття із політических наук. Слідованою, прусській службовий юридичний екзамен обирається практично всі предмети університетського курса і тільки проводиться при апеляційному суді, а не перед ученою корпорацією. Для екзамена докторського, або також называемого *rigorosum* сохранилось средневіковое правило об'єкти іспитання тільки із римського і каноніческого права.

Наконець, в Австрії существует три державені екзамени, які проводяться: перший (історико-юридичний) із римського і каноніческого права, із історії германського права і держави і із історії Австрії; другий (юридичний) із австрійського громадського права со включенням торгового і вексельного, із австрійського громадського процесу із уголовного права що процесом; наконець, в состав третього (політического) екзамена входять: політическа економія, фінансове право і статистика.

Австрии (министр. расп. 1857 г.; см. *Glossa, Sammlung der fuer die öesterreich. Universitäten gültigen Gesetze*. Wien, 1871, p. 372). Три rigorosa обнимаютъ собою: римское право, германское, ленное, каноническое, международное, австрійское гражданское и уголовное съ процессомъ, философию права и политическую экономию (законъ 1855. *ibid.* 326).

Изъ указанныхъ трехъ системъ обыкновенно даютъ предпочтение системѣ германской. Но едва-ли это предпочтение основательно. Правда, университетское учение по видимому освобождается отъ практическихъ задачъ. Но въ действительности служебные экзамены сосредоточиваются на себѣ всѣ занятія студента, лекціи же по наукамъ, не входящимъ въ его составъ, остаются безъ слушателей. На вредное влияніе этой системы указывалось въ Германии печатно (ср. *Glaeser's Jahrbücher für Staatswissenschaft*. 1865) и о немъ свидѣтельствуютъ многие изъ немецкихъ профессоровъ; весьма нѣрѣдко ихъ курсы остаются безъ слушателей только потому, что не входить въ составъ обязательныхъ. Изъ перечисленія предметовъ экзамена видно, что въ немъ существуютъ некоторые пропуски; между преподавателями проведено рѣзкое различіе: одни изъ нихъ избираются въ члены экзаменационной комиссіи, другіе ограничиваются чтеніемъ лекцій для желающихъ.

Вообще существуетъ ошибочное мнѣніе, будто учение идетъ устѣнчивѣе, если функция экзаменатора отдѣляется отъ функции профессора, и если членами испытательной комиссіи будутъ избираться изъ лицъ, не принадлежащихъ къ университетской корпораціи. Опытъ показываетъ, что и въ Австрии, и въ Пруссіи правительство принуждено обращаться къ профессорамъ для производства экзаменовъ; но независимо отъ этого, испытаніе и преподаваніе нераздѣльно связаны другъ съ другомъ. Посторонній экзаменаторъ обыкновенно ограничивается или слишкомъ общими вопросами, или же сосредоточивается на какой-либо подробности, такъ что отрѣть кандидата зависитъ совершенно отъ случая. Несомнѣнно, что только лицо, налагающее штрафъ, можетъ судить о степени ея усвоенія, различить существенное отъ менѣе важнаго, удостовѣриться въ достаточности приобрѣтенныхъ студентомъ свѣдѣній. Съ другой стороны экзаменъ есть необходимое дополненіе лекцій. „Я смотрю на него,“ справедливо говорить Дюбуа (*ibidem*, 85), „—какъ на обязанность профессора, какъ на естественное и необходимое завершеніе его призванія, а не какъ на прерогативу, ему принадлежащую“. Испытанія служать однимъ изъ педагогическихъ средствъ, и было бы вредно лишить профессора возможности

удостовіриться, на сколько слушатель усвоилъ изучаемый имъ предметъ. Нельзя также оставить безъ вниманія вредъ, происходящій отъ раздѣленія курсовъ на обязательные и факультативные; іерархія между науками немыслима: всѣ науки, образующія правовѣдіе, равно необходимы и существенны для учащагося, иначе ихъ не слѣдуетъ вводить въ юридическую школу. Несомнѣнно, въ области права существуютъ свои основныя науки; можетъ быть полезно было бы не дробить чрезмѣрно науку на ея части; но разъ введеній въ систему преподаванія предметъ юридически долженъ получить положеніе равное съ прочими; большее или меньшее значеніе предмета выражается въ количествѣ назначаемыхъ для него каѳедръ, а не въ разліткѣ обязательныхъ и необязательныхъ наукъ. Нѣмецкая система производить двойственность ученія, и даже въ Германіи, съ ея научнымъ богатствомъ, она привела къ пониженню уровня университетовъ.

Система французская, основанная на исключительно-университетской экзаменѣ, въ этомъ смыслѣ удовлетворительна; но недостатокъ ея заключается, вонпервыхъ, въ ограниченномъ числѣ предметовъ, входящихъ въ составъ испытаній, и во вторыхъ, въ дробленіи одного предмета на нѣсколько частей; такъ, напримѣръ, экзаменъ изъ гражданскаго права составляетъ нѣсколько отдельныхъ, слѣдующихъ въ порядкѣ статей кодекса; бакалавръ изучаетъ однѣ статьи, лиценціатъ другія и т. д. Если вспомнить, что степень лиценціата даетъ право на занятіе должностей въ прокуратурѣ и магистратурѣ, то нельзя не удивляться крайней ограниченности научныхъ требованій при вступлениі на службу во Франції. Число получающихъ степень доктора во всѣхъ юридическихъ факультетахъ или училищахъ правовѣдія (*écoles de droit*, какъ ихъ стали называть во Франціи съ 1804 г.) весьма незначительно: въ провинціальныхъ факультетахъ ежегодно удостоивается степени доктора не болѣе трехъ или четырехъ лицъ.

Въ нашихъ новыхъ судебныхъ уставахъ положено наиболѣе основаніе для научныхъ требованій отъ поступающіхъ на службу: доказательствомъ теоретическихъ свѣдѣній служить окончаніе курса въ юридическомъ факультетѣ, въ училищѣ правовѣдія или въ лицѣ; для приобрѣтенія практическихъ свѣдѣній установлено званіе кандидатовъ на судебнныя должности. Такимъ образомъ экзамены теоретические возложены на школу, чтѣ вполнѣ вѣрно. Для обеспеченія противъ возможныхъ случайностей при выдачѣ дипломовъ, возможно бы прибавить къ существующему закону одно постановленіе: опредѣлить тѣ науки, безъ знанія которыхъ не можетъ быть выдаваемъ

дипломъ. Странно предположить себѣ кандидата юридическихъ наукъ, не слушавшаго и не державшаго экзамена, напримѣръ, изъ гражданскаго права. На факультетѣ лежитъ отвѣтственность за полноту преподаваемой, и лишеніе права выдать дипломовъ побудило бы его заботиться о пополненіи своего личнаго состава. Правило, существующее для магистерскаго экзамена, легко можетъ быть приложено и къ кандидатскому испытанию.

При научномъ характерѣ юридической школы и при возложеніи на нее обязанности производить теоретическіе экзамены, несомнѣвѣстна таъль-называемая свобода ученія (*Lehrfreiheit*). Если подъ нею разумѣть возможность слушать какой-либо курсъ изъ нѣсколькихъ по одному и тому же предмету, то она въ высшей степени полезна. Въ Германіи такой выборъ приложимъ на практикѣ, потому что каждый профессоръ имѣеть право открывать чтенія по всѣмъ предметамъ факультета; это право могло бы быть предоставлено съ огромною пользою и въ другихъ странахъ, хотя у насъ трудно ожидать, чтобы многие профессора воспользовались имъ въ интересахъ научной конкуренціи. Но подъ свободой ученія разумѣется еще возможность для слушателей избирать тѣ или другія юридическія науки и порядокъ ихъ изученія.

Собственно говоря, свобода въ этомъ смыслѣ прилагается вполнѣ только въ Америкѣ, гдѣ университеты не даютъ дипломовъ; каждый студентъ избираетъ для слушанія тѣ предметы, которые находить нужными для своей будущей профессіи. Но Америка едва-ли можетъ служить образцомъ для другихъ странъ, впервыхъ, по незначительному числу студентовъ-юристовъ (например, въ Гарвардскомъ университете ихъ не болѣе 15-ти; ср. *Hippocrate, L'instruction publique aux Etats-Unies, Paris, 1872, p. 251*); во вторыхъ, потому что сравнительно всѣма немногіе проходятъ полный четырехлѣтній курсъ юридическихъ наукъ: въ Нью-Йоркской коллегіи изъ 458 студентовъ остается только 31 послѣ трехъ лѣтъ ученія (*ib. 275*). Въ Германіи свобода ученія ограничивается опредѣленіемъ обязательнаго штапитимъ еженедѣльно слушаемыхъ лекцій; въ Австріи къ этому присоединяется регламентация экзаменовъ.

Вообще едва-ли слѣдуетъ обольщаться приразомъ свободы ученія. Съ нею неразрывно соединена бесполезная потеря времени при отысканіи самимъ студентомъ порадка и системы занятій. Дисциплина, которая дается школою, ничѣмъ не замѣнима; принужденіе, которое основано не на произволѣ, а на существѣ дѣла, оказывается

всегда благотворнымъ для учащихся; свобода учения въ большей части случаевъ тождественна съ беспорядочностью учения. Заводъ постепенности прилагается вполнѣ къ учебнымъ занятиямъ; юридическая наука тѣсно связана между собою такъ, что, не усвоивъ себѣ одной изъ нихъ, нельзя обращаться къ изученію другой. Предоставить самимъ студентамъ опредѣлять порядокъ занятій значитъ подвергать ихъ понапрасну ошибкамъ и затруднить имъ достиженіе цѣли. Обыкновенно ссылаются на успешные результаты свободы учения въ Германіи. Дѣйствительно, въ средѣ германского юношества эта свобода весьма долго не распашивала университетской жизни; но вотъ что сказалъ недавно ректоръ Мюнхенскаго университета Деллингеръ о свободѣ учения: „Въ Америкѣ и въ Англіи все убѣждены, что юноши должны подчиняться дисциплинѣ для того, чтобы разумно пользоваться свободою по достижениію зрѣлого возраста. Англія пріняла въ послѣднее время многіе изъ нашихъ академическихъ порядковъ себѣ въ образецъ и преобразовала свое преподаваніе, преимущественно увеличивъ число каѳедръ. Не слѣдуетъ ли и намъ подражать Англіи и приспособить англійскую систему коллежей въ условіяхъ нашего быта? Не были ли бы намъ благодарны за это тысячи отцовъ, матерей и сыновей? Я ограничиваюсь только возбужденіемъ этого вопроса и предлагаю подумать о немъ нашимъ гостямъ и друзьямъ“ (рѣчь 1-го августа 1872 года).

Наша система ежегодныхъ экзаменовъ имѣетъ значительные преимущества; она сосредоточиваетъ занятия студента на извѣстныхъ предметахъ, слѣдующихъ въ опредѣленной постепенности, основанной на существѣ самихъ наукъ. Въ наступающемъ учебномъ году Демидовскій юридический факультетъ переходитъ во вторую половину своего курса, хотя на первый разъ не было возможности расположить все преподаваніе въ томъ порядке, который соотвѣтствуетъ постепенности наукъ. Впрочемъ студенты будутъ имѣть средства выслушать въ теченіе двухъ оставшихся имъ лѣтъ полный курсъ юридическихъ наукъ, такъ какъ ожидается значительное увеличеніе личнаго состава преподавателей; политическую экономію и гражданское право, которые должны бы предшествовать наукѣ о финансахъ и процессу, они станутъ изучать на послѣднемъ курсѣ, а для избѣжанія накопленія предметовъ международное право перенесено въ настоящемъ году на третій курсъ. Эти отступленія отъ строгаго научнаго порядка оказались неизбѣжными въ началѣ дѣятельности лицея; притомъ они не такого свойства, чтобы затруднить самое учение:

энциклопедія права и всѣ историко-юридическія науки или впередъ, догма же различныхъ отраслей права можетъ быть изучаема въ томъ или другомъ порядкѣ почти безразлично.

При опредѣленномъ порядкѣ изученія юридическихъ наукъ, весьма важно сохранить также ихъ цѣльность, которой противурѣчить, съ одной стороны, дробленіе въ самой области правовѣдѣнія, а съ другой—присоединеніе къ право свѣтскій непорядническихъ. Всѣ комбинаціи, имѣвшія цѣлью образование въ средѣ юридическихъ наукъ особыхъ отдѣловъ, оказывались искусственными и имѣли мнимо-практический характеръ. Въ юридическомъ факультетѣ должны быть изучаемы всѣ юридическія науки и не слѣдуетъ вводить ничего, стоящаго вънѣ ихъ области. Въ Германіи, впрочемъ, линь въ специальныхъ техническихъ училищахъ предметы преподаванія иногда дѣлятся на приготовительные, главные и вспомогательные (*begründende*, *Hauptfächer* и *Hilfsfächer*), но классы ординарныя назначаются только для главныхъ предметовъ (ср., напримѣръ, уставъ Вѣнской землемѣрческой школы, 6-го іюня 1872 года). При отсутствіи определенного срока пребыванія въ высшей школѣ, такое дѣление не можетъ принести большаго вреда; но тамъ, где университетскій курсъ разчитанъ на четыре года, въ специальной школѣ не можетъ быть места ничему иному, кроме ея специальности. Право со всѣми его отраслями представляетъ единое, недробимое цѣлое; оно способно исключительно сосредоточить на себѣ всю дѣятельность учащагося, который постепенно овладѣваетъ всемъ областю юридической науки. Развѣ выйдя за предѣлы этой области, нельзя опредѣлить границы „пригодныхъ“ или такъ-называемыхъ побочныхъ предметовъ (*Nebenfächer*): право касается всѣхъ сторонъ жизни, обнимаетъ собою всѣ ея проявленія, а потому вся область человѣческихъ знаній могла бы быть пріурочена къ юридическому факультету и дисциплина школы могла бы оказалася невыполнимою, ибо изгладится ея предѣлы.

Доброе вліяніе дисциплины не ограничивается одною правильностью объема и порядка ученія. Оно выражается главнымъ образомъ въ пост到达номъ отчетѣ, который даетъ себѣ учащийся, въ возможности опредѣлить всегда пройденный путь, ориентироваться въ своихъ занятіяхъ. Напрасно думаютъ, будто частные экзамены внутри школы предадутъ самостоятельности работы (*Wurm*, *Zur Reform der juridisch-politischen Studien*. Wien, 1870, р. 80). На противъ того, только студентъ отчетливо усвоившій себѣ курсъ лекцій, становится способнымъ работать надъ наукой; онъ непремѣнно получитъ охоту разъяснить себѣ

известный вопросъ, войти въ глубь его, ознакомиться съ его трудностями, проникнуться вполнѣ его интересомъ. Справедливо прививается за экзаменомъ характеръ педагогического средства: пока учащийся не дастъ себѣ отчета въ своихъ знаніяхъ, эти знанія будутъ всегда призрачными, поверхностными, они не сдѣляются его полной собственностью, а будутъ оставаться въ кратковременномъ владѣніи, безъ юридической санкціи. Студенту, слушающему лекціи, представляется нерѣдко, будто онъ овладѣлъ извѣстною суммой свѣдѣній и можетъ идти далѣе; ему кажется возможнымъ обнять весь курсъ юридическихъ наукъ, безостановочно переходя отъ одной въ другой и довольствуясь лишь тѣмъ впечатлѣніемъ, которое воспринято имъ отъ живого слова профессора. Такое заблужденіе разсѣется тотчасъ, если молодой человѣкъ поставленъ будетъ въ необходимости доказать свои свѣдѣнія: онъ увидитъ, что для этого нуженъ трудъ довольно значительный, что казавшееся извѣстнымъ въ сущности неясно и смутно, что мимолетное впечатлѣніе изглаживается скоро, и что поэтому необходима серіозная работа для овладѣнія знаніемъ. Годичный срокъ составляетъ тіоціши для опредѣленія времени, въ которое должны слѣдоватъ экзамены; нужно, чтобы студентъ не приступалъ къ изученію новой юридической науки, не убѣдившись напередъ въ томъ, что имъ вполнѣ усвоены тѣ, которыхъ онъ слушалъ. Безъ вѣнчанаго принужденія, выражавшагося въ экзаменѣ, нельзя ожидать, чтобы молодой человѣкъ уѣхалъ въ самообольщениіи и во-время отрекся отъ него, чтобы онъ созналъ, на сколько для него вредна попытка идти впередъ безъ оглядки и какъ необходимо остановиться.

Существуетъ только одно средство для студента облегчить свой экзаменъ и сдѣлать его нечувствительнымъ. Оно состоить въ самодѣятельности, въ производствѣ каждымъ самому себѣ испытанія, въ постоянной научной работѣ. Какъ бы ни былъ полонъ курсъ лекцій, какое бы количество знаній ни воспринялъ студентъ отъ преподавателя, ему необходимо повѣрить воспринятые имъ выводы, ознакомиться съ источниками науки, сопоставить нѣсколько мнѣній, расширить свой умственный горизонтъ. Нѣть ничего увлекательнѣе и болѣе освѣжающаго, какъ такая работа надъ источниками, при которой учащийся сознаетъ свои духовныя силы и приобрѣтаетъ закалъ дѣйствительной научной свободы, откѣпленія отъ случайно-воспринятаго мнѣнія и навѣянной мысли; только этимъ здоровымъ трудомъ воспитывается человѣкъ, умѣющій войти въ глубь каждого вопроса, а не скользящій по его поверхности; только посредствомъ его укрѣпляется умственная

и нравственная стойкость мысли, способная противостоять всякому напору случайной волны и не отступающая позорно передъ всякою силою ложью. Цѣль ученика въ школѣ состоять не въ томъ, чтобы, по русскому выражению, „нахвататься знаний“, а въ свободномъ отношеніи къ нимъ, то-есть, въ полномъ обладаніи ими. Пройдетъ многоя лѣтъ, забудется многое, но навсегда останется въ памяти это свѣтлое время первого самостоятельного научного труда, это первое сознательное слово юноши; изъ далекаго прошлаго въ немъ слышнимъ мы ободрение, оно даетъ намъ новые силы на борьбу, оно подымаетъ нашъ духъ, нуждающійся въ поддержкѣ, переносить въ лучшую пору жизни. Пожалѣть о своемъ легкомыслии вскій, кто даромъ изжилъ эту пору, лишивъ себя свѣтлого воспоминанія, не приготовивъ для себя нравственной опоры и силы.

Возбужденіе самодѣятельности студентовъ составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей преподаванія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніе той связи, которая воинствуетъ и поддерживается между профессорами и студентами. Слѣдить за учащимися, входить въ его умственную потребности, побуждать къ умственному труду, — въ этомъ заключается тяжелое бремя и вмѣстѣ великая сила профессорского призыва. Неравнодушно относится преподаватель къ слушателю; онъ предлагается帮忙ъ своихъ знаний и опыта молодымъ людямъ, пришедшими искать знаний; благодарно относится также слушатель къ преподавателю, уверенный въ томъ, что отъ него требуютъ труда и стараются убѣдиться въ приобрѣтенныхъ имъ свѣдѣніяхъ лишь съ цѣлью оказать содѣйствіе и помочь; скрывать свое незнаніе значитъ то же, что сохранять болѣзнь внутри своего тѣла,—она можетъ быть не замѣчена во времени, но отъ этого ея разрушительная сила не уменьшится, а лишь окрѣпнетъ.

По видимому, теперь вся убѣдились въ той неоспоримой истинѣ, что школа, на какой бы высотѣ она ни стояла, не можетъ отказаться отъ воспитательного своего значенія, что въ ней всегда есть учителя и ученики, а не люди чужие другъ другу. Повсюду высказывается желаніе, чтобы преподаваніе не ограничивалось однимъ чтеніемъ лекцій, но чтобы въ юридическихъ факультетахъ учреждались конверсаторіи, чтобы вводимы были такъ-называемыя *relatoria* и проч. (*Wurmb*, ibid., 92). Въ Страсбургѣ на зимній семестръ наступающаго учебнаго года, между прочимъ, объявлены политико-экономический семинарій Шмollerомъ, чтеніе источниковъ французскаго права Бруннеромъ, объясненіе текста пандектовъ Бремеромъ, практическія занятія по

гражданскому и уголовному праву Виндингомъ, Лабандомъ и Шульце. Нельзя не привѣтствовать такого явленія въ новомъ университѣтѣ, который свободнѣе другихъ можетъ прилагать вѣрныя педагогическія начала. Безъ руководства со стороны профессора, предоставленной самому себѣ, студентъ не въ состояніи воспользоваться всѣмъ тѣмъ богатствомъ средствъ, которыя предлагаетъ ему школа, онъ превратится въ „вольнаго слушателя“, то-есть, въ дилетанта, имѣющаго въ виду развлеченіе, а не серіозное дѣло. Члены возникающаго юридического факультета въ Ярославлѣ старались сохранить за нимъ вполнѣ характеръ высшаго училища. Не ограничиваясь чтеніемъ лекцій, они имѣли въ виду побудить студентовъ къ самостоятельному изученію научныхъ трудовъ, предлагая имъ составленіе конспектовъ, извлеченій, переводы и проч. Опытъ доказалъ всю пользу подобнаго рода занятій: изъ 70 студентовъ 2-го курса 62 выдержали удовлетворительно испытаніе и переведены на 3-й курсъ; остальные 8 по болѣзни не держали вовсе экзамена или не окончили его. Можно надѣяться, что процентъ не являющихся къ экзамену въ маѣ иѣсяцѣ со временемъ будетъ уменьшаться: для студентовъ, работающихъ постоянно въ теченіе года, случайность болѣзни почти не существуетъ; они избавляютъ себя отъ усиленного и изнурительного приготовленія къ экзамену, разлагая свой трудъ на цѣлый годъ и приобрѣтая притомъ болѣе основательные снѣдѣнія. Вообще результаты экзаменовъ въ нынѣшнемъ году гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ. Это доказываетъ, что студенты сознаютъ пользу той научной дисциплины, которая положена въ основаніе лицейской жизни, и поощряетъ преподавателей не останавливаться на томъ, что сдѣлано, но идти далѣе въ окасаніи помощи студентамъ при ихъ занятіяхъ.

Итакъ, экзамены необходимы учащимся не только при выходѣ изъ школы въ дѣятельную жизнь, какъ доказательство способности и специальныхъ знаній для исполненія общественныхъ обязанностей, но они служатъ непремѣннымъ условіемъ правильнаго хода занятій внутри школы, указаніемъ постепенного роста учащихся, къ которому пріурочивается самое преподаваніе. Обязанность экзаминатора тажела; отъ этой функции каждый отказался бы съ охотою, если бы руководствовался только личными интересами, если бы не имѣть въ виду интересъ школы и учащихся: безъ обязательныхъ экзаменовъ и работъ исчезаетъ понятіе о школѣ и университетское преподаваніе превращается въ публичное чтеніе.

Обращаюсь къ числовымъ даннымъ, относящимся къ Демидовскому
ЧАСТЬ CLXIII, отд. 4.

юридическому факультету, прежде всего необходимо остановиться на количествѣ преподавателей и учащихся. Въ истекшемъ году въ лицѣ состояли: законодатель, одинъ ординарный профессоръ, пять экстраординарныхъ и одинъ преподаватель; слѣдовательно, чтеніе лекцій на двухъ курсахъ распредѣлялось между восемью лицами.

Общее число студентовъ на этихъ двухъ курсахъ къ концу истекшаго учебнаго года было 139, въ томъ числѣ на 1-мъ курсѣ 68 и на второмъ 71. Такимъ образомъ изъ 122-хъ студентовъ, принятыхъ въ 1870 году, къ концу 2-го учебнаго года осталось менѣе двухъ третей; прочіе или выбыли для поступленія на службу (въ числѣ 19-ти), или перешли въ другіе университеты (въ Московскій 19, въ Петербургскій 8, въ Харьковскій 1, въ медико-хирургической академію 1); изъ перешедшихъ въ университеты семеро оказались неспособными къ продолженію ученія, то-есть остались на томъ же курсѣ, а шестеро вовсе не слушали лекцій въ лицѣ. Изъ вновь поступившихъ въ 1871 году студентовъ выбыло сравнительно менѣе, именно 9; изъ другихъ университетовъ и академій перешло въ лицѣ 10 студентовъ.

Трудно сказать съ полной опредѣлленностью, какими обстоятельствами условливается указанное передвиженіе учащихся. Оно составляетъ неизбѣжное явленіе въ началѣ учебнаго курса и нерѣдко, кромѣ семейныхъ обстоятельствъ и экономическихъ соображеній, зависить отъ сознанія молодыхъ людей въ ошибкѣ при избраниіи специальныхъ занятій; въ этомъ послѣднемъ случаѣ чѣмъ скорѣе будетъ исправлена ошибка, тѣмъ лучше: не имѣющій призванія или способности къ изученію права поступить благородѣмъ, если не станетъ медлить перемѣнною своей специальности и вообще избраніемъ другого рода дѣятельности. Высшая школа имѣть свои задачи, отъ которыхъ отступить не можетъ; она предлагаетъ научныя свѣдѣнія тѣмъ, кто свободно желаетъ воспользоваться ими и кто способенъ усвоить ихъ. На училищѣ лежитъ серіозная ответственность за выдаваемые имъ дипломы и обязанность заботиться о качествѣ, а не о количествѣ учащихся. У насъ вошло въ обычай оцѣнивать, во что обходится воспитанникъ того или другаго учебнаго заведенія, и на основаніи такой оцѣнки произносить приговоръ о пригодности училища. Но при этомъ забываются ту цѣнность, которую представляетъ собою учебное заведеніе, какъ разсадникъ образования, и то вліяніе, которое оказывается имъ на движение науки, на улучшеніе нравовъ, на поднятіе общаго уровня народной жизни. Производительность училища измѣ-

растется не однимъ приготовлениемъ наивѣтнаго числа кандидатовъ; оборотъ его умственнаго капитала гораздо обширенъ, его итогъ нельзя подводить ежегодно, потому что онъ оказывается нерѣдко лишь по истечениіи долгаго времени и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ, трудно-уловимыхъ и невѣсомыхъ цѣнностяхъ. Стремиться къ экономіи государственныхъ средствъ есть великая обязанность каждого, но не менѣе важную обязанность составляетъ также забота объ увеличеніи умственнаго капитала страны, проценты съ котораго растутъ со всякимъ новымъ поколѣніемъ. Молодое, нетерпѣливое общество не скоро привыкаетъ къ сложнымъ разчетамъ народнаго богатства и склонно къ сосредоточенію на одной сторонѣ какого-либо вопроса, къ увлечению тѣмъ, чтѣ наиболѣе осязательно; между тѣмъ необходимо помнить, что умственные плоды зрячутъ медленно, они требуютъ долгаго ухода, но за то ихъ не источитъ червь. Наука права существуетъ давно; ея силы испытаны, и юристъ далекъ отъ юношеской исключительности; онъ привѣтствуетъ съ любовью развитіе всякаго знанія, какъ выраженіе человѣческаго духа, какъ лучшій плодъ жизни; онъ сознаетъ, что притязаніе одной науки на господство надъ прочими есть признакъ шаткости и неуѣренности въ дѣйствительной силѣ.

Ярославскій юридическій факультетъ, существующій только два года, не можетъ, конечно, указать на результаты своей дѣятельности, такъ какъ нельзя определить заранѣе число студентовъ, которые окончатъ въ немъ курсъ. Онъ не можетъ также указать на значительное накопленіе научныхъ богатствъ, которыхъ имъ вызваны. Его дѣятельность прежде всего выпадо на долю положить основаніе учебному плану и способамъ преподаванія, при чемъ они руководствовались интересомъ науки и находили поддержку и одобрение въ своихъ начинаніяхъ со стороны г. министра народнаго просвѣщенія, по мысли которого преобразованъ лицей и указаніямъ котораго онъ слѣдовалъ.

Не смотря однако на краткій періодъ существованія факультета, всѣ его члены безъ исключенія успѣли сдѣлать свои вклады въ юридическую литературу. Органомъ ихъ ученыхъ трудовъ былъ *Временникъ*, три книги котораго уже готовы, двѣ отпечатаны и третья оканчивается печатаніемъ. Въ нихъ, кроме небольшихъ статей, касающихся вопросовъ юридического образования, помѣщены слѣдующіе труды: проф. Владымирска-Буданова „Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ 1-й“; пр. Ворошилова „Ученіе о раздѣленіи властей въ государствѣ“; пр. Дювернуа „О значеніи римскаго права для

руссскихъ юристовъ"; пр. Капустина, „Курсъ лекцій исторіи права, часть 1-я и конспектъ лекцій по международному праву" (имъ же составлялась лѣтопись лицея въ 1-й и 3-й книгахъ); пр. Карасевича, Введение въ энциклопедію права; пр. Нелидова, „Наука о государствѣ, какъ предметъ высшаго специального образования". Независимо отъ трудовъ, помѣщенныхъ во *Временини*, пр. Карасевичемъ напечатаны: сочинение „Гербартъ и его школа" и переведенная подъ его редакціей студентомъ лицея Линденбратеномъ „Энциклопедія права" Шуты.

Изъ этого перечня видно, что печатные труды преподавателей факультета главнымъ образомъ назначались для студентовъ; составъ *Времениника* выражалъ болѣе или менѣе точно тѣ вопросы, къ которымъ пріурочивалась жизнь нового училища; они заключали въ себѣ преимущественно пособія для учащихся.

Учебныя пособія въ тѣсномъ смыслѣ ограничиваются въ юридическомъ училищѣ библиотекою, которая обогатилась новыми весьма цѣнными приобрѣтеніями, благодаря усиленію ея денежныхъ средствъ. Къ 1-му августа этого года общее количество книгъ простипалось до 3764 №, при чмъ подъ однимъ нумеромъ значатся первою многотомная сочиненія, какъ напримѣръ, сборникъ парламентскихъ прѣній Гансарда, состоящій изъ 313 томовъ. Трудами библиотекара Н. Н. Балкашина всѣ книги расположены въ порядокъ, и имъ составленъ каталогъ, который печатается въ настоящее время, сюда вошли книги, приобрѣтенные съ 1870 года, а также принятые изъ библиотеки упраздненнаго лицея. Къ каталогу составляется систематический указатель. Кто знакомъ съ библиотечнымъ дѣломъ, тотъ пойметъ, съ какими трудностями сопранено приведеніе книгъ въ определенный порядокъ, чтобы можно было найти каждую изъ нихъ и во всякое время провѣрить ихъ наличность. Цѣль эта достигнута вполнѣ, благодаря принятой нынѣ системѣ; каждому желающему легко ознакомиться со всѣмъ богатствомъ собранія юридическихъ книгъ, принадлежащаго лицѣю. Кромѣ главной библиотеки образованъ особый отдѣлъ изъ основныхъ сочиненій русскихъ и иностраннѣхъ, въ количествѣ болѣе трехъ сотъ томовъ, которыхъ выдаются студентамъ для чтенія на дому; всѣми прочими книгами безъ исключенія они могутъ пользоваться въ зданіи лицея. Изъ 140 студентовъ получали книги для чтенія у себя на дому 115; наибольшее число прочитанныхъ однимъ студентомъ сочиненій въ теченіе года было 19; всѣхъ выдачъ произведено 676, при чмъ требовалось 182 различныхъ со-

чиненій. Преимущественно читались студентами: курсы гражданского права Побѣдоносцева и Мейера, энциклопедія права Неволина и Аренса (въ переводе). Этими указанными лицей пользуется для пополненія отдѣла книгъ, назначаемыхъ исключительно для студентовъ: оказывается необходимымъ пріобрѣсти наиболѣе требуемыя книги въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Внутреннему порядку библиотеки соответствуетъ въ настоящее время и ея вицѣальное помѣщеніе. Въ теченіе нынѣшняго года, съ разрѣшеніемъ г. министра, произведены постройки, значительно улучшившія комнаты, въ которыхъ находятся библиотека и аудиторіи; устроена новая просторная читальня, прибавлена одна зала библиотеки, для которой потребовались новые шкафы; повсюду сдѣланы вентиляція, новые рамы и паркетные полы; къ двумъ третямъ зданія по второму и третьему этажамъ приспособлено отопленіе духовыми печами нового устройства; вдоль зданія лицея проведена мостовая. Всѣми этими постройками достигается двойкая цѣль: удобство и экономія въ содержаніи дома. Понятно сохраненіе той старинны, съ которой соединяются извѣстныя воспоминанія и преданія; можно примириться съ нѣкоторыми неудобствами старой Итонской скамейки, если на ней дѣтской рукой Питта или Фокса вырѣзаны ихъ имена; но странно лишать себя удобствъ чистоты, экономіи и простора ради сохраненія ветхостей, съ которыми не связано никакихъ преданій, кроме напоминанія о зимнихъ холодахъ и вьюгахъ.

Есть въ Ярославлѣ памятникъ, съ которымъ соединено незабываемое имя Демидова, равно дорогое и прежнему лицю, и новому факультету. Рукою времени и еще болѣе руками человѣческими уничтожены всѣ признаки, по которымъ можно было бы распознать, что этоъ „мѣдный столбъ“, какъ называютъ его въ народѣ, воздвигнутъ Ярославскимъ дворянствомъ одному изъ дворянъ, давшему благородѣйшее назначеніе своимъ денежнымъ средствамъ. Въ средѣ студентовъ прежняго лицея возникла мысль о возобновленіи памятника Павлу Григорьевичу Демидову, и 6-го декабря 1868 года Высочайше разрѣшено открыть подписку съ этой цѣлью между бывшими студентами. Въ настоящее время капиталъ, образовавшійся пожертвованіями, достигъ 786 рублей, и есть надежда, что имя Демидова снова и болѣе прочно будетъ начертано на воздвигнутомъ ему памятнику. Лучшую эмблему того, что сдѣлано основателемъ лицея, учредителемъ нѣсколькихъ стипендій въ Московскомъ университѣтѣ и жертвователемъ на не осуществившійся университѣтъ Тобольскій, было бы, ка-

щется, устройство нѣсколькихъ фонарей около памятника, свѣтъ которыхъ падать бы на зданіе лицѣа и на городъ.

Едва-ли можно обвинить въ излишней самонадѣянности составителя лѣтописи, если онъ выразить надежду на то, что свѣтъ иного рода распространится и отъ юридического факультета. Существование высшей школы въ городѣ, присутствіе въ ней извѣстнаго числа лицъ, избравшихъ науку предметомъ своей специальной дѣятельности, изданіе сборника ученыхъ статей, иаконецъ, привлеченіе въ городъ молодыхъ людей изъ другихъ мѣстностей—все это не можетъ оставаться безслѣднымъ. Положеніе „университетскаго города“ имѣть свои добрыя стороны. Прошло время тѣхъ студенческихъ нравовъ, которые когда-то въ Германии вызывали въ горожанахъ недоброжелательство въ буйной молодежи. Самообладаніе и дисциплина составляютъ необходимое условіе учащагося юношества: въ этой дисциплинѣ крѣпнетъ воля, образуется характеръ, воспитывается свобода и добрые нравы, отсутствіе которыхъ было бы особенно печально встрѣтить въ юношахъ, посвятившихъ себя учению, обязанныхъ честно стоять подъ знаменемъ науки, дорожить имъ и охранять его отъ всякой грави. Съ справедливымъ удовольствіемъ лѣтопись можетъ занести на свои страницы тотъ фактъ, что студенты юридического факультета не забывали своего честнаго званія. Только по недоразумѣнію имъ присыпались иногда поступки, совершенные молодыми людьми, не принадлежащими къ лицѣю и безъ всякаго права присвоившими себѣ имя студента. Каждый воспитаникъ юридического училища получаетъ билетъ за подпись директора, служащей доказательствомъ его званія, въ которомъ поэтому всегда легко удостовѣриться. Юридически понятіе о студентѣ прилагается лишь къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые дѣйствительно пользуются факультетскимъ ученiemъ и подчиняются дисциплинѣ училища; поэтому, строго говоря, не существуетъ прошедшихъ студентовъ, и во вскомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о студентахъ будущихъ: какъ ни похвально желаніе поступить въ высшее училище, но оно не даетъ само по себѣ никакихъ правъ и менѣе всего право бросать тѣнь на школу. Въ интересахъ истины можно надѣяться, что недоразумѣнія, могущія возникнуть по поводу студентовъ, разъяснятся сами собою; съ этимъ разъясненiemъ связаны интересы новой школы, которая не можетъ оставаться равнодушною къ мнѣнію о ея воспитанникахъ и къ нравственному уровню послѣднихъ. Можно надѣяться также, что частная предпримчивость обратится къ устройству квартиръ для студентовъ; издергки на во-

забновленіе нѣвторорихъ развалившихъ домовъ въ городѣ съ избыточною покрытіемъ бы платоу за помѣщеніе молодыхъ людей. Отсутствіе квартиръ, прымѣненныхъ къ быту и средствамъ учащихся, представляетъ собою важное неудобство, которое не всякий можетъ преодолѣть.

Съ чувствомъ признательности літопись вносить на свои страницы доказательства того сочувствія, которое выражается недавно возникшему учрежденію. Лицейскій актъ передъ началомъ истекшаго года почтили своимъ присутствіемъ весьма многіе члены Ярославскаго общества; преосвященнѣйшій архіепископъ Ниль совершилъ литургію въ лицейской церкви и оставался все время на актѣ; 22-го сентября его Императорское Высочество князь Сергій Максимиановичъ посѣтилъ зданіе лицея. Не только отдѣльныя лица, но также частные и общественные корпораціи принимали участіе въ облегченіи материальныхъ нуждъ учащейся молодежи: Ярославское общественное собраніе доставило 90 руб. въ пользу недостаточныхъ студентовъ; концертъ и спектакли, которые устраивались съ тою же цѣлью, привлекали многочисленную публику. Сочувственную помощь встрѣтилъ лицей не въ одномъ Ярославѣ: Пермское губернское земское собраніе опредѣлило выдавать вспоможеніе студентамъ Ярославской юридической школы въ количествѣ 100 руб. Изъ отчета попечительства о недостаточныхъ студентахъ видно, что общая сумма пожертвованій, переданныхъ ему, простиралась до 7.000 руб. въ теченіе года.

Наконецъ, преподаватели юридического факультета приняли самое большое участіе въ чествованіи двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго. Ярославль вспомнилъ объ этомъ знаменитомъ событии рядомъ ученыхъ бесѣды, имѣвшихъ предметомъ своимъ дѣятельность преобразователя; пр. Владимірскій-Будановъ прочелъ публично о семейныхъ отношеніяхъ въ до-Петровской Россіи и при Петре; преподаватель Ворошиловъ—о народномъ образованіи въ то время; членъ окружного суда Н. А. Гладковъ—о судопроизводствѣ; пр. Капустинъ избралъ предметомъ бесѣды Никиту Демидова; пр. Нелидовъ—городское управление, инспекторъ А. С. Петровскій—мѣры Петра Великаго относительно распространенія естествознанія. Памяти великаго учителя Россіи и великаго ученика, уважавшаго глубоко науку, посвящены были скромныя бесѣды; во имя Петра собирались лица Ярославскаго общества, принося съ собою ободреніе читавшимъ и средства для образования молодыхъ людей, развитіе котораго оставилъ намъ царь-наставникъ какъ одинъ изъ своихъ завѣтovъ.

Таковы въ общихъ чертахъ вопросы и задачи въ жизни Ярославского юридического факультета за истекшій годъ, который былъ для него годомъ приготовленія и собирания силъ. Новое училище не получило въ наслѣдство ни преданій, ни лавровъ, на которыхъ оно могло бы успокоиться. Ему оставалось примкнуть къ общеевропейской школѣ и въ ея долгомъ омыть черпать для себя указанія. Справедливо считають высшія школы Германіи наилучше достигающими своей цѣли. Не должно забывать однако, что въ этой странѣ университеты связаны многими вѣковыми порядками, отъ которыхъ отступать весьма трудно, хотя бы и сознавалась ихъ несостоительность, и что съ другой стороны Германія располагаетъ такимъ запасомъ ученыхъ силъ, который дѣлаетъ невозможнымъ сравненіе. Тѣмъ не менѣе, вникая въ существо дѣла и воздерживаясь отъ увлечений словами, можно прійтти къ слѣдующимъ начальамъ, выработаннымъ германской школою.

Прежде всего высшія специальные училища должны имѣть въ виду не практическія задачи, а научное образование своихъ воспитанниковъ.

Новѣйший, изданный въ Германіи уставъ есть положеніе о высшей земледѣльческой школѣ въ Вѣнѣ, 3-го апрѣля 1872 года. Въ предисловіи къ этому уставу сказано между прочимъ слѣдующее: „Несомнѣнно, что высшая ступень образования сельскихъ хозяевъ можетъ быть достигнута только посредствомъ строгой школьнной мѹки, что невозможно обучать научной практикѣ и что никогда изъ школы не выйдетъ ютогий сельскій хозяинъ. Этому убѣжденію правительство слѣдовало при основаніи высшей школы, не дѣля уступокъ, не вступая въ сдѣлки. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого въ училище поступать сначала немногіе и оно не встрѣтить сочувствія; но ничто не въ силахъ побудить правительство остановиться на полупути, ничто не заставитъ его открыть лазейку „практикѣ“, потворствовать полузнанію и дозволить злоупотреблять именемъ факультета (Hochschule) для употребленія тщеславія“ (Allg. Ztg. 19-го августа 1872). Эти слова, высказанные съ такою рѣшимостью австрійскимъ правительствомъ относительно школы сельскохозяйственной, прилагаются еще съ большими основаніями къ факультету юридическому: остановка на полупути въ послѣднемъ была бы крайнимъ потворствомъ невѣжеству и униженіемъ школы.

Далѣе, высшая школа должна поддерживать свой учебный и воспитательный характеръ; преподаваніе въ ней не можетъ ограничи-

ваться чтениемъ лекцій; необходимы еще возбужденіе самодѣятельности студентовъ посредствомъ бесѣдъ, упражненій, чтенія источниковъ и проч. Страсбургскій юридический факультетъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ болѣе рѣшительный шагъ, а г. Дѣллингеръ пошелъ еще далѣе: на Мюнхенскомъ юбилѣѣ, въ средѣ всѣхъ немецкихъ профессоровъ, онъ высказалъ мысль о великой пользѣ системы англійскихъ коллегій и тѣмъ бросилъ тѣкъ на пресловутую свободу учения. Поводъ и обстановка, при которой такъ горячо говорилъ Дѣллингеръ, доказываютъ, что онъ не напрасно разчитывалъ на общее сочувствіе.

Вотъ послѣднее слово, рѣшеніе и желаніе германской высшей школы, считающейся образцовою. Учиться у другихъ не значитъ копировать чужое и подражать тому, чтѣ самъ учитель считаетъ мало пригоднымъ; пользуясь чужимъ опытомъ, мы должны стремиться по возможности къ достижению того, чтѣ опытные педагоги признаютъ желаннымъ и благотворнымъ для учащагося юношества.

Этимъ правиломъ руководились дѣятели Демидовскаго юридического лицея. Они заботились о томъ, чтобы поддержать во мѣрѣ силы свойкъ высокое значеніе школы, въ той увѣренности, что только научное основаніе можетъ служить залогомъ крѣпкой и здоровой жизни высшаго учебнаго заведенія. Это сознаніе укрѣплялось постояннымъ ободрѣніемъ и вниманіемъ г. министра народнаго просвѣщенія, который слѣдилъ съ участіемъ за всѣмъ, чтѣ касалось лицея и которому обязанъ уже Ярославскій факультетъ обезспеченіемъ личнаго состава своихъ преподавателей и увеличеніемъ своихъ учебныхъ средствъ. Въ томъ, чтѣ уже сдѣлано въ теченіе двухъ лѣтъ, въ готовыхъ и готовящихся силахъ своихъ Демидовскій юридический лицей находитъ опору надеждамъ на будущее и энергію въ исполненіи своего призванія.

М. Капустинъ.

ИЗВѢСТИЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВѢДЕНИЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владимира въ 1871 году: состояніе личнаго состава преподавателей и перечень вакантныхъ каѳедръ; распределеніе преподаваній по вакантнымъ каѳедрамъ и принятыхъ университетомъ мѣры къ замѣщенію ихъ; контроль надъ занятіями студентовъ и мѣры для усиленія практическихъ упражненій ихъ; темы для соисканія наградъ медалями; ученые труды преподавателей; измѣненія и дополненія правилъ для учащихся; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; перечень лицъ, оставленныхъ при университѣтѣ для приготовленія къ профессурѣ и командировкѣ съ ученой цѣлью; занятія совѣта по обсужденію разныхъ вопросовъ; съездъ естествоиспытателей въ Кіевѣ; участіе университета св. Владимира въ учебной направленіи коллегіи Галагана; бюджетъ университета и распоряженія правленія; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.—Празднованіе С.-Петербургскаго университетомъ 200-г҃тннй годовщины дня рожденія Императора Петра Великаго.—Командированіе ординарного профессора С.-Петербургскаго университета Менделѣева за границу съ ученой цѣлью.

Продолжаемъ обзоръ состоянія и дѣйствій нашихъ университетовъ въ 1871 году, и обратимся теперь къ отчету университета св. Владимира.

Университетъ св. Владимира состоить изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго, изъ нихъ историко-филологический факультетъ раздѣляется на три отдѣленія: славяно-русской филологии, классической филологии и историческихъ наукъ, и физико-математическій — на два отдѣленія: математическихъ наукъ и естественныхъ наукъ. По штату университетовъ, 18-го июня 1863 года, при университѣтѣ св. Владимира полагается одинъ ординарный профессоръ православнаго богословія; отдельно же по факультетамъ, согласно тому же штату и постановленію совѣта министра народнаго просвѣщенія, полагается: въ

историко-филологическомъ факультетѣ—8 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ, 7 доцентовъ и 4 лектора; въ физико-математическомъ—11 ординарныхъ, 5 экстраординарныхъ, 3 доцента, 1 астрономъ-наблюдатель и 4 лаборанта; въ юридическомъ—9 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ и 6 доцентовъ и въ медицинскомъ—11 ординарныхъ профессоровъ, 5 экстраординарныхъ, 15 доцентовъ, 2 прозектора, 3 помощника прозектора, 2 лаборанта, 8 ординаторовъ, въ томъ числѣ 6 при университетскихъ и 2 при госпитальныхъ клиникахъ и одна повивальная бабка при университетской акушерской клиникѣ. А вообще при университѣтѣ св. Владимира полагается: 58 профессоровъ, въ томъ числѣ 40 ординарныхъ (считая и профессора богословія), 18 экстраординарныхъ, 31 доцентъ, 4 лектора иностранныхъ языковъ, 1 астрономъ-наблюдатель, 2 прозектора, 3 помощника ихъ, 6 лаборантовъ, 8 ординаторовъ клиникъ и одна повивальная бабка. Къ 1-му января 1872 года состояло на лицо: въ историко-филологическомъ факультетѣ—3 ординарныхъ профессора, 1 экстраординарный, 4 доцента и 2 лектора; въ физико-математическомъ факультетѣ—11 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный, 2 доцента и 3 лаборанта; въ юридическомъ—8 ординарныхъ профессоровъ, 1 исправляющій должностъ экстраординарного профессора и 1 доцентъ; въ медицинскомъ—11 ординарныхъ профессоровъ, 3 экстраординарныхъ, 7 доцентовъ, 1 прозекторъ, 2 помощника прозектора, 8 ординаторовъ, 2 лаборанта и 1 повивальная бабка; сверхъ того состояли: ординарный профессоръ православнаго богословія, два сверхштатные преподавателя съ званіемъ ординарныхъ профессоровъ: одинъ—по каѳедрѣ русской словесности, а другой—по каѳедрѣ анатоміи, и 5 приватъ-доцентовъ: 1—по всеобщей исторіи, 1—по церковной исторіи, 1—по международному праву и 1—по офтальмологіи. Итого состояло: ординарныхъ профессоровъ 36 (съ профессоромъ богословія и двумя сверхштатными), экстраординарныхъ 6, доцентовъ 14, приватъ-доцентовъ 5, лекторовъ 2, прозекторовъ 1, помощниковъ прозектора 2, ординаторовъ 8, лаборантовъ 5 и 1 повивальная бабка. Такимъ образомъ изъ числа положенныхъ по штату не доставало: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 12, доцентовъ 17, лекторовъ 2 и по одному прозектору, помощнику прозектора и лаборанту. Не замѣщеными оставались слѣдующія каѳедры: всеобщей исторіи, съ октября 1871 года; сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, церковной исторіи, теоріи и исторіи искусства, физической географіи,

географії и астрономії, исторії славянськихъ законодательствъ и первоначального законовѣдѣнія, со времени учрежденія иль новыхъ уставомъ; энциклопедіи права, съ мая 1868 года, и хирургії, съ ноября 1871 года.

Занятія факультетовъ заключались въ нижеслѣдующемъ: историко-филологический факультетъ имѣлъ 25 засѣданій; физико-математический 27, юридический 24 и медицинскій 28. За пеимѣніемъ штатныхъ преподавателей, изложеніе означенныхъ ниже предметовъ поручено было, за особое вознагражденіе, на основаніи § 84 устава университетовъ, слѣдующими профессорамъ, занимающимъ другія каѳедры, а именно: преподаваніе греческой словесности въ первомъ полугодіи — профессору по каѳедрѣ римской словесности *Модестову*, и во второмъ полугодіи — доценту *Скворцову*; преподаваніе технической химіи — въ первомъ полугодіи ординарному профессорамъ по каѳедрѣ химіи — *Алексееву* и *Гарнич-Гарницикуму*; во второмъ полугодіи этойъ предметъ излагалъ возвратившійся изъ заграницкой командировки экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ технической химіи *Буме*. По случаю командированія за границу ординарного профессора по каѳедрѣ химіи *Алексеева* чтеніе органической химіи во второмъ полугодіи поручено было ординарному профессору *Гарнич-Гарницикуму*; преподаваніе энциклопедіи законовѣдѣнія — ординарному профессору по каѳедрѣ истории важнейшихъ иностраннѣхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ *Реннекампбу*, въ обоихъ полугодіяхъ, безъ особаго вознагражденія. По случаю перемѣщенія экстраординарного профессора хирургії *Склифасовскаго* на службу въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, преподаваніе хирургії, во второмъ полугодіи, было возложено на сверхштатнаго заслуженнаго профессора по каѳедрѣ анатоміи *Вальтера*. Физико-математический факультетъ, желая, чтобы студенты естественно-исторического отдѣленія приступали къ экзамену изъ неорганической химіи не иначе, какъ послѣ практическихъ занятій въ химической лабораторіи, постановилъ, съ утвержденіемъ совѣта, производить эту экзаменъ, которому студенты подвергались на полукурсовыхъ испытаніяхъ, при испытаніяхъ окончательныхъ. Кроме того, факультетъ обратно перенесъ экзаменъ по общей физикѣ изъ окончательного испытанія на полукурсовое для того, чтобы студенты приступали къ теоретической физикѣ только послѣ сознательнаго усвоенія себѣ положеній общей физики. По ходатайству совѣта, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, съ начала второго полугодія введено для студентовъ III-го и IV-го курсовъ кри-

лического факультета обязательное изучение судебной медицины, преподавание которой возложено на ординарного профессора Энгардта. Обязательность посещения лекций по этому предмету распространяется, до конца разделения факультета, на студентов как собственно юридического, так и административного отделений. При удостоении звания действительного студента и степени кандидата законоведения будут приниматься во внимание отытки по испытанию въ судебной медицине съ тѣмъ, что отытка "удовлетворительно" будетъ считаться достаточной. При обозначеніи отытковъ преподавателю предоставлено принимать въ соображеніе и практическія занятія экзаменующихся. Изъ числа вакантныхъ каѳедръ въ 1871 году замѣщены каѳедры: а) исторіи русскаго права, на которую, согласно избранію факультета и совѣта опредѣленъмагистръ уголовнаго права Соколскій, читавшій въ теченіе двухъ лѣтъ въ качествѣ приватъ-доцента обязательны по этой каѳедрѣ лекціи, и б) общей терапіи и фармакологіи; на эту каѳедру перемѣщены съ замѣщемъ экстраординарного профессора доцентъ Московскаго университета Сушинскій. Независимо отъ сего, въ концѣ втораго полугодія, открыта вновь учрежденная каѳедра гигіиена, медицинской полиції, географіи и статистики; на эту каѳедру опредѣленъ приватъ-доцентъ, докторъ медицины Субботинъ. Чтеніе лекцій по вакантной каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы поручено было доценту Липицкому. По предмету замѣщенія каѳедры всеобщей исторіи, сдѣлавшейся вакантною по выходѣ въ отставку, во второй половинѣ 1871 года, ординарного профессора Бильбасова, факультетъ вошелъ въ сношеніе съ нѣкоторыми учеными; но сношенія эти пока не привели еще къ окончательному результату. Къ чтенію обязательныхъ для студентовъ лекцій по каѳедрѣ церковной исторіи допущены, въ качествѣ приватъ-доцента, профессоръ Киевской духовной академіи,магистръ Терновскій. Для приготовленія къ замѣщенію каѳедры теоріи и исторіи искусствъ, по представлению историко-филологического факультета, совѣтъ университета ходатайствовалъ о командированіи за границу кандидата Цельковскаго, на счетъ суммы министерства народнаго просвѣщенія. Такъ какъ физико-математический факультетъ не имѣть пока въ виду лицъ, достойныхъ занять каѳедры геогноази и палеонтологіи и физической географіи, то поэтому геогноази и палеонтологіи, входившия по уставу 1842 года въ составъ каѳедры минералогіи, преподаются и нынѣ профессоромъ сей послѣдней каѳедры, а физическая географія, входившая по тому же уставу въ составъ каѳедры физики, преподается профессоромъ этого предмета. Для за-

мѣщанія каѳедры энциклопедіи законовѣдѣнія былъ объявленъ конкурсъ, но онъ оказался безуспѣшнымъ. Вакантную каѳедру хирургіи предположено замѣстить докторомъ медицины Костыревымъ, ученые труды которого находятся еще въ разсмотрѣніи членовъ медицинскаго факультета. Такимъ образомъ, въ 1871 году въ университетѣ св. Владимира всѣ существенно важные предметы были читаны студентамъ; тѣмъ не менѣе въ отчетѣ упоминается, что пріисканіе новикъ преподавателей по нѣкоторымъ каѳедрамъ соединено съ большими затрудненіями: сюда относятся въ особенности предметы юридического и отчасти историко-филологическаго факультета. Университетъ уже нѣсколько разъ вызывалъ лицъ, желающихъ занять доцентуру по гражданскому и уголовному судопроизводству и каѳедру энциклопедіи законовѣдѣнія; но всѣ сношенія по этому предмету не привели ни къ какому результату.

Для болѣе правильной оцѣнки филологическихъ знаній студентовъ историко-филологическаго факультета, совѣтъ университета св. Владимира, съ разрѣшеніемъ г. попечителя учебнаго округа, включилъ въ число предметовъ полукурсового испытанія письменный отвѣтъ (русское сочиненіе) на заданную тему, и постановилъ, чтобы студенты, желающие пользоваться стипендіями, пособіями или освобожденіемъ отъ платы за слушаніе лекцій, писали подобныя же сочиненія въ присутствіи факультета. Правила объ этомъ формулированы такимъ образомъ: сверхъ нынѣ существующаго изъ известныхъ предметовъ по историко-филологическому факультету полукурсового испытанія, включается въ составъ сего послѣдняго еще и русское сочиненіе для студентовъ всѣхъ трехъ отдѣленій, на заданную тему, въ присутствіи факультета, при чемъ принимаются для означенія достоинства такихъ сочиненій только двѣ отмѣтки: „удовлетворительно“ и „неудовлетворительно“; отмѣтки эти не считаются за отмѣтки, имѣющія силу для окончательного испытанія, но получениемъ оныхъ обусловливается право каждого студента историко-филологическаго факультета на переходъ изъ второго курса въ третій, такъ что получивший отмѣтку „неудовлетворительно“ остается еще одинъ годъ на второмъ курсѣ. При представленіяхъ историко-филологическимъ факультетомъ къ стипендіямъ, пособіямъ или освобожденіямъ отъ платы за слушаніе лекцій студентовъ первыхъ четырехъ семестровъ, вмѣнѣть имъ въ обязанность предварительно, въ какое бы то ни было учебное время, написать русское сочиненіе на заданную тему въ присутствіи факультета или назначенаго симъ послѣднимъ профессора, и только въ

случай получения удовлетворительной отметки давать ходъ представлений о нихъ въ совѣтъ. Къ усиленію занятій студентовъ физико-математического факультета, разряда естественныхъ наукъ, по химії, много будетъ способствовать начатое въ 1869 году постройкой отдаленное зданіе химической лабораторіи. Въ настоящее время оно почти окончено; такимъ образомъ факультетъ будетъ имѣть химическую лабораторію, по возможности пригодную для имѣнія въ себѣ всѣхъ студентовъ, желающихъ заниматься химіею практическими. При лабораторіи технической устроена особая постройка для производства работъ съ вредными газами. При астрономической обсерваторіи, выѣсто старой, начата постройкою новая меридиональная зала и заказанъ новый меридиональный кругъ, снабженный всѣми усовершенствованіями, сдѣланными въ послѣднее время въ устройствѣ астрономическихъ инструментовъ. Съ оконченіемъ постройки меридиональной залы и съ установкою въ ней инструмента, астрономическая обсерваторія Киевскаго университета, имѣющая уже рефракторъ и пассажный инструментъ, будетъ приведена въ такое состояніе, при которомъ станутъ возможны не только упражненія студентовъ, но и систематическая учёная работы¹⁾). Метеорологическая обсерваторія снабжена пишущими приборами системы Вильде. Въ зоологическомъ кабинетѣ устраиваются амваріумы. Совѣтъ университета, съ разрѣшеніемъ г. попечителя Киевскаго учебнаго округа, установилъ для студентовъ I-го и III-го курсовъ юридического факультета обязательныя контрольныя испытанія. Испытанія эти, не обращаясь въ ущербъ самостоятельнымъ занятіямъ студентовъ, должны послужить къ тому сближенію профессоровъ съ студентами, которое достигается на другихъ факультетахъ въ лабораторіяхъ, клиникахъ, кабинетахъ, и доставить юридическому факультету возможность освобождать на I-мъ курсѣ отъ платы за слушаніе лекцій студентовъ, серіозно относящихся къ своимъ занятіямъ. Въ видахъ всего этого каждый профессоръ, при наступлении полугодія, назначаетъ для испытанія по своему предмету несолько отдельовъ, съ указаніемъ на пособія для пополненія студентами свѣдѣній, которые могутъ быть приобрѣты по руководству или запискамъ, и затѣмъ каждому студенту предоставляется право избрать тотъ или другой отдѣль, изъ которого онъ приготовляется къ испытанію. Испытаніе производится въ послѣдніе два мѣсяца се-

¹⁾ Обсерваторія будетъ снабжена аппаратами для гальванической передачи времени и регистрировки наблюдений.

иестра, съ употреблениемъ для этого отъ одного до двухъ часовъ въ недѣлью, съ тѣмъ, что если одного часа окажется недостаточно, то профессоръ, по сношению съ деканомъ, назначаетъ одинъ дополнительный часъ противъ опредѣленныхъ по расписанію. Испытания имѣютъ цѣлью: вонервихъ, ознакомить профессоровъ съ занятіями студентовъ, съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ они усваиваютъ предметъ преподаванія; во вторыхъ, облегчить для студентовъ пользованіе руководствомъ, советами и указаніями профессоровъ и послужить основаніемъ для освобожденія студента отъ платы за слушаніе лекцій и для выдачи пособій, и втретихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ привлечь студентовъ къ правильному посвѣщенію профессорскихъ чтеній. Студентъ, не явившися ни на одно изъ испытаний по какому-либо предмету въ I-мъ курсѣ, не допускается къ полукурсовому, а не явившися ни на одно изъ испытаний по какому-либо предмету въ III-мъ курсѣ, не допускается къ окончательному испытанію. Вообще же пропускъ сихъ испытаний принимается факультетомъ въ соображенія при удостоеніи степени кандидата или званія дѣйствительнаго студента. Для установленія болѣе правильнаго и успѣшнаго прохожденія медицинскаго курса, совѣтъ, съ разрѣшеніемъ г. попечителя, установилъ для студентовъ-медииковъ обязательныя контрольныя испытанія изъ естественныхъ наукъ, при переходѣ въ III-й курсъ, и изъ анатоміи и физіологии, при переходѣ въ IV-й курсъ. Эта мѣра, примѣняемая лишь къ студентамъ-медикамъ, вновь поступившимъ въ университетъ съ начала 18⁷¹/72 учебнаго года, имѣть цѣлью установить переходъ къ практическимъ занятіямъ въ клиникахъ и другихъ медицинскихъ учрежденіяхъ только для такихъ лицъ, которые имѣютъ уже достаточную теоретическую подготовку. Наконецъ, совѣтъ университета, съ разрѣшеніемъ г. министра народного просвѣщенія, примѣнилъ въ 1871 году новые правила къ окончательнымъ испытаніямъ на всѣхъ факультетахъ, кроме медицинскаго. Правила эти устраниютъ всякия отсрочки дополнительного испытанія и разрѣшеніе держать экзаменъ по болѣни послѣ каникулъ. Студентамъ дозволено держать весь экзаменъ или въ теченіе мая, или въ сентябрь.

Для сокланія наградъ медалями назначены были на 18⁷¹/72 учебный годъ слѣдующія темы: отъ историко-филологического факультета — „Плавъ въ изданіи Ричча“; отъ физико-математического факультета — двѣ темы: по физикѣ — „Лучеиспускательная и поглощающая способность тѣла“ (слѣдовало обратить особенное вниманіе на постѣднія изслѣдованія по этому предмету), и по ботаникѣ — „Ана-

томія вегетальнихъ органовъ растеній рода *Callistemon*"; оть юридического факультета двѣ темы — „Положение Русской Правды по гражданскому праву" и „Изслѣдоватъ въ главныхъ чертахъ историческое развитіе и современное состояніе нашего законодательства о земскихъ повинностяхъ"; оть медицинского факультета — „Изслѣдоватъ распределеніе и окончаніе нервовъ въ печени у позвоночныхъ животныхъ (по предмету гистологіи)". На темы, заданные физико-математическимъ факультетомъ, сочиненій, признанныхъ достойными наградъ медалями, подано не было. На тему же, заданную историко-филологическимъ факультетомъ, представлено сочиненіе студентомъ 7-го семестра *Радлінскимъ*. Сличивъ текстъ Ричля съ текстомъ Бота, авторъ разсмотрѣлъ приемы Ричли по возстановленію Платова текста; средства, употребленныя для того Ричлемъ; и указалъ на заимствованія, сдѣланныя послѣднимъ у другихъ издателей. На тему, заданную юридическимъ факультетомъ: „Положение Русской Правды по гражданскому праву", представлены три сочиненія: впервыхъ, студентомъ 7-го семестра *Забѣлло*; сочиненіе это, при некоторыхъ недостаткахъ, свидѣтельствуетъ о трудолюбии автора; во вторыхъ, студентомъ того же семестра *Ною*; въ этомъ изслѣдованіи есть части, удачно обработанныя, именно разборъ миѳній о происхожденіи Русской Правды, но на ряду съ ними есть части, менѣе обработанныя; и втретихъ, студентомъ тоже 7-го семестра *Колесницкимъ*; изслѣдованіе это, при добросовѣтномъ исполненіи, свидѣтельствуетъ о вѣрномъ критическомъ взглядѣ автора на миѳнія ученыхъ и объ усвоеніи авторомъ сравнительного метода. На тему, заданную медицинскимъ факультетомъ, представлены два сочиненія студентами: 7-го семестра *Колачевскимъ* и 9-го семестра *Несторовскимъ*; оба автора, сг҃дуя достовѣрными и современными методами, пришли къ одному и тѣмъ же результатамъ. Совѣтъ университета, согласно съ миѳніями факультетовъ, основанными на рецензіяхъ профессоровъ *Модестова* и *Перемежко* и приватъ-доцента *Сокольской*, удостоилъ студентовъ: Радлінскаго, Колесницкаго, Несторовскаго и Колачевскаго наградъ золотыми медалями, студента Ноу — сереброю медалью, разсужденіе же студента Забѣлло призналь заслуживающимъ почетнаго отзыва. На 18⁷¹/₇₂ годъ, для соисканія студентами наградъ медалями, предложены слѣдующія темы: оть историко-филологического факультета — „Княженіе Даниила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ"; оть физико-математического факультета — „сдѣлать качественный и количественный анализъ водъ обѣихъ сторонъ Днѣпра".

на различныхъ глубинахъ и въ разныя времена года, равно какъ подобный же анализъ источниковъ въ различныхъ частяхъ города и показать связь состава этихъ источниковъ съ геологическимъ строениемъ мѣстности"; отъ юридического факультета—две темы: „О правахъ, обязанностяхъ и ответственности полиції, охраняющей безопасность общественную и частную" и „О консульствахъ"; отъ медицинского факультета — также две темы: „Объ изслѣдованіи функции переднихъ корешковъ спинно-мозговыхъ нервовъ," и „О физиологическомъ и терапевтическомъ дѣйствіи атропина на органъ зрѣнія". Въ 1871 году совѣтъ одобрилъ къ напечатанію въ приложениі къ Университетскому *Ізвѣстіямъ* сочиненіе ординарного профессора Романовича-Славатинскаго подъ заглавиемъ: „Пособіе къ изученію русскаго государственного права". Въ университѣтѣ исправляютъ должности профессоровъ, не имѣя требуемой уставамъ ученої степени для утвержденія въ должностіи:магистръ славянской словесности Яроцкій, исправляющій должностіе экстраординарного профессора по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, и магистръ государственного права Демченко, состоящій исправляющімъ должностіе экстраординарного профессора по каѳедрѣ гражданскихъ законовъ.

Профессоры и преподаватели университета св. Владимира въ теченіе 1871 года занимались слѣдующими учеными трудами, сверхъ трудовъ по преподаванію. Ординарный профессоръ Гоюцкій напечаталъ „Введеніе въ исторію философіи" и приготовилъ къ печати послѣдній томъ „Философскаго лексикона". Ординарный профессоръ Модестовъ помѣстилъ въ Университетскіхъ *Ізвѣстіяхъ* прочитанную имъ на торжественномъ актѣ университета рѣчь, подъ заглавиемъ: „Философъ Сенека и его письма къ Луцилію". Ординарный профессоръ Иконниковъ напечаталъ статью: „Сkeptическая школа въ русской исторіографіи и ея противники". Доцентъ Скворцовъ издалъ сочиненіе: „Платонъ о знаніи въ борьбѣ съ сенсуализмомъ и разсужденіемъ эмпиризмомъ". Доцентъ Антоновичъ занимался редакціей одного тома „Архива юго-западной Россіи" и помѣстилъ въ немъ статью: „Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западномъ краѣ съ половины XVII до конца XVIII столѣтія". Доцентъ Хрушовъ напечаталъ въ журналѣ *Семейные Вечера* статью: „Очеркъ литературы XVII вѣка и Ломоносовъ" и „Двѣ бесѣды о народной поэзіи". Приват-доцентъ Терновскій напечаталъ: „Русское проповѣдничество при императорѣ Петре I", отдельною брошюрою, и разборъ книги: „Русская церковная исторія Знаменскаго" — въ Кіевскихъ Епархиальныхъ

Відомостяхъ. Приватъ-доцентъ *Лучицкій* напечаталъ въ Університетскихъ *Ізвѣстіяхъ* сочиненіе: „Феодальная аристократія и кальвинисты“. Деканъ физико-математического факультета *Рахманиновъ* продолжалъ печатать въ Університетскихъ *Ізвѣстіяхъ* „Основанія теоретической механикѣ.“ Заслуженный ординарный профессоръ *Ходенскій* продолжалъ редактировать Університетскія *Ізвѣстія* и составилъ отчетъ о бывшей въ Кіевѣ, во время съѣзда естествоиспытателей, выставѣ сельскихъ произведеній. Ординарный профессоръ *Ромеръ* написалъ статью: „Особенныя решенія дифференціальныхъ уравненій“, читанную на 3-мъ съѣздѣ естествоиспытателей въ Кіевѣ. Ординарный профессоръ *Гарничъ-Гарничкій* помѣстилъ въ Запискахъ *русскою техническою общества* статью: „О необходимости и возможності снабженія юго-западнаго края каменнымъ углемъ Донецкаго каменноугольнаго бассейна“. Ординарный профессоръ *Ковалевскій* издалъ сочиненіе: „Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der Würmer und Arthropoden“—въ *Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Petersbourg*, и „Studien über die Entwicklung der einfachen Ascidien“—въ *Archiv für microscopische Anatomie*; кроме того, напечаталъ въ протоколѣ съѣзда естествоиспытателей въ Кіевѣ: „Размноженіе морскихъ звѣздъ дѣленіемъ и почкованіемъ“, „О бесполомъ размноженіи *Amatococcum*“, „О переходной формѣ между планаріями и ктенофорами“ и „Анатомія и исторія развитія *thallassemum*“. Доцентъ *Бунісъ* напечаталъ въ Університетскихъ *Ізвѣстіяхъ*: „Къ вопросу объ электролизѣ химическихъ соединеній“, „О важнѣйшихъ усовершенствованіяхъ въ винодѣліи“ и „О дѣйствіи паровъ царской водки на углеродныя соединенія“. Лаборантъ при технической лабораторії *Лоничевскій-Петруняка* напечаталъ слѣдующія статьи: въ Запискахъ *Кievskago общества естествоиспытателей*—„Приборъ для прямаго и косвенного определенія количества воды и анализъ бурого угля изъ Екатеринославской казенной дачи“ и въ *Протоколахъ* 3-го съѣзда *русскихъ естествоиспытателей*—„Дѣйствіе хлора на уксусную закись желѣза“, „Полученіе кристаллическаго камфена и его изомеровъ“, „О нѣкоторыхъ свойствахъ скицидарныхъ производныхъ“ и „Случай, указывающій на способность каучука сгущать газы“. Лаборантъ при зоологической лабораторії *Бобрицкій* напечаталъ въ Запискахъ *Кievskago общества естествоиспытателей* статьи: „*Saccocirrus rapi* Nosognis, novum gen. et sp., типъ нового семейства аннелидъ“ и „О новомъ видѣ *Lycastis*“. Лаборантъ при химической лабораторії *Базаровъ* напечаталъ статьи: въ Університетскихъ *Ізвѣстіяхъ*—„О строеніи нѣ-

которыхъ азотическихъ соединеній" и въ *Журналѣ русской химической общества* — „О дѣйствіи выдѣляющагося водорода на циановую кислоту". Ординарный профессоръ *Буне* напечаталъ въ Университетскихъ *Извѣстіяхъ* переводъ сочиненія *Ваннера*, „Русскія бумажные деньги" и издалъ книжку „Товарные склады и варранты". Ординарный профессоръ *Ренненкампфъ* напечаталъ отдѣльною брошюрою: „Публичныя лекціи о новомъ городовомъ положеніи" и въ журналь *Заря* статью „О всеобщемъ голосованіи". Ординарный профессоръ *Славатинский* приготовилъ къ печати 1-й выпускъ „Пособій для изученія русского государственного права по методу историко-догматическому". Приват-доцентъ *Сокольский* напечаталъ въ Университетскихъ *Извѣстіяхъ* сочиненіе подъ заглавіемъ: „Главнѣйшіе моменты въ исторіи повсѣднаго обыска". Деканъ медицинскаго факультета *Хризонцевъ* написалъ статью „О вазомоторныхъ нервахъ". Заслуженный ординарный профессоръ *Вальтеръ* издавалъ 12-й годъ газету *Современная Медицина*, напечаталъ два выпуска „Курса практической и прикладной анатоміи" и помѣстилъ въ *Протоколахъ 3-го съезда русскихъ естествоиспытателей* статью „О нѣкоторыхъ общихъ результатахъ изслѣдованія о теплыхъ животныхъ". Ординарный профессоръ *Бецъ* напечаталъ въ Университетскихъ *Извѣстіяхъ* лекціи, читанныя въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ „Къ анатоміи и тошографіи человѣческаго мозга"; въ *Протоколахъ 3-го съезда естествоиспытателей* — „О расположениіи сѣраго вещества у идіотовъ". Экстраординарный профессоръ *Сушинскій* напечаталъ: „Ueber den Muskeltonus in den hinteren Extremitäten der Frosches" въ *Centralblatt für Medicinnoissenschaften* и редактировалъ переводъ „Краткаго учебника токсикологіи" Д. Вебера, изданный студентами Московскаго университета. Доцентъ *Горецкій* напечаталъ въ Университетскихъ *Извѣстіяхъ* — „Отчетъ по клиникѣ накожныхъ болѣзней университета св. Владимира"; въ *Протоколахъ общества Кіевскихъ врачей* — „Обзоръ важнѣйшихъ трудовъ по дерматологіи за 18^{58/59} года", и въ *Протоколахъ общества Одесскихъ врачей* — „Случай напицломы гортани и операцио ея, произведенная подъ ларингоскопомъ". Доцентъ *Гейберъ* напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Experimentelle Untersuchungen über die Pathogenese und Symptome der chronischen Bleivergiftung. Berlin, 1871" и приготовилъ къ напечатанію: „Ueber die Beziehungen der Centraltheile des Nervensystems zur Resorption. Ein Beitrag zur Physiologie des Gefässtonus" и „О всасываніи и распределеніи дифферентныхъ веществъ въ організмѣ по прекращеніи

дѣятельности сердца". Доцентъ Субботинъ напечаталъ: „Beiträge zur Physiologie der Fettgewebe" и „Mittheilungen über den Einfluss der Nahrang auf den Hämoglobingehalt des Blutes" — въ Zeitschrift für Biologie; „Отчетъ о занятіяхъ въ теченіе зимняго семестра 1869/70 года и лѣтняго семестра 1870 года за границей" — въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, и „Физиологическая роль альбоголя въ организмѣ высшихъ животныхъ" — въ Архивѣ судебной медицины и общественной зиціи. Помощникъ профессора Проценко напечаталъ въ Запискахъ общества Кіевскихъ естествоиспытателей статьи: „Анатропологические этюды" и „Расположение губчатаго вещества бедренной кости"; сверхъ того, вмѣстѣ съ ординаторомъ Шпанесевымъ, издалъ „Лекціи фармакологии профессора Дыбковскаго", редакціей коихъ занимались профессоры Бензъ, Перемежко и Хржонщевскій. Въ 1871 г. читаны были публичныя лекціи: ординарнымъ профессоромъ Гарніч-Гарніцкимъ по хімії, бесплатныя, отъ имени университета, и съ платою, нижеслѣдующими преподавателями, по одной лекціи каждымъ: ординарнымъ профессоромъ Ільхановецкимъ — „О значеніи Чернаго моря въ жизни русскаго народа"; ординарнымъ профессоромъ Кистяковскимъ — „Школа, какъ замѣна тюрьмы для малолѣтнихъ преступниковъ", ординарнымъ профессоромъ Гарніц-Гарніцкимъ — „Объ ископаемомъ тоцливѣ вообще и о возможности снабженія юго-западнаго края каменнымъ углемъ Донецкаго каменноугольного бассейна"; ординарнымъ профессоромъ Алексѣевымъ — „Услуги, оказанныя хіміей красильному дѣлу"; экстраординарнымъ профессоромъ Шкаляревскимъ — „Объ измѣрении быстроты мысли" и доцентомъ Антоновичемъ — „Ремесленная и заводская промышленность въ Юго-Западной Руси въ XVIII столѣтіи". Вырученные за эти лекціи деньги были переданы Кіевскому отдѣлению техническаго общества для образования капитала на устройство техническаго училища. Доцентъ Хриштофъ прочелъ двѣ публичныя лекціи по русской словесности въ пользу народнаго образования. Сверхъ того, были читаны публичныя лекціи членами состоящаго при университѣтѣ общества естествоиспытателей: экстра-ординарнымъ профессоромъ Валичомъ — по ботаникѣ, ординарнымъ профессоромъ Бензомъ — по анатоміи и ординарнымъ профессоромъ Хржонщевскимъ — по гигіенѣ.

Занятія совѣта университета св. Владимира заключались, между прочимъ, въ нижеслѣдующемъ:

По распределенію преподаванія въ медицинскомъ факультетѣ, утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1865 году,

положена особая доцентура для преподавания энциклопедии и истории медицины. Медицинский факультетъ, признавъ необходимымъ открытие указанной доцентуры, просилъ во 2-й половинѣ 1871 года совѣтъ университета объ исходатайствованіи ассигнованія особаго кредита на содержаніе этой доцентуры и о порученіи чтенія упомянутыхъ предметовъ сверхштатному заслуженному ординарному профессору *Вальтеру*, съ вознагражденіемъ за этотъ трудъ въ размѣрѣ доцентскаго содержанія. Совѣтъ, признавая съ своей стороны необходиимъ преподаваніе энциклопедіи и истории медицины по важности сихъ предметовъ въ медицинскомъ образованіи, представилъ высшему начальству объ удовлетвореніи ходатайства медицинскаго факультета. По распоряженію совѣта, составленъ былъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, комитетъ изъ декановъ, осмы профессоровъ и двухъ доцентовъ для пересмотра правилъ объ учащихся въ университетѣ, дѣйствовавшихъ по 1871 годъ. Комитетъ пришелъ къ заключенію, что, впервыхъ, при дѣйствующихъ правилахъ повѣрочные испытанія для зачисленія молодыхъ людей въ студенты не могутъ быть окончены раньше половины сентября, таъ какъ значительное число преподавателей и четвертая часть учащихся заняты испытаніями; во вторыхъ, что въ теченіе двухъ недѣль невозможно проекзаменовать отъ 250 до 300 человѣкъ изъ всѣхъ предметовъ гимназического курса, и что испытаніе однихъ студентовъ изъ однихъ, а другихъ изъ другихъ предметовъ не представляетъ пригодныхъ данныхъ для точной оцѣнки знаній поступающихъ и для опредѣленія степени ихъ подготовленности; втретыхъ, что существующая специализація повѣрочныхъ испытаній по факультетамъ, на которые испытуемые заявили желаніе поступить, не имѣть практическаго значенія, такъ какъ студенты не лишены права переходть съ одного факультета на другой безъ экзамена, а допущеніе перехода по новымъ дополнительнымъ испытаніямъ повмѣкло бы за собою производство послѣднихъ въ теченіе всей первой половины учебнаго года. Принявъ вышеозначенное во вниманіе, комитетъ просилъ ходатайства совѣта объ измѣненіи правилъ о приемъ испытаніяхъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Вместо одного испытательного комитета съ депутатами, назначить три, именно: а) по русскому языку и исторіи, б) по математикѣ и физикѣ и в) по латинскому и греческому языкамъ, съ четырьмя экзаменаторами въ каждомъ комитете, а по окончаніи испытаній составить общее присутствіе комитета, подъ предсѣдательствомъ ректора или проректора, для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся приема, освобожденія отъ

платы или выдачи пособий испытываемымъ. 2) Испытывать всѣхъ поступающихъ изъ трехъ предметовъ гимназического курса — русскаго языка, латинскаго языка и математики; а тѣхъ изъ поступающихъ, которые просятъ объ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій или о пособіяхъ, подвергать дополнительному испытанію по избранному факультету (по историко-филологическому — изъ исторіи русской съ всеобщею или изъ греческаго языка, по юридическому — изъ исторіи, по математическому и медицинскому — изъ физики). Комитетъ включилъ въ число основныхъ предметовъ одинъ латинскій языкъ впредь до введенія греческаго языка во всѣхъ гимназіяхъ; согласно съ симъ комитетъ изложилъ правила, относящіяся къ повѣрочнымъ испытаніямъ. Совѣтъ университета, вполнѣ согласившись съ постановленіемъ комитета, испросилъ у г. попечителя Киевскаго учебнаго округа утвержденіе вновь составленныхъ правилъ о приемныхъ испытаніяхъ, и постановилъ войти, въ началѣ текущаго года, съ представлениемъ къ г. попечителю объ утвержденіи, нѣкоторыхъ измѣненій въ прочихъ статьяхъ правиль для учащихся. Въ теченіе 1871 года утверждены совѣтомъ: магистръ богословія, доцентъ Варшавскаго университета *Коссовичъ* — въ степени доктора римской словесности; магистръ химіи *Верію*, кандидатъ естественныхъ наукъ *Бобрецкій*, приват-доцентъ по предмету русскагоправа, кандидатъ законовѣдѣнія *Сокольский* и стипендиатъ для приготовленія къ профессорскому званію, кандидатъ законовѣдѣнія *Зиберъ* — въ степеніи имагистра: первый — химіи, второй — зоологіи, третій — уголовнаго права и послѣдній — политической экономіи. Лѣкарь *Болдыревъ*, а также исправляющій должностъ ординарнаго профессора Варшавскаго университета по каѳедрѣ гистологіи и эмбриологии *Гойеръ* и лѣкарь *Бартъ* — въ степени доктора медицины. На основаніи примѣчанія къ § 113 устава университета, возвведенъ совѣтомъ бывшій профессоръ и ректоръ университета св. Владимира, и нынѣ его почетный членъ, статскій совѣтникъ *M. A. Максимовичъ* въ степеніи доктора славяно-русской исторіи. Затѣмъ удостоены: степени кандидата 49 человѣкъ, званія дѣйствительного студента 38, степени лѣкаря 12, званія уѣзданаго врача 1, званія акушера, какъ члена врачебной управы 1, степени провизора 15, степени алтекарскаго помощника 29, званія зубного врача 4, званія повивальной бабки 45. Избраны совѣтомъ въ стипендиаты для приготовленія къ профессорскому званію: по предмету философіи — кандидатъ *Шкляревскій*, по ботаникѣ — кандидатъ *Тимофеевъ*, по поліцейскому праву — кандидатъ *Сладковичъ*; кроме того, совѣтъ продолжалъ произ-

водство профессорскихъ стипендій на одинъ годъ слѣдующимъ лицамъ, пробывшии уже установленный годичный срокъ въ званіи стипендиатовъ и готовящимся къ профессорскому званію: кандидату *Мищенко* по предмету греческой словесности; кандидату *Тимофееву* по предмету чистой математики, лѣкарю съ отличиемъ *Сикорскому* по каѳедрѣ общей патологии и магистру политической экономіи *Зиберу*, готовящемуся къ профессорскому званію по каѳедрѣ политической экономіи и статистики,—послѣднему на полгода. Уволены совѣтомъ изъ числа стипендиатовъ по прошеніямъ: кандидатъ *Михайловский*, готовившійся къ профессорскому званію по всеобщей исторіи, и кандидатъ *Скордели*, готовившійся по гражданскому праву. По ходатайству совѣта, стипендиаты *Зиберъ* и *Ермакова* командированы за границу, на счетъ суммъ министерства, срокомъ на два года, для приготовленія къ профессорскому званію, первый — по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, и второй — по чистой математикѣ; независимо отъ сего, совѣтъ ходатайствовалъ, въ концѣ 1871 года, о командированіи за границу на счетъ суммъ министерства: лаборанта при зоологической лабораторіи, бывшаго стипендиата, магистра *Бобринкаю*, для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ зоологии; кандидата *Цельтковскаю* — для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ; ординатора терапевтической факультетской клиники, доктора *Сотниковскаю* — для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ частной патологии и терапіи; стипендиата, докторанта *Сикорскаю* — для приготовленія къ профессорскому званію по предмету патологии нервныхъ и психическихъ болѣзней. Послѣднія четыре командировки не осуществились за распределеніемъ всей суммы, имѣвшейся въ распоряженіи министерства на этотъ предметъ. Изъ числа преподавателей по ходатайству совѣта командированы: ординарный профессоръ по каѳедрѣ уголовного права *Кистяковскій*, на два года, съ цѣллю познакомиться съ существующими въ Германіи и Франції методами преподаванія уголовного права, пройдти систематический курсъ психіатріи,—науки, съ каждымъ годомъ приобрѣтающей все большее и большее значеніе для уголовного права, и собрать материалы и приступить къ изученію сочиненій старыхъ криминалистовъ, преимущественно XVII и XVIII вѣковъ, изученіе которыхъ столь важно для исторіи уголовной науки и уголовного законодательства; ординарный профессоръ по каѳедрѣ химіи *Алексеевъ*, на одинъ годъ, съ ученую цѣллю и для поправленія здоровья; ординарный профессоръ по каѳедрѣ астрономіи *Хандриковъ* — на два мѣ-

саца, для осмотра меридиональныхъ круговъ новой конструкціи въ обсерваторіяхъ Берлинской и Лейпцигской, и главнымъ образомъ, для ваказа меридионального круга для вновь перестраиваемой обсерваторіи университета св. Владимира; ординарный профессоръ по каѳедрѣ физики *Авенаріусъ* — на два мѣсяца, для изученія устройства физическихъ лабораторій, возникшихъ въ послѣднее время въ Германіи и Франції; ординарный профессоръ по каѳедрѣ чистой математики *Вашенко-Захарченко* — на лѣтнее вакаціонное время и на 28 дней, для окончанія начатаго имъ труда по изданию полной теоріи эллиптическихъ функцій; доценты: по каѳедрѣ клинической и теоретической патологіи и терапіи *Толочиновъ* — на полгода, и ординаторъ терапевтической клиники *Сотниковскій* — на лѣтнее вакаціонное время и на 28 дней, оба съ научною цѣллю. Кроме того, находился въ командировкѣ по 28-е юля 1871 года профессоръ зоологіи *Ковалевскій*, занимавшійся изслѣдованіями по берегамъ морей Средиземнаго и Чернаго, и продолжена была командріовка по 15-е августа 1871 года находившемуся за границею съ научною цѣллю доценту по каѳедрѣ фармакологіи *Гейбелю*. Наконецъ, двое были командріованы въ разныя мѣстности Россіи, именно: ординарный профессоръ *Феофилактовъ* — въ Полтавскую и Черниговскую губерніи, для изслѣдований геологическихъ, и консерваторъ минералогического кабинета *Блюменъ* — въ Херсонскую губернію, для геогностическихъ изслѣдований. Въ теченіе 1871 года совѣтомъ университета были обсужденены слѣдующія предложения попечителя Киевскаго учебнаго округа, поступившія по распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія: а) о мѣрахъ для увеличенія числа врачей въ имперіи; б) объ увеличеніи размѣра отпускаемыхъ казеннымъ стипендіатамъ университетовъ, при опредѣленіи ихъ на службу, лѣкарями, экспортировочными деньгами; в) по вопросу о классѣ должности, разрядѣ по мундиру и правѣ на пенсію ординаторовъ факультетскихъ и госпитальныхъ клиникъ; г) объ усиленіи образованія повивальныхъ бабокъ; д) о взиманіи платы за учение съ ученицъ университетскихъ повивальныхъ институтовъ; е) объ обязательности для студентовъ посвѣщенія профессорскихъ лекцій, и ж) о дозвolenіи оканчивающимъ курсъ студентамъ втораго повѣрочнаго испытанія изъ тѣхъ предметовъ, по которымъ они, переходя изъ курса въ курсъ, получили отмѣтки некандидатскія. Высочайшимъ повелѣніемъ 12-го мая 1867 года предоставлено г. министру народнаго просвѣщенія входить съ представлениемъ, въ установленномъ порядкѣ, о разрѣшеніи периодическихъ съѣздовъ русскихъ естество-

испытателей. Совѣтъ университета св. Владимира, вслѣдствіе заявленія физико-математического и медицинского факультетовъ, просилъ г. попечителя округа объ исходатайствованіи разрѣшенія на открытие 3-го съѣзда естествоиспытателей въ Киевѣ, во второй половинѣ августа 1871 года, съ ассигнованіемъ на расходы по изданію трудовъ съѣзда денежнаго пособія, какими пользовались съѣзы въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Комитетъ министровъ, вслѣдствіе представленія г. министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи означеннаго съѣзда, принималъ во вниманіе засвидѣтельствованіе г. попечителя Киевскаго учебнаго округа, что второй съѣздъ русскихъ естествоиспытателей, учрежденный въ Москвѣ въ августѣ 1869 года (спустя менѣе двухъ лѣтъ послѣ первого съѣзда, бывшаго въ С.-Петербургѣ), имѣлъ по числу и свойству разработанныхъ въ немъ научныхъ вопросовъ, благотворный послѣдствія, и находя, что Киевъ, какъ университетскій городъ, представляетъ всѣ удобства для ученаго съѣзда, испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ Киевѣ третьаго съѣзда русскихъ естествоиспытателей, на утвержденіи которыхъ комитетомъ министровъ основаніяхъ. На расходы по устройству съѣзда отпущено было со стороны г. министра народнаго просвѣщенія 2.000 и совѣтомъ университета ассигновано изъ специальныхъ средствъ 500 руб. Составившійся такимъ образомъ въ Киевѣ съѣздъ естествоиспытателей имѣлъ цѣлью споспѣшствовать ученой дѣятельности на поприщѣ естественныхъ наукъ, направлять эту дѣятельность главныиѣшиимъ образомъ на ближайшее изслѣдованіе Россіи и на пользу Россіи, и доставить русскимъ естествоиспытателямъ случай лично познакомиться между собою. Съѣздъ этотъ состоялъ подъ покровительствомъ г. министра народнаго просвѣщенія, отъ котораго зависѣло и утвержденіе всѣхъ предположеній по устройству съѣзда. Подробное описание съѣзда, его научныхъ собраній и занятій, и ваконецъ, обозначеніе тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришелъ съѣздъ, будетъ изложено въ отчетѣ съѣзда и въ протоколахъ его засѣданій. То и другое приводится къ концу особыми распорядительными по съѣзду комитетомъ, главное участіе въ которомъ принимаютъ профессора университета св. Владимира. Къ этому извѣстію о съѣздѣ въ отчетѣ университета присовокуплено слѣдующее: „Нельзя не упомянуть о томъ тепломъ сочувствіи и материальной поддержкѣ, которая были оказаны съѣзу г. начальникомъ югозападнаго края, генераль-адъютантомъ Дондуковскимъ-Корсаковымъ, лично принимавшимъ участіе въ съѣздѣ, а также представителемъ новаго городскаго управлѣнія Демидовымъ“. Въ 1871

году совѣтъ университета св. Владимира получилъ, для надлежащаго руководства, Высочайше утвержденный уставъ открытой съ 1871 году въ Киевѣ коллегіи Павла Галагана. Почетный попечитель коллегіи, действительный статскій совѣтникъ Галаганъ, учреждая эту коллегію, имѣлъ цѣлью, кроме доставленія недостаточнымъ молодымъ людямъ средствъ къ достижению высшаго образованія, способствовать правильному и прочному развитію молодыхъ людей, подготавливающихъся къ слушанію высшихъ наукъ университетскаго курса. Въ этихъ главныхъ видахъ исходатайствованъ для коллегіи извѣстный просторъ въ избраніи методовъ преподаванія и другихъ учебно-вспомогательныхъ условій, ставящихъ ея въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ общаго положенія учебныхъ заведеній. Одною изъ важнѣйшихъ особенностей коллегіи Галагана служитъ то, что она, какъ заведеніе, имѣющее специальньюю цѣлью подготовленіе молодыхъ людей къ университетскому курсу, поставлена по уставу подъ ближайшее покровительство университета св. Владимира, которому предоставлено главное участіе въ решеніи вопросовъ, касающихся учебнаго направленія будущихъ его студентовъ. Совѣтъ университета св. Владимира, съ полнѣйшимъ сочувствіемъ отнесясь къ этому новому учрежденію, избралъ, по просьбѣ почтенаго попечителя коллегіи и на основаніи § 6 устава ея, въ члены совѣта коллегіи профессоровъ: Ярошкаю — отъ историко-филологического факультета, Ромера — отъ физико-математическаго, Цыгановецкаю — отъ юридическаго и Шкляревскаго — отъ медицинскаго. Отдѣль отчета университета св. Владимира о занятіяхъ совѣта заключенъ сообщеніемъ, что г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа, по ходатайству совѣта, разрѣшилъ не требовать отъ студентовъ ежегоднаго возобновленія свидѣтельствъ о бѣдности, представляемыхъ ими для освобожденія отъ платы за слушаніе лекцій и для полученія пособій, и утвердилъ слѣдующія правила: а) для факультетскихъ клиникъ, б) о контролѣ надъ занятіями студентовъ, в) о порядке выдачи изъ библіотеки книгъ для чтенія и г) о порядке приобрѣтенія учебныхъ пособій для учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Изъ суммъ, ассигнованныхъ по сметѣ 1871 года изъ государственного казначейства на содержаніе университета св. Владимира, израсходовано: на содержаніе личнаго состава 178.619 руб. 52 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы 67.336 руб. 22¹/₂ коп. и на стипендіи и пособія студентамъ 24.156 рублей 58¹/₄ коп. По повѣркѣ исчисленныхъ по сметѣ 1871 года специальныхъ средствъ университета, совѣтъ призналъ возможными употреб-

бить: на вознаграждение профессоровъ и преподавателей, на пособія недостаточнымъ студентамъ, на командировкы съ ученую цѣмю, на плату и пособіе разнымъ лицамъ и на разные расходы по части учебной, хозяйственной и строительной: а) изъ процентовъ съ университетскихъ капиталовъ 33.228 руб. 27 $\frac{1}{4}$ коп. и б) изъ сбора за слушаніе лекцій 20.516 руб. 86 коп. Въ 1871 году поступило за слушаніе лекцій: отъ студентовъ, съ остаточными отъ 1870 года, 20.821 руб. 86 коп., и отъ постороннихъ слушателей 2.216 руб. За отчисленіемъ изъ 20.300 руб., поступившихъ за ученіе въ 1871 году, 2% въ капиталъ ученаго комитета министерства народного просвѣщенія, то-есть, 406 руб., изъ остальныхъ затѣмъ употреблено 18.262 р. 35 коп. на вознаграждение профессоровъ и преподавателей, 100 руб. возвращено студентамъ, какъ не подлежаще уплаченные, и 2.053 руб. 51 коп. отчислены въ пособіе недостаточнымъ студентамъ. Для улучшения хозяйственной части приняты правленіемъ университета слѣдующія мѣры: установленъ лучшій порядокъ въ счетоводствѣ по приходу и расходу специальныхъ средствъ университета и по извлечению доходовъ изъ клиникъ, и установленъ контроль за употребленіемъ дровъ. Для того, чтобы удобиѣе слѣдить за правильнымъ поступлениемъ взносовъ по записямъ (пожертвованіямъ съ имѣній), заведены лицевые счеты по недоимкамъ, накопившимся на имѣніяхъ, которыми обеспечены годовые взносы, при чёмъ въ этихъ счетахъ отмѣчаются всѣ поступающіе платежи. Равнымъ образомъ, для болѣе удобнаго наблюденія за тѣмъ, чтобы расходы производились на основаніи сметъ специальныхъ средствъ, утвержденной совѣтомъ университета, заведены особая вспомогательная книги, въ которыхъ ведутся отдельные счеты расходовъ изъ специальныхъ средствъ по каждой статьѣ особо. Въ видахъ лучшаго учета доходовъ, поступающихъ съ клиникъ, заведены платные и бесплатные билеты для больныхъ, принимаемыхъ въ клиники директорами. Билеты эти служать оправдательными документами для контрольной палаты. Дороговизна дровъ и необходимость установить лучшій надзоръ за ихъ расходованіемъ обратили вниманіе правленія на этотъ предметъ. Оно признало нужнымъ устроить особые дровяные дворы и производить отпускъ дровъ по станкамъ, въ размѣрѣ, опредѣленномъ числомъ топокъ. Въ 1871 году не было случаевъ, которые подлежали бы разсмотрѣнію университетскаго суда, и вообще студенты и посторонніе слушатели университета въ нарушеніи обязанностей своихъ относительно университета замѣчены не были.

Въ 1-му января 1871 года состояло студентовъ на лидо 784; въ теченіе 1871 года поступило: изъ гимназій 151, изъ духовныхъ семинарій 53, изъ Нижегородскаго Александровскаго института 1, изъ раввинскаго училища 1, бывшихъ студентовъ университета св. Владимира 83, студентовъ другихъ университетовъ 49, студентовъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи 23, студентовъ лицея князя Безбородко 40 и изъ духовныхъ академій 5, итого 406; выбыло: до окончанія курса 148, по окончаніи курса 102; вѣдьми къ 1-му января 1872 года состояло 940. Постороннихъ слушателей въ первой половинѣ 1871 года было 46, а во второй половинѣ 69. По факультетамъ студенты распредѣлились слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ 99, въ физико-математическомъ 97 (по отдѣленію естественныхъ наукъ 33, по отдѣленію математическихъ наукъ 64), въ юридическомъ 313, въ медицинскомъ 431. Въ числѣ студентовъ находилось стипендіатовъ, не платившихъ денегъ за слушаніе лекцій: въ первое полугодіе 58, во второе полугодіе 50; стипендіатовъ, платившихъ деньги за слушаніе лекцій: въ первое полугодіе 19, во второе полугодіе 15. Получили пособіе съ освобожденіемъ отъ платы за слушаніе лекцій: въ первое полугодіе 115, во второе полугодіе 170; слушаль лекціи за половинную плату 1.

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета св. Владимира въ 1-му января 1872 года находились въ слѣдующемъ положеніи:

Въ библіотекѣ университета: книгъ русскихъ 7.158 названій въ 11.188 томахъ, иностраннѣхъ 66.154 названія въ 112.444 томахъ; періодическихъ изданій: русскихъ — 201 название, иностраннѣхъ 351 название, рукописей 643, плановъ, гравюръ и проч. 153 названія; въ студентскомъ отдѣлѣ библіотеки: книгъ русскихъ 2.773 названія въ 4.575 томахъ, иностраннѣхъ 2.978 названій въ 6.785 томахъ; періодическихъ изданій: русскихъ 46 названій, иностраннѣхъ 23 названія. Въ астрономической обсерваторіи 50 нумеровъ инструментовъ и снарядовъ; здѣсь въ теченіе года занимались студенты IV-го курса разряда математическихъ наукъ, при чёмъ преимущественно упражнялись въ наблюденіяхъ съ секстантомъ и переноснымъ пассажнымъ инструментомъ; одинъ изъ студентовъ наблюдалъ комету Энке при помощи кольцеобразнаго микрометра. Въ кабинетѣ практической механики состояло: 154 нумера геодезическихъ инструментовъ, моделей, машинъ и пособій для преподаванія начертательной геометріи, собраніе элементовъ машинъ, три связки чертежей по предмету начертательной геометріи и 34 рисунка для преподаванія практической

механики. Въ физическомъ кабинетѣ—633 нумера инструментовъ и снарядовъ. Въ химической лабораторіи—инструментовъ, аппаратовъ, мебели и проч. 4.029, разной посуды 13.773 и препаратовъ 2.014. Въ минералогическомъ кабинетѣ—минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣостей 23.475 нумеровъ, инструментовъ и приборовъ 71. Въ метеорологической обсерваторіи—10 инструментовъ и снарядовъ; здесь 4 студента разряда математическихъ наукъ въ теченіе года производили наблюденія надъ давленіемъ атмосферы, температурой и влажностью воздуха, направленіемъ вѣтра и количествомъ выпадающей изъ атмосферы воды; результаты этихъ наблюденій ежемѣсячно печатались въ *Университетскихъ известіяхъ*. Въ ботаническомъ саду—оранжерейныхъ растеній 2.430 видовъ и разновидностей въ 8.950 экземплярахъ; фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ 806 видовъ и разновидностей; грунтовыхъ травъ 3.600 видовъ и разновидностей, а всего 6.836 видовъ. Въ гербаріѣ, въ главной коллекціи, 18.703 вида въ 49.436 экземплярахъ, пожертвованные Андржіевскимъ 9.917 видовъ, поступившія отъ бывшей Виленской медико-хирургической академіи 174 связки, приобрѣтенные по смерти ученаго аптекара Сегета 85 пачекъ, пожертвованные Лундомъ 32 пачки, Ельскими—1.000 экземпляровъ, пожертвованная профессоромъ Роговицемъ коллекція растеній Кіевскаго учебнаго округа изъ 7.500 экземпляровъ; кроме того, коллекціи: гипсовыхъ моделей грибовъ Бюхнера, моделей типическихъ формъ цветковъ Бренделя, восковыхъ моделей Циглера, относящихся къ морфологіи растеній, первый выпускъ коллекціи микроскопическихъ препаратовъ діатомовыхъ водорослей Эйленштейна, всего 100 препаратовъ и многіе другіе аппараты, инструменты и пр. Въ зоологическомъ кабинетѣ—3.870 нумеровъ, содержащихъ въ себѣ 40.431 предметъ и 88 нумеровъ инструментовъ и аппаратовъ. Въ технологической лабораторіи—153 рисунка, 37 моделей, 582 приборовъ, инструментовъ и посуды и 935 нумеровъ препаратовъ. Въ зоотомическомъ кабинетѣ—препаратовъ въ спиртѣ 867, сухихъ 1.661, восковыхъ 140 и изъ шапье-маше 11; въ лабораторіи при кабинетѣ—инструментовъ и аппаратовъ 51 нумеръ съ 115 предметами и 30 діаграммъ. Въ фізіологической лабораторіи—378 аппаратовъ, инструментовъ, мебели и другихъ приспособленій; здесь студентъ Полупаненко занимался фізіологіей переднихъ корешковъ спинного мозга; полученные имъ результаты будутъ въ свое время представлены въ медицинскій факультетъ. Въ агрономическомъ кабинетѣ—780 нумеровъ, заключающихъ въ себѣ до 1.000 предметовъ, состоя-

шихъ изъ моделей земледѣльческихъ орудій, машинъ, инструментовъ, образцовъ древесныхъ породъ и т. п. Въ музей древностей и художествъ—1.552 предмета. Въ собраніи монетъ и медалей—29.601 экземпляръ. Въ анатомическій театрѣ поступило 142 трупа; всѣхъ препаратовъ роздано 587, въ томъ числѣ 112 полостей. Въ музей патологической анатоміи состояло: долгосрочныхъ вещей 61 нумеръ, краткосрочныхъ 66 нумеровъ; въ теченіе 1871 года профессоръ *Маконъ* читалъ студентамъ V-го курса демонстративный курсъ патологической анатоміи съ тѣловскрытіями въ особомъ зданіи при военномъ госпиталѣ, по 6-ти часовъ въ недѣлю; при этомъ студенты, поочереди, сами производили тѣловскрытія и были упражнены въ распознаваніи патологическихъ измѣненій. Въ присутствіи студентовъ IV-го курса производились тѣловскрытія всѣхъ умершихъ, въ теченіе года, въ факультетскихъ клиникахъ, съ микроскопическимъ изслѣдованіемъ при тѣловскрытіи измѣненій. Въ фармацевтической лабораторіи и кабинетѣ—232 нумера аппаратовъ и инструментовъ. Въ фармацевтической лабораторіи—985 нумеровъ приборовъ, аппаратовъ и посуды. Въ кабинетѣ при хирургической факультетской клинике—589 инструментовъ и 115 нумеровъ аппаратовъ и снарядовъ. Въ кабинетѣ при акушерской факультетской клинике—1.295 нумеровъ аппаратовъ и инструментовъ. Въ кабинетѣ судебной медицины 117 нумеровъ инструментовъ, аппаратовъ и снарядовъ; здесь произведено 42 судебно-медицинскія вскрытия, и освидѣтельствовано 209 человѣкъ, изъ коихъ 187 были одержими соматическими болѣзнями и 22 психическими. При терапевтической факультетской клинике было 119 снарядовъ и инструментовъ; въ клинике къ 1-му января 1871 года оставалось больныхъ 24; въ теченіе года вновь поступило 167, изъ нихъ выздоровѣло 72, получило облегченіе 43, умерло 21, выбыло 30, осталось къ 1-му января 1872 года 25 человѣкъ; за совѣтами въ амбулаторную клинику обращались 261. Въ терапевтической факультетской клинике занятія студентовъ состояли: въ практическихъ упражненіяхъ въ распознаваніи болѣзней (перкуссіи и аусcultаціи), веденіи скорбныхъ листовъ и составленіи исторій болѣзней. Кроме того, студенты занимались въ лабораторіи при клинике химическими и микроскопическими изслѣдованіями болѣзненныхъ продуктовъ, необходимыми для диагностики внутреннихъ болѣзней. Въ хирургической госпитальной клинике къ 1-му января 1871 года оставалось больныхъ 25 человѣкъ; въ теченіе года поступило 106 человѣкъ; изъ нихъ выздоровѣло 92, получило облегченіе и выбыло изъ кли-

ники 17, получило облегчение, но продолжало лѣченіе 20, умерло 4; операций произведено 72, въ томъ числѣ съ полнымъ успѣхомъ 51, съ значительнымъ облегченіемъ 18, 3 операциіи окончились смертью; за совѣтами приходило 1.351 человѣкъ; имъ сдѣлано 204 операций. Хирургическая госпитальная клиника посѣщалась студентами IV-го курса, которые присутствовали при операцияхъ, помогая при ихъ производствѣ, а небольшія операциіи производили сами, также наблюдали за теченіемъ болѣзней, дѣлали перевязки больнымъ, составляли скорбные листы и исторіи болѣзней. Въ акушерской факультетской клинике было 58 случаевъ родовъ; изъ родильницъ выздоровѣло 55, умерло 3; изъ дѣтей родилось живыми 54, мертвыми 4, операций надъ роженицами произведено 17; больныхъ, одержимыхъ разными дѣтскими болѣзнями, было 63, изъ нихъ выздоровѣло 50, получило облегчение 8, выписалось безъ облегченія 2, умерло 3. Акушерская клиника была посѣщаема студентами IV-го курса, которые поочередно, въ алфавитномъ порядке, присутствовали при родахъ, упражнялись въ изслѣдованіи больныхъ женщинъ, беременныхъ, роженицъ и родильницъ, вели скорбные листы и составляли исторіи болѣзней. Кромѣ студентовъ, въ акушерской факультетской клинике обучались повивальному искусству и оспопрививанію 133 ученицы. Приходившихъ за совѣтами больныхъ было 162. Въ терапевтической госпитальной клинике къ 1-му января 1871 года оставалось больныхъ 53 человѣка; въ теченіе года поступило 683, изъ нихъ выздоровѣло 621, умерло 61; къ 1-му января 1872 года осталось 54 человѣка. Госпитальную клинику посѣщали студенты V курса, а также и врачи, подвергавшіеся практическому испытанію на степень доктора медицины. Занятія студентовъ состояли въ веденіи правильныхъ наблюденій, при чемъ они были упражнены въ производствѣ изслѣдованія больныхъ и патологическихъ выдѣленій современными физическими и химическими методами; на основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ, студенты устанавливали диагнозы болѣзней и показанія къ ихъ лѣченію. Наконецъ, къ числу занятій студентовъ относилось записываніе ежемѣсячныхъ наблюденій и составленіе исторіи болѣзней клиническихъ больныхъ. Въ хирургической госпитальной клинике, состоящей изъ трехъ отдѣленій, собственно хирургического, глазного и сифилитического, находится 64 кровати; къ 1-му января 1871 года оставалось больныхъ 61; въ теченіе года поступило 326, изъ нихъ выздоровѣло 232, получило облегчение и выбыло изъ клиники 62, умерло 24; затѣмъ къ 1-му января 1872 года осталось 69 человѣкъ; операций

произведено 62. Въ дерматологической клинике университета было 296 больных, изъ нихъ выздоровѣло 226, умерло 6, передано въ другія отдѣленія 27, осталось впередъ до выздоровленія 37. Дерматологическую клинику посѣщали студенты V-го курса; курсъ дерматологии излагался теоретически-демонстративно. Клинические больные служили предметомъ для демонстраціи при теоретическомъ изложеніи, и на этикъ же больныхъ студенты упражнялись въ распознаваніи болѣзней, наблюдали ихъ тѣла и знакомились со способами лѣченія, применявшимися въ клинике. Кроме того, при изложеніи лекцій были дѣланы студентамъ демонстраціи патологическихъ препаратовъ тканей, живущихъ на нихъ паразитовъ и другихъ предметовъ, съ цѣлью точного изученія терапии и патологии тканей. Въ глазной факультетской клинике къ 1-му января 1871 года состояло больныхъ 10; въ теченіе года поступило 123, изъ числа нихъ выздоровѣло 109, получило облегченіе 18, оказалось неизлечимымъ 1; затѣмъ остались въ 1-му января 1872 года 9 человѣкъ; за съвѣтами приходило 900.

— Въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ, 31-го мая, происходило публичное торжество, на котоpемъ присутствовали: г. министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія, дѣйсвительный членъ совѣтника И. Д. Делакова, г. управляющій С.-Петербургскимъ учебнымъ окружіемъ, дѣйсвительный статскій советникъ К. Н. Яновскій, члены совѣта университета, учащіеся въ университѣтѣ и посторонняя публика. Въ 11½ часовъ въ зданіе было открыто фундаментальное профессора А. Н. Бестужеева-Рюмина „О причинахъ различій взглядовъ на Петра Великаго“: За спасіе г. ректору университета заявить собраніе: 1) о томъ, что приготовленіе для него торжества докторомъ юристичнаго факультета Г. В. Мельниковымъ сочиненіе „О походѣ Петра Великаго въ Даремъ бенѣ и замѣтіе Рудольфа Гальпа“ — не можетъ быть прочитано на болѣшіи автора, и (2) чтоъ за настоящему же торжеству приготовлено ординарными профессорами Ю. А. Коновалчикомъ сочиненіе, подъ заглавіемъ „Inscriptions Falatopredicale“, по содержанію своему и титулу изъ дикія вполнѣ соответствующее своему назначенію. Напомѣть, объявлено было, что С.-Петербургскій университетъ, желая содействовать всестороннему изученію царствованія Петра Великаго, отaklıлъ предложить премію въ 1.500 руб. за лучшее строго научное сочиненіе по истории Петра Великаго, изъ числа тѣхъ, которыхъ пеизвѣтили въ теченіе 1872, 1873 и 1874 годовъ. Сочиненіе можетъ обнимать собою одну или несколько сторонъ дѣятельности Петра Великаго за

все его царствование, или же за известную его часть. Если же изъ числа сочинений, подлежащих по своему содержанию сокращению преміи, окажутся два сочинения, равно достойные поощрения, то премія может быть раздѣлена между ихъ авторами. (Проток. соз. С.-Петербург. ун-ти. № 12).

— Высочайшимъ приказомъ 10-го июля ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета *Менделевъ* командированъ за границу съ ученою цѣлью. Въ чёмъ именно заключается цѣль этой командировки, видно изъ нижеиздѣйшаго замечанія изъ журнала засѣданія соєзма С.-Петербургскаго университета 8-го апрѣля сего года (№ 6). Ординарный профессоръ Менделевъ сообщилъ физико-математическому факультету планъ предполагаемыхъ имъ испытаний надъ исследованіемъ закона зависимости плотности газовъ отъ давлений, подъ которыми они находятся. Законъ этотъ въ простѣйшемъ видѣ, открытый Мариоттомъ, оказался подверженнымъ значительнымъ уклоненіямъ и побуждалъ многихъ ученыхъ заниматься выводомъ болѣе точныхъ данныхъ. Къ числу самыи замѣчательныхъ работъ въ этомъ отношеніи, относятся пятнадцати-лѣтніе труды г. Ренъо, предпринятые на средства, щедро доставляемыя французскимъ правительстvомъ. Но не говоря уже о томъ, что опыты эти были доведены до доказательства, не превышающихъ 30 атмосферъ (чего недостаточно при современныхъ требованіяхъ тѣхники), самыи данные, полученные французскими учеными, представляютъ еще много разнорѣчій и во всякомъ случаѣ не даютъ возможности определить точный законъ зависимости между объемами газовъ и давлениями, на нихъ производимыми. Физико-математический факультетъ, убѣдясь изъ большей удовлетворительности предлагаемыхъ профессоромъ Менделевымъ премировъ для определенія давлений въ несравненно большихъ предѣлахъ, тѣмъ у Ренъо, и притомъ, съ приборами сравнительно дешевѣющими, ходатайствуетъ: 1) обѣ устройствѣ въ университѣтскомъ зданіи особаго комѣнденія для производства опытовъ, такъ какъ ни въ химической лабораторіи, ни въ физическомъ кабинетѣ быть для этого свободного места; 2) о командировкѣ профессора Менделевъ за границу съ 1-го мая по 15-е сентябрь сего года для заказа и приема инструментовъ. Созѣть С.-Петербургскаго университета постановилъ представить обѣ этому г. управлющему учебными округами и просить обѣ исходатайствованіи разрѣшения на командированіе профессора Менделевъ за границу и о назначеніи 2.000 рублей изъ суммы государственного казначейства какъ на устройство помещения для

опытовъ, такъ и на расходы по командированию сего профессора; при этомъ положено приводить, что благодаря участію, принятому въ этомъ дѣлѣ Его Императорскімъ Высочествомъ величимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, общими были уже средства до 10:000 р. отъ морского и воинскаго министерствъ для производства опытовъ, и что гг. предсѣдатель и члены Техническаго общества встрѣтили предположеніе профессора Менделеева съ величайшимъ сочувствіемъ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Состояніе народныхъ училищъ разныхъ наименованій, находящихся въ вѣдѣніи инспекціи народныхъ училищъ Подольской губерніи 1-го района.

(Изъ письма изъ отчета д. инспектора).

Въ послѣдніе три мѣсяца прошлаго 1871 года, г. инспекторомъ народныхъ училищъ Подольской губерніи 1-го района осмотрѣны: 5 двухклассныхъ училищъ, 26 одноклассныхъ, 2 частныхъ пансиона, 3 казенныхъ еврейскихъ училища, 1 частный еврейский пансионъ и 47 церковно-приходскихъ школъ. Ихъ главной цѣлью посѣтить одноклассныя училища и осмотрѣть возможно большее число церковно-приходскихъ школъ, г. инспекторъ отложилъ подробную ревизію двухклассныхъ училищъ до другаго времени, ограничившись въ послѣднихъ, главнымъ образомъ, знакомствомъ со способомъ преподаванія новоопредѣленныхъ учителей и обративъ вниманіе на тѣ недостатки, замѣчанія по которымъ были сделаны въ предыдущую ревизію. Результатъ такого осмотра училищъ былъ слѣдующій:

Двухклассная юродская училища. До введенія въ дѣйствіе положенія 26-го мая 1869 года, городское населеніе Подольской губерніи не имѣло возможности доставлять образованіе дѣтамъ своимъ. Изъ 6-ти уѣздныхъ городовъ 1-го района инспекціи только въ Каменцѣ было приходское училище, и благодаря заботамъ о просвѣщеніи бывшаго Подольского губернатора Горемыкина, было устроено одноклассное училище въ городе Могилевѣ и составлены приговоры для учрежденія училищъ въ гг. Литинѣ и Проскуровѣ. Итого, въ 1869 г., въ 6 городахъ было 2 одноклассныхъ училища и 2 предполагалось открыть. Осенью 1869 года во всѣхъ уѣздныхъ городахъ были почти одновременно открыты двухклассные училища, мужскія и женскія, съ приготовительными при нихъ классами. Для руководства при открытии училищъ совѣтами инспекціи выработаны были слѣдующія основ-

вания: предположено было тамъ, где не было училище, открывать только приготовительные классы; где было приходское училище — открывать приготовительные классы и первые классы для мальчиковъ и дѣвочекъ; где же были уѣздныя или дворянскія училища — тамъ открывать училище въ полномъ составѣ, за исключеніемъ 2-го женскаго класса. На практикѣ однако такое постановленіе оказалось не вполнѣ удобнымъ. Нашлась возможность открыть первые классы тамъ, где не было никакого училища, и не оказалось возможнаго открыть ихъ тамъ, где было уѣздное. Училища были открыты въ слѣдующемъ составѣ: въ Каменецкомъ, Могилевскомъ и Летичевскомъ училищахъ были открыты приготовительные и первые мужскіе и приготовительные женскіе; въ Проскуровскомъ, Ново-Ушицкомъ и Литинскомъ—только приготовительные мужскіе и женскіе. Въ 1870 году во всѣхъ училищахъ (за исключеніемъ Каменецкаго женскаго) были открыты слѣдующіе классы, а въ 1871 все училища (за исключеніемъ Каменецкаго и Могилевскаго женскаго) приведены были къ окончательному классному составу. Число учащихся съ каждымъ годомъ увеличивается, какъ вслѣдствіе того, что до сихъ поръ только въ немногихъ училищахъ были выпускн., тогда какъ приемъ былъ во всѣхъ, тѣль и вслѣдствіе развивающейся потребности образования въ средѣ городскѣхъ обществъ. Въ 1869 году въ 6 училищахъ учащихся было: мальчиковъ 341, дѣвочекъ 138; въ 1870—мальчиковъ 446, дѣвочекъ 173, а въ 1871—мальчиковъ 491, дѣвочекъ 187.

Поставленыя съ самаго начала въ условіи, благоприятствующемъ развитию, снабженны достаточнымъ количествомъ необходимыхъ учебныхъ пособій, порученныхъ лѣдамъ, достаточно адекватныхъ съ требованіями современной педагогики, обеспеченные материально, дающіеся училища сразу стац на надлежащую дорогу и продолжаютъ идти по ней, развиваясь все болѣе и болѣе. При посѣщеніи училищъ въ 1869 году, г. инспекторъ указалъ училищамъ совѣтому и смотрителямъ училищъ, какъ примѣнять на практикѣ все тѣ постановленія, которыя выработаны были въ софѣтѣ инспекціи, подтвержденны преподавателей съ принятими методами и выяснить имъ тѣ условия, которыя совѣтомъ инспекціи предположено было положить въ основу открываемыхъ училищъ. Въ послѣдующемъ развиціи г. инспектору приходилось, главнымъ образомъ, повторять, какъ выполняются на дѣлѣ требования совѣта инспекціи, которыя были уже достаточно выяснены. Обращая вниманіе на всѣ стороны училищной жизни, г. инспекторъ замѣтилъ, что хотя некоторые частности училищной организаціи

нуждались и до сихъ поръ нуждаются въ замѣнѣ и улучшении, но въ общемъ училища, благодаря хорошему составу служащихъ лицъ, понимавшихъ цѣль и значение этихъ заведений, вполнѣ удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ; которыхъ имѣлись въ виду при ихъ открытии.

Учебная часть двухклассныхъ училищъ съ приготовительными при нихъ классами находится въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи. Различие въ успѣхахъ по отдельнымъ предметамъ зависитъ отъ большей или меньшей способности преподавателей; хорошее же состояніе училища вообще зависитъ исключительно отъ хорошей подготовки учащихся въ приготовительномъ классѣ. Къ сожалѣнію, приготовительные классы представляютъ не одинаковый видъ. Различное количество учащихся, такъ что изъ въ одномъ училищѣ двое больши, нежели изъ другого, не можетъ оставаться безъ влиянія на успѣхи занятій. Кромѣ того, тамъ, где родители, по видимому, болѣе цѣнятъ успѣхи ученикій, гдѣ учащіеся аккуратно посѣшаютъ училище, занятія идутъ успѣшнѣе, нежели тамъ, гдѣ отношеніе къ училищу болѣе или менѣе индифферентное. Въ первый годъ по открытии училищъ, дѣятельность ихъ представляла довольно разнообразный видъ. Въ то время, какъ одни не представлялись никакихъ затрудненій стать сразу на твердую почву, другимъ пришлось достигнуть того же не безъ нѣкоторой борьбы. Учебная часть въ различныхъ училищахъ была въ различномъ состояніи. Переводимъ испытания 1870 года не могли уравнять познаній, такъ какъ въ нѣкоторыхъ училищахъ оказалось необходимымъ на первыхъ испытаніяхъ значительно понизить требования, опредѣленные программой. Только переводима испытания послѣд资料ного года, при полномъ сформированіи училищъ, дали возможность привести учебную часть къ надлежащей нормѣ."

Въ настоящее время учебная часть въ двухклассныхъ училищахъ, съ приготовительными при нихъ классами, находится въ слѣдующемъ состояніи:

Преподавание законовъ Божія начинается въ приготовительномъ классѣ съ изученіемъ молитвъ. Затѣмъ учащіеся изучаютъ священную исторію вѣтхаго и новаго завѣта и краткѣ напѣхиваю, и кромѣ того, имъ сообщаются враткія понятія о праздникахъ и богослуженіи православной церкви. Въ двухклассномъ училищѣ тѣ же свѣдѣнія излагаются подробнѣе. Въ нѣкоторыхъ училищахъ законоучителій, давалъ предпочтеніе устной бесѣдѣ предъ буквальнымъ заучиваніемъ по книгѣ, ведутъ преподаваніе довольно удовлетворительно. Къ сожалѣ-

шю, такой способъ обученія не во всѣхъ еще училищахъ имѣть място.

Обученіе грамотѣ въ приготовительныхъ классахъ ведется по руководству барона Корфа. Только послѣ бывшаго весны 1871 года съѣзда народныхъ учителей, въ которомъ участвовали и учителя приготовительныхъ классовъ, некоторые изъ послѣднихъ весьма удачно и разумно сумѣли воспользоваться методомъ Орбнскаго. Всегдѣ одновременно съ обученіемъ грамотѣ ведется и обученіе письму.

Обученіе чтенію ведется по „Родному Слову“. Въ 3-й группѣ учащимся дается для чтенія „Изборникъ“ Грушевскаго. Издѣсь, также какъ при обученіи грамотѣ, выѣтъ съ обученіемъ чтенію ведется обученіе письму. Условія обученія грамотѣ и письму въ мужскихъ и женскихъ приготовительныхъ классахъ нѣсколько различны. Учитель приготовительного класса, икакъ въ каждой группѣ мужского класса 8 уроковъ въ недѣлю, успѣваетъ сдѣлать болѣе, нежели надзорительница при 2 урокахъ въ группѣ женского класса. Оттого въ первыхъ и вторыхъ классахъ двухкласснаго училища мальчики стоять по познаніямъ выше девоочекъ. Устранить этотъ недостатокъ можно только назначеніемъ особыхъ преподавательницъ въ женские приготовительные классы и освобожденіемъ вовсе отъ преподаванія въ женскихъ классахъ учителей приготовительныхъ классовъ. Такая мѣра не только оправдана бы учебную часть женскихъ классовъ, но и мужскихъ, таинъ какъ то время, которое теперь учитель приготовительного класса употребляетъ для занятій въ женскомъ классѣ, оно могъ бы посвятить на занятія въ мужскомъ. Хотя, вслѣдствіе послѣдовавшаго разрѣшенія опредѣлить отдельными преподавательницами тамъ, где на жалованье имъ найдутся источники изъ специальныхъ суммъ училища или изъ городскихъ и общественныхъ пожертвованій, въ училищахъ Прохоровскемъ и Могилевскемъ оставалась возможность на счетъ суммъ, пожертвованныхъ городскими обществами, въ первомъ 560 руб., а во второмъ 530 руб. въ годъ, опредѣлить особыхъ преподавательницъ женскимъ приготовительнымъ классамъ, но въ остальныхъ четырехъ училищахъ дѣять надежды на приведеніе этой мѣры въ исполненіе на счетъ общественныхъ пожертвованій.

Занятія по русскому языку состоятъ въ чтеніи, пересказываніи прочитаннаго, заучиваніи стихотвореній и въ практическомъ изученіи грамматическихъ правилъ, необходимыхъ для правильнаго пониманія чтенія и письма. Благодаря прекрасному руководству Ульиноваго занятія ведутся въ полной тишинѣ и уединѣ. Учадіе въ 2-мъ классѣ

читаютъ довольно бѣгло и правильне, пишутъ безъ грубыхъ, а иногда и вовсе безъ ошибокъ, дѣлаютъ грамматический разборъ, раздѣляютъ мысль на предложения и разставляютъ знаки препинанія. У лучшихъ преподавателей учащіеся пишутъ порядочно сочиненія, составляютъ письма, объявленія и т. п.

Успѣшному занятию русскими языками содѣйствуетъ ученическая библиотека училища. Въ настоящее время не все ученическія библиотеки, могутъ удовлетворять своему назначению. Только тѣ училища, которымъ можно воспользоваться книгами изъ библиотеки бывшаго Черноостровскаго дворянскаго училища, имѣютъ уже порадочную ученическую библиотеку, могущую вполнѣ удовлетворить потребностямъ учащихся. Независимо отъ контроля надъ чтеніемъ, некоторые преподаватели, относясь къ большимъ усердіемъ и любознанию къ принятому на себя занятию, сдѣлали чтеніе особымъ родомъ занятий подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ и руководствомъ, и такія чтенія, въ короткое время, дали хорошие результаты.

Вмѣстѣ съ обучениемъ чтенію въ приготовительномъ классѣ и русскому языку въ двухклассномъ училище ведется обученіе славянскому чтенію. Результаты этихъ занятий довольно удовлетворительны. Учащіеся научаются читать довольно правильно и въ состояніи, безъ особыхъ затруднений, переводить съ славянскаго языка на русскій статьи нетрудного содержанія.

Занятия арифметикой начинаются въ приготовительномъ классѣ и ведутся здѣсь по способу Грубе. Въ некоторыхъ училищахъ, гдѣ учителя вполнѣ поняли сущность методы и ея значеніе и сумѣли ею воспользоваться, удачное приложеніе метода въ обученію счету даетъ блестательные результаты. Соображеніе учащихся развивается на столько, что они весьма быстро разрѣшаютъ въ умѣ задачи съ числами цѣлыми и дробными, состоящими изъ десятковъ и даже сотенъ. Въ двухклассныхъ училищахъ преподаваніе арифметики ведется вообще вполнѣ удовлетворительно. Даже преподаватели мало опытные, пользуясь вполнѣ установленными методами обученія, доводятъ учащихся до надлежащихъ результатовъ. Единственнымъ препятствиемъ въ преподаваніи служило то, что курсъ предмета распределенъ былъ между классами слишкомъ неравномѣрно. Недостатокъ этотъ въ настоящее время устраненъ въ выработанной съѣзdomъ программѣ, и материалъ распределенъ сообразно умѣстеннымъ сидамъ учащихся.

Преподаваніе русской истории, начинаяющееся въ I-мъ классѣ двухкласснаго училища, состоитъ въ ознакомлении учащихся съ наиболѣе

заключительными событиями отечественной истории и наиболее знаменитыми деятелями ее, въ биографическихъ очеркахъ послѣднихъ. Такая программа предмета, не смирила добросовѣтность и умѣніе преподавателей, не вездѣ однозначно вспоминается. Главной причиной этого служить недостатокъ соответственного руководства. Принятый каѳетъ руководство, учебникъ Иловайского далеко не удовлетворяетъ требованиямъ программы. Конечно, утапливая, при выходѣ изъ училища, вынуждены факты изъ русской истории; но факты не получаютъ надлежащей отдачіи, они не освѣщены надлежащимъ свѣтломъ и смѣшиваются въ головахъ учащихся, вслѣдствіе чего, по выходѣ изъ училища, выжившіе "события" отечественной истории также легко могутъ пергладиться изъ памяти, или же мелкие факты. Наставительная надѣбность чувствуется въ составленіи учебника по русской истории, вполнѣ пригодного курсу двухклассныхъ училищъ.

Еще болѣе затруднений встрѣчаетъ преподаваніе географіи. Преподаваніе географіи, начинаясь съ ознакомленія съ глобусомъ, дѣлаетъ съ самаго начала науку о землѣ чисто отвлеченной, данные которой должны восприниматься учащимися на вѣру. Результатомъ такого веденія занятій выходитъ то, что учащиеся никакъ не могутъ составить себѣ яснаго представленія ни о землѣ, ни о глобусѣ, ни о странахъ суѣта, не говоря уже о томъ, что они вовсе не имѣютъ понятія о перемѣнѣ дня и ночи и о временахъ года — явленіяхъ, весьма важныхъ для умственнаго развитія учащихся. Результаты, которые достигаются въ различныхъ училищахъ отъ преподаванія географіи, различны. При счастії и неопредѣленности программы, учителя не могутъ уровнять свойѣ требованій, и каждый ведетъ преподаваніе по своему усмотрѣнію. Лучшіе учителя достигаютъ порадочнѣйшихъ результатовъ: учащіе знакомы съ картой, могутъ указать сухопутныя и водныя сообщенія, показать административное раздѣленіе Россіи и назвать достаточно городовъ. Овѣдомлѣнія этнографическая и физическая изочерплюются учащимися изъ принятыхъ учебниковъ и не волей удовлетворяютъ даже самѣй дѣйствующей программѣ, требующей болѣе подробнаго знанія географіи Россіи.

Въ мѣнѣе удовлетворительномъ состояніи находилось преподаваніе геометріи. При недостаткѣ подходящаго учебника, при неопределенности программы и недостаточной подготовкѣ преподавателей, нельзя было ожидать большихъ успѣховъ. Учащіе были знакомы съ главнейшими теоремами чистой геометріи и тригонометріи и знали ихъ иногда довольно толково, но въ самомъ преподаваніи, чисто же ме-

нъе, не было видно определенной системы, не было цѣли, къ достиженію которой стремилось бы преподаваніе. Для устраненія указанныхъ недостатковъ и для приведенія въ надлежащій видъ преподаванія предмета, весьма важнаго въ двухклассныхъ училищахъ, устроены были въ городѣ Винницѣ съѣзда изъ учителей математики и черченія городскихъ училищъ въ Подольской губерніи¹⁾). Въ выработанной съѣздомъ программѣ планъ опредѣленъ цѣль преподаванія и указаны самими точными образомъ всѣ линии, до которыхъ должны были доводиться учащіеся. Въ виду же того, что при одному урокѣ въ одномъ классѣ не было бы возможности достигнуть желаемыхъ результатовъ, преподаваніе черченія, приведенное соглашеніе съ преподаваніемъ геометріи и должно служить пособіемъ для преподаванія последней. Такое соглашеніе, избавляя учителя отъ надобности знаменитъ учащихъ съ терминологіей и способами обыкновенныхъ свойствами линій и фигуръ, даетъ имъ возможность и въ небольшое время сообщать учащимъ такія практическія сѣдѣнія, которыми могутъ оказаться весьма полезными и пригодными въ домашнемъ быту. Конечно, въ 1871—1872 учебномъ году преподаваніе геометріи не могло быть введенъ вполнѣ по выработанной съѣздомъ программѣ, потому что учащіеся не были къ тому подготовлены; но съ слѣдующаго (1872—1873) учебного года, когда учителя черченія подготовятъ надлежащими образомъ учащихъ въ 4-мъ классѣ, отъ изученія геометріи, согласно программѣ съѣзда, можно ожидать хорошихъ результатовъ.

Преподаваніе черченія, за исключеніемъ отдельныхъ училищъ, въ самаго начала въ большей части училищъ, было распределено между другими преподавателями, которые, не будучи въсѣе знакомы съ предметомъ, не могли и вѣри чегоже-либо-нибудь удовлетворительно. Съ назначеніемъ, съ начала 1871 года, учителей изъ бывшѣхъ воспитанниковъ Строгановскаго училища, преподаваніе улучшилось, хотя всѣдѣстіе несомнѣнно преподавателей, отъ преподаванія не было опредѣленаго плана. Занятия состояли болѣе частно въ монографіи профилей, изысковъ, орнаментовъ и т. п. Хотя въ некоторыхъ училищахъ учащіеся достигали значительныхъ успѣховъ, но поистинѣ своихъ они не въ состояніи были реализовать, такъ какъ въ основаніе преподаванія не было положено никакой цѣли. На съѣздѣ учи-

¹⁾ Съѣзжій обѣтъ этомъ съѣзда были сообщены въ юльской книжкѣ *Журн. Мин. Просв.* (Прѣдѣлъ Чекулинговъ), стр. IV, стр. 201—36.

телей въ Винницѣ, на преподаваніе черченія было обращено особенное вниманіе, и въ выработанной съѣздаомъ программѣ по черчению, преподаванію котораго дано чисто практическое направление, ясно указана цѣль, средства для достиженія ея, и опредѣлены точно познанія, до которыхъ должны быть доведены учащіеся. Съ начала 1871—1872 учебнаго года, программа по черчению приложена во всѣхъ училищахъ и преподаваніе этого предмета; какъ могъ замѣтить г. инспекторъ при ревизіи, привнесло гораздо болѣе опредѣленный характеръ, такъ что оно въ скоромъ времени должно дать хорошие результаты.

Рисование въ женскихъ училищахъ, замѣняющее черченіе, подобно послѣднему, въ началѣ было распределено между преподавателями и только съ назначеніемъ специальныхъ учителей привнесло опредѣленный видъ. Занятія состояли въ рисованіи узоровъ, цвѣтовъ, а иногда и головокъ. Въ нѣкоторыхъ училищахъ встрѣчались дѣвочки, рисующіе весьма удовлетворительно. Точное опредѣленіе предмета рисованія вошло въ кругъ занятій съѣзда, и послѣднимъ была выработана программа, опредѣляющая цѣль и порядокъ занятій этимъ предметомъ. Программа эта значительно разнится отъ прежде приватой въ училищахъ программы. Въ виду того, что въ курсѣ женскихъ училищъ не введенъ ни геометрія, ни черченіе, вслѣдствіе чего дѣвочки лишены возможности познакомиться съ такими вещами и терминами, которые не только встречаются на каждомъ шагу въ жизни, но даже крайне необходимы при изученіи рукодѣлія, программа отнесла на долю рисованія знакомленіе со всѣми необходимыми сѣдѣвіями изъ курса черчения.

Рукодѣлье съ самаго начала во всѣхъ женскихъ училищахъ было преподаваемо надзирательницами. Успѣхи были весьма различны, такъ какъ лица, на которыхъ была возложена обязанность преподаванія, были сами далеко не однаковыхъ познаній. Когда совѣтомъ инспекціи была дана въ руководство преподавательницамъ составленная компетентными лицами программа по рукодѣлію, и когда, вслѣдъ затѣмъ, вслѣдовало мало по магу назначение особыхъ преподавательницъ-специалистокъ, преподаваніе рукодѣлья привнесло опредѣленный характеръ. Въ настоящее время хотя учащіеся и не достигли еще тѣхъ знаній, которыхъ опредѣлены программою, но въ нѣкоторыхъ училищахъ они, въ недалекомъ будущемъ, должны удовлетворить вполнѣ требованиямъ ея.

Преподаваніе гігіи, сравнительно съ другими предметами, наход-

дится въ плохомъ состояніи. Только Могилевское училище, гдѣ обученіемъ занимается самъ смотритель, можетъ показаться своимъ херомъ, да въ Литинскомъ училищѣ предметъ этотъ находится въ удовлетворительномъ состояніи; въ остальныхъ же училищахъ, въ короткое время, перемѣнилось уже нѣсколько преподавателей, и предметъ находится въ неудовлетворительномъ состояніи. Малое вознагражденіе (50 р.) не даетъ возможности имѣть специальныхъ учителей, и должность эта или занимается церковно-служителями, несется достаточно изъ труда подготовленными, или вѣсѣ остается незанятою. При такомъ положеніи, конечно, трудно ожидать успѣха.

Воспитательная часть двухклассныхъ училищъ находится въ удовлетворительномъ состояніи. Съ самого открытия училищъ, въ основа-
ніе ихъ были положены здравыя понятія современной педагогики, ко-
торыя были вполнѣ выяснены училищными советами. Всѣ постанов-
ленія совета инспекціи приняты училищными советами въ исполне-
нію. Надзоръ за учащимися изъ стѣнъ заведенія распределенъ между
всѣми учащими, а въ женскихъ училищахъ лежитъ на обязанности
надзирательницъ. Исключивъ почти вовсе навазанія, советъ инспекціи
предполагалъ этикъ путемъ достигнуть нравственного взаимія препо-
давателей на учащихся. Эта иѣра привела къ хорошимъ послѣдствіямъ.

Пожѣщенія двухклассныхъ училищъ въ настоящее время вообще
довольно удовлетворительны. Два училища—Баранецкое и Могилев-
ское имѣютъ уже собственные помѣщенія, достаточно принособлен-
ные къ требованіямъ; два другихъ—Летичевское и Ново-Ушицкое по-
мѣщаются въ домахъ, нанятыхъ не довольно продолжительное время
и вполнѣ удовлетворительныхъ, и только два остальныхъ—Проскуров-
ское и Литинское имѣютъ пока невполнѣ выгодныхъ помѣщеній.

Общества чувствуютъ уже надобность въ училищахъ; но далеки
отъ того, чтобы оказывать имъ съ своей стороны какое-либо содѣ-
ствіе, материальное или нравственное. Только тѣ городскія общества
даютъ еть себѣ пособія училищамъ, которыя, до открытия двухclas-
сныхъ училищъ, вскинули суммы на устройство училищъ; осталь-
ные же не оказываютъ никакого материальнаго пособія. Родители
учащихся, съ своей стороны, оказываютъ мало содѣствія учили-
щамъ въ дѣлѣ воспитанія. Они не обращаютъ вниманія на не-
аккуратное посѣщеніе дѣтскими училищъ и даже сами первѣво бы-
ваютъ причиной пропусковъ уроковъ. Отдавая дѣтей въ училище,
они предоставляютъ ихъ на волю заведенія и ни мало не интересу-
уются имъ успѣхами. Пррагданеніе родителей въ училище, просро-

оказать содѣйствіе въ воспитательномъ отношеніи, весьма часто остаются безъ послѣдствій. При такомъ положеніи дѣла, училищамъ совѣтами было не мало труда, въ особенности въ началѣ, поставить училища въ такія отношенія къ обществамъ, при которыхъ дальнѣйшее развитіе ить могло бы идти правильно.

Учрежденіе классовъ для взрослыхъ при двухклассныхъ училищахъ идетъ довольно медленно. Препятствіе служить недостатокъ желающихъ учиться. Когда совѣтами инспекціи были разосланы по училищамъ правила для руководства при открытии классовъ для взрослыхъ, сначала отъ совѣта Могилевскаго училища, а потомъ Каменецкаго, посыпались ходатайства объ открытии классовъ. Въ первомъ предположеніе осуществилось; хотя учащихся очень не много; во второмъ же открытие класса не осуществилось за неимѣніемъ желающихъ. Такую же точно участіе испытываютъ и ремесленные классы при двухклассныхъ училищахъ. Для учрежденія ихъ, впрочемъ, встрѣчается болыше препятствій, такъ какъ, кроме желаній учащихся, нѣобходимы и средства для устройства класса, которыми не все училища располагаютъ. Послѣ разсылки совѣтами инспекціи по училищамъ правильъ, на основаніи которыхъ могутъ быть учреждены при училищахъ ремесленные классы, два училища — Литинское и Брасковоронское, имѣющія въ своемъ распоряженіи частныя средства, обратились съ ходатайствомъ объ учрежденіи ремесленныхъ классовъ: первое — для обученія токарному и переплетному мастерствамъ, а второе — столярному. Во второмъ предположеніе осуществилось, и обученіе идетъ довольно успѣшно; но въ первомъ не оказалось возможности осуществить его, потому что родители не согласились даже на условіе не брать дѣтей изъ училища до тѣхъ поръ, пока они не обучатся мастерству вполнѣ.

Въ частности состояніе двухклассникъ училищъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Литинское открыто 18-го сентябрь 1869 г. Учащихся въ этомъ году было 58 мальчиковъ и 27 девочекъ; въ 1870 г. 61 мальчикъ и 29 дев.; въ 1871 г. 83 мальчика и 86 девочекъ. Въ учебномъ отношеніи училище еще не установлено и до сего времени. Усѣйки по закону Божию заставляютъ еще жечь многаго; познанія девочекъ выше, чѣмъ у мальчиковъ. Главный недостатокъ преподаванія заключается въ томъ, что учащіе понимаютъ далеко не все, чѣмъ внучиваются на память. Обученіе грамотѣ и ариѳметикѣ въ приготовительной классѣ, хотя ведется сообразно приспособленіемъ методами, но не до-

стигаетъ удовлетворительными результатами; учитель занимается съ достаточными усердіемъ, но мало опыта. Не бываетъ уѣхковъ и въ женскомъ приготовительномъ классѣ, гдѣ занимается надзорительница. Знанія учащихся по русскому языку въ двухклассномъ училищѣ также недостаточны, чѣмъ зависитъ частію отъ недостатка опыта учащихся въ приготовительномъ классѣ, частію отъ недостатка опыта преподавателей. По славянскому языку учащіе читаютъ и переводятъ довольно удовлетворительно. Ариѳметика, преподаваемая смотрителемъ, стоять, вѣсаколько выше: учащіе достаточно напрактикованы въ решеніи задачъ; но, вслѣдствіе слишкомъ большо однобразія въ преподаваніи не на столько развиты, на сколько могли бы быть при другихъ условіяхъ. Преподаваніе исторіи и географіи, равно какъ черченія, численнія и рисованія, до послѣдняго учебнаго года было распределено между различными преподавателями. Но первыи двумъ предметамъ учащіе имѣли второрядное посвященіе, и преподаваніе велось самимъ неудовлетворительнымъ образомъ. Учитель оказался незнакомымъ со способами преподаванія, требуя заучивания даже такихъ статей учебника, которыхъ учащіе не въ состояніи были посчитать. Ему сделаны надлежащія указанія по присутствію членовъ совѣта, и совѣту предложено составить подробную программу по обоимъ предметамъ. Черченіе, численніе и рисованіе, съ назначеніемъ, учителя-воспитатника Строгоновскаго училища, значительно подвинулось впередъ. Въ настоящемъ году предметы эти пришли еще въ лучшее состояніе, вслѣдствіе внедрія въ дѣло программы съѣзда. Обученіемъ лѣнію занимается трубачъ квартирующей въ городѣ артиллерійской бригады. Чрезвычайно усердіе и любовь преподавателя сдѣлали то, что изъ учащихся въесьма короткое время образовалась хоръ, который во праздникахъ и поокрестъ дній поетъ въ церкви. Обученіемъ руководлютъ съ 1871 г. особая преподавательница. Успѣхи пока еще не велики, но можно предполагать, что они будутъ въ состояніи удовлетворить требованиямъ программы. Классная дисциплина находится въ удовлетворительномъ состояніи, хотя въ женскомъ училищѣ можно бы иметь вѣсаколько большаго порядка.

Деміческое двухклассное училище открыто 12-го октября 1869 года; въ 1870 году мужское училище приведено было къ полному составу, а въ женскомъ открыть было 1-й классъ; въ 1871 году въ мужскомъ училищѣ былъ уже первый выпускъ, а женское приведено въ полный составъ. Учащихся было въ 1869 году: мальчиковъ 76, девочекъ 25; въ

1870 году мальчиковъ 107, дѣвочекъ 38; въ 1871 году мальчиковъ 102, дѣвочекъ 32. Учебная часть въ началѣ была въ довольно неудовлетворительномъ состояніи; съ назначениемъ же учителей, разумно взявшихся за дѣло, училище принимало все лучшій видъ, и въ послѣднемъ учебномъ году оно находилось въ весьма хорошемъ состояніи. Успѣхи учащихся по закону Божію довольно удовлетворительны, хотя многія статьи изъ санкціонной исторіи заучены безъ пониманія. Обученіе грамотѣ и ариѳметикѣ въ приготовительномъ классѣ идетъ весьма хорошо. Учителямъ присвоены къ исполненію всѣ замѣчанія бывшаго сѣйца народныхъ учителей, и преподаваніе ведется вполнѣ рационально и успѣшно. Классъ во всѣхъ отмѣненіяхъ приведенъ въ хорошее состояніе, и этимъ училище обзаводится исключительно настоящему учителю, къ сожалѣнію, усиленными занятіями разстроившему свое слабое здоровье. Состояніе женскаго приготовительного класса не удовлетворительно. Преподаваніе русскаго языка въ училищѣ находится въ весьма хорошемъ состояніи. Преподаватель, хорошо знакомый съ дѣломъ, получивъ учащихся, достаточно подготовленныхъ въ приготовительныхъ классахъ, сдѣлываетъ по русскому языку все возможное. Мальчики 2-го класса читаютъ совершенно свободно, дѣлаютъ логическій и граматический разборъ, пишутъ правильно и разставляютъ знаки препинания. Успѣхи дѣвочекъ нѣсколько слабѣ, чтѣ зависятъ отъ меньшей имъ подготовки. По славянскому языку успѣхи также удовлетворительны; учащіе читаютъ и переводятъ статьи нетруднаго содержанія довольно свободно. Преподаваніе ариѳметики удовлетворительно во всѣхъ классахъ: учащіе бойко решаютъ задачи и развиты достаточно для того, чтобы решать въ умѣ даже довольно трудные задачи. Преподаватель обладаетъ достаточными познаніями и знакомъ хорошо съ методами преподаванія. Преподаваніе геометріи, хотя по успѣхамъ занимаетъ много ниже другіхъ предметовъ, однако же гораздо удовлетворительнѣе, нежели въ другихъ училищахъ. Преподаватель, самъ хорошо знакомый съ замѣтѣніями искусствомъ, придастъ преподаваемому имъ предмету такое направление, при которомъ изученіе его приноситъ значительную пользу. По исторіи и географіи учащіе имѣютъ достаточно сѣйдѣній; съ географіею Россіи довольно хорошо знакомы, но имѣютъ смутныя понятія о физической географіи. Преподаваніе черченія, чистописанія и рисованія, до начала 1871 года, было распределено между другими преподавателями и не можно привести въ хорошихъ результатахъ. Только черченіе, которыемъ занимался преподаватель математики, велось нѣсколько пра-

вильно. Съ назначениемъ особаго учителя, учащіе въ самое короткое время сдѣлали значительные успѣхи. Учитель очень хорошо знакомъ съ дѣломъ и не жалѣтъ труда, чтобы восполнить недостатки прежнаго преподаванія. Пѣніе находится не въ блестящемъ положеніи; хотя изъ учащихся и составлена хоръ, но ни прежний преподаватель, ни настоящій не въ состояніи были организовать его надлежащимъ образомъ. Успѣхи по русскому довольно удовлетворительны. Классная дисциплина и вообще поведеніе учащихся находятся въ состояніи вполнѣ удовлетворительномъ.

Каменецкое двухклассное училище открыто 20-го октября 1869 года. Изъ мужскаго училища въ 1871 году уже былъ первый выпускъ, а женское до сихъ поръ остается только съ приготовительнымъ классомъ. Это произошло частію оттого, что воспитанницы приготовительного класса поступили въ Каменецкую женскую гимназію, а еще болѣе вслѣдствіе перемѣщенія училища изъ кирпичаго дома, бывшаго въ предметѣ, въ собственный домъ въ городѣ, при чьемъ же воспитанницы вышли изъ него. Учащихся въ 1869 году было мальчиковъ 72, дѣвочекъ 20; въ 1870 году мальчиковъ 110, дѣвочекъ 28; въ 1871 году мальчиковъ 76, дѣвочекъ опять 28. Учебная часть не по всемъ частямъ представляется одинаково удовлетворительной. Ученики 2-го класса подготовлены уже достаточно и выйдутъ изъ училища съ надлежащими свѣдѣніями, а 1-й классъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ. Несколько слабѣе приготовительный классъ, чѣмъ главнымъ образомъ зависитъ отъ частой перемѣны учителей. Усердіе нынѣшнаго учителя приготовительного класса позволяетъ надѣяться, что классъ этотъ въ состояніи будетъ дать достаточно подготовленныхъ учениковъ для I класса. Успѣхи по закону Божию нельзя назвать вполнѣ удовлетворительными, хотя въ преподаваніи дается преимущество разказу предъ заучиваніемъ. Обученіе грамотѣ и ариѳметикѣ въ мужскомъ приготовительномъ классѣ ведется сообразно принятымъ методамъ и указаніямъ съѣзда. Учитель прилагаетъ все свое стараніе для того, чтобы поставить классъ въ хорошее состояніе, и только недостатокъ опыта не позволяетъ ему въ короткое время достигнуть вполнѣ хорошихъ результатовъ. Женскій приготовительный классъ нисколько не улучшился со временемъ существованія училища. Въ此刻и учебномъ году сеѧть училища начальъ необходимымъ обратить особенное вниманіе на состояніе учебной части въ женскомъ приготовительномъ классѣ и усилить преподаваніе раздѣленіемъ занятій между всѣми преподавателями училища; въ третій групѣ, такимъ образомъ, назначенію въ недѣлю

6 уроковъ русскаго языка и 6 уроковъ арифметики. Русский языкъ преподается смотрителемъ; достаточны опытность и умѣніе преподавателя обуславливать удовлетворительное состояніе преподаванія. Въ I классѣ ученики читаютъ довольно свободно; писать удовлетворительно и достаточно овладѣлъ съ разборомъ. Ученики II класса пишутъ довольно правильно и въ состояніи составить небольшія письменныя упражненія на заданную тему; по славянскому языку успѣхи также довольно удовлетворительны. Преподаваніе арифметики начинается совершенствоваться; учащіе достаточно развиты и бойко рѣшаютъ довольно сложныя задачи. Въ худшемъ положеніи находилась геометрія. Преподаватель, едва ли не опытный, не былъ въ состояніи въ предметѣ этого изложить тѣхніи свѣдѣнія, которымъ соответствовали бы курсу училища, и терялся въ неопредѣленности. Только съ введеніемъ программы, съ задача, преподаваніе этого предмета пришло характеръ определенный. Преподаваніе исторіи и географіи, до послѣдняго учебного года, было раздѣлено между другими преподавателями; съ назначеніемъ отдельнаго учителя, состояніе этихъ предметовъ признало болѣе удовлетворительный видъ: ученики I класса достаточно знакомы съ физической географіей, а ученики II класса были ознакомлены съ раздѣленіемъ Россіи, климатомъ, почвой и естественнымъ производеніями Европейской Россіи. И здесь однако, какъ и въѣдь, ученики, знакомы съ глобусомъ весьма поверхностно и вовсе не имеютъ понятія о положеніи земли во вселенной. Чертежи, чистописаніе и рисование, со временемъ открыты училище, преподаются особенно учителемъ, но малая способность его не привели учащихся къ желаемымъ результатамъ. Нѣкто находится въ неудовлетворительномъ состояніи; въ теченіе времени существованія училища въ немъ перебило уже нѣсколько учителей, и въ настоящее время, обучающій не дѣлаетъ большихъ успѣховъ. По рукодѣлью не замѣтно пока никакихъ успѣховъ, такъ какъ обучаемые дѣвочки приготовительного класса сидятъ мало, и въ числѣ ихъ много новичка. Воспитательная часть училища находилась въ удовлетворительномъ состояніи. Училище сформировалось всъ началѣ, главнымъ образомъ, изъ учениковъ бывшаго Каменецкаго приходскаго училища. Привыкшіе къ старой школьнной дисциплинѣ, ученики съ трудомъ подчищались разумѣнію требованій училища, и училищному совѣту пришлось не мало перебороть, пока училище приведено было въ настоящее состояніе. Кромѣ того, прежнее помѣщеніе училища, крайне неудобное, не позволяло устроить правильнаго надзора за учениками,

что также не оставалось безъ вліяння на общий ходъ успѣховъ въ дѣлѣ воспитанія. Только перенесеніе училища въ собственное помѣщеніе, хорошо устроенное, дало возможность правильно повести это дѣло. Въ послѣднюю ревизію, только въ мужскомъ приготовительномъ классѣ г. инспекторъ нашелъ классную дисциплину въ неудовлетворительномъ состояніи, на что и обратилъ вниманіе законоучителя и учителя, а также и всего училищного совѣта.

Ново-Ушицкое двухклассное училище открыто 10-го октября 1869 года. Учащихся въ 1869 году было: мальч. 54, дѣв. 30; въ 1870 г.— мальч. 67, дѣв. 34; въ 1871 г.— мальч. 74, дѣв. 35. Учебная часть находится въ совершенно удовлетворительномъ состояніи: только II женскій классъ стоитъ нѣсколько ниже надлежащаго уровня. Причина этого заключается въ томъ, что въ первый годъ, для сформированія I класса, изъ приготовительного были переведены дѣвочки, недостаточно подготовленныя. Въ будущемъ году этотъ недостатокъ долженъ устраниться, такъ какъ настоящій I классъ вполнѣ удовлетворителенъ. Мужское училище, вполнѣ удовлетворяющее требованіямъ, въ будущемъ году должно быть еще лучше, такъ какъ изъ теперешняго I класса образуется въ будущемъ году II, который будетъ лучше настоящаго II. Преподаваніе всѣхъ предметовъ идетъ болѣе или менѣе успѣшно. Познанія учащихся по закону Божію довольно удовлетворительны, хотя буквальное заучиваніе не вполнѣ устранено. Обученіе грамотѣ въ мужскомъ приготовительномъ классѣ ведется вполнѣ удовлетворительно, и учащіе достаточно подготовляются для перехода въ I классъ. По ариѳметикѣ познанія слабѣе; учащіе недостаточно напрактикованы въ решеніи умственныхъ задачъ. Учебная часть женскаго приготовительного класса находится въ совершенно удовлетворительномъ состояніи; дѣвочки читаютъ и пишутъ лучше, чѣмъ мальчики. Такимъ состояніемъ класса училище обязано надзирательницѣ, очень усердно и толково ведущей занятія. Преподаваніе русскаго и славянскаго языка до настоящаго учебнаго года было распределено между преподавателями. Назначеніемъ особаго учителя предметъ однако выигралъ немногого. Мало опытный учитель оказался не въ силахъ выполнить требуемую систему преподаванія. Учителю сдѣлано много указаний, а совѣту поручено самимъ точнымъ образомъ опредѣлить норму познаній въ каждомъ классѣ по русскому языку, которую и дать въ руководство преподавателю. Ариѳметика, преподаваемая смотрителемъ, поставлена хорошо, и ученики рѣшаютъ задачи толково и разумно. Назначеніе нового преподавателя черченія, чистописанія и рисованія

изъ воспитанниковъ Строгоновскаго училища оказалось большое желание на успѣхъ преподаванія этихъ предметовъ. Молодой человѣкъ, горячо взывшійся за дѣло, въ короткое время успѣхъ достигнуть отличныхъ результатовъ и уже теперь поставилъ эти предметы въ состояніе вполнѣ удовлетворительное. Пѣніе находится въ плохомъ состояніи. Обученіемъ занимался сначала одинъ діаконъ, затѣмъ другой, а въ настоящее время, вовсе нѣтъ преподавателя. Рукодѣліе преподается надзирательница, такъ какъ до тѣхъ поръ не нашлось особы, которая изъявила бы желаніе обучать этому предмету. Будучи впрочемъ достаточно съ нимъ знакома, надзирательница ведетъ занятія довольно успѣшно. Воспитательная часть училища находится въ весьма удовлетворительномъ состояніи; даже многочисленный приготовительный классъ въ дисциплинарномъ отношеніи не заставляетъ почти ничего болѣе желать.

Прокурорское двухклассное училище открыто 15-го октября 1869 г. Учащихся въ 1869 году было: мальч. 20, дѣв. 21; въ 1870 году мальч. 51, дѣвоч. 32; въ 1871 году мальч. 79, дѣв. 36. Училище со дня открытия и до сего времени находится въ одинаково хорошемъ состояніи. Опытный и преданный дѣлу смотритель сумѣлъ съ самого начала поставить училище въ надлежащія отношенія къ обществу и довести учебную часть до возможно удовлетворительного уровня. По всѣмъ преподаваемымъ предметамъ успѣхи вполнѣ удовлетворительные. Преподаваніе грамоты и ариѳметики въ приготовительномъ классѣ не заставляетъ желать ничего болѣе. Основательно знакомый съ методами, преподаватель умѣеть разумно пользоваться ими и даетъ двухклассному училищу дѣтей, очень хорошо подготовленныхъ. Въ особенности хорошо приложенъ методъ Грубе къ преподаванію ариѳметики. Соображеніе учащихся на столько развито, что они не затрудняются производить въ умѣ быстро вычисленія надъ десятками и даже сотнями. Въ женскомъ приготовительномъ классѣ учебная часть стоитъ ниже, хотя познанія учащихся удовлетворительны. Русскій и славянскій языки хотя и удовлетворяютъ требованіямъ программы, стоять однако же ниже другихъ предметовъ. Преподаваніе ариѳметики до начала 1871 года было распределено между преподавателями, и не смотря на то, успѣхи по этому предмету были вполнѣ удовлетворительны. Назначеніе учителя, вполнѣ знакомаго съ предметомъ, привело предметъ въ такое состояніе, при которомъ почти ничего не остается желать. Геометрія преподавалась только съ послѣднаго учебнаго года, по программѣ съ зѣздомъ; хорошо

знакомый съ дѣломъ преподаватель ведеть занятія вполнѣ рационально. Исторію и географію преподаєтъ смотритель. Онъ вполнѣ выяснилъ себѣ требования училища, достаточно опытень въ дѣлѣ преподаванія и сообщаетъ учащимся всѣ необходимыя свѣдѣнія весьма обстоятельно, чрезъ что поставилъ предметы эти въ состояніе вполнѣ удовлетворительное. Черченіе, чистописаніе и рисованіе уже съ 1870 года поручены были преподавателю, основательно знакомому со всѣми новѣйшими методами. Хотя черченіе и здѣсь, до введенія программы съѣзда, не имѣло такой опредѣленной цѣли, какъ въ настоящее время, тѣмъ не менѣе занятія велись вполнѣ разумно и успѣшно. Чистописаніе и рисованіе находятся въ очень хорошемъ положеніи. Но руководству г. инспектору не замѣтилъ пока большихъ успѣховъ. Щѣкіе находится въ неудовлетворительномъ состояніи: и прежній, и нынѣшній преподаватели недостаточно знакомы съ предметомъ, и едва ли въ училищѣ будетъ порядочный хоръ. Воспитательная часть училища находится въ весьма хорошемъ состояніи. Советъ училища разумно отнесся къ дѣлу воспитанія и сумѣлъ достигнуть желаемыхъ результатовъ посредствомъ нравственныхъ мѣръ. Проступки между учащимися бываютъ весьма рѣдко. При училищѣ съ 1-го сентября 1871 г. открытъ ремесленный классъ, для обучения мальчиковъ столярному ремеслу. Средствомъ для содержанія класса, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, служить образовавшаяся изъ разныхъ источниковъ сумма, въ количествѣ 532 руб. 45 коп. Въ будущемъ классъ долженъ содержаться на собственные средства. Завѣдываніе классомъ поручено учителю математики; учителемъ состоять мастеръ, получающій за обученіе 100 руб. въ годъ. Учащихся 12; изъ нихъ 2 оказали отличные успѣхи, 4 хорошие, 3 удовлетворительные и 3 неудовлетворительные. Всѣ учащіе состоятъ изъ учениковъ двухкласснаго училища и приготовительнаго класса; постороннихъ лицъ нѣтъ.

Начальная народная училища Подольской губерніи до сего времени представляли 3 отдѣльныя группы, различающіяся всѣмъ строемъ своей школьнай жизни. Эти группы извѣстны подъ названіями: а) народныхъ однокласснагъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія; б) волостныхъ, бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и в) приходскихъ.

Одноклассная народная училища, учреждаемыя управлѣніемъ Кіевскаго учебнаго округа съ 1862 года, представляются наиболѣе организованными между начальными училищами. При самотѣ открытии училищъ, въ основаніе ихъ положены были здравыя требованія со-

временной педагогики. Училища снабжены были достаточнымъ количествомъ необходимыхъ книгъ. Преподаваніе было поручено учителямъ, достаточно подготовленнымъ къ дѣлу въ бывшей въ Киевѣ педагогической школѣ и взависимости за него съ полнотою уважениемъ и любовью. Выполнная вполнѣ добросовѣстно возложенную на нихъ обязанность, учителя въ короткое время успѣли выпустить въ свѣтъ людей, достаточно грамотныхъ, которыхъ въ настоящее время можно встрѣтить учителями въ церковно-приходскихъ школахъ.

На сколько возможно было возстановить прошедшее по тѣмъ нынѣшнимъ и устнымъ источникамъ, которыми г. инспекторъ народныхъ училищъ могъ пользоваться, онъ пришелъ къ заключенію, что въ первое время существованія, описываемыя училища находились въ цвѣтущемъ состояніи. Но такое состояніе продолжалось недолго. Учителямъ пришлось встрѣтить не мало препятствій въ своей дѣятельности. Крайнее невѣжество массы, весьма скептически относящейся къ училищу, и полнѣйший индифферентизмъ, если не болѣе, къ нуждамъ училищъ со стороны сельскихъ и волостныхъ властей убивали энергию въ людяхъ, горячо взависимыхъ за дѣло Скучно обезпеченные содержаниемъ, при большомъ труде, лучшіе учителя мало по магу оставляли эту неблагодарную работу и искали себѣ дѣятельности на другомъ поприщѣ. Только люди съ малою энергией и предиронимчивостію рѣшились примирииться съ своимъ положеніемъ и остаются въ училищахъ до сихъ порь. Въ концѣ 1869 и въ началѣ 1870 года, ознакомившись въ первый разъ съ своимъ райономъ г. инспекторъ въ 16-ти училищахъ нашелъ 8 учителей изъ воспитанниковъ педагогической школы и 8 изъ различныхъ заведеній. Всѣ они были достаточно подготовлены къ дѣлу. Въ различныхъ училищахъ найдены различные устѣнки въ обученіи, и во всѣхъ одинаковая алатія и почти равнодушное отношение къ дѣлу. Такое явленіе объяснилось только въ послѣдствіи, при наблюденіи надъ всѣми сторонами жизни учителя, его обстановкой и общественнымъ положеніемъ. Подготовленный известнымъ образомъ, получивъ известную программу для своихъ дѣствій, учитель является на мѣсто и въ большинствѣ случаевъ встрѣчаешь не то, что онъ предполагалъ. Общество, не видя пользы въ образованіи, не даетъ никакой цѣни трудамъ, направленнымъ къ достиженію этой цѣли; напротивъ, оно очень цѣнитъ тѣ деньги, которыя отпускаетъ на содержаніе училища, и тотъ трудъ дѣтей, которыи пропадаетъ вслѣдствіе отвлеченія ихъ школою; волостное правленіе также никогда не смотритъ на дѣло надлежащимъ образомъ,¹

учителю нерѣдко для того, чтобы получить въ время жалованье, чтобы зимою сидѣть въ сколько-нибудь теплой комнатѣ, чтобы, наконецъ, имѣть возможность выполнять свою обязанность, приходится поставить себя въ такія отношенія ко всѣмъ окружающими, въ какія послѣдніе потребуютъ, хотя бы это не соотвѣтствовало не только его взглядамъ и убѣжденіямъ, но даже и запимаемой должности. Жизнь въ средѣ, которая не можетъ сдѣлать оцѣнки труду, не имѣя никакого стимула, который заставлялъ бы работать серіозно, учителя естественнымъ образомъ впадали въ апатію, работая лишь на столько, на сколько это необходимо было для успокоенія ихъ совѣсти, ни мало не помышляя о достижениіи лучшихъ результатовъ. Хотя ревизіи училищъ, какъ видно изъ визитаторскихъ тетрадей, были произведены нѣсколько разъ различными, по распоряженію округа, лицами, но ревизіи эти не были и не могли быть на столько частыми, чтобы возбудить дѣятельность учащихъ, и нѣкоторые изъ нихъ нашли болѣе удобнымъ не тратить своихъ силъ въ безполезной борьбѣ и вполнѣ подчинились обстоятельствамъ. Такъ, ревизуя училища въ концѣ 1869 и началѣ 1870 года, г. инспекторъ изъ 16-ти училищъ нашелъ 3, которыхъ существовали почти только по имени, хотя учителя въ нихъ были. При посѣщеніи въ 1869 году, въ первый разъ училищъ, онъ вездѣ слышалъ жалобы на неудовлетвореніе жалованьемъ, тоиливомъ; но рѣдко гдѣ сами учителя затрагивали вопросы педагогическіе. Не смотря на то, что пріемы по многимъ отраслямъ были крайне неудовлетворительны, это однако представлялось имъ на столько нормальнымъ, на столько они были чужды всякаго улучшенія и усовершенствованія, на столько они свыкались съ извѣстною, имъ созданною обстановкой, что имъ и въ голову не приходило о перемѣнѣ или улучшениіи того или другого способа. Ознакомившись съ положеніемъ дѣла, г. инспекторъ поставилъ себѣ главною задачею вызвать въ дѣятельности уснувшей, но не погасшей силы и направить ихъ надлежащимъ образомъ. Сдѣлать это было не легко. Не смотря на то, что при всякомъ посѣщеніи училища, выясняемы были учителями основанія того или другого педагогического требованія, преимущество того или другого метода, на то, что каждый разъ самъ г. инспекторъ становился въ роль преподавателя, стараясь показать на практикѣ, какъ должна быть выполнена та или другая система, и почему извѣстный пріемъ имѣть преимущество предъ другимъ,— не смотря на все это, въ преподавателяхъ не возбуждалось горячаго интереса къ дѣлу, и каждый разъ при ревизіи встречались почти тѣ же недо-

стаки, о которыхъ было говорено въ предыдущій. Такое положеніе дѣла могло затянуться на долгое время; но устроенный весною 1871 года съездъ народныхъ учителей далъ наконецъ тѣ результаты, которыхъ г. инспекторъ, по его собственнымъ словамъ, почти безпомощно добивался въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Предъ съездомъ учебная часть находилась въ слѣдующемъ положеніи. Обученіе грамотѣ велось по звуковому способу, по руководству Главинскаго. Хотя всѣ преподаватели вели обученіе по звуковому методу, но не всѣ одинаковымъ образомъ умѣли его применять. Встрѣчалось прихѣровъ не мало, что звуковой методъ, въ выполненіи, ближе подходилъ къ буквослагательному, чѣмъ звуковому, и приходилось потратить не мало времени на выясненіе учителямъ сущности звукового метода и его преимуществъ. Обученіе чтенію велось по книгѣ для чтенія, изданной министерствомъ народного просвѣщенія. Книга эта, пригодная для дальнѣйшаго чтенія, не могла собою восполнить недостатка книги для первоначального чтенія, и обученіе не достигало вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. За неимѣніемъ достаточныхъ средствъ, не оказывалось возможности сразу снабдить всѣ училища необходимыми книгами для чтенія. Съ середины 1870 года училища мало по малу начали снабжаться „Роднымъ Словомъ“. Но снабженіе это, при малыхъ средствахъ, начиненныхъ на учебныя пособія, и при дороговизнѣ учебника, продолжалось бы довольно долго, и улучшить учебную часть училищъ было бы трудно, если бы не представилось случая, въ началѣ 1871 года, снабдить всѣ училища всѣми необходимыми учебными пособіями въ томъ числѣ достаточнымъ количествомъ книгъ для чтенія. Этую возможность дали тѣ 30.000 руб., которые назначены были на пособіе церковно-приходскимъ школамъ и употреблены, по Высочайшему повелѣнію, на нужды народныхъ училищъ. Введеніе вполнѣ пригодныхъ книгъ для чтенія познакомило преподавателей съ новыми способами обучения чтенію и заставило ихъ отрѣшииться отъ прежнаго, рутиннаго взгляда на ученіе, цѣлью котораго была исключительно бѣглость. Ариѳметика преподавалась въ училищахъ довольно разнообразно. Очень немногіе преподаватели умѣли уяснить себѣ настоящую цѣль преподаванія этого предмета. Даже снабженіе училищъ хорошими учебниками, какъ, напримѣръ, ариѳметикою Грубе, сперва мало подвинуло дѣло. Весьма много было труда и времени для того, чтобы выяснить преподавателямъ сущность метода Грубе и научиться пользоваться имъ надлежащимъ образомъ.

На съездѣ, тѣ бы было достаточно времени для того, чтобы заняться всѣми необходимыми вопросами, не было опущено ничего, чтѣ только относилось къ учебной и воспитательной части народной школы. Учителямъ было предложено все, изъ чѣго они могли бы уяснить себѣ какъ цѣль извѣстнаго метода, такъ и способы его выполненія; все, изъ чѣго они могли убѣдиться, что вести занятія по извѣстному опредѣленному плану, значить сберечь время и трудъ. Съ этой цѣлію были устроены по всѣмъ частямъ преподаваемыхъ предметовъ практическіе уроки и по каждой отдельной части преподаванія установлены методы, выполнение которыхъ тутъ же показано на практикѣ. Для занятій съ вновь поступившими учениками составлена подробная программа, по которой учащіеся, начиная ученіе съ ознакомленія съ самыми простыми вещами, какъ-то классною мебелью, классомъ и т. п., доводятся постепенно до понятія о звукахъ, и только послѣ этого они приступаютъ къ изученію грамоты. Учителя вполнѣ уяснили себѣ значение звукового метода и ознакомились не только съ руководствомъ барона Корфа, но и съ аналитическимъ методомъ Орбінскаго. Въ обученіи членю, въ виду того, что предметъ этотъ въ сельскомъ училищѣ долженъ служить глазнымъ средствомъ къ развитію учащихся, сообщить имъ новые понятія и расширить ихъ кругозоръ, създомъ дано значительное мѣсто объяснительному членю, указаны способы занятія имъ, и по возможности, опредѣлены требования. Въ ариетикѣ преподаватели ознакомились съ системой Грубе и вполнѣ выяснили себѣ задачу преподаванія этого предмета. Нѣкоторыя частности въ преподаваніи подверглись особенному обсужденію и разработаны самостоятельно.

Но не въ однѣмъ только полномъ ознакомленіи съ принятymi методами и надлежащею ихъ оцѣнкой заключалась задача съѣзда. Заслуга его заключается въ томъ, что онъ далъ преподавателямъ возможность оцѣнить свою дѣятельность, оживилъ, ихъ вызвалъ ихъ, къ самодѣятельности. Сами учителя надлежащимъ образомъ оцѣнили значение съѣзда и высказали искреннее мнѣніе, что вообще устройство съѣздовъ должно принести дѣйствительную пользу ихъ дѣятельности, и дѣйствительно, не смотря на краткость истекшаго послѣ съѣзда времени, учебная часть значительно улучшилась. Состояніе ея въ настоншее время г. инспекторъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ:

Принимая во вниманіе мысль, высказанную създомъ, не давать дѣятельной такой работы, которая показалась бы имъ не по силамъ, дабы тѣмъ не внушить имъ страха къ училищу, преподаватели начинаютъ

знакомить вновь поступающихъ учениковъ съ классною мебелью, учебными пособиями и вообще ведутъ занятія сообразно программѣ, выработанной на съездѣ. Для такихъ подготовительныхъ занятій различные преподаватели употребили различное время, и это тѣмъ лучше, что даетъ возможность окончательно и болѣе разносторонне разработать вопросъ на будущемъ съездѣ. Обученіе грамотѣ въ болѣшой части училищъ ведется по руководству барона Корфа. Только нѣкоторые преподаватели сумѣли удачно приложить къ дѣлу методъ Орбинскаго; результаты въ послѣднѣй случаѣ вышли очень хороши. Обученіе чтенію ведется по „Родному Слову“, сначала по книгѣ годъ 1-й, а потомъ — годъ 2-й. Въ 3-й группѣ дѣти обыкновенно читаютъ „Изборникъ“ Грушевскаго или „Дѣтскій Миръ“ Ушинскаго. Въ нѣкоторыхъ училищахъ ученики 3-й группы читаютъ довольно толково и сознательно. Письмо въ настоящее время во всѣхъ почти училищахъ находится въ неудовлетворительномъ состояніи. Въ немногихъ училищахъ и лишь немногіе ученики пишутъ сколько-нибудь правильно; остальные вездѣ пишутъ совсѣмъ плохо. Обученіе славянскому чтенію, со времени снабженія училищъ достаточнымъ количествомъ „Чтений изъ 4-хъ евангелистовъ“ и установленія способа занятій на съездѣ, приняло болѣе опредѣленный характеръ. Занятія этимъ предметомъ начинаются во 2-й группѣ. Ученики 3-й группы обыкновенно читаютъ довольно свободно и могутъ переводить нетрудныя статьи изъ евангелистовъ. Ариѳметика во всѣхъ училищахъ преподается по методѣ Грубе. Только новые учителя, не бывшіе на съездѣ, не сумѣли надлежащимъ образомъ приложить этотъ методъ къ дѣлу, остальные же ведутъ занятія болѣе или менѣе удовлетворительно. Чистописаніе, сообразно объяснительной запискѣ, служить дополнительнымъ предметомъ, и на него не можетъ быть затрачено много времени со стороны учителя. Не смотря на это, въ нѣкоторыхъ училищахъ ученики пишутъ весьма удовлетворительно. Законъ Божій вездѣ преподается мѣстными священниками. Успѣхи по этому предмету не во всѣхъ училищахъ одинаково удовлетворительны. Нѣкоторые законоучители ведутъ преподаваніе въ видѣ разказовъ, употребляя при томъ, какъ пособие, картины. Другіе же заставляютъ дѣтей заучивать учебникъ слово въ слово. Пѣніе приспѣдается не во всѣхъ училищахъ. Въ тѣхъ, которые открыты до 1869 года, на обученіе пѣнію назначается ежегодно 20 руб., а въ новыхъ училищахъ особаго вознагражденія за обученіе этому предмету не назначено. Такое скромное вознагражденіе, а тѣмъ болѣе отсутствіе вся-

каго вознаграждениа, не даютъ возможности имѣть удовлетворительныхъ учителей, и обученіе пѣнію ведется съ успѣхомъ только тамъ, гдѣ сами преподаватели знакомы съ этимъ предметомъ. Впрочемъ, общества, съ трудомъ дающія что-нибудь на училища вообще, довольно охотно соглашаются давать вознагражденіе иногда довольно значительное (до 120 руб.) за обученіе пѣнію. Благодаря этому обстоятельству, въ нѣкоторыхъ училищахъ оказалось даже возможнымъ поручить обученіе пѣнію особымъ преподавателямъ и устроить вслѣдствіе того весьма удовлетворительные хоры. Школьная дисциплина и вообще проведеніе учащихся, на сколько можно было замѣтить, находятся въ довольно удовлетворительномъ состояніи. Рѣзкихъ проступковъ со стороны учащихся не случается, и къ наказаніямъ приходится прѣбывать рѣдко. Нельзя сказать, чтобы, съ распоряженіемъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній, они дѣйствительно были совершенно выведены въ училищахъ. Г. инспектору не разъ случалось слышать со стороны жалобы на употребленіе такихъ наказаній, и онъ всегда обращалъ самое серіозное вниманіе учащихъ на жалобы этого рода, не оставляя ни одного случая безъ подробнаго разслѣдованія.

Какъ бы то ни было, состояніе учебной части училищъ заставляетъ желать еще многаго. Не говоря о томъ, что число оканчивающихъ курсъ въ училищахъ весьма незначительно сравнительно съ числомъ обучающихся въ нихъ, должно замѣтить, что эти оканчивающие курсъ не приобрѣтаютъ въ училищахъ тѣхъ свѣдѣній, какія были бы желательны. Это зависитъ, съ одной стороны, отъ плохой материальной обстановки училищъ, не дающей возможности привлечь къ дѣятельности въ нихъ лицъ вполнѣ подготовленныхъ; съ другой—отъ недостатка приспособленныхъ къ народнымъ училищамъ учебныхъ пособій. Конечно, училища выпускаютъ своихъ питомцевъ учиющими читать и писать болѣе или менѣе удовлетворительно; но безспорно, что въ настоящее время такая грамотность далеко недостаточна, и что училища, не давшія учащимся надлежащаго развитія, не сдѣлавшія для нихъ выученного дѣйствительно полезнымъ и пригоднымъ, не вполнѣ достигаютъ цѣли. Необходимо дать достаточно мѣста объяснительному чтенію, изъ котораго учащіе могли бы почерпнуть, по крайней мѣрѣ, такія свѣдѣнія о человѣкѣ и природѣ, знаніе которыхъ существенно необходимо для всякаго человѣка. Таковы свѣдѣнія по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію. Но выборъ, такихъ свѣдѣній нельзя предоставить самому учителю, который не только затруднится въ выборѣ, но и не всегда сумѣеть пе-

редать ихъ какъ слѣдуетъ. Учителю нужно дать готовый материалъ и научить его, какъ имъ пользоваться. Съ этой точки зренія, для разказовъ изъ русской исторіи, вполнѣ пригоднымъ руководствомъ служатъ картины Золотова, при помощи которыхъ учителя могутъ, безъ особенного затрудненія, наглядно дать понятіе учащимся о важнѣйшихъ событияхъ отечественной исторіи и знаменитѣйшихъ ея дѣятеляхъ. По естествовѣданію, хотя учителя болѣе всего могутъ затрудниться въ выборѣ материала, но привлѣкъ во вниманіе, что въ книгахъ для чтенія много есть статей естественно-исторического содержанія, которыхъ должны быть прочитаны учащимися; — пробыль этотъ будетъ болѣе или менѣе пополненъ. Что касается до географіи, то по этому предмету даже о самыхъ необходимыхъ вещахъ учащіе ии въ одномъ училищѣ не имѣютъ свѣдѣній и не имѣютъ возможности приобрѣсть ихъ. Преподаватели сами не обладаютъ достаточными свѣдѣніями по этому предмету, да и имѣя ихъ, теряются въ неопредѣленности. Необходима географическая хрестоматія, изъ которой учащіе могли бы почерпнуть нужныхъ географическихъ свѣдѣнія. При ней должна быть подробная книга для учащихъ, заключающая въ себѣ наставленіе, какъ обращаться съ книгою, какія свѣдѣнія сообщать при какой статьѣ, и какія свѣдѣнія долженъ имѣть самъ учитель, чтобы вести дѣло по хрестоматії.

На состояніе учебной части имѣютъ неблагопріятное вліяніе, съ одной стороны, крайне неаккуратное посвѣщеніе училищъ учащимися, съ другой — частая перемѣна преподавателей.

При заботахъ о лучшей постановкѣ народныхъ училищъ встрѣчается много препятствій. Главное заключается въ недостаточномъ обеспеченіи училищъ съ материальной стороны. На содержаніе ихъ отпускается изъ государственного казначейства по 226 руб., распределляемыхъ такъ: 50 руб. законоучителю, 150 руб. учителю и 26 руб. на учебный пособія. Вознагражденіе учителю, въ особенности семейственному, который собственно и можетъ быть настоящимъ постояннымъ дѣятелемъ, крайне недостаточное. Иногда къ этой цифре сами общества прибавляютъ нѣкоторую сумму, но явленіе это весьма рѣдкое: изъ 31 училища 1-го района только въ двухъ общества дѣлаютъ добавку, такъ что въ одномъ учитель получаетъ 250, а въ другомъ 210 руб. — вознагражденіе также недостаточное, въ особенности для семейнаго человѣка, и не соотвѣтствующее возложеній на учителя работѣ, особенно послѣ сѣзда, когда къ прежнимъ требованіямъ отъ учителей присоединились новые.

Для улучшения быта народныхъ учителей, г. инспекторъ признаетъ полезными слѣдующія двѣ мѣры: 1) привлечь сельскія общества къ увеличенію жалованья учителей, по крайней мѣрѣ, до 250 р.; такое пожертвованіе со стороны общества не будетъ для него обременительнымъ, такъ какъ нерѣдко, сверхъ расходовъ по содержанію училищныхъ домовъ для церковно-приходскихъ школъ, общества несутъ еще расходъ въ 60 — 100 рублей на жалованье учителю этихъ послѣднихъ; если такие деньги могутъ быть даваемы отставному солдату или полуграмотному крестьянину, то тѣмъ болѣе подобная затрата можетъ быть сдѣлана для благоустроенной школы; 2) устроить для народныхъ учителей земеритальную кассу, сдѣлавъ ее общою для всѣхъ учителей 3-хъ губерній юго-западнаго края; такое учрежденіе, давая возможность учителямъ, по выслугѣ извѣстнаго числа лѣтъ, имѣть хоть какую-нибудь поддержку и обеспечивая ихъ семейства послѣ ихъ смерти, привлекло бы лучшихъ дѣятелей въ народныя школы и заставило бы ихъ оставаться въ должностіи болѣе продолжительное время.

Помѣщенія народныхъ училищъ болѣе или менѣе удовлетворительны. Лучшія помѣщенія имѣютъ училища, открытые до 1869 года, когда на постройку домовъ давалось обществамъ пособіе отъ казны. Планъ всѣхъ домовъ почти одинъ и тотъ же. Къ сожалѣнію, лежащія на обществахъ обязательства относительно содержанія училищныхъ домовъ, ихъ отопленія и ремонта, не вездѣ исполняются какъ слѣдуетъ, и большаго труда стоитъ обыкновенно припудрить волостное правленіе удовлетворить какую-нибудь надобность училища. Въ 1869 и 1870 годахъ г. инспекторъ засталъ некоторые дома въ самомъ жалкомъ положеніи. Теперь они болѣе или менѣе находятся въ порядкѣ, хотя и теперь есть училища, коихъ надобности остаются не удовлетворенными. Такъ, есть училища не огороженныя, не имѣющія никакихъ холодныхъ построекъ и остающіяся въ такомъ положеніи сколько лѣтъ, не смотря на постоянный обѣ этомъ напоминанія.

Волостные училища бывшихъ государственныхъ крестьянъ требуютъ большихъ улучшений. Для улучшения этихъ училищъ былъ только одинъ путь — поручить введеніе дѣла людямъ сколько-нибудь къ тому подготовленнымъ; но при существовавшихъ штатахъ, по которымъ помощникъ наставника, исполнявшій всѣ обязанности учителя, получалъ 75 руб. въ годъ, улучшеніе было немыслимо. Необходимо было взмѣнить самые штаты.

Прежде распределение суммъ на 1871 годъ, г. инспекторъ, еще въ 1870 году, рѣшился сдѣлать улучшенія тамъ, где то оказалось болѣе возможнымъ. При содѣйствіи мироваго посредника Летичевскаго уѣзда, увеличивъ на счетъ разныхъ остатковъ жалованье учителю Бахматовецкаго училища и назначивъ туда нового учителя, г. инспекторъ поручилъ ему вести дѣло сообразно тѣмъ указаніямъ, которыя даны были народнымъ училищамъ. Опять удалось волить. Въ короткое время училище приняло лучшій видъ, и въ настоящее время оно не отличается отъ народныхъ училищъ министерства народного просвѣщенія. Имѣя въ виду, что новое распределеніе суммъ даетъ возможность сдѣлать подобные преобразованія и въ другихъ училищахъ, г. инспекторъ прежде всего постарался обезпечить изъ помѣщеніемъ и, съ этой цѣлью обратился къ содѣйствію мировыхъ посредниковъ и крестьянскихъ обществъ. При этомъ оказалось необходиимъ перемѣстить училище изъ с. Гремячка, гдѣ оно не имѣло собственнаго помѣщенія, въ мѣстечко Зѣньковъ, гдѣ отведено роскошное помѣщеніе, и общество даетъ отъ себя въ пособіе училищу 100 руб. ежегодно. Къ началу 1871 года, за исключеніемъ одного училища, помѣщающагося въ наемномъ домѣ, всѣ училища имѣли уже собственный помѣщенія, надлежащимъ образомъ устроенные. Въ началѣ 1871 года, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе сдѣлало новое распределеніе суммъ, при чёмъ существовавшіе штаты были измѣнены, и введены новые, сообразно штатамъ народныхъ училищъ. Всѣдѣ за симъ оказалась возможность отдать преподаваніе въ руки людей, болѣе подготовленныхъ къ дѣлу. Первая половина 1871 года прошла въ преобразованіяхъ. За неимѣніемъ достаточнаго числа лицъ, могущихъ занять должности учителей, не оказалось возможнымъ назначить сразу учителей во всѣ училища. Но къ началу 1871—1872 учебнаго года во всѣхъ училищахъ были уже учителя, и въ настоящее время, хотя въ училищахъ этихъ учебная часть стоитъ значительно ниже народныхъ училищъ, но по вѣнѣнности они уже нисколько не отличаются отъ послѣднихъ и въ скромъ времени должны совершенно сравняться съ ними во всѣхъ отношеніяхъ.

Приходскія училища существуютъ до сихъ поръ на основаніи особыхъ правилъ министерства народного просвѣщенія, изданныхъ въ 1845 году. По этимъ правиламъ, курсъ такихъ училищъ нѣсколько обширнѣе курса одноклассныхъ народныхъ училищъ. Здѣсь, сверхъ закона Божія, чтенія, ариѳметики и чистописанія, полагаются, какъ отдель-

ные предметы: изъясненіе карты Россіи и сознаніемъ съ пренизведеніями природы и искусства своего края. Въ виду такого курса, и требованія отъ учителей были болѣе. Какъ выполними училища свое назначеніе, г. инспектору не извѣстно, но въ 1869 году онъ засталъ ихъ въ весьма плохомъ состояніи: въ одномъ вовсе не было учителя, и обученіемъ занимался законоучитель, а въ двухъ другихъ (въ извѣдываніе г. инспектора поступило только 3 такихъ училища) учителя были совершенно неспособные и вели дѣло обучения самимъ рутиннымъ образомъ. Одно изъ этихъ училищъ — Каменецкое, въ 1869 году закрылось, вслѣдствіе преобразованія его въ пріготовительный классъ при мѣстномъ городскомъ училищѣ, а остальные два — Черноостровское и Староушицкое — оставались въ прежнемъ положеніи, мало различаясь по своей учебной дѣятельности отъ училищъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Весьма ограниченное жалованье учителей — 99 руб. въ годъ, не давало возможности не только привлечь въ эти училища людей сколько-нибудь способныхъ удовлетворить требованіямъ, но даже не позволяло замѣстить вакансію въ Староушицкомъ училищѣ до тѣхъ поръ, пока, въ концѣ 1870 года, не было увеличено жалованье учителей до размѣра жалованья учителей въ народныхъ училищахъ. Съ этого времени въ упомянутыхъ училищахъ введены всѣ правила и постановленія софта инспекціи, и училища, если не въ состояніи выполнить программы, для нихъ назначеннай, то по крайней мѣрѣ ведутъ дѣло рационально, хотя терпятъ тѣ же неудобства и требуютъ тѣхъ же улучшений, какъ и одноклассныя народныя училища.

По осмотрѣ начальныхъ училищъ, состояніе каждого изъ нихъ въ отдѣльности представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Саленицкое училище открыто въ 1868 году. Помѣщается въ общественномъ домѣ тѣсномъ и малоудобномъ. Содержится на счетъ города: по приговору городского общества, на содержаніе училища отпускается 340 р., которые распредѣляются такимъ образомъ: законоучителю 50 р.; учителю 200 р., на отопленіе и освѣщеніе 30 р., на наемъ сторожа 30 р., на ремонтъ дома 20 р. и на учебныя пособія 10 р. Кромѣ того, особымъ приговоромъ, въ концѣ 1870 года, общество обязалось давать за преподаваніе пѣнія 120 р. Вслѣдствіе такого приговора, г. инспекторъ соединилъ должность учителя и преподавателя пѣнія, назначивъ на это мѣсто лицо, хорошо знающее эту послѣдній предметъ, и такимъ образомъ обеспечилъ положеніе учителя. До 1871 года училище было не въ блестящемъ положеніи, благодаря тому обстоятельству,

что оно было крайне бѣдно учебными пособіями и нуждалось въ самыѣ необходимыхъ книгахъ, но вслѣдь за снабженіемъ училища учебными пособіями въ 1871. году, учебная часть улучшилась. Всѣхъ учащихся въ училищѣ 29, въ томъ числѣ 2 дѣвочки. При посѣщеніи училища, въ октябрѣ мѣсяцѣ, г. инспекторъ нашелъ въ немъ только 12 мальчиковъ, принадлежащихъ къ первой и второй группѣ; ученики же третьей группы еще не начинали посѣщать училище. Явленіе это, повторяющееся при каждой осенней ревизіи, объясняется тѣмъ, что мальчики, въ особенности старшіе, отвлекаются отъ училища родителями на свекловичную плантациѣ, находящуюся вокругъ города. Ученики 1-й группы уже читали, не смотря на то, что они поступили въ училище всего только за двѣ недѣли предъ тѣмъ, и бойко и основательно отвѣчали на первоначальные вопросы по счѣченію; но принятая съѣздомъ программа для подготовительныхъ уроковъ не вся была выполнена. Ученики 2-й группы читали довольно свободно, но славянскому чтенію еще не обучались. По ариѳметикѣ познанія нѣсколько слабѣ: учитель, не развивъ надлежащимъ образомъ соображенія учащихся всестороннимъ разсмотрѣваніемъ чиселъ, приступилъ къ изученію ариѳметическихъ дѣйствій. Въ чистописаніи еще имѣетъ некои улучшенія. По закону Божію ученики 1-й группы не приступали еще къ занятиямъ, а ученики 2-й группы знаютъ молитвы довольно основательно. Изъ учащихся составленъ довольно породочный хоръ, который по праздничнымъ и воскреснымъ днамъ поетъ въ мѣстной церкви.

Бербенское училище открыто 1-го января 1871 года; помѣщается въ довольно хорошемъ общественномъ домѣ. По открытіи училища, назначенный туда учитель, пробывъ нѣсколько недѣль, вышелъ, и на мѣсто его опредѣленъ другой. При ревизіи въ училищѣ, только начинавшемъ свою дѣятельность, найдено въ немъ 27 мальчиковъ, 4 дѣвочки. Въ числѣ ихъ были 3 грамотныхъ отъ прежнаго учителя; все остальные составляли 1-ю группу. Учитель не приступалъ еще къ ознакомлению учениковъ съ азбукой; но ознакомить уже ихъ надлежало образомъ съ классомъ, классною мебелью и учебными принадлежностями.

Деражнянское училище открыто въ 1864 году. Помѣщеніе вполнѣ удобное. Учащихся 46 мальчиковъ; при посѣщеніи же найдено 33. Они раздѣлены на три группы, изъ коихъ вирочены 1-я и 2-я недостаточно разграничены; учитель не вполнѣ опытенъ въ дѣлѣ обученія, и такъ какъ онъ не былъ на съѣздѣ, то многія изъ улучшеній, вы-

работанныхъ съѣздомъ и введенныхъ уже въ другихъ училищахъ, здѣсь не нашли себѣ мѣста. Познанія учащихся не вполнѣ удовлетворительны. Ученики 3-й группы хотя и читаютъ порадочно и даже имѣютъ понятіе о частяхъ предложеній, но пишутъ очень неправильно. По славянски читаютъ порадочно, но въ переводахъ еще не сдѣлали успѣховъ. Ученики 2-й группы читаютъ довольно порадочно, а ученики 1-й группы, посѣщающіе училище около 3-хъ недѣль, хотя и могли уже сливать звуки, но дѣлали ошибки въ названіяхъ ихъ. Преподаваніе ариѳметики ведется удовлетворительнымъ образомъ; только во 2-й группѣ, гдѣ учитель, пройдя по Грубе до 10, оставилъ этотъ методъ и началъ вести занятія обыкновеннымъ образомъ, соображеніе учащихся недостаточно развито.

Меджібожскіе училище учреждено въ 1860 году и содержится на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. До 1871 года на содержаніе училища, по распределенію губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, отпускалось ежегодно по 247 р. 52 к., изъ коихъ на жалованье учителю было назначено 105 р., на отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ дома и наемъ сторожа 112 р. 52 к. и на учебный пособія 30 р. Посѣтивъ училище въ первый разъ въ 1870 году, г. инспекторъ засталъ его въ весьма жалкомъ положеніи. Классная комната служила вмѣстѣ и квартирой учителя и была наполнена всячими его пожитками. Въ ней было 12 мальчиковъ съ весьма плохими познаніями. Учителемъ былъ старикъ фельдшерь, малограмотный и больной. Въ началѣ 1870 года, по распоряженію мироваго посредника, при училищѣ были устроены двѣ хороши комнаты для жительства учителя, а въ началѣ слѣдующаго года помѣщеніе училища приведено было въ надлежащей видъ. При новомъ распределеніи суммы въ началѣ 1871 года, определенъ былъ особый законоучитель, и преподаваніе прочихъ предметовъ поручено учителю достаточно подготовленному. Въ настоящее время учащихся 47 мальчиковъ, разделенныхъ на три группы. При веденіи занятій, учитель примѣнилъ всѣ определенія съѣзда, и низшія группы будутъ поведены вполнѣ рационально; но 3-я группа слабо подготовлена. Хотя некоторые ученики читаютъ довольно бѣгло, но за то они не понимаютъ читааемаго: такъ они пріучены прежними учителями. Въ особенности слабыми найдены познанія по ариѳметикѣ. Ученики, знакомые уже съ ариѳметическими дѣйствіями, не въ состояніи были произвести самаго простаго вычисленія въ умѣ. Успѣхи по закону Божію оказались также незначительными; впрочемъ ученики могли совершенно пра-

вильно прочесть главнѣйшія молитвы. Г. инспекторъ обратилъ особенное вниманіе законоучителя на то, что даже ученики 3-й группы, читая правильно молитвы, совершенно не понимаютъ содержанія ихъ.

Ярмолинецкое училище открыто въ 1863 году. Помѣщается оно въ общественномъ домѣ, прекрасно устроенному, но не вполнѣ удовлетворительно содержимому. Посѣтивъ училище въ первый разъ осенью 1869 года, г. инспекторъ нашелъ его въ хорошемъ положеніи. Учитель быть человѣкъ трудолюбивый; учащихся у него было болѣе 60 человѣкъ, достаточно подготовленныхъ. Но когда на мѣсто этого учителя, выбывшаго лѣтомъ 1870 года по домашнимъ обстоятельствамъ, опредѣленъ былъ другой — воспитанникъ средняго учебнаго заведенія, то состояніе училища начало постепенно ухудшаться, число учащихся уменьшилось, и наконецъ, къ концу года училище совсѣмъ разстроилось. Тогда учитель этотъ былъ замѣненъ другимъ и училище измѣнило свой видъ, прійдя въ лучшес состояніе вслѣдствіе усердія и трудовъ вновь назначенаго учителя. Ощущается только одинъ недостатокъ — отсутствіе 3-й группы; но при распределеніи учениковъ по группамъ, учитель предпочелъ составить хорошую 2-ю группу, нежели дѣлать слабую 3-ю; оттого въ 3-й группѣ оказался только одинъ ученикъ. Учащихся въ училищѣ: мальчиковъ 53, девочекъ 14. Ученики 1-й группы ознакомлены, согласно программѣ съѣзда, съ классомъ и классными принадлежностями. Кромѣ того, они прошли уже достаточно звуковъ, такъ что могли читать нѣкоторыя слова. Для обученія грамотѣ принялъ способъ Орбинскаго, который и прилагается къ дѣлу чрезвычайно удачно. По ариѳметикѣ учащіеся доказаны были, по Грубе, до 10-ти и на числа эти могли решать задачи очень быстро. Ученики 2-й группы читали весьма порядочно и толково. По ариѳметикѣ ознакомлены были съ простыми дробями. Ученикѣ, принадлежащій къ 3-й группѣ, прочиталъ по русски и по славянски очень хорошо. По ариѳметикѣ въ состояніи былъ решить нѣсколько довольно сложныхъ задачъ съ дробными числами. По закону Божію прошли исторію нетхаго завѣта и разборъ символа вѣры; на вопросы отвѣчали довольно удовлетворительно. Изъ учащихся составленъ хоръ, впрочемъ еще недостаточно организованный. Пѣнью обучаетъ законоучитель.

Кузьминское училище открыто въ 1864 году. Помѣщается въ общественномъ домѣ, который, хотя и устроеношиолѣтъ удобно, но находится на самомъ краю мѣстечка, чтò служить не малымъ препятствіемъ къ аккуратному посѣщенію училища учащимися, и кромѣ

того, слишкомъ холоденъ зимою. Такъ какъ учитель находится уже нѣсколько лѣтъ въ этомъ училищѣ и обладаетъ достаточнымъ умѣніемъ вести обученіе, то учебная часть приняла извѣстный опредѣленный характеръ. Каждый разъ, ревизуя это училище, г. инспекторъ находилъ его въ удовлетворительномъ состояніи. При ревизії 1870 года, въ немъ найдено было довольно мало учениковъ; но это зависѣло отъ того, что учитель точно выполнилъ постановленіе съѣзда инспекціи относительно срока для пріема учащихся въ училище. Въ 1871 году это правило выполнено имъ самимъ строгимъ образомъ, и цѣль одновременного поступленія учениковъ въ училище почти достигнута. При посѣщеніи училища въ немъ найдено 35 мальчиковъ; но числится всѣхъ учащихся 44, въ томъ числѣ 4 девочки. Обученіе грамотѣ ведется по способу Орбискаго. Учащіеся 1-й группы были ознакомлены со всею азбукой; всякое слово они читали бойко, толково и вообще обѣщаютъ быть хорошими учениками. Ученики 2-й группы оказались недостаточно подготовленными и по чтенію, и по предметамъ. Преподаватель, сознавая это, самъ же обратилъ вниманіе на эту группу, чтобы не ослабить на будущій годъ 3-й группы. Ученики этой послѣдней читали удовлетворительно. Подъ диктовку, при г. инспекторѣ, нѣкоторые написали порядочно, а другие сдѣлали довольно много грамматическихъ ошибокъ. По ариѳметицѣ ученики развиты достаточно и решали задачи довольно бойко. По закону Божію познанія найдены небольшія. Ученики 2-й группы могли только читать молитвы, а ученики 3-й группы разказать, хотя и не вполнѣ сознательно, нѣсколько статей изъ священной исторіи. Изъ учащихся составленъ хоръ, весьма удовлетворительный. Обученіемъ пѣнію занимается особый преподаватель, нанятый обществомъ.

Городецкое училище открыто въ 1866 году и помѣщается въ домѣ упраздненнаго католическаго монастыря. Помѣщеніе тѣсное и неудобное. По открытіи училища, въ немъ перебывало нѣсколько учителей; въ 1869 году опредѣленъ на мѣсто учителя окончившій курсъ въ Подольской духовной семинаріи. Этотъ учитель пробылъ 2 года, и хотя въ учебномъ отношеніи сдѣлалъ не особенно много, но зато устроилъ очень хороший хоръ, который, при поддержкѣ, можетъ послужить началомъ для постояннаго хора. Лѣтомъ 1871 года этотъ учитель выбылъ и на его мѣсто опредѣленъ новый, только что прибывшій въ училище ко времени ревизій. Ему сдѣланы надлежащія педагогическая указанія.

Купинское училище открыто въ 1864 году. Оно до послѣдняго времени находилось въ неудовлетворительномъ положеніи. Вновь опредѣленный учитель, человѣкъ способный и умѣющій повести дѣло толково, не успѣлъ еще сдѣлать ничего. При посѣщеніи училища, г. инспекторъ засталъ въ немъ только нѣсколько мальчиковъ - новичковъ; изъ прежнихъ же учениковъ не было ни одного. Г. инспекторъ обратилъ вниманіе волостнаго правленія на такое нерадѣніе съ его стороны и потребовалъ немедленного созванія въ училище всѣхъ прежнихъ учениковъ. Судя по донесеніямъ учителя, училище начало уже устраиваться и учащихся въ немъ 31 мальчикъ и 6 дѣвочекъ.

Гавриловецкое училище открыто 1-го октября 1871 года. Помѣщается временно, впредь до окончанія дома, при волостномъ правленіи. Для жительства же учителя общество напимаетъ крестьянскую избу. Въ настоящее время помѣщеніе представляетъ много неудобствъ. Но благодаря участію, съ которымъ относится къ народному образованію мировой посредникъ В. Н. Ходаковскій, помѣщеніе будетъ устроено сообразно всѣмъ потребностямъ училища. Не смотря на открытие училища съ 1-го октября, ученье въ немъ началось только съ ноября. На другой день по открытіи, въ немъ было мальчиковъ и дѣвочекъ 36. Хотя въ селеніи и прежде была школа, но изъ бывшихъ въ немъ учениковъ, г. инспекторъ не нашелъ ни одного въ училищѣ. Учитель и самъ старался набрать всѣхъ новыхъ, чтобы положить начало училищу на новой почвѣ. Вслѣдствіе этого училище составлено изъ неграмотныхъ и представляетъ одну группу. При способностяхъ и усердіи учителя, можно предположить, что отъ училища устранится то недовѣріе со стороны общества, которое вызвано учителемъ бывшей школы.

Рудавское училище открыто было въ 1865 году въ с. Брагѣ, а потомъ въ 1867 году переведено въ с. Руду, гдѣ для него нарочно выстроенъ прекрасный каменный домъ. Нѣсколько разъ посѣтивъ это училище съ 1869 года, г. инспекторъ постоянно находилъ его въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи. Этимъ училище обязано тому обстоятельству, что, со времени открытия до 1870 года, въ немъ былъ одинъ учитель, достаточно подготовленный къ дѣлу въ бывшей Киевской педагогической школѣ. Въ 1870 году онъ умеръ, и на мѣсто его опредѣленъ другой, сумѣвшій продолжать дѣло своего предшественника. Лѣтомъ 1871 года онъ, однако, переведенъ въ приготовительный классъ при городскомъ училищѣ. Г. инспекторъ въ послѣдній разъ посѣтилъ училище въ то время, когда вновь опредѣ-

ленный учитель, воспитанникъ Подольской духовной семинаріи, только что готовился начинать свои занятія. Поэтому г. инспекторъ поручилъ прежнему учителю поруководить новаго въ теченіе двухъ дней, созвать учениковъ, переэкзаменовать ихъ, распределить на группы и затѣмъ показать на практикѣ, какъ слѣдуетъ вести занятія по всѣмъ предметамъ, соблюдая при этомъ всѣ указанія съѣзда. Учащихся въ училищѣ 40.

Кадіївськоє училище бывшихъ государственныхъ крестьянъ учреждено палатою государственныхъ имуществъ въ 1843 году. До 1871 года здѣсь было два училища: мужское и женское, и на содержаніе ихъ отпускалось 528 р., которые распредѣлялись такимъ образомъ: наставнику 109 р., помощнику наставника 75 р., наставницѣ 75 р., на учебныя пособія 54 р.; остальное шло на содержаніе дома и наемъ сторожа. Песѣть это училище въ первый разъ въ 1869 году, г. инспекторъ нашелъ его въ весьма плохомъ состояніи. Въ должностіи помощника наставника состоялъ мѣстный діаконъ, которому совершенно не по силамъ была возложенная на него обязанность. Еще хуже было женское училище: въ немъ было всего 4 дѣвочки, которыхъ почти ничего не знали, не смотря на то, что уже 3 года учились въ училищѣ. Въ 1870 году мужское училище найдено въ еще худшемъ положеніи, а женское существовало только по имени. Г. инспекторъ соединилъ оба училища въ одно, которое и приняло другой видъ. Бывшее женское училище обращено въ квартиру для учителя, а мужское осталось общимъ классомъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Опредѣлена новый учитель. Всѣхъ учащихся въ училищѣ: 50 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ; но при послѣдней ревизіи въ немъ было только 17 мальчиковъ и 2 дѣвочки. Познанія ихъ вообще слабы. Ученики 1-й группы были уже ознакомлены съ нѣсколькими звуками. Ученики 2-й группы читали слабо. По ариѳметикѣ имѣли незначительные понятія и съ большимъ трудомъ могли решать даже самые простыя задачи въ умѣ. По закону Божію могли отвѣтить только нѣсколько молитвъ. Ученики 3-й группы читали по русски и по славянски неудовлетворительно. По ариѳметикѣ въ состояніи были решить нѣсколько небольшихъ задачъ на доскѣ, но въ умѣ затруднялись решать самые обыкновенные задачи. По закону Божію отвѣчали молитвы и нѣкоторыя статьи изъ священной исторіи по учебнику, слово въ слово. Всѣ эти недостатки насаждались въ училищѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ, но есть надежда, что при новомъ учителѣ училище исправится.

Кучкое училище открыто въ 1863 году и помѣщается въ общественномъ домѣ, хотя не тѣсномъ, но довольно неудобномъ. Посѣпная училище съ 1869 года, г. инспекторъ постоянно находилъ его въ состояніи удовлетворительномъ, не смотря на то, что съ того времени въ немъ уже третій учитель; учащихся 65. Недавнее вы бытіе учителя и замѣщеніе его новымъ не осталось безъ вліянія на учебную часть; вмѣсто трехъ, было четыре группы. Учитель впрочемъ приложилъ стараніе, чтобы въ непродолжительномъ временіи выровнять познанія учениковъ и образовать три группы. Ученики высшей группы вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ. Они читали при г. инспекторѣ по русски и по славянски вполнѣ хорошо, рассказали сознательно нѣсколько статей нетруднаго содержанія, а одинъ, по картинѣ, довольно обстоятельно сдѣлалъ разказъ по естественной исторіи. По ариѳметикѣ познанія оказались слабыя. Ученики 2-й группы читали удовлетворительно и по ариѳметикѣ выказали познанія совершенно достаточныя. Изъ учениковъ 1-й группы въкоторые туже читали; другіе же не были еще ознакомлены со всѣми звуками, вслѣдствіе неоднократнаго посѣщенія училища. Учитель предположилъ сначала выровнять ихъ познанія, а потомъ уже всѣхъ разомъ упражнять въ чтеніи. По закону Божію старшіе ученики знакомы были съ событиями изъ священной исторіи ветхаго и нового завѣта и разказывали ихъ довольно сознательно. Младшіе ученики могли отвѣтить только молитвы. Изъ учениковъ устроенъ порядочный хоръ; обученіемъ пѣвию занимается мѣстный діаконъ.

Струйское училище учреждено палатою государственныхъ имущество въ 1844 году и содержится на счетъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. До 1871 года на содержаніе училища отпускалось 249 руб.; изъ нихъ наставнику 100 руб., помощнику 75 р., остальные на пасемъ сторожа, содержаніе училищного дома и учебныхъ пособія. При первомъ посѣщеніи этого училища г. инспекторомъ въ 1869 году, въ немъ было всего 4 ученика, обучавшіеся славянской азбукѣ. Съ тѣхъ порь до 1871 года училище нѣсколько не подвинулось. Лѣтомъ этого года назначенъ новый учитель; но при послѣдней ревизіи училище было еще далеко не въ удовлетворительномъ положеніи, однако же лучше сравнительно съ прежнимъ. Учащихся 20. По познаніямъ только низшая группа, составившаяся изъ новыхъ учениковъ, удовлетворяла требованіямъ; остальные двѣ были слабо подготовлены, и учителю предстоитъ не мало труда, чтобы ихъ, заученыхъ старыми способами, подогнать до надлежащаго уровня. Особ-

бенно слабыми оказались успехи по арифметикѣ. По закону Божію изданія найдены совершенно неудовлетворительными, на что и обращено вниманіе законоучителя.

Калюсокъ училище открыто въ сентябрѣ 1871 года, но ученье началось только съ половины октября. Помѣщеніе училища вполнѣ удовлетворительное. При посѣщеніи училища, въ немъ найдено 32 учащихся, изъ которыхъ 30 составили 1-ю группу, и только 2 ученика, изъ бывшей церковно-приходской школы, умѣвшіе уже читать, могли быть зачислены во 2-ю группу. Учащіе, въ теченіи трехъ недѣль, ознакомились со всѣми звуками; они могли читать уже почти всякое слово, а также решать въ умѣ маленькия задачи на всѣ четыре дѣйствія. Занятія ведутся правильно. По закону Божію, вслѣдствіе болѣзни законоучителя, учащіе не приобрѣли еще никакихъ познаній. При училищѣ открытъ классъ для взрослыхъ, въ которомъ учащихся 10 человѣкъ. Занятія въ этомъ классѣ идутъ довольно успѣшно.

Ляшовецкое училище открыто 1-го октября 1871 года и помѣщается въ домѣ весьма тѣсномъ и неудобномъ. Предполагается или сдѣлать пристройку къ этому дому или выстроить новый домъ для училища. При посѣщеніи г. инспектора въ немъ было 17 мальчиковъ; больше почти не можетъ помѣститься въ настоящемъ классѣ. Изъ учащихся 6 уже читали и знали молитвы. Они обучались въ бывшей церковно-приходской школѣ. Остальные, поступившіе неграмотными, ознакомлены со многими звуками. Учебныя пособія еще не были получены въ училищѣ; дабы доставить возможность учителю немедленно повести дѣло надлежащимъ образомъ, г. инспекторъ распорядился, чтобы необходимыя на первый разъ учебныя пособія были заемообразно отпущены изъ сосѣдняго народнаго училища Ярышевскаго. Учитель усерденъ.

Ярышевское училище учреждено въ 1864 году и помѣщается въ общественномъ домѣ, вполнѣ удобномъ и просторномъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, училище это, въ началѣ своего существованія, шло очень хорошо. Нѣкоторые изъ его бывшихъ учениковъ были народными учителями въ сосѣднихъ церковно-приходскихъ школахъ. Но въ 1869 году г. инспекторъ нашелъ училище въ весьма посредственномъ состояніи. Учитель былъ вовсе неспособенъ къ веденію дѣла. Хотя лѣтомъ 1870 года опредѣленъ новый учитель, но училище и до сихъ поръ мало подвинулось впередъ. Учащихся въ немъ достаточно; но учебная часть слаба. Всѣхъ учащихся въ училищѣ 35 мальчиковъ и

17 дѣвочекъ. Ученики 1-й группы, въ продолженіе двухъ недѣль, ознакомлены были только съ 11 звуками, да и то такими, изъ которыхъ почти нельзя составить словъ. Учащіеся 2-й и 3-й группы читали вообще неудовлетворительно. По ариѳметикѣ въ обѣихъ группахъ познанія весьма незначительны; соображеніе учащихся развито недостаточно. Еще меныше познаній по закону Божію. Учащіеся могли только отвѣтывать молитвы.

Кукаевское училище открыто въ 1864 году и помѣщается въ общественномъ домѣ, весьма просторномъ. Классная комната на столько велика, что зимой не бываетъ возможности ее согрѣть, чтѣ запятнано затрудняетъ занятія. Училище находится не въ блестящемъ положеніи. Ученики посѣщаются уроки крайне неаккуратно, и успѣхи вообще незначительны. Учащихся 20 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ, но при ревизіи найдено только 20. Тѣ изъ нихъ, которые посѣщали аккуратно училище, имѣли познанія вполнѣ достаточныхъ; къ сожалѣнію, такихъ не много; остальные же вообще слабы. Нѣкоторые изъ учениковъ 1-й группы уже читали; другіе же не были еще знакомы со многими звуками. Ученики 2-й группы были нѣсколько ровнѣе по познаніямъ и читали довольно порядочно. Ученики 3-й группы также были неодинаковыхъ познаній: одни читали весьма порядочно, другіе—далеко неудовлетворительно. По ариѳметикѣ и по закону Божію успѣхи неудовлетворительны.

Лучинецкое училище открыто въ 1867 году. Это училище существовало чуть не по имени и до сихъ порь почти не подвигнулось впередъ. Всѣ средства были перепробованы, чтобы привести училище въ надлежащій видъ, но до сихъ порь не удалось еще ничего сдѣлать. Ученики почти не посѣщаются училища, а мѣстные власти не принимаютъ въ дѣлахъ его почти никакого участія. Случалось, что и топлива зимою не было, и учитель вмѣстѣ съ училищемъ были предоставлены на произволъ судьбы. Въ послѣднюю ревизію г. инспекторъ нашелъ въ училищѣ 8 мальчиковъ, съ небольшими познаніями. Одни изъ нихъ уже читали, другіе оканчивали изученіе звуковъ; но по закону Божію и ариѳметикѣ не имѣли почти никакихъ свѣдѣній. Г. инспекторъ обратился къ содѣствію предсѣдателя мѣстного мироваго съзыва; но результатъ этихъ сношеній еще неизвѣстенъ.

Лазовское училище открыто 1-го октября 1871 года. Помѣщеніе училища хорошее; классъ весьма просторный и свѣтлый. При посѣщении училища въ немъ было 45 учащихся. Учитель раздѣлилъ ихъ на двѣ группы; тѣ изъ учащихся, которые обучались въ бывшей церков-

но-приходской школѣ, составили 2-ю группу, а совершенно безграмотные — 1-ю. Ученики 2-й группы оказались читающими посредственно и развитыми весьма мало. По ариетикѣ съ ними пришлось начинать сначала. Учащіеся 1-й группы были уже ознакомлены съ нѣсколькими звуками. По закону Божію свѣдѣній пока учащимся сообщено не было. Учитель старательнъ.

Плебановское училище учреждено палатою государственныхъ имуществъ и содержится на счетъ сбора съ государственныхъ крестьянъ. До 1871 года на содержаніе училища отпускалось 189 руб., изъ коихъ наставнику назначено было 100 руб., на учебныя пособія 27 р., а остальные на наемъ сторожа и содержаніе дома. Такъ какъ въ этомъ училищѣ должности помощника наставника положено не было, то обязанности учителя исполнялъ, вполнѣ добросовѣстно, самъ наставникъ. Нынѣ учителемъ назначенъ окончившій курсъ въ духовной семинаріи. При посѣщеніи училища г. инспекторомъ, въ немъ найдено 55 учениковъ, раздѣленныхъ на три группы. Всѣ группы по познаніямъ были ниже надлежащаго уровня. Неопытность учителя, недостаточная подготовка учащихся и многочисленность класса не позволили учителю въ короткое время достигнуть значительного успѣха; впрочемъ онъ старательнъ, вслѣдствіе чего можно ожидать успѣхъ въ будущемъ. Ученики 3-й группы читали довольно бѣгло, но безъ сознанія, и учителю будетъ стоить не малого труда, чтобы довести ихъ до сознательного чтенія. Наибольшій трудъ представляли занятія съ первой группой, ученики которой были ознакомлены съ буквами и складами по славянскому произношенію. По ариетикѣ познанія недостаточны; соображеніе учащихся мало развито. Ученики 2-й группы, въ которой преподаваніе ведется по способу Грубе, могутъ достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ; ученики же 3-й группы не въ состояніи достигнуть до надлежащаго уровня. По закону Божію познанія во всѣхъ трехъ группахъ совершенно удовлетворительны. Учащіеся отвѣчали на всѣ вопросы весьма толково.

Межировское училище учреждено въ 1863 году и помѣщается въ общественномъ домѣ просторномъ и удобномъ. Въ 1869 году, при посѣщеніи г. инспектора, оно было въ самомъ жалкомъ положеніи. Нѣсколько мальчиковъ, которыхъ возможно было созвать въ училище, почти ничего не знали. Въ настоящее же время, хотя нельзя сказать, что училище было приведено въ надлежащей видъ, но оно все-таки значительно подвинулось впередъ. Учащихся 28 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ, изъ коихъ, при посѣщеніи училища, найдено 21. Они

разделены на 3 группы. Руководствуясь определениями съезда, учитель довелъ дѣло районально. Ученики 1-й группы знали ужъ азбуку; 2-й читали довольно порядочно, а 3-й почти удовлетворительно. Арифметика преподается по Грубе, но познанія во всѣхъ группахъ значительно ниже надлежащаго уровня. По закону Божію ученики 3-й группы могли отвѣтить изъ священской исторіи, хотя и не вполнѣ удовлетворительно, а ученики 2-й группы имѣли еще очень мало познаній.

Барское училище открыто въ 1868 году; помещеніе не вполнѣ удовлетворительное. Училище содержится на счетъ города, изъ суммы 370 р., распредѣляемыхъ слѣдующимъ образомъ: законоучителю 60 р., учителю 200 р., на наемъ дома 60 р., на содержаніе дома и наемъ сторожа 50 р. Въ 1869 г., при первомъ посѣщеніи училища, оно найдено не въ блестящемъ положеніи. Мадоуспѣшность, главнымъ образомъ, зависѣла отъ недостатка книгъ. Со временемъ назначенія сюда нового учителя, чедовѣка достаточно способного и образованнаго, въ особенности же послѣ снабженія училища учебными пособіями, оно находится въ удовлетворительномъ состояніи. Учащихся 58, въ томъ числѣ 1 девочка. Ученики 3-й группы читали бѣгло и толково; прочитанное могли разказать не затрудняясь. Нѣкоторые, кроме того, рассказывали о Владимирѣ Святомъ и о крещеніи Руси. Подъ листовку писали довольно правильно, даже въ состояніи были разставить предложения. Нѣкоторые оказали познанія и въ грамматическомъ разборѣ. По славянски читали и переводили совершенно удовлетворительно. По арифметикѣ решали задачи довольно сложныя, съ дробами; но соображеніе оказалось недостаточно развитымъ: при вычисленіяхъ въ умѣ ученики затруднялись. По закону Божію разказали нѣсколько событій изъ священской исторіи. Чистописаніе также найдено въ удовлетворительномъ состояніи. Ученики 2-й группы читали порядочно. По арифметикѣ познанія ихъ оказались значительно слабѣ, чѣмъ у учениковъ 3-й группы. По закону Божію успѣхи также найдены не вполнѣ удовлетворительными: нѣкоторые еще не иначе могли отвѣтить, какъ словами книжн. 1-я группа еще не вполнѣ организовалась; познанія учениковъ не были еще выравнены, вслѣдствіе разновременности ихъ поступленія: одни могли уже читать, другіе же были ознакомлены съ 15-ю звуками. По арифметикѣ и по закону Божію познанія въ 1-й группѣ найдены еще весьма незначительными.

Женишковское училище открыто въ 1864 году и находится въ общественномъ домѣ, хорошо устроенному, но представляющемъ, по своему положенію на краю села, значительные неудобства. Посѣтивъ

училище въ первый разъ весною 1870 года., г. инспекторъ нашель его совсѣмъ не дѣйствующимъ. Едва могли призвать двухъ мальчиковъ, которые ничего не знали. Домъ бытъ въ страшномъ беспорядкѣ. Обратившись totчасъ же къ мировому посреднику относительно устраниенія препятствій къ возобновленію училища, г. инспекторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, указалъ учителю на тѣ требованія, которыхъ должны быть выполнены. Но онъ вскорѣ выбылъ, и на его мѣсто опредѣленъ другой, мало по малу начавшій улучшать училище. Домъ болѣе или менѣе приведенъ въ порядокъ, и учащихся въ настоящее время 27 мальчиковъ и 14 девоочекъ. Посѣтивъ училище въ послѣдній разъ, г. инспекторъ нашель еще познанія учащихся ниже надлежащаго уровня. Учащіеся 1-ї группы были ознакомлены не со всѣми еще звуками, а по ариѳметикѣ прошли только до 6. Учащіеся 2-ї группы читали довольно слабо; по ариѳметикѣ прошли до 10, хотя задачи на эти числа решали недостаточно бойко. По закону Божію ничего еще не знали. Учащіеся 3-ї группы читали не вполнѣ удовлетворительно; по ариѳметикѣ прошли до 20 и недостаточно напрактикованы въ решеніи задачъ. По закону Божію могли отвѣтить только молитвы, не понимая ихъ значенія.

Зѣньковское училище, учрежденное палатою государственныхъ имуществъ въ 1845 году, нѣсколько разъ было перемѣщено изъ с. Гремячки въ м. Зѣньковъ и обратно. Въ 1869 году оно находилось въ Гремячкѣ (въ 5-ти верстахъ отъ Зѣнькова). На содержаніе его отпускалось изъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ 339 р., распредѣляемыхъ такъ: наставнику 100 р., помощнику 75 р., наставницѣ 75 р., на учебныя пособія 27 р., на наемъ сторожа 17 р. и на наемъ и содержаніе дома 45 р. При посѣщеніи училища весною 1870 г., оно найдено въ весьма плохомъ состояніи. Въ должностяхъ помощника наставника былъ діаконъ, а въ должностяхъ наставницы жена священника. Изъ мальчиковъ некоторые кое-какъ читали, но девочки почти ничего не знали. Училище не имѣло своего помѣщенія, а находилось въ домѣ священника. Въ концѣ 1870 г., при перемѣщеніи училища въ м. Зѣньковъ, оно было устроено на новыхъ основаніяхъ. Опредѣленъ быть особый учителъ; къ 300 р., ассигнованныхъ на содержаніе училища общество доплачиваетъ ежегодно 100 р. на жалованье учителю. При послѣднѣмъ посѣщеніи училища, въ немъ найдено 40 учащихся (чисится 55). Ученики 1-ї группы были уже ознакомлены со всѣми звуками. Ученики 2-ї группы, учившіеся въ бывшихъ прежде въ мѣстечкѣ школахъ, могли читать, но неправильнно.

Познанія по ариѳметицѣ неудовлетворительны: соображеніе учащихся совсѣмъ не развито. Ученики третьей группы читали довольно бѣгло по русски и по славянски. По ариѳметицѣ познанія учащихся далеко недостаточны; по закону Божію сравнительно удовлетворительны. Ученики двухъ послѣднихъ группъ прошли нѣсколько статей изъ священnoй исторіи и могли разказывать ихъ довольно основательно. Усердіе учителя и законоучителя даетъ надежду на улучшеніе училища въ будущемъ.

Глушновецкое училище открыто въ началѣ ноября 1871 года, и тогда же опредѣленъ учитель — изъ числа окончившихъ курсъ въ Подольской духовной семинаріи; но онъ вскорѣ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности, къ которой вовсе и не являлся (въ отсутствіе его мѣстного псаломщика занимался обученіемъ славянской азбуки). На его мѣсто назначенъ воспитанникъ Киевской учительской семинаріи. Помѣщеніе училища довольно тѣсное и не вполнѣ удобное.

Черноостровское приходское училище устроено на основаніи правилъ министерства народного просвѣщенія, изданныхъ 8-го ноября 1845 года. До 1869 года оно состояло при бывшемъ дворянскомъ училищѣ и служило приготовительнымъ при немъ классомъ. Съ закрытиемъ дворянского училища, приходское осталось самостоятельнымъ и нѣсколько измѣнило свой видъ. Въ то время оно было въ плохомъ состояніи; учащихся было достаточно, но познанія ихъ совершенно неудовлетворительны, вслѣдствіе неспособности учителя. Такъ какъ жалованье его состояло изъ 99 р., то лучшаго учителя и найти было нельзя. Съ увеличеніемъ оклада, опредѣленъ новый учитель, и училище нѣсколько улучшилось. При посѣщеніи г. инспектора, въ немъ было 20 мальчиковъ, раздѣленныхъ на 2 группы. Ученики 1-й группы читали уже упражненія „Роднаго Слова“ и въ состояніи были рѣшать простыя задачи изъ ариѳметики. Ученики 2-й группы читали по русски и по славянски посредственно; легкія статьи могли переводить съ славянскаго на русскій. Преподаваніе ариѳметики страдаетъ однообразіемъ, отчего ученики, рѣшая нѣкоторыя задачи весьма быстро, затруднялись въ рѣшеніи другихъ, даже весьма простыхъ. Чистописаніе найдено въ довольно удовлетворительномъ состояніи; но успѣхи по закону Божію оказались неполнѣ удовлетворительными: ученики прошли всего нѣсколько статей изъ священnoй исторіи и заповѣди и отвѣчали на вопросы большей частью сло-
и книги, довольно безсознательно.

Частнія учебния заведенія. Такихъ заведеній въ вѣдѣніи инспекціи 1-го района находится 3: два мужскіхъ — одно на степени уѣзднаго училища, другое — приходскаго, и одно женское, на степени приходскаго училища. Характеръ всѣхъ этихъ училищъ одинъ и тотъ же: они служать подготовительными заведеніями въ разныя училища, почему и курсъ ихъ обусловливается курсомъ послѣднихъ. Успѣшность веденія дѣла опредѣляется болѣе или менѣе удачнымъ выдержаніемъ экзамена въ казенное учебное заведеніе, въ которое, по условію съ родителями, учащійся долженъ быть подготовленъ. Хотя такимъ требованіямъ частнія училища, въ большинствѣ случаевъ, удовлетворяютъ, но нельзя сказать, что бы ихъ учебная часть находилась въ состояніи вполнѣ удовлетворительному. Содержатели училищъ, располагая слишкомъ ограниченными средствами, не имѣютъ возможности приглашать въ училища людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ дѣломъ обучения, и занимаются обыкновенно сами, не всегда имѣя для того достаточную подготовку. Учебными пособіями училища эти снабжены весьма скучно и нуждаются даже въ самыхъ необходимыхъ книгахъ. Воспитательную часть училищъ также нельзя назвать удовлетворительною. Въ послѣднюю ревизію г. инспекторъ посѣтилъ два училища: въ г. Литинѣ — женскій пансионъ г-жи Павловской и въ м. Ярмолинцахъ — мужской пансионъ г. Ковалевскаго. Въ первомъ были всего 3 ученицы, изъ которыхъ одна только была въ состояніи читать и отвѣтить на нѣкоторые вопросы изъ закона Божія и ариѳметики. Во второмъ г. инспекторъ засталъ 20 мальчиковъ. Изъ нихъ старшіе читали довольно бойко. По закону Божію выучили только нѣсколько статей изъ священной исторіи. Меньшиіе ученики читали довольно слабо. По ариѳметикѣ познанія ихъ оказались весьма незначительными, но нѣкоторые довольно бойко могли решать небольшія задачи въ умѣ. Обученіемъ занимается самъ содержатель; законъ Божій преподаетъ мѣстный священникъ.

Казенныя еврейскія училища 1-го разряда представляютъ въ настоѧщее время заведенія совершенно отжившія и требующія полнаго преобразованія. Они не пользуются довѣріемъ ни въ какихъ слояхъ еврейскаго общества и на столько потеряли кредитъ, что одни Евреи предпочитаютъ помѣщать дѣтей въ двухклассныя училища, а другіе отдаютъ ихъ меламдамъ. Учебная часть еврейскихъ училищъ находится въ неудовлетворительномъ состояніи. Затрудненіе въ преподаваніи, въ особенности для русскаго учителя, представляетъ то, что дѣти поступаютъ въ училище большую частью совсѣмъ не понимая

русской рѣчи. Учащіеся посѣщаются училище крайне неаккуратно. Желание подчинить еврейскія училища сколько-нибудь разумнымъ требованіямъ остается всегда бесплоднымъ.

Частное народное училище г-жи Львовой. Осмотривая, въ декабрѣ 1871 года, церковно-приходскія школы Подольской губерніи, г. инспекторъ 1-го района посѣтилъ, между прочимъ, и училище въ с. Чернигинѣ, Литинскаго уѣзда, основанное местною землевладѣлицей, г-жею Львовою и содержимое на ея средства. Училище это обратило на себя вниманіе г. инспектора потому, что оно, по своему устройству и результатамъ ученья, не только не имѣть ничего общаго съ осмотрѣнными имъ церковно-приходскими школами, но и безспорно стрѣлъ выше всѣхъ народныхъ училищъ. Оно открыто въ ноябрѣ 1868 года. Преподавателемъ былъ приглашенъ учитель Херсонской гимназіи С. И. Шемановскій, занимающійся обученіемъ и до сихъ поръ. Въ прошломъ году былъ первый выпускъ учениковъ. Въ настоящее время въ немъ обучается 30 мальчиковъ. Чтобы видѣть результатъ трехлѣтней дѣятельности училища, г. инспекторъ, при посѣщеніи его, пригласилъ и выпускниковъ весною 1871 года учениковъ; остальныхъ же учениковъ заменивалъ лишь на столько, на сколько необходимо было для ознакомленія съ употребляемыми въ училищѣ методами преподаванія. Результатъ наблюдений г. инспектора былъ слѣдующій:

Обученіе грамотѣ ведется по руководству, составленному самимъ преподавателемъ. Особенность его метода заключается въ томъ, что вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ идетъ и предметное обученіе, а самое обученіе чтенію и письму ведется одновременно. Съ 3—4 урока учащимся дается въ руки букварь, составляющій принадлежность метода г. Шемановскаго, для упражненія въ чтеніи и письмѣ. Такая самостоятельная работа съ первыхъ же уроковъ даетъ хорошие результаты, и учащіеся очень быстро выучиваются грамотѣ. Послѣ букваря, ученики г. Шемановскаго читаютъ „Родное Слово“. Все стараніе преподавателя при этомъ направлено на то, чтобы ничто изъ читаемаго не оставалось непоплѣтымъ. Оттого встрѣчались ученики, читавши еще невподвижно бѣгло, но вполнѣ сознательно. Особенность приема при обученіи чтенію г. Шемановскаго состоять въ томъ, что онъ, для оживленія чтенія, несколько разъ въ теченіи урока разнообразить его, хоровыми чтеніемъ. Оно продолжается обыкновенно недолго; ученики прочитываютъ лишь нѣсколько строчекъ; одинъ ученикъ, по предложению учителя, разсказываетъ содержаніе прочитанаго, и затѣмъ, опять чтеніе идетъ по прежнему. Вмѣстѣ съ тѣмъ

имѣется въ виду и другая пѣль — выразительность чтенія: учитель самъ читаетъ вмѣстѣ съ учениками, обращая особенное вниманіе на то, чтобы всѣ ученики читали также выразительно, какъ онъ самъ. Шишуть учащіеся, если не вполнѣ правильно, то по крайней мѣрѣ, почти безошибочно, разставляютъ знаки препинанія, объясняя при томъ, почему такой-то знакъ ставится, и все это вполнѣ сознательно. Писанныя старшими учениками сочиненія на различныя темы, преимущественно изъ сельскаго быта, какъ по грамотности, такъ и по изложенію, занимали бы приличное мѣсто не въ одномъ лишь сельскомъ одноклассномъ училищѣ. Сверхъ всего этого, ученики не только могутъ читать сознательно статейки легкаго содержанія, но и имѣютъ достаточно свѣдѣній для того, чтобы читать что-нибудь посерьзѣйшее. Съ географическими картами они обращаются совершенно свободно. Свѣдѣнія географическія и историческія сообщаются въ извѣстномъ порядке, свѣдѣнія же по естествовѣдѣнію при всякомъ удобномъ случаѣ. Бесѣды эти ведутся въ видѣ разказовъ, при чемъ каждый разказъ учитель оканчиваетъ вопросомъ, который, на основаніи сказаннаго, предлагается для разрѣшенія самимъ ученикамъ. Такой пріемъ, заставляющій учениковъ самихъ работать для приобрѣтенія новыхъ спѣдѣній, даетъ тотъ результатъ, что ученики, вышедши изъ училища, по прошествіи довольно долгаго времени, могли разглаголять то, что они учили въ училищѣ. Въ бесѣдахъ по естествовѣдѣнію стараніе преподавателя направлено главнымъ образомъ къ достижению двухъ цѣлей: 1) къ ознакомленію съ растеніями, ихъ развитіемъ и способами разведенія и 2) къ ознакомленію съ гигієническими условіями жизни. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. Шемановскій достигъ уже практическихъ результатовъ: указывая, при вслкому удобномъ случаѣ, на тѣ обстоятельства, которыя имѣютъ вредное влияніе на здоровье, и на необходимыя гигієническія условія, онъ поселилъ въ учащихся любовь къ чистотѣ; что отразилось и на домашнемъ бытѣ крестьянъ. Познанія по ариѳметикѣ поразительны. Занятія этимъ предметомъ начинаются въ низшей группѣ и ведутся исключительно наглядно. Въ классѣ есть большої таѣ-называемый ариѳметический столъ. Група, съ которой идетъ занятіе, садится вокругъ стола, и тутъ ученики знакомятся съ единицами и частями единицъ, сначала на предметахъ, а потомъ на нарочно для сего приготовленныхъ палочкахъ, которыя они составляютъ изъ частей и разбиваютъ на части. Упражненія продолжаются на мѣрахъ длины, вѣса, емкости и т. д. Всѣ задачи решаются въ умѣ. Уже въ послѣдствіи

ученики знакомятся съ начертаніями цифръ, къ которымъ они прибывають только тогда, когда не въ состояніи удержать въ памяти большихъ чиселъ. Тутъ ужъ ученье принимаетъ другой видъ. Занятия ведутся не съ цѣлою группой, а съ отдѣльными учениками; група раздѣляется на части по 2, 3 и 4 ученика. Каждой группѣ дается отдѣльная задача; ученики расходятся по всему классу. Войдя въ классъ, во время занятій арифметикой, можно подумать въ первый разъ, что тутъ нѣтъ никакого порядка; но всмотрѣвшись хорошенько, можно замѣтить, что работа випѣтъ во всѣхъ концахъ класса. Всѣ задачи, за исключеніемъ весьма сложныхъ, решаются въ умѣ; только результаты дѣйствій, для памяти, записываются на бумагу. Одна группа за другую постоянно является къ учителю докладывать свою работу, объясняя при этомъ весьма обстоятельно, откуда получится тотъ или другой результатъ. Задачи берутся обыкновенно изъ обычной жизни и бываютъ весьма разнообразны, такъ какъ "учащіеся знакомы и съ геометрическими терминами, и съ квадратными и кубическими мѣрами. Перечисленіе мѣръ одного порядка въ другой ученики дѣлаютъ весьма быстро; съ дробями обращаются весьма свободно; разчитать по капиталу проценты и по процентамъ капиталъ не представляеть имъ никакого труда. Чистописаніе считается побочнымъ предметомъ; тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ учениковъ пишутъ весьма порядочно. Законъ Божій преподаетъ мѣстный священникъ А. А. Синицкій. Познанія по этому предмету не уступаютъ прочимъ. Священная исторія преподается наглядно по картинамъ, и ученики не придерживаясь никакого руководства, весьма толково рассказываютъ о тѣхъ событияхъ, которыхъ изображенія они видятъ въ картинахъ. Церковному пѣнію обучаетъ самъ г. Шемановскій. Онъ устроилъ хоръ, который по воскреснымъ и праздничнымъ дніямъ поетъ въ мѣстной церкви. Хоръ этотъ, по заявленію преподавателя, извѣстенъ и въ окрестностяхъ, такъ какъ ни одинъ почти храмовой праздникъ не обходится безъ участія хора.

Г. инспекторъ указываетъ еще на тотъ отрадный фактъ, что школа оказала надлежащее нравственное вліяніе на учащихся. Библиотека и всѣ учебные пособія находятся въ завѣдываніи учениковъ, и не одного, а чуть-ли не всѣхъ. Фактъ этотъ учитель объяснилъ слѣдующимъ образомъ: вскорѣ по открытии училища замѣчено было между учащимися воровство, которое, несмотря на нѣкоторыя принятыя мѣры, не прекращалось. Изыскивая средства къ прекращенію этого порока, преподаватель рѣшился отнести съ полнымъ довѣ-

ріємъ къ ученикамъ и предоставить все училищное имущество имъ на руки. Съ тѣхъ поръ, разказывалъ г. Шемановскій, не смотря на то, что въ школу лежать постоянно мѣдные и серебряные деньги для классныхъ занятій, ни одна вещь не пропала, и воровство совершенно прекратилось. Г. инспекторъ слышалъ, что нравственнымъ своимъ вліяніемъ г. Шемановскій довелъ учениковъ до того, что они не только сами избѣгаютъ проступковъ, но стараются распространить нравственное вліяніе школы и въ средѣ тѣхъ мальчиковъ, которые ея не посѣщають. Съ какими чувствами воспитанники относятся къ воспитавшему ихъ заведенію, видно изъ того, что окончившіе курсъ не оставляютъ училища и въ свободное время заходятъ въ классъ на уроки. Такая любовь къ школѣ, давшей имъ первыя начала образования, показываетъ, съ одной стороны, на сколько она достигаетъ своего назначения, а съ другой — служитъ самимъ лучшимъ ручательствомъ за прочное ея будущее.

Къ сожалѣнію, и въ этомъ училищѣ есть своя оборотная сторона: это — неаккуратное посѣщеніе учениками училища. Старшіе ученики въ этомъ отношеніи еще болѣе или менѣе аккуратны; но младшіе несколько не отличаются отъ учениковъ другихъ училищъ. Принявъ это во вниманіе, не трудно видѣть, какихъ громадныхъ усилий стоило преподавателю достигнуть въ теченіе трехъ лѣтъ тѣхъ результатовъ, о которыхъ упомянуто выше. Лучшею наградою за такие труды лицу, искренно относящемуся къ дѣлу народного образования, служить то, что онъ имѣть возможность всемъ и каждому показать на дѣлѣ, чѣмъ можетъ быть, сельская школа, и какие могутъ быть ея результаты.

Училище, какъ сказано выше, содержится на средства М. М. Львовой. Содержаніе обходится болѣе 1.000 руб., такъ какъ, кроме квартиръ и другихъ расходовъ, одно жалованье наставникамъ доходитъ до этой цифры. На учебныя пособія отпускается денегъ столько, сколько понадобится. Въ настоящее время училище обставлено всѣми возможными учебными пособіями. Не говоря ужъ о книгахъ, въ училищѣ имеются всѣ единицы мѣръ, вѣсы, картины для нагляднаго обученія, глобусы, географическія карты, пособія для геометріи и т. п. Не смотря на это, если учитель находитъ необходимымъ приобрѣсть ту или другую книгу, или еще какія-нибудь учебныя пособія, то затрудненія въ этомъ не встрѣчается. Въ Чернятинѣ и сосѣднихъ мѣстахъ разказываютъ, что г-жа Львова съ рѣдкимъ участіемъ и любовью относится къ устроенному ею училищу, и это участіе далеко не ограничивается материальными пожертвованіями; г-жа Львова

сама принимаетъ самое дѣятельное участіе въ воспитаніи, учащихся. Вслѣдствіе сего г. инспекторъ народныхъ училищъ Подольской губерніи 1-го района полагаю справедливо, что въ числѣ лицъ, оказывающихъ истинныя услуги народному образованію, имя М. М. Львой должно занять почетное мѣсто.

КАТАЛОГЪ ИЗДАНІЙ ДЛЯ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ
КАРТОГРАФИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНИЯ А. ИЛЬИНА
ВЪ С.-ПЕТЕРВУРГѢ.

На углу Екатерингофского проспекта и Большой Мастерской улицы, въ домѣ г-жи Ильиной,
№ 11—43.

Пересылка на счетъ заведеній, разстояніемъ до 2000 верстъ. Продажная цѣна
При выпискѣ на большее разстояніе, заведеніе просить руковод- для учебныхъ заведеній.
диться новыми почтовыми правилами, то-есть, прилагать за пе- Наклей-
ресылку по 1 к. за 1 фунтъ на каждыя 100 верстъ, согласно листахъ. Веро-
вышесказанному вѣсу. Руб. Коп. Руб. Коп. Фунтъ.

а) Учебные атласы и карты.

Атласъ пяти частей свѣта на 8 хромолит. листахъ боль-					
шаго формата.	1	60	—	50	2
Тотъ же Атласъ наклен. на коленкорѣ въ футлярѣ.	1	60	2	50	2
Отдельно: Полушарія	—	24	—	20	1
Европа	—	24	—	20	1
Азія	—	24	—	20	1
Африка	—	24	—	20	1
Сѣверная Америка	—	24	—	20	1
Южная Америка	—	24	—	20	1
Австралия .	—	24	—	20	1
Учебная карта Европейской Россіи.	—	16	—	20	1
Учебный Географический Атласъ для полнаго Гимназическо-					
курса въ 24 хром. карты.	1	20	—	35	2
для духовныхъ училищъ	—	80	—	30	2
въ 17 хромолит. картъ	—	40	—	30	1
для первыхъ классовъ гим-					
назіи въ 10 хром. картъ.	—	60	—	50	2
Подробный Учебный Географ. Атласъ Россійской имперіи					
въ 14 хромолит. картъ	—	60	—	50	2

Пересыпка на счетъ заведенія, разстояніемъ до 2000 верстъ. При выпискѣ на большее разстояніе, заведеніе просить руководиться новыми почтовыми правилами, то-есть, прилагать за пересыпку по 1 к. за 1 футъ на каждыя 100 верстъ, согласно вышесказанному вѣсу.

Продолжая цѣнъ
для учебныхъ заведеній.

	Въ листахъ.	Наклей- ка къ пе- реплету.	Пере- сыпка.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Футъ.
Атласъ Географіи Россіи въ 5 хромолит. листахъ .	—	40	—	30	1			
Атласъ Русской Исторіи, А. Добржикова .	—	48	—	60	1			
Учебная карта Азіатской Россіи .	—	15	—	20	1			
Этнографическая карта Народностей Россіи .	—	24	—	20	1			
• Азіатской Россіи .	—	15	—	20	1			
Карта промышленности Европейской Россіи .	—	24	—	20	1			
Большія стѣнныя учебные карты немая, и съ надписями.								
Полушарія на 4-хъ хромолит. листахъ, немая .	—	80	1	50	2			
Тоже, съ надписями .	—	80	1	50	2			
Европа на 4-хъ хромолит. листахъ, немая .	—	60	1	50	2			
Тоже, съ надписями .	—	60	1	50	2			
Азія на 4-хъ хромолит. листахъ, немая .	—	1	—	1	50	2		
Тоже, съ надписями .	—	1	—	—				
Америка на 4-хъ хромолит. листахъ, немая .	—	80	1	50	2			
Тоже, съ надписями .	—	80	1	50	2			
Северная Америка на 4-хъ хромолит. листахъ, немая .	—	80	1	50	2			
Тоже, съ надписями .	—	80	1	50	2			
Южная Америка на 2-хъ хромолит. листахъ, немая .	—	48	—	90	2			
Тоже, съ надписями .	—	48	—	90	2			
Австралия и всѣхъ частей свѣта на 4-хъ хромолит.								
листахъ, немая .	—	80	1	50	2			
Тоже, съ надписями .	—	80	1	50	2			
Европейской Россіи на 4-хъ хромолит. листахъ, немая .	—	1	60	—	—			
Тоже, съ надписями .	—	60	—	—				
Европейской Россіи на 2-хъ хромолит. листахъ для								
народныхъ школъ, альбома .	—	48	—	80	2			
Палестина на 2-хъ хромолит. листахъ .	—	40	—	50	2			
б) Специальные карты и атласы.								
Подробный Атласъ Российской имперіи, состоящий изъ								
70 хромолитogr. картъ, въ переплете .	16	—	—	—	10			
Большая Стѣнная Карта Желѣзныхъ дорогъ, Почты, Телеграфа .								

Пересылка на счетъ заведанія, разстояніемъ до 2000 верстъ. При выпискѣ на большее разстояніе, заведенію просить руководиться новыми поштовыми правилами, то-есть, прилагать за пересылку по 1 к. за 1 фунтъ на каждыя 100 верстъ, согласно вышесказанному вѣсу.

Продолженіе
для учебныхъ заведеній.

Вс а и з и ст ахъ	На хл б и и в е р о р и ч е н и я	Пор е ч и с ки	
		Руб.	Коп.

леграевъ и Пароходовыхъ сообщеній Европейской России, масшт. $\frac{1}{1.680.000}$ 9 хромолит. листовъ.	1	60	3	—	3
Настольная карта Европейской России, на 2-хъ хромолит. листахъ $\frac{1}{4.300.000}$.	—	80	1	—	2
Настольная карта Азиатской России, на 1-мъ хромолит. листѣ $\frac{1}{10.500.000}$.	—	40	—	50	2
Карта Великаго Княжества Финляндскаго, масшт. 30 верстъ на дюймѣ $\frac{1}{1.260.000}$ на 2-хъ листахъ.	—	64	—	70	2
Правильянскихъ губерній 20 верстъ въ дюймѣ.	—	64	—	70	2
Казаскаго края на 2-хъ хромолитогр. листахъ, 30 верстъ въ дюймѣ.	—	80	1	—	2
Туркестанскаго Генераль-Губернаторства на 2-хъ листахъ $\frac{1}{3.100.000}$.	—	80	1	—	2
Железныхъ дорогъ Европы	—	40	—	50	2
Африки по Петерману 1 листъ большаго формата.	—	80	—	60	2

Карты Губерній и Областей Российской имперіи.

Амурская Область, масшт. 180 верстъ въ дюймѣ	—	32	—	30	1
Архангельской Губ.	100	—	32	—	30
Астраханской .	40	—	32	—	30
Бессарабской. Обл.	20	—	32	—	30
Видинской Губ.	20	—	32	—	30
Вятѣской .	20	—	32	—	30
Владимирской .	20	—	32	—	30
Вологодской .	60	—	92	—	30
Волынской .	20	—	32	—	30
Воронежской .	20	—	32	—	30
Вятской .	25	—	32	—	30
Гродненской .	20	—	32	—	30
Довол. Войска Запад.	20	—	32	—	30
Екатеринославской	25	—	32	—	30
Енисейской	50	—	32	—	30
Забайкальской Обл.	50	—	32	—	30

Пересылка на счетъ заведенія, разстояніемъ до 2000 верстъ. При выпискѣ, на большее разстояніе, заведеніе просить руководиться новыми почтовыми правилами, то-есть, прилагать за пересылку по 1 коп. за 1 фунтъ на каждыя 100 верстъ, согласно вышеизложенному вѣсу.

Продолжая цѣны
для обычныхъ заведеній.

Губерніи	Губ. масшт.	Вѣсъ въ дюймѣ	Наклад. на письма		Пересылка	
			Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Иркутской	Губ. масшт.	50 верстъ въ дюймѣ	—	32	—	30
Казанской		20	—	32	—	30
Калужской		20	—	32	—	30
Кievской		20	—	32	—	30
Ковенской		20	—	32	—	30
Костромской		20	—	32	—	30
Курляндской		20	—	32	—	30
Курской		20	—	32	—	30
Лифляндской		20	—	32	—	30
Минской		20	—	32	—	30
Могилевской		20	—	32	—	30
Московской		10	—	32	—	30
Нижегородской		20	—	32	—	30
Новгородской		20	—	32	—	30
Олонецкой		30	—	32	—	30
Оренбургской и Уфимской		40	—	40	—	30
Орловской		20	—	40	—	30
Пензенской		25	—	40	—	30
Пермской		40	—	40	—	30
Подольской		20	—	40	—	30
Полтавской		20	—	40	—	30
Псковской		20	—	40	—	30
Рязанской		20	—	40	—	30
Самарской		20	—	40	—	30
С.-Петербургской		20	—	40	—	30
Саратовской		20	—	40	—	30
Симбирской		20	—	40	—	30
Смоленской		20	—	40	—	30
Таврической		20	—	40	—	30
Тамбовской		20	—	40	—	30
Тверской		20	—	40	—	30
Тобольской		50	—	40	—	30
Томской		50	—	40	—	30

Пересылка на счетъ заведенія, разстояніемъ до 2600 верстъ. При выпискѣ на большее разстояніе, заведеніе просить руководиться новыми почтовыми правилами, то-есть, прилагать за пересылку по 1 коп. за 1 фунтъ на каждыя 100 верстъ, согласно вышеизложенному вѣсу.

	Приданная цѣна для учебныхъ заведений	Наклей- ка и по- листахъ.			Пересылка. реквизитъ.
		Руб	Коп.	Руб.	Коп.

Тульской Губерніи масшт.	15 верстъ въ дюймѣ.	.	—	40	—	30	1
Ураз. Войска Земли	40	.	—	40	—	30	1
Харьковской	20	.	—	40	—	30	1
Херсонской	20	.	—	32	—	30	1
Черниговской	20	.	—	32	—	30	1
Эстляндской	20	.	—	32	—	30	1
Ярославской	20	.	—	32	—	30	1

Русскія народныя изданія.

Портретъ Государа Императора, 18 красокъ	.	—	30	—	—	1
Исторія Русскаго народа въ 24 картинахъ. черными красками.	.	—	50	—	—	2
» хромолитогр.	.	—	75	—	—	2

в) Журналы и книги.

Періодическое ежемѣсячное изданіе „Всемірный Путешественникъ“.

За 1867 годъ, I и II томъ.	Каждый томъ отдельно, ц. 3 р. 60-к. ПерецѣльТЬ 1 р. Перец. за 5 фунт.	7	20	2	—	10
» 1868 » III—IV		7	20	2	—	10
» 1869 » V—VI		7	20	2	—	10
» 1870 » VII—VIII		7	20	2	—	10
» 1871 » IX и 6 книгъ.		7	20	2	—	10

Дѣтская Библіотека. Книга I. Путешествіе Бенкера и его жены къ источникамъ Нила, 13 рисунковъ	.	—	80	—	50	3
Книга II. Наши враги и друзья въ міре настѣнныхъ, 107 рисунковъ	.	1	—	—	50	3
» Книга III. Евангельские разказы и карта, 32 рисунка.	.	1	—	—	50	3
Живописная Японія, Эме Гюмбера, болѣе 120 рисунковъ.	3	20	1	—	5	

Фигье. Жизнь настѣнныхъ, 600 рисунковъ.	.	3	20	—	50	5
растеній, 416 рисунковъ	.	3	20	—	50	5
Живописное Обозрѣніе. 1 т. съ рисунками.	.	2	—	—	50	4

	Продажная цена для учебных заведений			
	Въ- лостахъ.	Наклей- ка и по- сылка	Поря- док доставки.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Пересылка на счетъ заведенія, разстояніемъ до 2000 верстъ. При выпискѣ на большее разстояніе, заведеніе просить руководиться новыми почтовыми правилами, то-есть, прилагать за пересылку по 1 коп. за 1 футъ на каждые 100 верстъ, согласно вышесказанному вѣсу.	2	80	—	50
Исторія новѣднаго времени, Форенда	2	80	—	5
Путешествіе въ Индию и Цейлонъ, 39 рисунковъ;	1	—	—	50
Швейцарскія Альпы и Альпійская жизнь, Бергаппіа, съ рисунками	2	40	—	50
Малайскій Архипелагъ. Путешествіе Русселя Вандаса. 2 т.	2	40	—	50
Земля. Энциклопедія Реклю	3	20	—	50
Азбучное лото на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, каждое по	0	0	30	—
Атласъ Географическихъ сѣтей, состоящий изъ 8 листовъ	—	30	—	4

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ОКТЯВРЬ
1872.

(ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ).

ЧАСТЬ CLXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1872.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Очеркъ внутренней истории Пскова А. И. Никитского.

Древняя британская церковь И. О. Морошкина.

Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ,
преимущественно въ XV и XVI вѣкахъ. В. В. Макушева.

Международный статистический конгрессъ въ.

С.-Петербургъ П. Е. П—ва.

Критические и библиографические замѣтки:

Русская история. Соч. К. Н. Бестужева-Рюмина. Т. I.
С.-Пб. 1872. Изданіе Д. Е. Кожанчикова М. О. Кошевича.

Русский письменный упражненія гимназиче-
ского курса И. В. Гаврилова.

Современная лѣтопись.

(См. на 3-й стр. обѣртки).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ИРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CLXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1872.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШЯ ПОВЕЛЪНІЯ.

13. (9-го августа 1872 года). *О перенесеніи въ г. Херсонъ учительской семинаріи Одесского учебного округа.*

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Все ми-
лостивѣйше соизволилъ на приведеніе въ исполненіе хода-
тайства почетчителя Одесскаго учебнаго округа о перенесеніи въ
городъ Херсонъ учительской семинаріи Одесскаго учебнаго округа,
учрежденій по Высочайшему утвержденію 24-го мая 1871
года мнѣю государственного совѣта и на основаніи Высо-
чайшаго повелѣнія 5-го ноября 1871 года, послѣдовавшаго
по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія,
открытой временно въ г. Николаевѣ.

14. (9-го августа 1872 года). *Объ учрежденіи стипендіи при
Императорскомъ Московскомъ университете.*

Члены общества Тамбовскаго взаимнаго кредита, собравъ
между собою по добровольной подпискѣ капиталъ въ 3.500 руб.,
ходатайствовали объ учрежденіи при Московскомъ университѣтѣ,
на счетъ процентовъ съ сего капитала, одной стипендіи имени
Тамбовскаго губернатора, тайного советника Гартинга, съ тѣмъ
чтобы означенная стипендія предоставлялась одному изъ воспи-
танниковъ, окончившихъ курсъ наукъ въ Тамбовской гимназіи.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданійшему объ этомъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ вакъ на принятіе жертвуемаго членами общества Тамбовскаго взаимнаго кредита капитала въ *три тысячи пятьсотъ руб. сер.*, такъ и на учрежденіе изъ процентовъ онаго при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ одной стипендіи, съ наименованіемъ оной «стипендіей тайного совѣтника Николая Мартыновича Гартинга», и съ предоставлениемъ министерству народнаго просвѣщенія права утвердить правила объ этой стипендіи.

15. (16-го августа 1872 года) Объ учрежденіи стипендій при Симферопольской мужской гимназіи.

Коллежскій секретарь Моисей Иваненко обратился къ попечителю Одесского учебнаго округа съ просьбой объ учрежденіи при Симферопольской мужской гимназіи стипендіи его, Иваненко, имени, при чемъ представилъ закладныя листы Херсонскаго земскаго банка на 1,200 рублей.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ попечителя Одесского учебнаго округа и по всеподданійшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ вакъ на учрежденіе при Симферопольской мужской гимназіи стипендіи на проценты съ пожертвованаго Иваненко капитала въ 1,200 рублей, съ наименованіемъ «стипендіей коллежскаго секретаря Моисея Михайловича Иваненко», такъ и на предоставление министру народнаго просвѣщенія права утвердить положеніе для этой стипендіи.

16. (16-го августа 1872 года). Объ учрежденіи стипендій въ Кронштадтской женской гимназіи.

Служащіе въ Кронштадтѣ адмиралы, генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, гражданскіе чиновники и граждане г. Кронштадта, желаяувѣковѣчить память о контрѣ - адмиралѣ Дмитріѣ Андре-

евичъ Всеволожскомъ, прослужившемъ десять лѣтъ капитаномъ надъ Кронштадтскимъ портомъ, собрали по подпискѣ капиталъ въ девять тысячи девяноста руб. для учрежденія въ Кронштадтской женской гимназіи изъ процентовъ съ онаго двухъ стипендій имени Всеволожскаго, съ тѣмъ чтобы ему принадлежало независимо право назначать стипендіатокъ изъ числа дочерей бѣдныхъ дворянъ, служащихъ или служившихъ въ Кронштадтѣ, и чтобы не иначе, какъ съ его же согласія, по особо уважительнымъ причинамъ, разсмотрѣннымъ въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи, могла быть сохраняема стипенія такой стипендіаткѣ, которая останется въ томъ же классѣ на другой годъ.

По всеподданѣйшему обѣ этомъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, основанному на представлении управляющаго С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на принятие означеннаго капитала для учрежденія въ Кронштадтской женской гимназіи двухъ стипендій имени контр-адмирала Всеволожскаго и на представление министерству народнаго просвѣщенія права утвердить для оныхъ положеніе на основаніе представленнаго почетительнымъ совѣтомъ помянутой гимназіи проекта.

II. ВЫСОЧАЙШИЙ ПРИКАЗЪ.

20-го августа 1872 года (№ 11). Назначается чиновникъ особыхъ поручений V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, надворный советникъ *Кокошинъ* — управляющимъ канцелярией министра народнаго просвѣщенія по дѣламъ греко-униатскаго исповѣданія.

Командируются за границу, съ ученою цѣлью: кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Небосклоновъ* — въ годъ, магистръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Будыловичъ* — на два года, съ 1-го сентября 1872 года.

Уволняется об отпуске за границу: членъ совѣта министра народного просвѣщенія, тайный совѣтникъ Вороновъ — на двадцать - восемь дней, по болѣзни (Высоч. повел. 21-го июля 1872 года).

Уволяются: почетный почетчитель Нижегородскаго Александровскаго института, дѣйствительный статскойсовѣтникъ Прутченко — отъ сей должности, съ 9-го июня 1872 года, по случаю назначенія его Псковскимъ губернаторомъ, управляющей канцеляріей министерства народного просвѣщенія по дѣламъ греко-униатскаго исповѣданія, статскойсовѣтникъ Сидорскій — отъ службы, согласно прошенію, окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа, надворныйсовѣтникъ Соковнинъ — отъ должности окружнаго инспектора, съ 1-го августа 1872 года, согласно прошенію.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

4. (16-го сентября 1872 года). Циркулярное предложеніе управляющаго министерствомъ народного просвѣщенія товарища министра обѣ исполненіи Высочайшихъ и министерскихъ приказовъ по отпечатаніи ихъ об Сенатскихъ Вѣдомостяхъ.

Въ центральномъ управлениі министерства народного просвѣщенія сдѣгалось извѣстнымъ, что изъ некоторыхъ изъ подвѣдомственныхъ оному начальствъ, несмотря на напечатаніе въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, какъ Высочайшихъ, такъ и министерскихъ приказовъ по вѣдомству министерства народного просвѣщенія, не дѣлаютъ по онымъ распоряженій до того времени, пока не получать изъ центральнаго управления министерства отдельныхъ оттисковъ сихъ приказовъ.

Въ видахъ ускоренія дѣлопроизводства симъ подтверждается, чтобы приказы по министерству народного просвѣщенія, на основаніи циркулярного предложенія отъ 29-го мая 1863 года приводились въ исполненіе немедленно вслѣдъ за полученіемъ Се-

нашими Вѣдомостями, въ коихъ приказы публикуются, не ожидая оттисковъ оныхъ.

5. (16-го сентября 1872 года). Циркулярное предложение управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра о снабженіи открытыми листами лицъ, командируемыхъ за границу отъ учебнаго вѣдомства.

По случаю ветрѣчаемыхъ консульствомъ нашимъ въ Парижѣ затрудненій съ лицами, командированными въ чужіе краи, Имп. вѣдомства раторскій Россійскій посолъ въ Парижѣ ходатайствуетъ, чтобы лица, посылаемыя за границу отъ разныхъ вѣдомствъ, и, въ особенности отъ учебнаго, были снабжаемы открытыми листами, съ прописаніемъ въ нихъ, что именно сіи лица должны осматривать, и какая специальная цѣль ихъ побѣзки; чрезъ что, таковыя лица, снабженныя сими документами, при обращеніи ихъ съ заявленіями и просьбами, будутъ получать всевозможныя облегченія для исполненія возложенныхъ на нихъ порученій, а число лицъ, не предъявляющихъ свидѣтельствъ о прямыхъ порученіяхъ и обращающихся въ посольство съ неосновательными требованіями, немедленно сократится.

Вслѣдствіе сообщенія министерству народнаго просвѣщенія о вышеизложенномъ г. управляющимъ министерствомъ иностраннѣхъ дѣлъ, симъ предлагается, чтобы лица, командируемыя вообще за границу, были выдаваемы отъ непосредственныхъ ихъ начальствъ открыты листы съ прописаніемъ специальной цѣли ихъ командировки.

6. (23-го сентября 1872 года) Объ устройствѣ сельскаго училища въ Люблинской губерніи на пожертвованія графиня Фредро, средства.

Домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ отъ 6-го июня 1857 года графиня Софія Фредро отказалась на устройство училища для деревень Зимно, Пенянъ и Воля-Грудецка (находящихся въ Люблинской губерніи) 2.000 польскихъ златыхъ или 300 руб. и лѣтъ на постройку училищнаго дома.

Всѣдѣствіе представленія о семъ начальства Варшавскаго учебнаго округа, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія утвердилъ, съ огражденіемъ правъ третьихъ лицъ, зна-
чущуюся въ завѣщаніи запись на устройство училища, для выш-
еизначенныхъ деревень, согласно волѣ завѣщательницы.

7. (30-го сентября 1872 года). *Правила обѣ учрежденіи коми-
тетомъ для распространенія просвѣщенія между Евреями въ
России двухъ стипендій при С.-Петербургскому и Московскому
университетахъ для студентовъ-Евреевъ.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія,
товарищемъ министра).

1) Правомъ на получение стипендій пользуются въ университе-
татахъ С.-Петербургскомъ и Московскому студенты-Евреи пер-
вычъ двухъ курсовъ. Это исключеніе дѣлается въ виду того, что
при переходѣ въ третій курсъ студенты имѣютъ возможность
пользоваться другими стипендіями, какъ казенными, такъ и част-
ными, число которыхъ весьма значительно.

2) Означенныя стипендіи учреждаются: въ С.-Петербургскому
университету для студентовъ-Евреевъ юридического факультета и
въ Московскому университету для студентовъ-Евреевъ физико-
математического факультета.

3) Выборъ стипендіатовъ предоставляется университетскому
начальству, съ тѣмъ чтобы комитетъ былъ всегда извѣщаемъ о
состоявшихся выборахъ стипендіатовъ. При избраніи въ стипен-
діаты студентовъ 1-го курса университетское начальство руко-
водствуется аттестатами студентовъ по гимназіи или раввинскому
училищу.

4) Стипендіаты общества подвергаются всѣмъ установлен-
нымъ для казенныхъ стипендіатовъ экзаменамъ въ извѣстные
сроки. Не выдержавшіе бѣзъ уважительныхъ причинъ этого эк-
замена, стипендіаты лишаются права на дальнѣйшее получение
стипендіи. Для сохраненія сихъ стипендій при переходѣ изъ 1-го
во 2-й курсъ необходимо получить въ среднемъ выводъ такое

число балловъ, какое установлено при назначении студентамъ стипендій вообще.

5) Вольнослушатели сихъ учебныхъ заведеній не могутъ пользоваться стипендіями общества.

6) Стипендіи отпускаются по полугодно въ 90 руб. въ распоряженіе подлежащаго учебного начальства. Стипендіаты эти, выборъ коихъ предоставленъ университетскому начальству, освобождаются отъ платы за слушаніе лекцій.

8. (31-го сентября 1872 года). *Обз учрежденіи должностей учителя рисованія и черченія при 8-ми педагогическихъ курсахъ Варшавскаго учебнаго округа.*

Высочайше утвержденнымъ 29-го мая 1872 года положеніемъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго о преобразованіи Сѣдлецкой женской прогимназіи въ гимназію на счетъ суммы, оставшейся отъ обращенія Варшавскаго специального юридического училища въ трехклассное городское, между прочимъ постановлено: оставшуюся за преобразованіемъ сумму 3.886 руб. обратить на учрежденіе должностей учителя рисованія и черченія при педагогическихъ курсахъ.

Вслѣдствіе представленія г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа и основываясь на означенномъ Высочайшемъ повелѣніи 29-го мая 1872 года, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрешилъ учредить при 8-ми педагогическихъ курсахъ Варшавскаго учебнаго округа должности учителя рисованія и черченія съ 1-го октября текущаго 1872 года:

9. (7-го октября 1872 года). *Правила о двухъ стипендіяхъ Императора Александра II, учреждаемыхъ Астраханской городской думою при Императорскихъ университетахъ.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Астраханская городская дума, желая сохранить на вѣчныя времена память о посвѣщении въ 1871 году города Астрахани

Его Императорскимъ Величествомъ и Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Аликоадромъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, постановила отчислять ежегодно изъ городскихъ средствъ, между прочимъ, сумму на учрежденіе въ россійскихъ университетахъ двухъ стипендій.

§ 2. На стипендіи эти назначается по триста рублей въ годъ на каждую.

§ 3. Стипендіи эти, на основаніи всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ отъ 29-го октября 1871 года, именуются «стипендіями Императора Александра II».

§ 4. Стипендіи эти предоставляются преимущественно бѣднѣйшимъ жителямъ г. Астрахани, съ успѣхомъ окончившимъ курсъ въ мѣстной гимназіи, а также и другимъ лицамъ по усмотрѣнію Астраханской городской думы.

§ 5. Избранные стипендіаты сохраняютъ право на стипендію во все продолженіе своего ученія въ университѣтѣ и лишаются этого права только въ случаѣ, если по нерадѣнію или же по другимъ причинамъ не будутъ признаны достойными перевода въ слѣдующій курсъ, однако же не иначе, какъ по формальному о томъ опредѣленію совѣта университета.

§ 6. Деньги по триста рублей, назначенные на ежегодное содержаніе каждого изъ двухъ стипендіатовъ, должны отсылаться Астраханской городской думою въ совѣтъ того университета, гдѣ будутъ находиться студенты, избранные въ стипендіаты на каждое полугодіе впередъ.

§ 7. Лицо, желающее воспользоваться стипендіей Императора Александра II, обращается по сейму предмету съ заявленіями въ Астраханскую городскую думу, которая, при извѣщеніи предварительного своего согласія на предоставление стипендіи, сообщаетъ объ этомъ совѣту того университета, въ которомъ избранный въ стипендіаты желастъ учиться.

§ 8. Стипендіаты Императора Александра II, по

окончанія курса наукъ въ университѣтѣ, никакой обязательной службѣ не подлежать.

10. (7-го октября 1872 года). *Положеніе о стипендіи сенатора, действительного тайного советника Григорія Петровича Митусова.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, при пятой С.-Петербургской гимназіи учреждается одна стипендія съ наименованиемъ: «стипендія въ память сенатора, действительного тайного советника Григорія Петровича Митусова», на проценты съ четырехъ облигаций городскаго кредитнаго общества (одной въ 500 руб. за № 110,331 и трехъ по 100 рублей за №№ 99,402, 290,534, и 294,561), представленныхъ душеприкащикомъ покойнаго, г. художникомъ Михайловымъ.

2) Проценты съ означенаго капитала употребляются на плату за право ученія одного ученика въ пятой С.-Петербургской гимназіи.

Примѣчаніе. Если стипендіантъ будетъ освобожденъ отъ взноса платы за ученіе, то проценты выдаются ему на книги и другія учебныя пособія.

3) Стипендіатъ, согласно желанію, выраженному душеприкащикомъ г. Михайловымъ, избирается педагогическимъ совѣтомъ изъ бѣдныхъ сиротъ, православнаго исповѣданія, отличающихся хорошими успѣхами и примѣрнымъ поведеніемъ.

4) Стипендія назначается не ранѣе какъ по истеченіи года со времени поступленія ученика въ пятую гимназію.

5) Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей въ продолженіе всего курса ученія въ пятой гимназіи, если только будетъ того достоинъ; въ противномъ случаѣ педагогическому совѣту предоставляется право избрать другого на его мѣсто.

6) Стипендіату, оставшемуся на другой годъ въ томъ же классѣ, можетъ быть сохранена стипендія только по особо ува-

жительнымъ причинамъ, разсмотрѣннымъ въ педагогическомъ совѣтѣ.

7) Капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность пятой С.-Петербургской гимназіи и хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ.

11. (7-го октября 1872 года). Уставъ общества опытныхъ наукъ при Императорскомъ Харьковскомъ университете.

(Утвержденъ г. управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Общество раздѣляется на двѣ секціи: а) физико-химическую, въ кругъ занятій которой входятъ физика, химія и фізіология, и б) секцію медицинскихъ наукъ. Обѣ секціи общества по временамъ имѣютъ общія собранія для обсужденія предметовъ, касающихся интересовъ цѣлаго общества, и отдельныя засѣданія для научныхъ сообщеній по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій секцій по принадлежности; но членамъ одной секціи предоставляется право участвовать, по желанію, и въ отдельныхъ засѣданіяхъ другой.

§ 2. Членами общества могутъ быть преподаватели физико-математического и медицинского факультетовъ Харьковского университета, преподаватели опытныхъ наукъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ города Харькова, стипендіаты, оставляемые при университѣтѣ для приготовленія къ профессорскому званію по двумъ названнымъ факультетамъ, лаборанты, прозекторы и ординаторы факультетскихъ клиникъ, а равно всѣ вообще лица, интересующіяся и занимающіяся науками, входящими въ программу занятій общества.

§ 3. Лица, занимающіяся науками, входящими въ программу занятій общества, и желающія поступить въ его члены, предлагаются тремя членами общества и баллотируются въ общемъ его собраніи.

§ 4. Члены общества собираются періодически въ засѣданія и сообщаютъ въ сихъ засѣданіяхъ какъ самостоятельный свои

изслѣдованія, такъ и рефераты о важнѣйшихъ открытияхъ, сдѣланныхъ въ Россіи и въ Западной Европѣ. При этомъ, лицомъ, дѣлающимъ сообщеніе, повторяются, по возможности, передъ собравшемъ тѣ опыты, которые служатъ основаниемъ его собственнаго или реферируемаго имъ изслѣдованія. Каждому присутствующему предоставляется, по окончаніи сообщенія, дѣлать по поводу его свои замѣчанія.

§ 5. Каждая секція избираетъ посредствомъ баллотировки изъ своей среды на одинъ годъ предсѣдателя, и на случай отсутствія его, товарища предсѣдателя и секретарей-редакторовъ. Въ общихъ собраніяхъ общества предсѣдательствуетъ одинъ изъ предсѣдателей секцій, избираемый общимъ собраніемъ на одинъ годъ. Казначай избирается общимъ собраніемъ на одинъ годъ для обѣихъ секцій.

§ 6. Предсѣдатели секцій и предсѣдатель общаго собранія суть представители общества опытныхъ наукъ предъ правительстvenными учрежденіями и частными лицами. Они руководятъ дѣйствіями общества и отдѣльныхъ секцій, ведутъ переписку, дѣлаютъ объявленія отъ имени общаго собранія и секцій и наблюдаютъ за порядкомъ въ собраніяхъ.

§ 7. Секретари-редакторы ведутъ протоколы засѣданій, каждый по предмету своей специальности. Число секретарей опредѣляется по числу главныхъ наукъ, входящихъ въ кругъ занятій общества. Предъ каждымъ засѣданіемъ секретари распредѣляютъ между собою имѣющіяся въ виду сообщенія, за изложеніемъ которыхъ и ходомъ возбуждаемыхъ ими преній каждый изъ секретарей обязуется слѣдить по принадлежности предмета.

§ 8. Казначай принимаетъ взносы членовъ общества, расходуетъ принадлежащія оному суммы и въ употребленіи ихъ представляетъ, въ установленные сроки, отчетъ обществу.

§ 9. Въ протоколы засѣданій общества вносятся краткія извлечения изъ сообщеній, доставленныхъ самими авторами, или въ сокращеніи тѣ заявлениія, которыхъ вызваны этими сообщеніями

и записаны съ секретарями. Окончательная редакція протоколовъ лежитъ на обязанности секретарей-редакторовъ.

§ 10. Общество печатаетъ протоколы своихъ засѣданій въ *Прибавленіяхъ къ протоколамъ засѣданій союза Императорскаго Харьковскаго университета*. Кромѣ того, общество, если будетъ имѣть на то средства, можетъ издаватъ, по мѣрѣ вакансіи особенно интересныхъ матеріаловъ, сборники статей подъ заглавіемъ *Труды общества отъ отдѣлкъ наука при Императорскомъ Харьковскомъ университете*; вообще же оно не публикуетъ напечатанныхъ сочиненій своихъ членовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ общества, и содержаніе которыхъ вкратцѣ сообщено въ протоколахъ засѣданій общества.

§ 11. Каждый членъ общества вносить ежегодно въ кассу общества 6 р. сер. въ срокъ, который имѣеть быть опредѣлѣнъ собраниемъ членовъ при первоначальномъ открытии дѣйствій общества. Собранные деньги расходуются на засѣданія общества, выписку журналовъ и книгъ и другія надобности. Предметы, на которые могутъ быть употребляемы суммы общества, опредѣляются собраниемъ его членовъ.

§ 12. Журналы и книги, получаемые обществомъ или перечисляемые въ пользу общества, циркулируютъ между его членами по порядку, установленному собраниемъ членовъ. По прочтениіи они передаются казначею общества, который ведеть имъ опись. Каждый членъ общества можетъ пользоваться его библиотекою.

12. (14-го октября 1872 года). *Положеніе обѣ устройствѣ практическихъ учебно-воспитательныхъ занятій въ Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товъ-рищемъ министра).

§ 1. Лицамъ обоего пола, безъ различія вѣроисповѣданія, принадлежащимъ къ учительскому званію и желающимъ ознакомиться съ методами и приемами обученія глухонѣмыхъ, дозво-

ляется посыпать уроки въ Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ и заниматься въ ономъ учебно-воспитательною практикою.

§ 2. Допущеніе таковыхъ лицъ къ практическимъ занятіямъ въ названномъ институтѣ предоставается директору института. Желающіе быть допущенными къ таковымъ занятіямъ представляютъ директору института, въ началѣ учебнаго года, письменныя объ этомъ заявленія съ приложеніемъ свидѣтельствъ на званіе домашняго или начальнаго учителя или учительницы.

§ 3. Число лицъ, занимающихся учебно-воспитательною практикою въ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, не превышаетъ десяти.

§ 4. Занимающіеся учебно-воспитательною практикою лица, во время состоянія при институтѣ, подчиняются директору онаго, на которого возлагается обязанность руководить ихъ занятіями.

§ 5. Курсъ учебно-воспитательной практики въ институтѣ продолжается одинъ учебный годъ. Не успѣвшіе въ теченіе этого времени въ достаточной мѣрѣ ознакомиться съ методами и приемами обученія глухонѣмыхъ допускаются и на второй годъ къ продолженію въ институтѣ своихъ занятій.

§ 6. Директору института предоставляется право, въ случаѣ замѣченныхъ имъ важныхъ недостатковъ или упущеній у проходящихъ учебно-воспитательную практику лицъ, отказывать имъ въ продолженіи занятій въ институтѣ, съ возвращеніемъ представленныхъ ими свидѣтельствъ на учительское званіе.

§ 7. Для опредѣленія, въ какой мѣрѣ прошедшіе учебно-воспитательную практику въ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ ознакомились съ методами и приемами обученія глухонѣмыхъ, они допускаются, согласно прошенію, къ испытанію въ педагогическомъ совѣтѣ сего института.

§ 8. Въ концѣ учебнаго года директоръ института представляетъ попечителю Варшавскаго учебнаго округа подробный отчетъ объ учебно-воспитательныхъ занятіяхъ допущенныхъ въ институтѣ постороннихъ лицъ, съ приложеніемъ копій протоколовъ

объ испытанияхъ тѣхъ изъ нихъ, кои оказались вполнѣ ознакомленными съ методами и приемами обученія глухонѣмыхъ.

§ 9. Лицамъ, успѣшно выдержавшимъ испытаніе въ педагогическомъ совѣтѣ института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, предоставляется право заниматься частнымъ обученіемъ глухонѣмыхъ, съ каковою цѣлью на выданныхъ имъ свидѣтельствахъ на учительское званіе дѣлается попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа соотвѣтственная надпись, а равно таковымъ лицамъ дается преимущество при замѣщеніи вакантныхъ учительскихъ и воспитательскихъ должностей въ Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ.

§ 10. Поименованнымъ въ предыдущемъ параграфѣ лицамъ дозволяется открывать, съ разрѣшенія попечителя Варшавскаго учебнаго округа въ районѣ сего округа на основаніи дѣйствующихъ законеній, частныя учебныя заведенія для глухонѣмыхъ.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

25-го августа 1872 года (№ 18). Утверждаются: Инспекторъ Бѣльской гимназіи *Лаэросский* — директоромъ С.-Петербургской первой гимназіи, съ 19-го августа 1872 года, инспекторъ Новгородской гимназіи, состоящей въ VI классѣ, *Шрамекъ* — директоромъ С.-Петербургской пятой гимназіи, съ 22-го августа 1872 года, исправляющіе должность ординарного профессора Императорскаго Варшавскаго университета: по каѳедрѣ гражданскаго права, докторъ гражданскаго права *Голевинскій*, по каѳедрѣ энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ, докторъ государственного права *Кашница*, и по каѳедрѣ международного права, докторъ международного права *Балецкій* — ординарными профессорами помянутаго университета, по занимаемымъ ими каѳедрамъ, съ 31-го мая 1872 года, доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, стат-

сий советникъ *Левонинъ* — въстраординарный профессоромъ сего университета по кафедрѣ судебной медицины, съ 7-го апреля 1872 года, доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ исторіи всеобщей литературы *Веселовскій* — экстраординарный профессоромъ сего университета по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы, съ 1-го июня 1872 года.

Назначаются: состоящий въ званіи экстраординарного профессора Императорскаго Казанскаго университета, действительный статский советникъ *Ильинскій* — директоромъ учительской семинаріи, открываемой въ Казани, съ 16-го іюля 1872 года, съ отчисленіемъ отъ упомянутаго университета, и инспекторъ народныхъ училищъ Ковенской губерніи, коллежскій советникъ *Боричевскій* — директоромъ учительской семинаріи въ г. Поневѣжѣ, Ковенской губерніи, съ 6-го августа 1872 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвещенія изъ отставы: статскій советникъ *Оранскій*.

Продолжается срокъ отпуска за границу: завѣдывающему институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ Варшавѣ, действительному статскому советнику *Паплонскому* и главной воспитательницѣ Холмскаго женскаго шестикласснаго училища *Нолле* — на пятнадцать дней, классной дамѣ Люблинской женской гимназіи *Миллер* — по 20-е августа 1872 года, по болѣзни, воспитательницѣ Холмскаго женскаго шестикласснаго училища *Федоровой* — по 28-е августа 1872 года, по болѣзни, законоучителю римско-католическаго исповѣданія Влоцлавской реальнай гимназіи, священнику *Ходынскому* — на двадцать дней, инспектору Императорскаго Варшавскаго университета, действительному статскому советнику *Шершеневичу* — на двадцать-восемь дней по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: врачъ Императорскаго историко-филологического института, докторъ медицины *Левесъ*, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета *Михеевичъ* и почетный смотритель С.-Петербургскаго Рождественскаго уѣзданаго училища, надворный советникъ *Воронинъ* — за

границу: первый — на двадцать—восемь дней, и послѣдніе двое — на четыре мѣсяца, изъ нихъ Мишевицъ — по болѣзни, управляющій канцеляріей министра народного просвѣщенія по дѣламъ греко-уніатскаго исповѣданія, статскій совѣтникъ Сидорскій — въ Варшаву и Люблинскую губернію, на двадцать—восемь дней.

Увольняется: директоръ С.-Петербургской пятой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣляевъ, по прошенію, отъ сей должности, съ назначеніемъ членомъ ученаго комитета министерства народного просвѣщенія, съ 29-го августа 1872 года.

Увольняются отъ службы: директоръ училищъ Тамбовской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крутоевъ, по прошенію, съ дозволеніемъ посить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный, директоръ Немировской гимназіи, статскій совѣтникъ Бардевскій, за выслугою срока, исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій асессоръ Вейберъ, по прошенію, и исправляющій должность экстраординарнаго профессора сего университета Лангеръ, въ силу Высочайше утвержденнаго 8-го юля 1869 года положенія комитета по дѣламъ Царства Польскаго, оба съ 1-го августа 1872 года.

Объявляется признательность министерства народного просвѣщенія: женѣ потомственнаго почетнаго гражданина Зотовой — за усердіе къ пользу народнаго образования, учителю Грубешовской прогимназіи Сынчевичу — за попеченіе его о бѣдныхъ ученикахъ означенной прогимназіи, устройствомъ для нихъ дароваго помѣщенія и содержанія.

16-го сентября 1872 года. (№ 19). Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Срезневскій — деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на три года, съ 9-го сентября 1872 года, ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мейкоевъ — деканомъ юридическаго факультета сего университета,

исправлющій должность ординарного профессора Императорскаго Варшавскаго университета по каѳедрѣ механики, докторъ прикладной математики *Бабчинскій*, сверхштатный ординарный профессоръ сего университета по каѳедрѣ чистой математики, статскій совѣтникъ *Алексеевъ* и экстраординарный профессоръ того же университета по каѳедрѣ славянской филологии, титулярный совѣтникъ *Макушевъ*—ординарными профессорами помянутаго университета, по занимаемымъ ими каѳедрамъ, Бабчинскій — съ 15-го мая, Алексеевъ—съ 1-го сентября и Макушевъ—съ 9-го сентября 1872 г., сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета по каѳедрѣ чистой математики, докторъ чистой математики *Андреевскій*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ, съ 9-го сентября 1872 года, частный преподаватель Вюрцбургскаго университета, докторъ *Бемъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по каѳедрѣ фармакологии, дигетики и исторіи медицины съ 10-го августа 1872 года, инспекторъ Харьковской прогимназіи, коллежскій ассесоръ *Лукьянновъ*—директоромъ училищъ Тамбовской губерніи, исправляющій должность инспектора народныхъ училищъ состоящей при управлении Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Киевской, Подольской и Волынской *Соловьевъ*—въ сей должности, съ 9-го сентября 1872 года, наставникъ учительской семинаріи въ селѣ Новомъ, Ярославской губерніи, коллежскій ассесоръ *Мельницикій*—исправляющимъ должность инспектора народныхъ училищъ Владимірской губерніи, съ 2-го сентября 1872 года.

Назначаются: инспекторъ С.-Петербургской 3-й прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Калбінъ*—директоромъ училищъ С.-Петербургской губерніи, и инспекторъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи, статскій совѣтникъ *Носиковъ*—директоромъ учительской семинаріи въ сельцѣ Алферовѣ, Вяземскаго уѣзда, Смоленской губерніи, съ 1-го сентября 1872 года.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный советникъ Срезневскій, съ 9-го сентября 1872 года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: Енисейскій губернскій прокуроръ, титуларный советникъ баронъ Майдель, съ назначеніемъ инспекторомъ народныхъ училищъ Забайкальской области, съ 2-го сентября 1872 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: надворный советникъ Соковнинъ, съ 1-го августа 1872 года.

Увольняются отъ службы: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Кочетовъ, директоръ Красноярской гимназіи и училищъ Енисейской губерніи, статскій советникъ Мессъ, ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій советникъ Швабе и инспекторъ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи, надворный советникъ Сборовскій, всѣ четверо по прошенію, изъ нихъ: Кочетовъ и Швабе — съ 1-го сентября 1872 года, а Сборовскій — съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный, оставшійся за штатомъ при преобразованіи Ярославскаго Демидовскаго лицея, исправляющій должность профессора сего лицея, дѣйствительный статскій советникъ Федоровъ, съ 1-го сентября 1872 года, со дня истеченія 2-хъ-лѣтняго срока состоянія его за штатомъ.

Исключаются изъ списковъ умершихъ: вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій советникъ Шенкъ, директоръ Киевской второй гимназіи, статскій советникъ Слѣпушкинъ и членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, статскій советникъ Палаузовъ.

У. ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ,

Определениями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

- 1) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Народы Россіи. Этнографические рассказы для дѣтей. Пустыни Сѣвера и ихъ кочующіе обитатели. Н. А. Александрова. С.-Петербургъ, 1872 г.*» — одобрить для библиотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ.
- 2) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Юнымъ читателямъ. Рассказы о разныхъ людяхъ. В. И. Острогорскаго. Издание дѣтской библиотеки. С.-Петербургъ. 1872 г.*», — рекомендовать ученическимъ библиотекамъ гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ.
- 3) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Сборникъ игръ для дѣтей. Выпукъ I. 1) Игры съ пѣснями. 2) Игры въ комнатѣ. 3) Игры въ мячъ. Составила Ю. Иннаторовичъ. С.-Петербургъ, 1872 г.*» — рекомендовать для библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, уѣздныхъ, приходскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ.
- 4) Книги подъ заглавіями: «*Курсъ ботаники. Варшава, 1871 г.*» и «*Курсъ Минералогіи. Варшава. 1872 г.*», составленныи учителемъ Варшавской классической гимназіи *Поплавскимъ*, — рекомендовать для гимназическихъ библиотекъ.
- 5) «*Статистическую таблицу всѣхъ земель и государствъ на земномъ шарѣ. Составилъ сверхштатный учитель Виленской 2-й гимназіи. В. Лызловъ. Вильна, 1872 г.*», — признать небезполезно для библиотекъ гимназій и прогимназій.
- 6) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Книга упражнений къ латинской грамматикѣ доктора Фердинанда Шульца, составленная Ю. Ходобаевъ и П. Виноградовымъ, преподавателями 3-й Московской гимназіи. Москва 1872 г.*» — одобрить къ употребленію въ гимназіяхъ въ видѣ учебнаго пособія.

7) Книгу, подъ заглавиемъ: «*Элементарный курсъ всеобщей и русской истории.* Составилъ И. Белмариновъ. Выпукъ второй и послѣдній. С.-Петербургъ, 1872», — рекомендовать въ качествѣ учебника для предпочтительнаго предъ другими употребленія въ III и IV классахъ гимназій и въ соотвѣтствующихъ, классахъ реальныхъ и другихъ мужскихъ и женскихъ училищъ.

8) Книгу, подъ заглавиемъ: «*Упражненія для перевода съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій для III и IV классовъ гимназій по грамматикамъ Курціуса и Кюнера.* Составилъ К. Р. Бѣльницкій, Позенъ 1872», — одобрить для употребленія въ III и IV классахъ гимназій въ видѣ учебнаго пособія.

9) Книгу, подъ заглавиемъ: «*Краткая священная история ветхаго завѣта.* Составила В. Козырева. С.-Петербургъ, 1872», — рекомендовать къ употребленію въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ видѣ учебнаго руководства.

10) Книгу, подъ заглавиемъ: «*Учебная русская христоматія съ толкованіями.* Составилъ П. Полевої. Часть вторая. Средній возрастъ С.-Петербургъ, 1872», — одобрить, какъ учебное пособіе, для среднихъ классовъ гимназій.

11) Книгу, подъ заглавиемъ: «*Записки Якова Петровича Шаховскаго, полиціймайстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣшаго синода, генераль-кригскомуисара, затѣмъ генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елизаветы и сенатора при Екатеринѣ II; изданіе Русской Старины.* С.-Петербургъ, 1872», — одобрить для пріобрѣтенія въ основныя библіотеки мужскихъ гимназій, при томъ однакожъ, условіи, если за пріобрѣтеніемъ другихъ наиболѣе нужныхъ книгъ, будутъ оказываться свободные денежные остатки отъ суммы, назначеннай на библіотеку.

12) Книгу, подъ заглавиемъ: «*Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II.* Составилъ Александръ Окрембіцкій, 5 томовъ. Боннъ, 1862—1868», — рекомендовать для пріобрѣтенія въ основныя библіотеки тѣхъ гимназій, где за пріобрѣ-

тешениемъ другихъ наиболѣе нужныхъ книгъ, будуть оказываться свободные денежные остатки отъ суммы, назначеннай на библиотеку.

18) Книгу, подъ заглавіемъ: «Руководство физики и собрание физическихъ задачъ», составленное *Малининымъ и Буренинимъ*. Москва, 1870, — одобрить къ употреблению въ видѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и учительскихъ институтахъ.

ОФИЦИАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНИЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 16-й день августа сего года, Всѣмилостивѣйше соизволилъ на дозволеніе поставить въ актовой залѣ Херсонской прогимназіи портреты г. министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайного советника графа Дмитрия Андреевича Толстаго и попечителя Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго советника Голубцова.

По донесенію г. исправляющаго должность попечителя Одесскаго учебнаго округа, Его Императорское Величество, Государь Императоръ, въ бытность свою въ г. Елисаветградѣ, былъ привѣтствуемъ во время своего проѣзда въ Елисаветградскій Успенскій соборъ, 20-го августа, ученицами Елисаветградской общественной женской гимназіи, которая были поставлены предъ зданіемъ гимназіи. 21-го же числа Его Величество былъ привѣтствуемъ ученицами Елисаветградской частной женской гимназіи Юлии Хрешцовой, которая была поставлены предъ воротами зданія ея гимназіи съ букетами цветовъ. Когда Государь Императоръ возвращался съ маневровъ въ 11-мъ часу, то обративъ милостивое вниманіе на ученицъ гимназіи Хрешцовой, изволилъ подойти къ нимъ, и ученицы имѣли счастіе поднести букетъ, который былъ принятъ Его Императорскимъ Величествомъ, — послѣ чего Государь Императоръ

обратился къ содержательницѣ гимназіи съ нѣкоторыми вопросами: «казенная ли эта гимназія, на какія средства содержится?». Во все это время ученицы шѣли гимнъ «Боже Цари храни», посль чего Государь Императоръ милостиво простился.

13-го августа, г. попечитель Варшавскаго учебнаго округа открылъ Сѣдлецкую женскую гимназію, на основаніи Высочайше утвержденаго въ 29-й день мая сего года Положенія комитета по дѣламъ Царства Польскаго преобразованную изъ тамошней 4-хъ-классной прогимназіи. На другой день г. попечитель осмотрѣлъ всѣ пять классовъ этой гимназіи, въ коихъ число ученицѣ распредѣляется по классамъ слѣдующимъ образомъ: въ I—19, во II—24, въ III—12, въ IV—10 и въ V—5.

30-го августа, въ день тезоименитства Государя Императора, открыты въ г. Ананьевѣ, въ присутствіи командированного для этой цѣли окружнаго инспектора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Пятинна, мужская и женская прогимназіи.

Послѣ благодарственнаго молебствія въ домѣ мужской прогимназіи, гдѣ были собраны ученики и ученицы обѣихъ прогимназій при стеченіи мѣстныхъ почетныхъ лицъ и гражданъ, и послѣ провозглашенія многолѣтія Его Императорскому Величеству Государю Императору и всему Царствующему Дому, были освящены зданія мужской и женской прогимназій, а на слѣдующій день, 31-го августа, началось въ нихъ ученіе.

3-го сентября послѣдовало, въ присутствіи г. попечителя Киевскаго учебнаго округа, торжественное открытие Лубенской земской классической съ двумя древними языками гимназіи. Учащіеся приняты въ семъ году въ три первые гимназическіе и въ приготовительный классы. Поступило учениковъ: въ приготовительный классъ 21, въ первый 72, во второй 19 и въ третій 20, всѣхъ 132. Преподаватели, по числу классовъ, имѣются всѣ, и вступили въ исполненіе своихъ обязанностей.

6-го сентября 1872 года въ Уфѣ происходилъ актъ открытия Уфимской татарской учительской школы, въ присутствіи попечителя Казанского учебного округа, начальствующихъ лицъ города, муфтія, членовъ магометанского духовнаго сословія и некоторыхъ мулль. На основаніи Высочайше утвержденаго 27-го марта 1872 года инійнія государственного совѣта объ учрежденіи означенной школы, попечитель округа, объявивъ эту школу открытою, сказалъ нѣсколько словъ, разъясняющихъ важное образовательное значеніе школы для мусульманскаго населенія. Послѣ этого инспекторъ школы прочиталъ извлеченіе изъ положенія о школѣ на русскомъ и татарскомъ языкахъ, а инспекторъ татарскихъ, киргизскихъ и башкирскихъ школъ обратился на татарскомъ языкѣ съ рѣчью къ ученикамъ школы. Въ заключеніе мѣстный ахунъ прочелъ молитву за Государя Императора и Августѣйшій Домъ. Въ школу поступило 12 учениковъ. Всѣ ученики школы — шакирды, учившіеся въ медрессахъ и достаточно развитые. Ко дню открытия они сами украшали портретъ Государа Императора и залу и сдѣлали изъ цветовъ венецъ Государя.

10-го сего сентября Кронштадтская женская гимназія удостоилась высокой чести посещенія Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго.

Прибывъ въ гимназію въ половинѣ втораго часа, въ сопровождении г. товарища управляющаго морскимъ министерствомъ, генераль-адъютанта Лесовскаго, Кронштадтскаго военнаго губернатора, вице-адмирала Казаневича и другихъ лицъ свиты, Его Высочество отправился въ автакую залу, где были встрѣченъ членами попечительного совѣта, воспитанницами заведенія и классными дамами. Послѣ некоторыхъ вопросовъ объ устройствѣ женской гимназіи, Его Высочество изволилъ обойти классы, при чемъ неоднократно выражалъ свое удовольствіе по поводу найденнаго въ гимназіи порядка. Прощаясь съ заведеніемъ, Его

Высочество удостоилъ своимъ архивтствіемъ членовъ попечительного совета и воспитаницъ гимназіи, которая, въ свою очередь, не замедлила поблагодарить Высокаго посыпителя за милостивое Его вниманіе.

Вновь учрежденное, на основаніи Высочайше утвержденаго въ 29-й день мая сего года положенія комитета по дѣламъ Царства Польскаго городское трехклассное училище въ г. Варшавѣ г. попечитель Варшавскаго учебнаго округа открыло лично 13-го сентября.

Въ открытые первые два класса названнаго училища поступило 116 учениковъ. Число это распредѣляется слѣдующимъ образомъ: а) по классамъ: въ I классѣ — 68, во II — 48; б) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 1, римско-католическаго 90, евангелическаго 5, еврейскаго 20.

Учителями въ Варшавское трехклассное городское училище назначены г. попечителемъ слѣдующія лица: учителемъ-инспекторомъ сего училища — учитель образцового начального училища при Холмскихъ педагогическихъ курсахъ *Варгуловичъ*, православнаго исповѣданія, обучавшійся въ Киевской духовной семинаріи, и учителемъ сего училища — учитель Варшавскихъ училищъ, начального двухкласснаго и воскресно-коммерческаго, *Лемукъ*, греко-униатскаго исповѣданія, окончившій курсъ наукъ въ бывшей Варшавской главной школѣ со степенью магистра. Законоучитель православнаго исповѣданія будетъ назначенъ въ непродолжительномъ времени; для преподаванія же закона Божія римско-католическаго исповѣданія приглашено временно законоучитель Варшавскихъ начальныхъ училищъ каноникъ *Липинскій*. Преподаваніе польскаго языка поручено оставленному за штатомъ, бывшему учителю упраздненнаго Варшавскаго специальнаго уѣзднаго училища *Грубецкому*, издавшему сравнительную грамматику польскаго языка съ русскимъ, одобренную ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для употребленія въ ин-

шехъ классахъ мужскихъ гимназій Варшавскаго учебнаго округа, въ видѣ учебнаго руководства или пособія.

Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія предложениемъ отъ 16-го сентября 1872 г. утвердилъ сдѣланное начальствомъ Варшавскаго учебнаго округа распоряженіе о раздѣленіи IV класса Люблинской мужской гимназіи на параллельныя отдѣленія:

Директоръ Виленскаго реального училища вошелъ къ г. попечителю Виленскаго учебнаго округа съ представлениемъ обѣ открытии, при V классѣ названнаго училища, коммерческаго отдѣленія, поступить въ которое, въ настоящее время, заявлено желаніе уже 7 учениковъ.

Вслѣдствіе сего и на основанії предложения г. министра народнаго просвѣщенія отъ 1-го июня текущаго года, г. попечитель Виленскаго учебнаго округа разрѣшилъ открыть съ 20-го сего сентября, при V классѣ Виленскаго реального училища коммерческое отдѣленіе, съ тѣмъ чтобы въ это отдѣленіе были принимаемы ученики не иначе, какъ съ согласія на то своихъ родителей, родственниковъ или опекуновъ.

Учебный комитетъ при святѣйшемъ синодѣ, разсмотрѣвъ составленную священникомъ Московской Предтеченской, что за Прѣснено, церкви Алексѣемъ Александровскимъ книгу подъ заглавіемъ «Главнѣйшія молитвы съ переводомъ на русскій языкъ и объясненіемъ» въ качествѣ учебнаго руководства по изученію молитвъ въ приготовительныхъ классахъ гимназій, нашелъ возможнымъ допустить ону въ ученическія библиотеки гимназій и прогимназій въ качествѣ учебнаго пособія при объясненіи молитвъ. Это заключеніе комитета утверждено опредѣленіемъ святѣйшаго синода.

О программѣ для преподаванія рисованія въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, составленной особою при совѣтѣ Императорской академіи художествъ комиссіей.

Министерство народного просвѣщенія рекомендуетъ особенному вниманію преподавателей рисованія въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства науки слѣдующую программу преподаванія рисованія, выработанную для означенныхъ учебныхъ заведеній особою, при совѣтѣ Императорской академіи художествъ, комиссіей, назначенною Его Императорскимъ Высочествомъ, товарищемъ президента Императорской академіи художествъ, Великимъ Княземъ Владимиromъ Александровичемъ для разсмотрѣнія учебническихъ рисунковъ, присланныхъ въ академію изъ гимназій и другихъ училищъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія, для присужденія поощрительныхъ наградъ какъ ученикамъ, такъ и учителямъ оныхъ, а равно для обсужденія вопроса о методѣ преподаванія рисованія въ означенныхъ заведеніяхъ^{1).}

Программа для преподаванія рисованія въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія.

Приступая къ опредѣленію того, что именно должно войти въ программу черченія и рисованія для среднихъ общеобразовательныхъ заведеній, и къ развитію взгляда на методъ, мы находимъ нужнымъ изложить нѣсколько общихъ предварительныхъ соображеній. Отсутствіе ясныхъ и определенныхъ взглядовъ на рисованіе и сомнѣніе въ пользѣ его изученія, даже въ средѣ опытныхъ и

¹⁾ Въ составъ означенной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ г. ректора живописи и скульптуры Ф. И. Йордана, входили слѣдующія лица: гг. профессора Д. И. Гримитъ, Р. А. Гедике, Н. Н. Ге, В. П. Верещагинъ и К. Ф. Гунь; гг. академики П. А. Чистяковъ, И. Н. Ерамской, П. П. Чистяковъ и гг. художники Г. И. Тороповъ и В. П. Шемюель.

достойныхъ педагоговъ доходящее до отрицанія его; иначъ предмета общеобразовательного, обнаруживаютъ наше нискасса, почему именно этотъ предметъ, по нашему мнѣнію, требуетъ такого же вниманія къ себѣ, какъ и прочія науки.

Предметы гимназического курса распадаются на два большия отдѣла: одни имѣютъ цѣлью доставить учащимся массу фактическихъ сведеній о природѣ, другіе — знакомить съ выводами человѣческаго мышенія; одни способствуютъ развитию ума путемъ нагляднаго по преимуществу, другие же путемъ логики, и оба отдѣла, не спрашиваясь, считаются необходимыми приготовительными къ действительности каждого будущаго члена общества. При изученіи рисованія, преподаваніе должно идти обоими путями, въ самой тѣсной ить связи.

Господствующее у насъ до сихъ поръ мнѣніе не признаетъ за рисованіемъ развивающихъ свойствъ въ смыслѣ науки, или если и признаетъ, то скорѣе въ силу привычки и на вѣру принятаго мнѣнія, чѣмъ вслѣдствіе дѣйствительного убѣжденія; по крайней мѣрѣ въ такому заключенію незадачливо прийти на основаніи прошлаго, хорошо известнаго каждому училищему. Иодъ рисованіемъ разумѣлось главнымъ образомъ или занятие искусствомъ, или приготовленіе къ нему, а потому и говорилось, что этимъ дѣломъ прилично заниматься только тому, кто имѣть призваніе. Но это-то мнѣніе и есть большая ошибка.

Всякому художнику, сердечно занимающемуся искусствомъ, извѣстно, что высокія художественные произведения имѣютъ основаниемъ самое реальное знаніе формъ живой природы и ея законовъ, что сила выраженія въ пластикѣ управляемася такими же непреложными законами, какъ и любое доказанное положеніе науки, и что если до настоящаго времени еще не разысканы законы, руководящіе художника въ высшихъ проявленіяхъ искусства, то относительно низшихъ его ступеней можно указать на множество правилъ, достаточныхъ для первоначального образованія въ смыслѣ научномъ.

Рисование, какъ изученіе живой формы, есть одна изъ сто-

роль знанія вообще; оно требуетъ таой же дѣятельности ума, какъ науки, признанные необходимыми для элементарного образования. Никому, мы полагаемъ, не нужно доказывать, что успѣшное занятіе специально какою-либо отраслью человѣческихъ знаній предполагаетъ, прежде всего, склонность и талантъ именно къ этому роду занятій, и что безъ яркихъ и рѣшительныхъ способностей нельзя быть замѣчательнымъ специалистомъ въ чемъ бы то ни было; вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что первоначальные точки отправления и основные положенія всякой науки доступны среднему уровню человѣческаго ума, и что потому знаніе главнѣйшихъ изъ нихъ обязательно для всякаго.

Искусство пластическое имѣть также свою сферу доступнаго, и следовательно, съ нашей стороны, необходимо указать и ограничить эту сферу въ скромъ и послѣдовательномъ порядке, а также опредѣлить методъ, который, дѣйствительно давать бы способы усвоивать этотъ предметъ возможно большему числу учащихся, за исключеніемъ совершенно тупыхъ и ограниченныхъ, которыхъ, къ счастью, встрѣчается также мало, какъ рѣдко: деревянія необыкновенные.

Для этого, вмѣсто того, чтобы требовать копирования съ оригиналовъ, которое, къ прискорбію, господствуетъ повсемѣстно, преподавателю, прежде всего, нужно отказаться отъ желанія получать сейчасъ же щегольскіе рисунки (они аватся въ постигдѣствіи, другимъ путемъ), научить глазъ ученика измѣренію и пониманію видимой формы, сосредоточить все свое вниманіе на развитіи въ ученикѣ понятій о предметѣ, о главныхъ типичныхъ его очерташеніяхъ и о саконахъ, отъ которыхъ эти очертанія зависятъ. Слѣдствіемъ: всего этого и будетъ дѣйствительное знаніе рисования.

Переходимъ отъ этихъ общихъ положеній къ программѣ рисования по отдѣленіямъ или по классамъ, какъ на практикѣ будеть признано возможнымъ, и коснемся метода преподаванія въ его главныхъ чертахъ. Система изустнаго преподаванія и подробное развитіе какъ программы, такъ и метода, въ видѣ полнаго

руководства, сюда войти не можетъ: это можетъ быть исполнено только въ будущемъ и должно составить особый самостоятельный трудъ, очевидно, несовмѣстимый съ занятіями комиссіи.

Такъ какъ вдѣсь идетъ дѣло о преподаваніи рисованія малолѣтнимъ, которые, вслѣдствіе своего возраста, не могутъ еще понимать многихъ тонкостей этого предмета, а кромѣ того, преподаваніе его ограничено тѣми часами, которые учебныя заведенія могутъ удѣлять на этотъ предметъ, то означенныя два обстоятельства заставляютъ насъ внимательнымъ образомъ очистить программу отъ всего излишняго и несущественнаго; сколько бы какая-нибудь частность предмета ни представлялась намъ сама по себѣ полезною, все-таки ее нужно выбросить, не колеблясь и безъ сожалѣнія.

Въ среднихъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ каждая наука преподается лишь въ самыхъ главныхъ и характеристическихъ своихъ чертахъ, такъ что, по мѣрѣ уменьшенія времени, удѣляемаго для предмета, онъ все больше и больше сокращается, оставляя часто значительные отдѣлы науки не тронутыми и не разсмотрѣнными; болѣе подробное изученіе предоставляется уже тѣмъ высшимъ заведеніямъ, которые специально для того существуютъ и имѣютъ своею задачей всесторонне разрабатывать науку.

Изображеніе проволочныхъ линій, угловъ, геометрическихъ фігуръ и тѣлъ, затѣмъ рисованіе съ геометрическихъ фігуръ, сдѣланныхъ изъ картона или дерева, и съ гипсовыхъ орнаментовъ, при чемъ дается понятіе объ ордерахъ архитектуры, и наконецъ, изученіе частей и маски головы, цѣлой головы съ ея анатоміей, пейзажа и перспективы,— можно считать нормой учебного гимназического курса черченія и рисованія. Уклоненія отъ этой нормы могутъ оправдываться только мѣстными условіями и нуждами самого заведенія и не должны зависѣть отъ вкуса, прихоти или односторонняго знанія учителя. Странно было бы, конечно, давать перевѣсъ головѣ Аполлона въ заведеніи техническомъ или ремесленномъ передъ предметами ремесла и промышленности, и, на

оборотъ, въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ томить учениковъ на чистотѣ черченій по всѣмъ правиламъ перспективы, чemu, въ сознанію, есть примиры.

Итакъ, программа, какъ она здѣсь намѣчена, обнимаетъ все, чѣмъ въ сущности нужно для поступления даже въ академію художествъ. Не смотря на всю свою обширность, она, при рациональномъ методѣ, исполнима и возможна.

Перечитывая отзывы учителей, представленные въ комиссію, мы очень часто встречали убѣжденіе учителей, что съ тою программой и методомъ, которыхъ они держатся, достигаются хо-рошіе результаты; но намъ извѣстны преподаватели, достигав-ши также недурныхъ результатовъ при диаметрально противоположныхъ методахъ. Чѣд же все это доказывается? Съ одной стороны—то, что учителя, за неимѣніемъ болѣе обширныхъ свѣ-дѣній, налагаютъ естественнымъ образомъ на то, чѣд имъ болѣе извѣстно, а съ другой — что человѣческая природа, особенно въ гибкомъ дѣтскомъ возрастѣ, способна извлекать пользу изъ ма-теріала даже недоброкачественнаго.

Въ курсъ рисованія входитъ черченіе. Это обстоятельство производитъ огромную путаницу въ понятіяхъ тѣмъ легче, что нѣть возможности провести пограничную черту между черче-ніемъ и рисованіемъ; необходимо, стало быть, разъ навсегда точно определить роли того и другого предмета и не дѣлать даже попытки проводить границу между ними. По ниже слѣдую-щему плану это удобоисполнимо.

Если подъ черченіемъ въ гимназическомъ курсѣ разумѣть не только умѣніе чертить геометрическія фигуры и тѣла въ ихъ простейшемъ видѣ, но и черченіе по всѣмъ правиламъ перспективы, восходя до архитектурныхъ сооруженій со всѣми ихъ деталями, то это едва ли рационально, такъ какъ знаніе чер-ченія по этой программѣ есть знаніе почти специальное, тре-бующее не двухъ часовъ въ недѣлю, которыми мы можемъ рас-полагать, а времени въ пять разъ большего; въ противномъ

случаѣ, оно поглотить въ себѣ другія стороны рисованія, чрезвычайно существенные для общаго образованія. Мы полагаемъ, что будетъ совершенно достаточнымъ, если ученики первыхъ двухъ классовъ успѣютъ въ черченіи на столѣ, что на ихъ рисункахъ геометрическія фигуры и тѣла, а также и предметы, на нихъ похожіе могутъ быть узнаваемы безошибочно. Что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ, будетъ ясно видно изъ дальнѣйшихъ объясненій.

Чертить, главнымъ образомъ, нужно отъ руки, пріучая глазъ сравнивать, измѣрять и опредѣлять безъ помощи циркуля относительныя величины и разстоянія. Глазъ есть такой органъ, который точные циркуля способенъ опредѣлять разстоянія, если только онъ воспитанъ правильно. Развительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ способные топографы и землемѣры при определеніи разстояній. На свойствѣ и способностяхъ глаза основано все рисование. Этимъ мы не хотимъ сказать, что ученику никогда не слѣдуетъ брать линейку и циркуль; но употребленіе этихъ инструментовъ можетъ быть дозволено ужъ изучившимъ черченіе отъ руки и только тогда, когда нужны изображенія, требующія особенной чистоты и имѣющія значение не упражненій, а рисунковъ, назначенныхъ для какой-либо специальной цѣли; очевидно, стало быть, что такие рисунки не должны относиться къ кругу классныхъ занятій.

Изученіе рисованія, строго говоря, должно и начинаться, и оканчиваться рисованіемъ съ натуры. Подъ натурою мы разумѣемъ здѣсь всякаго рода предметы, окружающіе человѣка.

Весь гимназическій курсъ рисованія слѣдуетъ раздѣлить на 4 отдѣленія. Переводные экзамены за рисованіе будутъ при этомъ совпадать со II, IV и VI общими классами, и наконецъ, послѣдній экзаменъ, выпускной, можетъ и не заключать въ себѣ обязательнаго испытанія по предмету рисованія, если на переведномъ экзаменѣ изъ VI класса ученикъ имѣть уже балль 3.

Отдѣленіе 1-е.

Рисовальное черченіе съ проволочныхъ моделей.

Рисование должно начинать съ черченія линій, угловъ, геометрическихъ фігуръ и геометрическихъ тѣлъ, сдѣланныхъ изъ проволоки и приспособленныхъ къ преподаванію, то-есть, къ тому, чтобы можно было по произволу подыщать, понижать, наклонять и поворачивать модель. Съ помощію такихъ моделей, помѣщенныхъ на гладкомъ фонѣ, глазъ начинающаго фактически освоится съ явленіемъ перспективныхъ сокращеній, ученикъ приобрѣаетъ навыкъ чертить, а проволочный геометрическій тѣла разовьютъ въ немъ знакомство съ тѣмъ основнымъ закономъ перспективы, что дальняія стороны всякаго предмета меньше ближайшихъ. Курсъ этого отдѣленія долженъ оканчиваться черченіемъ съ геометрическихъ тѣлъ изъ картона или дерева, и мы не видимъ препятствія, почему бы рядомъ съ кубами и пирамидами не дать здѣсь мѣста гипсовымъ моделямъ частей лица, въ начертательномъ отношеніи ничѣмъ не отличающимся отъ листа какого-нибудь орнамента или растенія, которые могутъ войти въ это отдѣленіе, какъ и вышеупомянутые предметы. Съ различныхъ точекъ размѣщенія учениковъ, модели представляются для нихъ въ различномъ видѣ, и при особенно трудныхъ поворотахъ, для облегченія учениковъ можетъ быть съ успѣхомъ употребляемъ маленький, стеклянный экранъ, на которомъ, какъ на листѣ бумаги, ученикъ наглядно убѣдится въ законахъ перспективы, въ томъ случаѣ, еслиъ его неопытное зрѣніе отрицало возможность сокращеній.

Каждый рисунокъ долженъ быть сдѣланъ въ одинъ урокъ.

Когда у ученика накопится достаточно наблюдений, и въ его дѣтскомъ умѣ начнутъ мелькать обобщенія и появятся воспріоны: отчего? почему? — въ это время, законъ, объясненный простымъ образомъ, тверже запоминается, такъ какъ онъ интересуетъ ученика. Объясненіе правилъ послѣ практики; а не прежде ея, мы считаемъ полезнымъ вообще, о какихъ бы правилахъ ни шла

рѣчъ, будетъ ли то сложный вопросъ перспективы или анатомический занѣйтъ. Для такихъ объясненій, въ концѣ каждого курса, при переходѣ въ слѣдующее отдѣленіе, достаточно 2-хъ, или 3-хъ бесѣдъ съ учениками.

Передъ экзаменомъ полезно заставлять учениковъ чертить на классной доскѣ ту или другую проволочную фигуру на память. Упражненія послѣдняго рода, въ сущности, и составляютъ экзаменъ.

О т дѣл е н і е 2-е.

Упражненія въ рисованіи съ моделей геометрическихъ тѣлъ.

Здѣсь ученики занимаются рисованіемъ геометрическихъ тѣлъ съ моделей изъ картона или дерева; среди нихъ все болѣе и болѣе попадаются части лица и орнаментовъ, такъ какъ рисунокъ глаза или уха, собственно говоря, не труднѣе рисунка волюты капители. И здѣсь, какъ въ первомъ отдѣленіи, ученикъ долженъ непремѣнно кончить рисунокъ въ одинъ урокъ. Въ этомъ нѣть большой трудности: въ теченіе часа такой рисунокъ можетъ быть основательно исполненъ любымъ учѣникомъ, если онъ ограничится контуромъ и тушевкой одной только тѣни, а въ крайнемъ случаѣ и одинымъ контуромъ. Начинающій никогда ясно не видѣть полутоновъ, особенно легкихъ, а для ребенка они и вовсе не существуютъ: известно, что значить тушевка для маленькихъ любителей, напримѣръ, съ оригиналами Жюльена. А потому все вниманіе должно быть обращено на развитіе глаза при передачѣ линій, при тушевкѣ же — на силу, форму и мѣсто тѣней. Пусть учащійся, наблюдая тѣнь, изадѣть ее на томъ мѣстѣ, въ той силѣ, какъ видитъ тѣнь, и даже тѣми средствами, какими онъ хочетъ. Штрихъ, если ему не натолкнутъ о немъ, не пріайдетъ ему и въ голову, потому что штриха въ натурѣ не существуетъ. Обязанность учителя, стало быть, при этомъ заключается въ объясненіи причины и свойства свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ модели и въ внушеніи рисующему того, чтобы онъ постоянно сравни-

валь сдѣланное имъ съ натурой, и такимъ образомъ, развивали бы въ себѣ способность критически относиться къ дѣлу.

Исполненіе рисунковъ съ прокладкой исключительно однѣхъ тѣней мы считаемъ полезнымъ провести послѣдовательно чрезъ весь гимназический курсъ, съ тѣмъ чтобы исполненіе каждого рисунка не продолжалось болѣе одного урока въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ и болѣе трехъ уроковъ въ остальныхъ; при всемъ томъ, время отъ времени, чрезъ каждые шесть - семь уроковъ, должно дѣлать также и рисунки окончательные, особенно тѣмъ ученикамъ, которые опережаютъ остальныхъ товарищѣй и своими разсужденіями о натурѣ доказываютъ учителю, что полутоны для нихъ существуютъ, и что неокончательная тушевка не удовлетворяетъ ихъ болѣе. Чистый, бѣлый фонъ за моделями вскорѣ убѣдить въ необходимости окончательной тушовки даже и тѣхъ, которые стоять по успѣхамъ назади другихъ.

Въ концѣ курса слѣдуютъ бесѣды о законахъ перспективы, относительно пройденного. Курсъ 2-го отдѣленія оканчивается рисованіемъ орнаментовъ, частей лица и предметовъ, схожихъ съ ними по своей несложности; здѣсь же будетъ умѣстно разказать, къ какому ордеру или стилю принадлежать различныя архитектурныя украшенія.

ОТДѢЛЕНИЕ 3-Е.

Предметомъ занятій служить здѣсь рисованіе орнаментовъ, частей лица и масокъ (съ гипса); также—приготовленіе къ пейзажамъ: рисованіе камней, столовъ деревьевъ, травы и тому подобнаго (съ отличныхъ оригиналовъ или съ отдѣльныхъ фотографическихъ снимковъ). Въ концѣ курса дѣлаются объясненія ордеровъ архитектуры.

ОТДѢЛЕНИЕ 4-Е.

Здѣсь занимаются рисованіемъ масокъ, сложныхъ орнаментовъ, рукъ, ногъ и головы, съ гипсовыхъ слѣпковъ, а также пейзажей съ оригиналовъ или фотографій. Въ концѣ курса два-три урока употребляются на объясненіе анатоміи головы, стилей архитектуры и общихъ законовъ перспективы.

Строго избранные оригиналы должны всегда находиться подъ рукою учителя и на глазахъ учениковъ, для сравненія, указанія, и объясненія, но не для копированія¹⁾; допускаемаго по крайней мѣрѣ не во время классныхъ занятій. Въ томъ же смыслѣ, но не для копированія какъ съ моделей, полѣвны гипсовые слѣпки, исполненные по методѣ Дюпюи, то-есть, для объясненія угловатостей, замаскированныхъ въ натурѣ. Модель для рисованія должна быть законченная и прекрасная; учитель же словесными объясненіями выдѣляетъ уму ученика тѣ главныя черты контура и тѣней, которыя собственно и образуютъ главный характеръ каждой модели, и будучи переданы вѣрно, даютъ сходство рисунка съ моделью.

Извлекая изъ натуры, въ примѣненіи къ рисованію, только контуръ и главныя тѣни, на круглыхъ переходахъ слаженные, мы, такимъ образомъ, упрощаемъ предметъ и объемъ рисованія значительно болѣе, чѣмъ это могло показаться въ началѣ, по при этомъ оно не теряетъ своихъ развивающихъ и воспитательныхъ качествъ, а напротивъ выигрываетъ въ нихъ. Правда, масса рисунковъ, можетъ статься, не будетъ щеголять особенною чистотой, но за то въ нихъ будутъ тѣ качества, которыя одни и выражаютъ степень знанія предмета. Для нась не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что если обратиться къ любому ученику, рисовавшему только съ оригиналовъ и удачно передавшему Жюльенновскую голову (за которую мы даже удостоиваемъ награды), и попросить его нарисовать хотя что-нибудь самостоятельно съ натуры, то такой ученикъ окажется въ затрудненіи. Кому не случалось слышать отъ учившихся когда-то рисовать и даже хорошо рисовавшихъ, что никто изъ нихъ не умѣеть приступить къ рисунку, когда представляется въ томъ надобность? Не доказывается ли это, что то, чему учились, не было знаніемъ, а однимъ изъ тѣхъ кропотливыхъ и долгихъ подвиговъ, на которые, къ удивленію, бываютъ способны пытливыя и талантливыя дѣти?

¹⁾ За исключеніемъ пейзажей.

Такъ какъ мы совершенно устраниемъ рисование съ оригиналовъ и оставляемъ ихъ только для наглядности, то считаемъ нужнымъ привести свои основанія этому.

Прежде всего рисунокъ, какъ и всякий оригиналъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, не исчерпываетъ натуры — не въ томъ смыслѣ, что не производить иллюзіи, а въ томъ, что не подчинаетъ учащагося самому высшему авторитету — авторитету природы. Копирующіе съ оригиналовъ могутъ дойти до соглашенія, что въ любомъ изъ этихъ оригиналовъ не заключается ничего, кроме того, что разъ ими было въ немъ отыскано. Такой ограниченности неѣтъ въ природѣ: сколько бы мы ни старались приблизиться къ неї, она всегда отодвигается отъ насъ на неопределѣленное и неопредѣлимое разстояніе. Въ этомъ лежитъ та подталкивающая и возбуждающая человѣческую пытливость сила, которая обусловливаетъ совершенствованіе, искусства вообще, и мы не видимъ повода лишить дѣтей того же рационального пути, который проходитъ каждый художникъ, тѣмъ болѣе, что все предлагаемое не превышаетъ силъ молодаго ума. Кроме того, оригиналы имѣютъ еще и то неудобство, что пріучаютъ рисующаго смотрѣть на природу сквозь призму приемовъ, пріобрѣтенныхъ имъ при копированіи, и надолго, если не навсегда, задерживаютъ прагматическое эстетическое развитіе.

Изъ личныхъ нашихъ наблюденій мы вынесли убѣжденіе, что между оригиналами есть положительно вредные; къ числу такихъ принадлежать, между прочимъ, рисунки Жюльена, такие чистые въ привлекательные, и притомъ такие лживые, что воспитавшій свой взглядъ и чувство на рисункахъ этой школы становится почти неспособнымъ разумѣть истинныя красоты рисунка, а часто живописи; такому ученику постоянно будутъ мерещиться штрихи, чистота и мягкость (неправильная), словомъ, одна внѣшность. Жюльенъ неутомимъ; онъ чертить то щегольской контуръ, то рисунокъ съ гипса, то наконецъ, копируетъ голову изъ какой-либо картины, и все это дѣлаетъ своимъ однообразнымъ свѣтскимъ приемомъ; если кому-либо прийдетъ въ голову сравнить его воспроиз-

изведеніе съ оригиналомъ, тотъ будетъ изумленъ, до какой степени ложъ переводъ, и стало быть, какъ мало копирующей съ такого оригинала знакомится съ подлинникомъ. Отъ первоначальныхъ понятій учащихся зависятъ ихъ будущія сужденія и взгляды, а потому мы и позволили себѣ остановиться на этомъ предметѣ такъ долго.

Въ случаѣ крайней необходимости прибѣгать къ оригиналамъ для рисованія пейзажей, мы скорѣе рекомендовали бы фотографіи, но не тѣ фотографіи видовъ, которыхъ такъ распространены, а отдельные снятые съ натуры этюды травы, листьевъ, кореньевъ, пней, стволовъ деревьевъ, камней, словомъ—частей пейзажа. Фотографіи, послѣ натуры, самая надежная опора при усвоеніи техники; они именно потому и хороши, что, не отличаясь какою бы то не было манерою, заставляютъ умъ невольно работать надъ пріисканіемъ 'техническихъ' средствъ для передачи изображаемаго ими на рисункѣ, то-есть, возбуждаютъ изобрѣтательность — качество человѣческаго ума, столько же драгоценное въ отношеніи рисованія, какъ и въ другихъ сферахъ науки. Но предлагая фотографіи для пейзажа, какъ необходимую замѣну экскурсій, въ большинствѣ случаевъ невозможныхъ въ гимназіяхъ, мы не считаемъ рисование съ нихъ безусловно обязательнымъ.

При вышеизложенныхъ приемахъ получается въ результатѣ если не столь художественно исполненные рисунки, что возможно требовать лишь отъ специалистовъ, то масса рисунковъ, доказывающихъ, что законы, которыми управляетъ форма, поняты учащимися. Когда эта цѣль будетъ достигнута, задачу можно считать решеною, и притомъ удовлетворительно.

Списокъ учениковъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народного просвѣщенія и рисовальныхъ школъ, которымъ особая при совѣтѣ Императорской академіи художествъ комиссія присудила награды серебряными медалями и похвальные отзывы за успѣхи въ рисованіи, а также учителей рисования, заслужившихъ отъ означенной комиссіи похвальные отзывы за успѣшное преподаваніе.

(Утвержденъ г. товарищемъ президента Императорской академіи художествъ, Великимъ Княземъ Владимиromъ Александровичемъ).

Отзывы о преподавателяхъ.

Награды ученикамъ.

I. С.-Петербургскій учебный округъ.

2-я С.-Петербургская гимназія. Учитель Тороповъ.

A. Лэминикуму — за рисунокъ головы съ оригинала; *B. Мошарскому* — за рисунокъ дерева съ оригинала; *Комаровскому, Лилесву, Семенову и Матвееву* — за перспективные и архитектурные чертежи — похвальные отзывы.

Ларинская гимназія. Учитель Чернышевъ.

Кудрявцеву — за рисунокъ козловъ съ оригинала — серебряная медаль.

Элютту — за рисунокъ головы рыцаря съ оригинала и *Коркунову* — за рисунокъ моделей съ натуры — похвальные отзывы.

6-я С.-Петербургская гимназія. Учитель Лосевъ.

Серебрякову — за рисунки: фигуры человѣка съ оригинала и головы Аполлона съ гипса; *Криконоюву* — за рисунки: модели и перспективного вида класса съ натуры; *Ильину и Александрову* — за архитектурные чертежи — похвальные отзывы.

7-я С.-Петербургская гимназия. Учитель Соколовъ.

Шмидту и Прянишникову — за рисунки съ гипсовыхъ головъ — похвальные отзывы.

Введенская прогимназия. Учитель Степановъ.

Муравьеву и Шеменкову — за рисунки классной комнаты съ натуры — серебряные медали.

2-я С.-Петербургская прогимназия. Учитель Рыдковский.

А. Мартынову — за рисунокъ антаблемента; *Ососову и Турнеру* — за рисунки головъ съ оригиналовъ — похвальные отзывы.

Кронштадтская гимназия. Учитель Николаевъ.

В. Никитину — за рисунокъ съ гипсовой статуэтки — серебряная медаль.

Л. Иванову — за рисунокъ головы съ оригинала; *О. Иванову* — за рисунокъ пейзажа съ оригинала — похвальные отзывы.

Псковская гимназия. Учитель Жуковъ.

Благодарность за упражнение учениковъ въ рисовании съ натуры.

Тальдею — за рисунокъ съ натуры „видъ во Псковѣ“ и *Антонову* — за видъ, рисованный съ натуры — серебряные медали.

Сергеевскому — за рисунки видовъ Пскова и Москвы; *Дробину* — за рисунокъ Крымского вида съ оригинала; *Шатилову* — за рисунокъ пейзажа съ оригинала; *Знаменскому* — за рисунокъ вида; *Хилловскому* — за рисунокъ орнамента; *Халкевичу, Эккерману, Коптеву* и *Семеко* — за рисунки видовъ съ оригинала и *Володъко* — за рисунокъ головки съ оригинала — похвальные отзывы.

Олонецкая гимназія. Учитель *Ивановъ.*

Пудожскому и М. Лебедеву—за рисунки головъ съ оригиналовъ; *Б. Любичанковскому и А. Соколову*—первому за рисунокъ пейзажа, а послѣднему—за рисунокъ лошади съ оригиналовъ—похвальные отзывы.

Архангельская гимназія. Учитель *Шумской.*

Догадину и Щекотову—за рисунки головы старика съ оригинала; *Горемыду*—за рисунокъ кисти руки съ оригинала—похвальные отзывы.

Тотемское уѣздное училище. Учитель *Денежкинъ.*

Всѣмъ ученикамъ—за рисунки съ натуры, въ тетрадяхъ—похвальные отзывы.

Гризловское уѣздное училище. Учитель *Фалина.*

Благодарность за упражненіе учениковъ въ рисовании съ натуры.

Корсунову—за рисунки съ натуры—серебряная медаль.

Добрякову—за рисунокъ съ натуры—похвальный отзывъ.

II. Московский учебный округъ.

1-я Московская гимназія. Учитель *В. Розановъ.*

Благодарность за упражненіе учениковъ въ рисовании съ натуры.

Кирьевскому и Дмитреву—за рисунки классной комнаты съ натуры; *Мышкову*—за рисунокъ съ натуры: „книги на столѣ“ (акварелью) и „утепокъ“ (карандашемъ)—серебряные медали.

2-я Московская гимназія. Учитель *С. Измайловъ.*

Благодарность за упражненіе учениковъ въ рисовании съ натуры.

Гордану—за рисунокъ модели съ натуры и *Давыдову*—за рисунокъ съ оригинала: „Пѣтухъ”—серебряные медали.

Всѣмъ ученикамъ—за рисунки моделей съ натуры—похвальные отзывы.

3-я Московская гимназия. Учитель *Заруцкий*.

С. Смирнову—за рисунокъ цвѣтовъ съ оригинала; *Палибину*—за рисунокъ головы Спасителя; *Вонлярскому*—за рисунокъ головы ангела съ оригинала; *Крилову*—за рисунокъ головы съ оригинала и *Голубкову*—за рисунокъ машины — похвальные отзывы.

5-я Московская гимназия. Учитель *Скино*.

Прищеву—за рисунокъ съ оригинала: „*Кофеинникъ*“ — похвальный отзывъ.

2-е Московское уѣздное училище. Учитель *Горшковъ*.

Высоцкому — за рисунокъ орнамента — серебряная медаль.

Ярославская гимназия. Учитель *Харитоновъ*.

Калинину—за рисунокъ съ оригинала: „*снятие со креста*“—серебряная медаль.

Пьюшину — за рисунокъ „*Младенецъ Иисусъ, лежащий на крестѣ*“—похвальный отзывъ.

Костромское уѣздное училище. Учитель *Петровъ*.

Доброхотову — за рисунокъ головки съ оригинала и *Бриммеру*—за рисунокъ модели съ натуры—похвальные отзывы.

Нерехтское уѣздное училище.

Трубникову—за рисунокъ съ оригинала: „*голова рыцаря*“—похвальный отзывъ.

Чухломское уѣздное училище.

Красовскому и Кадникову — за рисунки пейзажей съ оригиналовъ—похвальные отзывы.

Владимирская гимназія. Учитель Дмитриевъ.

Бабынину — за рисунки съ оригиналовъ — похвальный отзывъ.

Владимирское уѣздное училище. Учитель Николаевъ.

Изволенскому — за рисунокъ съ оригинала: „Мельница“ — похвальный отзывъ.

Шуйское уѣздное училище. Учитель Семеновъ.

Тарлабову и Зыбину — за рисунки цвѣтковъ; *Масютину и Жданову* — за рисунки для ситцевъ — похвальные отзывыъ.

Муромское уѣздное училище. Учитель Разоевъ.

Зеорыкину — за рисунки моделей съ натуры — серебряная медаль.

Моровчатову и Доброхотову — за рисунки съ оригиналовъ — похвальные отзывыъ.

Тверская гимназія. Учитель Одимцовъ.

Шишкину — за рисунокъ съ оригинала „нога“ — похвальный отзывъ.

Весьегонское уѣздное училище.

Камарашу — за рисунокъ съ оригинала: „головка дѣвочки“ — похвальный отзывъ.

Смоленская гимназія. Учитель Филоновъ.

Ловейко и Щепелкину — за рисунки орнаментовъ и головокъ съ оригиналовъ — похвальные отзывыъ.

Калужская гимназія. Учитель Дербеневъ.

Сверчкову и Крылову — за рисунки съ оригиналовъ — похвальные отзывыъ.

Рязанское уездное училище. Учитель Черновъ.

Тимофееву—за рисунокъ головы Лаккона—похвальный отзывъ.

Тульская гимназія. Учитель Видовъ.

Жданову—за рисунокъ орнамента—серебряная медаль.

Прозорову—за рисунокъ головы съ оригинала; *Язинскому*—за рисунокъ буйвола съ оригинала; *Малинину*—за рисунокъ цветовъ—похвальные отзывы.

III. Доритский учебный округъ.

Митавская гимназія. Учитель Деринъ.

Ржонсникуму—за рисунки головъ съ оригинала и съ гипсовой маски; *Корево*—за рисунокъ съ гипсовой головы и *A. Гроссу*—за рисунокъ капители—похвальные отзывы.

Гольдингская гимназія. Учитель Юлій Гессау.

Трейману и *Гильберту*—за рисунокъ рукъ и ногъ съ оригинала; *Шутову*—за рисунокъ статуэтки съ оригинала; *Лабеновскому*—за рисунокъ пейзажа—похвальные отзывы.

Рижская реальная гимназія. Учитель Кларкъ.

За методъ и успѣхи учениковъ ходатайствовать о награжденіи его отъ министерства народнаго просвѣщенія и войти съ предложениемъ въ совѣтъ академіи о признаніи его почетнымъ вольнымъ общникомъ.

Эбериарду—за рисунокъ съ модели; *Бергу*—за рисунокъ съ гипсовой ножки; *Міеттенсу*—за рисунокъ паркета акварелью—серебряная медаль.

E. Огинсу—за рисунокъ модели съ натуры; *Чарнецкому*, *Шенбельду*, *K. Мерійчу* и *Фридриксу*—за рисунки съ гипсовыхъ орнаментовъ; *Вимкерскому*—за рисунокъ съ проволочной модели; *Дадровскому*—за рисунокъ паркета ак-

варелью; *Міетменсу* — за рисунки съ проволочной модели и съ гипсовой ножки; *Фрейману* — за рисунокъ паркета— похвальные отзывы.

Александровская Рижская гимназія. Учитель *Каллистовъ*.

Булейко — за рисунокъ головки съ оригинала — похвальный отзывъ.

Ревельская гимназія. Учитель *Шпренгель*.

Казаковскому — за рисунокъ первомъ съ эстампа — серебряная медаль.

IV. Кіевский учебный округъ.

Черниловская гимназія. Учитель *Александровъ*.

Н. Лосицкому — за рисунокъ головы дѣвочки—серебряная медаль.

Нѣжинская Гимназія. Учителъ *Музиченко-Цыбульский*.

Садовскому — за рисунокъ вола съ оригинала; *Савченко-Маценко* — за рисунокъ лежащей коровы съ оригинала и *Е. Иваненко* — за рисунокъ головки— похвальные отзывы.

Новгородъ-Слѣпецкая гимназія. Учитель *Тимофеевъ*.

Прокопенко, Мироненко, В. Синицкому, Щекинъ-Кротову и Правосуду — за рисунки пейзажей съ оригиналами— похвальные отзывы.

Житомирская гимназія. Учитель *Собкевичъ*.

Прусиповскому, Волчавскому и Балогу — за рисунки головъ съ оригиналовъ— похвальные отзывы.

Островская гимназія. Учитель *Праведный*.

Имарту — за рисунокъ головы съ оригинала—похвальный отзывъ.

V. Казанский учебный округъ.*1-я Казанская гимназія.* Учитель Шестаковъ.

И. Урюмову—за рисунокъ съ оригинала: „голова апостола“—серебряная медаль.

M. Севастьянову—за рисунки моделей съ натуры; *Г. Потапову и В. Ларинову* — за рисунки орнаментовъ съ оригиналовъ, и *Х. Нигаметуллину* — за архитектурный рисунокъ—похвальные отзывы.

Александровский Нижегородский институтъ. Учитель Рачковъ.

Есипову—за рисунокъ съ гипсоваго барельефа—серебряная медаль.

Пензенская гимназія.

Евграфову — за рисунки моделей съ патуры; *Нестерову* — за рисунокъ съ оригинала: голова Собѣскаго; *Машкову и Талантову* — за рисунки съ оригиналовъ—похвальные отзывы.

Астраханская гимназія. Учитель Соболековъ.

Турчанинову и Скворцову—за рисунки съ оригиналовъ—похвальные отзывы.

Симбирская гимназія.

Срѣтенскому — за рисунокъ головы съ оригинала и *Сытиухину*—за рисунокъ пейзажа съ оригинала—похвальные отзывы.

Самарская гимназія. Учитель Панафидинъ.

В. Лыкову—за рисунокъ кисти руки съ оригинала—серебряная медаль.

Воронцову, Клочкову и Климову—за рисунки съ оригиналовъ—похвальные отзывы.

Оренбургская гимназія. Учитель Шаровъ.

Акматову (Киргизу)—за рисунокъ съ антика; *Сарыходжину 2-му*—за рисунокъ натурища съ оригинала и *Идипину* (Киргизу)—за рисунокъ головы—похвальные отзывы.

Вятская гимназія. Учитель Рязуновъ.

Благодарность за упражненіе учениковъ въ рисованіи съ натуры.

Дьяконову—за рисунокъ съ гипсовой маски „портретъ Бѣлинскаго“ и *Кондратовичу*—за рисунокъ съ гипсовой маски „Демосѳенъ“—серебряная медаль.

Голубеву—за рисунки съ гипсовыхъ головъ; *Берленеву, Краеву и П. Гуляеву*—за тоже; *Ивановскому*—за рисунки съ гипсовыхъ слѣдовъ; *Лобикову, Ежеву, Пумпу, Федорову, Карцову*—за рисунки головъ съ оригиналовъ и *В. Махову*—за рисунки лошадей съ гипса—похвальные отзывы.

Вятское уѣздное училище. Учитель Вазинъ.

Г. Котельникову—за рисунокъ съ эстампа—похвальный отзывъ.

Уржумское уѣздное училище. Учитель Лаптевъ.

И. Кожевникову—за рисунокъ „глаза Иоанна Предтечи“, съ оригинала—серебряная медаль.

Екатеринбургская гимназія. Учитель Власовъ.

Аксютову—за рисунокъ: „голова Турка“; *Тимофееву*—за архитектурные рисунки—похвальные отзывы.

VI. Харьковский учебный округъ.*Воронежская гимназія. Учитель Лебедевъ.*

Благодарность за упражненіе учениковъ въ рисованіи съ натуры.

Болдыреву и Хорошилову—за рисунки моделей съ натуры—серебряные медали.

Хоркевичу, Николаеву, Попову, Григорьеву, Полянскому, Фофылову, Пелющеву, Масевичу, Славянову, Емельеву, Николаеву, Кирсанову, Симину, Турбину, Зубову, Москалеву, Баблоцкому, Матюхину, Онееву, Черемисинову, Жаламову, Тарасову, Черникому и Косенко—за рисунки моделей съ натуры; Григорьеву, Болдыреву и Ходкевичу—за рисунки головъ съ оригиналовъ—похвальные отзывы.

Курская гимназія. Учитель Лебедевъ.

Оболынилову—за рисунокъ плодовъ съ оригинала и Буюмольцу—за рисунокъ машины—похвальные отзывы.

Орловская гимназія. Учителя Волковъ и Репманъ.

Семёну—за рисунокъ съ оригинала: „группа собакъ“—похвальный отзывъ.

Тамбовская гимназія. Учитель Куиччинскій.

Кожину—за рисунокъ съ гипсоваго слѣдка. Серебряная медаль.

Шимковскому—за рисунокъ съ оригинала—похвальный отзывъ.

Новочеркасская гимназія. Учитель Озобишинъ.

Андреевскому—за живопись съ гипсовой головы Аполлона—серебряная медаль.

Грекову—за живопись съ натуры видъ въ Новочеркасскѣ”—похвальный отзывъ.

VII. Виленский учебный округъ.

Виленская классическая гимназія. Учителя Грязновъ и Чемодановъ.

Боятынскому—за рисунокъ головы льва съ оригинала; Дашкевичу и Ко-

мару — за акварельные рисунки пейзажей; *Родзевичу* — за рисунокъ машины; *Поплавскому* — за рисунокъ человѣческой фигуры съ оригинала — серебряный медали.

Боюмолову, Поплавскому — за рисунки съ античныхъ головъ; *Нарушинчу и Яловицкому* — за рисунки съ орнаментовъ; *Бобянинскому* — за рисунокъ пейзажа съ оригинала; *Чаниу* — за акварельный рисунокъ перспективы; *Шульцу* — за акварельные рисунки вола и фруктовъ; *Дашкевичу* — за рисунокъ фруктовъ; *Слотвинскому* — за архитектурные чертежи; *Володко* — за чертежъ платформы желѣзной дороги; *Жебровскому и Гесслеру* — за архитектурные чертежи; *Ходоровскому и Прашибееру* — за чертежи зданій; *Шульцу, Чаниу, Цедровскому и Барамовскому* — за рисунки машинъ — похвальные отзывы.

Виленская реальная гимназія. Учитель академикъ Трушинъ.

Гр. Циминскому — за рисунокъ моделей съ натуры — серебряная медаль.

Стефановскому — за архитектурные рисунки ордеровъ; *Коваленко и Гармошеву* — за рисунокъ рѣзы изъ дерева; *M. Рѣча и Гоузалду* — за рисунки машины; *Александровичу и Марьевичу* — за рисунки животныхъ съ оригиналовъ; *K. Вѣлесичу и B. Іерусалимову* — за рисунки головокъ съ оригинала — похвальные отзывы.

Минская гимназія. Учитель Ермаковъ.

Верхобаловичу — за рисунокъ головы архистратига Михаила, съ оригинала — похвальный отзывъ.

Пинская гимназия. Учитель Шустов.

Бенедиктосичу, Венцему и Корзюку—за рисунки съ моделей—похвальные отзывы.

Гомельская прогимназия. Учитель Осипенко.

Лемкеевичу — за рисунокъ человѣческой фигуры съ оригинала—похвальный отзывъ.

Витебская гимназия. Учитель Минята.

Захаровскому—за рисунокъ Антина съ гипсовой головы; Малючинскому — за рисунокъ человѣческой фигуры съ оригинала—серебряные медали.

Бобруйская прогимназия. Учитель Шустовъ.

Пожаринику и Керкориусу—за рисунки съ оригиналовъ—похвальные отзывы.

VIII. Одесский учебный округъ.

Одесская 2-я гимназия. Учитель Нильсона.

Д. Прокорову — за рисунокъ головы короля Генриха IV, съ оригинала — серебряная медаль.

Пакразову — за рисунокъ головы съ оригинала и К. Малю — за рисунокъ пейзажа съ оригинала — похвальные отзывы.

Симферопольская гимназия. Учитель Малльръ.

Васильевскому и Остапороду—за рисунки головы съ оригинала — похвальные отзывы.

Таврическая гимназия. Учитель Осслиановъ.

Войченко — за рисунки слѣдовъ съ оригинала и Гребенищкову — за рисунокъ пейзажа — похвальные отзывы.

IX. Варшавскій учебный округъ.**1-я Варшавская гимназія. Учитель Берманинъ.****Лозинскому** — за рисунокъ модели съ
натуры — похвальный отзывъ.**2-я Варшавская гимназія. Учитель Подольский.****Э. Леви** — за рисунокъ орнаментовъ —
серебряная медаль.**Бончному** — за рисунокъ машины —
похвальный отзывъ.**3-я Варшавская гимназія. Учитель Польковский.****Шиллеру** — за рисунокъ орнаментовъ;
Вараческому — за рисунокъ пожарной
каланчи; **Хрущаковскому и Самсевичу** —
за рисунокъ орнаментовъ съ оригинала —
похвальные отзывыъ.**4-я Варшавская гимназія. Учитель Галлерть.****В. Сивенискому** — за рисунокъ орна-
ментовъ — серебряная медаль.**Грабовскому** — за рисунокъ капители —
похвальный отзывъ.**5-я Варшавская гимназія. Учитель Стефанский.****Луковскому** — за рисунки машинъ и
фундаментныхъ кладокъ; **Бычковскому** —
за рисунокъ орнаментовъ съ оригинала —
похвальные отзывыъ.**Варшавская реальная гимназія. Учитель Линский.****И. Бялм** — за рисунокъ машины —
серебряная медаль.**Мориону** — за рисунокъ капители;
Ростиковскому — за рисунокъ решетки;
Маевскому — за рисунокъ машины съ
оригинала — похвальные отзывыъ.

2-я Варшавская прогимназия. Учитель Муравский.

Свистаковскому—за рисунки машинъ и архитектурныхъ чертежей—серебряная медаль.

Гобербушу и Вержбицкому—за рисунки орнаментовъ съ оригинала—похвальные отзывы.

Варшавскій институтъ духовныхъ. Учитель Герсонъ.

Секара и А. Васильевскому—за гравюру на деревѣ и за рѣзьбу изъ дерева: „Распятіе“; *А. Кюлевейну*—за рисунокъ на литографскомъ камнѣ—серебряные медали.

А. Васильевскому—за рисунокъ моделей съ натуры; *Ф. Осуховскому*—за рисунокъ орнамента; *Е. Перковской*—за рисунокъ головы съ оригинала, и *А. Скадра*—за лѣпку бюста—похвальные отзывы.

Влоцлавская реальная гимназія. Учитель Бушардъ.

С. Жибурскому—за рисунокъ орнаментовъ; *Повицкому и Карновскому*—за рисунки вазъ съ оригиналовъ—серебряные медали.

Кольбе, Тарчинскому, Гуонъ-Гутке и Бухольцу—за рисунки орнаментовъ и вазъ; *и Брохоцкому*—за рисунки машинъ—похвальные отзывы.

Лодзинское смесное реальное училище. Учителя Чернецова и Олешевъ.

Захерту—за рисунокъ акварелью цветовъ и узоровъ; *А. Гутекунсту*—за акварельный рисунокъ машины—серебряная медаль.

Ноджу, Пручинскому, Эричу, Пфайферту, Сенковскому, Шпсту, Гесснеру,

Мамусову, Р. Доржескому, Вальтеру, Гленискому, Шульцу и Кутце—за рисунки цвѣтковъ акварелью и тушью; *И. Шнейдеру и Кречи*—за рисунки орнаментовъ и собакъ съ оригиналовъ; *Сенковскому, Беднаржевскому, Берляху и Цѣльельскому*—за рисунки машинъ—похвальные отзывы.

Честоховская классическая прогимназія. Учителъ Гжельский.

Зейфреду, Олемчкову, Люденгесичу и Феретюсичу—за рисунки мебели—похвальные отзывы.

Калишская гимназія. Учителъ Барановский.

Масловскому—за рисунокъ лошадей съ оригинала—серебряная медаль.

Радомская гимназія. Учителъ Пинко.

Вондескому—за рисунокъ капители съ оригинала—серебряная медаль.

С. Гайлю—за рисунокъ пейзажа, се-
шюю—похвальный отзывъ.

Сандомирская прогимназія. Учителъ Бильмонь.

Янинскому—за рисунокъ съ гравю-
ры „правосудіє“—похвальный отзывъ.

Кълещикал гимназія. Учителъ Гурницкий.

Н. Иванову и Парческому—за ри-
сунки съ орнаментовъ—серебряный ме-
далін.

*А. Иванову, Райбахскому, Клемин-
скому, Шнейдеру и Вилочеку*—за ри-
сунки моделей съ натури—похвальные
отзываы.

Холмской гимназіи. Учителъ Финеский.

Райескому—за рисунокъ орнамента
съ оригинала—похвальный листъ.

Любимская гимназия. Учитель Котминъ.

Росинскому — за рисунокъ первомъ статуи музы Ураніи съ оригинала — похвальный отзывъ.

Омдемская гимназия. Учитель Островъ.

С. Гадому — за рисунокъ вида съ натуры — похвальный отзывъ.

Площкая гимназия. Учитель Козарский.

*Пасловскому, Бельковскому и Семен-
тиевскому — за рисунки съ оригиналовъ —
похвальные отзывы.*

Сувалкская гимназия. Учитель Руржинскій.

*Урбановичу — за рисунки съ орна-
ментовъ; Д. Весериуху, Бургуховскому,
Щуробойскому и Циркеничу — за рисунки
цѣтковъ; Колльбе — за акварельный ри-
сунокъ вазы; Лагуна, Манчевскому и
Проходцкому — за рисунки машинъ — по-
хвальные отзывы.*

Ломжинская гимназия. Учитель Чайковскій.

*Решковскому — за рисунокъ головъ
барановъ, съ оригинала — похвальный
отзывъ.*

X. Учебные заведенія въ Сибири.

Тобольская гимназия.

*Бернемъ — за рисунокъ головы съ эс-
тампа — серебряная медаль.*

*Попову — за рисунокъ головы съ ori-
gинала — похвальный отзывъ.*

Томская гимназия. Учитель Комаровъ.

Благодарность за упраж-
неніе ученниковъ въ рисова-
ніи съ натуры.

*Попову — за рисунокъ съ натуры «видъ
изъ окна гимназии» — серебряная медаль.*

Асташкину, Смирнову, Хренкову, Се-

Гребрекову и Лучинину — за рисунки съ натуры; братьям Печоркинымъ — за планы г. Томска; Чернавину — за рисунокъ машины; Знаменскому — за рисунокъ Киргизовъ; Огородникову, Сиазову, Мендялеву, Тюбину, Станову, Владиславову и Банбородину — за рисунки моделей съ натуры — похвальные отзывы.

Иркутская гимназія. Учитель Гребневъ.

Уфтомжанинову, Власову и Ватинову — за рисунки съ оригиналовъ — похвальные отзывы.

Якутская классическая прогимназія. Учитель Эудерлейтъ.

Благодарность за упражненіе учениковъ въ рисовании съ натуры.

Ивану Кирилову — за рисунокъ моделей съ натуры — серебряная медаль.

Соловьеву, Сипцову и Атласову — за рисунки моделей съ натуры — похвальные отзывы.

V.

Ишимское уѣздное училище. Учитель Моджи.

И. Башишеву — за рисунокъ головы съ оригиналами — серебряная медаль.

Васильеву, И. Башишеву, Присникову, Москвину, Тульба и Турмину — за рисунки съ оригиналовъ — похвальные отзывы.

XI. Рисовальныя школы.

Харьковская частная школа рисования и живописи. Основательница художница Раевская-Иванова.

За основание школы, за успѣшное введеніе преподаванія, за рациональный методъ и за успѣхи учениковъ, войти съ особымъ представлениемъ въ совѣтъ Императорской

Данилевскому — за рисунки головы, съ гипса, и солдата, съ натуры; Кондратенко — за рисунокъ съ гипсовой головы и за живопись масляными красками «лампы на столѣ»; Шихотину — за рисунки съ маски и съ гипсовой статуи

академії художествъ о при-
суждениі ей отъ академіи
званія почетнаго, вольнаго
общника, а также ходатай-
ствовать предъ Его Импера-
торскимъ Высочествомъ, то-
варищемъ президента о пред-
ставлениі ей къ Высочайшей
наградѣ за полезное осно-
ваніе школы.

и за рисунокъ перомъ „воль“—серебря-
ные медали.

Бордакову — за рисунокъ съ гипсо-
выхъ листовъ и за акварель съ ориги-
нала; *Е. Сиханской* — за рисунокъ ор-
наментовъ; *В. Нилькину* — за рисунки
съ гипсовыхъ масокъ; *Кондренко* — за
рисунокъ драпировки съ натуры и ло-
шади съ гипса; *Шаговскому* — за рису-
нокъ съ гипсовой группы, и головы
Шюбы съ гипса; *А. Павловой* — за рису-
нокъ лошади, и за живопись: „само-
варъ съ чашкой“; *Коженову* — за рису-
нокъ съ гипса и за акварель; *Данилев-
скому* — за рисунокъ мальчика съ натуры
и *Егорову* — за рисунокъ чашки съ на-
туры—похвальные отзывы.

Вилёнская рисовальная школа. Учитель академикъ Трутневъ.

Коваленко — за рисунокъ лампы и
узора; *Зиновьеву* — за рисунокъ съ ги-
псовыхъ головъ — серебряная медали.

Стебланскому — за рисунки съ гипсо-
выхъ слѣдковъ; *Коршунову* — за рисунки
съ гипсоваго слѣдка и кисти руки, и за
живопись „голова крестьянки“; *Симе-
онову* — за живопись: „голова старика“;
Ясновичу — за рисунокъ головки съ
оригинала; *Гарновскому* — за рисунокъ
ситцевыхъ узоровъ и за архитектурные
чертежи; *Савельеву* — за акварельный
пейзажъ съ оригинала—похвальные от-
зыви.

Варшавский рисовальный классъ. Учителя академикъ Каминскій и Волинскій.

За успѣшное веденіе шко-
лы, представить въ совѣтъ
Императорской академіи ху-
дожествъ

ЧАСТЬ CLXIII, отд. 1.

Стражалецкому — за рисунки съ гип-
совыхъ статуй: „Антигона“, и „Фавнъ
съ Бахусомъ“; *Альхимовичу* — за рису-

дожествъ о присужденіи имъ званія почетнаго вольнаго обицніка.

ночъ съ статуи „юноша поднявшемъ сандалію“; *П. Овидзкому и Бухбандру*—за рисунки съ статуи „Фаунъ съ козленкомъ“; *Э. Фехнеру*—за рисунокъ съ статуи „юноша вынимающій завозу“; *Штенцилю*—за рисунокъ съ натурищі; *Вычулковскому*—за рисунки съ гипсовой головы „Милонъ Кротонскій“; *В. Ковалевскому*—за рисунокъ и композицію Царскихъ вратъ—серебрянныя медали.

Швойницкому—за рисунокъ статуи Геркулеса; *Вычулковскому*—за рисунки съ статуи умирающаго Галла и съ бюстомъ; *С. Стржаламецкому*—за рисунокъ головы старика съ натуры; *В. Заржескому, В. Стражесекому, И. Овидзкому, Липскому и Катарабинадскому*—за рисунки съ натурищиковъ; *Паеру*—за рисунокъ съ гипсоваго бюста—похвальные отзывы.

Гимназіи, виписывающи сочиненіе Александра Ильича Скрепицкаго «Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II», (4 тома въ 5 книгахъ. Боннъ на Ройнѣ 1862—1868 года) *непосредственно отъ автора*, жительствующаго въ С.-Петербургѣ, на Литейной, № 62, домъ Красовской, получають его за С.-Петербургскую цѣну (*двадцать рублей за экземпляръ*) и за *пересылку ничего не платятъ*, сберегая такимъ образомъ вѣсовыя за пятнадцать фунтовъ.

Поправка. Въ сентибрской книжкѣ *Журнала Министерства Народного Просвѣщенія*, въ отдѣлѣ «Правительственныхъ распоряженій», подъ рубрикой: «Определенія особого отдѣла ученоаго комитета министерства народнаго просвѣщенія», стр. 38—39, доказанны, подъ №№ 3—8, заглавіи шести книгъ, *долженствовавшія быть пропагандными подъ рубчикой: „Определенія ученоаго комитета министерства народнаго просвѣщенія“*.

ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ПСКОВА¹⁾.

II.

Господинъ Псковъ.

Историческое движение, выражаясь вообще не только въ последовательной сменѣ основныхъ началъ народной жизни однихъ другими по времени, но въ равной мѣрѣ и въ видоизмененіи ихъ соподчинено съ условіями мѣстности, естественно должно было отличаться тѣмъ же характеромъ и на Руси. Дѣйствительно, книженія и земли, на которыхъ распадалась древняя Русь, являются не простыми природными, отражающими въ одной и той же формѣ общія начала, которыхъ управляли ходомъ древнерусской жизни, но въ важнѣйшихъ случаяхъ и особенными индивидуальными образами, представляющими—каждое — эти начала не иначе, какъ въ своемъ особенномъ сочетаніи или видоизмененіи. Между этими началами, взаимное отношеніе которыхъ сообщало древнерусскимъ книженіямъ ихъ отличительный характеръ, политические элементы занимаютъ безспорно самое важное мѣсто, будучи подчинены вообще, сравнительно съ областью частнаго нрава, гораздо большей подвижности. Понятно поэтому, что въ организаціи именно этихъ элементовъ, въ отношеніяхъ между княжескою властью и властью народа, оказались и особенности Псковскаго устройства и его отличія отъ Новгородскаго, когда Псковъ въ XIV вѣкѣ достигъ самостоятельного существованія, а вмѣсть съ тѣмъ, въ силу благопріятныхъ обстоятельствъ, не могъ не получить и особенного индивидуального характера. Съ одной стороны, мѣстное положеніе Пскова было такъ исключительно, съ другой — исторический путь, совершенный имъ подъ владычествомъ Великаго Новгорода,

¹⁾ См. апрельскую книжку *Журнала Министерства Народного Просвещенія* за текущій годъ.

такъ своеобразенъ, что усвоеніе имъ особеннаго характернаго строя, который давалъ бы ему право на однаковое мѣсто въ ряду другихъ русскихъ земель, являлось вполнѣ естественнымъ слѣдствиемъ. Было бы однако совершенно недостаточно просто сослаться, какъ это не-рѣдко дѣлается историками, на мѣстныя или историческія условія какого-либо явленія: главная сила заключается не въ ссылкѣ, а въ показаніи того, въ чёмъ именно состояли эти мѣстныя или историческія условія, чѣмъ именно отличалъ характеръ извѣстной мѣстности или исторіи, приведшій послѣднюю къ тому или другому конечному результату.

Междуд мѣстными условіями Псковской жизни уже въ первоначальный періодъ оказывало большое вліяніе какъ на вѣшній видъ Пскова, такъ и на характеръ его внутренняго устройства, пограничное положеніе города и вытекавшая отсюда необходимость постояннай борьбы съ соседними народами. Это обстоятельство получало особенную силу теперь, когда Псковъ сдѣлался самостоятельною землей, по своему положенію какъ-бы нарочно выставленной подъ удары непріятелей. Въ самомъ дѣлѣ Псковская земля, находясь между Новгородскими, Литовскими и Нѣмецкими владѣніями, имѣла видъ длинной и узкой полосы, на всѣмъ протяженіи запада и юга открытой для вторженія соседнихъ народовъ; длина этой полосы, если принять за основаніе измѣренія восточную границу, достигала, по счету самихъ Псковичей, не менѣе трехъ сотъ верстъ, между тѣмъ какъ ширина въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ врядъ-ли гдѣ превышала и сотню верстъ¹⁾; восточная граница отстояла отъ Пскова не болѣе, какъ на 50 верстъ, такъ какъ до послѣдней Псковской станціи на пути въ Новгородъ было, также по счету самихъ Псковичей, только сорокъ верстъ, а западная граница тянулась по близости рѣки Сѣрицы, разстояніе которой отъ Пскова опредѣлялось въ 40 верстъ, а отъ Изборска — въ десять: все это вмѣстѣ и составлять только около сотни верстъ²⁾. Не смотря на противорѣчіе источ-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 211, 1411: «и новоизвѣшта Псковичи Новгородскія волости въ долготу на 300 верстъ, а въ ширину 50 верстъ отъ Литовскаго рубежа и до Нѣмецкаго». Значить, по всей восточной Псковской границѣ, такъ какъ Литовскій рубежъ находился на югѣ, а Нѣмецкій соприкасался съ Новгородскіемъ только на сѣверѣ.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 255, 1477: «и посемь ѿда до рубежа... стоять и на Мелетовѣ 3 ночи, а все то велости Псковскія тручи, на 40 верстъ 5 ночей...— Тамъ же, IV, 293, 1519: «подъ Нѣмецкимъ рубежемъ 40 верстъ ото Пскова, а

никовъ, все-таки можно думать, что на съверѣ Псковская область начиналась острый клинъ, заключающимся между реками Наровой и Плюсой, спускалась расширяясь, хотя и не очень значительно, къ югу и достигала тамъ самыѣ значительныхъ размѣровъ въ ширину, сообразно съ развѣтвлениемъ реки Великой¹⁾). Кроме Наровы, западный Псковской рубежъ, не отступавшій примиѣтию отъ нынѣшнихъ границъ Лифляндской и Псковской губерній, опредѣлялся Чудскимъ озеромъ, реками Мѣдой, Сѣрицей, и пройдя мимо Нейгаузена, спускался по рекѣ Кудеби къ Вышгороду и Красному²⁾). На югъ крайнимъ укрѣпленнымъ пунктомъ Псковскимъ была Опочка, отъ которой граница начинала подыматься на съверъ, на Выборъ, Новережье, и пройдя между Мелетовыми (Псковское селеніе) и Дубровной (Новгородское)³⁾, примыкала къ рекѣ Лютѣ, или по крайней мѣрѣ, тянулась вблизи ея до мѣста слиянія послѣдней съ Плюсой, которая, какъ раньше сказано, составляла съверную часть восточной границы⁴⁾.

Пограничное положеніе Псковской земли навлекало ежечасныи опасности не только на Псковскія окраины, но и на самій городъ Псковъ, такъ какъ при самыѣхъ благопріятныхъ условіяхъ послѣдний отстоялъ отъ рубежа всего на какихъ-нибудь 50 верстъ. А между тѣмъ Псковъ, занимавшій въ двухъ своихъ главныхъ частяхъ, Дѣтланцъ и Застѣнье, треугольникъ между Псковою и Великою, въ теченіе XIV столѣтія, благодаря своему торговому характеру, значительно выросъ, выступилъ изъ своихъ первоначальныхъ предѣловъ и перешелъ на другую сторону обѣихъ рекъ: являются заселенными прочно Запсковье и Завеличье. Расширеніе города Пскова естественно побуждало Псковичей заботиться, въ видѣахъ вѣйшей безопасности, о продолженіи начатаго ими раньше дѣла обороны своего главнаго уѣзда отъ непріятелей, о сооруженіи новыхъ укрѣпленій, кото-

10 верстъ за Изборскомъ, въ Тамновѣ погостѣ, 7 верстъ отъ Нового города отъ Нѣмецкаго, Печерскій монастырь...»

¹⁾ Мухоморова, Сборникъ, 2-е изд., стр. 40, № 27, 1482: «а земли и воды В. Новугороду съ княземъ Мистромъ старыи, рубежъ съ Чуцкаго озера стержнемъ Наровы реки въ Соловое море». Ср. П. С. Р. Л., IV, 219, 1460; V, 14, 1348.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 81, 1342; IV, 233, 1469; 19, 1407.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 240, 1471. Тамъ же, IV, 255, 1477: «да съ послѣднаго стану съ Мелетова побѣдъ...»

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 241, 1471: «пришедъ къ рубежу и подоша въ угра съ Вальской губы и поиша вояя по Новгородской волости... И бывши киль за Лютую рекою, иени Лютой и Сибирю (Курьей?)...»

ры прикрывали бы возникшія вновь части города. Поэтому, въ 1373 году была заключена въ плятаву (четвертую) стѣну и та часть Псковскаго посада, которая находилась за Застьилемъ между Псовою и Великою и до тѣхъ порь была защищаема только невысокою деревянною (дубовою) стѣнкою¹⁾; но Запковые и Завельчес не вошли однако въ кругъ этой стѣны, въ началѣ XV столѣтія вновь перестроеной во всѣхъ ея частяхъ, то-есть, какъ въ направленіи между Псковою и Великою, такъ и вдоль берега обѣихъ рѣкъ по направлению къ Дѣтинцу; только во второй половинѣ XV столѣтія, да и то одно Запковое, вмѣстѣ, съ новымъ Псковскимъ посадомъ, было обнесено простою деревянною стѣною²⁾. Съ появлѣніемъ четвертой стѣны явилась для обозначенія различныхъ составныхъ частей города и новая терминология. Застьилемъ получило теперь, сверхъ старыхъ, еще новое название *Средилю* города, а бывший посадъ сталъ именоваться *Большимъ* или *Окольнымъ* городомъ³⁾. Соизмѣрно съ такимъ расширениемъ города, увеличилось и число Псковскихъ концовъ: подъ Боловинскаго и Торговскаго, являются *концы*— *Городецкій*, *Опоческій* и *Остролавецкій*, всѣ вмѣстѣ заключавшіе въ пространствѣ, обнимаемомъ Большимъ городомъ. Относительно ихъ взаимнаго положенія можно замѣтить, что Остролавецкій конецъ примыкаетъ къ рѣкѣ Великой, а Городецкій ко Псковѣ, Опоческій же находился между двумя первыми и занималъ средину города⁴⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 193, 1373: «Псковичи заложиша четвертую стѣну, плятану, отъ Псковы рѣки до Великой рѣки, подъ старой стѣнкою, что была стѣнка съ дубомъ мало выше мужа, около всего посада». Ср. Herberst. Ber. Mosc. Com., ed. 1556, 76.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 195, 1399, 1401; 196, 1404. Тамъ же, IV, 229, 1465: «зажиша стѣну деревяну отъ Великой рѣки отъ мон. отъ Покрова св. Богородицы да и до Псковы рѣки, а отъ Псковы рѣки на Запковы заложиша отъ Григоричей горы да до Великой рѣки до св. Варлама...» Тамъ же, IV, 240, 1471.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 288, 1510: «и начаша имъ (Москвичамъ) дворы давати въ Середнемъ городѣ, а Псковичъ всѣхъ выпроводиша изъ своихъ дворовъ въ Окольной городѣ и въ посадѣ. А дворовъ было въ Застьиши 6500». Ср. тамъ же, IV, 282, 1510.

⁴⁾ П. С. Р. Л., 268, 1493: «церковь поставиши на Болотъ камену св. Георгия въ Острой Лавицѣ», показываетъ, что Остролавецкій конецъ находился у Великой рѣки; а изъ П. С. Р. Л., IV, 203, 1421: «св. Варвару на Усохѣ», V, 23, 1421: «св. Варвару, возль св. Николы, въ Опочкомъ концы» можно заключить, что Олодскій конецъ, сидячи за Остролавецкимъ, занималъ среди Большаго города. Такимъ образомъ на долю Городецкаго конца остается и часть посадънаго, которая прилегала ко Пскову.

Не известно только, образовало ли Занковъе, уже въ этотъ пе-
риодъ, особенный, шестой конецъ, известный въ послѣдствіи подъ
именемъ *Богоявленскаго*, или же относилось пока еще къ посаду, на-
ходившемуся подъ стѣнами Большаго города. Во всякомъ случаѣ,
съ образованиемъ Богоявленского конца, когда бы оно ни послѣдо-
вало, число Псковскихъ концовъ, въ периодъ самостоятельного суще-
ствованія Пскова, достигло полной своей цифры шести, которую раз-
личные ученые, вслѣдствіе неточной оцѣнки историческихъ фактъвъ,
то увеличиваютъ, то уменьшаютъ несправедливо. Соблазненный при-
мѣромъ Великаго Новгорода, митрополитъ Евгений насчитываетъ во
Псковѣ всего только пять концовъ, тогда какъ г. Костомаровъ увели-
чиваетъ это число до десяти; между тѣмъ само по себѣ дѣло не представ-
ляетъ ни малѣйшихъ затрудненій: не только известны имена всѣхъ
шести Псковскихъ концовъ, но и положительно известно, что общее
число Псковскихъ концовъ было именно шесть, и что это число оста-
валось безъ всякаго измѣненія вплоть до прекращенія самостоятель-
ного существованія Псковской земли¹⁾.

Пограничное положеніе, требовавшее отъ Псковичей постоянной
готовности къ отраженію непріятеля, не осталось безъ важныхъ по-
слѣдствій и для внутренняго устройства Пскова. Подобно тому, какъ
въ первоначальный периодъ вѣнчанія затрудненія побуждали Новго-
родцевъ назначать во Псковъ подручныхъ князей, точно также и
теперь опасности, грозившія Пскову со стороны сосѣдей, не только
заставляли Псковичей поддерживать въ своемъ устройствѣ княжескую
власть, но даже дѣлали необходимымъ личное присутствіе князя во
Псковѣ, чтобы онъ тамъ на мѣстѣ вліялъ на ходъ отношеній къ со-
сѣдямъ. Поэтому Псковичи неодобрительно смотрѣли на всякую по-
пытку князей управлять Псковомъ при посредствѣ намѣстниковъ,
какъ это дѣлали, напримѣръ, литовские князья Давыдко и Андрей
Ольгердовичъ, тотчасъ по вожняженіи своемъ удалившіеся въ Литву,
и считали подобный поступокъ какъ-бы отказомъ со стороны самого
князя²⁾. Намѣстники же, если и были по временамъ терпимы, то только

¹⁾ *Евненій*, И. Кн. Пск., I, 19, 28. Разборъ фактъвъ, относящихся къ во-
просу о числѣ концовъ, будеть представленъ на своемъ мѣстѣ ниже.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 190, 1348: «Отрекошася Псковичи князю Андрею, ру-
чи ему тако: «тобъ было, княже, сидѣть во Псковѣ на княженіи, а намѣстники
тобъ Пскова не держати; а нынѣ оже тебъ не угодно сѣти у насть, индѣ себѣ
княжашь, а Псковъ повергъ, то у же еси самъ лишилъ Пскова; а намѣстникъ
твоя не хотимъ». Изъ намѣстниковъ Андрея известны Иванъ и Юрій Ви-
товтовичъ.

изъ уваженія въ ихъ личныхъ качествахъ, 'соответствовавшимъ той же самой цѣли, для которой призывались и князья, то-есть, оборонѣ Псковской земли. Князь избирался во Псковѣ изъ сосѣдникъ княжескихъ домовъ, какъ изъ Рюриковичей, такъ и изъ Гедиминовичей, и по прибытии на мѣсто княженія, бысть удостоиваемъ торжественной встречѣ и интронизаціи. Псковскіе посадники, дѣти посадничихъ и бояре выѣзжали къ нему на коняхъ за предѣлы города,—при встречѣ Московскихъ намѣстниковъ—къ дальней церкви св. Пантелеимона, и если встрѣчаемый бысть самъ великий князь или его ближайшій родственникъ, то даже за предѣлы Псковской земли, на Дубровну, и сопровождали его оттуда до городской черты. Здѣсь, у старой Вознесенской церкви (опять-таки когда князь являлся съ востока) же заранѣе ожидало князя съ крестами Псковское духовенство ¹), служило молебень, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ совершили шествіе до Троицкаго храма, въ которомъ происходилъ обрядъ интронизаціи или посаженія на столъ, произносилось многолѣтіе новому князю, и въ руки его влагалася Довмонтова мечъ; въ заключеніе князь бысть отводимъ Псковичами съ почестью на дворъ, предназначенный для его жительства ²). Чрезъ нѣсколько дней послѣ интронизаціи князь приносиль Пскову присягу: она совершилась на вѣчѣ и состояла въ обѣщаніи князя судить право и не нарушать ни въ чёмъ Псковскихъ старинъ и обычаевъ ³). Хотя Псковскій князь и имѣль въ загородномъ дворѣ такое же отдѣльное отъ города мѣсто пребываніе, какое представляло для Новгородскаго князя Городище, однако, вопреки Новгороду, загородный дворъ служилъ во Псковѣ только временнымъ пристанищемъ для князя; обыкновенно же послѣдній жилъ въ самомъ Псковѣ, на княжемъ дворѣ, находившемся въ Застѣнѣ или Серединѣ города, неподалеку отъ торгу: Псковскій князь не бысть на столько могущественнымъ, чтобы внушать 'Псковичамъ' постоянныя опасенія, а потому и не представлялось никакихъ поводовъ къ уда-

¹) П. С. Р. Л., IV, 257, 1478: «и священноиноки и санкцнники и дьяконы выиодаша противу его со кресты у Старого Вознесевія, въ посадники Псковскіе и сынове посадничихъ и бояре сустрѣкали сго у Пантелеимона дальнаго».

²) П. С. Р. Л., IV, 219—220, 1460. Тамъ жс, VIII, 148, 1460: «и даша мечъ въ руцъ его князя Домонта и многы дары даша ему».

³) П. С. Р. Л., IV, 246, 1473: «прїѣхаль князь Прославъ Васильевичъ и княженіе... мѣсяца февраля... въ пятокъ... и посадиша его на княжевіи въ домъ св. Троиці; а въ недѣлю, того же мѣсяца 21, крестъ поцѣловавъ на вѣчѣ къ Пскову на суду и на пошлиныхъ грамотахъ и на всѣхъ старинихъ Псковскихъ».

лемию его изъ предѣловъ города¹). Позднѣйшія извѣстія даютъ намъ возможность составить себѣ некоторое понятіе и о характерѣ книжескаго двора во Псковѣ. Дворъ включалъ въ себѣ книжеские хороши, состоявшіе изъ нѣсколькоихъ избъ: одна изъ нихъ, называвшаяся въ послѣдствіи большою или судебною, представляла въ описываемый періодъ не что иное, какъ сѣни, судебню или судебнницу, въ которой производился во Псковѣ книжеский судъ; затѣмъ слѣдовала середина изба, служившая, какъ можно думать, частной комнатой князя; а средняя изба заставляетъ заключать о существованіи малой или задней избы, предназначеннай, по всейѣѣроятности, для жительства книжеской свиты²).

Не смотря однако на внѣшній блескъ, которымъ Псковичи старались окружить своего князя, внутреннее значеніе книжеской власти отступило въ Псковѣ, подъ влияніемъ историческихъ условій, совершившено на второй планъ. Въ продолженіи всего первоначальнаго періода Псковъ былъ одною изъ составныхъ частей Великаго Новгорода, принадлежалъ къ разряду Новгородскихъ пригородовъ, а потому въ управлѣніи своемъ мало чѣмъ отличался отъ обыкновеннаго пригорода: принималъ на свой столъ назначаемыхъ изъ Новгорода князей и посадниковъ и развѣ только по временамъ предъявлялъ и свои права на избрание послѣднихъ. Но характеръ книжеской власти въ Новгородскихъ пригородахъ естественно былъ совершенно иной, чѣмъ въ самомъ Великомъ Новгородѣ. Въ самомъ Новгородѣ князья всегда сохранили за собою по крайней мѣрѣ нѣкоторые атрибуты книжеской власти и чрезъ это занимали подлѣ вѣта совершенно самостоятельное положеніе, такъ что Новгородское устройство представляло собой постоянное двоевластіе, объясненіе котораго дается только предшествующею исторіей Великаго Новгорода, породившее въ немъ борьбу двухъ представленій, изъ которыхъ одно—о полновластіи народа—получило свое начало изъ временъ родового быта, а другое—о полновластіи князя—явилось въ послѣдствіи, извѣтъ. Напротивъ, при-

¹) П. С. Р. Л., IV, 282, 1509: «нашии его (новаго намѣстника Рѣпину) Псковичи на загородскомъ дворѣ? Тамъ же, V, 37, 1477: «новезе Псковитинъ съ города капусту черезъ Торгъ, мимо княжій дворъ».

²) Лѣт. Рук. Муз. № 255, 1610: «и величь (великій князь) посадниковъ и дѣтей посадничихъ, и бояръ, и старость, и купцовъ, житыхъ людей лучшихъ всѣхъ отобрать въ избу въ большую въ судебнью; а середнимъ людемъ и мелкимъ Псковичамъ зъ двора сходить не величь же, а самъ князь великой сидѣть бояры въ серединѣ избъ и высылать къ посаднику»....

городские князья въ Великомъ Новгородѣ были не что иное, какъ вормленщики, простые слуги вѣча, получавшіе съ назначенной имъ мѣстности извѣстные доходы въ королѣніе или на содержаніе; поэтому поэому, что и по достоинству полной самобытности Псковъ продолжалъ смотрѣть на своихъ князей тѣми же глазами, какими глядѣлъ на нихъ, будучи Новгородскимъ пригородомъ: видѣль въ своихъ князяхъ простыхъ вормленщиковъ, обязанныхъ за свои доходы исполнять всѣ службы, какія только могло наложить на нихъ Псковское вѣче. Наглядное служебное значеніе Псковскихъ князей выражается какъ въ характерѣ ихъ дѣятельности, такъ и въ самомъ происхожденіи княжескаго званія въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ прошаго королѣнія. Если бы князя пользовались во Псковѣ дѣствительнымъ княжескимъ званіемъ, то Псковичи не стали бы обращаться съ ними такъ же, какъ съ простыми посадниками, не стали бы отправлять ихъ послами для переговоровъ съ соседними землями или на съѣзды съ литовскими панами для опредѣленія взаимныхъ границъ Пскова и Литвы¹). Точно также съ этимъ предположеніемъ мало согласуется и то обстоятельство, что на Псковскомъ столѣ, особенно въ первое время самостоятельности, нѣрѣко сидѣли явно простые кормленщики, какъ напримѣръ, князья Остафій и сынъ его Григорій Остафьевич. Въ внашемъ Давыдка и Андрея Ольгердовича Остафій былъ простымъ пригородскимъ княземъ въ Изборскѣ, но по изгнаніи намѣстниковъ Андрея, занялъ Псковскій столѣ, водилъ въ 1355 году Псковичей къ Полоцку и передалъ свое званіе сыну Григорію, который, какъ кажется, даже носилъ титулъ Псковскаго князя²). Григорій умѣлъ сохранить за собою значеніе даже тогда, когда во

¹) П. С. Р. Л., IV, 145, 1397: «послаша Псковичи князя Григория Остафьевича, Сысоя посадника... и взяша миръ вѣчный съ Новыи городомъ... а отъ Пскова цѣловашъ крестъ князь Григорей...» Тамъ же, IV, 235, 1471: «отрядиша Псковъ... 4 посадника... на съѣздъ по королеву сроку послали, да съ ними 3:дакъ и самъ князь Федоръ Юрьевичъ и съ сыномъ ст. княземъ Васильемъ... а отъ короля были панове на той съѣздѣ присланы»...

²) П. С. Р. Л., IV, 184, 1323; 189, 1343. Тамъ же, IV, 191, 1355: «пояшаша Псковичи около князя Остафія къ Полоцку». Тамъ же, IV, 193, 1375: «при велицѣвъ князи Дмитреи, а при Псковскомъ князи Матеи, при посадникахъ Григоріи Остафьевичи...» Здѣсь очевидная ошибка, ибо Григорій Остафьевич въ цѣлѣствіи вездѣ называется княземъ, а не посадникомъ; но, такъ какъ и слово «посадникъ» въ ятапискѣ стоять на своемъ вѣстѣ, то естественно предположить, что Матеи былъ не князь, а посадникъ, то-есть, ятапискѣ нужно читать такъ: «а при Псковскомъ князи Григорий Остафьевичи, при посадникѣ Матеи».

Псковѣ мозгались князья изъ Литви или Москвы, вслѣдствіе чего во Псковѣ нѣкоторое время было обывновено до двохъ князей, имена которыхъ, и приводятся источниками одно за другимъ.¹⁾.

Близкайшее разсмотрѣніе какъ характера самого кормленія, такъ и положенія князей во Псковѣ, можетъ, какъ писалъ больше, утвердить насъ въ тождествѣ двухъ этихъ явлений. Предоставляя известному лицу права на пользованіе опредѣленными доходами или на заѣдываніе известною отраслью управлениія, судомъ, какъ источникомъ доходовъ, кормленіе ставило ему въ обязанность не управлениіе общественными дѣлами, даже полагало главную силу его дѣятельности не въ судѣ, а въ той посторонней службѣ, которую могъ оказать кормленщикъ на пользу общества, главнымъ образомъ въ защитѣ имъ страны отъ непріятеля. А въ такомъ именно положеніи находились князья во Псковѣ по приобрѣтеніи послѣднимъ самобытности. Псковскій князь былъ только главнымъ слугою вѣча, исполнять разнообразныя порученія послѣднаго, совершаль съ Псковичами походы на непріятеля, строилъ города, принималъ участіе даже въ постройкѣ переквей; но кромѣ судебнѣй дѣятельности, служившей и для него главнымъ источникомъ доходовъ, онъ не имѣлъ никакой опредѣленной роли въ общественныхъ дѣлахъ, ни въ законодательствѣ, ни въ управлениіи. Такъ, хотя первоначальная часть Псковской правды и составлена не безъ участія княжеской власти, тѣмъ не менѣе это участіе было необходимо только для опредѣленія тѣхъ доходовъ, которыми обуславливалось принятие Псковскаго стола со стороны князя, а отнюдь не для сообщенія какому-либо постановленію силы закона; для послѣдняго, какъ показываетъ позднѣйшая исторія, было совершенно достаточно, когда посадникъ заявлялъ вѣчу о необходимости новой «строки» или статьи, и по полученіи отъ него согласія, заносилъ статью въ Псковскую правду²⁾. Подобно законодательству, и управлениіе шло во Псковѣ своимъ порядкомъ, мало зависимымъ отъ князя, такъ какъ послѣдній, если не считать временнаго личнаго вмѣшательства съ его стороны, не имѣлъ на постоянный ходъ управлениія ни малѣйшаго вліянія, не могъ ни назначать, ни увольнять ни городскихъ, ни област-

¹⁾ И. С. Р. Л. IV, 194, 1397: «князь Иванъ Андрѣевичъ и князь Григорій Остафьевичъ». Тамъ же, IV, 195, 1399.

²⁾ Мурзакенчъ, Пск. Суда. Гр. 2-е изд., стр. 15: «А которой строкѣ пошлиной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложитъ господину Пскова на вѣчъ, да тамъ строка напишеть. А которая строка въ сей грамотѣ не люба будетъ господину Пскова, ико та строка волно выписать вонъ изъ грамоты».

нихъ правителей: а между тѣмъ это право, съ нѣкоторыми ограничениями составило всегда въ Великомъ Новгородѣ неотъемлемую при- надлежность княжескаго званія. Единственное отрасль управлениія, въ которой замѣчается болѣе постоянное участіе княжеской власти во Псковѣ, представляется защита страны отъ непріятеля; въ случаѣ войны князь предводительствовалъ тамъ не только своею собственою дружиной, но вмѣстѣ съ тѣмъ руководилъ обыкновенно и дѣйствіеми рати, составленной изъ Псковичей. Но, съ одной стороны, защита страны, будучи одною изъ настоятельнѣйшихъ общественныхъ потребностей Пскова, и составляла именно ту службу, которой Псковичи болѣе всего ожидали отъ своего князя; съ другой же, и самое воеводство послѣднаго въ Псковской рати все-таки оставалось не болѣе, какъ только личнымъ, ибо право назначать воеводъ въ отдѣльные Псковскіе отряды принадлежало не князю, а вѣчу¹).

Въ вознагражденіе за свою службу Псковской князь получалъ, сообразно съ характеромъ кормленія, право суда съ связанными съ нимъ доходами, которые, если выражаться строго, и составляли все то, что во Псковѣ называлось „княжею пошлиною“, или областью. Искони предоставленою въ вѣдѣніе князя²). А такъ какъ отчужденіе такой важной отрасли управления въ постороннія руки могло грозить Пскову постоянными затрудненіями, то Псковичи старались устранить послѣднія. съ одной стороны, точнымъ опредѣленіемъ правъ князя, съ другой же — раздѣленіемъ судебнай дѣятельности между княземъ и представителями вѣча. Въ періодъ родового быта, когда князь былъ простымъ республиканскимъ магистратомъ, и когда вся общественная дѣятельность сосредоточивалась на вѣчѣ, послѣднєе раздѣляло съ княземъ и самое производство суда; теперь же, когда княжеская власть снова какъ-бы возвращалась къ своему патріархальному характеру, повторяется то же явленіе, но только въ другой формѣ: прежде раздѣленіе власти имѣло мѣсто на вѣчѣ, а въ настоящій періодъ, съ обособленіемъ княжеской дѣятельности, оно съ вѣча пере-

¹) П. С. Р. съ., IV, 191, 1385: «Поѣхаша Псковичи около князя Осташа къ Полotsку, и повоеваше волость ихъ». Тамъ же, IV, 276, 1503: «и Нѣмцы въ то время оступиша съ Москвици и со Псковичи, и бысть съ Нѣмцы сѣча, а не велика. И князь Псковской Иванъ Горбатой нача заганивать Псковичъ, чтобъ не ъхали ровно, а они вен по закустовью, и начаша ему Псковичи прозвище давати опремомъ и карникомъ».

²) П. С. Р. М., IV, 213, 1448: «и посадиша его во св. Троиці и даша ему всю пошлину княжью...».

носилось на княжій дворъ. Поэтому, на съяхъ или въ судебнице, князь производилъ судъ не одинъ, а совмѣстно съ лицами, приставленными къ нему отъ вѣча, такъ что въ настоящемъ своемъ составѣ Псковской судъ, называвшійся господой отъ Пскова или просто господой¹⁾), заключалъ въ себѣ, кроме князя, первоначально одного, а затѣмъ и двухъ посадниковъ, безъ содѣствія которыхъ князь ничего не могъ предпринять, да сверхъ того, цѣлый рядъ Псковскихъ сотника, исполнявшихъ при судѣ разныя второстепенныя обязанности²⁾). Судебная дѣятельность однако ни мало не устраяла лицъ княжескаго суда отъ участія въ остальной правительственной дѣятельности; напротивъ того, при отсутствіи всякаго разграничения между областями—судебной и собственно исполнительной, Псковское вѣче, нуждавшееся въ орудіяхъ управления, постоянно обращалось къ членамъ суда за содѣствіемъ и въ другихъ сферахъ общественной жизни. Оттого не только въ княжествѣ судѣ вмѣсто князя и посадника, отвлекаемыхъ нерѣдко отъ дѣлъ событиями внутренней и вѣнчаній жизни, засѣдали обыкновенно, какъ и въ Великомъ Новгородѣ, ихъ простые намѣстники³⁾), но даже и второстепенные члены суда, особенно Псковский сотскій, принимали большое участіе во всей остальной общественной жизни Пскова. А такъ какъ, кроме своихъ частныхъ имѣнь, всѣ члены княжескаго суда носили еще общее название судей просто⁴⁾), то понятно, что, являемы подъ этимъ титуломъ въ числѣ общественныхъ дѣятелей вѣкъ княжескихъ сїней, они легко могли подать поводъ къ совершенно неосновательному мнѣнію о существованіи во Псковѣ особенного судейскаго званія, имѣвшаго якобы опредѣленную сферу дѣятельства, отличную отъ княжескаго суда⁵⁾). Однако несправедливость этого мнѣнія сдѣлается совершенно очевидно, если

¹⁾) Мурзакевичъ, И. С. Г., 2-е изд. стр. 4: «А то господѣ отъ Пскова безъ дива... да не станетъ на судъ предъ господою...»

²⁾) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 3: «А кто на кого имѣть сочтій бою или грабежу по позовничи, и посадникомъ и сотникомъ обыскати..»

³⁾) Мурзакевичъ, И. С. Г., 2-е изд. стр. 15: «а будеть обаи не простые люди, церковные, ино не судить князю, ии посаднику, ии судіамъ не судить.. Далѣе, относительно намѣстнаго суда: «такожъ и судіамъ». Ср. А. А. Э., I, 71 № 92, 1471: «А посаднику и тысячікому и вѣладычю намѣстнику и ихъ судіямъ, и инымъ судьямъ.»

⁴⁾) Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд. стр. 11: «И судіямъ Псковскимъ...»

⁵⁾) Костомаровъ, С.-Р. Народопр. II, 91; Былаковъ, Разск. изъ Рус. Ист., III, 128—132. Подобнымъ образомъ и г. Энгельманъ, въ Гранд. Зак. Пск. Суд. Гр., стр. 102, изъ общаго понятія *волостеля* дѣлаетъ особенное званіе.

только мы вспомнимъ, что дѣятельность судей, известная изъ лѣтописей, была отнюдь не судебного, а чисто административнаго характера, а потому весьма легко соединялась съ ихъ ролью въ книжескомъ судѣ. Дѣйствительно, мы нерѣдко встречаемъ судей въ посланья при сношеніяхъ съ чужими землями, въ ратникахъ на полѣ битвы, въ соучастникахъ при решеніи внутреннихъ вопросовъ, но никогда не видимъ ихъ судебной дѣятельности, отличной отъ книжескаго суда¹). Наконецъ, источники не лишены и положительныхъ свидѣтельствъ о тождествѣ предполагаемыхъ судей съ членами книжескаго суда: не даромъ же одно и то же лицо, посолъ Псковскій Кондрать, въ разныхъ мѣстахъ лѣтописи называется одинаково и сотскимъ и судьей²).

Совмѣстное пользованіе судебнou властью первоначально имѣло мѣсто только относительно князя и посадника и ихъ представителей, но не распространялось ни мало на нашу сторону судебнou дѣятельности, которая оставалась пока еще въ исключительномъ вѣдѣни Псковскаго князя. Изъ среды своихъ дворянъ или шестниковъ (сестниковъ) князь назначалъ весь нашій персоналъ, необходимый для суда: дьяка, который завѣдавалъ перепискою бумагъ и приложеніемъ книжеской печати, приставовъ и подвойскихъ, исполнявшихъ различные полицейскія обязанности, вызовъ таждущихъ и свидѣтелей, производство слѣдствій, арестъ отвѣтчика, не явившагося къ назначенному сроку, и исполненіе судебныхъ решений³). Однако же, съ течениемъ времени и здесь возникаетъ точно такая же параллельность, какая указана выше въ противоположеніи князя и посадника: для каждого книжескаго чиновника заводится особенный корректиль въ таковомъ же чиновникѣ со стороны Пскова, такъ что, кроме книжескихъ, появляются и чисто Псковскіе дьяки, подверники, позовники и приставы. Дѣятельность городскихъ чиновниковъ, въ отношеніи къ книжескимъ, въ самомъ началѣ была не болѣе, какъ только

¹) П. С. Р. Л., IV, 212, 1444: Федоръ посадникъ Натрикѣевичъ и Прокопей суды вѣдиша въ Ригу ко князю мѣстру миру кончати». Тамъ же, IV, 212, 1445, 273, 1501. Тамъ же, IV, 220, 1461: «и еще отъ Пскова... крестъ цѣловаша суды Псковскіи и соцкіи». Тамъ же, IV, 243, 1472: «А во Псковѣ посадникъ... и бояре Псковскіе, и соцкіе и суды... лягну грамоту подраша». Тамъ же, IV, 225, 1463. Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ слово «сотскій» представляеть, кажется, только приложение къ «судѣ».. См. ниже.

²) П. С. Р. Л. IV, 227, 1464: «посадника (читай: посла) Псковскаго Кондрата». Тамъ же, IV, 226, 1463: «посла Псковскаго Кондрата судью». Тамъ же, IV, 222, 1463: «посла Псковскаго Кондрата сотника».

³) *Мурзакевичъ*, П. С. Г. 2-е изд., passim.

вспомогательною: если, напримѣръ, княжескій дьякъ отказывался, подъ условіемъ установленной платы, отъ написанія грамоты или отъ приложения къ ней печати, то истцу вольно было написать грамоту, гдѣ случится, а печать обязанъ былъ приложить городской (вѣчевой) дьякъ у св. Троицы; точно также, если княжескій позовникъ за поѣздку по дѣлу предъявлялъ требованіе на несообразную съ уставомъ плату, то ничто не препятствовало истцу отправить съ позвомъ и Псковскаго пристава¹). Такъ какъ однако вспомогательною дѣятельностью своихъ приставовъ Псковичи избавлялись только отъ непомѣрныхъ поборовъ со стороны княжескихъ людей, но ни мало не были гарантированы отъ злоупотребленій послѣднихъ при исполненіи ими своихъ обязанностей, то въ дальнѣйшемъ течениіи времени и въ отправленіи низшихъ судебныхъ должностей вполиѣ проведена была такая же совмѣстность, какою отличалось устройство собственно княжескаго суда: и княжескіе люди должны были отсегъ исполнять свои полицейскіе обязанности не одни, а вмѣстѣ съ Псковскими приставами, но за то и судебными пошлиными имъ приходилось дѣлиться съ Псковичами пополамъ. Такъ, при княжеской судебнѣ находились теперь постоянно два подверника или придверника, одинъ княжескій, а другой — городской, которые и получали вмѣстѣ за каждое производство суда деньги съ обвиненнаго подсудимаго²); такъ, ссылка или призывъ свидѣтелей исполнялась теперь уже княжескими людьми вмѣстѣ съ Псковичами, дѣлившимся между собою деньгой, опредѣленной за поѣздку на десять верстъ; да и въ другихъ полицейскихъ дѣлахъ, напримѣръ, въ присутствії у пола, появился теперь не толь или другой приставъ, княжескій или городской, а оба вмѣстѣ, которые и пользовались пошлиными каждый за себя³). Къ дѣятельности княжескаго дьяка такая совмѣстность, очевидно, была не приложима;

¹) *Мурзакеевичъ*, П. С. Г., 2-е изд., стр. 8: «А княжинъ людемъ или подвоскимъ вадить дворить, а вѣдъ имати на 10 верстъ денга; а штобы двое или трое ъхали, а вѣдъ имъ взять одинъ. А княжой человѣкъ не пойдеть исъ тово или подвоской, ино Псковитину посыпать исъ того волно, исъ тѣхъ же вадовъ». Такъ же, стр. 8.

²) П. С. Г., 2-е изд., стр. 9: «А тымъ подверникомъ быти отъ князя человѣку, а отъ Пскова человѣку же, а цѣловати имъ на томъ крестъ, што правого не погубити, а виноватаго не оправити; а со всякого суда имати имъ денга одна обѣма, на виноватомъ человѣки». *Востоковъ*, Оп. Рук. Руи. Муз., 87—88, 1491: «да соцкого Фому старого придверника».

³) П. С. Г., 2-е изд., стр. 11: «А на пристыниое, и на ссыпку, княжинъ людемъ вадить со Псковскими подвоскими до половицамъ». Такъ же, стр. 6.

нельзя было писать двоимъ одну и ту же грамоту; потому тамъ совѣтность была замѣнена раздѣленіемъ занятій въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно по характеру дѣла было возможно: такъ, въ спорныхъ поземельныхъ дѣлахъ княжескій дьякъ читалъ одинъ относившійся къ дѣлу грамоты, а городской—другія, одигъ—грамоты истца, а другой—ответчика. Во всамъ же остальномъ, что не допускало подобного раздѣленія, положеніе дѣль, за малыми исключеніями, осталось безъ перемѣнъ: княжескій дьякъ сохранялъ за собою старое преимущество, по которому за написаніемъ грамотъ и приложеніемъ печати нужно было обращаться прежде всего въ княжескую канцелярію и только за отна- зомъ послѣдней прибѣгать къ посредству городскаго дьяка¹⁾.

Судъ въ древней Руси представлялъ необходимую принадлежность кормленія, потому что носилъ фискальный характеръ, служилъ удобною доходною статьей, лучшимъ средствомъ обеспечить содержание намѣстниковъ; по этому одному уже можно было бы предположить, что и во Псковѣ, гдѣ княжеская власть по значенію своему ничѣмъ не отличалась отъ простаго кормленія, судебныя пошлины будуть составлять одну изъ важнѣйшихъ статей въ княжескихъ доходахъ. И дѣйствительно, въ то время какъ въ Великомъ Новгородѣ князь былъ щедро обставлена разными посторонними доходами, — во Псковѣ, если исключить княжескую дань со смердовъ, о важности которой, вслѣдствіе полнаго отсутствія всякихъ свѣдѣній, судить нѣтъ никакой возможности, судебныя пошлины образовали единственный источникъ княжескихъ доходовъ²⁾). Да къ тому же самыя судебныя пошлины, съ одной стороны, шли въ пользу князя далеко не со всѣхъ дѣль, такъ какъ многія изъ послѣднихъ совсѣмъ исключались изъ княжескаго вѣдомства³⁾, съ другой же — въ большинствѣ случаевъ были такъ незначительны, что могутъ служить нагляднымъ доказательствомъ незавидности положенія, въ какое поставленъ былъ князь во Псковѣ. Изъ двухъ главныхъ видовъ пошлинъ: штрафовъ, налагаемыхъ за разныя преступленія и проступки,

¹⁾ Мурзакеевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 11: «А коли пиутъ тягатся о земли, или о водѣ, а положать двои грамоты, ино один грамоты чести дьяку книжному, а другіе грамоты чести дьяку городскому».

²⁾ П. С. Р. Л., V, 45, 1486. Прибавимъ еще единственное извѣстіе о существованіи княжескаго сала во Псковѣ: П. С. Р. Л., IV, 187, 1341: «И Острогича яшася ѣхати на Лотыгору и срокъ сэркоше, гдѣ съминатися Псковичи съ Островичи, на килии сейѣ, на Игоахъ».

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 251, 1476.

и собственно судебныхъ пошлинь за самое производство суда, первыи видъ въ Псковской жизни совершение не зналъ виръ, а ограничивался только одними продажами въ пользу князя. Разница заключается здѣсь не въ простотѣ отсутствія слова виръ, которое, кстати сказать, еще встрѣчается въ Великомъ Новгородѣ, не въ томъ, что всѣ взысканія съ преступниковъ, были ли это собственно виры или продажи, во Псковѣ безразлично назывались *княжескими продажами*, а въ томъ, что при опредѣленіи взысканій за преступленія, Псковичи оставили совсѣмъ въ сторонѣ крупныи цифры вирной системы Русской Правды, и ограничились одною, да и то уменьшенною системой продажъ, раздробивъ только послѣднюю на большее число рубрикъ, приспособительно къ своимъ новымъ потребностямъ.

Дѣйствительно, княжеская продажа, даже въ ея наибольшемъ размѣрѣ, когда именно дѣло шло о взысканіи съ преступниковъ, уличенныхъ въ головничествѣ (и подлежащихъ, следовательно, по Русской Правдѣ вирѣ), или же въ насильственномъ вторженіи въ книжескую судебю, равно какъ и въ наименѣніи ударовъ подвернику, во Псковѣ опредѣлена была не болѣе, какъ въ одинъ рубль, то-есть, въ десять гриненъ, тогда какъ по Русской Правдѣ высшій размѣръ даже продажи доходилъ до двѣнадцати гриненъ¹⁾). При взысканіяхъ за остальные преступленія размѣръ продажи прогрессивно уменьшался сообразно съ ихъ важностию, и въ концѣ концовъ ниспадалъ до совершенно ничтожной цифры. Такъ, преступленія противъ личности и собственности вмѣстѣ, разбой, находъ и грабежъ, наказывались еще продажею въ 23 деньги; но простое воровство въ его важнѣйшихъ видахъ подлежало продажѣ не болѣе, какъ въ девять денегъ, а въ менѣе значительныхъ, напримѣръ, при локражѣ разныхъ мелкихъ домашніихъ животныхъ, наказывалось въ пользу суды пиней въ три деньги²⁾). Въ гражданскихъ же дѣлахъ штрафъ въ пользу князя встрѣчается только при взысканіи долговъ подъ именемъ заповѣдѣ³⁾.

¹⁾ *Мурзакеевичъ*, П. С. Г., 2 изд., стр. 13: «А гдѣ учинится головнина, и доличетъ иного головника; ино князю изъ головникахъ взять рубль продажи. Тамъ же, стр. 9: «А кто опрочней имѣтъ помогать или силою въ судебню подѣзеть или подверника ударить; ино всадитъ его въ дыбу, да взять изъ него князю рубль, а подвернику 10 денегъ».

²⁾ П. С. Г., 2 изд., стр. 15: «А (за) борана присуждать 6 денегъ, а за овцу 10 денегъ государю, а судъ 3 деньги, старая правда».... Тамъ же, стр. 1: «Ось клѣть покрадуть за зонкомъ, или... то все судъ князей, а продажи 9 денегъ»....

³⁾ П. С. Г., 2 изд., стр. 13.

Кромѣ штрафныхъ денегъ, въ числѣ княжескихъ доходовъ заимчались еще судебный пошлины въ строгомъ смыслѣ, взимавшіяся за самое производство суда и называвшіяся частю продажей, частю другими именами, какъ напримѣръ, подсудничество; но размѣръ ихъ былъ также ничтоженъ, какъ и размѣръ штрафовъ. Однако и скучными судебнми штрафами, и пошлинами князю приходилось пользоваться не сполна: подобно тому, какъ княжеские люди получали свои пошлинны отъ дѣлъ только въ половинномъ размѣрѣ, уступая другую половину на пользу Псковскимъ приставамъ, точно также и князь долженъ былъ отдать отъ своихъ доходовъ известніи части на долю своихъ помощниковъ по суду, назначаемыхъ отъ Пскова, не только посадниковъ, но даже и второстепенныхъ лицъ или сотскихъ. Такъ, княжая продажа за преступленія противъ личности и собственности вмѣстѣ, простиравшаяся до 23 денегъ, раздѣлялась на двѣ части, изъ которыхъ одна, 19 денегъ, шла въ пользу князя, а другая, четыре деньги, доставалась посаднику¹). Подсудничество же, которое взималось въ поземельныхъ тяжбахъ и простиравалось всего только до десяти денегъ, князю приходилось дѣлиться не только съ посадникомъ, но еще и съ сотскими, хотя и неизвѣстно въ какой пропорції²). Но чѣмъ скудище представляется финансовая обстановка Псковскаго княза, тѣмъ естественнѣе ожидать, что, при первомъ усиленіи княжеской власти во Псковѣ, эта-то скудость въ финансовыхъ средствахъ и сдѣлается первымъ поводомъ къ столкновенію между Псковскими князьями и вѣчемъ: на дѣлѣ оно такъ и случилось.

Судебная дѣятельность Новгородскаго князя, если исключить право его на временный прѣзій судъ въ области, ограничивалась собственно предѣлами одного старѣшаго города, тѣль какъ въ Новгородскіе пригороды и волости князь не имѣлъ никакого права послать своихъ тѣуновъ, будучи обязанъ держать ихъ не иначе, какъ при посредствѣ самихъ же Новгородцевъ; только въ нѣкоторыхъ пограничныхъ областяхъ, Торжкѣ и Волокѣ Ламскому, дозволялось князю имѣть своихъ тѣуновъ. Весьма возможно, что и Псковичи первоначально имѣли намѣреніе если не совсѣмъ устранить князя отъ

¹) П. С. Г., 2-е изд., стр. 1: «а разбой, находъ, грабежъ 9 гривенъ, а княжая продажа 19 денегъ да 4 деньги, князю и посаднику». Подобное обозначеніе не можетъ считаться случайнымъ.

²) Мурзакеевичъ, П. С. Г., 2 изд., стр. 2: «а правому человѣку ка ту землю и судница дати; а подсудническое князю и посадникомъ и съ сотскими всѣми взяти 10 денегъ».

судебной деятельности въ своей землѣ, то по крайней мѣрѣ, подобно Великому Новгороду ограничить право его на судѣ только кѣ-
торыми пригородами: не даромъ же Псковскій князь держать своихъ
намѣстниковъ обыкновенно не на всѣхъ наличныхъ Псковскихъ при-
городахъ, а только на извѣстномъ числѣ ихъ, которое въ продолженіи
самостоятельной жизни Пскова измѣнилось не разъ, прежде нежели
всѣ пригороды успѣли подчиниться княжеской власти. Къ сожалѣ-
нію, насчетъ числа пригородовъ, въ которые уже первоначально,
тѣ-есть, въ теченіе XIV столѣтія, Псковскій князь могъ посыпать
своихъ намѣстниковъ, трудно сказать что-либо положительное²⁾.
Митрополитъ Евгений, котораго „Исторія княжества Псковскаго“ пред-
ставляетъ до сихъ поръ лучшее фактическое изложеніе судѣй Пско-
ва, хотя и утверждаетъ, что Псковскіе князья назначали отъ себя
намѣстниковъ первоначально только на два Псковскихъ пригорода, тѣмъ не менѣе не только умалчиваетъ, на какіе имена, но даже
оставляетъ безъ всякихъ доказательствъ и самое утвержденіе о чи-
слѣ подвѣдомственныхъ князю пригородовъ, быть можетъ, всѣгда остав-
ляетъ особенаго способа изложенія, характеризующаго книгу Евгения³⁾.
Однако, если принять во вниманіе, что княжеские намѣстники появ-
ляются въ Псковскихъ пригородахъ уже въ самомъ началѣ самостоя-
тельной жизни Пскова, тѣ-есть, во второй четверти XIV столѣтія, и
что въ числу Псковскихъ пригородовъ этого времени съ полной до-
стовѣрностью могутъ быть отнесены только два древнѣйшия, Изборскъ
и Островъ, таинъ наѣзда послѣдн资料 впервые упоминается въ лѣтописи
только подъ 1341 годомъ, то предположеніе митрополита Евгения о
числѣ пригородовъ, уже съ самого начала подвѣдомственныхъ власти
Псковскаго князя, дѣлается весьма вѣроятнымъ. Этого числа, наѣз-
ны нормы, Псковичи думали держаться и въ дальнѣйшемъ теченіи своей
жизни, когда количество пригородовъ въ Псковской землѣ значитель-
но возрасло; но обстоятельства принуждали ихъ иногда дѣлать въ
пользу князя немаловажныя уступки.

Наряду съ пригородами, зависимость отъ княжескихъ намѣст-

¹⁾ Н. С. Г. 2-е изд., стр. 1: «А потому князю чловѣку дѣлать на пригородъ
намѣстникомъ, ико дѣловать ему на томъ крестъ, что ему хотѣти Пскову добра,
а судѣть прімо, по крестному юлованію». Относится во времена Александра Михаиловича Тверскаго, это свидѣтельство подтверждаетъ, что уже въ самомъ нача-
ле самобытнаго существованія Пскова, князь имѣлъ таинъ право посыпать свои
намѣстниковъ на пригороды.

²⁾ Евгений, Ист. Кн. Пск., I, 35.

никовъ въ судебномъ отношеніи раздѣляли, кажется, и окружавшія ихъ непосредственно Псковскія волости; по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время, въ періодъ усиленія во Псковѣ власти великихъ князей Московскихъ, въ числѣ мѣстностей, страдавшихъ отъ притѣсненій княжескихъ намѣстниковъ, на раду съ пригородами упоминаются нерѣдко и волости¹⁾). Въ этомъ смыслѣ Псковскіе пригороды являются не исключительной сферой, а только средоточиемъ дѣятельности княжескихъ намѣстниковъ, которая въ одинаковой мѣрѣ распространялась и на окружавшія пригороды волости. Положеніе Псковскихъ пригородскихъ намѣстниковъ, служившихъ простыми довѣрѣнными лицами князя и не имѣвшихъ почти никакого самостоятельнаго значенія; было аналогично съ положеніемъ самого Псковскаго князя, хотя и находилось въ нѣсколько менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Какъ и самъ князь, намѣстники завѣдавали въ пригородахъ однимъ судомъ; но и они дѣйствовали на судѣ также не одни: раздѣль съ намѣстниками въ судебнѣй жизни пригородовъ замѣчается пригородскіе посадники, назначавшіеся во Псковѣ, противоположно Новгороду, самими пригорожанами²⁾), равно какъ и пригородскіе старосты, которые, сообразно съ общимъ характеромъ старости, будучи мѣстными выборными людьми, играли въ пригородахъ по крайней мѣрѣ роль Псковскихъ сотскихъ, то-есть, соединили присутствіе въ судѣ съ исполненіемъ разныхъ второстепенныхъ судебнѣй дѣйствій³⁾). Относительно же финансовыхъ правъ пригородскихъ намѣстниковъ во Псковѣ можно замѣтить, что сравнительно съ самимъ Псковскимъ княземъ, слуги послѣднаго находились въ менѣе благопріятномъ положеніи: какъ показываютъ послѣдующія соображенія, имъ было предоставлено брать судебныя пошлины, сравнительно съ княземъ,

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 252, 1476: «запече онъ (князь) надъ всѣмъ Псковомъ чинить насилие великое, тако и его намѣстники по пригородамъ и по волостемъ». Тамъ же, IV, 253—244, 1477.

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 187, 1344: «приспѣвше Островичи о Васильѣ о Олѣксимовичи, тогда опять ему посадничество во Островѣ. Тамъ же, IV, 204, 1428: «въ Вороночане и посадники ихъ Тимоѳей и Ермола начаша вѣсти слати ко Пекову». Упоминаемые здѣсь пригородскіе посадники, особенно Ермолай, не встрѣчаются не только въ ряду собственно Псковскихъ посадниковъ, но даже и въ числѣ членовъ Псковскихъ боярскихъ фамилій, въ потому гораздо спорѣ долины быть сочтены за мѣстныхъ выборныхъ людей.

³⁾ *Мураскевичъ*, П. С. Г., 2-е изд., стр. 1. «И судыъ Псковскимъ, и посадники по городскимъ, и старосты пригородціи по тому же престоль цѣловатъ на томъ, что имъ судити право».

въ нѣсколько меныше размѣрѣ, но отъ точнаго опредѣленія этого послѣдняго, при настоящемъ положеніи источниковъ, необходимо рѣшительно отказаться¹⁾). Во всякомъ случаѣ вѣроятность самого явленія этимъ нисколько не опровергается, тѣмъ болѣе что слѣды подобной же разницы въ положеніи князя и его представителей замѣчаются и въ жизни Великаго Новгорода. Такъ, въ послѣднемъ величина прогонныхъ денегъ, выдававшихся княжескимъ дворянамъ за совершение поѣздокъ по судебнѣмъ дѣламъ, была не одинакова, а сообразовывалась въ своемъ размѣрѣ съ званіемъ судьи: если судомъ руководилъ самъ князь, то дворяне получали прогоновъ по пяти кунъ, по всей вѣроятности, съ версты; въ противномъ же случаѣ, когда въ судѣ сидѣлъ княжеский тунъ, то размѣръ прогоновъ дворянамъ ограничивался всего только двумя кунами²⁾.

Между тѣмъ какъ княжеская власть, представлявшая одинъ изъ составныхъ элементовъ древнерусскаго общественнаго быта, переходила въ новое Псковское устройство, подъ влияніемъ предшествующей исторіи Пскова, безъ всякаго существеннаго измѣненія, продолжало оставаться по прежнему ничѣмъ инымъ, какъ простымъ кормленіемъ,— въ то время второй элементъ, Псковское вѣче, съ пріобрѣтеніемъ Псковомъ самобытности, не только изъ подчиненнаго пригородскаго вѣча возвышалось на степень старѣшаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширяло кругъ дѣятельности послѣдняго на счетъ оставшейся на второмъ планѣ княжеской власти, и такимъ образомъ еще болѣе, чѣмъ самъ Великий Новгородъ, приближалось къ демократическому характеру, отличающему время родового быта. Не смотря однако на то, что въ общественной жизни Пскова вѣче было самою важною стороной, которая, сосредоточивавшая въ себѣ главнейшія черты первой, тѣмъ самымъ какъ-бы переставала быть просто стороною, все-таки будетъ совершенно излишне входить въ подробный разборъ этого важнаго явленія, такъ какъ оно отнюдь не составляетъ исключительной принадлежности Псковской исторіи. Предметомъ послѣдней вѣча можетъ служить на столько, на сколько его устройство получаетъ во Псковѣ особенный отпечатокъ, или же на сколько оно можетъ содѣйствовать правильному освѣщенію какъ внутренней, такъ и вѣнчанной обстановки вѣча въ древней Руси вообще. Въ отношеніи

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 251, 1476. Объясненія, необходимыя для пониманія этого мѣста лѣтописи, будуть представлены на своемъ мѣстѣ ниже.

²⁾ С. Г. Г. Д., I, № 5 и др. «А дворянамъ твоимъ, како пошло, погоръ иматъ отъ князя по Е (6) кунъ, а отъ тиуна по (2) куне.

рѣдкій обстоятельствъ можно замѣтить, что хотя и часто вѣче во Псковѣ токмо и не важество, тѣмъ же менѣе вѣчевыя собранія происходили, по всей видимости, въ Довмонтовой стѣнѣ, вблизи собора св. Троицы, таинъ какъ народъ призывался на вѣче по звону одного изъ колоколей этого храма, а колокольня послѣднаго находилась, какъ известно, на персахъ или стѣнѣ, отдѣляющей верхнюю часть Псковскаго бѣглица отъ нижней или Довмонтовой¹⁾). Колоколь, предназначенный для созванія народа на вѣче, носилъ во Псковѣ название боломоно стаканка и представлять въ своемъ звонѣ то отличие отъ обыкновеннаго, что на вѣче звонили въ одинъ край колокола, агдевательно, часто и цокоже на простой набатный звонъ²⁾). Но вслѣдъ значительное собраніе, имѣющѣе цѣлью созѣданіе, уже необходимо требуетъ трибуны, тѣмъ болѣе вѣче, которое, какъ непосредственное собраніе, происходило на открытому воздухѣ. Трибуна во Псковѣ называлась скаменою и состояла, по всейѣѣности, изъ нѣкотораго деревяннаго помоста, на коемъ во время созѣданія сидѣли правительственные власти, какъ-то: князь, посадники, сотскіе, и съ него оци, равно какъ и другіе лица, имѣющіе дѣло до вѣча, напрікѣръ, послольскія дружини, стоя обращались съ рѣчью въ народу³⁾). Сосѣдство съ храмомъ представляло для вѣча еще и ту выгоду, что давало возможность помѣстить въ первомъ краѣ вѣчевую канцелярію, таинъ и архиерѣ: для этой цѣли во Псковѣ служили сѣни собора св. Троицы. Вѣчевая канцелярія, состоявшая въ вѣдѣніи юроджака — въ Новгородѣ отмѣнено — дѣака, предназначалась не для однихъ только вѣчевыхъ постановлений, но удовлетворяла по временемъ и различнѣмъ частнымъ потребностямъ: таинъ, въ случаѣ неномѣрныхъ требованій со стороны книжескихъ людей за написаніе судебныхъ де-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 306, 1510: «спустивши вѣчной колоколь у св. кириональмы Троицы».

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 326, 1609: «А звонили въ одинъ край въ колоколь и соберутся вскіе люди». Название «большой вѣчникъ» въ полномъ его видѣ въ источникахъ не встрѣчается; но мы считаемъ необходимымъ принять его во вниманіе къ тому, что вѣчевой колоколь назывался боломонъ въ противоположность къ другому колоколю, который назывался подъ именемъ лемешко или Дорогинскимъ стаканкомъ, и о которомъ еще рѣчь впереди.

³⁾ П. С. Р. Л. IV, 222, 1462, вар.: «а иные люди (съ) степенія на вѣчи сихъ... его (князя Владимира)». Тамъ же, IV, 285, 1510. «да отговоритъ (Третьякъ Долматовъ во Псковѣ) те, да сѣть на степенія». Тамъ же, IV, 208, 1478: «присѣсть на вѣчъ князь Псковской Василий, и воевода вел. князь Василий же сказасть вел. князь здоровье».

кунаковъ и за привозеніе къ нимъ искати, подсудимые, писаны у него придется грамоту, ио проказеніемъ печати могла прибѣгнуть къ посредству городского дьяка¹⁾). Подобное же двойное измѣнение нѣръ и архивъ или ларь, сохранявший одинаково какъ общественные, такъ и частные документы, и находившійся въ рукахъ особеннаго чиновника, ларинка, который, какъ хранитель общественныхъ го-становленій, получила въ князя Пскова особенноe значение²⁾).

Въ качествѣ собрания старѣйшаго города, Псковское вѣче усвѣдмляло себѣ, относительно окрестной страны, всѣ формы господства, которыхъ уже имѣли вѣсто въ періодъ редоваго быта и въ посѣ-дующее время получили въ старѣйшихъ городахъ дальнѣйшее раз-витіе. Какъ и въ самомъ Великомъ Новгородѣ, вѣче въ Псковѣ было не просто скопищемъ жителей одного главнаго города, но собраніемъ, въ которомъ могла принимать участіе вси земли, какъ пригороды, такъ и жители волостей; да и дѣйствительно, вскинъ разъ, когда только случай приводилъ въ Псковъ жителей пригородовъ, послѣдніе принимали участіе, какъ и въ Великомъ Новгородѣ, въ дѣлѣахъ этихъ наравнѣ съ самими Псковичами³⁾). Тѣмъ не менѣе общее правило, регулировавшее въ древности на практикѣ отношенія младшихъ го-родовъ къ вѣчу старѣйшаго, получило въ Псковѣ еще большую силу, чѣмъ въ остальной Руси: пригороды здѣсь должны были еще крѣпче держаться рѣшений, принятыхъ вѣчемъ старѣйшаго города, отъ-живъ въ сторону всякую мысль о самостоятельной дѣятельности. Главный источникъ этого явленія заключается не въ особенной юри-дической зависимости Псковскихъ пригородовъ—послѣдніе, напротивъ того, пользовались, сравнительно съ пригородами Великаго Новго-рода, гораздо большою свободою,—а въ ихъ собственной фактиче-ской слабости. Псковская область была весьма незначительна и по этому одному уже не могла вести къ образованію большихъ мѣст-

¹⁾ Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 8. «А князей писецъ вѣзметь по силѣ истьцово отъ позовицы, или отъ безсудной грамоты, или отъ приставной, а захочеть не по силѣ, ино волно иждѣ написати, а князю запечатать, а не за-печатаеть князь, иво оу св. Троицы запечатать, въ томъ измѣны нѣтъ». Тамъ же, стр. 11—12.

²⁾ Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 6: «а противу той радицы не будеть во св. Троицы въ ларь, въ тѣ же рѣчи другой, ино тая радица пози-вити». П. С. Р. Л., IV, 236, 1484; V, 45, 1486.

³⁾ П. С. Р. Л., IV 189, 1343: «нагадавшеся Псковичи съ Изборянами, подъзыва- всю область Псковскую и пожахша воевати». Ср. Библейск., Разск. изъ Рус. ист., III, 15.

имъ центровъ, которые имѣли бы достаточныи силы для сопротивления со старѣшими городами: преобладаніе посѣдъяго въ Псковской землѣ было подавляющімъ. Дѣйствительно, несмотря на значительное число Псковскихъ пригородовъ, дошедшее въ позднѣйшее время до цифры двѣнадцати, между ними не было ни одного, который по своей величинѣ выдавался бы изъ общаго уровня, таъль какъ всѣ были не чѣмъ инымъ, какъ городами въ древнемъ смыслѣ, и независимость своихъ были обязаны не соціальности, а политической потребностию, необходимости дать мѣстному населенію защиту въ время вторженія непріятеля. Пригороды служили въ Псковской землѣ собственно мѣстами прибѣжища для окрестныхъ жителей: оттого ихъ расположение ихъ находилось въ соотвѣтствіи съ границами Псковской области, таъль и самое время появленія ихъ сообразовалось съ временемъ возникновенія вѣтвѣній опасностей. Раньше всего пригороды появляются во Псковѣ на южной и западной окраинахъ; но когда въ XIV и XV столѣтіяхъ, съ приобрѣтеніемъ Псковомъ самобытности, опасности стали грозить и со стороны Великаго Новгорода, тогда Псковичи немедленно укрѣпили и восточную границу, построивъ по ней пригороды Вревъ, Котельный-Выборъ и Володимирецъ¹⁾.

Сравнительно съ другими старѣшими городами, Псковское вѣче имѣло на своей сторонѣ еще и ту выгоду, что не встрѣчало для себя никакихъ ограничений въ прерогативѣ княжеской власти, таъль какъ послѣдняя, уже при первомъ подвореніи самобытности во Псковѣ, сама собою отодвинулась на второй планъ: оттого кругъ дѣятельности Псковскаго вѣча дѣлался гораздо шире и значительно приближался къ компетенціи первоначального собранія. Подобно тому, какъ въ періодъ родового быта народное собраніе было единственнымъ органомъ для отправленія всѣхъ общественныхъ дѣлъ, служило не только источникомъ всякой власти, но и орудіемъ управления,—такъ

¹⁾ Опасеній, винуваемый Пскову его старѣшими братомъ, побуждалъ Псковичей заботиться не только о безопасности своихъ границъ и строить съ этой целью городки, подобные Вреву и въ особенности Выбору (1431 года, см. П. С. Р. Л., IV, 206) и Володимирцу (1462 г., см. П. С. Р. Л., IV, 221), но укрѣпить и самій Псковъ. Такъ, въ 1465 году, во времена распри съ Новгородомъ по поводу церковныхъ дѣлъ, Псковичи окружили весь посадъ деревянною стѣной (тамъ же, IV, 229), а въ 1471 году, во времена похода Ивана III на Новгородъ, въ которомъ и Псковичи принимали участіе, вновь восстановили эту стѣну, незадолго предъ тѣмъ уничтоженную пожаромъ (тамъ же, IV, 240).

точно и Псковское вѣче, на ряду съ вопросами устройства, какъ-то: привилія и изгнанія князей и законодательства, занимало и всю областью управления, которое, выйдя изъ особеннаго характера, отличавшаго княжескую власть во Псковѣ, никакъ не могло обособиться отъ вѣчевой дѣятельности въ отдѣльное цѣлое, тѣмъ болѣе, что незначительность Псковской земли и отсутствіе труднѣе примиримыхъ противорѣчийъ интересовъ дѣлали подобную задачу весьма осуществимой. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Псковское вѣче могло, если оставить въ сторонѣ всѣ его отдѣльныя распоряженія, не только само решать важнѣйшіе вопросы управления, объявление войны и заключеніе мира, но и держать въ своихъ рукахъ всѣ второстепенные отрасли посѣлья: веденіе споровъ съ сосѣдними землями, приемъ и отправленіе посольствъ, назначеніе какъ городскихъ, такъ и областныхъ правителей, которое въ Великомъ Новгородѣ еще составляло одно изъ неотъемлемыхъ княжескихъ правъ, наконецъ—самое управление военными дѣлами¹⁾). Въ самомъ дѣлѣ, опредѣленіе воеводъ, представляюще, какъ всѣмъ известно, неотчуждаемую принадлежность княжеской власти, зависѣло во Псковѣ отнюдь не отъ князя, распоряжавшагося независимо одною только собственою дружиной, но отъ Псковскаго вѣча, которое назначало отъ себя какъ главнаго (что ни большаго), такъ и большихъ и малыхъ воеводъ, предоставляя князю развѣ только общее руководство надъ войскомъ во время похода²⁾.

Движеніе исторической жизни отзывалось однако и на характеръ Псковскаго вѣча въ томъ отношеніи, что, будучи въ древнѣйшій періодѣ и орудіемъ управления, и судебнымъ органомъ, вѣче теперь решительно отказывалось отъ непосредственнаго участія въ судебнѣй дѣятельности, замѣнивъ его тѣмъ посредственнымъ вліяніемъ, какое оно оказывало на княжескій судъ чрезъ посадника. Подобное отреченіе вѣча отъ одной только судебнѣй дѣятельности, какъ

¹⁾ Собственно вѣче старѣйшаго города называло въ пригорода, кажется, одиныхъ только кормилицъ, подобныхъ князьямъ Осташю и Ивану Дѣбренскому (1463 г.), а избрание пригородскихъ посадниковъ вновѣ предоставляло вѣтней вѣчевой дѣятельности.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 223, 1463: «и даша на вѣчѣ воеводство Максими посаднику Лариновичу, и Олексию Васильевичу и Игнатию Логиновичю... Тамъ же, V, 36, 1471. Тамъ же, IV, 254, 1478: «Въ Псковской же рати были отрицаны воеводы... а всѣхъ 7 посадниковъ, и міи сынове посадниччи и бояре и дѣти боярскии многіи, у Псковской рати воеводами изъ концовъ отражены».

иелько лучше, объясняется предшествующимъ исторіей Илья, прѣ уже въ Новгородское время судь, изъ однѣ изъ формъ королевы, составлять необходиимую принадлежность княжеской власти: потому, при сокращеніи княжескаго званія и тѣ кновыѣ Петровскаго упраѣствъ, съѣхъ переносятся туда, какъ одно изъ неотъемлемыхъ княжескихъ правъ. Во Псковѣ даже сдѣлано было, уже при первомъ утверждении самебитности, формальное разграничение между областю, подвластною вѣдѣнію вѣча, и судомъ, и привѣто за правило, чтобы судь не производился на вѣтѣ, чтобы князь и посадники судили не иначе, какъ на сѣнахъ, тѣ-естъ, въ княжеской судебнѣцѣ¹). Не смотря однако на это ограничение, вѣче не могло совсѣмъ забыть о своей первоначальной роли, не могло вполнѣ отвязаться отъ всѣхъ вышнѣтельства въ судебную дѣятельность; отсутствие нѣдрбного стратега, теоретического разграничения можно доказывается уже самимъ присягой, снимаемой съ посадника при вступлениіи въ должность и обязывающей его не губить безвинно чистого ни изъ судѣй, ни на вѣтѣ: послѣднее было бы совершенство ильше, если бы отреченіе вѣча отъ судебнѣй дѣятельности было совершенное полныемъ²). Къ числу дѣлъ, которыхъ злекли за себой же Псковѣ управу со стороны самого вѣча, относились не только тѣ само собою понятные случаи, въ которыхъ противъ правительственныхъ лицъ было возбуждаемо политическое преслѣдованіе,—какъ напримѣръ, это случилось въ 1488 году, когда князь и посадники, безъ вѣдома вѣча, составили грамоту, существенно измѣнившую положеніе смердовъ во Псковѣ,—но и всѣ уголовныи преступленія, за которыми полагалось въ послѣднемъ смертная казнь, равно какъ и важнѣйшии изъ гражданскихъ таинствъ. По важности этого предмета, подававшаго поводъ къ самымъ разнообразнымъ заключеніямъ и до сихъ поръ окончательно не разрешеннаго, счи-

¹⁾ Мурзакеевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 1: «А князь и посадники на вѣчы суду не судьютъ: судити чѣмъ оу князя на сѣнахъ...» Такъ какъ въ древней Руси судь вообще составлять одно изъ неотъемлемыхъ правъ княжеской власти, то обязанность производить судъ испрѣмѣнно на сѣнахъ даетъ поводъ заключить только бѣ отдаленіи судебнѣй дѣятельности отъ вѣчевой, но никакъ не о томъ, что вѣча, какъ сообщаетъ г. Балкнеръ въ Равк. изъ Рус. Ист., III, 101, будто бы имѣло свой особенный судъ, исключавшій даже всѣкое участіе князя и посадника. Въ извѣстныхъ намъ прииѣздахъ вѣчеваго суда дѣятельное участіе посадника несомнѣнно: см. П. С. Р. Л., IV, 238, 1471.

²⁾ Мурзакеевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 1: «А которому посаднику сѣсти на посадничество, ино тому посаднику кресть цѣловати на томъ, что ему судить право... а безъ исправы человѣка не погубити, ии на суду, (ии) на вѣча».

также изобличение вбоями въ исторіи не имѣло никакого интереса и подработки.

Между уголовными преступлениями, за которыми не Исковѣ посыпалась поклонная спиртная смесь, Псковская града различаетъ четыре главные вида, а именно: первыи или кражу, кромъ кражу, — обыкновенная кража называлась смокурою въсю голову по фразеологіи улички преступника, — кражею съ ограбленіемъ; а если въ этомъ числѣ присоединится къ первомъ звѣнѣ волхвованіе, которое, также какъ и первыи четыре, наказывается исключениемъ жизни, то этимъ путемъ получится еще и пятый видъ¹⁾. Нельзя никакого сомнѣнія, что некоторой изъ этихъ преступлений, какъ напримѣръ, красть или ворѣна, составляютъ обширную сферу юридической деятельности, такъ что даже смокурою на судѣ и въинъ предателей какъ-бы на свое исключительное право; но въ источникахъ встрѣчаются исключительные доказательства и того, что и во всѣхъ другихъ премонтированныхъ видахъ случаѣвъ вѣче однажды сохраняло за собою право на судъ и расправу. Такъ, известны два примѣра, въ которыхъ Псковское вѣче судило кражу въ крому: первый относится къ 1509 году, когда пономарь Троицкаго собора укралъ изъ помѣщавшагося въ крому казначея хранилища 400 рублей, и по минужденіи на вѣчѣ признанія, былъ преданъ сожженію²⁾; второй же — къ 1314 году, когда было казнено Псковичами около 50 человѣкъ, частю за грабежъ въ крому, частю же за обыкновенный грабежъ во Псковѣ и по саламъ: въ послѣднемъ случаѣ потому, что частое повтореніе грабежа въ разныхъ мѣстахъ заставляло подозревать въ преступникахъ одній и тѣль же лица³⁾. Примѣръ вѣчеваго суда надъ конокрадомъ представляетъ намъ Псковскій пригородъ Опочки, который казнилъ въ 1477 году одного подобного преступника, и хотя за этотъ поступокъ Опочане и подверглись со стороны Пскова пень во сто рублей въ пользу князя, тѣмъ не менѣе послѣднее обстоятельство доказываетъ не исключительность явленія,

¹⁾ Мурзакевичъ, II С. Г., 2-е. изд., стр. 2.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 282, 1509: «пономарь пономаря Троицкаго Иванъ, а онъ изъ деревъ деньги ималъ, да въ той грабежъ досягъ 400 рублейъ, и Псковичи его на вѣчи казнили и пнутиль, и отъ сказалъ въ Псковичи посадили его на крѣпость, да того же гѣта... на Великой рѣкѣ огнемъ сожгли его».

³⁾ П. С. Р. Л., III, 71, 1314: «а въ Псковѣ почали биху грабити недобріи люди села, и дворы въ городѣ, и хлѣти въ городѣ, и избираша ихъ Псковичи съ 50 человѣкъ...»

а только то, что требованием Исковских казни во второй половине XV столетия были гораздо притязательные; не даром же даже Писовиши, какъ показываетъ дѣло со смердами, изъ всегда могли уже въ то время расправляться сами со своими открытыми недругами¹). Наконецъ, существуютъ ясные указания на то, что, какъ поджигательство, такъ и волхвованія были судимы самими вѣчемъ; такъ, изъ 1446 года сожгены въ Псковѣ, очевидно, по приговору вѣча, однѣ Чухонецъ, пытавшійся, вслѣдствіе шосула со стороны Нѣмцевъ, замѣть кромь, а въ 1411 году было подвергнуто той же казни 12 вѣщиковъ²). Кромѣ дѣлъ уголовныхъ, вѣче вмѣшивалось и въ важнейшія дѣла гражданской области, и это обстоятельство представляеть удобный случай, хотя нѣсколько ознакомиться съ самими характеромъ судного вѣча. Предварительно не только было созываемо частное вѣчи самимъ истцомъ, который разсыпалъ для этой цѣли по городу особенныхъ пословъ, но это частное вѣче играло не маловажную роль и на большомъ вѣтѣ, будучи составлено изъ партіи истца и подкуpledной имъ черни: послѣднее обстоятельство и было причиной того, что истцы прибѣгали въ своихъ тяжбахъ къ посредству вѣча, такъ какъ обыкновенный (княжеский) судь запрещалъ всякое появление на сбѣихъ сосѣдей помочью, и такимъ образомъ, лишая ихъ одного изъ важнейшихъ орудій для неправаго рѣшенія дѣла. Для поясненія достаточно указать на тяжбу между прихожанами одной Псковской церкви, которые, раздѣлившись, по случаю пожара послѣдней, на двѣ стороны, выстроившія каждая для себя отдѣльныя церкви, заспорили о наслѣдствѣ (по всей вѣроятности, о спасеніяхъ отъ огня книгахъ и иконахъ, а можетъ-быть, также и о земляхъ) сгорѣвшаго храма: составивъ предварительно мѣстную сходку, прихожане новой церкви двинулись всю толпой во Псковъ, получили тамъ отъ посадниковъ на вѣтѣ приставовъ и при посредствѣ послѣднихъ вступили во владѣніе спорными предметами. Примѣръ этотъ не остался безъ подражанія, такъ какъ тогчашъ же послѣ спора о наслѣдствѣ стоявшей церкви, чернцы одного Псковского монастыря предъявляли

¹) П. С. Р. Л., IV, 254, 1477: «Псковъ успалився испродалъ Опочанъ, и взялъ 100 рублей, да дали князю Ярославу, что они повѣсили тата коневого, а безъ Псковскаго позвѣнія». Ср. Костомаровъ, С.-Р. Народопр., II, 60.

²) П. С. Р. Л., IV, 270, 1496: «загорѣлся на крому... а замѣгъ Чухно за-краднися... и изымаша его на крому и сожгоща его огнемъ». Ср. тамъ же, IV, 122, 1412. Тамъ же, V, 92, 1411: «Псковиши сожгоща 13 вѣщиковъ». Ср. тамъ же, III, 42, 1227.

помозельный искъ противъ самого собора св. Троицы и при посѣщении вѣча успѣли выиграть дѣло¹⁾.

Благодаря основаниемъ чертамъ вѣчеваго устройства, превращавшимъ вѣче въ простую скопку жителей старѣшаго города, да и въ предѣлахъ послѣднаго не обозыгавшимъ никого изъ гражданъ непремѣннымъ посѣщеніемъ вѣча, а только предоставившимъ право на то всѣмъ и каждому, обширныя права Псковскаго вѣча легко могли сдѣлаться, какъ и въ Великомъ Новгородѣ, предметомъ борьбы между городскими партіями, или что еще хуже, игрушкою въ рукахъ городской черкви. Но вопреки всѣмъ ожиданіямъ, вѣчевая дѣятельность отличалась во Псковѣ, сравнительно съ Великимъ Новгородомъ, гораздо болѣйшимъ свойственіемъ и почти полнымъ отсутствіемъ борьбы городскихъ партій; однако причина этого явленія заключается не въ рѣшительномъ преобладаніи на вѣчѣ самого народа, а въ непродолжительности времени самостоятельного существованія Пскова, устранившей всакую возможность въ образованію сильной демократической партіи, которая могла бы вступить въ состязаніе съ Псковскою знатью, усвоившею себѣ могущественное влияніе на ходъ общественныхъ дѣлъ во Псковѣ въ періодъ борьбы съ Великимъ Новгородомъ за независимость. Справедливость этого предположенія всего лучше доказывается тѣмъ фактомъ, что и Псковъ былъ не совершенно чуждъ нѣкоторыхъ волненій, что и тамъ замѣчается присутствіе на вѣчѣ „простой чады“, соотвѣтствовавшей Новгородскимъ „худымъ мужикамъ вѣчникамъ“, равно какъ и примѣры столкновеній простаго народа съ боярами: только всѣ эти явленія обнаруживаются во Псковѣ не раньше, какъ въ концѣ его независимаго существованія и потому представляютъ не что иное, какъ зачатки, которые съ полною силою развиваются только въ послѣдующій Московскій періодъ, особенно въ Смутное время, дѣлансь тогда ужасной язвой для Псковскаго края. Но пока длилось самостоятельное существованіе Пскова, владычество бояръ было несомнѣннымъ и выражалось наглядно въ томъ

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 238, 1471: «сгорѣвши въ Ушиствѣ церкви (см. И. С. Р. Л., IV, 235, 1470), и начаша ставити на сей сторонѣ церковь, а на другой другую, и потомъ начаша съ новой сторонѣ подниматися пѣнизи съ препростою чадою всѣмъ вѣчемъ въ градъ по послу; посадники съ вѣча пристави подаваше на старуу церковь, безстудстомъ и злобомъ отнимати давнине Богородицѣ въ наслѣдіе той Божіей церкви... Друаи человѣцы... начаша воздвизатися и препростою чадою воздымати по миру... на дому св. Троицы, истязау отъ нея воды и землю... И посадники и весь Псковъ... даша имъ на вѣчѣ туу землю и воду...

жаждомъ, что представители концовъ въ общественности дѣлака Пскова служили постоянно и вездѣ бояре, члены же и житѣи люди упоминаются въ качествѣ почтанныхъ представителей только во время послѣднійъ дѣятельнѣй Псковской жизни¹⁾; а между тѣмъ даже въ Великомъ Новгородѣ, гдѣ имущество знати никто не стѣнгъ опровергать, представителями отъ концовъ въ послѣдствіе были не только житѣи люди, но иерарь и терпие. Органы владычества бояръ во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, служили, кажется, совсѣмъ.

Въ числѣ орудій управления своимъ землямъ, князь избѣгъ въ древней Руси совѣтъственный органъ въ духѣ, которому они состояли по своему усмотрѣнію изъ членовъ своей дружинъ, обикновенно старшій. Вмѣстѣ съ княземъ дума перенесла и въ житѣи Великаго Новгорода, но получила тамъ, есъобразно съ устройствомъ послѣднаго, нѣсколько отличный характеръ: въ составѣ ея также входили не одни княжеские люди, но и представители самого Новгорода. Тѣкимъ двойственнымъ характеромъ отличалась, напримѣръ, дума, которая была собрана въ 1292 (?) году на Городище по поводу избрания князя и которой предшествовало изложеніе пѣменскаго племянства предъ комиссией изъ шести членовъ, трехъ со стороны князя (племянника Андрея и двое бояръ) и трехъ со стороны Новагорода (тысяцкій и тоже двое бояръ). Всѣдѣстіе дальнѣйшаго изданія княжеской власти, дума съ Городища была перенесена, во всѣй выразительности, въ началѣ XIV столѣтія, въ самій Новгородъ, и втѣть съ тѣмъ, изъ княжескаго совѣта превратилась въ чисто Новгородскій: въ этомъ убѣжддаютъ масъ, какъ некоторые намеки русскихъ источниковъ, такъ и прямые указанія пѣменскихъ. Уже однѣ старѣйшихъ русскихъ историковъ справедливо замѣтили, что, если вѣче, собиравшееся на Ярославовомъ дворѣ, называлось въ источникахъ большими²⁾, то необходимо предположить малое вѣче, совѣтъ-правительственныхъ лицъ³⁾; но совѣтъ правительственныхъ лицъ только тогда можетъ по справедливости носить название малаго вѣча,

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 219, 1460: «услышавше Псковичи князя великаго въ Новгородѣ, и послаша пословъ своихъ въ Великий Новгородъ, Юрия пос. Тимофеевича, Макеяна, Ларивоновича, и бояръ изъ всѣхъ концовъ...». Тамъ же, IV, 260—261, 1476; 262, 1480; 266, 1485; 267, 1486.

²⁾ П. С. Р. Л., VI, 8, 1471: «а на дворѣ на великого князя, на Городище, съ большого вѣча присыпалъ многихъ людей...»

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, 1857, III, 28.

когда составъ его образуется не единими правительственныеими, но живѣтъ съ тѣмъ въ посторонніи лицахъ, то-есть, когда они представляютъ вѣйтѣ и созѣть правительственнаго класса. Дѣйствительно, извѣдные источники прямо называютъ его состояніемъ бояръ и указываютъ на владичный дворъ, въ котормъ собирался и. Новгородъ правительственный созѣтъ. Трудно сказать чѣ-либо положительное какъ о томъ, были ли какія-либо опредѣленія, по которымъ засѣданія этого созѣта, такъ точно и о томъ, собирались ли въ противнаго случаѣ созѣтъ по одному собственному небужденію; достовѣрно известно только то, что посадники, до съѣздѣнія котораго дѣла доходили естественно раньше всѣхъ, созидали созѣтъ въ случаѣ надобности. Нужно замѣтить также, что созѣтъ бояръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи бирчей, подобно другимъ учрежденіямъ и правительственныеимъ лицамъ: бирчи, въ другіе приставы, получали полномочія съ дѣль, къ которыхъ они были приставляемы, но въ спомощникахъ съ Нѣмцами довольствовались, кажется, единими только дары, получали, напримѣръ, фиолетовыя платья.

Псковская исторія, не представляющая точныхъ опредѣленныхъ санджельствъ о существованіи созѣта во Псковѣ, никакъ располагаетъ Новгородской, дополняетъ однозначно послѣднюю, если только мы не ошибаемся, въ одномъ неизвѣдномъ отношеніи, касающемся вѣшней обстоянки созѣта. Если уже въ исторіи Великаго Новгорода указаніе на большое вѣче даетъ научнѣйшее право заявлять о существованіяхъ малаго вѣча или созѣта, тѣмъ болѣе правъ на подобное заявленіе представляетъ Псковская исторія. Во Псковѣ не только упоминается о большемъ вѣчевомъ колоколѣ, который уже самъ по себѣ даетъ полное основаніе предполагать существованіе менынаго или малаго колокола, но даже достовѣрно известно, что этого малаго или менынаго колоколя дѣйствительно существовалъ и назывался въ отличіе отъ большаго Корсунскимъ очничкомъ¹⁾). Трудно сказать положительно, гдѣ именно висѣлъ менынай колоколь, на колокольни или собора Св. Троицы, или же при самомъ этомъ крамѣ; но во всѣмъ случаѣ она отнюдь не предназначалася для созыванія

¹⁾ И. С. Р. А., IV, 292, 1518: «приезжалъ наездъ меныной къ избраначадской Троицѣ большой колоколь, гдѣ вѣчевой бытъ, а прежде того незамѣнно присыпалъ менынай колоколь, въ Корсунскаго изѣто, что на єму въ него звонили, какъ вѣчна было». Тамъ же, IV, 301, 1518: «а прежде того и въ Корсунскаго вѣчнина изѣто присыпалъ наездъ меныной Василѣ Ивановичъ другой колоколь». Ср. Балашовъ, Разн. изъ Рус. Ист., III, 106; Костромарова, Сѣверно-русс. Народоправ., II, 91.

народа на вѣче; напротивъ того, въ него звенили „на сѣни“, подъ которыми скорѣе всего должно подразумѣвать не что иное, какъ сѣни Св. Троицы, служившія, какъ выше замѣчено, и вѣчевою канцеляріей и архивомъ. За такую бы форму имъ ни принимали выраженіе „на сѣни“ (за мѣстный ли падежъ единственного числа, или за винительный множественнаго), цѣль подобнаго звѣна, во всякомъ случаѣ, должна была заключаться только въ одномъ привлечениіи Псковичей на сѣни; и дѣйствительно, въ источникахъ встрѣчаются прямыя указанія на совѣщанія на сѣняхъ и на отлічие этикъ совѣщаній отъ вѣча. Такъ, по поводу отказа священно-служителей принять участіе въ несеніи военной повинности съ своихъ земель на раду съ остальнымъ народонаселеніемъ, Псковичи неоднократно собирались совѣщаться на вѣче и на сѣни; послѣднее дѣжалось, кажется, для того, чтобы опредѣлить отношеніе первовнаго законодательства, номоканона, къ спорному вопросу¹⁾). Хотя всѣ приведенные факты еще не разъясняютъ, кто собственно участвовалъ въ совѣщаніяхъ на сѣняхъ, тѣмъ не менѣе самое мѣсто совѣщаній подразумѣвается, что собраніе на сѣнѣкъ, не имѣвшій возможности вмѣстить всѣхъ членовъ вѣча, было не чѣмъ инымъ, какъ Новгородскимъ малымъ вѣчемъ или совѣтомъ; тѣмъ болѣе что, въ отношеніи внутреннаго состава малаго вѣча, Псковская жизнь представляла тѣ же самые элементы, какіе замѣчаются и въ Новгородской.

Въ числѣ членовъ, входившихъ въ составъ Новгородского совѣта,ѣмѣцкіе источники именуютъ въ частности всѣхъ важнѣйшихъ правительственныйыхъ лицъ Новгородскихъ: владыку, княжескаго намѣстника, посадника, тысяцкаго и всѣхъ кончанскихъ старостъ, а вообще, во всей ихъ совокупности, характеризуютъ членовъ совѣта называемъ Неген, то - есть, бояре. Обращаясь къ русскимъ источникамъ, мы находимъ, что первое мѣсто въ классѣ бояръ занимаютъ старые посадники и тысяцкіе, и нельзѧ не сознаться, что термину Неген скорѣе всего соотвѣтствуютъ старые посадники и тысяцкіе: въ противномъ случаѣ постоянное участіе послѣднихъ во всей правительственной дѣятельности будетъ по меньшей мѣрѣ совершенно исполненнымъ. Виѣсть съ тѣмъ объясняется и самое учрежденіе старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Если подъ старыми посадниками и тысяц-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 269, 1495: «и посадники Псковскіи и со Псковичи, въ степени тогда были пос. Яковъ Аeonасьевичъ Брюхатой да Василей Опинаховичъ, и учили сильно дѣлти надъ священниками, и лазаны многажды на сѣни и въ вѣчы, и опять въ вѣчье вѣзали и хотѣли попова изъупомъ избѣгчествовать»....

кими разумѣлись въ Великомъ Новгородѣ не иныхъ лица, какъ члены совѣта, и притомъ члены похвастанные, то прохожденіе важнѣйшихъ общественныхъ должностей было связано тамъ не съ однимъ полу-ченіемъ, по окончаніи срока службы, продолжавшейся опредѣленное или неопредѣленное время, простаго почетнаго титула старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, но и съ гораздо болѣе существеннымъ отли-чениемъ, съ правомъ занимать послѣ мѣсто въ совѣтѣ или сенатѣ. По-садничество и званіе тысяцкаго давали, следовательно, въ Великомъ Новгородѣ носившимъ ихъ лицамъ такія же права, какъ курульскія должности: консульство, преторство и эдилство, или позднѣѣ, кре-сторство въ Римѣ, какъ архонатъ въ Греціи; старые посадники и тысяцкие были не что иное, какъ русскіе консулары, преторіи и эдиллії¹). Но признавъ, что сущность званія старыхъ посадни-ковъ и тысяцкихъ заключалась въ Великомъ Новгородѣ въ правѣ участія въ засѣданіяхъ совѣта, мы уже не можемъ искать другаго объясненія для того же самаго явленія во Псковѣ, особенно въ виду того несомнѣннаго факта, что Псковскіе старые посадники пользо-вались въ общественной жизни даже болѣшимъ вліяніемъ, чѣмъ ихъ Новгородскіе собратья. Въ самомъ дѣлѣ, старые посадники не только окружали во Псковѣ главнѣйшихъ представителей власти, князя и посадника, во всей ихъ правительственной дѣятельности²), но по-слѣдніе даже какъ бы исчезали въ ихъ средѣ, такъ что имена сте-пенныхъ посадниковъ не всегда упоминаются лѣтописью отдельно, а должны быть часто подразумѣваемы подъ общимъ выраженіемъ „Псков-скіе посадники“³).

Будучи составленъ по преимуществу изъ представителей бояр-

¹) Журн. Мин. Нар. Просв. за октябрь 1869, стр. 294—302.

²) П. С. Р. Л., IV, 206, 1431: «Князь.... и Юрии посадникъ.... и все по-садники Псковскіе заможили городъ новый Выборъ».... Тамъ же, IV, 215, 1453: «быва челомъ попове невкуни князю Псковскому и посаднику степенному.. и всѣмъ посадникомъ Псковскимъ, что быти четвертому собору во Псковѣ; и щедъ князь и все посадники Псковскія, отцу господину владыцѣ Еуеюи быва челомъ»....

³) П. С. Р. Л., IV, 212, 1445: «Князь.... и посадники Псковскіе посланы-са своего посла».... Тамъ же, IV, 218, 1459: «Князь.... и посадники Псковскія, съ мужи Псковици... и Желачкѣ съю покосиша... Тамъ же, IV, 220, 1460: «по-садники Псковскіи и весь Псковъ биша ему челомъ».... Тамъ же, IV, 196, 1406: «Заложиша Псковици стѣну камену... при князѣ Даниилѣ Александровичѣ и при князѣ Григории Остафьевичѣ при посаднике Офремѣ, и Романѣ, и Леонтьи, и Пакратѣ»....

сихъ фамилій, совѣтъ необходимо должно быть сдѣлаться въ рукахъ вакъ Новгородской, такъ въ особенности Псковской знати оружіемъ къ упроченію, съ одной стороны, відціа послѣдней на самое вѣче, съ другой же — къ утвержденію господства ея надъ правительственными лицами, особенно степеннымъ посадниками. Въ первомъ отношеніи можно замѣтить, что при той безформенности, вакою отличалось древнерусское вѣче, совѣтъ, какъ совѣщательное учрежденіе, на которомъ предварительно обсуждались дѣла, должностевавшія поступить потомъ на однократительное разсмотрѣніе вѣча, во-обще имѣть для знати важное значеніе, какъ средство установить въ ея средѣ единодушное отношеніе изъ каждому вопросу. Однако, вакъ показываетъ исторія Великаго Новгорода, знать мало довольствовалась свою важную ролью, но при немощи разныхъ волей стремилась перѣйтъ даже къ полному устраненію вѣча отъ дѣла, подледавшихъ его вѣдѣнію: такъ, въ споменіяхъ въ иноземцами, которыхъ естественно велись болѣею частію при посредствѣ правительственныхъ лицъ, знать, окружавшая послѣднихъ, старалась скрыть полученные документы не только отъ заинтересованного въ споменіяхъ вупечства, но даже и отъ самого вѣча. Любопытныемъ можетъ быть этикъ стремленій бояръ могутъ служить переговоры, проходившие въ 1412 году въ совѣтѣ одного изъ немецкихъ городовъ, собраниемъ по случаю возникшихъ въ Новгородѣ недоразумѣній между Нѣмцами и Русскими и замкнувшемъ въ себѣ и пребывавшихъ за гралицею русскими вупцовъ. Для успѣшнѣаго уладженія дѣла, Нѣмцы просили послѣднихъ завѣрить бояръ и начальство въ Новгородѣ о желаніи своемъ жить съ Русскими по старинѣ, прибавляя, что со своей стороны они уже писали объ этомъ къ представителямъ Новгорода и намѣрены писать и еще. На это русскіе купцы отвѣчали: „Не много пользы выходить изъ того, что напутъ боярамъ, а также епископу, посаднику и тысяцкому, такъ какъ они держать письма у себя подъ спудомъ, а купечеству русскому и народу знать о томъ ничего не даютъ“). Вследствіе этого Нѣмцы составили новое письмо, хотя по содѣржанію и въ прежнемъ родѣ, но уже не къ боярамъ, а къ купеческимъ старостамъ и купцамъ, въ надеждѣ, что этимъ путемъ оно скорѣе добѣдетъ до народа¹⁾.

Во второмъ отношеніи, касающемся подчиненія правительственныхъ лицъ интересамъ бояръ, достаточно вспомнить, что одно изъ

¹⁾ Журн. Мин. Народн. Просв. за сентябрь 1870 г., стр. 220—221.

необходимыхъ условий могущества знати заключается въ томъ, чтобы власть принадлежала не одному лицу, а цѣлому учрежденію, и что поэтому существование элементовъ, подобныхъ совѣту старыхъ посадниковъ, всегда служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ о господствѣ не демократической, а аристократической партіи. Въ самомъ дѣлѣ, принимая участіе во всѣхъ важнѣйшихъ дѣйствіяхъ, старые посадники беѧ труда держали въ зависимости отъ правительственно-аго класса — главнѣйшихъ правительственныйхъ лицъ, особенно степенныхъ посадниковъ, которые, отдѣльно взятые, легко могли бы измѣнить интересы своего класса, тогда какъ врядъ-ли можно предположить, чтобы измѣнилъ своимъ интересамъ цѣлый классъ, представляемый посадниками. Да и отъ степенныхъ посадниковъ трудно было ожидать частыхъ уклоненій отъ интересовъ, преслѣдуемыхъ знатью, такъ какъ первые сами происходили по большей части изъ боярскихъ фамилій, державшихъ въ своихъ рукахъ почти наслѣдственно всѣ важнѣйшия должности. Такое сосредоточеніе важнѣйшихъ должностей въ рукахъ извѣстнаго числа боярскихъ фамилій замѣчается одинаково, какъ въ Великомъ Новгородѣ, гдѣ боярскіе роды даже считались между собою старшинствомъ¹), такъ и во Псковѣ, не смотря на то, что сколько-нибудь отчетливыя указанія на Псковскихъ посадниковъ дошли до настъ только отъ XV столѣтія. Такъ уже въ XIV столѣтіи, въ періодѣ утвержденія во Псковѣ самобытности, на первомъ планѣ является тамъ семья посадника Бориса, изъ которой, кромѣ самого Бориса, посадничавшаго до 1312 года, извѣстны еще посадникъ Илья Борисовичъ и Антонъ Ильинъ, сынъ посадничъ. А въ XV столѣтіи въ числѣ боярскихъ фамилій, заправлявшихъ ходомъ общественныхъ дѣлъ, могутъ быть приведены семьи Кортача, Винкова и Дойника. Не говоря уже объ Алексѣѣ Ефремовичѣ, бывшемъ въ послахъ, семья Ефрема Кортача, посадничавшаго въ періодѣ времени отъ 1397 по 1407 годъ²), постоянно занимала во Псковѣ важныя должности: Аристѣ Кортачевичъ началъ свою службу съ воеводства, но отъ продолженія ея былъдержанъ преждевременною смертью въ

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 31, 1211: «Приде Дмитръ Якуницъ изъ Руси, и сѣстрица Твердиславъ посадничества по своей волѣ старѣйшу себѣ. Тогда же даша посадничество Дмитрому Якуничу». Дмитръ происходилъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій — Гюраты Роговича, сынъ которого, Мирославъ, былъ въ Новгородѣ первымъ выборнымъ посадникомъ.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 103, 1407: «Убила ту 3 посадники Псковскіи, Еорена Кортача, Елентѣа Луби, Панкранта...». Тамъ же, V, 27, 1432.

бою; Стефанъ Аристовичъ былъ посадникомъ въ 1455 году, Гаврило же Кортачевъ посадничалъ въ 1477 году, но въ 1484 году былъ казненъ, чтѣ, кажется, и погубило фамилию. Изъ семьи Юрия Тимофеевича Винкова, бывшаго посадникомъ въ періодъ времени отъ 1426 по 1464 годъ¹⁾), встрѣчаются въ посадникахъ: въ 1472 году — Афанасій Юрьевичъ, а въ 1466 — Стефанъ Афанасьевичъ Винковъ²⁾). Но самыиъ большимиъ значеніемъ пользовался въ XV столѣтіи родъ Дойника; о немъ самдѣ не сохранилось никакихъ извѣстій, но семья его дала Пскову цѣлыхъ пять посадниковъ, а именно: Ларiona Дойниковича (1406—1419 гг.), Максима Ларіоновича (1455—1464 гг.), Никиту Ларіоновича (до 1482 г.), Стефана Максимовича (1476 г.) и Петра Максимовича (1499 г.); да сверхъ того, изъ нея же вышли Андрей и Иванъ Ларіоновичи, которые, хотя и не были посадниками, тѣмъ не менѣе занимали другія, второстепенные, общественные должности. Наконецъ, были боярскія семьи, которыхъ умѣли сохранить свое значение во все времена самостоятельного существованія Пскова: въ числу ихъ можно отнести родъ Филиппа Ледовича, убитаго въ 1341 году; въ XV столѣтіи изъ этого рода упоминается Козьма Оисоеевичъ Ледовичъ, посадничавшій въ 1473—1482 годахъ, а въ XVI — Михаилъ Inegewitz (Jordewitz) Ledere (Ledow), то-есть, „Ледовъ“³⁾). Но не смотря на свою полную достовѣрность, всѣ эти примѣры могутъ дать только слабое представленіе о наслѣдственности должностей въ боярскихъ фамилияхъ, такъ какъ для полнаго представленія послѣдней у насъ нѣть, съ одной стороны, надлежащаго списка лицъ, посадничавшихъ въ XIV столѣтіи, съ другой же — самые критеріи наслѣдственности являются крайне недостаточными. Въ самомъ дѣлѣ, отчество, одинъ изъ подобныхъ критеріевъ, показано при именахъ далеко не всѣхъ посадниковъ, да и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно обозначено, не всегда служить ручательствомъ въ родствѣ двухъ лицъ между собою; точно также и прозвища, которымъ могли бы служить самыми вѣрными средствомъ при опредѣленіи родства, дошли до насъ въ весьма незначительномъ числѣ, да притомъ извѣстно, что и они съ течѣніемъ времени измѣнялись: такъ Никита Ларіоновичъ,

¹⁾ И. С. Р. Л., IV, 201, 1410; V, 21, 1410.

²⁾ И. С. Р. Л., VIII, 167, 1471.

³⁾ Рус.-Англ. Алты, 268, 1509: «de boden van Plescow de Burgmeistere Michaele Inegewitz ledere (стр. 208: «Jordewitz Ledow-Ледовъ»). Лицо это, можетъ-быть, тождественно съ Михаиломъ Іоавелличемъ Немазовымъ, однимъ изъ двухъ последнихъ Псковскихъ посадниковъ..

принадлежавший, очевидно, къ семье Дойника, носилъ уже особенное прозвище Плотицы¹⁾.

Ограничение власти посадника, вытекавшее изъ наследственности должностей въ известныхъ боярскихъ фамилияхъ, было, такъ-сказать, естественнымъ, и хотя дѣлало вѣроятнымъ, но еще не гарантировало вполнѣ, чтобы ни одинъ посадникъ, даже знатнаго происхождения, не измѣнилъ интересамъ своего класса. Послѣдней цѣли можно было достичнуть только противопоставленіемъ одному посаднику другаго, а для этого необходимо было прежде всего удвоить должность степеннаго посадника. Двойное посадничество было дѣйствительно введено во Псковѣ, и притомъ, какъ заставляютъ предполагать иѣкоторыя явления, чуть-ли не одновременно съ утвержденіемъ во Псковѣ полной самобытности, такъ какъ уже въ этотъ періодъ во Псковѣ встрѣчается одновременно по двое посадниковъ, изъ которыхъ каждый дѣйствовать такъ, какъ будто онъ равноправный товарищъ другаго²⁾). Но благодаря тѣмъ обстоятельствамъ, что наши свѣдѣнія о Псковскихъ посадникахъ XIV столѣтія крайне ограничены, и что двойное посадничество вообще не считалось во Псковѣ абсолютно необходимымъ, мы, впервыхъ, анаемъ очень мало пріимѣровъ двойного посадничества за XIV столѣтіе, а вовторыхъ, не можемъ рѣшительно утверждать, что и въ послѣдующій періодъ въ каждый данный моментъ въ степени непремѣнно было двое посадниковъ: несомнѣнно во всакомъ случаѣ известно то, что съ конца XIV столѣтія выплыть до прекращенія самобытнаго существованія Пскова, исторія послѣднаго представляетъ ясные слѣды непрерывнаго существованія тамъ двойного посадничества³⁾). Но если время возникновенія

¹⁾ П. С. Р. Л., V, 85, 1464.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 187, 1341: «А сами Псковичи и тое весны поѣхаше въ ледкахъ воеватъ, о Ильи о посадникахъ, въ рѣку Омовжу,... Тамъ же, IV, 189, 1343: «поѣхаша воевати земли Нѣмецкіи о князіи Иванѣ, и о Изборскому князіи Остафіи, и о посадникахъ Володѣ...» Тамъ же, IV, 189, 1348: «поѣхаше Псковичи къ Орѣшку городу Новогородску въ помочь, о посадникахъ Ильи, противу кероми».

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 194—195, 1397: «Посадникъ Ефремъ и Псковичи поставили костеръ на Васильевѣ горкѣ... Князь Иванъ Андреевичъ и князь Григорей Остафьевичъ, и посадникъ Захаръ Бестроминичъ, и Псковичи поставили три костра на приступной стѣнѣ... Случай двойного посадничества, которыхъ некоснется дальнѣйшее изложеніе, въ XV столѣтіи были слѣдующіе:

1474 г.: Зиновій Сидоровичъ и Алексій Васильевичъ. (П. С. Р. Л., IV, 249; А. З. Р., I, 86, ср. съ Сбор. Муханова, 2-е изд., 22, № 19).

этого учреждения извѣстно и не совершенно точно, за то вполнѣ ясно его значеніе. Представляя само по себѣ только одно изъ важныхъ средствъ къ ограничению власти вообще, сотоварищество не остается обыкновенно безъ большаго вліянія на усиленіе косвенно аристократіи, такъ какъ при сотовариществѣ одно правительственное лицо всегда можетъ служить въ рукахъ знати коррективомъ другаго. Подобно тому, какъ въ Римѣ двойное консульство составляло для триціевъ надежный оплотъ противъ того, чтобы ни одинъ консулъ не могъ измѣнить интересы своего класса, точно также и во Псковѣ, который въ этомъ отношеніи представляеть одну изъ любопытѣшихъ аналогій съ римскимъ бытомъ, партія бояръ одному степенному посаднику противоставляла другаго, чтобы чрезъ это имѣть возможность владычествовать надъ обоими, и въ случаѣ столкновеній, безъ труда парализировать стремленія отпавшаго посадника противоположными дѣйствіями другаго. Поэтому несправедливо думать г. Бѣлаевъ, утверждал, что двойное посадничество служило во Псковѣ средствомъ къ ограничению власти въ пользу народа¹). Дѣло было совершенно наоборотъ: установление сотоварищества не только не измѣнило въ виду интересовъ народа, демократіи, но даже было прямо направлено противъ послѣднихъ, такъ какъ народу было гораздо труднѣе возвести одновременно на степень изъ числа своихъ сторонниковъ двухъ посадниковъ, чѣмъ одного, особенно когда выборъ останавливался по преимуществу на членахъ боярскихъ фамилій, самимъ происхожденіемъ своимъ уже обязываемыхъ держаться интересовъ своего класса.

Будучи простымъ коррективомъ княжеской власти, посадничество необходимо раздѣляло во всемъ судьбу послѣдней, и потому во Псковѣ, гдѣ княжеская власть почти совсѣмъ отступила на второй планъ, и сило собственно одинъ только судебный характеръ, а на остальное управление оказывало вліяніе не иначе, какъ при посредствѣ самого Псковскаго вѣча. Введеніе двойнаго посадничества, ничего не измѣнило въ этомъ положеніи дѣль, и каждый посадникъ по прежнему

1483 г.: Леонтій Тимоѳеевичъ и Степанъ Максимовичъ. (А. Ю., I, 3).

1495 г.: Яковъ Асанасьевичъ Брюхатой и Василій Опимаховичъ. (П. С. Р. Л., IV, 269).

1498 г.: Яковъ Асанасьевичъ и Леонтій Тимоѳеевичъ. (Востоковъ, От. Рк. Рум. М., 731, ср. съ П. С. Р. Л., IV, 270).

1510 г.: Юрій Елисеевъ и Михаилъ Помазовъ, а со временемъ поиманы въ Новгородѣ, еще, кажется, и два другие: Григорій и Иванъ Яковлевичъ Кротовы. (Лѣт. Румянц. Муз., № 255).

¹) Разказы изъ Русск. Ист., III, 119—121.

соединять право на власть въ ея полномъ объемѣ, такъ какъ отличительная черта сотоварищества вообще заключается въ томъ, что власть, которая прежде принадлежала одному лицу (въ данномъ случаѣ степенному посаднику), не дѣлится между двумя лицами, а предоставляется каждому изъ нихъ впоминѣ, отчасти подобному тому, какъ степенный посадникъ раздѣлялъ впоминѣ власть княжескую. Сообразно съ этимъ принципомъ, посадники или дѣйствовали сообща, оба, напримѣръ, судили на княжескихъ сѣнахъ¹⁾, выѣхѣ предводительствовали войскомъ²⁾, выѣхѣ производили постройки³⁾, или же, если дѣйствовали независимо другъ отъ друга, то каждый изъ нихъ имѣлъ одинаковую власть во всѣхъ отрасляхъ управлениемъ, какъ напримѣръ, одинъ посадникъ строилъ одну стѣну во Псковѣ, а другой — другую⁴⁾, или же одному посаднику поручалась постройка одного Псковскаго пригорода, а другому — другаго⁵⁾. Подраздѣленіе въ компетенціи имѣло мѣсто единственно въ военное время, когда одинъ степенный посадникъ обыкновенно отправлялся предводительствовать войскомъ, а другой оставался дома и завѣдывалъ судомъ и управлениемъ; если же для войны былъ потребенъ новый отрядъ, то воеводой въ него назначался уже не второй посадникъ, остававшійся дома, а одинъ изъ старыхъ, избираемый вѣчемъ. Но и въ этомъ подраздѣленіи компетенціи не было ничего заранѣе предоставленнаго: не было заранѣе опредѣлено, какой посадникъ, въ случаѣ войны, останется завѣдывать внутренними дѣлами, и какой отправляется предводительствовать войскомъ; все зависѣло отъ обстоятельствъ, которыхъ решали вопросъ, какъ о томъ, могло ли имѣть мѣсто самое раздѣленіе въ компетенціи, или же война

¹⁾ А. Ю., I, 3, № 2, 1483.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 242, 1471: «Князь же Василий Федоровичъ и воеводы Псковскіи, посадникъ Тимоѳей Власьевичъ и посадникъ Степанъ Леонасъевичъ, и все посадники Псковскіи, и все сила Псковская, поиша ко Пскову добры здоровы».

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 229, 1466: «Князь Псковской Иванъ Александровичъ и посадники степенные Леонтий Макарьевичъ и Тимоѳей Васильевичъ... заложиша стѣну деревину отъ Великой рѣкѣ...»

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 194—195, 1397; тамъ же, IV, 202, 1418: «повелѣ посадникъ Федосъ и весь Псковъ намостити бувище, и около церкви Св. Троицы и тынъ отыниша около церкви; посадникъ Михула и Псковячи повелѣша мастеромъ намостити мѣсть отъ стѣны Великую улицу, а другую на Завеличье...»

⁵⁾ П. С. Р. Л., IV, 206, 1421: «Князь Александръ Федоровичъ, и Юрии пос. Тимоѳеевици, и все посадники Псковскіи заложиши городъ новыи Выборъ... Заложиши городъ новыи на Гдовѣ на берегѣ, камену стѣну, князь Дмитрий Александровичъ, Янъ посадникъ и все посадники Псковскіи».

необходимо требовала присутствія въ войскѣ обомъ степенныхъ посадниковъ, такъ разно и о томъ, кто, въ противномъ случаѣ, долженъ быть взять на себя какую обязанность¹⁾.

Псковская знать однако на этомъ еще не остановилась: ей нужно было не только связать посадника совѣтомъ, составленнымъ изъ ея членовъ, не только одному степенному посаднику противопоставить другаго, и такимъ образомъ, въ случаѣ надобности парализировать ихъ дѣйствія, враждебныя ея интересамъ, но отнять у посадниковъ всякую возможность къ противодѣйствію ея видамъ и для этой цѣли сократить и самый срокъ службы, такъ какъ продолжительность послѣдней составляетъ первый шагъ ко всякой сильной власти. Дѣйствительно, исторический законъ гласить, что ограничение власти во времени все обращается на пользу аристократіи, и что, при непроложительности срока службы, ни одно правительственное лицо, не смотря ни на какія благопріятныя обстоятельства, не въ состояніи достигнуть политическаго могущества и потому невольно должно согласоваться съ желаніями того класса, изъ котораго оно выходило, а въ рядахъ котораго, по сложеніи должности, снова терялось. Успѣхъ однако не вполнѣ увѣнчалъ стремленія боярской партіи и еще не привелъ Псковское устройство къ рѣшительной системѣ ежегодной смѣны обоихъ степенныхъ посадниковъ, какъ это имѣло мѣсто въ Римѣ относительно консуловъ; но все же дѣло подвинулось на столько, что конечная цѣль была уже недалека, и что срокъ, въ продолженіи котораго посадникамъ приходилось пользоваться своею властью, фактически сдѣвался крайне ограниченнымъ. Не слѣдуетъ также опускать изъ виду того, что перемѣна эта получила силу не сразу по утвержденіи во Псковѣ самобытности, а значительно позже, въ началѣ второй половины XV столѣтія; по крайней мѣрѣ, только въ шестидесятыхъ годахъ этого вѣка замѣчаются ясные слѣды частой, почти ежегодной смѣны степенныхъ посадниковъ, которую никакъ нельзя счесть за случайное явленіе. Вотъ перечень, который наглядно показываетъ сущность дѣла, отмѣчаая, какіе посадники были въ степеніи въ periodъ времени отъ 1462 по 1465 годы:

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 222 — 223, 1463: «и посадникъ степеній Федоръ Никифоровичъ, и посадникъ Тимоѳей и бояръ и Псковичъ не иного того ис дни со-вокупившися и поѣздаша къ городку... а Намы не ради того, что Псковская сила въ городку... два и сада большихъ выжгла... и Зиновей посадникъ (степенный) и Псковичи, услышавши такову вѣсть (отъ пос. Федора), и поставиша вѣче и даша на вѣчъ воеводство Максиму посаднику Ларіоновичу...».

- 1462 годъ: Максимъ Ларіоновичъ и Зиновій Михайловичъ.
 1463 Федоръ Никифоровичъ и Зиновій Михайловичъ¹⁾.
 1464 Алексій Васильевичъ и Юрій Тимофеевичъ.
 1465 „ Леонтій Макарьевичъ и Тимофеей Васильевичъ²⁾

Было бы совершенно неосновательно искать въ этомъ перечнѣи непреложного порядка дальнѣйшей смѣны Псковскихъ посадниковъ; напротивъ, подобно тому какъ въ степени не всегда было двое посадниковъ, такъ точно и срокъ службы ихъ не всегда ограничивался однимъ годомъ; посадники нерѣдко оставались въ степени не только на два года — доказательство тому можно найти въ самомъ перечнѣи, но даже, кажется, и по нѣсколько лѣтъ. Во всякомъ случаѣ этотъ порядокъ, который, если слѣдовать иноземнымъ источникамъ — всегда, впрочемъ, требующимъ основательной провѣрки — возворился въ Великій Новгородъ еще раньше, въ началѣ XV столѣтія, и распространялся одинаково какъ на посадника, такъ и на тысяциаго³⁾, никакъ не могъ имѣть демократической тенденціи, какъ полагали не спра-ведливо г. Бѣляевъ. Желая сдѣлать посадниковъ представителями своихъ интересовъ, народъ вовсе не нуждался въ сокращеніи срока ихъ службы, а наоборотъ долженъ былъ стремиться къ освобожденію ихъ отъ влиянія знати, къ сообщенію имъ большей самостоятельности, и необходимымъ условіемъ этого была именно продолжительность пользованія властью степенными посадниками.

Г. Вѣльевъ пытался точнѣе опредѣлить порядокъ преемства вла-

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 221, 1462: «при посаднику степенному Максими Ларіоновичу ... Князь Псковской Володимеръ Андріевичъ и посадники степенные Зиновій Михайловичъ». Въ послѣднемъ случаѣ должно, кажется, подразумѣвать: и Максимъ Ларіоновичъ. Тамъ же, IV, 222, 1463: «посаднику степенный Федоръ Никифоровичъ», и тамъ же, IV, 224, 1463: «при посаднику степенному Зиновій Михайловичъ»...

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 227, 1464: «посаднику степенному старому Юрью Тимофеевичу... Тамъ же, IV, 228, 1464: «и посаднику степенному Алексій Васильевичъ... Тамъ же, IV, 224, 1465: «и посадники степенные Леонтій Макарьевичъ и Тимофеей Васильевичъ»... Относительно посадника Тимофея нужно замѣтить, что лѣтопись, величая его то Васильевичемъ, то Власьевичемъ, даетъ поводъ думать, что это были два различныя лица; но неосновательность подобнаго мнѣнія доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что подъ 1471 годомъ (П. С. Р. Л., V, 240 и 241) главный воевода Псковскаго войска называется одинаково и Тимофеемъ Васильевичемъ, и Тимофеемъ Власьевичемъ; а такъ какъ, даѣте, Псковская исторія не знаетъ никакого Власія, то отчество Васильевичъ намъ кажется болѣеѣ вѣроятнымъ.

³⁾ Lelewel, Guillebert de Lannoy, p. 32, 1413—1414.

сти степенными посадниками, и съ этой цѣлью предположить, что вмѣстѣ съ введеніемъ ежегодной смены посадниковъ было принято за правило, чтобы изъ степени выходили не сразу оба посадника, а только одинъ; другой же оставался посадничать на слѣдующій годъ и въ этомъ качествѣ назывался во Псковѣ *степеннымъ старымъ посадникомъ*¹⁾). Это остроумное замѣчаніе во всякомъ случаѣ заслуживаетъ самаго обстоятельнаго фактическаго разбора, такъ какъ отъ признанія его вѣрности зависитъ объясненіе немонятнаго выраженія „степенный старый посадникъ“, всего разъ встрѣчающагося въ источникахъ. На первый взглядъ источники какъ-бы подтверждаютъ это предположеніе: въ нихъ дѣйствительно замѣчаются указанія, которые легко даютъ поводъ думать, что по временамъ одинъ изъ посадниковъ оставался въ степени и на другой годъ; такъ, напримѣръ, въ шестидесятыхъ годахъ XV столѣтія въ степени состояли:

въ 1462 году: Максимъ Ларіоновичъ и Зиновій Михайловичъ.

, 1464 „ Федоръ Никифоровичъ и опять Зиновій Михайловичъ. Но съ одной стороны, этотъ фактъ, при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается совершенно недостаточнымъ для выводимаго изъ него слѣдствія, такъ какъ послѣднее необходимо требуетъ, чтобы въ предшествующемъ 1461 году въ степени стояли не Максимъ Ларіоновітъ и Зиновій Михайловичъ, а непремѣнно другія лица, но между тѣмъ это не только не извѣстно, но даже и мало вѣроятно; съ другой стороны, лѣтопись представляетъ ясныя указанія и на то, что на второй годъ въ степени оставались не только одинъ, но и оба посадника: такъ, напримѣръ, въ 1468 и 1469 годахъ во Псковѣ посадничали несомнѣнно одни и тѣ же лица, а именно:

въ 1468 году: Тимоѳей Васильевичъ и Степанъ Асанасьевичъ.

въ 1469 „ Тимоѳей Васильевичъ и Степанъ Асанасьевичъ²⁾.

Но кромѣ своихъ побочныхъ затрудненій, предположеніе г. Бѣлынича страдаетъ еще кореннымъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Отъ всякаго

¹⁾ Рассказы изъ Русск. Ист., III, 121 — 122.

²⁾ П. С. Р. Л. IV, 231, 1468: «при посадникахъ степенныхъ, при Тимоѳее Власьевичѣ и при Степанѣ Гахоновичѣ». Тамъ же, IV, 232, 1469: «при посадникахъ степенныхъ, при Тимоѳее Власьевичѣ и при Степанѣ Осанасьевичѣ». Относительно посадника Степана Гахоновича или Агафоновича нужно замѣтить, что такого лица Псковская исторія совсѣмъ не знаетъ, въ потому подъ этимъ именемъ нужно подразумѣвать или Ивана Гахоновича или Степана Леонасьевича: скорѣе, впрочемъ, послѣднаго, такъ какъ онъ обыкновенно посадничалъ съ Тимоѳеемъ Васильевичемъ, ср. напримѣръ, П. С. Р. Л., IV, 240 и 241, 1471. О посаднике Тимоѳеѣ см. выше.

предположения пренебре же всего требуется, чтобъ оно, по крайней мѣрѣ, согласовалось съ тѣмъ фактомъ, объясненіе котораго оно ставитъ свою задачу; однако гипотеза г. Бѣляева не только не удовлетворяетъ этому требованію, но даже находится съ объясняемымъ фактомъ въ совершенномъ разладѣ. Старинъ степеннымъ посадникомъ названъ Юрий Тимофеевичъ Зинковъ подъ 1464 годомъ; но вопреки всѣмъ ожиданіямъ, возбуждаемымъ гипотезой, онъ посадничалъ тогда не второй годъ, а только первый; въ этомъ не трудно убѣдиться, если только взглянуть на перечень Псковскихъ степенныхъ посадниковъ этого времени въ ихъ исторической послѣдовательности:

1463 годъ: Федоръ Никифоровичъ и Зиновій Михайловичъ.

1464 „ Алексѣй Васильевичъ и степенный старый Юрий Тимофеевичъ.

Такимъ образомъ, предположеніе г. Бѣляева не оправдывается ни фактами, ни общимъ характеромъ времени, отличающимъ отсутствиемъ не только всякой искусственности, но даже и строгой определенности. Но съ паденiemъ гипотезы снова возвращается вопросъ о значеніи выраженія „старый степенный посадникъ“; однако вопросъ этотъ, въ виду тѣхъ нѣрѣдкихъ ошибокъ, какими изобилуетъ текстъ Псковскихъ лѣтописей, не можетъ представлять особыхъ затрудненій: въ выраженіи „степенный старый посадникъ“ вплететь старый соединеніе съ эпитетомъ *степенный*, безъ всякаго сомнѣнія, но замкнуто-либо недоразумѣнію лѣтописца¹).

Посредствующимъ звеномъ между общими Псковскими учрежденіями, вѣчемъ и его представителями, и собственно мѣстными, городскими и областными союзами, служили во Псковѣ городскіе концы, которые такимъ образомъ не только раздѣляли, въ качествѣ составныхъ частей Псковскаго вѣча, всю дѣятельность послѣдняго, но и

¹) Къ числу приведенныхъ выше погрѣшиостей, свидѣтельствующихъ о неисправности текста Псковскихъ лѣтописей, считаемъ величайшую прибавить здѣсь еще одну. Одновременно съ Иваномъ Сидоровичемъ, посадничавшимъ во Псковѣ въ началѣ XV столѣтія, лѣтопись упоминаетъ еще и о посаднике Иванѣ Федоровичѣ, но только нѣрѣдко, и этимъ посадникомъ обстоятельствомъ сама фраза выдастъ. Въ самомъ дѣлѣ, сличеніе лѣтописей не составляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, насчетъ того, что посадникъ Иванъ Федоровичъ былъ тождественнымъ лицомъ съ Иваномъ Сидоровичемъ, и что отчество Федоровичъ попало въ иѣкоторые списки лѣтописи совершенно случайно. Такъ Псковичи въ послѣднѣй къ великому князю отправили по П. С. Р. Л. IV, 201, 1414: Ивана посадника Федоровича и Федора Шивалкинича; по П. С. Р. Л., V, 21, 1411: «посадника Ивана Сидоровича и Федора Шивалкинича».

дѣялись вмѣстѣ съ тѣмъ самыми значительными мѣстными окружами въ Псковской землѣ. Происхожденіемъ своего мѣстнаго значенія Псковскіе концы были обязаны слабости правительственной власти, составлявшей характеристическую черту древне-русской истории и выражавшейся между прочимъ въ томъ явленіи, что правительственная власть отказывалась отъ преслѣдованія преступниковъ собственными силами, а возлагала это дѣло на общественные союзы въ формѣ круговой поруки. Первоначально, въ періодъ родового быта, круговая порука налагала на общественные союзы даже отвѣтственность за самыхъ преступленій членовъ, входившихъ въ ихъ составъ; но въ послѣдующее время, когда родовое начало смѣнилось мѣстнымъ, эта отвѣтственность была отчасти уничтожена, и круговая порука ограничена только однимъ представлениемъ на судъ преступниковъ. Мѣстные союзы, извѣстные подъ названіемъ верзей, уже обязаны были иметь пространство представлениемъ на судъ преступниковъ, за самое же преступление отвѣчали только тогда, когда не заботились о первомъ, или когда характеръ преступленія былъ не злостный. Этимъ собственно сельскіе мѣстные союзы въ городахъ соответствовали подобные же мѣстные союзы, возникавшіе и въ городскихъ концовъ и улицахъ. И въ городскихъ союзахъ основаніемъ учрежденій служила круговая порука, взаимное ручательство въ доказательствѣ на судъ преступниковъ: въ чёмъ всего лучше убѣждаетъ чисть исторія Великаго Новгорода, гдѣ обязанность мѣстныхъ городскихъ союзовъ представлять на судъ преступниковъ сохранялась до послѣдніхъ минутъ его независимаго существованія, хотя, кажется, уже въ видоизмѣненной формѣ, таъ какъ законъ предполагаетъ преступниковъ лицами, снискавшими въ концахъ и улицахъ земли¹). Но это первоначальное, въ тѣсномъ смыслѣ юридическое значеніе концовъ, замѣчаемое еще въ исторіи Великаго Новгорода, уже совсѣмъ не имѣло мѣста во Псковѣ; за то въ Псковскомъ устройствѣ получило особенное развитіе политическое значеніе концовъ, которые въ этомъ качествѣ являются продолжателями правительственной дѣятельности самого вѣча.

Къ сожалѣнію, устройство кончансаго управления остается до сихъ поръ мало известнымъ, выясняется отчасти разѣвъ только при помощи предположеній. Такъ, постоянное появленіе выборныхъ представителей отъ концовъ при веденіи общихъ, какъ виѣшнихъ, такъ и внутреннихъ дѣлъ Псковскихъ даетъ "основаніе думать о существо-

¹) А. А. Э., I, 71—72, № 32, 1471.

ваниемъ' особенныхъ кончанскихъ вѣчей, которыя избирали этихъ представителей, или по крайней мѣрѣ, о самостоятельной дѣятельности концовъ на вѣчѣ; а упоминание о кончанскихъ старостахъ позволяетъ считать послѣднихъ за мѣстные органы, необходимые для домашней кончанской дѣятельности. Даже самая дѣятельность кончанского управления, будучи сравнительно болѣе извѣстной, все же можетъ быть полнѣна отображеніемъ одной только военной повинности, благодаря иѣкоторымъ дошедшими до насъ свѣдѣніямъ объ этомъ послѣднемъ предметѣ. Какъ известно, военная повинность распадалась въ древности на два главные вида: на городоставленіе, то-есть, постройку и поддержание городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, и на наборъ, вооруженіе и содержаніе собранного войска. Отправление первого вида военной повинности, постройка укрѣплений, въ данномъ случаѣ города Пскова, производилось концами такимъ образомъ, что Псковскія стѣны распредѣлялись на отдѣлы, соотвѣтствовавшимъ городскимъ концамъ и служившія обыкновенно защитой для послѣднихъ; эти отдѣлы въ свою очередь распадались на новые части, изъ которыхъ каждая и была отводима на долю извѣстной улицы. Такъ, позднѣйший Боголѣпенскій конецъ въ отношеніи военной повинности раздѣлялся на Запсковскіхъ и Кузьмодемьянскіхъ сосѣдей, которые и распредѣляли между собою постройку стѣнъ, окружавшей Запсковье, такъ что на долю первыхъ приходилась одна треть, а на долю вторыхъ — двѣ трети ¹⁾. Однаково съ сооруженіемъ, къ кончанскому вѣдомству относилась, кажется, и самая оборона Псковскіихъ стѣнъ. Каждый воинъ защищалъ свою собственную часть города, или по крайней мѣрѣ, имѣлъ на своемъ попеченіи всѣ необходимыя для того средства. Потому концы служили обыкновенно средоточіемъ военныхъ запасовъ, и въ позднѣйшее время, когда стало распространяться въ употреблѣніи отнестрѣльное оружіе, имѣли въ прѣтворахъ при извѣстныхъ храмахъ свой пороховые склады, предназначавшіеся въ древности по преимуществу для оружія, защищавшаго городскія стѣны ²⁾.

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 207, 1433: «Петровскіе сосѣди разбивше костеръ старой у св. Петра и Пазла, и въ томъ камени создаша церковь св. Борисъ и Глѣбъ; и тако начаша разбивати всю стѣну къ Великой рѣкѣ». Тамъ же, V, 42, 1484: «за два года сусѣди Запсковлине, Боголѣпенскій конецъ, заможиша стѣну отъ Псковы рѣки свою третъ, и сего ѿта свершена бысть на осень, и покрыша. Тоя весны, по Велициѣ дни, сусѣди Кузьмодемьянскіи заможиша стѣну отъ Великой рѣки, свои двѣ части, до Боголѣпенцовъ отънъ». Для Великаго Новгорода см. П. С. Р. Л., IV, 98, 1391.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 281, 1507: «а горло по Жирковы сусѣди... и придаль

Точно также и другая форма военной повинности, наборъ и снаряжение войска, отыгрывалась при посредствѣ концовъ. По определеніи вѣчемъ нормы, которой нужно было держаться при наборѣ въ войску, въ поедицкое время — числа сохъ, обязаннаго поставлять особеннаго ратника — Новгородская соха обнимала пространство земли, которое могли захватить на трехъ лошадяхъ трое человѣкъ, — дѣло переходило въ концы, которые и производили разрубъ или распределеніе повинности, а съдѣвателю, имѣли всѣ необходимыя для того средства¹⁾. Самая организація собраннаго по разрубу войска не совершилась безъ значительнаго участія концовъ, такъ какъ большая часть Псковскихъ воеводъ назначалась не главными правительстvenными лицами, не княземъ сообща съ посадникомъ, даже не самимъ вѣчемъ, а концами на вѣчъ²⁾). Въ этомъ отношеніи Псковскіе воеводы напоминаютъ намъ греческихъ стратиговъ, которые въ Аѳинахъ, точно также какъ и во Псковѣ, назначались изъ стѣнами или трибами. Наконецъ, слѣды кончанскої дѣятельности замѣчаются какъ въ продовольствованіи войска, особенно если послѣднее было не домашнее, а пришлое, солевицкое, въ устройствѣ съ этой цѣлью особынныхъ чередъ между жителами концовъ³⁾), такъ и въ заботахъ о средствахъ передвиженія первого. Если принять во вниманіе, что значительная часть Псковской рати выходила въ походъ обыкновенно на судахъ, то врядъ ли подадется нѣброятнымъ предположеніе, что каждый конецъ во Псковѣ выставлялъ въ случаѣ войны извѣстное количество насадить или ушкуевъ, необходимыхъ для походовъ; по крайней мѣрѣ, есть положительныя свидѣтельства о томъ, что въ случаѣ возникновенія какой-либо общественной потребности въ насадахъ, за удовлетвореніемъ послѣдней обращались къ концамъ: такъ, торжественная истрѣча деревни Софы была совершенна Псковичами въ ушкуахъ, при чѣмъ каждый конецъ былъ отправленъ свой собственный насадъ⁴⁾). Подобно военной повинности, и другія тягловыя

подиѣ церкви (Козмы и Даміана) съ зельями раздрало, а зелей пушечныхъ скорѣѣ бочки, и занесе ту вѣху всего конца стоянъ».

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 240, 1471: «и всѣмъ Псковомъ начаша по всѣмъ концемъ рубитися искрѣпка»...

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 259, 1478.

³⁾ П. С. Р. Л., 248, 1474: «и сѣло почаша къ нимъ (Московскимъ войскомъ) по чередамъ на Завеличье возити пѣ концовъ».

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 244, 1473: «а Псковичи сустрѣкали ей (церкви Софы) въ оскуахъ на Измѣны, изъ конца по оскую». Тамъ же, IV, 245, 1473.

обязанности Псковского населения относились къ вѣдомству кончанского управления; но обѣ этомъ предметѣ, кроме указаний на заботы концовъ о благосостояніи города и на устройство ими, съ цѣлью предупрежденія заразы, особенныхъ скудельницъ для потребенія мертвыхъ¹⁾, не сохранилось никакихъ извѣстій. Однако недостатокъ въ прямыхъ свидѣтельствахъ отчасти вознаграждается аналогіей Псковского соборного устройства, представляющаго не что иное, какъ точный симіокъ съ кончанского управления: подобно тому, какъ въ соборномъ устройствѣ распределение повинностей, которыми было обложено Псковское духовенство въ пользу Новгородского владыки, служило первоначальною цѣлью, такъ точно необходимо предположить, что и концы были средоточиемъ всей всеобще хозяйственной дѣятельности.

Меньше всего можно думать, что Псковские концы заключали въ себѣ только одни городскіе союзы, улицы и сотни, и что поэтому значеніе ихъ ограничивалось предѣлами одного главнаго города. Древней Руси различіе между городомъ и государствомъ во всей его строгости было мало извѣстно, и въ устройствѣ кончанского управления мы встрѣчаемъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ этого смыщенія понятій, на слѣды существованія котораго мы указывали и при другихъ случаѣахъ. Эта непспособность отрѣшиться отъ смыщенія различныхъ по существу понятій города и государства не составляетъ ни мало исключительной принадлежности древне-русской жизни, а замѣчается одинаково и въ классическомъ мірѣ, въ исторіи Рима и въ особенности Греціи, Аѳинъ, которая въ политическомъ устройствѣ свою вѣтвь любопытнѣи черты сходила съ древнею Русью и потому при сличеніи могутъ подать поводъ къ поучительнымъ соображеніямъ. Какъ известно, со времени Клиссеона Аѳинская территорія дѣлилась на десять филъ или трибъ, изъ которыхъ каждая, кроме областныхъ димовъ, заключала въ себѣ одинъ или часть одного городскаго дима, такъ что вся собранія трибы, завѣдавшія значительной частью общественныхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, происходили не иначе, какъ въ самомъ городе, въ Аѳинахъ²⁾. Такой порядокъ, съ одной стороны, не мало содѣствовалъ тому, что въ Аѳинахъ не было городскихъ интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ общаго отечества, а съ другой — устраивалъ

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 230, 1466: «а во всякъ концы ни позадъ (посадѣ) скудельницы ископаша и тамо кладоша мертвымъ».

²⁾ H. Sauppe, De demis urbanis Athenarum, въ Jahresbericht über das Wilhelm-Ernestische Gymnasium zu Weimar, 1835—1846, стр. 19.

самъ и возможность образования мѣстныхъ центровъ, легко ведущихъ къ нарушению общей политической связи: областное населеніе, будучи заключено въ трибахъ, обнимавшихъ собою какъ областные, такъ и городскіе дімы, естественно должно было преслѣдоватъ интересы союза сообща съ жителями главнаго города и сообща избирать своихъ магістратовъ. Концы въ древней Руси были не что иное, какъ именно трибы или фили, какъ послѣднія были сформированы Кли-секономъ, то-есть, мѣстные политические союзы; не что иное, какъ самыи значительные второстепенные политические организмы или общини.

Дѣйствительно, концы обнимали во Псковѣ не только извѣстныи части старѣшаго города, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли въ своемъ вѣдѣніи и извѣстныи части Псковской области, вслѣдствіе чего ихъ скорѣе можно назвать подраздѣленіями не города Пскова, а всей Псковской земли, самыми большими мѣстными союзами послѣдней. Не нужно однакож опускать изъ виду, что части Псковской земли, относившиися къ извѣстнымъ концамъ, не образовали сплошныхъ массъ территоріи: таъ какъ распределеніе Псковскихъ пригородовъ по концамъ совершалось по жребію, зависѣло, слѣдовательно, отъ случая, то само собою понятно, что подвѣдомственный концамъ Псковскія земли не имѣли никакой непремѣнной мѣстной связи не только между собою, но и съ городскимъ концемъ¹⁾). Но вопреки ожиданіямъ, такое соединеніе пригородовъ и волостей въ одно цѣлое съ городскими концами не доставило областному населенію никакого вліянія на ходъ кончанскої дѣятельности, точно также какъ оставалось безъ вліянія на дѣятельность Псковскихъ соборовъ и областное духовенство. По отдѣленности своего мѣстоположенія, Псковское областное духовенство не могло принимать ни малѣшаго участія въ занятіяхъ Псковскихъ соборовъ; а такъ какъ оно не имѣло и своихъ поповскихъ старостъ, отдельныхъ отъ представителей городскихъ соборовъ, то на концы выходило, что всѣми церковными дѣлами завѣдывало

¹⁾ Не имѣя никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ о распределеніи пригородовъ по концамъ города Пскова для XIV столѣтія Псковской исторіи, мы считаемъ существованіе его за этотъ періодъ весьма вѣроятнымъ только на основаніи двукратного поданія Псковскихъ пригородовъ по концамъ, совершеннаго въ XV столѣтіи, а именно въ началѣ и во второй половинѣ его; а потому и самое разсмотреніе сактовъ, знакомящихъ съ характеромъ этого явленія, естественно относимъ къ слѣдующей главѣ, посвященной исторіи собственно XV столѣтія.

одно городское духовенство, и что вслѣдствіе этого, въ церковномъ управлѣніи возникли разныя злоупотребленія, особенно въ распределеніи повинностей духовенства въ пользу владыки. Точно также необходимо предположить, что и вся кончанская дѣятельность — изъченіе выборныхъ отъ концовъ, избрание кончанскихъ старостъ и распределеніе общественныхъ таѣстей, находилась исключительно въ рукахъ населенія одного старѣйшаго города: обѣ участія въ этихъ дѣлахъ обитателей пригородовъ и волостей не можетъ быть и рѣчи. Это положеніе дѣлъ менѣалось не иначе, какъ только съ открытиемъ войны, когда областное населеніе стекалось въ старѣйшій городъ и получало чрезъ это возможность принять участіе по крайней мѣрѣ въ кончанской дѣятельности по организаціи войска, тѣмъ болѣе, что послѣдня находилась въ связи съ раздѣленіемъ Псковской земли на пригороды. Такъ какъ въ случаѣ войны отъ пригородовъ обыкновенно являлись во Псковъ уже сформированные отряды, снабженные на мѣстѣ ратными принадлежностями и стягами¹⁾, то кончанская дѣятельность естественно ограничивалась однимъ распределеніемъ воеводъ по этимъ отрядамъ. Дѣйствительно, число Псковскихъ воеводъ, простиравшихся во время похода 1471 года до цифры 14, какъ нельзѣа болѣе соответствуетъ тогдашнему числу Псковскихъ пригородовъ (12), особенно если принять во вниманіе, что въ числѣ 14 находились главные или „что ни большѣе“ воеводы, командовавши собствено Псковскими отрядами и назначавшіеся, по всей видимости, самими вѣчѣмъ старѣйшаго города²⁾.

Подобно тому, какъ первоначальный юридический характер не сохранился въ Псковскихъ концахъ, такъ точно онъ потерялъ свою силу и въ меньшихъ создахъ, улицахъ и сотняхъ, которыхъ приписывались въ городъ къ концамъ, такъ какъ и здѣсь уже политический элементъ получилъ большое развитіе, ибо улицы, члены которыхъ въ Новгородѣ назывались уличанами, а во Псковѣ — сосѣдями (из-

¹⁾ П. С. Л., IV, 270, 1498; «потомъ пригороды сѣхалися ко Пскову со всемъ ратною приправою и стягами». Тамъ же, IV, 197, 1408; 224, 1463.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 240, 1481; «И весь Псковъ, въ тыы часы, пригороды и волости, собравъ князя Псковскаго... сынъ князь Василей и Тихоей Васильевичъ посадники Псковскимъ, а съ ними 13 посадниковъ Псковскаго и вся сила Псковская». Тамъ же, IV, 259, 1478; «Въ Псковской же рати были отражены воеводы... а всѣхъ 7 посадниковъ, ини сынове посадники и бояре и дѣти боярскии и могли, у Псковской рати воеводами изъ концовъ отражены». Тамъ же, IV, 260, 1478; «тако одинъ посадникъ Олекъ Васильевичъ, что ни белой воевода въ войску, и подъ Новыи городомъ тамъ престоялъ».

вѣстни соѣди Петровскіе, Занковскіе, Кузьмодемьянскіе, Жирковы) представляли въ предѣлахъ города наименьшія единицы, по которымъ распредѣлялось несение общественныхъ тягостей. Однако этотъ первоначальный характеръ мѣстныхъ союзовъ, усвоенный ими вслѣдствіе слабости государства и выражавшійся въ обязанности соѣдей представлять на судъ людей, обвиняемыхъ въ какомъ-либо преступлѣніи, не остался безъ нѣкоторыхъ слѣдовъ и въ жизни города Пскова. Обязанность представлять на судъ преступниковъ необходимо влекла за собою появление въ судѣ соѣдей или товарищѣ подсудимаго, и такимъ образомъ, открывала имъ удобный путь къ содѣствію постѣднему въ его судебнай защитѣ и къ вліянію на ходъ самого судебнаго производства. Развиваясь съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе и превращаясь изъ вспомоществованія подсудимому въ рѣшительное средство къ устраниенію истцовъ и даже самихъ судей или къ подкупу постѣднихъ, вторженіе соѣдей въ судъ стало грозить полнымъ уничтоженіемъ всякой судебнай дѣятельности. Поэтому, даже въ Великомъ Новгородѣ, где обязанность союзовъ представлять на судъ преступниковъ сохраняла свою силу до постѣднаго времени, коллективное появление соѣдей въ судѣ, получившее бранное название „наводки“, возбудило противъ себя рѣшительное преслѣдованіе. Въ выдахъ устраниенія этого явленія, городскіе союзы должны были исполнять свою обязанность выдачи преступниковъ не иначе, какъ при посредствѣ двухъ „ятцевъ“, назначаемыхъ тѣмъ союзомъ: концомъ, улицею, сотней или радомъ, къ которому принадлежали преступники, и служившихъ отвѣтственными лицами въ тѣхъ случаяхъ, когда по дѣлу устраивалась наводка¹⁾). Подобное же вымѣшательство соѣдей въ судебнную дѣятельность замѣчается и во Псковѣ; но таlkъ какъ въ постѣднемъ жизни относительно была спокойнѣе, и потому совсѣмъ не было рѣчи о доставленіи на судъ преступниковъ городскими сотнями, то и противодѣйствіе этому вымѣшательству было полнѣе: тамъ всякое посыщеніе суда соѣдями „помочью“ было рѣшительно воспрещено: на судъ должны были явиться однѣ тяжущіяся стороны²⁾). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на судѣ затротивался

¹⁾ А. А. З., I, 72, № 93, 1471: «а отъ конца, или отъ улицы и отъ ста и отъ ряду, ити ятцомъ даѣши чловѣкамъ, а инымъ на пособье не ити къ суду ни къ роскау; а будетъ наводка отъ конца или отъ улицы или отъ ста или отъ ряду, ино Великимъ княземъ къ Великому Новгороду на тыхъ дву чловѣкѣхъ, по Ноугородской грам (отѣ заладѣ)».

²⁾ Муроменит, Н. С. Г., 2-е изд., стр. 9: «А на судъ помочью не ходти;

интересъ, касающійся въ равной мѣрѣ всѣхъ членовъ союза, дѣло шло, напримѣръ, о церковной землѣ, принадлежавшей извѣстной улицѣ, ходатайство за церковную землю предъ судомъ предоставлено было не самимъ прихожанамъ, а ихъ представителямъ, церковнымъ старостамъ¹⁾.

Кромѣ союзовъ, основывавшихся на мѣстномъ принципѣ, въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ были еще союзы болѣе свободнаго образованія, обязанные своимъ началомъ не сосѣдству мѣстожительства, а единственно добровольному соглашенію. Однимъ изъ своихъ составныхъ элементовъ договорные союзы примыкаютъ къ первоначальному периоду народной жизни, къ языческимъ пиршествамъ, которыхъ въ болѣе тѣсныхъ размѣрахъ продолжали свое существованіе и въ христіанское время въ формѣ пировъ и братчинъ. Связь братчинъ съ языческими пиршествами доказывается какъ сходствомъ самыхъ явлений, такъ и сходствомъ въ увеселеніяхъ, которыхъ сопровождали оба рода празднествъ, равно какъ и направленными противъ увеселеній братчинъ, скомороховъ и ихъ позоровъ, словами нашего духовенства, величающаго ихъ прямо эллинскимъ наслѣдствомъ. Христіанство произвело только ту перемѣну, что на мѣсто языческихъ боговъ поставило христіанскихъ святыхъ, чествование которыхъ и сдѣлалось религиозною стороною братчинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ общенародныхъ торжествъ, каковыми были обыкновенно языческія пиршества, братчины превращаются исключительно въ дѣло извѣстнаго кружка людей, большую частью сосѣдей, и вслѣдствіе этого, приходить въ некоторую связь съ мѣстными союзами, въ области — съ волостями, а въ городѣ — съ улицами. Подобно тому, какъ въ древности частные лица заводили свои особенные церкви, такъ точно и цѣльные союзы, улицы и товарищества, созидали себѣ патрональныя церкви и заботились о ихъ поддержаніи и уврашеніи. Для послѣдней цѣли союзы отводили храмамъ и ихъ причтамъ особья земли, и эти земли становились новою связью прихожанъ между собою: сосѣди защищали ихъ на судѣ сначала коллективно, а затѣмъ, при посредствѣ церковныхъ старостъ, мѣсто которыхъ при главнѣйшихъ хра-

мѣстахъ въ судебницу давали сутяжникомъ. А пособниковъ бы ни было ни съ одной стороны, опричь женки или за дѣтина...»

¹⁾ Мурзакеевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 10: «А за церковною землею и на судѣ помочью сусѣди не ходятъ; итти на судъ старостамъ за церковную землю».

макъ занимали обыкновенно лучшіе люди не только въ околотѣ, но и въ цѣломъ городѣ, знатнѣйшие бояре и посадники¹⁾. Чествование памяти патронального святаго было вмѣстѣ съ тѣмъ и празднествомъ цѣлой улицы, продолжавшимся обыкновенно нѣсколько дней и служившимъ торжественнымъ выраженіемъ господствовавшей въ околотѣ связи, а церковный староста самъ собою превращался въ руководителя, старосту ширштва, члены котораго, называвшися братьями, братчиками или пивцами, должны были вносить съ этой цѣлью определенный вкладъ²⁾. Вслѣдствіе смышенія частнаго права съ общественнымъ, и братчина съ теченіемъ времени получила юридическое значеніе, приобрѣла право надзора и суда надъ происходившими на ширахъ беспорядками, покражами и ссорами. Первоначально впрочемъ роль пивцевъ и ширового старосты ограничивалась однимъ только полицейскимъ надзоромъ, принятіемъ заявлений о совершеніи въ ширу какого-либо преступленія, а въ дѣлахъ по ссорамъ устройствомъ шировой сдѣлки между тяжущимися сторонами на самомъ ширу: если дѣло улаживалось мирно на мѣстѣ, безъ обращенія къ суду при посредствѣ правительственныхъ приставовъ, то оно считалось законченнымъ и не подлежащимъ княжеской пошлины³⁾. Но, не останавливаясь на этой второстепенной роли принятія явки и улаженія шировой сдѣлки, братчина въ дальнѣйшемъ движениі исторіи усвоили себѣ и право суда наравнѣ съ прочими Псковскими судьями, и та-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 195, 1402: «Постави Романъ посадникъ, староста св. Троица, и другой староста Аристъ Павловичъ, новый крестъ». Тамъ же, IV, 198, 1407. Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 10.

²⁾ Древнія стихотворенія Кирши Данилова, 1818, стр. 76—77:

«Посыпалъ Василька Буслаевичъ
У мужиковъ Новгородскіхъ
Канукъ варень, пива ячны.
Пришелъ во братчину въ Никольщину:
Не мало мы тебѣ сынь платимъ,
За всякаго брата по пять рублейъ!
А за себя Василій даетъ пятдесятъ рублейъ.
А и тотъ то староста церковный
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину».

³⁾ Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 6: «А въ ширу (учинится татьба), ино къ шировому старостѣ, или пивцамъ явити, а государю (целованы) иѣть. Тамъ же, стр. 11: «А кто къ нимъ побъется во Псковѣ, или на пригородѣ, или на волости на ширу, или гдѣ иидѣ, а только приставомъ не позовутся, а промежъ себѣ прощеніе... возмутъ, ино ту князю продажи иѣть».

кимъ образомъ, значительно отдалились отъ однородныхъ явлений остальной Руси¹⁾.

Примѣръ Новгородской братчина Никольщины показываетъ, что братчина была не исключительнымъ дѣломъ Никольского окомотка, а совершенно свободнымъ союзомъ, принимавшимъ въ свою среду и людей постороннихъ; да и вообще въ принципѣ братчина совсѣмъ не было существенной связи съ мѣстными союзами: они могли существовать и вполне независимо отъ послѣднихъ. Дѣйствительно, лишь только въ составѣ братчина преобладающимъ элементомъ оказывались не сосѣди, а лица, связанные между собою сходствомъ занятія, напримѣръ, торговли, то тотчасъ же братчина теряла свой мѣстный характеръ и изъ уличанской становилась купеческою. Первоначальные явленія и здѣсь, въ купеческой братчинѣ, были тѣ же самые: и купцы также сооружали и поддерживали свои патрональные храмы, какъ показываетъ примѣръ Новгородскихъ купцовъ-prasоловъ, построившихъ въ Русѣ церковь св. Бориса и Глѣба²⁾; и купцы торжествовали нѣсколько дней храмовой праздніи, какъ это мы замѣчаемъ на Новгородской купеческой братчинѣ, состоявшей при церкви св. великаго Ивана на Опокахъ или на Петритинѣ дворацѣ. Благодаря дошедшему до насъ описанію этого послѣдняго праздника, мы даже имѣемъ возможность хотя нѣсколько познакомиться и съ самыми подробностями подобныхъ праздниковъ. Изъ этого описанія мы узнаемъ, что на устройство праздника церковная казна, обеспеченная богатыми пошлинами и доходами, обязана была давать ежегодно опредѣленную сумму денегъ, простиравшуюся до 25 гривенъ и восполнявшую, а можетъ-быть, и совсѣмъ замѣнившую тѣ вклады, на которые устраивались пиршества въ другихъ братчинахъ³⁾. Самое торжество открывалось празднованіемъ Рождества св. Иоанна Предтечи и продолжалось три дня, въ теченіе которыхъ службу въ храмѣ отправ-

¹⁾ Мурзакевичъ, П. С. Г., 2-е изд., стр. 15: «А братчина судить, какъ суды». Ср. Калачева, Архивъ Ист.-юрид. свѣд., относ. до Россіи, II, отд. VI, 30—34.

²⁾ П. С. Р. Л., III, 102, 1403: «Поставиша купцы Новогородскіи, прасолы, въ Русѣ церковь камену св. Борисъ и Глѣбъ». Тамъ же, IV, 144, 1403. П. С. Р. Л., III, 88, 1364: «Поставиша въ Торжку церковь камену во имя св. Спаса Преображенія... а замысленіемъ богоизбранныхъ купцевъ Новогородскіхъ...».

³⁾ Д. къ А. И., I, № 3, 1134 — 1135: «А праздникъ Рожество св. великаго Ивана почесть створити и праздновати старостамъ купецкимъ и купцамъ; а имѣти старостамъ купецкимъ и купцемъ изъ вѣсу изъ вощанаго на полъ третьяцать гривенъ серебра, на всякий праздникъ св. Ивана и въ вѣкъ».

али поперемѣнно важнѣйшія лица въ Новгородскомъ духовенствѣ: въ первый день — Новгородскій владыка, во второй — Новгородскій (Юрьевскій) архимандритъ, въ третій же — игуменъ Антоніевскаго монастыря ¹). На праздникѣ присутствовали въ качествѣ гостей и важнѣйшія правительственные лица, въ позднѣйшее время — велико-княжескій намѣстникъ, дворецкій и тунъ. Всѣ гости получали, по обычаю пировъ того времени, опредѣленные дары и пошлины: владыка гривну серебра да Иское сукно, архимандритъ — полгривны, игуменъ — также; намѣстникъ получалъ сукно Иское и двадцать пудовъ меду, дворецкій также кусокъ сукна и десять пудовъ меду, тунъ же кусокъ Тумасскаго сукна, а меду пять пудовъ ²).

Но когда въ извѣстной братчинѣ большинство членовъ оказывалось людьми, связанными между собою сходствомъ занятія, то они естественно стремились распространить дѣятельность братчина и на самое занятіе, старались подчинить его иѣкоторому порядку и снискать права, благопріятныя для его развитія; вслѣдствіе этого, область частнаго права, составлявшая первоначальное основаніе братчина, религіозное празднество и ширшество, отходили на второй планъ и уступали свое мѣсто политико-юридическому значенію, въ силу второго братчина обращались въ гильдію. Такихъ гильдій, образовавшихся изъ первоначальныхъ ширшествъ, замѣчается особенно много на западѣ, который, какъ извѣстно, былъ весь усыпанъ добровольными союзами, получившими съ теченiemъ времени политико-юридическое значеніе и приведшими въ дальнѣйшемъ развитіи къ образованію городскихъ общинъ или коммунъ. Но и на востокѣ Европы, въ предѣлахъ Великаго Новгорода, гдѣ торговля совершила значительные обороты, и гдѣ поэтому купеческіе интересы возбуждали особенное вниманіе, подобные союзы были также небезпримѣрны; по крайней мѣрѣ, въ гильдіи, устроенной при церкви св. великаго Ивана на Опокахъ, торговые задачи и интересы дѣйствительно получили иѣкоторое развитіе, напоминающее весьма близко западную жизнь. До нась даже дошелъ уставъ этой гильдіи, принадлежащей въ основѣ своей началу XII в., а въ подробной редакціи относящейся не раньше какъ ко второй половинѣ XIII столѣтія и представляющей не что иное, какъ единственный на Руси примѣръ гильдейскихъ статутовъ, которыми такъ изобилуетъ западная Европа ³). Подробнѣй описа-

¹) Тамъ же, I, № 3, 1134—1135.

²) Тамъ же, I, № 3, 1134—1135.

³) Уставъ первоначально данъ Всеволодомъ Мстиславичемъ; но выраженіе

иемъ торжества, которое ежегодно совершалось Ивановскимъ купечествомъ въ честь св. Иоанна Предтечи, статутъ этотъ очень ясно указываетъ на первоначальный источникъ Новгородской гильдіи, на братчину. Но это первоначальное основаніе, религіозные праздники и пиршества, играло уже въ Ивановской гильдіи второстепенную роль, представляло не болѣе, какъ совершенно побочное явленіе; главная же сила и тамъ заключалась въ политico-юридическомъ значеніи союза, въ регулированіи самой торговли, въ устройствѣ торговой администраціи и торгового суда.

Развивая, по примѣру своего старѣйшаго брата, значительную торговую дѣятельность, Псковъ необходимо долженъ быть не только прійти къ тѣмъ же самымъ, какъ и Новгородъ, результатамъ, то-есть, къ образованію изъ купечества особенной торговой гильдіи, ставившей своею задачею возможное споспѣщеваніе торговымъ интересамъ, но и дойти до этихъ результатовъ не иначе, какъ путемъ совершенно одинаковымъ. Правда, обѣ особенной купеческой братчинѣ, которая и во Псковѣ служила бы исходнымъ пунктомъ для тамошней гильдіи, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій; тѣмъ не менѣе существование ея представляется все-таки весьма вѣроятнымъ, особенно въ виду той связи, которая имѣла мѣсто во Псковѣ между купечествомъ и храмомъ св. Софіи, и которая вообще предполагается празднованіе для патронального святаго. Связь Псковскаго купечества съ храмомъ св. Софіи продолжалась непрерывно все время самостоятельнаго существованія Пскова и выражалась въ постоянной заботѣ купцовъ о поддержаніи послѣдняго: такъ, въ 1354 году Псковскіе купцы построили новую деревянную церковь св. Софіи, а въ 1357 году, вмѣстѣ съ новою перестройкой, храмъ св. Софіи былъ превращенъ въ соборный, то-есть, занялъ первенствующее мѣсто въ основанномъ вновь второмъ Псковскомъ соборѣ или союзѣ церквей и потому стать отправлять ежедневную службу¹⁾). Такая связь Псков-

^{«памѣстникъ», встречающееся въ подробномъ спискѣ, показываетъ, что послѣдній составленъ не ранѣе второй половины XIII столѣтія, — ибо первые слѣды превращенія Новгородскихъ клязей въ великонижескихъ памѣстниковъ замѣчаются не ранѣе XIII вѣка.}

^{1) П. С. Р. Л., IV, 191, 1354: «Церковь св. Софія и чадъ ея... поставиша купцы, деревянку, новую». Тамъ же, IV, 191, 1367: «Тогда же и другой сборъ ученища во Псковѣ въ св. Софіи: вседневную службу держати и свершати». Тамъ же, V, 14, 1357: «Купцы Псковскіи поставиша церковь деревянную, во имя св. Софіи, и второй соборъ священники ученившіе, начаша держати вседневную службу».}

скаго купечества съ храмомъ св. Софіи врядъ-ли можетъ считаться простою случайностью. Напротивъ, подобно тому какъ въ Великомъ Новгородѣ къ церквамъ, уже существовавшимъ раньше или нарочно отстраиваемымъ, обыкновенно примыкали торговыя учрежденія, ко-торыя, въ лицѣ Ивановской гильдіи при церкви св. Иоанна Предтечи или же Торжковской общины купцовъ при церкви Спаса Преображенія, и считали затѣмъ поддержку храма своею первою обязанностью; точно также и въ церковныхъ постройкахъ Псковскихъ, купцамъ нужно подозрѣвать не одно духовное благочестіе, но вмѣсть съ тѣмъ и преслѣдованіе мірскихъ интересовъ. Поэтому естественно догадываться, что Софійский соборъ служилъ во Псковѣ¹ предметомъ особыхъ попеченій купечества не иначе, какъ въ качествѣ патронального храма особаго торгового товарищества; тѣмъ болѣе, что въ 1415 году, при перестройкѣ храма св. Софіи изъ деревяннаго въ каменный, выступаетъ на видъ и организація этого товарищества: Псковскіе купцы являются при этомъ случаѣ цѣлымъ, имѣющимъ во главѣ своей двухъ купеческихъ старости¹). Къ сожалѣнію, о характерѣ этой Псковской гильдіи судить чрезвычайно трудно, такъ какъ статута, подобного Новгородскому, отъ нея не осталось; все же однако можно замѣтить, что развитиемъ своимъ она, вѣроятно, значительно уступила Ивановской гильдіи въ Новгородѣ, какъ уже потому, что Новгородское купечество сравнительно было гораздо могущественнѣе, такъ и потому, что вслѣдствіе кратковременного самостоятельнаго существованія Пскова, не всѣ учрежденія его могли достигнуть своего полнаго развитія.

Наравнѣ съ городскими союзами, улицами и сотнями, зависимость отъ Псковскихъ концовъ раздѣляли и мѣстные союзы, составлявшіе областныя подраздѣленія Псковской земли. Въ строгомъ смыслѣ въ Псковской области существовалъ одинъ только родъ мѣстныхъ союзовъ—волости, распадавшіяся, благодаря нѣкоторому различію на сво-

¹) П. С. Р. Л., V, 22, 1415: «мастеръ Еремей сверши церковь камену св. мученицъ Вары, Любви, Надежи и матери ихъ Софіи... повелѣнiemъ купецкихъ старостъ, Андрея Тимофеевича и Оссея, и всѣхъ купцовъ». Тамъ же, IV, 202, 1416: «сверши церковь св. Софія за Домонотово стѣною... при старостѣ св. Троица (?), Андреи Тимошкиничча и при Іонѣ (Ст.: и при осѣ), при попѣ Іоаннѣ Хахилевѣ». Въ послѣднемъ извѣстіи замѣчается явное противорѣчіе, такъ какъ въ описаніи постройки храма св. Софіи, естественно, должны быть упомянуты старосты св. Софіи, а не св. Троицы. Поэтому мы отдаемъ предпочтение первому извѣстію.

емъ характеръ, на два вида: на пригороды и собственно волости. Подъ именемъ пригородовъ во Псковѣ разумѣлись волости, которых имѣли въ своемъ округѣ укрѣпленные пункты или города, съ сидящимъ при нихъ населеніемъ, а подъ именемъ волостей просто—мѣстные округи, не имѣвшие подобныхъ укрѣпленныхъ центровъ. Сообразно съ этимъ обстоятельствомъ, округи, которые, подобно Гостину и Прудской волости, до конца самостоятельного существования Пскова оставались безъ укрѣпленныхъ центровъ, постоянно считались простыми волостями¹⁾, тогда какъ округи Воронческій, Бережскій и Кокшинскій, бывшіе сначала, наравнѣ съ первыми, волостями просто, по сооруженію въ нихъ городовъ Воронча, Гдова (1431) и Вышгорода (1476), стали считаться уже Псковскими пригородами²⁾. Будучи въ существѣ своемъ совершенно тождественными явленіями, пригороды и волости имѣли по тому самому во все теченіе Псковской истории совершенно отдѣльное существованіе, чуждое всякаго взаимнаго влиянія; да и сами Псковичи не благопріятствовали, кажется, установленію между ними какой-либо прочной связи. Правда, каждый пригородъ естественно долженъ былъ служить въ случаѣ войны мѣстомъ прибѣжища не для одной только прилегавшей къ нему волости, которая составляла его собственный округъ или „обрубъ“³⁾, но отчасти и длясосѣднихъ волостей, которыхъ, поэтому,ѣроятно, и были привлекаемы по временамъ къ постройкѣ пригородовъ⁴⁾; однако это явленіе, если даже оно и имѣло мѣсто, все же было болѣе или менѣе случайнымъ, настоящее же дѣло постройки и поддержанія пригородовъ составляло обязанность ихъ собственныхъ округовъ. Такъ,

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 250, 1476, 268, 1490.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 206, 1431: «заложила городъ новъ на Гдовѣ на берегѣ, камену стѣну... а земцы Бережскими даю Пскову триста рублей въ камену стѣну...» Тамъ же, V, 27, 1431: «а на Гдовскихъ земцахъ, въ кого тамо отчина, взаша 300 рублей въ камену стѣну». Земцы Бережскіе или Гдовскіе составляли часть населения Бережской волости, о которой упоминается въ П. С. Р. Л., IV, 218, 1458.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 206, 1431: «всі посадники Псковскіе заложили городъ новый Выборъ, тако нарицаемый, въ Котеленскомъ обрубѣ...» Тамъ же, V, 26, 1431: «новый городокъ на новомъ мѣстѣ». Ср. А. З. Р., I, 169, 1497; Естомарова, Сѣверно-руssк. Народопр., II, 79.

⁴⁾ П. С. Р. Л., IV, 211, 1441: «Пригородъ Псковской Опбчики погорѣ вси... Александръ князь и посадники Псковскіи послыша пос. Тимоѳея, и ѿхавше съ волостыми и поставши градъ Опоччу». Тамъ же, IV, 221, 1462: «а дѣлаша его (Кобылій городокъ) мастери Псковскіи и съ волоцьмы».

при постройкѣ пригорода Гдова опредѣленною денежнouю суммою на сооруженіе каменной стѣны были обложены земцы или землевладѣльцы одной только Бережской (Гдовской) волости, а при постройкѣ Вышегорода заготовленіе запасовъ, необходимыхъ для сооруженія пригорода, все выпало на долю однихъ только поселанъ Кокшинской волости¹). Точно также и при несении другаго вида военной повинности пригороды и волости являются совершенно отдѣльными окружами, которые въ случаѣ войны одинаково составляли свои особенные отряды. Кажется даже, что при выставлении отрядовъ пригороды и волости чередовались другъ съ другомъ, когда это по характеру войны было возможно; по крайней мѣрѣ, есть несомнѣнныи свидѣтельства, что войско собиралось во Псковѣ съ однихъ только волостей, а следовательно, быть возможенъ и совершенно противоположный случай, когда наборъ ограничивался одними только пригородами²).

Вследствіе слабаго развитія во Псковѣ княжеской власти и распределенія Псковскихъ пригородовъ по концамъ старѣшаго города, влияние послѣднаго на ходъ собственно мѣстныхъ дѣлъ было крайне незначительно и ограничивалось назначеніемъ въ одни пригороды, первоначально впрочемъ весьма немногие, княжескихъ намѣстниковъ для суда, а въ другіе, особенно не имѣвшіе намѣстниковъ, Псковскихъ кормленщиковъ, да и то, нужно прибавить, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ³). Тѣмъ большій просторъ открывался чрезъ это для собственныхъ силъ пригорожанъ, для развитія ихъ дѣятельности какъ колективной, такъ и посредствуемой мѣстными органами. Въ колективной дѣятельности своей Псковскіе пригороды пользовались всѣми правами Псковскаго вѣча, распоряжались своими дѣлами по собственному усмотрѣнію, заключали на свой страхъ договоры съ неприятелемъ⁴), избирали своихъ представителей, даже такихъ, кото-

¹) П. С. Р. Л., IV, 202, 1476; ср. тамъ же, IV, 262, 1480.

²) П. С. Р. Л., IV, 199, 1407: «пріиде мастеръ со всею силою измѣцкою во Пскову... и Псковичи совокупивше волость, опричъ пригородовъ, устрѣтоша итъ... Тамъ же, V, 20, 1407: «токмо совокупивше волости свои».

³) П. С. Р. Л., IV, 222, 1463: «и князь Иванъ Ивановичъ, Добринскихъ князей, тими часы присла изъ городка (Кобыльго) гонца своего человека Якуша... Въ князѣ Иванѣ Добринскомъ никакъ нельзѣ видѣть княжескаго намѣстника для суда, такъ какъ пригородъ Кобыль, который онъ завѣдывалъ, въ разматриваемое время (1463 г.), не подлежалъ еще княжеской власти».

⁴) П. С. Р. Л., IV, 204, 1426: «князь Витовтъ нача лестини своими лѣстити Вороночанъ о перемиръ... и въ перемирье съ Вороночанъ; и Вороночане по-

рые, какъ напримѣръ, пригородскіе посадники, въ Великомъ Новгородѣ присыпались обыкновенно изъ старѣйшаго города; судили въ важнѣйшихъ случаяхъ своихъ согражданъ, и такимъ образомъ, благодаря полному отсутствію въ правильномъ подраздѣленіи компетенціи, которое устранило бы всякую возможность въ столкновенію, легко становились въ противорѣчие съ правительственною дѣятельностью старѣйшаго города. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло естественно кончалось тѣмъ, что старѣйшій городъ отмѣнялъ рѣшеніе пригорода или даже подвергалъ послѣдній за его дѣйствія штрафу: такъ, напримѣръ, въ 1477 году Псковичи наложили на Опочанъ за казнь одного конокрада пенью во сто рублей въ пользу Псковскаго князя, не смотря на то, что послѣдніе дѣйствовали въ этомъ случаѣ въ силу присущаго вѣчу права карать злыхъ людей¹⁾). Второй видъ мѣстной дѣятельности, сфера мѣстныхъ органовъ, къ числу которыхъ во Псковѣ относились пригородскіе посадники и старости, равно какъ и старосты волостные и губскіе, извѣстна сравнительно гораздо менѣе. Можно однако думать, что пригородскіе посадники, число которыхъ въ пригородахъ простиравалось иногда, какъ и въ самомъ Псковѣ, до двухъ, руководили обороной пригорода, предводительствовали пригородскимъ отрядомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пригородъ былъ отрѣзанъ отъ старѣйшаго города, или когда участіе его въ походѣ было добровольнымъ; засѣдали на судѣ княжескаго намѣстника наравнѣ съ пригородскими старостами, которые въ этомъ качествѣ соответствовали Псковскимъ сотскимъ; наконецъ, вмѣстѣ съ послѣдними сами судили въ тѣхъ пригородахъ, въ которыхъ не полагалось княжескихъ намѣстниковъ²⁾). Извѣстна изъ источниковъ дѣятельность прочихъ старостей, какъ губскихъ, такъ и волостныхъ, является чисто полицейскою: въ дѣлахъ по преступленіямъ они могли только принимать явку о совершеніи ихъ³⁾), равно какъ вмѣстѣ съ посторонними людьми должны были присутствовать при продажѣ хозяиномъ (землевла-

сляша вѣсть ко Пскову, и онъ (Витовтъ) взя перемирье убоявшеся страшныя... туча».

¹⁾ Факты и соображенія, поясняющіе положеніе пригородскіхъ посадниковъ и характеръ вѣчеваго пригородскаго суда, приведены выше, при обзорѣ частью княжеской, частью вѣчевой дѣятельности.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 187, 1341; 204, 1426. Пск. С. Г., стр. 11.

³⁾ П. С. Р. Л., 2-е изд., стр. 6: «А у котораго Псковитана, ou накова, ou чинится татба въ Псковѣ, или на пригородахъ, или въ селѣ на волости, ино явити старостамъ или окольнымъ суседамъ, или инымъ стороннимъ людемъ...»

дѣльцемъ) имущества бѣжавшаго изорника (земледѣльца)¹). Въ частности, полицейскій характеръ губскихъ старостъ сказывается еще и въ томъ обстоятельствѣ, что по временамъ губскіе старости служили приставами, сопровождавшими князя во время проѣзда послѣднаго черезъ Псковскую землю²). Помощниками старость въ этой дѣятельности являются, съ одной стороны, сосѣди или вообще сторонніе люди, съ другой же, въ изѣкоторыхъ случаяхъ, и священники мѣстнаго по-гостя: такъ, позывницы или грамоты, призывавшія къ суду, читались въ случаѣ наявки отвѣтчика въ церкви, гдѣ происходило оповѣща-ніе позовъ, не предъ старостой, а предъ священникомъ церкви³).

Въ виду существованія мнѣнія, принимающаго губскихъ старость за представителей особенныхъ административныхъ округовъ, нельзя не замѣтить, что отличие ихъ отъ волостныхъ старостъ было чисто номинальнымъ, что выраженіе „губской старосты“ было не болѣе, какъ другимъ наименованіемъ для того же волостнаго старости, но только заимствованнымъ изъ совершенно иного круга явлений, не имѣющаго съ администрацией ничего общаго. Въ самомъ дѣлѣ, губы, отъ которыхъ губской старости получили свое название, совсѣмъ не были, по-добно волостямъ, административными округами, а представляли не что иное, какъ географическія цѣлымъ, обозначали мѣстности, расположенные по окраинамъ государства, и встрѣчались не исключительно въ одномъ Псковѣ, но въ равной мѣрѣ и въ Великомъ Новгородѣ. Отличительный географический характеръ сохранился за губами оди-наково какъ въ той, такъ и въ другой странѣ: подобно тому, какъ въ Новгородѣ губы замѣчаются въ предѣлахъ Торжка и Ржевы, представляющихъ крайніе пункты Новгородскихъ владѣній на юго-востокѣ и юго-западѣ, такъ точно и во Псковѣ губы, въ извѣстныхъ намъ изъ источниковъ случаяхъ, всѣ находились на окраинахъ: Печ-ская губа — при Чудскомъ озерѣ, Бѣльская — на рубежѣ съ Новго-

¹⁾ П. С. Г., 2-е изд., стр. 11: «ибо государю оу князя и оу посадника взять пристава, да и старость губскія позвать, и сторонніхъ людей, да тотъ животъ изорничъ, предъ приставы и предъ стороннными людми государю попро-датъ»...

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 255, 1477: «и пристави соція Андрея Свѣю и Логина, старость губскихъ, и иныхъ добрыхъ людей, которы ему служили и его чество-вали, тѣхъ всѣхъ 18 человѣкъ помзвать и повязавъ иучи ихъ, съ собою на Москву вѣль».

³⁾ П. С. Г., 2-е изд., стр. 4: «А которой позовнице пойдеть исца звати на судъ, и той позваный не пойдеть на погостъ въ церкви позывницы чести, или стулится отъ позывница, ико позывница прочести на погостѣ предъ пономъ»...

родскою землей, тамъ же и Новорежская¹⁾). Будучи чисто географическими, дѣленіе по губамъ необходимо совпадало съ административнымъ дѣленіемъ Псковской земли на волости: легко могло статья, что нѣкоторыя губы заключали въ себѣ по нѣсколько волостей, старосты которыхъ всѣ становились чрезъ это губскими, тогда какъ другія содержали въ себѣ всего по одной волости или даже составляли просто нѣкоторыя части послѣднихъ²⁾). Примѣръ соединенія нѣсколькихъ губъ въ одной волости представляетъ Новгородская земля въ Ошевскомъ погостѣ, составлявшемъ часть ея Ржевскихъ владѣній. Ошевский погостъ дѣлился на три трети, на собственно Ошевскую (не упоминаемую въ источникахъ, но возстановленную нами въ параллель Бардовской трети въ Бардовскомъ же погостѣ), Будкинскую и Туровскую. Ошевская треть въ свою очередь заключала въ себѣ три губы, а именно: Влицы, Цебло и Ратчино. Такимъ образомъ, въ Великомъ Новгородѣ губы представляли, между прочимъ, и подраздѣленіе волостей, и притомъ, еще не прямое: посредствующимъ звеномъ между ними и волостями являлись трети³⁾). Въ дальнѣйшемъ теченіи русской жизни губы теряютъ свой географический характеръ, дѣлаются, наравнѣ съ волостями, простыми мѣстными округами и распространяются по всѣмъ краямъ Русской земли; но вмѣстѣ съ этимъ расширениемъ они теряютъ и значительную долю своего значенія, свойственного имъ въ качествѣ волостей: изъ общихъ административныхъ округовъ они дѣлаются специальными округами по однимъ только уголовнымъ дѣламъ.

Таково было устройство, полученное Псковомъ по приобрѣтеніи полной самостоятельности. Это устройство съ избыткомъ удовлетворяло всѣмъ мѣстнымъ Псковскимъ нуждамъ и предупреждало всѣ

¹⁾ А. А. Э., I, 44, № 58, 1456; тамъ же, I, 68, № 91, 1471. П. С. Р. Л., IV, 264, 1480; 240, 1471; 241, 1471.

²⁾ Чм. въ М. О. И. и д., 1870, I, отд. V, 72, 1631: «дворцовые крестьяне Прутскіе засады, Прутскія губы: волостной староста Сысоико Копокиткинъ, да крестьяне... да Русскіе (отъ Руха) губы: волостной староста Ивашко... да крестьяне... да Русскіе губы: вол. староста Богданчико... да крестьяне... да Чирскіе губы»...

³⁾ А. З. Р., I, 89, № 71, окт. 1479: «А въ томъ въ Ошевскомъ погостѣ три губы: первая губа Влицы, а Цебло, а Ратчино... Тамъ же, I, 88, № 71: «Такожъ въ томъ же Ошевскомъ погостѣ, съ Будкинскѣй трети королю данъ идетъ... а съ Туровской трети... Отсюда слѣдуетъ, что первое свидѣтельство нужно читать такъ: «А въ томъ въ Ошевскомъ погостѣ, въ Ошевской трети три губы»...

возможный потрясения, какъ со стороны старѣшаго города, такъ точно и со стороны подчиненной ему области. Прежде всего нужно замѣтить, что Псковская земля была весьма незначительна по своему объему и никакимъ образомъ не могла благопріятствовать стремлени-ямъ къ мѣстному обособленію, характеризующимъ теченіе Новгородской исторіи: во Псковѣ не могло быть и помину обѣ образованій отдельныхъ земель, подобныхъ Двинской слободѣ или Торжку, о созданіи мѣстнаго влиятельного класса людей, подобнаго Двинскимъ боярамъ. Сверхъ того, и сосредоточеніе всего общественнаго управления въ предѣлахъ самого Пскова, устраненіе всякой опредѣленной связи между пригородами и сосѣдними съ ними волостями, вело къ той же самой цѣли, препятствовало образованію мѣстныхъ интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ всей Псковской земли, дѣлало невозможнымъ зарожденіе въ подчиненныхъ мѣстностяхъ сознанія о своей особности отъ старѣшаго города, наконецъ пріучало пригороды и волости смотрѣть на себя, какъ на простыя составныя части Пскова. Но если со стороны области нельзя было ожидать никакихъ враждебныхъ движений, подобныхъ тѣмъ, какія волновали жизнь Великаго Новгорода и постоянно грозили его цѣлости, то еще меньше можно было ожидать смятений отъ старѣшаго города, или по крайней мѣрѣ, черни послѣднаго. Псковская знать постаралась сообщить всему общественному устройству такой характеръ, который лишалъ низшіе классы всякой возможности къ нападенію: власть князя была низведена во Псковѣ почти что до нуля, да и посадники не могли похвастать особыеннымъ влияніемъ на дѣла, дѣйствуя свободно только въ рамкахъ, указанныхъ знатью, и натыкаясь, при всакомъ отступлении отъ нихъ, на такія преграды, преодолѣть которыхъ они рѣшительно не могли. Оттого весь періодъ самобытнаго существованія Пскова представлялъ, такъ-сказать, типъ да гладь, жизнь текла тамъ почти невозумѣтимъ порядкомъ: ничего не слышно о шумныхъ вѣчахъ, извѣстія о междуусобной браніи крайне рѣдки, равно какъ рѣдки указанія и на насилия черни¹⁾). Да и эти рѣдкіе примѣры внутреннихъ смятений замѣщаются только къ концу самостоятельнаго существованія Пскова, и притомъ, въ важнѣйшемъ случаѣ были вызваны не столько столкновеніемъ интересовъ различныхъ

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 91, 1385: «Бысть сѧча Псковичемъ промежи себе, и много бысть мертвыхъ». Тамъ же, IV, 217, 1458: «прибавиша Псковичи зобиціи, и палицу привишиши къ по(х)зобеню, при посадникѣ степенномъ Алексѣвъ Васильевичъ, а старыхъ посадниковъ избивъ на вѣчи».

классовъ общества, сколько давлениемъ сверху, усилившимся влияниемъ великихъ князей Московскихъ¹⁾.

Прочность общественного устройства пробуется однако не одними только внутренними отношениями, но еще более отношениями внешними, способностью противостоять тѣмъ опасностямъ, которые могли грозить ему со стороны соседей, а здѣсь тѣ же самыя причины, которые обусловливали внутреннюю устойчивость и спокойствие Пскова, большую частію становилась источникомъ важныхъ затрудненій. Незначительность области, препятствовавшая образованію мѣстныхъ интересовъ и возникновенію мѣстныхъ стремленій къ самобытности, становилась синонимомъ беззащитности предъ лицемъ сильныхъ соседей, со всѣхъ сторонъ тѣснившихъ Псковскую землю. Точно также и слабость княжеской власти, лишая князей всякой возможности къ враждебнымъ движеніямъ противъ свободы Пскова, вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяла ожидать отъ нихъ сколько-нибудь значительного сопротивленія поддержанію виѣшней самостоятельности господина Пскова. По причинѣ незавиднаго положенія Псковскаго князя и ежечасной опасности изгнанія, грозившей ему въ случаѣ столкновенія съ Псковичами, сильные князья, которые, подобно Андрею Ольгердовичу въ первый разъ его княженія во Псковѣ въ 1341 году, располагали храброю дружиной и имѣли руку на своей родинѣ, а потому вполнѣ удовлетворяли ожиданіямъ Псковичей, ни мало не дорожили Псковскимъ столомъ, предоставляли равнодушно дѣло управлѣнія своимъ намѣстникамъ, и такимъ образомъ, какъ-бы сами добровольно отказывались отъ Псковскаго княженія²⁾). Въ такихъ обстоятельствахъ Псковичамъ приходилось или оставаться совсѣмъ безъ князя, что по временамъ дѣйствительно и случалось, или же довольствоваться, какъ то было во время Новгородскаго владычества, мелкими князьями, безъ рода и племени; въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ Псковскіе князья XIV столѣтія отличались этимъ характеромъ, были не чѣмъ инымъ, какъ бѣглцами, гонимыми на родинѣ и искашившими въ своемъ „безверемены“ прюта гдѣ-либо на чужбинѣ: для примѣра достаточно указать на князей Василія Будиволну, 1357 года, и Андрея Ольгерновича въ послѣдніе два раза его княженія во Псковѣ, а именно въ 1377 и 1394 годахъ³⁾). Князья подобнаго рода, правда, и сами рады

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 266, 1483, 1484, 1485.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 188 1341; 190, 1348.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 191, 1357. «Пріѣхаша князь Василій Будиволна на княжение во Псковъ». Кто былъ и откуда явился—неизвѣстно. То же нужно замѣ-

были бы искажить во Псковѣ, но не имѣя ни многочисленной при себѣ дружины, ни вѣрной заручки на родинѣ, они ни мало не соответствовали потребностямъ Псковичей, угрожаемыхъ въ это время особенно съ запада: обстоятельства требовали отъ Псковичей, чтобы они были готовыми бить воронъ соколомъ, а сокола-то у нихъ и не было!

Оттѣсивъ Русскихъ отъ господства надъ западнымъ берегомъ Чудскаго озера еще во время владычества въ томъ краѣ Новгородцевъ, Нѣмцы не опускали ни одного благопріятнаго случая къ расширению своихъ владѣній путемъ дальнѣйшихъ завоеваній. Отдѣлъ Искова отъ своего старѣшаго брата пролагало торную дорогу къ этимъ завоеваніямъ и дѣлало успѣхъ борьбы для Нѣмцевъ весьма вѣроятнымъ. Потому послѣдніе спѣшили воспользоваться благопріятнымъ для нихъ раздвоеніемъ силъ противника и нанести новый ударъ Пскову присвоеніемъ себѣ исключительного господства надъ Чудскимъ озеромъ и расширениемъ своей восточной границы на счетъ соцредѣльныхъ Псковскихъ мѣстностей. Нѣть никакого сомнѣнія, что эти стремленія задѣвали самыя существенные стороны Псковской жизни, и что при незначительности своей территории, Псковичи должны были дорожить каждою пядью своей земли, а въ видѣ поддержанія своего промышленного благосостоянія, всѣми силами охранять свою долю господства въ водахъ Чудскаго озера; потому естественно ожидать, что и противодѣйствие этимъ стремленіямъ будетъ самымъ упорнымъ, и что борьба получить съ ихъ стороны характеръ борьбы за существованіе. Интересъ послѣдней становится тѣмъ больше, чѣмъ незначительнѣе представляется самъ по себѣ ближайшій предметъ спора, состоявшій всего только въ двухъ или трехъ небольшихъ клочкахъ земли или „обидныхъ мѣстахъ“, а именно въ острожкѣ Желачкѣ съ окружающею его водою Чудскаго озера, выступѣ противоположнаго ему Псковскаго берега (Озолицѣ?) и въ землѣ за Краснымъ городкомъ, въ юго-западной части Псковской области¹⁾. Споръ

тить и о князѣ Александрѣ, упоминаемъ въ П. С. Р. Л., IV, 192, 1368. Тамъ же IV, 195, 1377: «Прибѣже князь Андрей Олгердовичъ во Псковъ и посадиши его Псковича на княженіе». Тамъ же, IV, 193, 1387. «Яль князя Андрѣя братъ его Скрыгайло лѣстью въ Полотскъ». Тамъ же, IV, 194, 1344. «Князь великий Андрѣй Олгердовичъ прѣѣхалъ изъ Литвы отъ братии изъ Литвы». Съ напѣ же явился, вѣроятно, и сынъ его Иванъ Андреевичъ, княжившій послѣ отца во Псковѣ.

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 195, 1369: «а то разратье бысть съ Нѣмци промолчъ оби иного времени, али по 5 лѣтъ». Тамъ же, V, 16, 150. Тамъ же, IV, 237, 147:

за эти обидные места открылся около 1362 года, и будучи поддержаны торговыми столкновениями, да и въ свою очередь вызывая послѣднія, затянулся на цѣлое столѣтіе, въ продолженіи которого Озолица и Желачка испытывали неоднократныя напасти со стороны Нѣмцевъ¹⁾. Во время этихъ напасть непріятель ходилъ въ спорномъ краю, какъ въ своей собственной землѣ, косилъ сѣно, хваталъ или избивалъ Псковскихъ рыболововъ, грабилъ и жегъ церкви, построенные Псковичами²⁾. Хотя и Псковичи въ свою очередь старались на практикѣ показать свои верховныя права на спорную землю, предпринимали туда съ этой цѣлью торжественные поѣзды съ княземъ и посадниками во главѣ, косили сѣно, заставляли Псковскихъ рыбаковъ ловить при себѣ рыбу, строили на обидныхъ мѣстахъ церкви и даже городки, какъ напримѣръ, Кобылій пригородъ, а за опустошеніе Нѣмцевъ платили тою же монетою, дѣлали нападенія на нѣмецкіе города и предавали ихъ разоренію³⁾; тѣмъ не менѣе всѣ эти мѣры не только не достигали своей цѣли,—укрѣпленія спорныхъ земель за Псковомъ, но даже вели скорѣе къ противоположнымъ результатамъ. Недостатокъ въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ со стороны названныхъ братьевъ при защищать ихъ собственныхъ областей все болѣе и болѣе исполнялъ Нѣмцевъ радужными надеждами, пріучалъ ихъ смотрѣть на Псковъ, какъ на вѣрную добычу, которая рано или поздно, но непремѣнно достанется въ ихъ руки, и заставлялъ заботиться только о томъ, чтобы могущественное Литовское государство, выросшее бокъ-о-бокъ съ ними, не предупредило ихъ въ этихъ завоевательныхъ стремленіяхъ. Въ этихъ видахъ Нѣмцы не замедлили вступить въ сношенія съ великими князьями литовскими и вскорѣ успѣли уладить дѣло къ обоюдному удовольствію, составивши въ 1398 году, на случай будущихъ завоеваній, планъ полюбовнаго раздѣла наслѣдія

«Такоже повѣстова (Рижскій посолъ) и о желацкой водѣ; такоже и о землї, что за Краснымъ городкомъ».

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 88, 1362. «пріимаша Псковичи гость нѣмецкіи, поморскіи и заморскіи, аркуще: отъимаша Юрьевци съ Вианевици у насъ землю и воду».

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 205, 1427. «Нѣмцы на Псковской землї сѣно косиша, и Псковичи ѣхавше въ дву насаду сѣно пожгоша». Тамъ же, IV, 210, 1436.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 218, 1459. «Князь Александръ Васильевичъ и посадники Псковскіи, съ мужи Псковичи, ѣхавше на землю св. Троицы, на Озолицу, и на Желачка сѣно покосиша и ховцамъ своимъ повелѣша рыбы ловити по старинѣ и церковь поставиша». Тамъ же, IV, 221, 1462, ср. съ IV, 237, 1471. Тамъ же, IV, 212, 1444.

Великаго Новгорода. По плану 1398 года Тевтонскій орденъ заранѣе великодушно отказывался отъ всякихъ притязаній на собственно Новгородскія земли, предоставляя вѣдаться съ ними, въ случаѣ покоренія, одной Литвой, а Витовтъ, не желая оставаться въ долгу, охотно уступалъ въ полное распоряженіе Нѣмцевъ Псковъ, когда только союзникамъ удастся, отдельно или общими силами, подчинить послѣдній своей власти¹⁾.

Можно было бы по крайней мѣрѣ думать, что въ виду своего опаснаго положенія и недостаточности собственныхъ средствъ къ защите, Псковичи постараются загладить свою ошибку, совершенную чрезъ отдѣленіе отъ Новгорода, и соединятся со своимъ старѣшімъ братомъ тѣсными узами дружбы на преодолѣніе враждебныхъ сосѣдей. Однако, вопреки ожиданію, отношенія между названными братьями весьма рѣдко отличались дружественнымъ характеромъ, который позволялъ бы разчитывать на взаимную помощь въ борьбѣ съсосѣдами; напротивъ того, жалоба на безучастіе Новгородцевъ къ борьбѣ Пскова съ его вѣшними врагами является въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтій въ устахъ Псковскаго лѣтописца точно такимъ же постояннымъ припѣвомъ, какимъ въ послѣдующее время служила жалоба на притѣсненія Московскихъ намѣстниковъ²⁾. Причинъ, обусловливавшихъ взаимное неудовольствіе между Великимъ Новгородомъ и Псковомъ и коренившихся большою частію въ остаткахъ прежнихъ отношеній, было не мало. Новгородцы остались уже недовольными поступками Псковичей, сопровождавшими Болотовское жалованье, тѣль какъ послѣдніе, вскорѣ послѣ признанія ихъ самобытности, не только оставили подъ Орѣшкомъ Новгородцевъ одними въ борьбѣ со

¹⁾ Bunge, И. В., IV, 220, № 1478, 1398 г.: «Vortme so su sullen wir (магистръ Тевтонскаго ордена) keine vorderunge haben zu grosse Nowgarderland, sunder in welcherlei weise sie betwungen werden, von uns, unserm orden, adir an uns komen, sullen blichen deme vorgenanten herren Alexandro»... Тамъ же, IV, 225, № 1479, 1398: «Ceterum terrae ac dominia Ruthenorum de Plescowe, qua litercunque, sive per nos (Витовта)' aut per ipsum ordinem, coniunctim aut divisim, aqui sitae fuerint, vel alias qualitercunque devenerint, solus ordo easdem perpetuo obtinebit, nec unquam bona fide eundem, quominus easdem obtineat, impediens». Тамъ же, IV, 415, № 1604, 1402 г.

²⁾ П. С. Р. Л., IV, 192—193, 1369; 197, 1406. Тамъ же, IV, 198, 1407: «И тогда Псковичи биша членъ Новгороду, абы имъ помогли; и они не помогоша Псковичемъ не мало». Тамъ же, IV, 198—199, 1407: «а Новгородцы въ то времѧ... испросиша у Витовта князя Лугмени Олгердовича, а все то Псковичемъ въ перечину»... Тамъ же, IV, 200, 1409; 201, 1410; 204, 1426.

Шведами, но и самое отступление совершили въ виду непріятеля, при звукахъ военной музыки. Правда, что Псковичамъ въ это время савими грозила опасность со стороны Нѣмцевъ; но какъ бы то ни было, поведеніе ихъ мало могло содѣйствовать упроченію взаимной съязи, тѣмъ болѣе, что Псковъ по прежнему продолжалъ служить притономъ для Новгородскихъ бѣглецовъ и авантюристовъ, которые, напроказивъ на своей родинѣ, обыкновенно искали спасенія въ со-сѣднѣсть Псковѣ¹). Но такъ какъ Великому Новгороду приходилось первѣдко самому платиться за буйства своихъ согражданъ, то понятно, что онъ не могъ смотрѣть сквозь пальцы на укрывательство перебѣгчиковъ во Псковѣ, не могъ оставить такой образъ дѣйствія безъ рѣшительной попытки къ его устраненію. Дѣйствительно, воспользовавшись первымъ случаемъ, когда Новгородскіе ушкуйники, ограбивъ на Волгѣ гостей Московскихъ, укрылись во Псковѣ отъ преслѣдованія, грозившаго имъ на родинѣ, Великій Новгородъ рѣшился наказать Псковичей оружiemъ: до столкновенія дѣло, впрочемъ, не дошло, такъ какъ послѣдніе поспѣшили уладить его мирно и договоромъ въ Сольцахъ обざались въ 1390 году выдавать не только ушкуйниковъ, но и другихъ бѣглецовъ, выдача которыхъ составила на Руси одно изъ обыкновенныхъ условій въ договорахъ съѣдей между собою, а именно: должниковъ, холоповъ и рабынь²). Но не успѣло миновать и трехъ лѣтъ, какъ миръ уже былъ нарушенъ: Новгородцы снова очутились въ открытой враждѣ съ Псковичами, и только благодаря содѣйствію Новгородскаго владыки, который, какъ общій пастырь, самъ былъ сильно заинтересованъ въ поддержаніи согласія между названными братьями, и вліянію апокалиптическихъ представлений о предстоящей близко кончинѣ всего міра, волновавшихъ въ то время умы христіанъ, вновь удалось въ 1397 году водворить между спорищими сторонами добрая отношенія. Хотя договоръ 1397 года и называлъ быть Вѣчнымъ миромъ, но по непрочности человѣческихъ отношеній, и Вѣчный миръ оказался не вѣченъ: вскорѣ Псковъ вновь

¹) П. С. Р. Л., IV, 58—59, 1348; 189, 1348; тамъ же, IV, 227, 1347.

²) П. С. Р. Л., IV, 97, 1390: «Ходиша Новгородцы съ княземъ Семёномъ Олгердовичемъ на Псковъ ратью, и стала въ Соцци, и Псковскими посы ту и докончаша съ Новгородцами миръ: за должникъ, и за холопъ, и за робу, и кто въ путь ходиша на Волгу, не стояти Псковичемъ, но выдати ихъ». То же въ П. С. Р. Л., V, 244, VIII, 61.

поскорился съ Великимъ Новгородомъ, и нужно было новое содѣйствие владыки для того, чтобы ссѣра не перешла въ открытую вражду¹).

Въ числѣ причинъ, служившихъ источникомъ постоянныхъ затрудненій между Псковомъ и Новгородомъ и препятствовавшихъ установлению между ними братскаго согласія, необходимаго для борьбы съ винѣшними врагами, было одно обстоятельство, которое, внося раздоръ въ отношенія названныхъ братьевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указывало и на дальнѣйшее направленіе, которое должно было принять теченіе Псковской жизни, не находившей опоры ни въ самой себѣ, ни въ ближайшихъ сосѣдахъ. Мы говоримъ о церковномъ бытѣ господина Пскова, имѣвшемъ въ жизни послѣднаго вообще немаловажное значеніе. Церковная реформа, совершившаяся во Псковѣ одновременно съ реформою политической, была далеко не такъ рѣшительна, останавливалась на полдорогѣ, а потому сопровождалась постоянными затрудненіями не только въ домашней жизни Пскова, подъ влияніемъ которыхъ Псковская церковь получила свой особенный, чрезвычайно любопытный характеръ, но и въ сношеніяхъ съ Новгородскимъ владыкой, а следовательно, посредственно и съ самимъ старѣйшимъ братомъ Пскова, Великимъ Новгородомъ. Но внося неудовольствія въ отношенія къ Великому Новгороду, церковныя дѣла естественно обращали взоры Псковичей къ Москвѣ, какъ представительницѣ высшей на Руси духовной власти, приводили ихъ въ прямые сношенія съ Московскимъ митрополитомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріучали смотрѣть на Москву, какъ на единственное мѣсто, могущее оказать имъ дѣйствительную помощь въ борьбѣ съ сосѣдями, и такимъ образомъ, разрѣшить и ихъ политическія затрудненія.

А. Никитский.

¹) П. С. Р. Л., IV, 97, 1397: «и владыка Иоаннъ благослови Великій Новъградъ дѣтей своихъ: чтобы есте, дѣти, мое благословеніе пріяли, а Псковичемъ бы есте нелюбъ отдали, а свою братію мокодшую пріяли бы есте по старинѣ; занеже, дѣти, видите, уже послѣднее время, были бысте за единъ братъ въ христіянствѣ... и весь Великій Новъградъ... взяша миръ по старинѣ.... занеже не бишеть миру по 4 годы». Тамъ же, IV, 195, 1397: «взяша миръ вѣчный съ Новынъгородомъ». Тамъ же, IV, 208, 1434.

ДРЕВНЯЯ БРИТАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Отличительную особенность древней британской церкви составляют простота и безискусственность ея учреждений и формъ и ревность ея членовъ къ миссионерской деятельности, которая напоминаетъ о звѣи чисто апостольской, о Феменахъ Петра, Иакова, Иоанна и Павла. Другое отличие британской церкви этой эпохи—то, что она со всемъ энергией кельтской расы отстаивала свои учреждения и церковные формы отъ притязаний римскихъ папъ. Наконецъ, для русского исследователя первоначальная история британской церкви представляетъ еще тотъ особенный интересъ, что въ изученіи ея она можетъ найти отчасти объясненіе тѣхъ явленийъ, которыхъ совершаются нынѣ въ англиканской церкви, и въ которыхъ такъ ясно и торжественно заявляется, со стороны этой церкви, стремленіе къ содѣянію съ восточно-православной церковью.

Первоначальная история британской церкви заключаетъ въ себѣ два периода. Первый периодъ заключаетъ въ себѣ самые первоначальные моменты образования и явленія христіанства въ Британіи и представляетъ своеобразное, никакими притязаніями постороннихъ вліяній не стѣсняемое развитіе церкви въ духѣ апостольской свободы и простоты, и выѣстѣ съ тѣмъ, сообразно съ национальнымъ характеромъ. Второй периодъ заключаетъ въ себѣ самую оживленную борьбу первоначальныхъ и образовавшихся въ первомъ периодѣ институтовъ и формъ съ притязаніями и покушеніями папъ на ихъ чистоту и цѣлость. Первый периодъ обнимаетъ время отъ первого явленія христіанства въ Британіи до V вѣка, второй съ V по XII вѣкъ. Но какъ языческий кульпъ древнѣйшихъ обитателей Британіи, принадлежавшихъ къ кельтскому племени, не могъ не имѣть нѣкотораго отношенія къ первоначальной британской христіанской церкви¹⁾, то

¹⁾ Real -Encyklopädie für protestantische Theologie und Kirche von Dr. Herzog, III, статья Culdee.

естественно будетъ предпослать нашему изслѣдованию обѣ этой церкви иъкоторымъ свѣдѣнія о языческой религіи Бриттовъ.

I.

Греко-римской образованности предшествовала въ Британіи кельтская культура. Галльское или кельтское племя, раздѣлившееся въ множествѣ группъ, подъ разными названіями, какъ-то: Кельтовъ, Галловъ, Гаэловъ, Галатовъ, Кимбронъ, Ведъговъ, Бриттовъ, Лигуровъ, Иверовъ и т. под., занимало огромныя территоріи въ Европѣ, начиная отъ Испаніи до Англіи, отъ Дуная и Висеніи до сѣверныхъ юрей. Оно исходило Европу во всѣхъ ея направленіяхъ, такъ что (тѣкогда вся Европа называлась Кельтикой¹⁾), участвовало въ важѣніяхъ историческихъ союзахъ Европы и сталкивалось со многими знаменитыми завоевателями, начиная отъ Александра Великаго до Цезаря. Соціальный строй Галловъ, нехождѣ ни на восточнія монархіи, ни на республики Греческія и Римскія, чьо представляемый какую-то смѣсь всѣхъ формъ правленія, въ которомъ существовали и царь, и сенатъ изъ представителей высшаго сословія, и образія изъ представителей народныхъ²⁾), поражалъ Грею-Римлянъ; устройство кельтскихъ деревянныхъ изъ дубовыхъ брусьевъ домовъ, покрытыхъ соломой или дубовыми гонтами, безъ всякихъ признаковъ роскоши и украшеній, кроме непріятельскихъ череповъ, повѣшанныхъ на воротахъ домовъ, возбуждало ужасъ въ образованныхъ Римлянахъ; но еще болѣе любопытства и удивленія, смѣшанного съ камикъ-то страхомъ, производилъ въ нихъ религиозный культа Кельтовъ, таинственный институтъ ихъ жречества или друидизма. Высшимъ центромъ развитія этого вѣроученія, отечествомъ его была Британія³⁾. Британія населена была различными кельтскими племенами, различавшимися другъ отъ друга обычаями, нравами и даже языками и нерѣдко между собою ожесточенную войну. Первыми населяниками острова были Гаэлы или Кельты, пришедшие изъ Испаніи, известные въ послѣдствіи подъ именемъ Скоттовъ, Кaledonians⁴⁾ и Пиктовъ, въ новыми пришельцами оттесненные съ юга и востока на сѣверъ и западъ, въ теперешнюю Шотландію и Ирландію; за ними пришли

¹⁾ См. *H. Martin*, *Histoire de France*, I, 2.

²⁾ См. *Freppel*, *Saint Irénée*, 6.

³⁾ См. *Diodoros Siculus*, *Origines Europaearum*, стр. 145, 313; *Caesar de Bell. Gall. lib. VI*, с. 13, гл. 21.

Кимверы, отъехавши прежнихъ обитателей и поселившись въ теперешнемъ Уэльсѣ или Валлисѣ и Кумберландѣ; потомъ Бретты, давшіе название цѣлому острову и занявшіе Англію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Племена, населявшія Британію, благодаря географическому положенію, въ большей чистотѣ сохранили кельтскіе обычай и религіозныя вѣрованія, чѣмъ Кельты, жившіе на материкѣ Европы. Цезарь поэтому не безъ причины считалъ Британію отечествомъ друидизма и вообще кельтскаго религіознаго культа¹⁾). Результаты, добытые современною наукой о друидизмѣ, доказываютъ, что кельтскій культь имѣлъ самый первобытный характеръ и рѣзко отличался отъ религіи греко-римской. Камень не отесанный, а какъ создала его природа, или куча подобныхъ камней служили мѣстомъ для вѣнчаний дѣйствій кельтскаго культа. При обрядахъ его не было ни одного истукана, ни одного пластического изображенія божества. Недаромъ еще Цельсь находилъ поразительное сходство между друидизмомъ и іудейскою религіей²⁾). Этими чертами друидизмъ приближался къ первоначальной семитической религіи и рѣзко отличался отъ яфетическихъ религій Греціи и Рима, где вымыслы поэтическаго творчества и пластическихъ искусствъ составляли существенную принадлежность культа³⁾.

Религія друидовъ была сперва чисто натуралистическою и только въ послѣдствіи усвоила себѣ извѣстные символические формы и образы. Божества Кельтовъ—Камуль, Тарантъ, Коривденъ были не что иное, какъ разныя силы и явленія природы. Но надъ этими божествами воевалось верховное божество, называемое Эзусъ.

Главными служителями Эзуса были друиды. Этотъ вліятельнѣйший въ кельтскомъ мірѣ институтъ, которому повиновалась вся нація, даже цари, и которого решения и приговоры были безапелляціонны⁴⁾), представляютъ самое характеристическое, самое замѣтальное и едва-ли не единственное явленіе въ древнемъ мірѣ. Друиды не походили ни на индійскую касту браминовъ, ни на союзіе греческихъ и римскихъ жрецовъ, состоявшее изъ патриціан-

¹⁾ См. De Bell. Gall. lib. VI; Am. Thictry, Histoire des Gaulois, II; Freppel, Saint Irénée; D. Martin, La religion des Gaulois, II, и статьи о друидизмѣ въ Encyclopédie moderne и въ Encyclopédie nouvelle.

²⁾ Orig. contra Celsus, lib. 1. Орови. также ии. Вып. 18. 1; 28. 18; Исм. 20; Втораяк. 27..

³⁾ Martin, Religion des Gaulois.

⁴⁾ Diffenbach, Origines Europeae, 313.

скихъ фамилій; это было общество, отличное отъ другихъ классовъ кельтского общества, но охотно принимавшее въ свою среду членовъ изъ всѣхъ сословій, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы поступающіе имѣли достаточная познанія и способности, доказанныя притомъ предварительнымъ искусствомъ. Друиды не были даже просто жрецами; это были, по свидѣтельству Цезаря¹⁾, вмѣстѣ съ жрецами, и учителя, и судьи народные; это было образованѣйшее сословіе среди кельтского общества, цвѣть его просвѣщенія. Классъ друидовъ раздѣлялся на три разряда: два низшіе и одинъ высшій. Два низшіе разряда собственно и были жрецами. Одни изъ нихъ назывались оватами (прорицателями); они изучали тайны природы и теченіе звѣздъ; предсказывали будущее и узнавали волю боговъ по полету птицъ и по внутренностямъ и крови животныхъ; отправляли общественные и частныя богослуженія; они же занимались лѣченіемъ болѣзней. Это были и авгурсы въ римскомъ смыслѣ, и физіологисты, по выраженію Грековъ, то-есть, люди, изучавшіе явленія матеріальной природы, знаніе, всегда въ древности связывавшееся съ магіей. За оватами слѣдовали барды, пѣвицы религіозныхъ и героическихъ пѣсенъ, хранители народныхъ преданій, воодушевители среди войны и бѣствій народныхъ, порицатели и обличители пороковъ, особенно малодушія и трусости, они же примиряли внутренніе раздоры и укрощали вражду и соперничество племенъ. Восторженная размѣренная рѣчь барда, сопровождалась звуками арфы, производила необыкновенное дѣйствіе на сердца Кельтовъ.

Какъ оваты, такъ и барды, изъяты были отъ налоговъ и отъ обязанности носить оружіе, жили общую жизнью въ одномъ небольшомъ селеніи, если это было время мира, или же въ лагерѣ — во время войны. Надъ тѣми и другими возвышалась третья ассоціація, совершенно изолированная отъ треволненій міра и удалившаяся въ глубину и мракъ дубовыхъ лѣсовъ или въ горныя пещеры и другія неприступныя мѣста. Это-то и были въ собственномъ смыслѣ друиды. Они были и жрецами, и физіологистами, какъ оваты, и поэтами, какъ барды; безъ присутствія друида не могло быть совершено ни одного жертвоприношенія; но ко всему этому они присоединяли еще высшее знаніе.

Оваты только изучали дѣйствія природы, въ которыхъ видѣли присутствіе небесныхъ существъ; друиды же доходили до изысканія причинъ, стремились проникнуть въ общіе законы природы, въ самую

¹⁾ De bello Gall., I.

сущность вещей, въ свойство высшихъ существъ, въ загробный тайны. Барлы дѣйствовали на душу силою поэзіи, друиды—проповѣдью нравственныхъ началь; они считали себя въ непосредственныхъ спонсорахъ съ невидимыми божествами, и вотъ почему безъ нихъ почиталась недѣйствительною никакая жертва. Итакъ, друиды были богословами, моралистами, юристами, метафизиками, философами кельтскаго міра. Окруженные избранною и каждующею знанія молодежью, они проводили время въ тѣни священныхъ дубовъ, распространяли знаніе и поддерживали религіозный жаръ въ народѣ. Изъ своихъ святилищъ они выходили только въ торжественныхъ слушающихъ, для присутствованія при жертвоприношеніяхъ, для отправленія высшихъ обязанностей граальданскаго суда, для наказанія преступныхъ, для разбора ссоръ между колѣнами галльскими или распределения съ сосѣдними народами, для укрощенія междуусобій, для награжденія добродѣтельныхъ¹). Какъ всѣ галльскія племена, не смотря на свои внутреннія несогласія, имѣли мѣстные центры соединенія, гдѣ они сходились для совѣщанія обѣ общихъ дѣлахъ, такъ и друидская ассоціація, какъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ мѣстъ греческихъ и римскихъ писателей, имѣла свои центры или особенные мѣста для совѣщаній, и даже имѣла одного общаго, пожизненно избранного начальника или главу своего по всему Кельтскому племени разсѣянаго общества. Мѣсто пребываніемъ главнаго британскаго друида былъ островъ Мона или Англези. Здѣсь и еще теперь, говорить Штейдлинъ, указываютъ на скѣды палать, гдѣ жилъ начальникъ британскихъ друидовъ. Цезарь упоминаетъ также обѣ одномъ начальниковъ друидовъ галльскихъ и о годичномъ собраниі ихъ въ одномъ священномъ мѣстѣ на границѣ Карпунской, гдѣ былъ какъ-бы центръ галльского друидизма²).

Дубъ играетъ важную роль въ религіи друидовъ. Подъ тѣнюю дуба жили друиды, листьями его вѣячали себя, и украшали ими свои алтари; безъ дуба не бывало никакихъ жертвоприношеній³). Самое имя друидъ значитъ дубъ или человѣкъ дуба. Съ дубомъ всегда было связано въ кельтскихъ преданіяхъ другое растеніе, принадлежащее къ

¹) Нѣкоторые ученые, замѣчаютъ Диффенбахъ, относить къ ордену друидскому и женщины, называвшихся друидиссами, но въ настоящее время дознано уже, что это были просто галльскія волшебницы, предсказательницы будущаго, не имѣвшія ничего общаго съ ассоціаціей друидовъ (см. *Diffenbach*, 316).

²) *De bello Gall.*, lib. VI.

³) Plin. XVI, ст. XLIV.

роду чужеядныхъ и известное въ ботаникѣ подъ именемъ омеля (*Vitis* сим *albush*), на кимбрійскомъ языѣ *quyld* или *cuyl*, что значитъ — растеніе по преимуществу. Растеніе это отличается отъ другихъ чужеядныхъ растеній тѣмъ, что оно не только прицѣпляется къ другимъ деревьямъ, но и пускаетъ въ нихъ свои корни и питается соками ихъ стволовъ. Когда омела встрѣчалась не на дубѣ, а на другихъ деревьяхъ, то друиды не обращали на нее никакого вниманія; но когда они послѣ долгихъ поисковъ находили омелу на дубѣ, то считали это даромъ божества и признакомъ того, что самъ богъ отмѣтилъ это дерево и избралъ его себѣ жилищемъ. Шестой день послѣ февральскаго или мартовскаго новолуния особенно почитался друидами за священный, потому что тогда омела, распустивъ свои зеленые листья на огромныхъ обнаженныхъ дубахъ, одна служитъ изображеніемъ жизни среди жертвенности природы¹). Шестой день каждой луны считался торжественнымъ днемъ у друидовъ; съ него начинался счетъ мѣсяцевъ. Утромъ въ этотъ день народъ толпами стремился въ дубовую рощу, къ дереву, означенованному особою небесною милостію, дѣлали приготовленія къ жертвоприношеніямъ и празднству; друидъ, одѣтый въ бѣлое платье, подходилъ къ священному дубу и обрѣзывалъ съ него омелу золотымъ серпомъ; другіе друиды собирали срѣзанные листья омели и клади ихъ въ полы своей бѣлой одежды; потомъ закалывали двухъ бѣлыхъ быковъ, связанныхъ рогами другъ съ другомъ, и просили бога принять ихъ жертву и быть милостивымъ къ народу. Затѣмъ торжество оканчивалось пиршествомъ, по случаю пріобрѣтенія небеснаго растенія, исѣлающаго всѣ недуги и уничтожающаго всякое безплодіе. Въ этомъ друидическомъ обрядѣ находятъ глубокій богословскій догматъ, именно: объясненіе тайны творенія, что тварь только въ союзѣ съ Творцемъ, а частное существо только отъ существа всеобщаго (котораго дубъ служить представителемъ) можетъ получать жизнь. Другіе же видѣть въ этомъ обрядѣ символическое ученіе о бессмертіи души. Дѣйствительно, всѣ свидѣтельства греко-римскихъ писателей о религії кельтской положительно говорятъ о вѣрованіи друидовъ, что душа человѣческая и міръ бессмертны, и что по смерти человѣка душа его переходитъ въ другія существа²). Смерть есть средина или переходъ къ продолжительной жизни, учили друиды;

¹⁾ Plin. XVI. XLIV.

²⁾ См. Strab. IV, 197; Caesar, VI, 14: Diodor. V, 306; Luc. I, V. 458.

она необходима, чтобы избавиться отъ зла. Это же вѣрованіе въ бессмертіе и постоянную жизнь природы выражалось у друидовъ въ обрядѣ возжиганія огней въ ночь на 1-е ноября. Предъ этимъ временемъ друиды погашали всѣ огни у себя; по сигналу,циальному или, погашались огни и на всесть островѣ Британскомъ, повсюду воцарялась мертвенная тишина, вся природа погружалась во мракъ. Вдругъ на священной горѣ, гдѣ собирались друиды, появлялся огонекъ; тогда вся страна отлыхала криками, всѣ спѣшили къ этой горѣ, чтобы взять оттуда священного огня, и этотъ огонь передавался отъ одного къ другому, отъ одного дома въ другой. Вѣра въ бессмертіе есть самый отличительный характеръ друидического богословія, и въ этой-то вѣрѣ, заключался главный источникъ героизма Кельтовъ, ихъ презрѣніе къ настоащей жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ, задатокъ успѣховъ христіанства среди этого народа; сю-то объясняются многіе странные обычай этого народа, какъ-то: сожженіе покойника и ст. нимъ его оружія, его лошадей, иногда его невольниковъ, чтобы онъ могъ найти ихъ и за гробомъ, и наконецъ, самоубійство друзей на могилѣ своего друга или любимаго вожда. Изъ этого же догмата выводить и существованіе, въ кельтскомъ культе, человѣческихъ жертвъ. Не считаемъ нужнымъ ни оправдывать, подобно Г. Мартену, это послѣднее явленіе, ни объяснять его изъ друидического догмата о бессмертіи души. Это, можетъ-быть, лишь результатъ воздействиія на друидизмъ чуждыхъ религій, особенно финикийской, вліянія, которое, начавшись съ раннихъ доисторическихъ временій, потомъ, въ историческую эпоху, особенно со временемъ учрежденія греческихъ колоній среди кельтскихъ народовъ и со времени войны Римланъ съ Галлами, сильно измѣнило друидический культи и внесло въ него много элементовъ чуждыхъ. Существование и развитіе этихъ чуждыхъ вліяній на друидизмъ обозначаетъ настѣль для вѣрной оценки того, въ какой степени британско-кельтская религіозная почва была подготовлена къ принятію христіанскаго ученія, сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Еще за 600 лѣтъ до христіанской эры, колонія Фокейцевъ прибыла въ южную Галлію, недалеко отъ устья Роны, была гостепріимно прината жившимъ тутъ галльскимъ племенемъ, получила часть территории, поселилась на ней, вошла въ родственныя связи съ тузыемцами и основала городъ, которому дала имя Массилии, теперешняго Марселя. Колонія эта росла постоянно вслѣдствіе прилива новыхъ переселенцевъ изъ Фоки, распространяла свою торговую дѣятельность и мало по малу сдѣлалась однѣмъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ

центровъ Средиземного моря; сюда прививала вся торговля запада съ востокомъ; отсюда распространялись влияніе греческой цивилизаціи, искусства и религіи на кельтское племя; здѣсь Малая Азія входила въ сношенія съ Галліей, Арморикой и Британіей. На югъ и юго-востокъ Галліи въ до-христіанскую еще эпоху воодворились поселенія Іоніанъ; изъ поселеній этихъ образовались знаменитые города галльские — Ліонъ и Віенна, гдѣ греческая образованность встрѣтилась съ друидическою культурой. Завоеванія Римлянъ въ Галліи и Британіи внесли на британскую почву римскіе элементы, мифы и есогонію; римскій политеизмъ, и особенно римское идолопоклонство, римскій антропоморфизмъ проникли въ кельтской культъ. Напрасно друиды отставали и національную независимость Кельтовъ, и чистоту ихъ религіозныхъ вѣрованій. Галлія была покорена Римлянами, и въ центрѣ ея, въ Ліонѣ, было воздвигнуто памятникъ императору Августу¹⁾; Галлы вѣсто лѣсовъ начали приносить жертвы въ храмахъ; явились даже изображенія главнаго галльского божества, какъ видно по барельефу, найденному въ концѣ прошлаго вѣка при раскопкахъ близъ Парижской церкви *Notre-Dame*. Но римская образованность, всегда шедшая путемъ завоеванія и сопровождавшаяся уничтоженіемъ галльской національности, была приемлема кельтскимъ племенамъ неохотно. Галлы, по выражению одного древнаго галльского поэта (около V вѣка по Р. Х.), имѣли глубокое отвращеніе къ римскому господству, которое тяготѣло надъ ними всю свою тяжесть²⁾, и съ ожесточеніемъ преслѣдовала ихъ религію и жрецовъ. Они болѣе сочувствовали греческой культурѣ, которая шла къ нимъ изъ Массиліи, Ліона и Віенны мирнымъ путемъ. Влияніе Римлянъ было сильнѣе на Кельтовъ, живущихъ на материкѣ Европы, чѣмъ на островахъ Британскихъ. Въ Британіи два похода Цезаря кончились полной неудачей для Римлянъ, и только при императорѣ Клавдіѣ южная часть Британіи была покорена и обращена въ римскую провинцію, при чѣмъ были обнародованы строгія запрещенія и даже гоненія на друидизмъ. Но Бритты всегда готовы были свергнуть римское иго, и по выражению британского хрониста, островъ этотъ носилъ только римское имя, но не усвоилъ себѣ нравовъ и обычаевъ римскихъ, и даже отвергался отъ нихъ³⁾. Друиды

¹⁾ *Freppel*, Saint Irénée, 149.

²⁾ См. Sidonii Apollin. *Carmina apud reg. Gallic. Script. t. 1*; также *Augustin Thierry*, *Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands*, I, 39.

³⁾ *Historia Gildae Sapientis, de excidio Britanniae*, cap. 1, § IX.

дизъ, не смотря на преслѣдованія, былъ живъ и только скрывался въ мѣстахъ, неприступныхъ для римскаго владычества.

Новая религія, явившаяся въ Палестинѣ, а потомъ въ другихъ странахъ, подвластныхъ Риму, была встрѣчена римскими властями съ такою же непріязнью, съ какою Римъ относился къ религії друидовъ. Римъ, равнодушный ко всѣмъ религіознымъ культамъ, поставившій въ свой пантеонъ всѣхъ боговъ покоренныхъ имъ народовъ, не могъ терпѣть только двухъ ученій—христіанскаго и друидического, и смѣшивая ихъ по нѣкоторымъ общимъ догмамъ, одинаково враждебно относился къ тому и другому. Съ другой стороны, христіанство и друидизмъ, имѣя между собою нѣсколько точекъ соприкосновенія, особенно въ ученіи о бессмертіи души, о презрѣніи міра, и также одинаково презирая греко-римское лжничество, должны были болѣе, чѣмъ всѣ другія религії, сойдтись одно съ другимъ. Послѣ всего сказанного, можно представить себѣ, въ какой степени почва кельтскаго племени была самою своею религіей подготовлена къ воспріятію новыхъ идей, принесенныхъ христіанствомъ.

Изъ вышесказанного можно догадываться и о томъ, откуда Галлія и Британія болѣе всего должны были познакомиться съ идеями христіанскими — съ востока или съ запада, чрезъ Массилію, Ліонъ и Віенну или чрезъ Римъ. Если, съ одной стороны, въ чистомъ друидизмѣ заключалось нѣсколько точекъ соприкосновенія съ идеями христіанскими, то съ другой стороны, греко-римская суевѣрія, смѣшившись съ древними вѣрованіями кельтскими, произвели, преимущественно въ Галліи какую-то странную смѣсь римского невѣрія и индифферентизма съ друидическимъ фанатизмомъ, какую-то амальгаму друидической суровости и жестокости съ изнѣженностью и утонченнымъ развратомъ Рима. Въ Британіи же, гдѣ друидизмъ сохранился въ болѣе первобытномъ состояніи, чѣмъ у другихъ кельтскихъ народовъ, естественно должно было быть болѣе удобства и для распространенія христіанскихъ идей. А какъ народы кельтскіе, особенно въ Галліи и Британіи, охотнѣе принимали греко-римскую образованность путемъ мирнымъ, чрезъ Массилію, Ліонъ и Віенну, чѣмъ чрезъ центры римскаго господства, то естественно, что и новое ученіе, явившееся въ Палестинѣ, должно было достигнуть до Галловъ на материкѣ Европы и островахъ скорѣе чрезъ представителей греческаго востока, чѣмъ посредствомъ органовъ Рима.

II.

Первое по древности свидѣтельство о британской церкви принадлежитъ Тертулліану, писателю конца II и начала III вѣка; Тертулліан¹⁾ пишетъ: „Въ него (Иисуса Христа) увѣровали Парѳяне, Гуден, живущіе въ Йерусалимѣ, и всѣ народы; такъ что ему повинуются уже и Гетулы, и Мавры, всѣ предѣлы Испаніи, и различныя племена Галловъ и неприступныя для Римлянъ мѣста Бриттовъ (*Britannorum inaccessa Romanis loca Christo vero sublita*)“⁴. Этими словами Тертулліанъ хочетъ сказать, что владычество Иисуса Христа въ Британіи простиралось далѣе владычества Римлянъ въ этой странѣ. Но власть Римлянъ не проникала здѣсь въ это время далѣе южной части острова и не могла перешагнуть за знаменитый Римскій валъ, отдѣлявшій собственную Британію отъ земли Пиктовъ и Скоттовъ. Септимій Северъ, при которомъ написано сочиненіе Тертулліана противъ Иудеевъ, самъ дѣлалъ походъ въ Британію и построилъ новую стѣну, чтобы избавить Британію собственно отъ нападеній Пиктовъ и Скоттовъ. Тертулліану, слѣдовательно, могла быть хорошо известна Британія этого времени. Свидѣтельство Тертулліана о томъ, что предѣлы христіянства въ Британіи простирались за Римскій валъ, до странъ, занимаемыхъ Циклами и Скоттами, получаетъ особенное значеніе, если припомнимъ, что онъ обращаетъ эти слова къ Иудеямъ въ доказательство того, что Иисусъ Христосъ есть истинный Мессія, вѣра въ котораго распространяется съ такою быстротою и на столь широкомъ пространствѣ. Замѣтимъ еще, что слова Тертулліана, какъ Каѳаагеніана по мѣсту жительства, имѣютъ особенный авторитетъ, такъ какъ Каѳаагенъ находился во времена Тертулліана въ самыхъ оживленныхъ сношенияхъ съ Британіей. Къ свидѣтельству Тертулліана прибавляется также принадлежащее писателю III вѣка еще другое извѣстіе, жителю Египта и Палестины. Оригенъ, въ 4-й бесѣдѣ на пророка Іезекіиля, сказавъ, что Иудеи видѣть исполнившимся все, что сказано было о Христѣ, но безразсудно не признаютъ Его, прибавляетъ: „Ибо когда земля Британская, до пришествія Христа, вѣровала въ единаго Бога? Когда вѣровали земля Мавровъ и весь міръ?“ Изъ словъ Оригена вытекаетъ, что въ его время въ Британіи было много людей, признававшихъ Иисуса Христа: иначе онъ не привелъ бы этой страны въ доказательство того, что вся земля признаетъ Спасителя. Тотъ же Ори-

¹⁾ *Adversus Jud., VI.*

гесь, въ бесѣдѣ 6-й на евангеліе Луки пишетъ: „Сила Спасителя нашего находится и съ тѣми, которые живутъ отдельно отъ нашего материка въ Британіи, и съ тѣми, которые на морѣ, и со всѣми, которые подъ солнцемъ увѣровали во имя его. Отсюда усмотря величие Спасителя — какъ оно разлилось по всему миру!“

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ двухъ писателей нельзя вывести опредѣленного заключенія о времени появленія христіанства въ Британіи, но можно съ достовѣрностью утверждать, что это явилось здѣсь гораздо раньше Тертулліана и Оригена, слѣдовательно, прежде III-го вѣка. Поэтому писатели послѣдующихъ вѣковъ относятъ время появленія христіанства у Бриттовъ къ эпохѣ апостольской. Такъ, Евсевій, говорить, что иѣкоторые изъ апостоловъ дошли до самыхъ крайнихъ предѣловъ вселенной: одни проповѣдывали въ странѣ Индѣйской, другіе переплыли океанъ на такъ-называемыѣ Британскіе острова. Слова Евсевія направлены къ тому, чтобы доказать, что апостолы не были обманщиками, — иначе они не могли бы, будучи простыми и необразованными людьми и зная только еврейскій языкъ, просвѣтить всю вселенную, какъ-то: Римлянъ, Персовъ, Армянъ, Парѳянъ, Индѣйцевъ, Скиеовъ и такъ-называемыѣ Британскіе острова; а потому они дѣлали это силою божественною. Феодоритъ, писатель V-го вѣка, также свидѣтельствуетъ, что между народами, которые были обращены апостолами ко Христу, были и Британцы. Послѣднее свидѣтельство, какъ позднѣйшее, и притомъ болѣе ораторскаго, чѣмъ исторического характера, имѣть мало значенія. Еще менѣе цѣны имѣютъ болѣе позднія свидѣтельства, въ которыхъ представляются апостолами Британіи, то Филиппъ съ 12-ю учениками ¹⁾, то Аристовуль, ученикъ апостола Павла ²⁾, то Симонъ Зилотъ ³⁾, то апостолъ Петръ ⁴⁾, то Іаковъ Зеведеевъ ⁵⁾, то Іосифъ Ариамаѣскій ⁶⁾, или иаконецъ, папа римскій Елеверій, жившій будто бы въ царствованіе Коммода (около 160—180 г.) и просвѣтившій Бриттовъ по просьбѣ царя ихъ Люція ⁷⁾.

¹⁾ См. Liber de partibus utriusque testamenti, приписываемой Исидору, *Historia de Ecclesiasticae Britonum Scotorumque historiae fontibus*, стр. 46.

²⁾ См. Четьи-Мини мѣсяцъ мартъ 16-е число. Память св. апостола Аристовула епископа Британскаго.

³⁾ Act. v. 13. Jun. XXIX. p. 411.

⁴⁾ Шеллъ, 46 стр.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Allg. Kirchengeschichte von Grossbritannien von Staudlin. 18

⁷⁾ См. Шеллъ, 22, 23, Bed. lib. 1, cap. IV.

Изъ Гильды и Беды мы можемъ даже заключать о численности христианъ въ Британіи во время гонений Діоклетіана, о главныхъ тогдашнихъ центрахъ христианства въ этой странѣ и даже упомаю имена первыхъ христианскихъ мучениковъ британской церкви. По словамъ этихъ лѣтописцевъ, христианство до такой степени господствовало тамъ въ это время, что римскіе императоры нашли нужнымъ распространить и на эту страну свои эдикты, направленные противъ христианъ. Здѣсь было столько христианъ, что они могли представлять мъ, среди своей мучениковъ; нѣкоторые же изъ мучениковъ известны намъ и по своимъ именамъ, какъ-то: Альбанъ, Юлій и Ааронъ.

Главными центрами и метрополіями британской церкви въ IV и V вѣкѣ были города: Веруламъ или Верламчестеръ или Ветлінгчестеръ, гдѣ потомъ построена была и церковь въ честь мученика Альбана и городъ легіоновъ на рекѣ Ускѣ, гдѣ пострадали Юлій, Ааронъ и весьма многіе другие мученики.

На соборѣ Аредатскомъ, бывшемъ въ 314 году противъ донатистовъ, между присутствовавшими тамъ епископами были и британскіе въ числѣ трехъ, именно: Эборій, епископъ Эборакскій или Йорвіскій, Реститутъ, епископъ Лондонскій, и Адельфъ изъ колоніи Лондонской, то-есть, изъ Колчестера. Кромѣ трехъ епископовъ, подписались подъ актами собора одинъ священникъ и діаконъ, но имени Арминій, также изъ Британіи. Факты эти важны въ томъ отношеніи, что представляютъ намъ картину значительного развитія британской церкви въ IV вѣкѣ, а именно, что она имѣла правильно устроенную іерархію, состоявшую изъ трехъ степеней, могла представить на соборъ изъ среды своей трехъ епископовъ изъ трехъ городовъ, а по нѣкоторымъ¹⁾ — изъ трехъ провинцій, и находилась въ сношеніяхъ съ другими церквами въ мірѣ. Притомъ, нельзя думать, чтобы число епископовъ ограничивалось въ это время только посланными на соборъ, потому что извѣстно, что на соборы отправлялись не всѣ епископы каждой провинціи, а только одинъ или два, если въ провинціи ихъ находилось несолько. Труды Аредатского собора не ограничивались только осужденiemъ ереси Дона, но также опредѣлили правила, касающіяся устройства и дисциплины западныхъ церквей, и имѣли обязательную силу для всѣхъ западныхъ христианскихъ обществъ. Слѣдовательно, британскіе епископы были на соборѣ участ-

¹⁾ См. Stillingfleet, Orig. Brit. or Antiquities of the Brit. churches. London 1685, стр. 76 и Staudlin, I, 22.

никами при решении вопросовъ, касавшихся всей западной церкви, и съ другой стороны, представителями всей британской церкви предъ западомъ.

На Сардикскому собору (847 г.), по свидѣтельству св. Аeanасія (Apol. 11, contra Arian.), также были британские епископы. Хотя въ подписахъ подъ актами этого собора не встречается ихъ имена, но Аeanасій, очевидно, разумѣлъ въ числѣ галльскихъ епископовъ и британскихъ, потому что въ это время было обыкновеннымъ дѣломъ называть подъ Галлами и Бреттонъ. Такъ, Сульпіцій Северь (Hist. sacr. 11, 41), говоря о приглашении епископовъ на соборъ Арианіенский (въ 359 г. въ Италии), упоминаетъ только объ епископахъ Иллірика, Италии, Африки, Испаніи, Галліи, и вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ, что и епископы британские явились на соборъ¹⁾.

На Сардикскомъ соборѣ британские епископы, вмѣстѣ съ другими 59 или 97, осудили арианъ и оправдали Аeanасія. Какъ мы видѣли, изъ словъ Тертулліана можно отчасти выводить такое заключеніе, что въ III вѣкѣ христіанство въ Британіи простипалось до Ирландіи и Шотландіи. Извѣстно также, что иногда слово Британія, равно какъ и выраженіе Скоттия у древнихъ писателей и хронистовъ среднихъ вѣковъ, безразлично прилагались къ цѣлому архипелагу Британскому²⁾. Но предположеніе о существованіи христіанства на всемъ архипелагѣ, конечно, нуждается еще въ положительныхъ историческихъ доказательствахъ. Къ несчастію, историческіи данные по этому предмету весьма сбивчивы и неопредѣленны, такъ что нельзя сказать ничего рѣшительного о времени обращенія Шотландцевъ и Ирландцевъ. Такъ, Беда утверждаетъ, что восточные Шотландцы были обращены въ христіанство Ниниемъ родомъ Бретанцемъ, въ 394 году, (Bed. III, lib. cap. IV). Просперъ, въ своей хроникѣ, приписываетъ обращеніе Шотландцевъ Палладію, котораго смысливается съ Патриціемъ³⁾. Но Просперъ самъ противорѣчитъ себѣ, прибавляя при этомъ, что страна эта и прежде была христіанской. Въ самомъ дѣлѣ, изъ Confessio Патриція ясно видно, что еще въ IV вѣкѣ Шотлан-

¹⁾ Missis per Hispanias Galliasque magistris officialibus acciti Ariminum convenere, quibus omnibus auctoribus et cellararia dare imperator praesuperat, sed id nostris idest Aquitanis, Gallis ac Britannis indecet visum (см. Sulpic. Sever. hist. sacr. 11. 41; также Staudlin, Allgemeine Kirchengeschichte von Grossbritauien, vo. I. стр. 23 примѣч. 26).

²⁾ См. Pertz, Monumenta Germaniae historica, II. vita S. Galli, стр. 5, примѣч. 10.

³⁾ См. Шелл 76.

для была христіанською стражею, ім'я ієархію и находилась въ частыхъ и дружественныхъ сношенияхъ съ христіанською Галлією, такъ что духовные шотландские были въ ближайшемъ родствѣ съ духовными гальскими. Изъ исповѣди Патриція видно, что онъ бытъ сынъ діакона Кальмарія и внукъ пресвитера Потита ¹⁾). Этому Патрицію приписываютъ обращеніе въ христіанство Ирландцевъ въ V вѣкѣ. Но самая біографія Патриція показываетъ, что и адѣль христіанство было известно еще прежде его. Впрочемъ нужно сознаться, что въ IV и V вѣкахъ Шотландцы и Ирландцы часто измѣняли христіанству и обращались къ прежнимъ своимъ вѣрованіямъ. Поэтому еще по смерти Патриція предстояло много труда для проповѣднической дѣятельности такихъ людей, каковъ бытъ Колумба. Бурная политическая обстановка Британіи, особенно съ V вѣка, производили много отступниковъ отъ христіанства среди Пиктовъ и Скоттовъ, и вероятно, въ IV и V вѣкахъ сѣверные части Англіи, а также многія части Шотландіи и Ирландіи, еще не были просвѣщены христіанствомъ. Можно признать за достовѣрное только то, что шотландская и ирландская церкви суть дочери церкви британской въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, судя по тому тожеству въ вѣроученіи, обрядахъ и церковной дисциплинѣ, которое замѣчается между этими тремя церквами. Недаромъ въ понятіи римскихъ миссионеровъ всѣ эти три церкви не представляли никакого различія, и духовенство всѣхъ этихъ трехъ церквей относилось къ Риму самымъ жесткимъ образомъ ²⁾). Такимъ образомъ, въ концѣ V вѣка большая часть Британіи, Шотландіи и Ирландіи была проповѣщена христіанствомъ, а оставались не просвѣщенными только сѣверные части этихъ странъ.

Не смотря на скучную извѣстія о состояніи британской церкви въ періодѣ времени отъ III-го до VI вѣка, мы можемъ составить о ней нѣкоторое помітіе по историческимъ даннымъ. Ієархія ея, довольно многочисленная, по свидѣтельству Гальды ³⁾), состояла изъ трехъ степеней: епископской, пресвитерской и діаконской ⁴⁾). Духовенство британское было женатое, какъ видно изъ жизни Патриція, который былъ сынъ діакона и внукъ священника; даже нѣкоторые

¹⁾ См. статью *Patricius in Real-Encyclopedie, von Herder.*

²⁾ Scottos nihil discrepare a Brittanibus in eorum conversatione didicimus. См. Bed. II. cap. IV.

³⁾ См. epistol. Gildae, стр. 29.

⁴⁾ См. Confessio Patricii и *Mem. de Eccles. Brit. Scoter. fontibus historiae*, стр. 14.

изъ епископовъ были женаты, что видно изъ свидѣтельства Беды, который называетъ распространителемъ пелагианской ереси нѣкоего Агриколу, сына одного епископа¹⁾). Но кромѣ женатаго духовенства, было и духовенство монашествующее, которое въ свою очередь раздѣлялось на киновитовъ или жившихъ въ одномъ монастырѣ, и анахоретовъ. Монастыри въ исторіи британской церкви играли такую роль, какой они не имѣли, можетъ-быть, ни въ какой другой христіанской церкви. Таковъ былъ въ этотъ періодъ монастырь Бангорский, котораго настоятель-пресвитеръ былъ главнымъ правителемъ британской церкви. Монастыри были не только религіозно-образовательными заведеніями, но и правительственные духовными центрами, и средоточиемъ миссионерской дѣятельности. Впрочемъ, въ полномъ развитіи и со всею своею оригинальностью они являются въ слѣдующемъ періодѣ²⁾). Число епископскихъ каѳедръ въ IV вѣкѣ было не менѣе трехъ; по крайней мѣрѣ въ половинѣ этого вѣка, какъ мы уже видѣли, каѳедры епископскія находились въ Лондонѣ, Эборакѣ или Йоркѣ и колоніи Лондонской или Колчестерѣ. Но къ концу V-го вѣка это число возрасло до семи хотя и нельзѧ съ точностю опредѣлить, гдѣ именно находились эти каѳедры³⁾). Были ли соблюдаены между епископами британскими преимущества мѣста и чести, — изъ историческихъ памятниковъ этой эпохи опредѣлить трудно; но кажется, что всѣ епископы почитались равными между собою и рѣшили дѣла церковныхъ посредствомъ соборныхъ разсужденій. Уссерій прямо опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые желаютъ видѣть въ этомъ періодѣ британской церкви слѣды существованія первенства въ родѣ архіепископства или приматства. На соборныхъ засѣданіяхъ они занимали мѣста по старшинству посвященія своего въ санъ епископскій и въ такомъ же порядкѣ подписывались и подъ соборными актами, а потому всѣ они назывались однимъ общимъ именемъ епископовъ, но не употребляли названій архіепископа, митрополита и т. п.⁴⁾.

¹⁾ Bed., lib. I, cap. XVII.

²⁾ См. Gild. Epist. и Bed. lib., cap. 11.

³⁾ Bed. lib. II, cap. 11.

⁴⁾ Totam hanc de Britannicis archiepiscopis traditionem vel minui vel potius labefactari; infirmum nimis est; cum et alibi passim, et in hac ipsa Patrum concilii Arelatensis nomenclatura (in qua archiepiscopi nomen nulli antistiti tributum legitur) tum alias archiepiscopos, tum ipsum Romanum pontificem *episcopi titulo* simpliciter designari, nemo harum rerum paulo peritior ignoret (Britann. Ecclesiarum antiquitates, cap. V, стр. 51—52).

Нельзя думать, чтобы британская церковь находилась въ зависимости отъ какой-либо другой церкви, а тѣмъ болѣе — въ зависимости отъ Рима. Всѣ сказанія о томъ, будто бы первые христіанскіе проповѣдники Британіи получали санкцію изъ Рима и признавали свою юридическую зависимость отъ римскаго престола, оказываются выдумкою сторонниковъ Рима и отрицаются новѣйшою критикою, какъ несогласныя съ исторической истиной¹⁾). Напротивъ того, мы должны признать, на основаніи историческихъ данныхъ, что британская церковь была церковью самостоятельной или автокефальной, и подчиненнюю никакой другой церкви. Сознаніе самостоятельности было до такой степени развито въ умахъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ этой церкви, что когда архиепископъ Турскій вздумалъ подчинить своей юрисдикціи британскую церковь, образованную въ галльской Бретани изъ выселенцевъ съ Британскаго архипелага, то встрѣтилось самое сильное сопротивленіе со стороны жителей этой области, которые, прямо называя свою церковь дочерью церкви британской, отъ нея только одной, какъ своей матери, хотѣли принимать всѣ законы, а также епископовъ и священниковъ, и совершенно отказались отъ приглашенія присутствовать на галльскихъ соборахъ²⁾). Такой же отпоръ дали британскіе епископы въ VI вѣкѣ легату папскому³⁾ Августину и его преемникамъ.

Ученіе о единосущії Сына Божія съ Богомъ Отцемъ, утвержденное на первомъ Никейскомъ соборѣ, признавалось и британской церковью. Главный поборникъ и проповѣдникъ этого ученія, Асанасій Великій, нашелъ себѣ защитниковъ въ британскихъ епископахъ, заставившихъ на Сардицкійскомъ соборѣ. Иларій, въ письмахъ своихъ къ епископамъ Германіи и Британіи, писанныхъ въ 358 году, свидѣтельствуетъ, что Бритты остались не зараженными и не запятнанными заразою проклятой ереси (аріанской). То же свидѣтельствовалъ и самъ Асанасій въ письмѣ своемъ къ Іовіану⁴⁾). Но все-таки аріанская ересь коснулась Британіи⁵⁾ и нарушила согласіе и единство между ея членами, жадными до новостей, и не имѣвшими твердости уображенія⁶⁾), но это или было не надолго, или же ограничилося та-

¹⁾ См. Шелль.

²⁾ August. Thierry, I, 47.

³⁾ Bed. lib. II, cap. IV.

⁴⁾ См. у Шелля стр. 48.

⁵⁾ См. Gildae § IX; Bedae lib. I, cap. VIII.

⁶⁾ Тамъ же: «Insulae novi semper aliquid audire gaudenti et nihil certi firmius obtinenti».

кимъ малымъ числомъ соратившихся въ ересь, что не имѣло никакого влиянія на общій, принятый церковью, строй ученія. Вслѣдствіе того, хронисты Британіи, Гильда и Беда, даже не остановили на этомъ явленіи своего вниманія, да и въ послѣдующей исторіи этой церкви мы не встрѣчаемся съ слѣдами арианства; а потому мы въправѣ заключать, что хотя британскіе епископы и не присутствовали на Никейскомъ соборѣ, и именъ ихъ не встрѣчаемъ, какъ и именъ почти всѣхъ другихъ епископовъ латинскихъ странъ, подъ актами этого собора, но ученіе и опредѣленія этого собора были приняты британской церковью.

Гораздо болѣе движенія произвела въ Британіи ересь Пелагія, урожденца Британіи. Въ то самое время, какъ политическій міръ Европы былъ постоянно потрасаемъ отъ напора разныхъ народовъ германского племени, которые съ оружиемъ въ рукахъ оспаривали другъ у друга великое достояніе Римской имперіи, въ то же время велась страшная борьба и въ мірѣ духовномъ, шли тонкіе богословскіе споры, но уже не о природѣ Божества, а о природѣ человѣческой. Споры эти возбуждены были урожденцемъ Британіи, Кимвромъ Морганомъ, перенѣзвавшимъ свое народное имя (*Mörg-an*, гений моря, море, *pelagus*) на греческое *Пѣлагос*. Онъ отвергалъ первородный грѣхъ и вмѣнляемость его, также происхожденіе смерти отъ грѣха, а не отъ свойства человѣческой природы, и необходимость благодати для спасенія человѣческаго и т. п. Но Пелагій болѣе распространять свое ученіе въ Британіи, въ Африкѣ, Римѣ, Палестинѣ, хотя впрочемъ и въ своемъ отечествѣ успѣхъ образовать себѣ многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей. Галлія также имѣла если не прямыхъ адептовъ Пелагія, то много приближающихся къ его ученію или полупелагіанъ. Центрами этого движенія были монастырь св. Гонората, епископа Арльскаго, и монастырь Марсельскій, основанный преподобнымъ Кассіаномъ; въ послѣднемъ было около пяти тысячъ монаховъ; кромѣ этого монастыря, былъ въ Марсели еще женскій монастырь, основанный также Кассіаномъ и имѣ же управляемый, и безъ сомнѣнія, пропитанный его идеями. Однимъ словомъ, движение, произведенное Пелагіемъ въ Галліи, было весьма сильно и продолжалось пѣлое столѣтіе, такъ что потребовало собора въ Арлѣ, гдѣ въ 472 году осуждена была ересь Пелагія ¹⁾). Въ собственной Британіи особенно распространять ученіе Пелагія Агрикола, сынъ епископа

¹⁾ См. *Henri Martin*, *Histoire de France*, I, 348—351.

Северiana, зараженного этой ересью¹⁾). Пелагианская пропаганда дѣлала такие успѣхи въ Британіи, что британская церковь нашла нужнымъ обратиться за духовною помощью противъ ереси къ церкви галльской, къ ея епископамъ. На большомъ галльскомъ соборѣ рѣшено было послать въ Британію около 429 года²⁾ Германа Оверсера, а по иѣкоторымъ — еще и Луна; на соборѣ, бывшемъ въ Веруламѣ³⁾, они опровергли ученіе Пелагія и поразили его послѣдователей. Но послѣ отбытия Германа, пелагиане опять усилились, и опять потребовалась помощь Германа, который снова явился въ Британію съ Северомъ Тирскимъ, но видно, пелагіанізмъ въ Британіи пустилъ глубокіе корни, потому что въ послѣдствіи потребовалось мірское оружіе противъ него — эдикты императоровъ⁴⁾.

Мы не можемъ, на основаніи историческихъ данныхъ, сказать, совершенно ли была уничтожена пелагианская ересь въ Британіи, или же здѣсь остались слѣды ея, или наконецъ, здѣсь утвердился полуpelagianismъ, который сильно господствовалъ въ эту эпоху въ Галліи, имѣвшей всегда живыя и частныя сношенія съ Британіей и всегда вліявшей на послѣднюю. Извѣстно только то, что папы даже въ VII вѣкѣ упрекали британскую церковь въ пелагианской ерсіи⁵⁾. Нельзя также отрицать и того, что прежняя друидическая религія проявляла себя въ британской церкви этого периода иѣкоторыми обычаями и обрядами. Такъ, изъ посланія папы къ Мелиту⁶⁾ видно, что Бритты во время христіанскихъ праздниковъ исполнали одинъ друидическій обрядъ, имѣнію: закалали двухъ быковъ, дѣлали совѣщанія подъ дубомъ, какъ это наблюдалось ими во время язычества⁷⁾, строили свои церкви и монастыри около большихъ дубовъ или дубовыхъ рощъ, и всегда деревянныя, а не каменные, и преимущественно изъ дуба, при богослуженіи иногда употребляли арфу, инструментъ, составлявшій необходимую принадлежность друидическаго культа и вообще бардовъ⁸⁾. Нельзя также отрицать и того,

¹⁾ Bed. lib. I, cap. XVII.

²⁾ См. Шелла, стр. 28. Bed. lib. I, cap. XVII.

³⁾ См. Bed. lib. I, cap. XVII.

⁴⁾ См. Stäudlin, Allg. Kirchengesch., I, стр. 27, прим. 32.

⁵⁾ См. Bed. lib. II, cap. XIX: «et hoc quoque cognovimus, писалъ папа Иоаннъ британскимъ епископамъ, quod virus Pelagianae haereseos apud vos denuo reviviscit».

⁶⁾ Bed. lib. I, cap. XXX.

⁷⁾ Bed. lib. III, cap. IV.

⁸⁾ См. Zeitschrift für historische Theologie, 1863 г. статью Эббарда: «Die

что, по своему положению какъ острова, а также вслѣдствіе смутныхъ политическихъ обстоятельствъ Британіи, особенно съ V вѣка, церковь британская осталась при тѣхъ дисциплинарныхъ церковныхъ формахъ, при тѣхъ простыхъ каноническихъ институтахъ, которые усвоены были ею въ III вѣкѣ или первой половинѣ IV вѣка; она мало участвовала въ общемъ движении вселенской церкви, дѣлаясьъ болѣе и болѣе церковю своеобразною, независимою отъ церкви вселенской. Такъ, для нея были необязательны опредѣленія первого Никейского собора о времени празднованія Пасхи. Впрочемъ, пока Римъ не простираетъ своего владычества на галльскую церковь, британская церковь состояла въ частыхъ сношеніяхъ съ этой церковью. Во всѣхъ крайнихъ случаяхъ іерархи британскіе обращаются за духовной помощью къ галльской церкви. Такъ, когда явилась ересь Пелагія, то Британцы, какъ мы упоминали выше, не имѣя возможности изъ среды себя выставить способныхъ антагонистовъ противъ распространителей этой ереси, держать соборъ между собою и на этомъ соборѣ опредѣляютъ послать къ галльской церкви съ просьбой о помощи и получаютъ ее въ лицѣ Германа, присланнаго галльскимъ соборомъ. Въ свою очередь и британскіе епископы являются на галльскихъ соборахъ. Такъ, въ 461 году одинъ изъ епископовъ британскихъ, по имени Мансвѣтъ, присутствуетъ на Турскомъ соборѣ¹⁾). Извѣстно также, что духовенство британское часто состояло въ родствѣ съ духовными галльской церкви, какъ это видно изъ жизни Патриція.

Изъ установленій и обычаевъ британской церкви этого времени намъ извѣстны весьма немногіе. Во время посвященія въ духовныя степени было въ обычай помазывать муромъ руки посвящаемаго, какъ видно изъ самаго древняго британскаго служебника, въ которомъ говорится: „Consecruntur manus istae et sanctificantur per istam unctionem et nostram benedictionem, ut quaesumque benedixerint, benedicta sint, et quaesumque sanctificaverint, sanctificantur reg Dominum“²⁾). Такжে Гильда въ своемъ посланіи передаетъ намъ извѣстие о тѣхъ мѣстахъ Священнаго Писания, которыхъ читаемы были при совершении таинства священства. Мѣста эти слѣдующія: 1 Петр.

Kuldeische Kirche, II, 332; также Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, par Augustin Thierry, I, 65—66.

¹⁾ Britan. Eccles. Antiquitates, 226, cap. XII.

²⁾ См. Шелля, 15.

1, 3, 13, 14, 22; 2 Петр. 1—9; Деян. 1, 15, 16, также вторая рѣчь ап. Павла, 1 Тим. 3, 1 и проч., Мате. 16, 16—18.

Господствовавшій у всѣхъ христіанъ въ IV вѣкѣ обычай путешествовать въ Палестину, начавшійся съ св. Елены и свидѣтельствовавшій о сильно возбужденномъ религіозномъ чувствѣ тогдашнаго христіанскаго общества, былъ сильно развитъ и между британскими христіанами IV вѣка. Путеводитель изъ Бордо въ Иерусалимъ, относящейся къ 333 году, сохранилъ намъ драгоценныя извѣстія о томъ, какъ въ IV вѣкѣ путешествовали изъ Британіи въ Иерусалимъ. При этомъ онъ передаетъ намъ замѣчательную черту, что пилигримы Испаніи, Британіи и Галліи по преимуществу любили путешествовать въ Иерусалимъ сухимъ путемъ, а не моремъ; чрезъ долину Дунайскую и Фракію они достигали Константиноополя и изъ Константиноополя шли въ Малую Азію и Сирію. Посѣтивъ Палестину и Иерусалимъ, они любопытствовали видѣть Египетъ, пустыни Фивайдскія, Халкедонскія и Нитрійскія, эти центры и царства восточнаго монашества, возвращались домой съ разказами о чудесахъ подвижничества на Востокѣ и сами воспламенялись религіознымъ и аскетическимъ энтузіазмомъ¹⁾.

Въ заключеніе нашего обзорѣнія внутренняго состоянія британской церкви въ періодъ времени отъ III до VI вѣка мы считаемъ нужнымъ сказать, что церковь британская этого періода является съ характеромъ болѣе восточными, чѣмъ съ римскимъ, а потому мы смотримъ на нее какъ на отрасль церквей мало-азійскихъ, какъ на церковь, имѣющую одно происхожденіе съ знаменитыми церквами галльскими—Віеннскою, Ліонскою, Марсельскою, Трирскою и другими. Такое предположеніе получаетъ всю силу достовѣрности, если обратимъ вниманіе на состояніе римской церкви въ ту эпоху, когда христіанство явилось въ Британіи, а также на тѣ связи племенныхъ и религіозныхъ, которые существовали между кельтскими племенами Галліи и Британіи, и наконецъ, на поразительное сходство устройства и обычаевъ церкви галльской съ британской. Церковь римская въ первые три вѣка христіанства не отличалась миссионерскою дѣятельностью; она не распространялась далѣе Альпъ; она въ это время не дала ни одного знаменитаго учителя; ея слово не слышалось ни въ одномъ важномъ церковномъ вопросѣ; она была болѣе сосредоточена въ себѣ, занималась внутреннею своею организацией. Еще въ

¹⁾ См. *Revue des deux Mondes*, 1864 г. Septembre, 21, 22.

IV вѣкѣ во внутренней жизни римской церкви было весьма мало христіанскихъ началъ и истинно христіанской дѣятельности. Общество римское въ IV вѣкѣ, замѣчаетъ Амѣдѣй Тьери¹), было погружено въ языческій материализмъ; христіанство совершило въ немъ толькo половину своего дѣла; въ этомъ христіанскомъ тѣлѣ не было души христіанской. Представитель римского христіанского общества болѣе занятъ былъ въ первые четыре вѣка христіанства устройствомъ своего вѣнчаго положенія, а потому эта церковь въ началѣ христіанства является какъ-бы безъ движения. На востокѣ порицали эту эгоистическую, занятую только собою и своимъ вѣнчимъ положеніемъ, жизнь римскаго епископа. „Я ненавижу пышность этой церкви“, писалъ св. Василій Великий, отъ лица своихъ восточныхъ братьевъ о римской церкви.

Совсѣмъ другое явленіе представляетъ намъ церковь греко-малоазійская; здѣсь полнота новой жизни изобильно разливается и безгранично и неудержимо стремится распространиться какъ можно обширнѣе, по разнымъ мѣстамъ и направленіямъ. Прежнія племенные связи между мало-азійскими Греками и колонистами Марселя, Лиона и Віенны не только не ослабѣли въ первые вѣка христіанской эпохи, но еще усилились; въ началѣ христіанства колоніи постоянно прибывали въ Галлію изъ Малой Азіи. Но эти колонисты шли теперь сюда уже не изъ племенныхъ или коммерческихъ разчетовъ, но съ новымъ сокровищемъ, побуждаемые ревностію къ распространенію нового учения, недавно принятаго ими, а можетъ-быть, и спасаясь отъ гоненій, свирѣпствовавшихъ въ ихъ отечествѣ. Само римское правительство еще въ I вѣкѣ по Р. Хр., хотя не намѣренно, способствовало распространенію христіанскихъ идей въ Галліи. Припомнить, что Галлія еще при языческихъ императорахъ сдѣлалась мѣстомъ ссылки для всякаго рода римскихъ преступниковъ. Въ христіанскую эпоху преступники эти были или христіане, или же люди, могшіе сообщить много объ основателѣ христіанства въ Палестинѣ, какъ напримѣръ, Пилатъ, Иродъ, сосланные въ Віенну и Ліонъ²). Во II вѣкѣ являются изъ Смирны проповѣдники евангелия въ Ліонѣ, Віенѣ, Марселе и основываютъ христіанскія общества въ этихъ городахъ.

¹) См. *Revue des deux Mondes*, Septembre 1864 г., статья «Récits de l'histoire Romaine aux IV et V siècles».

²) См. *Annales de philosophie chrétienne* 1863 г. № 42, статью Jaydit: «Les Gaules ont connu le christianisme avant tous les autres pays».

Поеинъ, ученикъ Поликарпа, который въ свою очередь былъ непосредственнымъ ученикомъ св. Иоанна Богослова, былъ первымъ епископомъ Лиона; а церковь въ честь Иоанна Богослова была первой христианской церковью въ Лонѣ: явный знакъ, чьею дочерью она почитала себя, и отъ кого вела свое происхождение. Изъ этихъ трехъ городовъ христианство быстро распространяется по всей Галлии: Туръ, Безансонъ, Дижонъ, Арль, Триръ дѣлаются городами христианскими. Лонѣ въ это время управляетъ Римомъ своимъ землемъ, своимъ благочестиемъ; мученики Лонскіе изъ темницъ получаютъ римскую церковь и представителя ея Елевѳерія наставлять православію. Послѣ Лиона приобрѣтаетъ особенную важность въ христианской жизни галльской церкви Триръ, какъ резиденція сначала цезарей римскихъ, а потомъ какъ центръ администраціи христианскихъ церквей съверной Галліи, Арморики и даже Британіи¹⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ, и средоточіе христианской и языческой образованности. Блаженный Иеронимъ послѣ воспитанія своего въ Римѣ отправляется въ Триръ и здѣсь, какъ самъ разказываетъ, собираетъ лучшія рукописи греческихъ христианскихъ писателей, а также и кодексы Священнаго Писанія²⁾. Водвореніе христианства въ Трирѣ, по всейѣ вѣроятности, относится къ III вѣку, потому что присутствовавшій въ 314 году на Аrelatскомъ соборѣ Трирскій епископъ Агрицій былъ четвертымъ въ ряду епископовъ Трира³⁾. Такимъ образомъ въ III вѣкѣ вся Галлія отъ Лиона до Трира была христианской, но христианской въ духѣ и направленіи церквей малоазійскихъ. Здѣсь были постоянныя сношенія съ церквами малой Азіи, особенно Смирнскою. Такъ, напримѣръ, Смирнская церковь извѣщаетъ Лонскую и Віеннскую о мучничествѣ Поликарпа, а Віеннская и Лонская въ свою очередь о мучничествѣ Поеина и другихъ своихъ мучениковъ. Самый языкъ какъ этихъ посланій, такъ и другихъ сочиненій той эпохи, а также языкъ, употребляемый при богослуженіи, былъ греческій, чѣмъ свидѣтельствуетъ, до какой степени греческій элементъ былъ силенъ въ первыхъ галльскихъ⁴⁾. Минь, рѣшая вопросъ, почему посланіе Иринея

¹⁾ См. *Revue des deux Mondes*, 1865 г., апрѣль, статью *Pero* «La ville de Trèves», и *Cours d'histoire moderne*, par *Guizot*, I, 24.

²⁾ См. *Revue des deux Mondes*, 1864 г., ноябрь; статью *Amedea Tappuji*: *Récits de l'histoire Romaine*.

³⁾ См. *Pero*: «La ville de Trèves», стр. 706.

⁴⁾ См. *Migne*, *Patrologiae cursus completus*, tomus V, de martyrio S. Polycarpi, et ecclesiistarum viennensis et lugdunensis epistola de martyrio Platoni episcopi fratribus per Asiam et Phrygiam constitutis; объ этомъ говорится въ примѣч. 33.

написано на греческомъ языке, отвѣчаетъ: потому, что въ Ліонской церкви весьма много было Грековъ, какъ напримѣръ, Атталъ, Александъ Фригіецъ, Алкивіадъ также изъ Фригіи, Ириней самъ также изъ Азіи, Поеинъ также оттуда, какъ показываетъ самое имя. Поэтому не удивительно, что пришельцы азійские въ Галліи пишутъ своимъ собратамъ въ Азіи о своихъ дѣлахъ на греческомъ языке; по всей вѣроятности, отъ этихъ собратій они и получили письмо о мученичествѣ Поликарпа, также на греческомъ языке. Въ IV вѣкѣ, именно въ 340 году, надгробную рѣчь въ Арлѣ надѣ Константиномъ младшимъ произносять на греческомъ языке, что показываетъ, что жители этого города и слушатели понимали этотъ языкъ; иначе не объяснима была бы причина произнесенія проповѣди на непонятномъ народу языке. Еще замѣчательнѣе, что въ VI вѣкѣ св. Цезарій, епископъ Аrelatскій, желая, чтобы простой народъ, въ промежуткѣ между службой и его проповѣдью, не занимался пустыми разговорами, установилъ пять антиоенони поперемѣнно на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Значить, греческое антиоенонное пѣніе, такъ употребительное въ церкви малоазійской, было въ обычай въ церкви гальской еще въ VI вѣкѣ¹⁾). А обычаи церквей гальскихъ, совершенно несходные съ римскими, напримѣръ, въ празднованіи Пасхи, также при посвященіи въ священные должности, самые служебники гальские, отличные во многомъ отъ римскихъ и сходные съ восточными, — все это прямо говорить о происхожденіи церквей гальскихъ отъ малоазійскихъ. Гальская церковь была дочерью малоазійской, или точнѣе, Смирнскій церкви, была пропитана духомъ св. Поликарпа, ученика Иоанна Богослова. Но въ свою очередь эта дочь Смирнскій церкви была матерью церкви британской. Такое предположеніе находить себѣ опору въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: Между Галлами материка Европы и острововъ Британскихъ всегда существовали самые оживленныя сношенія, происходившія отъ условій единоплеменности, коммерческихъ и даже административныхъ, потому что правитель Галліи всегда былъ правителемъ Британіи. По этому и всякое движение, политическое или религиозное, начавшееся въ одной изъ этихъ странъ, непремѣнно отзывалось и въ другой. Самые правители Галліи поперемѣнно живутъ то въ Трире и Арлѣ, то въ Эборакѣ и Лондонѣ, и легіоны римскіе, стоявшіе въ Галліи, переходя послѣ того въ Британію²⁾). Къ этому

¹⁾ См. *Freppel*, 128.

²⁾ См. *Guizot*, *Cours d'histoire moderne*, II, 51.

нужно присоединить еще и то, что переселенія изъ Галліи въ Британію, и изъ Британіи въ Галлію, иногда цѣлыми массами, происходили постоянно, равно какъ перѣзы изъ одной страны въ другую для посѣщенія родственниковъ, и наконецъ, брачные союзы между этими Бриттами и Галлами. Не можетъ быть, чтобы новое религиозное движение, начавшееся въ Палестинѣ и охватившее въ III вѣкѣ всю Галлію, не коснулось и Британіи, при тѣхъ близкихъ и оживленныхъ сношеніяхъ, въ какихъ находились обѣ эти страны. Замѣчательно, что эпоха просвѣщенія Британіи христіанствомъ почти совпадаетъ со временемъ явленія христіанства въ сѣверной Галліи, и преимущественно, въ Трирѣ. Институты церквей галльской и британской, сходные между собою, множество тождественныхъ обрядовъ у той и другой, постоянныя сношения христіанской Британіи съ христіанской Галліей, постоянныя совѣщанія между собою іерарховъ той и другой церкви во всѣхъ важныхъ церковныхъ вопросахъ, — все это ясно говорить о тождествѣ происхожденія обѣихъ церквей, или о происхожденіи одной изъ нихъ отъ другой, другими словами — христіанство, принесенное въ Галлію изъ Смирины, то-есть, христіанство съ малоазійскимъ характеромъ, съ направленіемъ Іоанна Богослова, распространилось чрезъ Галлію и въ Британіи. Преданіе о происхожденіи церкви британской отъ Іоанна Богослова жило въ этой церкви и сознавалось ясно даже въ VII вѣкѣ. Такъ Колманъ говорить: „Hoc quod agere soleo, a majoribus meis accepi, qui me huc episcopum miscrunt, quod omnes nostri patres, viri Deo dilecti eodem modo celebrasse noscuntur. Quod ne cui contemnendum et reprobandum esse videatur, ipsum est quod beatus *Evangelista Ioahannes* discipulus specialiter Domino dilectus, cum omnibus quibus praeerat ecclesiis, celebresse legitur¹⁾). Наконецъ, самая притязанія архіепископовъ Лиона, Арля и Трира имѣть юрисдикцію надъ британской церковью, хотя и не удавшіяся, имѣли основаніе свое въ преданіи о происхожденіи британской церкви отъ галльской²⁾.

Утверждая однако происхожденіе британской церкви отъ галльской, мы не отрицаемъ этимъ всякое воздействиѳ и вліяніе на нее и римской церкви, но только хотимъ сказать, что это вліяніе пересиливалось вліяніемъ галльской церкви, къ которой британская относилаась симпатичнѣе, какъ къ единоплеменной и тождественной съ нею

¹⁾ См. Bed. Hist. Eccles. lib., III, c. XXV.

²⁾ См. Guizot, Cours d'histoire moderne, II, 24.

по происхождению и институтамъ. При желаніи высшихъ гальскихъ и британскихъ классовъ подражать Римлянамъ и усвоивать ихъ обычай, оченьѣроятно, что и въ христіанскую эпоху нѣкоторые изъ богатыхъ Британцевъ романизировались, какъ это было въ эпоху языческую, особенно въ тѣхъ городахъ Британіи, где были правительственные центры, и где размѣщены были римскіе легіоны, какъ напримѣръ, въ Лондонѣ и Эборакѣ. Вообще можно думать (и послѣдующая исторія британской церкви подтверждитъ эту догадку), что южная часть Британіи, которая болѣе другихъ испытывала на себѣ власть римской администраціи, болѣе была склонна на уступки и сдѣлки съ Римомъ, чѣмъ съверная Британія, Шотландія и Ирландія, и послѣднія сильнѣе и долѣе отстаивали права и учрежденія своей церкви, нежели первая, такъ что въ послѣдствіи то исповѣданіе, которое составляло отличительную особенность этой церкви въ сравненіи со всѣми другими, и которое возбудило противъ себя такую ожесточенную ненависть римской церкви, называлось у писателей исповѣданіемъ ирландско-шотландскимъ, а не британскимъ, и церковь, сохранившая и отстаивавшая это исповѣданіе, называлась не британской, а ирландско-шотландской. Шотландцы и Ирландцы за это отступничество Британцевъ отъ своей народности и своего древнаго исповѣданія нерѣдко мстили имъ нападеніями на ихъ страну и страшными опустошеніями, нерѣдко даже соединялись съ вѣшними врагами и грабили владѣнія Британцевъ. Изъ такихъ вѣшнихъ враговъ самые страшные по опустошительнымъ для Британіи результатамъ и по вліянію на ея политической и церковный строй были Anglo-Сакси. Исторія водворенія ихъ въ Британіи есть также исторія огромнаго переворота въ исторіи британской церкви. Съ этой эпохи начинается для нея новый періодъ, въ которомъ она вступаетъ въ борьбу съ римской церковью и во всей полнотѣ проявляетъ тѣ особенности въ вѣроученіи и институтахъ, которые отличали ея отъ римской церкви и доставили ей особенное, сдѣлавшееся, такъ сказать, техническимъ ученыхъ название церкви Кульдейской.

И. Морошкинъ.

(Продолженіе будетъ).

БОЛГАРИЯ ПОДЪ ТУРЕЦКИМЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ХV И ХVI ВѢКАХЪ.

(Лекции, читанные въ Варшавскомъ университѣтѣ въ мартѣ 1872 года).

Въ послѣднихъ годахъ XIV столѣтія Болгарія стала турецкою областью. Потеряла она или выиграла при перемѣнѣ правительства?

Чтобы решить этотъ вопросъ, мы должны припомнить, чѣмъ она была подъ управлѣніемъ своихъ царей, — сообразить, чѣмъ бы она стала, если бы не завладѣли ею Турки, и наконецъ, разсмотрѣть условія ея новой жизни подъ турецкимъ владычествомъ.

Все государственное устройство Болгаріи держалось на чужихъ основаніяхъ. Болгарское государство, основанное чудскою ордой Аспа-Руха (въ VII вѣкѣ), было устроено въ концѣ IX и началѣ X вѣка по образцу византійскому. Полу-Грекъ Симеонъ пересадилъ безъ разбору на болгарскую почву все, что нашелъ въ Византіи, и такою неразборчивостію бросилъ первыя сѣмена внутренняго растлѣнія и виѣшняго упадка. Его блестящій слѣпокъ сть византійскаго волосса не устоялъ долго: не прошло и полвѣка, какъ онъ уже рухнулъ. Вмѣстѣ съ государственіою независимостью пала и независимость церковная: патріархъ Даміанъ низложенъ; царь Борисъ II торжественно развѣяланъ въ Константинополѣ (972 года). Болѣе полутораста лѣтъ Византійцы хозяйничали въ Болгаріи: народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ и страдалъ отъ алчности своихъ владыкъ¹). Чаша горечи переполнилась, и руково-димые отважными братьями, Петромъ и Асѣнемъ, Болгаре поголовно возстали противъ ненавистныхъ насильниковъ. Въ новопостроенномъ

¹) Этого не скрываютъ и сами Византійцы. *Nicolaus Xenophontus Historia De Isaacio Angelo lib. I, c. 4, p. 482. ed. Bon.*) говорятъ: «hi (Blachii) angustiis et castellis freti, quae plurima habent praeruptis saxis inaedificata, cum prius etiam Romanos parum curarent, tum per causam abacti pecoris et vexationum quas, tollerassent, aperte defecerunt».

храмъ мученика Димитрія они поклялись въ беспощадной мести Византійцамъ: „Богомъ суждено, чтобы народъ болгаро-влахійскій, свергнувъ продолжительное иго, стала свободенъ. Онъ посыпаетъ намъ въ помощь мученика Димитрія, покинувшаго Солунскую митрополію и отступившаго отъ Грековъ.... Не время болѣе спорить, — послѣшишь къ оружью и нападемъ на Грековъ. *Пльниихъ не удержисать у себя и не продаватъ, но всъхъ намилосердно убиватъ*“¹⁾).

Таково было озлобленіе Болгаръ противъ Византійцевъ. Десятилетними побѣдами Болгаре купили себѣ свободу и независимость, и Асѣнь I напомнилъ Византію времена Симеона.

Новые враги стали грозить возстановленному Болгарскому царству. Эмерикъ, король венгерскій, не хотѣлъ признавать Іоанна I царемъ болгарскимъ²⁾ и вторгся въ его владѣнія, чтобы лишить его престола и покорить Болгарію³⁾. Вмѣшательствомъ папы Иннокентія III счастливо была отстранена эта опасность⁴⁾.

Страшнѣе была опасность, грозившая съ юга. Алексій, сынъ освѣплѣннаго и низверженнаго съ престола роднымъ братомъ Исаака Ангела, привѣтъ къ стѣнамъ Константинополя крестоносное латинское воинство. Іоаннъ предлагалъ рыцарямъ стотысячную армию для завоеванія Царыграда, если они вѣнятъ его на Болгарское царство; но его предложеніе было отвергнуто⁵⁾. Позже, когда Балдуинъ въскѣлъ на престолъ кесарей, Іоаннъ отправилъ къ нему посольство съ предложеніемъ дружбы; но надменный Балдуинъ отвѣчалъ, что ему слѣдуетъ обращаться *не какъ царю къ друзьямъ, а какъ рабу къ господамъ*⁶⁾. И съ тѣхъ порь между царствами Болгарскимъ и Латино-Византійскимъ развердалась пропасть, поглотившая и императора, и его недолговѣчную имперію. Вѣковые враги, Болгаре и Греки, соединяются, и подъ совокупными ихъ ударами падаетъ Латинское царство, оставивъ по себѣ неизъясняемыя рѣки крови и повсемѣстное разрушеніе⁷⁾.

¹⁾ Niceta Chon. 485—6.

²⁾ Theiner, Monum. Slav. merid., I, № LVIII.

³⁾ Ibid. № XLVI.

⁴⁾ Переписка Іоанна I съ Иннокентіемъ III у Тейнера.

⁵⁾ Robert de Clary, La prise de Constantinople 1204. LXIV—V. (Rad jugoslav. acad. et. V).

⁶⁾ Niceta. Chon. 809..

⁷⁾ Лекція о Болгаріи въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка ск. въ Варш. Унів. Изв. 1372 г., № 3.

Борьба съ Латинами, занявшая три царствование, истощила Болгарію. Междоусобія наследниковъ Асена II, крамолы бояръ, войны съ соседями, двукратное опустошение Болгаріи Монголами и Татарами (1242, 1284 гг.) и вымѣщательство въ ея дѣла Сербовъ и Венгровъ привели ее въ столь немощное состояніе, что она должна была стать добычей сильнейшаго соседа — Турокъ.

Внутреннее и внѣшнее разложение Болгаріи продолжалось цѣле полтора столѣтія. При безпрестанной смѣнѣ правителей — то изъ царского, то изъ боярского рода, то даже изъ низшаго сословія (споколась Брѣдквеникъ), то даже не изъ своего народа, а изъ прямыхъ искателей Терновскаго вѣнца (Мича, Тихъ, Александръ), — при внутренней неурядицѣ, при внѣшнихъ невзгодахъ не могли благодействовать Болгаре: страна была разорена и опустошена; отпадала одна область за другою.

Самостоятельное существование Болгаріи было немыслимо. Если бы не завладѣли ею Турки, то она досталась бы Мадьярамъ. Вспомнимъ, что уже Эмерикъ помышлялъ о болгарскомъ вѣнцѣ; вспомнимъ, что папа Григорій IX увѣщевалъ Белу IV (1238) предпринять крестовый походъ въ Болгарію, указывая, что Богъ избралъ его и воз величилъ для распространенія католицизма; вспомнимъ, что Лудевитъ Великій отнялъ у Болгаръ Видинъ (1365 г.) и владѣлъ имъ четыре года, и что Иванъ Страшиміръ, Видинский король, признавая себя венгерскимъ васаломъ до 1397 года, когда онъ долженъ быть подчиниться Баясету....

Четырехлѣтнее обладаніе Видиномъ ясно показало, чего могли надѣяться Болгаре отъ Мадьяровъ. Вслѣдъ за ихъ войскомъ явились туда францисканцы, и подъ защитой мадьярскаго оружія началось насильственное обращеніе Болгаръ въ католицизмъ. И позже, даже донынѣ, Болгарія представлялась лакомымъ кусочкомъ какъ мадьярскимъ патріотамъ, такъ и католическимъ миссионерамъ. И нѣть сомнѣнія, что, доставшись Мадьярамъ, она окатоличилась бы и потеряла народность.

Если бы самимъ Болгарамъ былъ предложенъ выборъ между господствомъ Мадьяровъ-католиковъ и Турокъ-магометанъ, то нѣть никакого сомнѣнія, что подобно своимъ современникамъ въ Боснѣ и Сербіи и единовѣрцамъ въ Византіи, Морѣѣ и Албаніи¹⁾ Болгаре предпочли

¹⁾ Извѣстно, что Греки предпочитали турецкое господство латинскому. «Когда Латинцы говорили Грекамъ, что безъ ихъ помощи они сдаются жертвой Ту-

бы турецкое владычество мадьярскому; ибо съ послѣднимъ было сопряжено истребленіе православной вѣры и народнаго языка, а подъ вторымъ они могли надѣяться на свободу вѣроисповѣданія и сохраненіе народности.

До конца XVI вѣка Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ наслаждалась миромъ и такимъ благоденствиемъ, какого давно уже не знала: Турки отличались вѣротерпимостью, справедливостью и многими высоко-нравственными качествами, которыхъ мы тщетно стали бы искать у самыхъ просвѣщенныхъ народовъ западной Европы того времени; подати были незначительны; вѣра, честь, личная свобода и имущество были ограждены закономъ и обычаемъ. Турецкая сила защищала Болгаръ отъ вѣшнихъ враговъ. Поэтому справедливо замѣчаетъ одинъ современникъ, Дубровчанинъ Павелъ Джорджичъ, что *состояніе Болгаръ было самое счастливое.*

Славный ученостью, префектъ Ватикана, Дубровчанинъ Степанъ Градичъ писалъ къ князю Фердинанду Фюрстенбергу въ 1661 году¹⁾:

рокъ, народъ въ отвѣтъ на то кричалъ: *лучше достанемся Туркамъ, чѣмъ францамъ!* Народное мнѣніе находило себѣ опору и во многихъ государственныхъ людяхъ.... Великій канцлеръ, Лука Нотара, говорилъ открыто: *я желаю лучше видѣть посреди города турецкую чалму, чѣмъ папскую tiarу!* См. М. Стасковичъ: «Осада и взятие Византіи Турками». (Вѣд. Учебн. Зап. II Отд. Акад. Наукъ, книга I, стр. 101).— Миланскій посланникъ *Gerardus de Collis* въ донесеніяхъ отъ 18-го августа и 22 сентября 1464 (въ Миланскомъ архивѣ, въ собранияхъ: *Turchia-guerri*) сообщаетъ, что не только жители Мореи, но даже Греки, служившіе въ византійскомъ войску, передавались Туркамъ. Объ Албанцахъ, сподвижникахъ Скандербога, Миланскій посланникъ въ Неаполѣ, *Alvicus Mallata* (въ донесеніяхъ отъ 8 декабря 1455 г.: тамъ-же), говоритъ: *Li homini di quello payse sono molto affetti al Turcho, il quale gli fa una bona e humana Signoria. Melchior de Jnola, armorum et in partibus Albaniae gubernator generalis* писалъ Мантуанской маркизѣ, *Rengarde de Gonzago*, изъ Сладра, отъ 19-го июля 1468 года: *lo Imperatore Turcho haveva preso la magior parte de lo Reame de Bossina... se levato di Bossina... cum tutto lo suo exercito, salvo che ha lasciato ne la Bossina circa vinte milia persone alla guardia de quelle terre ha tolto, che sonno circa cento dexe delle terre murate. Dinotando... che non ha prezo nuna per force, la magior parte se accordavano per lo grande spavento e tremore de uno tanto exercito...* (Милан. арх.). — *Thadeus Vicomercatus*, Venetiis die 20 maii 1492: *Havendo Signori Ragusini aviso... ch'era scoperto certo tractato in Belgrado... per el quale se tractatum de dare Belgradoal Turcho a tradimento, et che quelli traditori da Ungari sono restituidi* (Милан. арх.).

¹⁾ *Stephanus Gradus, De statu Ottomanici Imperii. Epistolae ad Ferdinandum Furstenbergium S. R. I. Principem et Ecclesiae Paderbornensis Episcopum. D. Bomae, Kal. Iunii 1661* (Ркн. бѣбл. св. Марка въ Венеції: Lat. Cl. XIV, № 411):

•Nihil apud autores rerum gestarum, qui avorum nostrorum memoria Turca-

„У историковъ, описывающихъ дѣяния Турокъ во времена нашихъ дѣдовъ, съ похвалою и удивлениемъ упоминается весьма часто о дисциплинѣ этого народа, о привязанности его къ государимъ, о готовности его умереть за отечество, о настойчивости въ трудахъ, о неустрашимости въ опасностяхъ, о простотѣ жизни и нравовъ, о воинственности и славолюбіи... Они (Тури) съ излишкомъ обладаютъ всѣми качествами, которыми достигаются власть и слава. Къ тому же у нихъ самое совершенное правление — единодержавное... всѣхъ султановъ, отъ родоначальника Оттомановъ до Солимана, не было ни одного, которого нельзя бы было по справедливости сравнить съ славными Александромъ, Пирромъ, Сципиономъ и другими героями древности... Но нынѣ мѣсто прежней справедливости къ покореннымъ народамъ и воздержанія заступили алчность и гордость..“

Градичъ, какъ по своей обширной учености и сношениямъ съ замѣтнейшими людьми своего времени, такъ и по своему общественному положенію, могъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о Туркахъ. Кромѣ того, онъ былъ родомъ Дубровчанинъ, а дубровницкимъ купцамъ была хорошо известна Турція. Наконецъ многое онъ слышалъ отъ своего дѣда, Петра Бенессы, секретаря папы Урбана¹⁾.

rum facta tradidere frequentius est, quam disciplinae hujus gentis cum laude et admiratione commemoratio, ut addictus Principum Imperio animus, ut pectora pro patriae dignitate mori devota, ut nulla in obeundis laboribus remissis, nullus in periculis metus, nulla in victu cultuque luxuries, nec aliis in usu quaestus, quam qui paratae ad armorum tractationem fructumque victoriae. Per has artes ex pauperibus illos opulentos, ex ingloriis inclitos, ex contemptis metuendos effectos cum ingenio, cum industria, cum omnibus artibus abunde florenter, quas imperium et gloria sequi solet. Accedit, quod optimo gubernandae Reipublicas genere usi sunt, quod unius dominatione continetur... Quales (Principes), jam inde ab auctore familie Ottomanae omnes deinceps, qui rerum potiti sunt ad usque Solimanum Principem extitisse vetus memoria testis est, ut nullus eorum fuisse memoretur, qui comparandus jure non sit clarissimis illis Alexandris, et Pyrrhis, et Scipionibus etiam quos alios cum admiratione antiquitas celebravit... Pro vetera hujus gentis erga subjectas nationes aequitatem et abstinentiam... summa nunc avaritia et superbiam incessit...“

¹⁾ Въ посланіи къ Фюргенбергу Градичъ говорить: «Requisisti a me.... ut tibi... exponerem... Imperii Turcici status... cum persuasum tibi esse diceres neminem hoc tempore Romae esse, qui melius ea de re judicare possit, propter assiduum nostrae civitatis cum illa natione commercium ac immotam pacem... Ego vero... si meam hac in re sententiam afferre oporteret nequi haberem quas a viris sapientissimis et longe rerum usu peritis per omnem vitam cognovi et precipue a Petro Benessio avunculo meo, cuius operam in scribendis olim Urbani Summi Pontificis epistolis cum laude versatam ab optimo Pontifice Alexandre non semel audiisti, non facile adduci possem, ut onus tam difficile mihi subeundum putarem».

И дѣйствительно, Градичъ зналъ и высказалъ правду о Туркахъ. Его слова подтверждаются многочисленными показаніями современниковъ. Изъ нихъ особенно для насъ важенъ Венеціанскій дипломатъ, *Николай Сангундино*, отличавшійся ученостью и хорошо знавшій Турокъ¹). Возвращившись изъ Константинополя весной 1454 года, онъ получилъ порученіе отъ Венеціанского сената представить королю обѣихъ Сицилій Альфонсу вѣрную картину Турціи, дабы изображеніемъ опасности, грозящей всему христіанскому миру, побудить его къ крестовому походу противъ невѣрныхъ,—и Сангундино написалъ къ нему посланіе (*Ad Serenissimum Princeps et Invictissimum Regem Alfonsum Nicolai Sangundini Oratio*), найденное мною въ одноть рукописномъ сборнике XV вѣка, принадлежащемъ муниципальной библиотекѣ въ Болонье.

„По порученію Венеціанского сената, о свѣтлѣйшій государь и неизбѣдимѣйшій король“, — пишетъ Сангундино Альфонсу²), — „ко

¹) О жизни и дѣятельности Сангундино миѣ известно только, что вмѣстѣ съ Вероломеемъ Марчелло онъ былъ отправленъ Венеціанской синьюрію въ султану тотчасъ по взятии Константинополя Турками, что въ 1457 году онъ былъ посланъ къ королю арагонскому, въ 1461 году — къ султану, а въ 1462 году — въ Римъ (см. мое изслѣдованіе «О Славянахъ въ Албаніи», стр. 90, прим. 3). Флорентинецъ *Андрей Камбіни* (*Dell' origine de'Turchi* у Сансовино изд. 1654 г. стр. 141) такъ отзывается о Сангундіна: «E così essendosi retti per lungo tempo (secondo che a papa Pio scrive Nicolao Sagundino hmo molto dotto, cosi nella lingua greca, comme nella lingua latina, a che delle historie antiche e moderne haveva gran notitia per essersi in quelle lungo tempo essercitato, e per avere aggiunto alla lettione, la experientia del vedere i luoghi presentialmente, havendo certo gran parte della terra habitata).

²) Pro munere publice ad me delato, Serenissime Princeps et Invictissime Rex, ab Illustrissimo Senatu Veneto, qua potui cura, fide et diligentia, ea in Tuae Sublimitatis-conspectu recitare conatus sum, quae de curia Turcorum principis rediens, quo profectus eram Magnifico Oratori Veneto obsecuturus, eidem Illustrissimo Senatu retuli: quaeve animadvertere et investigare potui de natura, moribus, ingenio, apparatus deque reliquis regni conditionibus Principis memorati. Censuit noster gloriis Senatus hujuscemodi rerum noticiam Serenitati Tuae dari oportune: non modo propter mutuam animorum voluntatumque vestrarum convictionem caeteraque conditions, quibus strictim atque tenaciter invicem conglutinati atque devincti: verum etiam quia res hujusmodi adversus Christianam religionem contraque Catholicos Principes parari videntur, summa quoque ope, summo studio, accerimo tandem odio, mira animi actitari inductione. Nunc vero, Serenissime Rex, tuis obsecutus mandatis (declarasti nostrae velle haec scripturae mandari), non stilo regis tuis digno auribus, nec ea dignitate orationis, quam rei, qua de agitur, gravitas mereretur, sed

всевозможной точностью, вѣрностию и внимательностью постаралась предъ лицемъ вашего величества побѣдать то, что по возвращеніи отъ двора султана, куда я отправлялся въ святѣ высокаго послы Ве-

pro tenuitate ingenii suopaque dicendi narrationem aggrediar servaboque fidem ea sedculo pro viribus explicando, quae ascrimur exploravi.

Rex ipse Turcorum, gloriosissime Princeps, Machumetus nomine tertium et vigesimum annum agit aetatis: naturae est et habitus melancholici, staturaem medicocris, formae satis honestae: lineamentis praeserentis insitae profecto humanitatis atque dulcedinis, tametsi adversus christianos acerrime sevire videtur: quod equidem non naturae adscriperim hominis: si quidem exterioribus signis et vestibus de animi latenti affectu indicium fieri possit; sed odio, quo contra gentem nostram nomenque christianum flagrare et vexari videtur. Ingenium habet peracutum et acre: nam ubi mortuo patre successit in regno, omnium regni conditionum minutum, ut ita dixerim, noticiam habere quam primum praestavit operam: curiae domusque regiae ministrandae modum diligentissime perquisivit; multa quae sibi viderentur vel damnoosa, vel parum utilia sustulit et evertit: multa correxit et emendavit: multa ipse deinceps instituit et servanda decrevit. Vita moresque ejus, etsi non ea temperantia, ea modestia, ea gravitate sunt, quae de principe gravi et integerrimo exigi et praestari deberent: ad mores tamen gentiles et patrios ad aetatem juveniliter exultantem natura pronum et labilem ad voluptates et luxum: ad facultates regias libidinum exemplarum non modo ministras atque pedisequas: verum etiam hortatrices mutatricesque: postremo ad legis vel potius corruptelae licentiam, ductu cuius laxis habenis ad flagitia et praecepitum itur: et, ut ajunt, manibus pedibusque ad perditionem irruitur. Ad haec, inquam, vitam et mores ipsius si referas: continentem cum et sobrium appellare non admodum dubitaveris. Nam sive de industria id et studio fiat; sive occupatione animi tam amplissimi tamque opulentissimi regni gubernaculis die noctisque intendentis: non luxu neque lassivia ad modum delectari videtur: non ventri deditus: non venandi, aucupandi, saltandi cantandique studio occupatur, non scurrilitatem ridiculaque adamat: non epulis et ebrietati pro more gentis indulget: non ocio, non segnicie marcescit et crapulis: semper aliquid agit, aliquid molitur, semper in negotia est: vel excogitando, vel deliberando, vel mira celeritate incredibilique cura et diligentia ea exequendo, quae quidem facienda statuisset. Nam ubi de honore, de regni utilitate, de laude, de gloria quicquam agitur, incredibile dictu est, qua vigilantia, qua solertia, quo studio, qua celeritate homo utatur: non modo opibus regis ministerioque subditorum, sed sibi ipsi vitaeque hanc parcendo, ut plerumque, ubi res praesentiam desiderat principis et exposcit, nec difficultate itineris, nec inclemencia coeli, nec inundatione aquarum, nec asperitate deterritus montium, non aestu, non frigore, non fame, non siti defatigatus, nou dicam currere: sed potius videatur volare. Ivi tot tantarumque rerum perenni, ut ita dixerim, ministracione, et litteris et philosophiae operam dare conatur: habet apud se virum in philosophia doctissimum lingua arabem, qui quotidie certo tempore principem adeundi et aliquid auditu dignum ei legendi potestatem habet. Tenet praeterea duos medicos, quorum alter latine, alter grece est eruditus. His familiarissime utitur, eorumque ductu veteris historiae cognitionem habere voluit, neque visus est Lacedemoniorum, Atheniensium, Romanorum, Carthaginensium atque Regum et Princi-

неніцкаго, я^и донесъ этому съмѣшаному совету, и чѣ морѣ събѣтъ и разузнать о характерѣ, нравахъ, дарованихъ и военныхъ приготовленіяхъ султана, равно какъ и о состояніи его царства. Нашъ

рима rebus gestis accommodasse animam; Alexandrum Macedonem et C. Caesarem praecepsre sibi imitandos delegit, quorum res gestas in lingua suam traduci efficit. In quibus legendis vel audiendis mirum detectatur in modum. Emulatione gloriosa quadam illis se parem conatur ostendere, gloriisque et laudis studio inflamari videtur atque ardere. Hinc regni aviti ac patrii quamquam amplissimi finibus non contentus, latius nomen famamque propagare molitar, et in christiana regna irreperere seseque in illos insinuare proterut induxit animum. Nam, Christianissime Rex, ubi nescio quo Dei iudicio, quo consensu, qua permissione Constantinopolitana potitus est victoria, praeter spem, praeter expectationem opinionemque omnium, ita insolens coepit et in nomine insevire christianum, ut omnia aggredi sibi licet: jam putet, seque consecuturum facile speret, quae velit; Principes tandem christianos extingueret et Imperium orbis vindicare sibi sudeat sozanetque.

Ad haec omnes cogitationes, cuncta consilia dirigit, ad haec apparatus omnis copiasque maritimas et pedestres componit struitque; innixus valciniis et praedicationibus quibusdam; quae sibi Regnum Italiae et Urbis Romae expugnationem promittunt, ait sibi confetti coelitus Constantini sedem, hanc vero Roman esse, non Constantinopolim, videri aequum valdeque congruere, qui filiam vi ceperit, hunc etiam matrem capere posse.

Затѣмъ слѣдуетъ въ рукописи иѣсколько отличный отъ иныхъ современныхъ сказакій разказъ о бѣгствѣ Юстиніана и о смерти императора и Луки Нотара при взятіи Константинополя Турками. По словамъ Сантундино, Генуезецъ *Ioannes Longus* поступилъ на службу императора съ 200 матросами и защищать самую опасную позицію. Получивъ двѣ раны, онъ поспѣлъ къ императору объявить, что вѣтъ никакой надежды на спасеніе города и предложилъ ему бѣжать съѣздомъ съ нами на то корабль. Императоръ съ негодованіемъ отвергъ его предложеніе. *Leonardus Chiosensis*, *De carta a Mehmete II Constantinopoli portata* (иѣсколько разъ изд. въ XVI вѣкѣ; лучш. I. B. L'Eustu, Paris 1823; у *Саксосине* стр. 264—265), говоря о бѣгствѣ Юстиніана по полученіи одной раны стрѣлою, не упоминаетъ о сдѣланномъ имъ предложеніи императору. Съ викъ согласенъ *Georgius Phrantzes*, *Annales*, ed. Bon. p. 284. — *Dicas*, Hist. Byzant. ed. Bon. pp. 284 — 5, говоритъ, что Юстиніанъ удалился на корабль только временно для перевязки раны; но ему нельзя вѣрить.

Сантундино разказываетъ далѣ, что императоръ въ отчаяніи просилъ приближенныхъ, чтобы ему отрубили голову (съ чемъ согласенъ и *Leonardus Chiosensis*); но когда никто не хотѣлъ исполнить его просьбы, онъ скинулъ царскія одежды и въ простотѣ платѣ ринулся въ сѣчу, где и нашелъ смерть. Его отрубленную голову султанъ приказалъ воткнуть на копье и съ торжествомъ посыпать по лагерю, а потомъ отправилъ ее въ даръ къ симѣтскому султану вместе съ 40 пленными юношами и 20-ю дамами. Этой послѣдней подробности вѣтъ не у одного изъ современниковъ: *Фракум* (290—1) говоритъ, что гѣло императора, по приказанию султана, было похоронено съ подобающими почестями; *Халкогондила* (*De reb. Turc.* ed. Paris. p. 211) упоминаетъ о томъ, что голова Кон-

самый easiest считать необходимым доказывать нашему величеству съдѣйствіе о турецкихъ дѣлахъ не только по ираний великой взаимной дружбы и согласія въ остальныхъ узахъ, которые тѣсно и крѣпко

сталикъ были присоединены къ султану; Дука же всыма близокъ къ Салгудину: по его словамъ, отрубленная голова императора была прибита къ аугустовской колоннѣ; вечеромъ ее сняли, воткнули на коня и вожили по показу по берегамъ, арабскими и турецкими областями.

Разказъ о казни Дуки Нотары почти дословно сходенъ съ Дукомъ (303—306); но у Салгудина есть помыслы и о вынуждѣ, и о посыпаніи султаномъ земли Нотары.

Dixerim haec, humanissime Princeps, quae Tuas Maiestati grata foret non dubito: ad intentionem Regis Barbari veniam: quo scilicet spectans tot apparatus, tot copias instruit: tot machinas fabricetur: tam potentem, tam magnam classem exeret: tot pecunias, tandem utpote nervos gerendarum rerum summo studio accumulare laborat. Haec omnia, magnanime Princeps, ut Italiam aggrediatur, apparatus: id sibi in animo fixerat, id cupit, hoc aspirat, ad id omnes suas cogitationes, cupula convertit consilia. Facile sibi videtur - adepturum, facile obtenturum, quod cupiat, cum pro magnitudine apparatus tum maxime et dissensiones Italiae et acerrima studia partium. Intelligit regna Italiae inter se dies partinaciter atque ad interitum dimicare: hanc nactus praeclaram occasionem (neque enim conditiones ignorat Italiae, quippe quae haud obscure sunt, et ipse crebris exploratoribus nedum sagaciter odorare, quin penitus percipere et scire invigilat diligenter) velis remisque, ut ajunt, properat, dies quoque annus sibi videtur dubitanti ac si moram fecerit Itali non modo ad regnorum suorum tutellam et hostium propulsandam irruptionam, verum eis cladem et perniciem inferant, animentur et pergent.

Aditum sibi in Italiam non novum, neque inuitatum excogitat, qui habet celebrem atque tutum ex littoribus Dyrachii ad oppositas oras portum que Brundusii facillem classi transitum patere intelligit, qua copie sue intrepide transmittere queat: haec voluntas ejus, hoc consilium omnibus ferme suis jam patuit. Quam ob rem majores quidam natu, auctoritate, genere, rerumque gestarum gloria viri maximi, regno, genti, ubi ac fortunis prouidentes, oportunitatem adepti, Regem adierunt, ad quem his verbis usi sunt...

Затѣмъ следуетъ довольно длинная рѣчь пословъ къ султану и еще двинутъ его отвѣтъ: они не имаютъ особаго значенія для исторіи, а потому я ихъ опускаю.

Haec volui, Serenissime Princepe, paucis enotescere, ut non solum ingenium hominis, verum audax et pertinax animus ac protervus intelligi possit, qui nullis rationibus flectiverit, nec quo a coepitis desistat adduci. Videtur mihi praeterea non fore ab re, princeps gloriosissime, si quot copiis et quodammodo castra instruat ac unde quibusve modis suis cogatur exercitus breviter attigero. Regem hunc, princeps christianissime, in partibus Asiae certisque provinciis Europae regnum habere, quis ignorat? redactum itaque est totum regnum in quinque et triginta provincias. Singulis praefectus; membra deinde cujusque provincie his comitti solent, quibus publica vecigalia certique redditus alimenta prebent. Sunt deinde duo magni duces, quorum alter Asiam, alter Europam praesedit, praefectis et equitatu. Hinc cognatur equitum capra LXXXI. Privati Turci, qui pro lege et patria observantia ritus, liberius degunt et perpetua immu-

соединяютъ вѣсль и слизываютъ, но также потому, что подобны дѣла, видимо, направлены противъ христіанской вѣры и католическихъ государей и приводятся въ дѣйствіе огромными средствами, съ чрезвычайнымъ стараніемъ, съ жесточайшою ненавистью и удивительной рѣшимостью. Нынѣ же, свѣтлѣйший король, исполнимъ твое приказаніе (ты обѣнявъ, что хочешь, чтобы тебѣ были переданы эти наши писанія), не слогомъ достойнѣмъ королевскаго слуха, не съ такимъ краснорѣчіемъ, какого заслуживаетъ важность предмета, а по вѣрѣ слабыхъ силъ моего ума и скучности рѣчи приступаю къ разказу и нестараюсь передать со всевозможною точностью то, что мною развѣдано самимъ тщательнымъ образомъ.

Турецкому султану по имени Магомету, о славѣйшій король, 28 года отъ роду. Нравы и вида онихъ маловѣрческаго, роста среднаго, лица довольно прасиваго, въ очертаніяхъ воего выражаются человѣкомлбие и любезность, подлинно врожденныя ему, хотя, видимо, они весьма жестоко поступаетъ съ христіанами, чтò въ принципѣ бы не характеру его (ибо сокровеннымъ побуждениемъ души обнаруживаются въ чертахъ лица), а ненависти въ нашему роду и въ

nitate fruuntur, ubi rex majorem exercitum cogendum delegerit, XL-m. equitem supra auxilio dare debent: singuli IV-or unum equitem in milicium prefecturum regique pariturn alere solent. Rex ipse præterea peditatum domesticum habet XII-m. supra, equitatumque VIII-m. circiter: hi ex omni regno pueri diliguntur, animadvertisiturque, ut bonæ indolis, bonæ validitudinis sint; traduntur veteranis militibus qui pecunia regia eos alunt et ad rem militarem instituant. Cum vero ad actatis vigesimum annum tirones hujusmodi pervenerint, Curiae instituti redduntur peditesque regem committantur, quoad quintum et trigesimum actatis annum accesserint, deinde equestro ordini ascribuntur, in eoque manent ad quintum et quadragesimum usque annum. Postremo emeriti liberalitate et ope regia inbellis vita necessitatibus inservientes consenescunt. Id genus hominum pro actatis flore, naturae robore, disciplina rei militaris, præsencia principis, mutua quadam inter se contentionе, gloria demum præmiorum spe, adeo animati ineunt pugnas, ita vires exerceat, sic mortem contempnunt, ut pauc leones ac robustissimae ferae, non homines videantur. Accedunt præterea optimatum primorumque curiae familiae, qui dominos hujusmodi sequuntur ex more regemque in castris: hi supra X m. conficiunt numerum. Ad haec, si necesse videtur, peditatus equitatusque stipendio regis conducuntur. Relique quoque incole regni, si maxima res agatur, alii sponte militant, alii sequi castra coguntur, ut numerumquam universus exercitus ad CCC m. hominum censemur confisi. Sunt insuper marinariae copiae: Turci marinaria arte praediti stipendio regio adducti supra V m. alii piraticam exercentes rem navalem iuire et classem regiam commitari, si opus sit, advocantur. Sunt præterea christiani, vi regi subjecti barbaro, qui ad remigium compellantur... (Оканчивается воззваніемъ къ королю Альфонсу объ изгнаніи Турукъ изъ Европы).

имени зритінскому, которому онъ пылаеть и мучится. Ума онъ превосходительного и быстрого, ибо, какъ-только вступитъ на престолъ во смерти отца, тотчасъ поспѣшитъ собрать мальчайшия, таъ казакъ съѣдѣши обѣ всѣхъ дѣлакъ царства, самымъ тщательнымъ образомъ изглѣдоватъ управление царскаго двора и серали; многое изъ-зашедшее ему вреднымъ или мало полезнымъ уничтожитъ и испровергъ, многое самъ изначала учредилъ и поставилъ. Образъ жизни и нравы его не отличаются тюю воздержностью, умѣренностью и строгостью, никакъ мы требуемъ отъ государя почтенаго и непорочнаго; но несмотря на то, что онъ, по возрасту своему, юноша увлекается народными и отечественными обычаями, что по природѣ склоненъ къ плотскимъ удовольствиямъ и роскоши, что, сообразно съ царскими средствами для удовлетворенія сладострастія, содержать большой гаремъ, и что, наконецъ, такой образъ жизни допускается закономъ или скорѣе нравственномъ испорченностью, которая при невоздержности ведетъ къ позору, пропасти и къ конечной гибели, — не смотря на все это, если, говорю, сообразишь его жизнь и нравы, то ни мало не усомниться назвать его воздержаннымъ и умѣреннымъ; ибо, днемъ и ночью занятый дѣлами столь обширного и столь богатаго царства, онъ не находитъ особаго удовольствія ни въ роскоши, ни въ сладострастіи, ни въ чревоугодіи: его не занимаютъ охота, птицеловство, пляска и пѣсни; онъ не любить шутовъ и скомороховъ; не предается по обычаю своего народа пирамъ и попойкамъ; не изнемогаетъ въ досугѣ, лѣности и пьянствѣ: но всегда что-нибудь дѣлаетъ, что-нибудь замышляетъ, всегда занятъ, то измышляя, то обсуждая, то съ удивительною быстротою и невѣроятнымъ стараніемъ и усердiemъ исполняя заранѣе задуманное. Ибо, когда дѣло идетъ о чести, о пользѣ царства, о похвалѣ, о славѣ, онъ дѣйствуетъ съ невѣроимѣнною бдительностью, искусствомъ, усердiemъ и быстротою, не щадя не только царскихъ сокровищъ и своихъ подданныхъ, но даже себя самого и своей жизни, такъ какъ почти всегда, когда желательно и нужно присутствіе государя — и страшась ни трудности дороги, ни дурной погоды, ни наводненія, и неприступности горъ, перенося жаръ, холодъ, голодъ, жажду, — мало сказать: онъ бѣгаеть, вѣрнѣе, летаетъ. При непрерывномъ, такъ-сказать, управлении столькими и столь важными дѣлами, онъ старается заниматься также литературой и философіей: при немъ находятся глубокій знатокъ философіи, родомъ Арабъ, которому дозволяется ежедневно въ назначенное время приходить къ султану и читать ему

что-нибудь достойное внимания; кроме того, онъ держитъ двухъ медиковъ, изъ коихъ одинъ хорошо знаетъ латинскую, другой греческую литературу; онъ дружески обращается съ ними и подъ ихъ руководствомъ приобрѣлъ познанія въ древней исторіи. Его духъ не удовлетворяется дѣяніями лакедемонскихъ, аѳинскихъ, римскихъ, караагенскихъ и другихъ дарей и государей: онъ избралъ себѣ въ подражаніе Александра Македонского и Кая Цезаря, дѣянія коихъ приказалъ перевести на свой языкъ, и въ чтеніи и въ слушаніи коихъ онъ находитъ чрезвычайное удовольствие. Нѣкимъ славнымъ соревнованіемъ онъ старается показать себя равнымъ имъ: онъ пытается и гордить стремлениемъ къ славѣ и похвалѣ, а потому недовольный прецѣдѣлами царства, дѣдовскаго и отцовскаго, хотя и весьма обширного, онъ старается далѣе распространить свое имя и славу и задумалъ проникнуть въ христіанскія царства и утвердиться въ нихъ. Ибо, христіанинъ юный король, съ тѣхъ порь, какъ онъ овладѣлъ Константинополемъ, вѣроятно, по волѣ Бога, съ Его согласія, Его попущеніемъ, вопреки надеждѣ, вопреки ожиданію и всеобщему мнѣнію, — онъ сталъ весьма высокомѣренъ и жестокъ къ христіанамъ; онъ считаетъ уже все себѣ позволеннымъ и надѣется, что легко достигнетъ всего, что хочетъ; наконецъ онъ дерзаетъ и бредить обѣ истребленіи христіанскихъ государей и о владычествѣ надъ всѣмъ міромъ. Къ этому онъ направляетъ всѣ свои помышленія, всѣ замѣрzenia; къ этому клонятся всѣ приготовленія, и съ этой цѣлью онъ снаряжаетъ сухопутное и морское войско, опираясь на нѣкія прорицанія и предвѣщанія, обѣщающія ему царство итальянское и завоеваніе города Рима; онъ говоритъ, что ему небомъ дарованъ престолъ Константина, а онъ былъ въ Римѣ, а не въ Константинополѣ, а потому справедливо и вполнѣ прилично, чтобы завладѣвшій дочерью взять и мать.

„Съ какою цѣлью онъ собираетъ столько войска, изготавливаетъ столько орудій, снаряжаетъ столь сильный флотъ, — къ чему такие запасы денегъ, къ чему съ такимъ стараніемъ онъ направляетъ всѣ силы государства? Все это, о великодушный государь, онъ приготовляетъ съ тѣмъ, чтобы напастъ на Италию: это онъ запечатлѣлъ въ душѣ своей, этого онъ желаетъ, этого онъ домогается, къ этому онъ обращаетъ всѣ свои помышленія, и ему кажется, что онъ легко достигнетъ и получить желаемое, какъ по причинѣ громадныхъ своихъ средствъ, такъ болѣе всего по причинѣ несогласій Италии и страшныхъ раздоровъ партій. Онъ знаетъ, что уже давно итальянскія государства упорно, на смерть между собою борются, и встрѣтивъ столь

прекрасный случай (ибо ему не безызвѣстны дѣла Италии, вовсе не составляющія тайны: посредствомъ частыкъ лазутчиковъ онъ усердно старается не только искусно проникать, но даже вполнѣ извѣдать и унанть), на всѣхъ парусахъ, какъ говорится, онъ спѣшитъ, сомнѣваясь въ успѣхѣ, если промедлить день, а не только годъ: Итальянцы, примирившись, воодушевятся и не только поспѣшатъ на защиту своихъ царствъ и на отраженіе непріятельского вторженія, но даже нанесутъ Туркамъ гибельное пораженіе.

„Приступъ къ Италии онъ считаетъ не новымъ для себя и не непривычнымъ: онъ понимаетъ, что, владѣя знаменитымъ и безопаснымъ Драчемъ, онъ можетъ легко переправить флотъ къ противоположнымъ берегамъ и къ порту Бриндизи, куда можетъ безтреветно переслать свои войска. Такова его воля; такое его намѣреніе уже извѣстно всѣмъ его приближеннымъ. Поэтому нѣкоторые мужи, старѣйшіе годами и знатѣйшіе по общественному положенію, по происхожденію и по славѣ подвиговъ, заботясь о царствѣ, народѣ и о самихъ себѣ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, пришли къ султану и обратились къ нему съ рѣчью, въ которой старались убѣдить его въ опасности задуманного имъ предпріятія и совѣтовали отказаться отъ похода въ Италию; но онъ съ презрѣніемъ отвергъ ихъ старческій совѣтъ (*verba angusti et senilis animi*) и съ непоколебимою твердостью постановилъ мечеть рѣшить вопросъ, кому владѣть міромъ — христіанамъ или Туркамъ... .

„Таковъ характеръ султана. Такова его смѣлость, таковъ упорный и дерзкій его духъ, не склоняющійся ни на какія убѣжденія, никакимъ образомъ не оставляющій начатаго. Минѣ кажется искати сказать здѣсь вѣратцѣ объ устройствѣ и силѣ турецкаго войска.

„Все турецкое царство, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, раздѣлено на 36 областей, управляемыхъ пашами и ихъ подручниками: эти послѣдніе содержатся на счетъ государственныхъ податей и нѣкоторыхъ доходовъ. Они подчиняются двумъ великимъ воеводамъ, изъ коихъ одному вѣврена Азія, а другому Европа. Они поставляютъ болѣе 80.000 всадниковъ. Кромѣ того, когда султану понадобится большее войско, частные лица изъ Туркіи, живущія по отечественнымъ законамъ и обычаямъ на свободѣ и не несущія никакихъ государственныхъ повинностей, обязаны дать ему въ помошь 40.000 всадниковъ: каждые четыре Турка должны содержать на свой счетъ одного всадника. Кромѣ того, султанъ имѣть собственныхъ пѣхотинцевъ болѣе 12.000 и всадниковъ около 8.000; они набираются по всему царству изъ мальчи-

коиъ хорошихъ способностей и крѣпкаго здороуы. Ихъ передаютъ старшимъ воинамъ, которые на счетъ султана воспитываются и обучаютъ военному дѣлу; достигнувъ 20-ти лѣтнаго возраста, эти воспитанники поступаютъ ко двору и пѣши сопровождаютъ султана; по достижениіи же 35 лѣтъ приписываются къ конніцѣ, гдѣ остаются до 45 лѣтъ, когда получаютъ пенсію и проводятъ старость на покой, обеспеченные всѣмъ необходимымъ для жизни.

„Эти люди, отличающіеся цвѣтующимъ возрастомъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, строгою военною дисциплиною, находясь на глазахъ султана, во взаимномъ соревнованіи, въ надеждѣ награды, съ такимъ одушевленіемъ вступаютъ въ сраженіе, съ такимъ стремительнымъ напоромъ, съ такимъ презрѣніемъ, что ихъ можно принять не за людей а за львовъ и наихильнѣйшихъ звѣрей. Къ нимъ нужно присоединить еще слугъ вельможей и придворныхъ сановниковъ: по обычая, они слѣдуютъ за своими господами въ царскій лагерь. Они составляютъ болѣе 10.000. Къ тому же, если окажется нужнымъ, султанъ нанимаетъ еще пѣхотинцевъ и всадниковъ; наконецъ, въ крайнемъ случаѣ и остальные жители царства, кто добровольно, кто насильно, отправляются на войну. Такимъ образомъ, иногда все войско достигаетъ 300.000 человѣкъ.

„Кромѣ того, есть еще морскія силы: искусные моряки изъ Турокъ, числомъ болѣе 5.000, содержатся на царскомъ жалованіи; другіе же, занимающіеся разбоемъ на морѣ, призываются въ случаѣ нужды къ морской службѣ, и имъ поручаются сопровождать царскій флотъ. Есть еще и христіане, силою покоренныхъ султаномъ, которые служатъ на корабляхъ гребцами“.

Таковъ былъ Магометъ II; таковы были силы Турокъ въ половицѣ XV вѣка, по словамъ современника-очевидца. Его одушевленный разказъ дышитъ искренностью и правдивостью, а отдельныя черты этого разказа подтверждаются свидѣтельствами другихъ современниковъ.

Георгий Фруаніа, другъ и совѣтникъ послѣдняго Византійскаго императора Константина XI, воздаетъ должныя похвалы Магомету II, который, по его словамъ, уже въ молодости, „обнаруживалъ старческую мудрость въ дѣлахъ какъ частныхъ, такъ и государственныхъ. Онъ былъ дѣятеленъ и быстръ во всѣхъ дѣлахъ и любилъ людей добродѣтельныхъ и ученыхъ и самъ имѣлъ познанія въ наукахъ, особенно же въ астрологіи.. Усидчиво занимался чтенiemъ, онъ съ особеною охотою читалъ житія и дѣянія Александра Македонскаго

Октавія Цезаря, Флавія, Константина Великаго и императора Феодосія Испанца, изыскивал и изслѣдуя способы, которыми могъ бы превзойти всѣхъ ихъ и распространить вакъ можно шире предѣлы своего царства, въ чемъ и успѣхъ¹⁾). Кромѣ роднаго, онъ хорошо зналъ пять языковъ: греческій, латинскій, арабскій, халдейскій и персидскій; любилъ общество людей ученыхъ и мудрыхъ, и потому часто бесѣдовалъ съ патріархомъ Генцадіемъ²⁾.

Въ одной анонимной запискѣ (*Copia de le nove recevute da Constantinopoli scripte del mese de Decembre proxime passato*), хранящейся въ Миланскомъ архивѣ въ числѣ бумагъ *Turchia-guerra*, читаемъ о Магометѣ II: „Этотъ султанъ весьма отважень, быстръ въ исполненіи своихъ предначертаній, и не допускаеть противорѣчій своему мнѣнію, и чтобы дѣлать то, что хочетъ, онъ воспиталъ двухъ молодыхъ пашей своего возраста, которые слѣдуютъ ему во всемъ. Онъ назначилъ также своимъ адмираломъ Янисбая, которому только 25 лѣтъ отъ роду, отважнаго, воспитанного вмѣстѣ съ нимъ съ малолѣтства“...³⁾.

¹⁾ G. Phrantae Annales, 93.

²⁾ Ibid., 95.

³⁾ Questo Signor (Turcho) è di grandissimo animo et presto a fare le sue provisione, non vole contrasto a la sua opinione, et per fare quello, che vole, ha allevato duei zovemi bassa de sua etade, li quali in tute cose lo seguitano. Item ha facto suo capitaneo de mare Ianisbei zovene de XXV anni, animoso, allevato con lui da puto in suso, et a tempo novo usira con potente armata dicese per torre Trebisunda, Caffa et altri lochi del mare maiore. Il dicto Signore gli ha promesso in dicta armata galie 30 in 40. Havemo speranza, chel usira male per lui, perche de chi senti lo aparato fano Christiani de mare, benche non se facendo il simile da terra, sera cosa vana. Avisandovi da poi la venuta (a Costantinopoli) de questo Signore, questi cani vano dicendo: a Roma, a Roma, poi diceno: in Puglia, in Puglia. Ogni giorno fa fare edifici et munitione da offendere et maxime bombardare sine fine, et fra le altre due grandissime de la mita piu che non sono quelle, che fureno alo acquisto de questa misera citta. Fa etiam ruinare tute le mure de Pera de la parte iverso terra fine dentro li fossi. Ha facto tuore tute le arme de li habitanti in dicto eoco. Porta grandissimo odio a Genoesi et dice publice mai non volere pace, ne accordio con quelli. A Venetiani fa bona compaignia, benche sia pocho da credergli et meno da confidarse. Per la peste e stata qui po esser mancho anime X milia in XII milia, in Andrinopoli sessanta in ottanta milia. Questa citta e habitada du grande numero de Judei, posso dire, ne sia tutto il populo judaico. Il dicto signore ha facto fare il suo serraglio cosa bellissima et uno biasesten molto sumptuoso et uno zardino, che bastaria al paradiso; et pere ha facto tuor tati li marmori de queste sante chiesie, le quale se ponno mettare per ruinate, cosa molto da considerare, e de la sancta fede sia cosi abandonata da tutti Christianissimi Prin-

Укажу еще на одно, до послѣднаго времени наизвѣстное ученымъ свидѣтельство современника о Магометѣ II: Лазаре Барнабеи, написавшемъ Анжийскую хронику въ концѣ XV вѣка, разказывающъ объ одномъ случаѣ изъ жизни этого султана, доказывающемъ, какъ онъ былъ любознатель въ юности и какъ помнилъ и цѣнилъ услуги, ему оказанныя¹⁾.

Вообще же должно сказать, что всѣ писатели хвалять благородство души Магомета II, его высокія дарованія, его образованность и вѣротерпимость. Подъ управлѣніемъ такого государя должны были благодѣствовать его подданные, а въ числѣ ихъ были и Болгары.

Но Магометъ II не составлялъ исключения въ ряду турецкихъ сultановъ: его отецъ Амуратъ II, по свидѣтельству современника²⁾, былъ другомъ человѣчества и покровителемъ бѣдныхъ; онъ строго исполнялъ договоры, хотя бы они были заключены съ христіанами, где любилъ войны и легко склонялся къ миру даже послѣ побѣды; Баязетъ II, наследникъ Магомета II, хвалилъ за его миролюбіе³⁾; а Селима II за его справедливость и благородство⁴⁾; Градичъ, какъ мы уже выше видѣли, сравниваетъ всѣхъ сultановъ до Солимана съ знаменитѣйшими героями древности.

Само собою разумѣется, что личныя качества государей не остаются безъ вліянія на судьбы подчиненныхъ: ихъ скипетру народовъ; а потому мы сочли умѣстнымъ остановиться на характеристикахъ Ma-

cipi. Illustrus Signore illumina la loro mente. Item questo Antichristo ha facto fortificare et ogni giorno fortifica quello castello novo, chel feci fare nel stretto, et cosi l'altro, che è sopra Syo alineuntio, acio che quello passo sia sempre in sua liberta, nel quale castello tene il farso del suo havere.

Avante heri vene qui due Ambassatori del disposti di Servia per darli ducati XXX milia de la mita del carrezo; fureno cazati via con li dinari, digando: voleva ducati cento milia; et questo perche loro non havevono tuti li sesanta milia. Questus è uno dimonio et vole ogni cosa a suo modo

Item questo Signore ha principiato a far stampare ducati Venetiani in grande quantita, parendogli con questa stampa dar piu favor a la sua volunta, et tutte cose fa contra lo honore de sancta croce.

¹⁾ Croniche Anconitane di Laesaro Bernabei cap. XLVII: La presa de Constantinopoli dal Turco, p. 177—8 (Collezione di documenti storici antichi delle citta e terre Marchigiane, per cura di C. Ciavarini. Vol. I, Ancona 1870).

²⁾ Ducas, Hist. 228.

³⁾ Relatione fata per Alvite Sagudino 1496 apud Marin. Sanutium, Diarii I, 192—3.

⁴⁾ Relazione del S-or Franc. Gondola gentilhuomo Raguseo fatta a papa Gregorio XIII di alcune cose particolari del Turco l'anno 1574. (Университ. библ. въ Болонье).

гомета II, этого благороднейшаго представителя турецкихъ супт-новъ. Нѣть сомнѣнія, что подобицѣ ему государи умѣютъ заставить уважать ихъ волю и строго исполнять ихъ предназначения и тѣмъ самыемъ упрочиваютъ благосостояніе государства. 1.

Даруя внутренній миръ своимъ подданнымъ, Магометъ II распоряжалъ достаточными силами, чтобы не только оградить ихъ отъ наѣзжей опасности, но даже распространить предѣлы своего царства на счетъ сосѣдей и внушить почтительный къ себѣ страхъ въ народахъ даже болѣе отдаленныхъ. Передъ нимъ трепетала Италия, раздиравшая усобицами, не внимавшая голосу лиценїрнаго папы¹⁾, которыи имѣлъ полное право жаловаться, что, когда одни находятся въ открытой войнѣ съ Турками, другие явно поддерживаютъ съ ними дружественные сношенія²⁾. Истинные патріоты въ Италии были рѣдки, и тѣмъ выше подвигъ Франциска Вальби, который дерзнуль

¹⁾ Въ возваніи къ западнымъ християнамъ (D. Tibare ad annule pectoris die III Iulii 1463) Піи II говоритьъ: «Postquam ad summum apostolatu apicem assumpti sumus, cernentes que pericula fidei catholice iminerent propter audatiam Sevissimi Maumethis Turcorum Tyranni, ejus sententia semper fuimus, ut congregatis Christianorum viribus impetum crudelissimi hostis frangeremus. Non enim nos latebat, sed prope mentis oculis cernere videbamus, quo clades sequenturae essent, quo damna, quo denique ruina in populum fideliem evenirent, nisi crudelitati draconis obisteretur. Presaga mali mens previdebat, quo magna ex parte jam evenierunt. Non sine dolore amarissimo, non sine lacrimis possumus hoc recensere: Turcus, ut taceamus innumerableis clades, quas miseris christianis per hos annos sine ullo obstaculo in Peloponesi, Achaya et in omni Graecia incuberit, novissime Bosne regnum occupavit et capto Rege (quod lugendum est) ulterius impetus sui conatus extendit, superatisque Bosne claustris in Illyricum usque et prope Dalmatia littora, hoc est ad Italiae portas gloriabundus arma intulit. Nec quicquam est, quod sitim rabidi Leonis sistat, et nisi abviam eatur omnia formidari possunt de illius crudelitate... (Bolle e brevi etc. nell' Archivio Secreto del Senato въ Болонѣ).

²⁾ Піи II писалъ изъ Рима отъ 29-го сентября 1463 г., во Флоренцію: Retulit nobis orator Venetus, qui apud nos agit: esse intentionis vestrae mittere nonnullas triremes Constantinopolim, et quoniam Veneti aperte bellum gerunt contra Turchum christiani nominis hostem, timent plurimum detrimenti inde afferri posse. Primum, quia hostes, qui Italorum vires formidant, existimantes omnes concordes esse in gerendo bello, poterunt ex eo conjectari, non concordiam inter Italos, sed magnam vigere discordiam: quando alii in aperto sunt bello cum Turcis, alii cum his comertium quasi amicorum palam habeant. (Флорент. госуд. арх.: Registro delle lessere esterne 1452—68, f. 118). Здѣсь кстати вспоминать, какъ Венецианцы называли Туровъ въ южную Италию, а король Фердинандъ — въ Венецию, какъ Буколино переписывался съ Баньестомъ о сдачѣ сму Анконы, чрезъ которую ему открывался свободный путь въ Римъ, и какъ папа Александръ VI черезъ своего пунція договаривался съ султаномъ о цѣнѣ головы брата его Джема.

изъ присутствія доша, сказать, что было бы необходимо, чтобы Венецианский сенатъ опредѣлилъ смертную казнь тому, кто будетъ говорить о мире съ Турками, пока они не будуть изгнаны изъ Европы... ¹⁾.

И дѣйствительно, султанъ располагалъ грозными силами. По словамъ Сангуинио, онъ могъ выставить 300.000 воиновъ, и эта цифра не преувеличена. Такъ, известно, что подъ стѣнами Константинаополя въ 1453 году было собрано 258.000 турецкаго войска съ страшною артиллерией и съ флотомъ изъ 420 кораблей ²⁾. Въ 1464 году султанъ вторгся въ Сербію съ 300.000 воиновъ ³⁾.

Но словамъ Фр. Гундулича, Солиманъ повелъ въ 1566 г. въ Венгрию четырехсоттысячную армию; а по исчислению Алоизія Сангуинио, секретаря Венецианскаго баптизма въ Константинаополь, Турки въ концѣ XV вѣка имѣли на готовѣ 163.000 воиновъ, и у нихъ было 250 кораблей ⁴⁾.

¹⁾ *Gerard. de Collis, Миланскій посланникъ въ Венециі, въ депешѣ отъ 8-го октября 1464 г. (въ Миланск. архивѣ: *Turchia-guerra*) пишетъ: «Et fu l'altro giorno uno zentilhommo, chiamato messer Francescho Balbi, che ha bon credito in questo collegio (семинаріи), che ala presentia del principe et mia dixe queste parole: Serenissimo Principe, si se voria fare una parte in Pregay, che fuse pena la testa a cadauno, che parlase de hascer pace con lo Turcho, finche non habiamo cacciato de Europa, peroche aliter ne lo nostro Stato, ne quello de Christiani may sera sicuro, finche costui sia in Europa. Et tutta volta, che questo papa dia la sobvention, che dice, deli 100.000 ducati ale Sengore, con quallo li faremo anchor nry, sera pocha faticha ad caciarlo. Et questa guerra non da pero tropo spesa a la nostra citta, peroche gia 17 mese, che l'aviamo comenza et anchor non habiamo messo altra gravesa, che doa decime, che stato lexere cossa, peroche le nostre intrate hano supplito alo resto. Unde io sono del parere, che fatiamo questa guerra virilmente et non habiamo riguardo al spendere perche si trouarano dinari in mondo, et che havese altro parere de pace, non ha vero amatore de la sua patria. Et dixe queste parole con grande effusione et fu udito atentamente, et parve pur che inclinassero assai al suo parlare..»*

²⁾ *Симеоновичъ, Осада и взятие Византіи Турками* (Уч. Зап. II отд. Ак. Н. Ии. №. 8, стр. 129, 134, 139—141).

³⁾ Lo Turco con 300.000 persone è intrato in la Rassi: *Gwarz. Casalionsa et Nicolause Arcimboldus. Ex Venetiis die 21 Augusti 1464.* Миланск. архивъ.

⁴⁾ *Marino Sanudo, Diarii vol. I, f. 192 (1498 Decembris):* Qui è el sumario dila rilatione facta per Alvixe Sagudino, Secretario dila Illustrissima signoria ritornate de Constantinopoli... Che nela Grecia a 28 capitani et 34 nela Natolia, che sono in tutto 62, che hano soto de si 32 milia persone, che non hano altro stipendio, che le decime dei paesi et son obligati a servir el suo signor de qualunque guerra senza altro pagamento et questa sente se dimanda timaristi Item la i gianizari, che sono 8.000, item li bassa et altri primi sono fra tutti loro 8.000 cavalli, che tati sono obligati a servir il signor, li Giantzari per li suo stipendii ordinarii e le altre famiglie per la provision, che ali suo primi bassa et signori, nele qual he compreso i suo sti-

Турецкая артиллерія была такого большаго количества, сколько не видѣвали въ Италии¹⁾.

Въ союзъ турецкаго войска входило два элемента: мусульманскій и христіанскій. Изъ вышеизведеннаго нами разсказа Николая Сангудино видно, что постоянное турецкое войско состояло изъ 30.000 санджаковъ (спахи). Въ случаѣ нужды турецкое населеніе обязывалось выставлять еще 40.000 спаховъ, въ размѣрѣ одного на четырехъ Туровъ. Такая система измѣнилась, кажется, уже при сынѣ Магомета II, Баязѣтѣ II: по словамъ Алоизія Сангудино, 62 санджака Европы и Азіи имѣли подъ своимъ начальствомъ только 32.000 спахи. Въ XVI вѣкѣ военная повинность въ Турціи была организована слѣдующимъ образомъ: получавшій 3.000 аспровъ (около 50 руб.) ежегоднаго дохода былъ обязанъ поставить одного спахи, получавшій 8.000 — двухъ и т. д. въ размѣрѣ одного спахи на каждые 5.000. При такой организації Европа давала 80.000, а Азія 50.000 спахи. Спахи были подъ не-

pendit, che sempre chel campo dil turco si move, lor segnita alcuni, che i chiamano coradore, che servano senza stipendio, ma solum per aver causa de poder andar in guadagno alla strada et a robar, et questi coradore sono da XV milia in suso.—Che per li suo stipendii ordinari sempre, che il signor voglii, fa zente, ci ne ha quanti el vole, fin alla summa di 100 milia, ultra quelli, che ho numerado.—Che tra Galipoli et Constantinopoli al presente la 100 galie, 50 tra fuste et palandarie, 50 tra gripi et brigantini. Item la tre galeaze, tra nave et do barroti et al presente al fa far do barze da 600 in 800 bote per cadauna.. (Рип. быв. си. Марка въ Венеции).—Op. Leonardo Botta (Миланскій посланникъ въ Венеции), Disp. die 8 maii 1479 (изъ Миланскому архива: Turchia-guerra): ... el s-re Ioanne Antonio Caldora (былъ въ турецкомъ плена) ... m'ha narrato infinite dignissime cose, et in specie della potencia del dicto Turco, asserendo, che esso ha de intrata piu de cinque milioni d'oro al anno ordinarie, et che esso ha despeso in gente d'arme et soy sellariati tri millioni d'oro, liquali sono cosi al tempo de pace, come al tempo de guerra pagati. in denari contanti. Item dice, chel dicto turcho piu de trecento galie fornite da potere mettere ognihora alla vela tutte, ultra le fuste et altri legni, che se ritrova, che sono uno numero infinito. A nome: De potentia maritima ha et poi far tra galie, fuste, barze et pallaudarie in tutto velle 250, l'exerito terrestre 40 in 50 milia cavalli, li qual son subiti per li 60 capitani ordenari, che tien el dito numero de cavalli pel far senza dar angaria, ne altra spesa.

¹⁾ Leon. Botta, Venetis die 14 Augusti 1479. Qua se sante, che la armata de Turcho, la quale è alla Valona, è per uscire de presenti fora, et venire in questo Golpho, et che fra li altri apparati et instrumenti bellici, che la porta con si, questa signoria è advisata, che la porta tre grossissime bombarde, della quantità delle quali non è la simile in Italia... При осадѣ Осадра въ 1474 году Турки имѣли две пушки калибромъ въ 140 идзъ въ 400 сунгояхъ. A di Zuguo piantau due bombarde una alla banda dal astello, l'altro sopra el monte contro la terra e ruina delle case. A

посредственнымъ начальствомъ алайбеговъ, подчиненныхъ сайдамъ, находившимся въ распоряжении главнокомандующихъ (беглербеговъ) ¹⁾). За пашами и придворными сановниками слѣдовали въ лагерь ихъ слуги; ихъ набиралось 10—15.000. Это были вольные наездники (*coradori*), не получавшие жалованья.

Христіансное народонаселеніе давало султану, по Н. Сангундину, 20.000 отважныхъ янычаръ. Каждые пять лѣтъ производился по всей имперіи наборъ христіанскихъ мальчиковъ съ семилѣтняго возраста— красивыхъ, здоровыхъ и способныхъ — въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ народонаселенія. Отличавшіеся умомъ и красотой отдавались въ сераль, где ихъ одѣвали по турецки, обучали и держали подъ строгою дисциплиною, никаку не выпускали. Въ четырехъ сералахъ (султанскомъ, галатскомъ, гиподромскомъ и адрианопольскомъ) ихъ насчитывали до пяти или шести тысячъ. По обрѣзаніи одинъ поступали въ янычары, другие въ спахи при Портѣ или пашаахъ. Каждые три года султанъ обходилъ сераль и выбиралъ юношей для личной себѣ службы: изъ нихъ выходили впослѣдствіи бетлербей, капитанъ-деири (адмирала) и визири. Янычары славились строгою дисциплиною, неукоризненною жизнью и неустрашимостью. Съ течениемъ времени они захватили въ свои руки всю власть, и янычаръ-ага ставилъ пашей и распоражался престоломъ. Тогда турецкое правительство, дабы отвлечь ихъ вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ, должно было занимать ихъ безпрестанными войнами. Первоначально янычарамъ было воспрещено жениться; но съ половины XVI вѣка начинается вводиться бракъ сначала между погранич-

di 28 Zugno piantano due altre bombarde grosse: una al' incudine del castello, l'altra dall'altra banda verso Privasto, le quali erano de lire 400. Puna: con le prime, che erano de lire 140 Puna, ne bombardano zorni 33, con le grosse zorni 22, chel non era zorno, che non trasseno 22, 23 & 25 botte Puna, trasseno in tutto 1863. (Ant. Lauredano, Comes et Capit. Scut. etc. Tr. Gritti Capit. maris, Scodre die 13 Augusti 1474: въ Милявск. арх.) Cnf. Leonardii Chensis de Lesbo a Turcis captis epistola Pio papa II (ed. C. Hopf, Regimonti 1866, p. 10): Statuntur interea ab exteris bombarde eximie sex, quarum cunei septingentarum librarum pondus quicquid exceedebat. Чудовищная пушка, выплавая Урбазомъ при осадѣ Константиноополя, вѣсила 1.900 пудъ и имѣла длины 4 сажени; а камень, которымъ ее заряжали, вѣсилъ сантиметръ 36 пудъ (*Стасюлевичъ*, 74). Самая большая пушка Итальянцевъ имѣла длины 1.607 миллиметровъ. (A. Angelucci, Documenti inediti per la storia delle armi da fuoco italiane. Vol. I parte I, Torino 1869. Nota storico illustrativa A. Le Bombarde).

¹⁾ L. Ranke, Die Osmanen und die Spanische Monarchie im XVI und XVII Jahrhundert. 3-te Aufl., (Berlin 1857) s. 6. Cnf. Teodoro Spandugino, Costumi et leggi de' Turchi (Sansovino, Hist. univers. etc. de Turchi, Ven. 1654, p. 110 t-o).

ными янычарами, а потомъ — и между стоявшими въ столицѣ. Такъ образовались наследственные янычары, которые отличались своею лѣдемъ, наглостью и жестокостью. Они разсѣялись по всей странѣ, насилиственно завладѣли лучшими землями и стали заниматься торговлею. Въ половинѣ XVII вѣка, вслѣдствіе отвращенія христіанъ къ по-зорному ремеслу янычаръ, съ одной стороны, и вслѣдствіе зависимости къ нимъ Турокъ, съ другой, прекратился наборъ христіанскихъ мальчиковъ¹).

Нѣть сомнѣнія, что христіане служили не только въ янычарахъ, но и въ наемныхъ войскахъ султана, и что при доголовеніи вооруженіи они были обязаны, подобно другимъ подданнымъ, идти на войну, какъ это видно изъ Сангуинина. Что къ такой мѣрѣ прибѣгали иногда султанъ, можно заключать изъ словъ Миланскаго посланника въ Венеціи Леонарда Ботты: „Здѣсь получено извѣстіе, что султанъ обнародовалъ указъ, въ силу коего всякий его подданный, жи-тельствующій въ поморья Фракіи или Грекіи и располагающій ты-сячью дукатовою наличною монетою, обязанъ построить судно²). Еще искѣе выражается Миланская „Copia de le nove recevute da Constantiopolis scripta del messe de Decembre proxime passato“: „11-го числа (декабря, неизвѣстно какого года) султанъ (Магометъ II) приказалъ объявить въ Константинополѣ и по всему царству, что вся христіане, которые захотятъ поступить на военную службу, получать отъ него хорошее жалованье, будуть въ почетѣ, и всякому, кто приведеть 20 человѣкъ, онъ дастъ (подъ начальство) 30 и т. д., соображаясь съ числомъ приведенныхъ солдат; кроме того, вся они освобождаются отъ всякаго рода преступленій, даже если бы кто убилъ Турука“. Предполагаютъ, прибавляетъ корреспондентъ, что къ новому году приѣдетъ много охотниковъ, согласно безграничному же-ланію султана. Боже, лиши его силы и просвѣти христіанъ³).

¹) L. Ranke, Die Osmanen, ss, 8—21, 62—70.—Spandringo 112—114.

²) Leon. Botta, Venetiis, die 25 Februarii 1579 (Миланскій архивъ: *Turchia—Guerra*)... Lui è venuta nova, al Turcho havere per publica proclamatione compa-dato, che qualunque suo subdito commorante nelle terre marine della Tracia sicc della Grecia, che si ritrovi havere mille ducati de valuta, faci una fusta, offerendose esso Turcho de darli conveniente adviamento. Che se cosi seguirà con effecto, ne extima, farà uno numero incomprehensibile de fuste.

³) Il prefato Signore (Turco) ha facto credare a di XI et cosi ha ordinato se facia in tutti li suoi lochi,—che tutti li Christiani, che voleno venire a tare soldo, lui il dara bono et honorevole, et a tutti, che condura persone XX, gline dara XXX, et cosi successive di numero in numero, absolvendo tutti da ogni delicto havesseno com-

Само собою разумѣется, что такие наемники, принимаемые изъ столь выгодныхъ условіяхъ, не были стѣснены въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и вѣроятно, составляли отдельные отряды, находившіе подъ начальствомъ христіанскіхъ кондотьеровъ.

Такою же свободою вѣроисповѣданія, безъ сомнѣнія, пользовались и Ереи, служившіе въ турецкомъ войскѣ¹⁾). Въпротивность, Турокъ привлекла въ ихъ царство огромное число Ереевъ, пользовавшихся въ Константиноополѣ болѣшимъ влияніемъ²⁾ и составлявшихъ въ Адрианополѣ почти все народонаселеніе³⁾.

Турецкое войско отличалось сколько же искусствомъ, сколько вѣрностью и неутомимостью баснословной⁴⁾. Неустранимость дынчарь всѣмъ известна. Можно было совершать чудеса, распоряжалась такимъ войскомъ, и Магометъ II имѣлъ право сказать, что *drexu sangiacchii bastavano a pigliare Roma*⁵⁾.

Чтобы понять, сколько горькой правды было въ этихъ словахъ германского Турка, достаточно указать на характеристику христіан-

mento, etiam si Turchi per loro fossero stati morti. Tenete, che a tempo novo verità gente assai a suo desiderio, che è insaciabile. Il nostro Signor Dio gli tolga la puzanza et illumina Christiani.

¹⁾ Gerardo de Collis, Venetiis die 28 Septemeris 1464 (въ Милан. Арх.: *Turchia-guerra*)... De la Morea hano aviso, che lo S-r Sigismondo (Malatesta) ha preso Misra non gia per bataglia, ma porche non gli era dentro si non 60 gianizeri Turchi, et 60 homini Zudei pur soldati del Turcho et circa cento homini comandati in tutto.

²⁾ Matia Zane, Basilo a Constantinopoli, *Relatione* (къ Амврос. Был., въ Миланѣ): *Vi sono gran quantità d'Hebrei in tutto lo stato... ma poverissimi, in Constantinopoli poi sono poderosi, ma di tanto perversa natura, ch'essi sono l'origine de tutti i mali, et quelli principali visiri et Chiaus ne hanno ciascuno de loro uno por confidente, il quale serve loro per pietre di scandalo et per memoriale di nuove ribalderie.* Въ концѣ XVI вѣка Ереи проникли даже въ сердце султана, потѣшилъ Амурате грязными комедіями (*Raguaggio dello stato di Turchia nel 1594* въ той же библіотекѣ).

³⁾ *Copia de le nove recevute da Constantinopoli etc.*

⁴⁾ Ger. de Collis, Venetiis die 8 Iunii 1464 (Амврос. Был.): Ancor si dice, che verso l'Ongaro ha mandato grande gente ne la Servia, ne la, Bosna et ne la Bulgaria. Il me pare, che *dito Turco sia maestro del mestero del arme et habia homines portentos ad omni fatica et fidelissimi*. Questo Marbeo he cavalcato in un giorno et una nocte per venire ad trovare costoro piu de LXXX miglia et per sono stati si freschi, che li sono rotti e morti che quando io lessi queste cose ne le ystorie romane, me parono fabule, cies fare tanto camino con grande exercito.

⁵⁾ *Raguaggio dello stato di Turchia 1594.*

скаго войска, представленную неизвѣстнымъ авторомъ хранящагося въ Амвросианской библіотекѣ въ Миланѣ трактата подъ заглавіемъ: *Esortatione efficacissima alli Principi Christiani contra gli Infidieli* (XVI вѣка). Авторъ-патріотъ задаетъ себѣ вопросъ: почему христіане, при всемъ своемъ превосходствѣ надъ Турками, не могутъ побѣдить ихъ?

„Кто отважнѣе Венгерца“? спрашиваетъ онъ. „Кто страшнѣе Нѣмца, доблестнѣе Француза, стойче Испанца, мудрѣе Итальянца и неустранимѣе Поляка?... Кто легче переносить раны и опасности, какъ Венгерецъ? Кто великодушнѣе Нѣмца, благоразумнѣе Итальянца, честолюбивѣе Француза и предусмотрительнѣе Испанца?“ Затѣмъ, перечисливъ доблести разныхъ христіанскихъ народовъ (*la sapienza Italiana, la ferocia Francese, l'ardimento dell' Ungharo, l'industria Spagnuola, la fortezza Thedesca*), онъ заключаетъ: „Хороши у насъ закони, но весьма дурны нравы; хорошо оружіе, но мерзки души; считается славнымъ отважно биться между собою, но трусость передъ непріятелемъ не считается постыдно и остается не наказанной. Турокъ, когда идетъ на войну, оставляетъ свои пороки дома, а христіанинъ вѣй береть съ собою: въ турецкомъ лагерь иѣть никакихъ наслажденій, тамъ—только оружіе и необходимый провіантъ, а въ христіанскомъ войскѣ—чревоугодіе и сладострастіе,—въ немъ больше непотребныхъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ; Венгерецъ разбойничаетъ, Испанецъ крадетъ, Нѣмецъ пьянствуетъ, Итальянецъ предается сладострастію, Французъ поетъ или болтаетъ, Англичанинъ обжирается, а Шотландецъ пожираетъ, бездѣйствуетъ Полякъ, буйствуетъ Чехъ, такъ что съ трудомъ можно найти настоящаго воина“¹⁾.

¹⁾ Начинается такъ: Spesse volte mi sono fra me stesso maravigliato, Signori Etc-mi, onde sia, che parendo tutte le cose promettino vittoria a Christiani, essi pero nel spatio di tanti anni non l'habbino conseguita già mai.. Chi è più audace dell'Ungharo? Chi è più terribile del Thedesco? Più valoroso del Francese? Più saldo del Spagnuolo? Più saggio dell'Italiano? et più gagliardo del Polono?.. Chi è più severo nelle ferite et nei pericoli dell'Ungharo? Chi è più generoso del Thedesco? Più prudente dell'Italiano? Più ambizioso del Francese? et più accorto del Spagnuolo?.. Habbiamo bone leggi, ma pessimi costumi, buone armi, ma pessimi animi; gloria gli è, se fra loro valorosamente combattono, ma se contra il nemico gagliardamente non combattino o non gli è vergogna o non ne sano puniti. Il Turco pone già i suoi vitti in campo, et il Christiano li piglia: in campo de' Turchi non vi sono delitie alcune, solamente l'armi et il vivere necessario, ma nell'esercito de' Christiani è la golosità et tutto l'apparato della lussuria, e vi è maggior numero di putane, che 'huomini. l'Ungaro assassina, lo Spagnuolo roba, il Thedesco tracanna, l'italiano

При Магометѣ II, Турціи, по словамъ Н. Самундино, была раздѣлена на 35 областей, управляемыхъ санджаками подъ верховнымъ начальствомъ двухъ беглербоговъ — румелійскаго и анатолійскаго. Число областей, по мѣрѣ завоеваній, увеличивалось: такъ Халѣкондилъ насчитываетъ 36 ¹⁾), а въ концѣ XV вѣка ихъ было уже 62 ²⁾). Волгарія, вмѣстѣ съ другими европейскими областями, была подчинена верховному вѣдѣнію беглербога румелійскаго, и первымъ ея санджакомъ былъ Али-Паша. Вся завоеванная земля была раздѣлена на удѣлы (*сѣльчила* или *тимаръ*) между Турками. За владѣніе этими удѣлами обязывались служить въ войсکѣ султана. Чемъ больше было удѣль, тѣмъ тяжелѣ была военная повинность: какъ уже выше упомянуто, всякий, кто получалъ 3.000 аспровъ ежегоднаго дохода, долженъ былъ выставить одного спахи; на всякие 5.000 прибавлялся одинъ спахи. Тимары не были наследственны; но право владѣнія ими имѣли только сыновья тимарли. Всякій начиналъ свою карьеру съ маленькаго тимара, восходя по мѣрѣ заслугъ къ большемъ; такъ, Солиманъ постановилъ, что малолѣтній сынъ санджака, имѣвшаго 700.000 аспровъ дохода, могъ получить тимаръ только въ 5.000 ³⁾). Такимъ образомъ, у Туровъ не было ничего подобнаго европейскому потомственному дворянству: почести и богатства были вознагражденіемъ за личныхъ заслуги. Всякій легко пойметъ благодѣтельный послѣдствія такого османскаго государственного закона.

Турки первоначально не имѣли никакой другой повинности, кроме военной, и не платили податей. Подати взимались только съ христіанъ: каждый изъ нихъ платилъ одинъ дукатъ *харача* (подушной подати) и 1 $\frac{1}{2}$ — аспра со штуки домашнаго скота ⁴⁾). Харачъ, кажется, не былъ турецкимъ навовведеніемъ, но существовалъ у южныхъ Славянъ искони, только въ другомъ видѣ: известно, что въ Албаніи, гдѣ славянскіе законы и обычай держались до турецкаго завоеванія, каждый домъ (или семья) платилъ дукатъ подати ⁵⁾. По

Iussuria, il Francese canta o hiachira, lo Inglesc ingola et lo Scotto devora, oscita il Polono, stertezza il Bohemo, tanto ch'ha fatica vi si può trovare un soldato, che sia soldato nei costumi. — Cnf. *Chalcocondyl.*, p. 182.

¹⁾ *De rebus Turcicis lib.*, VIII, 232.

²⁾ *Relatione di Alixe Sagundino 1466 ap. Mar. Sanutum (Diarii l. c.).*

³⁾ *L. Ranke, Die Osmanen etc., ss. 6—7.*

⁴⁾ *L. Ranke, Die Osmanen, s. 22.*

⁵⁾ О Славянахъ въ Албаніи, 126.

Халкокондилъ¹⁾ искоши существовала въ Турціи также подать на-
турою.

Кромѣ податей, государственные доходы состояли изъ данекъ, пле-
тистой вассалами (Болгарами, Сербами, Босняки, Албанцами и Румынами до
окончательного ихъ покоренія Турками, Дубровчане и т. д.), изъ та-
моженныхъ пошлинъ и т. п. При Магометѣ II, если вѣрить показа-
нию Леонарда Ботты (1479 г.), сумма всѣхъ государственныхъ дохо-
довъ простиравась до пяти миллионовъ дукатовъ золотомъ; при Бая-
зетѣ II она упала до трехъ и даже до двухъ съ половиною миллио-
новъ²⁾, а въ XVI вѣкѣ достигла въ началѣ семи миллионовъ³⁾, а
въ концѣ 16.000.000⁴⁾.

Самодержавные султаны отличались справедливостью къ своимъ
христіанскимъ подданнымъ, какъ замѣчаетъ Градичъ; Леонардъ Ботта
слышалъ отъ И. А. Кальдори, бывшаго въ турецкомъ плену, поражи-
тельные разказы о чрезвычайной справедливости и удивительномъ

¹⁾ *De rebus Turcicis.* 233.

²⁾ *Relat di Alvise Sagudino* 1496 (ap. Murian. Sanutum ff. 192—130):

Che la de intrada do milioni et 400 mila ducati a l'anno, a questo modo che
el charazo ducati 900 milia, del terzo del charazo ducati 300 milia, de tute le sue
scale sie ducati 500 milia, del dazio castroni ducati 400 milia, de algune donee (?)
ducati 300 milia, la qual' intrada elia spende ogni anno integralmente. A sime la
intrada soa era ducati tre milioni in crario et al presente ducati do milioni et 500
mila. le spese a quel medemo.—Cnf. *Chalcocionid.* 322—3.

³⁾ *Teod. Spandugino*, Costumi e leggi de Turchi, ap. Sansovino pp. 116—117.
Изъ сообщаемыхъ Ах. Сагудиномъ и Спандугино циеръ можно заключить, что
въ концѣ XV вѣка христіанъ, способныхъ къ оружію, было въ Турціи 900.000,
а въ XVI (при Селимѣ) — 1.500.000.

⁴⁾ Въ Амвросианской библиотекѣ въ Миланѣ находятся вѣсмы любопытная
Copia della somma dell'entrate, le quali ha l'Imperatore de Turchi ordinariamente,
la quale è di 16.000.000 d'oro et 300.000 ogni anno (составлено при Карлѣ V).
Изъ нея видно, между прочимъ, отношеніе христіанского народонаселенія къ ту-
рецкому.

Il Turcho fa pagare nella Grecia per ciascuno fuoco ducati tre diche ne cava ent-
rata de 3.300.000 ducati, che la Grecia fa 1.100.000 fuoco. Nella Romania per
800.000 fuochi de Turchi a ducati 1½ per ciascuno 1.200.000. Del tributo della
Morea, Albania, Servia, Bosna, Valachia et conte Stephano 500.000. In Anatolia per
2.100.000 fuochi de Christiqni a 3 ducati per ciascuno 6.300.000. De 1.500.000
fuochi de Turchi a ducato 1¼ per fuoco 2.250.000. Изъ нея видно также, что си-
стема податей измѣнилась и что Турки платили половину (1½ дуката съ огранич.)
подати, наложенной на христіанъ. Со скота и произведеній земли взималась де-
сятина (1.500.000 дук.). Соленої доходъ давалъ 500.000; таможенный — 200.000;
корабельный сборъ въ Галліполи — 150.000; турецкие вассалы платили 100.000
дукатовъ. Расходы простирались на 8.500.000 дук.

управлениі султана¹⁾); Альберикъ Малетта (Albricus Maletta) доносиль въ 1455 году герцогу Миланскому, что Албанцы весьма преданы Туркамъ по причинѣ ихъ доброго и гуманнаго управлениі²⁾; наконецъ Дубровчанинъ, Павель Джорджичъ, пробывшій въ Турціи 15 лѣтъ и изѣздившій ее изъ конца въ конецъ, свидѣтельствуетъ, что еще въ 1580 году состояніе христіанъ было самое счастливое: они пользовались свободою, были богаты, Турки ихъ не притѣсняли, судъ былъ справедливъ³⁾). Поэтому не удивительно, что христіане смотрѣли на сultана какъ на своего благодѣтеля, или, выражаясь словами современника⁴⁾, почти его обоготворили.

„Обязанные своимъ господствомъ ненависти Грековъ къ Латинамъ“, говорить г. Стасюлевичъ⁵⁾, „Турки въ XV столѣтіи не могли притѣснить христіанъ, а еще менѣе могли думать о вступленіи въ союзъ съ западными христіанами, для притѣсненія восточныхъ... Перемѣна въ позднѣйшей политикѣ Оттоманской Порты имѣть свои историческія основанія. Извѣстно, что еще въ XVI столѣтіи Турки начали играть свою роль въ системѣ политического разновѣсія. Сначала западные государства направляли эту систему другъ противъ друга: такъ, въ XVI столѣтіи король французскій, соперникъ императора Карла V, первый заключилъ союзъ съ Турками противъ Германіи для униженія Габсбургскаго дома; въ XVII столѣтіи Лудовікъ XIV употребилъ Турокъ съ той же цѣлью. Обезпеченные такимъ образомъ со стороны запада, Турки увидали себя въ возможности выйтти

¹⁾ Leon. Botti, Venetiis die 8 maii 1479 (Милан. арх.); Item nara (J. A. Caldora) cose stupende della summa justicia et mirando governo ha in tutte le cose. Similiter dice, chel dicto Turco non ha, ne vole homo alcuno sotto si, che habeat Signoria o jurisdictione de homeni, et cho de quanti Bassa et subditi l'ha al mondo, non c'è persona, che habeat jurisdictione pur de uno minimo castello, che veramente è cosa de grandissima admiratione. Et prego Idio lo tenga lontano da questa misera Italia...

²⁾ Albr. Maletta. Ex Neapoli die 16 Septembris 1455 (тамъ же): li homeni de quello payse (Albania) sono molto affetti al Turcho, el quale gli fa una bona e humana Signoria...

³⁾ Discorso del S-or. Paolo Giorgiu al Principe di Transilvania 1595 (Амврос. библиотека).

⁴⁾ Copia de le nove etc.: A di 12 (Decembre) il Signor Turcho cavalcò per la terra con grandissima pompa, et per tutto li populi corsero a lo incontro, quasi a lorandolo, et per lui semper era butato sopra quelli dinari et aspri d'argento in grande quantita, si per monstrare la sua magnificentia, come per torseli benivoli, et tuto a fine de fare il facto suo, come ognuno intendere po.

⁵⁾ Осада и взятие Базантіи Турками, стр. 114—115.

изъ того отношенія къ покоренной странѣ, въ которомъ они находились къ ней при началѣ своего господства. Когда же они убѣдились, что западная теорія политического равновѣсія признала ихъ существование даже необходимостью для себя, то сдѣлались еще рѣшительнѣе въ своихъ внутреннихъ распоряженіяхъ, имѣя гарантію для своей безнаказанности".

Нѣть сомнѣнія, что западно-европейская политика повліала на измѣненіе отношеній Турокъ къ христіанамъ; но нельзя придавать ей слишкомъ большаго значенія, точно также нельзя объяснять успѣхи Турокъ въ Европѣ одною ненавистью Грековъ къ Латинамъ. Эта ненависть была обща Грекамъ съ Болгарами и Сербами, и не ей одной, а также и племенной розни задунайскихъ Славянъ, ихъ враждѣ къ Грекамъ и внутреннимъ неурядицамъ на Фракійскомъ полуостровѣ Турки были обзваны своимъ гостводствомъ. Переимѣна же въ отношеніяхъ Турокъ къ христіанамъ произошла не столько отъ включенія Турціи въ систему европейскаго равновѣсія, сколько отъ внутренней порчи, бывшей слѣдствиемъ сближенія съ западною Европой и преимущественно съ Венеціей: безнравственная, своекорыстная и трусливая, но дальновидная республика свѣтской Марка была, безъ сомнѣнія, первою и главнѣйшею виновницѣю нравственной порчи Турокъ. Откупаясь отъ войны щедрыми подарками султану, визирамъ и пашамъ, она развила въ Туркѣяхъ продажность и роскошь — главные источники бѣдствій ихъ христіанскихъ подданныхъ. Интриги ренегатовъ, фанаріотовъ и католическихъ миссіонеровъ подлили въ масло огонь. Не безъ вліянія былъ, конечно, и личный характеръ султановъ.

Трусливый, сладострастный и корыстолюбивый Амуратъ III былъ страшный взяточникъ. Его капит-ага (оберъ-камергеръ), — Венеціанецъ низкаго происхожденія, человѣкъ весьма находчивый, — снискалъ его милость богатыми подарками; такъ, напримѣръ, однажды онъ подарилъ ему віоскъ, стоившій 300.000 скудовъ. Паши Синанъ и Чикала неоднократно подносили султану подарки въ 100, 200 и даже 300.000 дукатовъ. Обвиненный въ тайныхъ сношеніяхъ съ Испаніей, Чикала спась свою голову цѣною 200.000 дукатовъ. Пользуясь такими источниками доходовъ, Амуратъ III, при огромныхъ издержкахъ на сераль, ежегодно сберегалъ до двухъ съ половиною миллионовъ дукатовъ, а со смерти отца до 1594 года скопилъ 50 миллионовъ. Эту огромную казну свою онъ хранилъ подъ постелью, гдѣ устроилъ квадратное отверстіе, весьма глубокое, на подобіе колодца.

При всей своей скучности, Амуратъ не жалѣлъ денегъ на подарки своимъ женамъ (ихъ было у него 32) и наложницамъ, съ которыми любилъ гулять и проводить время, слушая ихъ пѣніе и музыку при, кривляньяхъ карликовъ. Венеция, зная вліяніе серала, ему прислуживалась, посыпая роскошные подарки для его возлюбленныхъ, что, конечно, скромному султану было весьма приятно. Его любимицы были весьма избалованы; онъ не сидѣлъ уже на землѣ, какъ то бывало въ старину, а на дозолоченныхъ креслахъ, обитыхъ бархатомъ, и ъдѣлъ не простыя купанья, а итальянскія *pasticci* и французскіе торты, приготовленные отличными поварами.

Какая роскошь господствовала въ то время при дворѣ и въ домахъ высшихъ сановниковъ, видно изъ мѣткаго замѣчанія Итальянца-современника: „Стойте болѣе цара башмаковъ одной изъ женъ этихъ вельможъ, чѣмъ всѣ украшенія и одежды великой принессы итальянской (*vale piu un paro di scarpi di una donna di questi grandi, che tutti gli ornamenti et vestiti di une gran principessa d'Italia*)¹⁾. О томъ, же предметѣ находимъ любопытныи свѣдѣнія въ письмѣ Петра Нани изъ Перы, отъ 1-го ноября 1595 года, къ его брату въ Венецию: Описывая вѣзѣдъ въ Константинополь Венецианскаго посла Донато, онъ говорить, что торжественное шествіе открывалось чаушами, „vestiti d'oro et d'argento sopra bellissimi et ben guarniti cavalli“; посреди ихъ были чаушъ-бади „con una veste di velluto rosa secca et argento con una fodra di luvi cervieri di gran prezzo“. Когда посолъ отправился „цѣловать руки (baciare le mani)“ султану, его сначала повели въ сераль: тамъ посадили его и байла на табуреты, покрытые золотою парчею (*sopra gli scagni fodrati di panno d'oro*); яства подавали на большихъ серебряныхъ блюдахъ, а сорбетъ въ золотыхъ чашахъ; а потомъ ввели въ комнату султана — „всю изъ золота“ (*la camera stutta oro*). Онъ сидѣлъ на софѣ, покрытой золотою парчей и разукрашенной жемчугомъ, рубинами и алмазами (*di un brocado d'oro, tutto guarnito di perle, rubini et diamanti*)²⁾.

¹⁾ Raguaglio d'olfo stato, nel quale si ritrova quest'anno 1594 il governo dell' Imperio Turchesco et della causa, perch'e egli habbia volto l'armi al presente nelle parti d'Ungaria (Амвросианская библіотека).

²⁾ Рукопись той же библіотеки въ Миланѣ. Срв. *Relatione di Costantinopoli mandata al sermō principe di Toscana Cosimo terzo dal Dr. Mechio Marcelini di Urbino, il quale per lo spazio di piu di 25 anni ha dimorato nella medesima, trasmessa l'anno 1565.* (Универ. библ. въ Болонье).

Понятно, что для удовлетворенія такой роскоши и такого корыстолюбія сultана паши должны были выжимать послѣдніе соки изъ несчастныхъ христіанъ. „Мѣсто прежней справедливости къ покореннымъ народамъ и воздержности“, говоритъ Градичъ¹), „заступили алчность и гордость: не уважается польза ни государственная, ни частная; господствуетъ полнѣйшій произволъ владыкъ надъ рабами; дворъ продажень, законами торгуютъ, почести приобрѣтаютъ куплею и не оплачиваютъ издержанныхъ на нихъ денегъ; продается право совершать преступленія, растраченный народный богатства не удовлетворяютъ корыстолюбію пашей и санджаковъ, вслѣдствіе того, огромны и плохонесный поля остаются не воздѣланными, большие города опустѣли, все пришло въ разрушеніе.... Военное искусство въ упадѣ. Лучшія земли заняли спахи. Прежде они отличались воинственностью, силой, терпѣливостью, скромностью, воздержностью и бережливостью; а нынѣ они стали презрѣнны, вали, робки, сладострастны.... и за деньги поставляютъ вмѣсто себя наемниковъ, большей частью христіанъ, чьему весьма способствуетъ корыстолюбіе пашей и продажность чиновниковъ... Что же сказать объ янычарахъ? Огромное множество этой сволочи поглощаетъ всѣ государственные налоги; непокорные, лѣнивые, гнусные, вовсе не воинственные, эти презрѣнныя выроды способны только къ грабежамъ, ихъ своеоліе перешло предѣлы“.

Болгаре, само собою разумѣется, раздѣляли участъ всѣхъ христіанскихъ подданныхъ сultана. Въ какомъ состояніи находилась Болгарія въ послѣдніе годы XVI столѣтія, видно изъ подробной записи представленной въ 1595 году Стефану Баторію Дубровчаниномъ Павломъ Джорджичемъ²). Стефанъ Баторій находился въ то время въ Молдавіи, откуда намѣревался вторгнуться въ Турцію и занять Болгарію. Джорджичу было поручено секретаремъ Баторія составить записку о положеніи Болгаріи и состояніи ея жителей, и онъ поспѣшилъ изложить въ вышеупомянутой запискѣ свѣдѣнія, приобрѣтенные имъ во времена частыхъ путешествій по Турціи и продолжительного въ ней пребыванія.

¹⁾ De statu Ottomanici Imperii, Epist. ad Ferd. Fürstenbergium. — Cnf. Notizie intorno il sultano e la milizia de' Turchi. (при Амуратѣ III: рукопись Амвросианской библиотеки въ Миланѣ).

²⁾ Copia d'un discorso facto dal S-or Paolo Giorgiu gentilhuomo Ragugeo al Sermo principe di Transilvania sotto il di 10 gennaro 1595, nel quel tempo S. A. aveva la sua cavallaria e fanteria in Moldavia 13.000 Cosacchi, 3.000 Ungheri et la gente del paese 14.000 cavalli et 5.000 fanti et in Vallachia un essercito di 10.000 Ungheri. (Рук. Амвросиан. библ. въ Миланѣ).

„*Bulgaria*“, говоритъ Джорджичъ, „простирается отъ устьевъ Дуная до подножія Балкановъ, ее ограждающихъ. Она раздѣляется на три области. Первая—*Добруджа* (*Dobruccia*), открытая безлѣсная равнина, тянется по берегу моря отъ устьевъ Дуная до Валвара (въ этой области я прожилъ много лѣтъ—*questa provincia per molti anni ho praticato*). Ея жители терпятъ недостатокъ въ дровахъ, вместо коихъ употребляютъ навозъ быковъ и коровъ, которыми эта страна весьма изобилуетъ (*abbondantissima*). Таковъ же недостатокъ въ водѣ: вырыты колодцы глубиною въ 70 и 80 футовъ, но вода въ нихъ весьма дурного качества. Поморье Добруджи населено христіанами. Здѣсь находятся слѣдующія селенія (*terre*): Charag (нынѣ *Naralar*), Maluch, Costanza (Св. Константина), Mangalia, Irosla, Balcich (Бальчикъ), Varna, Orachovina, Cavorna, Corleis, Einherena, Franga (Франка), Novosello и Gallatha. Въ нихъ народонаселеніе смѣшанное, исключая Бальчика, въ которомъ живутъ одни христіане. Турки обитаютъ въ слѣдующихъ селеніяхъ внутри земли: Fatuchio, Baba, Carassuvi, Cassasvi, Pastarghi и Pravadia. Въ Jasauvi и Babassi болѣе христіанъ, чѣмъ Турокъ. Здѣшніе Турки суть выходцы изъ Азіи: они занимаются торговлей и не очень способны къ военной службѣ. Но христіане храбры и могли бы выставить значительное число воиновъ. Къ сожалѣнію, у нихъ нѣть другаго оружія, кроме саблей и — у немногихъ — лука со стрѣлами¹⁾). Вторая область называется *Деміорманъ* (*Deliorman*) по обширнымъ лѣсамъ, въ ней находящимся. Эта весьма большая область очень плодородна и изобилуетъ виноградниками. Большинство народонаселенія христіанско. Здѣсь находятся города: Sciumgla (Шумла), Prislavo (Прѣслава), Resgrad, Cirvenigi, Rusti (Рущукъ), Daniotur и Silustria. Третья область — подгорная (*quale è sotto il monte*) — называется *Gorilavo*. Она меньше двухъ предыдущихъ, но болѣе населена и богаче: она производить превосходные плоды и изобилуетъ пшеницѣ, ячменемъ и виномъ. Она удалена отъ Дуная. Огромное большинство ея жителей — христіане, отличающіеся воинственностью²⁾). Всѣ три области, по общему мнѣнію, могутъ выставить 30.000 Турокъ дурно вооруженныхъ; а три бѣга (Силистрійскій, Никопольскій и Владинскій), управляющіе Болгарскимъ царствомъ, не могутъ

¹⁾ Tutte le sopradette terre sono abitate dalle genti di Asia, qui vienute per mercature, con la quale occasione sono rimaste, ne sono molto atti alle cose militari; ma li habitatori sono bravi, e buon numero se ne può metter insieme, ma non hanno altr'armi, che la spada et pochi l'arco con frezze.

²⁾ Contiene in se christiani in grandissimo numero et molto bellicosi.

дать болѣе тысячи спахи. Они не въ состояніи оказать сопротивленіе не только войскамъ вашего высочества, но даже христіанамъ-Болгарамъ (*questa gente non è atta a far resistenza alle genti di V. E., ne meno a quelli Christiani Bulgheri*), какъ это доказывается слѣдующими примѣрами. Два года тому назадъ (въ 1593 году) беглербей румелійскій двинулся къ Молдавіи съ сорокатысячною арміею для восстановленія воеводы Аарона. Ибранній Молдаванами въ воеводы, атаманъ казачій Петръ, располагавшій незначительными силами, мужественно вышелъ ему на встрѣчу и не допустилъ бы ему переправиться черезъ широкій Сереть, если бы не подоспѣли на помощь Аарону войска вашего высочества. Тогда Петръ долженъ былъ отступить и попасть въ пленъ къ Венгерцамъ, а они предали его въ руки Аарона, которому не по достоинствамъ благопримѣтствуетъ счастье...¹⁾). Два же года тому назадъ, при воеводѣ валашскомъ Александрѣ, 60-стрѣлковъ (*archibusieri*) вторгнулись изъ Валахіи въ Турцию; противъ нихъ былъ высланъ сильный турецкій отрядъ (*una quantita di Turchi*); но Турки не только не могли имъ причинить никакого ущерба, но даже были принуждены свободно пропустить ихъ на родину....

„У подножія Балканъ находятся слѣдующія христіанскія селенія: Gulana, Gosira, Fuseano, Dovino, Monastierazzi, Plozzo, Dobrina, Carranaz, Crivina, Rovana, Nenor, Vunciali, Gneuceia, Guglie, Senizza, Calugirezza, Marinar, Janchevo, Novosello, Mos, Dindeo, Ccenga; а вблизи ихъ безчисленное множество другихъ селеній, имена коихъ я не запомнилъ. Въ сторонѣ къ Софіи находится главный городъ Терново, резиденція архієпископа (изъ рода Daggi). Подъ нимъ лежать 260 христіанскихъ селеній, отъ 200 до 300 домовъ каждое. Вблизи находится большой и богатый городъ Ловичъ (Lovica), населенный Турками и христіанами. Въ окрестностяхъ Тернова есть албанскія поселенія. Храбрые Албанцы могутъ при случаѣ выставить 1.500 хорошо вооруженныхъ всадниковъ.. Въ четырехъ дниахъ пути отъ Тернова за

¹⁾ О немъ говорятъ Джорданічъ: «Aron quale è più triste; tanto ha maggior fortuna, perche sendo stato levato dello stato e menato in Costantinopoli per punirlo nella vita, fu dall' Illmo Ambasciator Anglico non solo liberato dal pericolo, nel quale era, ma con il suo favore di nuovo rimesso nello stato, havendolo anco accomodato di gran somma di danari del suo; nientedimeno li fu ingratissimo, et con il medesimo modo credo habbi pagato V. A., ancorche fusse da lei sei volte rimesso in stato, ma hora con l'occasione di scusa si è humiliato, non già per volontà, che ne havesse, ma per necessita, perche sendo in Costantinopoli privato dello stato, qual atro refuggerio poteva attendere, che quello dell' A. V.

Балканами лежить Адріанополь, большой и весьма населенный городъ, ведущій дѣятельную торговлю съ многими народами, особенно же съ Дубровникомъ. На обширной равнинѣ, окружающей Адріанополь, находится 300 селеній, изъ коихъ 260 населены христіанами и 40 Турками.

„Вообще большая часть жителей Болгарского царства—христіане. Я знаю хорошо характеръ Болгаръ: они горды и благородны, не сносятъ обидъ, за которыхъ мстятъ смертью; они враги Турокъ, вовсе не друзья Грековъ и находятся въ самыхъ тѣсныхъ связахъ съ Дубровчанами какъ по причинѣ единства языка, такъ и потому еще, что отъ торговли съ ними получаютъ большии выгоды. Весьма часты родственные союзы между Болгарами и Дубровчанами: въ Силистрѣ, Шумлѣ, Рущукѣ и Терновѣ живетъ много дубровницкихъ семействъ. Повсюду Болгаре весьма гостепримны къ иностранцамъ и къ путешественникамъ, которыхъ охотно принимаютъ въ свои дома и радушно угощаютъ, чѣмъ могутъ¹⁾.

„Я разглагольствую о ихъ характерѣ съ тѣмъ, чтобы ваше высочество, пріобрѣти Болгарію, постарались пріобрѣсть и души Болгаръ, ибо съ ихъ помощью наѣздное удержите это царство и будете мочь тревожить всю страну Забалканскую до Адріанополя безъ всякаго ущерба для войска вашего высочества, такъ какъ по всей этой странѣ, покрытой рощами и кустарниками, пролегаетъ дорога, по которой пѣхотинецъ не подвергается никакой опасности отъ всадника и можетъ беспокоить его безъ всякаго для себя вреда. По этимъ причинамъ ваше высочество можете предпринять завоеваніе столь прекраснаго царства, потерявъ которое, непріятель будетъ лишенъ средствъ къ жизни. Силы же вашего высочества увеличатся на 25.000 храбрыхъ воиновъ (такое число Болгарія можетъ весьма легко дать), и вы будете въ состояніи беспрестанно тревожить области Придунайскую (Julia) и Загорскую, простирающуюся къ Адріанополю. Поэтому

¹⁾ Hora le dimostrerò la natura de Bulgheri, la quale in buona parte conosco sono fieri e d'animo nobile, poco atti a supportare l'ingiuria, perche quando li sono fatte da Chiausi o altre persone, cosi si sono risentiti con vendetta della morte degli insulti, sono nemici de Turchi, niente amici de Greci, assai con la nostra natione Ragusea sono congiuntissimi, si per tenere della medesima lingua de nostri come per il comodo, che da quella per li loro negotii ne ricevono, oltre di che vi è la cagione delle parentele, che seguono fra loro et li huomini nostri, perche in Siliustria, Sciugna e Ruscia e Tarnovo sono vi molte famiglie. Per ciascum luogo amorevolissimi del forestiero e viandante, et nelle case laro lo ricevono, e molto volentieri lo servono in cio, che li occorre, con molta prontezza e amoremvolenza.

прикажите ваше высочество, чтобы ваши военачальники и ваше войско обращались съ Болгарами ласково и никоимъ образомъ ихъ не притѣсняли, безъ чего можно весьма легко обойдтись, такъ какъ войско вашего высочества будетъ имѣть не на годъ, а на многие годы въ изобилии пшеницу, ячмень и скотъ. Что касается мѣстныхъ Туровъ, то чтобы насчитить ихъ алчныя души и легче склонить на сторону вашего высочества, было бы хорошо предоставить имъ добчу, которую они захватятъ, ибо такимъ образомъ они отважатся на опасные предприятия.

„Изложу теперь причины, по коимъ Болгаре не только приуждены желать появленія вашего войска, но и въ самомъ дѣлѣ весьма охотно соединятся съ нимъ и безъ всякой посторонней помощи истребить всѣхъ мѣстныхъ Туровъ, какъ объ этомъ они много-кратно говорили мнѣ прошедшую зимою, когда услышали, что дѣла христіанъ идутъ счастливо, чему они безгранично радовались, благодаря всемишиаго Бога и взывая къ нему о помощи. Они твердо рѣшились при первомъ же случаѣ соединиться съ христіанами на погибель Туровъ¹⁾). О такомъ ихъ расположениіи я могъ бы разказать многое, но чтобы не наскучить вашему высочеству, изложу только то, что я лично узналъ на мѣстѣ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я въ первый разъ прибылъ изъ Италии въ Турцию, где прожилъ четыре года, которые я провелъ въ безпрестанныхъ путешествіяхъ по всей Турецкой землѣ. Тогда я имѣлъ случай познакомиться отчасти съ Болгарію, съ состояніемъ христіанъ и съ нравами Туровъ. Состояніе христіанъ было весьма счастливо: они пользовались свободою и были богаты; Турки, бывшие тогда отличного нрава, не притѣсняли христіанъ и не позволяли, чтобы кто-либо изъ притѣснялъ; судь былъ справедливъ. Въ 1590 году я нашелъ христіанъ въ совершенно другомъ состояніи: они были удручены страш-

¹⁾ Li dirò disotto le cagioni, dalle quali sono sforzati (Bulgheri) non solo bramate la passata delle genti sue, ma anco il congiungimento, como con molto effetto lo desiderano, perche visto che havessino l'esercito de Christiani ne paesi loro, essi senza alcuno ajuto farieno strage di tutti quei Turchi habitatori di quel Regno, che sopra cio molte volte me ne hanno ragionato, et questo fu l'inverno passato, quando intenderono, che le cose de Christiani andavano felicemente, et piu volte hanno dimandato, se tal nuove erano vere, quali io non solo li confirmavo, ma crescevo maggiori, della qual cosa essi prendevano infinito giubilo et rendevano gratic al sommo Dio, l'ajuto del quale invocavano per li buoni successi. Perd sono loro resolutissimi, quando haveranno occasione, unirsi con li christiani et anco di danneggiare li Turchi.

ной бѣдствію вслѣдствіе тяжелыхъ податей, вновь на нихъ наложенныхъ, и вслѣдствіе притѣсненій со стороны янычаръ, которыми переполнились всѣ селенія Болгаріи, гдѣ ихъ прежде было мало¹⁾): такъ я помню, что въ Провато, гдѣ мнѣ случилось жить, было только 4 янычара, а теперь тамъ ихъ 80; такъ они умножились и въ другихъ мѣстахъ. Янычары отагошаютъ христіанъ процентами въ сто на сто за три мѣсяца; янычарамъ должны служить христіане; мало того, янычаръ отнимаетъ лучшія земли у своего брата, чего прежде не было, ибо прежде они не жили такъ роскошно, не имѣли женъ и дѣтей, не были столь корыстолюбивы, а теперь было бы вѣриѣ называть ихъ купцами, чѣмъ воинами. Къ этому присоединились съ начала нынѣшней войны новые бѣдствія: янычары и спали, отправляясь въ походъ, грабятъ христіанъ и насиливаютъ дѣтей на глазахъ родителей, чего въ прежнія войны никогда не случалось, и Турки, совершающіе такія злодѣйства, остаются же наказанными, и суды не смыаютъ произнести своего приговора. Объ этомъ предметѣ я могъ бы многое передать, но мнѣ кажется, что сказанного достаточно, чтобы понять, какъ искренно расположены Болгаре къ христіанамъ и какъ ненавидятъ они Турокъ. Очевидно, Турки имѣютъ въ собственномъ домѣ врага, навитаго ими дурнымъ обращеніемъ съ тѣми самыми несчастными, съ помощью коихъ они прѣобрѣли все, чѣмъ владѣютъ въ Европѣ. Кроме того, Турки утратили старую свою доблѣсть, стали неисправимы, беспорядочны и всѣ вообще, а въ особенности спали и янычары, корыстолюбивы.

„Молдая и Валахія, равно какъ и Болгарія, были досадѣ житницами Константиноополя. Отнять ихъ у Туровъ, можно лишить столицу и все войско, ожидаемое въ іюнѣ изъ Азіи, продовольствія, такъ какъ одна Греція не можетъ ихъ прокормить. Чтобы поставить ихъ въ самое отчаянное положеніе, можно спуститься съ горъ и сжечь всѣ хлѣба, находящіеся въ Адрианопольской равнинѣ, при чемъ усердными помощниками будутъ Болгаре. Если при этомъ будетъ от-

¹⁾). Delli Christiani era felicissimo lo stato si per la liberta, nella quale si trovavano, et per la robba et havere, dall'altro canto i Turchi erano di buonissima natura, quali non travagliavano li Christiani, ne permettevano, che da alcuno fuisse no molestati, oltre che anco in ciò il giudicato era securissimo. Hora con la mia veduta seguita dal 1590 ho trovato lo stato di molti diversissimo quello de Christiani: oppressi da molta miseria, si per le gravi gavesze, che di nuovo pagano, come per il danno, che ricevono da giammazzari de quali tutte le terre e casali de Bulgheria sono pieni, che in quel tempo di prima non ve ne erano se non pochi.

рѣзанъ подвозъ сѣйстныхъ припасовъ съ моря, то Константинополь и Адріанополь, равно, какъ и все непріятельское войско, не будутъ въ состояніи долго держаться"...

Въ заключеніе Джорджичъ, упомянувъ еще о томъ, что можно также расчитывать на помощь живущихъ въ Болгаріи Албанцевъ, которые легко выставятъ 7.000 храбрыхъ и хорошо вооруженныхъ воиновъ, предлагаетъ Стефану Баторію свои услуги для возбужденія Болгаръ противъ Турокъ: онъ берется поднять хорошо ему знакомыя Варну, Провато и Шумлу, а Соркочевичи (Sorghi) организуютъ восстание въ Рундуѣ и Терновѣ...

Предложеніе Джорджича было принято, и онъ дѣйствительно привелъ въ Болгаріи восстание, центромъ коего стало Терново. Но оно не удалось¹⁾.

Надѣясь на помощь западной Европы, Болгаре, подобно своимъ соцеменикамъ и единовѣрцамъ въ Турціи, обращали преимущественно взоры къ православной Россіи, съ которой были связаны двойными узами—религіи и языка. Яковъ Сорандо, Венеціанскій посланникъ при Амуратѣ III, пишетъ въ своей редакціи, читанной имъ въ сенатѣ 8-го ноября 1576 года:

„По двумъ причинамъ султанъ опасается Русскихъ,— волерыхъ, потому что у нихъ есть страшная кавалерія въ 400 тысячъ человѣкъ отважныхъ, сильныхъ и послушныхъ, а вторыхъ, еще потому, что всѣ народы Болгаріи, Сербіи, Босны, Мореи и Грекіи весьма преданы Московскому великому князю, съ которымъ соединяетъ ихъ единство вѣроисповѣданія, и вполнѣ готовы взяться за оружіе и возвстать, чтобы освободиться отъ турецкаго рабства и подчиниться его власти“²⁾.

¹⁾). Ходъ этого восстания подробно изложенъ въ письмѣ Джорджича къ великому герцогу Тосканскому. Копія каго этого памятника, такъ и другихъ сюда относящихся памятниковъ Флорентинскаго архива находится у известнаго болгарскаго писателя, М. С. Дринова; см. *Периодическо списание на Българското книжество и дружество*. Година I, кн. 1, стр. 59.

²⁾ Relazione del Clarissimo Signor Giacomo Soranze K. P. ritornato d' Ambasciatore a sultani Amurat, imperatore de Turchi, et commissario alli confini della Dalmatia, fatta in senato alli 8. di Novembre 1576 (въ Амвросианск. библ. въ Миланѣ: ...Per due rispetti poi dubita quel Signore del Moscovito: prima perche ha una cavalleria tremenda de 400 mila cavalli atti a sopportare ogni fatica, essendo gli uomini ardi, robusti et ubidienti et i cavalli de gran fattione et infaticabili, et sopra tutto benissimo armati, et fra le altre arma havendo molti archibusi, li quali quella nazione adopra per eccellenza. Dubita poi anco perche essendo quel gran Duca della Chiesa Greca, tutti i popoli della Bulgaria, Servia, Bossina, Morea et Grecia sono

То же самое говоритъ и посланный Донъ-Жуаномъ австрійскимъ въ Турцію въ 1575 году малтійскій рыцарь, прибавляя къ тому, что эти народы надѣются быть освобождены отъ турецкаго рабства не кѣмъ инымъ, какъ Русскими¹⁾.

Западная Европа XVI вѣка очень хорошо понимала отношенія Россія къ христіанскимъ подданнымъ султана: связанныя съ ними единствою вѣры и языка, Россія обладала такими преимуществами, какихъ не имѣло ни одно западно-европейское государство. Кромѣ

devotissimi al suo nome, come quelli, che seguono il medesimo rito greco di religione, et saranno sempre prontissimi a prender l'armi in mano et sollevarsi per liberarsi dalla servitù Turchesca et sottoporsi al suo Dominio. Luesto Principe possiede nelle parti settentrionale circa 3.000 miglia di paese di lunghezza et la meta di larghezza, et ha in questo paese duoi Regni, dodici provincie et quindici Duchee, è ricco di tesoro et di gran quantita di gioie et tiene continuamente pagati 20.000 archibusier nel modo che i gianizzeri.

¹⁾ Relazione delle cose di Constantinopoli et disegni del signor Turco per l'anno futuro 1576, fatta al Signor Don Gioan d' Austria da un cavaller di Malta, mandato a questo fine da S. E. a quella Porta et partito da Constantinopoli a di 7 Settembre 1575 (тамъ же).

Ma pi, che tutti gli altri principi  in consideratione a quella Porta il Gran Duca di Moscovia, il quale  attissimo a molestare per terra i stati, che tiene il Signor Turco nel Europa. Retrovo, che due sono le conditioni, che fanno dubitar del Moscovita: l'una, che ha una cavalleria tremenda de 400.000 cavalli, gli huomini sono ardit, atti a sopportare fatica et obedienti, i cavalli se ben pajono di poca presenza, sono veloci, da gran fattione et infaticabili; l'armi sono non solo lancie, spade, mazze et freccie, ma anche molti archibusi, i quali hora quella natione adopera ecceilenteamente. La seconda conditione  che per esser quel Principe della chesa greca tuttii popoli di Bulgaria, Servia, Bossina, Morea e Grecia sono devotissimi del suo nome, come quelli, che seguano il medemo rito greco di religione, et non sperano per mano altri d'esser liberi dalla servitù turchesca, che per le sue. Per queste cause il Signor Turco dopo la rotta del 1571 dubita assai, che quel Signornon se movesse ai suoi danni. Per questo fa, quanto puo, accio non riesca Rè di Polonia, il che quando succedesse non solo per esser cresciuto in potentia haveria commodit di offendere el Turco, ma anche perch diventeria suo confinante.

Что султанъ сильно боялся Русскихъ, видно изъ Raguglio dello stato di Turchia 1594: «Guesta  la cagione per la quale il Turco teme grandemente le forze di Moscovia, poiche non pur da se stesse sono et atte a somministrare importantissimi ajuti a Principi di settentrione, come vediamo hoggidi, et conoscono i Turchi, con lor gran dispiacere, ma gli divertise la confederazione de Tartari et gli commove il cuore con la memoria che hanno di vendicare la rotta ricevuta dal Draga, oltre che tengono Turchi, che Moscoviti siano valenti soldati, et sopra di tutto maravigliosi nella difesa delle piasee, oltre la gran commodita, che hanno de fiumi per intrare nel Mar Maggiore et dare grandissimo timore sino in Constantinopoli.

того, по своему географическому положению и уже тогда грознымъ силамъ Россія была опасною сосѣдкою Турціи. Все это не было тайномъ для западныхъ дипломатовъ, и они старались вовлечь Россію въ систему европейскаго равновѣсія: въ ихъ планахъ изгнанія Турокъ изъ Европы не рѣдко упоминалось о томъ, какую пользу можно было бы извлечь изъ союза съ нами. Не сомнѣвались, что при первомъ появлѣніи нашихъ казаковъ на Дунаѣ присоединится къ нимъ Валахі, Молдаване, Болгаре и Сербы, которые не могутъ болѣе сносить тяжелаго ига турецкаго. Что единство языка занимало въ подобныхъ соображеніяхъ не послѣднее мѣсто, видно изъ одного плана, въ которомъ предлагается пронести возвстаніе въ Турціи посредствомъ Славянъ, жившихъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ и въ маркѣ Анаконской¹⁾.

¹⁾ Discorso del S-or Leonida Pindemonti gentilbuomo veronese fatto l'anno 15. et ragioni jdi scacciare l'Ottomano dall'Europa et d'annichilire il suo Imperio secondo il corso de presente tempi (амврос. библ.); авторъ предлагаетъ воспользоваться беспорядками, промышдшими въ Турціи по смерти Амурата, дабы изгнать Турокъ изъ Европы. За такое дѣло брался Трансильванскій князь Стефанъ Баторій, если Польша, Россія и императоръ дадутъ ему вслѣдомательное войско въ 100.000 человѣкъ, а папа субсидіи.

Въ извѣстномъ сборникѣ Венецианскаго архива *Commemorали*, vol. XXIV, подъ 12-мъ июля 1585 года помѣщена весьма любопытна Scrittura in materia dell'aiuto, che in occasione di guerra si potesse havere degli cosacchi verso Polonia contro il Turco; presentata col presente disegno a di sopraddetto alli Excellentissimi signori savii per Messer Carlo Gamberini fu secretario dell'Illustrissimo Cardinal Bolognetti Noncio in Polonia. Авторъ этой записи, сообщая собранныя за мѣсяцъ срѣдніхъ о казакахъ, говорить между прочими: Et quanto a' popoli, de quali potassero cosacchi fermanente proprietore, mi disse il capitano d'haver buona intelligenza con cosacchi Moscoviti, che stanno in quell'Isole del Tanai, per oppugnar i Tartari Nogai, et con circassi, soldati valorosi quanto habbia tutto il settentrione, et di piu. stante le dissensioni civili, che sono hora fra Tartari Precopeusi, si potrebbano cosacchi valer di quella parte, che è nemica del turco, oltre li Valachi, Moldavi, Bulgari, Serviani, et Razciani, quali popoli sono hogymai coi stanchi del duro giago loro. che quando vedessero i cosacchi forti in compagnia, indubitatamente se gli accostarono.

Discorso dedicato al beatissimo et santissimo Papa Pio V circa il modo riuacibile et sicuro per far l'impresa et cruciata contro il gran Turco, che al certo si vincerebbe in Europa et anichillarebbe in Asia, con la quale non solo si potria ricuperare Costantinopoli, sedia degli antichi imperatori Christiani, ma anco il santo sepulchro etc. (Амврос. библ.). Авторъ предлагаетъ собратъ необходимыя для такого предпринятія деньги, не отягощая народъ: каждый монастырь долженъ дать 10 золотыхъ скудовъ въ годъ (144.000 монастырей), каждый приходъ 24 (всѣхъ приходовъ 288.000); князья духовные (principi ecclesiastici) и свѣтскіе (secolari) платить

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка появляется въ Западной Европѣ, а въ особенности въ Италии, множество исследователей приключений, предлагающихъ организовать въ Турции восстание христіанъ. Довѣрчивость къ нимъ западной Европы показываетъ, до какой степени она была возбуждена противъ Турокъ. Въ 1563 году нѣкто, называвшій себя Михаиломъ Черноевичемъ, вступилъ въ сношенія съ Венецией и императоромъ, которымъ обѣщалъ составить заговоръ противъ султана въ самомъ Константинополѣ, и просилъ денегъ¹). Въ 1570 году другой самозванецъ, Блатко Козачі (Lattico Cos-saccia), извѣщалъ Совѣтъ десяти о прибытии своемъ въ Которъ на вооруженномъ суднѣ и о произведеніи имъ восстания въ сосѣднихъ округахъ Турции и просилъ, чтобы было послано въ Боку Которскую пять галеръ. Совѣтъ десяти послѣдовалъ обратиться за справками въ ректору и провизору Котора и къ провизору флота, и узнавъ отъ нихъ, что при бдительности Турокъ, нельзя разчитывать на успѣхъ, отказалъ Козачѣ²). Въ слѣдующемъ году прибыль въ Которъ изъ Апулии и Аброніи нѣкто, величавшій себя потомкомъ Дукагиновъ (Giovanni Francesco Ducagino). Онъ писалъ въ Совѣтъ десяти, что при извѣстіи о его прибытии въ тѣ страны Албанцы рѣшились восстать и отправили къ нему нѣсколькихъ главарей, преданныхъ его предкамъ и ему, съ притращеніемъ послѣдователей въ Албанию; но что онъ считаетъ необходимымъ повременить, такъ какъ не располагаетъ достаточными силами: у него была только сотня воиновъ, въ числѣ которыхъ нѣсколько знатныхъ и храбрыхъ Албанцевъ. Онъ просилъ денегъ,

десантну. Такимъ образомъ по его расчету соберется 16.640.000 зол. скудовъ. На такихъ средства можно вооружить сильное войско и флотъ. Военные дѣйствія открыть одновременно изъ Дуная (черезъ Валахію и Болгарію идти на Константинополь) и въ Албании и Греціи. Высадивъ войска на берега Турции, вооружить христіанъ, съ которыми *'affratellassero* (христіанские солдаты) *tasseste che in molti luoghi d'Italia et specialmente nel regno di Napoli et nella Marca d'Ancona si potranno far soldati, che hauessero la lingua loro et che fussero del medesimo sangue, si portariamo tutti da proprie paladini*. Наконецъ, авторъ советуетъ взять себѣ съ собою не только священниковъ, но также хорошихъ проповѣдниковъ, *di modo che pi  presto umissero gli heretici con li catholici*.

¹) Его письма изъ Константинополя отъ 3-го и 18-го марта 1563 года въ бумагахъ Совѣта десяти.

²) Его письмо изъ Котора отъ 22-го октября 1570 года и донесенія Верварда Контарини, ректора, и Захарія Салокона, провизора Котора, и Якова Чельзя, провизора флота, отъ 18-го марта 1571 года—тамъ же.

объщая вооружить тысячи Албанцевъ (*migliaia de persone*)¹); а позже искалаъ дозволенія явиться въ Венецию для личныхъ объясненій²).

Въ началѣ XVII вѣка странствовалъ по Европѣ отважный самозванецъ, выдававшій себя за сына сultана Магомета IV и титулованшійся сultаномъ Якіей, великимъ княземъ оттоманскимъ. Такой титулъ мы находимъ во множествѣ его писемъ, хранящихся въ архивахъ Венеции, Туринѣ и Флоренціи, и на его печати съ изображеніемъ двуглаваго орла и подъ нимъ лисицы. Въ 1615—1616 годахъ онъ проживалъ въ Парижѣ на счетъ герцога Неверскаго, который такъ ему довѣрился, что не только платилъ его долги (60.000 скучдовъ въ Голландіи), но и снабжалъ его агентовъ паспортами и рекомендательными письмами. Изъ Франціи Якія пробрался въ Италию, сначала въ Савойю, потомъ во Флоренцію, Римъ и Венецию: встрѣчая повсюду радушный приемъ, онъ не стѣснялся забирать въ долгъ большихъ суммы денегъ, обѣща сторицей уплатить, когда въсядетъ на сultанскомъ престолѣ. Изъ Италии онъ отправился въ Германію, а оттуда въ Малороссію; переписывался съ испанскимъ и другими дворами; посыпалъ въ Турцію манифести, въ которыхъ, титулувшись сultаномъ Якіей, великимъ княземъ Оттоманскимъ и законнымъ наследникомъ турецкаго престола, приглашалъ патріарховъ, архиепископовъ, епископовъ, священниковъ, воеводъ, графовъ и бояръ (*signatari*) возвстать противъ незаконнаго правительства, обѣща имъ вскорѣ появиться съ сильною европейскою арміей. Его походженія продолжались до 1635 года, когда пропадаетъ всякий его слѣдъ³).

¹) Письмо И. Ф. Дуканна изъ Котора отъ 14-го марта 1571 года—тамъ же: онъ уведомлялъ Советъ десяти «della prontesa de questi popoli dell'Albania a sollevarsi, poiche hanno inteso questo mio arrivo in queste parti. Hora le saperanno, come di poi sono qui personalmente venuti alquanti primarii dell'Albania molto affettionati al nome de miei progenitori et a me consequentamente, i quali con grande instancia m'hanno invitato ad andar di lâ, promettendomi di far una grossa sollevatione. Ma a me non è parso movermi.. fin che non siano ben in ordine le forze, i modi et l'occistione conveniente da poter sostentare et prosperare...»

²) Его письмо отъ 15-го января 1572 года—тамъ же.

³) *Comiss. Cons. X. u Capi del Cons. X. 1617—1619*—въ Венецианскомъ архивѣ. *Lettera di sultan Zachia, Principe Ottomano, Parigi 8 settembre 1615*, и вѣрительная грамота его агенту, капитано Giovanni Rencoi Vaivoda—въ туринскомъ архивѣ: *Lettere Principi. Principi diversi Masso I.*—Во Флорентинскомъ архивѣ (*Archivio Mediceo, Legazioni, Turchia, filza 4274*) находятся цѣлый сборникъ бумагъ, касающихся Якія: *Sultano Jachia figlio di Mehemet, gran Signore de Turchi, e suoi negoziati con il gran Duca in diversi tempi: Compendio della vita del Sultan Jachia fino all'anno 1630, fatto dal conte Gasparo Scipio* (о его путешествіяхъ

Тѣмъ же ремесломъ, что Якія, и одновременно съ нимъ занимался Николай Драшковичъ изъ Пастровичей (въ Бокѣ Которской). Выдаяв себя за покрѣпленагоbosнайскихъ и герцеговинскихъ властей, онъ предложилъ отъ ихъ имени Карлу-Эммануилу I Савойскому королевскую корону подъ условiemъ, чтобы онъ подтвердилъ прежнія льготы дворянства и духовенства и освободилъ народъ отъ тажкихъ податей, наложенныхъ Турками. Драшковичъ обѣщалъ, что Bosняки и Герцеговинцы выставить 15.000 всадниковъ и 40.000 пѣхотинцевъ, и просилъ, чтобы герцогъ Савойскій привезъ съ собою двадцатитысячное войско съ 25 пушками и привезъ оружія на 25.000 человѣкъ¹⁾. Не известно, какія причины заставили Драшковича удалиться изъ Турции въ Римъ, где онъ встрѣтился съ какимъ-то попомъ, называвшимъ себя графомъ Горациемъ Турріані, яко-бы агентомъ испанской королевы. Оба искателя приключений близко сошлись и съ тѣхъ поръ стали дѣйствовать заодно. По внушенію Турріані, Драшковичъ, называемый Александромъ Македонскимъ (Alessandro Macedonio), написалъ письмо къ испанскому королю Филиппу III, съ предложениемъ ему албанской короны отъ имени Албанцевъ, выдавая себя за ихъ представителя и покрѣпленаго. При письмѣ была приложена записка о легкомъ завоеваніи Албании при поголовномъ возстаніи христіанъ. Самъ Турріані повезъ въ Испанію эти драгоценные документы, былъ ласково принятъ при дворѣ и получилъ хорошую пенсію; а Александръ Македонский отправился въ Неаполь, чтобы подѣйствовать на вице-короля, которому представить одну за другою нѣсколько записокъ объ албанскихъ дѣлахъ. Но въ 1619 году оба самозванца были изобличены католическимъ архиепископомъ Бара (Antivari), въ эпархіи котораго принадлежали Пастровичи, родина Драшковича²⁾.

но Западной Европѣ и Малороссіи), — Negoziato del conte G. Scioppio 1633, — Relatione del viaggio fatto da me Giorgio Moschetti per ordine dell'Altezza Ser - ma di Toscana a fine che si riconoscesse la verit  dell'istoria del Saltano, — Lettere del Sultano Iachia al Gran Duca 1627—1635.

¹⁾ Diverso Memorie, Lettere particolari, Istruzioni, Propositioni e Note delle cose necessarie per l'impresa di Levante,cio  per la conquista dell'Albania, Macedonia et altre provincie contigue alle medesime, che il Duca Carlo Emanuelle I meditava di fare 1608—1610 (Marzo 2-do)—въ Туринскомъ архивѣ.

²⁾ Dispacci—Napoli 1618—1619—въ Венецианскомъ архивѣ. Кроме четырехъ «Scritture di Alessandro Maccedonio sopra le cose dell'Albania», здѣсь находятся: Memoria de Alessandro Macedonio sopra il fabbricar un forte sopra un scoglio vicino a Cattaro; Discorso per mostrare una facile maniera, che la Maest  del R 

Изобличая Дранковича, Барский архієпископъ считалъ священнымъ долгомъ своимъ представить вицекоролю Неаполитанскому вѣрную картину состоянія христіанъ въ Турціи и тѣмъ побудить Испанію къ освобожденію ихъ отъ турецкаго ига. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, по нѣкоторымъ важнымъ причинамъ, онъ обошелъ большую часть Турціи, именно Албанію, Македонію, Болгарію и Сербію, начиная съ Цастровичей, принадлежащихъ къ епархіи Бара, резиденціи архієпископа-примаса королевства Сербскаго, духовной власти коего подчинены Герцеговина, Албанія и всѣ христіане-католики отъ Бара до Константинополя, включая Болгарію. Онъ началъ путешествіе съ Албаніи, спустившись на югъ до Авалы, откуда долженъ быть возвратиться на сѣверъ, по причинѣ множества разбойниковъ. Здѣсь онъ посѣтилъ племена Мирдитовъ, Дукагиновъ и Клементи, которыхъ въ большомъ числѣ съ оружиемъ въ рукахъ дѣлаютъ беспрестанные набѣги и тревожатъ окрестныя страны, сохранивъ свободу и католическую вѣру въ постоаний борьбѣ съ Турками, которымъ, несмотря на огромное превосходство силъ, не удавалось покорить ихъ. Когда маркизъ ди-Санта-Кроче появился въ виду Драча, они спустились съ горъ въ значительномъ числѣ съ тѣмъ, чтобы, соединясь съ ними, прогнать Туровъ изъ Албанскаго королевства; когда же онъ удалился, они стали жаловаться на свою несчастную судьбу. По горамъ, тянущимся по всей Албаніи въ разстояніи полу дни пути отъ моря, живутъ племена Груди, Хоти, Черноевичи, Бѣлоглавчи, Пипери, Бальцы, Черногорцы и другіе, почти всѣ свободные и соединенные съ Дукагинами и Клементи. Затѣмъ онъ посѣтилъ Македонію, Болгарію, Сербію и Герцеговину и черезъ Дубровникъ благополучно вернулся въ Баръ. Во время этого путешествія онъ собственными глазами видѣлъ плачевное состояніе христіанъ, которые до такой степени отягощены податями, постоянными и разными поборами и вымогательствами Турокъ, что плодоноснѣйшія и богатыя всѣкимъ добромъ земли едва достаточны для ихъ прокормленія. Оттого, со временемъ Григорія VIII, большое число христіанъ въ Албаніи обратилось въ ислямъ¹⁾), дабы

Cattolico potrebbe tenere nel dar ajuto all'Imperatore, divertire le forze turchesche dall'Ungheria et insieme con questo guardare li suo Regni— и наконецъ, Scrittura mandata dall'Arcivescovo di Aqivari per esser presentata al vice —Rd di Napoli sopra le cose dell'Albania contra Alessandro Macedonio et il conte Turriani.

¹⁾ Показаніе Барского архієпископа подтверждается свидѣтельствомъ апостольского визитатора, Степана Гаспары, путешествовавшаго по Албаніи въ 1671—1672 года. Въ его феллиці, сохранившейся въ Бранкачіанской библиотекѣ

отречениемъ оть своей вѣры избавиться оть тягостныхъ податей и поборовъ, и ихъ прииѣзу послѣдуютъ также всѣ остальные, если Богъ не поспѣшитъ избавить Албанію оть турецкаго ига. Для совершеннія такого подвига испанскій король по мнѣнію архіепископа располагалъ достаточными силами. При первомъ появлѣніи его войскъ христіане, превышающіе числомъ въ десять разъ Турокъ, возстануть, и займутъ стратегическіе пункты и въ расположѣніи овладѣютъ немногими крѣпостями. Такимъ образомъ, завоеваніе богатой и плодоносной Албаніи не потребуетъ большихъ жертвъ со стороны Испаніи.

Съ такою же просьбою обращался къ Испаніи за четыре года передъ тѣмъ Охридскій патріархъ Аѳанасій. Подобно Барскому архіепископу, странствуя по всей Европейской Турції, онъ былъ пораженъ противоестественнымъ явленіемъ: малочисленные Турки господствовали надъ христіанами, составлявшими огромное большинство народонаселенія и владѣвшими горными проходами и нѣкоторыми крѣпостями, и это въ такое время, когда Оттоманская имперія явно клонилась къ упадку: правители областей своеольствовали; судъ былъ продажный; управление испорчено; повсюду беспорядокъ и хищничество; войско потеряло прежнюю доблѣсть... Видя такую несобразность, патріархъ Аѳанасій рѣшилъ, что настала счастливая минута свергнуть ненавистное иго турецкое. Посовѣтовавшись съ подчиненными ему архіепископами и епископами, онъ послалъ своего викария, Александра Мутелло, поднять народъ и ему удалось собрать 12.000 отважныхъ воиновъ. Въ это время онъ получаетъ письмо отъ графа Бенавенте, Неаполитанского вице-короля, который совѣтуетъ ему отложить задуманное предпріятіе до болѣе удобнаго вре-

въ Неаполѣ, часто упоминается объ обращеніи католиковъ въ исламъ въ XVII вѣкѣ.

Giacovo (Diocesi di Sertia) имѣло въ его времена одинъ только католический домъ съ 6 душами, а прежде было въ немъ 80 домовъ: Erano da 80 case de Catholicci e da 600 anime da 30 anni in qui parte fuggidi, parte rinegati per sfuggire li tributi. Въ его окрестностяхъ находились *Letagni* съ 25 католиками,—degli huomini sono pochissimi restati Christiani, havendo rinegato da 26 anni in qua per sfuggire li tributi; nella villa de Segieci sono donne Catholiche 14, havendo gli huomini da 20 anni in qua abjurato la feda; Dotagni consiste di case 20: sono rimaste case Catholiche 7, il resto abjurato la feda da 28 anni fa; Nassari: in questa terra di Nassari da 28 anni fa vi era gran numero de Christiani, adesso sonno rimasti del sesso feminile da 800 anime, e di huomini pochissimi hauendo il resto abjurato la feda per sfuggire le gravezze e tributi.

иени, обѣщаю помошь Испаніи. Онъ послушался такого совѣта; но обѣщанная помошь не приходила, и тогда онъ рѣшился дѣйствовать. Узнавъ объ этомъ, преемникъ графа Бенавенте, графъ Лемось, послышавъ его извѣстить, что испанскій король приказываетъ ничего не предпринимать безъ его согласія и выжидатъ появленія у береговъ Турціи испанской эскадры. Наскучивъ долгимъ выжиданіемъ, патріархъ отправляется въ Неаполь, чтобы оттуда ехать въ Испанію для личнаго объясненія съ королемъ; но здѣсь нерѣшительный графъ Лемось его задержалъ, отправивъ въ Испанію его викария. Вскорѣ съ тою же цѣлью прибыли въ Неаполь браты Петръ и Дмитрій Хрисопаты, депутаты отъ Майнотовъ, а нѣсколько позже и епископъ Каріопольскій. Они рѣшились дѣйствовать за одно съ болгарскимъ патріархомъ. Чтобы избавиться отъ ихъ докучливыхъ просьбъ, графъ Лемось пословѣтовалъ имъ отправиться къ герцогу д'Оссуна въ Палермо. Они послѣдовали его совѣту, и 28-го июня 1615 года, патріархъ Асанасій представилъ предпримчивому вице-королю спасиблѣскому планъ изгнанія Турокъ изъ Европы. Патріархъ просилъ только 5 или 6 тысячъ испанскихъ и итальянскихъ солдатъ, оружія для 15.000 человѣкъ и сѣдль и уздѣ для 4.000 лошадей, обѣщаю подчинить испанской власти всю Македонію, заплатить за оружіе и содержать все войско. При такой помощи онъ разчитывалъ на вѣрный успѣхъ, такъ какъ чрезъ посредство своихъ архіепископовъ, епископовъ и священниковъ онъ организовалъ восстание въ обширныхъ размѣрахъ. По мѣрѣ завоеванія странъ, крѣпости и стратегическіе пункты должны быть занимаемы Испанцами и Итальянцами, откуда же не Славянами, Греками и Албанцами—во избѣженіе междуусобной между ними войны. Примѣру Албания и Македоніи не замедлить послѣдовать Сербія, Босна, Болгарія и Греція, духовенство и главари коихъ находятся съ ними, патріархомъ, въ тайныхъ союзеніяхъ. Большия услуги окажутъ имъ хорошо вооруженные Дукагини Клементи и Пастровичи, въ земляхъ конгъ нѣть ни одного Турка, ибо всѣхъ ихъ они перерѣзали во время восстанія Кимары. 53 острова Архипелага выставать, согласно обѣщанію, 70.000 хорошо вооруженныхъ воиновъ. Пятисотъ солдатъ на четырехъ карамосахъ будетъ достаточно для занятія Константинопольскихъ укрѣплений; а онъ самъ берется поджечь Константинополь съ четырехъ или шести концовъ въ одно время. Турки при видѣ пожара въ столицѣ и повсемѣстного восстанія покинуть Европу и удалятся въ Азію. Но чтобы какая-

нибудь христіанская держава не погнала исполненію этого плана, необходимо отправить въ Ахилелагъ 80 галеръ¹).

Заманчивый планъ болгарского патріарха пришелся по душѣ отъ важному герцогу, и онъ немедленно отправилъ къ берегамъ Моря сильную эскадру подъ начальствомъ знаменитаго адмирала Октавія Аррагонскаго (Ottavio d'Aragona). Доставивъ въ Майну оружіе и военные отряды, Октавій сталъ крейсировать въ Средиземномъ морѣ, грабя турецкіе корабли.

Въ сентябрѣ съ большою добычою онъ вернулся въ Мессину, где былъ принять съ большими торжествами. Назначенный въ концѣ того же года вице-королемъ Неаполитанскимъ, д'Оссуна сталъ еще дѣятельнѣе готовиться къ восточной экспедиції. Ему удалось даже составить противъ Порты лигу, въ которую онъ вовлекъ папу, великаго герцога Тосканскаго и Мальтійскихъ рыцарей. Верховнымъ воаждемъ былъ назначенъ князь Филибертъ - Эммануилъ Савойскій. Но обширныи замыслы герцога д'Оссуна было суждено не исполниться: оклеветанный врагами и завистниками, онъ былъ вызванъ въ 1620 году въ Испанию и заключенъ въ замокъ Альмеду, где въ слѣдующемъ году умеръ, вѣроятно, отъ яда, ему поднесенного²).

Въ то самое время, какъ западная Европа занималась планами освобожденія Болгаръ вмѣстѣ съ другими христіанами отъ турецкаго ига, или вѣрнѣе, замышляла подчинить ихъ своей власти, въ Болгаріи свирѣпствовали анычары, неистовствовали фанаріоты, интриговали католические миссионеры... Болгаре не безропотно сносили тяжелое иго и жестоко истили за насилие физическое и нравственное: но они не могли и не умѣли облегчить своей нечастной судьбы, немилосердно преслѣдовавшей ихъ донынѣ. На глазахъ отцовъ нашихъ совершилось освобожденіе Сербіи и Греціи, на нашихъ глазахъ объединились и устроились Дунайскія княжества; а Болгарія продолжаетъ работовать, и Богъ знаетъ, скоро ли дождется своего освободителя....

В. Макушевъ.

¹) Breve relatione fatta per me Athanasio Patriarcha della Prima Justiniana per discacciar il Turco da tutto quello possiede nell'Europa — при письмѣ отъ 28-го июня 1615 г.—въ Палермитанскомъ архивѣ: *Real Segreteria № 1, 1502—1624.*

²) См. превосходное изслѣдованіе директора Сицилійскихъ архивовъ, *Icidoro La Lumia: Ottavio d'Aragona e il Duca di Osuna*, — во II томѣ его *Studi di storia Siciliana* (Palermo, 1870).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕССЪ ВЪ С.-ПЕТЕР- БУРГЪ.

Международный статистический конгрессъ возникъ въ 1853 году, Но Россія не принимала участія въ первыхъ двухъ его сессіяхъ (Брюссельской — 1853 года и Парижской — 1855 года), и только на Вѣнской сессіи въ 1857 году въ первый разъ имѣла своихъ представителей. Съ этихъ однако порь Русскіе неизмѣнно являлись на каждой сессіи и принимали дѣятельное участіе въ работахъ конгресса. Вмѣстѣ съ ихъ появленіемъ на конгрессъ стала возникать и мысль перенести одну изъ слѣдующихъ его сессій въ Петербургъ, такъ что на Берлинской сессіи 1863 года многие влиятельные члены конгресса, каковы директоръ прусского статистического бюро д-ръ Энгель и завѣдующій регистраціей рожденій, браковъ и смертей въ Англіи д-ръ Фарръ, открыто заявляли желаніе собрать слѣдующій съездъ статистиковъ въ Петербургъ, опираясь на то, что Русскіе, со временемъ своего появленія на конгрессъ, были самыми усердными дѣятелями въ этой средѣ и почти всѣ являлись передъ собраніями въ качествѣ докладчиковъ по различнымъ предметамъ. Г. Энгель считалъ даже, что для успѣха подготовительныхъ работъ слѣдующаго конгресса въ гармонической связи съ работами предшествующаго конгресса, важно было бы избрать Петербургъ, „гдѣ есть столько дѣятельныхъ и опытныхъ рабочихъ силъ“. Конгрессъ тѣмъ не менѣе направился въ 1867 году во Флоренцію. На этомъ съездѣ голландское правительство предупредило остальныхъ, и седьмая сессія собралась въ Гагѣ въ 1869 году. За то здѣсь вопросъ о выборѣ Петербурга былъ рѣшенъ почти съ первого дня въ умѣ всѣхъ главныхъ представителей и по обсужденіи его въ неофиціальномъ собраніи главныхъ delegatovъ, предложенъ на усмотреніе собранія въ послѣднемъ засѣданіи г. Фарромъ и поддержанъ г. Энгелемъ, а также представителемъ Сѣверо-Американскихъ Соединен-

ныхъ Штатовъ г. Реггльзомъ, представителемъ Голландіи г. Баумгауеромъ и представителемъ Италии г. Маэстри, при чмъ вновь указало на дѣятельное участіе Русскихъ на пяти послѣднихъ съѣздахъ. Главный представитель Россіи на Гагскомъ съѣздѣ, директоръ центрального статистического комитета П. П. Семеновъ, имѣя уже полномочіе отъ своего правительства, заявилъ, что достоинство великой націи, какова Россія, не позволяло ему вызывать рѣшенія конгресса въ пользу выбора Петербурга, но что въ виду общаго, почти единодушнаго и свободно выраженнаго желанія съѣзда перенести слѣдующую сессію въ Петербургъ, онъ считаетъ за особенную честь отъ имени своего правительства пригласить конгрессъ въ Россію.

Согласно установившемуся на конгрессѣ обычаю назначать каждую сессію черезъ два года послѣ предшествующей, конгрессъ въ Россіи долженъ былъ бы собраться въ прошломъ 1871 году, но тогдашняя политическая обстоятельства Европы помѣшили этому. Однако въ томъ же 1871 году г. Семеновъ былъ командированъ за границу съ цѣллю войти въ сношенія въ представителями административной статистики въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы по различнымъ предметамъ, относящимся до предстоящаго собранія конгресса, и между прочимъ, по вопросу объ избрaniи удобнѣйшаго времени для сессіи. По возвращеніи г. Семенова, г. министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ счастіе входить къ Государю Императору съ всеподданѣйшимъ докладомъ, по которому 12-го ноября 1871 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи подготовительной комиссіи для составленія проекта программы будущаго международнаго статистическаго съѣзда, и по окончаніи ея работъ, организаціонной комиссіи, которая должна была, по примеру прежнихъ съѣзовъ, принять всѣ необходимыя мѣры къ устройству предстоящаго собранія. Въ составъ подготовительной комиссіи вошли лица, большою частью принимавшія дѣятельное участіе въ прежнихъ конгрессахъ, именно: гг. Семеновъ въ качествѣ предсѣдателя, А. Б. Бушенъ, И. В. Вернадскій, В. И. Вешняковъ, О. И. Тернеръ, А. Н. Куломзинъ, И. И. Вильсонъ, К. С. Веселовскій и А. И. Артемьевъ, какъ члены. По выработанному въ этой комиссіи проекту программы, восьмой съѣздѣ долженъ быть состоять изъ предварительного совѣщанія официальныхъ представителей административной статистики (*avant-congrès*) и четырехъ отдѣлений. Къ предметамъ занятій предварительного совѣщанія отнесены: вопросы о реорганизаціи конгресса и объ изданіи международной статистики; затѣмъ въ первому отдѣленію вопросы о переписи населе-

нія, о веденії постороннихъ поименныхъ списковъ населенія, о статистическихъ наблюденіяхъ надъ физическимъ развитіемъ человѣка и методологія статистики; ко второму отдѣленію — статистика промышленности обрабатывающей и горного и металлургического промысла; къ третьему — статистика торговли и почтовыхъ сношеній, и къ четвертому — статистика уголовная.

Къ 5-му апрѣля настоящаго года работы подготовительной комиссіи были окончены, и она уступила мѣсто организаціонной комиссіи. Общее руководство всѣми работами этой комиссіи и предсѣдательство въ ней принадлежали министру внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютанту А. Е. Тимашеву, которому въ помощь, въ качествѣ вице-предсѣдателей, назначены были товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ статсь-секретарь князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій и товарищъ министра финансовъ генераль-адъютантъ С. А. Грейгъ и предсѣдатель подготовительной комиссіи П. П. Семеновъ. Организаціонная комиссія не внесла въ проектъ программы никакихъ существенныхъ измѣненій, кроме выдѣленія изъ программы¹⁾ занятій первого отдѣленія вопросовъ по веденію постороннихъ поименныхъ списковъ населенія, что составило предметъ для обсужденія нового отдѣленія (Ш-го по окончательной программѣ²⁾). Что же касается до самыx работъ комиссіи, то ей прежде всего предстояло изготовить общій отчетъ³⁾ о работахъ конгресса за всѣ предыдущія сессіи, чтѣ конечно, должно служить краеугольнымъ камнемъ и исходной точкой не только для работъ самой организаціонной комиссіи, но и конгресса. Но главныx работъ организаціонной комиссіи всѣ были со средоточены въ програмкѣ³⁾. Доклады по отдѣленіямъ этой комиссіи вмѣстѣ съ многочисленными приложеніями имѣли рѣшительное влияніе на работы конгресса, такъ какъ всѣ доклады, за незначительными измѣненіями, были приняты, какъ отдѣленіями конгресса, такъ и общимъ его собраніемъ. Поправки, внесенные въ нихъ, большую частью были частнаго, редакціоннаго характера.

Имѣя въ виду такія качества работъ организаціонной комиссіи, было бы безполезно дѣлать ихъ общій очеркъ, такъ какъ почти то же пришлось бы повторить при изложениіи работъ самого конгресса.

¹⁾ Compte-rendu g  n  ral des travaux du Congr  s international de statistique aux sessions de Bruxelles 1853, Paris 1855, Vienne 1857, Londres 1860, Berlin 1863, Florence 1867, et la Haye 1869.

²⁾ Congr  s international de statistique   St.-P  tersbourg. Huiti  me session du 10 (22) au 17 (29) Août 1872. — Programme.

За три дня до открытия конгресса началось предварительное совещание официальных представителей. Открывая это совещание, г. Семеновъ въ рѣчи своей указалъ на значеніе, какое имѣютъ подобныя совещанія для конгресса, и что должно было бы сдѣлать для того, чтобы дѣятельность конгресса была болѣе плодотворною. „Учрежденіе въ Вѣнѣ“, говорилъ онъ, „предварительное совещаніе наше собирается уже въ пятый разъ, и тѣмъ яснѣе обрисовывается роль этого совещанія, тѣмъ очевидиѣ становятся выгоды отъ распределенія работъ между общимъ собраниемъ и нашимъ. Но чтобы пріѣдти къ болѣе плодотворному распределенію работъ, слѣдуетъ строго опредѣлить программу занятій предварительного совещанія, и это для настоящей сессіи имѣтъ тѣмъ болѣе значенія, что конгрессъ еще не выработалъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ въ этомъ отношеніи; поэтому-то мы и предлагаемъ преобразовать предварительное совещаніе въ постоянную комиссию, отдѣливъ ее отъ общихъ собраній конгресса и предоставивъ ей право собираться въ промежуткахъ между сессіями“. Такимъ образомъ, въ рѣчи своей г. Семеновъ старался указать на наиболѣе выдающійся пунктъ программы восьмой сессіи конгресса.

Непосредственно за открытиемъ предварительного совещанія было приступлено къ составленію его бюро. Г. Кэтле былъ избранъ почетнымъ предсѣдателемъ, г. Семеновъ — предсѣдателемъ, гг. Фарръ и Энгель — вице-предсѣдателями, гг. Морисъ Блокъ (представитель Франціи), Бодіо (отъ Италии), Майръ (отъ Баваріи), Гаммикъ (отъ Англіи) и Вильсонъ (отъ Россіи) — секретарами.

Вопросъ о реорганизаціи конгресса занялъ собою почти два засѣданія официальныхъ представителей. Этотъ вопросъ уже не разъ представлялся вниманію конгресса, но до сихъ порь былъ постоянно отклоняемъ, и переходя такимъ образомъ по наслѣдству изъ съезда въ съездъ, достался наконецъ Петербургской сессіи. Изъ этого, конечно, не трудно понять, что вопросъ объ учрежденіи постоянной комиссіи вызвалъ заявленіе самыхъ разнообразныхъ мнѣній и самыхъ оживленныхъ преній. Но не смотря на то, онъ былъ окончательно рѣшены по крайней мѣрѣ въ общихъ началахъ. Конгрессъ постановилъ предложить на утвержденіе правительству слѣдующее:

1) Учреждается постоянная комиссія международного статистического конгресса, цѣль которой заключается въ томъ, чтобы: а) требовать свѣдѣнія у статистическихъ бюро различныхъ странъ о приведеніи въ исполненіе рѣшений и желаній конгресса и о затрудненіяхъ

ніяхъ, какія встречаются при осуществлении ихъ на дѣлѣ, а также изслѣдовывать, не требуютъ ли такія затрудненія пересмотра принятыхъ конгрессомъ рѣшеній; b) заботиться о единобразіи въ статистическихъ изданіяхъ различныхъ странъ, на сколько это необходимо для международной статистики; c) обращать вниманіе организаціонной комиссіи на вопросы, которые должны быть предложены на обсужденіе слѣдующаго съѣзда и вырабатывать программы этихъ сессій; d) производить международныя изслѣдованія для представленія организаціонной комиссіи слѣдующей сессіи докладовъ о состояніи въ различныхъ странахъ отраслей статистики, которая выаются предложеныхъ вопросовъ,— всякое представление доклада общему собранію конгресса по какому-либо вопросу должно сопровождаться международнымъ изслѣдованіемъ; e) исполнять сообща международныя работы въ родѣ тѣхъ, какія были предприняты на Гаагскомъ съѣздѣ, а также разрѣшать вопросы относительно ихъ исполненія и составлять для этой цѣли программы; f) представлять конгрессу окончательную редакцію рѣшеній, которыхъ предлагаются на утвержденіе конгресса.

2) Эта комиссія состоитъ изъ членовъ, на которыхъ лежитъ обязанность выработать планъ международной статистики. Страны, которые не участвуютъ въ распределеніи работъ по международной статистикѣ, имѣютъ право назначить отъ себя представителей въ постоянную комиссію.

3) Президентомъ комиссіи отъ одного конгресса до другаго долженъ быть организаторъ послѣдней сессіи.

4) Президентъ назначаетъ себѣ секретаря.

5) Постоянная комиссія собирается по крайней мѣрѣ разъ между двумя общими собраніями конгресса.

Изъ заключеній докладовъ, какъ организаціонной комиссіи, такъ и предварительного совѣщенія видно, что проектированная постоянная комиссія имѣть чисто исполнительный характеръ и состоять въ отношеніи общаго собранія конгресса, какъ администрація къ законодательству. Если правительства дадутъ санкцію этому постановленію Петербургской сессіи конгресса, то организація его получить ту правильность, при которой изчезнутъ недостатки нынѣшняго устройства конгресса, во многихъ отношеніяхъ очень важные. Продолжительность сессій конгресса слишкомъ кратковременна для того, чтобы на съѣздѣ возможно было установить и решить вопросы, предложенные на его обсужденіе, сообразно требова-

нѣмъ науки. Работы конгресса имѣютъ значеніе лишь на столько, на сколько онъ былъ удачно поставлены и тщательно обработаны организаціонною комиссіей. Этой комиссіи принадлежитъ рѣшающее значеніе, и безъ нея конгрессъ быль бы бессиленъ сдѣлать что-либо. Его дѣло дать санкцію: этого слишкомъ достаточно для 10 или 12 дней, которые обыкновенно продолжается вся сессія. Такимъ образомъ выборъ предметовъ, ихъ постановка, самъ проектъ заключеній конгресса,— все это дѣлается организаціонною комиссіей. Въ какой мѣрѣ этимъ комиссіямъ принадлежитъ руководящее значеніе, и до какой степени они свободны на дѣлѣ, доказываетъ наша организаціонная комиссія. На Гагскомъ съездѣ были указаны предметы, которые должны были подлежать обсужденію на Петербургской сессіи; строго подчиняясь рѣшеніямъ конгресса, русская организаціонная комиссія должна была бы прежде всего выдвинуть вопросы о примѣненіи графического метода къ статистикѣ, объ элементахъ для статистики народного дохода, о хлѣбной производительности, о военныхъ издержкахъ и вообще о военной статистикѣ, о введеніи единообразія въ товарной классификаціи и номенклатурѣ желѣзныхъ дорогъ. Но изъ этихъ вопросовъ только первый и послѣдній вошли въ программу занятій съезда, да и имъ придано было очень второстепенное значеніе. При такомъ выдающемся значеніи организаціонныхъ комиссій, нельзя принять за серіозное то возраженіе, что постоянная комиссія отняла бы у конгресса всякий починъ въ дѣлѣ статистики и положила бы свой характеръ на самую науку, сдѣлавъ ее послушнымъ орудіемъ администраціи. Конгрессъ и безъ того уже находится подъ такимъ влияніемъ, но не постоянной, а организаціонной комиссіи. Но организаціонная комиссія, имѣя всѣ недостатки, какія хотятъ найти въ постоянной комиссіи, рѣшительно не имѣть ея достоинствъ. Составляясь изъ лицъ, принадлежащихъ исключительно странѣ, въ которой назначена сессія, организаціонная комиссія, конечно, не можетъ отрѣшиться отъ национальной точки зренія на столько, чтобы дѣятельность ея вполнѣ соответствовала конгрессу, какъ международному установлению по преимуществу. Возрѣнія ея членовъ, влияние мѣстныхъ условій страны и ея исторического, политического, общественного и экономического положенія необходимо отразится не только на самой программѣ занятій конгресса—что и доказала самимъ нагляднымъ образомъ Флорентинская сессія, изведя въ кругъ своихъ занятій предметы, имѣющіе мало значенія въ статистикѣ, но составляющіе славу Италии, именно статистику изящныхъ искусствъ, галлерей и музеевъ,—но и на

домладаъ и заключеніяхъ конгресса. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ организаціонной комиссіи, конгрессъ невольно принимаетъ цвѣта той націи, среди которой онъ былъ созданъ. Но недостатокъ международности въ международномъ установлениі, каковъ конгрессъ, влечеть за собою и другіе недостатки. Дѣятельность его, переносясь изъ одной страны въ другую, и подпадаю различными противоположными вліяніями, не представляетъ собою единства, одного общаго направленія, которое проходило бы неизмѣнно черезъ каждую сессію. Чѣмъ составляетъ важный вопросъ одной страны,— напримѣръ, общійное устройство въ Италии или рыболовство въ Голландіи,— то въ другой теряетъ всякое значеніе, и какъ бы вопросъ ни бытъ важенъ въ международной точкѣ зреінія, легко можетъ случиться, что онъ будетъ отодвинутъ, и что внутренняя политика государства, въ кото-ромъ назначенъ съѣздъ, замѣнитъ его другими вопросами, важными только съ національной точки зреінія. Этого не можетъ быть при посто-янной комиссіи, которая будетъ несомнѣнно вършио хранительни-цемъ преданій конгресса. Кроме того, если бы дѣятельно адми-нистрація рѣшилась известнымъ образомъ повліять на конгрессъ, то организаціонная комиссія, назначаемая иль лишь, занимавшія администривные посты въ одной и той же странѣ, въ этомъ отно-шеніи несравненно чувствительнѣе всякой посторонней комиссіи, со-ставленной изъ представителей всѣхъ народовъ. Но и это еще не все. Несоразмѣрность, существующая между массою постановленій конгресса и тѣмъ ничтожнымъ сравнительно количествомъ ихъ, ко-торое осуществлено на практикѣ, чрезвычайно велико. Да и какъ еще узнать, чѣмъ изъ решеній конгресса получило примѣненіе на практикѣ, и чѣмъ нѣтъ, когда самъ конгрессъ не имѣть возможности знать этого? Постоянная комиссія одна въ состояніи восполнить эти проблемы.

Кромѣ вопроса о посторонней комиссіи, въ предварительномъ со-вѣщаніи шла еще рѣчь объ изданіи международной статистики, ко-торое было предпринято на Гаагскомъ съѣзда по мысли знаменитаго бельгійскаго статистика Кэтле. Планъ этого изданія состоять въ томъ, что по каждой отрасли статистики группируются числовыми данными по всѣмъ государствамъ, принимающими участіе въ конгрессѣ. Каждая часть этого труда должна быть обработана по одной программѣ. Должно быть сохранено строгое единство, не только въ языкахъ (фран-цузскій), единицахъ мѣры и вѣса, но даже и въ самомъ форматѣ и шрифтѣ. Въ этомъ предпріятіи изъявили желаніе участвовать почти

всѣ государства Европы. Главное затрудненіе при выполненіи этихъ работъ составляютъ материалы: они оказываются не только до крайности своеобразными, но и неполными. Къ нынѣшнему съѣзду предполагалось уже изготовить рядъ такихъ изданій. Но ни одинъ изъ сотрудниковъ не успѣлъ еще окончить своей работы. Послѣ многихъ преній о материалахъ, предварительное собраніе признало наконецъ, что при обработкѣ материаловъ для международной статистики должно придерживаться программъ, принятыхъ на прежнихъ конгрессахъ, хотя въ нихъ можетъ быть допущено и измѣненіе, если того потребуютъ свойства самыхъ материаловъ. Сотрудники должны пользоваться главнымъ образомъ изданіями материалами. Статистическій биро, сообразно съ присланной программой, должны сообщать всѣ материалы, какіе у нихъ будутъ въ распоряженіи, и наконецъ, если окажутся въ послѣдніхъ проблѣмахъ, пополнить ихъ изъ рукописныхъ источниковъ.

10-го августа послѣдовало торжественное открытие конгресса въ залѣ дворянскаго собранія. Въ 11 $\frac{1}{4}$ часовъ почетный предсѣдатель конгресса, Великій Князь Константина Николаевичъ, открылъ собраніе слѣдующею рѣчью:

Мм. Гг.!

«Наше время было свидѣтелемъ возникновенія многихъ наукъ. Различные элементы общаго знанія, путемъ преемственности научного труда, подъ влияніемъ оживляющаго духа анализа и приложенія научныхъ методовъ, группируются около нѣсколькихъ центровъ, образуя отдѣльныя научныя отрасли съ болѣе или менѣе точно опредѣленными границами.

«Къ этимъ еще юнымъ по возрасту наукамъ и принадлежитъ статистика.

«Изученіе человѣка въ его общественно-государственной жизни стало центръ, къ которому примкнули различные отрасли изслѣдований изъ сферы общественной и государственной. Благодаря послѣдовательному расширению этой сферы, благодаря положительному методу, прилагаемому къ изученію соціальныхъ фактовъ, благодаря, наконецъ, гeniu, обширнымъ знаніямъ и неутомимымъ трудамъ знаменитаго ученаго, котораго мы имѣемъ честь видѣть сегодня въ средѣ нашей, и ими котораго каждый изъ васъ теперь уже, вѣроятно произнесъ, статистика заняла свое мѣсто между науками. Труды многихъ изъ васъ, им. гг., обеспечили ей самое широкое развитіе и доставили ей право гражданства между самостоятельными группами человѣческаго знанія. Правда, еще не оконченъ споръ о предѣлахъ этой науки; составляющіе ее элементы, тѣсно связанные съ другими отраслями знанія, по необходимости находятся въ соприкосновеніи съ элементами другихъ наукъ; правда, что существуетъ множество опредѣлений статистики; правда, наконецъ, что существуетъ даже мнѣніе, что статистика не наука, а искусство, даже не болѣе, какъ особый методъ изслѣдованія.

«Не стану, им. гл., обсуждать предъ вами эти различныя мнѣнія и предлагать ваше свое мнѣніе въ омѣскѣ рѣшенія, но позвольте себѣ привлечь вниманіе ваше на факты, же подлежащіе никакому спору. Наблюденія, относящіяся до состоянія и движевія народонаселенія, законовъ рожденій, смертности и средней жизни, рассматриваемыя со стороны вліянія, оказываемаго на нихъ различными условіями общественно-государственной жизни, приливъ и отливъ экономического благосостоянія подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ условій, изученіе различныхъ явлений въ нравственномъ міре въ средѣ чоловѣческаго общества — все эти и многие другіе вопросы не должны ли составлять сферы специального изслѣдованія, совершенно независимой отъ области физиолога, экономиста, психолога и историка?

«Если статистика не привела еще до сихъ поръ къ открытию какого-нибудь великаго міроваго закона, какъ астрономія или физика, то нельзя ставить ей этого въ упрекъ: многія науки находятся въ тѣхъ же условіяхъ. Ея изслѣдованія еще слишкомъ новы; средства, которыми она располагаетъ, еще далеки отъ желательной степени совершенства; наконецъ, самое поле ея изслѣдованій слишкомъ еще ограничено, распространяясь лишь на незначительную часть обитаемаго міра. Быть можетъ, въ будущемъ статистика распространить свои изслѣдованія на новые явленія общественно-государственной жизни, оставшіяся до сихъ поръ въѣдь научного анализа; быть можетъ — и едва ли позволительно въ томъ сомнѣваться — статистика оживится съ приливомъ новыхъ фактовъ и съ приложеніемъ новыхъ законовъ, заимствованныхъ изъ другихъ областей знанія, и благодаря этому приливу, преобразуется въ науку, которой границы и важность нынѣ невозможно предвидѣть; но это рѣшить будущее, въ своемъ же настоящемъ статистика имѣть предъ собою еще обширную почву для воздѣлыванія.

«Но признавая за статистикой значеніе науки, призванной установить законы соціальной физики, не возможно, однажды, отрицать, что самое слово «статистика» заключаетъ въ себѣ понятіе объ извѣстной отрасли административной техники: отсюда — смыщеніе понятій о статистикѣ какъ о наукѣ и искусствѣ. Техника, то-есть, систематическая группировка собранныхъ статистикою данныхъ, имѣть громадную важность, и отъ способа, по какому производится эта операция, зависятъ большою частью и результаты, которыхъ достигается наука. Чѣмъ совершеніе способы и операции, которыми пользуется статистика — записи постоянныхъ и периодическихъ и т. под., — тѣмъ вѣрѣ и прочиѣ прогрессивный ходъ науки. Что же касается до значенія статистики, какъ метода, нужно сдѣлать одно замѣченіе: наиболѣе свойственный статистикѣ методъ изслѣдованія — то-есть, исчисленіе, математические выводы — съ успѣхомъ прилагается, и въ другихъ наукахъ; но не слѣдуетъ заключать отсюда, чтобы изучаемыя тѣми науками явленія могли относиться къ области статистики, равно какъ нельзя не признать самостоятельности статистической науки.

«Но называется ли статистика наукой, искусствомъ или методомъ — не-оспоримо, что она существуетъ для блага человѣчества. Какая ея цѣль? Къ чому стремится усилия досвѣщающихъ ей свои труды? Къ изслѣдованію, подъ вліяніемъ какихъ законовъ и учрежденій, при какихъ физическихъ и экономическихъ условіяхъ благосостояніе человѣческое совершенѣе и къ раскры-

тъю источникъ та, задерживающаго прогрессъ человѣчества. Насколько обращеніе къ человѣку упомянутое древности: «иоснай самога себѧ», можетъ относиться и по нашему обществу. Но такъ иныхъ человѣкъ можетъ достигнуть своего исконнаго развитія только въ организованномъ обществѣ, то статистика является неизбѣжною помощницею всякаго органа общественно-государственной жизни. Слова эти, и мнѣнія, исходяще изъ теоретического убѣжденія, а не изъ личнаго опыта, приобрѣтеннаго мноюъ въ качествѣ предсѣдателя государственно-государственнаго съезда. Какъ-мораль, и позволю себѣ здѣсь одно сравненіе, именно: я сравниваю статистику съ мальвию. Какимъ образомъ могъ бы коричѣй изѣбѣять мальву, подводныхъ камней, крушенія, если бы не эти спасительныя огни, бросающіе съ берега свой предохранительный светъ? Правда, что долгое время эти научные мысли тускло сияли въ человѣчествѣ. Однако же, какъ и всегда, нельзя не замѣтить нѣкотораго прогресса. Въ настоящее время въ правительства придаютъ значеніе статистикѣ и не отступаютъ уже предъ узурпацией статистическихъ учрежденій или предъ расширеніемъ области изысканій этой науки. Учрежденіе конгресса обратило на эту науку особенное вниманіе правительства. Стремясь къ плодотворной цѣли объединенія статистическихъ изысканій и уже достигнувъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, труды конгресса всегда вырывали развитие статистическихъ операций и изысканій въ тѣхъ странахъ, которые имѣли честь принять у себя конгрессы. Русское правительство внимательно слѣдило за трудами конгресса, въ особенности съ третьей Вѣнской сессіи его, и съ живымъ удовольствіемъ привело въ завершеніе Гаагской сессіи устроимъ слѣдующій съездъ въ Петербургѣ. Русское правительство, считая для себя честью принимать столько славныхъ представителей научной и практической статистики отъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ мира, имѣть въ настоящемъ собраніи залогъ будущаго прогресса статистической науки въ нашей странѣ. Жизнь обильна идеи и наблюдений, приобрѣтенныхъ опытомъ, связъ, который не замѣдлить соединить иностранные статистические учрежденія съ русскимъ, нравственная обязанность привести въ исполненіе членствованія конгресса — все это послужитъ дѣлу статистики и будетъ способствовать развитію ея въ странѣ.

«Позвольте мнѣ, мнѣ, гг., выразить мысль, что успѣхъ статистики въ Россіи послужитъ къ успѣху и статистической науки вообще. Географическое положеніе Россіи, обширное пространство ея террitorіи въ двухъ частяхъ сѣвера, цифра ея народонаселенія, придаютъ статистическимъ изысканіямъ въ нашей странѣ глубокій интересъ.

«Условія общественно-государственной жизни въ Россіи, при сравненіи ихъ съ такими же условіями въ другихъ европейскихъ государствахъ, во многомъ различны: эти различія зависятъ отъ географическихъ условій Россіи, отчасти отъ меньшей продолжительности ея политической жизни, отчасти, наконецъ, отъ особенностей национального характера.

«Съ одной стороны, ни въ какомъ другомъ европейскомъ государствѣ изслѣдуемыя статистикою явленія не представляются менѣе сложными, чѣмъ въ Россіи. Обширная часть Имперіи населена одними и тѣми же племенемъ, исповѣдующими одну религию; цѣлая террitorія почти не имѣетъ городовъ и занятъ однѣмъ сельскимъ населеніемъ; области одной и той же промышлен-

ности распространяются за исключением десятков градусов широты и долготы. Однакъ и тѣ же бытовыя особенности встречаются на обширныхъ пространствахъ, отъ гѣсовъ юга до степей юга. Очевидно, что статистическая давнина, полученная при подобныхъ условіяхъ и на такомъ обширномъ пространствѣ, легче поддается анализу, и что становятся пратомъ нетруднымъ открыть постоянныя и переменныя причины, обуславливающія извѣдение факти. Съ другой стороны, явленія общественной и частной жизни въ Россіи не лишены и разнообразія, иногда даже и весьма значительного. Заключимъ въ свою предѣлъ всѣ климаты и всѣ почвы, равнины и горы, степи и лѣса, множества различныхъ элементъ различной природы, отличающихся между собою степенью умственного и нравственного развитія, Россія представляется коле несъдований, полное интереса какъ для статистика-демографа, такъ и для статистика-экономиста. Первый найдетъ глубокій интерес въ изученіи, оказываемаго физическими условиями расѣи законъ движенія и возрастанія народонаселенія, въ изученіи вліянія, оказываемаго различными степенями умственного развитія на проявленіе природы человѣка. Не меньшій интерес представятъ статистику-экономисту какъ разнообразіе отраслей народонаселенія къ пространству, проявляющееся въ различіи плотности населенія, разной въ извѣстныхъ извѣсткахъ Россіи той, какая замѣчается въ центральныхъ частяхъ Европы, а въ другихъ спускающаяся до крайнаго щіпичин'я, такъ и разнообразные виды человѣческой дѣятельности, — отъ скотоводства юго-восточныхъ мочевниковъ, птицеводства и звѣроловства обитателей крайнаго сѣвера до самого высокаго проявленія умственной и тѣхнической дѣятельности.

«Правильность, систематический порядокъ и однобразіе статистическихъ наблюдений, собранныхъ на обширномъ пространствѣ Россіи и надъ 80-миллионнымъ народонаселеніемъ, доставить наукѣ драгоценные материалы и послужить къ расширению статистическихъ выводовъ, а равно и къ выясненію многихъ спорныхъ вопросовъ.»

«Съ этими мыслями и въ твердомъ убѣжденіи, что ваши труды послужатъ на пользу науки и моего отечества, привѣтствуя васъ отъ имени моего Августѣшаго Брата и объявляю сессию конгрессовъ открытою.»

По открытіи собранія было приступлено къ составленію бюро конгресса. Въ составъ его вошли: г. министръ внутреннихъ дѣлъ (который впрочемъ находился въ отсутствіи) въ качествѣ предсѣдателя, и князь Лобановъ-Ростовскій и гг. Грейгъ и Семеновъ въ качествѣ вице-предсѣдателей. Почетными товарищами предсѣдателя избраны были: за Австрію — г. А. Фиккеръ, за Баварію — г. Майръ, за Вельтгію — г. Кэтле, Бразилію — г. Варнгагенъ, Великобританію — г. Фарръ, Венгрію — г. Келети, Гамбургъ — г. Ферсманъ, Германскую имперію — г. Мейтценъ, Голландію — гг. Баумгаузъ и Виссерингъ, Грецію — г. Мансоласъ, Данію — г. Шарлингъ, Египетъ — г. де-Ренъ, Мекленбургъ-Шверинъ — г. Фауль, Испанію — г. Паскуаль, Италию — г. Корренти, Норвегію — г. Кіазръ, Пор-

тутанію—Никольт де-Фитаньєръ; Пруссію—г. Фонгель, Румунію—г. Лаковари, Сербію—г. Яншичъ, Соединенные Штаты—г. Йонгъ, Францію—г. Левассеръ, Швейцарію—г. Вирть и Швецію—г. Бергъ. Въ составѣ бюро вошли еще предсѣдатели и товарищи предсѣдателей отдѣлений организаціонной комиссіи: гг. Форшъ, Макнисавъ (I-е отдѣленіе); Гаммістерь, Бушенъ, Янсонъ (II-е отдѣленіе); Веншаковъ, Іосса, Ходлевъ (III-е отдѣленіе); Е. Ламанскій, Журавскій, Тернеръ (IV-е отдѣленіе); Стояновскій и Таганцевъ (V-е отдѣленіе). Секретарями были назначены: гг. Майръ, Бодю, Эрбенъ, Гаммікъ, Пенковичъ, графъ Пусловский, Вормсъ и секретари организаціонной комиссіи: гг. Вильсонъ, Майконъ, Раевскій и Бокъ.

По составленіи бюро, представители Англіи, Франціи и Пруссіи отъ имени собрания выразили благодарность почетному предсѣдателю конгресса за участіе, какое онъ принимаетъ въ развитіи науки, кавказа статистики. Затѣмъ, по обычаю прежнихъ конгрессовъ, вспоминали были добрымъ словомъ статистики, которые умерли въ промежутокъ между двумя послѣдними сессіями конгресса: Маастри (Италия), Тройницкій (Россія), Шпрингеръ, Фридрихъ Штайнъ, Валентинъ Стрѣфлеръ (Австрія), Содемантъ (Данія), Чарльзъ Баббеджъ (Англія) и Жюль Дюваль (Франція).

Затѣмъ члены конгресса распредѣлились по отдѣленіямъ и составлены были бюро послѣднихъ. Слѣдующіе затѣмъ дни—11-е, 12-е и 14-е августа были посвящены работамъ въ отдѣленіяхъ, а 16-е, 17-е и 18-е въ общемъ собраніи.

Бюро первого отдѣленія: почетный предсѣдатель г. Нетле; предсѣдатель г. Семеновъ; товарищи предсѣдателя: гг. Фиккеръ, Кіаэръ, Бергъ, Боденгеймеръ; секретари: гг. Майконъ, Струве, графъ Пуловский, Г. Фиккеръ, А. Фиккеръ, Принцшальдъ, Самуилъ Броунъ, Кастильони.

Первое отдѣленіе въ теченіе трехъ засѣданій было занято исключительно разсмотрѣніемъ доклада гг. Семенова и Макнисева о переписи населения. Этотъ вопросъ былъ уже обсуждаемъ на большинствѣ прежнихъ сессій. Точное знаніе населения, исчисленного и раздѣленного на различные классы по однообразному методу, составляетъ краеугольный камень и исходную точку для международной статистики. Только при такомъ единствѣ метода возможно точное сравненіе физическихъ, экономическихъ и нравственныхъ условій существованія человѣка на различныхъ частяхъ земного шара. Въ этомъ отношеніи

конгрессъ оказалъ немаловажную услугу, такъ какъ, благодаря его вліянію, пріемы послѣднихъ переписей сдѣлались болѣе совершенными. Но тѣмъ не менѣе въ нихъ остается еще нѣсколько незысканныхъ пунктовъ, чѣдь и было причиной, почему вопросъ о переписяхъ снова былъ подвергнутъ вниманію конгресса. Конгрессъ для изѣчанія недоразумѣй и двойного счета постановилъ различать наслѣдіе дѣйствительное или наличное (*population de fait ou présente*), обычное (*population de séjour habituel*) и юридическое (*population de droit ou légale*). Подъ наличнымъ народонаселеніемъ разумѣется общее количество лицъ, которыхъ въ минуту переписи находятся въ томъ мѣстѣ, где производится перепись. Подъ обычнымъ населеніемъ разумѣется совокупность всѣхъ лицъ, которыхъ имѣютъ жительство въ мѣстѣ, где производится перепись, будуть ли они находиться во время производства переписи на лицо, или вѣтъ. Подъ юридическимъ населеніемъ разумѣются лица, приписанныя къ мѣсту переписи. Нѣкоторыя страны, напримѣръ, Англія, могутъ довольствоваться переписью одного дѣйствительного населения; въ другихъ странахъ, по различнымъ причинамъ, оказывается нужнымъ отдѣлять въ статистическихъ таблицахъ осѣдлую часть населения отъ нацѣльной, чѣдь можетъ быть указано только исчисленіемъ обычного населения; въ третьихъ — еще требуется указаніе на мѣсто приписи (*le domicile légal*). Конгрессъ не нашелъ возможнымъ установить какія бы то ни было правила, общія для всѣхъ странъ, относительно населения обычного и юридического, такъ какъ условія ихъ, особенно населения юридического, чрезвычайно разнообразны и измѣнчивы. Поэтому онъ призналъ, что переписи должны относится исключительно къ населенію наличному; для остальныхъ двухъ конгрессъ отказался установить международныя правила.

Что же касается до периодичности переписей, то конгрессъ требуетъ, чтобы они были производимы по крайней мѣрѣ разъ въ десять лѣтъ, и именно въ годъ, число которого оканчивается нулемъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ приняты для переписей пяти и даже трехгѣтніе periods: производство переписей въ такие сроки предоставляетъ непосредственному усмотрѣнію каждой страны. Переписи, дающе, по возможности должны производиться въ одинъ день (*однодненочная*), или по крайней мѣрѣ, должны быть пріурочены къ опредѣленному дню и часу. Конгрессъ, впрочемъ, не нашелъ возможнымъ постановить, чтобы переписи производились во всѣхъ странахъ въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ, а тѣмъ болѣе день. Организація и контроль по переписи представлены непосредственному усмотрѣнію каждого государства и произ-

водится сообразно особымъ условиимъ каждой страны. Конгрессъ призначаетъ однако желательнымъ, чтобы производство и привѣрка переписи быда ввѣряема особымъ агентамъ, и чтобы само населеніе принимало въ этомъ участіе.

Дѣйствительное населеніе, какъ объектъ переписи, исчисляется посредствомъ личныхъ карточекъ (*bulletins individuels*), если это допускаютъ особы обстоятельства страны и степень грамотности населения. Въ другихъ же случаяхъ должна быть примѣнена система *квартирныхъ листковъ* (*bulletins de ménages*). Если перепись производится посредствомъ личныхъ карточекъ, то къ этимъ послѣднимъ еще прибавляются дополнительные списки, которые должны замѣнить собою квартирные листки; въ этихъ спискахъ должна быть указана степень родства или вообще отношенія каждого лица къ главѣ квартирного хозяйства. Въ личныхъ карточкахъ вопросы обращаются непосредственно къ самому лицу, подлежащему переписи. Эта форма предпочтительнѣе всякой другой.

Свѣдѣнія, которыхъ должны быть собираемы въ переписи, одни признаны обязательными (*essentiels*) для всѣхъ государствъ, другія же *необязательными* (*facultatifs*). Къ обязательнымъ свѣдѣніямъ относятся: имя и фамилія, полъ, возрастъ, отношенія къ главѣ квартиренаго хозяйства, семейное и брачное состояніе, родъ занятій и средства къ жизни, вѣромѣровѣданіе, родной языкъ, грамотность (умѣніе читать и писать), племенная принадлежность (*l'origine*), мѣсто родины и подданство; обычное мѣстопребываніе и характеръ пребыванія въ мѣстѣ переписи, затѣмъ тѣлесные и умственные недостатки: слѣпота, глухо-нѣмota, идиотизмъ и кретинизмъ и умопомѣшательство. Всѣ другія свѣдѣнія, которыхъ могутъ быть затребованы посредствомъ переписей, смотря по государству, признаны конгрессомъ необязательными. Всюду, где дозволяетъ степень грамотности народонаселенія, особенно въ большихъ городахъ, возрастъ долженъ быть указанъ годомъ и мѣсяцемъ рождения. Когда же возрастъ обозначается числомъ лѣтъ, то это должно относиться къ годамъ истекшихъ мѣсяцевъ. Отношеніе къ главѣ квартирного хозяйства выражается или степенью родства, или положеніемъ въ хозяйствѣ, какъ напримѣръ, гувернеръ, слуга, работникъ, подмастерье, жилецъ и проч. Вопросъ о брачномъ состояніи касается только законныхъ союзовъ, разводовъ или законнаго разлученія супруговъ (*séparation de corps*). Подъ родомъ занятій должно разумѣть состояніе или ремесло, въ ко-

торомъ лицо почерпаетъ свои главныя средства къ жизни и посы-
щаетъ имъ большую часть своей дѣятельности. Лица, которыхъ имѣютъ
два или нѣсколько родовъ занятій, должны упомянуть въ переписи о
всѣхъ и указать, какое изъ нихъ главное. Кроме того, слѣдуетъ обе-
значать общественное положеніе лица, хозяинъ ли онъ, помощникъ или
же только работникъ. Наконецъ, когда перепись производится посред-
ствомъ личныхъ карточекъ, то относительно лицъ, не имѣющихъ незави-
симаго рода занятій, слѣдуетъ указать, чѣмъ занимается отецъ семей-
ства. Графа вѣронисловѣданій обозначаетъ религию, въ которой роди-
лось лицо, подпавшее переписи, или въ которую оно перешло позже
и придерживается ея въ настоящее время. Относительно же грамот-
ности достаточно, чтобы лицо хотя немногого умѣло читать и писать.
Указание на мѣсто родины относится только къ лицамъ, которыхъ ро-
дились въ мѣста, гдѣ производится перепись. Если возможно, то ука-
зывается на общину (волость, общество), въ противномъ же случаѣ
на болѣе крупныя территоріальные единицы, къ которымъ принадле-
житъ мѣсто родины лица, подлежащаго переписи (уѣздъ, графство,
кантонъ, губернія, провинція, департаментъ и проч.). Объ иностранныхъ
подданныхъ указывается сверхъ того государство, въ поддан-
ствѣ которыхъ они состоятъ. Правила для указанія обычнаго мѣсто-
пребыванія, временной остановки, мѣста приписки и проч. предостав-
ляется въ настоящее время на усмотрѣніе государствъ по принад-
лежности.

Вопросъ о переписи населенія былъ главнымъ предметомъ, на кото-
ромъ сосредоточивалось вниманіе первого отдѣленія. Методологія и вопро-
сы санитарной статистики были переданы въ особы назначенные для
того коммиссіи: первая изъ нихъ собиралась подъ предсѣдательствомъ
гг. Фиккера и Форша, вторая — подъ предсѣдательствомъ г. Мидден-
дорфа.

Въ программѣ организаціонной коммиссіи находятся три записки
относительно методологии. Первая принадлежитъ г. Майру (объ упо-
 треблениіи географическаго метода въ статистикѣ), вторая г. Швабе
(о теоріи діаграммъ) и третья — г. Фиккеру (о приложениіи картографіи
къ статистикѣ). Вопросъ о графическомъ методѣ обращалъ уже на себя
вниманіе не одного конгресса, но до сихъ поръ не получалъ удовле-
творительнаго разрѣшенія. Организаціонная коммиссія Гагского съѣзда
приготовила подробный докладъ по этому предмету и представила
конгрессу собраніе самыхъ разнообразныхъ статистическихъ діаграммъ.
Конгрессъ, не находя однако же возможнаго рѣшить этотъ вопросъ

беть точно. формулировавши предложени, выразилъ желаніе, чтобы организаціонная комиссія Петербургскаго съезда взяла на себя трудъ приготовить записку о различныхъ графическихъ методахъ, употребляемыхъ въ статистикѣ, и о средствахъ, какъ сдѣлать, чтобы таблицы имѣли однобразную и пригодную для сравненія форму. Комиссія дѣйствительно предложила на утвержденіе восьмаго съезда пять предложенийъ, которые были приняты общимъ собраниемъ съ двумя поправками, предложенными гг. Семёновымъ, Форшемъ, Майромъ и Энгелемъ. Сущность желаній конгресса въ окончательномъ видѣ заключалась въ томъ, чтобы международные статистические издания, предпринятые на Гагеновъ съездѣ, сопровождались — на сколько допускаютъ свойства предметовъ и общирность источниковъ — графическими изображеніями. Что же касается до однообразія именно въ диаграммахъ, то конгрессъ наимѣлъ, что еще не настало время предлагать въ этомъ отношеніи какія-либо однобразныя правила. Начальники статистическихъ бюро и специалисты приглашены конгрессомъ въ возможно своротъ времени представить постоянной комиссіи диаграммы и картограммы съ объясненіемъ приемовъ, посредствомъ которыхъ они сдѣланы. Постоянная комиссія возьметъ на себя труда представлять каждому конгрессу собраніе диаграммъ и картограммъ, исследовать ихъ достоинства и недостатки и рекомендовать методы, которые она признаетъ наилучшими.

Что же касается до географического метода, то конгрессъ призналъ желательными, чтобы статистическое бюро, при обработкѣ статистическихъ материаловъ, изучали всѣ специальные факты въ соответствующихъ предѣлахъ, и чтобы наблюдение надъ ними производились въ предѣлахъ небольшихъ участковъ. Конгрессъ разнымъ образомъ советуетъ представлять съ помощью картографіи выводы или приложения графического метода къ статистикѣ.

Комиссія по вопросамъ изъ санитарной статистики въ теченіе двухъ засѣданій обсуждала заключеніе программы профессора Вредера „о регистраціи данныхъ по физическому развитію человека“. Результаты обсужденія этого рода вопросовъ были признаны конгрессомъ въ слѣдующемъ видѣ:

Изученіе всѣхъ данныхъ по физическому состоянію населенія составляетъ предметъ биологической статистики человека, которая раздѣляется на статистику соматологическую, предметъ которой заключается въ собраніи данныхъ о физической силѣ и общемъ состояніи здоровья населения; носологическую, изучающую влияніе, ко-

торое оказываетъ на населеніе спорадическій и эпидемический, болѣзни; гигиеническую, которая анализируетъ отношенія, существующія между санитарнымъ состояніемъ населенія и условіями естественными, экономическими и другими, въ которыхъ оно живетъ, для того чтобы определить мѣры, при помощи которыхъ можно было бы предупредить гибельныхъ видовъ этихъ условій; медицинскую, имѣющую цѣлью изучать дѣятельность установлений и лицъ, на которыхъ возложена обязанность поданія медицинской помощи. Конгрессъ призналъ, что изъ четырехъ частей биологической статистики только одна соматологическая не получила еще, съ теоретической точки зренія, заслуживающего вниманія, и что поэтому должно было бы пополнить эту пробѣгъ введеніемъ во всѣхъ государствахъ регистраціи данныхъ, при помощи которыхъ можно прямо определить степень физического здоровья и силы населенія. Регистрація статистическихъ данныхъ производится посредствомъ двухъ листковъ; изъ нихъ одинъ, шифрованный, остается въ рукахъ лица, подавшаго запись, другой же доставляется въ центральное статистическое бюро. Регистрація соматологическихъ данныхъ можетъ быть довѣрена личному составу санитарныхъ установлений, равно какъ и лицамъ, которымъ могутъ даваться удовлетворительныя въ этомъ отношеніи подсказки. Записи данныхъ относительно женского населения должны быть поручены главнымъ образомъ свѣдѣющимъ женщинамъ. Нѣть необходимости, чтобы соматологические листки обозначались именемъ лица, которому они принадлежатъ, такъ какъ отецъ легко пройдѣтъ: принадлежитъ ли тотъ или другой листокъ предъявителю. Листокъ, кроме специально соматологическихъ данныхъ, долженъ заключать въ себѣ свѣдѣнія о лицѣ, которымъ требуются переписью: указанія возраста родителей въ минуту рожденія лица, и если случится, степень родства между сыѣдѣнными. При регистраціи специально соматологическихъ данныхъ слѣдуетъ различать свѣдѣнія о живыхъ лицахъ отъ тѣхъ, которые получены посредствомъ медицинского вскрытия, а также непосредственные признаки состоянія здоровья и силы отъ признаковъ носившихъ, которыхъ раздѣляются на прирожденные и приобрѣтенные. Въ послѣднемъ случаѣ должно быть указано, есть ли этотъ признакъ следствіе болѣзни, несчастного случая, или предумышленного поступка лица. Въ случаѣ предумышленности должна быть специально указана побудительная причина къ членопрѣдѣтельству, будеть ли то фанатизмъ, или желаніе избѣжать какихъ-либо общественныхъ повинностей. Всякое

соматологическое измѣрение должно производиться) метрической системой и однообразными для каждой страны способами.

Всѣ измѣрения должны производиться въ определенный промежутокъ между двумя приложеніями пищи. На соматологическихъ листкахъ упоминаются всѣ пріемы и приборы, какими произведилось измѣрение, равно какъ и число самыхъ измѣрений. Центральное статистическое бюро должно снабдить своихъ агентовъ по записямъ этого рода свѣдѣній правилами и образцами для записей. Запись конгресса установила, какіе свѣдѣнія желательно собирать при медицинской осмотрѣахъ, а также относительно здоровья и силы живыхъ лицъ, и наконецъ, относительно только что рожденного ребенка. Косвенные признаки здоровья и силы живыхъ лицъ должны вноситься въ карты посредствомъ цифръ. Конгрессъ призналъ обязательнымъ для убѣжидъ пріютовъ дѣтей, сиротскихъ домовъ и пр., ежегодное представление въ статистическое бюро полныхъ соматологическихъ листковъ дѣтей, ввѣренныхъ этимъ заведеніямъ. На всѣхъ подобныхъ листкахъ должно означать и numerъ ребенка, чтобы можно было видѣть, сколько разъ онъ подвергался измѣрению. Рубрики настолько записи соматологическихъ данныхъ о воспитанникахъ въ воспитательныхъ заведеніяхъ должны присоединяться къ тѣмъ программамъ свѣдѣній, которые были затребованы отъ такихъ заведеній на Бѣнсной и Флорентинской сессіяхъ. Кроме того, все элементарные, среднія и высокія учебныя заведенія, равно какъ и заведенія специальныхъ, должны ежегодно представлять въ статистическое бюро соматологические листки своихъ воспитанниковъ. Данные, собираемые въ гимнастическихъ заведеніяхъ, должны вестись особо. Точно такія же указанія должны быть требуемы отъ всѣхъ частныхъ и общественныхъ санитарныхъ заведеній, госпиталей, заведеній для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, крививъ, идиотовъ, умопомѣшанныхъ и пр. Сверхъ того, необходимо помолвить для соматологическихъ записей программы, предложенные для некоторыхъ изъ этихъ заведеній на Парижскомъ и Бѣнскомъ съѣздахъ. Всѣ гимнастическія общества, общества струнковъ, ахты-клубы и т. п., привлѣчены завести соматологические листки для каждого изъ своихъ членовъ. Если же тѣловѣхъ уже заведены, то они должны быть пополнены и представлены своевременно въ статистическое бюро. Таблицы, издаваемыя въ Берлинѣ по случаю рекрутскаго набора и санитарного состояния армій, равно какъ и постановленіе Лондонскаго съѣзда касательно статистики жизни (vital statistic) въ морской службѣ должны быть пополнены соматологическими данными. Та же

система должна быть призначена и для туберъ, инфекціарныхъ и исправительныхъ заведений. Помимо всего этого, конгрессъ призналъ желательнымъ, чтобы санитарическому контролю были подчинены клиенты обществъ страхования жизни, взаимообострованій и имъ подобныхъ. Г. Фарръ при этомъ докладѣ выразилъ желаніе, чтобы Россія, по примѣру прочихъ странъ, присыпала въ Лондонъ ежегодныи листки о причинахъ смертности въ большихъ городахъ, такъ какъ этимъ способомъ были получены блестящіе результаты для общественной гигіиени въ большинѣ густо населенныхъ центрахъ. Сверхъ того, г. Фарръ желаетъ, чтобы въ Россіи заведены были общія таблицы смертности.

Заключенія доклада по статистикѣ холеры и сифилиса не были признаны общими собраниемъ конгресса. Въ виду того, что въ собраний было очень ограниченное число иностраннѣхъ врачей, — конгрессъ, не входя въ подробное обсужденіе программы, выработанной по этимъ вопросамъ санитарною комиссіей, выразилъ желаніе, чтобы врачи и статистики занялись регистраціей данныхъ по холерѣ и сифилису, на сколько возможно придерживаясь предложенной программы, и чтобы въ особенности русскіе врачи сдѣлали ея приложеніе къ холерной эпидеміи, которая такъ часто появляется въ Россіи, и представили бы на будущемъ конгрессѣ докладъ, изъ котораго было бы видно, до какой степени можетъ быть примѣнена программа. Конгрессъ также выразилъ желаніе чтобы на будущую сессію сѣхълось болѣше врачей изъ различныхъ странъ, для того, чтобы можно было установить особое отдѣленіе медицинской статистики.

Бюро втораго отдѣленія: предсѣдатель г. Бушнель, товарищи предсѣдателя: гг. Левассеръ, Фарръ, Вергъ, Ваунгаузъ и Янсонъ. Секретари: гг. Шамебахъ, Кауфманъ, Сталь фертъ-Гольстейнъ, Керали, Гендрикъ.

Второе отдѣленіе конгресса въ теченіе двухъ засѣданій обсуждало вопросы о регистраціи и обнародованіи данныхъ по движению населения. Общія начальни касательно этого предмета были уже установлены почти двадцать лѣтъ тому назадъ на Брюссельскомъ съездѣ. Съ тѣхъ поръ эта важная отрасль статистики сдѣлала видимые успѣхи во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Но тѣмъ не менѣе, если смотрѣть на этотъ предметъ со стороны достоинства этихъ данныхъ, какими они являются въ изданіяхъ различныхъ странъ, и ихъ соизмеримости, то остается еще сдѣлать много улучшеній и пополнить не-

одинъ пробѣль. Съ другой стороны, статистика выдвигала впередъ новыя задачи, решеніе которыхъ требуетъ широкихъ наблюдений.

Обсуждая внутреннее достоинство данныхъ о рождаемости, брачахъ и смертности, второе отдѣленіе премѣде всего обратило вниманіе на органы, которымъ избрѣна запись первоначальныхъ данныхъ, заѣтъ на самыя данные, какимъ подлежать запись, и machenіе, на форму официального ихъ обнародованія.

Относительно органовъ, которымъ избрѣна первоначальная регистрація фактовъ, конгрессъ постановилъ притгласить правительства извести всѣду, гдѣ еще этого лѣть, гражданскія записи данныхъ по движению населения, безъ различія вѣроисповѣданій. Въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ веденіе такихъ записей предоставлено духовенству, это послѣднее должно вести свои записи по общимъ правиламъ и образцамъ, какіе предложилъ конгрессъ для гражданской регистраціи. Необходимо, чтобы дѣленіе на участки, въ которыхъ производится запись, совпадало съ административными дѣленіями.

Касательно же данныхъ, подлежащихъ записи, конгрессъ призналъ полезнымъ принять въ дѣлѣ записей рожденій способъ, употребительный во многихъ странахъ, именуя въ нихъ полъ и число дѣтей, отмѣтывать живорожденныхъ отъ мертворожденныхъ, указывать на законность рожденія и обозначать, сверхъ того, возрастъ матери во время родовъ. Конгрессъ принялъ желательныя, чтобы въ спискахъ рожденій было указывало число лѣть замужества матери и число дѣтей, которыхъ она имѣла раньше; величак сюда мертворожденныхъ и различия близнецовъ. Точно также было бы желательно, чтобы въ странахъ со смѣшаннымъ населеніемъ обозначалась племенная принадлежность матери. Въ записи должны вноситься указанія на родъ зачатій умершаго по однобразной классификаціи. Конгрессъ выражалъ желаніе, чтобы возрастъ обозначался числомъ, въ которое родился умерший, и чтобы до 5-ти лѣть дѣлалось различіе между дѣтьми законными и незаконными. Въ записи необходимо должна быть обозначена, если случится, степень родства между брачующимися. Въ таблицахъ браковъ должны быть открыты четыре рубрики для браковъ между родственниками и свойственниками (*entre belles-sœurs et beaux-frères*), дядями и племянницами, тетками и племянниками, и двоюродными сестрами и братьями. Равнымъ образомъ конгрессъ принялъ желательныя извести специальными рубрики для браковъ събіанниковъ по религіи или по племенной принадлежности въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ разныя вѣроисповѣданія и племена.

Наконецъ; въ отношении официальныхъ изданий конгрессъ поло-
жилъ различать всѣ факты движения гражданскаго состоянія, из-
бывающіе въ городахъ съ населеніемъ свыше 20.000 жителей отъ
фактовъ, которые происходятъ въ остальномъ населеніи. Главные
факты по движению населения группируются по изысканію и време-
намъ года. Всѣ подробности объ умершихъ, исчерпавшіе изъ перво-
начальныхъ записей, воспроизводятся въ таблицахъ смертности по
возрастамъ. Въ нихъ отмѣчаются также сѣдѣнія по роду занятій
умершаго сообразно съ классификацией; принятой для переписей. Отно-
сительно классификаціи брачующихъ по возрастамъ устанавливаются
однообразные разряды: до 25 лѣтъ возрастъ отмѣчается годичными
периодами, съ 25 до 100 лѣтъ періодами пятилѣтними.

Текущіе списки населения были вторымъ предметомъ, представлен-
нымъ на обсужденіе втораго отдѣленія конгресса на основаніи доклада.
Вопросъ этотъ былъ уже затронутъ на первомъ съездѣ въ 1853 г.
Члены первого конгресса естественно должны были остановиться на
той важной роли, какую играютъ текущіе списки населения. Но
Брюссельская сессія только обезвѣтила этотъ вопросъ, не оцѣнивъ
всей его важности и не выяснивъ средствъ, при помощи которыхъ
онъ могъ бы быть удовлетворительно решенъ. Вопросъ, поставленный
слишкомъ неопределенно, остался мертвou буквою до самой Петербург-
ской сессіи. Чтобы удовлетворить и запросамъ администраціи, и тре-
бованіямъ науки, необходимо получать точныя сѣдѣнія о естествен-
номъ движении населения посредствомъ рожденіи и смертности,
а также посредствомъ эмиграціи и иммиграціи, и о перемѣщеніяхъ
лицъ въ предѣлахъ опредѣленной територіи. Правда, и въ настомшее
время существуетъ множество записей разнаго рода. Однѣ изъ нихъ
служатъ основаніемъ для раскладки различныхъ поминностей государственныхъ
и общественныхъ, другія назначаются для контроля за
движениемъ населения и пр. Но всѣ эти записи рѣдко бываютъ на
столкво общіи и полны, чтобы служить для цѣлей науки. Для приве-
денія въ порядокъ всѣхъ этихъ записей конгрессъ предлагаетъ прави-
тельствамъ различныхъ странъ ввести общіе списки населения въ замѣнѣ специальныхъ записей, которая ведутся по различнымъ системамъ, смотря по потребностямъ администраціи. Веденіе списковъ на-
селенія должно быть извѣreno общимъ властимъ. Въ странахъ, где
города составляютъ единицы отдѣльныя отъ остальной територіи, вѣ-
деніе такихъ списковъ должно быть возложено на городскія власти
или полицію. Во всякомъ случаѣ конгрессъ признаетъ желательнымъ,

чтобы регистрация началась по однобразным формамъ, и чтобы предѣлы регистрационныхъ участковъ совпадали съ административными дѣлами; и участками регистрации гражданского состояния. Въ спискахъ населения каждое хозяйство имѣть особую страницу. Лица двухъ половъ, живущія особую квартиру (*vivant isolément*), признаются за хозяйство. Работники и слуги могутъ быть вписаны наименами хозяйствъ. Въ мѣстностяхъ же, где личный составъ рабочихъ и прислуги часто изменяется, особенно въ большихъ городахъ, было бы предпочтительнее имѣть особые списки наимѣнного населенія и назначать для каждого лица особую страницу. Списокъ населения долженъ содержать всѣ данные, какія требуются переписью, и сверхъ торо, особые графы для замѣтокъ о последнихъ перемѣнахъ въ каждомъ хозяйстве. Кроме того, должны быть открыты двѣ особыя графы для смертныхъ случаевъ и причинъ смерти. Смертный случай обозначается тѣмъ днемъ, когда онъ произошелъ. Про обозначенія причинъ смерти необходимо держаться классификаціи, призванной конгрессомъ. Для отметки перемѣщений должны быть слѣдующія графы: 1) свойства прописки (*titre d'inscription*), мѣсто прописки (*domicile*), мѣстожительство, временное пребываніе, смотри по правиламъ закона каждой страны; 2) время прописки и время прѣѣзда въ общину; 3) указаніе мѣста и дома, въ которомъ поселяется лицо — если это случится; 4) время выѣзда изъ общины и обозначеніе мѣста, куда выѣхалъ; 5) свѣдѣніе о временномъ отсутствіи. Временное отсутствіе было бы желательно отмѣтить только тогда, когда оно продолжается болѣе 14 дней. Къ спискамъ населения прибавляются двѣ отдѣльныя графы для придаточныхъ селѣній, необходимыхъ для администраціи. Во всякомъ случаѣ, въ нихъ должны находиться графы, которыми замѣнились бы особыя записи, предназначаемыя администрацией для какой-либо специальной цѣли. Конгрессъ не принялъ на себѣ труда войти въ практическія подробности веденія списковъ и административныхъ мѣръ, которыми была бы обеспечена правильность записей, но онъ тѣмъ не менѣе счѣлъ себя въ правѣ обратить вниманіе правительству на способы, какими онъ ведутся въ Бельгіи и Голландіи, и предложить ихъ какъ наиболѣе простые и наиболѣе соответствующіе своей цѣли.

Но не всѣ явленія общественной жизни могутъ быть подведеніемъ подъ общіе текущіе списки населения: въ ней есть еще особые элементы, которые требуютъ особыхъ списковъ, каковы, напримѣръ, списки такъ называемыхъ опасныхъ классовъ (*classes dangereuses*), къ

которыми принадлежать нищіе, бродяги, мопанники, гори, украинки, проститутки и пр. Конгрессъ въ настоящую сессію коснулся только проституції, такъ какъ она уже съ давнаго времени находится подъ контролемъ администраціи. Конгрессъ призналъ очень важнымъ изучить проституцію и внимательно учредилъ во всѣхъ большихъ городахъ санитарный контроль, который въ то же время принялъ бы на себя обязанность вести особыя списки проститутокъ. Конгрессъ предложилъ для первоначальной замѣнѣ цѣлую систему вопросовъ со слѣдующими графами: 1) время внесенія въ списки проституції; 2) разрядъ проституції (публичныя женщины, принадлежащиа домашнѣ терпимости, проститутки-одиночки, проститутки бродягъ (*filles vagabondes*) и проститутки, не поддавшія еще санитарному контролю (*filles insoumises*); 3) день, въ который произошло перечисленіе изъ одного разряда въ другой; 4) время, въ которое лицо вычеркнуто изъ списка проституції, и 5) причина этого выбитія.

Послѣднимъ предметомъ, обсужденіемъ во второмъ отдѣленіи, былъ вопросъ о смертности въ городахъ, по которому конгрессъ выражалъ желаніе, чтобы въ большихъ городахъ, гдѣ существуетъ медицинская визитациз умершихъ, собирались данныя о мѣстности, въ которой находится квартира умершаго, о количествѣ ея жильцовъ и о степени благосостоянія, при чмъ должны быть указаны день и часъ смерти, возрастъ, и рабочія умершаго, имя, родъ занятій, квартира, число комнатъ, количество жильцовъ квартиры, болѣзнь и средства къ жизни умершаго.

Бюро третьаго отдѣленія: предсѣдатель г. Венѣаковъ. Товарищи предсѣдателя гг. Энгель, Максъ Виртъ, Финкверъ, Налети, Іонакъ, Вернадскій, Іосса, Андреевъ, Ходицъ. Секретари: Чехъ, Тимирязевъ, Веселовскій, графъ Пусловскій, Бокъ.

Хотя конгрессъ уже не разъ занимался статистикою промышленности, тѣмъ не менѣе онъ оказалъ на нее лишь слабое вліяніе, и въ настоящее время эта отрасль науки есть самая слабая и самая несовершенная. Какъ бы превосходны ни были во многихъ отношеніяхъ постановленія Вѣнскаго конгресса, однако они даже въ самой Австріи остались безъ примѣненія на дѣлѣ. По предложению докладчика (г. Энгеля), вопросы промышленной статистики снова внесены въ программу конгресса. Третье отдѣленіе восьмой сессіи при разсмотрѣніи этого вопроса исходило изъ того убѣжденія, что для точнаго изученія промышленности вообще или производительныхъ силь-

етраны, следует изыскывать не только собственную промышленность обрабатывающую, но и добывающую, земледелие, скотоводство, виноделие, скотоводство и пр. Но кроме этого, существуют еще и другие отрасли промышленности: транспортная, торговая, кредитъ, страховая установления, личный трудъ и свободные профессии. Статистика не въ состояніи сразу обнять всѣ эти отрасли труда; тѣмъ не менѣе, говорить г. Энгель, планъ общаго изыскованія производительныхъ силъ бытъ бы неудовлетворителенъ, если бы въ немъ пропущена была хотя одна какая-либо отрасль труда. А такъ какъ промышленность въ обширномъ смыслѣ слова есть борьба за существование то необходимо принять во вниманіе и борцовъ, и средства защиты и нападенія, и арену. Борьба ведется между отдѣльными лицами, между странами, между материками. Она возобновляется каждый день, и странная вещь, ея постоянное возобновление, ея безпрерывность приведутъ настъ со временемъ къ тому, что мы должны жалеть отъ всего сердца, къ политическому миру *всѧхъ народовъ, къ общественному миру различныхъ классовъ общества.* Вотъ этою-то болѣе широкою и болѣе возвышенной точкою зрѣнія, какъ заявилъ г. Энгель въ докладѣ общему собранию, и отличается третье отдѣление Петербургской сессіи отъ Вѣнской. На Вѣнскомъ конгрессѣ на промышленность смотрѣли исключительно съ технической стороны, между тѣмъ какъ здѣсь статистика промышленности преобразовалась въ вопросъ главнымъ образомъ общественный и экономический, въ вопросъ самой высокой международной важности. Исхода изъ такихъ возвѣтъ на промышленность, конгрессъ постановилъ, чтобы великия изыскованія о техническомъ, экономическомъ и общественномъ состояніи промышленности производились по крайней мѣрѣ каждый десятый годъ во всѣхъ странахъ одновременно. Кроме того, должны производиться ежегодныя промышленныя переписи, и потому конгрессъ просить правительства, которая уже ввѣли ихъ, сохранить эти сроки переписей. Ежегодныя промышленныя переписи должны заключать въ себѣ свѣдѣнія о числѣ и родѣ промышленныхъ заведеній, объ ихъ хождевалъ и о числѣ рабочихъ, съ узначеніемъ пола и возраста (дѣти ниже 14 лѣтъ и взрослые свыше 14). Свѣдѣнія, требуемыя въ большихъ промышленныхъ переписяхъ (десятилѣтнихъ), собираются по каждому заведенію, по особо составленной программѣ. Промышленныя переписи должны производиться на томъ же основаніи, какъ и переписи населенія, то-есть, при помощи листковъ, раздаваемыхъ всѣмъ промышленникамъ, занимающимися какою-либо отраслью промышленности въ мѣстѣ своего жи-

тельства. Эти листки могли бы быть выполнены членами промышленными, или властями, или же членами назначаемыми для этой цели комиссий, но во всяком случае по указанию самих промышленниковъ. Мѣстный контроль за производствомъ промышленныхъ переписей ведется при помощи комиссий, составленныхъ изъ следующихъ лицъ и лицъ, заинтересованныхъ въ разнотѣ и благосостояніи промышленности, изъ среды мѣстныхъ властей или самихъ промышленниковъ. Счетная работа по листкамъ и ихъ сведеніе къ систематическимъ таблицамъ по мѣстностямъ и по территориальнымъ единицамъ должна быть вѣрена статистическимъ органамъ каждой страны, которые въ своихъ работахъ должны по возможности сообразоваться съ постановлениями и желаниями конгресса. Собранныя по этой системѣ данные должны быть правильны обнародуемы, при чѣмъ они предварительно должны быть подвергнуты на разсмотрѣніе лицъ, обладающихъ техническими знаніями. Что же касается до способа исчислений и классификаціи двигателей, машинъ и аппаратовъ, то конгрессъ того мнѣнія, что можно было бы признать тѣ, которые выработаны нѣмецкой комиссией и вошли въ произведение г. Энгеля „Die Reform der Gewerbe-Statistik“. Въ заключеніе конгрессъ постановилъ, что таѣмъ статистика промышленности была внесена въ программу восьмой сессии съ тѣмъ, чтобы дать юсній, могущественный толчокъ работамъ по этой отрасли и подвигнуть впередъ работу по международной сравнительности статистикѣ промышленности, то было бы вовсе нежелательно откладывать эту работу до того времени, когда будуть собраны факты сообразно этимъ постановлениямъ. Напротивъ того, она желается, чтобы работа была начата или продолжена по существующимъ уже материаламъ, и убѣждено, что въ силу одного факта существованія дѣло будетъ постоянно подвигаться впередъ.

Объединеніе номенклатуры въ промышленности и единство ея классификаціи есть первыя два условия для того, чтобы статистика этого рода могла принять характеръ международный. Для изученія этихъ столь важныхъ вопросовъ третье отдѣленіе конгресса назначило комиссию, въ которой должность предсѣдателя возложена на г. Фарра, а секретаря — на г. Тимирязева. Сюда же былъ переданъ поступившій изъ первого отдѣленія докладъ г. Майкова о номенклатурѣ занятій населенія.

Классификація промышленности, предложенная организационной комиссией въ докладѣ г. Андреева, послужила основаниемъ при со-

въданіяхъ по этому вопросу. Комиссія прежде всего остановилась на трехъ большихъ отдѣлахъ промышленности: на добывающей промышленности, обрабатывающей (мануфактурной) и мѣновой. Промышленность добывающая была раздѣлена на три разряда: на добывающую растительныхъ и животныхъ вещества; добывающую вещества минеральныхъ неметаллическихъ, и добывающую собственно металлы. Мануфактурная промышленность раздѣлена на двѣ отрасли: на производство орудій труда и передвиженія (transport) и на производство предметовъ потребленія. Отрасль производствъ орудій труда и передвиженія содержитъ въ себѣ три группы: производство машинъ, приборовъ (outils) и орудій (instruments); производства химическихъ веществъ; и наконецъ, производства орудій передвиженія. Отрасль производствъ предметовъ потребленія подраздѣлена: а) на производства, относящіяся къ постройкамъ, къ предметамъ необходимости и роскоши (ornementation) жилищъ; б) производства предметовъ одежды и туалета; с) производства продуктовъ питательныхъ; д) производства предметовъ, относящихся къ удовлетворенію умственныхъ потребностей человѣка. Наконецъ, промышленность мѣновая состоитъ изъ торговли и страхования; изъ службы перевозочной (service de transport) и почтовой; изъ гостиницъ и трактирныхъ заведеній. Впрочемъ, комиссія не имѣла достаточно времени изучить классификацію промышленности во всѣхъ ея подробностяхъ, а потому конгрессъ поручилъ организаціонной комиссіи Петербургскаго съезда предложить разсмотрѣніе вопроса о классификациіи промышленности на судъ присяжныхъ Вѣнской выставки 1873 года, для того чтобы этотъ промышленный ареопагъ изъ наиболѣе свѣдущихъ техниковъ и ученыхъ по этой отрасли знаній выразилъ свое мнѣніе о классификациіи, которая должна существовать быть принатою у всѣхъ народовъ. Равнымъ образомъ, и докладъ о номенклатурѣ занятій населенія остался не разсмотрѣннымъ на Петербургской сессіи.

Для обсужденія вопросовъ по горнозаводской промышленности третье отдѣление также назначило изъ себя вторую комиссию подъ предсѣдательствомъ г. Озерского. Горнозаводская статистика уже не разъ обращала на себя вниманіе конгресса: Брюссельскій, Парижскій и Лондонскій съезды оставили въ этомъ отношеніи много очень важныхъ постановленій. Гагскій съездъ же поручилъ Россіи обработку программы международной статистики горного и металлургического промысловъ. Проектъ этой программы былъ представленъ организаціонной комиссіи гг. Іоссой и Бокомъ. Комиссія впрочемъ ограничилаась

изучениемъ этого проекта только съ общей точки зренія. Она выразила убѣжденіе, что статистика горнаго и металлургического промысловъ должна входить, какъ часть, въ общую промышленную статистику, и что общий планъ ея изслѣдований долженъ быть основанъ на тѣкъ же началахъ, какія приняты для статистики промышленности вообще. Окончательное разсмотрѣніе программы переписей горнозаводской промышленности предоставлено конгрессомъ постоянной комиссіи, которая должна при этомъ обратить вниманіе на работы комиссіи по усовершенствованію статистики германскаго таможеннаго союза и, привлечь въ содѣйствію лицъ, специально занимающихся работами по официальной горнозаводской промышленности.

Бюро четвертаго отдѣленія: предсѣдатели: гг. Ламанскій и Виссерингъ; товарищи предсѣдателей: гг. Тернеръ, Журавскій, Блэкъ, Бодіо, Мейтенъ, Ферсманъ, Гендриесь, Ридеръ-Лекъ, Борисъ; секретари: Кэнъонъ, Леонъ Леви, Нессманъ, Горнъ, Де-Роберти и Куманинъ.

Относительно статистики торговли четвертому отдѣленію представлены были организаціонною комиссіею три записки: первая — о статистикѣ виѣшией торговли, вторая — о движениі товаровъ по воднымъ путямъ, и третья — о статистикѣ желѣзныхъ дорогъ. Не смотря на множество трудностей, какія представляются при решеніи задачъ торговой статистики, комиссія пришла къ убѣжденію, что въ способѣ регистраціи данныхъ этого рода и веденіи торговыхъ вѣдомостей въ различныхъ странахъ можно достичь необходимаго для международной статистики единства, если только это требованіе будетъ ограничено небольшимъ числомъ наиболѣе важныхъ товаровъ. Съ этой целью комиссія выбрала только 103 рубрики. Списокъ этихъ товаровъ переведенъ на девять языковъ. Впрочемъ, по мнѣнію комиссіи, это лишь минимумъ свѣдѣній. Каждое статистическое бюро можетъ разложить каждую изъ принятыхъ статей на столь подраздѣленій, сколько ихъ потребуется, смотря по экономическимъ условіямъ каждой страны. Что же касается до классификаціи, то четвертое отдѣленіе, не смотря на то, что имѣло передъ собою множество системъ, затруднилось отдать предпочтеніе какой-либо изъ нихъ. Нерѣдко система, превосходная въ примѣненіи къ одному какому-либо частному вопросу, оказывается неудовлетворительной въ примѣненіи къ другимъ вопросамъ. Вслѣдствіе этого комиссія нашла,

что было бы предпочтеннѣе выбратьъ какую-либо общую классификацію. Впрочемъ, она признала, что специальная статья, которая вошли въ составленный ею списокъ товаровъ, могутъ быть раздѣлены на несколько разрядовъ. Въ этой работѣ она держалась сродства товаровъ по ихъ назначенію и составила изъ нихъ пятнадцать группъ, что можетъ служить исходною точкою при дальнѣйшей обработкѣ этого предмета.

Конгрессъ, сформашася съ четвертымъ отдѣленіемъ, прежде всего призналъ общее начало, выставленное комиссией, въ силу которого статистика должна искать въ таможенныхъ документахъ только тѣхъ указаний, которыхъ вызваны требованіями казни; остальный же свѣдѣнія она должна почерпнуть изъ другихъ источниковъ. Отступленіе отъ этого начала можно допустить только для тѣхъ статей торговли, которыхъ изъяты отъ всякихъ ввозныхъ пошлинъ. Для того, чтобы сдѣлать данные, содержащіяся въ вѣдомостяхъ различныхъ странъ о движении товаровъ соизмеримыми, конгрессъ призналъ важнымъ чтобы исчисление и единица ввозныхъ и отпускныхъ товаровъ, всюду производились на основаніи *веса* за исключеніемъ слѣдующихъ девяти разрядовъ: I. Животныя: лошади, крупный и мелкий рогатый скотъ должны исчисляться головами и штуками. II. Остальная животная — по цѣнѣ. III. Строевой лѣсъ — кубической мѣрой. IV. Напитки — мѣрою емкостей. V. Предметы потребленія, готовые платья и головные уборы всякаго рода. VI. Часовые фабрикаты. VII. Вагоны и экипажи. VIII. Корабли и другія грузовые суда; и наконецъ, IX. Предметы искусства. Послѣдніе пять разрядовъ исчисляются цѣною.

Для всѣхъ товаровъ, исчисляемыхъ на основаніи *веса*, этотъ послѣдній въ таблицахъ вѣшней торговли долженъ обозначаться *netto*. Если же товары ввозятся или отпускаются съ укупоркой, и облагаются въ таможняхъ пошлинами бѣлье съ укупоркою, то статистическое бюро должны исчислять тару на основаніи среднихъ, выводимыхъ изъ опыта. Было бы желательно, чтобы въ таможенныхъ свѣдѣніяхъ относительно товаровъ, провозимыхъ безъ таможеннаго контроля до мѣста назначенія черезъ одну или нѣсколько промежуточныхъ странъ на корабляхъ, по желѣзнымъ дорогамъ или какимъ-либо другимъ способомъ, обозначалась страна, откуда они отправлены. Точно также свѣдѣнія о товарахъ, ввозимыхъ моремъ, должны заключать въ себѣ указанія, какие изъ этихъ товаровъ грузились въ той странѣ, откуда пришелъ корабль, и какие въ портахъ промежуточныхъ, принадлежащихъ другому государству. То же самое конгрессъ примѣ-

ваетъ къ товарамъ отпускаемымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда товары облагаются тарифомъ ad valorem, каждая страна должна самими сподручными для нея средствами опредѣлить действительную иль стоимость по системѣ среднихъ цѣнъ за вычетомъ оплаченныхъ ввозныхъ и отпускныхъ пошлинъ. Средняя цѣна для тѣхъ товаровъ, которые замѣтно колеблются въ цѣнѣ смотря по мѣстности, выводится на основаніи цѣнъ, какія существуютъ въ ближайшихъ изъ таможнійъ торговыхъ центрахъ; въ такихъ товарахъ не должны примѣняться общія цѣны, выводимыя для цѣлой страны. Статистическія бюро различныхъ странъ должны озабочиться, о томъ, чтобы усовершенствовать листки справочныхъ цѣнъ на рынкахъ. Конгрессъ, утвердивъ въ видѣ спискаъ 103 статей торговли для руководства при всѣхъ статистическихъ изданіяхъ, постановилъ разослать этотъ списокъ, переведенный на девять языковъ, въ подлежащія бюро различныхъ странъ, для того чтобы онъ подвергнутъ бытъ окончательному разсмотрѣнію. Алфавитная система не можетъ быть предложена для классификаціи товаровъ въ изданіяхъ по торговой статистикѣ. Создавая всѣ выгоды рациональной классификаціи, настоящій съездъ ограничился распределеніемъ по разрядамъ статей торговли, принимая за основаніе для такой классификаціи средство по ихъ назначению. Конгрессъ принялъ пятиадцать группъ, которыхъ специально должны подлежать разсмотрѣнію статистическихъ бюро. Конгрессъ находитъ, что принятіе одной и той же системы мѣръ въ таможенныхъ декларацияхъ различныхъ странъ значительно облегчило бы международную торговлю.

Второй предметъ, подлежащий разсмотрѣнію четвертаго отдѣленія, именно статистика почтовыхъ сношеній, бытъ переданъ въ особую на-значенную для того комиссию подъ предсѣдательствомъ г. Мейцена. Вопросы изъ статистики почты обращали на себя вниманіе конгресса, какъ это доказываютъ постановленія Вѣнской сессіи, только со стороны смыты доходовъ и расходовъ государства. Финансовые результаты почтовыхъ операций не могутъ однако же дать никакого понятія о степени развитія страны или ея почтовыхъ установлений. Доказательство на лицо: въ Германіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ почтовая дѣятельность не оставляетъ ничего лучшаго, а между тѣмъ почтовая администрація въ первой даетъ 4 миллиона талеровъ дохода, тогда какъ въ послѣднихъ она предѣжегодный дефицитъ въ 4 миллиона долларовъ. Назначеніе почты само по себѣ такъ велико, и материальные и нравственные результаты ея

такъ важны, что вопросъ о доходахъ играетъ лишь крайне второстепенную роль. Если почтовая смета представляеть излишекъ доходовъ предъ расходами, то это должно быть признано не болѣе, какъ результатомъ счастливой случайности, но не какъ конечная цѣль, которую долженъ преслѣдоватъ законодатель.

Исходя изъ этихъ началь, конгрессъ постановилъ, чтобы обнародование статистическихъ данныхъ о почтовыхъ сношеніяхъ производилось сообразно съ программой (эта программа приложена въ прибавленіяхъ къ докладамъ въ общее собраніе конгресса), содержащую въ себѣ данные относительно а) статистики почтовыхъ установлений, б) почтовой службы и с) финансовыхъ результатовъ. Къ этимъ даннымъ должны быть предположены указания на почтовыя тарифы и основныя правила, которыми руководятся при операцияхъ по каждому разряду корреспонденціи. Операции каждого почтоваго бюро должны быть представлены сообразно съ общемъ подробной таблицею, которая съ этой цѣлью приложена къ докладу въ общее собраніе. Независимо отъ этой таблицы, конгрессъ предлагаетъ вести особыя таблицы, подобныя общей, въ которыхъ отмѣчались бы: а) обмѣнъ международныхъ корреспонденцій съ распределеніемъ ихъ по государствамъ, и б) операции каждой городской почты. Въ тѣхъ странахъ, где существуютъ поразрядные почтовыя тарифы для пересылки известного рода корреспонденцій, какъ напримѣръ, цѣнностей и проч., должны быть заведены особыя таблицы о движениіи этого рода корреспонденцій, распределляемой на разряды по цѣнности, по разстояніямъ, черезъ которыхъ она пересылается, и другимъ условіямъ, на основаніи которыхъ почтовое законодателство страны облагаетъ ихъ почтовыми сборами. Кроме того, эти свѣдѣнія должны быть пополнены, на сколько допускаеть то способъ регистраціи, данными о всѣхъ корреспонденцій.

Бюро пятаго отдѣленія: предсѣдатель Баумгаузъ; товарищи предсѣдателя гг. Ивернесь и Майръ; секретари гг. Лаховари, Гамминъ, Гюппе и Кауфманъ.

Уголовная статистика уже не разъ сосредоточивала на себѣ вниманіе конгресса, но постановленія предшествовавшихъ съездовъ касались только способовъ сосредоточивания данныхъ этой статистики въ одномъ установлении и порядка обнародованія этихъ данныхъ, не касаясь основнаго вопроса о ихъ регистраціи. Въ нихъ до мелочей указано было все, что было признано полезнымъ помѣстить въ отчет-

такъ уголовной статистики различныхъ странъ, но еще ни разу не было затронутъ вопросъ о единстве метода при собираниі первоначальныхъ данныхъ и при составлениі таблицъ и отчетовъ. Въ виду великихъ успѣховъ, замѣчаемыхъ въ другихъ отрасляхъ статистики касательно первоначальной установки фактovъ, нельзя было не сознаться, что въ записахъ данныхъ уголовной статистики оказывался довольно значительный пробѣлъ, который надлежало пополнить. На настоящемъ конгрессѣ этотъ пробѣлъ былъ пополненъ. Организационная комиссія сочла своимъ долгомъ выработать предложения касательно метода, который долженъ быть принятъ для этой регистраціи, и присоединила къ своему докладу рядъ образцовъ съ цѣлью облегчить непосредственное приложеніе этого метода на практикѣ. Эта работа принадлежитъ гг. Раевскому и Утину; она служила основаніемъ для прекій въ пятомъ отдѣленіи, и начала ея были приняты отдѣленіемъ во всей ихъ полнотѣ.

Это совершенно новое начало регистраціи данныхъ уголовной статистики—говорить докладчики этого отдѣленія г. Майдръ—было бы признано отдѣленіемъ даже и тогда, когда докладчики организаціонной комиссіи не могли бы привести въ ихъ пользу ничего, кроме теоретическихъ соображеній, изложенныхъ ими въ докладѣ. Но дѣло верховной важности, вмѣстѣ съ теоретической строгостю, указать и на возможность примѣненія этихъ теоретически развитыхъ началь. Эта заслуга принадлежитъ исключительно Россіи, которая ввела у себя самый совершенный методъ регистраціи данныхъ уголовной статистики. Этотъ способъ, который былъ предложенъ на утвержденіе конгресса, введенъ въ Россіи съ началомъ нынѣшняго года. Организационная комиссія приложила къ программѣ конгресса изложеніе правилъ касательно порядка составленія судебныхъ отчетовъ по уголовнымъ дѣламъ въ Россіи. Члены конгресса могли поэтому ознакомиться съ этимъ документомъ и оцѣнить высокое совершенство уголовной регистраціи въ этой странѣ, которая съ настоящаго времени, можетъ представить самые драгоценныя свѣдѣнія для общирныхъ и важныхъ исследованій въ области нравственной статистики. Многіе члены пятаго отдѣленія, сверхъ того, имѣли случай легко убѣдиться, какимъ образомъ этотъ новый способъ примѣняется въ министерствѣ юстиціи, и каковы качества этого рода работъ. Примѣнная на дѣлѣ самую совершенную систему регистраціи, Россія оказала громадную услугу статистикѣ, и отдѣленіе придало эту заслугу самымъ очевиднымъ образомъ, именно принятиемъ русской системы. Изучая до мелочей

предложения гг. Раевского и Уткина и внося въ нихъ измѣненія, какія оно признало полезными, отдѣлѣе высказало глубокій интересъ тѣль самимъ къ усовершенствованію началь, принятыхъ для уголовной статистики въ Россіи.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ тѣ начала, на которыхъ основана регистрація данныхъ уголовной статистики:

Каждое дѣло, которое возникло вслѣдствіе дѣянія, давшаго начало къ началу судебнаго слѣдствія, вписывается на отдѣльномъ листкѣ (*bulletin de l'affaire*). Въ этомъ листкѣ послѣдовательно отмѣчаются все фазы процесса, начиная слѣдствіемъ и кончая исполненіемъ приговора. Для того, чтобы движение дѣла по всемъ ступенямъ уголовного судопроизводства представлялось со всевозможной ясностью, листокъ раздѣляется на отдѣленія, которые соотвѣтствуютъ различнымъ періодамъ процесса, наконъ: начало слѣдствія, преданіе суду, проанесеніе приговора, апелляціонное и кассационное судопроизводство и окончательное вступленіе приговора въ законную силу.

Кромѣ этого листка есть еще *поименные листки* (*bulletin du prévenu*) для подсудимыхъ. Эти листки содержать въ себѣ отмѣтки своеобразныхъ особенностей подсудимыхъ, такъ что въ нихъ всячъ, наряду съ характеромъ преступления, которое привело подсудимыхъ къ суду очертывается физическая и нравственная физиономія подсудимыхъ.

Система регистраціи остается та же, какъ для единоличныхъ судей, такъ для судовъ высшихъ инстанцій. Но имѣя въ виду меньшую важность и очень значительное число правонарушений, отдѣленіе признало необходимымъ упростить регистрацію для мироваго правосудія; вслѣдствіе этого, по предложению организаціонной комиссіи оно отказалось отъ приложеній поименного листка подсудимаго въ маловажныхъ проступкахъ и оставило только листокъ дѣлопроизводственный.

Вслѣдствіе вышеприведенныхъ соображеній, представленныхъ общему собранию конгресса г. Майронъ, конгрессъ призналъ необходимымъ всюду ввести правильную и одинаковую регистрацію данныхъ уголовной статистики, лучшій способъ которой есть поименный. Приложеніе этого способа должно состоять въ томъ, чтобы завести: а) отдѣльные листки по каждому дѣлу и в) поименные листки для каждого подсудимаго. Дѣлопроизводственный листокъ (*bulletin de l'affaire*) содержитъ въ себѣ все фазы уголовного процесса, листокъ подсудимаго (*le bulletin du prévenu*) — характеристическая отмѣтка о подсудимомъ. Дѣлопроизводственный листокъ должно вести по всемъ пра-

важарушеніямъ, листки же подсудимыхъ — только по тѣмъ изъ нихъ, которыхъ будуть признаны важными.

Выѣтъ съ вопросами о регистраціи данныхъ уголовной статистики, въ пятомъ отдѣлѣніи происходили совѣщанія о различныхъ способахъ установки фактовъ повторенія преступленій (*la r  cidive*). Вниманіе отдѣлѣнія главнымъ образомъ было сосредоточено на французской и русской системахъ справокъ о судимости.

Французская система состоитъ въ алфавитномъ распределеніи листковъ, въ которыхъ отмѣчены приговоры, произнесенные какъ общими уголовными судами (судами присяжныхъ и судами исправительными), такъ и военными и морскими, противъ лицъ, родившихся въ данномъ участкѣ. Тѣ же листки, которыхъ мѣсто родинъ осталось неизвѣстнымъ, пересылаются въ центральный архивъ справокъ о судимости, учрежденный при министерствѣ юстиціи. Извлечения изъ этихъ справокъ о судимости присовокупляются къ каждому произошедшему уголовному дѣлу. Суды, такимъ образомъ, при опредѣленіи мѣры наказанія, можетъ принять въ разчетъ прошлую жизнь подсудимаго. Русская система состоитъ въ томъ, что министерство юстиціи сосредоточивается въ себѣ всѣ свѣдѣнія касательно прежней жизни обвиняемаго и периодически печатаетъ справки о судимости въ алфавитномъ порядке и разсыпаетъ ихъ въ суды. Въ концѣ каждого года къ нимъ присоединяется алфавитный указатель, содержащий въ себѣ фамилію и имя всѣхъ лицъ, которымъ были осуждены въ теченіе года. При помощи нумера легко уже отыскать въ прежнихъ справкахъ о судимости необходимыя указанія относительно повторенія преступленій. Какъ ни различны по своимъ пріемамъ эти обѣ системы, однако же они стремятся достичь одной и той же цѣли: точнаго указания на повтореніе преступленія. Представитель Англии, съ своей стороны, также изложилъ систему, принятую въ его отечествѣ; но отдѣлѣніе, сознавая, что принятіе той или другой системы прежде всего зависитъ отъ судебной и административной организаціи каждой страны, не сочло удобнымъ выразиться въ пользу какой-либо изъ этихъ системъ; оно ограничилось только указаниемъ, что обѣ эти системы одинаково представляютъ ручательства за необходимую точность.

Размѣряя сферу, которая была начертана программой, отдѣлѣніе сочло себя въ правѣ требовать отъ официальной статистики, въ интересѣ науки и общества, подробныхъ свѣдѣній о совершившихъ вторичное преступление. Оно, сверхъ того, обратило вниманіе на тѣ со-

заглавіи, которым были заявлены на Лондонскомъ съездѣ обь отчеты въ судебной статистикѣ указаний на повторяемость преступлений въ ея зависимости отъ различныхъ системъ тюремного управления (le régime). Отдѣление признало дѣломъ высокой важности изученіе этого проблѣма. Но таинъ какъ вопросъ о повторяемости преступлений, взятый ли отдѣльно, или же изучаемый въ связи съ системами пенитенциарного управления, во всякомъ случаѣ очень сложенъ, а время, какимъ могло располагать отдѣление, не позволяло войти въ подробное изученіе и изслѣдованіе тѣхъ элементовъ, которые должны быть внесены въ статистику, то отдѣление было принуждено отложить основательное изученіе этого предмета до слѣдующаго съезда. Такимъ образомъ, уголовная статистика стала наконецъ лицомъ къ лицу съ самими трудными задачами изъ всѣхъ тѣхъ, которые до сихъ поръ представлялись на разрѣшеніе ученаго міра и правительства. Въ Россіи и во Франціи назначены комиссіи съ одною и тю же цѣлью—выработать проектъ пенитенциарной реформы. Этотъ важный предметъ вездѣ настойчиво требуетъ разрѣшенія.

Руководясь такими соображеніями, конгрессъ выразилъ желаніе, чтобы въ каждой странѣ введены были справки о судимости для опредѣленія повторяемости преступлений, чтобы въ официальныхъ статистикахъ были обстоятельный свѣдѣнія относительно этого предмета; чтобы свѣдѣнія эти представлялись въ такомъ видѣ, что по нимъ возможно было бы изучать повторяемость преступлений въ ея отношеніяхъ къ системамъ пенитенциарного управления; чтобы наконецъ вопросы о повторяемости преступлений и пенитенциарной системѣ были предложены на разсмотрѣніе слѣдующей сессіи конгресса.

Послѣднимъ вопросомъ, подлежавшимъ разсмотрѣнію въ пятомъ отдѣлѣніи конгресса, была номенклатура преступлений. Цѣль, какая предположена въ докладѣ г. Таганцева по этому предмету, заключается въ томъ, чтобы придать содержанію уголовной статистики возможно большую степень однородности и тѣмъ облегчить сравнительное изученіе фактовъ этой отрасли статистики. Слѣдовательно, задача конгресса — выработать точныя правила, при помощи которыхъ статистическихъ данныхъ по каждому отдѣльному государству могли бы входить въ международную статистику. Съ этой цѣлью конгрессъ призвалъ необходимымъ прежде всего сдѣлать по возможности полное и точное систематическое опредѣленіе каждой категоріи преступлений, смотря по различнымъ законодательствамъ, съ указаніемъ всѣхъ видовъ и подраздѣленій, равно какъ и уголовныхъ карь, которыя опре-

дѣлаются за эти преступления; зачѣмъ опредѣлить рубрики, которыя должны заключать каждая категорія преступлений въ международной статистикѣ; наконецъ объяснить отношенія, существующія между этими рубриками и элементами національной статистики.

Конгрессомъ былъ призванъ также и опытъ номенклатуры преступлений противъ жизни по четыремъ законодательствамъ: французскому, бельгийскому, нѣмецкому и русскому, представленный г. Таганцовымъ. Конгрессъ постановилъ, чтобы эта работа была разослана во все государства, которыхъ законодательства здесь сравниваются, на непосредственное разсмотрѣніе юрисконсультовъ, какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ, и чтобы юристы остальныхъ государствъ дополнили этотъ опытъ изъ уголовного законодательства своей страны. Затѣмъ конгрессъ постановилъ организовать международную комиссию, по крайней мѣрѣ, изъ пяти юрисконсультовъ, которые должны раздѣлить все содержаніе уголовного законодательства на части и распределить ихъ между собою, для обработки этихъ частей сообразно вышепоказаннымъ начальамъ, такъ чтобы въ будущему конгрессу возможно было имѣть сводъ главныхъ европейскихъ уложенийъ о наказаніяхъ и полный рядъ образцовъ статистическихъ таблицъ.

Въ общемъ результатѣ, дѣятельность Петербургскаго конгресса можно назвать весьма успѣшною, какъ для статистической науки въ частности, такъ и вообще для ознакомленія иностранцевъ съ Россіей. Одинъ изъ орагоронъ послѣднаго общаго собранія (18-го августа), г. Энгель, чистосердечно сознался въ томъ, что онъ и прочие Нѣмцы (да, безъ сомнѣнія, и другие иностранцы) до сихъ поръ смотрѣли на Русскихъ, какъ на народъ, по ошибкѣ очутившійся въ Европѣ. Онъ въ своей рѣчи благодарилъ комиссию за то, что она показала имъ (Нѣмцамъ) рядъ людей, глубоко посвященныхъ въ науку, людей, представившихъ превосходныя работы и облегчившихъ ихъ задачи. „Когда вы станете“, продолжалъ онъ, „разматривать эти работы, то увидите, что они — результатъ глубокаго изученія... Мы полагали“, говорилъ онъ далѣе, „что статистика мало обработана въ Россіи — я говорю о насъ, Нѣмцахъ — и теперь мы открыли новый міръ. Мы полагали, что Россія — мало просвѣщенная страна, — и теперь мы поражены громадными умственными силами, какія мы находимъ здѣсь. Я упрекаю себя въ томъ, что я мало зналъ эту страну, я упрекаю Нѣмцевъ за то, что они почти не занимаются русскимъ языкомъ и оттого лишаютъ себя возможности изучить то, что здѣсь есть великаго и превосход-

наго". Трудно найти более красноречивое и более полное сознание иностранцевъ въ своемъ неѣденіи относительно Россіи. Другой ораторъ того же дня, членъ французского института г. Левассеръ, пытался дать себѣ отчетъ въ значеній Петербургскаго конгресса для науки. Два пункта показались ему самыми важными результатами этого съѣзда, — именно: созданіе постоянной комиссіи международного статистического конгресса и убѣжденіе въ томъ, что предприятіе по изданію международной статистики, предпринятое на Гагскомъ съѣздѣ, не заброшено, что лѣтъ черезъ десять—двѣнадцать конгрессъ можетъ воздвигнуть одинъ изъ величайшихъ памятниковъ наукѣ изъ тѣхъ томовъ, въ которыхъ съ небывалою до сихъ порь достовѣрностію можно будетъ провести сравненіе между производительными силами различныхъ народовъ. Хвалилъ научную обстановку конгресса, г. Левассеръ нашелъ, что организационная комиссія воспользовалась уроками прежнихъ конгрессовъ и постаралась, по возможности, поставить дѣло просто. Вслѣдствіе этой-то простоты и оказалась та жизненность, которая составляла, по его мнѣнію, главную заслугу Петербургскаго конгресса. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни казалась вѣрною оценка, какую сдѣлалъ г. Левассеръ настоящей сессіи, полное научное значеніе этого съѣзда возможно будетъ опредѣлить лишь тогда, когда обнародуется подробный отчетъ о немъ.

18-го августа конгрессъ былъ заключенъ слѣдующею рѣчью почетнаго предсѣдателя, Великаго Князя Константина Николаевича:

«Милостивые государи!

«Вы окончили ваши труды. Предположенія, выработанныя русскою организаціонною комиссіей, пройдя чрезъ вашу правдивую и просвѣщенную критику и болѣе или менѣе измѣненыя, получили окончательную санкцію. Я слѣдилъ за ходомъ вашихъ работъ со вниманіемъ и интересомъ, которыхъ онъ заслуживаются, и я надѣюсь, что рѣшенія ваши, будучи на высотѣ научныхъ требованій и оставаясь на почвѣ практическаго опыта, не встрѣтятъ затрудненій въ примѣненіи ихъ на дѣлѣ. Задачи международной статистики подвигаются все болѣе и болѣе къ своему рѣшенію, и я выражаютъ мои искреннія желанія, чтобы цѣли конгресса получили дѣйствительное осуществленіе. Прощаясь съ вами, милостивые государи, я считаю долгомъ выразить вамъ мою приватность за тѣ слова сочувствія, которыя были такъ краснорѣчиво высказаны отъ имени конгресса достопочтенными гг. Левассеромъ, Энгелемъ, Фарромъ, Мейсеномъ и Корренгомъ, и прошу считать мое участіе въ занятіяхъ конгресса выражениемъ не только моего личнагоуваженія, но и вниманія моего Августѣшаго Брата и Государа и Россіи къ наукѣ и доблестнымъ ея представителямъ. Съѣзы, подобные тому, который сегодня оканчивается, представляютъ одну изъ характеристическихъ, и безъ сомнѣнія, одну изъ сильныхъ

съѣзжать стороны нашего времени. Сходясь на нейтральной почтѣ науки съ отдаленныхъ краевъ всего образованного міра, люди знанія и опыта, люди различныхъ убѣжденийъ въ сферѣ практической дѣятельности, укрѣпляются во взаимномъ уваженіи, и перенося это уваженіе отъ личностей къ цѣльнымъ странамъ, представителями которыхъ они служатъ, тѣмъ самыми способствуютъ удержанію связей между народами. Почерпая въ этомъ сознаніи новые силы для служенія на томъ поприщѣ, которому они себя посвятили, и какъ бы отъѣхавши отъ ежедневныхъ трудовъ и заботъ, люди науки своими съѣздами способствуютъ распространенію въ массахъ положительныхъ знаній и тѣмъ самыми еще болѣе достигаютъ цѣли служенія истинѣ и прогрессу человѣчества. Выражая вамъ, имп. гг., свою живѣйшую признательность, я объявляю сессію конгресса закрытою».

II. III—въ.

КРИТИЧЕСКИЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЯ ЗАМѢТКИ.

Русская история. К. Н. Бестужева-Рюмин. Т. I. С.-Пб. 1872. Издание Д. Е. Кончикова.

О „Русской истории“ К. Н. Бестужева-Рюмина уже высказано въ нашей литературѣ нѣсколько отзывовъ, и въ настоящее время книга эта составляетъ настольную книгу у весьма многихъ. Поэтому, настоящія наши замѣтки о ней легко могутъ быть прозвѣты читателями ея и вызвать ихъ на новую прозвѣтку своихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ чтенія этого замѣчательнаго сочиненія. Съ этой цѣлью мы и пишемъ эти замѣтки въ настоящее время.

При встрѣтѣ съ новымъ, крупнымъ трудомъ въ области русской исторіи, у насъ то и дѣло приходится обращаться къ исторіи Карамзина, какъ къ такому труду, который до сихъ поръ незамѣнимъ и до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ опредѣляетъ высшую точку зренія, съ какой приходится оцѣнивать другіе труды. „Русская исторія“ К. Н. Бестужева-Рюмина тѣмъ естественнѣе будить воспоминаніе о Карамзинѣ, что въ ней возстановляются иѣкоторые изъ лучшихъ ученихъ приемовъ Карамзина. Въ Карамзинѣ, между прочимъ, дорого то, что онъ далъ намъ не только имъ самимъ сдѣланыя открытия, но и всѣ важнѣйшія данныя предшествовавшаго ему русскаго ученаго труда, — данные нашей литературы русской исторіи. Приемъ этотъ послѣ Карамзина слишкомъ часто оставляемъ быть у насъ въ сторонѣ. Сильная послѣ него работа археографическая, богатыя открытия въ области рукописей заслонили собою прошедшій литературный трудъ и покрывали забвенiemъ многое, сдѣланное прежде. Кроме того, наши труды по русской исторіи болѣе и болѣе распадались на изслѣдованія частныхъ вопросовъ, услѣдить за которыми становилось труднѣе и труднѣе и старыи, а тѣмъ болѣе новые, молодыи ученыи. Затрудненіе это въ недавнее еще время было такъ велико, что изданіе простыхъ указателей книгъ по русской исторіи, по справедливо-

сти, считалось драгоценнымъ пособіемъ къ ознакомленію съ литературою этой науки.

Трудъ К. Н. Бестужева-Рюмина самымъ счастливымъ образомъ удовлетворяетъ теперь прежде всего этой потребности и возстановляетъ во всей силѣ вышеупомянутый приемъ Карамзина. Въ „Русской истории“ К. Н. Бестужева-Рюмина мы видимъ прежде всего ученый сводъ написанного по русской исторіи. Почти половину его книги занимаетъ литература русской исторіи, и затѣмъ въ самой „Исторіи“, въ началѣ каждой главы, перечисленіи главнѣйшия сочиненія по предмету главы, и наконецъ, при самомъ изложеніи событий, дѣлаются указанія на источники и изслѣдованія. Весь трудъ г. Бестужева-Рюмина есть, повторяемъ, прежде всего, самый полный въ настоящее время сводъ всего написанного по русской исторіи. Это уже одно открыываетъ намъ громадное достоинство этого труда, которое, безъ всякаго сомнѣнія, возбуждаетъ во всѣхъ читающихъ это сочиненіе глубокое уваженіе къ автору. Ближайшее изученіе этого полнѣйшаго ученаго свода, написанного по русской исторіи, можетъ также поддерживать это уваженіе.

Собирая въ одно труды по русской исторіи, авторъ занимаетъ по отношенію къ нимъ совершение спокойное и беспристрастное положеніе. Онъ съ уваженіемъ относится ко всѣмъ трудамъ, внесшимъ то или другое приобрѣтеніе въ науку русской исторіи, прилагаетъ къ оцѣнкѣ ихъ только общепризнанные критические приемы, нерѣдко даже: уклоняется самъ произносить сужденіе, а чаще всего предоставляетъ собраннымъ имъ въ одно мѣсто писателямъ по русской исторіи, такъ сказать, вѣдаться самимъ съ собою, сопоставляя ихъ то по тому, то по другому вопросу, при чемъ и читатель невольно вызыvается принять участіе въ этомъ мирномъ междуособіи русскихъ историковъ, сведенныхъ трудолюбивымъ авторомъ то на томъ, то на другомъ поприщѣ въ обширной области русской исторіи. Вотъ тѣ общія для всѣхъ частей труда г. Бестужева-Рюмина особенности, какія, по нашему мнѣнію, прежде всего бросаются въ глаза. Переидемъ теперь къ частямъ этого обширнаго труда и войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

При обозрѣніи литературы русской исторіи, писатель встрѣчаетъ не только трудность собрать все написанное, но также и трудность указать въ громадной массѣ написанного руководящія нити, которая дали бы читателю возможность не затеряться. На одну память, здѣсь, разумѣется, нельзя разчитывать; нельзя также при этомъ руковод-

становиться и единиц тѣмъ соображеніемъ, что памятникъ поможетъ оправка бѣ книгою при встрѣтившейся надобности. Но дать полный сводъ данныхъ по литературѣ русской исторіи и упомянуть всѣхъ руководящихъ именъ, а тѣмъ болѣе свести ихъ въ одну—дѣло въ инойшней степени трудное. Читавши и изучавши книгу К. Н. Бестужева-Рюминна, вѣроятно, согласятся съ нами, что нашъ авторъ гораздо болѣе былъ занятъ въ своемъ литературномъ трудѣ собираніемъ написанаго, нежели указаниемъ руководящихъ именъ, и что это особенно бросается въ глаза въ его обзорѣніи трудовъ, болѣе или менѣе прагматическихъ и особенно позднѣйшаго времени,—обзорѣніи, доходящемъ иногда до простаго перечета заглавій книгъ и имёнъ авторовъ, какъ напримѣръ, при обзорѣніи сказаний иностраннныхъ писателей, или въ главѣ о научной обработкѣ исторіи. Это наше мнѣніе, выражемъ, требуетъ поясненій.

Въ началѣ каждой группы памятника или пособія авторъ даетъ всегда общее понятіе о нихъ, и нерѣдко его взгляды обнимаютъ всю совокупность матеріала и вводятъ въ пониманіе существенныхъ икъ сторонъ. Во главѣ такихъ обзорѣній нужно поставить, не только по мѣсту, но и по достоинству, обзорѣніе лѣтописей—самостоятельный трудъ автора, дающій известій, новѣйшій результатъ изученія лѣтописей—многосоставлѣніе не только позднѣйшихъ лѣтописей, но и первоначальной, известной подъ именемъ лѣтописи Нестора. Объ этомъ новѣйшемъ результатѣ изученія лѣтописей мы считаемъ неизлишнимъ сказать здесь, что онъ менѣе всего можетъ утверждаться на чомъ положеніи, что точныя указанія на лѣтописныхъ извѣстіяхъ—числь, дней и иногда даже часовъ дней о дѣлахъ въ разныхъ и иногда отдаленныхъ другъ отъ друга городахъ, мѣстностяхъ показываютъ, будто бы эти извѣстія записаны въ разныхъ мѣстахъ. При постояннѣхъ передвиженіяхъ князей и дружиинниковъ въ древней Руси, при частыхъ сборахъ ихъ въ Киевѣ и посѣщеніи Киево-Печерскаго монастыря, многія изъ этихъ извѣстій съ совершенной точностью могли быть записаны въ Киевѣ, а иные могли быть приписаны на поляхъ самими участниками или ближайшими свидѣтелями событий на первыхъ же экземплярахъ первоначальной лѣтописи, которая обращалась прежде всего въ среду князей и дружиинниковъ, и затѣмъ эти вставки внесены были въ текстъ переписчиками. Послѣднее обстоятельство—перенесеніе въ текстъ замѣтокъ, сдѣланныхъ на поляхъ, имѣть первѣйшее значеніе при опредѣленіи состава лѣтописей, а между тѣмъ этотъ вопросъ оставленъ въ сторонѣ нашимъ почтеннѣмъ авторомъ.

Правда, трудности при решении этого вопроса кажутся неодолимыми. Следы первоначальной лѣтописи восходить не дальше конца XIV вѣка, когда уже, естественно, должны были затеряться следы перенесения давнихъ вставочныхъ извѣстій съ полей рукописей въ текстъ; но некоторые слѣды, даже вѣнчаніе, этого перенесенія сохранились до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не безъ основанія думать повѣрять подозрѣвать ихъ¹⁾. Наконецъ, если бы даже считать этотъ вопросъ совершенно безнадежнымъ, то и въ такомъ случаѣ, зная его важность, не следовало бы забывать о немъ, дѣлая выводъ, что у насъ не было первоначального текста Несторовой лѣтописи, и во всякомъ случаѣ не следовало решать вопроса о составѣ лѣтописей помимо рукописныхъ списковъ, какъ это сдѣлалъ нашъ авторъ. Намъ кажется, что исследованія нашей древней лѣтописи доходить уже до крайнихъ предѣловъ ея раздробленія, и что затѣмъ начнутся понитки, или точнѣе сказать, возобновятся старымъ попыткамъ отыскать въ ней слѣды первоначальной цѣльности.

Другія главы въ обзорѣй литературы русской исторіи, хотя и представляютъ такого цѣльного и самостоятельного труда, какъ глава о лѣтописяхъ, но выдаются тоже многими крупными достоинствами, — отчетливостью сообщаемыхъ скѣдѣній, мѣткими указаніями достоинствъ и недостатковъ сочиненій, особенно въ области старинной нашей письменности. Можно разг҃ъ пожалѣть о томъ, что авторъ, разбивъ, для болѣе удобнаго изученія на особы группы, такія сродныя и связанныя вещи, какъ отдалыя сказанія, житія, записки и памятники славесности письменной, затруднилъ себѣ разсужденіе нѣкоторыхъ общихъ, но весьма важныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, вопроса о постепенномъ историческомъ сводѣ въ одно всѣхъ этихъ памятниковъ, дошедшемъ черезъ патерини, сборники, до церковной энциклопедіи, извѣстной подъ именемъ Макарьевскихъ Четырехъ-Миней, рядомъ съ которой вырабатывались также своды свѣтскихъ памятниковъ, выразившіеся въ сводныхъ лѣтописахъ Московского периода, хронографахъ, стендевыхъ книгахъ. Этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, тѣмъ болѣе важенъ, что слѣда за историческимъ развитіемъ вынесенныхъ сводовъ, можно видѣть, хотя медленное, но неоспоримое развитіе у насъ, задолго до Петра, ученыхъ пріемовъ къ изученію нашего прошедшаго. При этомъ вопросѣ получаются значеніе даже такія, по види-

¹⁾ Лѣтопись занятій Археогр. Комиссіи за четыре года, отд. IV, стр. 113, имеющіе объ изданиѣ лѣтописей А. В. Городаго.

мому, простыя вещи, какъ справочныя списки духовныхъ и свѣтскихъ людей, русскихъ, греческихъ и другихъ странъ, изъ которыхъ иные попадаются въ очень старыя времена, и которые подвергались дальнѣйшей разработкѣ въ посольскомъ приказѣ и выразились въ такихъ трудахъ, какъ обозрѣнія государей, составлявшіяся при Алексѣѣ Михайловичѣ. Тогда бы, конечно, уяснилось, какъ могли явиться у насть до Петра такія умныя сочиненія, какъ исторія Иоанна IV, составленная Курбскимъ, которую, по всей справедливости, нужно назвать исторіей Россіи Московскаго періода до Иоанна IV, и исторіей съ неоспоримыми признаками прагматизма. Надлежащая постановка вопроса о постепенномъ развитіи у насть историческаго изученія нашего прошедшаго, безъ сомнѣнія, дала бы совсѣмъ другой видъ послѣдней главѣ въ обозрѣніи литературы русской исторіи нашего автора подъ заглавіемъ: «Научная обработка исторіи», — на которую, вѣроятно, читатели обратили особенное внимание и, встрѣтили въ ней нес совсѣмъ ожидаемыя сужденія.

Почтенный авторъ разбираемой нами „Русской исторіи“ усматриваетъ начало научной обработки русской исторіи во времени послѣ смерти Петра и выводить его отъ нашихъ ученыхъ Нѣмцевъ—Коля, Байера и другихъ.

Эти первоначальники науки, какъ называетъ ихъ авторъ¹⁾), дѣйствительно писали съ учеными пріемами о предметахъ, болѣе или менѣе близко касавшихся русской исторіи; но дѣйствительное влияніе ихъ на усиленіе у насть научной обработки русской исторіи до весьма позднаго времени неоспоримо выражалось только на томъ, что они въ своихъ трудахъ оскорбляли русское народное чувство и вызывали Русскихъ на отпоръ ихъ ненаучной теоріи о превосходствѣ тевтонскаго рода и языка надъ русскимъ родомъ и языкомъ; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ сочиненія ихъ входятъ въ разрядъ иностраннѣхъ писателей о Россіи, и въ такомъ случаѣ нѣть достаточныхъ научныхъ основаній вести начало научной обработки нашей исторіи отъ нихъ, а не отъ другихъ иностраннѣхъ писателей, не отъ Герберштейна, напримѣръ, Флетчера, Олеарія, Буссова и др. Дѣйствительное начало научной обработки нашей исторіи ведется не отъ этихъ первоначальниковъ науки, и даже продолженіе этой обработки почти до конца прошедшаго столѣтія находится въ дѣйствительной связи съ этими воображаемыми началомъ. Впрочемъ, самъ ав-

¹⁾ Русская Исторія, стр. 209.

торъ сознавать, по видимому, неправильность своего взгляда и самъ ослабляетъ его: онъ говоритъ, что „следы (научной обработки) можно отыскать“ и раньше, напримѣръ, хоть въ библиографическихъ трудахъ Медведева, въ некоторыхъ трудахъ Феофана: въ „Родословной росписи“, изданной имъ въ 1720, въ „Рассмотрѣніи повѣсти о Кирилѣ и Меѳодіѣ“, но даже эти труды еще не основали науки, являясь случайно (!) и соприкасаясь съ остатками старого (!), куда надо отнести „Ядро Россійской Исторіи“ Манкѣева, бывшаго секретаремъ князя Хилкова, выбору известій, очень близкую къ знаменитому (?) „Синопсису“¹⁾.

Въ этой, по сущности, весьма важной уступкѣ автора въ пользу нашего русскаго, самобытнаго развитія ученой обработки русской исторіи, насы прежде всего поражаютъ странные выраженія: являясь случайно, соприкасалась съ остатками старою! Чѣмъ можетъ казаться болѣе случайнымъ, какъ не изученіе, напримѣръ, Болтинымъ русской исторіи, а между тѣмъ кто рѣшился отказать его критическимъ статьямъ въ научномъ зданіи и не признать его сильнымъ движителемъ научной обработки русской исторіи? Многочисленные современники и многие изъ потомковъ считали трудъ Татищева воспроизведеніемъ старыхъ лѣтописныхъ повѣствованій даже по слогу, а между тѣмъ это старое было дѣльнѣе²⁾ и плодотворнѣе многого изъ трудовъ первоначальниковъ науки. Затѣмъ, мы не понимаемъ, какимъ образомъ, говори о началѣ научной обработки русской исторіи въ вида дѣйствительные следы ея до появленія трудовъ первоначальниковъ науки, можно мелькомъ бросить взглядъ на эти следы и спѣшить къ трудамъ, остававшимся безплодными едва не цѣлое столѣтіе? Намъ думается, что эти следы стоили самого напряженного вниманія и изученія; тогда открылись бы рядомъ съ ними и впереди искъ другіе следы научной обработки нашей науки, и эта обработка отодвинулась бы далеко назадъ и представилась бы, напримѣръ, такою, какъ, ее представилъ С. М. Соловьевъ, который и въ знаменитомъ „Синопсисѣ“ видѣть научное движеніе впередъ историческихъ у насъ зданій, и видѣть совершенно основательно.

„Синопсисъ“ издавался десятки разъ; цѣлыя половины изучали по немъ русскую исторію и рядомъ съ дурными подборами фактовъ, находили и такие мысли, которыхъ способны были воодушевить къ серьезному изученію исторіи родины. Въ этомъ нестройномъ труде

¹⁾ Стр. 208 — 209.

мы видимъ сильную любовь къ отечеству. Довольно указать на такія, напримѣръ, соображенія ученаго и вмѣстѣ патріотическаго характера, какъ то, что договоры Олега и Игоря доказываютъ существование на Руси письменности гораздо раньше, чѣмъ она явилась у Поляковъ. Сочиненіе это дѣйствительно и вызывало на изученіе русской исторіи. Оно вызвало довольно счастливое подражаніе, выражавшееся въ трудахъ Манкѣева, представляюще попытку замѣнить польскія извѣстія „Синопсиса“ русскими лѣтописными извѣстіями; оно неоспоримо имѣло вызывающее влияніе и на большой трудъ Щербатова, которому нельзя отказать въ значеніи нѣкоторыхъ научныхъ пріемовъ; Словомъ, наши чисто русскія попытки къ научной обработкѣ предмета явились гораздо раньше появленія у насъ первоначальниковъ науки и не оставались безплодными. Попытки эти становятся еще важнѣе, когда мы подходимъ ко времени появленія у насъ первоначальниковъ науки и встрѣчаемъ съ трудами Татищева, котораго нашъ авторъ, хотя ставить въ своемъ обозрѣніи литературы русской исторіи выше, чѣмъ ставилъ въ своемъ особо изданнымъ изслѣдованіи о составѣ лѣтописей¹⁾, но, не отдаетъ ему и теперь надлежащей справедливости. При оцѣнкѣ трудовъ Татищева по русской исторіи, нужно поставить на послѣднемъ планѣ то, что сочиненія его изданы слишкомъ поздно, нужно даже придавать второстепенное значеніе и тому, что онъ диктуетъ свое сочиненіе въ то время, когда уже писали первоначальники науки, и могъ уже пользоваться ими. Главнѣйшее значеніе нужно придавать ходу историческихъ занятій Татищева. Задачи эти не были только кабинетныя, уединенные. Они большей частью были на виду у весьма многихъ, къ nimъ многие призывались, къ поддержкѣ и расширенію ихъ призывалось само правительство. Это было не единичное занятіе географіей, исторіей Россіи; это была школа тружениковъ въ области русской исторіи. Школа эта, конечно, вызвана общимъ движениемъ къ просвѣщенію Петровского времени, но первоначальники науки тутъ долгое время были не при чѣмъ. Школа эта начала развиваться до ихъ появленія, и если бы не они, то она, по всей вѣроятности, да-леко расширилась бы и убрѣшилась съ несравненно большей пользою для русской исторіи, нежели какую принесли тогда первоначальники науки. Въ настоящее время весь этотъ вопросъ значительно уже разработанъ въ трудахъ Нила Попова: „Татищевъ и его время“, и потому-

¹⁾ См. стр. 71, примѣч. 5.

то тѣмъ страннѣе встрѣтить въ настоящее время непризнаніе великой важности и плодотворнаго вліянія трудовъ Татищева. Наконецъ, крайняя степень неожиданнаго пристрастія автора къ первоначальнамъ наукѣ выразилась въ томъ, что онъ называетъ отцомъ русской исторіи, да еще настоящимъ отцомъ, извѣстнаго академика Миллера, издателя многихъ книгъ по русской исторіи, собирателя громаднаго числа сибирскихъ актовъ и составителя нѣкоторыхъ сочиненій. Труженическая дѣятельность Миллера, выше всякаго сомнѣнія, даетъ ему право на великое уваженіе и благодарность, но никакъ не на названіе отца русской исторіи. Въ ученой дѣятельности Миллера мы не можемъ найти существеннаго признака созданнаго для него г. Бестужевымъ-Рюминымъ положенія, — именно, не находимъ ученыхъ дѣтей. Тѣ русскіе ученые, которые работали вмѣстѣ съ Миллеромъ или пользовались его материалами, какъ Новиковъ, Бантышъ-Каменскій, правильнѣе могутъ быть названы сотрудниками и даже руководителями Миллера, а не дѣтьми его.

Вообще, намъ кажется, что К. Н. Бестужевъ-Рюминъ употребилъ неправильный приемъ при обозрѣніи историческаго развитія у насъ научной обработки русской исторіи. Въ настоящее время серіозное сочиненіе по русской исторіи, конечно, должно имѣть строгую ученую аргументацію и основываться на первыхъ источникахъ, точно указываемыхъ. Но одна эта мѣрка недостаточна для оценки историческаго развитія науки, гдѣ такъ часто, особенно въ началѣ, имѣть великое, плодотворное значеніе нѣчто другое, иногда стоящее вѣтъ ученой аргументаціи, — сила талантливаго знанія, сила самобытнаго пониманія дѣла.

Переходимъ къ обозрѣнію самой „Русской исторіи“, и прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о введеніи автора въ исторію, въ которомъ онъ высказываетъ свое понятіе объ исторіи и свой взглядъ на задачи ея.

Понятіе К. Н. Бестужева-Рюмина объ исторіи принадлежитъ къ числу самыхъ современныхъ и гуманныхъ возврѣній на прошедшія судьбы человѣчества. Отправляясь отъ понятія объ исторіи С. М. Соловьевъ, какъ о наукѣ самосознанія, авторъ отвергаетъ гордое возврѣніе на исторію, какъ на изображеніе дѣлъ высшихъ, цивилизованныхъ націй, и признаетъ значеніе, въ историческомъ развитіи цивилизаций, всѣхъ народовъ, даже неразвитыхъ. „Всеобщая исторія“, говоритъ онъ, „только тогда станетъ въ полномъ смыслѣ всеобщей, когда она будетъ обнимать всѣ народы, не пренебрегая и тѣми, ко-

торые почему-либо не успели развиться". Авторъ принимаетъ определение цивилизаций, высказанное Н. Е. Данилевскимъ, по которому „каждый типъ (народъ) выражаетъ человѣчество съ одной стороны, и прогрессъ, или, если такъ можно выразиться, раскрытие совершается не въ преемственной передачѣ цивилизаций, а во внесекции новыхъ сторонъ; такимъ образомъ, прогрессъ слѣдуетъ представлять не громадною прямую линией, а множествомъ мелкихъ, расходящихся въ разные стороны линий, чѣмъ усвояется постепенно человѣческому сознанію все богатство содержаній, заключающагося въ человѣчествѣ, какъ совокупности всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣковъ". Нельзя не порадоваться, что этотъ научный и гуманный взглядъ на историческое изученіе человѣчества утверждается у насъ и положенъ въ основу такого серіознаго труда, какъ книга К. Н. Вестужева-Рюминна. Въ нашемъ русскомъ прошедшемъ мы не жили ни понятиями Грековъ и Римлянъ о варварстве всего остального человѣчества, ни унаследованными отъ нихъ понятиями Западно-Европейцевъ о всеподавляющемъ господствѣ интеллигентїи страны надъ массою народной, или одного народа надъ другимъ. Намъ, Русскимъ, естественно, и въ наукѣ нашей истории, какъ въ нашей исторической жизни, проводить начала христианского братства для всей массы Русскихъ и для всѣхъ членовъ Русскаго государства.

Изъ этого вѣрного начала авторъ выводитъ другое, обусловливавшее также вѣрное изображеніе нашего прошедшаго. Не отвергалъ значеній выдающихся въ исторіи личностей, авторъ однако находить, что ихъ мысли и цѣли скрываются въ общественномъ сознаніи, что „лицамъ принадлежитъ болѣе или менѣе удачное формулированіе ихъ и только", и что, такимъ образомъ, въ исторіи „на первый планъ выступаетъ сложное явленіе, называющееся обществомъ". Признавая всю важность такого возврѣтия на задачи исторіи, потому что при немъ только возможно глубокое изученіе историческихъ явлений, нельзя однако не сказать, что слишкомъ логическое примѣненіе такого начала можетъ также мѣшать правильному пониманію этихъ явлений, какъ и поклоненіе личностямъ. Оно легко можетъ вести къ обезличенію исторіи, что особенно можетъ быть вредно въ исторіи русскаго народа, какъ народа молодого, богатаго творческой исторической силой и потому способнаго выдвигать часто и много видныхъ личностей и открывать имъ широкое поле даже для произвола.

Опасеніе это естественно возникаетъ при чтеніи введенія въ исторію К. Н. Вестужева-Рюминна. Авторъ — поборникъ всесторон资料ного изу-

ченія исторії, „строгаго, беспристрастнаго изученія фактovъ“, и врѣгъ философскъхъ теорій въ исторії; ожъ указываетъ историку необходи́мость самого строгаго воздержанія въ выводахъ, когда историкъ желаетъ дойти до представлениі дѣлости и единства народной жизни. Уклоненія отъ этого, такъ-называемыя философскія диссертациіи авторъ признастъ „наиболѣе вредными для самостоятельнаго развитія науки и общества“.

Такому строгому пониманію обязанностей историка нельзѧ не сочувствовать, и мы немедленно стали бы на сторону автора, если бы не видѣли оставленной имъ открытую одной опасной стороны дѣла. Можетъ-быть, мы ошибаемся, но намъ кажется, что авторъ слишкомъ далеко заходитъ въ требованіи объективности и не признаетъ наиболѣйшаго и слишкомъ важнаго для развитія и науки, и общества субъективнаго, то-есть, личнаго, общественнаго, современнаго, пониманія историческихъ явлений. Вредны и не желательны произвольныя философскія теоріи, вредны и не желательны поспѣшные, поверхностные взгляды, но вообще субъективное воззрѣніе — и немѣжно и необходимо и желательно. Безпредѣльное развитіе науки обусловливается не только болѣе и болѣе полнымъ и основательнымъ изученіемъ фактovъ, но и постоянно сменяющимися освѣщеніемъ ихъ. Не признавать этого и ожидать полной объективности, значитъ идеализировать дѣло, и идеализировать вредно, особенно у насъ. У насъ отнюдь нельзѧ пожаловаться на избытокъ субъективнаго освѣщенія историческихъ явлений; напротивъ того, справедливѣе можно жаловаться на недостатокъ этого освѣщенія, на непроглядный туманъ, покрывающій необозримую массу фактovъ нашей исторії. Наши историки, именно, страдаютъ прежде всего вольною или невольною не-охотой освѣщать изученное, и множество основательнѣйшихъ, наблюденій, выводовъ пропадаетъ въ чернилахъ ихъ трудовъ и часто въ икъ годовахъ съ нихъ смерти или и до смерти. Сколько можно бы указать у насъ книгъ, въ которыхъ известные ученые объявили, что такъ-какъ-то данные не полны, то они и удерживаются отъ всякихъ суждений о нихъ, и вся та умственная работа, которая совершилась въ головѣ ученаго, когда онъ собирая и приводя въ порядокъ тѣ или другія данные, пропадаетъ даромъ; преемники его: ничѣмъ отъ него не воспользуются и должны снова работать, безъ облегчения надъ сырьемъ матеріаломъ: наука замедляется въ своемъ развитіи, общество позже усвоетъ взгляды, которые должно бы усвоить давно. Весьма желательно, чтобы досредственность и засло-

многие не видались къ вершинамъ знаній, но весьма не желательно, чтобы талантливое, глубокое знаніе былось этихъ вершинъ. Ниже мы укажемъ нѣсколько крупныхъ случаевъ того, какъ упущеніе авторомъ изъ виду угла зреінія, надъ которымъ историки смотрѣли на события, привело его самого къ ошибочной отѣнкѣ фактовъ.

„Русская история“ К. Н. Бестужева-Рюминна доведена до времени Иоанна III. Въ этой книгѣ бросается въ глаза прежде всего новость, которой нужно жалеть какъ можно больше подражаний. События вышніи, политический строго отдалены отъ внутреннихъ явлений исторической нашей жизни, изложены въ самомъ краткомъ, сжатомъ видѣ и основаны на самыхъ первыхъ источникахъ, строго сведенныхъ и точно указанныхъ, при чёмъ въ примѣчаніяхъ, какъ мы уже говорили выше, нашли себѣ място важнѣйшія толкованія ихъ историками прежнаго времени и соображенія самого автора. Затѣмъ самое большое място отведено явленіямъ внутренней жизни, какъ-то: формамъ политической жизни, власти, управлению, суду, сословіямъ, торговли, церкви и литературѣ... Эта вторая часть труда К. Н. Бестужева-Рюминна составляетъ важнѣйшую его работу, и на ней, конечно, главнѣйшимъ образомъ сосредоточивается вниманіе читателей.

Всѣ главы этого труда, обнимашія явленія внутренней русской жизни, составляютъ особыя изслѣдованія. Въ нихъ еще съ большою полнотою, чмъ въ обзорѣ литературы, собраны въ началѣ каждой главы главнѣйшіе источники и пособія, и затѣмъ при изложеніи дѣла вездѣ указываются, слѣчаются и разбираются свидѣтельства источниковъ и мнѣнія историковъ. Авторъ, по обычая, налагаетъ на себя поразительное воздержаніе и терпѣливо, безпристрастно выдвигаетъ мнѣнія своихъ предшественниковъ и современниковъ на историческомъ полѣ. Всѣ эти главы составляютъ прежде всего сводъ и критику фактовъ и пониманія ихъ учеными.

При такомъ способѣ изложенія дѣла авторъ, очевидно, находился въ зависимости отъ предшествовавшей работы ученыхъ, и потому въ древнѣйшихъ временахъ его трудъ полнѣ, обширнѣ, въ позднѣйшихъ—короче. Но зависимость нашего автора отъ прошедшихъ трудовъ въ этомъ случаѣ идетъ еще дальше. При всей богатствѣ своего знанія, при всей строгости своихъ научныхъ приемовъ, авторъ во многихъ мѣстахъ явно становится "на сторону большинства историковъ, и тутъ-то во всей ясности сказывается важность того, что авторъ мало придаетъ значенія субъективности и упускаетъ изъ виду тѣль уголъ зреінія, подъ которымъ "вольно или невольно смотрѣло это боль-

шинство, хотя рядомъ съ этимъ большинствомъ стоять надлежитъ, еще не окрѣпшее меньшинство, далеко иначе освѣтленное важнѣйшимъ явленіемъ нашей исторической жизни. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о нашемъ русскомъ вѣчѣ. Большинство изслѣдователей прошаго времени настроены были мало видѣть и мало цѣнить эту форму нашей жизни и расположены были противодействовать ей лицемѣръ старшаго въ родѣ, князя. Освѣщеніе вѣча въ дѣйствительномъ его видѣ—дѣло недавнее и выражается въ весьма немногихъ книгахъ—Ив. Д. Былаева и В. И. Сергеевича. Нашъ авторъ становится на сторону первыхъ изслѣдователей и съ сожалѣніемъ относится къ послѣднимъ, хотя слишкомъ ощущительно, что прѣда на, сторонѣ послѣднихъ. Или еще болѣе частный примѣръ: извѣстно, что такъ называемый судный греческій уставъ, страшно жестокосердій, предписывавший и тѣлесныя наказанія, и поврежденіе, и отсѣченіе членовъ, попадается у насъ весьма часто и въ довольно старинныхъ памятникахъ. Существуетъ мнѣніе, что этотъ жестокосердій уставъ былъ у насъ введенъ еще при Владимирѣ Святомъ. Основаніе для этого находится въ томъ фактѣ, что епископы, пришедшие къ намъ отъ Градовъ и хорошо знавшіе этотъ судный уставъ, посовѣтовали Владимиру прѣгнуть къ смертной казни—по отношению къ разбойникамъ. Еще болѣе крѣпкое основаніе этого мнѣнія заключается въ томъ, что въ которыхъ статьяхъ церковнаго устава Владимира буквально взяты изъ этого судного устава. Между тѣмъ наше Русская Правда не содержитъ начальникъ для опѣки преступлений и для мѣры наказанія рѣшительно противорѣчить судному уставу. На этомъ основаніи иные полагаютъ, что составленіе Русской Правды (то-есть, сборника правилъ) вызвано народнымъ протестомъ противъ введенія греческаго законодательства, что Русская Правда есть такимъ образомъ памятникъ не только русскаго законодательства, но и пробужденія русскаго народного самосознанія. Нашъ авторъ не придастъ этому дѣлу особеннаго значенія, проходитъ вскользь мнѣніе о существованіи у насъ, на дѣлѣ судного устава, и составленіе свода статей Русской Правды приписывается князьямъ, хотя дополненія Правды при сыновьяхъ Ярослава, и особенно при Владимирѣ Мономахѣ, несомнѣнно слѣдуютъ при участіи тысячныхъ, то-есть, представителей вѣча (такъ какъ трудно не допустить такого значенія тысячныхъ).

Наконецъ, укажемъ еще на нѣсколько случаевъ изъ прошаго времени, изъ области вѣшніхъ событій. Исторія первыхъ временъ татарскаго ига представляетъ тотъ особенный интересъ, что

огда явственнѣе обозначилась внутренняя, народная борьба русской свободы съ татарскимъ рабствомъ и постепенно разинавшися привыка къ этому рабству, сдѣлавшемуся затѣмъ нашимъ собственнымъ, внутреннимъ зломъ. Въ этомъ отношеніи волненія въ Новгородѣ, Ростовѣ и другихъ областахъ изъ-за перенеси во второй половинѣ XIII столѣтія и позднѣйшія волненія въ Ростовской и Тверской областяхъ, вообще противъ Татаръ имѣютъ высокой исторический интересъ и проливають особенный свѣтъ на исторію развитія Тверского княжества, князь которой въ иные времена, какъ напримеръ, Александръ Михайловичъ, собирались стоять во главѣ народного движенія противъ Татаръ. На историка естественно налагается обязанность съ особеннымъ вниманіемъ прослѣдить эти проблемы старой русской свободы, такъ какъ въ нихъ можно усматривать извѣстную историческую роста русской идеализации того времени, и таъль какъ потомки обязаны знать и цѣнить особенный образъ, когда и какъ предки оберегали свою свободу. Но наше авторъ проходитъ эти проблемы мелькомъ или даже совсѣмъ мимо нихъ, потому, конечно, что наша историческая литература прошлаго времени мало этимъ занималась. Наконецъ, упущеніе изъ виду того угла зренія, подъ которымъ историкъ смотрѣтъ на события, склоняетъся у автора съ самой большей очевидностью при оценкѣ движений, способствовавшихъ объединенію Руси подъ Москвой единодержавію. Объединеніе это таъкого имѣть для себя опредѣлій въ предшествовавшихъ ему и послѣдующихъ за него обстоятельствахъ, что въ настоящее время не нужно ни для науки, ни для общества возвеличивать его, и пора уже приложить къ нему все строгость дрѣжковъ науки и правиль здорово общества. Пора уже сознать, что это объединеніе сопровождалось страшною неразборчивостью средствъ и страшнымъ разаращеніемъ русского общества. Между тѣмъ, чѣ же мы видимъ у нашего автора? Юрий Даниловичъ, котораго трудно отличить отъ коварнаго и кровожаднаго Татарина, называется знаменитымъ противникомъ князей Тверскихъ¹⁾, Иванъ Калита — достойнымъ преемникомъ своего брата Юрия²⁾, и все это въ смыслѣ хорошемъ; позорная рѣчь боярина Все-волоjsкаго, доказывавшаго передъ ханомъ, что его князь (Василий Темный) потому можетъ быть Московскимъ княземъ, что онъ холопъ хана и что ханъ, кому хочеть, можетъ отдать свой улусъ, а не тому, кто

¹⁾ Стр. 393.

²⁾ Тамъ же.

указываетъ на свои права и доказываетъ это старыми лѣтописями, называется цитою рѣчью¹), хотя болѣе существенный признакъ ея не умъ, а развращающее унженіе. Вотъ гдѣ необходимо нужна современная точка зренія, современное освѣщеніе факта; иначе исторія не будетъ выполнять той существенной задачи, которую ей указываетъ и нашъ авторъ, — развивать народное самосознаніе.

Читая эти замѣтки, читатели, безъ сомнѣнія, видятъ, что указанные нами недостатки въ рассматриваемой книжѣ вытекаютъ главнымъ образомъ изъ общей постановки вопроса, то-есть, изъ того философскаго отношенія къ историческимъ явленіямъ, котораго не долюбливаетъ нашъ почтенный авторъ. Подобные недостатки — обычный удѣлъ сочинений, въ которыхъ фактическая обработка и строгая практическая система — на первомъ планѣ. Уже одно разбиваніе исторіи на удобные для изученія главы, отдѣлы по однобразной системѣ представляеть не маловажное затрудненіе для того, чтобы сократить цѣльный взглядъ, провести его, выдержать. Если при этихъ недостаткахъ мы не получили въ книжѣ К. Н. Бестужева-Рюмина уясненія пѣвоторыхъ важныхъ сторонъ нашей русской жизни, за то пытесь въ ней полнѣшее уясненіе большей части явленій ея, и не смотря на эти недостатки, сочиненіе К. Н. Бестужева-Рюмина можетъ доказать впередъ знаніе русской исторіи самимъ могущественнымъ образомъ; особенно въ столицахъ и университетскихъ городахъ, обладающихъ хорошими библиотеками, въ которыхъ можно будетъ молодымъ ученымъ находить и изучать книги, указываемыя этимъ сочиненіемъ. Книга К. Н. Бестужева-Рюмина — лучшее въ настоящее время руководство или пособіе при изученіи русской исторіи.

М. Коцловичъ.

¹) Стр. 410.

РУССКИЯ ПИСЬМЕННЫЯ УПРАЖНЕНИЯ ГИМНАЗИЧЕСКАГО КУРСА¹⁾.

II.

(Продолжение).

Искусственное изобрѣтеніе, обусловливаемое моральными темами.

Безискусственное изобрѣтеніе, или переработка готоваго материала съ указанной учителемъ точки зреінія, развивается въ ученикахъ главнымъ образомъ наблюдательность и умѣніе отличать въ данномъ материалѣ существенное отъ несущественного, идущее въ поставленной темѣ отъ посторонняго. Не умѣя наблюдать и различать, учащіеся, по справедливому выражению Холевіуса, *видя не видятъ* (Anleit. z. deutsch. Aufz.т. 52); напротивъ того, *qui bene distinguit*, по старой пословицѣ, *bene docet*. Отъ переработки готоваго, заимствованаго йзъ чтенія материала всего естественнѣе и послѣдовательнѣе переходить въ самой трудной, но вмѣстѣ съ тѣмъ самой образовательной работѣ — къ искусственному изобрѣтенію, которое изощряетъ важнѣйшія отправленія мыслящаго духа: способность *схватывать*, *удерживать*, *разлагать* и *комбинировать*. Итакъ, впервыхъ, самимъ естественнымъ ходомъ образования общія и моральные темы отодвигаются къ концу гимназического курса; вовторыхъ, независимо отъ чисто воспитательного значенія сочиненій на общія и моральные темы, искусственное изобрѣтеніе служить со стороны формальной упражненіемъ въ логическихъ категоріяхъ и методахъ, то-есть, въ строгомъ формальномъ мышленіи. Словомъ, искусственное изобрѣтеніе есть практическое примѣненіе къ мышленію основныхъ началъ логики. Но не въ искусственномъ изобрѣтеніи ученикъ въ первый разъ встрѣчается съ категоріями мышленія: его слѣдуетъ познакомить съ оними еще въ преподаваніи грамматики, при разборѣ статей хрестоматіи, при под-

¹⁾ Продолжение. См. Журн. Мин. Народн. Просвещенія за февраль 1872 года.

боръ и расположениі материала на темы, контролирующая приватное чтеніе; на классномъ же чтеніи статей и подборѣ готоваго материала опѣ слѣдить за примѣненiemъ логическихъ методовъ. Когда ученикъ приступить къ искусственному изобрѣтенію, формальная сторона дѣла ему уже знакома. Не смотря на то, трудность и образовательное значеніе упражненія въ изобрѣтеніи требуютъ, чтобы учитель руководилъ имъ каждый разъ, когда даетъ тему; ибо, при отсутствіи строго определенныхъ правилъ, какъ вести размышленіе на ту или другую тему, ученика нужно освоить по возможности со всѣми разнообразными приемами изобрѣтенія и довести до умѣнія находить тѣ именно мысли, какія требуются темой, что влечеть къ длинному ряду упражненій подъ руководствомъ учителя. Руководство это состоять въ томъ, что учитель держитъ нить размышленія и при каждомъ новомъ шагѣ послѣдняго возвращается назадъ и указываетъ ученикамъ, при посредствѣ какихъ категорій получились только что изобрѣтенные мысли, или же какимъ путемъ шло размышленіе.

Искусственное изобрѣтеніе начинается съ уразумѣнія темы. По отношению къ ученику всякая тема замыкаеть въ себѣ *вопросъ*, требующій разрѣшенія. Определить этотъ вопросъ, когда тема выражена однимъ или нѣсколькими сужденіями; выяснить значеніе основнаго понятія, къ которому можетъ быть сведено все сужденіе, или которымъ можетъ быть выражена тема, не всегда бываетъ легко, не всегда возможно безъ помощи искусственной. Изъ этого однако же не слѣдуетъ выводить общаго правила: формулируй тему такъ, чтобы ученикъ съ первого взгляда увѣрѣлся въ сущность. Острое выраженіе, тропъ, сентенціозность темы имѣютъ свое прямое оправданіе въ томъ, что подстремаютъ въ ученикахъ охоту и интересъ къ заданной работе. Въ видахъ ознакомленія учащагося съ разнообразными элементарными трудностями скорѣе нужно изыскывать замысловатыя формы (лишь бы только они виѣшли въ себѣ серіозное содержаніе), чѣмъ избѣгать ихъ. Послѣ того, какъ уяснена форма темы и раскрыты ея смыслъ, нужно возвести тему къ *единству*, то-есть, указать основное ея понятіе. Иногда указаніемъ основнаго понятія темы и оканчивается уразумѣніе послѣдней, а задача, заключающейся въ темѣ вопросъ, рѣшается *определениемъ* (*definitio*) отысканнаго основнаго понятія. Бываютъ случаи, когда тема сводится къ двумъ основнымъ понятіямъ, — тогда вопросъ, поставленный темой, рѣшается уразумѣніемъ взаимнаго отношенія этихъ понятій, изъ коего вытекаетъ аргументація поставленнаго вопроса.

I. Уяснение темы (парафраза).

а) Часто въ темѣ требуетъ уясненія одно, какое-либо слово; напримѣръ, въ стихѣ Жуковскаго: „Намъ святые боги дали усладительный языкъ“ нужно объяснить слово *усладительный*. Чтобы вынуждать въ смыслѣ цѣлаю предложеніе и опредѣлить все богатство содѣржанія онаго, нужно перебрать до возможности большее число случаевъ, когда слово (языкъ) бываетъ для людей *усладительно*. Если бы однако и всѣ понятія темы были сами по себѣ ясны, непремѣнно нужно пересмотрѣть область приложенія ихъ; ибо отвлеченнѣе пріобрѣтастъ чрезъ то возврѣтѣльность.

б) Каждое слово темы должно быть *ученикамъ ясно или уяснено*. Когда мысль темы облекается въ поэтическую форму, или выражается пословицей, изречениемъ, или же на чужомъ языке, ученики должны замѣнить поэтическія выраженія прозаическими, истолковать аллегоріи и сравненія, которые скрываютъ мысль темы, переложить тропы, перевести реченія иностранныя, объяснить значеніе словъ устарѣлыхъ. Напримѣръ, въ пословицѣ: „Корень учения горекъ, но плоды его сладки“ нужно выяснить, что разумѣется подъ „корнемъ“, и почему онъ названъ горькимъ, и что подразумѣвается подъ плодами, и почему они сладки; смыслъ пословицы: „Повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить“ скрыть въ ея аллегорической формѣ; въ изречении: „Кого Господь любить, того и наказуетъ“ требуется объясненія слово „наказуетъ“, употребленное здѣсь въ своемъ первоначальномъ, коренномъ значеніи.

в) При объясненіи формы темы отнюдь не должны ускользнуть отъ вниманія даже и встрѣчающіяся въ первой частицы, какъ бы, по видимому, ни были они незначительны. Не вводя въ смыслъ предложенія существенныхъ измѣнений, они однако придаются оному тога или другой оттѣнокъ. У Пушкина въ словахъ Бориса Годунова: „Да, жалко тотъ, въ комъ совѣсть начиста“ реченіе „да“ вводитъ читателя въ душевное настроеніе говорящаго лица, придавая этой общей мысли значеніе жизненной истины, извлекаемой сильнымъ умомъ изъ упорной и долгой борьбы съ собственнюю запятнанною совѣстю. Въ предложеніи Державина: „Блажень, кто всю свою въ томъ спасите славу, что онъ лишь добрый человѣкъ“, частица „мишь“ указываетъ на скрытую мысль поэта и полемической смыслъ словъ его. Съ кѣмъ поэты полемизируютъ? Очевидно съ тѣми, которые полагали счастіе

въ томъ, чтобы быть „дивомъ свѣта“, „карлами или великанами“; поэты „отъ сатиръ щитится злы“ (Видѣніе Муры).

г) Часто случается, что разнообразіе грамматической формы скрываетъ въ себѣ логическое единство содержанія, когда то или другое понятіе темы, подлежащее раскрытию въ сочиненіи, выражается нѣ-
сколько словами, имѣющими самостоятельное грамматическое значе-
ніе. Въ стихѣ Гомера: „Горе тому, кто себѣ на землѣ позволяетъ
неправду“ (Одисс., XVIII, 141) логическое подлежащее выражено цѣ-
лымъ предложеніемъ: „Кто себѣ на землѣ позволяетъ неправду“; а
въ вышеприведенныхъ стихахъ Державина логическое подлежащее
выражено сложнымъ предложеніемъ: „Кто всю свою въ томъ станетъ
славу, что онъ лишь добрый человѣкъ“.

д) Но не всегда однимъ упрощеніемъ формы темы обнаруживается истинный ея смыслъ. Иной разъ онъ опредѣляется не иначе, какъ контекстомъ речи, изъ которой взята тема. Сентенція Пушкина: „Бо жить и мыслить, туть не можетъ въ душѣ не презирать людей“ (Евт. Он. I, 46) будѣть можно поната, если не взять во вниманіе смысла всей первой главы, и особенно, предыдущей строфы:

Усердій сестра сверкаетъ бремя,
Какъ она (Евгений Онѣгинъ), отстаетъ отъ сути,
Съ нимъ подружился я въ то время...
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей штурмъ мы звали оба...
Обомахъ ожиданія злобы
Съѣной фортуны и людей:
На самомъ утру напишутъ днѣй.

Въ связи съ приведенными стихами сентенція Пушкина полу-
чаетъ уже частное приложеніе къ личному настроенію автора, и то
въ извѣстный только периодъ его жизни и притомъ лишь по отно-
шению къ тому обществу, въ которомъ вращался поэтъ: словоъ,
сентенція перестаетъ быть общепринятой истиной. Изъ слѣдующихъ за взя-
тыми мѣстомъ стиховъ 46-й строфы узнаемъ, что поэта грызла „змія
воспоминаній раскаливъ“, какъ слѣдствіе раннихъ увлечений, о коихъ
не разъ вспоминаетъ онъ въ первой главѣ. Приводя все это въ связь
съ стихами 55-й строфы той же главы:

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глупы звучатъ голоса мирной,
Живѣе творческие сны.

Досугъ посвятъся, неизвѣнны...
Летучей славы не ишу...

увидимъ причину презрѣнія поэта къ тому обществу, въ которомъ онъ вращался. Поэтъ негодуетъ на него за то, что оно отвлекало его отъ „жизни мирной, деревенской тишины“, гдѣ „звукіе голосъ мирной, живѣ творческіе сны“, и поощряло гоняться за „летучей славой“. Послѣ всего этого сентенція Пушкина получаетъ слѣдующій смыслъ: достойны презрѣнія люди праздные, которые, пользуясь неопытностью талантловъ, предназначенныхъ для выслуги цѣлей, изъ-за одной собственной суетности заставляютъ оные тратиться по пустякамъ.

е) Иногда смыслъ темы, если она выражается историческою пословицей или чѣмъ-либо изречениемъ, выясняется при помощи исторіи или обстоятельствъ, сопровождавшихъ данное изреченіе. Напримѣръ, пословицы: „Не во время гость хуже Татарина“, „Москва слезамъ не вѣрить“, „Нужда ить Сызрані пѣшкомъ въ Москву шла“; „Не великъ городокъ, да семь воеводъ“, „Душа на Великой“, а сердце на Волховѣ“ могутъ быть цѣрно поняты лишь при посредствѣ породившихъ оныя историческихъ обстоятельствъ. Изреченіе Питтака Митиленскаго: „Часть больше цѣлаго“ объясняется слѣдующимъ: Сограждане однажды предложили мудрецу, въ подарокъ, сколько тысяч акровъ земли; знал завистливый и непостоянныи характеръ Грекова; онъ взялъ всего сто акровъ и въ свое оправданіе сказалъ: „Часть больше цѣлаго“. По словамъ Корнеля Ненота (*Thrasyb.* IV), Питтакъ объяснилъ свою умѣренность въ слѣдующихъ словахъ: „Не дайте мнѣ того, чтò возбудить большую зависть, а еще болѣе алчность“ ¹⁾.

II. Возведеніе темы къ единству и выразумѣніе основнаго ея понятія.

а) Если смыслъ предложения, которымъ выражена тема, ясенъ самъ по себѣ или уясненъ однимъ изъ выше указанныхъ способовъ, нужно выразумѣть заключающейся въ ней вопросъ и поставить его со всемъ опредѣлительностью и ясностью. Вѣрная и точная поста-

¹⁾ Дабы не приходилось все давать разомъ, всѣ изысканія, названные ма-
ррафразой, нужно связывать съ разборомъ стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ еще въ среднихъ классахъ гимназіи, гдѣ пословицы и сентенціи могутъ быть темами для періодовъ. Рачительный учитель еще таакъ подготовить этого рода матеріалъ, нужный для его цѣлей въ старшихъ классахъ.

новка этого вопроса имѣть большую важность въ выполнении задачи: она указываетъ нить, которой должно держаться размыше-
ни при изобрѣтеніи доводовъ и доказательствъ. Темы, какъ: „Что такое предразсудки?“, „Что такое состраданіе?“, „Опасности уединенія“. „Источники дружбы“ очевидно не подлежатъ этому правилу, ибо первыя двѣ выражены въ формѣ вопроса, требующаго разрешенія, а двѣ остальные, хотя и не имѣютъ формы вопроса, за то ничѣмъ ею не затмиваются. Какъ поступать съ темами такого рода, будетъ сказано ниже. Предлагаемое, вдѣсь правило касается темъ, скрывающими вопросъ, требующихъ перифраза, хотя бы заключающихся въ нихъ мысль и не нуждалась въ уясненіи. Въ пословицѣ: „Шапочное замѣтство не пойдетъ въ потомство“ вопросъ заключается въ словѣ „не пойдетъ“; въ словахъ Горация: „Nil admirari“ — въ словѣ „nil“. Почему „не пойдетъ“? Почему „nil“? На эти вопросы дадутъ отвѣты: переборка частныхъ случаевъ съ людьми, которые всюду ющутъ замѣтство, и пересмотръ послѣдствій удивленія. Найдти въ нихъ понятие, въ которомъ вся ея сущность, или сократить ее въ такомъ понятіи значитъ возвести тему къ единству. Какъ точно выраженный и лѣжко поставленный вопросъ задравляетъ размышеніемъ, такъ единство вѣдущее существуетъ надъ всѣмъ сочиненіемъ: и надъ формой его, и надъ содержаніемъ. Единство темы и ставимый ею вопросъ предполагаютъ другъ друга: возведена тема къ единству, — отыскать вопросъ, и наоборотъ.

6) Если тема выражается несколькими сужденіями, то единство ея и вопросъ, ставимый ею, закрывается иногда разнообразiemъ формъ распространеніемъ, описаниемъ. Тема: „Время терпѣнію, врема тру-
дамъ, врема ученью, врема гульбамъ“ (Кудряшевъ) выражена четырьмя предложеніями, но единство ея просвѣчивается черезъ разнообразіе формъ. Первые три предложения выражаютъ одну и ту же мысль, а четвертое — другую; тамъ говорится о трудахъ, вдѣсь объ удовольствіяхъ послѣ труда. Всѣ четыре предложения сокращаются такимъ образомъ въ два, которыхъ, будучи возведены къ единству, даютъ слѣдующую тематическую мысль: естественное препровождение времени состоить въ смѣшѣ трудовъ удовольствіями. Въ этомъ послѣднемъ предложеніи единство, по видимому, нарушается тѣмъ, что при развитіи темы нужно будетъ обратить вниманіе на два понятия: трудъ и удовольствіе. Но, впервыхъ, для размышалящаго на данную тему послѣдняя возведена къ единству: размыщеніе его должно заниматься не „трудомъ и удовольствіемъ“, а „смѣшною труда удовольствіемъ“.

вторыхъ, хотя бы тема была поставлена такъ: „трудъ и удовольствія“, и тогда между этими понятіями находилось бы строгое единство: они другъ друга предполагаютъ въ нашемъ мышленіи, одно другое выясняютъ по *противоположности*. Единство, словомъ, заключается въ ихъ взаимномъ отношеніи. Это понятія *парныхъ*.

б) Еще легче обнаруживается тематическое единство, если предложения, которыи выражена тема, подчиняются одно другому.

а) Пусть, напримѣръ, темою будетъ стихъ Гомера: „Горе тому, кто себѣ на землѣ позволяетъ неправду“ (Одис., XVIII, 141). Принимая придаточное предложение за одно понятіе съ тѣмъ словомъ главнаго, къ коему оно относится, или просто раздѣляя все сложное предложение на два логическихъ члена, подлежащее и сказуемое, возведемъ тему къ единству (несправедливость не остается безъ наказанія) и отыщемъ тематический *вопросъ*: какое воздаяніе ожидаетъ человѣка несправедливаго?

б) Нѣсколько иной видъ того же самаго подчиненія представляетъ тема, взятая изъ Виланда: „Осчастливающее заблужденіе стоять истины, которая повреждаетъ въ отчалинѣ“. Въ темѣ, по видимому, нѣть единства; тѣль какъ вниманіе должно быть обращено въ одинаковой мѣрѣ на два противоположныхъ между собою понятія: „осчастливающее заблужденіе“ и „повреждающая въ отчалинѣ истина“; которые требуютъ отдельного уясненія (*definitio*), следовательно, могутъ быть темами отдельныхъ сочиненій. Но это было бы справедливо лишь тогда, если бы данные понятія не находились во взаимной связи, въ которую они поставлены въ Виландовой мысли, гдѣ они соединены по противоположности. Противоположные понятія сравниваются здѣсь въ одномъ предложении, какъ два правила практической жизни. При известныхъ обстоятельствахъ можетъ представиться *выборъ* между осчастливающимъ заблужденіемъ и повреждающей въ отчалинѣ истиной; чому тогда отдать предпочтеніе? Виландъ утверждаетъ, что слѣдуетъ выбрать заблужденіе. Можно ли съ нимъ согласиться? Такимъ образомъ, *единство* здѣсь заключается въ вопросѣ о *выборѣ* между двумя принципами, или еще лучше: въ вопросѣ о нравственномъ правилѣ, которое предписываетъ борьбу съ заблужденіемъ изъ-за истины, и тематический вопросъ становится таѣтъ: нужно ли предпочитать осчастливающему заблужденію истину даже и въ томъ случаѣ, когда последняя повреждаетъ въ отчалинѣ? Направленное на этотъ вопросъ размышеніе приведетъ учениковъ къ убѣждѣнію, что заблужденіе можетъ осчастливить лишь на время, а затѣмъ не замедлитъ по-

УРДАЛЬ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРЕСВЯЩЕНИЯ.

следовать унизительное для разумного существа и такое отчаяние, часто влекущее за собой новые ошибки и другое заблуждение; тогда какъ повергаемая въ отчаяніе истина возвышаетъ духъ, воспитываетъ мужество, побуждаетъ къ изысканію средствъ отвратить или облегчить непрѣятности.

г) Можно назначить тему два совершенно различныхъ предложения, различны даже и по происхожденію, если только между ними можетъ быть найдено единство, напримѣръ: „Авось—не Богъ, а полбога есть“ и „Авосевы дѣти не кормлены, авосевы города не горожены“. Обѣ пословицы можно обобщить по противоположности, и получится вопросъ: какимъ образомъ *одна и та же надежда* приводить къ смѣль противоположнымъ послѣдствіямъ, какъ это показываютъ основания на вѣковой народной мудрости пословицы?—Другой примѣръ: „Скупой богачъ бѣднѣе нищаго“ и „Скупость не глупость“. *Единство:* скучность имѣть свои свѣтлныя (бережливость) и темныя (скряжничество, мздомѣство) стороны. *Вопросъ:* въ какихъ случаяхъ скучность не унижаетъ человѣческаго достоинства?

д) Бывають случаи, что все разнообразіе темъ, выраженней несколькими предложениями, скрываетъ одно понятіе, опредѣленіемъ коего (*definitio*) рѣшается задача. Примѣромъ могутъ служить сѣдующія слова Тургенева: „Жизнь — не шутка и не забава, жизнь — даже не наслажденіе... жизнь — тажкий трудъ“ (Фаустъ). Въ этой темѣ три самостоятельныхъ предложения, но всѣ они опредѣляютъ одно и то же понятіе — *жизнь*. Первые два предложения опредѣляютъ это понятіе отрицательно, стало быть даютъ всей темѣ значение *полемическое*. Такимъ образомъ, главная изъ всѣхъ трёхъ мыслей — „жизнь тажкий трудъ“; на нее-то и должно быть устремлено вниманіе размышляющаго, ибо въ ней объединена тема. Тургеневъ не соглашается ни съ тѣми, которые считаютъ жизнь шуткой и забавой, ни съ тѣми, которые смотрѣть на нее, какъ на наслажденіе; но правъ ли онъ, называлъ *жизнь тажкимъ трудомъ*? Разнообразіе взглядовъ на жизнь возбуждаетъ *вопросъ:* что такое жизнь? и побуждаетъ къ рѣшенію его. Къ этого рода темамъ относятся и сѣдующія: „Жизнь не есть высшее изъ благъ“ (Шиллеру) — „Чтѣ́ такое предразсудки? — „Чтѣ́ такое комическое“? Всѣ эти темы требуютъ опредѣленія (*definiti.*) основныхъ своихъ понятій: высшее благо, предразсудки, комическое. Образцы генетическихъ опредѣленій, какъ задать самыхъ отвлеченныхъ и трудныхъ, имѣющихъ мѣсто лишь въ двухъ послѣднихъ классахъ, представлены ниже. По приведенной здесь системѣ излож-

женія, образцы определений слѣдовало бы помѣстить прежде образцовъ на темы, выражаемыя однимъ или несколькими сужденіями. Но такъ какъ это можетъ ввести кого-нибудь въ заблужденіе, что определенія должны предшествовать въ порядке упражнений въ искусственномъ изобрѣтеніи всѣмъ ниже налагаемымъ задачамъ, то образцы определений отнесены здѣсь въ концу ученія объ искусственномъ изобрѣтеніи.

е) Возведеніе темъ къ единству развиваетъ діалектическую ловкость. Чѣмъ разнообразнѣе форма и содержаніе темы, тѣмъ болѣе требуется искусства для отысканія ея единства. Но нужно помнить, что каждый членъ темы разрастается въ сочиненіи въ отдельную часть. А такъ какъ ни сила, ни ограниченное ученическое время, ни даже цѣль упражненія не позволяютъ не только требовать отъ учениковъ большихъ работъ, но даже и поощрять ихъ къ сочиненіямъ обширнымъ, который либо вынуждаютъ къ вредному напряженію только еще развивающихся юныхъ силъ, либо соблазняютъ къ недобросовѣтности и суетному желанію авторствовать, — то однимъ изъ существенныхъ качествъ темы должна быть опредѣлительность границъ и немногочленность, такъ чтобы взоръ размышляющаго ясно различалъ эти границы въ продолженіи всей работы, исходя изъ центра темы, то есть, ея единства. Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь не о переложеніяхъ или перифразѣ маленькихъ стихотвореній, не объ изъясненіяхъ небольшихъ лирическихъ шеся. Объясненіе „Поэту“ Пушкина, „Нѣмецкая Муза“ Шиллера и т. п. могутъ быть весьма цѣлесообразными упражненіями для ученика старшаго класса. Предостереженіе имѣть въ виду пространныя, многочленныя темы, нуждающіяся въ широкомъ развитіи и многочисленныхъ доказательствахъ, а также темы *безпределльныя* въ родѣ слѣдующихъ, коими такъ богатъ сборникъ задачъ Броссмана (*Aufgaben, Entwürfe und Gedanken zu deutschen Arbeiten. Langensalza 1869*): „Размышеніе о времени“, „Въ чёмъ состоить истинное народное образование?“ Нельзя также слѣдовать и примѣру Крибиша (*Siebensachen zu den stilistischen Uebungen der Schule Berlin. 1867*), который даетъ такія темы: „О лагерѣ Валленштейна Шиллера“, или: „Характеръ драмы Гёте •Ифигенія въ Тавридѣ“. Равнымъ образомъ нужно избѣгать темъ праздныхъ, какъ слѣдующая: „Dic, duc, fac, fer!“¹⁾.

¹⁾ Рассмотрѣнныя операции надъ темами указываютъ виды и послѣдовательность умственныхъ упражненій, которыми слѣдуетъ занимать ученика гораздо

III. Анализъ темы.

Когда тема изъяснена, воведена къ единству, выразимъ ея въ вопросъ, то прежде, чмъ перейти къ изобрѣтенію доказательствъ, нужно подвергнуть ее анализу. Какъ отысканіе тематического единства необходимо для точнаго обозначенія предмета задачи, такъ и разложеніе, или разчененіе тематической содержанія на составляющіе ею элементы необходимо для отысканія аргументомъ на поставленный вопросъ. Этотъ анализъ прежде всего состоитъ въ обосновленіи понятій, изъ коихъ слагается тема; ибо, дабы узнать цѣлое, нужно разсмотрѣть его части. Затѣмъ эти понятія нужно сблизить съ ихъ родовыми, высшими понятіями, либо сравнить съ сходными и противоположными, обставить для наглядности примѣрами (конкретными случаями). Вотъ что разумѣется здѣсь подъ анализомъ темы. Послѣ этого тема, выраженная однимъ или несколькими предложеніями, должна быть разложена на столько отдѣльныхъ предложеній, сколько икъ нужно, чтобы выразить не только ея содержаніе, но и мысли, ею предполагаемыя, которая для краткости будемъ называть предположеніями (Форм. Логика Сольтизина § 67).

Обратимся къ примѣру. Тема: „Благословь—это всю свою въ томъ ставить славу, что онъ лишился добрый человѣкъ“. Анализъ даетъ слѣдующій рядъ мыслей, обнимаемыхъ и предполагаемыхъ темою:

Мы все стремимся къ счастію. (Побужденіе къ размышенію на данную тему).

Но стремимся разными путями. (Примѣры различныхъ путей къ счастію).

ранѣе, чмъ онъ приступить къ сочиненіямъ на темы отвлеченные, требующія искусственного изобрѣтенія. А такъ какъ умственные упражненія всегда связываютъ съ разборомъ статей хрестоматіи, то такимъ образомъ опредѣляются цѣли и постепенность разбора. Разборъ статей хрестоматіи важенъ только какъ практическое упражненіе въ граматикѣ, стилистикѣ и формальномъ мышленіи. На основаніи перехода отъ легкаго къ трудному послѣдовательность упражненій въ формальномъ мышленіи опредѣляется такъ: 1) сраженіе: а) по сходству («Дубъ и Трость»—Крылова и Дмитріева, «Рейнисский водопадъ»—Карамзина и Жуковскаго); б) по различію (Садъ Альбиона и Поместье Ларъта, Островъ Циклоповъ и островъ Калипсо); в) по противоположности («Дубъ и Трость», въ баснѣ Крылова, «Утро» Никитина и «Ночь» Жуковскаго, Паюшкинъ и поэмъ-«промыкающейъ жизни» Гоголя, Французъ и Англичанинъ Карапизика); 2) виновное отношение событий (въ историческомъ разказѣ) и мыслей (въ размыщеніяхъ); 3) методы мышленія; 4) расположеніе; 5) единство произведения.

Иные ищутъ счастію въ славѣ, но не находя егъ въ ней. (Конкретные случаи).

Счастливъ лишь истинно добрый человѣкъ.

Предложенія, на которыхъ разчленена тема, ни сколько не затемняютъ единства: всѣ они говорятъ о счастіи и способахъ къ достиженію счастія. Подлежащій рѣшенію вопросъ, вытекающій изъ всѣхъ четырехъ вышеприведенныхъ сужденій, будетъ слѣдующій: какимъ путемъ достигается счастіе? Сверхъ того, выставленыя предположенія дали для будущаго сочиненія рядъ мыслей, прямо вытекающихъ изъ темы. Если бы даже сама тема и не давала повода къ предположеніямъ, ихъ нужно изыскать при помѣщи логическихъ категорій¹⁾, приведя мысль темы въ связь съ ближайшую общею, обставивъ конкретными случаями, подыскавъ сраженія и противныя.

Примѣры къ правиламъ I, II и III отдельновъ.

1) Намъ небо посылаетъ случай, къ иль онъ долженъ быть обдуманъ чадръкомъ. (Донъ Карлосъ, Шиллера).

а) Объясненіе языческихъ понятій. „Случай“: иногда это слово означаетъ *смѣу*, которая слѣпо распоряжается нашей судьбой, силу безцѣльную и несправедливую (*contrarium*); здесь же (отличие отъ родственна), съ которымъ данное понятіе можетъ быть смѣшано) слово „случай“ означаетъ обстоятельство, отношение, событие, которое не понятнѣмъ для насъ образомъ, независимо отъ нашей воли ставить насъ на истинный путь. Здесь слово „случай“ означаетъ все то, что находится въ людской власти и предусмотрительности. „Небо“, вместо Прорицаніе,—мудро и цѣлесообразно управляющая міромъ сила. „Цѣль“: это слово употреблено въ темѣ какъ противоположность случаю. „Обдуманъ“: название художнической дѣятельности, которая изъ грубаго камня вырабатываетъ статую.

¹⁾ Категоріи, говоря съ Гегелемъ, суть то же, чтѣ буквы алфавита, который мы сперва учимъ и при посредствѣ коего потомъ читаемъ. Ибо какимъ образомъ совершается наше методическое мышленіе? Съ одной стороны, оно представляетъ постолмое постороннѣе извѣстныхъ логическихъ категорій (Аристотелевы тѣко!), каковы: положеніе, отрицаніе, подобіе, различіе, противоположность, общее, частное; причина, основаніе, слѣдствіе; возможность, необходимость. Оъ другой сторонѣ, оно направляется на реальную сторону: на мыслимый предметъ, его признаки и отношения, на сужденіе о всемъ этомъ (Аристотелево *сібї*), что составляетъ особый предметъ знанія. Знакомство съ категоріями

Результатъ объясненія: Случай есть сырой материалъ, который каждый человѣкъ, подобно художнику, обрабатываетъ для своихъ цѣлей; человѣкъ имѣть большую власть надъ случаемъ: онъ можетъ пользоваться имъ по своей волѣ; сила случая незначительна: онъ служить только поводомъ, приманкой для свободной дѣятельности человѣка.

б) *Анализъ темы:* общія, родственныя, противоподложныя мысли, конкретные случаи. „Все зависитъ отъ случая“! говорить весь міръ. „Авоська не Богъ, а полбога есть“. Слабъ и ничтоженъ человѣкъ предъ случаемъ: случай мгновенно разрушаетъ человѣческие планы и уничтожаетъ многолѣтніе труды. Необходимо подчиняться силамъ, которые опредѣляютъ нашу судьбу; мы не властны надъ ними. Но Шиллеръ утверждаетъ совершенно *противное*. Конкретные случаи для подтверждения словъ Шиллера (они берутся здѣсь, какъ и всегда, изъ частной жизни, изъ исторіи отдѣльныхъ лицъ, государствъ и народовъ). *Contrarium* (противное) къ понятию „обдѣлъ“: юстицеское самоотреченіе: иные охотнѣе соглашаются быть раздавленными камнями, чѣмъ обдѣлать ихъ по своему желанію; иные позволяютъ судьбѣ играть собой.—Примѣръ высшаго возврѣнія на значеніе случая находимъ въ поведеніи маркиза Пози (Донъ Карлосъ); мысль, заключающаюся въ нашей темѣ, онъ принялъ за правило своей жизни.

2. „Терпніе и трудъ все перетрутъ“ (пословица).

а) *Объясненіе главныхъ понятій предложенія:* терпніе, безропотное перенесеніе несчастій, неудачъ; здѣсь же это слово означаетъ неослабное прилежаніе; „трудъ“, тягостная усилия, утомительная дѣятельность, но въ пословицѣ—усердная работа; „перетирать“ обозначаетъ дѣйствіе мельничного жернова, который твердое и круиное зерно превращаетъ въ мелчайшую и мягкую муку; въ пословицѣ „перетреть“—метафора.

Результатъ объясненія: Постоянный, терпѣливый, руководимый любовью къ предположенной цѣли трудъ мало по малу преодолѣ-

такъ же необходимо для каждой задачи, какъ и знакомство съ предметомъ мысленнымъ. Это именно тѣ самыхъ діалектическихъ средствъ, какъ употребляются во всѣхъ случаяхъ, когда частоты нужно привести въ научный порядокъ, дать имъ единство, когда требуется сгруппировать и поставить во взаимную связь различные признаки предметовъ. Съ категоріями ученикъ долженъ въ первый разъ ознакомиться еще въ преподаваніи граматики, или учитель пользуется при разборѣ статей и подборѣ и группировкѣ матеріала на темы, контролирующей приватное чтеніе.

ваетъ всѣ препятствія, обрабатываясь для своихъ цѣлей, какъ жерновъ сухъ и твердъ тертираеть въ муку. Сила терпѣнія труда не преодолима:

6) *Анализъ темы.* Сама тема не заключаетъ въ себѣ предположеній, они должны быть высказаны при помощи категорій. Въ данномъ случаѣ можетъ идти въ дѣлу *contrarium*: есть люди (частное противоположеніе), которые думаютъ, что они ничего не могутъ достичнуть либо по недостатку дарованій, либо по неимѣнію средствъ, либо потому, что имъ всюду заслоняютъ дорогу другіе, мѣшаютъ обстоятельства. Но пословица утверждаетъ, что терпѣніемъ трудъ все преодолевается! Проблема (вытекающая изъ противорѣчія): что служитъ основаніемъ столь противорѣчивыхъ взглядовъ на трудъ? Одни полагаются во всемъ на счастье, природу, обстоятельства, ждутъ помощи изънѣ, другіе напротивъ отъ самихъ себѣ ищутъ средствъ и умѣнья преодолѣвать трудности. Первые не имѣютъ терпѣнія вырабатывать свои силы, вторые обладаютъ имъ.

Второе *contrarium*: есть и такие люди, которые презрительно отзываются объ утомительномъ труде, считая его прозаическимъ, скучнымъ, таогстнымъ, унизительнымъ. Даже въ Библіи имѣется съ проклятиемъ возлагается на первого человека трудъ въ потѣ лица. Трудящійся человѣкъ — рабъ, чернорабочій, волъ. Пословица иначе смотритъ на трудъ: терпѣніе и трудъ дѣлаютъ человека господиномъ своей судьбы, доставляютъ ему свободу, возвышаютъ его въ собственныхъ глазахъ и во мнѣніи другихъ, ведутъ его въ счастье, даютъ ему силу превозмочь то, что кажется непреодолимымъ.

Третье *contrarium*: Есть, наконецъ, и такие, которые допускаютъ, что трудомъ и прилежаніемъ можно достигнуть незначительныхъ послѣдствій, но истинно великое, по ихъ мнѣнію, требуетъ иныхъ силъ. Проблема: какихъ?

Примѣчаніе. Въ классной бесѣдѣ реальная сторона дѣла, или изобрѣтеніе материала на данную тему, смыкается стороной *формальностью*, то-есть, уразумѣніемъ способа, какимъ добыты полученные мысли. Если справедливъ взглядъ на сочиненіе, какъ на лучшую подготовку къ послѣдующимъ научнымъ занятіямъ, то подвергніе темы классному обсужденію, должно строго следить за различіемъ между формальною и реальной сторонами работы при каждомъ новомъ шагѣ мышленія. Только въ такомъ случаѣ будетъ достигнута цѣль упражненій въ искусственномъ изобрѣтеніи. Въ размышленіи на данную тему реальную чисть предложеній дали три тематическихъ попытки: *первое противоположеніе*

ное, изобретенное на понятие „терпимія“, *авторое* — на понятие „труд“, *третье* — порождено понятием „все“ перетрутъ“. Со стороны формальной размышленіе воспользовалось при изобрѣтѣніи трехъ групп предположеній категоріей противоположности: общеутвердительной сужденію, выражаемому пословицей, противопоставлены три частные взгляды на *отношение къ труду*, на *самый труд* и на *его значеніе*. Третье *contrarium* вызвало проблему, которая вновь размѣшила въ область понятия „все“. Куда должно идти въ такомъ случаѣ размышленіе, это будетъ указано ниже.

3. „Шапочное знакомство не пойдетъ въ потомство“ (исполн.)

а) *Объяснения* требуютъ слова: „шапочное“ (случайное, не основанное на взаимномъ уваженіи; не скрытое никакими интересами) и „не пойдетъ въ потомство“ (не продолжительно, не долговѣчно, не надежно, бесполезно). *Разуменіе объяснения*: на случайное знакомство нельзя ни въ чёмъ разчитывать.

б) *Анализъ темы*: Есть люди, которые ищутъ знакомствъ и, стараются быть знакомыми какъ можно съ большими числомъ лицъ, иногда внахъ своихъ знакомыхъ лишь по имени. Иные, напротивъ того, избѣгаютъ знакомствъ, ограничиваясь немногими, избранными лицами, съ коими они связаны либо узами дружбы, либо какими-будь интересами. Какъ нужно смотрѣть на желаніе имѣть много знакомыхъ? Къ знакомству настъ побуждается *общительность*. Людская сущность ищетъ почета и уваженія. Неуваженіе *трудно* переносится. Кто имѣть большое знакомство, тѣтъ повидимому находить уваженіе, и помошь, и совѣтъ (*польза*). Расположеніе въ наимъ друзей можетъ считаться признакомъ правильности нашихъ стремлений, можетъ поощрять настъ: *honor ait artem*. При изобрѣтѣніи приведенныхъ *предположеній* размышленіе пользовалось категоріями *противоположности* (шапочное знакомство бесполезно, но одни его ищутъ а другіе избѣгаютъ), *причины* (общительность и сущность), и *цель* (польза).

IV. Изобрѣтеніе доводовъ и доказательствъ (Этологія).

Послѣ того, какъ тема изменена, возведена въ единству, отъ канъ подлежащей рѣшенію вопросъ, тематическое сужденіе обсѣклено предположеніями, — размышленіе направляется на изобрѣтѣніе доводовъ и доказательствъ.

Sedes ac domicilia adiutoriorum, какъ Цицеронъ называетъ источники доводовъ, выражаются въ *тематическомъ вопросѣ* (III); въ

этому вопросъ или тематическое суждение должно быть разложено на его составные части. Въ немъ нужно отыскать *тематическое подлежащее отъ тематического сказуемаго и выяснить въ нихъ взаимное отношение*.

А. Тематическое подлежащее и сказуемое.

Тематическое суждение, тематическое подлежащее и сказуемое нельзя смѣшивать съ предложениемъ, которымъ выражена тема, и съ грамматическими и даже логическими членами онаго. Тематическимъ суждениемъ мы называемъ то суждение, которое вытекаетъ изъ нѣсколькихъ суждений: изъ суждения, представляющаго *единство* темы и *предположений*, — то суждение, которое показываетъ, какъ мы разумѣемъ данную тему. Выдѣленный изъ темы или изобрѣтенный для нея *предположенія* выдвигаютъ всегда одно какое-нибудь понятіе, о которомъ они что-нибудь *сказываютъ*; то, что всѣ предположенія вѣдѣтъ сказываются о предметѣ, называемъ *тематическимъ сказуемымъ*, а понятіе или понятія, за которыми они что-нибудь утверждаютъ, — *тематическимъ подлежащимъ*. Изъ приведенныхъ выше темъ, выраженныхъ сложнымъ предложениемъ, видно, что грамматическое и логическое подлежащее и сказуемое часто не совпадаютъ съ тематическимъ; часто бываетъ такъ, что грамматическое и логическое подлежащее становится тематическимъ сказуемымъ. Тема, напримѣръ, выражена слѣдующими стихами Карамзина: „*Кто въ мірѣ и любви умѣть жить съ собою, тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ*“. По возведеніи ея къ единству, получится вопросъ: въ чёмъ заключается *источникъ нашею благополучію*? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, мыслью, требующую изслѣдованія, тематическимъ сказуемымъ, служить: „*умѣніе жить въ мірѣ и любви съ самимъ собой*“. Тематическое суждение, стало быть, формулируется такъ: *источникъ человѣческаго благополучія — міръ съ совѣстю (съ нашимъ внутреннимъ человѣкомъ)*. Здѣсь сказуемымъ стало то, что въ темѣ было грамматическимъ и логическимъ подлежащимъ. Возьмемъ другой примѣръ. Ставится темой слѣдующее предложение Карамзина: „*Она (Петровъ) любила мое младенчество такъ же, какъ я любилъ ее мужество*“. Это предложение не есть тематическое суждение, то-есть, не есть то, что подлежитъ развитию, что должно быть разложено на тематическое подлежащее и сказуемое. Вопросъ, подлежащий решенію, вытекаетъ изъ этого предложения слѣдующій: на чёмъ основывается дружба? Она обусловлена слѣдующими *предположеніями*: многие говорятъ, что

дружбы утверждается на одинаковости и сходствѣ (характера, природныхъ дарований, положенія); но она можетъ быть основана и на некоторой противоположности; Карамзинъ утверждаетъ, что его дружба къ Петрову основывалась именно на противоположности характеровъ. Возникаетъ *недоумѣніе*, побуждающее къ изслѣдованию причинъ. Въ листѣ *Возникшіе недоумѣніе* утверждается, что въ данномъ случаѣ *противоположность* поддерживаетъ дружбу? Этотъ вопросъ и есть тема. Гдѣ здѣсь тематическое подлежащее? — основанія дружбы. А сказуемое? — изъ ствальная противоположность характеровъ.

Такимъ образомъ, тематическое подлежащее и сказуемое разъ знаются не по грамматической конструкціи, не по логическому изъ значенія, а вразумляются изъ *отношенія* членовъ ряда подразумеваемыхъ ими предполагаемыхъ, подготавливющихъ и руководящихъ мыслей и понятий. То, что въ движении мыслей, направлении и известный пунктъ, всего прежде используется на поверхность, буде тематическое подлежащее, а все оставшее тематическое существо. И правило точныхъ неизготь счетъ дать нельзя. Упражненіи и практическій навыкъ замѣняютъ адѣль правила.

По отдѣлѣніи тематического подлежащаго отъ сказуемаго, представляется обыкновенно вопросъ: можетъ ли это сказуемое быть утверждаемо хотя бы даже въ противоположность другимъ, бѣже известными, утвержденіямъ, за подлежащимъ, на которое вадитъ цѣлый рядъ мыслей? Вопросъ этотъ касается уже *исключимости* тематического сужденія. Въ глазахъ предполагаемаго читателя поставленный вопросъ тогда только будетъ решеннымъ, когда устранитъ всѣ мнѣнія, опровергнутся *возраженія* (*instantiae negationes*) и будетъ показано, что на дѣло надо смотрѣть такъ, а не иначе. Въ решеніи тематического вопроса важную роль играютъ *негативныя истины*. Выходятъ впрочемъ случаи, когда можно обходиться безъ привлѣкания негативныхъ *инстанций*; противники иной разъ можетъ быть опровергнуты и прямымъ ходомъ доказательствъ, равно какъ и раскрытиемъ истины. Но всегда нуждается въ противоположеніяхъ. Но уже естественный ходъ мыслей заставляетъ насъ самихъ закинуть положеніе противника, отыскивать слабыя его мѣста, придумывать возраженія; и обстоятельная критика противныхъ мнѣній служить для насъ ручательствомъ въ вѣрности нашихъ собственныхъ.

Въ педагогическомъ отношеніи способъ изобрѣтенія доказательствъ можетъ дѣлиться на *реторический* и *логический*. Разница между ими лишь та, что реторический способъ даетъ изобрѣтателю въ руки

водство готовую схему, ознакомление съ коей подготавливаетъ учащагося къ свободному изобрѣтию доказательствъ (логическому изобрѣтенію).

Б. Риторический способъ изобрѣтения доказательствъ.

1) Схема хри (chria aphthoniana).

Форма риторического сочиненія, изобрѣтенная въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Х. риторомъ Аеониемъ, отъ которого и получила свое имя, состоитъ изъ восьми частей: 1) *exordium* cum laude auctoris (изрече-
ніе съ уважаніемъ его происхождения), 2) *expositio* (изъясненіе изрече-
нія), 3) *causae* (основанія, подтверждающія или оправдывающія изрече-
ніе), 4) *contrarium* (опроверженіе противоположныхъ мнѣній
или приведеніе доказательствъ отъ противнаго), 5) *exempla* (подтвер-
жденіе самой истины или отвлеченныхъ доказательствъ примѣромъ
историческимъ или теоретическимъ), 6) *simile* (объясненіе доказан-
ного сравненіемъ), 7) *testimonia* (подтвержденіе доказанного мнѣніями
или словами авторитетовъ литературныхъ или историческихъ), 8) *con-
clusio* cum adhortatione (выводъ изъ всего сказаннаго съ указаниемъ
примѣненія добытаго результата).

Сохраняя до сихъ поръ свое значеніе для приступающихъ къ от-
влеченіямъ темамъ, схема хри давно подверглась осмѣянію за не-
естественное однообразіе, предписывающее мысламъ группироваться
такъ, а не иначе. Думать и разсуждать по схемѣ хри не возможно; но
этого и не требуетъ ни одна породочная риторика. Ломоносовъ, зна-
токъ риторического искусства, предписываетъ полную свободу въ раз-
вѣщеніи и выборѣ частей хри, отъ четырехъ до семи включительно.
Если принять во вниманіе, что темою хри всегда назначалось какое-ни-
будь сужденіе морального содержанія, обсужденіе которого всего есте-
ственнѣе начать замѣчаніемъ объ авторѣ или обстоятельствахъ, со-
провождавшихъ высказанную сентенцію, дабы такимъ образомъ при-
дать ей въ глазахъ слушателя или читателя силу удобопримѣнимо-
сти или авторитетности; что изъ обсужденія какой бы то ни было
моральной истины необходимо вытекаетъ правило для руководства
ер въ жизни,—то *exordium* и *conclusio* стоять на своемъ мѣстѣ въ
схемѣ хри, и суть необходимы, органически ея звеня, и не только
не заслуживаютъ осмѣянія, но должны быть удержаны, и какъ
показываютъ лучшіе отечественные и иностранные образцы духов-
наго краснорѣчія, постоянно удерживаются съ пользою духовными и
даже свѣтскими ораторами. Обратить же въ рутину и довести до

смѣшнаго, даже нелѣнаго, можно все, какъ извѣстно; но не менѣе извѣстно и то, что все хорошо на свое мѣсто. Итакъ, разсуждая въ рѣчи, приходимъ къ заключенію, что школы не изъ-за чего вооружаться противъ хрип и подвергать ее преслѣдованию; то же самое подтвердить и пересмотрѣть значенія ея частей для методического мышленія. Expositio соотвѣтствуетъ ряду тѣхъ операций надъ темой, которыя подготовляютъ размыщеніе къ изобрѣтенію доказательствъ, а естественные доказательства, какъ это будетъ выяснено ниже, состоять изъ оснований прямыхъ (*causae*) и отъ противнаго (*contraria*) которыхъ подкѣрѣщаются доводами: *simile*, *exempla*, *testimonia*. За исключениемъ *exordium*: *cum laude auctoris* (который имѣеть надлежащее приложеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда сентенція стомъ въ связи съ какимъ-либо историческимъ обстоятельствомъ или жизнью изрѣкшаго), да *conclusio*, если только оно не представляетъ избитой морали, очевидно вытекающей изъ предыдущаго, всѣ схемы хрип являются естественными и неизбѣжными отправленіями мышленія. И только у насъ, да и то лишь вслѣдствіе реакціи старой рутинѣ, хрип изгнали изъ числа школьныхъ упражненій, и до того безусловно, что о ней едва упоминается при изученіи Ломоносова; тогда какъ во всѣхъ почтенныхъ немецкихъ руководствахъ, сборникахъ темъ и материаловъ, программахъ, даже и во французскихъ, ей отведено надлежащее мѣсто.

Упражнять учениковъ старшихъ классовъ въ сочиненіи хрип, пріучать ихъ расположать свои мысли по схемѣ хрип было бы безполезно и даже вредно. Мѣсто для упражненія въ хрип тамъ, где учитель находить возможнымъ и своевременнымъ перейти отъ темъ конкретныхъ къ общимъ, отвлеченнымъ. Хрип тутъ окажеть ученику самую существенную пользу при изобрѣтеніи материала. Если онъ и расположить изобрѣтенный материалъ въ томъ же искусственномъ порядке, какой указываетъ хрип, этого пугаться не слѣдуетъ: ибо какой бы то ни былъ порядокъ всегда лучше беспорядка, въ которомъ являются начинающему размыщлять его мысли; а вторыхъ, было бы несправедливо требовать отъ начинающаго 'выполненія двухъ задачъ до разу: изобрѣтенія материала на данную тему и надлежащаго расположения онаго. Предупреждая возраженіе, нужно замѣтить, что составленіе расположенія (*dispositio*) статей хрестоматіи и сочиняемыхъ учениками описаній, разказовъ, даже задачъ изъ вычитанного материала, совсѣмъ не то, что расположение изобрѣтеннаго материала на тему общую: то — риторическое, а это — логическое, 'требующее

большаго навыка въ отвлечениі, большаго умственнаго развиція. На первый разъ даже нельзя уполномочить учениковъ разставлять части хрип по произволу, или предоставить размѣщеніе собственному логическому чутью учащагося. Это возможно только въ послѣдствіи, когда онъ сживется съ хрипъ, когда ему можно будетъ растолковать, что въ порядкѣ большинства ея частей нѣтъ логической законности. Образцомъ того, какъ пользоваться схемою хрип безъ ущерба естественному течению мыслей служитъ весьма близкое къ хрипъ разсужденіе Ломоносова: „О пользѣ книгъ церковныхъ въ российскомъ языке“.

Примеръ хрипъ: „Adhuc tua messis in herba est.“ Ovid.

1) *Exordium cum laude auctoris.* Эта сентенция высказана Овидіемъ въ письмѣ Елены въ Парижу. Мастерское изображеніе внутренней борьбы Медеи въ то время, когда ей предстоитъ выборъ между отцомъ и Ясономъ, достаточно показываетъ, что Овидій былъ знатокъ человѣческаго сердца. Онъ собственнымъ опытомъ позналъ, до какой степени охотно человѣкъ предается надеждамъ, и какъ съ другой стороны ему бываетъ горько въ нихъ разочароваться; поэтому высказанное имъ нравоученіе имѣть значеніе правила житейской мудрости.

2) *Erositio.* Изреченіе означаетъ, что нельзя разчитывать на осуществленіе нашихъ ожиданій, какъ нельзя надѣяться на плодородіе еще только зеленѣющей нивы.

3) *Causae:* а) Чѣмъ съ большою увѣренностью мы разчитываемъ, тѣмъ тажеѣ для насъ обманъ и разочарованіе. Мы лишаемъ себя этимъ даже того утѣшения, что кажущаяся потеря на самомъ дѣлѣ можетъ быть цѣннымъ выигрышемъ.

б) Судьба, какъ всякий знаетъ, дѣйствуетъ не по нашимъ желаниямъ, а человѣкъ, по ограниченности своихъ духовныхъ силъ, не можетъ все предусмотрѣть, все принять въ соображеніе; поэтому съ увѣренностью разчитывать на исполненіе своихъ ожиданій значитъ — обнаруживать крайнее слабоуміе.

в) Страна воздушные замки, человѣкъ выпускаетъ изъ рукъ дающійся ему случай, которымъ бы могъ воспользоваться къ своей выгодѣ. Собственное благостояніе мы скорѣе и легче улучшаемъ трудомъ, чѣмъ тщетнымъ разчетомъ на случай.

4) *Contrarium*. Кто умѣренъ въ своихъ желаніяхъ, кто не позволяетъ себѣ обольщаться надеждами, тотъ спокойно переносить, если они не осуществляются. За то всякое улучшеніе благосостоянія, добное собственнымъ трудомъ, приносить человѣку сугубую радость.

5) *Simile*. Самая тема вызываетъ въ нашемъ воображеніи представление зеленѣющейся нивы, при видѣ которой земледѣльцъ слить себѣ полные закромы хлѣба, но вдругъ дождь и градъ и вредная росы уничтожаютъ его надежды. Такъ бываетъ и съ нашими ожиданіями и надеждами.

6) *Exempla*. Съ какою увѣренностью въ завоеваніи Палестины правлялись крестоносцы въ Азію, съ какою надеждою на покореніе Русского царства Наполеонъ I вступалъ въ предѣлы Россіи!

7) *Testimonia*. Пословицѣ: „Авосевы города не горожены, Авосини дѣтки не рожены“. „Авось да живеть къ добру не довѣрь“ Лермонтовъ: „Желанья, надежды?... Чѣмъ пользы напрасно и вѣрою желать“. Шиллеръ: „Чѣмъ значать надежды, чѣмъ значать ими вѣрить? человѣкъ, этотъ сынъ мгновенья, строить на сметанѣ почвъ“.

8) *Conclusio*. Человѣкъ здравомыслящий не позволяетъ себѣ быть игрушкою надеждъ и утѣшаться мечтаніями. Онъ добросовѣстенъ и несетъ свой долгъ, а во всемъ остальномъ возлагаетъ упованіе на Годъ. Чьи судьбы неисповѣдимы.

I.

Когда ученики приобрѣтутъ навыкъ развивать данную тему по схемѣ хри, что обыкновенно достигается скоро, до того скоро, что они успѣваютъ затвердить порядокъ ея частей, пріучиться къ его искусственности, можно взглянуть на схему хри критически, при чмъ большую помошь оказываетъ преподавателю разборъ разсужденія Ломоносова „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языке“ На этомъ разцѣ можно показать, какъ пользоваться схемою хри и въ томъ случаѣ, когда въ темѣ заключается не общая моральная истинка, притомъ, пользоваться не только для изобрѣтенія доказательствъ и для развитія ихъ. Всльдъ за разборомъ статьи Ломоносова назначается тема, къ обработкѣ которой примѣняются указанніи приемы.

Примѣръ: „Тѣстинный жребій печальмаю рабствѣа истребленію отъ человѣкъ лучшую половину доблестей“. Одиссея, XVII, 322.

Вопрос: Почему рабство лишает человека доблестей? Не прибыва-
гая въ схемѣ хри, потому что требуется только подтвердить истину;
заключающуюся въ темѣ, прямо ищемъ отвѣта на поставленный во-
просъ.

1) Рабство дѣлаетъ прилежнаго работника лѣнивымъ и лукавымъ
рабомъ,

а) потому что не онъ самъ, а другой пользуется плодами его
трудовъ;

б) потому что онъ дѣйствуетъ не самостоятельно, а только вы-
полняетъ распоряженія своего господина, которая часто не согла-
суются съ его видами и даже противорѣчатъ онымъ.

2) Пренебреженіе человѣческихъ правъ и пренебреженіе къ личнымъ
выгодамъ раба возбуждаетъ въ немъ ненависть и злобу къ господину.

3) Горькая подневольная участъ убиваетъ въ рабѣ вѣру въ Про-
vidence.

Всѣ эти три основанія могутъ быть разбиты при посредствѣ схемы
хри. Мысль, а) что рабъ дѣлается лѣнивымъ и лукавымъ потому, что
онъ работаетъ только на господина, а не на себя, можетъ быть раз-
вита отъ *протиеною*. Сѣверо-американскій хозяинъ-землѣдѣлецъ, по-
нимая свою выгоду, содержитъ своихъ работниковъ въ довольствѣ и
чистотѣ, питаясь съ ними за одинъ столомъ и одной же
обильною и здоровой пищей, предоставляя имъ достаточное время для
отдыха и развлечений, руководствуясь ихъ дѣльными замѣчаніями,
щедро оплачивая трудъ; поэтому тамъ не отличишь работника отъ
хозяина ни по образу мыслей, ни по нравственному достоинству.

Мысль, б) что лишеніе самостоятельности въ труде ведетъ къ
лѣни, апатіи, можно подтвердить *примѣромъ* нашихъ крестьянъ при
крѣпостномъ правѣ, которые не выказали никакихъ успѣховъ ни въ
улучшении своего быта, ни въ веденіи хозяйства, ни въ обработкѣ
земли.

Второй пунктъ, — что постоянное угнетеніе изнуряетъ и ожесто-
чаетъ человека, подтверждается *сравненiemъ*, *примѣромъ* и *свидѣтельствомъ*. Плодоносѣйшее поле человѣческаго сердца превра-
щается въ пустырь, если его оставить безъ воздѣлыванія и отдать
во власть злому врагу, который посыпть его плевелами и такимъ об-
разомъ истребить даже и остатки добрыхъ зародышей. Угнетеніе
устраняетъ всѣ поводы къ проявленію добровольного повиновенія,
благодарности и многихъ другихъ добродѣтелей, воспитывая лукав-
ство, злобу и желаніе мести. Вотъ откуда вытекли ужасы кровавыхъ

войнъ, которыми ознаменованы восстания рабовъ древняго и новаго міра. Римляне говорили: *quot servi, tot hostes.*

Подтверждение для третьаго пункта изобрѣтается отъ *противного*. Господствующее понятіе о Провидѣніи, что оно неусыпно печется о нашемъ благосостояніи, рабъ примѣняетъ къ своему положенію и къ положенію своего господина. Выводъ, получаемый имъ: Провидѣніе покровительствуетъ жестокому и справедливому господину, а его, безвиннаго и беспомощнаго, заставляетъ страдать. Результатъ его размышленія: ропотъ, отчаяніе, утрата вѣри въ Промышль.

Но (возраженіе) Гомеръ свидѣтельствуетъ о потерѣ только *неко-
ими* добродѣтелей, потерять же вѣру въ Провидѣніе значить—потер-
ять все! Значить Гомеръ не правъ?

Решеніе недоумѣнія: Слова Гомера доказываютъ только, что положеніе греческихъ рабовъ его времени было сравнительно весьма легкое; невольники же жестокихъ американскихъ плантаторовъ часто теряли добрыя качества всѣ до единаго.

2) Другія риторическія схемы.

Риторика, кромѣ хрія, предлагаетъ, какъ вспомогательныя средства при изобрѣтениі, еще двѣ слѣдующія схемы, которые для удобнѣйшаго запоминанія выражаются гекзаметромъ:

„Quis? quid? ubi? quibus auxiliis? cur? quomodo? quando?“

„Quis? quid? cur? contra, simile et paradigmata, testes“.

Главное назначеніе обѣихъ схемъ — судейскія рѣчи, гдѣ онѣ могутъ быть примѣнены съ большою пользою, какъ *пособъ* къ изобрѣтенію; ту же самую услугу онѣ могутъ оказать при нѣкоторыхъ родахъ и школьныхъ письменныхъ упражненій. Первою схемой можно воспользоваться при изобрѣтениі на темы историческія, второю—при аргументації сентенцій, то-есть, въ тѣхъ случаяхъ, когда позволительно пользоваться и схемою хрія.

Приложеніе первой схемы. Тема: Пища боговъ и земныхъ обита-
телей, по Иліадѣ и Одиссеѣ¹⁾.

¹⁾ Тема эта, конечно, можетъ быть назначена лишь послѣ того, какъ уча-
щіеся ознакомятся съ впосомъ Гомера на урокахъ греческаго языка, или когда
Иліада и Одиссея въ переводѣ Гибдача и Йуковскаго служили предметомъ при-
ватнаго чтенія. Тема можетъ быть въ такомъ случаѣ контролемъ прочитанного.
Она можетъ быть раздѣлена на двѣ темы: а) Пища боговъ, б) Пища смер-
тнаго; можетъ быть, наконецъ, разработана или по Иліадѣ, или по Одиссеѣ.
Главы Иліады означены римскими, а главы Одиссеи—арабскими цифрами.

I. Quis? а) Боги, б) Земные обитатели: люди, животные.

„Ни брашнь не ядуть, ни отъ гроздій вина не вкушають“, V, 342. „Смертнымъ рожденъ и плодами Деметры воскормленъ“, XIII, 322. „Кони вождей при своихъ колесницахъ стояли, лотось одинъ и селину болотную щипля“, II, 775. „Смертный ты мужъ и воскормленъ плодами земными“, VI, 142. „И самихъ распостеръ ихъ въ корысть плотояднымъ птицамъ и псыамъ“, I, 4. „Ежели въ сонмѣ боговъ возвыгаете смуту! изчезаетъ радость отъ *тишины* свѣтлого“, I, 575. „Каждый кормомъ обильнымъ коней напитай подъяремныхъ“, II, 383. Пища и питаніе людей имѣютъ у Гомера гораздо больше *подраздѣлений*. Онъ различаетъ столъ царей, прислузы, нищихъ; упоминаетъ о пицѣ разныхъ *возрастовъ*, о столѣ *почетномъ*.—Куда отнести пищу Циклопа?

а) Столъ *боговъ*.—Quid? Нектарь и амброзія: „Богиня (Калипсо) съ сладкой амброзіей нектарь ему (Эрмію) подала пурпуровый“, V, 93—96, 194—200; „Пелееву сину нектаромъ Зевсова дочь и амброзіей сладкой незримо грудь оросила, да немощь отъ глада его не объиметь“, XIX, 353. Даже кони боговъ пытаются амброзіей: Ириса, отрѣшивъ коней отъ ярма (на Олимпѣ), предложила имъ амброзію въ пищу; конямъ Геры „Симоись разослали амброзію сладкую въ пищу“, V, 369, 777; Посидонъ „въ безднѣ пучинной залива“, коней „отрѣшивъ отъ ярма, амброзической пищи имъ бросилъ въ кормъ“, XIII, 35.

Quibus auxiliis? У Зевеса то Геба разливаетъ нектарь и всѣмъ разносить богамъ, IV, 1—5, то Гефестъ, I, 595—9. Въ должности же *виночерпія* при Зевесѣ состоялъ Ганимедъ, XX, 234.

б) Между названными у Гомера земными обитателями нужно отличить сначала животныхъ (лошадей), а потомъ людей, какъ самые значительные виды.

а) *Пища лошадей*. Quid? Бѣлый ячмень и сладкая полба, V, 196; VIII, 564; IV, 41; лотось, селина болотная. Ubi? Ясли, лугъ.

б) *Пища людей*.

Quis? 1) Разныя состоянія: *Свинопасъ, нищий, наемные жнецы*, цари и гости, *рассточающіе* Одиссеево добро женихи, Циклопы. Quid? Эвней говоритъ, что ему неприлично юсть господскую свинину, и довольноствуется поросатиной, которую угощаетъ и нищаго; въ городѣ нищему подаютъ краюшку хлѣба и вина (14, 72—81; 15, 312). Наёмными жнецами готовится въ полѣ кушанье изъ бѣлой муки на ужинѣ (XVIII, 560). Цари: брашна и тучная пища, вина изящные, сладкія,

земля плодить имъ виноградъ и пшеницу (XII, 311 и далѣе). Женщины Пенелопы жарятъ на угольяхъ козы желудки, наполненные жиромъ и кровью, по одному на человѣка (18, 44; 20, 25). Циклопы питались овечьимъ молокомъ и сырьемъ; Полиоемъ пожираетъ Одиссеевыхъ спутниковъ (9, 219; 10, 116).

2) *Пища дѣтей*: Quid? Quibus auxiliis? Ахиллеса у себя на колѣнъ вормята воспитатель Фениксъ крошеною пищей и поймъ виномъ (IX, 487); Астіанаксъ на колѣнахъ у отца питался лишь мозгомъ агнцевъ и тукомъ овецъ (XXII, 501).

3) *Почетные юсти*: Quid? Quomodo? Агамемнонъ на пищу во-чили Аякса „безконечнымъ хребтомъ“ телячими (VII, 321); Диомеда Даная почтили въ пиршествахъ мястомъ, брашномъ и полными кубками (VIII, 162); Ахиллесъ угощаетъ депутатовъ хребтами утученныхъ овецъ и козъ, изжаривъ ихъ на вертелѣ и окропивъ священ-ною солью, разставивъ хлѣбъ въ красивыхъ корзинахъ (IX, 206 и др.); Менелай подаетъ гостямъ за трапезой кусь бычатины, отдѣливъ его отъ почетной части (IV, 65); ключница Нестора снабжаетъ на дорогу Телемака хлѣбомъ, виномъ и пищею, какая царямъ лишь прилична (III, 479); Одиссей даетъ за столомъ Демодоку „почетную часть“ веп-рины изъ хребта вепря (VIII, 475).

По отдѣленіи такимъ образомъ всего второстепенного, получаемъ тему.

4) *Пища царей*: Quid? а) Пища, б) Питье.

а) Пища была разнообразна: а) *Брашина*: изъ домашнаго скота: говядина, свинина, баранина, козлтина; изъ дикихъ звѣрей, добываемыхъ охотою: мясо вепря, оленя, лани, серны (IV, 105), дикой козы, зайца (X, 361; XVII, 295); *ионда* (не въ случаѣ ли нужды?). упо-требляли въ пищу и птицъ: дроздовъ, дикихъ голубей (XXII, 468; XI, 329 и др.), едва-ли гусей? (XIX, 539). б) *Рыбу* ъли едва-ли только не въ крайности: о рыбакахъ и рыболовствѣ упоминается нѣсколько разъ, но герой Гомера питается рыбою только, когда „томитъ ихъ голодъ“ (XVI, 406 и др.; XXIV, 80 и др.; X, 124; XXII, 384; IV, 368 и др.; XII, 330 и др.). в) Упоминается о *молокѣ* густожирномъ, о молокѣ, стѣсненомъ сокомъ смоквы, о сырѣ, но питаются молокомъ лишь дѣти (XX, 69). г) *Растительная пища*: медъ (XI, 631), фрукты (VII, 114; XXIV, 246; IX, 5), лукъ (XI, 630), бобы и горохъ (XIII, 589), *мука?* (XVIII, 560; 2,290 (XI, 640), хлѣбъ бѣлый пшеничный и ячмен-ный. д) Подкрайняющій напитокъ изъ смѣси ячневой муки и тер-таго сыру (XI, 624—643). Переходъ къ слѣдующему отдѣлу:

§) *Питье: Quid? Вино.* Сорты: многогодичное, одиннадцатигодичное, сладкое, крѣпкое, драгоценное; красное, бѣлое (III, 391; XIV, 78; IX, 196 и др.; II, 340; VII, 179; I, 462; III, 246; IX, 203). Чѣмъ крѣпче было вино, тѣмъ больше въ него подбавляли воды, и вообще Гомеровы Греки разбавляли вино водой (IV, 260 (IX, 205); III, 832, 293; XIV, 78; 7, 179 и др.; III, 269; IX, 202—3). *Quibus аукіїis:* посуда: кратеры; кубки золотые и серебряные, съ высокими ручками, двуярусные, двудонные, деревянные; чаши; амфоры и мѣхи; разливали и разносили вино: жертвогодатели, отроки, глашатаи, помощники хозяина (Патрополь у Ахилла), виночерпии; *quomodo?* наливали въ чаши изъ кратеръ, а оттуда въ кубки, разнося отъ правой стороны въ лѣвой (I, 471, 596—8; IX, 175; XXI, 142, 145). *Cum?* а) Для *созілення* въ жертву богамъ (III, 394; VII, 165; XXI, 263 и др.; XIII, 54; III, 295; VII, 480 и др.; X, 578 и др.; XI, 774 и д.; XVI, 235 и д.; XXIII, 218 и д., 250); б) для *тостовъ* (IV, 4; IX, 224—671; XVIII, 121 (срав. 20, 197); XIII, 57; XIV, 112); в) просто для утоленія жажды.

II. *Ubi?* Пировая зала, передний дворъ, берегъ моря и т. д.

III. *Quidvis аукіїis?* Столы, кресла; жарили на вертелѣ; брали руками.

VI. *Cum?* Кроме разумѣется, естественной потребности, бывали и особенные случаи, требовавшие и особенной пищи. Угощеніе гостя. Пиры. Жертвоприношенія.

V. *Quomodo?* Приготовленіе пиршства, совершение пира (порядок мѣсть, подаваніе кушаній).

VI. *Quando?* Обыкновеннымъ временемъ для принятия пищи былъ обѣдъ (II, 381 (399), XIX, 56,—171 (208), 275; VIII, 53; X, 578; XI, 86; XXIII, 158) и ужинъ (VII, 370, 466; VIII, 503; IX, 66, 88; XI, 730; XVIII, 245; XIX, 208; XXIV, 484; IV, 429, 786; VII, 166 (229); XII, 291, 307, 439; XXI, 428), а иногда и завтракъ (XVI, 2; XXIV, 125). Но кроме того, бывали случаи, когда принимали пищу и помимо названного времени.

В. Логический способъ изобрѣтенія доказательствъ.

Въ хріи ученикъ въ первый разъ знакомится съ видами доказательствъ, впервые узнаетъ, что доказательства должны быть приводимы и за, и противъ тематического сужденія; что доказательства эти приобрѣтаютъ большую убѣдительность, если находить себѣ подтвержденіе во мнѣніи другихъ людей, размышлявшихъ о данномъ вопросѣ и выразившихъ о немъ свое мнѣніе, и получаютъ эту убѣдительность по той причинѣ, что „умъ хорошо, а два лучше“; что

доказательства наши становятся убедительные даже и тогда, если мы приводимъ ихъ въ связь съ аналогическими явлениями жизни и обыденного опыта. Словомъ, въ хріи ученикъ знакомится съ схемою мышленія. Какова бы ни была эта схема сама по себѣ, упражненіе въ ней подвигнетъ учениковъ на шагъ *передъ* въ науки къ методическому мышленію, если доведетъ ихъ до сознанія, *какія бывають доказательства, и какими категоріями руководствуется мышление, когда стремится что-либо доказать или отвергнуть*. Въ ходѣ упражненій въ методическомъ мышленіи (въ низшихъ классахъ гимназіи они называются *умственными упражненіями*, порядокъ кончъ изложенъ въ книжкѣ Гугеля) шагъ этотъ не есть ни послѣдній, ни тѣлько сказать, *отрывочный*: ему непосредственно предшествуютъ періоды, а за ними *следуютъ „разсуждения“*. И если хрія подверглась, какъ швейцарское упражненіе, незаслуженному пренебреженію, винить въ томъ надобно преподаваніе, которое не приводило ея въ связь съ упражненіями предыдущими и послѣдующими. Правда, предъ хріями ученики писали періоды, а послѣ хрія „разсуждения“; но въ первомъ упражненіи преслѣдовалась лишь стилистическая цѣль, а во вторыхъ методическое мышленіе. Ученикъ получалъ понятіе о схемѣ хріи, но этой схемы преподаваніе не осмыслило, не научало—откуда брать доказательства *pro* и *contra*. Доказательства поэтому изобрѣтались учениками случайно, сдѣлывались механически; ученическія упражненія выходили нелѣпыми; схема хріи становилась смѣшною.

Но періоды, хріи и „разсуждения“ суть звенья одной и той же цѣли, послѣдовательныя ступени одной и той же лѣстницы. Періодъ имѣть двѣ стороны: стилистическую (о которой была рѣчь выше, при упражненіяхъ IV класса) и логическую. Съ логической стороны составленіе періодовъ есть упражненіе въ категоріяхъ доказательствъ (періоды: винословный, противительный, уступительный, условный, сравнительный); стало быть, практическое подготовленіе къ искусственному изобрѣтенію, и притомъ подготовленіе постепенное, *по частямъ*, совершенно соответствующее видамъ школы. Схема хріи состоить именно изъ тѣхъ категорій, какія употреблялись при составленіи періодовъ; въ ней находить свое приложеніе со стороны логической даже періоды изъяснительный, разѣйтительный (*explicatio*) и заключительный (*conclusio*). Такимъ образомъ, хрія приводить въ связь разрозненные члены, изъ отдельныхъ категорій учить составлять цѣлое. Чтобы это цѣлое не выходило уродливымъ, не слагалось механически, нужно сдѣлать дальнѣйший шагъ, нужно показать уч-

никакъ, откуда черпаются доказательства. Но почему не вести учениковъ обратнымъ образомъ: почему сперва не научить, гдѣ брать доказательства, а потомъ—какія они бываютъ? Потому что форма легче изучается, чѣмъ живущій въ ней духъ; потому что въ добромъ ученикѣ практика предшествуетъ теоріи; потому что ученики четвертаго класса, главнымъ образомъ, занты въ письменныхъ упражненіяхъ формой и еще не подготовлены на столько, чтобы справиться съ отвлеченными учениемъ о томъ, откуда почерпаются доказательства. Итакъ, въ слѣдъ за христіанскими идетъ рядъ письменныхъ упражненій, имѣющей цѣлью научить, откуда и какъ почерпаются доказательства.

Все, говоритъ Цицеронъ, что можетъ быть сказано въ подтверждение или опроверженіе извѣстнаго положенія, заимствуется *aut ex sua vi ac nativa, aut foris*. Это значитъ, что аргументы или содержатся въ самомъ мыслимомъ предметѣ, или набираются въ его; поэтому доказательства дѣлятся на *снутреннія* и *внѣшнія*; первыя называются *основаніями* или доказательствами, вторыя — *доказодами*.

1. *Внутреннія доказательства*, или *основанія* вытекаютъ изъ раскрытия содержания или объема основныхъ тематическихъ понятій и взаимного отношенія обоихъ понятій.

а) Съ каждымъ изъ тематическихъ понятій нужно сдѣлать одно изъ двухъ: *раздѣлить* (по объему) на виды (*divisio*) или *разделить* (по содержанию) на составляющія ихъ отдельные представленія (*partitio*). Напримеръ: „*Жизнь не есть высшее изъ благъ*“ (Шиллеръ). Здѣсь требуется решить: можно ли сказуемое „высшее благо“ отрицать отъ подлежащаго „жизнь“? Сказуемое тогда только будетъ соответствовать подлежащему, когда *всѣ* входящіе въ содержание первого признаки можно будетъ приложить къ послѣднему; но если хоть *одинъ* изъ этихъ признаковъ нельзя сказать о подлежащемъ, сказуемое уже не можетъ быть за него утверждаемо. Разложимъ сказуемое на отдельные представленія. Высшее благо, какъ показываетъ название, есть самое высшее и полнѣйшее изъ всего ряда предметовъ, который мы называемъ благами. Что же мы называемъ благомъ? Благо есть цѣль нашихъ стремленій, усилий и домогательствъ. Чего мы домогаемся, то для настѣнъ и благо. Но слово „высшее“ указываетъ, что блага различаются по степени. Какъ и по какимъ достоинствамъ различаются блага между собою? Нѣть ли чего-либо въ самыхъ нашихъ стремленіяхъ и домогательствахъ, что могло бы указывать на степени благъ? Съ какою цѣлью мы домогаемся тѣхъ или другихъ благъ? Къ одному мы стремимся только для того, чтобы чрезъ то

достигнуть другого; иное же само служить конечной цѣлью нашихъ желаній, такъ какъ съ пріобрѣтенiemъ онаго, все осталъе, таikъ-сказать, само приходитъ. То, чего мы добиваемся какъ средства, стоять гораздо ниже конечной цѣли нашихъ стремлений. Вышнее благо будеть посѣдѣнія изъ всѣхъ одна другой подчиненныхъ цѣлей: оно само для себя цѣль; всѣ остальные цѣли должны быть подчинены только ей одной. Вышнее благо—цѣль абсолютная, вѣвъ которой уже не къ чему стремиться; нечего желать. *Первый признакъ* высшаго блага. *Contraria:* быть — казаться; дѣйствительное благо—кажущееся благо. Цѣль нашихъ стремлений можетъ намъ казаться иной, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Мы можемъ заблуждаться насчетъ достоинства нашихъ желаній. Иллюзія же, самообольщеніе не есть вышнее благо. Вышнее благо тогда лишь и вышнее, когда оно несомнѣнно, дѣйствительно: *второй признакъ*, отысканный при посредствѣ *негативной инстанции*¹⁾. Всякое стремленіе порождается нуждою въ томъ, къ чему стремимся; поэтому, когда бываетъ удовлетворено, оно прекращается, хотя другія желанія и не умолкаютъ. Вышнее же благо приносить всепѣное удовлетвореніе; съ пріобрѣтенiemъ его замолкаютъ *всѧ* желанія, послѣ него желать нечего, ибо уже ни въ чѣмъ не чувствуется недостатка.—*Третій признакъ.* *Сумма всѣхъ признаковъ, съдѣствие:* вышнее благо—благо полнѣшее, первѣшее, незамѣнимое.—*Возраженіе (негативная инстанція):* смотря по личному вкусу, мы многое можемъ считать вышшимъ благомъ (конечная цѣль стремлений Скупаго рыцаря—Пушкина, Манилова и Городничаго—Гоголя). *Оправдженіе:* но это многое смѣшано съ сущностью или со зломъ;

¹⁾ Негативныи инстанціи опредѣлять Беконъ. Его стремленія были направлены къ отысканію закона природы, причиная явлений. Для этого требовалось въ самомъ явлениѣ отличить существенное отъ случайного. Выдѣленіе случайного возможно лишь при сравненіи многихъ данныхъ. А данные добываются опытомъ. То, что повторяется только при всѣхъ опытахъ, есть существенное. *Несомнѣнными*, подтверждающими инстанціями называется оно тѣ случаи, когда при различныхъ условіяхъ обнаруживается одно и то же явленіе; они показываютъ, что нужно считать несущественнымъ: несущественное суть измѣняющіяся условія; но и постоянные условія не должны считаться непремѣнно существенными: *in opere axiomate constitutendo major est vis instantiae negativaе* (то-есть, въ установлении всякой аксиомы важное значеніе имѣть негативная инстанція); негативная инстанція суть, такие случаи, где при разныхъ условіяхъ одно и то же явленіе не повторяется; они ведутъ къ обнаружению существенного, которое скрывается за не принятыми въ соображеніе условіями. Такимъ образомъ, опытъ и негативная инстанція ведутъ къ истинѣ, обнажая явленіе отъ всего несущественнаго и оставляя одно существенное. *Lectio*, примѣчаніе 54.

высшее же благо—благо чистейшее.—Четвертый признакъ. За сильное размыщление переходить къ объему понятия „жизнь“, къ видамъ жизни, прикладывая къ каждому изъ посгдѣній полученное опредѣленіе высшаго блага. Жизнь бываетъ: а) *органическая*, но она не можетъ называться высшимъ благомъ, ибо сопряжена съ жизненными и страданиями; б) *духовная*, выражаящаяся въ чувствѣ, мысли и волѣ; но и духовная жизнь не есть высшее благо: чувства наши измѣнчивы, воля непостоянна, мысль не всеобъемлюща; в) *красотенная*, проявляющаяся въ стремлѣніи къ Богу и вѣчному блаженству, но и эта жизнь омрачается грѣхомъ. Такимъ образомъ, сказуемое въ нашемъ примѣрѣ *разделено* на входящія въ его содержаніе отдельныхъ представлений и мыслится въ связи съ объемомъ подлежащаго. Результатомъ размыщенія должно быть утвержденіе или отрицаніе суммы признаковъ подлежащаго за сказуемый.—Другой примѣръ: „*Уединеніе имѣетъ свои опасности*“, или: „*Опасности уединенія*“. Множественное число слова „*опасности*“ показываетъ, что должны быть изчислены виды опасностей, а слово „*уединеніе*“ даетъ знать, какъ нужно дѣлить опасности. Здѣсь сказуемое подвергается дѣленію на виды (*divisio*), а подлежащее указываетъ *начало дѣленія* (*principium divisionis*), опасностей.

Разделеніе понятия (*partitio*) должно представлять *полную* сумму *существенныхъ* признаковъ понятия. Лучшимъ средствомъ къ полному собранію признаковъ служитъ методическое опредѣленіе, образцы которого будутъ представлены ниже. *Дѣленіе* понятия (*divisio*) можетъ ограничиваться только выдающимися, типическими особами, ибо всѣхъ особей исчислить невозможно. Не смотря на такое ограниченіе, *divisio* все-таки часто бываетъ чрезвычайно многосторонне, по причинѣ изобилия точекъ зреінія на предметъ или началѣ дѣленія онаго. Такъ, въ нашей темѣ понятие „жизнь“ можно дѣлить по возрастамъ человеческой жизни и по всѣмъ противоположностямъ состоянія и положенія моды; напримеръ: богатый — бѣдный, добродѣтельный — злодѣй, властелинъ — бобыль. При дѣленіи „*опасности*“ уединенія, принципы дѣленія получаются чрезъ *partitio* понятия человека: душа, тѣло: опасности для души, для тѣла; душа также подраздѣляется на свои стороны: опасности для характера, знаній, фантазіи, чувствъ.

б) Доказательства почерпаются также изъ взаимного отношения главныхъ тематическихъ понятий, будуть ли они главными членами тематического предложения (сказуемымъ и подлежащимъ), какъ въ

такъ: „жизнь — такой трудъ“, или двумя парными понятіями, какъ въ темѣ: „трудъ и удовольствіе“.

а) Если тема состоять изъ двухъ понятій парныхъ по сходству или противоположности, какъ: „роскошь и удобство“, „позая и проза“, то оба понятія, какъ однаково значительные, подлежать *сравнению*: въ склонныхъ и сродныхъ понятіяхъ выискивается различие, а въ различныхъ — сходство, при посредствѣ коего они другъ друга выясняются. Напримеръ: Тема: „Трудъ и удовольствіе“. — *Побуждение къ размышленію*: трудъ и удовольствіе, а равно и связь между ними, знакомы учащимся съ дѣтства; даже и въ старшемъ возрастѣ ученики предполагаютъ удовольствіе работы. Гдѣ же *единство* темы? Оба понятія подчинены одному высшему понятію *занятіе*. Трудъ и удовольствіе порождаются однимъ и тѣмъ же стремлениемъ — быть чѣмъ *небудь занятымъ*. Размыщеніе теперь направляется на отысканіе *различія по противоположности* признаковъ двухъ занятій. Основное различіе между посѣденіями: дѣятельность — восприятіе, активность — пассивность. Найденные признаки группируются въ два отдѣла:

Трудъ:

Суровъ и строгъ, горекъ, тягостенъ;

Средство къ чему-либо, даже къ удовольствію;

Западіе въ собственномъ смыслѣ;

Подчиненіе достигаемой цѣли;

Долгъ, неволя, нужда, необходимость.

Удовольствіе:

Нѣжитъ, сладостно, приятно;

Само для себя служить цѣлью;

Забава, наслажденіе;

Эгоистическое удовольствіе настоящимъ;

Склонность, свободное изображеніе.

Послѣ этого сгруппированные признаки иллюстрируются примѣрами. Еслибъ ученикамъ показалось съ первого взгляда страннѣмъ требование найти *единство* между столь противоположными понятіями, какъ трудъ и удовольствіе, то теперь, послѣ подбора различныхъ признаковъ этихъ понятій, ученики сами уразумѣютъ между оними единство.

б) Понятія темы находятся въ *смысловомъ* отношеніи, когда вопросъ направленъ на то, что предшествовало мыслимому предмету, или на то, что следовало за нимъ, и когда это предшествовавшее или послѣдовавшее относится въ мыслимому предмету, либо какъ причина, либо какъ сѣдѣствіе или дѣйствіе, либо какъ цѣль. Примѣръ. Тема: „Опасности единения“. Въ понятіи „опасности“ лежать кате-

горіє *слідствія* и *действія*. Слідствія бывають посередственные и непосредственные, необходимыи или случайныи. Въ данномъ случаѣ слідствія рассматриваются съ ихъ опасной, вредной стороны. Въ относительныхъ понятіяхъ: „опасный, вредный“ заключается категорія *цѣли*; вреднымъ бываетъ что-либо не само по себѣ, а по отношению къ чему-нибудь другому. Масштабомъ для измѣренія опасности служить человѣкъ; цѣль, которой опасность противодѣйствуетъ, — благо человѣка. Множественное число слова „опасность“ указываетъ на смысла вредного влияния уединенія на человѣка, на опасный слідствія уединенія. Каждое слідствіе — если только оно не случайно, не есть простое совпаденіе — производится существенными свойствами причины; притомъ слідствія бываютъ непосредственные и посередственные. Примѣння все это къ опасностямъ уединенія, находимъ, что во всём продолженіе уединенія въ человѣкѣ воспитываются мечтательность, жалочность, являются мучительные мысли; если же уединившійся возвращается въ общество, онъ обнаруживаетъ болезнь и недовѣріе къ людямъ, немощность, застѣнчивость, неумѣніе и даже полную неспособность жить съ людьми. Примѣръ: Скупой рыцарь, Плюшкинъ, Тассъ въ драмѣ Гете.

Также развиваются винословный темы, выраженные однимъ или несколькиими предложеніями. Тема: „*Vielen gefallen ist schlimm*“ (Шиллеръ), — нравиться многимъ дурно. Какія побужденія (они принадлежать къ области *причины*) заставляютъ людей искать благосклонности и расположения другихъ? Всегда ли бываютъ разборчивы въ *средствахъ* люди, которые желаютъ всѣмъ нравиться? Слідствія стремленія всѣмъ нравиться. Выраженіе „дурно“, которымъ обозначается нечто вредное, также указываетъ на категорію *цѣли*.

Категорія *слідствія* играетъ самое важное значение во всѣхъ моральныхъ темахъ. Часто слідствія того поступка или мнѣнія, которое выражено тематическимъ подлежащимъ, оправдываютъ тематическое сказуемое. Обыкновенно такое предложеніе вооружается противъ общепринятаго мнѣнія, не имѣющаго за собою прочныхъ основаній и поэтому ошибочнаго. Примѣры это покажутъ лучше. Тема: „*Кто Господь любитъ, тою и наказуетъ*“, вопреки общему мнѣнію, что страданія суть несчастія, утверждается, что страдалецъ болѣе достоинъ любви Господией, чѣмъ нестрадающій. Чтобы за страданіемъ (тематическое подлежащее) утвердить то, что имъ приписывается тематическое сказуемое (Божіе благоволеніе), нужно размотрѣть благотворная непосредственная и посередственная слідствія скорбей и болез-

ней, признаваемыхъ обыкновенно за несчастія.—Тема: „Время—деньги“. Время можно назвать деньгами, конечно, по тѣмъ послѣдствіямъ, гдѣ коимъ приводить съ пользою употребленіе время. Итакъ, слѣдствія добываются изъ тематического подлежащаго при посредствѣ *описания*; развиваются же они своимъ собственнымъ *содержаніемъ*.

Темы, въ коихъ говорится о *пользѣ* или *средѣ* чего-нибудь, развиваются при помощи категоріи *цѣли*. Напримеръ: „Какую пользу доставитъ будущему филологу-слависту изученіе древнѣго церковно-славянскаго языка?“ (то-есть, какая цѣль у него при изученіи?) — „Какой вредъ приноситъ употребленіе перевода при чтеніи древнѣхъ классическихъ писателей?“ (то-есть, съ какой цѣлью читаются въ школѣ греческіе и латинскіе писатели?). Слѣдующія темы также весьма легко сводятся къ категоріи *цѣли*: „Какими средствами ты будешь отражать враговъ, которые угрожаютъ тебѣ по выходѣ изъ школы въ жизнь?“ (то-есть, цѣль вступленія въ общество). „Какое значеніе имѣютъ уроки исторіи для учащихся?“ (то-есть, для его образованія? для его блага?) „Какую пользу приносить торговлѣ и промышленности (образованію) желѣзныя дороги?“ (то-есть, для какой цѣли промышленности и торговли онѣ полезны?). „Польза путешествія“ (то-есть, для какой цѣли?). „Выгоды жизни въ большомъ городѣ“ (то-есть, кому? и для какой цѣли?). „Польза воды для человѣка“ (то-есть, для какихъ его цѣлей?). „Значеніе алфавита“ (то-есть, для науки? для развитія человѣчества? для общежитія?). Всѣ эти темы относятся къ категоріи *цѣли*; всѣ онѣ касаются цѣли или общечеловѣческой, или специальной. Высшую абсолютную цѣль представляетъ высочайшее благо; обыкновенную, общечеловѣческую — благосостояніе, подраздѣляемое на душевное и тѣлесное. Чтеніе Цицерона, Жуковскаго, Карамзина даетъ дальнѣйшее разчененіе этихъ понятій. Специальныхъ цѣлей изъ названныхъ выше темъ касаются слѣдующія: какую пользу приносить изученіе исторіи? Чѣмъ вредны переводы? Какую пользу приносить изученіе классической древности?

Темы, которые вводятъ въ область категоріи *причины* и *побуждѣнія*, влекутъ къ обстоятельной, всесторонней аргументаціи заключающагося въ нихъ вопроса; онѣ требуютъ, чтобы размышляющій настойчивъ на *необходимости* мыслимаго предмета, иначе вопросъ останется безъ отвѣта. Напримеръ: „Такова ты, шакка Мономаха!“ (Пушкинъ). Размышленіе должно изыскать всѣ причины и побужденія, которыхъ заставили Бориса Годунова сознаться, что онъ изнемогъ подъ гнетомъ покиценнейшей имъ власти. Темы этой категоріи хоті-

и всегда и носить отвлеченный характеръ (напримѣръ: Чѣмъ служить основаниемъ характера? Источники дружбы. Причины предразсудковъ), но большою частію заимствуются изъ области исторіи. Онъ не относится къ искусственному изобрѣтенію, которое не предполагаетъ никакой опредѣленной, строго ограниченной области знанія. Категорія *коеода*, соотвѣтствующая случайному съдѣствію, не заключаетъ въ себѣ образовательного значенія въ формальномъ отношеніи, а потому должно избѣгать темъ, которые развивались бы при помощи этой категоріи.

1) Наконецъ, самая связь (*copula*) между тематическимъ подлежащимъ и сказуемымъ можетъ дать известное направление доказательствамъ. Подъ связью здѣсь разумѣется то самое, что обыкновенно разумѣютъ подъ нею въ предложеніи. Связь показывается: признается ли за подлежащимъ, или отрицается отъ него выражаемый сказуемымъ признакъ; напримѣръ: „Всякъ самъ куетъ свое счастье“. „Жизнь — не шутка и не забавна“. Кроме утвержденія и отрицанія, связь обнаруживаетъ еще отношение *модальности*. Если тема выражается *ассерторически* („есть“ — „не есть“), то размыщеніе обыкновенно начинается съ „можетъ-быть“ — но можетъ случиться иначе, — и дошедши до конца, даетъ „должно быть.“ Дѣйствительность такимъ образомъ признается *необходимостью*. Тема, напримѣръ: „Bis dat, qui cito dat“ можетъ казаться при началѣ размыщенія *проблематической* (какимъ образомъ толькъ помогаетъ вдвое, кто помогаетъ немедленно?); размыщеніе, входя въ слѣдствія своеевременной, быстрой помощи, приводить къ убѣждѣнію, что своеевременная помощь избавляетъ отъ новыхъ несчастій; тематическая мысль признается справедливою и чрезъ утвержденіе восходить въ *аподиктическую*.

2. Когда изысканы внутреннія доказательства, нужно позаботиться о доводахъ, доказательствахъ *внѣшнихъ*. Ко вѣшнимъ доказательствамъ относятся: 1) устно или письменно высказанные мысли замѣчательныхъ людей, признаваемыхъ за авторитеты, и *пословицы* (*testimonia*); 2) дѣянія авторитетовъ (*exempla*); 3) явленія и законы духовной жизни, аналогически съ явленіями и законами жизни физической (*similia*). Сила подобія, какъ довода, основывается на томъ, что матеріи и духъ одинаково подчинены известнымъ законамъ и поставлены въ параллель, такъ что абстрактныя, духовныя явленія дѣлаются осознательными и наглядными чрезъ посредство явленій, воспринимаемыхъ вѣшними чувствами. Всятые сами, по себѣ, безъ

доказательствъ, доводы не имѣть въ аргументаціи данной мысли никакого значенія (*Cic Acad. ргюг. II, 8. Argumenta plus quam testes valent*), они могутъ имѣть силу только при доказательствахъ внутреннихъ. Размыщенію же доводы оказываютъ ту важную услугу, что мыслящій духъ, лишь только они ему представляются, переходить къ конкретному, легко понимаемому; они освѣщаютъ туманную область отвлеченій. Итакъ, обращаясь къ указанію тогъ, какъ авторитеты относились къ доказываемой истинѣ (въ вышеприведенномъ примѣрѣ къ жизни) словомъ и дѣломъ, будемъ заимствовать доказательства изъ нихъ, то-есть, приведемъ доказательства, включающіяся не въ объемъ, а въ содержаніе тематическихъ понятій. Внутреннія доказательства могутъ быть отвергаемы или оправдаемы только внутренними, а внѣшнія и внутренними, и внѣшними.

ПРИМѢРЫ ПОЛНAGO РАЗМЫШЛЕНИЯ НА НѢКОТОРЫХ ИЗЪ ВЫШЕ ПРИВЕДЕНИХЪ ТЕМЪ.

a. Тема: „*Его же любить Господь, наказуешь*“ (Евр. 12 6). *Единство* (см. выше). — Анализъ темы, ее предположенія: 1) радость и благополучіе — естественная цѣль людскихъ желаній и стремленій; 2) высшее, полнѣшее счастіе люди правильны находить только въ постоянномъ, ненарушимомъ благополучіи; 3) кого Господь любить, того Онъ награждаетъ счастіемъ и благополучіемъ; 4) всякое наказаніе приносить не радость, а печаль. Таковъ общий, общедѣланый взглядъ на дѣло. *Напротивъ* тому, тема утверждается, что Господь называетъ того, кого любить. Стало быть, страданія тоже могутъ приносить счастіе? — Возникшее, такимъ образомъ *недоумѣніе*¹⁾ клонитъ размыщеніе къ рѣшенію задачи. Размыщенію предстоитъ

¹⁾ «*Admiratio*» говоритъ Декартъ, *est subitanea animi occupatio*, qua fertur (невольно) in considerationem attentum obiectorum, quae ipsi videantur rara et *extraordinaria*» (Лаасъ, стр. 58). «Чувство изумленія, по словамъ Платона (*Theat.* 155 D), — чувство самое философское; ибо именно оно, а не иное что есть начало научного изслѣдованія». «И теперь, и прежде, замѣчаетъ Аристотель, люди начинали искать знанія вслѣдствіе недоумѣнія». «Кто сомнѣвается (бѣзкѣра) и недоумѣваетъ, тѣтъ полагаетъ, что онъ не знаеть» (Metaph. 2, 10—20). «Quare, по словамъ Декарта, *videmus eos, qui nulla inclinatione naturali ad hanc passionem feruntur, vulgo valde indoctos esse*. — «*Etsi soli habentes et stupidi non ferantur naturaliter in admirationem, non inde sequitur, sapientiores in eam prouiviores esse; sed id maxime tis contingit, qui etsi ingenio non sint destituti, non tam magnifice nimis de sua condizione sentiunt*» (Лаасъ, стр. 58).

рьмы противоречие: „ненарушенное благополучие есть высшее счастье“ и „страдания ведут человека к счастью“.

1. „Постоянное, ненарушенное благополучие есть высшее счастье“. Съ этим положением нельзя согласится. Слѣдствія ненарушенного благополучія: эгоизмъ; забываніе различныхъ обстоятельствъ; лѣкость и правдивость; безчувственность и жестокость; холодность же несчастій другихъ; управство, высокомѣріе. Слѣдовательно, ненарушенное выше-
всего благополучіе влечетъ за собою опасности для *правственнаю* благосостоянія.

2. „Страданія ведутъ известнымъ образомъ человека къ счастью“. И съ этимъ нельзя соудаситься! Почему? Страданія винаги на некотормъхъ людей вредно: а) На слабыхъ натурахъ, ищущихъ нако-
дачія для себя поддержки во время несчастій. Какія изъ этого проистекаютъ последствія? Болѣніность, раздражительность, уны-
ніе, ропотъ, огненіе. б) На людей *современника позерянныхъ*. Слѣд-
ствія: они дѣлаются *ожесточенными, смѣрзющими, жестокосердыми, человѣкоменедѣлившимися*.

Но всякаго рода страданія по истинѣ благотворны для натуры крѣпкихъ и благородныхъ: поклоняться зачаткамъ. *Слѣдствія:* укрощаются необужденные и суетные желанія; душа обращается къ самой себѣ, сосредоточивается; изтесаетъ разсѣянность; человекъ пріучается къ серьезному труду и самообладанию; сердце смигается, страданія близкия вызываютъ дѣятельное состраданіе, скорби пріучаютъ возвышаться надъ пошлымъ, обиденнымъ же даютъ крылья для стремленія къ вѣнчному, непреложному, нетѣжкому.

6. Тема: „*labor voluptasque dissimilitudo natura, naturali quadam inter se societate sunt juncta*“ (Ливій V., 4). Объясненіе предложенія: а) тautологія: „natura naturali“ указываетъ, что *labor* и *voluptas* различны самою природой, какъ даѣтъ противоположности, что трудъ и удовольствіе самою природой поставлены между собою въ необходимую связь; б) все предложеніе распадается на два предложенія: одно „*labor voluptasque dissimilitudo sunt natura*“ и другое „*labor voluptas- que societate quadam inter se naturali sunt juncta*“, которые соединены между собой по противоположности. Первое представляется ходящею по-верностною мыслью, основанной на вѣнчанемъ различіи предметовъ; второе есть иная, основанная на исследованіи сущности предметовъ (труда и удовольствія), поставленныхъ между собою въ связь самою природой.

Единство темы: Трудъ и удовольствіе находятся между собою въ естественной связи.

Вопросъ: Въ чёмъ состоятъ естественная связь (naturalis quaedam societas) труда и удовольствія.

1) Въ нашемъ стремлѣніи переходить отъ труда къ удовольствію, отъ удовольствія къ труду.

2) Удовольствіе, слѣдующее за трудомъ, осаждается въ дѣлѣ работы; удовольствіе поощряетъ къ труду, манилъ къ себѣ какъ дѣло труда.

3) Трудъ осаждается удовольствіемъ; безъ него удовольствія становятся однообразными, присукиваютъ, дѣлаются тягостными.

4) Трудъ доставляетъ средства къ удовольствіямъ: частный трудъ для отдельныхъ личностей, общий трудъ всего человѣчества для общаго благосостоянія.

5) Результаты труда подготавливаютъ удовольствія.

6) Въ самой работе лежитъ удовольствія. Работа по скотѣ, и согласна съ наложеніями, сопровождается хорошимъ расположениемъ духа и любви. Трудящійся радуется ея постепенному развитію, торжествуетъ при каждомъ признакѣ успѣха, при каждомъ обнаружении выявляемыхъ дѣлъ силы.

„Трудъ увеличиваетъ кругъ наслажденій“. Карамзинъ.

в) Тема: „Кто хочетъ быть полезенъ людямъ, скреща старые сдѣланные имъ разумъ“. Шиллеръ (Донцъ-Барбосъ).

На какихъ предположеніяхъ основывается тема?

Вопросъ, подлежащій решенію: что „долженъ“ дѣлать тотъ, кто хочетъ быть полезенъ людямъ?

Речешие „сперва“ указываетъ на существование много мнѣнія, не согласнаго съ вышесказаннымъ (contrarium) иначеъ того, что долженъ дѣлать желающій быть полезнымъ людямъ. Это мнѣніе принадлежитъ идеализму, который опасается запятнать свои чистые цѣли искристыми побужденіями действительного мира. Идеализмъ аристократиченъ; онъ не позволяетъ себѣ вѣрить въ обиденную, „пижью“ жизнь и ея интересы. Противъ такого идеализма вооружается идеалистъ Шиллеръ, выражая свою мысль въ устахъ идеалиста маркиза Пасы. Такимъ образомъ, ложный взглядъ опровергается въ самой основаніи. Общее предположеніе темы — идеализмъ.

Обясненіе понятій „идеализмъ“. Переосеніе отвлеченнаго понятія въ область конкретнаго: политика, религія, искусство, воспитаніе. — Изъ возрастовъ наиболѣе способенъ предаваться идеализаціи и въ свою стремленія къ высокому вдаваться въ сатиру на „пижмы“

стѣть — возрастъ юношескій. Идеалистъ-юноша относится къ людямъ превратительно или непрѣзренно, руководясь высокими понятіями о достоинствахъ и задачахъ человѣчества. Но къ идеализму склонны лишь натуры увлекающіяся. Идеализмъ Шиллера — въ лицѣ Повѣи — совершенно противоположенъ тому, о которомъ шла здѣсь рѣча; тѣль не менѣе чистота Шиллерова идеализма вѣдь всякихъ сомнѣй. — Послѣ всего сказанного наставъ тема обставлена своими предположеніями.

Изобрѣтеніе доказательства: Можно ли работать для человѣчества, не касаясь людей? (цѣль — средство). — Велерѣчные проекты, не выходящіе изъ области праздныхъ разглагольствій; прекрасны чувства, которыхъ никого не согрѣваютъ; мрачное и безотчетное превѣніе къ миру, вредящее лишь одному презирающему. Между тѣмъ міръ постепенно подвигается впередъ по пренебрегаемому пути.

Идеализмъ, пренебрегающій дѣйствительный міромъ (*contrarium, опроверженіе*) самъ себѣ противорѣчить (доказательство *ex rei vi ac natura*); онъ стремится къ великихъ результатахъ, а довольствуется на самомъ дѣлѣ самой малой, одною неумѣренной роскошью въ фантазіяхъ; онъ, по видимому, готовъ на жертвы, а на самомъ дѣлѣ не можетъ поступиться самыми незначительными удобствами сладостныхъ мечтаний, дабы низойти къ дѣйствительности и принести посильную пользу.

Жертва, предстоящая всякому дѣятелю „прежде всего“, это — „должно сдѣлаться равнымъ людямъ“, то-есть, во всемъ отказаться отъ идеальной точки зреінія, отъ высшеннаго.

Таково требование темы. На чѣмъ оно основано? Основанія вытекаютъ изъ предположенной цѣли. — Ты хочешь быть полезенъ людямъ, стало быть, необходимо (средство), чтобы люди тебя понимали.

Дабы отразить высказанное положеніе, размыщеніе обращается, къ области конкретнаю. Примѣръ: возвышенное мнѣніе стонковъ обѣ ораторѣй; Сic.: „ea si sequuntur, nullam inquit tem dicendo expedire possitis“. Примѣръ въ политики и обывателной жизни. — Учитель, ученикъ; устное преподаваніе — учебники. Иной никакъ не можетъ (*continguum*) самъ собою сдѣлать какую-нибудь уступку въ точности и основательности во вниманіе къ слабости и неразвитости силь учащихся; боится сдѣлать науку плоской, боится унизить ее (*motus*). Но (*опроверженіе*) что значитъ наука безъ людей, имѣющихъ хоть какія-нибудь свѣдѣнія? Всякое знаніе развивается постепенно. Наукѣ падетъ, если въ сознаніи и производительное образованіе не вѣ-

деть какъ можно болѣе того, чтѣ необходимо для пониманія послѣдующаго высшаго. Учить можно же иначе, какъ пристасываясь къ утасканнымъ и къ сообщаемому имъ роду знаній.

Взятый армандъ приводитъ къ общему заключенію какъ воспитателю, ведущему своихъ питомцевъ къ истинной цѣли, такъ и тому, кто хочетъ влѣять на людей, лабы улучшить ихъ положеніе или привести имъ посильную пользу, не должны быть тараготы выкладки, терпѣніе и снисходительность.

Изъ сопоставленія добитаго общаго правило съ судьбою Позы возникаетъ возраженіе: Поза, защитникъ этого принципа, падать, стало быть, его принципъ не вѣренъ!

Почему онъ не могъ привести въ исполненіе свои планы? Не потому что способъ, какимъ онъ старается быть полезнымъ людямъ, опасенъ, скользокъ,омнителенъ: Поза хочетъ действовать на обѣ стороны вдругъ, онъ ведетъ закрытую игру.

Такого образа дѣйствій нельзя отравлять, нельзя принять и норму. *Напротивъ* нужно поступаться, нужно отказываться отъ изобрѣній, идеальныхъ, непрактичныхъ стремленій, отъ игры въ чувства и идеалы.

в. Тема: „Vislen gefallen ist schlimm“—нравиться многимъ дурно (Шиллеръ).

Explicatio: „schlimm“: 1) трудно, 2) вредно.

1. Многимъ нравиться трудно.

Первое основаніе: quot capita, tot sensus. Переведеніе этой мысли въ область конкретнаю: религія, нравы, честь, мода, политика. Чему же нужно следовать? Внушеніемъ чистей совѣсти и благородныхъ влечений сердца, но отнюдь не хлопотать о томъ, чтобы нравиться многимъ, а тѣмъ болѣе всѣмъ.

Второе основаніе: мы никогда не можемъ быть увѣрены, что нравимся тѣмъ, у которыхъ заноскаемся: ибо а) благородное расположение выражается только видимымъ образомъ; б) оно измѣнчиво.

2). Многимъ нравиться вредно.

а. *Миръ среда:* благополучие, душевное спокойствіе, основанное на чистотѣ совѣсти (категорія чести).

Возраженіе отъ противника: благородное расположение къ намъ другъ помажи: оно наше поддерживаетъ, ободряетъ и поощряетъ; кто дѣлаетъ это расподложеніемъ другихъ, тогдѣ можетъ различивать въ случаѣ нужды на соѣтъ и помощь. Но для этого (изъясненіе) быть многими, исключать раскрыженія совѣстъ, для многомъ. Всѣ же, добрые,

дающія людей къ исканію знакомства и къ угодливости, могутъ быть удовлетворены и небольшимъ обществомъ друзей. Подтвержденія изъ исторіи и обыденной жизни. *Testimonium:* Державинъ: „Блажень, съ кѣмъ вѣрныхъ нѣсколько друзей могутъ въ чась уединеній дѣлить и скучу, и труды!“

Но искать благорасположенія многихъ вредно:

Основаніе: Стремленіе всѣмъ нравиться нарушаетъ наше внутреннее единство. Счастье человѣка покоятся на внутреннемъ согласіи его съ самимъ собою. „Кто въ мірѣ и любви умѣеть жить съ собою, тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ“ (Карамзинъ).

b. Съ измѣненіемъ *чѣмъ* измѣняется и *мѣрило вреда. Образованіе:*

a) Характера (права и воли, *практическихъ способностей*). Постоянно сообразжаясь съ наклонностями и благорасположеніемъ другихъ, человѣкъ становится слабымъ, непостояннымъ, несамостоятельнымъ; расходится самъ съ собою; теряетъ единственно вѣрную точку опоры — внутреннее единство. — Развивается въ немъ суетность. — Пріобрѣтается привычка хвалить ничтожное и дурное; мысль отвыкаетъ возвышаться надъ вонючимъ и обыденнымъ;

б) Ума и *теоретическихъ способностей*. Даже и въ этомъ отношении разрушается внутреннее, самобытное органическое развитіе. Отрывочные знанія. Поверхностность и несамостоятельность мнѣній.

c) Третья *чѣмъ: виничнее благосостояніе*. Угодничество уничтожаетъ само себя: усиѣхъ угодничества предъ однимъ необходимо влечетъ за собою зависть и недоброжелательство со стороны другихъ. Желаніе поправиться ведетъ къ лести, сплетни, двуязычію. Со временемъ все это обнаруживается, открывается, и виновникъ подвергается общему преврѣнію.

Чтѣ же послѣ этого нужно принять за руководство въ обращеніи съ другими? Можно совѣтовать честное и благородное отношеніе къ людямъ. „Когда почтенъ быть хочешь у людей, съ разборомъ заводи знакомства друзей“ (Крыловъ).

V. Опредѣленіе понятій (definition).

Опредѣленіе, какъ письменное упражненіе, есть задача старшаго класса; это вѣнецъ письменныхъ ученическихъ работъ по родному языку. Оно пріучаетъ къ отвлеченному методическому мышленію. Приведенные здѣсь примѣры показываютъ, какъ задачи этого рода дѣлаются въ классѣ.

1. Тема: Чѣмъ такое предразсудки? Побуждение къ размышлению на данную тему представляется ученикамъ съ разныхъ сторонъ. Цѣль научныхъ стремлений, къ которымъ воодушевляетъ хорошее обученіе, есть познаніе истины. Къ ней нужно стремиться неуклонно, преодолѣвая всевозможныя препятствія. Одинъ изъ самыхъ опасныхъ и упрямыхъ враговъ истины — предразсудокъ. Предѣли его господства чрезвычайно обширны: мы все страдаемъ предразсудками. Но чѣмъ опаснѣе нашъ врагъ, тѣмъ лучше мы должны его знать, дабы искать возможность одолѣть. Итакъ, чѣмъ же такое предразсудокъ?

Формальная сторона предыдушею размышиленія. Рядъ предиущихъ мыслей вытекъ изъ указанія цѣли знанія (истины) и премѣстей къ достижению этой цѣли (предразсудокъ). Такимъ образомъ, истина и предразсудокъ поставлены въ наше размышиленіе въ противоположность, и въ глазахъ размышающаго предразсудокъ получаетъ важное значеніе, впервыхъ, какъ препятствіе къ познанію истины, во вторыхъ, какъ общий недостатокъ. Итакъ, все предиущія мысли изобрѣтены при помощи категоріи цѣли и противоположности. Сопоставленіе двухъ противоположностей (истины и предразсудка) возбуждаетъ въ размышающемъ недовѣріе, вызываетъ проблему, требующую решенія. Когда ученики настроены такимъ образомъ къ размышиленію, заинтересованы темой, можно вести ихъ къ предложеній цѣли (а потому и сами они пойдутъ къ ней) двумя путями (мѣтодами): *дедуктивнымъ* и *индуктивнымъ*.

а) *Размышиленіе по дедуктивному методу.*

Этимологический составъ слова „предразсудки“, или, какъ говорили прежде, „предразсужденія“ (предъ—раз—сужденія), указываетъ на его смыслъ, родовое понятіе „сужденія“. Предразсужденія (предразсудки), стало быть, суть сужденія. Родъ, къ которому относится данное понятіе, найденъ. Если теперь мы опредѣлимъ родовое понятіе „сужденіе“, и низходя къ виду его „предразсудки“, отыщемъ видовую разницу (*differentia specifica*) послѣднаго, у насъ получится искомое, то есть, отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ такое предразсудки? Но дабы отъ высшаго понятія „сужденія“ низойти къ его виду „предразсудки“, нужно раздѣлить первое на подчиненные ему виды, избрать для этого такое основаніе дѣленія (*principium divisionis*), которое дало бы видъ „предразсудки“¹). Итакъ, размышающему предстоитъ теперь решить

¹) *Ibo definire non aliud videtur, quam ex genere per differentias diviso in species descendere. End. Agricola de inven. dial. I, 7.*

два вопроса: 1) что такое суждение? 2) что нужно взять за основание деления высшего понятия „суждение“, чтобы наложить на него виды — „предразсудки“? Какъ формальный, такъ и реальный свѣдѣнія для решения поставленныхъ вопросовъ даютъ логика.

Отвѣчая на первый вопросъ по Аристотелю (*Anal.* рт. I, 1), замѣчаемъ, что сущность суждений наиболѣе соответствуетъ дѣленіе ихъ на истинные и ложные (качественность суждений). Такъ какъ предразсудки суть суждения, то къ какимъ сужденіямъ нужно ихъ отнести: къ истиннымъ или ложнымъ? Этотъ вопросъ решается или уже существующимъ смутнымъ представлениемъ, общеннымъ понятиемъ о томъ, что обыкновенно называютъ предразсудкомъ, или же пересмотромъ конкретныхъ случаевъ (примѣровъ), которые входить въ объемъ слова „предразсудки“ (предразсудки противъ Ереевъ, Негровъ, насчетъ значенія кометь, насчетъ счастливыхъ дней и т. п.). Обыденное понятіе о предразсудкахъ и пересмотръ обнискаемыхъ имъ конкретныхъ случаевъ показываютъ, что предразсудокъ, рассматриваемый со стороны содержания, можетъ быть въ каждомъ отдельномъ случаѣ истиннымъ или ложнымъ сужденіемъ. Итакъ, хотя дѣление суждений на виды на основаніи качественности и не дало вида „предразсудки“, тѣмъ не менѣе выяснилось, что большинство предразсудковъ можно назвать суждениями ложными.

Въ томъ же вышеуказанномъ мѣстѣ Аристотель даетъ другое основаніе дѣленія суждений на виды, количественность. Нельзя ли и предразсудки раздѣлить на основаніи количественности? Не бывають ли и предразсудки общими и частными суждениями? Слѣдуетъ опять пропроверка. Поставленное *предположительно* видовое понятіе проверяется подчиненными ему частными, единичными понятіями и отдельными случаями, которые называются словомъ предразсудокъ. Изъ пропроверки открывается, что предразсудки суть общія сужденія.

Такимъ образомъ, еще не примѣнивъ къ дѣленію суждений на виды основаніе модальности и отношеній, уже замѣчаемъ, что предразсудки суть общія суждения, которыхъ, возникшая *прежде временно*, безъ достаточныхъ логическихъ оснований, иногда лишь *случайно* оправдываются дѣйствительностью. Видовая разница понятія „предразсудки“ заключается, стало быть, въ приставкѣ *пред*. Итакъ, предразсужденія (предразсудки) суть *прежде временные* сужденія. Когда же мы имѣемъ право произносить сужденіе о предметѣ? Чѣдъ должно предшествовать произнесенію сужденія о предметѣ? Тщательная пропроверка и всестороннее изслѣдованіе содержания сужденія. А таъ

иакъ предразсудки возникаютъ случайно и безъ достаточныхъ логическихъ оснований, значитъ—они суть общія, неосновательныя, ошибочные сужденія?...

Предложенное определеніе нѣтъ нужды пропроверять на этотъ разъ, такъ это дѣлалось выше, какимъ-нибудь частнымъ случаемъ или примеромъ предразсудка. Такая проверка была бы необходима, если бы составленное определеніе уже на основаніи одного обніденного понятія о предразсудкѣ казалось размытымъ столь неправдоподобнымъ, что оно стало бы искать примѣровъ, которые должны показать несообразность определенія съ опредѣляемымъ предметомъ. Тамъ же, где взятые для объясненія опредѣляемаго понятія примѣры еднозначно подтверждаютъ определеніе, тѣдъ это посѣднее имѣть видъ несомнѣнного правдоподобія, тамъ излишне прибѣгать къ проверкѣ определенія новыми примѣрами. Если же взятые примѣры не могутъ снискать представителями цѣлаго вида, можно прибѣгнуть къ следующему способу проверки:

Изъ добытаго определенія выводится слѣдствіе, которое, въ свою очередь, проверяется случаями изъ мира дѣйствительнаго. Это дѣлается такъ: если предразсудки суть безразсудныя, преждевременныя, ошибочныя сужденія, то они должны порождаться необдуманностью, поспѣшностью, суетностью и легкомысліемъ; следовательно, человѣкъ суетный, легкомысленный и торопливый долженъ быть исполненъ предразсудковъ. Проверяя это послѣднее заключеніе, пригѣромъ человѣка, зараженнаго предразсудками (Простакова въ Недоросль Фонъ-Винни), приходимъ къ совершенно противному. Предразсудки обніованенно бываютъ подвержены именно тѣ люди, которые страдаютъ непреодолимымъ упрямствомъ и педантической настойчивостью; стало быть, къ предложенному выше определенію нужно прибавить еще и слѣдующіе признаки: упрямство и настойчивость. Послѣ этого определеніе формулируется такъ: предразсудки суть сужденія, которые воинствуютъ на основаніи случайныхъ впечатлѣній, безъ цѣлесообразнаго всестороннаго изслѣдованія, и предстаиваютъ итогами всеобщее значение основоположеніями, упорно держатся въ умахъ людей и весьма трудно искореняются.

Отвѣтъ на заданный въ видѣ темы вопросъ полученъ. Какимъ образомъ сдѣлать этотъ отвѣтъ удобопонятнымъ для предполагаемаго читателя, предложившаго вопросъ, объ этомъ будетъ сказано ниже; вѣдь же указываются лишь способы изображенія материала, и разъясняется формальная сторона размышенія, къ коей теперь и переходимъ.

Формализм: сторона предыдущего разъяснения. Путь или метод, которым шло наше размышление,—дедуктивный, синтетический. Отъ ближайшаго общага мы вышли къ частному, которое и было предметомъ разъяснения и изслѣдованія. Переходъ отъ общаго къ частному былъ совершенъ при посредствѣ дѣленія высшаго понятія на подчиняющія ему виды. Дѣленіе высшаго понятія на подчиняющія ему виды одѣлано съ разныхъ точекъ. Къ дѣленію высшаго понятія „сужденіе“ было приложено два принципа, на основаніи которыхъ логика рассматриваетъ сужденія: качественность и количественность сужденій. Полученнымъ чрезъ дѣленіе видовъ понятій сопоставлялись для сравненія съ общепринятымъ понятіемъ о предразсудкѣ, и выведенное отсюда заключеніе проверялось частностями, конкретными случаями, примѣрами; критеріемъ при этомъ служило соответствие предлагаемаго опредѣленія съ действительностью. Если предлагаемое опредѣленіе обнимаетъ все случаи безъ исключений, то оно считается правильнымъ. Но пересмотръ всѣхъ частныхъ случаевъ обыкновенно не требуется; можно ограничиваться выдающимися примѣрами и тѣми лишь частностями, кои входятъ въ объемъ общепринятаго понятія объ опредѣляемомъ предметѣ. Когда размытиюющій провѣрилъ свое опредѣленіе выдающимися примѣрами самыхъ разнообразныхъ видовъ и нашелъ, что оно хоть и не полно, но, какъ съставленное на основаніи большаго числа известныхъ случаевъ, удовлетворяетъ требованиямъ, то онъ не имѣть уже никакого повода самогmeyeяться въ вѣрности своего результата. Напротивъ того, если провѣрка предложенного опредѣленія конкретными случаями, частностями и примѣрами укажетъ размытиюющему новые признаки опредѣляемаго понятія, если действительность нагодитъ его на новые случаи, — то у него явятся новые недорумынія, которые породятъ новыхъ проблемъ. Стало быть, осторожность, дабы чего-либо не упустить изъ виду, и основательность, какъ обузданіе горопидности и легкомыслия, должны быть непремѣнными спутниками размышленія.

Провѣрка первого предложеннаго здѣсь опредѣленія завершена выводомъ, добытымъ путемъ *негативнаго*: сущность понятія „предразсудки“ заключается не въ словѣ „сужденіе“, о ея томъ, что ему предшествуетъ, въ приставкѣ. Посредствомъ негативной же критики было выяснено, что къ поставленному въ видѣ предположеній опредѣленію „предразсудки“ суть преждевременные, безразсудные, одибоцныя сужденія“ нужно еще прибавить: настойчиво держатся въ умахъ людей и весьма трудно искореняются.

Во всемъ предыдущемъ размышлениі общее постоянно проверялось частнотою, единичнотою, отвлеченною — конкретнотою; а единичное и частное, дабы возрасти до нужной полноты и получить силу, обращалось въ свою очередь къ общему, пополнялось общимъ общеннымъ понятіемъ о томъ, что обыкновенно называютъ предразсудкомъ. Такимъ образомъ, весь ходъ размышленія представляется состоящимъ диалектическою схѣмой между общимъ и частнымъ, между родомъ и получасными чрезъ дѣление снаго, видами.

Реальная съдьбина, предполагаемая темою, доставляются, вонпервыхъ, уроками истории и опитомъ, откуда заимствуются отдѣльные случаи, входящіе въ название „предразсудки“; во вторыхъ, общеннымъ понятіемъ о предразсудкѣ, которое, какъ ни было бы смутно, все-таки точно указываетъ на единичные случаи и такимъ образомъ доставляетъ материалъ для проверки предлагаемыхъ определеній. Съдѣйнія о томъ, что такое сужденія, и какъ они раздѣляются, заимствованы изъ логики. Если же ученики не имѣютъ еще необходимыхъ для предложеній задачи логическихъ съдѣйній, они имъ можно сообщить при этомъ случай.

6) Размышление по индукционному методу.

Размышление можно вести и другимъ путемъ: можно отправляться не отъ высшаго родового понятія, но отъ подчиненныхъ ему видовъ, выходить не изъ общаго, а изъ частнаго. При этомъ способѣ размышляющій прямо становится на конкретную почву. Но чтобы индукція, результатомъ коей должно быть опредѣленіе понятія, шла неуклонно къ цѣли и была полной, она не должна ограничиваться нечаянно попадающимися подъ руку случаями. Для правильности индукціи прежде всего требуется подборъ цѣлыхъ группъ отдѣльныхъ случаевъ, обнимаемыхъ общеннымъ понятіемъ о предразсудкѣ. Но такъ какъ подъ это понятіе подходитъ безчисленное количество самыхъ разнообразныхъ случаевъ, то они подбираются изъ известномъ порядкѣ, который указываетъ дѣление общеннаго общаго понятія на его виды. Можно, напримѣръ, дѣлить предразсудки на предразсудки *миа* (основаніе дѣления), а эти послѣдніе группировать исторически (древность, средніе вѣка, новое время), или же по сословію, положенію, націи.

Можно рассматривать предразсудки древнихъ у Грековъ, предразсудки средневѣковые у Испанцевъ; или: предразсудки людей свѣтскихъ, купцовъ, поселеній; или: предразсудки отдельныхъ историческихъ дѣятелей: Ликурга, Катона, Ивана Грознаго. Но какъ бы ни разнообразились частности, какие бы виды предразсудковъ мы ни рассматри-

ваги, все они обнимаются однимъ въ тѣмъ же понятіемъ, становиться, раскрываются все признаки, изъ коихъ то понятіе слагается.

На основаніи подобраннхъ такимъ образомъ частностей можно всегда опознаться въ общемъ. И если ученикъ не можетъ совладать съ безвозвратностью отвлеченного понятія, ему всего лучше держаться индукціи, составленной хоть по приведенному образцу. Лишь только онъ увидитъ предъ собою удобовразумительныя конкретныя формы, и взглядъ его тотчасъ прояснится: будетъ ли, напримѣръ, ученикъ писать о торговлѣ на тему: „Выгоды торговли“, мыслимый предметъ для него тотчасъ выяснится, если размышеніе будетъ обращено на выгоды торговли, положить, для Финикіянъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Голландцевъ, Англичанъ.

Порядокъ группированія частностей въ нашей индукціи слѣдующій: а) *по времени:* исторія, настоящее; б) *по пространству:* отдѣльные націи, состоянія и сословія, отдѣльные личности.

2. Тема: *Что такое состраданіе?* — *Интересъ къ темѣ можетъ быть возбужденъ въ ученикахъ указаниемъ на значительность той роли, которую играетъ взятое понятіе въ опредѣленіи трагедіи.*

Дедуктивный методъ. (Такъ какъ въ предыдущемъ примѣрѣ дедуктивное размышеніе было ведено съ указаниемъ методическихъ подробностей, то послѣдня здѣсь излишни). Состраданіе принадлежитъ къ числу аффектовъ нашей души (родовое понятіе); аффекти бываютъ (*divisio*) активные, возбуждающіе, и пассивные, гнетущіе; къ послѣднимъ относится и состраданіе; чувствующій состраданіе самъ страждеть (какъ это показываетъ и этимологический составъ слова „состраданіе“. Срави. пред-раз-сужденіе) вмѣстѣ съ тѣмъ, кому сочувствуетъ. Не есть ли такимъ образомъ состраданіе аффектъ гнетущій, вызванный страданіями другого?

У размышающаго возникаетъ *недоумленіе*, которое побуждаетъ къ рѣшенію проблемы, отъ коей зависитъ выясненіе мыслимаго предмета. *Разложение возникшую проблему, получимъ два вопроса:*

1) *Кто этотъ другой?* Можно ли подъ словомъ „другой“ разумѣть всякое страждущее существо?

2) *Достаточно ли однихъ страданій, чтобы вызвать наше состраданіе?* Случается, что мы забываемъ даже и *собственныя страданія*, если нашей душей овладѣваютъ иные образы и чувства. Не бываетъ ли въ насть самихъ или въ самомъ страждущемъ и его страданіяхъ чего-либо такого, что устраиваетъ или ослабляетъ сострадательность?

Во первыхъ, мы скорѣе сочувствуемъ тѣмъ существамъ, которыхъ

имѣютъ съ нами извѣстное органическое сходство, и сочувствовать тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе къ намъ страждущіе. Одно животное родство побуждастъ къ состраданію гораздо менѣе, чѣмъ человѣческое, плотское родство—менѣе яѣмъ духовное. Итакъ, состраданіе обусловливается родствомъ страждущаго и сострадающаго. Но достаточно ли одного этого? Нѣтъ сомнѣнія, что для возбужденія состраданія необходимо еще и признаки страданія: мы должны видѣть страждущаго или слышать о его страданіяхъ. И чѣмъ ближе стоять къ намъ страждущій, чѣмъ болѣе участія мы принимаемъ въ его судьбѣ, чѣмъ поразительнѣе признаки его страданій,—тѣмъ сильнѣе и живѣе мы ему сострадаемъ. Настоящія страданія дѣйствуютъ на насъ сильнѣе, чѣмъ минувшихъ; видимыя нами самими побуждаютъ къ большему сочувствію, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы лишь слышали; драматическое представленіе страданій дѣйствуетъ на насъ неотразимѣе, чѣмъ эпіческій разказъ о нихъ.

Второй вопросъ отчасти уже решенъ вышесказаннымъ. Чѣмъ отзоваться на страданія другаго, намъ нужно *вспріимчилии* ихъ какимъ бы то ни было образомъ. Степень нашего состраданія менѣе всего зависитъ отъ *сущности* страданій другаго: она опредѣляется нашимъ отношеніемъ къ страждущему и способомъ *вспріимчилия* его страданій. Наші вѣнція чувства вообще воспріимчивѣ, чѣмъ фантазія, а изъ чувствъ наиболѣе воспріимчивѣ тѣ, которыхъ находятся въ связи съ сильнѣшими душевными движениями. Такимъ образомъ, остается нерѣшеннымъ только одинъ изъ вышероставленныхъ вопросовъ: не можетъ ли что-либо мѣшать состраданію? Воневыѣ, препятствія къ состраданію могутъ находиться въ насъ самихъ: мы не можемъ сострадать другимъ, когда душа наша бываетъ, обята либо сильной радостью, либо глубокою печалью; повторныхъ, самъ страждущій иногда препятствуетъ возникновенію въ насъ состраданія: человѣкъ сильный духомъ, переносящий страданія stoически, не даетъ поводовъ къ состраданію. Мученія, переносимыя Остапомъ и Тарасомъ (Тарасъ Бульба—Гоголя), вызываютъ не состраданіе, а удивленіе. Нѣтъ, втретыхъ, мѣста состраданію и тамъ, где страждущій терпитъ законное возмездіе за свои злодѣянія, хотя обнаруживаются имъ страданія и могутъ возбудить сожалѣніе. Наконецъ, если мы проникнуты не христіанскимъ чувствомъ искренніи къ нашимъ врагамъ, то ихъ страданія не вызываютъ въ насъ сочувствія.

Результатъ размышленія. Итакъ, что такое состраданіе? Гнетущее чувство, вызываемое явными признаками страданій существа,

которое одинаково съ нами по природѣ или имѣть съ нами большее сходство, если только мы считаемъ это существо достойнымъ нашего участія.

Методическая сторона наложенного размыщенія отличается отъ предыдущаго примѣра указаніемъ, что размышляющій долженъ за-
ботливо высматривать всѣ недоумѣнія, такъ какъ порождаемыи
проблемы ведутъ къ точной постановкѣ вопроса и заставляютъ до-
искаваться надлежащаго отвѣта. Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ
примѣре, недоумѣнія (акторы) возбуждаются при помощи *негатив-
ныхъ инстанций*¹⁾.

Реальная съдьїнія, предполагаемыя поставленію темой, замы-
ствуются здѣсь изъ психологии и общаго опыта.

Индуктивный методъ. Подробно развивать поставленную тему по,
индуктивному методу значило бы повторять то, что уже изложено выше
въ дедуктивномъ размыщеніи; поэтому здѣсь можно ограничиться
лишь указаніемъ нѣкоторыхъ формальныхъ особенностей, который не
могли войти въ индуктивное размыщеніе на тему: что такое пред-
разсудки?

При индуктивномъ размыщеніи на тему: что такое состраданіе?
подыскиваются примѣры изъ исторіи, изъ поэтическихъ произведе-

¹⁾ Положимъ, что проектированное определеніе не соответствуетъ обывателю.
понятію объ опредѣляемомъ предметѣ, что тогда дѣлать размышляющему? Нужно привести въ извѣстность тотъ пунктъ, въ которомъ заключается разладъ и прибѣгнуть къ *негативнымъ инстанциямъ*. Это дѣлается такъ: или подыски-
ваются тѣ же случаи, которые объясняются называемѣемъ предмета, речеиѣмъ, но
поды определенія не подходятъ; или на основаніи определенія предумышляются
случаи, къ коимъ не можно бы бѣть придано речеиѣ, или предмета. При
составленіи определенія, говоритъ Рудольфъ Агрикола, нужно обращать вниманіе на слѣдующія два условія: 1) *esquid intra complexum definitionis possit venire, quod nomine definiti non continetur;* 2) *contineatur ne aliquid definitio, quod definitio non admetat.* Строгое соблюденіе этихъ двухъ условій ведетъ
ко подыскиванію *негативныхъ инстанций*, а *негативная критика* способствуетъ
достиженію *положительныхъ результатовъ*. Этими результатами надо считать только
то, что совершенно исключаетъ всія негативныя инстанціи. Выдѣлалъ изъ
нашего представленія и размыщенія все ошибочное, негативная критика под-
готавливаетъ *положительный выводъ* и здѣсь оканчивается. «*Noenam tantum consideratur, primo procedere per negationes et postremo loco deinde in affirmatives post operibus modus exclusioem.*» (*Bab. Log. 48*). Образецъ того, какъ пользуются нега-
тивными инстанціями служатъ диалоги Платона и Дессингрова статья о баснѣ;
въ русской литературѣ можно указать на начало статьи Шевырева о коми-
скомъ, помещенной въ Христоматіи Филонова III, 389.

ний, особенно такихъ, которые изъять на возбужденіе состраданія (трагедія), припомнются случаи изъ собственного опыта, и во всемъ этомъ конкретномъ материалѣ, посредствомъ отвлечения несущественной, случайной, единичной пріимѣси обрѣтается одинаковое, тождественное. Выводъ, сдѣланный на основаніи ограниченного числа конкретныхъ случаевъ, превращается вновь придуманными негативными инстанціями.

Но дабы прийти къ какому-либо результату, нужно предварительно знать, чего искать въ частныхъ случаяхъ; стало быть, необходимо отложитьсь въ дедукцію. Въ данномъ, напримѣръ, случаѣ путеводителемъ для индукціи служить сдѣланное выше отвлечение, что состраданіе есть аффектъ, и что вслѣдствіе того нужно обратить вниманіе, какъ на свойство субъекта, въ коемъ-этотъ аффектъ замыкается, такъ и на предметъ, коимъ возбуждается аффектъ. При разсмотрѣніи свойствъ чувствующаго лица и страждущаго предмета опять нужно подумать о надлежащей классификаціи субъекта и объекта. Если, напримѣръ, сказать: состраданіе чувствуетъ человѣкъ, то это будетъ не вѣро, ибо есть люди, которые не проникаются состраданіемъ; наконецъ, каждый человѣкъ можетъ быть въ такомъ состояніи, которое лишаетъ его возможности сострадать другимъ. Дабы добраться до истины, нужно высшее понятіе человѣкъ раздѣлить на его виды, нужно уловитьсь въ дедукцію. Въ объемѣ понятія человѣкъ могутъ быть различаемы слѣдующіе виды: счастливые и несчастные (основаніе дѣянія); къ несчастнымъ причисляются или тѣ, которые находятся въ несчастії, или уже перенесли несчастіе, и сдѣлавшись болѣвими, опасаются подвергнуться несчастію снова; сильные и слабые; нечувствительные и сентиментальные; мужчины и женщины; образованные и необразованные; дѣти и взрослые. Какое же основаніе дѣянія можетъ идти въ дѣлу въ данномъ случаѣ? — Все это показываетъ, что одна индукція можетъ лишь запутывать размышеніе въ частностяхъ, что частностями можно пользоваться не иначе, какъ исходя изъ общаго; индукція и дедукція, следовательно, другъ друга исключаютъ.

Какъ нужно пользоваться при составленіи сочиненія чтеніемъ.

Задавая тему, учитель долженъ помнить, что, не смотря на обсужденіе ей въ классѣ, не смотря на выясненіе метода размыщенія, онъ оставляетъ позади себя опаснаго врага, который можетъ гнушить только что взмѣянные ростки. Врагъ этотъ — тѣ книги и статьи,

которыя соприкасаются своимъ содержаніемъ съ заданною темой и ставить ученика на заманчивый, но скользкій путь. Безъ дальнихъ разсужденій, безъ всякаго разбора ученикъ вносить въ свою работу изъ „открытыхъ имъ источникоў“ все то, что ему кажется идущимъ къ дѣлу и освобождаетъ его отъ труда размышлять.

Наша обязанность воспользоваться этимъ врагомъ и расположить его въ свою пользу. Ученику слѣдуетъ показать, какъ можно пользоваться статьей или отрывкомъ, написаннымъ для иной цѣли, хотя и желательно, чтобы ученики писали свои сочиненія безъ всякой посторонней помощи, чтобы они прибѣгали къ литературѣ единственно ради возбужденія мыслей или сосредоточенія ихъ на данномъ предметѣ.

Послѣ того, какъ ученики дошли при помощи учителя до составленного выше опредѣленія и провѣрили его индукціей, можно взять изъ второй книги Аристотелевої „Реторики“ осмью главу, посвященную предмету нашей темы, и читая ее въ классѣ, постепенно показать, чѣмъ и какъ воспользоваться и что отбросить, какъ служащее иной цѣли. Такое чтеніе до нѣкоторой степени увеличить материалъ, добытый дедуктивнымъ и индуктивнымъ размышленіемъ, или по крайней мѣрѣ, освѣтить этотъ материалъ съ иной стороны. Внимательный ученикъ замѣтитъ для себя изъ прочитаннаго слѣдующее:

„Состраданіе есть извѣстнаго рода скорбь, возбуждаемая несчастіемъ, явно тросящимъ кому-либо гибелю и страданіемъ, притомъ несчастіемъ незаслуженнымъ, коего (или ему подобнаго, или съ нимъ сроднаго) мы легко можемъ ожидать для себя или для кого-нибудь изъ нашихъ близкихъ“.

Сравнивая Аристотелево опредѣленіе съ нашимъ, находимъ между ними сходство: только *явное*, или какъ у насъ сказано, воспринятое нами несчастіе другаго можетъ возбуждать въ насъ состраданіе; да-же, страданіе это должно быть незаслуженно, ибо страданія, претерпѣваемыя другими для удовлетворенія оскорбленному чувству справедливости, замедляютъ аффектъ состраданія. Но вмѣстѣ съ симъ изъ чтенія выясняется совершенно *новый*, не замѣченный нами признакъ: несчастіе другаго возбуждаетъ въ насъ состраданіе еще и потому, что мы можемъ ожидать такого же для себя или для кого-либо изъ нашихъ близкихъ.

Но для того, чтобы воспользоваться чужими мыслами, нужно предварительно понять ихъ именно въ томъ значеніи, какое даетъ имъ самъ мыслитель, а потомъ уже подвергать ихъ оцѣнкѣ. *Критика чужой мысли*, стало-быть, должно предшествовать *изясненію ея (explicatio)*.

Въ той же самой главѣ Аристотель такъ изъясняетъ отмѣченный нами новый признакъ состраданія: „Если то, чего мы *страшимся* (ожидать) для самихъ себя, приключается другимъ, то мы имъ *сострадаемъ*“. А въ 5-й главѣ той же книги, говоря о страхѣ, онъ замѣчаетъ: „Страшно для насъ все то, что приключалось или предстоитъ другимъ, возбуждаетъ наше *состраданіе*“. Итакъ, по видимому, Аристотель утверждаетъ, что страхъ и состраданіе совмѣстны и овладѣваютъ душою въ одно и тоже время? Но это противорѣчить психическімъ условіямъ: страхъ за себя исключаетъ всякое состраданіе, какъ сильнѣйшее, субъективное ощущеніе подавляетъ слабѣйшее, объективное. Опять будетъ тоже противъ Аристотеля. Мы сострадаемъ Эдипу, когда предъ нимъ вдругъ раскрывается ужасная тайна; сострадаемъ Десдемонѣ, когда слышимъ угрожающія рѣчи Отелло; сострадаемъ возрастающимъ мученіямъ безнадежно больного, сознавая всю нашу беспомощность,— но о себѣ, о своихъ видахъ мы решительно забываемъ въ это время. При видѣ сильныхъ страданій исчезаетъ даже мысль о томъ, заслуженно или незаслуженно они претерпѣваются. Стало-быть, никакое размышеніе не въ силахъ противостоять скорби, которая противъ нашей воли овладѣваетъ нами подобно физической заразѣ и не спровождается никакою симпатіей къ намъ самимъ, тѣмъ паче къ нашимъ близкимъ. Мы подчиняемся чужой скорби какъ-бы инстинктивно.

Но мы *поторопились* прервать чтеніе и поэтому впали въ ошибку. Продолжая чтеніе той же главы, мы увидимъ, что древній мыслитель нами *не понялъ*. Аристотель говоритъ не о томъ, *какъ* возникаетъ въ насъ состраданіе, но о томъ, *при какихъ условіяхъ оно можетъ съ нашей стороны проявляться*. Онъ утверждаетъ, что „*не счастіе*, заслуживающее нашего состраданія, необходимо должно отличаться тѣмъ, чтобы мы боялись ожидать его для насъ самихъ или для нашихъ близкихъ. Гдѣ нѣть этой боязни (то-есть, когда ни само несчастіе, ни наше къ нему отношеніе не предполагаютъ этого страха), тамъ нѣть мѣста состраданію. Ибо ли тотъ, кто на столько удрученъ несчастіями, что ему уже нечего опасаться за себя, ни тотъ, кто такъ счастливъ, что не понимаетъ, съ какой стороны къ нему можетъ подойти горе, ни отчаявшійся, ни счастливецъ, надменный своимъ счастіемъ, обыкновенно не чувствуютъ состраданія къ другимъ“. Значить страхъ, о коемъ Аристотель говоритъ въ свою опредѣленіи состраданія, проистекаетъ у сострадающаго изъ равенства его положенія съ страждущимъ, изъ близости сострадающаго

жъ страждущему и какъ-бы усиливаетъ состраданіе. Гдѣ нѣть этого страха, тамъ остается лишь филантропія. Состраданіе же—чувство трагическое (*Lessing*, Hamb. Dram., S. 74—76).

Аристотель тогда бы лишь противорѣчилъ психическимъ условіямъ, если бы смысла, какъ Мендельсонъ (*Lessing*, Hamb. Dram., st. 74), страхъ съ ужасомъ. Выставляя необходимымъ условіемъ состраданія близость къ намъ страждущаго лица, онъ замѣчаетъ, что послѣднее „не должно стоять къ намъ въ ближайшемъ родствѣ; ибо въ такомъ случаѣ сердце наше чувствуетъ то же самое, чѣмъ бы оно чувствовало, если бы мы сами находились въ подобномъ положеніи. Поэтому говорить, что Амазисъ (Геродотъ разказываетъ это о Псамменитѣ, III, 14) не плакалъ о своемъ сыне, когда видѣлъ, что его ведутъ на смерть, но пролилъ слезы о своемъ другѣ, когда послѣдній просилъ у него милости; ибо это послѣднее возбуждаетъ состраданіе, первое же—ужасъ. Ужасное поэтому совершенно не похоже на то, чѣмъ возбуждаетъ состраданіе, и во многихъ случаяхъ способно вызвать совершенно противоположное чувство“ (*Rhet.* II, 8).

Результатъ чтенія. 1) Правило о пользованіи мыслями писателей формулируется вполнѣ: прежде чѣмъ воспользоваться чужими мыслями, нужно уяснить ихъ себѣ и *уяснить на основаніи словъ самого писателя*. 2) Аристотелева статья навела насъ на *новую* черту состраданія: состраданіе возникаетъ въ насъ мгновенно, противъ нашей воли. 3) Аристотель снабжаетъ насъ обильнымъ количествомъ частныхъ случаевъ, на основаніи коихъ (хотя они здѣсь ради краткости опущены) сдѣланы отвлеченія о предметѣ состраданія и свойствахъ страждущаго.

При помощи трехъ указанныхъ методовъ изобрѣтенія, дедуктивнаго, индуктивнаго и чтенія идущаго къ дѣлу отрывка, приходимъ къ слѣдующему опредѣленію: Состраданіе есть тотъ гнетущій аффектъ, который мгновенно и независимо отъ нашей воли возбуждается явными, болѣзнями страданіями людей, когда послѣдние близки намъ и по страданіямъ, и по взаимнымъ отношеніямъ, и терпать страданія незаслуженно.

Такимъ образомъ рѣшень, вопросъ поставленный темою, и собранъ весь нужный для того материалъ, который теперь ждетъ лишь распорядка, обусловливаемаго конечною цѣлью сочиненія — *научить читателя, интересующагося вопросомъ*.

3. Тема: Чѣмъ такос смѣшное (комическое)? Интересъ къ темѣ возбуждается въ ученикахъ равнимъ ихъ знакомствомъ съ комедіей.

Наша литература богата высокими образцами комедіи, съ которыи по причинѣ наибольшей доступности содержанія и формы, учащіе знакомится весьма рано. Недоросля, Ревизора, комедіи Островскаго ученики узнаютъ еще въ томъ періодѣ, когда у нихъ начинаеть про буждаться охота къ чтенію, вынося изъ своего чтенія мнѣніе, что въ комедіи представляется *ничто смѣшное, то-есть, достойное осмыслии*. Съ другой стороны, ученикъ можетъ быть заинтересованъ определеніемъ комического по противоположности послѣдняго съ траги- скимъ. Но не смотря на то, что комическое знакомо ученику, полѣtie послѣдняго обѣ ономъ все-таки темно. Чѣмъ мы называемъ смѣшнымъ?

Дедуктивный методъ. Смѣшнымъ называется то, что приводить нашъ духъ въ возбужденное состояніе, слѣдовательно, нарушасть его *обыкновенное, спокойное состояніе*. Стало-быть, комическое есть то-то *необыкновенное* (родовое понятіе). Но *необыкновенныи называетъ также и высокое*. Чѣмъ же отличается высокое отъ комического? (видовое различіе). Высокое возбуждаетъ въ насъ удивленіе, комическое — смѣхъ. Чѣд нужно принять за основаніе дѣленія понятія „*необыкновенное*“, чтобы прійті въ его виду „*комическое*“? Нельзя взять за основаніе дѣленія то, какъ дѣйствуетъ на насъ *необыкновенное*? Комическое есть то *необыкновенное*, которое возбуждаетъ въ насъ смѣхъ. Теперь нужно знать, какое *необыкновенное* возбуждаетъ въ насъ смѣхъ: то ли, которое стоитъ выше, или то, которое считается ниже *обыкновенного*? Смѣемся мы надъ тѣмъ, чѣмъ *обыкновенна*го. Слѣдовательно, всякий вздоръ, нелѣпость? Конкретные случаи для провѣрки заключенія. И вздоръ можетъ насторожить и онъ можетъ быть *необыкновеннымъ*, но для этого онъ долженъ быть вздоромъ не только самъ *по себѣ*, но и *намъ* живо предста- ляться *чаковымъ*. Значитъ, мы побуждаемся къ смѣху *презрѣніемъ*. Пересмотръ частныхъ случаевъ. Комический смѣхъ — смѣхъ *навязанный*. Простодушный, беззывѣтный, не щекочущій ни сердца, ни разума. *Результатъ?*

Индуктивный методъ. Анализъ частныхъ случаевъ. Отвлечь существеннаго отъ несущественнаго.

а) Промахъ, необдуманность, карикатура, игра словъ, остроумъ эпиграмма, пародія. Гогарта въ странствующіе комедіанты сушатъ чулки па облакахъ (декорациія). Греческій комикъ Филемонъ даже въ сотомъ году своей жизни не переставалъ тѣшить толпу смѣхомъ; умеръ, смѣясь надъ осломъ, ёвшимъ сѣно. Скотининъ: „*Я, Тарасъ*“

Скотининъ, и въ родѣ своемъ не послѣдній!”. — „Отличиться въ сраженіи и получить крестъ” (орденъ и крестъ могильный). Митрополитъ Филаретъ: „Принужденъ будешь твоей имперіи дать повелѣніе, чтобы она тебѣ *вѣрила*”. Пушкинъ: „И съ радостью на карту, на злодѣйку, поставилъ бы тетрадь своихъ стиховъ, когда бъ твой стихъ ходилъ хотя въ копейку”. Въ 1806 году прусскій генеральный штабъ назначилъ отряду Іорка квартиру въ деревнѣ, которой не существовало съ Тридцатилѣтней войны (Йоркъ относился къ этому совсѣмъ иначе, чѣмъ можемъ относиться мы).

б) *Дѣти и юноши* легко увлекаются смѣхомъ и болѣе къ нему склонны. *Люди зрѣлыхъ лѣтъ, старики*. Никто не кажется смѣшнымъ самому себѣ въ время совершенія поступка, которымъ смѣшить другихъ. Предъ философомъ разыгрывается самая длинная комедія — жизнь окружающей его среды. *Лирическія натуры* легко вдаются въ сатиру, эпическая же склонна къ забавнымъ разказамъ, любить анекдоты. Кто болѣе смѣется: *образованный или необразованный?* Почему смѣется только одинъ человѣкъ?

Определение смѣшина отъ противнаю. Чѣмъ противоположно смѣшному? Трагическое. Отчасти шутка и серіозное. Всего же болѣе высокое. Настоящая трагедія, равно какъ и героическая поэма, не поддаются пародіи. *Les extrémités se touchent*. Высокимъ называемъ величественное, изумительное, то, чѣмъ превышаетъ наше пониманіе; ибо мы не можемъ сравнивать его ни съ чѣмъ, что есть въ насъ самихъ или въ насъ; таковы, напримѣръ, безпредѣльное море, вѣчность, звѣздное небо, сила стихій. Не смотря на то, наша фантазія сilitся приблизиться къ тому, чѣмъ не постигаетъ нашъ разумъ. Высокое действуетъ на насъ двояко: или подавляетъ, или вызываетъ стремление къ великому.

Итакъ, комическімъ называется иѣчто необыкновенное, неразумное, возбуждающее въ насъ беззаконный, безцѣльный смѣхъ.

Определение комическаго посредствомъ отмеченія отъ подобного ему. Различие комического отъ насмѣшки (презрѣніе, раздраженіе, намѣреніе оскорбить; простодушная веселость, безнамѣренность). Комическое и сатира (горькое негодованіе). Тѣлесное возбужденіе смѣха: щекотанье.

Критика чужихъ определений: Гоббесъ объясняетъ смѣхъ удовлетвореніемъ человѣческой гордости. Негативные инстанціи изъ Гоголя Ревизора. Кантъ опредѣляетъ смѣшное разрѣшеніемъ какого-либо ожиданія въ ничто. Определение Канта слишкомъ общее: не

всякое ожиданіе, разрѣшающеся въ ничто, причиняеть смѣхъ; напри-
мѣръ, если мы ожидаемъ чего-либо ужаснаго, и оно не случится, намъ это
доставляетъ удовольствіе, но не возбуждаетъ смѣха. Иногда что-ни-
будь смѣшитъ человѣка внезапно, безъ всякихъ съ его стороны ожи-
даній. Шиллеръ говоритъ, что смѣшнымъ предметъ бываетъ тогда,
когда представляется намъ ниже того, что онъ есть на самомъ дѣлѣ.
Несатионная инстанція: искусное подражаніе голосу, походкѣ, мане-
рамъ и проч. Аристотель: „Комедія есть представление чего-либо
низкаго, но не всегда порочнаго, а лишь гнуснаго, которое произ-
водить смѣшное; ибо смѣшное есть какая-нибудь ошибка; что-ни-
будь постыдное (черезчуръ ограничено), но безвредное“ (признакъ су-
щественный). Гюль: Комическій „смѣхъ углубляетъ предметъ, за-
ставляеть арко выступить то, что проскользнуло бы, безъ проявленія
щіей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы тагъ
человѣка“. Комическое, стало быть, есть контрастъ¹⁾.

Изъ представленныхъ здѣсь примѣровъ опредѣленія лежатъ,
что ни одинъ изъ методовъ размышенія (никакожденіе посредствомъ

¹⁾ Категоріи, коими пользуются искусственное изобрѣтенію, обстоятельно из-
ложены Рудольфомъ Агриколой въ сочиненіи *De inventione dialectica*. Дабы
представить въ системѣ всѣ категоріи, коими мы пользовались при изобрѣ-
тіи на выше приведенныхъ темы, предлагается здѣсь составленную по указанію
тому сочиненію Агриколы таблицу категорій.

Путеводная нить для размыщенія о данномъ предметѣ, говорить Агрикола,
заключается въ самой мыслимой субстанціи (такъ онъ называетъ предметъ, и
который направлено изобрѣтающее размыщеніе, который мы хотимъ познать)
и поэтому его таблица начинается семью категоріями (*loci*), *qui sunt in substantia*,
это суть:

1) *Определеніе*, 2) *родъ*, 3) *видъ*, 4) *частное*, 5) *цѣлое*, 6) *частъ*, и 7) то, что
онъ называетъ *conjugata*, *quae solo nominis quodam deflexu distant*, какъ *sapiens*
sapientia, то-есть, кто размышиляетъ о *sapiens*, тотъ непремѣнно долженъ вспо-
мнить и о *sapientia*. Затѣмъ слѣдуютъ *loci*, *qui sunt circa substantiam* (то-есть, отъ
сущности предмета размыщеніе переходитъ къ его окружности). Это: 8) *адъ-
acentia*, илл., намъ онъ то же самое называетъ въ другомъ иѣстѣ, *inhaerentia*, то-
есть, признаки, которые *неразлучны* съ субстанціей; 9) *actus*, то-есть, дѣятель-
и и вліяніе субстанціи; 10) *subjectum*, то-есть, то, что подлежитъ дѣйствію суб-
станціи (*actus*) и неразлучнымъ съ нею свойствамъ (*adjacentia*). Обѣ эти группы
Агрикола называетъ *внутренними категоріями* (*loci interni*), за коими у него
следуютъ *категоріи вѣнчанія* (*loci externi*).

Вѣнчаніи категоріи онъ начинаетъ двумя парами, *causa et eventus*, которые вхо-
дятъ въ область *причинности*. *Causa* суть или 11) *causa efficiens*, или 12) *causa
finalis*, коимъ соответствуютъ *essentia*; с. *efficienti* 13) *effectum*; с. *finali* 14) *desi-
natum*. Далѣе слѣдуетъ 15) *мыслю*, 16) *время*, 17) *connexa*, *quaes* под *circumstans*.

дѣленія отъ общаго къ частному, восхожденіе посредствомъ подбора отдѣльныхъ случаевъ отъ частнаго къ общему, сравненіе сходнаго и противоположнаго, пользованіе чужими мнѣніями съ критикою оныхъ)

*quidem rem, какъ место и время, sed extrinsecus tamen in ipsum incipiente videntur, какъ богатство богатаго. Еще слабѣе связь субстанціи съ группой *accidentia*, въ коей принадлежать: 18) случайнаго послѣдствія (*contingentia*), 19) свидѣтельства и нравственныя сентенціи (*probabilita*), 20) илл., 21) *comparata*, 22) *similia*. Наконецъ, слѣдуетъ группа *tertioplatia*: 23) противоположенное (*frigidum—calidum*), 24) *disparata* или *distantia*.*

Обозрѣвъ таблицу въ цѣломъ, переходить къ основаніямъ дѣленія категорій на виды.

а) Сущность понятія, на которое направлено размышеніе, изучерпывается определеніемъ. Но определеніе развиваетъ содержаніе понятія не во всей его полнотѣ, оно представляетъ въ своего рода скобкахъ (родовыя понятія) цѣлые ряды иныхъ понятій, которыхъ въ совокупной сложности равняются единому мыслимому понятію. Содержаніе понятія усиливается лишь по исчисленіи всѣхъ входящихъ въ него существенныхъ представлений или признаковъ, то-есть, *свойства и дѣйстія* обозначасшаго имъ предиката (Агриноловы *adjacentia* и *actus*). Свойства и дѣйстія предмета обнаруживаются не иначе, какъ на подлежащемъ иль видѣніи предмета (Агр. 10). Если опредѣленіе обозрѣваетъ этотъ рядъ существенныхъ признаковъ не *exhauste*, но замѣняетъ подробное перечисленіе признаковъ включеніемъ ихъ въ родовое понятіе, то это предполагаетъ уже между понятіями градацію. Дѣбтое процессомъ отвлечения новое понятіе, заключающее въ себѣ, какъ въ скобкахъ, рядъ другихъ, между собою равныхъ понятій, будетъ по объему шире и общѣе—оно обнимаетъ всѣ родственные виды,— а по содержанію, то-есть, по числу входящихъ въ него признаковъ, уже и бѣдѣе; это будетъ *самое* понятіе, родовое, а подчиненное ему — *видовое*, иная. Родовое понятіе заключаетъ въ себѣ признаки видового, за исключеніемъ тѣхъ существенныхъ, которые обособляютъ одинъ видъ отъ другихъ съ именемъ сходныхъ, то-есть, отъ видовъ того же рода; видовое же понятіе включаетъ въ себѣ *всю* сущность признаками рода и свои собственные, существенные. Всякое понятіе, подвергаемое определенію, рассматривается какъ видовое; стало быть въ немъ должны заключаться и признаки рода, которому оно подчинено, и признаки отличительные, принадлежащіе ему какъ виду, *differentia specifica*.

Эти соображенія ведутъ къ слѣдующимъ Агриноловымъ схемамъ:

1) *Содержаніе понятія*: сумма частныхъ представлений, которыхъ съ понятіемъ *неразлучны*, будуть ли то а) *свойства*, или б) *дѣйстія*.

2) *Родъ* — *видъ* (градація понятій вслѣдствіе процесса отвлечения и размышеній).

3) *Существенные признаки вида* (*differentia specifica*), которые обособляютъ видъ отъ его рода.

4) *Определеніе*, раскрытие содержанія понятія, то-есть, обзоръ заключающихся въ немъ родовыхъ и видовыхъ признаковъ.

5) *Цѣлое и часть*. Эта категорія подобна первой: тамъ понятіе разлагается на составляющіи его частные представления, а здесь *самый предметъ*, обозна-

не можетъ быть совершенно обособленъ. Первый, то-есть, дедукція, не-
обходимо требуетъ подбора частныхъ случаевъ, которыми провѣряется
обобщеніе, возбуждаются *проблемы и трудности*, двигающія размыши-

ченій понятіемъ, подвергается различенію на его составные части; таъ
свойства и дѣйствія мыслится въ связи съ понятіемъ, обозначающимъ предметъ,
а здѣсь части предмета разсматриваются въ связи съ цѣльмъ, которое изъ нихъ
распадается, ибо отдѣленная отъ цѣлаго часть получаетъ самостоятельность,
когда скоро она представляется мышленію въ отвлеченній формѣ речеія. Соот-
вѣтственно тому, что сказано выше, здѣсь изъ *различенія* цѣлаго на части по-
лучается *partitio*.

Всѣ эти пять категорій относятся къ содержанію и даютъ слѣдующіе законы
изобрѣтающаго размышенія.

а) Нужно собрать существенные признаки, частныя *представлениія* каждого
изъ двухъ тематическихъ понятій, или же *различеніе* тематическихъ понятій за-
значеніемъ изъ нихъ частныхъ *представлениія*.

б) Нужно отыскать *родъ*, ближайшее общее, коему подчинено понятіе.

в) Нужно опредѣлить *особенности* (существенные признаки), которые обес-
печиваютъ данное понятіе отъ родственныхъ съ нимъ видовыхъ и отъ родового.

г) Нужно соединить частныхъ представлений въ одно опредѣленіе.

д) Собранные такимъ образомъ нужно *различеніе* на его части (изъъ
главныхъ понятій, составляющихъ тематическое сужденіе) и наблюдать, въ
какому цѣломъ каждая изъ нихъ относится. Части въ своей сложности должны
развиваться *цѣломъ* и одна другую исключать.

е) Исчерпавъ содержаніе мыслимаго предмета, изобрѣтающее размышеніе
переходитъ отъ его сущности къ *сущности*, къ области его господства и дра-
мѣнію, къ его *объему*. Обозрѣть весь объемъ понятій въ большинствѣ случаевъ
не возможно, но причинѣ безкрайнаго множества индивидуумовъ, объемъ которыхъ
понятіемъ или тематическимъ сужденіемъ. Размыщеніе прилагаетъ къ этому
случаю къ слѣдующимъ замѣнамъ или доводствуется искусно подобранными
и проверенными *исключеною критикою* одними частными случаями, типическими
примерами; или же мыслимое понятіе разлагается при посредствѣ *divisio* на свои
виды. *Divisio* есть настоящая противоположность опредѣленія (*definitio*). Къ
опредѣленію, имѣсто того, чтобы перечислять вполнѣ всѣ входящія въ содержаніе
понятія частныхъ представлений, признаки, заключается для краткости родовые
признаки въ своего рода скобки, такъ и *divisio* соединяетъ входящіе въ объѣмъ
понятія предметы въ частные случаи заключающіе въ отдѣльныя группы, въ ближайшіе
назывшіе виды. Какъ получитъ виды, если дѣлъ родъ? Одно какое-нибудь изъ част-
ныхъ представлений рода подвергается *видозмѣненію*, которымъ заранѣе известно,
и на которыхъ на первый разъ можно опереться. Когда различие, указываемое част-
нымъ представлениемъ, действительно будетъ обнаружено, оно даетъ виды.
Частное же представление, видозмѣненіе коего дало виды, называется точкой изъ
началомъ дѣленія, *principium divisionis*.

Изъ сказанного вытекаютъ слѣдующія категоріи: 6) *divisio*, 7) *principia
divisionis*, 8) *единичное*, выдающіеся случаи (негативные инстанціи), *примеры*.

ление впередъ. Второй и четвертый нуждаются въ обобщеніи, то-есть, элементъ дедуктивнотъ, безъ косого индукція будеть сбивчию и беспѣльною, равно какъ и чужія мнѣнія, будучи провѣрены частностями,

Такимъ образомъ въ представленной схемѣ заключаются всѣ первыя десять категорій Аристотеля.

в) Сущность подлежащаго размыщленію предмета находится въ связи съ его видѣніемъ. Самая крѣпкая внутренняя связь—это причинность (синонимомъ). Слова относятся: съдѣдствій, категоріи: 9) причина, 10) побужданіе, 11) доводъ (обстоятельства), 12) матерія, 13) цель, 14) средство, 15) слѣдствіе (дѣйствіе); а) непосредственное, б) посредственное, 16) основаніе, 17) ratio cognoscendi (признаки), которую Аристотель раздѣляетъ на а) таихироу и б) срачесю, опредѣляя ихъ такъ: первыя рѣдь признаковъ имѣть доказывающую силу, ибо оны необходиимо приводить предмету и отвѣтитъ къ нему, какъ частное къ общему; наимѣнія, если бы, когда-нибудь, указавши да признакъ болѣзни какого-либо человека, сказали: «она въ жару», или «она родила», потому что у нея есть молоко; то указанные признаки имѣли бы неопровергнуто доказывающую силу. Напротивъ, второй рѣдь признаковъ, которые относятся къ мыслимому предмету, какъ общее къ единичному, имѣть характеръ случаій, напримеръ, если бы оказались: «что этого человека въ жару, видно изъ того, что онъ часто дышитъ». Хотя бы указанный доказательство существование, оны всѣ-таки не доказательны, ибо часто дышать можетъ и тотъ, у кого нетъ никакого жару (Риторика, 1, 2). Но некоторые изъ указанныхъ категорій могутъ быть соединены по родству: 9-я и 10-я вѣдь называются causa efficiens, они различаются сторону физической отъ психологической; 11-я и 12-я также состоятъ въ родстве; ибо средство всегда подчинено цели; а цѣль опредѣляется въ причинѣ. Категоріи 15-я приводить къ совершающему факту, къ слѣдствію, вытекшему изъ причинъ, стало-быть, стоять въ связи къ вилюсловными категоріями. По-средствомъ 16-й и 17-й мы ведемъ отъ объективного слuchaя къ субъективному усвоенію, ибо они касаются уже того, почему мы такъ, а не иначе высшимъ о предметѣ, и касаются оснований познанія. Так же исключительно мыслительное значеніе имѣютъ категоріи: 18) возможность и 19) необходимость и невозможность, ибо обѣ послѣднія слѣдуютъ всегда вѣдь. Научнос размыщленіе, приступающее къ дѣлу безъ всякихъ предвзятыхъ искаженій и цѣли, начинается съ 18-й категоріи и оканчивается 19-й. Съ необходимостью въ самой тѣсной связи стоять общность, а съ возможностью—особенность. Что всегда и во всякихъ случаяхъ совершается, то необходимо, а что необходимо, безъ того не можетъ обойтись ни одинъ случай. Въ такой же связи стоять возможное и частное; что возможное, то, само собою разумѣется, можетъ иной разъ попасться въ какомъ-нибудь единичномъ случаѣ.

г) Четвертый рядъ категорій: 20) время, 21) место и 22) обстановка въ пространствѣ, окружающе, а во времени—«обстоятельства». Послѣдняя категорія портитъ то же, что и 11-я, которая по своему значенію принадлежитъ къ ряду этихъ склоннѣй, категорій, помѣщенна же она въ третьемъ ряду единственно ради родства, съ 12-ю. Въ такой же слабой степени есть мыслимость предметомъ находится.

негативными инстанциями, клонять размышление къ дедукції. Сопоставление съ мыслимымъ предметомъ родственного или противоположнаго точно также нуждается въ материалѣ, входящемъ въ объемъ мыслимого предмета, и обобщеніи. Всѣ четыре метода имѣютъ въ виду съ разныхъ сторонъ возбудить наше мышленіе, направить ходъ размышления посредствомъ возбужденія недоумѣній и проблемъ и улучшить его.

Результатомъ указанныхъ упражнений долженъ быть неизвѣстный методическому мышленію. И если онъ приобрѣтенъ, *invenitio* даже и для отвлеченныхъ темъ можетъ обходиться безъ искусственной помощіи. Опытный умъ свободно сосредоточивается на интересующемъ его предметѣ и отыскиваетъ, не обращая вниманія на методъ, вѣщее къ дѣлу. Все придуманное записывается на первый разъ въ тескомъ порядке и видѣ, въ какомъ оно является въ наше мышленіе. Но трудные пункты при этомъ не устраняются; напротивъ того, изъ нихъ-то и устремляется размышление. Впрочемъ, безмерное притяженіе мысли на одинъ и тотъ же пунктъ нельзя считать лучшимъ и наиболѣе плодотворнымъ способомъ размышленія. Мысль склоняется рваться на времѣя отъ мыслимого предмета, утверждая, что периодическое обдумываніе приводить къ болѣе успѣшнымъ результатамъ. Но чѣмъ чаще мы останавливаемся на извѣстномъ предметѣ, тѣмъ сильнѣе память души проникаетъ, тѣмъ шире разверзается ея хранилища. Когда же оказывается, что изъ хранилищъ душы не

и категоріи 15, б., и 17, б., помѣщенные выше также на основаніи ихъ родства съ предыдущими категоріями.

д) Пятый рядъ категорій, хотя бываетъ часто весьма пригоденъ для избрательнаго, еще слабѣе виждется съ мыслимымъ предметомъ. Это: 23) *номис* (речениe), *этимологіческій составъ въ обыденномъ смыслѣ*; 24) *testimonium*, имена о предметѣ лица авторитетнаго.

е) Слѣдующія категоріи основаціи на сраженіи предмета съ другими и изобличеніи его отъ другихъ, это: 25) (по аналогіи); оно можетъ быть *maius* или *minus* (заключеніе *a maiori ad minus* или наоборотъ). Въ собственномъ смыслѣ подобіемъ называется ближайшее сходство между какимъ-нибудь извлечениемъ изъшей природы и явленіемъ духа. Но при всякомъ подобіи оказываются 26) различія; оно бываетъ разныx родовъ: а) постепенное, б) видовое, с) родовое. Различія при дальнѣйшемъ развитіи видовыхъ особенностей переходятъ въ 27) иронію-положность.

Цѣль этого перечня была бы можно понять, если бы кто надумалъ диктовать ее своимъ ученикамъ. Ученики должны освоиться съ нею подъ руководствомъ учителя при разборѣ статей; при изложеніи обсужденія темъ; при классномъ разборѣ написанныхъ ими сочиненій.

возможное изчерпано, нужно воспользоваться *членениемъ*. Членение часто рождает новые недоумынія и всегда ведетъ къ пересмотру написанного, при чёмъ все мало относящееся къ дѣлу, шаткое и сомнительное, исправляется или вычеркивается, а ватъмъ слѣдуетъ уже *расположеніе* (*dispositio*) изобрѣтеннаго материала.

И. Гавриловъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪ ОКОНЧАТЕЛЬНЫХЪ ИСПЫТАНИЯХЪ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ ВЪ КОНЦЪ 18^{71/72} УЧЕБНАГО ГОДА.

Окончательные испытания учениковъ гимназій въ знаніи ими полученного гимназического курса, или такъ-называемыя испытания зрѣлости для дальнѣйшаго, высшаго, научного образования, принадлежать къ числу важнейшихъ актовъ внутренней жизни этихъ учебныхъ заведеній, ибо эти испытания служатъ повѣркою для всей ихъ дѣятельности за предшествующій періодъ времени, соответствующій продолжительности самого гимназического курса, и мѣриломъ для опредѣленія уровня, на которомъ стоитъ ученіе въ гимназіяхъ. Вслѣдствіе такого важнаго значенія окончательныхъ испытаний, министерство народнаго просвѣщенія признало необходимымъ, по примеру другихъ образованныхъ странъ міра, собирать на будущее время самыя подробныя свѣдѣнія объ этихъ испытаніяхъ и обнародовать ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Начало этому полагается въ настоящей статьѣ, по окончаніи перваго учебнаго года, послѣ того какъ вступить въ силу Высочайше утвержденный 30-го июля 1871 года уставъ гимназій и прогимназій.

Впрочемъ испытания зрѣлости, происходившія въ гимназіяхъ въ концѣ минувшаго учебнаго года, были произведены при условіяхъ совершенно исключительныхъ, и вслѣдствіе того результаты ихъ не могутъ идти въ сравненіе съ результатами подобныхъ же испытаний ни за предшествующіе, ни за послѣдующіе годы. Новымъ уставомъ гимназій въ VII, высшемъ, классѣ этихъ учебныхъ заведеній установленъ курсъ ученія лѣвугодичный. Это существеннѣйшее измѣненіе въ условіяхъ существованія нашихъ гимназій, въ числѣ многихъ

другихъ измѣненій и дополненій въ прежнемъ уставѣ этихъ заведеній, удостоилось Высочайшаго утвержденія 19-го іюня 1871 г. и затѣмъ вошло въ составъ новаго устава гимназій и прогимназій (§ 2), Высочайше утвержденного 30-го іюля 1871 г., то-есть, передъ самимъ началомъ наступавшаго новаго учебнаго года. Такимъ образомъ, въ силу этого § 2 новаго устава, въ концѣ 18^{71/72} года въ гимназіяхъ не должно было бы происходить вовсе испытаний зрѣлости, такъ какъ для достиженія оной законодателемъ было признано необходимымъ установить двухгодичный курсъ ученикъ въ VII классѣ. Но дабы не было перерыва въ поступлении въ университетъ учениковъ гимназій, было признано возможнымъ въ 18^{71/72} учебномъ году „удостоить выпуска въ университетъ послѣ одного года ученикъ въ VII классѣ лишь лучшихъ его учениковъ, другихъ же оставить на другой годъ“ въ этомъ классѣ, какъ о томъ и было заявлено г. министромъ народнаго просвѣщенія въ представленіи его государственному совѣту о преобразованіи гимназій, отъ 27-го февраля 1871 года¹⁾). Такой порядокъ соотвѣтствовалъ и § 2-му новаго устава, въ которомъ сказано, между прочимъ: „Впрочемъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила“ (коимъ установленъ двухгодичный курсъ въ высшемъ седьмомъ классѣ), „отличнѣйшие изъ учениковъ VII класса, по опредѣленію педагогическаго совѣта и съ разрѣшеніемъ попечителя учебнаго округа, могутъ быть допущены и по окончаніи первого года ученикъ въ VII классѣ къ окончательному испытанію изъ всего гимназическаго курса въ полномъ его объемѣ, и буде выдержать означенное испытаніе съ отличиемъ, удостоиваются гимназического аттестата“.

Такимъ образомъ испытанія зрѣлости въ концѣ 18^{71/72} учебнаго года могли быть, по самому существу своему, не общими испытаниями для всѣхъ учениковъ VII класса гимназій, а лишь частными испытаниями для отличнѣйшихъ изъ сихъ учениковъ, и только тѣ изъ нихъ могли разчитывать на получение въ этомъ году гимназического аттестата, которые по своимъ познаніямъ и степени развитія могли надѣяться выдержать съ отличиемъ испытаніе изъ всего гимназическаго курса въ полномъ его объемѣ.

Порядокъ и характеръ этихъ частныхъ испытаний зрѣлости бывъ въ точности указанъ г. министромъ народнаго просвѣщенія въ его циркулярномъ предложеніи попечителямъ учебныхъ округовъ, отъ

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Просв. за іюнь 1871 г., отд. Правит. распоряж., стр. 183.

26-го июня 1871 года, въ которомъ вообще были указаны мѣры, необходимы для выполнения Высочайше утвержденныхъ измѣнений и дополнений въ уставѣ гимназій и прогимназій. Предмету этому посвящены весь четвертый отдѣлъ вышеупомянутаго циркуляра¹⁾.

Здѣсь прежде всего вниманіе учебныхъ начальствъ было обращено на то, что выпускной экзаменъ долженъ быть испытаніемъ не въ памяти, а въ томъ, имѣть ли испытуемый ясный, вѣрно дѣйствующій умъ, правильное и здравое сужденіе, развита ли въ немъ способность соответствующаго его возрасту мышленія. Всѣдѣствіе того было предложено: 1) давать цѣну только тѣмъ познаніямъ и тому образованію, которымъ стали дѣйствительной собственностью учениковъ и которыхъ преимущественно могутъ обнаружиться при испытаніи письменномъ, почему послѣднее и должно было имѣть рѣшающее значеніе, и 2) при испытаніи изустномъ требовать лишь такихъ познаній, которыхъ экзаменующаяся можетъ постоянно удерживать въ памяти и неизмѣнѣ которыхъ дѣлаетъ человѣка необразованнымъ, но отнюдь не требовать, чтобы экзаменующаяся знала на экзаменѣ всѣ подробности пройденного имъ въ продолженіи семи или восьми лѣтъ. За тѣмъ было указано, какими свойствами должны отличаться предлагаемыя на выпускномъ экзаменѣ русское сочиненіе, переводъ съ русскаго на латинскій языкъ, математическія задачи и переводъ съ французскаго или нѣмецкаго языковъ на русскій, для того, чтобы почитаться удовлетворительными для полученія гимназического аттестата. Хотя по смыслу § 2-го устава гимназій слѣдовало бы при этихъ указанияхъ имѣть въ виду только отличившихъ учениковъ VII-го класса, тѣмъ не менѣе однакоже признано было полезнымъ установить требованія по различнымъ предметамъ письменнаго испытанія вовсе не высокія, а такія, которымъ могли бы удовлетворить вообще хорошия ученики, отличавшіеся постояннымъ прилежаніемъ въ продолженіи всего гимназического курса. Этю умѣренностью требованій имѣлось въ виду съ одной стороны побудить хорошихъ учениковъ съ возможно-большею для своего образованія пользою употребить наступавшій учебный годъ, а съ другой — дать педагогическимъ советамъ гимназій возможность производить испытанія зрѣлости съ надлежащою отчетливостью. Такъ, на основаніи вышеупомянутаго циркуляра, русское сочиненіе должно было пока-

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Просв. за юнь 1871 г., отд. Правит. распоряж. стр. 253 — 255.

зать „умѣніе экзаменующагося выражать свои мысли определено, послѣдовательно, правильными и, соотвѣтственными предмету знаніемъ, съ совершеннымъ избѣжаніемъ такихъ ошибокъ, которыхъ свидѣтельствуютъ о малограмотности“; латинское упражненіе должно ствовало обнаружить твердость только въ элементарной граматикѣ и лишь нѣкоторый навыкъ въ выборѣ словъ и ихъ сочетаніи соотвѣтственно характеру латинскаго языка, а математическія задачи предписывалось избирать такъ, чтобы для разрѣшенія ихъ вовсе не требовалась какая-либо особенная изобрѣтательность; переводы же съ новыхъ иностраннѣхъ языковъ на русскій ограничены были статьями историческаго или описательнаго содержанія, то-есть, наиболѣе легкими. Въ сущности это — *minimus* того, чего можно требовать отъ молодыхъ людей, желающихъ приступить къ довершенню своего образования въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сверхъ того требовалось, чтобы молодые люди, желающіе послѣ первого года учения въ VII классѣ поступить въ университетъ, при изустномъ испытаніи получили по древнимъ языкамъ и по математикѣ отмѣтку $4\frac{1}{2}$, въ среднемъ выводѣ, а въ общемъ результатѣ по всѣмъ предметамъ не менѣе 4. Въ дальнѣйшемъ разсужденіи, вызванномъ недоразумѣніями, возникшими въ нѣкоторыхъ окружныхъ управленіяхъ, было указано, что за письменныя упражненія, соотвѣтствующія вышепизложеннымъ требованіямъ, должно выставлять высшую отмѣтку, что устныя испытанія изъ предметовъ, изъ коихъ производится испытаніе письменное, должны имѣть второстепенное значеніе, именно значеніе дополнительнаго испытанія, таѣ что за письменное и устное испытаніе выставляется лишь одна общая отмѣтка, при чёмъ перевѣсь должно имѣть достоинство письменныхъ работъ, и наконецъ, что требуемая для поступленія въ университетъ отмѣтка $4\frac{1}{2}$, изъ главныхъ предметовъ должна быть выводима не отдельно для каждого изъ двухъ древнихъ языковъ и для каждой изъ четырехъ частей математики, но для обоихъ древнихъ языковъ вмѣстѣ, а также для всѣхъ четырехъ частей математики вмѣстѣ, тогда какъ прежде на выпускныхъ испытаніяхъ каждый изъ упомянутыхъ языковъ и каждая изъ частей математики имѣли самостоятельное значеніе. Точно также было подтверждено, что требуемая по другимъ предметамъ отмѣтка 4 должна быть выводима по всѣмъ этимъ предметамъ въ совокупности, а не по каждому изъ нихъ отдельно. При этомъ еще разъ было повторено, что на устномъ испытаніи отнюдь не слѣдуетъ требовать таихъ свѣдѣній, которыя

могутъ быть результатомъ только непосредственнаго предъ экзаменами усиленнаго приготовленія, а только такихъ, которыхъ стали дѣйствительной собственностью учениковъ вслѣдствіе правильнаго, продолжавшагося весь гимназическій курсъ прилежанія, то-есть, такихъ, которыхъ имѣютъ существенное значение и безъ которыхъ дальнѣйшее успѣшиное ученіе невозможно. Такимъ образомъ разъясненіе это влонилось не въ возвышенію весьма умѣренныхъ требованій, заявленныхъ въ циркулярѣ отъ 26-го іюня 1871 г., а на оборотъ въ устраниенію толкованій, которыхъ могли бы повлечь за собою такое усиленіе и возвышеніе требованій.

Затѣмъ министерство народнаго просвѣщенія, въ виду умѣренностіи требованій, который предложено было предъявлять на испытаніяхъ зрѣлости, сочло возможнымъ на первый разъ посгѣ того, какъ состоялся новый уставъ гимназій, допустить въ этимъ испытаніямъ не тѣхъ только учениковъ, пробывшихъ одинъ годъ въ VII классѣ, которые будуть признаны отличнейшими со стороны педагогическихъ совѣтовъ и которые получать на то разрѣшеніе отъ попечителей учебныхъ округовъ, какъ постановлено въ § 2 устава, а всѣхъ вообще учениковъ VII класса, которые пожелаютъ испытать свои силы на окончательномъ экзаменѣ. Сверхъ того, въ видѣ исключенія изъ общаго правила и только на первый годъ, было допущено, чтобы тѣ изъ учениковъ гимназіи, которые на испытаніи изъ иѣкоторыхъ предметовъ не удовлетворятъ требованіямъ на полученіе аттестатовъ съ правомъ поступленія въ университетъ и которые не пожелаютъ еще остатся на годъ въ гимназіи, могли наравнѣ съ посторонними лицами продолжать испытаніе, при чмъ имъ могли быть выдаваемы свидѣтельства только объ оказанныхъ ими познаніяхъ, съ указаніемъ, на основаніи § 38 устава, что свидѣтельства эти не предоставляютъ имъ правъ, обозначенныхъ въ § 129—132, а только тѣ, которыхъ обозначены въ § 36.

Что касается до постороннихъ лицъ, то какъ въ циркулярѣ отъ 26-го іюня 1871 года, такъ и въ дальнѣйшемъ его разъясненіи, они относительно требованій для поступленія въ университетъ были уравнены съ учениками гимназій, но при этомъ неоднократно было указано, что слѣдуетъ принимать въ разчетъ сравнительное неудобство ихъ положенія, происходящее отъ того, что имъ приходится экзаменоваться не у тѣхъ учителей, у которыхъ они учились, — неудобство, которое впрочемъ почти совершенно исчезаетъ при письменныхъ испытаніяхъ, получившихъ съ 18¹¹/₇₂ учебнаго года рѣшающее значеніе.

Впрочемъ, кромѣ этого, письменныя испытанія представляютъ еще и то важное для испытуемыхъ преимущество предъ устными, что они и вообще гораздо болѣе устраниютъ влияніе различныхъ случайныхъ неблагопріятныхъ причинъ и обстоятельствъ, какъ-то: возможность смущенія, проявленія излишней робости, застѣнчивости и торопливости, нерѣдко мѣшающихъ удовлетворительности отвѣтъ на устныхъ испытаніяхъ. По этой причинѣ, а равно и по многимъ другимъ соображеніямъ, всѣдѣ въ чужихъ краяхъ письменное испытаніе считается главнѣйшею и существеннѣйшею частью всякаго испытанія; да и у насъ письменныя испытанія отнюдь не составляютъ какого-либо нововведенія, такъ какъ они постоянно были употребляемы во всѣхъ гимназіяхъ при вступительныхъ, переводныхъ и окончательныхъ испытаніяхъ и во всѣхъ университетахъ при испытаніяхъ повѣрочныхъ, а въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ въ прежніе годы отвѣты по всѣмъ предметамъ были требуемы письменные, а устное испытаніе, какъ напримѣръ, въ Киевскомъ учебномъ округѣ, допускалось только какъ повѣрочное, въ исключительныхъ случаяхъ и для нѣкоторыхъ лишь учениковъ.

Точно также никогда за границею на приготовленіе къ испытанію въ гимназіяхъ не назначается продолжительнаго времени, такъ какъ это была бы прямая и весьма ощутительная потеря для непосредственного обучения учениковъ всѣхъ классовъ преподавателями. Притомъ же какъ только на испытаніи требуются не тѣ срѣдствы, которыя могутъ быть результатомъ непосредственнаго предъ экзаменомъ усиленного приготовленія, а тѣ, которыхъ стали дѣйствительной собственностью учениковъ вслѣдствіе правильнаго, продолжавшагося во всѣ предшествующіе годы прилежанія, то и нѣтъ ни малѣйшей надобности въ назначеніи какого бы то ни было времени собственно для приготовленія, а только небольшихъ промежутковъ между экзаменными днями въ видахъ простаго отдохновенія. На этихъ двухъ основаніяхъ министерство народнаго просвѣщенія указало, что „нѣтъ никакой надобности давать ученикамъ столь продолжительное время на приготовленіе къ каждому устному испытанію, какое обыкновенно предоставлялось имъ доселе“.

При этомъ надлежитъ обратить вниманіе на то, что всѣ эти условія для выпускныхъ испытаній въ 18^{71/72} учебномъ году были во всѣхъ существенныхъ частяхъ своихъ опредѣлены, установлены, сообщены учебнымъ начальствамъ и обнародованы во всеобщее свѣдѣніе еще до наступленія 18^{71/72} учебнаго года, предъ самимъ нача-

ломъ его, почти за годъ до выпускныхъ испытаний, такъ что условія эти ни для кого не могли быть новостью, и какъ учебный пачальства, такъ и ихъ родители и родственники ученики VII класса гимназій и постороннихъ лицъ, могли заранее принять свои мѣры для лучшаго подготовленія находящихся на ихъ попеченіи юношь къ выпускнымъ испытаниямъ въ концѣ 18⁷¹/72 учебнаго года; сами же ученики имѣли для сего передъ собою почти цѣлый годъ времени.

Изложивъ условія, при коихъ производились окончательные испытания изъ гимназического курса въ маѣ и юнѣ 1872 г., надлежитъ обратиться къ результатамъ этихъ испытаний, имѣя въ виду, сожалѣть, что условія эти были исключительны, установлены только на первый учебный годъ послѣ изданія нового устава гимназій, и сомнѣваться, что хотя и всѣ ученики VII класса гимназій были допущены къ экзамену, но что только лучшіе изъ нихъ, въ вышеопределенному смыслѣ, могли быть удостоены гимназического аттестата, вслѣдствіе чего весьма многіе вовсе не пожелали подвергнуться испытанию по окончаніи первого года ученія въ VII классѣ, и еще большее число не могло удовлетворить требованіямъ относительно умственной зрѣлости, необходимой для успѣшнаго прохожденія университетскаго курса, какъ ни были сами по себѣ умѣренны эти требованія, чѣмъ только подтвердилась вполнѣ созданная министерствомъ народнаго просвѣщенія и нынѣ признанная самимъ законодателемъ необходимость еще одного дополнительнаго года ученія въ VII классѣ гимназій для достиженія учениками онаго надлежащей умственной зрѣлости. Результаты этихъ испытаний зрѣлости для 73 гимназій¹⁾ въ семи учебныхъ округахъ имперіи (С.-Петербургскомъ, Московскому, Казанскому, Харьковскому, Одесскому, Киевскому и Виленскому) представляются вообще въ слѣдующемъ видѣ. Всѣхъ учениковъ VII класса гимназій ко времени испытаний состояло 1.345, изъ постороннихъ лицъ заявили желаніе подвергнуться испытанию зрѣлости 400; изъ учениковъ гимназій отложено испытаніе до августа 1872 г., по причинѣ болѣзни, 12-и (0,88% всего числа), изъ постороннихъ лицъ — 23-мъ (5,7%): о результатахъ этихъ дополнительныхъ испытаний еще не получено донесеній. Затѣмъ изъ 1.333 учениковъ гимназій удостоены аттестата для поступленія въ университетъ 297 человѣкъ (22,2%); изъ 377 постороннихъ лицъ 28 (7,4%),

¹⁾ Реальные гимназіи, выйѣ преобразованныхъ въ реальные училища, здесь не принимаются въ соображеніе.

но при этомъ не считаются 26 постороннихъ лицъ, державшихъ и выдержаныхъ дополнительное испытание на правахъ бывшихъ уже вольнослушавшими въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ коими число постороннихъ лицъ, удовлетворившихъ требованіямъ, доходитъ до 54 (14,2%). Сверхъ того изъ учениковъ гимназій получили свидѣтельства на основаніи §§ 38 и 36 устава гимназій 96 (7,2%), изъ постороннихъ лицъ 34 (9%). Наконецъ, выбыли изъ VII класса, не получивъ ни аттестатовъ, ни вышеупомянутыхъ свидѣтельствъ, 62 (4,0%), остались же на другой годъ въ VII классѣ для окончанія полного восьмилѣтнаго курса гимназического ученія 868 человѣкъ (65,1%). Если принять во вниманіе, что по окончанію первого года ученія въ VII классѣ могли быть выпущены въ университетъ только лучшіе ученики, въ вышеобъясненномъ смыслѣ, то вышеприведенный результатъ нельзя не признать удовлетворительнымъ, ибо такихъ учениковъ оказалось отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ (22,2%) изъ всего числа учениковъ VII класса гимназій. Но затѣмъ пѣтъ сомнѣнія, что изъ этихъ 868 учениковъ, оставшихся, согласно предписанію устава, на другой годъ въ VII классѣ, если не всѣ, то значительнѣйшее большинство будутъ въ состояніи удовлетворить требованіямъ для поступленія въ университетъ, если только они воспользуются, какъ слѣдуетъ, предстоящимъ имъ цѣлымъ учебнымъ годомъ для возвышенія уровня своихъ познаній, своего образованія и вообще своей умственной зрѣлости. Начальства учебныхъ заведеній не оставятъ обратить на это самое серіозное вниманіе; но въ высшей степени желательно, чтобы и родители и родственники съ своей стороны содѣйствовали этому результату своими внушеніями, а въ случаяхъ надобности и возможності и дѣятельной помощью по тѣмъ предметамъ, по которымъ состоящіе на ихъ попеченіи юноши могутъ особенно нуждаться въ усовершенствованіи, какъ напримѣръ, приглашеніемъ свѣдущихъ учителей этихъ предметовъ на время праздниковъ и зимней вакаціи и т. д.

По отдельнымъ учебнымъ округамъ результаты послѣднихъ выпускныхъ испытаний весьма различны, какъ то можно усмотреть изъ нижеслѣдующихъ таблицъ.

Сводка объ ученыхъ VII класса гимназий.

ОБРУГИ.

	Число гимназий.			Число гимназий VII класса.			Число гимназий, не окончившихъ VII класса.			Число гимназий, окончившихъ VII класса.			Число гимназий, окончившихъ VII класса, въ которыхъ 36 и 38 гимназий.			Число гимназий, окончившихъ VII класса, въ которыхъ 36 и 38 гимназий.			Число гимназий, окончившихъ VII класса, въ которыхъ 36 и 38 гимназий.		
С.-Петербургскій	12	163	2	— ¹⁾	49	(30%)	23	(14%)	80	(49%)	9	(5,4%)									
Московскій	13	287	—	— ¹⁾	18	(6,4%)	—	—	245	(89%)	14	(4,6%)									
Казанскій.	13	247	3	65	(26,4%)	62	(25,4%)	5	(2%)	177	(72,4%)	—	—								
Харьковскій	9	178	1	67	(37,4%)	50	(28,4%)	—	—	109	(61,4%)	16	(10,4%)								
Одесскій	8	125	3	17	(13,4%)	65	(53,4%)	10	(8,4%)	42	(34,4%)	5	(4%)								
Екатеринбургскій	9	218	3	— ¹⁾	27	(12,4%)	25	(11,4%)	156	(71,4%)	7	(3,4%)									
Владенскій.	9	127	—	21	(16,4%)	26	(20,4%)	33	(26%)	59	(46,4%)	9	(7%)								
Итого	73	1.345	12 (0,88%)	— ¹⁾	297	(22,4%)	96	(7,4%)	868	(65,4%)	62	(4,4%)									

¹⁾ Сводки о числахъ не корректированы, because they were not corrected.

ОКРУГИ.	Сводднік о постороннихъ лицахъ.				
	Позавшихъ прошений.	Отложено въ засовѣтъ по ботани.	Изъ всѣхъ пред- метовъ гимназич- ескаго курса.	Выдержаны испытание	
С.-Петербургскій .	73	4	7 (10%)	5 (7,5%)	9 (13%)
Московскій .	82	—	—	4 (5%)	2 (2,5%)
Казанскій .	42	12	6 (20%)	—	1 (3,5%)
Харьковскій .	65	2	4 (6,1%)	—	4 (6,1%)
Одесскій .	46	3	7 (16,3%)	14 (32,6%)	1 (2,2%)
Кievскій .	79	2	4 (5%)	2 (2,5%)	9 (11,4%)
Виленскій .	13	—	—	7 (53,8%)	—
Итого . .	400	23 (5,7%)	28 (7,4%)	34 (9%)	26 (6,5%)

Не лишено интереса сравненіе между собою различныхъ учебныхъ округовъ по числу учениковъ VII класса, приходящихся въ среднемъ вывѣдѣ на каждую гимназію. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ Киевскому учебному округу, гдѣ на каждую гимназію приходится по 24 ученика VII класса; затѣмъ слѣдуетъ Московскій учебный округъ съ 22 учениками VII класса на каждую гимназію, дающіе Харьковскій и Казанскій (около 20 и 19 учениковъ VII класса въ каждой гимназіи), Одесскій (отъ 15 до 16), Виленскій (14) и въ конецъ С.-Петербургскій (отъ 13 до 14)¹⁾. Впрочемъ дѣлать на этомъ основаніи положительныя заключенія о большей или меньшей успѣшности ученія въ различныхъ учебныхъ округахъ невозможно, такъ какъ большее или меньшее число учениковъ VII класса въ каждой гимназіи можетъ зависѣть и отъ большей или меньшей требовательности для перевода учениковъ изъ класса въ классъ, въ особенности если принять во вниманіе, что до настоящаго времени

¹⁾ Для всѣхъ семи округовъ на каждую гимназію среднимъ числомъ приходится отъ 18 до 19 учениковъ VII класса.

въ различныхъ учебныхъ округахъ дѣйствовали различные правила относительно переводныхъ испытаний и были установлены весьма различные, въ однихъ болѣе строгія, въ другихъ болѣе снисходительныя, условія для перевода учениковъ изъ класса въ классъ. Что касается до постороннихъ лицъ, подвергавшихся окончательному испытанию изъ гимназического курса, то ихъ приходится отъ 5 до 6 на каждую гимназію, то-есть, слишкомъ въ 3 раза менѣе чѣмъ учениковъ VII класса гимназій; отдельно же учебные округа слѣдуютъ другъ за другомъ въ этомъ отношеніи въ такомъ порядкѣ: въ Кіевскомъ приходится отъ 8 до 9 постороннихъ лицъ на гимназію, въ Харьковскомъ нѣсколько болѣе 7, въ Московскомъ отъ 6 до 7, въ С.-Петербургскомъ 6, въ Одесскомъ отъ 5 до 6, въ Казанскомъ нѣсколько болѣе 3 и на конецъ, въ Віленскомъ отъ 1 до 2. Впрочемъ, и въ числѣ этихъ лицъ можетъ быть не мало такихъ, которыхъ прежде обучались въ гимназіяхъ и выбыли изъ нихъ вслѣдствіе малой своей успѣшности, почему изъ постороннихъ лицъ всегда значительно меньшее число сравнительно съ учениками гимназій удостоивались свидѣтельства на поступление въ университетъ, что повторилось и въ нынѣшнемъ году.

Относительно числа лицъ, заболевшихъ во время испытания, которымъ по этой причинѣ и былъ отложенъ экзаменъ до августа, заслуживаетъ вниманія число такихъ лицъ изъ постороннихъ только въ Казанскомъ учебномъ округѣ, ибо оно, простираясь до 12, составляетъ 28,5% общаго числа всѣхъ постороннихъ лицъ, явившихся на экзаменъ. Къ сожалѣнію, этотъ чрезвычайный случай не разъясненъ въ доставленныхъ въ министерство свѣдѣніяхъ.

Еще болѣе жаль, что изъ трехъ округовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго не доставлено свѣдѣній о числѣ учениковъ VII класса гимназій, пожелавшихъ, на основаніи § 2 устава гимн. и прогимн., остаться на другой годъ въ VII классѣ, не подвергаясь вовсе испытанию. Свѣдѣнія эти были бы необходимы, такъ какъ судить о результатахъ испытаний можно, собственно говоря, на основаніи сравненія числа удостоенныхъ аттестата не съ общимъ числомъ учениковъ VII класса, а съ числомъ тѣхъ изъ нихъ, которые дѣйствительно подвергались испытанию. Разматривая отдельно тѣ четыре округа, изъ коихъ доставлены вышеупомянутыя свѣдѣнія, увидимъ, что въ этихъ округахъ (Казанскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ и Віленскомъ) изъ 677 учениковъ VII класса 170 (слишкомъ $\frac{1}{4}$ часть или 25%) вовсе не подвергались испытанию, и затѣмъ изъ 507 или, не считая заболевшихъ, изъ 500 учениковъ, подвергавшихся

испытанию, выдержали его удовлетворительно и удостоились аттестата 203 или $\frac{2}{3}$ (40,4%); не принимая же во внимание этихъ съдѣній о не державшихъ вовсе испытания и включая ихъ въ число подвергавшихся испытанию, получимъ, что удостоилось аттестата не 40,6%, а около 80%, что представляетъ весьма значительную разницу. За неимѣніемъ однако же такихъ обстоятельныхъ данныхъ по всѣмъ учебнымъ округамъ, приходится довольствоваться сравненіемъ числа удостоенныхъ аттестата съ общимъ числомъ учениковъ VII класса.

Судя по результатамъ, новый законъ о двухгодичномъ курсѣ VII класса съ наибольшою строгостью былъ примененъ въ Московскомъ учебномъ округѣ, согласно съ тою существенною пользою, какую одинъ дополнительный годъ учения въ гимназіи долженъ принести выѣзжимъ ученикамъ VII класса,—пользою, за которую они, безъ сомнѣнія, будутъ признательны въ продолженіи всей своей жизни, какъ бы ни таготились они сами или ихъ родители и родственники въ настоащую пору этиимъ замедленіемъ вступленія ихъ въ университетъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ 287 учениковъ VII класса въ Московскомъ учебномъ округѣ только 18 или 6,2% удостоены аттестата для поступленія въ университетъ, и при этомъ вовсе не было такихъ, которые пожелали бы продолжать испытание, съ тѣмъ, чтобы получить свидѣтельства, не предоставляющія права на поступленіе въ университетъ. Тѣмъ не менѣе оказалось лишь 14 юношей, которые не выдержавъ испытанія, потеряли бодрость духа, преждевременно отказались отъ высшихъ научныхъ стремлений и выбыли изъ гимназій, такъ что процентъ учениковъ VII класса въ Московскомъ учебномъ округѣ, обнаружившихъ такую незрѣлость, оказывается болѣшимъ, чѣмъ въ трехъ другихъ округахъ (Казанскомъ, Киевскомъ и Одесскомъ), и меньшимъ, чѣмъ въ остальныхъ трехъ, а именно число преждевременно выбывшихъ изъ VII класса гимназій составляетъ только 4,8% общаго числа учениковъ этого класса; оставшихся же на другой годъ въ VII классѣ 245 (или 89%). Въ число упомянутыхъ 18 лицъ, удостоенныхъ аттестата, не входитъ одинъ ученикъ Костромской гимназіи, который также былъ удостоенъ аттестата, но по молодости лѣтъ и для усовершенствованія себя въ наукахъ пожелалъ остаться въ гимназіи еще на одинъ годъ,—фактъ, который свидѣтельствуетъ столько же въ пользу ученика, сколько и гимназіи. Замѣчательно также, что въ Московскомъ учебномъ округѣ никому, ни изъ учениковъ гимназій, ни изъ постороннихъ

лицъ, не было отложено экзаменъ по болѣни. Изъ постороннихъ 82 лицъ никто не удостоенъ свидѣтельства на поступление въ университетъ, и только 4 (5%) удостоены свидѣтельства на основаніи § 38 устава гимназій, а 2 (2,5%) удовлетворительно выдержали дополнительное испытание въ качествѣ вольнослушавшаго выпускникаъ учебныхъ заведеній.

По результатамъ испытаний къ Московскому учебному округу ближе всѣхъ другихъ подходитъ Кіевскій: въ немъ изъ 218 учениковъ только 27 (или 12,8%) удостоены аттестата, 26 (11,4%) получили свидѣтельства на основаніи §§ 38—36 устава гимназій, 7 (3,2%) выбыли изъ гимназій и 156 (71,1%) остались на другой годъ въ VII классѣ; изъ постороннихъ лицъ 4 (5%) удостоены свидѣтельства на поступление въ университетъ, 2 (2,5%) свидѣтельства о познаніяхъ во всѣхъ предметахъ гимназического курса кроме древнихъ языковъ и 9 выдержали дополнительное испытание.

Число удостоенныхъ гимназического аттестата въ Віленскомъ учебномъ округѣ также ниже средняго вывода для всѣхъ семи учебныхъ округовъ имперіи, ибо изъ 127 учениковъ VII класса въ немъ удостоены аттестата только 26 или 20,4%; но если принять во вниманіе, что 21 ученикъ вовсе не подвергались испытанию, то окажется, что изъ подвергшихся испытанию 24,5% или безъ малаго четвертая часть признаны за отличныхъ учениковъ. Для значительного числа учениковъ Віленского учебнаго округа временно, по политическимъ причинамъ, существуетъ, какъ известно, затрудненіе при поступлении въ число студентовъ университетовъ. Вслѣдствіе этого числа лицъ, продолжавшихъ испытание на получение свидѣтельствъ, не предоставляемыхъ права на поступление въ университетъ, оказалось весьма значительнымъ, а именно изъ учениковъ гимназій получили такія свидѣтельства 33 (26% общаго числа учениковъ), изъ постороннихъ лицъ 7 (53,7%), тогда какъ изъ сихъ послѣднихъ никто не удостоенъ свидѣтельствъ на поступление въ университетъ. Выбывшихъ изъ VII класса гимназій было 9 (7%), оставшихся на другой годъ въ VII классѣ 59 (46,6%).

Выше средняго числа для всѣхъ семи учебныхъ округовъ имперіи оказывается число удостоенныхъ гимназического аттестата въ четырехъ округахъ: Казанскомъ, Харьковскомъ, С.-Петербургскомъ и Одесскомъ. Рассматривая эти округи въ совокупности, получимъ для нихъ въ среднемъ выводъ слѣдующій результатъ: изъ 704 учениковъ VII класса гимназій (безъ тѣхъ, коимъ отложенъ экзаменъ по болѣни)

удостоены аттестата 226 или 32,1%, безъ малаго 1/2, а изъ 205 постороннихъ лицъ (также безъ тѣхъ, коимъ отложенъ экзаменъ по болѣзни) удостоены свидѣтельства на поступленіе въ университетъ 24 или 11,7%.

Въ Казанскомъ учебномъ округѣ изъ всего числа учениковъ VII класса удостоены аттестата 25,4%, а изъ числа дѣйствительно подвергавшихся испытанію 34,6% или болѣе одной трети (изъ постороннихъ лицъ 20%, не считая заболевшіхъ); получили свидѣтельства, не предоставляющія права на поступленіе въ университетъ, изъ учениковъ гимназій 5 или 2% (изъ постороннихъ лицъ такихъ не было), и наконецъ, остались на другой годъ въ VII классѣ 72,6% общаго числа учениковъ; выбывшихъ же, по доставленнымъ свѣдѣніямъ, вовсе не было.

Въ Харьковскомъ учебномъ округѣ изъ всего числа учениковъ VII класса гимназій удостоены аттестата на поступленіе въ университетъ 28,3%, а изъ постороннихъ лицъ 6,1%, изъ числа же учениковъ, дѣйствительно подвергавшихся испытанію,—45,4%, или безъ малаго половины; выбывшихъ изъ VII класса гимназій было 18 или 10,1%, оставшихся же на другой годъ въ VII классѣ 109 или 61,2%.

Въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ удостоенныхъ поступленія въ университетъ изъ учениковъ VII класса гимназій было 30%, изъ постороннихъ 10%; получившихъ свидѣтельства о познаніяхъ во всѣхъ предметахъ гимназическаго курса кромѣ древнихъ языковъ, изъ учениковъ гимназій было 14%, изъ постороннихъ 7,2%; затѣмъ выбывшихъ изъ VII класса гимназій было 9 (5,5%), а оставшихся на другой годъ въ VII классѣ 80 или 49%.

Наконецъ, въ Одесскомъ учебномъ округѣ изъ всего числа учениковъ VII класса гимназій удостоено аттестата 53,2%, а изъ числа подвергавшихся дѣйствительно испытанію около 62%, то-есть, болѣе 1/2, изъ постороннихъ же лицъ 16,3%; затѣмъ свидѣтельство на основаніи §§ 36 и 38 устава было выдано ученикамъ VII класса гимназій 10 (8,3%), постороннимъ лицамъ — 14 (32,5%), выбывшихъ же изъ VII класса гимназій было 5 (4%), а оставшихся на другой годъ—42 (34,4%).

Такимъ образомъ при совершенной одинаковости не только обшихъ правилъ для производства въ прошломъ учебномъ году окончательныхъ испытаній въ гимназіяхъ, но и требованій по каждому предмету письменного испытанія для получения гимназического аттестата, результаты этихъ испытаній въ различныхъ учебныхъ округахъ

оказались до такой степени различны, что изъ 100 учениковъ VII класса гимназій, напримѣръ, Московскаго учебнаго округа удостоены аттестата всего только 6 человѣкъ, а изъ того же числа учениковъ въ Одесскомъ округѣ болѣе 53.

Разительное различіе въ результатахъ окончательныхъ испытаний въ прошломъ учебномъ году по различнымъ учебнымъ округамъ объясняется, очевидно, только тѣмъ, что въ однихъ округахъ преобладало стремленіе выпустить какъ можно большее число учениковъ гимназій въ университетъ, въ другихъ же — стремленіе придать съ первого же учебнаго года сколь можно большую силу и дѣйствительность новому закону о двухгодичномъ курсѣ въ VII классѣ гимназій, вслѣдствіе чего въ однихъ учебныхъ округахъ были предлагаемы и болѣе трудныя, но посильные, задачи по всѣмъ предметамъ письменного испытанія, и самыя эти работы учениковъ были оцѣниваемы строже и отчетливѣе, въ другихъ же наоборотъ.

Изъ этого однако же отнюдь не слѣдуетъ, будто бы въ нѣкоторыхъ округахъ и нѣкоторыхъ гимназіяхъ педагогическое сословіе не проникнуто сознаніемъ необходимости этого нового закона или даже сознаніемъ необходимости примѣненія его съ первого же учебнаго года послѣ того, какъ онъ состоялся. Доказательствомъ можетъ служить Одесский учебный округъ: въ немъ новый 'законъ' былъ примѣненъ слабѣе тѣмъ во всѣхъ другихъ округахъ, и однако же еще лѣтъ 8 тому назадъ, на первомъ съѣздѣ директоровъ гимназій Одесского учебнаго округа, была заявлена и всѣми признана совершенная необходимость восьмилѣтнаго гимназического курса. Необходимость эта въ настоящее время не можетъ не быть очевидна по крайней мѣрѣ для всѣхъ членовъ педагогического сословія нашихъ гимназій. Въ самомъ дѣлѣ нашъ гимназический курсъ нисколько не меньше и не легче, а по нѣкоторымъ предметамъ, какъ напримѣръ, по отечественному языку и отечественной исторіи, онъ и обширнѣе и труднѣе гимназического курса всѣхъ другихъ странъ Европы, и однако же этотъ курсъ у насъ требовалось проходить въ 7 лѣтъ, тогда какъ за границею его проходять въ 8, 9 и даже 10 лѣтъ. Точно также въ то время, когда наши гимназіи наиболѣе провѣткали, то-есть, въ періодѣ времени отъ 1828 до 1849 г., на прохожденіе гимназического курса было назначено 240 учебныхъ часовъ въ недѣлю въ семи классахъ гимназій, а съ 1865 г. и до нынѣшней учебной реформы тотъ же курсъ долженъ быть проходимъ при 184 учебныхъ часахъ въ недѣлю, то-есть, въ меньшемъ на 56 часовъ

количество учебного времени въ недѣлю, а эти 56 часовъ въ недѣлю представляютъ собою количество учебного времени, достаточное для двухъ отдельныхъ классовъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ. При такомъ уменьшении числа учебныхъ часовъ на прохождение гимназического курса, послѣдний долженъ быть быть проходить съ большою поспѣшностью, съ меньшою основательностью, съ меньшимъ разясненіемъ различныхъ частей его въ классѣ, съ заданіемъ большихъ уроковъ на дому и въ концѣ концѣ съ меньшою успѣшностью и съ большими обремененіями для учениковъ. Такой порядокъ вещей не могъ быть терпимъ долѣе: онъ грозилъ совершился упадкомъ нашимъ гимназіямъ, а следовательно, и нашимъ университетамъ, нашей наукѣ и всему нашему просвѣщению. Но возвратиться въ этомъ отношеніи къ уставу 1828 года, то-есть, къ полуторачасовымъ урокамъ, съ распределеніемъ ихъ на до-обѣденные и на послѣ-обѣденные, было нельзя, ибо неудобства такого распределенія уроковъ, особенно же для большихъ городовъ, достаточно обнаружились въ предшествующее время.. Не оставалось болѣе ничего, какъ прибавить одинъ годъ учения къ гимназическому курсу, чѣмъ было совершено уставомъ 1871 г. Въ необходимости этой мѣры не можетъ быть сомнѣнія: отъ нея можно ожидать самыхъ благотворныхъ послѣствій, а именно значительного облегченія для учениковъ гимназического курса распределеніемъ его вместо 7-и на 8 лѣтъ, значительно-большей успѣшности въ ихъ обученіи, болѣе основательного прохождения гимназического курса, возвышенія уровня гимназического образования, доставленія университетамъ болѣе зрѣлыхъ во всѣхъ отношеніяхъ слушателей, а чрезъ то возвышенія уровня университетскаго преподаванія и большихъ успѣховъ нашей науки и нашей литературы.

Но точно также никто изъ лицъ учебного вѣдомства, и вообще никто изъ тѣхъ, кто былъ призванъ къ исполненію этого закона о двухгодичномъ курсѣ въ VII классѣ гимназій или кто по какимъ-либо инымъ причинамъ долженъ быть серіозно вникнуть въ это дѣло, не могъ усомниться въ необходимости примѣненія этого закона съ первого же учебного года послѣ того, какъ онъ состоялся. Правда, ученики VII класса, учившися въ предыдущие годы при менѣе благоприятныхъ условіяхъ нежели тѣ, которыхъ дарованы нынѣ новымъ уставомъ гимназій, пробыли и два года въ VII классѣ, не достигнувъ той степени образования и умственной зрѣлости, какой могутъ достичнуть болѣе счастливые ихъ преемники, поступающіе теперь, при

новомъ уставѣ, въ низшій классъ гимназій; но значитъ ли это, чтобы цѣлый годъ серіознаго, основательнаго ученія въ гимназіи, подъ непрерывнымъ контролемъ преподавателей, пропалъ даромъ для ихъ образованія и для возвышенія степени ихъ умственной и нравственной зрѣлости? Чѣмъ болѣе было пробѣловъ и упущеній въ ихъ образованії, тѣмъ необходимѣе пополненіе этихъ пробѣловъ и устраненіе неблагопріятныхъ послѣдствій этихъ упущеній. Съ другой стороны, тѣ же неблагопріятныя условія прежняго устава гимназій имѣли мѣсто въ образованіи не только учениковъ прошлогодняго VII класса, но и учениковъ прошлогоднихъ VI, V, IV, III и II классовъ. Ита къ ослабивъ силу закона отсрочкою примѣненія его на годъ, неминуемо пришлось бы оставить его безъ примѣненія въ продолженіи цѣлыхъ семи лѣтъ. Спрашивается: какую силу и значеніе имѣть бы законъ, оставленный безъ дѣйствія въ продолженіи семи лѣтъ? Это никоимъ образомъ не могло быть допущено правительствомъ, точно также какъ не было имъ допускаемо и въ прежнее время въ подобныхъ же случаяхъ. Такъ, по уставу 1804 г., курсъ гимназическаго ученія былъ установленъ только четырехлѣтній, затѣмъ онъ продолженъ былъ еще на одинъ годъ, потомъ еще на одинъ, и наконецъ, по уставу 1828 г., былъ опредѣленъ въ семь лѣтъ. При этомъ каждый разъ, какъ прибавлялось по одному году къ учебному курсу гимназій, выпуска изъ нихъ въ университетъ вовсе не было. Точно также въ 1835 г. университетскій курсъ былъ сдѣланъ изъ трехлѣтнаго четырехлѣтнія, и законъ былъ примѣненъ безъ замедленія, что не вызвало и не должно было вызвать никакихъ нареканій. Впрочемъ и нынѣ родители и родственники не замедлятъ убѣдиться въ благотворности новаго учебнаго закона, такъ какъ онъ клонится всесѣло къ облегченію ихъ дѣятій успѣшнаго и основательнаго ученія въ гимназіяхъ и къ достижению ими той степени умственной и нравственной зрѣлости, при которой предоставляемая въ университетахъ академическая свобода послужить имъ не вреду, какъ бывало въ послѣднее время, а къ истинной пользѣ. Что родители начинаютъ уже понимать благотворность новаго учебнаго закона, доказательствомъ служить значительно усилившійся съ прошлаго года приливъ учащихся во все гимназии.

Итакъ, ни въ необходимости вообще закона о двухгодичномъ курсѣ въ VII классѣ гимназій, ни въ необходимости примѣненія этого закона съ первого же, по изданію его, учебнаго года не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, по крайней мѣрѣ въ средѣ педагогического

состою въ нашихъ гимназій. На этотъ счетъ, можно полагать, господствовало одно и то же убѣжденіе во всѣхъ учебникахъ округахъ и во всѣхъ гимназіяхъ; но затѣмъ въ различныхъ округахъ и даже въ различныхъ гимназіяхъ, сообразно съ состояніемъ сихъ послѣдніхъ и сообразно съ мѣстными условіями, могли возникнуть различныя возврѣнія на значеніе и характеръ предстоявшихъ въ прошломъ учебномъ году окончательныхъ испытаний, и въ некоторыхъ учебныхъ округахъ возобладала наклонность къ послабленіямъ, безъ сомнѣнія, извѣнительная въ первый годъ примѣненія нового закона, но способная поколебать силу закона и понизить уровень гимназій, если бы подобныя же послабленія продолжались и въ послѣдствіи. Министерство народного просвѣщенія обязано строго блюсти силу закона, столь безусловно необходимаго для интересовъ научного образования, и считаетъ возможнымъ высказать увѣренность, что и мѣстные учебные начальства позаботятся о томъ, чтобы законъ этотъ со втораго учебнаго года вступилъ уже въ полную свою силу.

Конечно, только при исключительныхъ условіяхъ первого учебнаго года послѣ введенія въ дѣйствіе нового устава могло оказаться столь значительное различіе между отдельными учебными округами относительно результатовъ произведеній въ гимназіяхъ окончательныхъ испытаний. Въ послѣдующіе годы несомнѣнно снова востановится большая разномѣрность какъ въ трудности задачъ, предлагаемыхъ испытуемымъ, такъ и въ строгости относительно оценки ихъ письменныхъ работъ и устныхъ отвѣтовъ. Къ установлению такой разномѣрности, требований и къ поддержанію ихъ на той высотѣ, ниже которой они не могутъ падать безъ ущерба для гимназій и университетовъ, будутъ постоянно направляемы усилия министерства народного просвѣщенія. Мѣстныя учебныя начальства съ своей стороны озабочатся тѣмъ, чтобы результаты, достигаемые каждой гимназіей, были не ниже одного извѣстнаго уровня, но выше съ тѣмъ они предоставлять полный просторъ и окажутъ всяческое содѣйствіе тѣмъ гимназіямъ, которыхъ безъ обремененія учениковъ стремятся къ достижению возможно болѣе высокаго уровня. Въ этомъ отношеніи не маловажное значение можетъ оказывать выборъ задачъ для письменнаго ихъ разрѣшенія подвергающимися испытанію зрѣлости, и потому выборъ этотъ долженъ отличаться болѣшою осмотрительностью, особенно же, если для всѣхъ гимназій какого-либо округа предлагаются одни и тѣ же задачи.

Въ прошломъ учебномъ году въ большей части учебныхъ окру-

говъ были предложены одинъ и тѣ же задачи для всѣхъ гимназій округа, а именно въ С.-Петербургскомъ, Московскому, Казанскому, Киевскому и Одесскому, и только въ Харьковскомъ и Виленскомъ быть соблюденъ другой порядокъ. При этомъ въ большей части окружъ замѣчается, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ предметамъ, скорѣе недостатокъ, нежели излишество требовательности, какъ можно видѣть изъ прилагаемаго ниже сего списка задачъ, общихъ для всѣхъ гимназій каждого изъ пяти вышеименованныхъ учебныхъ округовъ¹⁾.

Въ заключеніе не излишне повторить, что въ 18^{71/2} учебномъ году окончательные испытанія въ гимназіяхъ происходили при исключительныхъ условіяхъ, такъ какъ по закону, установившему двухгодичный курсъ въ VII классѣ, къ этимъ испытаніямъ могли быть допущены собственно только отличнѣйше ученики изъ пребывавшихъ въ VII классѣ одинъ годъ и только тѣ изъ нихъ, которые съ отличиемъ выдержали испытаніе, могли быть удостоены аттестата. Въ виду сего 297 учениковъ (22 изъ 100), удостоенныхъ гимназического аттестата, можетъ скорѣе показаться числомъ слишкомъ значительнымъ, нежели слишкомъ малымъ.

По окончаніи настоящей статьи были получены свѣдѣнія объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ Тобольской и Томской, подвѣдомыхъ главному управлению учебными заведеніями Западной Сибири, и въ гимназіи Иркутской, подвѣдомой главному управлению учебными заведеніями Восточной Сибири. Всѣхъ учениковъ VII класса въ двухъ гимназіяхъ Западной Сибири было 24; изъ нихъ 6 (или 25%) выбыли до экзамена по прошеніямъ родителей, 5 (или 20,8%) удостоены аттестата на поступленіе въ университетъ, 2 (или 8,3%) получили свидѣтельства на основаніи §§ 38 и 36 устава гимназій и 11 (или 45,8%) остались въ VII классѣ на второй годъ, въ силу § 2 устава гимназій и прогимназій. Въ Иркутской гимназіи въ VII классѣ было 10 учениковъ; изъ нихъ 4 (или 40%) удостоены гимназического аттестата, 1 заболѣлъ во время экзамена и долженъ быть экзаменованъ послѣ вакаціи и 5 (50%) остались въ VII классѣ на другой годъ. Постороннихъ лицъ, которыхъ подвергались бы испытанію зрѣлости, въ Сибири вовсе не было.

¹⁾ См. Приложение.

Свѣдѣній о задачахъ для письменнаго рѣшенія, которая были предложены въ гимназіяхъ Западной Сибири, не доставлено; въ Иркутской же гимназіи были предложены: для русскаго сочиненія — характеристика Державина и Пушкина на основаніи ихъ стихотвореній „Памятникъ“; для латинскаго *extempore* обратный переводъ съ русскаго на латинскій первой главы Ифирата, Корнелія Непота; по алгебре — первый членъ геометрической прогрессіи $393\frac{1}{3}$, знаменатель $\frac{5}{12}$, найти 17-й членъ и сумму всѣхъ членовъ; по геометріи — найти радиусъ шара, объемъ которого $0,25$ куб. футовъ; по ариѳметикѣ и тригонометріи были предлагаемы каждому ученику особы задачи; по французскому языку переводъ съ французскаго—описанія „Лѣтней ночи въ С.-Петербургѣ“, графа де-Местра; по нѣмецкому—переводъ съ нѣмецкаго изъ христоматіи Эртеля № 90 (изд. 1871 г.): „Человѣколовицкий казакъ“.

Совокуплія данныхъ объ окончательныхъ испытаніяхъ въ концѣ 18^{71/72} учебнаго года въ этихъ трехъ Сибирскихъ гимназіахъ съ тѣми, которые сообщены выше на стр. 153, получимъ слѣдующій общий выводъ для 76-и гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ цѣлой имперіи (за исключеніемъ учебныхъ округовъ Дерптскаго и Варшавскаго):

Всѣхъ учениковъ VII класса въ этихъ 76 гимназіяхъ было 1.379 (съ небольшимъ по 18 человѣкъ на каждую гимназію); изъ нихъ отложено испытаніе по болѣзни — 13-и ($0,9\%$); затѣмъ изъ 1.368 удостоены аттестата 306 ($22,8\%$), получили свидѣтельства на основаніи §§ 38 и 36 устава гимназій — 98 ($7,1\%$), остались на другой годъ въ VII классѣ — 884 ($64,6\%$) и наконецъ, преждеменно выбыли изъ гимназій 68 (безъ малаго 5%).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Темы, предложенные ученикамъ VII класса гимназий на окончательныхъ испытанияхъ въ 1872 году.

1. Въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ.

По русскому языку.

1) Значеніе судоходныхъ рѣкъ для государства.

2) Слово о волку Игоревѣ, со стороны идей, содержания и характера лица.

По латинскому языку.

а) Царь персидскій Киръ, покоривъ¹⁾ Азію и подчинивъ²⁾ своей власти³⁾ всѣ народы Востока, рѣшился предпринять походъ⁴⁾ противъ дикаго⁵⁾ и воинственного племени Скиѳовъ, которые населяли⁶⁾ земли, лежащія⁷⁾ по ту сторону⁸⁾ рѣки Аракса⁹⁾. Царицею Скиѳовъ была въ то время Томирис¹⁰⁾, женщина, одаренная¹¹⁾ большими умомъ¹²⁾ и необыкновенною¹³⁾ отвагою¹⁴⁾. Услышавъ о приближеніи¹⁵⁾ центральского войска, она не воспрепятствовала ему перейти черезъ рѣку¹⁶⁾, полагая¹⁷⁾, что для Кира труднѣе будетъ вести войну въ землѣ Скиѳовъ, нежели въ его собственной, и что, ежели она будетъ побѣждена, она безъ сомнѣнія погибнетъ съ пѣщими своимъ войскомъ. Киръ переправилъ¹⁸⁾ свои войска черезъ рѣку, выбравъ удобное для лагеря мѣсто, а въ слѣдующій день, встрѣтившись¹⁹⁾ съ сыномъ Томирисы, побѣдилъ напріятеля въ кровопролитной²⁰⁾ битвѣ и умертвилъ его предводителя.

¹⁾ Subigo; ²⁾ in potestatem alicuius redigere; ³⁾ bellum alicui inferre; ⁴⁾ feros; ⁵⁾ incolo; ⁶⁾ situs; ⁷⁾ trans; ⁸⁾ Araxes; ⁹⁾ Tomyris; ¹⁰⁾ praeditus; ¹¹⁾ ingenium; ¹²⁾ singularis; ¹³⁾ audacia; ¹⁴⁾ aduentus; ¹⁵⁾ annis transitu aliquem prohibere; ¹⁶⁾ reor; ¹⁷⁾ trajicere; ¹⁸⁾ congregari cum aliquo; ¹⁹⁾ crenutus.

б) Послѣ Кодра Аениане уничтожили¹⁾ парское достоинство подъ тѣмъ предлогомъ²⁾, что никто не достоинъ царствовать и наслѣдовать мужу, который добровольно подвергся смерти³⁾ для избавленія отечества отъ враговъ. Управление государствомъ⁴⁾ было поручено⁵⁾ чиновникамъ, которые назывались архонтами и которые сначала избирались на всю жизнь⁶⁾; впослѣдствіи же Аениане ежегодно избирали по девяти архонтовъ. Но республика не имѣла письменныхъ⁷⁾ законовъ, а потому сильные и богатые граждане угнетали бѣдныхъ, которые, будучи обременены долгами⁸⁾, продавали себя въ рабство⁹⁾ и лишались свободы и права гражданства¹⁰⁾. Тогда Аениане поручили написать законы¹¹⁾ Солону, мужу известному справедливостью, который такъ умно¹²⁾ исполнилъ возложенную на него обязанность¹³⁾, что удовлетворилъ¹⁴⁾ и богатыхъ гражданъ и бѣдныхъ.

¹⁾ Aboleo; ²⁾ prae texo, causam interpono (стъ acc. cum infin); ³⁾ mortem voluntariam occumbere (про aliquo); ⁴⁾ reipublicae administratio, cura; ⁵⁾ committit; ⁶⁾ perpetuus; ⁷⁾ scriptus; ⁸⁾ magnopere obaeratum esse, ex aere alieno laborare, aere alieno premi; ⁹⁾ semet ipsum in servitatem vendere; ¹⁰⁾ civitas; ¹¹⁾ legum scribendarum manus alicui deferre; ¹²⁾ tantum consilium; ¹³⁾ munere defungi; ¹⁴⁾ satisfacere.

По математикѣ.

Арифметика: 1) Составить слитокъ въ сомъ въ 20,044... фунта 72,0 пробы изъ трехъ сортовъ серебра; при чёмъ серебро первого сорта 47 $\frac{1}{4}$ пробы, втораго сорта 62,0 пробы, а серебро третьаго сорта 86 $\frac{1}{4}$ пробы. Сколько фунтовъ серебра нужно взять изъ каждого давнаго сорта для составленія требуемой смѣси?

2) Нанято три работника для пилки дровъ; во сколько времени они приготовить, работая вмѣстѣ, 450,00 куб. саж., если первый работникъ, одинъ безъ помощи другихъ, можетъ спилить въ 3 $\frac{1}{4}$ дня 7,072 куб. саж.; второй безъ помощи другихъ можетъ спилить въ 2,04 дня 6 $\frac{1}{4}$ куб. саж., а третій въ 1 $\frac{1}{4}$ дня можетъ одинъ спилить 1,00 куб. саж.

По алгебре.

1) Нѣкто купилъ лошадей и воловъ за пѣсочную сумму денегъ, заплативъ за каждую лошадь по 64 $\frac{1}{4}$ руб., а за каждого вола по 48 руб. 5 коп. Спрашивается, сколько онъ могъ купить лошадей и воловъ, если за воловъ онъ заплатилъ больше чѣмъ за лошадей 16-ю руб. 65 коп.

2) Нѣкто сдѣлалъ заемъ въ 20.000 руб. по 6% процентовъ; во сколько времени онъ погасить свой долгъ, если будетъ ежегодно вносить для уплаты капитала и процентовъ, по 2.000 руб.?

По геометрии.

1) Вычислить (съ приближеніемъ до 0,01) радиусъ такого шара, который во объему равномѣрно съ усѣченнымъ конусомъ, имѣющимъ въ нижнемъ основаніи кругъ, описаный радиусомъ = 4 арш., а въ верхнемъ основаніи кругъ, котораго окружность = 10 арш.; высота же усѣченаго конуса = 8 арш.

2) Сторона правильного шестиугольника равна 4 арш.; сколько аршинъ будетъ имѣть сторона квадрата, разномѣрно съ площадью шестиугольника, и сколько аршинъ будетъ имѣть сторона равносторон资料的 triangle, разномѣрно съ тою же площадью?

По тригонометрии.

1) Нѣкто, желая измѣрить высоту башни, направляясь зрительную трубу въ нее, сперва въ направленіи горизонтальномъ, а потомъ на верхнюю точку башни, при чёмъ оптическая ось трубы опишетъ уголъ = 47° 25' 34''. Спрашивается, какъ велика высота башни, если мѣсто наблюденія находится отъ башни на разстояніи 25 саж. 2 арш. 3 верш. и если пунктъ башни, замѣченный наблюдателемъ при горизонтальномъ положеніи трубы, отстоитъ отъ основанія башни на 2,00 аршина?

2) Чему равна площадь треугольника, у котораго одна сторона 24 сажени 2 арш. 2 верш., а прилежащие къ ней углы равны: первый = 28° 34' 16'' а второй = 46° 2' 3''?

2. Въ Москвовскомъ учебникоѣ окружъ.

По русской словесности.

Сравненіе значенія въ русской исторіи Киева и Москвы.

По латинскому языку.

№ 1 (для получения балла 4). Какую силу отъ природы и упражненія (*studium*) приобрѣтаетъ (пробрѣтаю силу — *valeo*) память, свидѣтелемъ тому и (*vel*) Фемистокль, который, какъ извѣстно, въ течеіе одного года отлично сталъ говорить (*loquor*) по персидски, и Митридатъ, которому были извѣстны 22 языка тѣхъ племенъ, которыми онъ повелѣвалъ (*impregno*), и тотъ богачъ (Крассъ), который, управляемый (*praesum*) Азіей, такъ усвоилъ (*teneo*) пять различій (*differentia*) греческой рѣки (*sermo*), что судь производилъ (*iuris reddo*) для всякихъ на томъ самомъ языке, на какомъ бы кто ни потребовалъ (*postulo*), и Киръ наконецъ, о которомъ намъ передано, что онъ держалъ въ памяти имена всѣхъ воиновъ. Мало того, даже говорить, что Теодотъ тотчасъ же (*protinus*) повторялъ (*reddo*), какие угодно стихи; разъ услышанные.

№ 2 (для получения балла 5). Новый Дюгенъ — Способность извѣстнаго Дюгена довольствоваться малымъ (*continentia*) совершенно справедливо (*jure ac merito*) возбуждаетъ (*moveo*) величайшее удивленіе даже и въ наше время. Когда къ нему, грѣвшемуся на солнцѣ (*apricog*), приблизился (*accedo*) Александръ и приказалъ попросить какого-нибудь подарка, то онъ отвѣчалъ, что не хочетъ отъ царя ничего другаго какъ только чтобы онъ посторонился (*retcede*) немножко (*pauillatum*) отъ солнца. Но (*ceterum*) не одинъ (*unus*) тольѣтъ обладалъ (*praeditus sum*) этой добродѣтелью. Напримѣръ (*nam*) когда Наполеонъ находился въ Аміенѣ (*Ambianum*) и проѣзжалъ верхомъ (*vehut equo*) по площеади города, то жители сбѣжались отовсюду, чтобы громкими криками выразить (*significo*) ему преданность (*studium*) и удивленіе; но одинъ человѣкъ, работавшій (*opus tempi facio*) гдѣ-то въ уголкѣ (*angulus quidam loci mei*), остался при своемъ занятіи (*intentus negotio meo*), пытало не забочтись (*securus*) о происходившемъ вокругъ. Удивленный этимъ равнодушіемъ (*neglectio*) къ своей особѣ (перевѣстъ однимъ личнымъ мѣстоименіемъ), императоръ приблизился къ нему и спросилъ, чтъ онъ дѣлаетъ. Затѣмъ, узнавъ изъ его отвѣта, что онъ старый служивый (*veteranus*) и былъ въ походѣ (*stipendium facio*) въ Египетъ, онъ сказалъ, что ему очень жаль, что онъ оставилъ военную службу (*militiam missam facio*) и было бы пріятно чѣмънибудь помочь. «Скажи, чего желаешь (*exhorto*)», спросилъ императоръ. — Да я же знаю, Ваше Величество (*imperator*), отвѣчалъ тотъ, чтобы вы не отвлекали меня (*remagog*) дольѣ отъ работы: у работающаго не бываетъ обыкновенно недостатка (*desum*) ни въ чёмъ».

По ариѳметикѣ.

Извлечениe квадратного корня.

По геометрии.

Определеніе поверхности шара. а) Уголъ сектора равенъ $23^{\circ} 15' 27''$, а площадь его = 24,47 кв. фут. Определить радиусъ его. б) Вырыть прямой горизонтальный ровъ длиною въ $s = 24$ саж.; а глубиною въ $d = 1$ саж.; верхняя ширина рва $a = 1,6$ саж., а нижняя $b = 0,6$ саж. Чѣдѣ стоять работы, если за каждую кубическую сажень платится $1\frac{1}{2}$ рубль?

По АЛГЕБРЕ.

Свойства логарифмовъ. а) Определить условіе, когда выражение $\sqrt{A+\sqrt{}}$ приводится къ виду $\sqrt{m} + \sqrt{n}$; б) определить $\frac{1-ax}{1+ax}\sqrt{\frac{1+bx}{1-bx}}$, если $x = \frac{1}{a}\sqrt{\frac{2a}{b}-1}$.

По ТРИГОНОМЕТРИИ.

Рѣшеніе косоугольного треугольника по двумъ даннымъ сторонамъ и углу между ними содержащемуся. а) Определить x и y изъ уравнений: $\cos x : \cos y = 3 : 4$; $\cos(x-y) = 0,96$. б) Рѣшить прямоугольный треугольникъ по данной суммѣ трехъ сторонъ его $s = 132$ и по данной суммѣ квадратовъ этихъ сторонъ $s = 6050$.

Примѣчаніе. Вычисление можетъ быть совершаюмо съ помощью нынѣшихъ тригонометрическихъ таблицъ.

По ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ.

Le Japon.—Le Japon est très montagneux, plusieurs cimes sont couvertes de neiges perpétuelles; d'autres sont des volcans en activité et le pays est fréquemment ébranlé par des tremblements de terre. Il y a peu de place la plupart des montagnes sont boisées; les vallées et les collines sont cultivées et sont tantôt sablonneux, tantôt composé de terre grasse, ou formé d'un mélange de ces deux espèces. Des montagnes et des rochers escarpés hérissent la grande côte, qui sont découpées par un grand nombre de baies et de bras de mer très profonds. Les mers, qui baignent cet empire, sont très-orageuses. Les relations des voyageurs qui les ont fréquentées, sont remplies de récits des tempêtes que l'on y éprouve. On remarque une grande inconstance dans la température: été, la chaleur est vive, et deviendrait insupportable si les brises de mer ne modéraient pas; en hiver, quand le vent souffle du nord-est, il semble donc au froid une nouvelle activité, et le rend plus piquant. Il pleut presque tout l'année, surtout en Juin et en Juillet. Le tonnerre gronde très-souvent. Ces pluies qui, avec les soins infatigables des habitants, contribuent à rendre le sol naturellement peu fertile: tous les endroits susceptibles d'culture sont mis à profit; nulle part on ne tire autant de parti de toutes les matières qui peuvent fournir des engrâis. D'ailleurs, le pays est bien arrosé; il abonde en sources, en lacs et en rivières, qui sont très poissonneux, de même que la mer.

Les voyageurs qui ont vu de près ce peuple, s'accordent à dire que chez les bonnes qualités l'emportent sur les mauvaises; il est actif, sobre, propre, économique, loyal, poli, très courageux. Ces vertus sont balancées par la superstition, l'orgueil, la défiance, la dissimulation, l'esprit de vengeance. Nul peuple ne fait moins de cas de la vie. Tout homme en place reconnu coupable d'un crime, est tenu de se couper le ventre, mais seulement après en avoir reçu l'ordre de la cour; car s'il le prévenait, ses héritiers seraient privés de ses biens et de ses biens. Les lois, très-rigoureuses, sont exécutées sans aucun aménagement et sans égard au rang des coupables. Les peines pécuniaires sont inexorables; les criminels qui ne sont pas punis de mort sont enfermés à perpétuité.

ou exilés dans une île éloignée. Leurs biens sont confisqués. La torture est en usage. Du reste, les exécutions sont rares. Ils pratiquent l'imprimerie depuis le commencement du treizième siècle, de la même manière que les Chinois. Quoiqu'ils fassent grand cas de l'astronomie, ils n'y sont pas très-habiles. Ils aiment beaucoup la lecture, surtout celle des livres d'histoire et de poésie; ils savent assez de géométrie pour dresser d'assez bonnes cartes de leur pays. Jedo sur une baie, Miaco dans une plaine, Josoaca, sont les principales villes. Les rues sont tirées au cordeau et coupées à angles droits; les maisons sont généralement en bois et blanchies extérieurement, couvertes en tuiles ou en bois, et n'ont qu'un rez-de-chaussée et un étage; l'aménagement en est très-simple.— La police des villes est excellente; tout est réglé pour prévenir les désordres et les incendies, qui cependant causent quelquefois d'affreux ravages.

По памятному языку.

Herodotos. Nach seinem eigenen Zeugnisse war er geboren zu Halikarnassos, einer Seestadt in Karien, etwa um das Jahr 484 v. C. Er gehörte durch seine Abstammung einer der angesehenen Familien dieser Stadt an. Ueber die Jugendbildung des Herodotos fehlen uns genauere Nachrichten. Dass er mit dem Studium der älteren Dichter, namentlich des Homer, begonnen, sich danu die Kenntniss der Periegeten und Logographen angeneignet haben mag, ist aus verschiedenen Gründen mehr als wahrscheinlich. Jedenfalls aber sind in die Zeit seiner Jugend die ausgedehnten See- und Landreisen zu setzen, welche er nach Asien und Afrika, zunächst nach Ägypten unternahm, ferner nach den Inseln, Küstenstrecken und Seehäfen von Kleinasien und Griechenland; auch in dem südlichen Italien und in Sicilien scheint er umhergereist zu sein. Er gedenkt in seinem Geschichtswerke öfter dieser Reisen, beruft sich zur Bekräftigung seiner Erzählung auf das an Ort und Stelle selbst Gesehene oder Gehörte, doch gewöhnlich nur gelegentlich, so dass die Folge der einzelnen Reisen, die Zeit des Aufenthalts an den einzelnen Orten genau zu bestimmen nicht möglich ist. Sie waren aber ohne Zweifel sehr ausgedehnt und erstreckten sich fast über alle, den Hellenen nur einigermassen zugänglichen Orte. Einer Hauptpunct in denselben bildet das Wunderland Ägypten, das er bis zu den äussersten Gränzen im Süden durchwandert, genau beobachtet und getreu geschildert hat. Vor dem Jahre 456 v. C. scheint Herodotos von seinen fernen Wanderungen nach Griechenland, nach Samos oder Athen, zurückgekehrt zu sein, beschäftigt, das gesammelte Material zu dem Werke zu verarbeiten, welches wir noch besitzen. Auf einen längeren Aufenthalt des Herodotos in Athen, lässt der Umstand schliessen, das er an dem Zuge Theil nahm, der von dort aus im Jahre 444 nach Italien abging, um Thurii zu gründen. Ferner führen andere Notizen und Umstände zu der Annahme, dass er nach seiner ersten Ansiedelung in Thurii von da aus Athen noch einmal besucht habe. Doch wie dem auch sei, auf alle Fälle hat er in Thurii sich längere Zeit aufgehalten, sich auch dort unablässig mit der Ausführung und Vollendung seiner Geschichte bis zu seinem Tode beschäftigt, der dort ebenfalls, es ist ungewiss wann, erfolgt ist. Das Geschichtswerk des Herodotos in 9 Büchern, jedes mit dem Namen einer Muse bezeichnet, von alexandrinischen Kritikern abgetheilt ist die erste bedeutende Erscheinung der Geschichtschreibung, die wir haben und kennen. Gegenstand und Inhalt machen es zu einem wahrhaft

nationalen Werke. Denn es soll zunächst darstellen die im Kampfe mit persischer Übermacht siegreich hervorgehende und durch der Götter Beistand gerettete griechische Freiheit. Diese Aufgabe bildet den Mittelpunkt des in so viele Episoden und Digressionen ausschweifenden Werkes, in welches der Verfasser zugleich Alles mit aufgenommen hat, was er auf seinen Wanderungen über die Zustände der verschiedenen Länder und Gegenden, über deren Geschichte und Merkwürdigkeiten zu erfahren im Stande gewesen ist.

3. Въ Казанскомуъ учебномъ окружѣ.

1. Для русскаго очищенья.

«Народный умъ въ русскихъ пословицахъ».

2. Для латинскаго extempore.

Переводъ на латинскій языкъ слѣдующихъ строкъ: «Уже вся Сирія, даже и Финикия, за исключениемъ Тира, сдѣлались македонскими и царь Александръ имѣлъ лагерь около этого города на сушѣ, отъ которой узкой проливъ отдѣлялъ городъ. Тиръ, знаменитый и славой и величиной болѣе всѣхъ городовъ Сиріи и Финикии, повидимому легче приметъ союзъ Александра, нежели властъ. Поэтому послы принесли въ даръ золотую корону, и весьма щеро привезли съѣстные припасы для арміи. Онь повѣѣть друзьямъ привезь дари, и привѣтствовавши благосклонно пословъ сказали, что хотеть привести жертву Геркулесу, котораго особенно почитали Тирияне. Послы отвѣчали, что храмъ Геркулеса за городомъ, на томъ мѣстѣ, которое они называютъ Пале-тироитъ (старымъ Тиромъ); тамъ царь принесеть богу жертву по обычая. Не сдѣржалъ Александръ гнѣва».

(Curtius. De rebus Alexandri magni. Lib. IV. Cap. 11),

3. Для перевода съ французскаго на русскій.

Изъ хрестоматіи Фену, 2-е изд. стр. 203. Статья «Les Anabaptistes» — La famine augmentait... до конца.

По всемъю хрестоматіи Фену въ гимназіяхъ Пермской, Екатеринбургской и Пензенской, заданы были статьи изъ хрестоматіи Трико изд. 1843 г. Въ Пермской и Екатеринбургской гимназіахъ—стр. 123: «L'orage de Tamantoul». Un orage de neige est... до конца, а въ Пензенской стр. 53: «Histoire du solitaire du Vésuve». Ma jeunesse fut orageuse... Je l'y suivis avec émotion.

4. Для перевода съ немецкаго на русскій.

Изъ хрестоматіи Берте. 2-е изд. стр. 131. Статья «Der Holländer»: Wer nach Holland kommt... wirst du alles von einer anderen Seite ansehen lernen

5. Для математическихъ задачъ.

а) Изъ ариѳметики.

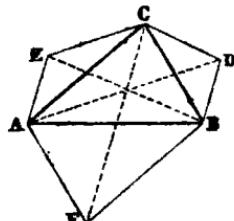
Путешественнику для достижения своей цѣли нужно было пройхать 3465 версты; онъ уже проѣхалъ 0,1575757... долю своего пути. Справливается, сколько версть еще остается емуѣхать?

6) Изъ алгебры.

Первый членъ геометрической прогрессіи 7., одинадцатый членъ 413843: Найдти знаменателя содеряанія, съ указаніемъ той общей формулы, которой руководствуются при этомъ счетѣ.

в) Изъ геометріи.

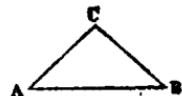
На каждой изъ трехъ сторонъ произвольно начертанного треугольника ABC построены равносторонніе треугольники BCD , CAE , ABF , доказать, что прямыи AD , BE и CF равны между собою.

г) Изъ тригонометріи.

Доказать, что во всякомъ треугольнике (гдѣ сътвдательно между углами имѣетъ мѣсто отношеніе $A + B + C = 180^\circ$)

$$\sin 2A + \sin 2B + \sin 2C = 4 \sin A \cdot \sin B \cdot \sin C,$$

пользуясь формулой:

$$\sin p + \sin q = 2 \sin \left(\frac{p+q}{2} \right) \cos \left(\frac{p-q}{2} \right).$$

4. Въ Одесскомъ учебномъ окружѣ.

Тема для русскаго сочиненія.

Различие между бережливостію и скучностью.

По арифметикѣ.

Двѣ артели работники получили за работу вексель въ 673 руб. 75 коп. Сколько получила каждая артель, если первая состояла изъ 12 человѣкъ, изъ которыхъ каждый работалъ 15 дней и по 8 часовъ въ день; вторая же артель состояла изъ 16 человѣкъ, изъ которыхъ каждый работалъ 12 дней и по 10 часовъ въ день, и если при продажѣ векселя, до срока за 8 мѣсяцевъ, сдѣланъ быть учесть по 6 процентовъ.

По алгебре.

Определить капитальную стоимость десятилѣтнаго дохода по 475 руб. 65 коп., считая по 6-ти процентовъ.

По геометріи.

Определить боковую поверхность правильной пятиугольной пирамиды, которой ребро равно $5\frac{1}{2}$ фута, а радиусъ круга, вписаннаго въ основаніи, равенъ $1,44$ фута.

По тригонометріи.

Одна сторона треугольника равна $17,18$ фута, другая $21,44$ фута, а уголъ между ними заключенный, $40^\circ 17' 27''$. Определить остальные части треугольника.

РУССКІЙ ТВОРЪ ДЛЯ ЛАТИНСКОГА ЭКСТЕМПРАЛЕ.

Когда римскій народъ избралъ царемъ Тулла Гостилія, внука того Госпілія, который со словою оружался противъ Сабинянъ, случилось, что римцы поселянне (agrestis) изъ Албанской области (ager), а Албанцы изъ римской угоднили добычу. Всѣдѣствие чего съ обѣихъ сторонъ стали всѣми силами готовиться къ войнѣ. Однако же эта война не имѣла очень кровопролитнаго исхода, потому что не сражались въ строю, и по разрушеніи только (modo) здѣшнихъ города Альбы, эти два народа были слиты въ одинъ. Албанцы первые сдѣли съ большімъ войскомъ вторженіе въ Римскую область. Иосій того какъ Меттій, предводитель Албанцевъ, какъ можно ближе приблизивъ войско къ врагу, онъ приказалъ посланнику, отправленному впередъ, объявить Туллу, что, прежде чѣмъ сражаться, нужно переговорить. Когда войска съ обѣихъ сторонъ были поставлены въ боевой порядокъ, оба полководца вышли (prodire) на средину, и Албанецъ сказалъ, что и его царь Клуцій и Тулл говорятъ, что несправедливости и невозвращеніе (причаст. прош. страд.) добычи суть поводъ къ войнѣ; онъ же полагаетъ, что властолюбіе подстрекаетъ (stimulare) родственныя народы къ войнѣ; но пусть Туллъ помнить, какъ могутъстями вокругъ нихъ Этруски, которые, по окончаніи ихъ сраженій, нападутъ мѣстъ и на побѣдителя и на побѣжденаго, утомленныхъ и изнеможенныхъ (confutus); поэтому пусть изберутъ такой путь, которымъ безъ большаго проворота (sanguis) и безъ большой потери можно опредѣлить (decerere), кому хѣмъ повелѣвать.

По ФРАНЦУЗСКОМУ языку.

Massacre des musulmans apr s la prise de Jérusalem. (Michaud).

L'histoire a remarqu  que les chr tiens  taient entr s dans J rusalem un vendredi. A trois heures du soir: c' taient le jour et l'heure o  J s us-Christ expira pour le salut des hommes. Cette  poque m morable aurait dû rappeler leurs coeurs   des sentiments de mis ricorde; mais, irrit s par les menaces et les h gues insultes des musulmans, aigris par les maux qu'ils avaient soufferts pendant le si ge et par la r sistance qu'ils avaient trouv e jusqu  dans la ville, ils remplirent de sang et de deuil cette J rusalem qu'ils venaient de d livrer et qu'ils regardaient comme leur future patrie. Bient t le carnage (pissaz) devint g n ral; ceux qui  chappaient au fer des soldats de Godefroy et de Turc de couraient au-devant des Proven aux,  galement alt r s de leur sang.

Les musulmans  taient massacr s dans les rues, dans les maisons; J rusalem n'avait point d'asile pour les vaincus; quelques-uns purent  chapper   la mort en se pr cipitant des remparts (валъ); les autres couraient en foule se r fugier (укрыться) dans les palais, dans les tours, et surtout dans leurs mosqu es (мечеть), o  ils ne purent se d rober (укрываться)   la poursuite des chr tiens.

Les crois s (крестоносцы), maîtres de la mosqu e d'Omar, o  les musulmans s' taient d fendus quelque temps, y renouvelerent les sc nes d plorables (плачевный) qui sonill rent (осквернили) la conqu te de Titus. Les fantassins (пѣхотинецъ) et les cavaliers y entr rent p le-m le (беспорядочно) avec les vaincus.

Au milieu du plus horrible tumulte on n'entendait que des g missements et

des cris de mort, les vainqueurs marchaient sur des monceaux de cadavres pour atteindre ceux qui cherchaient vainement à fuir.

По немецкому языку.

Изъ сочиненія Лессинга Sophokles, das Leben des Sophokles.

LEBEN DES SOPHOKLES.

Sophokles war von Geburt ein Athenienser und zwar ein Koloniate. Sein Vater hiess Sophilus. Nach der gemeinsten und wahrscheinlichsten Meinung ward er in dem 2-ten Jahre der 71-ten Olympias geboren.

Er genoss eine sehr gute Erziehung. Die Tanzkunst und die Musik lernte er bei dem Lamprus, und brachte es in dieser letztern wie auch im Ringen so weit, dass er in beiden den Preis erhielt. Er war kaum 16 Jahre alt, als er mit der Leier um die Tropäen, welche die Athenienser nach dem Salaminischen Siege errichteten, tanzte und den Lobgesang anstimmte. Und das zwar nach einigen nackt und gesalbt; nach andern aber, bekleidet. Sein erstes Trauerspiel fällt in die 77-te Olympias. Damals war der dramatische Dichter auch zugleich der Schauspieler. Weil aber Sophokles eine schwache Stimme hatte, so brachte er diese Gewohnheit ab. Doch blieb er darum nicht ganz von dem Theater.

Er machte in seiner Kunst verschiedene Nenerungen, wodurch er sie allerdings zu einer höheren Staffel der Vollkommenheit erhab.

Mit der Aufnahme seiner „Antigone“ hatte Sophokles ohne Zweifel die meiste Ursache vergnügt zu sein. Denn die Athenienser wurden so entzückt davon, dass sie ihm kurz darauf die Würde eines Feldherrn ertheilten. Viel Ehre scheint er als Feldherr nicht eingelegt zu haben.

Die Zahl aller seiner Stücke wird sehr gross angegeben. Nur sieben sind davon bis auf uns gekommen; und von den andern ist wenig mehr übrig als der Titel. Doch auch diese Titel werden diejenigen nicht ohne Nutzen studiren, welche Stoff zu Trauerspielen suchen. □

Den Preis hat er öfters davon getragen. Verschiedene Könige liessen ihn zu sich einladen; allein er liebte seine Athenienser zugsehr, als dass er sich freiwillig von ihnen hätte verbannen sollen.

Er ward sehr alt und starb in dem 3-ten Jahre der 93-ten Olympiade. Die Art seines Todes wird verschiedentlich angegeben.

Er hinterliess den Ruhm eines weisen, rechtschaffenen Mannes, eines geselligen, munteren und scherhaften Mannes; eines Mannes, den die Götter vorzüglich liebten.

Er war ein Dichter; kein Wunder, dass er gegen die Schönheit ein wenig zu empfindlich war.

Er hinterliess verschiedene Söhne, wovon zwei die Bahn ihres Vaters betratent.

5. Въ Киевскомъ учебномъ округѣ.

1) ТИМА ДЛЯ СОЧИНЕНІЯ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Чтò нужно для того, чтобы быть полезнымъ деятелемъ въ своемъ государствѣ?

3) Тема для перевода на латинский языкъ.

Есть не мало примѣровъ, что люди съ твердостію переносили потерю дѣтей. Такъ, напримѣръ, превозносигся похвалами физикъ Анаксагоръ, который, получивъ извѣстіе о смерти своего сына, говорить, сказали слѣдующія слова: «Тутъ нѣть для меня ничего неожиданного; я зналъ, что я его произвелъ на свѣтъ смертнымъ». Не менѣе удивительна твердость оратора Демосѳена, который, на седьмой день послѣ смерти своей дочери, въ бѣлой одеждѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, совершающъ жертвоприношеніе, когда получилъ радостное извѣстіе о гибели Филиппа. Къ этимъ примѣрамъ должно присоединить еще тѣ, которые сохранилъ Плутархъ объ Аенианахъ: Периклъ и Ксенофонтъ; изъ нихъ Периклъ, не смотря на то, что во время чумы, въ теченіе 4-хъ дней потерялъ двухъ сыновей въ цвѣтующей молодости, Ксантипа и Патала, которые были у него единственными законными, перенесъ смерть ихъ терпѣливо и говорилъ рѣчь предъ народомъ какъ прежде съ вѣнкомъ на головѣ и въ бѣлой одеждѣ; этотъ поступокъ, служацій доказательствомъ высоты духа и презрѣнія къ земному, немало содѣйствовалъ къ призванію Аенианъ отъ безнадежности къ надеждѣ, отъ унынія къ бодрости. А Ксенофонтъ узналь о смерти Грилла, который палъ въ сраженіи при Мантинѣ, въ то самое время, когда онъ въ праздничномъ нарядѣ совершающъ жертвоприношеніе; получивъ извѣстіе объ этомъ, онъ сложилъ съ себѣ вѣнокъ, но тѣмъ не менѣе продолжалъ совершать жертву; во когда на вопросъ его: какъ палъ сынъ,—отвѣчали, что онъ палъ, какъ храбрый воинъ, то онъ снова возложилъ вѣнокъ на голову.

3) Тема по греческому языку.

Переводъ 23 стиховъ (1—24) XI пѣсни Одиссеи съ указаніемъ и объясненіемъ встрѣчающихся формъ гомеровскаго діалекта.

СОСТОЯНИЕ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ НА КАВКАЗЬ И ЗА КАВКАЗОМЪ ВЪ 1871 ГОДУ.

(Извлечено изъ отчета г. попечителя Кавказского учебного округа).

Важная государственная мѣра, узаконенная Высочайше утвержденными 30-го июля 1871 года уставомъ гимназій и прогимназій, не могла быть немедленно и вполне примѣнена во всѣмъ заведеніемъ сихъ наименованій въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, уже потому, что, по мѣстнымъ условіямъ, почти въ половинѣ тамошнихъ гимназій древніе языки вовсе не преподаются, такъ какъ гимназіи эти имѣютъ таѣль-называемый реальный курсъ; въ прочихъ же преподается до сего времени только одинъ латинскій языкъ, за исключеніемъ гимназіи Ставропольской, въ которой преподаваніе греческаго языка введено еще въ 1866 году. Вслѣдствіе сего, по докладу г. попечителя, Его Высочество Великій Князь Намѣстникъ изволилъ разрѣшить, съ начала прошлаго академическаго года, во всѣхъ гимназіяхъ Кавказскаго учебного округа, какъ классическихъ, такъ и реальныхъ, ввести обязательное участіе въ преподаваніи директоровъ и инспекторовъ, назначить классныхъ наставниковъ и хозяйственныя комитеты, преобразовать педагогическіе совѣты, отмѣнить въ низшихъ классахъ классическихъ гимназій преподаваніе естествовѣдія, усиливъ вмѣсть съ тѣмъ обученіе латинскому языку, и вообще въ классическихъ гимназіяхъ, въ особенности Ставропольской, принять новый уставъ на столько, сколько то возможно безъ измѣненія штатовъ, чтò, вмѣсть съ полнымъ введеніемъ новаго устава во всѣхъ классическихъ гимназіяхъ Кавказскаго учебного округа, отложено до пересмотра нынѣ дѣйствующаго положенія объ учебной части на Кавказъ и за Кавказомъ, къ какому пересмотру Его Высочество приказалъ приступить немедленно. Вмѣсть съ тѣмъ, разрѣшено немедленно же ввести въ

Тифлисской классической гимназіи, на специальные ея средства, обучение греческому языку для желающихъ, начиная съ IV класса, что и приведено въ исполнение. Желающихъ обучаться въ ней этому языку оказалось 32 ученика, и въ неоднократныхъ свои посвѣщенія этихъ уроковъ г. попечитель убѣдился въ успѣшномъ ходѣ этого во-ваго здѣсь предмета обучения, что даетъ надежду, что къ Тифлисской гимназіи классическая система можетъ быть примѣнена вполнѣ, въ особенности, если вместо обязательного по уставу 1871 года дву-годичного пребыванія учащихся въ VII классѣ, въ этой гимназіи прямо будетъ учрежденъ VIII классъ, и учебный материалъ получить чрезъ то вполнѣ правильное, послѣдовательное распределеніе учебныхъ предметовъ.

Состояніе учебнаго дѣла на Кавказѣ въ истекшемъ году представляло отрадное явленіе во многихъ отношеніяхъ. Такъ, Бакинское городское общество открыло въ городѣ Баку, на счетъ городскихъ суммъ, начальное двухклассное училище, учредивъ при немъ стипендіи для желающихъ обучаться ремесламъ. Стипендіи эти назначаются лучшимъ изъ окончившихъ курсъ ученикамъ, и стипендіаты, занимаясь ремеслами въ частныхъ мастерскихъ, находятся подъ наблюденіемъ училищнаго начальства и въ определенное время собираются въ училищѣ для репетиціонныхъ занятій. Въ главномъ городѣ Кубанской области, Екатеринодарѣ, городское общество также открыло начальное двухклассное училище на счетъ городскихъ суммъ, и служащіи въ этихъ двухъ училищахъ Высочайше предоставлены права по службѣ и пенсіи, дарованные служащимъ въ начальныхъ училищахъ Кавказскаго учебнаго округа. Въ прошломъ же году состоялось Высочайшее пос-лѣдніе объ учрежденіи въ селѣ Прасковеѣ, Ставропольской губерніи начального двухклассного училища, на которое, изъ суммы министерства народного просвѣщенія, ассигнуется 1.650 руб. Всѣ эти училища открыты въ прошломъ году. Кроме того, послѣдовало еще открытие въ городѣ Сукумѣ женской школы, на содержаніе которой, на основании Высочайшего утвержденія 21-го декабря 1870 г. мнѣнія государст-наго совѣта, положено отпускать ежегодно 3.500 руб. изъ государ-ственного казначейства, на счетъ мѣстныхъ доходовъ Закавказского бригадира. Сверхъ того, послѣдовали въ прошломъ году по учебному вѣдомству: еще два Высочайшия царевѣнія: 1) объ учрежденіи должности инспектора народныхъ училищъ Тифлисской губерніи, и 2) о наименова-ніи основанной Великою Княгиней Ольгою Феодоровной женской гимназіи Тифлисской имени Ея Высочества женской гимназіей.

Такъ какъ содержимыя на счетъ Кубанского казачьаго войска въ г. Екатеринодарѣ и станицахъ Варениковской, Брюховецкой и Старо-щербиновской, одноклассныя начальныя училища, утратили прежнее свое значеніе, съ учрежденіемъ въ г. Екатеринодарѣ, на счетъ города, начальнаго двухкласснаго училища и съ открытиемъ въ названныхъ трехъ станицахъ, на счетъ станичныхъ обществъ, народныхъ школъ, то 21-го мая прошлаго года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, эти общевойсковыя школы закрыть съ 1-го сентября 1871 года, оставивъ съ этого же числа за штатомъ на общемъ основаніи тѣхъ изъ учителей закрываемыхъ училищъ, которые не получать другаго служебнаго назначенія, а съ упраздненіемъ упомянутыхъ 4-хъ училищъ, деньги, ассигнованныя по штату на содержаніе ихъ изъ суммъ Кубанскаго войска по 650 руб. на каждое, всего 2.600 руб. въ годъ, отпускать въ завѣдываніе наказнаго атамана этого войска, для обращенія ихъ, съ разрѣшеніемъ Великаго Князя Намѣстника, на прочія нужды народнаго образования въ томъ войску.

Такимъ образомъ, закрытие четырехъ, содержавшихся на счетъ общей войсковой казны училищъ, не только не уменьшило средствъ народнаго образования въ Кубанской области, но даже усилило ихъ, потому что, вместо закрытыхъ войсковыхъ училищъ, станицы, въ коихъ они находились, открыли свои собственныя школы, а городъ Екатеринодаръ — двухклассное начальное училище, и даже оказалось возможнымъ отпустившимъ изъ войсковой казны на закрытія школы деньги обратить на общія въ области нужды народнаго образования, которое, съ учрежденіемъ Кубанской учительской семинаріи и назначениемъ инспектора народныхъ училищъ, получило правильное и прочное основаніе. Съ самого открытия этой семинаріи, въ нее, кроме стипендіатовъ собственно Кубанской области, поступали также два стипендіата Ставропольскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и три стипендіата Терскаго казачьаго войска. Кроме того, въ семинаріи находятся еще два стипендіата Ставропольской гимназіи, два Александровскаго, Екатеринославской губерніи, земства, и 15 своеизбѣгнныхъ воспитанниковъ, всего 59 учащихся. Такимъ образомъ, семинарія эта служить разсадникомъ народныхъ учителей, не только для всего съвернаго Кавказа, но отчасти и для прилегающей къ нему Екатеринославской губерніи.

Желаніе воспользоваться свободными зданіемъ въ Полтавской станицѣ, по переводѣ изъ нея уѣзднаго училища съ пансиономъ въ городъ Темрюкъ, было поводомъ избрания этой станицы для помѣщенія

учительской семинарии; но мѣстность эта оказалась во всѣхъ отношеніяхъ столь неудобною, что первый директоръ семинарии Марковъ, не будучи въ состояніи бороться съ неудобствами и лишеніями, представившимися въ мѣстности сырой и порождающей лихорадки, оставилъ вовсе службу въ краѣ, и семинария теряла надежду набрать необходимыхъ ей преподавателей; а потому, съ разрѣшеніемъ Великаго Князя Намѣстника, въ августѣ мѣсяцѣ прошлого года, она изъ станицы Полтавской переведена въ станицу Ладовскую. Окружной инспекторъ, осматривавший семинарию въ этомъ ея помѣщении въ октябрь мѣсяцѣ прошлого года, доносить, что едва-ли въ Кубанской области можно найти другую станицу, болѣе удобную для семинарии, какъ Ладовская. Занимая почти центральное мѣсто, на большой почтовой дѣрѣ, она одинаково удалена отъ крайнихъ пунктовъ области и въ то же время значительно приближена къ Ставропольской губерніи, чѣмъ весьма важно, пока Кубанская семинария будетъ оставаться единственнымъ этого рода учебнымъ заведеніемъ на сѣверномъ Кавказѣ. Но помимо географического положенія, станица Ладовская представляетъ и другія не менѣе важныя удобства для учебнаго заведенія: она хорошо обстроена, и потому служащіе и семинаристы не затрудняются въ пріисланіи для себя хорошихъ и недорогихъ квартиръ; а находясь на высокомъ берегу Кубани, она пользуется превосходными, здоровыми климатомъ. Благодаря заботливости и нравственному видѣю директора семинарии Семенова, пользующагося вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ въ педагогическомъ мірѣ, учебный персональ сформированъ вполнѣ, и въ настоящемъ году въней долженъ быть открытъ высшій, третій классъ и начальная школа для упражненія семинаристовъ въ преподаваніи. Для нея вызванъ уже изъ Петербурга специально приготовленный къ тому преподаватель, которому г. почетный поручикъ, предварительно прибывшій въ Ладовскую станицу, постить Александровскій уѣздъ, Екатеринославской губерніи, для ознакомленія съ тамошними народными школами, правильно поставленными и научно руководимыми барономъ Корфомъ. Съ тою же цѣлью, въ прошедшемъ году, командированъ былъ туда, съ соизволеніемъ Великаго Князя Намѣстника, и самъ директоръ семинарии.

По отзыву окружного инспектора, чистота, строгій во всемъ порядокъ, отсутствіе всего лиш资料, что шло бы на показъ, а не въ дѣлу, все въ этой семинарии, кажется, располагаетъ къ труду серьезному. Присутствуя на урокахъ у всѣхъ преподавателей, окружной инспекторъ видѣть, какъ относятся къ своимъ обязанностямъ и уч-

тала, и семинаристы, и вынес глубокое убѣжденіе, что при такихъ начаткахъ, этому новому учебному заведенію предстоитъ самая счастливая будущность. О преподаваніи въ семинаріи окружной инспекторъ говорить, что оно ведется по каждому предмету такъ ясно, что не остается желать ничего большего; строго выработанный методъ лежитъ въ основаніи каждого урока; иѣть ни одной линей подробности, и въ то же время ничто иное существенное не остается неразъясненнымъ. Въ подобной школѣ ученикъ не только основательно пріобрѣтаетъ необходимыя нравы, но выходитъ съ тѣмъ изучастся, надѣять учить, какъ и на какой мѣрѣ передавать другимъ то, что самъ усвоилъ путемъ правильнаго педагогического метода. При такомъ основательномъ и правильномъ обученіи, при такомъ постоянномъ возбужденіи умственной самостоятельности учащихся, семинаристы, по отзыву директора, занимаются весьма усердно и старательно и ведутъ себя не только въ классѣ, но и дома, на столько безукоризненно, что не приходилось еще пріобрѣтать изъ какимъ-либо дисциплинарными мѣрами. Самое населеніе станицы, первоначально встрѣтившее ихъ прибытие, безучастно, относится теперь съ сочувствіемъ къ молодымъ людямъ, честно отдающимъ своему дѣлу, и выразило это сочувствіе ложженіемъ наименіи съ нихъ взятыи за квартиры. Какъ заведеніе новое, Кубанская семинарія не могла еще обзавестись всѣми необходимыми для нея учебными пособіями. Съ согласія начальника области, генераль-лейтенанта Цахи, и съ разрѣшенія Великаго Князя Николаевна, ей переданы изъ Кубанской гимназіи зоологическая коллекція и другіе предметы, какіе могли быть уступлены гимназіѣ безъ ущерба ея собственнымъ учебнымъ интересамъ. Убѣдительныи доказательствомъ того, что сознаніе важности этого учрежденія проникло даже въ массу народа, служить то обстоятельство, что изъ числа обучавшихся въ семинаріи 15-ти звукоплитныхъ воспитанниковъ, есть нѣсколько такихъ, которые занимали уже мѣста сельскими наставниками, и между ними, даже одинъ женатый. Убѣдительныи въ несостоительности этой для дѣла, которое ведено ими было до сего времени, идѣ-какъ, они рѣшились пойти учиться въ семинарію, чтобы упрочить за собою избранную ими профессію и пріобрѣсти мѣста въ лучшихъ школахъ края.

Эта несостоительность настоящихъ учителей народныхъ училищъ изъ области особенно ясно выступаетъ въ отчетѣ инспектора станицы наѣхъ школы. Появившаяся должность учреждена только въ прошломъ году, и назначеній на нее бывший учителъ Александровской учи-

тельской школы Благодать вступила въ исполненіе своихъ обязанно-стей только въ началѣ сентября 1871 года, а потому не могъ ознакомиться со всѣми подвѣдомственными ему школами. Въ представлѣнномъ имъ отчетѣ, онъ описываетъ положеніе 50-ти школъ, которыя онъ успѣхъ осмотрѣть, и въ нихъ изъ 47 лицъ, исполнившихъ учительскія обязанности, только двое имѣютъ законныя свидѣтельства на званіе учителей народныхъ училищъ; изъ 45-ти прочихъ учителей: 13 урадниковъ; 3 казака, 3 такъ-называемые малолѣтка, 1 крестьянинъ, 2 мѣщанина, 4 писаря, 2 отставные чиновника, 4 офицера, 1 юнкеръ, 4 унтеръ-офицера, 1 рядовой, учившійся кое-гдѣ и кое-чому, и конечно; не имѣющіе никакого понятія о правильномъ преподаваніи. Изъ числа учащихся у такихъ учителей многіе два года обучения не могли достигнуть до того, чтобы разбирать печатное. Въ одномъ училищѣ учитель, заштатный діаконъ, обучать одному только механическому чтенію и обынѣль инспектору, что арифметикѣ, тѣсть, первымъ четыремъ дѣйствіямъ, обучать не въ состояніи. Въ двухъ школахъ обученіемъ занимаются двѣ девицы, окончившия курсъ въ Ставропольскомъ училищѣ св. Александры; и у нихъ школы находятся въ несравненно лучшемъ положеніи. Впрочемъ, жители одной изъ этихъ станицъ обратились къ инспектору съ просьбою сгѣнить учительницу, потому что „барышни“ не прилично заниматься съ мальчиками“, и что, по ихъ мнѣнію, дѣти не имѣютъ къ ней страха. Инспектору, впрочемъ, удалось убѣдить ихъ, что не страхъ, а любовь должна править школой, и учительница осталась на своемъ мѣстѣ. Самый слабый предметъ преподаванія въ народныхъ школахъ—законъ Божій. Большинство законоучителей относятся къ этому важному дѣлу совершенно пассивно, и обученіе ограничивается, по большей части, только затвержданіемъ нѣсколькихъ молитвъ, безъ всякаго объясненія ихъ содержаній, и проходженіемъ, съ весьма немногими изъ учащихся, краткой священной исторіи, заучиваемой наизусть, при чёмъ въ большей части школъ весьма немногіе ученики прошли даже потока. Наибольшее число учениковъ, сознательно усвоившихъ себѣ важнейшіи молитвы, находится въ школѣ Малороссійской станицы; въ ней одной только ученики умѣли сознательно передать инспектору события земной жизни Спасителя. Населеніе почти вездѣ сочувственно относится къ школѣ и охотно, за весьма немногими исключеніями, оказываетъ ей материальную помощь. Осмотрѣнныи инспекторомъ 49 станичныхъ школъ обходится обществу въ 5.568 руб., при чёмъ жалованье учителямъ варьируетъ отъ 82 до 225 руб. въ

годъ, и сверхъ того, даются разные вспомоществования: квартирою, хлѣбомъ и предоставлениемъ платы въ пользу учителя съ дѣтей постороннихъ лицъ, не принадлежащихъ къ станичному обществу. Всѣль школъ въ Кубанской области 189, съ 5.220 учащимися мужскаго пола и 285 женскаго.

Въ Александровской учительской школѣ въ истекшемъ году окончили курсъ 8 молодыхъ людей, которые немедленно поступили наставниками какъ въ школы общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, такъ и въ училища, непосредственно подвѣдомымъ округу. Это важное заведеніе, давшее уже краю болѣе 40 основательно подготовленныхъ начальныхъ учителей, ожидаетъ решения разсматривающагося въ государственномъ совѣтѣ вопроса о передачѣ его въ вѣдомство учебнаго округа и преобразованія въ учительский институтъ, въ которомъ готовились бы учителя не только для сельскихъ, но и для городскихъ училищъ.

Въ Ставропольской туберніи, гдѣ дѣло народного образованія еще въ 1870 году получило правильное основаніе чрезъ учрежденіе должности инспектора народныхъ училищъ и послѣдовавшее затѣмъ вскорѣ открытие на счетъ суммы министерства народного просвѣщенія нормального двукласснаго училища въ с. Прасковеѣ, народное образованіе получило значительное и быстрое развиціе. Въ обозрѣваемомъ году открыто 16 новыхъ сельскихъ школъ, такъ что губернія эта имѣетъ теперь, считая и нормальное училище, 52 сельскихъ школы, изъ коихъ 30 мужскихъ и 1 женское суть училища штатныя, то есть, содержатся на общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ; 1 казенное (Прасковеевское) и 20 общественныхъ, то есть, содержимыхъ исключительно на средства мѣстныхъ обществъ, безъ всякаго пособія со стороны губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, завѣдывающаго вышеупомянутымъ училищнымъ сборомъ, который въ отчетномъ году составлялъ 7.768 руб. Изъ этой же суммы присутствіе содержитъ своихъ стипендіатовъ въ Кубанской учительской семинаріи, и въ истекшемъ году опредѣлено на каждое штатное училище около 100 руб. на учрежденіе складовъ книгъ и учебныхъ пособій. Всѣль учащихся въ этихъ училищахъ 61, въ томъ числѣ 4 учительницы. При 4-хъ училищахъ состоять учителями мѣстные священники, которые преподаютъ и законъ Божій; изъ прочихъ же 48-и народныхъ сельскихъ училищъ, въ которыхъ наставники не имѣютъ духовнаго сана, только 8 училищъ пользуются и то, какъ доносить инспектору народныхъ училищъ, далеко не всегда акуратно,

уроками по закону Божию отъ священниковъ. Иль этого однако же сафдуетъ, чтобы училища эти оставались безъ обучения религіи: съ обучениемъ заѣдуютъ учителя, подъ руководствомъ инспектора, и предѣлѣть, указанныхъ святѣйшимъ Синодомъ. Обученіе состоять въ усвоеніи молитвъ, съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и оборотовъ текста, и разказать о двунадесятыхъ праздникахъ, въ изученіи вѣтхозавѣтной исторіи и въ пріученіи дѣтей къ сочинительному чтенію изъ Евангелія важнѣйшихъ евангельскихъ событий. Учителя эти опредѣляются инспекторомъ не иначе, какъ по нѣкоторому ихъ приготовленіи имъ самимъ и присоединеніемъ ихъ, хотя на короткое время, къ нормальному начальному училищу для нагляднаго изложения съ правильнымъ веденіемъ школьнаго преподаванія. Жалованье сельскіе наставники получаютъ отъ 48 до 400 руб. Послѣднюю сумму ассигновало общество села Александровки на жалованье своему учителю съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ былъ извѣстъ съ тѣмъ региономъ мѣстнаго церковнаго хора. Впрочемъ, тѣль изъ учителей, которые ведутъ дѣло хороню, и у которыхъ школа занимала себѣ сколько-нибудь дѣйствительными результатами, общества съ полной готовностію изыскаютъ согласіе поддерживать чѣмъ и какъ могутъ: отъводомъ изѣты, еспланѣю хлѣба и денежными прибавками къ условленной пытѣ. На основаніи этой готовности помогать дѣйствиимъ учителямъ инспекторъ народныхъ училищъ приходитъ къ тому заключенію, что въ вопросѣ объ изысканіи средствъ къ распространенію въ народѣ грамотности и необходимыхъ начальныхъ знаній должны главнымъ образомъ сдѣлаться въ вопросѣ объ изысканіи способовъ и средствъ ихъ увеличенію числа хорошо приготовленныхъ учителей и учительницъ для народныхъ училищъ. Послѣднихъ не чуждаются жители Ставропольской губерніи и сами просить о назначеніи къ нимъ таковыхъ, потому что действующія теперь 4 учительницы, окончивши курсъ въ Ставропольскомъ женскомъ училище съ правомъ донашиванія учительницъ, ведутъ училищное дѣло сравнительно очень хорошо, и мѣстныя сельскія общества ими совершенно довольны:

Сочувствіе къ школѣ всего яснѣе доказывается открытиемъ въ прошломъ году 16-ти новыхъ училищъ и пожертвованіями въ пользу ихъ со стороны общества. Изъ 52 сельскихъ училищъ 82 имѣютъ почетныхъ благотворителей, которые, не ограничиваюсь обязательными для нихъ взносомъ въ пользу училищъ 26 руб., дѣлаютъ еще всѣми значительными на нихъ пожертвованія; такъ, почетный благотворитель Александровскаго училища, Борисовъ, обязался давать каждогодно въ

школьу учителямъ по 100 руб., и кромѣ того, даетъ ему деревенскую квартиру съ отоплениемъ и столомъ; почетный биоститель Куприйского училища Изміевъ единовременно пожертвовалъ 100 руб. на устройство училищного дома, а нѣкоторые биостители, вместо обязательныхъ 25 руб., вносятъ по 50 руб. въ годъ, въ числѣ ихъ священникъ Ламровъ и диаконъ Салефильдъ, которые притомъ усердно и съ пользой обучаются дѣтей закону Божию и церковному мѣнию. Благодаря почетнымъ биостителямъ, кромѣ складовъ учебныхъ пособий, при 7-и училищахъ заведены сельскія библиотеки, изъ которыхъ на Медвѣжью собрали пожертвованій до 437 руб. Такое отрадное состояніе школъ, естественно, увеличило число учащихся, коихъ, къ 1-му января сего года, состояло 1.512 мальчиковъ и 136 девочекъ.

Великий Князь Николаинъ, въ проѣздѣ свой въ марта мѣсяцѣ текущаго года чрезъ Ставропольскую губернію, удостоилъ милостиваго вниманія представителей сельскихъ обществъ, распрашивая ихъ, есть ли у нихъ училища, когда они открыты; сколько въ нихъ было прежде и сколько теперь учениковъ; напомнилъ сельскимъ обществамъ о необходимости обучения грамотѣ; удостоилъ вниманія и нѣкоторыхъ изъ народнинъ учителей, предлагая имъ вопросы объ отношеніи сельского населения къ школѣ, объ успѣхахъ учащихся и о житьѣ-бытьѣ учителей. Все это произвело столь глубокое впечатлѣніе на сельское населеніе губерніи, что народъ во всѣхъ селахъ и отселахъ громко заговорилъ объ августейшемъ вниманіи къ его образованію; и о школѣ и ея дѣлѣ призадумались даже въ такихъ селахъ, въ коихъ прежде не думали ни о чёмъ. Инспекторъ высказываетъ убѣденіе, что этотъ многозначительный фактъ не останется безслѣднымъ для мѣстного народнаго образования.

Въ истекшемъ году, съ разрѣшенія г. попечителя, устроено было инспекторомъ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи, г. Грушевскому, при Прасковейскомъ двухклассномъ училищѣ, подъ его предсѣдательствомъ, первый въ той губерніи съездъ учителей сельскихъ школъ, продолжавшійся съ 19-го по 20-е сентября. На этотъ съездъ собрались 22 сельскія наставники изъ ближайшихъ къ Прасковѣ селеній, на свои собственные средства, безъ всякихъ съ чьей-либо стороны пособій.

* Въ Терской области, гдѣ еще нетъ инспектора народныхъ училищъ (учрежденіе этой должности внесено въ проектъ положенія объ учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ), находится до 70-и сельскихъ христіанскихъ школъ, не считая школъ общества въстановленія христіянства, съ 1.917 учащимися. Въ трехъ мѣстностяхъ

этой области, именно: во Владивостокѣ, Гребенскѣ и Нальчикѣ, во чмсли начальника области, генераль-адъютанта Лорист-Мелькова и при его содѣйствіи, открыты были временные педагогические курсы, съ цѣлью, изъ числа способныхъ грамотныхъ унтер-офицеровъ и рядовыхъ, приготовить учителей для ротъ, показавъ имъ современные, болѣе легкіе способы обученія грамотѣ, а станичныхъ учителей познакомить съ устройствомъ правильной школы и дать имъ наглдное понятіе о разумномъ преподаваніи главныхъ предметовъ начального обучения. Этими курсами руководили учителя Александровской учительской школы Богаевъ, Туаевъ и Бокіевъ (учитель приготовительнаго класса гимназіи). Курсы продолжались отъ 2 до 6 мѣсяцевъ; слушателей на нихъ было 143 человѣка, и судя по ходу занятій, на которыхъ г. инспекторъ лично присутствовалъ во Владивостокѣ, можно съ увѣренностью заключить, что этотъ первый опытъ ознакомленія наставниковъ съ правильнымъ веденіемъ дѣла, которому они себя посвятили, не останется безъ вниманія на умственный ходъ народнаго обученія въ области.

Въ Кутанскої губерніи дѣло народнаго образования получило съ прошлаго года правильное устройство учрежденіемъ должности инспектора народныхъ училищъ и открытиемъ на мѣстныхъ средствахъ нормального двухклассного сельскаго училища въ селѣ Хони. Что касается до численности школъ въ этой губерніи, то вместо 55 школъ съ 1767 учащимися, значившимися въ полицейскихъ отчетахъ по губерніи, въ дѣйствительности оказалось только 30 школъ съ 745 учащимися мужскаго и 39 женскаго пола. Общее состояніе этихъ школъ весьма не утешительно; большинство ихъ не имѣть не только учителей, но даже и помѣщенія. По большей части обученіемъ завѣдаютъ въ нихъ волостные писари, учащіеся помѣщаются кое-какъ при волостныхъ правленіяхъ, обученіе ограничивается преимущественно грамотностю на туземномъ языке, русскому же языку учить весьма немногихъ. Изъ 700 учениковъ могли прочитать изъ незнакомой статьи русскаго учебника съ пониманіемъ только 56 человѣкъ, и то большинство изъ нихъ принадлежать училищамъ Хонскому, Потѣйскому и Дзилитскому, остальные же болѣе подготовительные ученики (14) разбросаны по училищамъ какъ рѣдкость — по одному или по два на училище; подѣто — явление ихъ среди полнаго невѣжества прочихъ учениковъ есть одна только благопріятная случайность; ученики эти находились въ ученыи гдѣ-либо прежде сего и пришли въ училище уже подготовленными, только о двухъ такихъ ученикахъ (Инетскаго училища),

говорить инспекторъ, можно положительно сказать, что своимъ, хотя небольшимъ знакомствомъ съ русскимъ языкомъ они обязаны своему дальнему учителю, потому что въ прошломъ году инспекторъ видѣлъ ихъ совершенно чуждыми всякаго знанія; затѣмъ 213 учениковъ, то есть, немного болѣе $\frac{1}{3}$ всего количества учащихся, едва разбираютъ слова по учебной книжкѣ, конечно, безъ всякаго пониманія.

Замѣчательно, что стремленіе Имеретинскаго населенія къ знакомству съ русскимъ языкомъ, какъ доноситъ инспекторъ, находитъ противодействіе въ нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ людяхъ, старающихся отвлекать отъ школы посланъ угрозою, что ихъ обучаются по русски съ цѣлью взять въ солдаты.

Что касается до Тифлисской губерніи, въ которой, на основаніи Высочайше утвержденного 18-го октября прошлаго года мінія государстvennаго совѣта, учреждена также должность инспектора народныхъ училищъ, то по причинѣ иезамѣщенія этой должности до сего времени, нѣть возможности представить точныя данныя о состояніи народнаго образованія въ массѣ христіанскаго сельскаго населенія ея. По статистическимъ свѣдѣніямъ, въ пей числится 34 собственно грузинскія школы съ 839 учащимися. Сверхъ того, въ этихъ же школахъ обучаются 67 русскихъ и 248 армянскихъ мальчиковъ. Въ той же губерніи находится 9 еврейскихъ школъ съ 237 учащимися и 5 нѣмецкихъ училищъ въ колоніяхъ съ 274 учащимися.

Общее число подвѣдомыхъ Кавказскому учебному округу учебныхъ заведеній оставалось то же самое, что и въ предшествовавшемъ отчетномъ году, не смотря на то, что въ Кубанской области закрыты 4 начальныхъ училища, содержавшіяся на счетъ войска, ибо это закрытіе есть въ сущности только перенесеніе источника содержанія этихъ училищъ съ общевойсковой казны на частные средства станичныхъ обществъ. Затѣмъ, въ теченіе года вновь открыты двухклассное начальное училище въ Екатеринодарѣ и ремесленное въ Баку на средства городскихъ обществъ, а въ селѣ Прасковеѣ, Ставропольской губерніи, на суммы министерства народнаго просвѣщенія; сверхъ того, въ Сухумѣ на мѣстные доходы края открыта женская прогимназія.

Число учащихся, непосредственно подвѣдомыхъ округу, въ истекшемъ году было слѣдующее:

	на 1870 году число.
Въ 7-ми казенныхъ и 1 частной гимназіяхъ.	3.097
учительской школѣ и учит. семинаріи	104
уѣзденныхъ училищахъ	1.904
	2.909
	81
	1.689

		на 1870 год числою.
Въ горскихъ школахъ	164	285
начальныхъ двуклассныхъ и одноклас- ныхъ училищахъ	2.170	1,728
подвѣдомыхъ округу частныхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ. . . .	939	1.196
Всего.	8.751	8.348

Такимъ образомъ, общее число учащихся мужского пола увеличилось на 403 человѣка. Оно значительно поднялось въ начальныхъ училищахъ и увеличилось бы еще болѣе въ гимназіяхъ, если бы г. попечитель не нашелся вынужденнымъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ разрѣшить прекращеніе приема; оттого въ Кутаисской гимназіи, въ обозрѣваемомъ году, было менѣе учащихся сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ; въ Тифлісской классической гимназіи число учащихся возрасло до 794, а потому въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ предполагается и внесено въ проектъ изъ параллельныхъ классовъ образовать отдѣльный прогимназіи. Число учащихся въ начальныхъ училищахъ возрасло, между прочимъ, и отъ увеличенія числа этого рода учебныхъ заведеній, а въ уѣздныхъ училищахъ — отъ поступившихъ въ этотъ разрядъ нѣкоторыхъ перешедшихъ въ вѣдѣніе округа горскій школы, отчего уменьшилось число учащихся въ заведеніяхъ, удѣряющихъ это послѣднее название.

Изъ общаго числа учащихся большинство, по прежнему, остается за русскимъ, или вообще за европейскимъ населеніемъ, которое, наполнилъ почти исключительно всѣ учебныя заведенія съверного Кавказа, представляетъ весьма почтенные цифры въ гимназіяхъ закавказскихъ, и именно въ Бакинской (141) и Тифлісской реальной гимназіяхъ образуетъ большинство учащихся; затѣмъ, въ прочихъ закавказскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ первенство принадлежитъ: въ Кутаисской Имеретинцамъ, а въ Тифлісской Армянамъ. Число послѣднихъ въ учебныхъ заведеніяхъ округа возрасло до 2.250; затѣмъ изъ инородцевъ наибольшая цифра учащихся падаетъ на Имеретинцевъ и вообще жителей Кутаисской губерніи, а меньшая на мусульманское населеніе, изъ коего во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа обучается 554 мальчика; изъ нихъ большинство составляютъ Горцы.

Число учащихся женскаго пола въ заведеніяхъ, подвѣдомыхъ округу, также увеличилось на 380 ученицъ, и дѣ 1-му января текущаго года составляло 2.403 (кромѣ воспитанницъ института). Такимъ образомъ,

общее число учащихся обоего пола въ заведеніяхъ, непосредственно подвѣдомыхъ округу, къ 1-му января текущаго года составляло 11.154, а прибавивъ теперь въ разчетъ 7.477 учащихся мужскаго и 408 женскаго пола въ сельскихъ школахъ Ставропольской и Кутаисской губерній, а также и Кубанской области, въ конца учреждены должности инспекторъ пароднаго училищъ, общее число учащихся въ заведеніяхъ, подвѣдомыхъ учебному округу, составило 19.039; присоединивъ къ тому число учащихся въ школахъ общества возстановленія христіанства, православнаго духовнаго и военнаго вѣдомствъ, вѣдомства Эчмїадзинскаго синода, а также учащихся въ заведеніи мѣстныхъ администрацій сельскаго колонистовъ и въ прочихъ христіанскихъ школахъ, мы получимъ приблизительно ту же общую цифру учащихся въ христіанскихъ училищахъ, какъ и въ предшествовавшемъ отчетномъ году, то есть, до 36.000, съ тѣю только разницей, что по послѣднимъ (сѣйднѣйшими), числу учащихся въ армянскихъ школахъ, состоящимъ въ вѣдомствахъ Эчмїадзинскаго синода, оказывается на полторы тысячи менѣе числа учащихся въ 1870 году, именно только 4.386; причинъ этого значительного уменьшенія учащихся, тѣ сожалѣю, не объясняю синодомъ.

Изъ числа 8.750 учащихся мужскаго пола въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и начальныхъ училищахъ, непосредственно подвѣдомыхъ учебному округу, тѣ состоящихъ при нихъ 14 пансионахъ, находятся 1.086 пансионеровъ, изъ коихъ только 192 своеиздѣлые, остальные же 894 воспитываются на вазенный, на общественный счетъ и на экономію, дѣляемую заведеніями отъ платящихъ воспитанниковъ. Такимъ образомъ, изъ числа своеиздѣлыхъ пансионеровъ, сравнительно съ прошедшими годами, является приращеніе почти на 50 человѣкъ. Это отрадное явленіе обнаружилось преимущественно въ гимназическихъ пансионахъ, и въ особенности въ Тифлісѣ и Ставрополѣ. Къ сожалѣнію, конинѣ, открытый при Кутаисской гимназіи, съ пособіемъ изъ специальныхъ средствъ ея, въ истекшемъ году закрылся, потому что жертвое общество не оказалось ему никакого подѣльника; и онъ, кроме собственныхъ изъ гимназическихъ суммъ, поддерживался только пожертвованіями саміхъ преподавателей гимназіи; но въ Евку дѣло устройства вспомогательныхъ учрежденій гимназій идетъ несравненно лучше: два частныхъ лица, съ разрѣшенія гимназического начальства, открыли у себя ученическія общія квартиры, въ которыхъ родители помѣстили 14 гимназистовъ. Сверхъ того, 2 учителя гимназіи содержатъ у себя гим-

наиисторъ - пансионеръ, получая за нихъ содержание несравненно высшую плату, неизъявлъ събѣдование бы вносить въ пансионъ. Это свидѣтельствуетъ, что гимназія дѣйствительно соотвѣтствує потребностямъ населения, а учителя пользуются его довѣріемъ, чтѣ подтверждается между прочими и тѣмъ, что число шатающихся ученикъ въ гимназіи достигло такихъ размѣровъ, что директоръ ходатайствуетъ объ открытии трехъ параллельныхъ классовъ. При этой же гимназіи возникла мысль объ учреждении общества взаимооществованія учащимся мусульманамъ. Такимъ образомъ, въ Баку, въ средѣ мусульманской, впервые въ Закавказскомъ краѣ возникла мысль, что заботы объ обученіи и воспитаніи мужского юношества, не есть исключительно дѣло одного только правительства, но что и изъ общества лежитъ обязанность, съ своей стороны, всѣми зависящими отъ него средствами, содѣйствовать въ этомъ правительству.

Изъ всѣхъ гимназій Кавказскаго учебнаго округа въ истекшемъ году выпущено окончившихъ курсъ 102 человѣка, въ числѣ коихъ 6 воспитанниковъ Бакинской реальной гимназіи, произведшей въ образѣвающемся году первый выпускъ окончившихъ полный курсъ. Это событие побудило г. попечителя отправиться въ Баку, чтобы лично присутствовать на окончательныхъ испытаніяхъ и такимъ образомъ составить себѣ вполнѣ ясное понятіе о результатахъ, достигнутыхъ этимъ новымъ заведеніемъ. Испытанія эти убѣдили г. попечителя, что дѣло обучения въ этомъ заведеніи ведется, за исключеніемъ нѣкоторыхъ языковъ, противъ чего уже приняты мѣры, весьма основательно и обѣщаетъ принести отрадные плоды, чтѣ дало г. попечителю поводъ, на произведенномъ въ присутствіи его торжественному актѣ, выказать полную и глубокую признательность директору, наставникамъ и учащимся. Одинъ изъ родителей, докторъ Шутский, тутъ же на актѣ, въ благодарность гимназіи за данное сыну его образование, присвоилъ ей въ даръ собственную, довольно значительную библиотеку. Всѣ молодые люди, окончившие курсъ въ Бакинской гимназіи, удовлетворительно выдержали вступительные экзамены въ высшихъ специальныхъ заведенія, а одинъ изъ нихъ даже и конкурсный экзаменъ на стипендию, и поступили: двое въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, двое въ институтъ горныхъ инженеровъ, одинъ въ Константиновское военное училище и одинъ въ Петровскую землемѣрческую и лѣсную академію.

Равнымъ образомъ и Владикавказская реальная гимназія развивается успешно: въ текущемъ году въ ней открывается послѣдній

высший классъ. Изъ окончавшихъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ большинство поступили въ университеты и изъ нихъ 11 на кавказскія стипендіи.

Изъ 3-хъ прогимназій, въ двухъ, Пятигорской и Эриванской, въ истекшемъ году окончили курсъ 17 молодыхъ людей, большая часть коихъ поступили для дальнѣйшаго образования въ гимназіи Ставропольскую и Тифлисскую; въ Елисаветпольской же прогимназіи открыть III-й классъ, и прогимназія эта въ истекшемъ году получила полный комплектъ преподавателей. Первый выпускъ окончившихъ полный курсъ въ старшей изъ прогимназій—Пятигорской былъ въ 1869 году. Съ того времени изъ IV-го класса прогимназіи выбыли: 8 до окончанія курса и 26 по окончаніи, всего 34 ученика; изъ нихъ 16 получили аттестаты съ высокой удостоверительной оконченіемъ курса и 10 свидѣтельства. Изъ числа этихъ 34 молодыхъ людей 19 перешли въ гимназіи, преимущественно въ Ставропольскую и Тифлисскую, для дальнѣйшаго продолженія гимназическаго обучения, 1 поступилъ въ военную гимназію, 6 въ гражданскую и 6 въ военную службу, а 2 пока находятся при родителяхъ.

Учащіеся въ гимназіяхъ Тифлисскихъ, Владикавказской и Кутаисской, въ истекшемъ году, имѣли счастіе быть представленными Государю Императору при проѣздѣ Его Величества, вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Князьями Владимиromъ Александровичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ, чрезъ упомянутые города. Его Величество съ Ихъ Высочествами изволили осчастливить Тифлисскую женскую Государевну Великой Княгини Ольги Феодоровны гимназію, а также Кутаисскую мужскую свояко посѣщеніемъ. Обозрѣвалъ Кутаисскую гимназію, Его Императорское Величество изволилъ въ особенности интересоваться географическими классами, въ коемъ, рассматривалъ рельефную карту Кутаисской губерніи, указывая на полезность этого учебнаго пособія. Особенность кавказскихъ гимназій—занятія пансионеровъ общедоступными рецензіями—также удостоилась высочайшаго вниманія. Государь Императоръ изволилъ посѣтить въ Кутаисской гимназіи столлярную мастерскую. Расширявшая подробнѣ о числѣ учащихъ и оканчивающихъ курсъ и объ успѣхахъ обучения, Его Величество благоволилъ особенно освѣдомляться объ успѣхахъ учащихся по латинскому языку и осчастливили директора милостивымъ отзывомъ: „Послѣ всего, что Я видѣлъ, надѣюсь, что въ гимназіи будетъ толькъ“. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ въ особенности интересовался переплетными

работами пансионеровъ, а также этнографическою и дендрологическою мѣстными коллекціями.

Не смотря на постоаний недостатокъ въ учителяхъ, въ особенности въ гимназіяхъ виѣ-Тифлоскіхъ, такъ вѣль изъ туземцевъ весьма немногое, и то лишь Арамине, посыпавши себѣ учебному по-принципу (между учителями наукъ въ 7-ми гимназіяхъ и 8-хъ прогимназіяхъ, только одинъ Грузинъ и одинъ татарскаго происхождения¹), учение продолжалось безпрепятственно. Показавшися же концѣ лѣта въ туберніяхъ Эриванской и Бакинской эпидеміческихъ болѣзни—холода и осла, по счастію, не имѣли особеннаго вреднаго вліянія на толь учебная дѣла, и только въ Нахичеваніи на извѣсціи прекращеніе было учение въ таможнѣмъ уѣздномъ училищѣ.

Новыи гимназіи, Нахичеванскаа и Владикавказскаа, продолжали увеличывать свои кабинеты и учебныи лабораторіи; послѣдня приобрѣла 84 прибора для физическаго кабинета, а первая, кроме значительного усиленія сего послѣдняго, приобрѣла еще двѣ коллекціи насекомыхъ и 110 видовъ разныи зоологическихъ препаратовъ. Приобрѣты также мѣры для обновленія и пополненія физическаго кабинета Тифлоскій классической гимназіи, на что назначено 3.000 руб.—изъ специальнѣхъ средствъ гимназіи. Особенное внимание обращено было на пополненіе ученическихъ библиотекъ, изъ коихъ Ставропольская, благодаря содѣйствію города, находится въ библиотечномъ положеніи и обратила на себя вниманіе Великаго Князя Насібсніка.

Отрадное явленіе въ жизни гимназій Кавказскаго учебнаго округа составляетъ слѣдующій фактъ: преподаватель греческаго языка въ Кубанской гимназіи, Модестовъ, по обнародованіи нового устава гимназій, вынужденъ преподавать греческий языкъ тѣмъ изъ учениковъ Кубанской гимназіи, которые желаютъ ему учиться. Большая половина учениковъ старшихъ классовъ воспользовались этимъ предложеніемъ, и какъ доносятъ директоръ, къ концу тода сдѣланы довольно порядочные успѣхи въ этомъ новомъ предметѣ.

Изъ 1.900 учащихся въ уѣздныхъ училищахъ и равнинѣ съ начи-
но курсу горскихъ школахъ въ истекшемъ году окончили курсъ уче-
нія 88 человѣкъ, изъ коихъ 43 въ пяти училищахъ Сѣвернаго Кав-
каза и 45 въ тринадцати училищахъ за Кавказомъ.

Женское образование, благодаря высокому покровительству Госу-

¹) Гасанъ Меликовъ, мусульманскаго вѣроисповѣданія, учитель естественныхъ наукъ въ Бакинской гимназіи.

дарыни Великой Княгини Ольги Феодоровны, быстро размножается¹, какъ то видно, изъ каждогодно возрастающаго числа учащихся. Тифлисская Августейшаго имени Ея Высочества женская гимназія не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться, а потому изъ истекшемъ году опредѣленъ комплектъ учащихся и иноею отказано было въ приемѣ. Состоющій при ней педагогическій классъ произвѣлъ первый выпускъ окончившихъ курсъ дѣвицы, изъ коихъ 1 получила званіе домашней наставницы, 3 домашнихъ и 2 начальныхъ учителницъ. Изъ вышеупомянутыхъ дѣвицы одна изъявила желаніе посвятить себя врачебной наукѣ, съ каковою цѣлью и отправилась въ С.-Петербургъ, удостоившись получить на то отъ щедротъ Великаго Князя Николаевнаго денежное вспомоществованіе. Что касается до Ставропольскаго женскаго училища 1-го разряда, то изъкотория изъ его воспитанницъ съ честю несутъ тяжелыя обязанности наставницъ въ сельскихъ школахъ, слѣдовательно, служатъ государству на тоймъ именно поправлѣ, на коемъ оно болѣе всего нуждается въ дѣятельнѣхъ.

Женскіе педагогическіе курсы, открытые въ 1870 году преподавателями Тифлисскихъ гимназій и женскихъ учебныхъ заведеній, продолжали въ истекшемъ году свою дѣятельность, придерживаясь, на сколько это было возможно, при первоначальномъ составѣ коллегіи, первоначального своего плана, по которому предполагалось дать слушательницамъ въ теченіе двухъ лѣтъ законченный курсъ; приблизительно разный по содержанию и объему курсу вышли изъ классовъ мужскихъ гимназій. Въ сентябрѣ 1871 года программа ихъ пополнилась уроками химіи, которые читались въ лабораторії реальной гимназіи, и имѣли около 40 слушательницъ; кроме того, по изѣкоторымъ предметамъ, какъ напримѣръ, по математикѣ, открыты были для вновь поступающихъ параллельные уроки. Изъ преподавателей, основавшихъ курсы, въ настоящее время въ нихъ участвуютъ: инспекторъ института Гогоберидзе и преподаватели гимназій: реальной—Горміевъ и классической—Шенгеръ. Въ истекшемъ году привлечены были къ участію въ этомъ дѣлѣ еще учитель классической гимназіи Деларю, взявший на себя уроки словесности, и учитель реальной гимназіи Бокій, читающей химію. Наличный составъ коллегіи подлагаетъ, что съ окончаніемъ общеннаго двухгодичнаго курса, предстоявшимъ въ концѣ 18⁷¹/₇₂ учебнаго года, можно будетъ не закрывать курсовъ, но продолжать чтеніе, хотя по изѣкоторымъ только предметамъ и съ измѣненною программой.

Совѣтъ общества св. Никы въ содержаниемъ имъ въ Тифлисѣ

6-классномъ учреждѣніи открыть еще 7-й классъ, и число женскихъ ученицъ въ краѣ увеличилось открытиемъ въ Тифлѣ, на средства города, женского начального училища; а женское отдѣленіе при Еланчебалкской мужской начальной школѣ, преобразовано въ самостоятельное женское двухклассное училище. Такимъ образомъ, Тифлѣ имѣть, кроме института, женской Ея Высочества гимназіи, заведенія св. Нины, еще 8 начальныхъ женскихъ школъ, тогда какъ для общаго образования дѣтей мужскаго пола въ немъ имѣются только 2 гимназіи, 2 казенныхъ и 1 вышеупомянутое, содержание благотворительнымъ обществомъ, частное,—всего 3 начальныхъ училища,—положеніе крайне иенормальное, на которое г. попечитель почель обязанною обратить вниманіе города, по тому еще обстоятельству, что съ текущаго года, на основаніи нового устава гимназій, приемъ дѣтей, ничему не училихся, въ приготовительный классъ Тифлисской классической гимназіи долженъ быть прекратиться. Городовое управление уведомило г. попечителя, что оно не можетъ средствъ помочь этой вонючей нуждѣ.

Въ истекшемъ году, кроме Тифлисскихъ гимназій, осмотрѣны были г. попечителемъ гимназіи Владикавказская и Бакинская, прогимназіи Пятигорская, Эриванская, Елизаветпольская и лежавшия на пути проѣзда училища; окружной же инспекторъ осматривалъ гимназіи: Кубансную (въ Ессентукахъ), Ставропольскую, Кубанскую учителльскую семинарію и вообще училища Сѣвернаго Кавказа. Всѣ осмотрѣнія заведенія найдены въ весьма хорошемъ, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніи. Г. попечитель неудовлетворенъ быть только ходомъ обучения въ Георгіевскомъ училищѣ и просилъ директора принять мѣры къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ. Поведаніе учащихся вакъ въ образованныхъ, такъ и во всѣхъ прочихъ подг҃одъмъ округу учебникъ заведеніяхъ, въ истекшемъ году не подавало никакихъ новодѣйствій, нареканію, въ чёмъ видѣть результатъ педагогическихъ мѣръ, состоявшихъ въ томъ, чтобы не оставлять молодыхъ людей праздными и разумно употреблять свободное отъ учебныхъ занятій время на упражненія въ музыкѣ, гимнастикѣ и доступныхъ учащимъ ремеслахъ.

Въ отчетномъ году окончено важное дѣло слаженія гимназій Кавказскаго учебного округа точными и полными программами по всѣмъ предметамъ гимназическаго обученія. Напечатанный въ томъ же году программы преподаванія географіи и греческаго языка введенъ съ начала истекшаго академического года въ употребленіе. Пер-

была редактирована учителемъ Тифлисской реальной гимназии, Загурскимъ, а послѣдняя—инспекторомъ Ставропольской гимназии Левицкимъ, который, сверхъ того, приготовилъ еще къ печати описание дѣятельности общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, за первое десятилѣтіе его существованія. Книжка эта имѣла въ сільѣ уже въ текущемъ году. Г. же Загурскій издалъ особую книгу по мѣщенню имъ въ „Сборникѣ скѣдѣй о Кавказскихъ городахъ“ учѣную статью „Кавказско-горская письмена“, а учителъ классической гимназии докторъ Пфаффъ издалъ особую книгу по мѣщенню имъ въ томъ же „Сборникѣ“ статью: „Материалы для древней исторіи Осетинъ“. Къ сожалѣнію, этотъ полезный на педагогическомъ и ученомъ поприщѣ дѣятель, вслѣдствіе постигшей его въ началѣ текущаго года тяжкой болѣзни, долженъ былъ прекратить всѣ свои занятия въ краткій промежутокъ времени для возстановленія своего сильно разстроеннаго здоровья. Директоръ Кубанской учителской семинаріи Семеновъ, въ истекшемъ году издалъ 9-мъ изданіемъ свои „Уроки Географіи“, 2-мъ изданіемъ—„Отечественное изданіе“, 3-мъ—„Даръ Слова“ и отпечаталъ 4-ю картицу для наглядного обучения. Сверхъ того, имъ напечатано нѣсколько педагогическихъ и критическихъ статей въ центральныхъ педагогическихъ журналахъ. Законоподатель той же семинаріи, священникъ Стасъ, также напечаталъ нѣсколько статей въ „Православномъ Обозрѣніи“, журналѣ „Народная Школа“ и въ „Кубанскихъ Вѣдомостяхъ“. Директоръ Тифлисской классической гимназии и учителя ея Богачевъ и Деларю принимали дѣятельное, въ особенности г. Богачевъ, участіе въ изданіяхъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ. Гг. Богачевъ и Деларю, а также инспекторъ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи Грушевскій напечатали свои статьи и въ издаваемыхъ Кавказскимъ учебнымъ округомъ циркулярахъ, а учителъ Бакинской гимназии Цинкъ и учителъ грузинскаго языка Тифлисской реальной гимназии Церетели состоять редакторами: первый—мѣстной газеты „Бакинский Листокъ“, а второй—грузинской сельской газеты и грузинского журнала „Кребум“; притомъ г. Церетели издалъ еще нѣсколько сочиненій по грузинскому языку, литературѣ и исторіи. Учителъ армянского языка Баласанъ помѣщалъ свои литературные статьи въ армянской газетѣ „Мшахъ“. Учителя Тифлисской классической гимназии Рымовъ и Надеждинъ готовятъ къ изданію: первый—свои метрические переводы древнихъ поэтовъ Табула и Юснала, а второй—описаніе путешествія, совершенного имъ съ этнографической целью по Кахетіи и Картлии. Учителъ Тифлисской реаль-

цой гимназией Горжевъ занимается составлениемъ синтаксического анализа русского языка. Учитель той же гимназии Бокій издаѣтъ въ таблицы для систематического веденія качественного анализа и готовить къ изданию руководство по химії для реальныхъ гимназій. учитель классической гимназіи Шентеръ перевѣлъ сочиненіе Абб о кристаллическомъ градѣ и о зависимости гидрометровъ отъ строенія почвы.

Въ предшествовавшихъ своихъ отчетахъ г. попечитель заявлялъ полное сочувствіе мѣстного населенія къ дѣлу образованія и посыпалъ содѣйствіе къ тому до сего времени являлись преимущественно на Сѣверномъ Кавказѣ, въ средѣ чисто русской. Такъ и въ обозрѣваемомъ годѣ по случаю перевода Лабинской горной школы изъ Лабинскаго уѣзда въ городъ Майкопъ, граждане этого нового города не только оказали перемѣщеному къ нимъ училищу самый радушный пріемъ, но городское общество пріобрѣло для помѣщенія школы просторный и удобный во всѣхъ отношеніяхъ домъ, употребивъ на то 6.000 руб. а для находящагося при школѣ пансиона нанимаетъ отъ себѣ собственную квартиру, платя за нее 400 руб. въ годъ. Кроме этихъ, столь значительныхъ для небольшаго города, пожертвованій, граждане Чеченона заявили желаніе давать на учебныя нужды школы изъ городскихъ суммъ каждогодно по 200 руб. Городской голова гор. Пятигорска и заявленіе г. попечителя, что, на основаніи нового устава гимназіи и приготовительный классъ Пятигорской Прогимназіи не будутъ бояться приниматься безграмотныя дѣти и что городу необходимо обратиться къ устройствомъ начального училища, — отозвался весьма сопротивительно и предложилъ вопросъ объ этомъ на обсужденіе общества, которое составило приговоръ объ ассигнованіи изъ городскихъ средствъ суммы, необходимой на содержаніе такового училища. Въ истекшемъ году сознаніе нравственной обязанности гражданъ заботиться о образованіи своего юношества проявилось и за Кавказомъ. Вышеупомянутое о значительныхъ единовременномъ и каждогоднемъ пожертвованіяхъ Бакинского общества на учрежденіе въ немъ начальнаго двухкласснаго училища съ стипендіями для желающихъ обучатъ ремесламъ, которое и открыто въ концѣ обозрѣваемаго года. Затѣмъ пожертвовали на учебное дѣло: попечитель Темрюкскаго уѣзднаго училища Верхоглядовъ мебелью и вещами на 344 руб., Анапскій врачъ Лилле на учебный пособія для мѣстнаго училища 60 руб. и почетный смотритель Кубинскаго училища Ага-Джеватъ Махмедь-Бекъ, привезшій въ даръ училищу карту Россіи; 66 книгъ для библіотеки и 30 руб.

за право учения въ сколькихъ бѣдныхъ дѣтей, и въ поискъ для нихъ тоже
стѣвалъ отъ себя теплѣе платья. Видѣе упомянутаго одонтолога Шутовскаго,
въ день акта Бакинской линназіи, въ знакъ признательности за по-
лученное въ иной сиюмъ образованіе, присвоилъ ей имена: дары: свою
имничательную библіотеку. Наконецъ г. цокечигеи упоминается ю спро-
шомъ пожертвованіи одного изъ учащихся, въ отдѣлкназіи курсу-
маніза: сумершій, въ сожалѣніи, ученикъ си Османъ Гамзъ-Манеъ
принесъ ей въ даръ 6 книгъ.¹⁶

Открытый 20-го ноября 1870 года, при управлении Кавказскаго
учебного округа экзаменаціонный, состоять въ прошломъ году, про-
живъ испытание 11-ти лѣнъ обоего пола, изъ всѣхъ 8 удачниковъ
имъ свидѣтельствъ на учебныя должности, именно: на званіе учителей
немецкаго языка при гимназіяхъ—2, на званіе домашнаго учителя
тѣла того же предмета—1, на званіе домашнаго учителяницъ по русо-
скому языку—2, по ариѳметикѣ—3, а изъ державныхъ экзаменъ на
званіе учителей уѣзжихъ училищъ до предметамъ: ариѳметикѣ 2 и
татарскаго языка 1, получили неудовлетворительные познанія, и по
тому не получили исключительныхъ правъ.

Кромѣ обычныхъ занятій состоящаго при попечителѣ губернаторско-
государственнаго союза, послѣднему въ минувшемъ году предстояли важный
трудъ пересметра положенія обѣ учебной части на Кавказѣ и за
Кавказомъ и измѣненія его, привѣтствованіе къ выработаніи утвержденіи
вому 30-го июля 1871 года уставу гимназій и прогимназій въ импера-
торіи. Для дать ярочную основу этому, важному дѣлу, г. попечителѣ
нашель необходимымъ выслушать мнѣніе всѣхъ главныхъ представи-
телей учебнаго вѣдомства въ краѣ, и съ разрѣшеніемъ Великаго Князя
Намѣстника, созваны были въ началѣ декабря прошлаго года всѣ
директоры гимназій и учительскихъ семинарій, инспекторы прогим-
назій и народныхъ училищъ въ Тифлісѣ. По съѣздѣ ихъ, въ попе-
чительскомъ совѣтѣ, съ участіемъ депутата отъ военнаго вѣдомства,
генераль-маиора Павлова, приступлено было къ обсужденію проекта
новаго положенія обѣ учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ, на
что употреблено было 27 засѣданій, не считая отдѣльныхъ комиссій
для обсужденія и разработки нѣкоторыхъ вопросовъ въ частности.
Засѣданія съѣзда окончились 6-го февраля текущаго года и проектъ
новаго положенія и штатовъ къ нему, по окончательной редакціи,
внесенъ г. попечителемъ 27-го марта, съ пояснительной къ нему
запискою въ совѣтъ главнаго управления, коимъ уже и разсмотрѣнъ.
Великій Князь Намѣстникъ, изъявленіемъ своей благодарности, ока-

зять членовъеъ виновніеъ въ особыхъ трудахъ въ этомъ дѣлѣ ислѣдора института Гогберидзе, инспектора Эриванской прогимназии и инспектора женской Ея Высочества Великой Княгини Ольги Феодоровны гимназии Моджалишаго. Всѣ члены совета были глубоко проницнуты важностию предстоявшей имъ задачи и отнеслись къ рѣшению съ тѣмъ добросовѣстностью, которая, по тщательному изученію предлагаемыхъ вопросовъ, стремится къ стьмъ интересы согласовать съ интересами общими, и въ благѣ общемъ, государственному находить удовлетвореніе и частными нуждамъ и стремленіямъ.

Видимое края обращено теперь преимущественно на проектъ нового полороссія обѣ учбной въ немъ части, потому что всѣ сословія, болѣе или менѣе сознательно, видятъ въ школѣ залогъ лучшаго будущаго для своего молодаго поколѣнія. Это настроеніе выразилось отчуди и во всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ, поданныхъ Государю Императору во время пребыванія Его Величества на Кавказѣ въ сентябрѣ текущего прошлаго года. То милостивое участіе, которое Великий Князь Намѣстникъ постоянно принимаетъ въ важномъ дѣлѣ народного образования, позволяетъ надѣяться, что, наконецъ, благо просвещенія, досѣть доступное только для высшихъ классовъ и городскихъ жителей Закавказья, сдѣлается въ иныхъ степеніи достизимымъ и для сельскихъ его обитателей. Проектъ нового полороссія начнется и въ Закавказской краѣ общему народному образованію, которое однѣ въ состояніи расширить умственный кругозоръ тавинскихъ населеній и дать государству и обществу вполнѣ полезныхъ дѣтелей:

О ПРАЗДНОВАНИИ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЯХЪ ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНОГО ОКРУГА ДНЯ ДВУХСОТЪЛЪТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ РОЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, 30-го МАЯ 1872 ГОДА.

По распоряжению министерства народного просвещения и начальства Виленского учебного округа во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ этого округа былъ отпразднованъ торжественный, знаменательный для нашего отечества день двухсотълѣтней годовщины рождения императора Петра Великаго, 30-го мая сего года.

Учащимъ своевременно было объявлено, что назначенный на этотъ день классныя занятія и экзамены отмѣнены. Предъ празднованіемъ, большею частию 28-го мая, и въ самъ день праздника, 30-го мая, до божественной литургіи, начальниками учебныхъ заведеній, и частію, преподавателями, учащимся было уяснено значеніе этого торжества, какъ воспоминанія о великомъ преобразователѣ Россіи, при чмъ имъ были сообщены и оживлены въ ихъ сознаніи соединенные съ этимъ воспоминаніемъ свѣдѣнія объ умственномъ, промышленномъ и политическомъ состояніи Россіи до Петра Великаго, сравнительно съ сосѣдними западно-европейскими державами; о царствованіи, великихъ трудахъ, преобразованіяхъ и заслугахъ Петра, возвысившихъ наше отечество во всѣхъ отношеніяхъ и давшихъ историческое начало великимъ реформамъ иностраннаго царствованія; о жизни великаго отца отечества, служащей примѣромъ доблестей для каждого русскаго человѣка, съ ближайшимъ примѣненіемъ этого царственного примѣра въ особенности къ учащимся.

Изъ доставленныхъ объяснений торжества 30-го мая сего года, сказанныхъ воспитанникамъ учебныхъ заведеній Виленского учебного округа, мы имѣемъ возможность привести здѣсь одно, сказанное воспитанникомъ Мозырской гимназіи (Минской губерніи) директоромъ ея М. М. Изюмовскимъ, отличающееся приспособленностью языка къ пониманію учащихся дѣтей и теплотою чувства. Вотъ это объясненіе:

«Настоящимъ торжествомъ мы чтимъ память одного изъ величайшихъ людей, приснопамятнаго монарха, Петра Великаго, царя, а потому и первого императора Русскаго. Ровно двѣстѣ лѣтъ тому назадъ явился онъ на свѣтъ около Москвы, живъ пятьдесятъ-два года и восемь мѣсяцей, а царствовалъ тридцать-шесть лѣтъ.»

«Молодые люди, оканчивающіе курсъ или приготовляющіе къ его окончанію, безъ сомнѣнія, знаютъ исторію этого незабвеннаго нашего государя. Да и всѣ юноши, учащіеся въ гимназіи, конечно, слышали и читали, что-нибудь о Петре Великомъ изъ всего того, что о немъ есть въ русской литературѣ.»

«Человѣко, чтобы всѣ вы юноши и дѣти, надлежащимъ образомъ понимъ, чѣмъ настоящіе вѣще торжество, и за чѣмъ вся Россія, всѣ истинно Русскіе люди, всѣ, кому дорого отечество русскіе, его слава, его счастье, празднуютъ нынѣ день рождения Петра Великаго?»

«Да, дѣйствительно есть за чѣмъ помнить и вспоминать Петра Великаго. Его знаютъ не только Русскіе, его знаютъ и всѣ образованнѣе люди, знаетъ вся Европа. Жизнь и дѣяния его описаны, со всѣми мельчайшими подробностями,ющими въ прошедшемъ столѣтіи многими русскими писателями. Нѣкѣ биографія Петра Великаго, послѣ изрѣзанія нашаго писателя истории Россіи, Устрілова, послужившая предметомъ огромнаго сочиненія въ шесть томовъ, составляетъ предметъ самыхъ тщательныхъ изысканий и безпредстрастныхъ изслѣдований, касательно возврѣній на его жизнь, дѣятельность и характеръ.»

«Всеми и неумѣтѣмыми дѣяніями Петра Великаго, первого императора Россіи, отъ Петербургскаго остыня Петра I, послѣ смерти отца своего, благочестивѣшаго государя, цара и великаго князя, всея Руси, Алексѣя Михайловича. Дедата лѣтъ онъ названъ былъ государемъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, царемъ и великимъ княземъ Иоанномъ Алексѣевичемъ. Семнадцати лѣтъ вступила онъ въ управление государствомъ одинъ, постѣ страшнаго взрыва бездѣльной и нѣжилостной чоловѣка и его родныхъ; вѣда по стоявшему ему жизни. И съ этою временною уже успѣхъ подважилъся; со многими тѣмъ, что было до того времени дѣлѣстро. Русскими только по вадашки. Уже и въ то время увидѣли всѣ, что они будутъ имѣть государя необыкновеннаго, созданнаго для кидучей жизни и самой разнообразной дѣятельности.»

«Почти никто его не воспитывалъ; онъ воспиталъ самъ себѣ. Охаренный отъ прѣрѣдъ и разбитый самимъ необыкновеннымъ образомъ, могучий духъ и крѣпкій тѣло, онъ искалъ дѣятельности не въ спокойствіяхъ и теремахъ Москіиныхъ, подобно-своемъ предшественникамъ, а обнаруживъ ее вездѣ, и на суши и на водѣ, свачала на озерѣ въ Переяславѣ, потомъ на Бѣломъ морѣ, и уже осуществляла мысль о русскомъ флотѣ.»

«Зачатки арміи такой, какої до него не было, и притомъ не изъ иностранцевъ, а изъ Русскихъ, уже были имъ положены. Прежде, чѣмъ то время, когда онъ отрекомъ отъ царя иъ солдатами быстро перешелъ къ созданию двухъ полковъ: Преображенскаго и Семеновскаго, имена которыхъ и, нѣкѣ, стоять первыми въ спискѣ подковъ нашей гвардіи. 23-го лѣта онъ уже ведѣлъ войска къ Азову, строить въ Воронежѣ верфь и корабли и завоевывалъ у Туровъ крѣпость. Чрезъ два года онъ ѿдѣть за-границу — въ Голландію, землю, известную тогда кораблями, промышленностью и всевѣтною торговлею, потому

въ Англію, и сем'я все осматриваетъ; начиная отъ одеянь, наружного вида и обычаетъ заграницъныхъ людей до мельчайшихъ подробностейъ въ ихъ домашней, и общественной жизни; самъ съ топоромъ въ рукахъ, работаетъ на верфи; самъ работаетъ въ кузницѣ, и все это дѣлаетъ, чтобы дать примеръ своимъ подданнымъ; наль нужно трудиться...»

«Нельзя не остановиться на этомъ фактѣ вѣжколько поденки. До Петра I-го болѣре и знатные люди воспитывались не такъ, какъ нынѣ. Они не привыкли къ труду, не говорю уже къ земедѣльческому, но и ни къ какому. Воспитывались они въ теремахъ у матерей; жилили ихъ еще въ отроческіи возрасты, и въ самую лучшую пору возмужалости русскій бояринъ долженъ былъ сдѣлаться степеннымъ, важнымъ, неповерхливымъ; представить себѣ, чтобы знатный человѣкъ того времени сталъ заниматься изъ мастерской или въ кузницѣ, было также не возможно, какъ если бы мы хотѣли представить трупъ мертваго человека благающимъ.. Намеренорѣ всѣть этимъ юношамъ, на удивленіе даже иностранцамъ, Голландцамъ, у которыхъ Петру Великій жилъ и работалъ, онъ самъ, своими руками, тесалъ топоромъ, ковалъ молотомъ. Онъ, очевидно, нарушалъ народные обычай, и не дешево стоило ему это нарушение: пошли розы даже въ его семействѣ, въ его приближеніяхъ, въ его поклонникахъ. Одни явно, другіе хайно изъявляли свои нѣудовольствіи, свою ширбу, свою месть за такое цареніе русскихъ обичаевъ государемъ. Какъ только вернулся онъ въ Россію изъ-за границы вынужденъ былъ безпрекословнаго покинувши въ перенѣмъ во всемъ, чтъ касалось жизни семейной и общественной, въ кругу приближенныхъ, даже въ семье его возстали на него, и единственный его сынъ уменьшить былъ врагомъ него и стать врагомъ его.

«Но Петру Великому мало было дѣла до всего, кроме блага и счастія Россіи; о жалѣнію видо же должно было склониться всѣ преподи. Онъ уничтожилъ многие зредные обыкн., какъ-то: вытворничество женщинъ, продажу людей крѣпостныхъ и т. д.

«Въ 1700 году онъ началъ борьбу и съ вѣшними врагами.

«На сѣверѣ Швеція, на западѣ Польши, на югѣ Турціи зорко сдѣлили за каждымъ шагомъ нового государя и искали случая отомстить Русскимъ за прошлое и не дать возможности увеличиться и усилиться новому государству; этой тетрасъ исходище, открытой для Европы, равно великии государемъ, какъ и мореплавателемъ въ послѣствіи. Но Петръ предупредилъ ихъ. Онъ самъ объявилъ войну Швеціи, тогда первоклассной державѣ, гордой еще своимъ участіемъ въ Тридцатилѣтней войнѣ и уважаемой вою Европою.

«Легко сказать: въ тогдашнее время, съ тогдашними средствами объивать войну. Надобно было войско, надо было имѣть деньги. Но Петръ Великий не учился: у него были уже и войско, и флотъ. Не были они лучше шведскихъ, но уже были два хороши обучения полка: Преображенскій и Семеновскій, и 80 тысячъ войска, устроенного по европейски, съ которыми онъ и началъ быть враговъ и брать у нихъ уроки изъ ратионъ дѣлъ, какъ они говорятъ. 22 года воевалъ Петръ Великий съ Карломъ XII. Военное счастіе было и на той, и на другой сторонѣ. Нищо не устояло бы противъ ладыхъ: наудать, какъ великому государю приходилось испытывать; но Петра ничто не потѣло поколебать.

«Онъ замѣдовываетъ король при устьѣ Невы, еще не отнятомъ у непріятеля.

совершенно, но уже предопределено быть окончъ въ Европу. Онъ не умѣло слѣдить за Карломъ и наконецъ, 27-го июня 1709 года, уничтожаетъ его при Полтавѣ. Онъ заключаетъ союза съ другими государствами, употреблять всѣ усилия и доводить враговъ своихъ до того, что они вынуждены уступить ему Балтийское прибрежье, гдѣ заложенъ С.-Петербургъ, нынѣшия столица всей Россіи и резиденція Государя Императора. Кто могъ бы подумать, что на толѣ изѣтѣ, гдѣ было болото, возвысится такой дивный городъ, одинъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ и одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Европѣ? Петръ со-зидаетъ флотъ уже настоющій, не рѣчной, а тѣтъ флотъ, который преобразованъ существуетъ и донынѣ. Онъ командуетъ солидный флотъ, несколько разъ разбиваетъ Шведовъ на морѣ, щѣдетъ сѣть за границу, устраиваетъ чары новые союзы и заставляетъ Европу преклоняться предъ своимъ могучимъ гениемъ.

«Никто не аналъ Россіи до Петра Великаго. Только изъ-за него-нибудь особенные случаи заставили иностранныхъ пословъ прѣѣхать въ Москву, и тѣхъ каждый разъ выѣзжали отъ насъ со любой и неблагодарностию, съ упреками какъ правительству, такъ и народу, въ нравствѣ и дѣясти, да иностранные гости-купцы, по свойствѣ дѣланія, жили въ нѣкоторыхъ городахъ, и то совершенно отдельно, совершенно не сообщались съ Россіями; а съ Петромъ Великимъ заведены прасильные сношения съ Европою. Туда посыпались иностранные посланники; туда посыпались молодые люди учиться, и возвращаться въ отечество, были встречаемы государемъ съ особымъ почетомъ. Это были единственные случаи, когда Петръ Великий надѣялся всѣ ордена, одѣвался въ лучшее платье и выѣзжалъ за городъ въ встрѣчу первымъ русскимъ Европейцамъ.

«Въ европейской политикѣ слово русскаго государя сдѣлалось вдругъ сильнымъ до того, что иногда слово Петрова посланника рѣшало европейское дѣло. Такъ, мы не можемъ здѣсь пройти молчаниемъ тога обстоятельства, что Петръ Великий первый, посредствомъ своихъ посланниковъ, началъ ходатайствовать у помѣшнихъ королей за правоиздавшихъ жителей здѣшняго края и тѣмъ облегчать участъ несчастныхъ, и вѣдущихъ между прочими, житей русскаго происхожденія, не хотѣвшихъ принять укю. И въ очень недавнее время много терзали они вѣдѣсь; чтѣ же сказать о тѣхъ временахъ, когда за нихъ никто не заступался?

«Двадцать-два года, какъ я сказала, война со Шведами продолжалась. Ни днемъ, ни ночью Петру Великому не имѣть покоя, иѣсколько разъ былъ боленъ и даже чуть не умеръ въ 1706 году отъ неутомимой своей дѣятельности; на его же время онъ строилъ Петербургъ, издавалъ газеты, заводилъ школы, устраивалъ фабрики и заводы, учреждалъ сенатъ, св. синодъ и пр. дѣл., поистинѣ изумилъ всѣхъ своимъ неутомимою и разнообразнейшою дѣятельностью.

Изъ этого уже самаго краснаго обеера легко можно видѣть, чѣдъ такое Петра Великаго, и чѣдъ онъ едѣлъ для Россіи. Но и это еще не все.

Да Петра Великаго бывало не Россія, а Русь, или, какъ называли иностранцы, Москвитія, Московія, Московское государство. Правда, что и это было государство: бывало государь, бояре, духовенство, народъ, законы; но государство это было замкнутное: почти никто, какъ я сказала, его не посѣщалъ. Промышленности

не было; фабрикъ и заводовъ тоже не было; золото, серебро, сурко и другие предметы, необходимые въ жизни людей образованнѣй, привезлись иностранными, которые имѣли свои конторы только въ некоторыхъ городахъ и брали за все товары киеворѣбрь по тогдашнему цѣлу. Русскіе жили въ тѣсныхъ домахъ, которые продавались на рынкѣ; даже и въ Москвѣ; строенія были все деревянныя, а каменные очень рѣдки. Народъ стоналъ отъ неустройства отъ бѣдности, отъ чиновниковъ, отъ тягостей или бѣжалъ въ степи и за Уральскія горы, былъ грубъ, зараженъ суевѣріемъ и предразсудкамиъ, слѣдилъ держался обычаевъ, и если находилъ утѣшеніе, то разѣ въ своей православной вѣрѣ и въ своихъ сѣятыхъ храмахъ. Своего онъ ничего не имѣлъ, и наслаждалась жизнью только богатые бояре да богатое духовенство. Владычество Татаръ оставило во всѣхъ обычаяхъ и нравахъ свои ужасные следы, и жизнь семейная, съ затворницами женщинами, съ воспитаніемъ безъ всякаго научнаго образования, служила для иностранцевъ богатую темою во многомъ справедливыхъ насмѣшекъ и упрековъ въварварствѣ и дикости. Жизни общественной совсѣмъ не было; школъ тоже. Наукъ Русскіе не знали почти никакихъ. Вотъ сколько дѣла предстояло молодому преобразователю! И все это начинать исправлять онъ, и конечно, исправилъ бы, если бы Богъ продлилъ его жизнъ. Даѣте, онъ заставилъ, такъ-сказать, Европу узнать Россію и дать ей хѣсто въ своей средѣ, и Россія пытѣсть одно изъ сильнейшихъ государствъ въ свѣтѣ. Кто же положилъ начало этому, если не Петръ Великій? Онъ привилъ и насадилъ въ Россіи науки. Онъ создалъ войско и флотъ. Кто не обижалъ Московское государство? Всѣ, кроме отдаленныхъ отъ насы народовъ! Войско было до Петра очень плохо: ни строя не знало, ни дисциплины, ни оружія не имѣло. Не трудно было обижать Русскихъ. Петръ съ величайшими трудами создалъ войско; съ нимъ онъ прорубилъ окно въ Европу и у этого самаго окна выстроилъ крѣпость, а эту послѣднюю защитилъ флотомъ. А щутка ли создать флотъ? Корабль построить не такъ легко и пытѣсть, когда уже есть всѣ средства и знанія, безъ которыхъ, конечно, ничего не сдѣлаешь; а что же тогда? По неволѣ самъ онъ рубилъ и тесалъ тономорть, въ 5 часовъ утра ежедневно бывалъ въ адмиралтействѣ и лазилъ на мачты. Однажды словомъ, какъ посмотрѣши поглубже и пристальнѣе на этого исполнина, полуобога, какъ называли бы его въ древненѣ мірѣ, то невольно повториць слова Ломоносова: кажется, что ве кратковременная жизнь, нѣть, тысяча лѣтъ нужна была для того, чтобы совершить то, что сдѣлалъ Петръ Великій. Довольно уже того, что предначертанія Петровы до сихъ поръ приводятся въ исполненіе, и если бы не обстоятельства, уже послѣ него случившіяся, и если бы продолжалось неуклонно все, чтѣ гений его предвидѣть въ самой отдаленной будущности, то мы не отстали бы ви отъ одного изъ европейскихъ государствъ ви на какомъ поприщѣ. Напрасно думаютъ и говорять, будто Петръ Великій уничтожилъ народность, будто онъ не любилъ Россію. Передъ Полтавской битвой онъ сказалъ въ своемъ приказѣ къ войску: «а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славѣ и благоустройствѣ», и доказалъ это въ той же самой битвѣ.

«Вѣчная память тебѣ, нашъ великий государь! Вѣчная память тебѣ, нашъ великий преобразователь! Вѣчная память тебѣ, отецъ отечества и первый нашъ императоръ, давшій цѣлому народу новую жизнь, славу и счастіе! Если ты

самъ работать, въ полномъ смыслѣ слова безъ устали, если твои царственные руки знали молова дротаго человѣка, то какъ же должны бы были бы работать твои подданные, которыхъ ты училъ трудиться для блага не личного, а для блага общаго, для счастія свраго отечества!..

«Но мысль моя невольно переходить отъ твоихъ дѣлъ, отъ твоихъ великихъ преобразованій, читаемыхъ нами на страницахъ исторіи, къ тѣмъ, не менее великихъ, преобразованій, которыхъ совершились на нашихъ глазахъ и о которыхъ мы не только читаемъ, но благоговѣальное видимъ которыхъ мы опущаемъ въ нашеѣ жизни. Отъ великаго преобразователя, родившагося двѣстѣ лѣтъ тому назадъ въ нынѣшний день, я не могу не обратиться мысленно, съ любовью и упованіемъ, къ настоящему Преобразователю, Государю Императору Александру Николаевичу. Второму Великому Петру не удалось сдѣлать того, чтѣдъ Государь-Освободитель двадцати миллионовъ. Или Великаго нашего Цара-Освободителя записано въ сердцахъ русскаго народа, и не черезъ двѣстѣ лѣтъ, а каждый тодѣ, стоятъ и тысячулетія будетъ оно повторяться Русскимъ и всѣмъ тѣмъ народамъ, которые цѣнить счастіе и благо человѣчества, съ твою же любовью и упованіемъ, съ которыми мы теперь повторяемъ: югия и многія лѣта Государю Императору Александру Николаевичу! Боже, Царя храни!»

Кромѣ рѣчей, подобныхъ приведенному выше объясненію г. Мозырского директора училищъ, и устныхъ бесѣдъ такого же содержанія, учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа были ознакомлены съ значеніемъ торжества 30-го мая сего года и съ чертами характера преобразователя Россіи, Петра Великаго, посредствомъ чтенія печатныхъ статей, каковы напримѣръ: „Петръ I“ и „День Петра Великаго“ Корниловича, „Петръ Великій“ (по книгѣ для чтенія, изданной Виленскимъ учебнымъ округомъ), „Царь-богатырь Петръ Великій“, біографическій очеркъ Новаковской. Эти рѣчи, бесѣды и чтенія, въ день праздника, предъ божественною литургіей, начавшись пѣніемъ частію церковныхъ пѣсней: „Днесъ благодать Святаго Духа насть собра“ и „Царю небесный“, частію гимна: „Коль славенъ нацъ Господъ въ Сионѣ“, происходили среди возможной торжественной обстановки, при полномъ собраніи учащихся, при убраныхъ цѣѣтами и зеленою портретахъ воспоминаемаго императора, — которые въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ, въ гимназіяхъ Могилевской и Динабургской, были нарочно приготовлены ко дню этого торжества тамошними учителями рисования, — и въ присутствіи всепо состава служащихъ въ полной парадной формѣ, и окончились пѣніемъ народнаго гимна.

Затѣмъ начальствующіе, учащіе и учащіеся присутствовали при заупокойной литії о Петре I, и при божественной литургіи, крестномъ ходѣ и молебствіи о здравіи Государа Императора и всего цар-

стущаго дѣла и о пропагандахъ прославленіиокъ и воинственнаго, Россійскаго государства. Во время богослуженій пѣли «хоры вослі» таціи изъ учебныхъ заведеній. Ученики римско-католическаго исповѣдій смирили катаргію въ костелахъ, а, при общихъ молебствіяхъ, присутствовали вѣтствъ съ учениками православнаго исповѣданія, католики еврейскихъ школъ молились въ своихъ молитвенныхъ домахъ и проч.

Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ округа это торжество означалось и оставило по себѣ прочную память вещественными приобрѣтеніями и пожертвованіями, сдѣланными на пользу образования учащагося юношества. Такъ, для закрѣпленія въ памяти учащихся дѣтей великихъ подвиговъ преобразователя, Гродненскою дирекціей народныхъ училищъ предложено пріобрѣсть для училищъ, по возможности, его портреты и тѣ изъ сочиненій о его дѣятельности, которыхъ вызваны будуть настоящимъ празднествомъ и могутъ имѣть полезное примѣненіе для народныхъ школъ, съ цѣлью возбудить въ дѣтяхъ любовь къ труду и просвѣщенію. Въ пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ по случаю и въ память этого торжества, принимали сочувственное посильное участіе и служащіе въ учебныхъ заведеніяхъ округа, и постороннія лица. Служащіе въ г. Шавляхъ, въ память двухсотлѣтней годовщины рожденія Петра Великаго, открыли подписку, по каковой и собрано уже 215 руб., на образование стипендіи при Шавельской гимназіи для одного изъ учениковъ ея, отличающагося хорошимъ поведеніемъ и успѣхами, и преимущественно изъ православныхъ поселенцевъ края. Динабургское общество, въ память той же годовщины, также открыло подписку въ пользу училища, содѣржимаго мѣстнымъ благотворительнымъ обществомъ. Учитель Слуцкой гимназіи, г. Н. Протопоповъ, въ память той же двухсотлѣтней годовщины рожденія Петра Великаго, пожертвовалъ тридцать рублей на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій бѣднымъ воспитанникамъ сказанной гимназіи. Почтодержатель Янишской почтовой станціи, Шавельскаго уѣзда Ковенской губерніи, г. Шлапоберскій, въ память той же годовщины, пожертвовалъ двадцать пять рублей на выписку книгъ для Янишского народнаго училища.

Вечеръ этого дня успѣшишіе ученики нѣкоторыхъ гимназій провели частію въ семейныхъ кружкахъ у своихъ начальниковъ и наставниковъ, по ихъ приглашенію; вообще же почти всюду учащіеся, при хорошей погодѣ, провели этотъ вечеръ въ нарочно устроенныхъ для нихъ гуляньяхъ на дворахъ учебныхъ заведеній или, въ

сопровождении служащихъ, участвовали въ гуляньяхъ общественныхъ, сопровождавшихся музыкой, народными пѣсами, а въ иныхъ мѣстахъ, и фейерверками. Зданія учебныхъ заведеній, въ этотъ вечеръ, были украшены иллюминациями и украшениями Царя Великаго и дарствующаго Государя Императора.

ИЗВѢСТИЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВѢДЕНИЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состоянии и дѣятельности Новороссійскаго университета въ 1871 году: состояніе дѣлчаго состава преподавателей; перечень вакантныхъ каѳедръ, распределеніе ихъ между наличными преподавателями и мѣры къ замѣщенію; темы для снисканія наградъ медалью; изданныя отъ имени университета сочиненій; научные труды преподавателей; чтеніе публичныхъ лекцій; конференціи и ученыя статьи; засѣданія совета; бюджетъ университета; складка обѣ ученыхъ; состояніе учебно-воспитательныхъ учрежденій. — Распределеніе курсовъ на общіе, въ специальныя, рѣ историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета.

Продолжаемъ обзоръ состоянія и дѣятельности нашихъ университетовъ въ 1871 году и обратимся къ отчету Новороссійскаго университета.

Новороссійский университетъ состоитъ изъ трёхъ факультетовъ: историко-филологического, физико-математического и юридическаго; изъ нихъ историко-филологический факультетъ раздѣляется на три отдѣленія: классической филологии, русско-славянской филологии и историческихъ наукъ, а физико-математический факультетъ — также на три отдѣленія: физико-математическихъ наукъ, естественныхъ наукъ и техническихъ наукъ и агрономіи. По временному штату Новороссійскаго университета, въ 1871 году дѣйствовавшему, положено было: 1 профессоръ православнаго богословія, 28 ординарныхъ профессоровъ, 16 экстраординарныхъ, 10 доцентовъ, 4 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ и 4 лаборанта; а по постоянному штату полагается: 1 профессоръ православнаго богословія, 28 ординарныхъ профессоровъ, 18 экстраординарныхъ, 16 доцентовъ, 4 лектора и 4 лаборанта. Наличныхъ штатныхъ преподавателей, отѣждано по факультетамъ, въ 1-му января 1872 года было: по историко-филологическому факультету: 6 ординарныхъ профессоровъ, изъ нихъ 1 исправившей должность; 2 завте-

ординарныхъ, изъ нихъ 1 исправляющей должности; 4 доцента, изъ нихъ 3 исправляющихъ должности; по физико-математическому: 8 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарныхъ, 5 доцентовъ, изъ нихъ 3 исправляющихъ должности, и 6 лаборантовъ; по юридическому: 7 ординарныхъ профессоровъ, 1 исправляющей должность экстраординарного профессора и 2 доцента. Кроме того, въ университѣтѣ состоять: 1 профессоръ православнаго богословія и 3 лектора новѣйшихъ иностраннѣхъ языковъ. Такимъ образомъ, общее число научныхъ штатныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ къ 1-му января 1872 года было слѣдующее: 21 ординарный профессоръ, включая сюда профессора православнаго богословія, 5 экстраординарныхъ, 11 доцентовъ, 3 лектора и 5 лаборантокъ. Сверхъ того, на историко-филологическомъ факультетѣ одно лицо, въ качествѣ стороннаго преподавателя, читаетъ лекціи по всеобщей исторіи, съ вознагражденіемъ въ размѣрѣ содержания экстраординарного профессора, и при физико-математическомъ факультетѣ состоить одинъ приват-доцентъ — по зоологии. Такимъ образомъ, по сравненію съ временнымъ штатомъ Новороссійскаго университета въ немъ недоставало 2 ординарныхъ профессоровъ, 5 экстраординарныхъ и 1 лектора, а доцентовъ и лаборантовъ было болѣе по 1; по сравненію же съ постояннымъ штатомъ недоставало по 8 профессоровъ, ординарныхъ и экстраординарныхъ, 5 доцентовъ и 1 лектора, и 1 лаборантъ, было болѣе противъ штата. Итого недоставало 8 преподавателей по временному штату и 22 по постороннему.

Основаніе незамѣнными слѣдующія каѳедры: въ историко-филологическомъ факультетѣ — исторіи всеобщей литературы, въ физико-математическомъ — физической географіи и технической химії, въ юридическомъ — приватнаго права, международнаго права и гражданскаго судоустройства и судебнаго производства; каѳедра тѣхнической химії замѣтилъ 13-го сіября 1869 года, а каѳедра гражданскаго судоустройства и судебнаго производства — съ 16-го марта 1870 года; съ прочими — со времени открытия Новороссійскаго университета, то-есть, съ 1-го мая 1865 года.

Занятія факультетовъ заключались въ недоступующемъ:

Историко-филологический факультетъ имѣлъ 22 лекціи; физико-математический 20, въ томъ числѣ 5 публичныхъ; юридический 20; изъ нихъ 2 публичныхъ. Въ распределеніи предметовъ и нормъ преподаванія факультеты руководствовались прежними правилами, остававшимися на сідѣ и въ течение 1871 года. Тѣ же перемѣны, которыхъ вынуждены были подвергнуться въ дальнѣйшемъ, ходомъ дѣла, состояли въ слѣдующемъ:

юридический факультетъ, находя полезнымъ для студентовъ, при изучении судоустройства и судопроизводства, ближайшее ознакомление съ практической стороны этого предмета; возложилъ преподаваніе практическаго судоустройства и судопроизводства, съ разрѣшеніемъ совѣта, на профессора уголовнаго права *Будановскаго*. Точно также преподаваніе по остававшимся не замѣщеннымъ каѳедрамъ было распределено, на сколько представлялось возможнымъ, между наличными преподавателями другихъ предметовъ. Такъ, въ физико-математическомъ факультетѣ, преподаваніе физической географіи было поручено ординарному профессору физики *Шведову*, технической химіи—экстраординарному профессору химіи *Верно*, минералогіи—доценту по каѳедрѣ геологіи и палеонтологіи *Синцову*; въ юридическомъ факультетѣ чтеніе лекцій по римскому праву возложено было на ординарного профессора гражданскаго права *Кунинина*, а международнаго права—на исправляющаго должностъ экстраординарного профессора энциклопедіи права *Власьеву*. Пріостановленное, по случаю заграничной командировки доцента *Приары*, преподаваніе государственного права, съ возвращеніемъ г. *Приары*, вновь открыто съ начала 1871/72 учебнаго года; точно также, съ того же времени вновь открыто преподаваніе на историко-филологическомъ факультетѣ теоріи и исторіи искусства возвращившимся изъ командировки исправляющимъ должностъ доцента *Кондаковыи*.

Мѣрами въ замѣщенію вакантныхъ каѳедръ служили, какъ и прежде: впервыхъ, непосредственныя сношенія съ учеными, могущими заплыть ту или другую каѳедру, и во вторыхъ, оставленіе при университѣтѣ и командированіе за границу для приготовленія къ профессорскому званію способныхъ молодыхъ людей. Первымъ путемъ историко-филологический факультетъ приобрѣлъ экстраординарного профессора по каѳедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, доктора *В. Яича*, и исправляющаго должностъ доцента по каѳедрѣ славянской филологии, кандидата *Кочубѣмека*; физико-математический факультетъ — ординарнаго профессора ботаники, доктора *Вильца*, доцента по каѳедрѣ геологии и палеонтологіи, магистра *Синцова*, исправляющаго должностъ доцента по каѳедрѣ физики, магистра *Умова*, также пригласиль бытшихъ профессоровъ Казанскаго университета, докторовъ *Моркоевикова* и *Голокитійскаго* ординарными профессорами, первого по каѳедрѣ химіи, втораго минералогіи.

Съ цѣлью усиленія учебной дѣятельности студентовъ, всѣ про-

фессоры историко-филологического факультета во время чтения лекций не упускали удобныхъ случаевъ къ обращению вниманія студентовъ изъ той или другой выдающейся венрою науки, и при этомъ указывали и рекомендовали сочиненія, которыя могли бы способствовать болѣе основательному ознакомленію студентовъ съ литературой предмета. Кроме того, по каѳедрѣ славянской филологии у профессора Гумилоровича, всеобщей истории у профессора Бруниора, латинскаго языка у профессора Неструича, вѣмѣцкаго языка у лектора Токорева и по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ у исправляющаго должность доцента Кондакова были назначены особые часы для практическіхъ занятій. Результатами этихъ занятій по всеобщей истории было большее ознакомленіе студентовъ съ литературою предмета, самостоятельный выборъ съ ихъ стороны предмета для специальныхъ изслѣдований и болѣе ясное и точное знакомство съ приемами или методомъ учёного труда. Практическія занятія по каѳедрѣ славянской филологии имѣли въ виду для одного разряда слушателей упражненіе въ языкахъ и способствовали ознакомленію студентовъ III и IV курса съ главными славянскими нарѣчіями; занятія съ другимъ разрядомъ слушателей были сосредоточены на знакомствѣ съ историческими сочиненіями съ цѣлью посредствомъ чтенія памятниковъ позѣрѣть членія о древностяхъ славянскихъ. Практическія занятія по предмету исторіи искусствъ способствовали наглядному знакомству слушателей съ памятниками греческаго искусства древнейшей эпохи и первой греческой архитектуры. Въ общемъ благопріятные результаты всѣхъ этихъ мѣръ оказались и при контролѣ занятій студентовъ, и при разсмотрѣніи представленныхъ ими сочиненій. Когда стипендиатамъ предложено было замѣнить устнымъ контрольнымъ испытания письменными работами, то замѣна эта, повела за собою со стороны почти всѣхъ стипендиатовъ подачу сочиненій достаточно удовлетворительныхъ, несмотря на короткій срокъ, назначенный для ихъ подачи, темъ что это несомнѣнно удивляло на знакомство студентовъ съ тѣмъ для другихъ вопросомъ и самостоятельное отношение къ нему въ дѣлѣ разработки.

Въ физико-математическомъ факультетѣ практическія упражненія студентовъ составляютъ необходимое условіе серьезнаго изученія науки. При изученіи математики и механики они соскоали преимущественно въ решеніи задачъ, относящихся къ изложеній теоріи, и въ сочиненіяхъ студентовъ, имѣвшихъ цѣлью ознакомленіе съ приемами изученія излагаемыхъ. При изученіи естественно-историческихъ науки

въ обширнѣи смыслѣ они состояли въ работахъ студентовъ въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, въ отчѣтѣ о которыхъ и сказано будетъ о свойствѣ, характерѣ и результатахъ этихъ занятій. Юридический факультетъ, заботясь объ усиленіи учебной дѣятельности студентовъ, сдѣлалъ, съ разрѣшеніемъ совета, обязательную подачу ежегодно письменныхъ работъ студентами въ определенному сроку. Хотя мѣра эта дѣйствуетъ всего полгода, и многие изъ студентовъ не успѣли еще представить своихъ сочиненій, тѣмъ не менѣе письменные занятія студентовъ приносятъ имъ существенную пользу, заставляя ихъ внимательно и подробно изучать предметъ, служацій темою для сочиненія, а также пріучая ихъ налагать мысли юридически точно и правильно.

Для соисканія медалей представлены были два сочиненія: одно на тему, заданную историко-филологическимъ факультетомъ: „Разборъ скаваній объ Азовскомъ судѣніи и Азовскомъ взятіи въ литературномъ и историческомъ откликеніяхъ“, а другое на тему, данную физико-математическимъ факультетомъ: „О вимінні теплоты на электровозбудительную силу“. Авторъ первого, студентъ IV курса историко-филологического факультета Завадский награжденъ золотою медалью, а второе сочиненіе, написанное студентомъ IV курса физико-математического факультета Грицаевъ, удостоено почетнаго отзыва. Факультетами разсмотрѣны и одобрены къ напечатанію на счетъ и отъ имени университета слѣдующія сочиненія: записки ординарного профессора Громоровича: „Объ археологическомъ изслѣдованіи Корсунской земли и Днѣстровскаго побережья“, вступительная лекція исправляющаго должность доцента Кошубинской, сочиненіе экстраординарного профессора Ярошенка: „Теорія опредѣлителей и ея приложения“, доцента Шимляевской: „Политика народонаселенія въ царствованіе Екатерины II“, ординарного профессора Павлова: „Исторический очеркъ секуляризациіи церковныхъ земель въ Россіи“; все эти сочиненія напечатаны въ Запискахъ Императорскаго Новороссийскаго университета.

Изъ числа преподавателей, не имѣвшихъ установленныхъ ученыхъ степеней, пріобрѣли они: доцентъ Шимляевскій и исправляющій должность доцента Умостъ—степень магистра. Затѣмъ, неимѣя требуемой установомъ ученої степени, исправляютъ должности: въ историко-филологическомъ факультетѣ: магистръ богословія, протоіерей Войтиковскій—ординарного профессора, въ званіи старшаго учителя Орбинскій—экстраординарного, кандидаты Лебедевъ, Кондаковъ и Кошубинскій—

доцентовъ; въ физико-математическомъ факультетѣ: кандидатъ *Левинъ* и *Кочагъ*—доцентовъ; въ юридическомъ факультетѣ магистръ *Владимиръ*—extraordinarnаго профессора.

Нѣкоторые преподаватели Новороссійскаго университета издали отдельно или напечатали въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ слѣдующія сочиненія: Заслуженный профессоръ, протоіерей *Павловъ* напечаталъ въ *Херсонскихъ епархиальныхъ вѣdomostяхъ* 8 юніи словъ и рѣчей, произнесенныхъ имъ по разнымъ случаюмъ общественно-церковной жизни. Заслуженный профессоръ *Григоровичъ* напечаталъ рѣчь: „*Изъ лѣтописи науки славянской*“, публичную лекцію объ *Іоаннѣ Коменскомъ* и отчетъ о дѣятельности славянскаго благотворительного общества св. Кирилла и Меѳодія въ Одесѣ за первый годъ его существованія. Заслуженный профессоръ *Юренъ* помѣстилъ въ VIII т. *Записокъ Одесского общества исторіи и древностей*: „*Объясненіе вновь найденной Ольвійской надписи*“ и „*О бывшихъ иностранныхъ на надписяхъ Ольвіи, Босфора, Танаїса и другихъ городовъ съверного прибрежья Чернаго моря*“. Бывшій ordinarius профессоръ *Брикнеръ* помѣстилъ: въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*: разборъ сочиненій: Ранке — *Die deutsche Macht und der Furstentum. Deutsche Geschichte von 1780—90*; Гекслер — Исторія французской революціи 1789 — 99; Драйзена — о Густавѣ Адольфѣ, и Ранке — о Валленштейнѣ; въ *Русскомъ Архивѣ*: „*Письма Екатерины II къ Густаву III о великомъ князѣ Александрѣ Николаевичѣ*“ съ примѣчаніями; въ *Historische Zeitschrift*: „*Russland-Politik im Mittelalter 1788 und 1789. Ein Beitrag zur Geschichte der orientalischen Frage*“; въ *Baltische Monatsschrift*: „*Der Bonapartismus und das moderne Frankreich*“, „*Zur Schulfrage in Russland*“, „*Dänemarks Neutralität im Kriege zwischen Sweden und Russland 1788*“ и „*Die Belagerung und Einnahme von Ismail 1790*“. Ординарий профессоръ *Бережеевъ* составилъ для мѣстныхъ календарей таблицы восхода и заката солнца и луны на каждый день и указаніе небесныхъ явлений въ 1872 году. Ординарий профессоръ *Мечниковъ* напечаталъ въ *Вѣстникѣ Европы*: „*Воспитаніе съ антропологической точки зренія*“, и отдельно брошюрой рѣчь для прочтенія на торжествѣ помъ актѣ 30-го августа 1871 года, подъ заглавіемъ „*Познанія теоріи черепа*“. Ординарий профессоръ *Вальмъ* помѣстилъ: статьи „*О помѣсячныхъ растеній, получаемыхъ путемъ исполоваго размноженія*“ — въ *Отчетѣ* о 2-мъ съездѣ русскихъ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ; статьи „*О головахъ*“ и „*О мужной ростѣ*“ — въ журнальѣ *Ру-*

сков сельское хозяйство; краткий отчет о деятельности Киевского общества естествоиспытателей за 1871 годъ въ Запискахъ этого общества. Ординарный профессоръ Сычевъ помѣстилъ въ *Archiv für die Physiologie* изслѣдованіе о дѣйствіи на двигательный нервъ лягушки очень частыхъ индуктивныхъ ударовъ. Экстраординарный профессоръ Ярошенко напечаталъ въ *Математическомъ сборнике*, издаваемомъ Московскимъ математическимъ обществомъ, „Изслѣдованіе о разысканіи особыхъ рѣшеній дифференціальныхъ уравненій въ частныхъ производныхъ 1-го порядка“. Экстраординарный профессоръ Верно напечаталъ въ журналь *Русскаго химического общества* двѣ статьи: „Реакція прямого присоединенія къ группѣ азобензидъ“ и „О прямыхъ присоединеніяхъ къ анилину и изслѣдованіе надъ азоксибензидомъ“. Доцентъ Бурнштейнъ напечаталъ въ *Протоколахъ* Общества Одесскихъ врачей: „Замѣтки изъ современной физиологической литературы“ и „О причинахъ специфическихъ болѣзней“. Доцентъ Синченко напечаталъ сочиненіе: „Мезовійськія образованія Общаго Сирга и вѣкоторыхъ окрестныхъ пунктовъ“. Исправляющій должность доцента Умовъ помѣстилъ въ *Математическомъ сборнике* два изслѣдованія: „Законы колебаній въ неограниченной средѣ постоянной упругости“ и „Теорія термомеханическихъ явлений въ твердыхъ упругихъ тѣлахъ“. Сторонній преподаватель, заслуженный профессоръ Брунъ напечаталъ въ *Трудахъ* первого археологического съѣзда въ Москвѣ статью „Італіянскія поселенія въ Хазарії“; въ Запискахъ Бессарабскаго статистического комитета „Начало Валахскаго княжества“; въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей — „Осада Азова Турками“, въ Новороссійскомъ календарѣ на 1872 годъ — „Материалы для исторіи Сугдеи“ и въ издаваемомъ С.-Петербургской археологической комиссией *Сборникъ* — продолженіе статьи „Essai sur la Scythie d'Hérodote“. Публичныя лекціи читали: ординарный профессоръ Брикнеръ — одну „о Стартахъ“, Мечниковъ — двадцать пять, по исторіи развитія низшихъ животныхъ, Шведовъ — пять „о началахъ и выводахъ механической теоріи тепла“ и восемнадцать по различнымъ предметамъ опытной физики, и лекторъ французскаго языка де-Турнеборъ — пять изъ исторіи французской литературы второй половины XVIII и начала XIX столѣтій. Въ историко-филологическомъ факультетѣ подвергался испытанію на степень магистра славянской филологии кандидатъ Московскаго университета Кочубинскій и окончилъ его съ полнымъ успѣхомъ, но диссертациіи еще не представилъ. Магистромъ *Некрасовъ* представлено было на сожжаніе степени доктора рус-

ской словесности сочинение „О Пахомії Сербѣ“; диссертациіа эта разсмотрѣна факультетомъ и признана удовлетворительной для допущенія къ публичному защищенню. Въ физико-математическомъ факультетѣ подвергались испытанію на степень магистра и окончили ихъ удовлетворительно кандидаты Цамакіонъ, Кименко и Кеменъ,—первый по физикѣ, второй по химії, послѣдній по ботаникѣ; диссертациіи еще не представили. Представленная кандидатомъ естественныхъ наукъ Армфельдомъ диссертациіа *pro venia legendi* „О молочномъ хозяйствѣ“ разсмотрѣна и одобрена факультетомъ, а затѣмъ и публично защищена съ успѣхомъ. Для приобрѣтенія степени доктора представлены были двѣ диссертациіи: магистромъ Заленскимъ, по зоології, подъ заглавіемъ „Історія развитія аранеинъ“ и магистромъ чистой математики Ярошенкомъ подъ заглавіемъ „Теорія опредѣлителей и ея приложения“. По публичномъ защищенню ихъ съ полнымъ успѣхомъ, гг. Заленскій и Ярошенко удостоены искомыхъ степеней. Въ юридическомъ факультетѣ разсмотрѣны и одобрены двѣ диссертациіи: одна, представленная для приобрѣтенія степени магистра полицейского права выдержаншими устное испытаніе на эту степень въ Московскомъ университѣтѣ кандидатомъ Шилевскимъ, подъ заглавіемъ „Політика народонаселенія въ царствованіе Екатерини II“, а другая, представленная на соисканіе степени доктора финансового права магистромъ Патлаевскимъ, подъ заглавіемъ „Теорія денежнаго обращенія Рикардо и его послѣдователей“. По публичномъ защищенню ихъ съ полнымъ успѣхомъ, гг. Шилевский и Патлаевский удостоены искомыхъ степеней.

Совѣтъ Новороссійскаго университета имѣть въ 1871 году 21 засѣданіе и занятія его заключались, между прочимъ, въ нижеиздѣдующемъ:

Принимая въ соображеніе, съ одной стороны, что большая часть оканчивающихъ на юридическомъ факультете курсъ молодыхъ юдей поступаетъ на различныя судебныя должности и по преимуществу на должности судебнѣхъ слѣдователей, что въ своей практической дѣятельности они очень затрудняются неимѣніемъ свѣдѣній въ вопросахъ судебнѣй медицины, становясь при этомъ всегда въ полную зависимость отъ экспертовъ-медиковъ, и что поэтому слѣдствія, ими производимыя, являются неудовлетворительными, что на тотъ же недостатокъ свѣдѣній жалуются и тѣ изъ нихъ, кои занимаютъ нынѣ прокурорскія должности, на которыхъ имъ приходится разбирать слѣдствія и дѣлать передъ судомъ обвиненія, результатъ которыхъ часто зависитъ

отъ умѣніи поставить, какъ слѣдуетъ, вопросъ судебнаго-медицинскаго характера, что, наконецъ, юристы вообще и криминалисты въ особенности по многимъ вопросамъ своихъ наукъ вынуждены прибѣгать къ нособію судебнаго медицины для того, чтобы представить ихъ разрѣшеніе въ надлежащей полнотѣ, советъ университета ходатайствовалъ о разрѣшении открыть въ юридическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета преподаваніе студентамъ IV-го курса судебнаго медицины. Г. министръ народнаго просвѣщенія призналъ возможнымъ ввести преподаваніе этого предмета на юридическомъ факультетѣ только въ такомъ случаѣ, если совѣтъ университета найдетъ возможнымъ отнести потребный на то расходъ на специальныя средства университета. Къ сожалѣнію, незначительность специальныхъ средствъ Новороссійскаго университета въ настоящее время поставила совѣтъ въ необходимость отложить осуществленіе своего предположенія до болѣе благопріятнаго времени.

Избрали совѣтомъ: первый ректоръ университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Максимовъ*, графъ *Уваровъ* и академики *Вельминонъ-Зерновъ* и *Погодинъ* почетными членами, а славянскій ученый *Маяръ* и потомственный почетный гражданинъ *Громовъ*—членами-корреспондентами.

Утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ: магистра полицейскаго права *Шпилечскій*, доктора зоологіи *Заленскій*,—финансового права *Памлазевскій*,—чистой математики *Ярошевскій*; удостоено званія дѣйствительнаго студента 26, а степени кандидата 45.

Для приготовленія къ профессорскому званію оставлены при университете кандидаты физико-математического факультета *Кономоевичъ*, *Срединскій* и *Цомакію* и кандидаты юридического факультета князь *Кантакузинъ* и *Малининъ* для продолженія занятій, первый по астрономіи, второй по ботаникѣ, третій по физикѣ, четвертый по международному праву и послѣдній по гражданскому судоустройству и судопроизводству, всѣ на два года. Магистрантъ *Власенко* и приват-доцентъ, докторъ *Заленскій* командированы на 2 года за границу для занятій,—первый по римскому праву, а второй по зоологии. Изъ числа преподавателей командированы были съ ученою цѣлью: профессоръ *Богишичъ* за границу на вакационное время, для осмотра тамъ устройства университетскихъ библиотекъ; ординарный профессоръ *Беркетичъ*—въ Тифлісъ, для приватія тамъ и перевозки въ Одессу меридионального круга Репольда; ординарный профессоръ *Григоровичъ* и исправляющей должности доцента *Кондаковъ*—въ Петербургъ.

для принятія личнаго участіа въ археологическомъ съездѣ; доценты *Некрасовъ* и *Шпилевскій*—въ Москву и Петербургъ на одинъ годъ; экстраординарный профессоръ *Линчъ* и ординарный профессоръ *Менниковъ*—за границу, а первый и въ Россію, на одинъ годъ; исправляющій должностіи доцента *Лининъ*—за границу на два года.

На разсмотрѣніе совѣта поступило одно постановленіе университетскаго суда, которое и утверждено.—По предложеніямъ г. помощника, основаннымъ на требованіяхъ министерства, обсуждались въ совѣтѣ вопросы: а) объ обязательности посѣщенія студентами профессорскихъ лекцій и объ установлениіи и упроченіи преподаванія въ Новороссійскомъ университѣтѣ агрономії. Въ заключеніе очерка дѣятельности совѣта въ отчетѣ указано на двѣ мѣры, послѣдовавшія относительно Новороссійскаго университета по Высочайшему повелѣнію, которая въ самыій годъ осуществленія ихъ ясно показали свою благодѣтельность, равно какъ и благовременность. Это — а) увеличеніе суммы, отпускавшейся до 1871 года по дѣйствовавшему тогда временному штату, до цифры, опредѣленной по постоянному штату, на содержаніе еще 2 лаборантовъ, одного помощника библіотекара и архиваріуса, на производство стипендій и пособій студентамъ и на содержаніе кабинетовъ и музеевъ; и б) измѣненіе п. 4 Высочайше утвержденнаго 11 июля 1864 г. инінія государственного совѣта объ учрежденіи Новороссійскаго университета, состоящее въ томъ, что постепенное вознышеніе опредѣленнаго по временному штату сего университета числа преподавательскихъ должностей до установленной нормальной штатомъ онаго цифры производится наравнѣ съ другими университетами, по мѣрѣ назначенія на новыя должностія профессоръ, по непосредственному сношенію министра народнаго просвѣщенія съ министромъ финансовъ, съ отпускомъ изъ государственного казначейства потребной суммы, безъ исирошенія на сіе разрѣшеніе въ общемъ, установленномъ для открытия сверхсмѣтныхъ кредитовъ, порядкѣ.

Изъ суммъ, ассигнованныхъ по сметѣ 1871 года изъ государственного казначейства, на содержаніе Новороссійскаго университета израсходовано: на содержаніе личнаго состава 113.770 руб. 35 коп.; на учебныя пособія, ходячіе и другіе расходы 42.575 руб. 94 $\frac{1}{4}$ к.; на стипендіи и пособія студентамъ 12.258 руб. 8 коп.; на пособіе обществу естествоиспытателей 1.848 руб. 94 коп.; на приготовленіе профессоръ и учителей и на командировки съ ученою цѣлью 1.747 руб. 32 коп.; итого 178.200 руб. 63 $\frac{1}{4}$ коп. Суммы за слушаніе лекцій

поступило 8.725 руб., а съ остаткомъ отъ 1870 года сумма эта составила 9.973 руб. 4 $\frac{1}{2}$ коп. За отчислениемъ изъ нея 178 руб. 90 коп. (2%) въ капиталъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, израсходовано на разныя надобности университета 8.438 руб. 11 коп. Пожертвованныхъ капиталовъ, проценты съ которыхъ, согласно волѣ жертвователей, предназначены на производство стипендій студентамъ университета и учащимъ гимназій, было на сумму 34.500 р. Изъ суммы 2.317 руб. 43 $\frac{1}{4}$ коп., которую составляли проценты съ этихъ капиталовъ, употреблено согласно назначению 1.691 руб. 49 коп.

Студентовъ въ Новороссійскомъ университѣтѣ къ 1-му января 1871 года состояло на лицо 410; въ теченіе года поступило 122, въ томъ числѣ изъ гимназій 67, изъ духовныхъ семинарій 28, изъ другихъ учебныхъ заведеній 27; выбыло: до окончанія курса 49, по окончаніи курса 71; затѣмъ къ 1-му января 1872 года состояло 412; по факультетамъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ было 19 студентовъ, въ юридическомъ 30, въ физико-математическомъ 92, въ томъ числѣ по отдѣленіямъ: математическихъ наукъ 42, естественныхъ наукъ 33 и технико-агрономическому 17. Постороннихъ слушателей было 32. Изъ числа студентовъ 129 были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій, въ томъ числѣ 65 стипендіатовъ университета. Сверхъ этихъ стипендіатовъ, на содержаніе которыхъ употреблено 14.040 руб., состояло еще 46 стипендіатовъ, которые были содержими на счетъ разныхъ суммъ, а именно: 10 на сверхштатную сумму, ассигнованную изъ казны для кавказскихъ стипендіатовъ, въ количествѣ 3.000 руб., 2 на счетъ Его Величества (500 руб.), 1 на счетъ Виленскаго учебнаго округа (300 руб.), 4 на счетъ Кубанскаго казачьаго войска (1.200 руб.), 7 на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ (1.781 руб. 49 коп.), 5 на счетъ 5.000 руб., ежегодно назначаемыхъ въ распоряженіе попечителя Одесскаго учебнаго округа на образованіе въ Россіи Славянъ (1.250 руб.), 10 на счетъ Бессарабскаго дворянства (2.000 руб.), 2 на счетъ Русскаго общества пароходства и торговли и Общества сельскаго хозяйства южной Россіи (600 руб.), 5 на счетъ губернскаго секретаря Маринаки (1.500 руб.); всего было 111 стипендіатовъ на сумму 26.171 руб. 49 коп. Къ сожалѣнію, 1871 годъ оставилъ печальные воспоминанія въ университетской лѣтописи неожиданнымъ проявленіемъ въ зданіи университета студенческихъ беспорядковъ, слѣдствіемъ которыхъ было даже временное простояніе членій университетскихъ лѣтній и преданіе университетскому суду 43 сту-

дентовъ. По разсмотрѣніи и изслѣдованіи дѣла, судъ, единогласно признавъ, какъ потомъ и совѣтъ университета, существование ссылающихсяъ вину обстоятельствъ для всѣхъ виновныхъ въ беспорядкахъ, постановилъ: 3 студентовъ удалить изъ университета на годъ съ лишеніемъ двухъ изъ нихъ права вступать въ теченіе этого пренесенія въ другое высшее учебное заведеніе, а одному предоставить право вступить даже немедленно въ другое такое же заведеніе въ Одессѣ; наказаніе съ другікъ судь ограничилъ для 6-ти выговоромъ отъ ректора, для 19-ти отъ праляекъ безъ внесенія въ штрафную книгу и для 4-хъ отъ прааленія съ внесеніемъ въ штрафную книгу, а остальныхъ призналъ ненавиновными. Прочіе студенты университета вели себя въ 1871 году, какъ и въ предшествовавшемъ году, скромно и прилично.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета въ 1-му января 1872 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ библиотекѣ было книгъ 91.266 названій въ 62.634 томахъ; въ студентскомъ отдѣленіи библиотеки 8.079 названій въ 5.834 томахъ. Въ астрономической обсерваторіи 101 инструментъ и 128 нумеровъ подвижной утвари и моделей; къ числу замѣчательныхъ приобрѣтений, сдѣланныхъ обсерваторіей, принадлежитъ меридіональный кругъ работы Ренольда. Въ кабинетахъ: практической механики 127 нумеровъ, физической и физической географіи — 622, минералогическомъ и палеонтологическомъ — 6.950, ботаническомъ — 47.000 экземпляровъ сухихъ растеній и 43 нумера другихъ предметовъ; въ теплицѣ стоитъ 995 видовъ разныхъ растеній. Въ химической лабораторіи — 1.444 нумера, состоящіе изъ 25.180 предметовъ. Въ кабинетахъ зоологическомъ 2.803 нумера, зоотомическомъ — 506 нумеровъ. Въ технической лабораторіи 3.287 предметовъ, въ лабораторіи агрономической химії 485 нумеровъ. Для музея изящныхъ искусствъ и миниатюрного кабинета новыхъ приобрѣтений въ 1871 году не сдѣлано. Къ началу 1871 года подъ учебною фермою находилось около 20 десятинъ удобной и неудобной земли; въ теченіе года прикуплено было около 5-ти десятинъ, такъ что къ концу года подъ фермою состояло около 25 десятинъ земли; на фермѣ находилось: орудій 34, скота 17 и разныхъ предметовъ 49.

— Историко-филологический факультетъ С.-Петербургскаго университета въ маѣ мѣсяцѣ 1870 года представилъ въ совѣтъ университета на утвержденіе правила о раздѣленіи факультетскихъ предметовъ на общіе и специальные и о распределѣніи, согласно

этому раздѣлению, самого преподаванія на общіе и специальные курсы. Увеличеніе съ тѣмъ порь личного состава факультета, за-живленіе почти всѣхъ каѳедръ, опредѣленныхъ по уставу, наконецъ, двумѣтній ожиданіе приведетъ факультетъ къ убѣжденію о необходимости дополнить и измѣнить некоторые подробности этихъ правилъ, вслѣдствіе чего представилъ совѣту слѣдующее распределеніе предметовъ: 1) Факультетскіе предметы раздѣляются на основные и специальные, сообразно чему и преподаваніе дѣлится на общіе и специальные курсы. 2) Къ основнымъ факультетскимъ предметамъ относятся слѣдующіе: логика, психологія, исторія философіи, греческій языкъ, латинскій языкъ, русскій языкъ и исторія русской словесности, славянскія народнія древности, всеобщая исторія, русская исторія. 3) Къ специальнымъ факультетскимъ предметамъ относятся слѣдующіе: древности греческія и римскія, исторія литературы греческой и римской, сравнительная грамматика, исторія всеобщей литературы, исторія литературы славянскихъ племенъ, церковная исторія, исторія и теорія искусствъ. 4) Общіе курсы читаются преимущественно въ I и II курсахъ; въ послѣдніхъ двухъ полагается ихъ небольшое число. 5) Специальные курсы читаются только для III и IV курсовъ. 6) Кроме общихъ и специальныхъ курсовъ читаются еще некоторые преподавателями необязательные курсы, изъ которыхъ и не производится испытанія. 7) При переходѣ изъ II курса въ III-й каждый студентъ заявляетъ факультету объ избранной имъ специальности; сообразуясь съ ней, онъ посѣщаетъ специальные курсы какъ по своему предмету, такъ и по другимъ предметамъ, входящимъ въ кругъ его специальности, согласно слѣдующему параграфу. 8) При экзаменахъ на степень кандидата и на званіе дѣйствительнаго студента, экзаменующейся подвергается испытанію изъ основныхъ факультетскихъ предметовъ и кроме того, согласно избранной имъ специальности, по одной изъ слѣдующихъ группъ: 1) специалисты по философіи, кроме основныхъ факультетскихъ предметовъ, подвергаются испытанію изъ слѣдующихъ специальныхъ курсовъ — исторіи греческой и римской литературы, исторіи новѣйшихъ литературъ. 2) Специалисты по классическимъ языкамъ — изъ древностей греческихъ и римскихъ, исторіи литературы греческой и римской, сравнительной грамматики, исторіи древнаго искусства. 3) Специалисты по сравнительной грамматикѣ — изъ сравнительного языкоизданія и санскритскаго языка. 4) Специалисты по русской словесности — изъ исторіи всеобщей литературы, исторіи славянскихъ литературъ, исторіи ли-

тературъ греческой и римской. 5) Специалисты по исторіи всеобщей литературы — изъ исторіи всеобщей литературы, исторіи греческой и римской литературы, исторіи литературы славянскихъ племенъ. 6) Специалисты по славянской филологии — изъ исторіи литературы славянскихъ племенъ, исторіи славянскихъ племенъ и исторіи греческой литературы (поадѣйшей). 7) Специалисты по древней исторіи — изъ древностей греческихъ и римскихъ, исторіи греческой и римской литературы, исторіи древнаго искусства. 8) Специалисты по средней и новой исторіи — изъ исторіи всеобщей литературы, исторіи славянскихъ племенъ, исторіи славянскихъ литературъ и 9) Специалисты по русской исторіи — изъ исторіи славянскихъ племенъ и исторіи славянской литературы.

Совѣтъ университета постановилъ утвердить представленное факультетомъ распределеніе курсовъ на общіе и специальные и объявить по университету (*Журн. сов. С.-Петерб. унив.*, № 15).

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Состояніе народныхъ училищъ во 2-мъ районѣ Подольской губерніи и въ губерніяхъ Вологодской и Пермской.—Состояніе Благовѣщенскаго и Записского двухклассныхъ училищъ, Уфимской губерніи.—Иркутская строительно-ремесленная школа.—Число училищъ, учащихся и средства содержанія училищъ въ С.-Петербургской губерніи.

Г. инспекторъ народныхъ училищъ Подольской губерніи 2-го района, осмотрѣвъ въ мартѣ и апрѣлѣ сего 1872 года 27 училищъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія, 4 помѣщенія готовившіяся къ открытию училищъ того же вѣдомства и 6 церковно-приходскихъ школъ, сообщаетъ о состояніи ихъ нижеслѣдующія краткія свѣдѣнія.

Относительно личнаго состава, г. инспекторъ изысываетъ, что должности законоучителей, за исключеніемъ одного училища, занимаютъ иѣстные священники и вообще недостатка въ законоучителяхъ не замѣчается, какъ не видно со стороны ихъ явныхъ уклоненій отъ исполненія законоучительскихъ обязанностей и отъ наблюденій за школами въ нравственно-религіозномъ отношеніи; есть только пріѣды пропуска уроковъ по причинѣ исполненія церковныхъ требъ. Равнымъ образомъ не приходилось слышать что-либо предосудительное и въ другихъ отношеніяхъ о комъ-либо изъ законоучителей. Въ

учителяхъ, напротивъ того, чувствуется большой недостатокъ. Вопреки этому уже обратилъ на себя вниманіе совѣта инспекціи народныхъ училищъ юго-западнаго края; скудное содержаніе народныхъ учителей, при существующей въ настоящее время дороговизнѣ и при возможности лицъ съ такими качествами, какія необходимы для народнаго учителя, легко пріискать лучше оплачиваемое занятіе, есть, по мнѣнію совѣта инспекціи, главная причина недостатка въ хорошо приготовленныхъ учителяхъ. Въ настоящее время совѣтомъ инспекціи составлены предположенія объ увеличеніи ихъ содержанія и представлены на усмотрѣніе г. почетителя округа. Въ Крутиянскомъ и Деребчинскомъ училищахъ не было учителей; преподаваніемъ въ нихъ временно занимались лица, которыхъ нельзя было опредѣлить учителями по недостатку съ ихъ стороны или усердія или необходимыхъ познаній; притомъ же и успѣхи учениковъ въ этихъ училищахъ оказались слабыми. Въ Муравскомъ и Лугскомъ училищахъ учителя, мѣстные діаконы, часто не посѣщаются училищъ, будучи отвлекаемы исполненіемъ требъ. Въ Ладыженскомъ и Кислянскомъ училищахъ назначены исправляющими должность учителей лица, не имѣющія права на утвержденіе въ должности; успѣхи въ Ладыженскомъ училищѣ очень слабы. Должности учителей въ упомянутыхъ шести, или по крайней мѣрѣ, въ первыхъ чати училищахъ, слѣдуетъ считать вакантными, не замѣщаемыми лишь за неимѣніемъ лицъ, имѣющихъ на то право и желаніе. Изъ учителей особенного вниманія заслуживаютъ гг. Назаренко и Гребашъ. Вообще большая часть преподавателей ревностно исполняютъ возложенные на нихъ обязанности, но у некоторыхъ изъ нихъ, преимущественно у окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій, замѣтенье недостатковъ необходимой опытности. Жалованье учителю нынѣя полагается лишь въ тѣхъ училищахъ, которымъ получаютъ пособіе отъ казны изъ суммы, отпускаемой на этотъ предметъ съ 1862 года; поэтому во многихъ училищахъ нынѣ не преподаются; въ училищахъ же, где отпускается жалованье, преподаваніемъ занимаются мѣстные причетники.

Школы посѣщаются учениками неисправно. По случаю открытия полевыхъ работъ, г. инспекторъ не во всѣхъ училищахъ могъ собрать болѣе половины учащихся, дѣлая о томъ распоряженіе наканунѣ; въ тѣхъ же училищахъ, въ которыхъ г. инспекторъ пріѣзжалъ во время классныхъ занятій, онъ находилъ, особенно въ апрѣль мѣсяцѣ, около трети учениковъ, а иногда и того менѣе; притомъ же изъ классныхъ журналовъ и изъ распросовъ у учителей было видно, что и изъ этого болѣе

личества большая часть мѣнилась, такъ что фактически для большинства учащихся ученіе прекратилось въ этомъ году не съ 1-го мая, какъ полагается по училищнымъ правиламъ, а съ половиною марта. Требовать аккуратнаго посвѣщенія училища крестьянскими дѣтьми, по крайней мѣрѣ, въ то время и въ томъ ихъ возрастѣ, когда посвѣщеніе это еще не можетъ принести существеннаго ущерба хозяйству ихъ родителей, по мнѣнію г. инспектора, возможно отъ тѣхъ крестьянскихъ обществъ, которымъ получаются отъ правительства пособія на содержаніе училища. Раннее прекращеніе посвѣщенія сельскихъ училищъ весною тѣмъ прискорбнѣе, что въ большинствѣ случаевъ оно совершается по ничтожнымъ причинамъ; такъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, по заведенному обычаю, поздно внимаются общественные пастухи и многія дѣти не ходятъ въ училище потому, что, до наѣма этихъ пастуховъ, сами пасутъ по нѣсколько штуки скота своихъ родителей; своевременный наемъ общественныхъ пастуховъ устранилъ бы это препятствіе. Впрочемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, где мировые посредники принимаютъ дѣятельное участіе въ училищахъ, тамъ и крестьяне не задерживаютъ своихъ дѣтей по ничтожнымъ причинамъ; такъ, напримѣръ, въ Грановскомъ училищѣ, которое вообще многимъ обязано мировому посреднику г. Золотареву, г. инспекторъ засталъ ученіе въ полной силѣ въ концѣ марта. Вообще, въ крестьянкахъ незамѣтно враждебнаго отношенія къ училищамъ; но многіе изъ нихъ, по весьма понятной причинѣ, подъ часъ предпочитаютъ отдаленій, хотя вполнѣ сознаваемой ими пользѣ ученія, ту незначительную поддержку въ хозяйствѣ, какую могутъ имъ оказать дѣти въ данную минуту. Что же касается самихъ учащихся, то съ ихъ стороны неохота къ ученію замѣтна лишь въ тѣхъ училищахъ, въ коихъ учителя не занимаются надлежащимъ образомъ. Поэтому г. инспекторъ полагаетъ, что время посвѣщенія учениками училищъ могло бы быть значительно увеличено при содѣйствії мировыхъ посредниковъ и при увеличеніи содержанія учителей, которое дало бы возможность пріискать достаточное количество лицъ, достойныхъ занять эти должности.

Нравственность учащихся вообще находится въ удовлетворительномъ состояніи; воспитанники, пробывшіе нѣсколько лѣтъ въ училищѣ, обыкновенно отличаются отъ остальныхъ крестьянскихъ дѣтей болѣе сознательнымъ исполненіемъ религиозныхъ обрядовъ, болѣе разумныхъ пониманіемъ своихъ обязанностей и правилъ нравственности, а отчасти и смягченіемъ обыкновенной у простолюдиновъ грубости. Въ

учащихъ не замѣтно крайней слабости въ дисциплинарномъ отношеніи или грубаго обращенія съ учадцами и вообще употребленія такихъ наказаній, которымъ несогласны съ возврѣнными лучшими современныхъ педагоговъ на этотъ предметъ. Въ нѣкоторыхъ училищахъ обращаеть на себя вниманіе запуганность дѣтей; но такъ какъ она замѣчена была г. инспекторомъ преимущественно въ селеніяхъ, гдѣ вообще дѣти оказываются менѣе развитыми, чѣмъ въ мѣстечкахъ, то, быть можетъ, именно неразвитости и слѣдуетъ приписать ее.

Состоаніе учебной части представляется въ двухъ различныхъ видахъ, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на этотъ предметъ. Съ одной стороны, привлѣво внимание неразвитость учащихся при поступлениі ихъ въ училище, незначительное время занятій въ немъ, и наконецъ, неразвитость той среды, въ которой вращаются учащіеся въ школѣ, слѣдуетъ признать, что училища эти много дѣлаютъ; съ другой стороны, нельзя не пожелать для крестьянинна большей степени умственнаго развитія и большемъ познаній, чѣмъ сколько получаетъ онъ въ одноклассномъ сельскомъ училищѣ, таѣ напримѣръ, познанія въ ариѳметикѣ рѣшительно недостаточны. Преподаваніе закона Божія происходитъ посредствомъ разказовъ законуучителя въ классѣ и посредствомъ задаванія уроковъ; безъ послѣдн资料о, къ сожалѣнію, многіе преподаватели еще не могутъ обойдтись, даже по священной исторіи, хотя почти во всѣхъ училищахъ имѣются картины изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣтова, по которымъ въ нѣкоторыхъ училищахъ, напримѣръ, Тавровскомъ, Клеванскомъ и др., успѣшио пройдены важнѣйшія события этой исторіи, посредствомъ разсматриванія этихъ картинъ цѣлымъ классомъ и устной при этомъ бесѣды. Вообще же успѣхи по этому предмету можно признать удовлетворительными. Обученіе чтенію производится по звуковому методу, но не вездѣ съ достаточными успѣхами, по причинѣ неизпитности учителей; есть примѣры, что дѣти не выучиваются читать въ чтеніе иѣсколькихъ мѣсяцевъ. Дальнѣйшее упражненіе въ чтеніи происходитъ по „Русскому Слову“ Ушинскаго, благодаря руководству, успѣшио даже у учителей, не отличающихся опытностію. Сносный, даже краснѣый очеркъ не рѣдкость, но относительно грамматической правильности и умѣнія излагать свои мысли письменно еще многаго остается желать; въ этомъ отношеніи особенно чувствителенъ недостатокъ времени, посвящаемаго ученію. Ариѳметика преподается по методѣ Грубе; но уровень познаній по этому предмету стоитъ ниже всѣхъ остальныхъ; ученики, проѣбывши три года въ

школъ, обыкновенно затрудняются рѣшеніемъ самыхъ несложныхъ задачъ, встрѣчающихся въ крестьянскомъ быту почти на каждомъ шагу.

Лучшія въ 'учебномъ отношеніи изъ осмотрѣнныхъ училищъ слѣдующія: Грановское и Клеванское; затѣмъ Ободнянское, Тивровское, Муховецкое и Теплинское. Очень низко стоятъ слѣдующія училища: Янушинецкое (младшая группа), Деребчинское, Муравское, Ладижинское, Чечельницкое и Крутинское.

Удовлетвореніе нуждъ сельскихъ училищъ въ хозяйственномъ и-
нженерномъ вложено на мѣстныя волостныя правленія, непосредственно подчиненные мировымъ посредникамъ; но волостные и сельскіе управы большою частію равнодушно относятся къ училищамъ: рѣдко училище получаетъ своевременно, безъ вмѣшательства инспектора, все то, чего оно имѣть право требовать; а такъ какъ районы из-
спекцій народныхъ училищъ юго-западнаго края обнимаютъ по пол-
губерніи и такъ какъ не всегда достаточно бываетъ снести одинъ разъ съ подлежащимъ мѣстомъ или лицомъ, то училища много тер-
пятъ въ этомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, учителя Харкавского и Шпиновского училищъ по нѣсколько мѣсяцевъ не получали хало-
ванья, а въ послѣднемъ училищѣ даже деньги на покупку учебныхъ пособій выданы лишь въ апрѣль мѣсяцѣ, а не въ началѣ года, какъ полагается. Въ Бершадскомъ училищѣ холода зимою такъ велика
что учитель долженъ быть уступить подъ классъ одну изъ своихъ комната, а самъ тѣсниться съ семействомъ въ маленькой комнатѣ;
здесь же огородъ не огораживается крестьянами и нѣть при квар-
тире учителя ни погреба, ни сараевъ; службъ этихъ нѣть и при дру-
гихъ училищахъ. Въ Пятковскомъ училищѣ вовсе нѣть квартиръ для
учителя, получающаго въ годъ 150 руб. Въ Тридубскомъ училищѣ
по причинѣ дурнаго устройства печей въ квартире учителя, послѣ-
дний долженъ быть выбратъ изъ нея зимою и нанять другую квар-
тиру. Особенно дурно содержатся училища бывшія государственныхъ
крестьянъ, относительно содержанія которыхъ еще нѣть мірскихъ
приговоровъ, подобныхъ тѣмъ, какіе составляются относительно новь
учреждаемыхъ училищъ: глиняные полы, обвалившаяся извѣтъ и вну-
три строения обмазка, недостатокъ двойныхъ рамъ зимою, полови-
на классной мебель и т. п. особенно часто встрѣчаются въ этихъ
училищахъ; въ Мизаковскомъ же училищѣ, въ добавокъ ко всему
во время посвѣщенія г. инспектора, была бумага отъ сахара вѣсто
двухъ стеколь въ окнахъ. Земля для училища по большей части не
отведена въ томъ количествѣ, въ кавою крестьяне оказались от-

сти ее мирскими праговорами. Не выстроены или не приобретены въ собственность отдельныхъ помѣщений для жити ученицъ. Одно училищное помѣщеніе (Муравское) подлежитъ сносу, такъ какъ на мѣстности, где оно находится, строятся церкви. Содержаніе, получаемое учителями, по соображенію съ мѣстными, существующими въ настоящее время цѣнами на предметы потребленія и на трудъ, вообще недостаточно: по большей части жалованья учителя получаютъ по 150 руб. въ годъ, отчего они вынуждены бываютъ пріискывать, кромѣ занятій въ училищѣ, и другія занятія. Достаточное содержаніе получаютъ учителя: Гравовского училища — 350 руб. и Клевенского — 320 руб. Эти же два училища принадлежать къ числу тѣхъ немногихъ, коихъ нужды вообще охотно удовлетворяются крестьянами и волостными управлѣніями, чѣмъ училища эти много обязаны мировыми посредниками Л. П. Золотареву и П. В. Рѣзцову, заботы которыхъ объ этихъ училищахъ сдѣлали ихъ безспорно лучшими изъ осмотрѣнныхъ г. инспекторомъ.

Канцелярская часть училищъ, состоящая въ содержаніи въ исправности каталога, материальной, приемной и приходорасходной книгъ, а также класснаго журнала, въ очень не многихъ училищахъ найдена въ должномъ порядкѣ; не во всѣхъ училищахъ имѣются даже перечисленныя книги.

Оцѣнку церковно-приходскихъ школъ г. инспекторъ отлагаетъ до другаго времени, такъ какъ осмотрѣнныхъ пока имъ школъ недостаточно ни для общаго заключенія объ этихъ школахъ, ни для составленія понятія о томъ, чего можно требовать отъ нихъ при настоящей ихъ обстановкѣ; г. инспекторъ считаетъ только необходимымъ замѣтить, что было бы несправедливо и бесполезно относительно ихъ заявлять таиня же требованія, какія заявляются относительно училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Если невозможно пріискать въ достаточномъ количествѣ хорошихъ учителей при жалованьи въ 150 руб., то чего же можно ожидать отъ учителей, получающихъ 80 руб., а иногда и того менѣе (въ училищѣ въ селѣ Будякъ, напримѣръ, учитель получаетъ 30 руб. въ годъ)?

Осмотръ помѣщений для приготовляющихся къ открытию училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ мѣстечкахъ Ивангородѣ и Красномъ и въ селеніяхъ Журѣ и Стрижавкѣ указалъ на тотъ фактъ, что свѣдѣнія, доставленныя мировыми посредниками относительно этихъ помѣщений, оказались неточными. Такъ отъ мироваго посредника 2-го участка Гайсинскаго уѣзда было получено донесеніе, что въ Ивангородѣ приготовленъ домъ со всеми удобствами для народнаго

училища, равно квартира и мебель для учителя; а на самомъ дѣлѣ оказалось, что изъ мебели имѣются лишь скамьи; печи, по заявлению жильцовъ дома, не годятся; огорода не только не окопаны, но и не отведены, такъ что сельскіе урадники не могли съ точностью указать его г. инспектору; погреба совсѣмъ нѣтъ, а на указанный сарѣ заявилъ претензію мѣстный поиномарь. Домъ вообще, а кухня въ особенности, страшно запущены; отѣжаго мѣста для учениковъ не имѣется. Точно также неточными оказались сообщенія мировыхъ посредниковъ и о помѣщеніяхъ двухъ другихъ приготавляющихся къ открытию училищъ. Что касается до мѣстечка Краснаго, то дѣлѣ помѣщеніе нынѣшней церковно-приходской школы, по тѣснотѣ своей, не можетъ быть занято училищемъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; къ постройкѣ же новаго помѣщенія еще не приступлено, такъ какъ лишь въ недавнее время получено разрѣшеніе епархиальнаго начальства построить его на церковной землѣ, но не имѣнію общественной, удобной дѣлѣ этой цѣли.

Въ отчетѣ г. инспектора народныхъ училищъ Вологодской губерніи сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о состояніи осмотрѣнныхъ на начальныхъ школъ за прошлый 1871 годъ.

Въ городѣ Вологдѣ до 1872 года было 2 мужскихъ приходскихъ училища, изъ коихъ одно состоитъ изъ двухъ классовъ, а другое изъ одного. Оба эти училища находились въ крайне печальномъ положеніи. По ходатайству г. инспектора, мѣстное общество, вѣсто этихъ двухъ училищъ, предположило открыть въ каждой изъ 3 частей города по одному училищу, ассигновавъ на каждое изъ нихъ по 600 р. Независимо отъ того, по предложению преосвященнаго Палладія, епископа Вологодскаго, открыта была подпись на устройство женскія училища для города, при 18.000 жителей имѣвшаго для дѣвочекъ одинъ только пріютъ. Когда собрана была иѣхоторая сумма на этотъ предметъ, то рѣшено было открыть женскія отдѣленія при 3 мужскихъ училищахъ. На помощь этому дѣлу пришли частные лица и городское общество. Послѣднее назначило на каждое изъ женскихъ отдѣленій по 150 р. въ годъ. Такимъ образомъ имѣлась возможность открыть два женскихъ отдѣленія и одно самостоятельное женское училище. Одно изъ женскихъ отдѣленій открыто въ ноябрѣ 1871 года, другое, равно какъ самостоятельное женское училище предположено было открыть въ началѣ 1872 года.

Изъ другихъ, осмотрѣнныхъ г. инспекторомъ приходскихъ училій, обращаетъ на себя вниманіе Усть-Сысольское, въ которое поступаютъ преимущественно дѣти Зырянъ, не только безъ всякой предварительной подготовки, но и безъ пониманія русскаго языка. Ученіе по закону Божию начинается въ этомъ училищѣ съ помошью зырянского языка. Мальчикамъ сообщаются первоначальные понятія по саму предмету; затѣмъ пишутся на доскѣ молитвы, которая затѣмъ читаются вслухъ однимъ изъ старшихъ учениковъ или законоучителемъ, съ постоянными объясненіями на зырянскомъ или русскомъ языкахъ, что требуетъ величайшаго терпѣнія и труда. Такимъ способомъ происходитъ ученіе молитвъ на память, послѣ чего идуть болѣе подробныя объясненія, и при постепенномъ усвоеніи мальчиками русскаго языка, преподаваніе предмета все болѣе и болѣе расширяется. Результатами такого обученія было то, что дѣти старшаго отдѣленія, при осмотрѣ училища г. инспекторомъ, могли прочесть общеупотребительныя молитвы и разказать содержаніе ихъ, и оказались знакомыми съ двадцатиющими праздниками, символомъ вѣры, замокѣдами и нѣкоторыми событиями изъ исторіи ветхаго завѣта. Для пріученія Зырянъ къ русской грамотѣ учитель начинаетъ бесѣду съ ними также на зырянскомъ языкахъ, сначала подбирая такія слова, которыми употребляются въ одинаковомъ видѣ какъ въ русскомъ, такъ и въ зырянскомъ языкахъ; затѣмъ подбираются двусложныя русскія слова, живѣющіяся у Зырянъ только въ буквѣ или звуки. При объясненіи гласныхъ буквъ, различаемыхъ при раскрытиї рта, объясняются по зырянски части рта, губы, зубы и проч., при содѣйствіи языка служаща къ образованію звуковъ. Для разнообразія въ занятіяхъ, учитель показывается на грифельныхъ доскахъ, какъ ставить точки, чертить различныя фигуры, крючки, кружки и проч. Все это дѣлается съ цѣлью познакомить дѣтей постепенно съ русскимъ языкомъ, приготовить ихъ къ чтенію и развить руку, когда приступлено будетъ къ совмѣстному обученію чтенію и письму. Для поддержанія вниманія дѣтей прочитываются занимательные и доступные для дѣтскаго пониманія разказы съ переводомъ на зырянскій языкъ, при чёмъ ученикамъ предлагаются вопросы на зырянскомъ и русскомъ языкахъ и получаются отвѣты такимъ же образомъ. Затѣмъ уже идеть обученіе грамотѣ. Когда дѣти пріучатся къ чтенію, учитель заставляетъ одного изъ нихъ читать, а прочие слушаютъ; по прочтеніи одного или двухъ предложенийъ, или и цѣлой статьи, ведется бесѣда о прочитанномъ. Для избѣжанія чтенія механическаго, одно и то же

выражение читается до тѣхъ порь, пока дѣти не поймутъ его; затѣмъ они повторяютъ прочитанное, по возможности, своими словами, словесно или письменно. Всѣдѣствіе такихъ приемовъ, при осмотрѣ г. инспекторомъ училища, ученики 1-го отдѣленія читали язико и бойко изъ книгъ гражданской печати и передавали прочитанное своими словами, устно и на бумагѣ, читали наизусть небольшія стихотворенія, съ разборомъ вещественныхъ и по содержанію, читали по славински съ переводомъ на русскій языкъ.

Сельскія училища. Въ Вологодскомъ уѣздѣ, до открытия земскихъ учрежденій, существовало 4 школы, содержавшіяся на счетъ шестикопѣчнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ. Общая сумма расхода составляла 625 руб. Земство Вологодского уѣзда, принявъ въ свое завѣдываніе училища, ассигновало на этотъ предметъ 2.500 руб. и предположило распредѣлить эту сумму между мѣстностями, въ которыхъ крестьяне окажутъ свое содѣйствіе земству, назначивъ средства для содержанія въ ихъ волостяхъ училищъ. Крестьяне въ всѣхъ волостяхъ изъявили желаніе иметь у себя училища, заручивъ этотъ предметъ, по 12, 15 и 18 коп. съ душой. Такимъ образомъ открыто было въ 1871 году 11 центральныхъ школъ. А такъ какъ пожертвованія крестьянъ простирались отъ 150 до 350 руб. въ волостяхъ, где училища были открыты, то положено было отпускать на жалованье учителю 200 руб., замѣкоучителю 50 руб., а остальныи деньги на учебныя пособія, и проч. При этомъ во всѣ училища были назначены попечители изъ среды мѣстныхъ дворянъ и обществъ. Всѣ школы находятся въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи; только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ усѣйхи замедляются или существованіемъ раскола, или недостаткомъ помѣщеній, или перенесеніемъ наставниковъ. Библиотеки училищъ значительно пополнены книгами и учебными пособіями изъ числа присланній по распоряженію С.-Петербургскаго учебнаго округа, но все еще нуждаются во многомъ. Полные другихъ библиотеки Прилуцкой школы.

Въ Кадниковскомъ уѣздѣ лучшими найдены только классы для мальчиковъ Кокшиловскаго и Каракуновскаго училищъ и классы для девочекъ при Васильевскомъ и Никольскомъ Заболотскомъ училищахъ, остальные находятся въ неудовлетворительномъ состояніи, какъ въ учебномъ, такъ и въ прочихъ отношеніяхъ. Вообще Кадниковскія училища нуждаются въ серіозной поддержкѣ со стороны земства и общества.

Въ Тотемскомъ уѣздѣ въ хорошемъ положеніи находятся училища Погорѣловское и Стрѣлицкое, и въ неудовлетворительномъ Вереж-

Слободское и Миньковское,—послѣднее по немнѣнію сколько-нибудь удобаго проѣщенія, а Бережно-Слободское по недостатку усердія со стороны учащихъ; это училище, при населеніи волости до 2.000 душъ мужскаго пола, посѣщаются лишь 5 или 10 мальчиками.

Въ Устьюжскомъ уѣздѣ съ большими успѣхомъ идетъ обученіе между прочимъ въ школѣ, состоящей при фабрикѣ купца Грибанова и содержимой на его счетъ. Дѣти не только знаютъ хорошо законъ Божій, умѣютъ читать, писать и считать, но ознакомлены также съ нѣкоторыми событиями изъ русской исторіи. Школа имѣеть удобное проѣщеніе и въ достаточномъ количествѣ снабжена книгами и пособіями.

Изъ училищъ Никольского уѣзда г. инспекторъ съ особеною похвалою отзывается объ училищахъ Криловскомъ и Шеставовскомъ, обознаныхъ своимъ вполнѣ удовлетворительнымъ состояніемъ священникомъ Прокофьеву и Колмакову.

Въ Яренскомъ уѣздѣ лучшими училищами признаются: Сереговское, благодаря усердію священника Попова, находящееся въ весьма удовлетворительномъ состояніи, и Часовское, въ которомъ обучаются преимущественно дѣти Зырянъ. Учитель послѣдняго Тюрикъ, самъ природный Зырянъ, искондѣль лѣтъ пробѣгъ народнымъ учителемъ въ западномъ драпѣ и азакомъ съ зутинами методами преподаванія.

Въ Усть-Сольскомъ уѣздѣ, где поступающіе въ школу мальчики почти все Зыряне, не знающіе по русски, преподавательскимъ требуется не мало умѣнья, чтобы нечестіе дѣло съ уѣзкомъ; но этого умѣнья г. инспекторъ не встрѣтилъ въ осмотрѣнныхъ имъ училищахъ, несмотря на то, что училища существуютъ десятки лѣтъ. Почти ни въ одномъ училищѣ, ни одинъ мальчикъ не могъ назвать по русски ни одной вещи. Въ нѣкоторыхъ училищахъ встрѣчались мальчики, весьма бойко читавшіе по русски и по славянски и дѣлавшіе письменныя задачи, но вовсе не могшіе дать отчета въ прочитанномъ и разказанномъ. Больѣ другихъ выдаются училища Корткеросское, Визинское и Печерское. Ученье идетъ въ нихъ удовлетворительно. Много замѣчено недостатковъ материальныхъ. Помѣщенія не удобны; во многихъ школахъ проявлялся воль и плохи печи, отчего въ зимнее время крайне холодно. Училищное имущество также плохо: въ Визинскомъ училищѣ столь, скуль и шкаль едва держались. Книгами и учебными пособіями нѣкоторые училища снабжены въ достаточномъ количествѣ, чо они содержатся въ безпорядкѣ; притомъ во всѣхъ почти училищахъ не велось надлежащихъ каталоговъ и описей. Въ виду пло-

хаго состоянія школъ въ Устьсмольскомъ уѣзда, г. инспекторъ предложилъ уѣздному земскому собранию, кромъ общей прибавки жалованья учителямъ, назначить еще определенную сумму на увеличение нынѣ жалованья по прослуженіи каждымъ изъ нихъ 5-ти лѣтъ. Кромъ того, г. инспекторъ обратился къ обонимъ мировымъ посредникамъ Устьсмольского уѣзда съ прошбою о склоненіи крестьянъ къ улучшенію помѣщений и имущества училищъ. Принятны, вслѣдствіе этого послѣднаго ходатайства, мѣры повели къ улучшенію помѣщений въ двухъ волостяхъ; большинство же крестьянъ отказалось отъ участія въ улучшеніи помѣщений, ссылаясь на неимѣніе къ тому средствъ.

Положеніе сельскихъ училищъ Вологодской губерніи значительно улучшилось въ 1871 году вслѣдствіе назначенія, въ послѣдніе два года, пособій изъ суммъ министерства народного просвѣщенія и увеличенія содержанія училищъ отъ уѣздныхъ земствъ. Въ настоящее время оклады учителей колеблются между 100 и 200 руб. Вологодское земство окладъ жалованья учителя предположило въ 200 руб., Тотемское въ 170 руб., Устюгское въ 150 руб., Кадниковское въ 130 руб., остальные земства въ 120 и 100 руб. Вукослагательный методъ обучения чтенію почти во всѣхъ штатныхъ училищахъ замѣненъ звуко-вымъ; дѣло обучения уже не ограничивается однимъ чтеніемъ и письмомъ, въ училищахъ встрѣчаются дѣти, знающія молитвы и различные события изъ священной истории, умѣющія не только хорошо чре-четь по славянски и по русски, но и пересказывать прочитанное, счи-тать и писать съ книгъ, а въ нѣкоторыхъ училищахъ даже писать отъ себя записку, сдѣлать переложеніе прочитанного разкза пись-менію и проч.

Церковно-приходскіе школы до прежнему продолжаютъ свою дѣ-тельность; мѣстные причты уступаютъ для школъ свои собственныи помѣщениія и иногда приобрѣтаютъ на свой счетъ книги и учебники пособія и жертвуютъ своими трудами. Изъ осмотрѣнныхъ въ 1871 г. церковно-приходскіхъ школъ г. инспекторъ нашелъ лучшими: въ Каднико-вскомъ уѣзда школу при Семигородной пустынѣ, въ Устюгскомъ Николаевскую Бобровскую, въ Никольскомъ Ильинскую Утмановскую и Богородскую Халезскую, и въ Устьсмольскомъ Михайло-Архангельскую Шопкинскую. Въ означенныхъ школахъ привелось встрѣтить дѣтей, не только знающихъ молитвы и уѣзжущія читать, но и оснащен-ленныхъ съ нѣкоторыми событиями изъ священной истории, умѣющіи писать, решать несложныи умственныи и письменныи задачи изъ ариѳметики и вѣсть на счетахъ. Особенно полезною дѣятельности

отличается священникъ Шошеницкой церкви Николай Касаткинъ, сердечно преданный своему дѣлу. Онъ посвящаетъ школѣ все свое время, и несмотря на трудность занятий съ зырянскими дѣтьми, достигаетъ удовлетворительныхъ результатовъ. Къ сожалѣнію впрочемъ, и въ его школѣ, какъ въ прочихъ школахъ Усть-Сысольского уѣзда, зырянская грамотность преобладаетъ надъ русской. Дѣти очень мало ознакомлены съ русскою рѣчью и не могли назвать многихъ окружающихъ ихъ предметовъ по русски, хотя бойко читали по русски, и по славянски и рассказывали события изъ священной истории по зырянски. Занятия въ церковно-приходскихъ школахъ идутъ непослѣдовательно, съ частыми пропусками со стороны преподавателей, отлучающихся для исправленія церковныхъ требъ; притомъ въ различнѣхъ мѣстностяхъ продолжительность периода занятій различна, и въ этомъ заключается одна изъ причинъ слабаго довѣрія населенія церковно-приходскимъ школамъ. Во многихъ уѣздахъ улучшенію школъ помогли назначенные изъ уѣздныхъ земскихъ сборовъ суммы на выдачу пособій преподавателямъ; напримѣръ, Никольское земство на поощреніе преподавателей церковно-приходскихъ школъ назначило въ 1871 году 4.400 руб. Многимъ изъ наставниковъ церковно-приходскихъ школъ, отвлекаемыхъ отъ школьнаго занятія исполненіемъ требъ, это дало возможность нанять, для занятій въ школахъ, свободныхъ лицъ изъ окончившихъ, и не окончившихъ курсъ семинарій, духовныхъ и другихъ училищъ.

Изъ приложенной къ отчету г. инспектора вѣдомости видно, что по спискамъ значилось: въ городѣ Вологдѣ, при 17.754 чел. населеніи мужскаго пола (количество женскаго населенія не показано), въ 3-хъ приходскихъ училищахъ, 1-мъ женскому отдѣленіи, 1-й церковно-приходской школѣ и 3-хъ частныхъ, учащихся мужскаго пола 242, женскаго 29; въ Водогородскомъ уѣздахъ, въ 7-ми училищахъ, при населеніи, въ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ въ 18.330 мужскаго пола, 279 учащихся, и въ 4-хъ училищахъ, при женскому населеніи въ 10.364 человѣка, 42 учащихся. Въ городѣ Кадниковѣ, при населеніи въ 800 мужскаго пола и 860 женскаго, учащихся мальчиковъ 26 и дѣвочекъ 32; въ Кадниковскомъ уѣздахъ, въ 9-ти училищахъ при населеніи 12.890 мужскаго пола, учащихся мальчиковъ 225 и дѣвочекъ 16, и въ 6-ти училищахъ, при женскому населеніи 10.905 человѣкъ, учащихся дѣвочекъ 61. Въ городѣ Тотьмѣ, при населеніи въ 2.311 обоего пола, учащихся мальчиковъ 60; въ Тотемскомъ уѣздахъ, въ 7-ми училищахъ, при мужскому населеніи въ 11.976 че-

ловѣкъ, учащихся мальчиковъ 228. Въ городѣ Устюгѣ, при населеніи въ 3.189 человѣкъ мужскаго пола, учащихся мальчиковъ въ 2-хъ училищахъ 131; въ Устюгскомъ уѣздѣ въ 7-ми училищахъ, при мѣстномъ населеніи въ 11.304 человѣка, учащихся мальчиковъ 140, и въ 5-ти училищахъ, при женскомъ населеніи въ 8.620, учащихся дѣвочекъ 14. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, въ 3-хъ школахъ, при мѣстномъ населеніи въ одной мѣстности 644 человѣкъ обоего пола, учащихся мальчиковъ 29 и въ другой, при мужскомъ населеніи въ 3.374 мужскаго пола, 73 учащихся мальчиковъ; кромѣ того, въ одной частной школѣ 12 мальчиковъ. Въ гор. Никольскѣ, при населеніи въ 650 муж. пол., 41 учащійся мальч., и при 700 жен. пол., 17 дев.; въ Никольскомъ уѣздѣ, въ 7 училищахъ, при мѣстномъ населеніи въ 13.168 муж. пол., учащихся мальчиковъ 244, и въ двухъ училищахъ, при женскомъ населеніи въ 5.903 чл., учащихся дѣвочекъ 10; кромѣ того, въ одномъ училищѣ 25 учащихся мальчиковъ. Въ гор. Яранскѣ, при 1.591 чл. населеніи обоего пола, учащихся 46 мальчиковъ, въ Яранскомъ уѣздѣ, въ 8 училищахъ, при муж. населеніи въ 4.284 чл., учащихся мальчиковъ 195 и въ 5 училищахъ, при женскомъ населеніи въ 3.272 чл., учащихся дѣвочекъ 47. Въ гор. Устьысольскѣ, при населеніи въ 2.518 чл. обоего пола, учащихся мальчиковъ 71; въ Устьысольскомъ уѣздѣ, въ 17-ти училищахъ, при женскомъ населеніи въ 18.150 чл., учащихся "мальчиковъ" 241, и въ 2-хъ училищахъ, при женскомъ населеніи въ 2.084 чл., учащихся дѣвочекъ 10. Но еще неизвѣстно, въ какой степени указанное здесь число учащихся дѣствительно, такъ какъ г. инспекторомъ, при посыпеніи училищъ, найдено на лицо гораздо менѣе число учащихся.

Суммы, расходовавшіяся въ 1871 году на устройство и содержаніе сельскихъ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, имѣли слѣдующій размѣръ. Въ наиболѣе благопріятномъ положеніи были училища въ Вельскомъ уѣздѣ, гдѣ постоянныхъ расходовъ на училища было: отъ губернскаго земства 3.000 руб., отъ уѣзданаго 4.960 руб., отъ сельскихъ обществъ 196 руб. 5 коп. и отъ частныхъ лицъ 36 р., всего 8.192 руб. 5 коп. Затѣмъ слѣдуютъ училища уѣздовъ: Тотемскаго, получающія 4.125 руб. отъ уѣзданаго земства; Никольскаго—отъ уѣзданаго земства 1.805 руб. постояннаго и 869 руб. 95 коп. единовременнаго пособія; отъ сельскихъ обществъ постояннаго дохода 25 руб., отъ постороннихъ лицъ единовременнаго дохода 83 руб. 90 коп., всего 2.783 руб. 85 коп.; Кадниковскаго—отъ уѣзданаго земства ежегоднаго пособія 2.310 руб. и единовременнаго 370 руб. и отъ сельскихъ

обществъ постороннаго пособія 61 руб. 8 коп., всего 2.741 руб. 8 коп.; Вологодскаго — 2.500 руб. отъ уѣзднаго земства; Гразовецкаго — 1.535 руб. постороннаго и 965 руб. единовременнаго пособія, всего 2.500 руб.; Устьюгскаго — 2.320 руб. отъ уѣзднаго земства; Устьи-сольскаго — 1.880 руб. отъ уѣзднаго земства; Сольвычегодскаго — 1.425 руб. отъ уѣзднаго земства и отъ сельскихъ обществъ постороннаго пособія 195 руб. и единовременнаго 95 руб., всего 1.715 руб.; Яранскаго — отъ уѣзднаго земства 1.455 руб. и сельскаго общества 20 руб., всего 1.675 руб. Общий итогъ расходовъ на сельскія училища по Вологодской губерніи въ 1871 году слѣдующій: отъ губернскаго земства 3.000 руб.; отъ уѣздныхъ постороннаго расхода 24.915 р. и единовременнаго 2.204 руб. 96 коп.; отъ сельскихъ обществъ постороннаго расхода 497 руб. 19 коп. и единовременнаго 95 руб.; отъ постороннихъ лицъ постороннаго расхода 36 руб. и единовременнаго 83 руб. 90 коп.; всего же по губерніи 30.231 руб. 89 коп.

Г. инспекторъ народныхъ училищъ Пермской губерніи, осмотрѣвъ поданные ему училища въ теченіе первой трети настоящаго 1872 г., сообщаєтъ о нихъ слѣдующія общія замѣчанія:

Обученіе чтенію и письму вездѣ почти совершается по звуковому способу, при чёмъ во многихъ школахъ учителя знакомы уже съ тѣми замѣчаніями и съвѣтами касательно принятиенія этого способа къ практикѣ, которые предложены барономъ Корфомъ въ книгѣ „Русская начальная школа“; но нельзя не заметить, что хотя практическость и полезность звукового метода вездѣ сознана, однако мнѣгіе учителя положительно не умѣютъ пользоваться имъ какъ слѣдуетъ, и первѣцъ поэтому держатся старого, крѣпко вошедшаго въ привычку, буквослагательного способа. Причина этому заключается въ томъ, что, вонервныхъ, во многихъ училищахъ до сихъ поръ еще не имѣются надлежащіе руководительныи книги, изъ которыхъ бы учитель могъ почерпнуть полезныи для себя указанія, а вовторыхъ, учителя, приступая къ исполненію своихъ обязанностей, не могли раньше получить надлежащей подготовки къ своему дѣлу. Снабженіе каждого училища руководительными для учителя книгами до нѣкоторой степени могло бы способствовать самообразованію самихъ учителей; но, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи существуетъ полнѣшее отсутствіе всякой системы. Обыкновенно разсыпку книгъ принимаютъ на себя мѣстныи уѣздныи земскіи управы, и только въ Кун-

гурскомъ уѣздѣ этимъ дѣломъ завѣдуетъ уѣздный училищный совѣтъ по порученію уѣздной же управы. Рассылка эта совершиается, конечно, весьма неаккуратно, а иногда и безъ всякаго разбора. Въ Соликамскомъ уѣздѣ г. инспекторъ нерѣдко встречалъ въ школѣ *Ремесленную Газету*, рассылаемую управой и которая обыкновенно является тамъ безъ всякаго употребленія; а въ Кунгурскомъ уѣздѣ училищный совѣтъ почему-то нашелъ необходимымъ рассыпать по школамъ псалтири, часословы и тому подобнымъ книги, тогда какъ всюду въ Кунгурскомъ уѣздѣ замѣчается крайній недостатокъ въ по-литвенникахъ, евангeliяхъ, „Родномъ Словѣ“ Ушинскаго и т. п. Въ Пермскомъ уѣздѣ уѣздная управа даже не принимала на себя职责 по такимъ предметамъ, какъ бумага, чернила, карандаши и т. д., и во многихъ случаяхъ это дѣлается до того неаккуратно, что училища иногда по недѣламъ остаются или безъ бумаги, или безъ чернилъ, или безъ карандашей, то-есть, безъ такихъ предметовъ, которые настоятельно необходимы во всякой школѣ, но которыхъ однако же въ данномъ случаѣ нельзя найти гдѣ-либо въ деревнѣ или селѣ. По мнѣнію г. инспектора, было бы гораздо удобнѣе отпускать каждому училищу опредѣленную сумму на приобрѣтеніе всѣхъ необходимыхъ учебныхъ пособій, и потомъ только требовать строгой отчетности въ расходованіи подобныхъ суммъ. При мѣстныхъ же управахъ можно было бы образовать склады книгъ и всѣхъ необходимыхъ школьнѣхъ принадлежностей, какъ-то: бумаги, карандашей, грифелей, аспидинъ досокъ, и т. д. Но къ сожалѣнію, на это едва-ли согласятся мѣстныи управы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, такъ какъ они находятъ гораздо болѣе выгоднымъ принять на себя прямое снабженіе школъ книгами, чѣмъ справедливо въ денежнѣмъ отношеніи, но не удобно для успѣха самого дѣла. Такимъ образомъ, независимо отъ того, что во многихъ мѣстностяхъ сами учителя еще плохо усвоили себѣ новѣйшіе пріемы обучения, успѣшность послѣдняго весьма не-рѣдко затрудняется недостаткомъ въ школахъ учебниковъ и дру-гихъ школьнѣхъ принадлежностей.

Во многихъ вновь открытыхъ училищахъ Соликамскаго, Пермскаго, особенно Кунгурскаго и Камышловскаго уѣздовъ, оказывается крайній недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ, настоятельно необходимыхъ для болѣе или менѣе успѣшнаго веденія учебнаго дѣла. Не смотря на просьбы училищъ, обращенные къ училищному совѣту и къ земской управѣ, о снабженіи ихъ необходимыми, учебное дѣло по пѣльмъ мѣсяцамъ должно обходиться иногда безъ книгъ, не говор

уже о пособіяхъ для нагляднаго обученія, а въ нѣкоторыхъ училищахъ Пермскаго уѣзда даже безъ бумаги и чернилъ. Подобные недостатки, подрывающіе учебное дѣло при самомъ его началѣ, обезоруживаютъ самого опыта учителя, не говоря уже объ учителяхъ, только что начинающихъ свое поприще и малоопытныхъ, которыхъ, къ сожалѣнію, большинство. Малая успѣшность въ обученіи, неизбѣжная при такихъ условіяхъ на первыхъ же порахъ существованія школы, не только не можетъ возбудить и поддержать довѣріе со стороны мѣстного общества къ школьному дѣлу, но напротивъ того въ конецъ подрываетъ его; опытъ же показываетъ, что довѣріе къ училищу, однажды подорванное въ обществѣ мѣстныхъ сельскихъ обывателей, приходится потомъ съ большими трудамиъ востановлять въ теченіе многихъ лѣтъ; достаточно при этомъ указать на то обстоятельство, что въ мѣстностяхъ, гдѣ существовали училища вѣдомства государственныхъ имуществъ (какъ, напримѣръ, въ селѣ Березовкѣ, Кунгурскаго уѣзда, и во многихъ мѣстностяхъ Камышловскаго уѣзда), въ которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, учителя были весьма плохіе и обученіе шло дурно, отношения мѣстныхъ обществъ ко вновь открытымъ школамъ до сихъ поръ отличаются крайнимъ недовѣріемъ, и нужно много труда и настойчивости, чтобы склонить ихъ къ тѣмъ или другимъ пожертвованіямъ въ пользу школы. Вотъ почему г. инспекторъ полагаетъ, что прежде чѣмъ открывать какое-либо училище, нужно, впервыхъ, тотчасъ же снабдить его всѣми необходимыми пособіями, указанными въ книгѣ барона Корфа, а вовторыхъ, склонить крестьянъ дать для школы надлежащее помѣщеніе, а не такія, какія пришлось встрѣтить, напримѣръ, въ с. Дмитріевскомъ (Соликамскаго уѣзда), въ Полазнинскомъ 2-мъ училищѣ (Пермскаго уѣзда), въ Татарскомъ селѣ Верхне-Култымскомъ (Кунгурскаго уѣзда) и во многихъ мѣстностяхъ Камышловскаго уѣзда. При отсутствії такихъ существенно необходимыхъ условій, никакое толковое ученіе не возможно, даже при хорошемъ учителѣ.

Вследствіе вышеизложеннаго, г. инспекторъ не видѣтъ надобности, въ интересахъ надлежащаго и прочнаго установленія учебнаго дѣла, слишкомъ торопиться открытиемъ новыхъ училищъ и заботиться только о количествѣ послѣднихъ, а не о средствахъ къ надлежащему выполненію ими своей задачи. Нерѣдко приходилось встрѣтить въ Соликамскомъ и Кунгурскомъ уѣздахъ на мѣстахъ учителей весьма молодыхъ людей, не имѣющихъ даже свидѣтельствъ на званіе учителя, и только по необходимости допущенныхъ къ исправленію должностіи.

Необходимо требовать отъ такихъ лицъ, чтобы они, въ теченіе года своей службы, непремѣнно сдали установленные экзамены на званіе сельскихъ приходскихъ учителей.

Плохая подготовка учителей и малое ихъ знакомство съ цѣлями и задачами своего дѣла служить причиной того, что на объяснительное чтеніе вообще мало обращено вниманія, а во многихъ случаяхъ учителя даже и понятія не имѣютъ о томъ, въ чёмъ должно состоять объяснительное чтеніе. Письмо подъ диктовку, письменное изложеніе прочитанного или разказанного, какъ важнѣйшія практическія примѣненія искусства писать, и притомъ сознательно, во многихъ школахъ находятся въ, весьма неудовлетворительномъ состояніи, такъ что ученики на 3-мъ году своего ученія дѣлаются иногда весьма грубыя звуковыя ошибки. Подобныя явленія происходятъ частію отъ непониманія учителями важности подобныхъ письменныхъ упражненій, а частію отъ неумѣнія достигать хорошихъ результатовъ тѣмъ или другими практическими пріемами преподаванія. Одни только учительские сѣѣзы могутъ способствовать къ ознакомленію учителей съ методомъ преподаванія объяснительного чтенія и разъяснить съ надежающей ясностью важность самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Съ своей стороны, г. инспекторъ почти вездѣ предлагалъ учителямъ, кроме того, обращать вниманіе на чтеніе рукописей и письмо съ нихъ, для того, чтобы съ одной стороны, пріучить дѣтей къ разнообразнымъ рукописнымъ почеркамъ, разбирать которые въ крестьянскомъ быту не менѣе важно, какъ и чтеніе печатнаго шрифта; съ этой цѣлью г. инспекторомъ было рекомендовано доставать изъ местныхъ волостныхъ правленій ненужныя дѣловыя бумаги, и употреблять ихъ для чтенія и списыванія, при чёмъ таковыя бумаги должны быть сортируемы по степени разборчивости ихъ почерка, а самое чтеніе ихъ непремѣнно должно быть объяснительное.

Преподаваніе ариѳметики, въ большинствѣ случаевъ, страдаетъ отсутствиемъ наглядности и недантической сухостью и вялостью. Методъ Грубе во многихъ случаяхъ или можно понимается и дурно прилагается къ практикѣ, или же совсѣмъ удается изъ виду въ ущербъ успѣшности занятій. Учительские сѣѣзы и здѣсь могли бы служить пока единственнымъ средствомъ къ ознакомленію учителей съ правильными пріемами обученія ариѳметикѣ.

Что касается до закона Божія, то преподаваніе его хотя и находится въ большинствѣ осмотрѣнныхъ школъ въ рукахъ местныхъ священниковъ, но не можетъ быть названо удовлетворительнымъ. Чা-

стю многочисленность служебныхъ требъ, отвлекающихъ священниковъ отъ исполненія школьнѣхъ обязанностей, а частю недостатокъ умѣнія и усердія служить причиной этого печальнаго явленія. Преподаваніе это является по большей части сухимъ и безжизненнымъ, мало проникнутымъ любовью къ дѣтямъ и трудно для нихъ доступнымъ. Параграфъ 17-й Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 года, которымъ отдается на отвѣтственность священника-законоучителя вся религіозно-нравственная сторона учащихся, за весьма немногими исключеніями, также недостаточно строго исполняется ими. Что касается до обученія церковному пѣнію, то оно существуетъ не вездѣ и совершаются только со слуха. Во вновь открытыхъ школахъ молодые и неопытные учителя часто не знаютъ, какъ и приняться за это дѣло; въ такихъ случаяхъ ученики не умѣютъ даже пѣть молитвы предъ учениемъ и послѣ учения. Въ старыхъ же, давно существующихъ училищахъ обученіе пѣнію существуетъ почти везде, и во многихъ пермскихъ мѣстностяхъ ученики правильными хорами поютъ въ праздничные дни въ церкви во время богослуженія; но и въ этихъ случаяхъ священники рѣдко заботятся объ обученіи дѣтей церковному пѣнію и не помогаютъ въ этомъ дѣлѣ учителю. Въ большинствѣ осмотрѣнныхъ школъ время для говѣнія ученикамъ назначено на первой недѣльѣ великаго поста, между тѣмъ какъ на послѣдней недѣльѣ учения также не бываетъ; поэтому въ видахъ выигрыша учебнаго времени, г. инспекторомъ вслду было предложено, чтобы время для говѣнія учащихся назначалось постоянно на Страстной недѣльѣ.

Нигдѣ въ школахъ Пермской губерніи не введено до сихъ порь никакихъ ремесленныхъ занятій, частю по недостатку средствъ, частю по отсутствію мѣстныхъ руководителей этого дѣла. Было бы весьма желательно чтобы учителя сами предварительно были обучены какимъ-либо простымъ ремесламъ, напримѣръ, столярному, такъ какъ въ противномъ случаѣ, по соображеніи мѣстныхъ условій, трудно ожидать осуществленія мысли о введеніи ремеселъ въ число учебныхъ занятій школы. Гимнастическая упражненія также нигдѣ не введены въ училищахъ, по несознанію важности этого предмета въ дѣлѣ физического воспитанія дѣтей, а также по недостатку учителей, знающихъ это дѣло.

Во многихъ осмотрѣнныхъ училищахъ г. инспекторъ не встрѣчалъ должнымъ образомъ составленныхъ расписаний классныхъ занятій; по всему замѣтно, что учителя недостаточно сознаютъ важность

точнаго и строгаго распределенія своихъ уроковъ. По этому предмету учителямъ было внушено, что школьнаго расписаніе составляется не для ревизоровъ, какъ это бывало въ прежнее время, а для преподавателей и учениковъ; оно должно составляться самими учителями и можетъ передѣлываться потомъ нѣсколько разъ въ теченіе года сообразно съ ходомъ ученическихъ успѣховъ; но разъ составленное, оно должно быть строго соблюдаемо учениками, какъ для того, чтобы точностю въ исполненіи своего долга подавать ученикамъ живой примѣръ необходимости выполнять свои обязанности, такъ и въ виду требованій школьнай дисциплины.

Почти нигдѣ не опредѣлено времени для приема учениковъ въ школу; ученики обыкновенно принимаются въ теченіе круглаго года. Учителя сознаютъ неудобство подобнаго порядка вещей, но не стараются устранить его, изъ ложнаго опасенія оттолкнуть крестьянъ отъ школы, а между тѣмъ, такой порядокъ извѣшаетъ учителю сортировать учениковъ по успѣхамъ, что вредить общему ходу ученическихъ же успѣхъ дѣтей, происходящіе отъ того, подрываютъ довѣріе крестьянъ къ школѣ. Поэтому учителямъ, законоучителемъ и попечителямъ школъ было вмѣнено въ обязанность, чтобы они старались внушать крестьянамъ о необходимости отдавать дѣтей въ школу въ началѣ учебнаго года и даже объявить это на сельскомъ сходѣ.

Ученики часто пропускаютъ уроки, по винѣ родителей; въ виду этого г. инспекторъ наставникамъ и попечителямъ рекомендовалъ внушать крестьянамъ о вредѣ неаккуратнаго посѣщенія школы, а учениковъ, часто пропускавшихъ уроки безъ особено уважительныхъ причинъ, исключать изъ списковъ. Нерѣдко, впрочемъ, причиною такого явленія бываетъ бѣдность учениковъ, не имѣющихъ иногда теплой одежды, и удаленность училища; квартира же для такихъ учениковъ, правильно устроенныхъ, до сихъ поръ нѣть, и только въ нѣкоторыхъ пермскихъ сelaхъ начинаютъ подумывать объ этомъ; земства же, озабоченные главнымъ образомъ открытиемъ новыхъ школъ, пока еще не предпринимаютъ серіозныхъ мѣръ по этому предмету.

Замѣчанія по всѣмъ этимъ пунктамъ сообщены г. инспекторомъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ для надлежащаго обсужденія и для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ къ устраненію указанныхъ въ нихъ недостатковъ по школьному дѣлу.

Отчетъ по обозрѣнію Благовѣщенскаго и Заинскаго двуклассныхъ училищъ (въ Уфимской губерніи) въ 1871 году заключаетъ въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія.

Училища эти открыты въ 1867 году и въ четыре года своего существованія успѣли пріобрѣсти не малое довѣріе общества, чemu много спосабствовало усердіе учителей, въ особенности учителя Заинскаго училища Шалина, перемѣщенаго въ 1871 году въ Благовѣщенское училище. Добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей преподавателями сего послѣдняго (священникъ Вознесенскій и гг. Шалинъ и Губановъ) подтвердилося произведенными при ревизіи испытаніями и собранными г. директоромъ училищъ свѣдѣніями. Число учащихся, во время ревизіи, въ первыхъ числахъ декабря 1871 года, значилось по спискамъ 151, изъ нихъ явилось въ классы въ此刻 g. директора 132. Изъ числа 151 ученика въ 1-мъ классѣ состояло 131, въ 2-мъ — 20. Ученики 1-го класса подраздѣлены на 3 отдѣленія и занятія во всѣхъ отдѣленіяхъ распределены такимъ образомъ, что мальчики никогда не остаются безъ дѣла. Не смотря на многочисленность класса, успѣхи довольно удовлетворительны. Мальчики толково разказываютъ главные события изъ священной исторіи, понимаютъ главнѣйшія молитвы, читаютъ и знаютъ счетъ довольно порядочно, чѣмъ для класса, заключающаго въ себѣ 131 мальчика, весьма достаточно. Второй классъ раздѣленъ на 2 отдѣленія. Здѣсь изучается вся священная исторія, краткій католицизмъ, объясняется богослуженіе, по русскому языку граматика, затѣмъ русская исторія и географія, ариѳметика и общія понятія изъ геометріи. Сверхъ того, учитель Губановъ упражнялъ учениковъ въ черченіи и рисованіи. Въ этомъ классѣ г. директоромъ были произведены болѣе подробныя испытанія, при чѣмъ многіе ученики оказали весьма основательныя познанія въ законѣ Божіемъ, ариѳметикѣ и русской географії. Въ сентябрѣ прошлаго 1871 года введено обученіе столярному ремеслу, которому обучались всего 22 мальчика. Такое небольшое число учащихся объясняется частію тѣмъ, что изъ числа 151 ученика взрослыхъ мальчиковъ еще не такъ много; частію же и тѣмъ, что Благовѣщенскъ состоитъ болѣею частію изъ заводскихъ жителей, слѣдовательно ремесленниковъ, дѣти которыхъ имѣютъ полную возможность изучать ремесла и дома. Ученіе начинается и оканчивается молитвою, которая поется мальчиками довольно порядочно. Пѣнію обучаютъ мальчиковъ учителя по слуху. Училище помѣщается въ домѣ, устроенному заводовладѣльцемъ г. Дашковымъ, а помѣщеніе

учителей въ домѣ, устроенному на суммы, отпущенные изъ казны-
чества, гдѣ предполагается устроить и самый домъ для училища.
Изъ суммъ, жертвуемыхъ обществомъ на содержаніе училища (300 руб.
въ годъ) образовался уже значительный остатокъ, а потому, если не
въ настоящемъ, то въ будущемъ 1873 году, приступлено будетъ къ
постройкѣ дома, въ чмъ, какъ г. директоръ надѣется, примѣтъ уча-
стіе и заводовладѣлецъ, оказавшій столько сочувствія къ дѣлу на-
роднаго образования. Въ послѣдствіи, по окончаніи постройки дома,
изъ тѣхъ же 300 руб., жертвуемыхъ ежегодно обществомъ, можно
будетъ устроить и другую небольшую школу, въ чмъ и въ настоя-
щее время чувствуется потребность. Въ числѣ учащихся, 83 ученика
принадлежать частію къ единовѣрью, частію же, хотя не много,
къ расколу. Нѣкоторые изъ единовѣрцевъ обучаются и закону Божию.

Въ Заинскомъ двухклассномъ училищѣ, въ декабрѣ 1871 года, со-
стојало учащихся въ двѣхъ классахъ 107. Первый классъ раздѣленъ
на 3 отдѣленія, второй на 2. Познанія учащихся въ обоихъ классахъ
по всѣмъ предметамъ довольно удовлетворительны, за исключеніемъ
(во 2-мъ классѣ) русской исторіи, по которой разказъ учениковъ
страдаетъ недостаткомъ послѣдовательности, и географіи, по которой
зажѣвается недостатокъ знакомства съ картами. Учителя Халдѣевъ
и Гущинъ относятся къ исполненію своихъ обязанностей съ полнымъ
усердіемъ; но законоучитель дѣлаетъ значительные пропуски уроковъ,
по случаю исполненія духовныхъ требъ. Училище помѣщается въ
весьма удобномъ домѣ, устроенному на счетъ казны. Мальчики, какъ
Влаговѣщенскаго, такъ и Заинскаго училища держать себя довольно
порядочно. Въ истекшемъ году двое изъ окончившихъ курсъ въ
Заинскомъ училищѣ выдержали испытаніе на званіе сельскихъ учите-
лей и получили назначение.

Иркутская сиропитательно-ремесленная школа состоять подъ покро-
вительствомъ генераль-губернатора Восточной Сибири и подъ вѣдѣ-
ніемъ Иркутского городскаго общества. Управление школою ввѣрено
совѣту Иркутского сиропитательного дома г-жи Медвѣдниковой, подъ
предсѣдательствомъ городскаго головы. При школѣ состоять смотри-
тель, экономъ и два учителя. Для производства дѣлъ и счетоводства
состоять при школѣ бухгалтеръ съ помощникомъ и письмоводитель,
а при больнице лѣкарь. Къ 1-му января 1871 года состояло воспи-
таниковъ 9, стипендіатовъ 19 и пансионеровъ 16, всего 44 мальчика.

Нельзя въ теченіе года выбыло по желанію родственниковъ 4 мальчика, затѣмъ вновь принято 4 пансионера со взносомъ ежегодно пансионерной платы. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1872 года въ школѣ состоять то же число мальчиковъ, что и въ предшествѣ тоду. Преподаваніе положенныхъ по уставу ремесленной школы предметовъ, какъ-то: русскаго языка, ариѳметики, закона Божія, произво дилось въ одномъ классѣ, съ подраздѣленіемъ учащихся на 2 отдѣ ленія. Въ 1-мъ или приготовительномъ отдѣлѣ обучались совер шенно безграмотные мальчики первоначальному чтенію и письму, по методу Ушинскаго, во 2-мъ отдѣлѣніи въ руководство для обученія были приняты „Книга для чтенія“ Паульсона, „Родное Слово“ Ушин скаго и „Міръ Бога“ Разина. Преподаваніе ариѳметики производи лось по учебнику, изданному министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ уменіемъ задачъ практическій на счетахъ, а преподаваніе закона Божія дополнялось бесѣдами священника-учителя о правилахъ хри стіанской вѣры и нравственности и христианскомъ богослуженіи. Изъ обучавшихся, по произведеніи экзаменовъ по всѣмъ предметамъ и соображеніи годичныхъ успѣховъ въ наукахъ, ремеслахъ и поведеніи, оказалось: отличныхъ 6, хорошихъ 20, посредственныхъ 18. При первоначальномъ открытии школы, учреждены три мастерския: столярная, сапожная съ башмачной и портняжной. Въ теченіе 1871 года, при ограниченностіи имѣющихихся средствъ, устройство другихъ мастерскихъ, какъ-то: токарныхъ, слесарныхъ и другихъ, не представлялось возможнымъ. Введенія же мастерства не только удовлетворили потребностямъ школы въ заготовленіи предметовъ, но дали возможность принимать заказы и отъ постороннихъ мѣстъ, такъ что столярная мастерская въ 1871 году, въ числѣ двухъ мастеровъ съ 12-ю мальчиками, въ состояніи была окупить жалованье мастерамъ. Мастерская сапожная съ башмачнымъ ремесломъ также принимала посторонніе заказы и окупала содержаніе мастера съ подмастерьями, приготовивъ бесплатно обувь для мальчиковъ. Въ этой мастерской обучается 12 мальчиковъ. То же слѣдуетъ сказать и о портняжной мастерской, имѣющей 19 мальчиковъ. Такимъ образомъ, по техническимъ работамъ распределено 43 мальчика; одинъ же мальчикъ, по недостаточному возрасту, занимается уроками только въ классѣ. Занятія учащихся въ мастерскихъ ограничиваются 4-ми часами. Религіозное образованіе мальчиковъ, по мѣрѣ развитія умственныхъ способностей, вполнѣ соответствуетъ цѣлямъ заведенія. Христіанская обязанности исполняются мальчиками каждодневно; въ праздничные и воскресные дни они хо-

датъ къ обѣднѣ въ приходскую церковь. По поведенію мальчики распредѣляются такъ: отличныхъ 20, хорошихъ 15 и посредственныхъ 9. Въ гигиеническомъ отношеніи принимаются надлежащія мѣры. Пища приготавливается свѣжая, здоровая и въ достаточномъ количествѣ, и т. д. Дѣйствительный капиталъ школы простирается до 8.627 руб. 37 коп.; изъ него израсходовано въ теченіе года 8.014 руб. 6 коп.; остатокъ къ 1872 году, выѣтъ съ вновь поступившими на 1872 годъ материальнымъ имуществомъ, заключающемся въ разныхъ припасахъ, составляетъ 613 руб. 30 коп.

Въ заключеніе сообщаемъ слѣдующія свѣдѣнія о числѣ училищъ, учащихся въ нихъ и расходахъ на ихъ содержаніе, въ вѣдомостяхъ инспекціи народныхъ училищъ въ С.-Петербургской губерніи, за 1871 годъ.

Въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ было 22 училища, учащихся муж. пола 717, женск. 476; средствъ на ихъ содержаніе отъ городского и сельского общества, отъ земства, частныхъ пожертвованій и платы за учащихся 7.496 руб. 20 коп.; единовременнаго пособія отъ министерства народного просвѣщенія 170 руб.

Въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ училищъ 15, учащихся мужскаго пола 322, женск. 75; содержанія 1.756 руб.

Въ Царскосельскомъ уѣздѣ училищъ 27, учащихся муж. пола 920, женск. 311; содержанія 3.934 руб. 50 коп.; единовременнаго пособія отъ министерства народного просвѣщенія 190 руб.

Въ Петергофскомъ уѣздѣ училищъ 41, учащихся по спискамъ значилось 1.060 муж. пола и 406 женскаго; при осмотрѣ на лицо найдено муж. пола 825, женск. 308; содержанія 4.535 руб.; единовременнаго пособія отъ министерства 675 руб.

Въ Лужскомъ уѣздѣ училищъ 32, учащихся муж. пола 765, жен. 114; содержанія 8.168 руб. 77 коп.; единовременнаго пособія отъ министерства деньгами 310 руб., книгами на сумму 415 руб.

Въ Новоладожскомъ уѣздѣ училищъ 54; учащихся по спискамъ значилось муж. пола 989, женск. 225, при осмотрѣ на лицо найдено муж. пола 864, женск. 195; содержанія 3.536 руб. 45 коп.; единовременнаго пособія отъ министерства деньгами 420 руб., книгами на сумму 387 руб. 9 коп.

Въ Ямбургскомъ уѣздѣ училищъ 15, учащихся муж. пола 497, жен. 135; содержанія 2.448 руб. 48 коп.

Въ Гдовскомъ уѣздѣ училищъ 61, учащихся муж. пола 1.715, женск. 211; содержанія 4.895 руб. 30 коп.; единовременнаго пособія изъ министерства деньгами 280 р., книгами на сумму 533 р. 57 к.

А всего по С.-Петербургской губерніи состояло въ 1871 году училищъ 267; учащихся муж. пола 7.154, женск. 2.010; содержанія 36.776 руб. 70 коп.; единовременнаго пособія отъ министерства народнаго просвѣщенія деньгами 2.045 р., книгами на сумму 2.480 р.

Впрочемъ, такъ какъ о многихъ изъ сельскихъ училищъ свѣдѣній училищными совѣтами не доставлено, то и цифры итоговъ не могутъ быть признаны совершенно точными.

ИНОСТРАННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Съ 20-го по 23-е мая настоящего года въ Гамбургѣ собирался *двенадцатый* съездъ нѣмецкихъ учителей. Явление очень важное въ педагогической жизни Германіи, эти съезды обращаютъ на себя благосклонное вниманіе специалистовъ-педагоговъ и вообще всѣхъ образованныхъ гражданъ. Въ нихъ педагоги видятъ средство подѣлиться своими знаніями, опытами и наблюденіями, выработать общую программу, объединиться; словомъ, видятъ очень важное средство для успѣшного процвѣтанія школы. Съезды нѣмецкихъ учителей какъ нельзя лучше оправдываютъ эти мнѣнія. Они дѣйствительно объединяютъ нѣмецкихъ педагоговъ и часто даже лучше, чѣмъ педагогическая журналистика, выясняютъ темные и запутанные вопросы школьнной жизни. Понятно, что мысль или проектъ, обсужденные тысячами компетентныхъ педагоговъ, имѣютъ всѣ данные для того, чтобы не быть односторонними, и могутъ соответствовать потребностямъ школы. Оттого-то резолюціи създа по различнымъ вопросамъ имѣютъ важное вліяніе на нѣмецкую школу; ими руководятся, какъ кодексомъ педагогическихъ законовъ. По этимъ резолюціямъ можно составить самое ясное понятіе, какіе педагогические вопросы занимаются въ данное время Нѣмцевъ, какіе недостатки стѣсняютъ школу, какихъ дидактическихъ и дисциплинарныхъ правилъ держатся нѣмецкіе учителя. Чтобы имѣть понятіе о нуждахъ, характерѣ, стремленіяхъ современной нѣмецкой школы необходимо просматривать протоколы педагогическихъ обществъ и общихъ учительскихъ съездовъ.

Двадцатый съездъ нѣмецкихъ учителей, по численности участниковъ, по оживленности преній и важности добытыхъ результатовъ, стоитъ неизмѣримо выше предшествовавшихъ съездовъ. Это былъ первый съездъ послѣ прусско-французской войны новой нѣмецкой имперіи, события, завершившаго собою дѣла германского единства. На

долю двадцатого съезда немецкихъ учителей выпала задача приспособить школу къ новому положению, выработать организацію школы, уничтожить и здесь рознь и дѣление. На задачѣ съезда лежалъ еще вопросъ объ отношеніи школы и церкви, вопросъ, только что возбужденный въ Германіи. Все это сильно оживило съездъ, придало ему значеніе и даже повлияло на характеръ его дѣятельности: съездъ тѣль много занимался вопросомъ объ организаціи школы, что частные вопросы педагогические и дидактические отступили на задній планъ.

Въ силу всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ съездъ былъ особенно многочисленъ, рефераты содержательны, сужденія горячи и многосторонни. Всѣхъ педагоговъ, прибывшихъ на съездъ въ Гамбургъ, считаются болѣе 5,000. Засѣданія продолжались всего три дня; но нельзѧ сказать, чтобы въ теченіе этого времени мало было сдѣлано. Чѣмъ убѣдиться въ этомъ, стоять лишь пересмотрѣть рефераты, прочитанные на съездѣ. Было прочитано въ три дня до тридцати рефератовъ, темы которыхъ касаются вопросовъ, наиболѣе занимающихъ въ настоящее время педагогический міръ въ Германіи. Вотъ для примера нѣкоторыя изъ этихъ темъ: „Нѣмецкая национальная школа“ — Вихарда Дааге, „Корпоративная самопомощь учителей“ — Фердинанда Шнели, „Какъ предохранить нѣмецкую школу отъ вѣнчаний и внутреннихъ опасностей“ — Ф. Дункера, „Какъ должно поставить школу въ виду настоящихъ политическихъ, церковныхъ и соціальныхъ отношеній“ — Кизеля, „Друзья и враги нормальной народной школы“ — Эхмана, „Какого ограниченія и какого расширения учебного материала требуетъ въ наше время здравый педагогиг“ — Циммермана, „Ремесленныя дополнительныя школы и ихъ отношенія къ народной школѣ“ — Эссена, „О приготовительномъ образованіи семинаристовъ“ — Кера, „Организація семинарій“ — Пауди, и пр. Рядомъ съ этими вопросами, организаторскими по преимуществу, идутъ вопросы дидактические, до методикъ различныхъ предметовъ.

Мы можемъ только жалѣть, что нѣкоторыхъ рефераторовъ сообщить цѣлѣкомъ, такъ какъ это превысило бы предѣлы хроники. Желая быть по возможности краткими, мы сообщимъ лишь тезисы, которые развивали въ своихъ рѣчахъ ораторы, и резюмирующіе съезда по различнымъ предметамъ. Этогоѣ будетъ вполнѣ достаточно для характеристики мнѣній и взглядовъ нѣмецкихъ педагоговъ.

Первымъ ораторомъ въ первое общее засѣданіе съезда былъ В. Дааге. Онъ говорилъ „о нѣмецкой народной школѣ“, и рѣчь его была построена прерываема аллюзиями, а въ концѣ визвала все-

общее сочувствие: очевидно, что содержание его рѣчи отвѣтствовало потребностямъ времени и взглядамъ большинства. Главная мысль его та, что организація нѣмецкихъ школъ не полна и не удовлетворительна; нужны новые, составленные по новому плану заведенія, чтобы удовлетворить возникшемъ потребностямъ.

Вопросъ объ организаціи школъ авторъ признаетъ самымъ важнымъ основнымъ вопросомъ педагогики, съ разрѣшенiemъ котораго удачно разрѣшатся самые жгучіе вопросы. Вопросы методические нашли удачное примѣненіе и разрѣшеніе, и нельзя по этой части ждать много нового въ скоромъ времени. Въ этомъ отношеніи школа довольно обеспечена. Мы имѣемъ, сказаъ Ланге, прекрасныя школы, но къ сожалѣнію, не имѣемъ народнаго образования. Этому горю можно помочь, только преобразовать систему школъ. За этимъ вступлениемъ Ланге сдѣлала критику существующей системы школъ и представилъ свой проектъ.

Гимназія и рядомъ съ нею реальное училище удовлетворяютъ потребностямъ времени, но къ сожалѣнію, эти прекрасныя и полезныя заведенія поставлены въ фальшивое положеніе данными имъ привилегіями. Главное мѣсто между такими привилегіями занимаетъ привилегія воинской повинности. Реальная школа для многихъ сдѣлалась ничтѣмъ инымъ, какъ лишь средствомъ для получения привилегій; родители берутъ дѣтей изъ народной и средней школы единственно съ этой цѣлью. Образованіе такихъ дѣтей обыкновенно продолжается только до секунды, — гдѣ дается привилегія; получена привилегія кончается и образованіе. Это обстоятельство очень вредно вліяетъ на характеръ національнаго образованія, потому что а) отвлекаетъ отъ народной школы средства и силы, б) распространяетъ отрывочное, поверхностное, незаконченное образованіе, в) вводить въ общій относительно стремленій къ образованію, такъ какъ количество реальныхъ училищъ не показываетъ, что образованіе процвѣтаетъ, и что народъ желаетъ образованія. Количество реальныхъ школъ можетъ свидѣтельствовать лишь о любви народа къ привилегіямъ и о потребности къ приобрѣтенію оной. Словомъ, привилегіи извратили истинный характеръ высшихъ школъ и могутъ убить народное образованіе.

Мыслящіе граждане давно уже сознали неправильность такого положенія дѣла; они узнали по опыту, что то образованіе, которое даетъ реальное училище, въ высшей степени недостаточно, и желали исправить это дѣло. Всѣ измѣненія въ курсѣ реального училища этому не помогали, потому что требовалось основаніе новыхъ, состав-

денныхъ по новому плану, школъ, которыхъ, примыкая къ курсу народной школы, расширили бы и доканчивали бы образованіе нѣмецкаго юношества, давали бы цѣльное образованіе, и такимъ образомъ устранили бы обычай ограничивать образованіе секундою реальнаго училища. Между проектами этого рода первое мѣсто по времени и важности занимаетъ проектъ школьнаго совѣтника Гофмана изъ Берлина. Гофманъ предлагаетъ рядомъ съ гимназіями и реальными училищами учредить новыя заведенія, которыхъ онъ называетъ „средними школами“. Онъ утверждаетъ, что съ учрежденіемъ этихъ школъ и ограниченіемъ привилегій реальныхъ училищъ хорошее образованіе получить большую поддержку, а реальные училища получать свое истинное назначение. Въ сущности этотъ проектъ предложилъ съѣзду и В. Ланге. Онъ, впрочемъ, не соглашается съ Гофманомъ, относительно названія школы; по его мнѣнію, это название ничего не говоритъ. Онъ предлагаетъ такія школы назвать „нѣмецкими“, и говорить, что такое название вытекаетъ изъ сущности дѣла. Какъ въ гимназіи предметы обученія концентрируются около изученія Греціи и Рима, въ реальной школѣ около математики и естествознанія, такъ въ нѣмецкой школѣ все обученіе должно группироваться около тѣхъ предметовъ, которые возбуждаютъ любовь къ родинѣ и приготовляютъ къ практической жизни. Эти предметы: нѣмецкій языкъ, исторія и географія Германіи. Гармоническое развитіе человѣка должно быть первою и главною задачею такихъ школъ. При этомъ Ланге очень порицаетъ нѣмецкія высшія школы за то, что они небрегутъ о физическомъ воспитаніи. Приводимыя имъ статистическія данныя показываютъ, что такое порицаніе не безосновательно. Ланге не входитъ въ опредѣленіе подробностей плана предполагаемыхъ имъ училищъ; главная его задача—обратить вниманіе съѣзда лишь на необходимость ихъ учрежденія. По его мнѣнію, „нѣмецкая школа“ должна быть высшимъ общеобразовательнымъ заведеніемъ, послѣ котораго можетъ начинаться специальное образованіе. Приготовленіе къ ней должна давать элементарная школа, но не та школа, которая существуетъ теперь; этой референтъ совершенно не удовлетворяется. То, чтобъ мы теперь называемъ народною школою, говорить онъ, есть печальное явленіе; здѣсь видно смѣшеніе словъ—бѣдный и народъ. Мы собственно не имеемъ народныхъ школъ, мы имеемъ лишь школы для бѣдныхъ, для крестьянъ. Мы хотимъ такой народной школы, которую могъ бы съ пользою посѣщать каждый нѣмецкій ребенокъ которая достаточно приготовила бы къ высшему общеобразовательному заведенію,

Коснувшись еще многихъ другихъ, существенныхъ для школы вопросовъ, референтъ всю рѣчь свою формулировалъ въ слѣдующихъ тезисахъ:

1) Прежде всего необходимо разрѣшить по принципамъ современной педагогики и согласно съ требованіями соціальной жизни вопросъ объ организаціи школы.

2) Школа распадается: на школу элементарную и высшія школы, а эти послѣднія: а) на нѣмецкую школу, б) реальное училище и с) гимназію.

3) Въ элементарной школѣ обученіе бесплатнo, а въ двухъ высшихъ классахъ нѣмецкой школы съ платою.

4) Реальное училище и гимназія—равноправныя учебныя завѣденія.

5) Нѣмецкая школа и элементарная школа въ совокупности образуютъ нѣмецкую народную школу.

6) Какъ въ гимназіи всѣ предметы группируются около древніхъ языковъ, въ реальномъ училищѣ около математики и естествознанія, такъ въ національной школѣ центръ составляютъ тѣ предметы, которые возбуждаютъ любовь къ родинѣ, возвышаютъ силу народа и воспитываютъ для жизни гражданской.

7) Въ будущее время привилегію одногодичной военной повинности должны имѣть лишь тѣ ученики, которые получили выпускное, полное свидѣтельство изъ какой-нибудь высшей школы.

8) Теперь образованіе учителей распадается на гуманистическое и реалистическое; въ будущемъ же всѣ должны иметь научное и педагогическое образованіе.

9) Должно возвысить научные требованія въ семинарияхъ; семинаристы должны учиться по французски и по англійски.

10) Государство должно учредить исправительные и охранительные завѣденія для тѣхъ дѣтей бѣдныхъ родителей, удаленіе коихъ изъ дома необходимо.

11) Должно заботиться объ учрежденіи высшихъ заведений, примыкающихъ къ разряду пѣмѣцкихъ школъ, даже и по деревнямъ.

За рѣчью Ланге послѣдовала рѣчь Шварца „по поводу нового закона о школьній инспекції“. Этотъ вопросъ въ продолженіи долгаго времени живо волновалъ педагогической и политической міръ. Нѣмецкая публика съ живымъ участіемъ слѣдила за препріями прусскихъ палатъ объ этомъ вопросѣ и съ одушевленіемъ привѣтствовала утвержденіе нового закона. По всему этому можно было ожидать, что рефератъ Шварца произведетъ впечатлѣніе. Такъ дѣйствительно и

случилось. Референтъ высказалъ, что духовенство для надзора за школами имѣло мало охоты и еще менѣе способности. Такое замѣненіе было приято собраниемъ вполнѣ сочувственно. Князь Бисмаркъ, продолжалъ референтъ, дѣло добро для школы, можетъ быть, менѣе всего имѣть въ виду ея выгоды; школа должна собственными стараніями извлечь для себя все лучшее изъ этого закона; она должна поставить инспекцію такъ, какъ этого требуетъ благо народного образования. Слѣдующія мнѣнія о примѣненіи закона составляли тезисы всего реферата:

1) Мѣстная инспекція должна быть отмѣнена.

2) О надзорѣ за школами должно заботиться государство.

3) Для этого оно должно избирать людей, специально подготовленныхъ къ дѣлу, и притомъ, изъ среды учительского сословія.

Во время преній по тезисамъ учителя выразительно высказали необходимость инспекціи для школъ и учителей: „Наше сословіе не требуетъ столь бдительного надзора, какъ сословіе учительское. Мы (учители) не хотимъ остаться безъ надзора, но желаемъ надзора отъ специалистовъ“. Съ другой стороны, было подтверждено, что мѣстная инспекція должна быть уничтожена и вполнѣ достаточно окружной инспекції. Окружные инспекторы избираются всѣми учителями округа. Инспекція не должна быть лишь постороннею должностіемъ; потому должна быть хорошо оплачиваема. Окружные инспекторы избираютъ школьного советника по достоинству, не обращая вниманіе на сословіе и положеніе въ обществѣ.

Въ второе засѣданіе Бургвардтъ изъ Висмаря прочиталъ рефератъ подъ названіемъ: „Школа на ложномъ пути“. Основная мысль реферата состояла въ томъ, что возвышение школы и распространеніе народного образования никакъ не препятствуютъ упадку нравственности и умноженію пороковъ. Статистическія данныя о цифрахъ преступлений сравнительно съ цифрой ученыхъ, и мнѣнія Руссо и Гегеля объ отношеніи науки и искусства къ нравственности референтъ структурировала въ доказательство своего положенія. Причину того печального явленія, что образование и нравственность не возвышаются вмѣстѣ, референтъ видѣтъ въ томъ, что школа неправильно поставлена, что въ ней главная забота обращена на обученіе, и что прежде всего она считается учебнымъ заведеніемъ. Практическія требования жизни, говорилъ референтъ, поставили школу на путь материализма; въ школѣ не существуетъ воспитательныхъ элементовъ; посредственный учитель ариѳметики считается гораздо выше самого лучшаго законоучителя.

Школа должна бросить эту односторонность, она должна быть прежде всего заведением *всестороннимъ*. Въ виду всего этого референтъ предложилъ собранию внести въ протоколъ ХХ-го съезда слѣдующее положение: „ХХ-й съездъ нѣмецкихъ учителей объявляетъ, что нѣмецкая народная школа, по главной задачѣ своей, есть прежде всего воспитательное заведеніе для нравственнаго образованія нѣмецкаго юношества, и потому уже учебное заведеніе,—для приобрѣтенія знаній“. Это положеніе вызвало почти общій протестъ участниковъ съезда; они знали, къ чему можетъ повести это, по видимому, спра-ведливое требование; за нимъ удобно можетъ скрываться рутинъ и консерватизмъ самого никакаго сорта. Нашлось не мало оппонентовъ, между коими главное мѣсто принадлежитъ извѣстному директору учительской семинарии Любену. Онъ поставилъ референту на видъ, что статистика не можетъ привести ясныхъ доказательствъ въ пользу мнѣнія, что упадокъ нравственности, если онъ и существуетъ, стоитъ въ связи съ образованіемъ. Обученіе, говорилъ Любень, должно быть воспитывающимъ, но школа не можетъ быть заведеніемъ по принципу воспитательнымъ. Если теперь не достигаются школой воспи-тательные цѣли, то это потому, что не педагогически преподаются именно тѣ предметы, которые должны дѣйствовать на воспитаніе, напримѣръ, законъ Божій. Во многихъ деревенскихъ школахъ законъ Божій преподается такъ, какъ было бы прылично лишь въ специально-богословскихъ заведеніяхъ: школьниковъ заставляютъ знать комъ и *ядъ* Давидъ отрѣзаль у Саула край одежды; ихъ память нагруждаютъ далеко не важными подробностями изъ истории Евреевъ. Должно во многомъ ограничить материалъ обученія этого предмета, но за то его обработать такъ, чтобы на первомъ шагѣ стояло существенное, исклю-ющее нравственное влияніе. Точно то же замѣтилъ Любень и относи-тельно другихъ предметовъ преподаванія. Положеніе референта от-вергли, и внесли въ протоколъ по этому предмету слѣдующее заявленіе Гамбургскаго пастора Гирша: „Лишь та школа исполнить свою задачу, которая, по выбору и методической обработкѣ материала и по воздѣ-ствію чрезъ учебный материалъ на сердце и волю учениковъ, назы-ваетъ себя воспитательной школою. Современная школа не можетъ быть обвиняема за упадокъ нравственности; тѣ пороки, которые за-мѣчаются въ современномъ обществѣ криминалисты, никакъ не мо-гутъ быть приписываемы школѣ“.

Мы сказали, что современные политическія и религиозныя обстоя-тельства повлияли на нѣмецкую школу; ей предстоитъ необходимость

стать нѣсколько въ другія отношенія, чтобы не очутиться въ разладѣ съ жизнью страны. Съѣздъ обратилъ на это вниманіе, и Кинзель изъ Бреславля сдѣлалъ предметомъ своего реферата вопросъ о томъ, „какъ должно поставить школу въ виду современныхъ политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ отношеній“. Онъ требовалъ, чтобы нѣмецкая школа представила единство, чтобы она была государственною, а не церковною, чтобы надзоръ надъ нею былъ педагогический. Вся рѣчь его была формулирована въ слѣдующихъ тезисахъ:

1) Народная школа должна быть национально-нѣмецкою школою; она должна служить не какимъ-нибудь одностороннимъ принципамъ, но воспитанію нѣмецкаго юношества въ нравственной свободѣ.

2) Чтобы достигнуть этого, школа должна основываться на началахъ здравой нѣмецкой педагогики и удаляться отъ всякаго постороннаго вліянія, заграждающаго ей путь къ преуспѣянію; прежде всего, школа должна избавиться отъ церковной опеки и конфессіональнаго преподаванія закона Божія.

3) Для процвѣтанія школы необходимо специальнѣо педагогическая инспекція и представительство учителей въ училищномъ управлениі.

4) Для процвѣтанія школы необходимо лучшее, чѣмъ теперь, приготовленіе учителей и болѣе достаточное вознагражденіе ихъ.

5) Потребно участіе общества для улучшенія школы и быта учителей.

Въ послѣднее засѣданіе съѣзда Циммерманомъ изъ Гамбурга прочитанъ былъ рефератъ о томъ, „какого ограниченія и какого расширенія учебнаго матеріала требуютъ обстоятельства настоящаго времени и здравая нѣмецкая педагогика“.

Авторъ реферата съ уваженіемъ отнесся къ дѣятельности нѣмецкихъ педагоговъ; въ обилии педагогическихъ изданій, какъ и въ распространенности въ обществѣ здравыхъ педагогическихъ идей, нашелъ лучшее доказательство тому, что они вырѣшили своему призванію и съ горячою любовью относятся къ своему дѣлу. Почему же, однако, спрашивалъ онъ, при такихъ усердныхъ дѣятеляхъ, школа нѣмецкая не всегда удовлетворяетъ тому, чего мы отъ нея желаемъ? Причина этого состоитъ въ томъ, что нехорошо выбранъ матеріалъ обучения, что школьніки часто изучаютъ ненужное и не изучаютъ необходимаго. Послѣ такого вступленія референтъ выставилъ тезисъ своего реферата: „Наши школьніки должны изучать лишь то, что можетъ сдѣлать ихъ способными понимать міръ, въ которомъ они живутъ и современемъ будущими дѣятелями“.

Программа референта, такимъ образомъ, начертана широко, свободною рукою. Для данной цѣли нужно какъ можно болѣе материала, и следовательно, нечего говорить объ ограниченияхъ и сокращеніяхъ. Но тѣмъ не менѣе, референтъ настаиваетъ на ограниченіи материала именно по той причинѣ, что ученики высшихъ школъ завалены работою больше, чѣмъ дозволяетъ педагогика. Такое положеніе дѣла, говорить референтъ, можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Постоянная работа безъ отдыха можетъ сдѣлать изъ дѣтей безжизненные механизмы, работающіе постоянно, но безъ любви, безъ воодушевленія; можетъ возбудить отвращеніе къ работѣ. Не говоря уже о томъ, что излишняя работа можетъ вредно отозваться на физической сторонѣ воспитанника, она приноситъ вредъ и въ нравственномъ отношеніи, потому что убиваетъ свободу и самостоятельность:

Но какъ же ограничить, сократить материалъ обученія? Не нужно ли, напротивъ того, расширить, увеличить его? Вѣдь потребности жизни ростутъ, а вмѣсть съ тѣмъ ростутъ и потребности школы. Циммерманъ доказываетъ, что ограниченіе не только желательно, но и возможно, и довольно убедительными примѣрами утверждается, что и какъ нужно ограничить. Просимъ вѣратцъ эту работу референта. Прежде всего нужно замѣтить, что Циммерманъ совсѣмъ не приводитъ въ тѣмъ одностороннимъ педагогамъ - utilitarистамъ, которыхъ желательно ограничение общеобразовательныхъ, формальныхъ предметовъ обученія. Онъ знаетъ, что есть цѣлый рядъ предметовъ, не стоящихъ въ связи съ жизнью, но необходимыхъ, потому что они развиваются способности и даютъ иль лучшее направление. Зная это, онъ и не думаетъ ограничивать или же сокращать преподаваніе такихъ предметовъ.

Строгое референтъ относится къ тѣмъ предметамъ, которые сообщаютъ знаніе. Онь находитъ, что именно здѣсь выборъ материала сдѣланъ не педагогически и не обращено должнаго вниманія на потребности времени; ученики часто теряютъ время на то, что не развиваетъ способностей и не притодятся въ жизни.

Чтобы доказать свою мысль, авторъ представляетъ примѣры изъ преподаванія различныхъ наукъ. Обзоръ свой онъ начинаетъ съ того предмета, который въ учебныхъ планахъ народной школы стоитъ на первомъ мѣстѣ, и которому удѣлено значительное число недѣльныхъ уроковъ—съ закона Божія. Какимъ же образомъ здѣсь можно сократить время и трудъ? Выбросивъ изъ преподаванія все несущественное и ненужное для воспитанія учениковъ. Но прибегая къ разсужденію

деніямъ, авторъ показываетъ прекрасный для данного случая примеръ: „Для большей части изъ вѣсъ будеть удивительно, если вы услышите, что при составлениі новыхъ учебныхъ плановъ для народной школы, которыми мы (въ Гамбургѣ) теперь заняты, на преподаваніе закона Божія во всѣхъ классахъ назначается не болѣе двухъ часовъ въ недѣлю. Этого мы достигаемъ, выбрасывая все то, чѣмъ составляетъ слабость, даже больше, — извращеніе преподаванія этого предмета въ большей части нѣмецкихъ государствъ: несущественные, обременяющія память частности. Зачѣмъ этотъ материалъ, когда онъ никакъ не соотвѣтствуетъ задачѣ: возбудить религиозное чувство, смягчить сердце, направить волю? Точно такого же ограниченія учебнаго матеріала требуетъ референтъ отъносительно исторіи и географіи. Здѣсь преподаваніе должно имѣть въ виду лишь то, чѣмъ имѣетъ отношеніе къ нашей культурѣ, чѣмъ даетъ понятіе о томъ, съ чѣмъ ученику придется встрѣтиться въ жизни: Такой приспособлености референтъ не находить въ теперешнемъ преподаваніи этихъ предметовъ. Чѣмъ убѣдиться въ этомъ, нужно побывать на экзаменахъ, гдѣ ученики пересчитываютъ всѣ сраженія, бывшія въ Пелопонѣсскую войну, династіи китайскихъ царей и частности даже незначительныхъ историческихъ событий“. Такой же врятливо подвергаетъ авторъ преподаваніе отечественного языка и литературы. Въ концѣ реферата онъ согѣтуетъ ввести преподаваніе физической и психической антропологии, чтобы уяснить ученику его собственную жизнь, и естествовѣданіе, чтобы дать понятіе о жизни окружающей его природы.

Мысль этого реферата была принита съ сочувствіемъ, но такъ какъ многія положенія автора не имѣли достаточной ясности; то и возбудились оживленные споры по различнымъ частямъ реферата; и главнымъ образомъ, о преподаваніи закона Божія. Авторъ склонился къ не конфесіональному преподаванію этого предмета. Противъ такого инѣнія выступилъ Гамбургскій пасторъ Гиршъ, который защищалъ конфесіональное преподаваніе по причинамъ чисто педагогическімъ. Вотъ эти причины: преподаваніе не конфесіональное не гармонировало бы съ преподаваніемъ всѣхъ другихъ предметовъ; при такомъ преподаваніи учитель можетъ внушать ученикамъ свои индивидуальныя, субъективныя мысли и чувства, тогда какъ въ другихъ предметахъ преподается лишь объективное, общепризнанное истинамъ. Не конфесіональнымъ преподаваніемъ разрывается связь семьи и школы, дѣтей и родителей. Оно разрываетъ связь между отдѣльными

квассами одной школы, когда въ одномъ классѣ предметъ преподаётся съ одной точки зреія, въ другомъ — съ другой. Или преподавайте законъ Божій по тому исповѣданію, къ которому принадлежать родители и дѣти, или исключите совершенно изъ курса школы преподаваніе этого предмета, заключить свою рѣчь Гиршъ. Кромѣ Гирша, говорили многие пасторы и богословы за конфессіональное преподаваніе.

Два послѣдніе оппонента, Веберь изъ Лейпцига и Келлеръ изъ Берлина, обратили внимание на национальное воспитаніе и это поставили на видъ референту. Первый, признавал важность для первоначального обученія книги для чтенія, желаяъ, чтобы она состоялась цѣлесообразнѣе существующихъ теперь книгъ для чтенія. Нѣмецкая книга для чтенія должна быть народною книгой, библіей народа; она должна дать понятіе о народѣ, заставить изучать и любить народъ. Какъ, материалъ для такой книги, Веберь предлагаетъ нѣмецкія саги, нѣмецкія пѣсни, пословицы и поговорки, этнографическое и географическое описание отечества и пр. Другой упомянутый нами оппонентъ, Келлеръ, обратилъ внимание на важность для народной школы исторіи и съѣтсовалъ расширить преподаваніе этого предмета. Этотъ съѣтъ принялъ быть обществомъ очень сочувственно. Референтъ высказалъ полное согласіе съ положеніями оппонента и объяснилъ, что исторія, на сколько она служить народному самосознанію, будить къ великимъ дѣламъ, поднимаетъ патріотизмъ, объясняетъ соціальный и политический отношенія, совершенно необходима для школы; вредно лишь извращенное, мелочное преподаваніе исторіи, обременяющее память и не пробуждающее умъ и сердце.

Въ ряду вопросовъ, касающихся школьнной организаціи, вопросъ объ учительскихъ семинаріяхъ имѣть особенную важность. Съѣздъ нѣмецкихъ учителей, понятно, не могъ игнорировать его. Для обсужденія его съѣздъ назначилъ особую комиссию, которая приготовила два очень содержательныхъ реферата. Особенное внимание обращаетъ на себя рефератъ Кера: „О реформѣ приготовительного образованія семинаристовъ“.

Референтъ прямо предлагаетъ свой вопросъ о задачѣ семинаріи и отсюда начинаетъ свой проектъ. Чѣмъ должны быть наши семинаріи? Должны ли семинаріи быть специальнѣо-педагогическими школами для образования способныхъ учителей, или заведеніями общеобразовательными, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ? На эти вопросы референтъ отвѣчаетъ во вступленіи къ своему изслѣдованію. Должно

признать аксиомою, говорить онъ, что за общимъ образованіемъ должно слѣдоватъ образованіе специальное. Педагогическая практика уже утвердила это положеніе: существуютъ общеобразовательныя заведенія, какъ-то: народная школа, реальное училище и гимназія, и специальный—строительный, инженерный, коммерческій училища. Признано правиломъ, что общеобразовательныя заведенія должны беречься отъ специализаціи, граничащей съ приготовленіемъ къ опредѣленной профессії, а специальные заведенія, если хотятъ успѣшно достигать своей цѣли, не должны обременять себя общеобразовательными предметами. Только благодаря такому раздѣленію, мы имѣемъ и образованныхъ людей, и хорошихъ техниковъ, ремесленниковъ и промышленниковъ.

Однѣ учительскія семинаріи составляютъ исключеніе изъ этого общаго правила; онъ вмѣстѣ и общеобразовательныя и специальные заведенія. Учительскія семинаріи, по самому смыслу своего учрежденія, должны бы быть заведеніями чисто педагогическими; курсъ ихъ долженъ состоять изъ теоретической и практической педагогики, психической и физической антропологіи, исторіи педагогики, дидактики и методики. А между тѣмъ, здѣсь вы найдете: законъ Божій, химію, музыку, языки, геометрію, исторію, рисование, географію, словомъ—общій курсъ общеобразовательныхъ предметовъ. Такимъ образомъ, въ семинаріи два отдѣльныхъ курса.

Такое умноженіе предметовъ курса имѣетъ самое печальное послѣдствіе, страдаетъ образованіе специальное и мельчає общее. Ученники отвѣдываютъ всего понемногу, они все знаютъ, но ничего не знаютъ основательно. Является поверхностный энциклопедизмъ, очень вредный для учителя. Науку можно полюбить лишь въ томъ случаѣ, если заглянуть въ глубь ея, узнать что-нибудь основательно; тогда явится и любовь къ науки, и стремленіе къ усовершенствованію. Семинаріи съ своимъ энциклопедизмомъ этому не способствуютъ, и оттого выпускаютъ такое большое количество „готовыхъ учителей“, людей, потерявшихъ потребность къ развитию и усовершенствованію, слѣдовательно, такихъ, которые никогда не могутъ сдѣлаться хорошими учителями.

Желательно, говорить Керъ, чтобы въ нашихъ нѣмецкихъ семинаріяхъ, наконецъ, прекратилась эта незаконная связь между общимъ и специальнымъ образованіемъ. Должно стремиться къ тому, чтобы приготовительная для семинарій заведенія давали возможно широкое общее образованіе, а семинаріи исключительно занимались

бы образованіемъ специальными. Безъ возможно рѣзкаго раздѣленія обеихъ видовъ образованія не помогутъ дѣлу никакія перемѣны, всѣ частныя улучшенія будутъ лишь „новою заплатою на ветхомъ рубищѣ“.

Такое заявление прямо приближаетъ референта къ вопросу: удовлетворяетъ ли цѣли настояще приготовленіе семинаристовъ, и какое должно быть приготовленіе? На что онъ отвѣчаетъ: Рѣшительно ни одно изъ существующихъ теперь видовъ приготовленія не удовлетворяетъ задачѣ семинаріи. Приготовленіе къ семинарии, какъ оно опредѣлено прусскими регулятивами 5-го октября 1854 года, совершенно неудовлетворительно. Самъ ученикъ готовиться не можетъ, потому что не имѣть надлежащаго искусства для самостоятельной дѣятельности, а тѣ два часа, которые даются мальчику для дополненія образования, слишкомъ недостаточны. Тѣ занятія, которыя постоянно отвлекаютъ мальчика отъ приготовленія — конфирмационное обученіе и обученіе въ мѣстной школѣ — не приготовляютъ къ учителству, а портятъ дѣло. Пятнадцати - шестнадцати - лѣтній юноша долженъ быть ученикомъ, а не учителемъ; онъ не знаетъ, какъ и чому учить, и потому его учителство вредно для учениковъ, ему порученныхъ, не вреднѣе для него. Такіе учителя портятся, и только послѣ долгаго труда привыкаютъ къ здравымъ педагогическимъ приемамъ. Наблюденіе надъ этимъ явленіемъ сдѣлалъ Керъ въ Готской семинаріи. Рядомъ съ прусской системой есть другой видъ приготовленія къ семинаріи, — приготовленіе въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ ученики получаютъ образование по одной общей для всѣхъ программѣ. Такое приготовленіе существуетъ именемъ въ герцогствѣ Готскому; тамъ для поступленія въ семинарію требуется выпускное свидѣтельство изъ третьего класса гимназии или изъ втораго класса реального училища. Такое приготовленіе значительно высоко; ученики, поступающій изъ гимназии или реальнаго училища, имѣть значительно развитыя способности и достаточное общее образованіе. Керъ не удовлетворяется и такимъ приготовленіемъ и объявилъ съѣзду, что въ Готѣ всѣ педагоги искренно желаютъ перемѣны такого положенія дѣла, и недавно учителя Готской семинаріи все единогласно подали проектъ о замѣнѣ его другимъ, болѣе цѣлесообразнымъ.

Причины, представляемыя Керомъ противъ приготовленія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, дѣйствительно заслуживаютъ вниманія по своей серіозности. Вотъ они:

1) Такое приготовление слишкомъ дорого. Если принять въ разчетъ, что нужно истратить для приготовления въ гимназіи, и сравнить это съ учительскимъ жалованьемъ, то окажется, что затрата далеко превышаетъ вознаграждение. Большее число учениковъ для учительскихъ семинарій доставляетъ деревня, крестьяне, которые, понятно, не имѣютъ возможности много тратить на воспитаніе своихъ дѣтей, а если кто имѣть возможность, то приготовляетъ для болѣе выгодной службы. Оттого въ Готѣ постоянно ощущается значительный недостатокъ въ народныхъ учителяхъ.

2) Вторая причина та, что такимъ приготовленіемъ лучшія силы отвлекаются отъ учительского званія, и въ семинарію поступаютъ только малоспособные ученики. Кто поработалъ до третьаго класса, успешно осиливъ граматику чужихъ языковъ, оказался способнымъ, тѣмъ большемъ частію продолжаетъ весь гимназическій курсъ. Кто съ трудомъ дошелъ до третьаго класса и оказался малоспособнымъ, тѣмъ идетъ въ семинарію, какъ въ послѣднее прибѣжище. Вотъ изъ такихъ-то учениковъ гимназіи набираются будущіе народные учителя.

3) Такое приготовление отрывочно, неполно. Полный курсъ общаго образования разчитанъ на семь-восемь классовъ; ученикъ поступаетъ въ семинарію, прошедши четыре-пять изъ нихъ, то-есть, усвоивъ лишь половину, не докончивъ всего. Эта половицчатость, конечно, не нормальна, чрѣзъ помочь этому горю нельзя. Если потребовать, чтобы въ семинарію поступали кончившіе курсъ гимназіи, то семинаріи будутъ совершенно пусты.

4) Четвертая и очень важная причина состоить въ томъ, что образование, получасмое въ гимназіи и реальному училищѣ, всѣдѣ различно отъ образования семинарскаго. Керъ не хочетъ, чтобы приготовительное къ семинаріи общее образование было сужено задачами профессиональными, но признаетъ неправильными, если приготавляющійся въ народные учителя для общаго образования изберетъ тѣ предметы, которые далеко отстоютъ отъ его цѣли, и усвоить ихъ такимъ методомъ, который не приложимъ въ его учительской практикѣ. Гимназіи избираютъ для общаго, формального образования тѣ предметы, которые соответствуютъ ученой профессії, реальные училища для общаго образования выбираютъ тѣ предметы, которые облегчаютъ усвоеніе специальныхъ наукъ. Точно такъ же и приготовительное къ семинаріи общее образование должно основываться на тѣхъ предметахъ, которые стоятъ въ связи къ курсомъ семинарскимъ и съ дѣятельностью народнаго учителя. Для уни-

верситета необходимо знаніе языковъ, для политехническихъ институтовъ—физика и химія, для семинаріи преимущественно необходимо знаніе роднаго языка, національной литературы, отечественной исторіи. Методъ преподаванія долженъ соответствовать цѣлі—приготовленію учителя, не только знающаго, но и умѣющаго передавать знаніе; методъ преподаванія долженъ быть такой же, какой въ послѣдствіи учители будутъ употреблять при преподаваніи въ народной школѣ. Кроме этого, въ гімназіи не преподаются музыки, которыми крайне необходима для народнаго учителя.

Послѣ всего сказанного, думаемъ, Керъ имѣть право утверждать, что Готское министерство справедливо поступило, осуждая существующее приготовленіе къ семинаріи.

Но что же дѣлать? Гдѣ выходъ изъ этого лабиринта? Необходимо учредить новые учебныя заведенія, которые также относились бы къ семинаріи, какъ гімназіи къ университету, а реальныя училища къ политехническимъ, архитектурнымъ, инженернымъ и др. академіямъ.

Керъ находитъ вполнѣ цѣлесообразными для семинарскаго образования тѣ заведенія, которыхъ проектировало Готское министерство. По этому проекту, министерство желаетъ учредить новые заведенія для приготовленія къ семинаріи. Эти заведенія примикаютъ къ народной школѣ по программѣ, имѣютъ четыре годичные классы; въ нихъ поступаютъ молодые люди 14—18 лѣтъ. Эти школы учреждаетъ государство, они соединяются съ семинаріей, то-есть, находятся подъ управлениемъ директора семинаріи. Вотъ нѣкоторыя статьи Готскаго проекта закона объ организаціи этихъ школъ:

§ 29. Государство посредствомъ учрежденія учительскихъ семинарій заботится о приготовленіи учителей народныхъ училищъ.

§ 30. Въ семинарію могутъ поступать всѣ молодые люди, прошедшіе курсъ народной школы, конфіrmованные и выдержаніе вступительный экзаменъ. Экзаменъ совершается семинарской конференціей подъ предсѣдательствомъ директора; требования ограничиваются программою высшихъ классовъ народной школы герцогства Готскаго и нѣкоторыми навыкомъ въ элементахъ музыкального образования. Поступающій долженъ представить директору семинаріи свидѣтельство отъ школы имѣть посвященій и метрическое свидѣтельство.

§ 31. Семинарія состоитъ изъ шести классовъ съ годичными курсами. Преподаваніе должно разчитывать такъ, чтобы въ четырехъ низшихъ классахъ преподавались общеобразовательные предметы, а

въ двухъ высшихъ—специальные, необходимые для учителя народной школы.

§ 32. Обученіе въ низшіхъ классахъ должно прымѣкать къ народной школѣ; знаніе предметовъ курса народной школы должно быть доведено до того объема, который требуется для получения привилегіи одногодѣтной воинской повинности.

Въ семинарии могутъ обучаться, если дозволить място, и тѣ, которые не посыпаютъ себѣ учительскому званію. Четыре низшіе класса семинарии составляютъ общую дополнительную школу (*Fortschreibungsschule*), въ которой обученіе одинаково для всѣхъ учениковъ того же класса, исключая обученіе англійскому языку и музыке. Эти предметы раздѣляются такъ: семинаристы изучаютъ музыку, а не семинаристы—англійский языкъ.

Для поступленія въ два высшихъ класса необходимо знаніе курса дополнительной школы, знаніе музыки и докторское свидѣтельство о томъ, что здоровье поступающаго соотвѣтствуетъ учительскому званію.

Обученіе въ высшихъ классахъ обнимаетъ главнымъ образомъ педагогику теоретическую и практическую; практическое упражненіе въ семинарской школѣ составляетъ заключеніе этого специального образования. Здѣсь же въ высшихъ классахъ должно укрѣпить посредствомъ репетицій знанія, приобрѣтенные въ дополнительной школѣ, и концентрически расширить свѣдѣнія въ законѣ Божиѣмъ, нѣмецкой литературѣ, естественныхъ наукахъ и музыке.

§ 33. Въ четырехъ низшихъ классахъ взимается плата; въ двухъ высшихъ классахъ для жителей герцогства Готскаго обученіе бесплатно, а иностранцы платить до 20-ти таллеровъ ежегодно. Число поступающихъ (для обоихъ высшихъ классовъ) не ограничено.

Разсматривая этотъ проектъ, Керъ находитъ, что онъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ семинарии и посредствомъ него устраняются всѣ вышеозначенные неудобства.

Рефератъ свой Керъ формулировалъ въ слѣдующихъ тезисахъ:

1. Нѣмецкая учительская семинария должна быть специально педагогическими заведеніями и должны ограничиваться доставленіемъ специального образования. Общее образование, необходимое для усѣщенаго исполненія учительской должности, семинарии должны предполагать въ своихъ ученикахъ. Желательно, чтобы въ семинарии продолжалось преподаваніе лишь тѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ, которые не доступны дѣтамъ до восьмнадцатилѣтняго возраста, напримѣрь, вѣкоторыхъ отдѣловъ нѣмецкой литературы; относительно же

другихъ предметовъ должно удовлетворяться повторениемъ или пъ-
которыми дополненіями для специальныхъ цѣлей. Имѣть ли посту-
павшій въ семинарію необходимыя знанія, показываетъ испытательный
экзаменъ предъ собѣтомъ учителей семинаріи.

2. Для приготовительного къ семинаріи общаго образования —
гимназіи, реальныя училища и большая часть теперь существующихъ
зведеній — не достаточны.

3. Для этой цѣли лучше могутъ быть приспособлены дополни-
тельныя школы, которые, по матеріалу и методу обученія, прими-
кали бы къ народной школѣ и развивали бы курсъ предметовъ на-
родной школы, со включеніемъ музыки и языковъ, до того объема,
чтобы удовлетворить потребностямъ образованныхъ немецкихъ гра-
данъ. Желательно, чтобы семинарія состояла изъ четырехъ общеобра-
зовательныхъ и двухъ специальныхъ классовъ.

4. Будетъ ли приготовительная школа соединена съ городскими
училищами, или съ семинаріей — зависитъ отъ мѣстныхъ условій.

5. Учрежденіе приготовительныхъ зведеній, которыхъ относи-
лись бы къ семинаріи, какъ гимназіи относятся къ университетамъ
и реальныя училища къ зведеніямъ техническимъ, лежитъ на обя-
занности государства.

Послѣ долгихъ и многостороннихъ разсужденій, эти тезисы были
приняты съѣздомъ почти безъ измѣненія редакціи.

Отъ этихъ постановленій германскаго учительскаго съѣзда пере-
ходимъ къ даннымъ о правительственной дѣятельности въ Пруссіи
на пользу народной школы.

— Прусское министерство, распоряженіями отъ 28-го февраля 1867 и
12-го марта 1868 года, предписало посѣщеніе школы до исполненія
четырнадцатилѣтняго возраста даже и для тѣхъ округовъ, где
прежде курсъ народной школы кончался тринадцатилѣтнимъ возра-
стомъ ученика. Эти распоряженія, въ первое время приняты насе-
леніемъ недружелюбно, теперь уже въ большей части училищныхъ
округовъ приобрѣли сочувствіе родителей, которые ясно поняли, что
для будущности дѣтей полезнѣе продержать ихъ одинъ лишній годъ
въ школѣ, чѣмъ годомъ раньше выпускать ихъ для практическихъ
занятій. Чтобы такое уображеніе окрѣпло, чтобы сами родители
стали на сторонѣ школы, нужно чтобы и школа показала, что этотъ
послѣдній годъ приноситъ пользу, что онъ дѣйствительно укрѣпляетъ
и расширяетъ образованіе, полученное въ предыдущіе годы. Школа,
къ сожалѣнію, невсегда удачно выполняетъ эту задачу, потому что

учители еще не вполне определили, какъ и чѣмъ лучше занять этихъ учениковъ, уже прошедшихъ курсъ народной школы. Для руководства учителей въ данномъ случаѣ и составленъ названный нами циркуляръ. Распоряженія, въ немъ содержащіяся, по своей точности вполнѣ приложимы къ нѣмецкой народной школѣ, а по педагогической основательности имѣютъ общій интересъ. Въ этомъ циркулярѣ ясно определена та норма, до которой министерство желаетъ довести курсъ народной школы.

Главная задача обучения для учениковъ четырнадцатилѣтнаго возраста состоять въ томъ, чтобы повторить все пройденное въ прежніе годы пребыванія въ школѣ, сконцентрировать въ умѣ воспитанника, и такимъ образомъ, сдѣлать на всегда его неотъемлемою собственностью. Какъ дѣлать это, — министерство даетъ частныя наставленія.

Повтореніе не должно состоять въ систематическомъ пересказываніи со стороны учителя и заучиваніи со стороны ученика уже извѣстнаго изъ предыдущихъ уроковъ. Большую часть времени должно посватить на письменныя упражненія, при нихъ лучше всего усваивается предметъ и развивается мыслительная способность. Такого рода занятія выгодны и въ томъ отношеніи, что дадутъ учителю возможность, мало отвлекаясь съ учениками высшаго отдѣленія, посватить свою дѣятельность ученикамъ низшихъ отдѣленій. Темы для упражненій должны быть выяснены ученикамъ и развиты самими учителемъ, и въ этихъ темахъ должны содержаться образовательные элементы. При краткости школьнаго времени, особенно важно заимствовать темы изъ области тѣхъ предметовъ, для преподаванія которыхъ посвящается слишкомъ мало времени въ одноклассной школѣ, напримѣръ, изъ естествовѣдѣнія, географіи и исторіи. Пусть ученики опишутъ полезное растеніе или животное, пусть изобразятъ какую-нибудь страну отечества или какую-нибудь черту народной жизни. Для разумнаго учителя въ материалѣ такомъ не будетъ недостатка, онъ находится вездѣ въ изобилии. Предметомъ темы могутъ быть разказы изъ библейской исторіи, о церковныхъ обрядахъ и торжествахъ. Такимъ образомъ можно передать ученикамъ много полезныхъ и развивающихъ разсудокъ свѣдѣній и посредствомъ письменной работы на всегда укрѣпить оныя въ сознаніи ихъ. Конечно, каждый учитель при такихъ занятіяхъ обратить вниманіе на счисленіе и связанныя съ нимъ практическія упражненія. При такихъ занятіяхъ учитель можетъ познакомить учениковъ съ десятичными дробями и показать употребленіе новыхъ мѣръ и вѣ-

сокъ; мало того, онъ долженъ научить ученика считать при помощи этихъ извѣрь и вѣсовъ. Другой матеріаъ для упражненія мальчиковъ составляетъ рисование. Циркулью при этомъ выразительно замѣчается, что здесь не должно разумѣть копирование прошлой съ цветами, деревьями, звѣрами и другими фигурами; предметомъ рисования должно быть изображеніе фигуръ геометрическихъ и другихъ, употребляемыхъ въ промышленности. Рассматривание и начертаніе линій, угловъ, треугольниковъ и проч. развиваетъ наблюдательность, обогащаетъ языкъ и упражняетъ вѣроѣсть глаза и руки. Большую часть такихъ упражненій должно изготавливать грифелемъ на аспидной доскѣ, и только позднѣе, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можно употреблять карандашъ и бумагу. Само собою понятно, что эти упражненія принесутъ значительную пользу будущимъ ремесленникамъ, плотникамъ, каменщикамъ и садовникамъ. Кроме того, чрезъ эти упражненія обученіе каллиграфіи пріобрѣтетъ значительную поддержку.

Даже въ одноклассной школѣ учитель, кроме названныхъ задачъ, можетъ и долженъ преслѣдовывать другія. Пусть онъ, въ живыхъ образахъ и извѣстной системѣ, передастъ ученикамъ политическая происшествія послѣднаго времени; пусть историческими рассказами вообудитъ въ юношахъ любовь къ родинѣ и преданность въ царственному дому. Это лучше всего достигается посредствомъ живаго слова и устнаго разказа. Трудъ учителя вознаградится живымъ сочувствиемъ и напряженнымъ вниманіемъ учениковъ. Кроме этого, учитель долженъ показать ученикамъ достоинство государственныхъ учрежденій ихъ родины и ея общественной жизни, чтобы развить въ нихъ уваженіе къ нимъ и любовь къ порядку. Такое обученіе наполнить юныхъ душъ благодарностью и прекраснымъ патріотическимъ воодушевленіемъ; въ этомъ обученіи скрыто высокое значение элементарной школы и важность воспитательной дѣятельности народного учителя.

Такую норму занятій министерство полагаетъ для одноклассныхъ школъ. Для двухклассныхъ и трехклассныхъ школъ требованія возвышаются и задача учителя становится сложнѣе. Рисование простыхъ прямолинейныхъ фигуръ здесь должно восходить до составленія плановъ и чертежей, а способный учитель можетъ научить рисованиемъ картъ. Дѣвочки въ двухклассныхъ и трехклассныхъ школахъ могутъ быть заняты рисованиемъ орнаментовъ, узоровъ, раскрашенныхъ буквъ и прѣтовъ. При обученіи счету въ высшемъ классѣ двухклассныхъ и трехклассныхъ ученицъ должно сообщить подробныя свѣдѣнія о десятичныхъ дробяхъ.

При этомъ можетъ искать искаженіе поверхностей и объемъ тѣлъ, изъ чьему уме сдѣлана подготовка посредствомъ рисования. Относительно изученія немецкаго языка въ высшихъ классахъ замѣчено: при разборѣ статей для чтенія должно дѣлать не только грамматический, синтаксический анализъ, но и анализъ логическій, — объяснять послѣдовательность мыслей и развитіе понятій. Въ высшемъ классѣ должно обратить строгое вниманіе на изустную передачу прочитанного, нужно стараться, чтобы дѣти привыкали къ выработанному, такъ называемому верхне-немецкому говору. Въ то же время должно съ заботливостю продолжать письменные упражненія, расширяя ихъ содержаніе, напримѣръ, обнакомливъ учениковъ съ изготавленіемъ дѣловыхъ бумагъ, писемъ и контрактовъ.

Въ многоклассныхъ школахъ назначаются особые часы (2 — 4 въ недѣлю) для изученія реальныхъ предметовъ. При преподаваніи реальныхъ предметовъ должно обращаться къ жизни практической и оттуда извлекать элементы для изощренія наблюдательности и развитія мышленія и языка. Ученика, уже знакомаго съ отчиновѣдѣніемъ, должно познакомить съ землею, какъ съ планетою, ея формою, движеніемъ, суточными и годичными перемѣнами ея. Книга для чтенія для всего этого служить исходной точкой и помогаетъ припомнанію.

Для послѣдніхъ классовъ многоклассной школы прекрасный учебный матеріалъ даетъ исторія. Послѣ краткаго изложенія древней исторіи Пруссіи, время курфюрстовъ и особенно новѣйшее время заслуживаетъ подробнаго разказа. Въ эту исторію должны входить пѣсни и поэмы о славныхъ событияхъ, а достопамятные исторические дни при ихъ помощи должны быть патріотическими праздниками для школы. Естествовѣдѣніе въ послѣдній годъ курса многоклассной школы требуетъ особенной внимательности. Дѣти должны понимать обыкновенные явленія природы, какъ-то: облака, туманъ, росу, сѣйць, дождь, грозу и проч. и должны ознакомиться съ физическими инструментами, напримѣръ, съ барометромъ, термометромъ, компасомъ и простѣйшими орудіями изъ механики, какъ-то: рычагъ, блокъ, воротъ, насосъ, пожарная труба. Изъ естественной исторіи необходимо ученикамъ дать свѣдѣнія лишь о нѣкоторыхъ, особенно полезныхъ или вредныхъ животныхъ, растеніяхъ (ядовитыхъ) и минералахъ. Въ преподаваніе естественной исторіи должны войти наставленія о сохраненіи здоровья, чистоплотности и о вентиляціи. Все это должно связать съ письменными упражненіями.

— Французское министерство народнаго просвѣщенія не удовле-

творится существующе тѣперь въ лицейѣ инспекціей и думаетъ ввести въ нихъ новую систему надзора за воспитанниками. Министръ народнаго просвѣщенія Ж. Симонъ думаетъ, что старые, отставные офицеры могутъ выполнить воспитательную задачу лучше, чѣмъ существующе тѣперь репетиторы и надзиратели. Съ 7-го октября текущаго года старые офицеры будутъ определены къ должностямъ надзирателей съ начала въ видѣ опыта, въ приготовительныхъ классахъ лицея Saint-Louis. Для того, чтобы пріобрѣсти хорошихъ, вполнѣ достойныхъ воспитателей изъ офицеровъ, Ж. Симонъ, письмомъ отъ 23-го сентября, просилъ военнаго министра генерала Сиссе рекомендовать ему достойныхъ людей. Въ составъ инспекціи каждого лицея предполагается включить капитана, какъ главного надзирателя, на обязанности коего долженъ лежать надзоръ за приготовительной школой, и кромѣ того, надзоръ за топографическими экскурсіями, стрѣльбою и военными упражненіями всѣхъ учениковъ лицея. Этотъ надзиратель, который замѣнитъ тѣперешняго старшаго надзирателя въ лицейѣ, будетъ получать, кромѣ пенсіи, 1.500 фр., столъ и квартиру въ лицейѣ. Подъ его надзоромъ будутъ находиться шесть офицеровъ, назначаемыхъ для надзора за занятіями и поведеніемъ учениковъ предъ классами и послѣ онихъ. Эти офицеры получаютъ жалованья 1.000 франк., 500 фр. квартирнаго пособія и столъ въ лицейѣ; имъ назначаются тѣ же часы для обѣда и отлучекъ, какъ и для репетиторовъ лицеевъ и освобождаются они отъ занятій въ девять часовъ вечера. Ж. Симонъ выражаетъ желаніе, чтобы воспитатели набирались изъ старыхъ офицеровъ, вышедшихъ изъ политехнической школы и школы Saint-Sug. Наконецъ, требуется еще шесть офицеровъ для должностей вспомогательныхъ, напримѣръ, для надзора въ спальняхъ, коридорахъ, за военными и гимнастическими упражненіями. Они будутъ получать 800 фр. жалованья, столъ и будутъ спать въ учебническихъ спальняхъ.

ВЫПУСКЪ СЪБРЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
I-й ВЫПУСКЪ КНИГИ:
ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНІЯ О ЖИЗНІ И ДѢЛАХЪ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

**Издание Вспомогательной Кассы С.-Петербургскихъ
наборщиковъ.**

КНИГА СОСТАВЛЕННА ПОДЪ НАВЛЮДЕНИЕМЪ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ СТАРИНА“.

Цѣна 1-го выпуска, на веленевой бумагѣ, съ приложеніемъ фотографическаго портрета Петра I и снимками съ указа и азбуки, съ поправками на нихъ рукою Петра Великаго. 2 р.

На простой бумагѣ, съ приложеніемъ портрета Петра I. 1 р.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка 20%.

Главный складъ по Большой Садовой, противъ Юсупова сада, домъ № 49, въ типографіи Балашева.

ПОДРОБНАЯ СТВИНАЯ КАРТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

На четырехъ листахъ. Гравированная на мѣди. 8-е издание 1872 года.

Составл. генерального штаба полковникомъ Шевелевымъ.

Одобрена учеными комитетами главного штаба и министерства народного просвещенія.

На картѣ, отличающейся особеною ясностью, нанесены: а) дороги желѣзныя со всѣми станціями, пассажирскими и почтовыми б) города, мѣстечки, села, заводы, пристани и телеграфныя станціи и проч. Цѣна 3 р., съ наклейкой: въ футлярѣ 5 р., крытая лакомъ 7 руб.

Подробная карта Европы, на 2-хъ листахъ, 7-е изд., съ означеніемъ желѣзныхъ дорогъ и новыхъ границъ Франціи и Германской Имперіи. Цѣна 3 р., накл. 3 р. 50 к., лакиров. на палкахъ 5 руб.

Карта Россіи съ Сибирью, 1 листъ, 10-е изд. Спеціальная для открытий, строющихся и проектированныхъ желѣзныхъ дор. Версты показаны цифрами. Ц. 1 р., наклеенная 1 р. 60 к.

Новые стѣнныя карты 5-ти частей свѣта, состав. А. Шевелевымъ.

Европы 1 р., Азіи 1 р., Африки, Америки, Австралии съ полуночными, каждая по 75 к., наклеенные по 1 р. 50 к. Карты гравированы на мѣди, вышли въ 1872 году и составлены по принятыхъ учебникамъ географіи.

Лица, обращающіяся съ требованіемъ картъ къ полковнику Шевелеву, въ Санктпетербургъ, въ академію генерального штаба, за пересыпку каждой карты прилагаютъ вѣсовыхъ за 1 фунтъ. —

СОДЕРЖАНИЕ
СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Высочайшие повеления:

	<i>страж.</i>
1. 10-ю июня 1872 года. Объ учреждении стипендій при Симбирской гимназіи	1
2. 10-ю июня 1872 года. Объ учреждении стипендій въ Орловской гимназіи.	4
3. 10-ю июня 1872 года. Объ учреждении стипендій въ Новгородской Николаевской женской гимназіи	—
4. 10-ю июня 1872 года. Объ учреждении стипендій при Императорскихъ Казанскихъ: гимназіи и университѣтѣ	5
5. 10-ю июня 1872 года. Объ учреждении стипендій въ Херсонской гимназіи и въ Императорскомъ Новороссийскомъ университѣтѣ	—
6. 10-ю июня 1872 года. Объ учреждении стипендій въ Нижегородской Марининской женской гимназіи	6
7. 27-ю июня 1872 года. Объ учреждении учительской семинарии въ г. Поневѣжѣ, Ковенской губерніи	7
8. 10-ю июня 1872 года. Объ учреждении стипендій въ одной изъ гимназій вѣдомства министерства народного просвѣщенія	9
9. 10-ю июня 1872 года. Объ учреждении стипендій при университѣтѣ св. Владимира.	—

10. 10-го июля 1872 года. О присвоении Дому Воспитания наименования „гимназия Императорского человечелюбивого об- щества”	10
11. 10-го июля 1872 года. О принятии от графини Муси- ной-Пушкиной дополнительного взноса на содержание Никола- евского лицей	11
12. 10-го июля 1872 года. О наименовании учрежденного супругою действительного статского советника Рихтера жен- ского училища въ городѣ Самарѣ „Рихтеровскій”	12
13. 9-го августа 1872 года. О перенесеніи въ г. Херсонъ учительской семинаріи Одесского учебного округа	43
14. 9-го августа 1872 года. Объ учрежденіи стипендіи при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ	—
15. 16-го августа 1872 года. Объ учрежденіи стипендіи при Симферопольской мужской гимназіи	44
16. 16-го августа 1872 года. Объ учрежденіи стипендій въ Кронштадтской женской гимназіи	—

Высочайший приказъ.

26-го августа 1872 года (№ 11). 45

Министерские распоряжения.

1. 8-го июля 1872 года. Уставъ Кіевскаго общества есте- ствонспытателей	13
2. 19-го августа 1872 года. Правила о стипендіи, учреж- даемой членами Тамбовскаго общества взаимнаго кредита на проценты съ собраннаго ими капитала въ 3.500 рублей имени тайного советника Николая Мартыновича Гартвига.	20
3. 21-го августа 1872 года. Циркулярное предложеніе ини- циатора народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ относительно приведенія въ исполненіе въ теченіе 18 ^{72/73} учеб- наго года Высочайшаго утвержденіаго 30-го июля 1871 года устава гимназій и прогимназій	—
4. 16-го сентября 1872 года. Циркулярное предложеніе управ- ляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія товарища ми- нистра объ исполненіи Высочайшихъ и министерскихъ приказовъ по отпечатанію ихъ въ Сенатскіхъ Вѣдомостяхъ	46
5. 16-го сентября 1872 года. Циркулярное предложеніе управ- ляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища ми-	

иистра о снабжении открытыми листами лицъ, командируемыхъ за границу отъ учебного вѣдомства

47

6. 23-ю сентября 1872 года. Объ устройствѣ сельскаго училища въ Люблинской губерніи на пожертвованныя графинею Фредро средства.

7. 30-ю сентября 1872 года. Правила объ учрежденіи комитетомъ для распространенія просвѣщенія между Евреями въ Россіи двухъ стипендій при С.-Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ для студентовъ-Евреевъ.

8. 30-ю сентября 1872 года. Объ учрежденіи должностей учителя рисования и черченія при 8-ти педагогическихъ курсахъ Варшавскаго учебнаго округа

49

9. 7-ю октября 1872 года. Правила о двухъ стипендіяхъ Императора Александра II, учреждаемыхъ Астраханской городской думой при Императорскихъ университетахъ.

—

10. 7-ю октября 1872 года. Положеніе о стипендіи сенатора, действительного тайного советника Григорія Петровича Митусова

51

11. 7-ю октября 1872 года. Уставъ общества опытныхъ наукъ при Императорскомъ Харьковскомъ университѣтѣ

52

12. 14-ю октября 1872 года. Положеніе объ устройствѣ практическихъ учебно-воспитательныхъ занятій въ Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ

54

**ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩЕГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ,
ТОВАРИЩА МИНИСТРА.**

16-го июля 1872 года (№ 16)	33
5-го августа 1872 года (№ 17)	36
25-го августа 1872 года (№ 18)	56
16-го сентября 1872 года (№ 19).	58

**ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧЕМОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО
ПРОСВѢЩЕНИЯ.**

О книгѣ подъ заглавиемъ: „Этимологія греческаго языка для гимназій“. Составилъ И. Шрамекъ.

38

О книгѣ подъ заглавиемъ: „Приготовительный курсъ ботаники, въ примѣненіи къ южно-русской и Кавказской флорамъ“. Составилъ Н. Лихачевъ.

39

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ статей для постепен- наго перевода на французскій языкъ“. Составилъ <i>де-Лафоссъ</i>	39
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Земной міръ“. <i>А. Семенова</i>	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Латинская христоматія“. Соста- вилъ <i>П. Носовъ</i>	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Исторія еврейскаго народа отъ заключенія Библіи до исхода Гаеновъ“. Составилъ <i>Б. А. Осіаль</i>	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Народы России“. <i>И. А. Алекс- андрова</i> .	61
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Юнымъ читателямъ. Рассказы о разныхъ людяхъ“. <i>В. И. Острогорская</i> .	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ игры для дѣтей“ Соста- вила <i>Ю. Иматовскую</i>	—
О книгахъ подъ заглавіями: „Курсъ ботаники“ и „Курсъ ни- нералогіи“. Составленный <i>Челюскинъ</i>	—
О „Статистической таблицѣ всѣхъ земель и государствъ на земномъ шарѣ“. Составилъ <i>В. Ільинъ</i> .	—
О книгѣ, подъ заглавіемъ: „Книга упражнений къ латинской грамматикѣ доктора Фердинанда Шульца“, составленная <i>Ю. Хо- дабаевъ и П. Виноградовымъ</i> .	—
О книгѣ, подъ заглавіемъ: „Элементарный курсъ всеобщей и русской истории“. Составилъ <i>И. Белларминовъ</i> .	62
О книгѣ, подъ заглавіемъ „Упражненія для перевода съ греческаго языка на русский и съ русского на греческий, по грамматикамъ Курциуса и Кюнера. Составилъ <i>К. Р. Бѣльницкій</i>	—
О книгѣ, подъ заглавіемъ: „Краткая священная исторія вет- хаго завѣта“. Составила <i>В. Козырева</i> .	—
О книгѣ, подъ заглавіемъ: „Учебная русская христоматія съ толкованіями“. Составилъ <i>П. Полевой</i>	—
О книгѣ, подъ заглавіемъ: „Записки Якова Петровича Шахов- скаго“, издание <i>Русской Старины</i> .	—
О книгѣ, подъ заглавіемъ: „Крестьянское дѣло въ царство- ваніе Императора Александра II“. Составилъ <i>А. Скребицкій</i> .	—
О книгѣ, подъ заглавіемъ: „Руководство физики и собрание физическихъ задачъ“, составленное <i>Малининымъ и Буренинымъ</i> .	63

ОПРЕДЕЛЕНІИ ОСОБАГО ОДДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ подъ заглавіемъ: „1812 годъ. Составилъ Новаковскій. Чтеніе для народа“ 38

О книгѣ для школьн., подъ заглавіемъ: „Благочестивыи маноли и наставлениа для руководства христіану на пути къ совершенству“ 39

ОФИЦИАЛЬНЫЯ ИЗДАНИЯ.

О программѣ для преподаванія рисованія въ гимназіяхъ, про- гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, составленной особою ком- миссіей при совѣтѣ Императорской Академии изящесстъвъ. 68

ОДДѢЛЪ НАУКЪ.

Объ арабскомъ путешественнике Х вѣка Абу-Долефѣ и странствованіи его по Средней Азіи. В. Григорьева. 1

О предложеніи срѣдствъ грузинскаго языка съ индоевропейскими и турецкими языками. А. Чагарели. 46

Удѣльный князь Федоръ Юрьевичъ Фоминскій. Н. Астрова. 61

Просьба жителей западной Малороссіи о принятіи въ русское подданство 1773 года. М. Кояловича. 76

Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ среднеазіатскимъ. В. Васильева. 82

Очеркъ внутренней исторіи Пскова. А. Никитскаю 195

Древняя британская церковь. И. Морошкина. 261

Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ, преимущественно въ XV и XVI вѣкахъ. В. Макушева. 286

Международный статистический конгрессъ въ С.-Петербургѣ. П. П—ва 330

КРИТИКА И БИБЛIOГРАФІЯ.

Новые изданія по вопросу о началѣ Семилѣтней войны. 125

А. Брикнера 125

Русская исторія. Е. Н. Бестужева-Рюмина. М. Кояловича 380

ОДДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Очеркъ устройства австрійскихъ гимназій. Л. Малиновскаю 1

Русскія письменныя упражненія гимназическаго курса. И. Гас-	29
рилова	

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ.

Объ устройствѣ упражненій начальными народными училищами.

Книжные склады въ народныхъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа. А. Новоселова

11

16

Лѣтопись Демидовскаго юридического лицей съ 15-го августа 1871 по 15-е августа 1872 года. М. Клюстинъ

49

Изг҃вѣстія о дѣятельности и состояніи напечатанныхъ учебникъ заведеній, а) университетской и б) наизнанку училищъ.

74 и 305

Объ окончательныхъ испытаніяхъ въ гимназіяхъ въ концѣ 18^{71/72} учебнаго года

145

Состоаніе учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ въ 1871 году

175

О празднованіи въ учебніхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа для двухсотлѣтий годовщины рождения Императора Петра Великаго, 30-го мая 1872 года :

197

Иностранный педагогическая хроника

242

